

Лина Мраги

16+

ДЛЯ ВКУСА
ДОБАВИТЬ КАРРИ

или

Катализатор для планеты

Лиана Мраги

Для вкуса добавить карри, или Катализатор для планеты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29410998

SelfPub; 2021

Аннотация

Роман-фэнтези в трёх книгах.

Что вы будете делать, если в один прекрасный день поедете на свою дачу, а в результате окажетесь в одиночестве, в неизвестном лесу, в крови, без мобильного, денег и документов?! Жутковатая ситуация, не правда ли?! История главной героини – это история обычной девушки, которая преодолевает страх и боль, ужас неизвестности и жуткую правду реальности и постепенно, со временем открывает для себя удивительный, загадочный и прекрасный мир. Мир планеты Окатан. Сможет ли она вернуться? Сможет ли пройти путь полный опасностей, загадок, приключений и... любви? А может, это и есть её дом?! Настоящий?!

Содержание

Книга первая. Катализатор для планеты	13
Пролог	13
Часть 1. Лес	15
Глава 1	15
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	37
Глава 5	45
Глава 6	52
Глава 7	62
Глава 8	69
Глава 9	76
Глава 10	83
Глава 11	93
Глава 12	101
Глава 13	109
Часть 2. Дорога	117
Глава 1	117
Глава 2	122
Глава 3	127
Глава 4	134
Глава 5	141
Глава 6	149

Глава 7	156
Глава 8	160
Глава 9	170
Глава 10	178
Глава 11	185
Глава 12	198
Глава 13	204
Глава 14	210
Глава 15	217
Глава 16	227
Глава 17	238
Глава 18	246
Глава 19	261
Глава 20	270
Глава 21	276
Часть 3. Город	284
Глава 1	284
Глава 2	289
Глава 3	299
Глава 4	310
Глава 5	320
Глава 6	331
Глава 7	337
Глава 8	344
Глава 9	350
Глава 10	355

Глава 11	363
Глава 12	368
Глава 13	377
Глава 14	387
Глава 15	403
Глава 16	410
Глава 17	416
Глава 18	427
Глава 19	435
Глава 20	442
Глава 21	447
Глава 22	457
Глава 23	474
Глава 24	482
Глава 25	489
Глава 26	499
Глава 27	506
Глава 28	512
Глава 29	521
Часть 4. Море	530
Глава 1	530
Глава 2	538
Глава 3	545
Глава 4	552
Глава 5	562
Глава 6	573

Глава 7	583
Глава 8	588
Глава 9	593
Глава 10	598
Глава 11	603
Глава 12	609
Глава 13	614
Книга вторая. Дом Восьмого бога	620
Часть 1. Дом	620
Глава 1	620
Глава 2	632
Глава 3	637
Глава 4	642
Глава 5	649
Глава 6	660
Глава 7	672
Глава 8	683
Глава 9	695
Глава 10	702
Глава 11	716
Глава 12. Мыс Веры. Северная окраина Восточных территорий	730
Часть 2. Поместье	742
Глава 1	742
Глава 2	750
Глава 3	764

Глава 4	773
Глава 5	780
Глава 6	788
Глава 7. Гейза. Северо-восточная окраина Восточных территорий	793
Глава 8. Латрас	796
Глава 9	808
Глава 10	818
Глава 11	827
Глава 12	833
Глава 13	838
Глава 14	847
Глава 15	859
Часть 3. Шхуна	867
Глава 1	867
Глава 2	873
Глава 3	880
Глава 4	888
Глава 5	894
Глава 6. Латрас. Через несколько недель после отплытия «Чёрной медузы»	906
Глава 7. Окрестности Латраса. Кордон на северной дороге	907
Глава 8. Где-то в Северном море	918
Глава 9	928
Глава 10. Латрас. Северная окраина	931

Глава 11. Север. Тагри	934
Глава 12	940
Глава 13. Латрас	950
Глава 14. Тагри	956
Глава 15	963
Глава 16	974
Глава 17	982
Глава 18	994
Глава 19	1002
Глава 20	1013
Глава 21	1020
Глава 22	1027
Глава 23. «Чёрная медуза»	1038
Глава 24. Где-то в Северном море	1041
Глава 25	1046
Глава 26	1055
Глава 27	1060
Глава 28	1068
Часть 4. Храм	1074
Глава 1	1074
Глава 2. Латрас	1077
Глава 3. Окрестности Раски	1085
Глава 4	1091
Глава 5	1097
Глава 6. Латрас	1103
Глава 7. Неподалёку от Закатной гряды	1109

Глава 8	1116
Глава 9	1123
Глава 10	1130
Глава 11	1142
Глава 12. Столица. Заседание Совета	1147
Глава 13. Дорога на Киф	1155
Глава 14	1164
Книга третья. Запах Вселенной	1175
Часть 1. Золото	1175
Глава 1	1175
Глава 2	1185
Глава 3	1192
Глава 4. Окрестности Кифа	1201
Глава 5	1209
Глава 6	1217
Глава 7	1226
Глава 8	1233
Глава 9	1238
Глава 10	1244
Глава 11. Латрас	1248
Глава 12	1256
Глава 13. Киф	1259
Глава 14	1262
Глава 15. Латрас	1269
Глава 16	1272
Глава 17	1277

Глава 18	1280
Глава 19. Раска	1283
Глава 20	1288
Глава 21	1293
Часть 2. Книга	1299
Глава 1	1299
Глава 2	1306
Глава 3	1310
Глава 4	1316
Глава 5	1323
Глава 6. Латрас	1331
Глава 7	1335
Глава 8	1341
Глава 9	1345
Глава 10. Дирма. Южный дворец Западного терра	1349
Глава 11	1356
Глава 12	1361
Глава 13	1368
Глава 14. Латрас	1377
Глава 15	1381
Глава 16	1388
Глава 17	1396
Часть 3. Битва	1402
Глава 1	1402
Глава 2. Латрас	1404

Глава 3	1407
Глава 4	1416
Глава 5	1422
Глава 6. Перрикол. Здание городской управы	1429
Глава 7	1435
Глава 8	1440
Глава 9	1449
Глава 10	1459
Глава 11	1463
Глава 12. Столица	1466
Глава 13. Столица. Крепостные стены	1470
Глава 14	1473
Глава 15	1480
Глава 16	1485
Часть 4. Дар	1495
Глава 1	1495
Глава 2	1501
Глава 3	1507
Глава 4	1511
Глава 5	1515
Глава 6. Столица. Дворец Великого террхана	1527
Глава 7	1530
Глава 8	1538
Глава 9	1544

Глава 10	1550
Заключение	1557
Глава 1	1557
Глава 2	1562
Глава 3	1569
Глава 4	1573
Эпилог	1584

Лина Мраги

Для вкуса добавить карри, или Катализатор для планеты

Книга первая.

Катализатор для планеты

Пролог

Раздалась долгожданная трель телефонного звонка.

– Кирюш, ты где? Что так долго?

– С отчётом накосячил, поздно выехал. Стою на двадцатом километре – тут такая пробка! Ужас! Похоже, авария крупная: скорых с десятков, техники нагнали, вроде фура перевёрнутая поперёк трассы, вертолёт над рекой кружит... Что конкретно – непонятно, на мост не пускают, всех в объезд разворачивают, так что буду часа через полтора, сама понимаешь... Каринка давно приехала?

– Не приехала... А разве она не с тобой?

На другом конце повисла тревожная тишина.

– Нет. Позвонила в обед, сказала, что освободится раньше и как раз на трёхчасовую маршрутку успевает, чтобы я за ней не ехал... Катя, спокойно... Мало ли где она застряла?! Набери её, а я... – голос оборвался, короткие гудки.

Снова пронзительный звон мобильного, неизвестный номер:

– Служба МЧС беспокоит...

Часть 1. Лес

Глава 1

Первый раз я очнулась в каких-то кустах, лёжа на земле: вокруг туманные сумерки, высокие стволы деревьев, колыхающиеся тени. В голове шумело и звонко стучали молотки, будто несколько кузнецов ударно выполняли квартальный план. Всё тело жутко болело и как бы окаменело. Было страшно даже дышать.

Я медленно поднесла руки к глазам и пошевелила пальцами. Двигаются... Чувствовалось, что я вся в какой-то липкой жиже. «Судя по запаху – кровь...» – подумала я. Сильнейшая боль в затылке пронзила до самых пяток, когда я попыталась поднять голову. Полежав неподвижно ещё несколько минут и переведя дыхание, я начала тихонько поворачиваться набок, предпринимая попытку встать на ноги. Кое-как поднявшись на колени, я привалилась к ближайшему стволу. Перед глазами всё плыло и кружилось. А кузнецы в голове вместе с кузней сели в поезд, который понёсся по рельсам с адским грохотом: ту-тух-ту-тух, ту-тух-ту-тух, ту-тух-ту-тух...

Немного отойдя от этого стука и поползав вокруг дерева, я обхватила руками ствол и, прижимаясь к нему словно к

родному, начала вставать. После третьей попытки всё получилось. Очень сильно болело и почти не двигалось правое плечо, а левую ногу я совсем не чувствовала. «Только бы не было открытых переломов... Только бы не было открытых переломов...» – как заведённая повторяла я и стояла, обняв шершавое дерево, пытаюсь хоть как-то собрать мысли в кучу или хотя бы в кучку. Из-за грохота в голове сделать это было сложно: поезд громыхал колёсами, а кузнецы молотками.

Глаза уже немного привыкли к полумраку. С двух сторон были какие-то заросли, а впереди небольшая полянка. Вихрь панических мыслей бушевал в голове: «Наверно сегодня полнолуние, если в лесу так светло. Надо как-то выйти на дорогу, здесь вряд ли меня найдут, если, вообще, будут искать. Спасение умирающих дело рук самих умирающих. Вот же угораздило сесть в эту маршрутку, нет чтобы дождаться Кирилла и спокойно поехать с ним на машине. Понесли же какие-то черти добираться своим ходом! Вот и приехали! А теперь я сдохну в этом лесу! Умру от потери крови, и меня съедят дикие звери! Нет! Я не хочу, не хочу так умирать!»

Хлынули слёзы и, обняв дерево, я завывала. Прорыдав так некоторое время и размазав грязь и кровь по щекам, я начала прислушиваться, в какой стороне может быть трасса. Где-то вдалеке, как раз в направлении полянки, слышались непонятные звуки. «Так, мне туда...» – решила я и, отцепившись от уже любимого дерева, сильно хромая и стиснув зубы от дикой боли, поковыляла вперёд. Уже знакомые черти всё-

таки решили меня добить. Когда я сделала очередной шаг, земля провалилась и я с жутким воплем полетела в чёрную пропасть.

Второй раз я очнулась от яркого света, бившего прямо в глаза. Вокруг слышались какие-то голоса, и показалось, что меня куда-то несут. Я не ощущала своего тела, не чувствовала ничего, кроме стука поезда в голове, а из-за яркого света не различала того, что происходило вокруг. «Наверно, я сломала шею и теперь парализована, – пришла мысль, а за ней другая: – Лучше умереть, чем жить инвалидом!» Так я подумала и опять отключилась.

Третье моё пробуждение было уже более интересным. Открыв глаза, я увидела над собой бревенчатую крышу со свисающими нитками мха и каменную стену со шкурами каких-то животных. Где-то рядом говорили люди хриплыми голосами, но слов было не разобрать. Надо мной наклонился человек с жуткой рожей и страшным шрамом через всю щёку, потом другой – ещё более безобразный, с наполовину лысой головой. Я попыталась заговорить, но язык не подчинился абсолютно, выходило лишь какое-то мычание. Перед глазами поплыл туман, вся картинка смазалась, и я опять потеряла сознание.

Следующее пробуждение началось с того, что меня хотели напоить. Моя бедная, разбитая голова была перевязана, а рядом сидел какой-то парень и, поддерживая меня, пытался влить мне в рот что-то из маленькой плошки. Жадно выла-

как горьковатое содержимое, я попросила ещё, но меня не поняли. Тогда, приподняв руку, я жестом показала, чего хочу. Он кивнул и принёс новую порцию. Когда я напилась от души, то даже дышать стало легче. Поезд из моей головы уже уехал, а вот кузнецы продолжали усиленно трудиться.

Я опустила глаза вниз, на себя, и увидела, что укрыта какой-то дерюгой: правая рука туго примотана в согнутом положении к груди, а плечо неподвижно зафиксировано. Попытка пошевелить ногами показала, что левая полностью перевязана и почти нечувствительна ниже колена, а правая вроде в порядке. В общем, первая помощь мне оказана и шею я не сломала. Это радовало, только не покидало какое-то явное ощущение дискомфорта. Относительно целой левой рукой, в порезах, кровоподтёках и царапинах, я приподняла дерюжку. Ну вот, всё понятно, откуда это неудобство. Я лежала голая. Полностью. На грязном тюфяке, набитом то ли травой, то ли соломой. Та-а-ак! Весёленько! Повернув голову, я глянула на сидящего рядом юношу. Он, в свою очередь, также смотрел на меня.

– Ты кто? – спросила я.

Он слегка улыбнулся и что-то сказал.

– Я тебя не понимаю...

Он начал говорить и в его речи явно слышались вопросительные интонации. Он о чём-то меня спрашивал, а я ничего не могла ответить, так как не понимала ни слова. Я только отрицательно покачала головой и попыталась пожать плеча-

ми. Получилось лишь одним. На каком языке он говорил, было непонятно, его речь не походила ни на одну из тех, что мне приходилось когда-либо слышать. Тут снаружи раздались голоса и парень, успокоительно похлопав меня, отошёл в сторону.

Обведя взглядом помещение, я пришла к выводу, что лежу в самой настоящей землянке или хижине. В центре был очаг, сложенный из крупных камней, в котором горел огонь. Над ним, на перекладине с крюком, висел большой котёл, в котором что-то булькало. Вдоль стен располагались такие же мешки-тюфяки, на каком лежала я. Из некоторых торчала солома, а сверху валялись дерюжки, наподобие той, что прикрыли меня. В хижине было довольно светло. Свет проникал сквозь широкие, в некоторых местах, щели между брёвнами, а также через отверстие в крыше, куда уходил дым.

Мне пришлось отвлечься от осмотра этого чуда деревянного зодчества, так как слегка скособооченная дверь отворилась, и в хижину завалились они... От страха и ужаса я сжалась так, что многочисленные болячки мигом дали знать о себе сильнейшей болью по всему телу. Перед глазами опять всё поплыло, а потом навернулись слёзы.

Я увидела четырёх здоровых мужиков, пятым был уже знакомый парень. Экземплярчики ещё те! Страшные, морды злющие, заросшие щетиной, какие-то перекошенные все, в странных рубахах со свисающими то ли шнурками, то ли верёвками. В руках они несли громоздкие мешки, которые

покидали по углам с жутким лязгом, и с дружным гоготанием попадали вокруг очага на тюфяки. В ужасе я зажмурилась: «Вот угораздило меня, так угораздило. Попала по полной! Голая, перекалеченная и пять взрослых диких мужиков неизвестно где, в каком-то лесу. Да они сделают со мной всё, что захотят! А как наиграются, прикопают где-нибудь в овражке, и дело с концом».

Пока я переваривала в себе эти мысли, разговор компании возле очага, видимо, переключился на мою персону, так как уже знакомый юноша, сидя на перевернутом деревянном ведре, что-то говорил одному из этих страшилищ, периодически кивая в мою сторону. Страшилище неспешно поднялось и подошло ко мне. Я лежала, замерев от страха.

Передо мной стоял высокий широкоплечий мужчина непонятного возраста с длинными, тёмными волосами и в серой рубаше с закатанными рукавами, а тёмно-коричневые штаны были заправлены в высокие сапоги до колен. Всю правую половину его лица обезображивал рваный красно-багровый шрам, из-за которого правый глаз был гораздо уже левого, а угол рта подтянут кверху. Казалось, что он ехидно ухмыляется.

«Типичный бандитский атаман, – пришла мысль. – Лучше и не придумаешь». Тем временем «атаман» стоял, скрестив на груди загорелые мускулистые руки, и, разглядывая меня, что-то спрашивал у моего знакольца. Тот спокойно отвечал. Быстро наклонившись, мужчина приподнял тощее одеялко,

которым я была укрыта, и начал рассматривать моё покаленное тельце, отдыхающее на соломке.

Удовлетворённо хмыкнув, он прикрыл меня и, хлопнув стоящего рядом юношу по плечу, вернулся к остальным. «Фу, пронесло, – подумала я. – Будем надеяться, что, пока я в таком состоянии, за плотскими утехами ко мне не полезут». Но я ошиблась. «Веселье» меня ожидало очень скоро.

Глава 2

Почти целый день, с небольшими перерывами, я спала. Два раза меня покормили каким-то довольно вкусным супом, проверили раны, поменяли повязки. В общем, заботились. И всю эту заботу предоставлял тот же юноша. Остальные не подходили ко мне: отсыпались, ели, бродили туда-сюда по своим делам и только искоса поглядывали в мою сторону. Кузнецы в моей голове продолжали неутомимо трудиться, выдавая на-гора план по ковке, из-за чего все мысли разбегались, и я ни на чём не могла толком сосредоточиться.

Отдельная история случилась с туалетом. Очередной раз проснувшись, я поняла, что хочу по-маленькому так, как никогда в жизни не хотела. Мочевой пузырь готовился лопнуть в любую секунду. «Так, надо срочно вставать, и плевать, что голая, тут уже не до стыдливости. Замотаюсь в одеяло и поковыляю наружу до ближайших кустов», – разработала я план действий и начала вставать, опираясь здоровой рукой

на тюфяк и поставив босые ноги на земляной пол. Голова резко закружилась, стук в ней усилился, и очень захотелось упасть обратно, но попасть в кусты хотелось ещё сильнее.

Я медленно встала, ноги еле держали, постояла так несколько секунд, пытаясь свободной рукой обмотаться своей дерюжкой, но тут вошёл мой лекарь. Увидев мои муки, он быстро подскочил и хорошенько сам замотал меня. Я сделала просящие глаза и характерным движением, слегка присев и сжав колени, умоляюще уставилась на него. Мальчик всё понял. Быстро усадив меня обратно, он живенько порылся в какой-то куче, нашёл такую же дерюжку, только гораздо больше, и верёвку. Натянув верёвку на торчащие из стен крючья, он перекинул дерюжку через неё и соорудил шикарную занавеску, которая полностью загораживала мой угол от остальной части хижины. После принёс деревянное ведро, на треть заполненное водой, и поставил его за эту занавеску. Кустики отменялись. Вместо кустиков было предложено ведро. Всё это проделав, парень подмигнул мне и вышел.

Господи, какое же это счастье – наконец-то сходить в туалет! Бухнувшись обратно на солому, я блаженно вздохнула. Через несколько минут он вернулся, поменял ведро на другое, а предыдущее вынес. Я молча наблюдала за ним и думала: «Ходить, хоть и со скрипом, я могу. Почему меня нельзя вывести на улицу и не заморачиваться с вёдрами? Похоже, не хотят выпускать, но может, мне ходить пока просто нельзя? Ну и ладно, нравится – пусть выносит. Только надо

разобраться, где я и кто эти странные люди». Так как с помощью речи это выяснить было невозможно, я начала, насколько могла из-за головной боли, внимательно наблюдать за странными соседями и, наверняка, моими будущими насильниками и убийцами.

На вид это были чистые бандиты. На каждом какие-либо увечья, агрессивные лица, хотя и не такие страшные, как мне показалось поначалу. Самым приятным из них был, естественно, парень, который мне помогал. Во-первых, он был моложе остальных, лет восемнадцать-двадцать, худощавый, но с широкими плечами, а во-вторых – он очень мило улыбался и заботился обо мне. Хотя у него, как и у атамана, был шрам на лице. Рубец рассекал левую бровь и через широкий лоб, слегка ветвясь, уходил в волосы, разделяя их косым пробором. В принципе, это не портило его симпатичное лицо с прямым носом, чётко очерченными губами, твёрдым подбородком и мягкой ямочкой на левой щеке, которая появлялась, когда он улыбался.

Остальные были довольно жутковатыми типами. Самый крупный из них, про себя я назвала его Гоблин, был выше всех как минимум на полголовы, с мощным торсом и огромными лапищами. Короче говоря, гора мускулов. На левой руке у него не хватало двух пальцев, мизинца и безымянного, нос расплюсчен, а маленькие глазки зорко поглядывали из-под кустистых бровей. Второй, самый маленький из пятерых, был жилистый и шустрый, с быстрыми, суетливыми движе-

ниями. У него не было верхней части одного уха, а сальные тёмные волосы завязаны в тощий хвостик на затылке. Его я окрестила Мелкий. Третий же получил кличку Плешивый за то, что на всей верхней части головы, ото лба до макушки, красовался след от старого ожога, естественно, волос на этом месте не было. Из всех он был самый противный.

Одеты они были почти одинаково, так как свои лохмотья сменили на более чистую и целую одежду: коричневые или почти чёрные штаны, заправленные в мягкие сапоги до колен, и серые рубашки со шнуровкой на груди с закатанными рукавами. У Гоблина был широкий чёрный пояс с дырочками, а у остальных ремни с крупными пряжками. В общем, если привыкнуть и присмотреться, не такие уж и чудовища.

Парень, который за мной смотрел, в мыслях я начала звать его Нянь, каждый день несколько раз поил меня какой-то горькой тёмно-бурой жидкостью. Когда я пыталась отказываться, он делал сердитое лицо и настойчиво протягивал мне плоску с этой бурдой. Я обречённо вздыхала и выпивала залпом. «Может, лекарство какое...» – предполагала я.

Где-то дней через пять-шесть, после того как я окончательно пришла в себя, чуть не случилось то «веселье», которого я так боялась. Очень показательная оказалась ситуация. С самого утра в хижине, кроме меня и бегавшего туда-сюда по хозяйству Няня, никого не было. Уже ближе к вечеру снаружи донеслись знакомые голоса, гогот и развернулась невидимая мне деятельность. Нянь носился из хижины

и обратно, подкладывал дрова и хворост в очаг, параллельно сооружая над огнём какую-то конструкцию, подозрительно напоминающую мангал.

Когда в открытой двери показались Мелкий с Гоблином, я поняла, где все были почти весь день. Они ходили на охоту. На здоровенные шампуры, которые Мелкий держал в руках, были нанизаны крупные куски мяса. А Гоблин нёс длинный железный прут, на котором висела часть туши какого-то зверя. Мужчины были довольные, весело перекидывались непонятными для меня фразами и дружно хохотали. Охота удалась. Приготовлением всего этого мясного пиршества занялся Гоблин. Он ловко орудовал возле очага, прямо как заправский повар-армянин в какой-нибудь летней кафешке: «Падхады, дарагой! Такой шашлик! Палчыки аближэшь!» Представив эту картину, я тихонько рассмеялась.

Вскоре по хижине разлился аромат жареного мяса. Я очень надеялась, что и мне перепадёт кусочек: от запаха текли слюни, а голод давал знать о себе уже давно. Вся компания расселась вокруг в ожидании. Атаман принёс какие-то большие бурдюки и начал разливать содержимое по глиняным кружкам. Стало ясно, что грядёт грандиозная пьянка, и есть как-то сразу расхотелось. Я вжалась в свой угол. Ну вот, сейчас наедятся, наклюкаются и полезут ко мне за развлечениями.

Поначалу всё было нормально. Гоблин раздал всем шампуры, Нянь накидал в миски каких-то корнеплодов и зеле-

ни, и все дружно принялись за еду, раз за разом потягивая из кружек. Мне тоже досталась миска с ароматным куском и немаленькой кучкой зелёной травки с красными прожилками. Я смотрела на дымящееся горячее мясо и думала, что, возможно, это последний кусок мяса в моей жизни и, может быть, самый последний ужин. Почему же я не ем? Если уж помирать, то не на голодный желудок. Приговорённого к смерти обычно кормят перед казнью, так сказать, в последний раз. И я принялась за еду. Мясо было жестковатым, но вкусным, корнеплоды чем-то напоминали картошку или свёклу, а зелень просто потрясающая. Очень вкусно!

Пока я усиленно жевала, мужики продолжали пить. Завязался оживлённый разговор, что-то активно обсуждалось. Постепенно градус эмоций начал повышаться. Я старалась ловить каждое слово. Очень хотелось понять, о чём же идёт речь, хоть я и знала, что это бесполезно. Несколько раз даже показалось, что я расслышала знакомые слова. Вдруг Плешивый вскочил и, обращаясь к Атаману, начал что-то ему громко доказывать. Атаман полулежал на тюфяке, облокотившись спиной о бревенчатую стену, и прихлёбывал из кружки. Тут Мелкого тоже пробило, и он начал вроде как поддакивать. Атаман молчал, только было заметно, как постепенно напрягается его лицо. Гоблин с Нянем сидели молча, уставившись в свои миски. Мелкий тоже вскочил, забегал вокруг очага, и они уже на пару с Плешивым вопили что-то своему главарю, тыкая пальцами в мою сторону. «Ну всё! –

промелькнула мысль. – Только бы долго не издевались, пусть насилуют, пусть убивают, только побыстрее».

И вдруг Плешивый подскочил ко мне, схватил за волосы и сбросил на земляной пол, а одним прыжком оказавшийся рядом Мелкий резким движением сдёрнул тонкое одеялко. Я, скорчившись, сидела на земле. Плешивый очень больно вцепился в голову и держал так, что я не могла её опустить. Я только и думала о том, что не буду плакать, не буду кричать, всё равно меня никто не поймёт. Сидела и смотрела на них злыми глазами, стиснув зубы и сжавшись до предела. Уже было всё равно, что на мне, кроме нескольких повязок, ничего нет.

Атаман неспешно встал. Я заметила, как подёргивается угол его рта, с той стороны, где лицо изуродовано. Он пошёл медленно, плавно раскачиваясь. Движения были настолько текучими, что казалось, будто он идёт не по земле, а мягко ступает по облакам. Как всё случилось дальше, я не уловила. Одним молниеносным движением он уложил обоих моих обидчиков. Секунда – и они уже корчились рядом на земляном полу.

Мужчина сделал несколько кругов вокруг нашей живописной кучки. Сказать, что он двигался с грацией хищника – ничего не сказать. Он напомнил мне кобру и удава одновременно. Кобру за её скорость и непредсказуемость броска, а удава за его силу. Осталось впечатление чего-то змеиного и очень опасного. Каждый мускул источал такую силу, что я

пришла к выводу, что самый сильный и опасный в этой компании не Гоблин, а Атаман, хотя по внешности этого не скажешь. В подтверждение моих мыслей главарь схватил обоих стонущих у его ног мужиков за шкурку, как котят, и выволок наружу. Что уже происходило там, я не видела.

Подтянув к себе тонкое одеялко, я медленно отползла в свой угол. Кое-как прикрылась, упала на тюфяк и, спрятавшись за занавеской, перевела дух: «Вот и погуляли!» Через несколько минут за занавеску просунулась рука с кружкой. Это была рука Няня. «У-у-у, предатель! Даже глаз не поднял, когда эти двое на меня накинулись, не попытался ничего сделать, скотина, – я страшно на него разозлилась. – Если бы не Атаман, то эти уроды порвали бы меня на части, а он даже не смотрел в мою сторону. Больше всех его ненавижу!» Отпихнув руку с кружкой, я отвернулась. В тот день меня уже никто не беспокоил и через какое-то время я заснула.

Глава 3

А утром меня ждала целая куча, так сказать, подарков разного свойства. Когда я открыла глаза, то первое, что увидела – это маленький букетик мелких голубеньких цветочков, перевязанных тонкой бечёвкой. «Грехи замаливает, гад, – подумала я и отпихнула букетик. – Не прощу!» Привстав со своего ложа, я увидела лежащую рядом одежду. Это были такие же, как и на остальных, коричневые штаны на завязках и

серая рубаша со шнуровкой вместо пуговиц. «Ну наконец-то! Сколько же можно голышом валяться?! А моя одежда, интересно, где? И кто такой добрый, что пожертвовал свои шмотки?» День начинался приятно.

Одевание потребовало немалых усилий. Хотя моё плечо ещё было туго замотано, но рука уже двигалась, а синяки и кровоподтёки на ней начали заживать. Скрипя зубами от боли, я кое-как натянула рубашку. И в ней же утонула, хотя подозреваю, что мне нашли самую маленькую. «Наверное, у Мелкого забрали...» – подумала я. И только одеваясь, поняла, как сильно похудела. Я никогда не была худой, но и толстой тоже, хотя периодически сидела на разных диетах, пытаюсь хоть немного приблизиться к тонким длинноногим красоткам из глянцевого журналов. По ощущениям и из того, что можно было рассмотреть – это руки, ноги, живот, я потеряла килограмм семь-десять, если не больше. Мои конечности стали гораздо тоньше, небольшой животик исчез совсем, даже ввалился, а на бёдрах хорошо прощупывались суставы. Вот и сбылась мечта! Я тонкая, звонкая и прозрачная. Только и врагу такой диеты не пожелаешь. И лишь взяв штаны в руки, я обратила внимание на очередной сюрприз. К моей правой здоровой ноге была привязана верёвка. «Вот те раз! Привязали! Только зачем?! – глядя на ногу, я удивлённо хлопала глазами. – Руки у меня работают, что мешает мне её развязать? Ерунда какая-то... А как же я штаны надену?»

А дальше было уже совсем интересно. Недолго думая, я

наклонилась и попыталась отвязаться. И тут в глазах словно всё расплылось. Я резко откинулась обратно: «Что за чёрт?» Снова наклонилась и опять всё поплыло. Тогда я нащупала пальцами узлы и попыталась распутаться наощупь. Узлы были твёрдыми, туго сплетёнными между собой и не поддавались. «Да, что ж такое-то? Что за глюки?!» Я опять отодвинулась назад, и зрение тут же пришло в норму. Я чётко видела свою ногу, верёвку, переплетение узлов, место, откуда торчал длинный конец, лежащий на полу и уходящий под мою шторку. Я ещё раз нагнулась, но всё повторилось.

Я пробовала и так и этак, крутилась, вставала, пыталась подтянуть ногу к носу, и всё это сопровождалось кряхтением, сопением и гримасами боли. Но ничего не выходило. Меня разобрал какой-то дурацкий азарт, смешанный со злостью. Я обломала все ногти, но толку не добилась. И только после этого заметила, что, подпирая дверной косяк, стоят Нянь с Атаманом и с ну очень большим интересом наблюдают за моими муками. Нянь держал в руке другой конец моей верёвки и слегка им помахивал. Я не придумала ничего другого, как показать пальцем на верёвку, выразительно пожать здоровым плечом и, разведя руками, уставиться на обоих. Как они заржали! Давненько, наверно, стояли. Я тоже улыбнулась: действительно смешно.

Когда они более-менее успокоились, Атаман махнул на меня рукой и, вытирая слёзы, вышел. А Нянь, продолжая хихикать, смотал свободный конец этой странной верёвки на

руку, подошёл ко мне и, взяв штаны, протянул моток сквозь одну штанину. Когда я справилась с завязками, то штаны на мне превратились в шаровары. Ну хоть так и то хорошо, всё-таки одежда. Пока я возилась со штанами, Нянь сходил в другой угол, порылся в мешке и поставил передо мной короткие мягкие сапожки, смахивающие на угги. «А вот и обувка!» – обрадовалась я. Сапожки были старые, уже сильно потрёпанные жизнью и, естественно, большие, как минимум на пару размеров. Но как говорится, «на безрыбье...»

Наконец-то я смогла выйти наружу. И пусть меня вывели, как собаку на поводке, всё равно это было здорово. Сначала яркий дневной свет ослепил, но глаза быстро привыкли. Я глубоко вздохнула, голова закружилась, и я припала спиной к ближайшему дереву. Как же хорошо! Было очень тепло, но не слишком жарко. «Странно, – подумала я. – Когда я ехала в этой треклятой маршрутке на нашу дачу, стояло тёплое сухое, но бабье лето. Было начало октября. А сейчас лето... самое настоящее. Или время вернулось назад, или я нахожусь в каких-то других широтах, гораздо южнее? Не могла же я провести в отключке почти год?!» Я окинула взглядом окрестности: вокруг лес, не очень густой, но и не редкий; местность неплоская, частично каменистая, кругом проступают скальные породы. «Какие-то предгорья, – подумала я. – И каким же образом я здесь очутилась? Ничего не понимаю!» Там, где я жила, никаких гор и в помине не было. Моему лекарю, видно, уже надоело стоять рядом и, сделав

рукой характерный жест, он пошёл вперёд. Я поковыляла за ним.

Обойдя нашу хижину, которая, оказывается, была пристроена одной стороной к невысокой скале, мы углубились в лес. Спустившись в небольшой овражек и пройдя через кусты, я увидела очередное сегодняшнее чудо. Из жердей и длинных кольев, накрытых разлапистыми ветками, был сооружён симпатичный шалашик, зайти в который можно было не наклоняясь, мне во всяком случае. А когда я заглянула внутрь, то обалдела. Это был самый настоящий туалет! Почти такой же, как до сих пор можно встретить у нас в деревнях. Клозет типа сортира. Но самое прикольное, что свои дела в нём можно было делать сидя. Укреплённую сверху толстыми досками отхожую яму венчала конструкция с дыркой, а на ней нечто типа ящика, тоже с дыркой, да ещё и кожей обито. Добротно. Я заулыбалась: «Ну прямо рай!» Видя мой восторг, Нянь ухмыльнулся и, сделав приглашающий жест, повёл меня дальше показывать местные достопримечательности.

Мы вернулись к хижине, и двинулись в противоположную сторону. Шли не более десяти минут, когда я услышала звуки водопада. Но тут из-за деревьев нам навстречу вышли Мелкий с Плешивым. Оба были полуголые и мокрые. Когда они поравнялись и я разглядела их рожи, то моему злорадству не было предела: «Вот это праздник души! Ай да Атаман! Отлично провёл воспитательную работу. Десять

баллов! Так вам и надо, ублюдки!» Их лица напоминали мясной фарш: заплывшие глаза, распухшие носы, развороченные рты. Плешивый на меня злобно зыркнул, а Мелкий сделал вид, что меня не заметил, хотя как вообще он мог видеть сквозь такие щёлочки?!

Я шла за парнем, и меня просто распирало от радости: «Какой всё-таки сегодня замечательный день, несмотря на то что меня привязали. Вчера вечером я готовилась умереть, а сегодня свалилось столько впечатлений. Теперь точно меня никто не тронет! По-моему, Атаман решил оставить меня только для себя. Что ж, в принципе, это не так уж и страшно, лучше он один, чем все пятеро». В том, что главарь банды вскорости потребует плату за своё покровительство, я ни секунды не сомневалась. Однако и панического ужаса перед ним уже не испытывала: он справедлив и умеет смеяться, значит, как-нибудь справимся.

Пока я была в этих мыслях, мы пришли. Ну сегодня точно мой день! Изящный маленький водопад, окружённый зеленью, вытекал прямо из скалы. С высоты пяти-шести метров вода летела вниз в почти круглое озерцо и дальше текла весёлым ручейком. Тут Нянь взял меня за руку и повёл к воде, я ещё сильно хромала. Когда я попробовала войти в воду, парень меня не пустил. Он показал на мою перевязанную ногу и отрицательно покачал головой. «Ага, мочить нельзя, – догадалась я. – Ну да ладно, раз нельзя искупаться целиком, искупаем половину». Я улеглась животом вниз

на большой плоский камень и посмотрела в воду. Она была кристально прозрачной, на дне видно каждый камешек, даже самый маленький. Дальше, в глубине, плавали необычные рыбки с очень длинными плавниками и хвостами, которые лениво колыхались от движения воды.

Мне очень хотелось взглянуть на себя и поэтому, слегка приподнявшись, я попыталась увидеть своё отражение. Несмотря на то что вода не была абсолютно спокойной, я смогла разглядеть, что на меня таращится бледное чучело с запавшими глазами и торчащими во все стороны короткими волосами, под правым глазом которого расплылся огромный синяк почти до середины щеки. А я-то всё думала, почему так болит пол-лица, списывала на головную боль. На секунду закрыв глаза, я попыталась представить, как выгляжу со стороны: фонарь под глазом, бледная как смерть, тощая, замотанная в повязки, в одежках, будто с пугала сняли, и с волосами как у дикобраза... «Красотка ещё та!» – сказал в голове какой-то голос. «Очень точное замечание», – подтвердила я, как видно самой себе, и продолжила самолюбование.

Остаётся задаться вопросом: как кто-то мог чего-то от меня хотеть? Да на меня стоило только посмотреть, чтобы залиться слезами жалости. «Но я до сих пор жива и не умираю от заражения крови или какой-либо инфекции. У меня нет серьёзных переломов, и я уже могу ходить. А раны заживут, и голова пройдёт, рано или поздно», – я улыбнулась отражению и, поддавшись какому-то наитию, быстро сунула голову

в воду. Вода была очень холодная, но такая освежающая и живая, что, вынырнув, я завопила диким голосом. Мне хотелось жить!

Оказывается, всё это время, пока я общалась с водной стихией, мой Нянь сидел позади и держал меня за ноги. Оглянувшись на него, я поняла, что мальчик слегка в шоке от такого поведения. От воды он оттащил меня практически силой и, усадив на ближайший камень, начал снимать мою рубашку. Я сперва не поняла зачем, но увидев, как он ловко развязывает повязку, догадалась. Он решил проверить, как там всё заживает.

Из того, что можно было увидеть, выходила неприятная картина. Моё правое плечо было порвано, а точнее, разорвано в клочья. Грубые швы, с ёжиками торчащих ниток, начинались от локтя и, проходя вдоль ключицы, достигали основания шеи. Багровые кровоподтёки и синяки дополняли образ. Смотреть было страшно, и я отвернулась. Выступили слёзы, но всеми силами я старалась не заплакать. А это я ещё ногу не видела. Там то же самое, судя по ощущениям, если не хуже.

Что же со мной такое случилось, что я оказалась неизвестно где, в компании каких-то бандюганов, говорящих на непонятном языке? Аварию я помнила до того момента, когда машина въехала на мост, а через несколько секунд удар... «бусик» закрутило, крики людей, сидевших сзади, визг тормозов, потом ещё удар и открывшаяся прямо передо мной

дверь. Очень похоже, что в неё меня и выбросило, а дальше чернота и пустота. А уже потом лес, деревья, ощущение боли и опять я проваливаюсь куда-то и лечу в темноту. Одни вопросы и никаких ответов.

Из-за почти непрекращающейся тупой головной боли соображалось туговато, но в целом чувствовала я себя уже не так плохо. Пока я сидела в горестных мыслях, Нянь осмотрел, что хотел, и прощупал некоторые места вокруг моих ран. Я сидела спокойно, лишь слегка морщилась от боли. Парень, довольно хмыкнув, обрядил меня обратно в повязки, и мы потопали назад.

Когда мы вернулись к землянке, я, не дойдя до входа, бухнулась на травку и, прислонившись к бревенчатой стене, перевела дух. Больная нога разболелась ещё сильнее, голова гудела, дыхание сбилось, и накатила слабость. «Да-а-а, слаба ты, старушка, слаба... – посетовала я. – Ну ничего... Руки-ноги целы, голова на месте, хоть и болит, переломов нет, а мясо нарастёт. Главное, что до сих пор жива и чего-то плохого мне никто ещё не сделал. Нянь, наверно, с того света вытащил, подлатал как мог, заботится как умеет. Всё очень даже неплохо: как-нибудь, потихоньку-помаленьку, выкарабкаюсь и разберусь во всём, всё выясню, рано или поздно. А пока надо выздороветь».

В подтверждение моих мыслей Нянь сходил в землянку, принёс плошку с коричневой горькой бурдой и протянул мне. Скривившись, я выпила. Эх, знала бы я тогда, чем он

меня поит, то не кривилась бы, а добавки просила! Приняв пустую плошку, парень присел рядом. Он внимательно рассматривал моё лицо, волосы, а потом взял мою ладошку в свои руки и начал успокоительно и мягко поглаживать, при этом что-то говоря по-своему. Как хотелось понять, что он говорит! Я сидела и просто смотрела на него.

Глава 4

После этого первого «выхода в свет» я проспала почти сутки. Проснулась от голода, потому что снилась мне еда. Во сне я видела себя в гостях: сижу за огромным столом, заставленным всякими деликатесами. Вокруг люди: едят, пьют, громко разговаривают. Я пытаюсь что-то съесть или выпить, но ничего не выходит. Я накалываю на вилку сочный кусок мяса, а в рот попадает только вилка, пытаюсь глотнуть из хрустального бокала, а ничего не льётся. Я злюсь, начинаю хватать с тарелок руками, но до рта ничего не могу донести и вместо вкусных котлет ловлю лишь воздух. От полного бессилия и волчьего голода я беру большую вазу, разбиваю её о пол и просыпаюсь...

Кроме Няня, в хижине никого не было. Он сидел возле очага и что-то помешивал в котелке. От аромата ухи потекли слюни. Заметив, что я проснулась, он улыбнулся, на щеке появилась симпатичная впадинка, которая так мне нравилась, и, показав рукой на котелок, как бы спросил: «Хо-

чешь?» Я бодренько закивала. В меня влезло: миска потрясающе вкусной ухи и две небольшие рыбины. Всё это время юноша сидел напротив и наблюдал за моим завтраком с довольной улыбкой.

После умывания над ведром и хождения в туалет на поводке он уложил меня на лежанку и начал снимать повязки. Вскоре я поняла, что он собирался сделать – снять швы. Обрабатывал меня мой лекарь довольно долго. Иногда было больно, но я терпела. Закончив с плечом, он перевернул меня на живот и размотал ногу. Очень хотелось увидеть хоть что-нибудь, но Нянь раз за разом отпихивал меня, не давая взглянуть.

Когда же он всё сделал и протёр мою многотрадальную конечность какой-то вонючей жидкостью, то разрешил посмотреть. Кое-как вывернувшись и привстав на здоровой руке, я оглянулась. Чего-то подобного я и ожидала. От середины задней стороны бедра начиналась самая длинная рана, которая тянулась почти до пятки, другая – короче, из-под колена и до косточки на голеностопе, а третья – небольшая, но очень страшная, в виде латинской буквы «V», с внутренней стороны икроножной мышцы.

Я внимательно рассмотрела свои раны. С медицинской точки зрения, они выглядели неплохо: ни воспаления, ни гноя, ни других подозрительных признаков; чистые, сухие, заживающие. «Дело идёт на поправку, – я облегчённо вздохнула. – Только смотреть жутковато».

– Спасибо тебе, Нянь! – вслух поблагодарила я. – Спасибо за всё!

Он вопросительно приподнял рассечённую напополам бровь.

– Спасибо тебе, – я повторила, взяла его за руку и пожала.

В ответ он слегка склонил голову и приложил ладонь к груди, как будто говоря: «Всегда пожалуйста!» Я засмеялась – он понял. Потом Нянь снова перебинтовал меня и вывел наружу.

«Волшебная» верёвка на моей ноге всё так же висела, один конец которой Нянь привязал к дереву возле хижины, а сам занялся своими делами. Я сидела на тёплом камне, подставив лицо солнцу, рассматривала лес и потихоньку наблюдала за парнем. Вопрос о том, где я, до сих пор оставался открытым.

Остальные вернулись ближе к вечеру. Сначала пришли Мелкий с Гоблином и принесли целый мешок свежевыволовленной рыбы, а примерно через час вернулись Атаман с Плешивым – эти были на охоте. На какого зверя они ходили, я не поняла, так как цельной туши при них не было: большие куски мяса были завернуты в крупные, как у лопуха, листья.

Следующие два дня я наблюдала бурную деятельность: рыбу чистили, солили, коптили, вялили; с мясом делали то же самое. Точили ножи, кинжалы, короткие мечи. Складывали в мешки верёвки, одеяла, одежду и какие-то железки. «Пойдут на «дело», – решила я. – Возможно, далеко и на-

долго».

Ни к каким работам меня не привлекали. Мелкий и Плешивый в мою сторону вообще не смотрели, их рожи ещё всю сияли шикарными «фонарями». Нянь вёл себя, как обычно, заботливо, Атаман лишь изредка поглядывал в мою сторону, а для Гоблина меня не существовало.

Мне понравилось за ними наблюдать. Правильно говорят, человек может бесконечно долго смотреть на три вещи: как горит огонь, как течёт вода и как работает другой человек. Пятеро моих знакомцев трудились слаженной командой, прямо загляденье. А на рассвете третьего дня они ушли. Лёжа тихонько за своей занавеской, я видела в щёлку, как уже в дверях Атаман что-то сказал Няню и кивнул в мою сторону. Тот коротко ответил и главарь вышел. Мы остались вдвоём.

Я облегчённо вздохнула: «Пусть бы подольше не возвращались!» С Нянем мне было хорошо и спокойно. Я заметила также, что с уходом остальных парень заметно расслабился: постоянно улыбался, брал меня за руки, садился всегда рядышком. Мальчик мне нравился, а учитывая, что он сделал и продолжал делать для меня, то дело уже было не только в симпатии. Я чувствовала, что начинаю к нему прикипать.

Мои раны хорошо затягивались, и я уже довольно живо могла ковылять, только голова ещё ощутимо болела. Повязок на мне уже не было, Нянь снял их через несколько дней после ухода нашей компании. Каждый день, ближе к вечеру,

мы ходили к водопаду. Я была всё время на привязи, которую никакими усилиями так и не смогла снять, но, к слову сказать, привязка эта мне уже не мешала, я даже к ней привыкла. Чтобы освободить руки, Нянь привязывал другой конец верёвки себе на пояс, а часть длины сматывал и вешал на плечо.

Дней через пять, после того как мы начали практиковать вечерние купания, я узнала, почему Нянь никогда не раздевался при мне, хотя остальные меня совсем не стеснялись. Купались мы по очереди. Пока я, скинув одежду, быстро окуналась, парень сидел вдалеке, повернувшись спиной ко мне. Так было и в этот раз. Я нырнула несколько раз: от холодной воды тупая головная боль на время отступала и шрамы переставали ныть. Выйдя на бережок, я обтёрлась большой тряпкой, которая была когда-то чьей-то рубахой, оделась и дёрнула за верёвку. Нянь обернулся, и мы поменялись. Он пошёл купаться, а я сначала хотела присесть на его место, но передумала и решила пройтись вдоль ручейка вниз по течению. Наша связка была очень длинной и сейчас лежала на берегу, постепенно разматываясь, а с другого конца верёвки, за моей спиной, плескался Нянь.

Я медленно шла, аккуратно ступая и посматривая под ноги. Ручей быстро бежал, вода искрилась в заходящих лучах, с громким жужжанием мимо летали большие жуки. И вдруг я увидела её... На дне, среди камней, лежала крупная раковина, похожая на раковину наutilus. И дело было не в раз-

мере, меня поразил её цвет. Она была яркая, красно-оранжевая с фиолетово-голубыми узкими полосами, которые закручивались в причудливый узор. Вкрапления перламутра играли сияющими искрами сквозь бегущую воду – сказочная, волшебная красота!

Как-то забыв про хромоту, я потянулась за этим чудом. Глубина была не выше колена, и, не в силах оторвать глаз, я полезла её доставать. Ступив на крупный камень, я подалась вперёд, совсем забыв про верёвку. Но тут этот каменюка резко качнулся и поехал в сторону. Пытаясь сохранить равновесие, я дёрнулась, но верёвка не пустила, она просто закончилась. И со всего размаха я плюхнулась лицом вниз на дно ручья! Опять моя голова нашла на себя приключения! Округлый, почти чёрный камень впечатался прямо в лоб. Из глаз посыпались искры.

Нахлебавшись воды и держась рукой за рассечённое чело, я сидела в ручье и, стоная от боли, проклинала свою беспечность. Нянь оказался тут как тут. «Ну конечно! Когда я упала, верёвка сильно дёрнулась, и он помчался ко мне», – сообразила я, закрывая ссадину ладонью. Мой смотритель что-то взволнованно выговаривал, осматривая рану и помогая подняться. Вот в этот момент я и увидела его тайну.

Парень был без рубашки, штаны толком завязать не успел и они висели у него на бёдрах: от середины живота страшными рубцами уходил вниз след от большого ожога, а когда он, наклонившись, вытаскивал меня из ручья, то мне совсем

поплохело. То, что я увидела ещё ниже, в том месте, которым мальчики отличаются от девочек, повергло в шок. Там, конечно, что-то ещё болталось, но выглядело ужасно. Бедный парень! Кто ж его так покалечил?! Вся жизнь впереди, а как жить, зная, что ни семьи, ни детей, ни даже девушки не будет рядом?!

Я заплакала, но не из-за разбитого лба, а из-за него, моего Няня, такого милого и заботливого, такого молодого и несчастного, который так мучился и страдал; наверно он тоже был на грани жизни и смерти. Теперь понятно, почему я не видела его даже полураздетым, хотя был он такой же загорелый, как и остальные четверо. Юноша не хотел, чтобы я видела его боль. Вот почему Атаман спокойно оставлял меня на его попечение, зная, что он мне, как мужчина, ничем не угрожает. Вот почему Нянь так умело за мной ухаживал, он всё испытал на собственной шкуре. Мои увечья по сравнению с его – царапины!

Мы сидели на траве. Парень обнимал меня за плечи, а я, прижавшись к его мокрому боку, ещё хлопала носом. Начало смеркаться, и он протянул руку, помогая встать. Стоя напротив и завязывая шнурки на штанах, Нянь отводил глаза. Я понимала почему. Повинуясь какому-то порыву, я подошла, взяла в руки его лицо, заглянула в такие красивые голубые глаза и... поцеловала.

Сначала он резко напрягся, но через секунду губы открылись и он... ответил. Целовались мы несколько минут, как

минимум. Парень нежно обнимал меня, не сжимая слишком сильно, наверно, чтобы не сделать больно. Вскоре он отстранился и посмотрел такими влажными и грустными глазами, что опять навернулись слёзы. Приложив палец к моим губам и глядя в упор, он отрицательно покачал головой. Я всё поняла, он не хотел, чтобы я его жалела.

Лёжа ночью на своей соломе, я никак не могла уснуть. События дня табуном сайгаков носились в голове. Странная, удивительно красивая раковина, неизвестные растения и насекомые, нежные поцелуи и чудовищные шрамы моего спасителя, то, как он смотрел на меня, – всё это скакало и прыгало в сознании. Я думала обо всём одновременно и никак не могла успокоиться.

Нянь спал или делал вид, что спит, на одном из матрасов в дальнем углу. Мне очень хотелось выйти и остудить разгорячённую голову на свежем ночном воздухе, но это было невозможно, так как по возвращении, он поменял верёвки и посадил меня на короткий поводок, длины которого до двери не хватало.

Кстати, я узнала, что верёвку можно развязать только очень необычным способом. Когда мы вернулись в хижину, мой лекарь снял с крюка на стене такую же, но более короткую, туго завязал одним концом поверх первой на моей ноге, а другой привязал к одному из столбов, подпирающих крышу. Потом сходил наружу и принёс флягу, обтянутую тёмной кожей. Откупорив пробку, он аккуратно полил на узел длин-

ной верёвки. Через несколько секунд от узла пошёл лёгкий зеленоватый дымок и иллюзия перед глазами, из-за которой я не могла понять и разглядеть, как она завязана, исчезла. Я во все глаза наблюдала за этими манипуляциями. «Что же это за чудо такое?!» – восхищённо думала я. Вокруг загадок только прибавлялось. Тем же способом Нянь развязался сам и бросил это «чудо» ближе к огню, возможно, просушить. Потом мы поели и на этом приключения дня закончились.

Глава 5

Утром меня снова ждал сюрприз. Случилось то, что должно было произойти рано или поздно, но из-за всех происшествий, свалившихся на мою голову, а также нерегулярного цикла, я абсолютно про это забыла. У меня пошли месячные.

Ни про какие средства личной гигиены не могло быть и речи. У меня не было ничего, да и не могло быть в этом «каменном веке». Из одежды тоже ничего не имелось, кроме грубой рубашки и штанов на завязках: ни белья, ни джинсов, ни футболки, ни куртки – ничего из тех вещей, в которых я попала в аварию.

Я лежала ничком на соломе в тихой панике, не представляя, как выйти из этого щекотливого положения. Как же хорошо, что, кроме нас с Нянем, больше никого нет. Я думала о том, что надо как-то сказать, как-то дать понять ему, что мне нужны какие-нибудь тряпки. Стыдно-то как! А неудоб-

но... Что же делать?

Начав глубоко дышать, я пыталась совладать со своим стыдом и страхом. С другой стороны – чего стесняться-то? Голой меня, скорее всего, все видели, а Нянь тем более. Он все раны на мне обрабатывал и зашивал, значит, он-то видел меня всю, во всех подробностях. Так что надо перестать стесняться и попытаться объяснить ему ситуацию.

Сторож мой, видно, заметил отражение усиленной мыслительной деятельности на моём лице. Он отложил свои травки, которые перебирал, и подошёл ближе. Я сделала испуганные глаза и начала развязывать шнурки на штанах, предварительно задрав рубаху. Глаза парня широко открылись. Когда я запустила руку внутрь, его брови поползли вверх, а когда внизу в определённом месте начала шевелить пальцами, он отшатнулся, замахал на меня руками и на повышенных тонах начал что-то выговаривать.

Меня разобрал смех. Милый мальчик решил, что я хочу его соблазнить, зная о его беде. Я расхохоталась! Стыд как рукой сняло! Быстро вскочив с лежанки, я крепко схватила его за руку, чтобы не удрал, и сунула окровавленную руку ему прямо под нос. На бедного юношу напал ступор. Он стоял и хлопал глазами, как пучеглазая сова. Я опять начала повторять свои прошлые движения, только быстрее, попутно показывая жестами, что мне надо что-то от чего-то оторвать и потом кое-куда засунуть.

Вскоре до него дошло. Как мы смеялись! Это был даже не

хохот – это была истерика! Оказалось, у моей сиделки весьма заразительный смех. Утерев слёзы и продолжая похихатывать, мой Нянь кивнул (типа я всё понял), жестом показал мне оставаться на месте и, прихватив нож и мешок, вышел, продолжая хихикать.

Я осталась одна. Наконец-то представилась возможность тут всё рассмотреть. Хижина была большая, не очень правильной формы, одной стороной прижатая к скале. Внешняя стена с дверным проёмом, а также две боковые сложены из необтёсанных брёвен. Потолка как такового не имелось – только крыша из широких досок, соединяющихся в конус над отверстием очага, в которое выходил дым. В центре два столба, возможно, играющие роль опорных балок. И к одному из них привязана я. Вдоль стен на соломенных тюфяках свёрнутые одеяла. В углу несколько вёдер и корзин, а также два больших котла, рядом глиняная и деревянная посуда. С двух сторон от двери на крюках оружие: пара луков, четыре колчана со стрелами, три больших меча, несколько дубинок, окованных железом с торчащими шипами, и какой-то другой оружейный антиквариат. Не дойдя до выхода двух шагов, я поняла, что лимит передвижения исчерпан, дальше длины верёвки не хватало.

Вернулся Нянь примерно через час. Я уселась на перевёрнутое ведро и, вытянув большую ногу, приготовилась наблюдать. Парень повесил над огнём большой котелок, в котором обычно варил еду, и залил в него воды. Когда жидкость заки-

пела, он начал доставать из мешка пучки каких-то растений, очень похожих на длинные серо-зелёные водоросли. Закинув траву вариться, он подождал, пока всё опять закипит, затем уселся рядом, помешивая и снимая серую пену длинной деревянной ложкой. Готовилась эта бурда минут десять-пятнадцать. Слив воду, он соорудил рядом с очагом перекладину и развесил на ней тонким слоем то, что сварил.

Я присмотрелась: «Ну точно водоросли! А если и нет, то какие-то странные растения». Пока всё сушилось, мы успели умыться, поесть и Нянь опять поменял на мне верёвку, чтобы я могла выходить. Второй конец он обвязал вокруг дерева, растущего в нескольких шагах от хижины. Когда растительность просохла, Нянь посадил меня рядом, чтобы я могла видеть его действия.

Сняв с перекладины небольшой пучок этих типа водорослей, он смял их и, катая между ладонями, сделал плотный шарик размером с грецкий орех. Потом раскатал этот шарик в коротенький толстый цилиндр, привязал к одной из сторон заранее подготовленную нитку, а оставшийся хвостик немного укоротил и с лукавой улыбкой протянул мне.

Я не верила своим глазам. Это же тампон! Самый настоящий женский гигиенический тампон, только растительный! Мне хотелось броситься на шею моему спасителю и зацеловать от переполнившей благодарности. Видя мой восхищённый взгляд, он наверно что-то такое и подумал, потому как сунул мне в руки своё творение, ткнул пальцем в остальные

висящие на перекладине растения и, бросив мне моток ниток, ушёл.

Я его прекрасно поняла: «Я, мол, принёс, показал, а делай сама». А я и не возражала. Быстренько накрутив парочку точно таких же цилиндриков, я помчалась в лесной сортир. Проблем с установкой в нужное место не возникло. Не было никакого дискомфорта или других неприятных ощущений. Мне хотелось петь от радости! Как всё-таки мало нужно для счастья! Достаточно попасть в другие условия, как приоритеты и ценности совершенно меняются.

В тот момент, когда я вернулась к нашей лесной избушке, Нянь, голый по пояс, рубил толстые сучья. «Обожаю его! – радостно думала я. – Разделся, уже не скрывает свои шрамы. А чего таиться, когда я в курсе, всё видела. Обожаю!» Прислонившись к дереву неподалёку, я улыбалась во весь рот и нагло разглядывала парня: загорелый, высокий, симпатичный, с рельефной мускулатурой, хоть и худоват, на мой женский взгляд. Оттого, что я теперь знала, что он, по сути, евнух, а не нормальный мужчина, моё отношение к нему не изменилось. Наоборот, я прониклась к этому юноше ещё большими чувствами. И дело здесь не в жалости и сочувствии хотя это тоже присутствовало, а в уважении и даже восхищении, что ли. И мне всё равно, что у него в штанах почти ничего нет, он мужчина, самый настоящий, несмотря на молодость. С этой минуты я начала считать парня своим другом, хотя до сих пор не знала, как его зовут.

Вернувшись в хижину, я занялась своими тампонами. И почему-то уверилась, что это именно водоросли, уж очень было похоже. Часа за полтора я накрутила штук пятьдесят. Нянь, зайдя за чем-то и увидев плоды моих трудов, рассмеялся: наверно, вспомнил наши утренние разборки. Порывшись в своих закромах, он нашёл для меня небольшой такой, чистенький полотняный мешочек с затягивающейся верёвочкой. Сложив в него своё богатство, я засунула его под солому. Этого количества надолго хватит!

Через некоторое время я поняла, что моя физиология поможет в очень важном деле. Я смогу составить календарь, пусть приблизительный, но всё-таки. Раскопав в кострище несколько угольков и обойдя хижину с тыла, я подобралась вплотную к огромному камню с почти плоской стороной. Валун торчал из земли вертикально, и я решила, что чёркать на нём будет очень удобно.

Расслабившись, я прикрыла глаза и начала вспоминать. Головная боль ещё не прошла, но и не была уже такой сильной. Она просто раздражала и мешала думать. Из-за некоторых проблем со здоровьем цикл у меня был крайне нерегулярным, но дату начала прошлого я помнила. Увлечённо считая, я исписала датами и цифрами почти всю доступную поверхность, когда почувствовала движение за спиной. Я обернулась. Нянь стоял возле дерева и наблюдал за моей математикой.

– Что, теперь ты за мной подглядываешь? – я улыбку-

лась. – Да, дорогой, я и писать, и считать умею, да только не по-вашему. И образование у меня хорошее. Так что я не какая-нибудь... дурочка деревенская.

В ответ он только развёл руками и улыбнулся. В конечном итоге эта моя наскальная живопись привела к двум интересным выводам. Во-первых: в этой избушке я находилась уже около трёх недель, а во-вторых – что-то случилось с моей головой, а точнее, с памятью.

Ах, головушка моя многострадальная! Возможно, это были последствия травмы, или сотрясение мозга так повлияло, а может, и то, и другое вместе. Но раньше моя память точно такой не была! Пока я прикидывала и считала, всплыло очень много разных мелких подробностей и деталей не только из недавнего, но и более далёкого прошлого.

Я подробно, в мелочах, вспомнила аварию. Даже всех пассажиров: что делали, о чём говорили. Вспомнила перекошенное лицо водителя, который оглянулся в салон между первым и вторым ударами. И как летящий на огромной скорости белый джип врезался в наш микроавтобус. Я вспомнила, как маршрутку несколько раз крутануло и идущая сзади фура отправила всех нас в полёт на середину реки. Также моя память показала мне, как ещё от первого удара передо мной открылась дверь и я увидела яркий цветной свет, вернее сказать, какой-то сияющий цвет ночного неба с маленькими звёздочками внутри. Я влетела туда и подумала, что мне повезло: у меня такая красивая сверкающая смерть.

Резкий и неожиданный приступ головной боли заставил прервать неутешительные размышления. Виски и затылок сдавило так, что всё закружилось, деревья почему-то стали красными, а трава – чёрной. «Всё красное и чёрное...» – успела подумать я и отключилась.

А очнулась от ощущения холода. Я лежала на своём тюфяке в хижине, рядом сидел Нянь, нежно поглаживая меня по щеке. Холодная мокрая тряпка на лбу охлаждала голову, и такой сильной боли уже не было. «С башкой, явно, дело плохо, – мысли ещё еле-еле проворачивались. – Вроде уже на поправку шла, а тут такой приступ. Вот и Нянь какой перепуганный сидит, волнуется. И это же он меня принёс, как бы ни надорвался, бедняга».

Однако мой врождённый оптимизм всегда помогал переживать трудности. Сжав руку парня, я ему улыбнулась и подмигнула, мол, всё хорошо, не переживай. Он только криво усмехнулся в ответ. Я закрыла глаза и решила ни о чём сегодня больше не думать. Так и заснула.

Глава 6

Тихо и спокойно мы прожили ещё четыре дня. После приступа моя головушка окончательно перестала болеть через двое суток. Сначала я даже не поняла, как и когда это случилось. Просто в один момент, когда мы завтракали запечённой рыбой, я поймала себя на мысли, что боли нет, нет со-

всем. Кузнецы закончили свою работу и убрались восвояси.

Чувство огромного облегчения и освобождения нахлынуло прохладным потоком. Появилось ощущение, что в мозгу образовалось много свободного места, как будто из старой захламлённой комнаты выкинули всё ненужное, весь мусор, что копился там годами, и сделали генеральную уборку. Я ликовала! Раны мои хорошо закрылись, правда, ещё очень сильно тянули и болели при резких движениях, но это меня не беспокоило. Всё заживёт, никуда не денется, главное, что голова уже не болит.

А ещё через несколько дней вернулась наша банда, и моё спокойствие закончилось. Они пришли все вместе среди дня, уставшие, грязные, но вроде довольные. Мне было интересно, а где же добыча? Где добытое ратным грабёжом добро? Но при них было только то, с чем они уходили, а также пара крупных свежевывловленных рыбин и четыре трупика каких-то зайцеобразных зверюшек. Больше ничего. Меня осенило: «У них есть тайник! Где-то по пути, они прячут всё в надёжном месте. Зачем таскать награбленное в своё логово? Настроение у мужиков хорошее, значит, поработали удачно, спрятали и пришли спокойно отдыхать».

Хотя, конечно, уверенности в том, что они именно бандиты, грабят и убивают, у меня не было. Кем являются эти люди, чем они занимаются и почему живут в лесу, я всё же не знала. Гоблин с Мелким, покидав оружие, заплечные мешки и дичь возле хижины, схватили смену чистой одежды и ушли

в сторону водопадика. Плешивый, сбросив рыбу Няню, завалился на солому и почти сразу захрапел. Атаман же уселся на камень возле стены, вытянув ноги.

Пока все отдыхали, Нянь бегал по хозяйству: разделал зверюшек, обработал рыбу, принёс воды. Я сидела всё это время на небольшой полянке, как всегда привязанная, словно коза на выпасе, и потихоньку массировала больную ногу. Закончив работу, парень уселся рядом с начальником, и пошла неспешная беседа. Сначала Атаман что-то спрашивал, а Нянь отвечал, потом, вроде, наоборот. Но дальше сложно было понять, кто из них спрашивает, а кто отвечает – они разговаривали спокойно.

Разминая конечность, я сидела и думала о том, что здесь я уже месяц, по моим подсчётам, а до сих пор не удалось толком понять значение почти ни одного слова из речи этих людей. Попытки выяснить у моего зрителя, как его зовут или как называются предметы, успеха не принесли. Я наткнулась на стену недоумения и непонимания. Но была уверенность, что парень не пытается наладить со мной речевой контакт намеренно и просто прикидывается. Несколько раз я, показывая рукой на себя, чётко, по слогам проговаривала Кари-на, при этом вопросительно глядя на своего молчаливого собеседника и переводя руку в его сторону. Нянь же в ответ улыбался и пожимал плечами. Но я чувствовала, что он просто не хочет называть своё имя. Оставалось только наблюдать, прислушиваться и делать выводы. А вот будут ли

эти выводы правильными – большой вопрос.

Подняв глаза от своего занятия, я заметила, что Атаман смотрит на меня, а Нянь продолжает ему что-то говорить: «На меня переключились... Интересно, что он рассказывает? Ну, про поцелуй у водопада вряд ли проболтается, а вот про остальное наше совместное проживание точно доложит».

Но тут они встали и направились за хижину, туда, где я углём исчёркала камни. Дождь за прошедшее время прошёл всего один раз и то несильный, так что мою писанину ещё было хорошо видно. За избушкой раздался атаманский хохот. «Да что же эта нянюшка заботливая там про меня плетёт? Как же хочется узнать!» Любопытство просто раздирало на части.

Весь остаток дня главарь поглядывал в мою сторону. «Да чтоб ты окосел! – сначала разозлилась я, а потом пригорюнилась. – Ну вот и пришло время рассчитаться за заботу, защиту, приют...» Я постаралась держаться подальше: пряталась за хижинкой и уходила в лес, насколько хватало верёвки. Сердце замирало и колотилось, и так не слишком хорошо двигающаяся нога предательски подгибалась, я еле-еле ходила. «Может, он передумает меня трогать: посмотрит, как я ковыляю, на мой испуганный вид и пожалеет, – лелеяла я надежду. – Хотя вряд ли, слишком уж заинтересованно смотрит».

Собрав волю в кулак и отринув страхи, я решила для себя,

что чему быть, того не миновать. Девочка я уже взрослая, двадцать семь годиков как-никак. Тем более что мужчин и отношений с ними я особо никогда не боялась. Заморочек и комплексов в плоскости между мужчиной и женщиной у меня тоже уже не было, а моралисткой я, вообще, себя никогда не считала. Но сейчас было реально страшно. «Главное, чтобы не покалечили, а если будут убивать, то желательно быстро. Значит, сопротивляться не нужно, может быть только хуже. Надо расслабиться, успокоиться и настроиться... Рано или поздно это всё равно произойдёт, и удрать я тоже пока никуда не могу», – пыталась я себя уговорить, но не очень-то получалось.

Промаявшись так некоторое время, я решила сходить к водопаду, если Нянь, конечно, сводит. Заглянув в хижину, я обнаружила, что вся компания собирается ужинать. Нянь махнул рукой и, показав на свободный пенёк, протянул миску с хорошим куском рыбыны. Приняв еду, я присела со всеми у очага. Сначала подумалось, что ничего в горло не полезет, но вяло прожевав кусочек, я не заметила, как съела всё. Рыба была великолепна почти без костей и по вкусу чем-то напоминала лосося, хотя внешне ничего общего.

Когда мужчины поели и завалились на свои тюфяки, о чём-то переговариваясь, я втихую дёрнула Няня за рубаху и, кивнув в сторону двери, вышла наружу. Вскоре он появился, и я, показав на себя, потом на него, махнула в сторону нашей купальни. Парень как-то очень странно посмотрел и

нахмурился. Только я собралась повторить свои жесты, как он утвердительно кивнул.

Пока мой провожатый отвязывал «волшебную» верёвку от дерева и перевязывал на себя, я стояла в ожидании и думала: «Вот если бы у меня был выбор, кого, так сказать, отблагодарить собой за спасение, то, естественно, выбрала бы Няня, и неважно, есть у него мужской орган в штанах или нет». Парень мне нравился. Я привыкла к его постоянному присутствию, к вниманию и заботе. К тому, как он быстро и чётко решает мои проблемы. Хотя всё же... Я ведь его совсем не знаю... И чем продиктованы непонятные для меня действия, не имею настоящего представления. Атамана же я откровенно боюсь, хотя если бы не его уродливый шрам, то мужик был бы очень даже ничего. Надеюсь, что не вся банда будет иметь доступ к моему телу: Гоблин в мою сторону не смотрел, а Мелкий с Плешивым, после полученного «кровового» внушения, старательно делали вид, будто меня не существует.

Пока я размышляла, Нянь взял из хижины остатки рубахи, заменяющие полотенце, и мы пошли в лес. У водопадика было очень красиво. Закатное солнце пробивалось широкими лучами сквозь стволы деревьев. Красноватый свет перекрашивал и перекраивал лес в какие-то сюрреалистические цвета и формы. Было полное ощущение нереальности всего вокруг.

Подойдя к купальне, я быстро скинула одежду и ступи-

ла в воду. За все время я уже настолько привыкла к этой хрустальной ледяной воде, что могла даже немного поплавать. Сделав несколько гребков, я встала на дно и оглянулась. Нянь не сидел, как обычно, вдалеке и отвернувшись, нет... Он сидел прямо на берегу, на камне и смотрел в упор.

Может, от страха и ожидания того, что ждёт меня впереди, а может, от осознания безвыходности и обречённости ситуации, в которой я оказалась, может, вообще от всего того, что я пережила за последний месяц, накатило такое раздражение и такая злость, что я обратила весь этот негатив на своего друга.

– Что смотришь, вылупился? Голой, что ли, меня не видел?! – крикнула я парню. – Не посмотрелся ещё?! Ну гляди-гляди, облизывайся, кусай локти, что не тебе достанусь, а начальничку твоему, черти бы его взяли!

Я подняла руки кверху, отжимая и откидывая со лба волосы, и пошла к берегу, напрямик на парня: грудь приподнялась ещё выше, а соски затвердели от холодной воды. Вообще-то, грудь была моей гордостью. Это единственная часть тела, которая мне по-настоящему нравилась. Небольшая, но и не маленькая, высокая, очень красивой формы с аккуратными чёткими сосками. Несмотря на сильное похудение, она почти не изменилась, ну если только чуть-чуть.

Выйдя из воды и приблизившись к сидящему юноше, я слегка наклонилась и протянула руку за импровизированным полотенцем. Мои прелести оказались прямо перед его

носом. Переведя взгляд с них на моё лицо и обратно, Нянь начал заливаться краской. Потом вскочил, швырнул мне мою одежонку и рванул в сторону.

Я понимала, что повела себя некрасиво. А с другой стороны, он сам начал пялиться, сидел и буравил глазами, не отвернулся, как обычно, так что сам виноват! Возможно, хотел налюбоваться напоследок. Вот и пожалуйста, вот и получите! Он же понял, что я догадалась о планах Атамана в отношении меня, и понял, что я также догадалась и о том, что он знал об этом заранее.

Мы вернулись уже в сумерках, я прошла в свой угол и задёрнула занавеску. Все спали, Атамана не было. Я слышала, как Нянь ещё возился с одеждой, а потом лёг. Я забралась под своё одеялко и закрыла глаза. «Ничего-ничего, спокойно, как-нибудь перетерплю... как-нибудь... – пыталась я себя успокоить, но одна мысль не давала покоя: – А вдруг он со мной наиграется, а потом отдаст на растерзание остальным, воспользуется, так сказать, правом первого, а дальше – пользуйтесь ребята, наслаждайтесь. Вот это будет совсем не мой вариант. Такое я не выдержу. Надо завтра нож стащить... Несколько штук лежат возле двери, завёрнуты в тряпку, Нянь редко ими пользуется. Если станет совсем не вмоготу, придётся попробовать совершить харакири, но сомневаюсь, что получится: только покалечусь, что ещё хуже...»

Но тут мои суицидальные мысли прервал шорох. Занавес-

ка слегка отодвинулась и в свете тлеющего очага надо мной возник силуэт. Атаман, а это был конечно же он, задвинул шторку обратно. Стало совсем темно. Зажмурив глаза, я начала мысленно считать: «Один, два, три, четыре, пять...» Сердце забилось, ноги похолодели...

Судя по шороху, он разделся, и рядом опустилось тело. «Шесть, семь, восемь, девять, десять...» Я почувствовала его тёплое дыхание и руку, опустившуюся на бедро. Он прижался, уткнулся носом мне в шею и шумно вдохнул. Рука, начавшая гладить, вдруг остановилась и скомкала ткань рубахи. Ночной визитёр слегка приподнялся и резко рванул мою последнюю защиту. С громким треском одежда разделась на две половинки. «Ну вот и всё...» – только и подумала я.

Освободив меня от верхней половины мешкообразного облачения, Атаман опять лёг рядом. Голову устроил на плечо, нос – в подмышку, а рука пошла гулять по телу. Он поглаживал очень нежно и медленно, слегка стискивал грудь и, обводя пальцами сосок, поднимался к шее, плавно проводя под ключицами. Потом опускался тем же путём к животу и ниже, но дальше рука не двигалась, а опять поднималась к шее.

Вскоре мужчина приподнялся, просунул руки под мою спину и прижал к себе. От страха я не сразу сообразила, что он делает. Ведь он не целовал меня, нет... Он меня нюхал! Гладил и нюхал. Я не сопротивлялась, но и более ничего не

делала. Если он меня поворачивал – поворачивалась, отклонял мою голову назад – послушно отклонялась и тогда, проводя пальцами по шее, он вдыхал запах моей кожи. Руки у Атамана были очень сильные, он легко держал меня, прижимая к себе.

Так продолжалось довольно долго, от его поглаживаний я расслабилась и успокоилась. Уложив меня очередной раз на спину, он ткнулся носом между грудей. Дыхание его было горячим, а от волос пахло костром, руки сжимали и разжимали мои груди, скользили по бокам и плечам. Странно то, что штаны с меня он так и не снял. Через несколько минут дыхание его участилось. Резко подхватив, он опять прижал меня к себе и сильно стиснул в объятиях. Сердце его гулко стучало, а тело покрылось испариной. И тут он дёрнулся, застонал прямо мне в ухо, прижимая мою голову к своей, и я почувствовала, как на живот вылилась горячая жидкость.

Полежав рядом ещё некоторое время, он поднялся и ушёл на общую половину. Я лежала и никак не могла понять, что же это было такое. А потом захотелось громко засмеяться, но я зажала рот руками: «И это всё?! Сеанс окончен?! Секс «по-атамановски»?! Погладил, понюхал, пообнимал, удовольствие получил и всё, что ли?! А я-то дурища, вот накрутила-то себя, а! Уже в самоубийцы собралась податься, вот ненормальная! Если это всё, что ему от меня надо, то я не возражаю! Даже понравилось! Посмотрим, что будет дальше, может, я рано радуюсь. Мужик, возможно, давненько

этим делом не занимался, за грабежами да убийствами некогда было, вот и сработал раньше времени. А сейчас успокоится, отдохнёт, выспится, а завтра доведёт дело до конца, его ж в шею никто не гонит». Но почему-то глубоко внутри сидело ощущение, что ничего другого ему от меня не надо, во всяком случае, пока. С такими мыслями и чувствами я и заснула.

Глава 7

А дальше всё повторилось. Каждый вечер он приходил ко мне, раздевался, ложился рядом, гладил, нюхал, крепко обнимал, получал разрядку и... уходил. Днём Нянь старался в мою сторону не смотреть и упорно игнорировал. Правда, продолжал поить каждое утро коричневой горькой бурдой, протягивая ложку и опуская глаза; водил по вечерам купаться, но сидел далеко и отвернувшись. В общем, делал всё, как и прежде, но так, будто меня для него больше не существовало. «Неужели я потеряла своего друга?» – задавалась я вопросом. Очень не хватало его улыбок и тёплых взглядов.

Заниматься было совершенно нечем, что-либо делать никто не заставлял, а я и не пыталась лишний раз привлечь к себе внимание. Вскоре я окончательно почувствовала себя козой или коровой на выпасе, о которой по мере необходимости заботились, кормили и использовали по назначению – милое полезное домашнее животное. А также убедилась,

что делить меня ни с кем Атаман не собирается.

Я продолжала вести календарь, отмечая дни. Выходило, что я здесь уже почти два месяца. Погода стояла прекрасная, днём было довольно жарковато, а по ночам шли дожди. Мои раны хорошо зажили: плечо, вообще, было в порядке, остался только длинный рваный шрам от середины плеча через ключицу к основанию шеи, что выглядело, конечно, ужасно, а вот нога беспокоила. Мышцы вроде срослись, однако ногу продолжало тянуть, сгибать было легко, а вот разгибать...

И я решила заняться растяжкой и разминкой. Каждое утро, после умываний у ведра, я приходила на уже облюбованную полянку, длины моей привязи как раз хватало с избытком. Вспомнив свою активно-спортивную юность, я принималась за восстановление двигательного аппарата. Сначала разминала мышцы руками, делая массаж, а потом потихоньку пробовала делать разные упражнения. В первые дни было очень больно, часто до слёз, но я не прекращала занятий, делать-то всё равно нечего.

Дней через пять-шесть я уже занималась по два раза в день, утром и вечером, а днём массировала ногу. Через боль и слёзы дело пошло. Благодаря проснувшейся памяти, всплыло много информации о подобных травмах, всё это я когда-то читала, видела или слышала от других, а потом благополучно забыла. Вспомнилось, какие именно упражнения нужно делать, и как нас, девчонок, гоняли на лёгкой атлетике, а тренер Иван Владимирович говорил, что у меня есть

шансы проявить себя в большом спорте.

Мой мозг оказался кладезем всяческих нужных и не очень знаний из различных наук и областей жизни. Иногда приходило такое, что я удивлялась, откуда знаю это? Для того чтобы что-либо вспомнить, надо было точно сформулировать в голове вопрос, расслабиться и закрыть глаза. И через какое-то время, когда быстро, когда не очень, всплывала нужная информация. Прямо не человеческая память, а гигантский банк данных. С одной стороны, это очень радовало, а с другой – настораживало.

Однажды когда я, сидя на траве, пыталась растягивать порванные мышцы и доставать руками пальцы ног, делая короткие наклоны, невдалеке медленно прошёл Нянь с вёдрами воды в руках. Он глянул на меня, одобрительно кивнул и слегка улыбнулся. Как сразу потеплело на душе! Может, мы всё же наладим наши добрые, хоть и молчаливые отношения.

Атаман же не переставал удивлять. Несмотря на свою агрессивно-хищную внешность, при виде меня он как-то расслаблялся, что ли, и посматривал иногда среди дня таким томным взглядом, прямо аки девица на предмет своих вздыханий. Если ночью поначалу он уходил на общую половину, то потом, закончив нюхательно-ласкательные сеансы, натягивал штаны и, обняв меня, засыпал.

«Всё, пропал мужик!» – подумала я, когда это случилось в первый раз. И вскоре убедилась в этом.

В один из дней с самого утра, а может и с ночи, зарядил

дождь. Никто особо ничем не занимался: только ели, валялись да разговаривали. Я хорошо разбирала слова и уже чётко знала звуки их речи, но смысл сказанного был всё так же недоступен.

Сначала все что-то обсуждали, чертили на земляном полу какие-то схемы, похоже, планировали новый «гоп-стоп». Потом Мелкий начал Атамана вроде как просить о чём-то. Через несколько минут они уже все вместе, дружно, пытались на что-то уломать своего «босса». Совсем как детишки, заседающие на папочку в магазине: «Ну купи-и-и... Ну купи, купи-и-и машинку!» В ответ на заискивающе-умоляющие просьбы главарь хитро улыбнулся и кивнул. Мужики радостно загалдели.

Атаман вышел из хижины, набросив от дождя длинный тёмный плащ, и вскоре вернулся, держа в руках два больших бурдюка. Этой пьянки-гулянки я уже не испугалась. Статус в этой компании у меня уже был неприкосновенный. Как ни странно, но мне тоже налили. Сначала я хотела отказаться, но передумала. Выпивать я особенно никогда не любила, но тут решила поддержать компанию.

Штука оказалась забористая, чем-то смахивающая на текилу. Так как запивать, кроме воды, было нечем, а есть уже не хотелось, я сходила к небольшому мешку, в котором была крупная соль, и зачерпнула её в маленькую плошку. Потом взяла горсть плотных фиолетовых ягод из рядом стоящей корзины, их Нянь ещё вчера насобирал. На вкус эти ягодки

были кисло-сладкими, не лимон, конечно, но пойдёт.

Усевшись на перевёрнутое деревянное ведро, как выпивоха со стажем, я насыпала соли на руку, лизнула и, сделав большой глоток, закинула в рот пару ягодок. Мужчины смотрели на сие действие во все глаза. Такого способа питания мои разбойнички точно не знали. Жестами я предложила сделать им то же самое и протянула соль сидевшему рядом Гоблину. Мой способ оценили! Всем понравилось, особенно Мелкому. Он подскочил ко мне и, прицокивая, начал что-то говорить, как всегда, возбуждённо размахивая руками. Я лишь пожимала плечами и улыбалась в ответ.

В результате нагрузились все моментально – выпивка-то была крепкая. У меня тоже шумело в голове. Глядя на этих мужчин, с которыми я жила уже третий месяц, я думала: «А ведь я прекрасно вписалась в их компанию. Внешне я такая же шрамированная, как и они, ношу их одежду, Атаман ко мне неровно дышит, да и Нянь, кстати, тоже, хотя и пытается это скрывать. Можно сказать, что «Анжелика – маркиза ангелов» из меня получилась».

Дождь не прекращался. Захотелось выйти и постоять немножко на свежем воздухе. Нянь уже спал, свернувшись калачиком, на своём тюфяке. Плешивый и Мелкий тоже всю храпели. И только Гоблин с Атаманом ещё сидели и о чём-то вполголоса переговаривались. Я тихонько вышла, а так как верёвку на короткую мне не меняли, то отошла от двери на несколько шагов так, чтобы меня не было видно в

дверной проём, и подставила лицо падающим каплям.

Дождик был мелкий, и так стоять, чувствуя, как под влажной освежается разгорячённое лицо, было очень приятно. Не знаю, сколько времени я так простояла в полной нирване, только очнулась, когда сзади на плечи легли знакомые руки. Подойдя вплотную, Атаман обнял меня, погрузив лицо в мои волосы, и опять начал внюхиваться.

Стояла я спокойно и расслабленно, не обращая внимания ни на сильный запах алкоголя от него, ни на то, как он крепко, до боли, сжимал меня в объятьях. Сделав неуловимое движение, он подхватил меня на руки. «Уже и на руках носит... – я мысленно улыбнулась. – А приятно-то как!»

С кавалером мне всё-таки повезло. Он до сих пор не сделал ничего такого, что было бы грубо или противно, да и сам он как мужчина не был мне неприятен. Да, я его боялась, был повод убедиться, что бояться есть чего. Убить меня он мог голыми руками.

Развернувшись со мной на руках и направившись к хижине, мой любитель нюхать забыл одну вещь... Я была привязана. Каким образом верёвка зацепила его за ногу, я не видела, почувствовала только, что мы падаем. Рухнули мы знатно – всем весом. Но Атаман умудрился упасть так, что я оказалась сверху. Мы валялись на мокрой земле под дождём прямо возле входа. «Да-а-а, произвёл на девушку впечатление, ничего не скажешь!» – не выдержав комичности ситуации, я расхохоталась, а мой носильщик следом.

Смеялись мы долго, то ли от «красивого» падения, то ли от выпитого. Но было очень весело! Пока отмывались от грязи, совсем стемнело. Мужики дрыхли, и в избушке стоял стойкий аромат качественного перегара. А дальше мой нюхач опять меня удивил.

Уже лёжа за занавеской в моём углу, Атаман прижимался всем телом, нежно сжимая меня сильными руками. Он дышал мне в ухо и шею, когда я услышала слова, сорвавшиеся у него в страстном порыве. Слова были нежные, ласковые, голос хриплый с придыханием – до этого он ни разу ничего не говорил во время ночных визитов, всегда всё делал молча. Из этого шёпота одно слово выделялось, тем, что повторялось чаще других. Хоть я ничего и не понимала, но структуру языка чувствовала и отличала слова от фраз и предложений. Это слово мне понравилось, значение было загадочным, но звучало красиво. «Отáри... отáри... – потом другие эпитеты и опять: – отáри... отáри...»

«Что же это за «отáри» такое? – думалось мне. – Красивое слово, что-то ласковое, наверно, и приятное». Как ни странно, но под его голос и поглаживания я заснула.

А на следующий день мои лесные разбойники начали собираться. Процесс сборов повторился, как и в прошлый раз. Запаковав мешки, вычистив и наточив оружие, все собрались возле очага в живописный кружок. Похоже, главарь раздавал последние указания. Все внимательно слушали, изредка вставляя замечания. Прямо заседание «генштаба» перед

наступлением, только карты боевых действий не хватает.

Они ушли на рассвете. Уже выходя из хижины, Атаман оглянулся на меня и усмехнулся. Было непонятно, что значила эта полуулыбка или полуусмешка. Всё-таки изуродованная часть лица делала его мимику сложной для понимания. Я просто улыбнулась в ответ. Он кивнул и ушёл. И опять мы с Нянем остались вдвоём.

Глава 8

Несколько дней прошли спокойно. Мы не общались с моим зрителем, даже по возможности не глядели в сторону друг друга. Я занималась своей гимнастикой, которая уже начала давать ощутимые результаты: я почти не хромала, нога слушалась, боли, такой, как раньше, уже не было; я окрепла и чувствовала себя вполне хорошо. В перерывах между тренировками я лазила по скалам, насколько позволяла длина верёвки, и, найдя плоские и удобные части камней, рисовала то, что видела: насекомых, деревья и формы их листьев, попадались весьма причудливые, кстати, и всякую другую ерунду.

Эта наскальная живопись отвлекала от одних мыслей, но в то же время наводила на другие. Очень многое из того, что меня окружало, было неизвестным и непонятным для моих цивилизованных мозгов. Я будто попала в далёкое прошлое. С одной стороны, вполне обычные люди, пусть и жут-

коватые и говорящие на незнакомом языке, с другой – абсолютно древний быт: без пластика, механизмов, компьютеров, мобильных телефонов, электричества, горючего и иных благ цивилизации. А также древнее оружие, которое я видела только в кино и музеях, незнакомые растения, хотя были и вполне обычные сосны и осины. С животными сложнее – вроде знакомые, а вроде и нет: что-то в рыбах, жуках и трупах тех зверей, которые добывались для еды, было не то и не так.

Поэтому эти рисунки, а рисовала я очень даже неплохо, хотя никогда не училась специально, помогли окончательно осознать, что я непонятно где и, самое главное, непонятно «в когда». Одно было ясно – я не в средней полосе России, и какой сейчас год или век – большой вопрос. Однако уже очень скоро представилась возможность получить ответы на эти вопросы.

На четвёртый или пятый день, ближе к вечеру, после того как банда ушла на промысел Нянь не выдержал. Он притопал на полянку, где я качала пресс, и присел рядом на корточки. Я остановилась и вопросительно посмотрела на него. Парень улыбнулся и сделал приглашающий жест. Я пошла за ним. Посадив меня на камень возле хижины, он быстро поменял верёвку на другую, обвязав одним концом себя вокруг пояса, вынес уже набитый заплечный мешок и два одеяла, которые всучил мне, повесил за спину лук и колчан со стрелами, а к широкому поясу прицепил короткий меч и по-

тянул меня за собой.

Шли мы довольно долго, минут тридцать-сорок, не меньше, в сторону противоположную от водопада; так далеко я никогда не забиралась ввиду своей привязи. Сначала лес был довольно густой, но потом поредел. Нянь хорошо знал дорогу, так как шёл уверенно и быстро, я еле за ним поспевала. Впереди показались серые высокие скалы, местами поросшие деревьями и кустами. Мой провожатый приостановился и дождался, пока я подойду. Взяв меня за руку и смотав верёвку до короткого поводка, он потащил меня в какую-то расщелину между скал. Мы протиснулись между каменными стенами и вышли на другую сторону.

Сказать, что открывшейся картиной я была поражена, значит ничего не сказать. Мы стояли на очень широком практически плоском обрыве, с ковром зелёной травы по всей площади и торчащими местами небольшими валунами. Окружающий вид захватывал дух! Вокруг было только небо и море... Море колышущейся зелени далеко внизу и во все стороны до самого горизонта. В ушах шумел ветер и на глаза навернулись слёзы. Такой первозданной и беспредельной красоты я не видела никогда.

Подойдя ближе к краю, я осторожно посмотрела вниз. Обрыв был почти вертикальным и торчал, как острый нос среди лесного моря. Возможно, это было место соединения геологических плит, одна из которых высоко поднялась из-за катаклизмов, бушевавших здесь много-много тысяч лет на-

зад, а может, и нет. Я была не слишком сильна в таких вопросах. Но мозг подсказывал, что так оно и есть. А ещё он тихонько, чтобы я не впала в истерику, шептал в сознание: «Карина, дорогая, хорошая моя, не расстраивайся, не плачь, но ты видишь и понимаешь, что домой ты неизвестно когда попадёшь. Потому что выбраться из этого загадочного места пока не представляется возможным».

Я опустилась на траву. Впереди, внизу, насколько хватало глаз, простирался один сплошной лес и только недалеко от линии горизонта с западной стороны поблёскивала снежными вершинами горная гряда. Ни дорог, ни посёлков, ни линий электропередач, ни труб, ни радиовышек – ничего, только лес и синее, с пушистыми облаками, небо.

Нянь присел рядом и обнял за плечи. Я повернулась к нему и спросила, зная, что не пойму ответа:

– Ты привёл меня сюда, чтобы сделать сюрприз? Порадовать, хоть чем-нибудь? Удивить?

Он смотрел мне прямо в глаза.

– Ну, сюрприз точно получился, только не уверена, что приятный, – я криво усмехнулась, а по щеке сбежала слезинка.

Взяв в руки моё лицо, мой заботливый нянюшка, смахнул слезинку и, крепко прижав мою голову к себе, поцеловал в макушку. Вот и помирились! Но сюрпризы на этом не закончились.

Пока я сидела на мягкой травке и обозревала окружаю-

щую панораму, мой друг расстелил одеяла, достал из мешка жареное мясо, несколько кусков запечённой рыбы и немелких размеров круглую флягу. «Так вот оно что! Пикничок решил устроить, порадовать пленницу сменой обстановки. Ну и на том спасибо, заботливый ты мой!» – думала я, наблюдая за его действиями.

Через несколько минут мы уже сидели, удобно расположившись у одного из крупных валунов, и, прихлёбывая крепкий алкогольный напиток, дружно закусывали. А действительно, настоящий пикник получился с едой и выпивкой на природе, хотя природы мне последнее время хватало с избытком. Глядя на довольного парня, я думала: «Интересно, а где он это пойло взял? Неужели знает, где Атаман его прячет?» Бандитский начальник пьянство не поощрял, выдавал строго дозировано и редко. Я была свидетелем всего лишь двух совместных попок за то время, что я здесь, и пару раз он наливал всем вечером по одной небольшой кружке. «Значит, у моего зрителя есть свой тайник или он украдкой отливает у «босса». Вот жучила! А таким тихоней прикидывается! – я улыбнулась своим мыслям. – Я ведь ничего о нём не знаю, даже имени».

Нянь, заметив, как я его рассматриваю, улыбнулся во весь рот и протянул фляжку. Я помотала головой, пить больше не хотелось. Накинув одеяло на плечи, я прислонилась спиной к камню и, дожёвывая мясо, смотрела вдаль. Дело близилось к вечеру, удлинились тени, и небо на западе начало багроветь.

То, что я увидела в закатном небе, сперва показалось пьяным глюком. Я тупо смотрела и чувствовала, что трезвею со скоростью ветра, дующего в голову. К линии горизонта ка- тились два солнца... Два! Два!! Два!!! Одно совсем обычное красно-оранжевое, а другое – раза в два меньше, бело-жёлто- го цвета. Мозг-поганец выдал: «Двойная система...» Непос- тижимая ловушка, в которой я оказалась два с лишним ме- сяца назад, с громким лязгом захлопнулась!

Я не знаю, какое у меня было в тот момент выражение лица, но Нянь испугался, и очень. Он пытался заглянуть в глаза, трясти за плечи, что-то говорить, но я не реагировала. Только тогда, когда он собой загородил обзор, я так сильно оттолкнула его, что он отлетел в сторону, как мячик. Если бы парень в ответ на моё неадекватное поведение ударил, или, выхватив меч, отрубил мне голову, или сбросил с этого об- рыва, то я бы даже не пикнула и не сопротивлялась. Навер- но, так сработало моё подсознание или, наоборот, сознание – в попытке непринятия страшной правды, я хотела умереть.

Но юноша, лёжа на траве, только смотрел ошарашенным, непонимающим взглядом. Очнувшись от шока, Нянь рез- ко вскочил и, дёрнув за верёвку, сбил меня с ног. Пока я валялась, он быстро покидал в мешок остатки нашего ужи- на, скрутил одеяла и, упаковавшись, рывком вернул в верти- кальное положение. Он был злой, очень злой и обиженный, я понимала его чувства, но объяснить ничего не могла, да и не пыталась. Я хотела только одного – проснуться завтра утром

в своей квартире, в своей постели и с радостью осознать, что всё это мне приснилось. Это сон – яркий, запоминающийся, интересный и жуткий одновременно, но сон, всего лишь сон! И вскоре я забуду его и не вспомню больше никогда!

В прострации я брела обратно к хижине. Парень крепко держал мою руку, даже слишком крепко, и шёл в сумерках очень быстро, практически волоча меня за собой. Всю обратную дорогу я пыталась вспомнить, что знала об оптических обманах, миражах, солнечных гало, эффекте «трёх солнц» и других подобных атмосферных явлениях. Информации было много, только от избытка эмоций сосредоточиться было сложно.

Вернувшись в нашу избушку, Нянь опять поменял верёвки и свободным концом привязал меня к столбу, подпирающему крышу. Эта верёвка была короткой, и выйти наружу я не могла. Бухнувшись на соломенный тюфяк, я отвернулась к стене. В голове всё бурлило и клокотало. Вскипало жуткое варево из мыслей, чувств, эмоций и открытий этого дня. Стало понятно всё... Все подозрения, догадки, неизвестности и непонятности встали по местам. Я находилась не просто в другой местности или ином времени. Я вообще была не на Земле! Это другая планета, очень похожая на Землю, настолько похожая, что у меня за время пребывания здесь, не возникло никаких подозрений на этот счёт.

Всё понятно, теперь мне всё понятно... Небесных светил этого мира я толком ни разу не видела, мы сидели в лесу, и

подробностей закатов и рассветов за высокими деревьями и их кронами я не замечала, да и в голову не приходило при-
сматриваться. А днём, когда выше крон проглядывало солн-
це, я на него и вовсе не смотрела. Правда, мне показалось
пару раз, что дневная звезда как бы больше и светит ярче,
но я приписала это тому, что нахожусь в других широтах.
А оно вот как получилось! Но нет, это всё неправда, такого
просто не может быть! Всё это дурной сон, кошмар, поме-
шательство, но только не реальность! Этого не может быть,
потому что не может быть никогда!!!

Глава 9

Я перевернулась на спину и открыла глаза. Уже совсем
стемнело. Огонь очага отбрасывал тени на бревенчатые сте-
ны, в щелях гудел ветер и звенели ночные насекомые. Я ощу-
пала себя руками. Вот она я, Карина Александровна Матвее-
ва, двадцати семи лет от роду, инспектор отдела кадров, раз-
ведена, детей нет, лежу на соломе в грубой рубаше и таких же
жутких штанах, в деревянной избушке, приткнувшейся од-
ной стороной к скале на неизвестной планете, чёрт знает за
сколько тысяч или миллионов световых лет от родного дома.
Вокруг ночь, пахнет костром, соломой и ночным лесом. Ни-
чего не изменилось, кроме одного. Коренным образом поме-
нялось моё восприятие и понимание или непонимание того,
что произошло со мной. Что ж, осталась ещё одна возмож-

ность проверить и удостовериться, что я не сплю и не сошла с ума, и что тихий, успокаивающий голос моего разума или внутреннего я, убеждающий, что это не Земля, говорит правду – это реальность, а не бред травмированного, воспалённого сознания.

Я резко отдёрнула свой импровизированный полог. Нужно было окончательно убедиться в том, что я увидела на закате. В глубине сознания ещё теплилась надежда – я ошиблась и два светила, спускающиеся за горизонт, это всё-таки оптический обман, мираж или нечто подобное. Хотя разум твердил – глаза меня не обманули. Но я не верила, не верила своим глазам и не хотела верить. Я хотела увидеть ночное небо, если, конечно, там будет на что смотреть. Ведь звёзды я тоже ни разу не видела, по ночам меня не выпускали.

Мой страж сидел у огня и зашивал мою рубашку, недавно опять порванную Атаманом. Я подошла к парню, показала рукой на него, на себя, на верёвку, а потом на дверь. В ответ он хмыкнул и отрицательно покачал головой. Начала накатывать злость. Уже более резко я повторила предыдущие движения и топнула ногой. Нянь только приподнял расчёсённую бровь и со странной ухмылкой уставился на меня.

– Выведи меня немедленно! – гаркнула я.

Уже обе его брови поползли вверх. Парень явно обалдел от моей грубости и наглости. Но вдруг он широко улыбнулся, что-то сказал и вышел. «За фляжкой для верёвки пошёл», – подумала я. И не ошиблась. Минут через десять, возможно,

в темноте искал долго, он вернулся, держа знакомую флягу.

Привычно завязав на нас походный поводок и плеснув на домашний жидкостью из фляжки, одним движением он отвязал мою ногу. Я рванула к выходу. Только побежала не в сторону лесного клозета, как Нянь, наверно, подумал, а к обрыву. Парень этого не ожидал. Он схватил верёвку и резко дёрнул на себя. Я рухнула на колени. Парень что-то быстро заговорил, показывая жестами на любимые кустики.

– Нет! Нет, ты не понял, – я завертела головой в стороны. – Я не хочу в туалет, мне надо туда, к обрыву, надо посмотреть, понимаешь?!

Умоляюще глядя снизу вверх на этого высокого симпатичного юношу, я продолжала показывать в противоположную от туалета сторону. От бессилия хлынули слёзы. Страж мой как-то глубоко вздохнул и его лицо смягчилось. Он махнул рукой, типа, да ладно, не плачь, и помог подняться. Он вернулся в избушку, благо длина привязи позволяла, пристегнул к поясу меч, в сапог засунул узкий кинжал, вооружился так сказать, и, вручив мне свёрнутое одеяло, двинулся в лес. Он или очень хорошо знал дорогу, или видел в темноте.

Только сразу показалось, что вокруг непроглядная тьма. Буквально через несколько минут я уже могла видеть, куда ступаю и на пять-шесть шагов вперёд. Мой нянька одной рукой держал меня за руку, а верёвку намотал на другую, чтобы не путалась под ногами, и так тащил меня за собой.

Так и шли, он впереди, я сзади. Дошли быстро. Я уже хорошо различала тропу и не спотыкалась на каждом шагу. Мой провожатый оглянулся, и я заметила, как в темноте сверкнули его глаза. Как у хищника! Жуть! Но тут тёмные стволы расступились и чёрной стеной перед нами выросла знакомая скала с расщелиной. Протиснувшись сквозь полную беспросветность, мы вышли на поляну над обрывом. Впереди зиял страшный своей чернотой провал пустоты, а сверху сияло оно – небо.

Картину, открывшуюся перед глазами, нельзя было описать никакими словами. У меня перехватило дыхание и, наверно, остановилось сердце. Это было не звёздное небо в моём понимании и представлении, тем более что дома ясное ночное небо с дорожкой Млечного Пути я видела не один раз, не считая фото в интернете и фильмов по телевизору. Это было не просто красивое звёздное небо. Это была какая-то музыка сфер! Безбрежный, бескрайний космос во всём своём величии раскинулся передо мной. Хотелось поднять руки, взлететь и умчаться туда, окунуться с головой во всю эту красоту! Никогда, никогда ни в одном сне нельзя было увидеть такое! Если бы земные астрономы узнали о том, что сейчас видела я, то они бы удавились от зависти! Ради этого зрелища стоило родиться и умереть, страдать и мучиться и просто попасть сюда. Теперь мне это было ясно!

Как я и предполагала, никаких знакомых созвездий на этом небе не было, да и не могло быть. Неизвестно было всё!

Самым красивым и большим объектом на сверкающем куполе была красно-голубая туманность в виде наклонённой, градусов на сорок пять, размытой восьмёрки. Она висела в восточной части неба, занимая примерно четверть небосклона. Последствия взрыва какой-то звезды разлетались в пространстве, создавая грандиозную картину жизни и смерти звёзд во Вселенной.

Тем временем Нянь, пока я стояла столбом и приходила в себя от понимания того, что всё... я попала, здравствуй, новый дом... развёл костерок и стоял рядом, посматривая настороженным взглядом. Наверно, он никак не мог взять в толк, зачем я его сюда притащила. Он тут родился, вырос и живёт всю свою жизнь и для него это небо так же привычно, как для меня моё родное небо на Земле.

Я всхлипнула. Накатила такая боль и обида оттого, что я невесть где, у чертей на рогах, на чужой, незнакомой планете в неизвестной галактике и, возможно, даже в другой Вселенной или в каком-то параллельном мире (я теперь во всё поверю), что слёзы переросли в рыдания. А потом клемануло так, что, бухнувшись на колени и держась руками за голову, в которой чёткой точкой запульсировала резкая, острая боль, я начала дико хохотать.

Сколько продолжалась эта истерика, не помню. Помню только, что в один момент, когда я переводила дыхание для следующего захода вселенских страданий, Нянь дал о себе знать. Дёрнув меня за рубаху, он поднял руку и, показывая

на сияющую туманность, очень чётко произнёс:

– Ок-та-эн, – посмотрел на меня и повторил: – Октаэн.

Я кивнула. Тогда он отошёл на несколько шагов, развёл руки в стороны, обернулся вокруг себя на триста шестьдесят градусов и так же чётко сказал:

– О-катан! – и опять уставился на меня.

Окончательно опомнилась я только тогда, когда взволнованное лицо моего няньки появилось прямо перед носом. Парень тряс меня за плечи, что-то говорил, заглядывал в глаза. Рыдания не прекращались. Тогда он порывисто обнял меня, прижал к себе и начал что-то ласково и нежно шептать прямо в ухо. От звука его тихого голоса, крепких объятий и горячего дыхания истерический припадок начал отступать. Болевая точка внутри черепа стала меньше и просто стучала маленьким молоточком. Я обняла своего друга и уже всхлипывала, уткнувшись носом ему в шею.

Вот оно как получается! Я одна здесь... одна... совсем одна в этом мире. И кроме этого парня, который заботился обо мне, лечил, помогал всё это время, и которого я так обидела недавно, и этой банды жутких разбойников, у меня здесь никого нет. «Белоснежка... и пять разбойников, – посетила мысль. – Смешно... если бы не было так грустно...»

Я была занята своими переживаниями и не заметила, что мы уже не стоим, а сидим у костра под накинутым одеялом. Мой друг, очень хотелось таковым его считать, обнимал меня за плечи, а я прижималась к его теплому боку: «Значит,

всё-таки простил, не обижается...» Я смотрела на это фантастическое, сияющее всеми цветами спектра, ночное небо Окатана и понимала, что, похоже, задержусь здесь надолго, если не навсегда. Вот как распорядилась судьба! Но оставалась надежда, что, раз я попала сюда, на неизвестно какой конец неизвестно какой галактики без всякого космического корабля, через какой-то проход, портал, «звёздные врата» или червоточину в пространстве, значит, так же можно и вернуться, нужно только выяснить как. А для этого необходима информация, притом обо всём. Надо постараться узнать максимум об этой планете, её истории, условиях жизни, населении, социальном устройстве, в общем, про всё и обо всём настолько, насколько это будет возможно. А значит, нужно учить язык, ведь до сих пор я почти ничего не понимаю, так, несколько слов, и то не уверена в их значении. К горлу опять подкатил ком, но я сжала зубы: «Пусть на это уйдёт вся моя жизнь, пусть я так и не вернусь домой, но теперь у меня есть цель. Цель, благодаря которой я смогу выжить... выжить здесь, на Окатане!»

Заметив, что я уже немного успокоилась, Нянь пристально посмотрел мне в глаза, вытер пальцами остатки слёз с лица, очень тепло улыбнулся и махнул в сторону леса. Я послушно кивнула. Действительно, пора возвращаться, да и холодно уже. Добрались до хижины мы почти без приключений, не считая того, что пару раз я чуть не навернулась, зацепившись за коряги, но мой ангел-хранитель был начеку

и оба раза меня поймал. Я упала на свою солому, застеленную большим одеялом, и, не дожидаясь, пока Нянь поменяет прогулочный поводок на домашний, провалилась в сон.

Глава 10

А утром... случилось чудо!

Разбудили меня шорохи и глухие стоны. Слегка отодвинув край занавески, я увидела следующую картину. Возле очага, прямо на земляном полу, спиной ко мне сидел Мелкий, прикладываясь к плоской фляжке. Судя по запаху то самое крепкое пойло, которое уже доводилось пробовать. Сбоку от него на перевёрнутом ведре сидел Нянь и зашивал тому рваную рану на лопатке.

– Чем это тебя? – спросил парень.

– Да, гад этот, торгаш, шипаткой зацепил, – прохрипел раненый и опять прихлебнул из фляги. – Ловко он с ней обращался, я поначалу даже испугался.

– Ты... испугался? Никогда не поверю!

– И правильно, не верь, – и он опять сделал глоток. – Теперь этот горе-вояка со своей ржавой железкой на дне, вместе со всем обозом! – и заржал в голос.

– Тише ты... – шикнул Нянь, кивнув в мою сторону. – Спит ещё.

– А-а-а, ещё дрыхнет, звёздочка наша, поздновато что-то, – ответил Мелкий и хитро подмигнул. – Что, небось, всю

ночь с ней развлекался, да? Смотри, парень... Карелл за неё тебе голову оторвёт.

– И никто не развлекался, ты же знаешь... – огрызнулся юноша. – Достала просто меня уже. Я как личная нянька или служанка при ней, надоело. Да сиди ты, не крутись, мешаешь.

Я тихонько лежала, слушая этот разговор, и тут... начало доходить. Я ведь понимаю! Понимаю каждое сказанное слово!!! Как это возможно!? Ещё вчера я была «ни бум-бум», смутно улавливала смысл лишь нескольких слов и отрывочных фраз, а сегодня... всё понимаю буквально. Вот это чудеса! Вот это скорость обучения! Такого просто не может быть! Хотя... Учитывая, что со мной произошло и где я нахожусь, поверить можно во всё что угодно!

Я чуть не вскочила со своего ложа с воплями: «Ребята, я вас понимаю!» Однако, дёрнувшись, судорожно зажала руками рот: «Вот дура! Курица тупая! Чуть сама себя не выдала! Лежи тихо, идиотка!» В голове испуганными тараканами забегали мысли, а сердце затрепетало, как у убегающего от лисы зайца. «Да если, не дай бог, кто-нибудь догадается, что я понимаю их речь, то всё... мне каюк, крышка! – Тело покрылось холодным потом. – Пока мои бандюганы уверены в том, что я ничего не понимаю, я в безопасности и мне ничего не грозит, кроме вечерних ласк Атамана (оказывается, его Карелл зовут), но к его визитам я уже привыкла. Для них я – забава, а для главаря ещё и любимая живая кукла. Пока

я молчу, ребята могут спать спокойно, зная, что я никак не могу им навредить». Все эти мысли вихрем пронеслись в голове, подсекая в каждую клеточку тела вирус страха.

В этот момент Нянь как будто что-то почувствовал и резко повернулся в мою сторону. Наши глаза встретились. Мне оставалось лишь глупо улыбнуться, тем самым показав, что «звёздочка» уже проснулась. А всё же хорошо Мелкий меня назвал, красиво... Главное, как в точку попал, я же реально свалилась на них с неба.

Весь день я подслушивала. Конечно, стараясь при этом вести себя как обычно. Нянь подозрительно косился, видимо, прикидывал, каких сюрпризов ещё от меня ждать. Мелкому о событиях вчерашнего дня и ночи он не обмолвился ни словом, да и разговаривали они мало. Но кое-что всё-таки удалось узнать.

Это в действительности была банда разбойников, но не совсем обычная. Грабили они только те обозы и караваны, которые, помимо всего остального, везли золото. Именно золото было нужно Атаману. Оказывается, и здесь, на Окатане, этот металл был таким же редким и ценным, как и на Земле. В трёх ближайших городах у Карелла были осведомители-наводчики, поставлявшие ему информацию о движении золотых потоков. А вот зачем и куда перевозили драгоценный металл, было непонятно.

В последнем налёте, когда ранили Мелкого, взяли мало, того количества, на которое рассчитывали, там не оказалось.

Отправив раненого на базу, то есть к нам в лес, Карелл с остальными пошёл в Киф, и ждать их нужно дня через три-четыре, не раньше. Выяснилось, что сидели мы не в такой уж и глуши. Недалеко были селения и в нескольких днях пути небольшие города, один из которых назывался Киф.

Вечером, пока мы с Нянем ходили к водопаду, меня прямо подмывало как-то дать ему знать, что их разговоры уже не являются для меня тайной. С одной стороны, так хотелось поделиться чувствами, эмоциями, мыслями и открытиями, задать кучу вопросов, извиниться перед ним за своё поведение и поблагодарить за всё, что он для меня сделал. Но с другой – решиться на это было страшно, вдруг возникло ощущение, что парень вовсе не так прост, как представлялось ранее, и что он совсем не такой уж белый и пушистый, каким я его себе воображаю. И вся его забота обо мне, помощь, нежные улыбки и знаки внимания могут быть продиктованы совсем не искренними чувствами, а чем-то другим. Поэтому я упорно помалкивала, пытаясь не выдать себя раньше времени.

Остальные вернулись через трое суток, а до этого я продолжала свою гимнастику, а также снова ползала по скалам и рисовала. Но теперь уже изображала не то что видела вокруг, а свою прошлую жизнь: автомобили, самолёты, океанские лайнеры, парусные корабли и подводные лодки. Нянь с Мелким только диву давались. Они никак не могли взять в толк, зачем я это делаю и что рисую, хотя парусники узнали

сразу. Одно только то, что я вообще умею рисовать, повергало их в состояние глубокого недоумения.

– Странная она совсем, – как-то произнёс Мелкий, когда они с Нянем наблюдали за моими художествами. – Может, у неё всё-таки с головой нехорошо, ты ведь помнишь, какая она была плохая? Сам ведь говорил, что совсем на «краю стояла».

– Я думаю, что с ней всё в порядке, – ответил парень. – Просто она поняла, что здесь чужая, вот и рисует, чтобы успокоиться.

– А откуда она взялась?

– Да я почём знаю! – усмехнулся Нянь. – Я знаю столько же, сколько и ты: только где, когда и в каком виде мы её нашли. Она же не говорит. Вернее, говорит, но язык-то неизвестный: не походит ни на северный, ни на язык древних или древнейших, да и на речь ангалинов тоже.

– А ты слышал ангалинов?

– Я-то нет, не слышал и слышать не хочу. Но мне дед рассказывал, что в их языке очень много шипящих и свистящих звуков, а её речь совсем не такая. А то, что она нас не понимает, а мы её, так это даже хорошо, так спокойнее.

– Да, это верно... И Карелл доволен. Такой молчаливой и послушной бабы у него, похоже, никогда не было!

И они дружно захохотали. Я же продолжала усиленно чёркать, ловя каждое их слово. Мои уши уже, наверно, превратились в локаторы огромных размеров, от усиленного под-

слушивания. Я незаметно их потрогала: да нет, нормальные пока, но если так буду продолжать, точно стану чебурашкой.

Как же всё-таки интересно слушать, когда другие уверены, что ты их не понимаешь! Никогда раньше я не старалась подслушивать чужие разговоры и подглядывать в замочную скважину, всегда считала это чем-то унижительным и недостойным, но теперь всё кардинально изменилось. Я только и делала, что прислушивалась и следила за каждым движением моих лесных сожителей и не испытывала никаких отрицательных эмоций по этому поводу, а даже наоборот. От любой, даже самой короткой фразы могла зависеть не только возможность возвратиться домой, но и моя жизнь.

Когда же вернулись трое из нашей «весёлой компании», стало ещё интереснее. Но мои уши-локаторы донесли, что надолго они не задержатся. Через несколько дней нужно опять уходить на промысел, так как идёт большой караван с Севера, среди основного груза которого будет несколько мешков самородного золота, которое является платой Северного террхана Восточному за свою новую молодую жену. Драгоценные самородки будут спрятаны в открытой повозке среди мешков с горным стеклом. Охрана обычная, чтобы не привлекать лишнего внимания, но среди охранников будет несколько сильнейших воинов Северного террхана, то есть короля. Всё это я узнала почти сразу, после того как прибыли Атаман, Гоблин и Плешивый.

Было так интересно слушать, как Карелл разрабатывает

план действий, что я даже сначала не поняла, что Нянь пытается обратить на себя моё внимание. Я вздрогнула: «Так и засыпаться недолго, развесила уши, про конспирацию совсем забыла, как бы никто не догадался. Надо повнимательней быть, не слушать так явно, лучше что-то пропустить, чем дать себя заподозрить».

А мой зритель хотел сводить меня искупаться. «Ну да, начальник вернулся, надо бабу к ночи подготовить. Вот какой ты исполнительно-заботливый мальчик, прямо личный камердинер», – ехидно подумала я. Пока Нянь перематывал на себя мою привязь и искал по хижине чистую одежду, я доела предложенный ужин из запечённой рыбы с какими-то кисловатыми плодами, похожими на сливы. И вдруг Атаман перевёл разговор на меня:

– Дайк, ну как вы тут жили-поживали?

Парень еле заметно вздрогнул и обернулся. «Так вот как тебя зовут, нянюшка моя дорогая! Дайк, значит. Ну наконец-то узнала!» Хорошо, что в сторону Няня никто не смотрел, кроме меня, а то бы точно заметили, как тень промелькнула по его лицу.

– Да нормально жили, спокойно... – ответил он совершенно ровным голосом.

Всё это время Карелл не сводил с меня глаз. Я замерла, не успев проглотить последний кусок рыбы.

– Чем занимались? – протяжно продолжил бандитский «босс».

– Всё, как всегда. Один раз я на охоту ходил, но неудачно, а она... – Нянь кивнул на меня, – совсем в свои художества ударилась, все камни вокруг изрисовала. И рисует что-то непонятное, я только корабли да колёса и разглядел, а остальное...

И Дайк выразительно пожал плечами.

– Да... я видел, – Атаман продолжал меня рассматривать. – А как её раны, как нога?

– Всё хорошо, ногу она сама отлично растянула почти не хромает уже. Молодец, сообразила, что и как делать, я не помогал.

– А как с речью?

– Никак.

Карелл продолжал разглядывать меня в упор. Кое-как проглотив застрявший кусок и улыбнувшись своей «фирменной» глупой улыбкой, я вышла вслед за парнем.

Пока топали купаться, Нянь, он же Дайк, постоянно пытался заглянуть мне в лицо. Я же отводила глаза или смотрела под ноги. Когда подошли к воде, Дайк, взяв мою руку, потащил меня в обход озерца, прямо к скале, из которой струился водопад. Пройдя по камням, мы остановились очень близко от падающего потока. Усадив меня на валун, парень опустился на корточки и, положив свои руки на мои, произнёс:

– А теперь, когда мы одни, скажи мне, пожалуйста, это очень важно для тебя и для меня... – он сделал паузу, – ты

меня понимаешь?

Я зависла: «Догадался! Грош цена моей конспирации, не выйдет из меня Маты Хари. Что делать-то?! Надо, наверно, признаться ему... Раз он догадался, то и остальные скоро меня раскусят, а Карелл тем более. Значит, всё-таки за мной очень пристально наблюдали, а я-то думала, что и внимания никто особо не обращает».

Дайк смотрел на меня и успокоительно поглаживал мои руки:

– Я прошу, скажи, не бойся... Я не для того выцарапывал тебя у Хранителя, чтобы потом увидеть, как ты погибнешь.

Я судорожно сжала его руку и кивнула.

– И как давно?

– После ночи над обрывом, – сдавленным голосом ответила я.

Наступила долгая пауза, я увидела, как Дайк о чём-то усиленно думает.

– Я не понял, повтори.

Я повторила. Он опять не понял.

– Ты... ты точно меня понимаешь?

Я усиленно закивала. Странно... Понимаю всё, а говорю по-своему.

– Подними руки вверх.

Я подняла.

– А теперь опусти и погладь себя по голове.

Я выполнила. Стало смешно.

Сдёрнув с камня, Дайк порывисто прижал меня к себе.

– Значит, получилось! Сработала травка, а я уже не надеялся... – он продолжал меня обнимать. – Пусть и не совсем так как я ожидал, но всё равно хорошо. Главное, что мы можем теперь общаться, пусть и однобоко, правда?

В ответ я кивнула и улыбнулась.

– А сейчас быстро окунайся и нужно возвращаться, мы не можем рисковать.

Пока я вытиралась и переодевалась, Дайк, постоянно оглядываясь, давал последние указания:

– Веди себя спокойно и старайся себя не выдать, не прислушивайся так явно. Хлопай глазами и улыбайся, как и раньше. Я догадался, потому что уже хорошо тебя знаю, и ожидал того, что ты должна будешь со временем начать понимать речь, ведь для этого и поил тебя травой разума. Карелл хитрый и очень подозрительный, с ним веди себя крайне осторожно и не думай, что ты для него что-то значишь, остальные тоже не дураки, лучше держись от всех подальше. Ты понимаешь, что я тебе говорю?

Я опять закивала, как китайский болванчик. Парень продолжил:

– Пока неизвестны дальнейшие планы, но на зиму мы точно здесь не останемся. И как Карелл поступит: возьмёт тебя с собой, спрячет где-нибудь или... короче, не знаю.

Я похолодела. Так вот, значит, как! Весёленькая перспектива! Зато теперь понятно что у меня есть союзник. Дайк –

это единственная надежда, возможно, он что-нибудь придумает.

– А сейчас всё, молчим и делаем вид, что ничего не изменилось. Через два дня все уйдут, и тогда поговорим. Ты поняла меня?

Ответом был мой кивок.

Вернувшись в хижину, я забила в свой уголок и, задвинув занавеску, попыталась расслабиться и хорошенько всё обдумать, пока не появился Карелл. А подумать было о чём!

Глава 11

Уже не один раз и не два, в последнее время, особенно после памятной ночи, когда я поняла, где оказалась, мои раздумья проходили как бы в виде диалога между мной и моим внутренним я, которое начало принимать какие-то странные формы, в зависимости от темы нашей внутренней беседы. То оно читало мне лекцию в виде лохматого профессора, то механическим голосом робота выдавало сухие факты, то успокаивало обволакивающим шёпотом влюблённого мужчины. Я начала подозревать, что у меня развивается шизофрения с раздвоением личности, как следствие травм, потери крови и сотрясения мозга, а также стресса. Но мой мозг властным, начальствующим тоном сообщил, что на фоне пережитых травм и потрясений я просто наконец-то научилась слышать и слушать свой внутренний голос, который отныне все-

гда будет со мной, то есть во мне, где оборудует для себя персональные апартаменты. А вот общаться он будет в такой форме, в какой сам посчитает нужным. Сказал как отрезал.

В тот момент почему-то пришла мысль, что в доме может поселиться домовой, а в моих мозгах появился... Мозговой, и очень похоже, что он этот самый мозг и будет мне выносить. А ещё через несколько секунд родился какой-то идиотский стих по этому поводу, хотя никакой склонности к поэзии я за собой никогда не замечала:

В доме с длинную трубой
Поселился домовой.
Он не курит и не пьёт,
Но хозяйство всё ведёт.
А в моей же голове
Черти спели на заре...
Навести порядок свой
Сможет личный Мозговой!

Когда внутренний голос услышал это моё первое стихотворчество, то сказал, что в целом суть отражена верно и ему вполне нравится, но лавры знаменитой поэтессы мне точно не светят. В общем, вот как-то так я и познакомилась со своим внутренним другом.

Поэтому, лёжа в полумраке и закрыв глаза, я как бы постучала в воображаемую дверь, и мне ответили: «Входи!» Открыв её, я вошла в старинную библиотеку с массивным сто-

лом в центре круглого пространства, высокими стеллажами книг по всей окружности и большим глобусом с орбитами и спутниками на тонких проволоках. Я обалдело осмотрелась: «А неплохо он устроился, и библиотека шикарная, сама бы тут жила».

Голос моего разума стоял на лесенке и что-то искал среди древних фолиантов. Он выглядел как типичный профессор: седой, в бордовом бархатном халате и с моноклем в глазу:

– Ну что надумала? – осведомился он, не отвлекаясь от своего занятия.

– Да вот у тебя хотела спросить, что делать и что думать.

– Вот, нашёл... – он быстренько спустился и помахал перед моим носом какой-то мятой бумажкой. – Как думаешь, что это?

– Не знаю.

– Это будущая карта материковой части Окатана, я уже начал её составлять. Догадываешься зачем?

– Нужно бежать отсюда, – я вздохнула, – как можно быстрее и как можно дальше.

– Умница! – и профессор послал мне воздушный поцелуй.

– Только как и куда?

– Думаю, что скоро мы поймём, а пока очень мало информации, чтобы принять какое-либо решение, но уверен, что Дайк знает, как и куда, он поможет тебе. Спроси ещё что-нибудь...

– Почему я понимаю разговоры, а у самой не получается

связать и двух слов? Я ведь прекрасно понимала, что говорит Дайк, но отвечала на своём языке, и конечно, он не понял. Как такое может быть?

Мозговой уселся в мягкое кресло за столом и сцепил пальцы в замок:

– Всё просто и сложно одновременно. Сейчас, а точнее, после той ночи над обрывом, когда ты поняла, что это не Земля, и убедилась в этом, некоторые части твоего мозга, под воздействием сильнейшего стресса и напряжения, как бы перенастроились или перепрограммировались, и главную роль в этой перезагрузке сыграла та химическая подготовка, которую провёл Дайк, давая тебе отвар травки, которую ты так не любила пить. Если упростить, то можно сказать, что твой мозг настроился на принятие других частот. Ты ведь знаешь, что реакции мозга имеют электрохимическую природу?

– Да, знаю.

– Поэтому, Кари, – он поднял указательный палец, – ты понимаешь всё, что говорят вокруг, но не на уровне языка, языка ты пока не знаешь, а на уровне мозговых вибраций, то есть частот той речи, которую ты слышишь.

– Я читаю мысли?!

– Не-е-ет! Ты не читаешь мысли! – он быстро замотал головой в стороны. – Ты только улавливаешь частоты языка. Твой мозг, то есть я, обрабатывает их, переводит на твой родной язык и выдаёт в качестве понимания. Понятно? – и про-

фессор усталился через дурацкий монокль.

– Не-е-е совсем...

– Так, ладно, объясняю для тупых. Звук – это вибрации, то есть колебания, так?

– Так.

– Любое колебание имеет частоту, так?

– Так.

– Разговор или речь – это также колебание воздуха, которое обладает своей частотой, так?

– Допустим...

– Из-за различий произносимых звуков, тембров, интонаций и так далее каждый язык имеет свою индивидуальную частоту колебаний, так?

– Так.

– Да хватит такать уже!

– Ты первый начал.

Мозговой нахмурился, но, махнув рукой, продолжил:

– Поехали дальше. Любое ухо устроено таким образом, чтобы улавливать эти колебания и соответственно частоты. Я доступно объясняю?

– Вполне.

– Слыша речь, то есть улавливая эти частоты, ухо отправляет сигналы в мозг, которые он воспринимает и обрабатывает...

– Всё-всё хватит, стоп... – я выставила ладонь вперед. – Дошло, я поняла.

– Что ты поняла?

Я собрала мысли в кучу:

– Некоторые частоты моего мозга теперь совпадают с частотами мозга окружающих меня людей, и я, буквально не понимая значения слов, воспринимаю сразу частоту сигнала и перевожу в понятный для себя.

– Правильно!

– То есть, для того что бы говорить самой, а не просто принимать частоты, как радиоприёмник, язык придётся учить обычным способом.

– Десять баллов! – засмеялся мой внутренний умник.

– Но подожди... – я на несколько секунд включила паузу. – А не значит ли это... что... – открывшаяся перспектива была потрясающая, – теперь я смогу понимать любой язык, ведь мой мозг напрямую считывает частоты речи, которую слышит, и может перенастраиваться?!

– Очень велика вероятность, что так и есть. Отлично! Соображаешь, когда хочешь! – он радостно потёр руки. – Ну, хватит на сегодня, проваливай. Сейчас твой ночной воздыхатель заявится, а я не хочу при этом присутствовать. Развлекайся пока.

Внутренний голос взмахнул руками – и я открыла глаза.

«Хорошо поболтали, – я удовлетворённо хмыкнула, – и библиотека красивая». В голове всё разложилось по местам, ответы на возникшие вопросы я получила, и то, что придётся вскоре делать отсюда ноги, уже так не пугало. Первый этап

моей жизни здесь, на Окатане, подходит к своему завершению. Нужно идти дальше, узнавать этот мир, учиться жить здесь и главное – искать путь домой.

Мысли прервал шорох. «Явился, не запыхался, – злобно подумала я. – Сеанс вынюхиваний объявляется открытым». Кулаки сжались сами собой. Спокойствие, только спокойствие. Как-то сегодня терпеть атамановские штучки совсем не хотелось. По старой привычке я начала считать и дошла уже до сотни, но ничего не происходило. Карелл просто лежал рядом, не проявляя ни капли активности.

«Может, спит уже? – мелькнула мысль. – Устал, переход был дальний и к бурдюкам вечером все неплохо приложились». Но надежда не оправдалась. Повернувшись набок, Атаман обнял меня и привычно уткнулся носом. Вот и пришло время узнать, что же такое «отари».

Как только он не называл меня этой ночью: и красавица, и любимая, и девочка моя золотая. Он шептал, что мой запах сводит его с ума, что ни одна женщина в его жизни не доставляла ему столько наслаждения, что я как глина в его руках, из которой он лепит свою мечту. Прямо-таки Омар Хайям! И без конца, хриплым шёпотом, отари... отари... отари... Так как это слово я чётко знала, то уловить смысл не составило труда. Отари – это звёздочка. Так вот от кого пошло моё прозвище! Подслушивают, значит! Вот банда извращенцев! Также я поняла, почему ранее, когда звёздочкой меня назвал Мелкий, я не догадалась, что означает «отари». Мел-

кий произнёс другое слово, но с этим же смыслом, возможно, синоним или из другого языка.

Карелл был нежен как никогда, соскучился наверно. От его ласковых слов, которые я уже прекрасно понимала, поглаживаний, сильных рук и жарких объятий накатила такая волна возбуждения, что, когда он, как обычно, всё закончил, я чуть не взвыла. Первый раз за мою сознательную сексуальную жизнь меня так обломал мужик. Никого и никогда до этого я так не хотела, как его в тот момент. Головой я понимала, что всё хорошо, я веду себя правильно и, возможно, именно пассивность, молчание и страх с моей стороны так привлекают его. Но как же хотелось в ту минуту, чтобы он сделал всё по нормальному! Я бы не возражала, а потом будь что будет.

Через пять минут он уже спал, вжавшись носом в мою макушку. Я была в шоке от своих эмоций и медленно приходила в себя. Карелл обнимал со спины, а я, слушая его ровное дыхание, вспоминала слова Дайка о том, чтобы не смела даже думать, будто бы могу что-то значить для Атамана. Не хотелось в это верить. Совсем не хотелось... после всего.

Прикрыв глаза, я позвала Мозгового. Ответа не было. Позвала снова и услышала раздражённое: «Я уже сплю, и ты спи, потом поговорим». И раскатистый храп. Вот гад! Он в моей голове ещё и храпит! Хорошо, что этого никто не слышит, кроме меня. Вот было бы весело – испускающая звонкие рулады «звёздочка»! На этом я и заснула.

Глава 12

Первой проснулась почему-то я, обычно было наоборот. Карелл лежал на спине, повернув голову в мою сторону. Первый раз я видела его так близко при нормальном освещении. Занавеска была задёрнута, и что происходило в хижине, я не видела. Привстав на локте, я всмотрелась в его лицо. Обращённая ко мне, целая половина была расслаблена, а длинные волосы, без намёка на седину, разметались по плечам. Сейчас ему можно было дать лет тридцать пять, не больше. Несколько тонких морщинок в уголке глаза, высокий лоб, нос с маленькой горбинкой и немного хищные ноздри. Когда не было видно уродливого шрама, выглядел бандитский начальник гораздо моложе: тёмная щетина, красивое тело, сильные руки с рельефной мускулатурой, лежащие под головой. А мужик-то brutальный и даже красивый, на мой взгляд.

«Ну-ка, ну-ка, а это что такое?» – я присмотрелась. На правом плече виднелся какой-то узор, опоясывающий по окружности бицепс. И это была не татуировка. Рисунок выглядел как впечатанный в кожу след от широкого браслета, похожий на наложенные одна на одну чешуйки. Я подвинулась поближе. Точно, отпечаток. Как будто был одет браслет, потом его сняли, а вдавившийся контур только-только начинает исчезать. Но никаких подобных украшений я на Карел-

ле ни разу не видела. Хотя кто его знает, может, он и носил, но под рубашкой было незаметно.

И тут он открыл глаза. Я дёрнулась от неожиданности. Полежав несколько секунд, мужчина приподнялся, как-то очень недобро зыркнул на меня и, схватив рубаху, которая валялась в ногах, пулей вылетел из хижины.

– Ну что? – раздался голос из головы. – Убедилась, что Дайк прав?

– Убедилась. Надо драпать отсюда как можно скорее иначе рискую получить «стокгольмский синдром», когда жертва влюбляется в своего палача.

– Убежим, нужно только время, чтобы подготовиться.

Почти весь день я провела на любимой полянке. Очень хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать вообще ничего и таким образом себя не выдать. Всё-таки утром я сильно испугалась, что чем-то не угодила Кареллу. Его злобный взгляд из-под широких бровей нет-нет да и всплывал в памяти. Чтобы отвлечь от тревожных мыслей, Мозговой травил похабные анекдоты, а я и не знала, сколько всякой пошлятины хранила, оказывается, моя память.

Банда готовилась к новому походу. Дайк носился по хозяйству, остальные сбегали на охоту и принесли штук десять небольших птиц, похожих на куропаток. Атаман же, почти до ужина, провалялся на тюфяке, а когда разделали и запекли несколько тушек, взял половину одной, завернул в чистую тряпку и ушёл в лес. И куда он, интересно, на ночь глядя?

Проснулась я оттого, что мне зажали рот. Открыв глаза, я рассмотрела Дайка, который прижимал палец к губам, показывая молчать. Я кивнула. Он убрал руку и поманил за собой, я быстро натянула угги. Возле двери лежала пара чем-то набитых мешков, один из которых мой нянь всучил мне, а другой положил на моё место и прикрыл одеялком. В хижине раздавался дружный храп, но, пересчитав лежащие тела, я поняла, что Карелла нет – его тюфяк был пуст.

Ночь стояла глухая, до рассвета ещё далеко. Развязав мою привязь, Дайк закинул мешок за плечи и повёл меня за собой. Было холодно, но от быстрой ходьбы я согрелась. Сначала мы шли, а точнее, почти бежали к водопаду, но, не доходя до него, свернули, огибая скалы по дуге. Лес не спал: доносились какие-то шорохи, потрескивания и постукивания, звуки, похожие на чавканье, а в густых кронах шумел ветер.

Через несколько минут мы пришли. Только куда? Опустившись на колени, Дайк пошарил руками по земле и, резко дёрнув, отодвинул замаскированную мхом и опавшими ветками крышку то ли лаза, то ли люка. Парень оглянулся и в темноте его глаза хищно сверкнули. Меня аж передёрнуло! Поманив за собой, он начал спускаться. «Туда?! Вниз?! В крошечную тьму?! Да ни за что!» Слишком хорошо ещё помнилась чернота и пустота, в которую я падала почти три месяца назад, поэтому и стояла истуканом. Снизу слышался шёпот:

– Не бойся, лезь сюда.

Присев на корточки, я нащупала лестницу. Эх, знала бы, что ждёт впереди, точно бы не полезла! «Ну, с богом!» – сказала сама себе и начала спускаться. Внизу зажётся тусклый огонёк. Дайк ждал, держа в руке маленький факел. Спустившись, я осмотрелась. Мы стояли в небольшой пещерке, а впереди чёрной дырой зиял узкий проход. Передав мне факел, Дайк быстренько вскарабкался наверх и задвинул крышку. Пришло ощущение, что мы в могиле.

Освещая путь тусклым светом и согнувшись в три погибели, мы прошли по туннелю, наверно, метров двадцать, сложно сказать точно. Проход был узким, но ровным, и спускался под небольшим углом. Мне показалось, что рыли его не вручную, а с использованием каких-то механизмов, уж слишком он был правильным, почти гладким. Дайк остановился, и я уткнулась ему в спину. Мы оказались в маленькой пещере, такой же правильной формы.

– А теперь смотри, слушай и запоминай, – проговорил он обернувшись. – У нас очень мало времени.

Воткнув еле горящий факел в щель между камнями и пройдя чуть вперёд, к провалу в стене, он поднял что-то с земли. Это был не очень толстый канат с навязанными через небольшие промежутки узлами. Дайк потянул за него, и из дыры показалась странная тележка или вагонетка на колёсиках. Подойдя ближе, я заметила рельсы, на которых и стояло это транспортное средство. Сердце ёкнуло и заколотилось. Стало понятно, что будет дальше. Глядя на эту тележку, я

никак не могла унять панику и ужас: по форме и размерам вагонетка очень напоминала гроб, только без крышки.

– Это спуск вниз. Я нашёл его в прошлом году, когда искал тайник Карелла. О нём никто не знает. Спустившись, ты окажешься у самого леса под обрывом. Пойдёшь строго на юг. Всё необходимое в мешке, – и он бросил его на дно тележки. – Еда, вода на первое время, в лесу много родников, закончится – найдёшь. Там же твоя одежда, в которой мы тебя вытащили из ямы, только от неё мало что осталось. Ещё я положил обычную верёвку, моток каморты¹ на всякий случай и к ней фляжку с расслабляющим отваром, пользоваться ты умеешь... – парень грустно усмехнулся. – Только смотри, отвар береги, если потеряешь или разольёшь, то сама понимаешь, «слепую смерть» без него не снять. Ночуй, по возможности, на деревьях, ищи крупные плоские ветви, внизу ночью может быть опасно, а ты, я так понял, эту местность не знаешь.

Дайк говорил быстро, иногда сбиваясь на скороговорку, но я всё понимала, а также осознавала, что сейчас придётся спускаться в этом гробу туда, вниз, в черноту и пустоту,

---

¹ Каморты – «слепая смерть»: лианоподобное полурастение-полуживотное. Считается вымершим и в дикой природе не встречается. Практически бессмертно. Выглядит как верёвка тёмного цвета. При завязывании в узел воздействует на зрение жертвы неизвестным способом. Так как отделено от корня убить добычу не может, но продолжает жить. Ни развязать, ни разрубить каморту, на которой есть хоть один узел, невозможно. Единственный известный способ – это отвар из маленького кусочка самой «слепой смерти», полученный, когда каморты находится в расслабленном состоянии. Местный раритет, стоит очень дорого.

одной и идти неизвестно куда, через огромный лес в полном одиночестве. От страха ноги подкосились, а едва зажившая конечность дала знать о себе тупой тянущей болью под коленкой. Я прислонилась к холодному камню. Дайк подошёл близко-близко и, положив руки мне на плечи, судорожно прошептал:

– Я знаю, что тебе страшно... Мне тоже очень страшно... До следующей ночи я могу не дожить, и помочь тебе будет некому, – он перевёл дыхание. – Но за тебя я боюсь больше чем за себя, ты остаёшься совсем одна. Я не могу пойти с тобой. Солдаты террхана скоро будут здесь. Я не знаю, что случилось, как они нас нашли... Летун, с предупреждением от моего деда, появился вовремя. Тебе нельзя здесь оставаться, будет большая драка. Поэтому пойдёшь одна, а я должен остаться до конца. Может, Карелл сам убьёт меня, а не он, так солдаты...

Я всхлипнула. В горле надулся жёсткий ком, и градом хлынули слёзы.

– Не плачь... Не плачь, пожалуйста, а то я тоже сейчас заплачу.

Он вытер влагу с моих щёк:

– Главное, не бойся. В туннеле нет ничего страшного, кроме темноты, пару раз ты попадёшь под поток воды и всё. В тележке есть выемка, вот она, смотри... – он взял факел и осветил вагонетку. – Когда устанешь стравливать верёвку, всунь в неё узел и отдохни. Уклон небольшой, но туннель идёт по

спирали, поэтому не упусти канат, иначе к концу скорость будет большая, лучше лишний раз остановись. Часа за два ты справишься, ты сильная... ты сможешь...

Тут уже я не выдержала. Бросившись парню на шею, я вцепилась в него повторяя:

– Дайк, нет! Нет! Я боюсь! Дайк! Я не хочу туда, мне страшно! Я умру в этой темноте! В этом гробу! Дайк, миленький! Не оставляй меня, пожалуйста, не оставляй...

– Тихо... тихо, моя хорошая... – он гладил меня по спине, крепко прижимая и шепча в ухо. – Кроме своего имени, я не понял ни слова из того, что ты сказала, но я всё чувствую. Всё будет хорошо, запомни. Всё будет хорошо! Мы ещё обязательно встретимся! Такую девушку нельзя забыть. Если я буду жив, то обойду все земли, но найду тебя, хотя бы только для того чтобы убедиться, что с тобой всё в порядке! Слышишь? Всё будет хорошо...

Он, не переставая, гладил меня, а я не могла от него оторваться.

– Всё, всё, успокойся... – Нянь взял меня за плечи и хитро улыбнулся: – Кстати, я правильно понял тогда, тебя зовут Карина?

Я смогла лишь кивнуть, слёзы душили.

– Ну, вот и познакомились! А теперь всё, залазь в эту штуку, и так уже много времени потеряли.

Только мысль о том, что, избавившись от моего присутствия, Дайк сможет выжить, заставила улечься в этот длин-

ный узкий ящик.

– Эта тачка привезёт тебя в большую пещеру, выход ты увидишь, и сразу же беги в лес, чем дальше будешь, тем лучше. У Карелла очень тонкое обоняние, если он выживет и решит искать тебя, то рано или поздно найдёт, твой запах нельзя забыть или перепутать. Вот поэтому ищи в лесу голубенькие мелкие цветочки, помнишь, я положил тебе букетик?

Я кивнула. Этот букетик я ещё отпихнула, от обиды на своего друга.

– Срывай соцветия и растирай их на себе, особенно руки, ноги и обувь. Это собьёт со следа даже горного волка, только сильно три. Если будешь правильно выдерживать направление, то дней через пять-шесть выйдешь к реке. Плавать умеешь?

Я закивала и показала кулак с поднятым вверх большим пальцем. Дайк заулыбался:

– Это значит, хорошо умеешь?

Уже на его языке я выдавила:

– Да.

– Отлично! Переберёшься на другой берег и двинешься дальше, вниз по течению. День-два и начнутся обжитые земли. В карман твоих странных штанов я положил немного денег, в ближайшей деревне купишь лошадь и спросишь дорогу на Латрас. Попробуй пристать к обозу или каравану, если встретишь, так безопаснее. Когда доберёшься до Латраса, то

найди кузнеца Малахана и скажи ему, ну как сможешь, что тебя прислал Дайкаран эн Тайар. Если мой дед в городе, он скажет, где его искать, а если нет... – парень замылся, – тогда не знаю, что делать. Постарайся задержаться там, придумай что-нибудь, как выкручусь, то я сразу же приду к Малахану. Ну а вдруг надумаешь податься куда-то, предупреди кузнеца, куда поправишься, чтобы я смог быстрее найти тебя... Кари. Можно я буду так тебя называть?

Я сжала его руку.

– Держи верёвку, мне пора.

Дайк взгляделся на прощание в моё лицо, криво улыбнулся, ямочка на щеке появилась и быстро пропала, и... толкнул тележку. Деревянный гробик покатился в темноту. Вдогонку я услышала:

– Не поднимай голову, пока рукой не проверишь высоту потолка, есть очень низкие места. И ничего не бойся!

Глава 13

Ужас кромешно-тёмного, узкого и душного пространства не передать никакими словами. Я никогда не страдала какими-либо фобиями, но теперь нам довелось познакомиться: «Карина – это клаустрофобия, клаустрофобия – это Карина». Я ощущала себя лежащей в гробу в глубокой могиле. А ведь в действительности так оно и было. Стало понятно, каково бывает шахтёрам, заваленным в шахте, ещё живым

подводникам на затонувшей подлодке и тем несчастным, кто проснулся от летаргического сна в собственном гробу.

В какой-то прострации я перебирала узлы на канате, тележка катилась, но стоило замешкаться, как сразу чувствовался уклон и то, как сила тяжести тянет мой ящик на колёсиках вниз. А вокруг полный мрак... и только звуки дыхания и шорохи движений.

Мысли носились по замкнутому кругу: Дайк... Карелл... солдаты... Будет большая драка, и возможно, они погибнут и опять... Дайк, Карелл, солдаты... Дайк, Карелл, солдаты... Вот вам и Дайк, вот вам и добрый милый мальчик! Вычислил меня почти сразу, как только я начала притворяться, что не понимаю их разговоров! Вот это парень! Вот это умница! Я же совсем ничего не знаю ни о Дайке, ни о Карелле и остальных, ни о жизни в этом мире – ничего! Просидела в лесу на привязи, видя только скалы да деревья: сначала раны заживали, потом привыкала к этой лесной жизни, но... А может, и хорошо что так сложилось: было время понять и принять то, что произошло, собраться с силами и окрепнуть, а вот теперь выходить, в моём случае выезжать, в колёсном гробике в другую жизнь... Как они там?! Только бы всё с ними было хорошо! И плевать, что бандиты! Пусть бы отбились или удрали, да что угодно! Не хочу, чтобы кто-нибудь погиб, даже ненавистный Плешивый. Я ведь уже всех знала по именам: Гоблина звали Грас, Мелкого – Олли, а Плешивого – Лакран, но чаще Лакр. Это люди, с которыми я прожила по-

что три месяца, если мои подсчёты верны, и никому из них не желала смерти. Я к ним привыкла, а к двоим особенно.

Сложно было понять сколько времени я еду, вернее как-чусь. Руки уже болели, и ощутимо. Я решила остановиться ненадолго и передохнуть. Зажав одной рукой узловатый канат, медленно подняла другую: пальцы упёрлись в камень почти сразу, сесть не получится. Нащупав выемку в бортике за головой и закрепив узел, я остановилась: «Спокойно, Кари, спокойно... Дайк сказал, что часа два, и я выберусь отсюда. Главное, без паники, настоящие приключения только начинаются и нужно быть готовой хотя бы морально... Кари... Странно, уже сама себя так называю». В прошлой жизни, на Земле, никто и никогда так не сокращал моё имя. Обращались ко мне, обычно, по полному имени, даже родители и сестра. А тут сначала Мозговой укоротил, потом Дайк, а теперь и сама. Непривычно, но здорово! И почему раньше никто не додумался?

– Потому что раньше у тебя не было меня, – голос внутри был тихим и ласковым. – Вернее, был, но ты меня не могла слышать.

– Ну, здравствуйте! Объявился наконец-то! А то мне показалось, что я совсем одна осталась.

– Я не могу тебя оставить, ведь я – это ты, а ты – это я. Просто нормально мы можем общаться только тогда, когда ты расслаблена и более-менее спокойна. А в другое время, когда внутри тебя бушуют эмоции, или ты чем-то занята и

сосредоточена, или с кем-то разговариваешь, я не всегда могу достучаться. Вот как-то так.

– Я очень рада, что ты со мной, Мозг, правда, очень-очень...

– Я тоже... – он ненадолго замолчал. – Помнишь аквапарк и горки?

Вопрос был неожиданным.

– Ну, помню, а что?

– Представь, что ты в аквапарке и движешься по пластиковой трубе, только медленно и в темноте.

– Не смейся, Мозговой! Какая же это труба? Это туннель в преисподнюю! – я заулыбалась.

– Ну вот, ты уже смеёшься, это хорошо.

– Смеюсь, ага, а что ещё остаётся?

– Значит, поехали дальше, хватит отлёживаться. Чем быстрее отсюда выскочим, тем лучше.

– Поехали!.. Слышишь, Мозг? Да я просто как Гагарин, – я опять засмеялась, – только он вверх, а я вниз.

Вот так, перебирая руками, я потихоньку спускалась.

– Эй, там, на шхуне, сколько мы уже едем? Как думаешь?

– Минут сорок-пятьдесят, не меньше.

– Почти полпути позади, уже легче.

Вскоре послышался шум воды. Сначала звук доносился сверху, потом сбоку. А когда меня окатил холодный поток, то от шока я чуть не выпустила верёвку. Из-за заминки тележка моментально наполнилась водой. Отплёвываясь, я за-

вопила:

– Подлодка тонет, но не сдаётся!

Быстро стравив несколько метров, я остановилась. Подземный водопад остался позади. Проверив высоту потолка, я села. Голова упёрлась в камень. Возмущение идиотизмом ситуации, било через край:

– Мало того что в темноте, в гробу, под землёй, так ещё и в ледяной воде! Если я здесь утону, то этот гробик окажется очень кстати! Впереди должна быть ещё одна такая же река Аида, и въеду я в неё на своих колёсах!

– Воду вычерпывай, – отозвался мой внутренний капитан.

С сопением, кряхтением и при помощи могучего русского и нецензурного я кое-как перевернулась и, встав на колени, принялась за спасение утопающих. Махая руками, я без конца билась головой о потолок, ругаясь при этом как сапожник. Вычерпывать воду только руками и так сложно, а в полной темноте и на ощупь что-то совсем запредельное. Помогали бортики моего колёсного судна. По ним я проверяла высоту воды внутри этого «корыта». Но, по правде говоря, вагонетка была сделана на совесть, никаких щелей или дыр в ней не имелось. Когда вода осталась только на дне, я уже была на пределе.

– Всё, хватит, больше не могу. Мокро, но не смертельно, можно двигать дальше. Мешок промок, конечно... – я ошупала тяжёлый куль, который валялся в ногах. – Ладно, выберемся – высушу как-нибудь. Хорошо, хоть не смыло таким

ПОТОКОМ.

Приняв исходное положение, я нащупала свой страховочный канат и покатила дальше. Так страшно уже не было. То ли ледяной душ помог, то ли бурная деятельность, от которой ныло прежде порванное плечо и зудели ободранные о канат ладони, то ли голос Мозгового, который дал почувствовать, что я не одна в этом мраке, – не знаю. Но я спокойно и методично перебирала узлы на верёвке, тележка катилась, я спускалась. «Скоро опять должен быть водопад, – думала я. – Важно не разжать руки».

Но несмотря на то что один раз подземную реку я уже преодолела, вода всё-таки обманула. Заранее не было слышно никаких шумов – я просто врезалась в водную стену. Мощная струя ударила прямо по рукам и... канат я выпустила. А дальнейшее напомнило аттракцион «американские горки». Тележка набирала скорость несмотря на то что была наполнена водой почти доверху. Хорошо, что вокруг было темно, я ничего не видела, а только ощущала, что несусь с бешеной скоростью. Наверно, именно вода в этом гробике меня и спасла. Я почувствовала крутой поворот, колёса противно закрипели, потом движение немного замедлилось и, резко ударившись в какое-то препятствие, вагонетка стала дыбом, а я, как пробка, полетела вперёд.

Однако падение оказалось удачным. Я лежала на своём мешке, который сыграл роль амортизатора. Ощупав окружающее пространство, я поняла, что в точку назначения этот

загадочный лифт меня всё-таки доставил. Сначала ничего не было видно, но через несколько минут зрение адаптировалось, и меня окружала уже не полная тьма, а полумрак. Это хорошо, глазам легче привыкнуть. Перевернувшись набок, я прислушалась к ощущениям тела: ничего сильно не болит, руки-ноги работают, голова вертится. Всё в порядке.

Я находилась в пещере, как Дайк мне и говорил. Буквально на высоте нескольких метров виднелось отверстие, из которого падал тусклый свет. Для того чтобы до него добраться, больших усилий не требовалось. Как по заказу, прямо к дыре вела огромная куча валунов разных размеров. «Выход есть!» – обрадовалась я. Отжав воду из мешка с припасами, уж как получилось, я вернулась к вагонетке. Она лежала на боку, но вроде была целёхонька. «А гробик-то для меня длинноват, – удивилась я. – Полтора моих роста, не меньше, и выемки для верёвки с двух сторон».

– Так! Стоп! – вслух скомандовала я себе. Вспомнилось, как Дайк провожал меня в эту чёрную шахту: он подтянул тележку, которая была скрыта в глубине каменного коридора. Значит, если я поставлю её на рельсы и зафиксирую канат, то он вполне сможет подтянуть её наверх, пусть это и займёт какое-то время. Кто знает, что и как случится, а вдруг это хоть как-то поможет ему.

Приняв решение, я выгребла оставшуюся в тележке воду и попробовала вернуть её на место. Работа заняла несколько минут. Вагонетка оказалась не слишком тяжёлой, несмотря

на массивный вид. В три приёма я поставила её на рельсы и вложила канат в выемки бортиков, стали они чётко. «Продуманно, однако, – почесала я нос. – Если вдруг из одного паза узел выскочит, остаётся второй».

Проверив ещё раз, как всё закреплено, я немного успокоилась:

– Я сделала всё, что смогла, Дайкаран эн Тайар. Надеюсь, это поможет тебе в трудную минуту. Ты только выживи, пожалуйста. Только выживи...

Закинув за плечи мокрый и тяжёлый мешок, я начала карабкаться к выходу.

Часть 2. Дорога

Глава 1

Светало... Прохлада раннего утра приятно бодрила, когда я опрометью мчалась под защиту деревьев. Добежав до кромки леса, я обернулась и, запрокинув голову, глянула наверх. Гигантская стена из камня поднималась ввысь, внешне напоминая американские каньоны или норвежские фьорды. Кинув прощальный взгляд на линию обрыва и размазывая слёзы, я скрылась в тени деревьев.

Бежать было тяжело. Мешок добавлял нагрузки, и вскоре я поняла, что всё, больше не могу. Перейдя на шаг, удалось немного выровнять дыхание. Лес был негустой почти без подлеска. Изредка попадались заросли кустов, которые приходилось огибать, но идти было несложно. Поглядывая на небо, я сверялась с направлением и шла почти точно на юг. «Но это сейчас солнце, вернее солнца, сияют в безоблачном небе, – размышляла я про себя, – а что я буду делать, если станет пасмурно, как тогда ориентироваться?»

– Что-нибудь придумаем, – отозвался Мозговой.

– Ты у нас умный, тебе виднее...

К тому моменту, когда оба светила были уже в зените, я еле переставляла ноги: ныло плечо от тяжести мешка, дро-

жали руки, а спина готова была сломаться.

– Надо сделать привал, слышишь, Мозг? Ещё проверить мешок и, пока жарко и ветрено, попробовать просушить.

– Давай, только ненадолго. Нужно уйти как можно дальше.

По ходу движения я увидела небольшую полянку и похромала к ней. Усевшись под толстым раскидистым деревом, я принялась за инвентаризацию, да и поесть не мешало. Одежда полностью промокла. Как смогла я его выкрутила и развесила на солнцепёке. Моя одежда, та самая, в которой в день аварии я выскочила из дома, пришла в абсолютную негодность: джинсы разорваны, особенно левая штанина, молния болтается на нескольких нитках, байка с ветровкой в таком же виде, а нижнее бельё похоже на маленькие рваные тряпочки. В общем, только выбросить.

Я погладила свои джинсы. Как их любила... Год назад удачно попала на распродажу и купила сразу, как только примерила: «А теперь что делать? Оставить здесь, чтобы не тащить лишний груз? Жалко! Это всё, что осталось от прошлой жизни, но и надеть уже не наденешь». Я продолжала перебирать вещи: «Стоп, там же деньги! Дайк говорил». Монеты оказались в маленьком мешочке в заднем кармане джинсов: шесть штук крупных, возможно, золотых, с изображением то ли ящерицы, то ли крокодила с длинным хвостом с одной стороны и какого-то значка, может буквы, может цифры, с другой. Остальные пятнадцать, похоже, были

мелочью: небольшие кругляшки тёмно-рыжего цвета с дырочкой в центре и расходящимися от неё лучиками, количество которых на некоторых монетах было разным. «Интересно, сколько это? – подумалось мне. – Пока в местной финансовой системе я не разбираюсь».

Распотрошив мешок, я окинула взглядом своё богатство: одеяло, рваная одежда, ремень с овальной пряжкой, запасные рубашка и штаны, большая фляга с водой и маленькая с отваром для каморты. Много вяленого мяса, которое не промокло, так как было упаковано в отдельный большой мешок, как бы прорезиненный изнутри, и влага внутрь не проникла. Там же камень для розжига костра, я видела, как Дайк им пользовался, и мои тампоны из водорослей; два мотка верёвки, кинжал в ножнах из кожи какой-то рептилии и ещё небольшой свёрток, перевязанный бечёвкой.

Когда я его развернула, то от потока слёз несколько минут почти ничего не видела. Это была раковина! Та самая радужная раковина, из-за которой я разбила лоб и узнала тайну моего друга! Зажав рот и нос руками, я изо всех сил старалась не впасть в истерику: «Дайк! Миленький! Как ты там?! Живой ли?! – я сидела, размазывая слёзы. – Живой... Ты должен быть живой! Ты выберешься и с тобой ничего не случится! Мы обязательно встретимся, обязательно!» Я бережно завернула ракушку. Отдохнуть и есть расхотелось. Надо идти дальше и дойти до Латраса, как бы трудно не было, а потом... уже по ситуации. Я сложила свои пожитки, выпила

воды и, зажав в кулаке кусок мяса, побрела в южном направлении.

Топала я до самого заката, и только когда начало смеркаться, решила устроиться на ночлег. Думала разжечь костёр, но побоялась, что ушла недостаточно далеко и лучше не рисковать. Какие деревья годятся для ночлега, я уже знала. Среди разнообразной древесной растительности попадались весьма интересные экземпляры: не слишком высокие, но толстые и раскидистые деревья с широкими и плоскими у основания ветками. Это плоское и слегка вогнутое основание делилось на две-три, а иногда и четыре ветви. Выбрав подходящее дерево, я перебросила через самую низкую двойную ветвь верёвку, закинула наверх мешок и попробовала забраться. Ничего не получилось. Конечно, в детстве я лазила по деревьям, то за соседскими яблоками на даче, то в лесу за орехами, но не более. Поэтому я обвязала верёвку вокруг себя и повторила попытку.

С пытением, сопением, ругательствами и проклятиями в адрес содранных ладоней и дерева, чтоб его короеды съели, а также чертей, демонов и всякой другой нечисти, которая занесла меня на эту планету, я всё-таки залезла. Когда отдышалась, то уже без помощи страховки поднялась на другую ветку повыше и решила обосноваться на ночь здесь. «Надеюсь, дождя не будет, – пробурчала я, раскладывая на соседних ветках своё сырое добро. – Как-то же надо всё это высушить». Закончив, я поняла, что спать придется как есть: ни

укрыться, ни постелить нечего, всё ещё мокрое. Ладно, как-нибудь обойдёмся, только бы ночь была нехолодной.

Ложе оказалось вполне комфортным, твёрдым конечно, но безопасным. Я не боялась, что, заснув, свалюсь вниз. С одной стороны – массивный ствол, а с другой – широкое углубление в том месте, где ветка вырастала из ствола. Я лежала как в люльке, только ноги немного свешивались. Пока я крутилась, пытаюсь найти удобную позу, совсем стемнело. И только закрыла глаза с мыслью, что сейчас позову Мозгового, как открыла их уже на рассвете.

Занималась заря, двух солнышек за листвой было не видно, вокруг стелился лёгкий туман и где-то в кронах тренькали лесные пташки. Стуча зубами от утренней прохлады, я полезла проверять свои пожитки. Сырые, конечно, но уже лучше. Медленно и осторожно я спустилась.

– Доброе утро, – слышался голос внутри. – Ты хорошо спала и хорошо отдохнула.

– Доброе... – буркнула я в ответ, – только очень холодное.

– Ничего, ты уже закалённая, не замёрзнешь, – захихикало в голове.

– Хорошо тебе говорить. Ты сидишь у меня внутри, в своей библиотеке, в тепле и с удобствами; я тебя согреваю, даю свою энергию, и вообще... это я тут зубами стучу.

Повисла какая-то напряжённая пауза. На секунду показалось, что Мозговой то ли смутился, то ли обиделся, то ли я его в чём-то подловила. Я ощущала его стыд и какое-то со-

жаление по поводу чего-то, но непонятно чего.

– Эй, Мозг? Ты что, обиделся что ли? Ну прости, я не хотела. Просто ещё толком не проснулась. Эй, только не дуйся... Ну пожалуйста!

– Это ты меня прости, – тихий, вкрадчивый голос в ответ. – Я, наверно, бываю слишком резок с тобой, – он как будто вздохнул. – Но это потому что я люблю тебя, ведь ты – это я, а я – это ты.

– Я тоже тебя люблю, мой хороший. Без тебя я бы совсем пропала. Всё верно, я – это ты...

Он продолжил:

– А ты – это я.

Глава 2

Шла я целый день практически не останавливаясь, изредка прихлёбывая воду из фляги и жуя на ходу. Ремень я втянула в другие штаны и надела их полусырые на себя, как и вторую рубашу, так всё быстрее просохнет. Кинжал пристегнула к поясу, за маленькое колечко на ремне, а флягу перекинула через плечо, благо она была с длинным ремешком. Проверяя направление, я бодро топала, перелезая через поваленные стволы и обходя овраги.

На одной из полянок обнаружили те самые цветочки, отбивающие запах, про которые говорил Дайк. Надёргав изрядную горсть голубеньких головок, я растёрла их в ладонях

и намазала белёсым соком всё что можно: руки, ноги, одежду, обувь, мешок и даже волосы. Запах был очень странный, но не могу сказать, что неприятный просто слишком резкий. Насобирав ещё цветочков, про запас, я двинулась дальше.

У этих цветиков оказалось ещё одно полезное и замечательное свойство – запах отгонял насекомых. За предыдущий вечер меня изрядно искусали местные кровопийцы. Они не звенели, как комары, а делали своё дело молча и быстро. После того как я вымазалась соком, то и укусы перестали зудеть, и вроде больше никто меня не кусал. В таком долгом переходе прошёл ещё один день. На следующей ночёвке я уже постелила в углубление между стволом и веткой просохшую одежду и закуталась в одеяло, а под голову положила мешок. Совсем другое дело! Никогда бы не подумала, что придётся спать на деревьях.

– Поболтаем? – раздался бодренький голосок.

– С удовольствием! А о чём?

– Да о чём угодно! Хочешь, расскажу про Окатан, ну про то, что удалось узнать, понять и сопоставить.

– Ещё спрашиваешь!

– Ну, слушай... – прикрыв глаза, я увидела, как мой профессор, сидя за столом в библиотеке, радостно потёр руки. – Окатан вращается вокруг двойной звезды: жёлтой, класса G, как и Солнце, и белого карлика. Расстояние до своих светил у этой планеты немного больше, чем у Земли, поэтому год здесь длится дольше. Пока не могу сказать точно, но где-то

месяцев пятнадцать-шестнадцать. Сутки – двадцать четыре часа, как на Земле.

– Но мне казалось, что день длится дольше.

– Нет. Световой день не длится дольше. Просто благодаря двойному светилу рассветы и закаты как бы растягиваются: пока первое солнышко выйдет из-за горизонта, пока другое, и наоборот. Вот и создаётся такое впечатление. По поводу спутников, типа Луны, пока неизвестно, но, скорее всего, их нет. Окатан очень похож на Землю, а в чём-то почти идентичен. Я и сам не понимаю, как могут быть такие совпадения, но они есть. А именно: кислородный состав атмосферы, сила тяжести, мягкий ровный климат без резких перепадов температур, по крайней мере, в этих широтах, растительность, животный мир и, наконец, люди... – Мозговой выдержал долгую паузу. – Почти такие же, как и ты.

– Почти? Но я не заметила никаких отличий. Женщин я, конечно, ещё не видела, но мужчины – один в один земляне.

– Не совсем.

Я удивлённо приподняла брови:

– Это как так?

– На самом деле ты всё заметила, всё увидела и услышала всё, что только было можно. Девочка моя, ты постоянно забываешь, что я – это ты, и то, что я говорю тебе сейчас, – это твои выводы и твои заключения. Просто в такой форме тебе легче воспринимать окружающую действительность и не сойти с ума.

– Хорошо, хорошо... – я отмахнулась. – Что же такое я заметила? В чём разница?

– А вот в чём, и это только начало: Дайк видит в темноте, как кошка; Карелл может идти по следу не хуже ищейки, а у Граса, этого здорового гоблина, очень тонкий слух. Именно он услышал стон из ямы, когда ты там истекала кровью.

Я вытаращила глаза.

– И, кстати... – мой собеседник ехидно оскалился, – это же Грас подслушивал, что тебе шептал по ночам Карелл, и докладывал остальным.

– Ах вот оно что! Вот тебе и молчун! А я-то решила, что он меня, вообще, в упор не видит! – Я расхохоталась. – Кто бы мог подумать! Ещё и сплетник!

Немного поостыв, я спросила:

– Значит, он тоже меня спас, да?

– Да.

– Ну и ему спасибо, – я вздохнула. – Теперь добрым словом буду не только Дайка вспоминать. Но поехали дальше. Чем ещё я отличаюсь от жителей Окатана?

– Зубами, – последовал ответ.

– А поконкретнее?

– Ты обратила внимание, какие у них, и притом у всех, красивые, ровные и белые зубы?

– Верно, красивые...

Тут я надолго задумалась. На зубы я действительно обращала внимание. И казалось очень странным, что при таком

количестве шрамов и увечий на телах лесных разбойников и их роде занятий, зубов должно быть меньше и выглядеть они должны совсем не по-голливудски.

– Согласна с тобой... – протянула я. – Что ещё?

– Ещё родовая метка.

– А это что ещё такое?

– Помнишь, у Карелла на плече как бы след от браслета?

– Так это не отпечаток?

– Нет.

Тут я совсем затормозила:

– Так что же это?

– Это и есть родовая метка. У Атамана на плече, у Дайка чуть выше левого локтя, а у Граса вокруг шеи, у самого основания. У мелкого Олли вокруг правого голеностопа, а у лысого Лакрана тоже где-то на ноге, потому что ни на руках, ни на шее не было.

– А может, у Плешивого тоже не было? Ты же, вернее я... то есть мы, так будет правильней сказать, толком не видели?

– Хочешь знать, почему я пришёл к такому выводу?

– Хочу!

– Лакр как-то говорил Атаману, когда ты сидела у камней и рисовала, почти не слушая их, что ты навлечёшь на них беду, что ты шпионка ангалинов и искусно притворяешься, чтобы узнать, где золото. Когда Карелл спросил, почему он так решил, Плешивый ответил, что раз у тебя нет родовой метки, значит, ты «превращённая», а не обычная женщина.

И на самом деле ты ящерица, а не человек, так как не бывает, чтобы на человеке не было метки. А древние легенды говорят, что только ангалины знают тайну «превращения». Также твой странный запах, который так понравился Атаману, очень подозрителен. Карелл сначала рассмеялся и сказал, что это всё небылицы и полный бред, а также что «превращения» чушь, в которую могут верить только идиоты, но потом он задумался. Этих доводов достаточно?

Я молчала.

– Из этого понятно, что и у Лакрана есть родовая метка?

– Понятно. Спасибо, что рассказал... Я почему-то совсем этот разговор упустила, хотя и слышала, – разговаривать дальше уже не хотелось. – Давай закончим на сегодня, хорошо? Что-то я устала... Много новой и странной информации.

– Конечно, дорогая, отдыхай, – и щелчком пальцев выключил в библиотеке свет.

Глава 3

Открыла глаза я уже глубокой ночью. Сквозь листву поблёскивало сверкающее ночное небо. Я приподнялась, достала флягу и сделала несколько глотков: воды оставалось совсем мало. «Надо будет родник поискать, Дайк говорил их тут много...» – я заткнула пробку и легла. Мысли вернулись к рассказу Мозгового.

«Вот же Лакр гад, а?! Правильно я его Плешивым окрестила, сразу мне не понравился: жуткий, скользкий тип. Если бы не Дайк с Атаманом, то он бы меня, покалеченную, сначала изнасиловал, а потом прирезал без всяких сожалений. Вот почему мой Нянь так беспокоился и вот почему в то утро, когда я проснулась первой, Карелл, заметив, что я рассматриваю его метку, так злобно глянул, что я до вечера не могла успокоиться, не понимая, чем умудрилась его разозлить. А причина-то вот в чём: этот лысый насочинял про меня каких-то баек и ввёл главарию в уши. Скотина! Сво-лочь! Какие ангалины?! Какие превращения?! Я и про золото только перед побегом узнала. Хотя про ангалинов Дайк упоминал, интересно, кто они такие? Я – ящерица! Полный бред! Да... вовремя, вовремя я смылась, – стало смешно. – Действительно, смылась! – Я вспомнила спуск будто по трубе и потоки воды. – Точно, унесло, как в канализацию!» – Я захихикала.

– А кто-то отдыхать собирался, – сказал укоризненный голос.

– Всё-всё-всё. Уже сплю.

Весь следующий день прошёл в длительном переходе. С самого утра я обнаружила ягоды, которые часто собирал Дайк. Вот радости было! Я объела почти весь куст и взяла немного с собой, завернув в большие листья. Вяленое мясо, конечно, хорошо, но запас не бесконечен и мешок уже стал значительно легче, хоть я и старалась экономить.

Вода нашлась к полудню, для этого даже не пришлось ничего специально делать. Просто обходя большие заросли, я спустилась в овражек и чуть не наступила в маленький ручеёк. Наполнив флягу и натерев всё что можно соком голубеньких цветочков, которых в овраге было очень много, я продолжила путь на юг. А ещё через сутки вышла к реке.

С моей стороны берега были довольно обрывистые, а вот с противоположной более пологие, но поросшие густой и высокой растительностью. «Ладно, пойду вниз по течению. Поищу, где удобнее переплыть, может, и найдётся место поуже», – решила я. Но, не пройдя и нескольких шагов, слышался шорох, потом какие-то звуки, как всхлипывания, а потом... Детский голос сказал:

– Тама!

Я резко обернулась. Среди высокой травы стоял ребёнок, годика два, не больше. Пухлые ручки и ножки, чумазое личико с грязными разводами, тёмные почти чёрные волосики, торчащие в разные стороны с висящими травинками и другим мусором, и огромные пуговицы влажных карих глазок.

– Тама! – малыш повторил и протянул ко мне ручонки.

Упав на колени, я схватила ребёнка в охапку:

– Маленький... Как же ты тут оказался?! Где твои родители? – приговаривала я, прижимая его к себе и поглаживая по спинке. – Ах ты ж, мой хороший! – не переставая, я тискала его, а малыш, вцепившись мне в волосы малюсенькими пальчиками, захлюпал носом и заревел.

– Тихо, тихо, маленький, тихо... не плачь. Я с тобой, ты не один, я рядом, ничего плохого не случится... – пыталась я его успокоить, да и себя тоже. Не переставая гладить, я поднялась и начала оглядываться, держа ребёнка на руках: «Что же делать? Где кого искать? Не может быть, чтобы он был здесь один!»

– Эй, э-э-эй, люди! – завопила я. – Кто-нибудь?! Э-э-эй! Кто дитё потерял?! Кто-нибудь! – я кричала, пока не охрипла. Но ответа не получила. Река тихонько текла, ветер шелестел листвой – вокруг слышались только обычные звуки леса. Пока я кричала, малыш затих, но ухватился за меня ещё крепче.

– Что ж с тобой делать? – Я опустила на траву, держать ребёнка было тяжеловато. Малыш был красивый, хоть и грязный, только не понятно, мальчик или девочка. Приподняв его замурзанное личико, я улыбнулась и спросила:

– Ты кто? И как тебя зовут? – естественно, на ответ я не рассчитывала, просто продолжала разговаривать и улыбаться. – Вот меня, – я ткнула пальцем в себя, – зовут Карина. А как тебя зовут, маленький?

Ребёнок рассматривал меня, не разжимая ручонок, и через несколько секунд выдал:

– Тама! – и при этом так солнечно улыбнулся, показав маленькие зубки, что от умиления навернулись слёзы.

– Ну, тама так тама, – опять притянув его к себе, я сообщала как поступить.

«Такой маленький ребёнок не мог уйти далеко, значит, где-то рядом есть селение, хотя Дайк говорил, что хорошо обжитые земли начнутся ещё через пару дней пути от реки и по другую сторону. Но кто знает... – я почесала нос, – как я шла и правильно ли держала направление? Возможно, я сократила путь или отклонилась в сторону, но в любом случае факт остаётся фактом: на руках ребёнок и нужно искать людей или вместе с ним идти дальше».

Пока я так размышляла, малыш пригрелся и заснул, но пальчики продолжали крепко держаться за мою рубашку. Я взгляделась внимательней и слегка ощупала детское тельце: он не был тощим, но и пухленьким его никак нельзя было назвать, если и потерялся, то не очень давно. Рубашечка из плотной, но мягкой ткани грязно-серого цвета с длинными рукавами и тёмно-коричневые штанишки, порванные в нескольких местах, сквозь дыры в которых просвечивала нежная смугловатая кожа. На одну ножку был обут коротенький сапожок или ботиночек с завязками, а другая босая. Не считая нескольких царапин и укусов насекомых, других видимых повреждений не было. В тёмных всклокоченных волосах, от которых пахло тиной, застряло несколько слизких водорослей. «Ребёнок был в воде! – уверилась я. – И как только не утонул! В рубашке родился, наверно».

Теперь стало понятно, что делать дальше: нужно переправляться на другой берег – малыш оттуда. Тихонько сопя, найдёныш спал на моих руках и, глядя на такое милое личи-

ко, совсем не хотелось его будить. Громко причмокнув, малыш засунул пальчик в рот. «Голодный... – посетовала я на свою глупость. – Разговоры разговаривала, а покормить не догадалась, вот тупица. Хотя чем? Вяленным мясом?»

Хотя чему удивляться-то, своих детей у меня не было, да и не будет уже. И благодарить за это надо свою дурость, наивность, непроходимую глупость и «неземную любовь» в виде бывшего мужа, который категорически не хотел детей «пока не встанем на ноги», как любил он повторять. Но как оказалось, мой супруг только мне так говорил. А я, дурочка влюблённая, повелась на уговоры, верила всему, заглядывала в рот, ловя каждое слово, и получила...

Тяжелейшее осложнение после прерывания беременности и неутешительный вердикт врачей. Оставалось только кусать локти и выть по ночам, глядя на своих племянников, таких классных мальчишек моей сестры. Всё! Не хочу об этом вспоминать! Сама во всём виновата, и ничего уже не попишешь. Я вытерла рукавом слёзы.

Малыш зашевелился. Распахнув глазки с длинными пушистыми ресницами, он опять улыбнулся и произнёс своё любимое, как я уже поняла, слово:

– Тама!

Я засмеялась:

– Ох, тама ты моя чумазая! – И завалившись на спину, опять начала его тискать.

Кормёжка, на удивление, никаких проблем не доставила.

Когда я распотрошила свои запасы и предложила найдёнышу кусок вяленого мяса, то и опомниться не успела, как он его сточил.

– Ну ты грызун! – восхитилась я и предложила второй. И этот кусок постигла та же участь. – Всё, хватит пока, – покачала я головой, когда это чудо из семейства грызунов протянуло ручку за следующим. – После голодовки сразу много есть нельзя. Могу предложить на десерт вот это, – и протянула горсть ягод, собранных утром. Они были проглочены ещё быстрее. Напоив ребёнка водой, я запаковала мешок, попутно дожёвывая свою долю.

Малышок сначала сидел и наблюдал за мной, а потом, махнув ладошкой на ближайшие кусты, опять сказал:

– Тама!

– Что тама?

– Тама.

Похоже, он сообразил, что я его не понимаю. Поэтому совсем не по-детски вздохнул, поднялся и потопал, раскачиваясь, в кусты. Ничего не оставалось, как последовать за ним. Это чумазое чудо сидело в зарослях на корточках, спустив штанишки, и делало свои дела, ну понятно какие. Мне было прекрасно видно, что это мальчик. Закончив, он поднялся и, пытаясь держать падающие штанишки, поковылял ко мне. Понятно, в чём была проблема – в завязках. Узел бантиком исправил положение. Я погладила его по голове:

– Ты не просто ребёнок, малыш, ты – вундеркинд! Хо-

тя, может, все дети здесь такие самостоятельные. Поживём – увидим...

Глава 4

Место для переправы на другой берег нашлось быстро. Я не прошла и часа с мальчонкой на руках, как увидела относительно пологий спуск к воде, а на противоположном берегу песчаный пляжик, чуть ниже по течению. Отлично! Если немного и снесёт, то как раз прямо туда, а там лесок с любимыми «спальными» деревьями, можно будет костёр разжечь, обсушиться и заночевать. Осталось только сообразить, как организовать заплыв. Если бы я была одна, то ни минуты бы не тормозила, потому что плавала как рыба. Но теперь есть «прицеп», за который я отвечаю.

Когда я начала спускаться, малыш отцепился и на четвереньках принялся задом сползать вниз.

– А молодец, мышонок! Мышонок! – Я захохотала. – Слышишь, маленький? Вот и прозвище подходящее придумалось.

Последовав его примеру, я развернулась ногами вперёд и медленно съехала за ним вниз по песчаному склону. После некоторых размышлений, я пришла к выводу, что привязывать ребёнка к себе опасно, мало ли что: плыть метров сорок, не меньше, и, какая живность тут водится, неизвестно, развязать мокрую верёвку, когда будешь плыть, не получится, а ес-

ли не привязать... как ребёнок удержится? Вот задача-то... Дело близится к вечеру, нужно ещё и ночёвку подготовить – медлить нельзя.

Я сняла свои угги (уже настолько потрёпанные, что понять, на каком честном слове они держаться, было невозможно), отстегнула ремень с кинжалом и переупаковала вещмешок, уменьшила заплечные лямки и навесила поклажу на малыша. Он еле мог стоять на коротеньких ножках и напоминал почему-то огромного хомяка с мешком наворованных припасов. Пробило на смех. «Тут заплыв Чапаева намечается, а ей смешно, вот характер дурацкий!» – проговорил мой внутренний голос.

– А ты вообще пока помалкивай! Не до тебя сейчас. И слушай... А где тебя носило? Что-то долго никто моим воспитанием и просвещением не занимался...

– Я был занят.

– Интересно чем?

– Копался в твоей памяти... – тут Мозговой как бы поперхнулся, – вернее, в нашей. Восстанавливал кое-какую информацию, систематизировал полученные данные, ну ещё много чего...

– Конечно, ты был занят. А я вот ребёночком обзавелась, пока ты там систематизировал...

– Вижу. Быстро, однако, управилась, – и он ехидно захихикал. – На минуту нельзя оставить без присмотра, ещё бы чуть-чуть задержался – и готова мать-героиня.

Я расхохоталась. Мышонок испуганно глазел, не понимая причин такого внезапного веселья.

– А теперь серьёзно, – Мозговой словно напрягся. – Достань запасные штаны и надень на ребёнка, завязки и штанины обмотай вокруг себя, но не слишком туго, будет хоть какая-то страховка, что он не свалится, а в случае чего получится быстро развязать. Сверху мешок – и можно плыть.

Выдавать распоряжения легче, чем исполнять. Для того чтобы устроить мальчика за спиной, потребовалось немало усилий. Вместе с мешком вес оказался приличным, и я уже с опаской глядела на другой берег. Доплыву ли?

– Хватит стоять и бояться, вперёд! – поступила команда.

Придерживая поклажу, я вошла в реку. Дно было пологим, и когда уровень воды достиг груди, я глубоко вдохнула и поплыла.

Повышенный вес ощущался, но, делая сильные гребки, я продвигалась вполне уверенно. Мышонок хорошо держался и даже не шевелился, только иногда я чувствовала, как он тыкается носом в затылок и пофыркивает, отплёвывая воду. Не отрывая взгляда от противоположного берега, я не думала ни о чём, кроме заплыва. Раз, вдох, толчок ногами... Два, выдох, гребок руками... Три, вдох, снова толчок... Четыре, выдох...

Уже на середине ощутилась усталость. «Всё в порядке, всё хорошо... – сказала я себе. – Не сбавлять, но и не увеличивать темп. Плыть спокойно и размеренно, половина пути по-

зади, песчаный пляжик уже близко». Через несколько метров почувствовалось, что внизу кто-то проплыл, а потом ещё раз, но уже обратно. Сердце застучало как бешеное: «А быстрее нельзя, собьётся дыхание, я в ответе за две жизни».

– За три... – донеслось из головы.

– Почему за три? Ведь ты – это я, значит, за две.

– Гадкая ты всё-таки, – проворчал Мозговой после небольшой паузы. – Так хочется иногда ощущать себя отдельной личностью.

– Да ладно тебе... личность. За три так за три. Вот сожрёт нашу троицу тот, кто внизу плавает, и будет уже без разницы.

Я продолжала плыть, стараясь не удариться в панику. Раз, вдох, толчок... Два, выдох, гребок... Три, вдох, толчок... Всё же брасс – самый лучший стиль плавания, в моём понимании, пусть и не такой быстрый, как, к примеру, кроль, зато позволяет проплывать большие расстояния, и как оказалось, ещё и с грузом. Когда до берега оставалось всего несколько метров, я почувствовала движение сзади и под собой.

Малыш за спиной неожиданно пискнул. Я рванула вперёд из последних сил. Чьи-то зубы вцепились в лодыжку. Резко развернувшись и поймав ногой дно, воды оказалось по пояс, я дёрнула за обвязанные вокруг талии штаны и одним маховым движением отшвырнула ребёнка на берег. Мешок всё-таки сполз и, когда я схватила мальчика для броска, свалился в воду. Рефлексы продолжали свою работу: таким же движением я выдернула намокший куль и метнула следом.

Каково же было моё изумление, когда вместе с ним в воздух взлетела большая длинная рыба, вцепившись в наши пожитки зубами. Глянув на ребёнка, с ним всё было в порядке, я в бешеном азарте подскочила к мешку, быстро развязала тесёмки и, выхватив кинжал, вонзила его рыбе прямо под жабры. А потом ещё пару раз для верности. Хищница ещё какое-то время была хвостом, но, после того как ей окончательно отсекли голову, затихла.

– А-а-а! Ура! Ура! – Я скакала по пляжу с окровавленным кинжалом, словно вождь краснокожих. – Мышонок, ура! Какой у нас сегодня будет ужин, а утром завтрак! Вот это да! Вот это заплыв! Вот это я понимаю! И реку переплыли, и рыбу поймали! Как говорится, одним выстрелом двух зайцев!

Голос в голове произнёс:

– Но и страху натерпелись тоже.

– Мозг, ты – зануда!

Отбросив нож и подхватив мальчика на руки, я закружилась вокруг неожиданной добычи. Я знала, что рыба съедобная, мало того, она потрясающе вкусная. Такую я уже пробовала в лесной избушке. Мальчишка сидел на руках, обнимая за шею, и тарасился круглыми тёмными глазницами то на рыбу, то на меня. Он явно пытался что-то сказать, но не своё любимое «тама», а нечто иное.

Я погрозила нашей добыче:

– Плохая рыба, плохая! Хотела укусить моего Мышонка, напугала моего малыша, – и опять погрозила пальцем в сто-

рону рыбьего трупa. – Но не тут-то было! Правда?! Мы теперь её съедем, и будет нам вкусно-вкусно! Да?!

Мальчик выкрутился из рук и, подбежав к рыбе, пнул её ножкой, обутой в сапожок:

– Зяя иба! – проговорил он с чувством, показывая пальчиком.

– Болтун ты мой дорогой! – сграбастав его в обнимку, я расцеловала пухлые щёчки.

Учитывая, что костёр я разжигала последний раз в школьном походе, то с этим делом удалось справиться быстро, благо камень для розжига не намок. Это был пирит, обычный сульфид железа, небольшой такой, желтоватый, с красивыми кубическими гранями. Несведущие люди часто путают пириты с золотом, из-за внешней схожести. Я много раз видела, как Дайк им пользовался, и поэтому, когда после удара о кинжал полетел сноп искр на подготовленную растопку и занялся огонь, я осталась довольна.

Так как было вполне тепло, я посадила ребёнка неподалёку от костра и передела в свою сменную рубаху, которая осталась сухой, так как ещё до заплыва, я предусмотрительно зачихала смену одежды в непромокаемый мешок с остатками еды. Всучив мальчику кусок вяленого мяса, я занялась рыбой.

Разжигание костра, просушка вещей, разделка и приготовление добычи, подготовка к ночёвке – это забрало последние силы и всё время до глубокого вечера. Однако ужин

был великолепен. Он заставил забыть обо всём! Первая горячая еда за столько дней пути и тёплое ласковое пламя. Малыш лопал за обе щёки. Как в такого кроху могло столько влезть, осталось загадкой. Я скормила Мышонку здоровенный кусок и ещё половину такого же. Он с таким аппетитом уплетал «зюю ибу», что сложно было его остановить. Вскоре малыш потопал в ближайшие кусты, а так как уже смеркалось, то я пошла за ним. Сделав свои дела, ребёнок упал мне на руки в полусонном состоянии.

Ночевать возле костра я не рискнула и поэтому, соорудив лежанку на ближайшем дереве с широкими углублёнными ветвями, уложила мальчонку как в колыбельку.

– Может, поболтаем чуток, или ты совсем устала? – спросил ласковый голос изнутри.

– Конечно... Много было сегодня впечатлений, верно?

– Да уж... Одна речная хищница чего стоит!

Я заулыбалась:

– Замечательный мальчишка, правда?

– Правда... – Мозговой странно замолк.

– Ты чего притих? Выкладывай...

– Я хотел сказать, что... чтобы ты...

– Не тяни.

– Не привязывайся к нему, я уверен, что его семья скоро найдётся, – тихо ответил он.

– Почему ты так думаешь?

– Ты сама прекрасно знаешь.

– Знаю... – я вздохнула, – такого ребёнка не могут не искать.

– Естественно.

– А вдруг его родня погибла? Нельзя, конечно, так говорить и такого я для мальчика не хочу, но мало ли что могло случиться?

– Нет никаких признаков подобного... Девочка моя... ну ты же понимаешь, – протянул фразу Мозговой, – что я тебе объясняю...

– Да, да, да... Всё! Конечно, надо постараться вернуть его домой, и я сделаю для этого всё что смогу.

– Вот и умница! И не расстраивайся, так будет лучше для всех.

Я залезла на ветку и, обняв спящего Мышонка, почти сразу заснула, но спала плохо: несколько раз просыпалась от подозрительных звуков. Слышались шорохи, шуршание и мерещилось какое-то движение вдоль берега, несколько раз сверкали в темноте глаза ночных животных. Я проверяла спящего ребёнка, не замёрз ли, но он тихонько сопел и был тёплым, ещё с вечера я укутала его чем только смогла.

Глава 5

Первый раз за время после побега я спала так плохо. «Наверно, боюсь за малыша, чувствую ответственность за него», – размышляла я. Пока я была одна, то даже не задумы-

валась особо о себе. Да, я делала всё, как наказал Дайк, но, по сути, вела себя довольно беспечно. Бодренько топала по лесам, просто сверяясь с направлением. Может, мне всего-навсего везло: я не встречала почти никаких животных, кроме птиц и зверюшек, похожих на грызунов. Более крупное зверьё совсем не попадалось на пути, я не заблудилась и вышла к реке в указанные Дайком сроки. А переправа на другой берег, да ещё и с найдёнышем, вообще оказалась удачной. Я даже ночевать в лесу не очень боялась, почему-то. Я молодец! Конечно, еда подходила к концу, а чувство голода почти никогда не покидало. Пойманная рыба очень выручила, но теперь в первую очередь нужно думать о ребёнке, чем кормить, а главное – как эту кормёжку раздобыть, с одним кинжалом-то. Охотник и рыбак из меня никакой.

Проснулась я от холода. Было сыро, и вокруг клубился туман. Костёр потух, и еле-еле удалось найти сухую траву для растопки. Я запекла на углях остатки добычи, оказалось, что вчера мы и половинки не съели. К тому моменту, когда проснулся мой маленький голодный грызун, завтрак был почти готов. Мы опять с удовольствием закусили, несколько кусков я завернула в листья и засунула в мешок. Затушив костёр, мы отправились в путь.

Из запасных штанов я соорудила что-то вроде детского «кенгуру», так нести мальчика было гораздо легче. В походе и прошёл весь день. Двигалась я уже не так быстро, пару раз делала остановки, чтобы передохнуть и набрать воды. Ребё-

нок сидел в своём подобии сумки, одной ручкой держась за меня, а в другой сжимал кусок мяса, которое с причмокиванием сосал.

Нам пришлось отклониться от намеченного маршрута, так как вдоль берега тянулись очень густые заросли и продира́ться сквозь них совсем не хотелось. Как уже опытный ходок, я забрала в сторону, левее непролазной чащи, и шла, поглядывая на небо. Погода портилась. Если ещё с утра было прохладно, но солнечно, то ближе к полудню небо заволокли серые тучи, и это начинало беспокоить. Тёплой одежды нет, еда на исходе, на руках постоянно голодный и также легко одетый маленький ребёнок.

Может, надо было идти в другую сторону: не вниз, а вверх по течению? Мальчика, скорее всего, принесла река и, возможно, его дом где-то у истоков, а я, дура, тащу его всё дальше и дальше от родного дома. Хотя в округе не было и намёка на близкое жильё, ребёнок не мог материализоваться из воздуха, и где-то должен быть его дом. Почему он остался один, неизвестно.

– Ты всё делаешь правильно, не паникуй раньше времени, – встрял в мои мысли Мозговой. – Иди вперёд и ни о чём таком не думай. Ты прошла уже большое расстояние.

– Очень хотелось бы иметь в распоряжении вертолёт или хотя бы трактор.

– Ну, ты загнула! А где их взять?

– Слушай... может, здесь, на Окатане, есть хоть какие-то

механизмы, облегчающие передвижение и вообще жизнь людей. Тот путь, что я прошла за столько дней, на каком-нибудь вездеходе можно было бы преодолеть гораздо быстрее.

– Нету тут ничего! – раздражённо ответил Мозговой. – Отсталая планетка.

Я удивилась:

– Не узнаю тебя. То ты увлечённо рассказываешь про то, что увидел, узнал и понял, про карту, которую составляешь, а теперь «отсталая планетка», да?

– Но это действительно так. И вообще, я выражаю твоё мнение, которое сидит глубоко внутри.

– Моё мнение?! – я начала злиться. – То ты претендуешь на право отдельной личности, а теперь просто выражаешь моё мнение?! Я вот совсем иногда не понимаю, где у меня какое мнение и каким оно в принципе должно быть на весь этот бред, который со мной случился! – Тут меня совсем понесло. – Потому что сомневаюсь, что до сих пор в здравом уме и рассудке, ведь в моей голове поселился кто-то слишком умный! И я не верю, что ты – это я! Ты – не я! Это шизофрения! Убирайся вон!

Последнюю фразу я выкрикнула вслух. Малыш вздрогнул и заплакал. Быстро скинув мешок и поставив мальчика на ноги, я принялась его успокаивать:

– Прости, маленький, прости, я тебя напугала. Не надо плакать, не надо, – и вытерла влажные глазки. – Я не буду больше, честно. Я не хотела пугать тебя, Мышонок, только

не плачь и не бойся ничего. Я тебя не обижу, слышишь?

Порывисто обняв, я гладила мальчика по лохматой головёнке, продолжая тихо и ласково разговаривать. Через несколько минут он успокоился и только слегка хлюпал носом.

– Всё, всё... тихо. Обещаю, такого не повторится. Просто я очень боюсь за тебя, да и за себя тоже... – прошептала я в маленькое ушко.

Мальчик поднял на меня круглые глазёнки и обнял за шею. А вскоре заморосил дождь, не сильный, но очень холодный.

Я несла мальчика, крепко прижимая к себе, одеялко решила пока не доставать, иначе ничего сухого у нас совсем не останется. Укрыться и пересидеть дождь было негде. Лес редкий, деревья – не спасение и никаких естественных укрытий типа больших поваленных стволов, оврагов и чего-либо подобного. Останавливаться тоже бессмысленно: костёр не разведёшь, не согреешься – всё мокрое. Так я топала, коченея от холода.

Вскоре показался берег реки. «Ага, – обрадовалась я, – верное направление не потеряно, а по солнышкам уже не ориентируешься, небо полностью затянуто. Значит, надо держать берег в поле видимости». Лесок совсем поредел, и я вышла на широкий луг. Высокая сине-зелёная трава перекатывалась волнами на ветру, как лесное озеро. Я осмотрелась. Справа виднелся берег, а лес, из которого мы вышли,

тянулся в другую сторону. Впереди только это колышущееся поле, а вот за ним, вдали, опять простирался зелёный массив. На краю дальнего леса стояло дерево. Огромное! Даже с этого расстояния в сравнении с окружающими стволами оно выглядело гигантским.

– Ну, Мышонок, нам туда! – попыталась я сказать как можно бодрее, но, по-моему, не получилось.

Пойти напрямик, через это море высокой травы я не решилась. А вдруг там змеи? Или ямы? Или ещё что-нибудь страшное? С ребёнком на руках, только травм и переломов не хватало! Трава была очень густой и почему-то вызывала подозрения, не знаю почему. Поэтому, свернув ближе к берегу, я пошла вдоль него. Приходилось спускаться и подниматься по небольшим склонам, но это было к лучшему: я согрелась, а малыш, привязанный спереди, не сползал, был тёплым и даже дремал. Почему луг показался опасным, я не понимала, ведь пройти через него напрямик было гораздо короче. Но я упорно продолжала идти в обход, перелезая через поваленные стволы и карабкаясь по песчаным склонам.

Дерево, которое было целью, оправдало все ожидания и даже превзошло. Какой-то местный «баобаб». Настоящих баобабов я никогда не видела, но решила, что гигант окатанской флоры больше любого из них в несколько раз. Но и это не главное. Ствол делился на две широкие части и сквозь них виднелся проход.

– Вот это подарок судьбы! Там должно быть сухо. Можно

будет развести огонь и заночевать прямо внутри, – я гладила малыша по спинке. – Скоро согреемся и поедем, потерпи дорогой, потерпи!

В ответ я слышала знакомое:

– Та-ма!

– Вот и хорошо!

Но по пути к заветному месту тепла и ночлега возникло препятствие – та же странная сине-зелёная трава. Чтобы добраться до укрытия, нужно было пройти метров двадцать-тридцать через этот «лужок», иначе никак. Захотелось перекреститься. И как оказалось – не зря! Глубоко вдохнув и притиснув живую ношу, я осторожно сделала первый шаг, потом второй и медленно пошла вперёд. «Почему же так страшно? – задавалась я вопросом. – Когда переплывала реку тоже страшно было, но как-то не так». Вскоре, немного осмелев, я пошла быстрее. Почва была мягкой, как будто я шла по вспаханному полю.

И вдруг нога провалилась по щиколотку. И так мокрые угги начали наполняться водой, почему-то тёплой. «Болото!!! – от ужаса я застыла. – И сама сгину, и ребёнка погублю!» Сознание ледяной лавиной накрыла паника. «Не двигаться и не шевелиться! Не двигаться, не шевелиться!» – повторяла я себе. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох, вы-ы-дох... Подышав так несколько минут, я немного пришла в себя. Мышонок прилип ко мне так, как будто был намазан суперклеем, почувствовал... «Спокойно... спокойно... Думай, что

делать... Думай, что делать...»

Идея подоспела быстро: или моя память сработала, или Мозговой подсуетился, но план действий был разработан за доли секунды. Когда я оценила расстояние, то стало понятно, что лучше вперёд, чем назад. Если же попробовать вернуться и получится выбраться, ну вдруг, то ночевать придётся без огня и под дождём. Вперёд!

Я медленно опустилась на колени, перетащила мальчика за спину и легла плашмя, раскинув руки. Сине-зелёная трава сработала как крепкая подстилка и вода из-под земли перестала проступать. Наш общий вес равномерно распределился по поверхности. Хватаясь за растущую впереди растительность и отталкиваясь ногами, я ползла к нашему спасению. Ощущение было такое, будто я лежу на матрасе, наполненном водой, в котором жидкость перекачивается от малейшего движения, а жёсткая трава, выполняющая роль оболочки, вот-вот лопнет.

Через пару метров тёплая почва ощутимо задрожала. Я замерла, распластавшись, как морская звезда. Когда вибрации затихли, плавными движениями я опять потянулась вперёд, но просочилась бурая жидкость. Я еле успела убрать голову, чтобы не нахлебаться болотной жижи. Мышонок лежал на моей спине плашмя вместе с вещмешком и не шевелился. Я ползла.

«А ведь мне действительно везёт, – думала я, двигаясь настолько спокойно и размеренно, насколько могла. – Такой

прекрасный ребёнок достался: не ноет, не капризничает, отлично ест, даже слишком, в туалет сам ходит и главное – всё понимает, ну кроме моей речи. Радует, что я его тоже понимаю, кроме «тама», которое у него заменяет все остальные слова. Когда же малыш ругал рыбу, я его прекрасно поняла, хоть он и плохо выговаривал слова. Значит, работают настроечки в голове, работают родимые. А язык я выучу, никуда не денусь».

Такие позитивные мысли очень отвлекли, и я не заметила, как доползла почти до самого конца опасного участка. Тёмной жижи подо мной не было, вокруг просто мокрая от дождя трава. Я упёрлась руками в землю и, почувствовав мягкую, но не проваливающуюся поверхность, встала на ноги. Сделала шаг, потом другой и пулей рванула к дереву. Болото кончилось, я выскочила на твёрдый участок и припустила ещё быстрее, придерживая ребёнка за спиной.

Глава 6

Когда взобралась на небольшую возвышенность, на которой и росло спасительное укрытие, и прошла внутрь, то сил уже не было, я дышала как астматик и от бега, и от ощущения, что всё – выбрались! Живыми! Я глянула на дрожащие мелкой дрожью руки: ладони полностью были в крови и в тонких длинных порезах, как от лезвия бритвы. «Острая травка», – подумала я и упала на сухую, усыпанную опавши-

ми листьями землю. Мышонок быстро, бухнулся рядом и начал гладить меня по голове, приговаривая и коверкая слова:

– И-ина... И-и-на... ало-ся, ало-ся...

Я же, глядя на него, заливалась слезами:

– Сейчас, мой хороший, сейчас... Чуть-чуть полежу, отдохну... минут пять... – я перевела дыхание, – и будем ковёр разводить.

Мой найдёныш улыбнулся так солнечно, что защемило сердце. Укрытие оказалось просто волшебным. Внутри двойного ствола было сухо и даже тепло: будто лесной домик с вогнутыми стенами и двумя высокими, но не широкими проходами. Ветер почти не задувал, ковёр из сухой листвы устилал всё пространство под деревом-гигантом, и под ногами валялись то ли семена, то ли плоды величиной с крупный каштан, только почти чёрного цвета и с маленьким хвостиком.

Я сгребла листья в несколько куч, насобираала хвороста, который был поблизости в избытке под огромной густой кроной этого великана и не промок, потом занялась костром. Огонь вспыхнул с первой попытки. Уже начало смеркаться, и дождь почти прекратился. Мы поужинали оставшейся рыбой, которая оказалась ещё вполне пригодной, конечно, большая часть досталась Мышонку. Даже удалось неплохо просушить мокрую насквозь одежду и обувь. Как же пригодилось сухое одеяло, предварительно упакованное в непромокаемый мешок, и сухая рубаха!

Вскоре мальчик заснул прямо у меня на руках. Я уложила его, закутанного в одеяло, на мягкую подстилку из листьев и пошла за хворостом, пока совсем не стемнело. Колени подгибались, руки подрагивали и все мышцы, особенно не так давно зажившие, вопили от усталости. Такого напряжения, нервного и физического, как на этом болоте, я не испытывала никогда!

Обходя наше пристанище по окружности в поисках сухих веток, я заметила нору. Дыра под деревом была немаленькая. «Та-а-к! Нам только соседей и ночных визитёров не хватало, – раздражённо подумала я. – А может, она пустая и здесь никто не живёт?» В этот лаз я, конечно, не полезла и даже не стала в него заглядывать, просто обошла, но беспокойство не покинуло. «Крупный зверь там вряд ли может жить, а вот кто-то типа барсука или енота вполне, – прикидывала я размеры. – Будем надеяться, что огонь отпугнёт незваных гостей, а вот хвороста придётся набрать побольше».

Угомонилась я только тогда, когда совсем стемнело. Малыш сладко спал в куче листьев, причмокивая во сне. Топлива для костра я собрала много: должно было хватить до утра, а вот спать нельзя, за костром нужно следить, чтобы не погас. Положив рядом кинжал, я натянула вторую рубаху и штаны, благо всё уже почти высохло, и уселась у самого огня. Вот, наконец, можно и расслабиться. Внутри громадного ствола было тихо, тепло и очень уютно.

Под черепной коробкой раздался осторожный стук:

– Кто там? – зная ответ, спросила я.

Молчание... А потом тихо шепчущее:

– Прости...

– Ну, заходи уж... А вот раньше ты никогда не стучался!

Почти физически я ощутила, как открылась какая-то дверь внутри меня и мягкие осторожные шаги в области затылка. Если честно, то стало жутковато! Меня передёрнуло.

– Я сейчас же исчезну, если тебе страшно или неприятно, – мой внутренний голос был мягок и нежен до крайности.

– Нет, не надо. Оставайся... – я замялась. – И ты прости, я накричала на тебя. Не обижайся, хорошо? Я не хотела... Сорвалась просто...

– Хочешь, в библиотеке пообщаемся? – спросил он.

– А как же костёр? Я не могу совсем отключиться, и Мышонок спит, давай так, а?

– Как скажешь.

Повисла долгая пауза. Я заговорила первой:

– Нам нужно выяснить один вопрос, не возражаешь?

– Нет, но мне кажется, что не один и даже не два.

Я набрала больше воздуха и выдохнула то, что так сильно меня беспокоило:

– Я сумасшедшая? Только честно.

– Нет, конечно, – последовал чёткий ответ.

– Тогда как понимать, что я уже столько времени общаюсь сама с собой? Во мне как бы два человека и я никак не могу привыкнуть и принять то, что ты – это я, а я – это ты. Что

со мной происходит?

– Успокойся... – его голос превратился во вкрадчивый и нежный шёпот. – С тобой всё в порядке, можешь мне верить, ведь я вижу изнутри.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

Тёплая волна спокойствия, нежности и ласки родилась где-то у макушки и прокатилась по всему телу до самых пяток. Как будто лёгкий ветерок долетел с жарких солнечных берегов; оттуда, где радостно и спокойно, где носятся над волнами чайки и ходят под сверкающими парусами белоснежные яхты.

– Ладно... Раз так, то давай договоримся: ты не будешь без конца твердить, что ты – это я, а я – это ты. Мне легче и проще воспринимать тебя как что-то отдельное, пусть и живущее внутри. Ты ведь хотел быть самостоятельной личностью?

– Хотел... – сказал Мозговой тихо-тихо.

– Значит будь! Живи у меня там внутри, ну где ты там живёшь, пользуйся чем хочешь, если тебе что-то надо, но существуй сам по себе. Так не будет ехать крыша оттого, что постоянно кажется, будто страдаю раздвоением личности, и не понимаю, это твои мысли или всё-таки мои, твоё решение или моё. Так легче, проще и, главное – понятнее для меня. Ты согласен?

– Ты действительно этого хочешь?

Вопрос был задан таким тоном и таким голосом, что на несколько секунд показалось, будто я лежу в постели с совершенно незнакомым мужчиной, который перед интимной близостью наклоняется надо мной и шепчет на ухо: «Ты действительно этого хочешь?» Следом мелькает другая картинка: я добровольно протягиваю руку вампиру, чтобы он утолил свою жажду крови. А тот, глядя зловещими красными глазами, спрашивает: «Ты действительно этого хочешь?»

Я тряхнула головой: «Что за бред? Ведь Мозговой – это я. И я договариваюсь сама с собой, при чём тут незнакомцы и вампиры? Это от переутомления, наверно, ерунда всякая мерещится». И, отбросив эти мысли, твёрдо ответила:

– Да, хочу.

– И разрешаешь использовать то, что мне может быть нужно?

– Разрешаю, – и почему-то добавила: – если мне плохо от этого не будет.

– Не будет, я обещаю... – Мозговой сделал многозначительную паузу и продолжил: – От этого будет только лучше и притом нам обоим.

И почему мне показалось, что его голос дрожит то ли от возбуждения, то ли от радости?

– Вот и договорились! – я облегчённо вздохнула.

– Кари, ты простила меня?

– Да я уже всё забыла, – и, махнув рукой, улыбнулась, – и ты забудь.

– Хорошо, но про сине-зелёное болото не забуду никогда!

– Я тоже.

– Я очень испугался за тебя, Кари... Я ничем не мог помочь... Просто чувствовал твой ужас, твой страх, особенно за этого малыша. Я боялся потерять тебя, а мы ещё и поссорились, ты меня прогнала... Для меня это был кошмар, такого я никогда не испытывал.

– Всё хорошо, мы выбрались, нашли прекрасное место для ночёвки, согрелись, поели. Успокойся, всё в порядке. Стоп, я не поняла, это же ты должен меня успокаивать, а не я тебя?! В чём дело Мозговой?!

В голове раздался смех:

– Э-э-э, нет! Я теперь сам по себе, ты сама по себе. Так что теперь будем слёзки вытирать и плакаться друг другу в жилетку по очереди, – и он расхохотался ещё громче.

– Ну ты... не знаю, как тебя назвать! – И засмеялась следом.

А утро принесло новые сюрпризы и совсем неприятные. Я всё-таки заснула у самого костра и подпалила волосы. Как я так умудрилась отключиться, рухнув головой почти прямо в угли, не знаю. Помню только, что сидела у огня и держала изрезанными ладонями голову, которая постоянно свешивалась вниз. А потом всё – провал.

Глава 7

Когда открыла глаза, солнышки были высоко и слились в один сияющий круг, а малыша в куче листьев не было. Я быстро вскочила, но в тот момент, когда схватилась за ствол древесного гиганта, по рукам полоснула острая боль. Глянув на ладони, я вздрогнула. Они сильно опухли, порезы налились сине-багровым цветом и уродливо раскрылись так, что стало видно мясо. Началось воспаление. «Вот и приехали! Только заражения крови сейчас не хватает. Это поганое болото я буду долго помнить, если выживу, конечно».

Стиснув зубы от сильной пульсирующей боли, я кинулась на поиски ребёнка. Не успела обежать дерево и до половины, как зашелестели заросли и навстречу бросился Мышонок, придерживая штанишки. Я кинулась к нему.

– Ах ты, негодник, маленький! Почему не разбудил? Почему один ушёл, а? Я так испугалась!

Тиская и целуя его в грязные пухлые щёчки, я утирала слёзы внешней стороной ладони. Пальцы почти не сгибались, и малейшее движение стреляло дикой болью.

– Не делай так больше, хорошо? Не убегай один, ты меня понимаешь, малыш?

Мальчонка же только таращил глазёнки и улыбался.

Собрались мы быстро. Я закидала костёр землёй, чтобы не тратить последнюю воду. Ещё тлеющие угли выкинула на

влажную от утренней росы траву: не хотелось, чтобы дерево, приютившее нас, сгорело. Всучила ребёнку последний кусок мяса и, разорвав запасную рубашку, перевязала руки. Было видно, что дело плохо: требовалась полная обработка и курс антибиотиков. А где их взять? Как же сейчас не хватало Дайка с его травками! Я же ничего не знаю о местной флоре, какие растения и как можно использовать. «Дайк, милый, заботливый Дайк, где ты, живой ли? Как ты нужен мне сейчас! – я всхлипнула. – Не плакать! Только бы он был жив! Ну а я?.. А что я?.. Тут уж как судьба распорядится. Выживу – значит выживу, а если нет... то и пусть... Дома меня всё равно уже давно похоронили. Нужно идти, идти до тех пор, пока смогу, до первого жилья, чтобы Мышонок не остался один, а дальше... уже как получится».

Сглатывая слёзы, я собрала наши пожитки и взгромоздила мальчишку на плечи. Нести на руках я бы его не смогла, а так он устроился на шее, вцепившись ручонками в мои волосы, и вполне удобно сидел. Так мы и покинули «баобаб». Я шла без привалов очень долго, только один раз остановилась, чтобы умыться и набрать воды из ручья. Мышонок был голоден, а я тем более, но еда закончилась.

Местность, по которой мы продвигались, была пересечённая: то редкий лес, то небольшие овраги, то высокие холмы, поросшие кустарником. Реку я держала в поле зрения и думала о том, как поймать рыбу без наживки, удочки и сети, притом руками, которыми от вспухших ран ничего нельзя

взять. И уже начала разрабатывать план очередного заплыва, когда заметила следы. На сочной траве чётко обозначились продольные полосы, перекрывающие одна другую, а между ними местами земля была взрыта.

Я остановилась, не веря собственным глазам. Здесь проехали телеги или повозки, а земля взрыта от копыт! Волна облегчения прокатилась с головы до ног. Люди! Следы были свежие, а трава ещё сильно примята. Я, конечно, не следопыт, но проехали они недавно. Только бы догнать! Я погладила мальчика по свисающей ножке:

– Видишь, Мышонок, здесь были люди. Потерпи, мы их догоним обязательно. Вряд ли они будут двигаться ночью, должны сделать привал.

Сверху донеслось уже и моё любимое:

– Тама!

– Да, дорогой, они тама, идём.

В погоне за уходящей надеждой я несколько раз срывалась на бег, но тормозила: во-первых, ребёнок на плечах, я боялась, что свалится, а во-вторых, становилось плохо, начинался жар и подкашивались ноги. Поэтому я останавливалась, тяжело дыша, стояла несколько минут и двигалась дальше. Колею было хорошо видно, и я насчитала повозок пять или шесть судя по следам, хотя, возможно, их было гораздо больше.

Вечер был в самом разгаре, когда мы догнали караван. На краю перелеска я остановилась, прислонилась к дереву из

последних сил и решила немного понаблюдать, а заодно перевести дыхание. Мне было уже совсем плохо. Очень хотелось пойти прямо к ним, но, как говорится бережёного бог бережёт.

Телег было десять. Точнее, это были не телеги, а высокие крытые кибитки. Лошадей уже распрягли, и они паслись неподалёку живописным табуном. Горели костры, сновали люди и, главное... женщины. Их я отличила по длинным юбкам и более ярким одеждам и заметила всего лишь три или четыре изящных силуэта. В общей сложности человек десять-двенадцать, плюс пара ребятишек носилась вокруг костра. «Цыганский табор какой-то», – пришла мысль.

Стоять уже было невозможно: от лихорадки колени подгибались, хотелось упасть и больше никогда не подниматься. Но тут Мышонок больно дёрнул меня за волосы и завопил:

– Тама, И-ина! Тама, Ина!

Он махал ручонками и готов был слететь вниз. Я только и смогла выдать:

– Узнал, значит... Это... твои? Я так понимаю?

Ребёнок порывался слезть, но я придержала его уже совсем негнущимися пальцами:

– Сиди, мы идём, – и пошла.

А дальше всё было как в тумане. Я брела, спотыкаясь и думая о том, чтобы не рухнуть до тех пор, пока нас не заметят. Первыми засекли нас собаки. Здоровенные псы неслись с громким лаем, только мне даже страшно не было. Я упала

на колени и пульсирующими от боли руками сняла мальчика. Хотела спрятать его за спину, но он вырвался и побежал прямо на собак. Зверюги остановились, взрыв лапами траву, а потом заскулили и замахали хвостами.

«Донесла!.. Я его донесла! Донесла...» – только эта мысль и осталась в голове. Внутри всё пылало жаром, огнём и болью. Как сквозь мутное стекло я видела бегущих людей. Какая-то женщина с очень красивым лицом схватила малыша и, заливаясь слезами, качала его на руках что-то крича и приговаривая. Меня кто-то трогал, тормозил, о чём-то спрашивал, но сил говорить и даже думать не осталось. Я обвела мутнеющим взглядом суету вокруг, а потом стало темно и тихо.

Глава 8

– Ну, здравствуй, милая, – сказал знакомый голос. – Давно не виделись.

Я открыла глаза в библиотеке, лёжа на широкой мягкой кушетке:

– Привет, Мозг... рада тебя видеть. Я умерла или ещё в процессе?

– Тьфу на тебя, глупая! Умерла... Да только попробуй! Не смей даже думать об этом, а то я тебе... – и погрозил пальцем.

– И что ты мне сделаешь? – я улыбалась во весь рот. – Ты

же живёшь в моей голове, и я сама сейчас нахожусь в своей голове, хотя до сих пор не понимаю, как это возможно.

– Придумаю что-нибудь, не сомневайся.

– Ты придумаешь! Ты – мозг, ты умный!

Мозговой сидел рядом в привычном образе пожилого профессора, в любимом бархатном халате и с непонятно зачем ему нужным, дурацким моноклем в глазу. Он держал меня за руку и ласково поглаживал:

– Как ты себя чувствуешь?

– Вроде хорошо, – я поднесла ладони к глазам.

Воспаления не было, остались только закрывшиеся ранки, чистые и сухие. Сжав несколько раз кулаки, я убедилась, что всё в порядке. Боли нет, и через какое-то время останутся только шрамы.

– Да... – я невесело усмехнулась. – Если и дальше так пойдёт, то скоро на мне живого места не останется, одни рубцы... Превращусь в какого-то монстра.

Профессор засмеялся:

– Не превратишься. Да и всё это такие мелочи!

– Ага, мелочи! А замуж как выходить? Кто ж меня такую страхолюдину возьмёт?!

У профессора выпал монокль:

– Замуж?!

– А вдруг?! – я округлила глаза и приподнялась на локтях. – Если дома, на Земле у меня был плачевный опыт, то, кто знает, может, здесь что-то получится?!

Ответом стал гомерический хохот. Мозговой, качаясь в стороны, смеялся, роняя слёзы.

– И что такого забавного я сказала? – и дёрнула его за рукав. – Хватит ржать уже, в моей голове всё-таки сидишь.

– Но в моей би... би... библиотеке, – он продолжал хохотать. – Ох, Кари, девочка моя, с тобой не соскучишься! – и он интеллигентно промокнул глаза белоснежным платком, который вынул из кармана.

– Только-только в себя пришла, чуть богу душу не отдала, а уже замуж... Потрясающе! – он никак не мог успокоиться.

– Да ладно! – я отмахнулась. – Я пошутила! Какая из меня жена... Я здесь никто и звать меня никак: без роду без племени, нищенка-бродяжка. Детей иметь не могу, кому я нужна... Просто ты сидел с таким торжественно-похоронным видом, что захотелось тебя рассмешить. А говоря серьёзно... – голос охрип, – если и выходить замуж, то дома, или не выходить, но тоже дома. Я хочу домой, понимаешь? Я чужая здесь, тут всё дико и непонятно для меня, другой мир, совсем другой...

Профессор вздохнул и, притянув к себе, обнял. Я уткнулась в мягкий халат и заплакала. Он гладил меня по голове, как я недавно Мышонка, и тихо шептал:

– Я всё понимаю, всё. Гораздо больше, чем ты думаешь, но пока ничем не могу помочь. Нет никакой информации о том, как выбраться отсюда. Однако она где-то есть, должна быть, я уверен. Быть не может, чтобы не нашлось решение

рано или поздно. И мы его найдём обязательно! Будем искать и думать! Думать и искать!

– Ты же будешь помогать, правда? – я ещё хлопала носом.

– Конечно, дорогая... Конечно, буду... Я с тобой, всегда с тобой, успокойся.

От Мозгового исходил какой-то очень странный, едва уловимый запах. Что-то знакомое было в этом аромате, но в то же время я не могла подобрать никаких ассоциаций, кроме того, что он мне очень нравился. Было в нём что-то волнующее, притягательное и какое-то... родное, что ли. Я сделала глубокий вдох, а потом спохватилась: «Прямо как Карелл... заразилась его нюхачеством». И отодвинулась от профессора. Он прищурился и спросил:

– Ну, что? Всё в порядке?

– Да, в порядке, спасибо.

– Не за что. А теперь тебе пора!

– Куда пора?

– Как куда? Жить! – и щёлкнул меня по носу. От неожиданности я вздрогнула... и проснулась.

Я ехала. Точнее, не я, а повозка или кибитка, в которой я лежала. Вокруг ясный день, а на ветру слегка хлопает толстая светлая ткань, покрывающая деревянный каркас; на натянутых шпагатах висит одежда и какие-то тряпки, приятно пахнет сушёными травами и топлёным молоком. Я привстала и огляделась. Моё ложе представляло собой самую настоящую раскладушку на одного человека. Спальная часть состояла

из густой сетки и деревянного основания, а не из более привычного для меня алюминиевого. Толстый матрас, застеленный чистой простынёй, на котором я и почивала, подушка и лоскутное одеяло также имелись. Приподняв его, я убедилась, что лежу, слава богу, не голая, а в той же самой одежде.

Я бухнулась обратно. Как же хорошо! Постель! Мерное покачивание этого домика на колёсах успокоило окончательно. Я продолжила осмотр. Вдоль дощатых стенок стоит несколько сундуков, под самой крышей висят венички сушёных трав, а с двух сторон как бы окошки, закрытые той же тканью, внизу только завязки болтаются.

Я повернула голову назад, вернее, вперёд по ходу движения, лежала-то я головой к передней части, которую тянули лошади. «Дать знать, что уже проснулась, или повалиться ещё? – прикидывала я. – Нет, поваляюсь. Так хорошо и комфортно давно не было, а то всё ветки, лесная подстилка, земля или тюфяки с соломой. А тут прямо королевское ложе! Нет, не буду вставать!»

Рассмотрев ещё раз свои порезы, я убедилась, что всё как и было в библиотеке у Мозгового: длинные тонкие ранки, уже почти зажившие и покрытые корочкой, и никакой боли. «Очень странно! Заросло как на собаке. Сколько же я была в отключке? Значит, опять повезло. Меня не бросили, возможно, подлечили и взяли с собой. Складывается впечатление, что бережёт меня Окатан, помогает... Бред, конечно, но... Пусть и дальше бережёт, хочется в это верить».

Ещё какое-то время я спокойно лежала и наслаждалась запахами, дневным светом, тихим свистом возницы, скрипом колёс. Но вскоре откинулся угол полотна и внутрь заглянуло лицо. Это была девочка-подросток, лет двенадцати-тринадцати, с чёрной толстой косой, перекинутой через плечо. Персиковая кожа, раскосые миндалевидные глаза, брови вразлёт. «Боже, какая прелесть! – успела я подумать. – И она ещё подросток!»

Девочка глянула на меня и, заметив, что я тоже смотрю на неё, сверкнула белоснежной улыбкой и завопила куда-то в сторону:

– Мама! Мама! Она очнулась! Мама! Сюда!

Послышались голоса, окрики, топот ног и кибитка остановилась. В неё запрыгнула та самая женщина, которую я запомнила. На руках она держала чистого, умытого и переодетого Мышонка. Мальчик, завидев меня, заулыбался и протянул ручонки. Быстро передав его девочке, женщина упала на колени возле раскладушки и, схватив меня в охапку, принялась обнимать и целовать, повторяя слова и заливая меня слезами:

– Спасибо! Спасибо тебе! Спасибо! Ты спасла его! Ты вернула мне моего мальчика! Спасибо тебе! Спасибо! Мой Натри вернулся! Хранитель и боги вернули его! Я молилась! Я просила! Спасибо!

Она начала рыдать, а я совсем обалдела от таких эмоций и просто радовалась, что всё хорошо, что всё получилось,

малыш дома, в безопасности, и его семья нашлась таким чудесным образом. Да и со мной порядок: ну прибавилось несколько новых шрамов, не беда, мне ж не замуж выходить, уже начинаю привыкать.

Рядом раздался конский топот, потом тяжёлые шаги и к нам вошёл, пригнувшись, высокий коренастый мужчина весьма приятной наружности. На нём была тёмная рубашка с широкими рукавами, чёрные штаны, заправленные в высокие сапоги, и жилет с серебристой вышивкой. Мужчина присел рядом и улыбнулся, глядя на меня. Сразу же стало понятно, что это отец Мышонка, у мальчика его улыбка, точь-в-точь. Он просто сидел и смотрел. И я смотрела. Так мы и рассматривали друг друга: он – меня, а я – его.

Через несколько минут он повернулся вполоборота к утирающей слёзы женщине удивительной красоты и произнёс таким приятным бархатно-вибрирующим баритоном, что у меня по всему телу мурашки побежали:

– Ну, хватит, Хейя, хватит рыдать! Радоваться надо! Счастье в семью вернулось, а ты слёзы льёшь. И так уже все глаза выплакала, – он ласково обнял её и погладил по спине.

– Я всё... не буду... больше... не буду, – женщина ещё всхлипывала. – Это я от радости.

Она промокнула лицо платком и в четыре глаза они уставились на меня.

– Ну, что... – хлопнув ладонями по коленям, произнёс отец Мышонка. – Будем знакомиться со спасительницей на-

шего неугомонного ребёнка.

Я кивнула.

– Меня зовут Гайлан Одер Давен эн Видар, – и он поклонился, – но можно просто Гай.

Я ответила неловким судорожным кивком, не привыкла как-то кланяться ещё. Он продолжил:

– Как вы уже, наверно, догадались, это моя жена, Хейа, а это... – и махнул в сторону, где на сундуке тихонько сидела девочка с мальчиком на руках, – наши младшие дети, Айра и Натри. Старший наш сын уехал вперёд смотреть место для стоянки, он скоро вернётся. А кто вы, уважаемая эрдана?

Я только хлопала глазами по старой привычке и соображала: «А что говорить-то? И как?! Я же говорить толком ещё не умею! И что такое «эрдана»?! Это титул, национальность, обращение или название кого-то?! Значение не понятно, и это слово раньше я никогда не слышала». В голове шпаргалкой прошептали: «"Эрдана" – это уважительное обращение к женщине, как в твоём мире «мадам», «сударыня» и так далее». «Спасибо, выручил», – мысленно отозвалась я.

Склонив голову в лёгком поклоне и приложив ладонь к груди, я произнесла:

– Карина.

– Это ваше имя?

– Да.

– А дальше? Имена матери, отца и рода можно узнать? Если это, конечно, не тайна?

Я опустила глаза, будто в смущении, а на самом деле лихо-радочно думала: «Мне что, им фамилию и отчество сказать? Или как? Как здесь принято называться? Мозговой, помо-ги! Я не знаю, что делать!» Поступил ответ: «Сиди и молчи! Можешь ещё уголок одеяла в руках потеревить. Пусть уви-дят, что ты не хочешь полностью себя называть, а дальше посмотрим». Так я и сделала. Гай ещё подождал немного и переспросил:

– Та-а-ак... Говорить своё имя полностью не хотите?

Я опять кивнула. Тогда мужчина слегка нахмурился и, на-клонившись поближе, тихо произнёс:

– Ваши родные умерли или погибли раньше срока, и вы не хотите сами попасть к Хранителю вслед за ними, – он при-стально смотрел на меня, – поэтому не называетесь полным именем?

В голове раздалось: «Говори да!»

Я ответила:

– Да... – И заметила, как они с женой расслабились, но последовали другие вопросы:

– Значит, вы с Севера, эрдана Карина? И волосы у вас об-резаны в знак траура?

Тут я уже сама догадалась:

– Да.

– Я всё понимаю и очень сочувствую вашему горю, эрда-на, – он вздохнул и опять поклонился. – Вы спасли и верну-ли нашего сына, которого мы отчаялись найти и посчитали

погибшим. Поэтому хочу предложить вам наше гостеприимство: одежду, еду и всё другое, что будет в наших силах и возможностях.

Гай улыбнулся своей солнечной улыбкой и протянул мне руку. Облегчённо выдохнув, я её пожала.

– А куда вы направлялись, эрдана Карина, можно узнать? – спросила Хейа.

– Латрас, – ответила я.

– К кому-то из родственников или друзей, кто мог бы вас приютить, раз вы остались одна?

– Да.

Гай и Хейа переглянулись. Я видела, что они немного смущены и хотят мне что-то сказать:

– Дело в том, что... – Гай замялся, – мы движемся сейчас в другую сторону и в Латрасе будем нескоро. Но если вы спешите, то мы дадим вам одну из наших лошадей, припасы на дорогу, одежду и всё, что ни попросите. И вы сможете продолжить путь.

Я продолжала вопросительно смотреть и усиленно искала слова, чтобы спросить: когда это нескоро? Но, видно, Хейа догадалась о ходе моих мыслей и объяснила вместо мужа:

– Сейчас мы движемся на запад, к Маргосу, на большую ярмарку, потом поедem в Банкор на праздник урожая, а оттуда, вдоль побережья, двинемся к Латрасу, чтобы переждать там зиму. Если вы останетесь с нами, то прибудете в Латрас в начале зимы примерно через четыре месяца.

Эта удивительно красивая женщина, на которую были так похожи её дети, взяла мои руки и, поглаживая, попросила:

– Оставайтесь с нами на это время, эрдана Карина. Вы так слабы, худы и измучены... вы пять дней были без сознания. Мы боялись, что вы уже не очнётесь, и ничем не могли помочь, просто ждали. Я никуда вас не пущу. А с нашим караваном вы попадёте в Латрас, только позже. Оставайтесь! Я вас прошу!

Глаза её опять стали влажными. Ну как я могла отказаться! Тем более, когда всё так удачно сложилось. Я сжала её руки и радостно закивала.

Глава 9

Легенда, которую так непринуждённо придумал Гай, задавая вопросы, оказалась на удивление удачной. Она объясняла почти все мои странности в глазах местного населения: и то, что у меня короткие волосы, и то, что почти не говорю, но всё понимаю, и оборванный, измождённый внешний вид и так далее.

«Значит, если будут спрашивать, то я с Севера, родных нет, иду искать приюта у дальней родни в Латрасе. Отлично! Даже самой не пришлось напрягаться, а то я бы наворотила...» – Я была довольна. Интересно то, что в этой новой биографии практически не было лжи – лишь недомолвки.

Мои родители действительно умерли: мама, когда мне ед-

ва минуло шестнадцать, а через три года ушёл и отец. Других близких родственников, кроме старшей сестры и её семьи, у меня не было. А для них я умерла. Дальняя родня по маминой линии жила где-то в Америке и мы не общались. А то, что я якобы с Севера, так с таким же успехом можно думать, что я с юга, востока или запада. В космосе ведь нет понятия сторон света, и в каком направлении искать в ночном небе место, где может находиться Солнечная система и Земля, неизвестно. С севера значит с севера! Вполне годится для меня и многое объясняет для других.

Этим же днём, ближе к вечеру, караван остановился на стоянку. Когда я выползла на свежий воздух, то оказалось, что двигались мы по хорошо наезженной дороге. Вокруг привычное редколесье с небольшими полянками, а невдалеке, среди деревьев мелькнуло голубое озеро. Вот возле этого водоёма караванчики и расположились на ночёвку.

Мужчины освободили лошадей от упряжи, соорудили несколько кострищ, вынесли раскладные стульчики, кухонную утварь. Женская часть принялась за приготовление ужина, а несколько молодых мужчин повели купать коней. Другие же, прихватив снасти, пошли на рыбалку. Двое парней остались, наверно, в качестве охраны. Они были вооружены небольшими мечами и одеты в какие-то странные то ли жилеты, то ли кольчуги из тёмно-серой чешуйчатой кожи.

Отойдя от стоянки, я подалась в кусты, уже давненько терпела. И только вылезла обратно, как передо мной нарисова-

лась Айра:

– Эрдана Карина, где вы пропали? Пойдёмте, мама вас ищет, – и потащила к кибиткам.

Внутри повозки, раскрыв сундуки, сидела Хейа и перебирала содержимое. Когда мы заглянули, она улыбнулась и, взмахнув цветастой тряпкой, поманила меня к себе:

– Эрдана, нужно найти для вас подходящую одежду, а потом пойдём купаться.

Подобрать облачение оказалось проблематично. Всё было или большое, или совсем короткое. Юбки и рубашки Хейи были мне велики, да и висели как на колу, а одежда Айры – ну совсем короткая. Пока мы копались в ворохе тряпок и занимались примеркой, девочка достала откуда-то небольшой овальный предмет в ажурной рамочке.

У меня дыхание спёрло: «Зеркало!» С тех пор как я попала на Окатан, своё отражение я не видела, разве только на водопаде, в зыбкой воде. Но что там можно было рассмотреть? Повернувшись к девочке, я потянулась к вожаденному зеркалу с вопросом в глазах. Айра поняла чего именно я хочу.

Медленно-медленно я заглянула в отражение и... не узнала. Да-а-а... Хороши дела... Это я всё-таки или нет?! После усиленного рассматривания, я всё же убедилась, что это я, но... изменившаяся, практически до неузнаваемости. Если бы сейчас меня увидели мои родные или друзья, то вряд ли бы узнали. Я и сама себя узнавала с трудом.

Мои русые волосы, похоже, выгорели до платинового оттенка. Когда же я развернула грязные от болотной жижи пряди, то оказалось, что они полностью такие светлые, от самых корней. Было похоже, что я вся поседела... Хотя нет – это не седина, просто очень светлый цвет. Кожа загорела до оттенка мокрого песка, как и все открытые участки тела. Брови, которые я всегда выщипывала, считая их слишком широкими, вернулись к своему изначальному виду и графитовыми дугами подчёркивали глаза. На загорелом лице раньше голубые, а теперь ярко-синие очи смотрелись просто отпадно. Глаза хоть и запали, но почему-то стали казаться гораздо больше, наверно, потому что щёки ввалились, нос и подбородок стали острее, а скулы, наоборот, чётко выделились на лице.

Рассматривала я себя долго. Никак не верилось, что это почти незнакомое и такое красивое какой-то строгой, завораживающей красотой лицо – моё. Теперь вполне понятно, почему меня приняли за северянку. Я не очень походила на местных, я была, как бы это сказать, другой расы, что ли, и отличалась так, как у нас отличаются арабы от шведов.

В принципе, такие перемены были вполне объяснимы: большой потерей веса, голодовкой, физическим и моральным истощением, а также всем этим кошмаром, который со мной случился. Но почему так изменился цвет волос и глаз?! В чём тут дело?! Непонятно! «Может, Мозговой сможет пролить свет на эту загадку? Надо будет пообщаться с ним по возможности», – подумала я.

Оторвав от мыслей, Хейа тронула за плечо:

– Вы очень красивая, эрдана.

Айра воскликнула улыбаясь:

– Как богиня! Только худая очень.

Мы дружно рассмеялись.

– Ну, это дело поправимое, – добавила мама девочки. – Давайте всё-таки подберём что-нибудь для вас, а в Маргосе уже купим или пошьём. Я знаю там неплохую портниху.

На том и порешили. Когда мы купались и переодевались, Хейа обратила внимание на мои шрамы, но ничего не сказала, только сочувственно покачала головой. А вот заметила ли она, что у меня нет родовой метки, не знаю. Похоже, что нет. После купания в озере с душистым, пахнущим травами мылом, облачения в чистую, хоть и не вполне подходящую по размерам, одежду я почувствовала себя заново родившейся.

За ужином на меня все заинтересованно поглядывали, а мужчины особенно. Нет-нет искоса кто-нибудь да посмотрит. Было очень неловко. Проглотив кашу и сочный кусок рыбы, я поблагодарила Хейю и ушла в кибитку. Уже стемнело. Я улеглась на раскладушку и закрыла глаза, а открыла уже в библиотеке.

Мозговой лежал на кушетке и читал книгу, а на столе стоял поднос с дымящимся кофейником и две чашки. Мой жилец поднял глаза и улыбнулся:

– Я ждал тебя.

– Вижу, – и махнула на пару чашек.

– Кофе хочешь?

– Спрашиваешь... Конечно, хочу.

Пока я разливала ароматный напиток, то успела подумать, что, как всегда, ничего не понимаю: я сейчас буду сидеть в своей же голове с частью себя и с ней же на пару пить кофе. Бред, глюки и полная галиматья! Никак не могу привыкнуть, хотя пора бы уже не задумываться об этом, всё равно не пойму. Усевшись на кушетку, я протянула одну чашку Мозговому и сама сделала глоток. О, блаженство! Хоть виртуально попробовать! Есть ли в реальности на Окатане кофе, я пока не знала, но думаю, что, попутешествовав с караваном, узнаю наверняка и не только про кофе.

Пока я наслаждалась восхитительным вкусом, Мозговой меня разглядывал. Я не выдержала:

– Что, нравлюсь?

– Очень!

Я расхохоталась и чуть не расплескала ещё горячую жидкость:

– Давай хотя бы ты не будешь на меня пялиться, а то недавно тут некоторые очень упорно меня рассматривали.

– Но ведь есть на что посмотреть.

– Не знаю, не знаю, по-моему, кожа да кости и живого места нет.

Теперь он расхохотался.

– Что читаешь?

– Так, нашёл тут у тебя справочник по языкам програм-

мирования, вот и разбираюсь на досуге, но не совсем полный, многих страниц не хватает.

– По языкам программирования? У меня в голове?

– Ну да. А что тебя удивляет?

– Как что? Я к программированию никогда не имела никакого отношения.

– Ну, не знаю, не знаю, – он скопировал мои интонации, – я же нашёл. Значит, когда-то имела, просто не помнишь.

Я пожала плечами. Может, и правда не помню...

– Кстати, а из чего ты такую вкуснятину сварил?

– Из тебя, конечно.

– Как из меня? – запахло «Молчанием ягнят».

– Ты же сама мне разрешила брать что хочу, пользоваться чем надо. Вот и сварил.

Я непонимающе уставилась на него:

– Ты... что... с ума совсем спрыгнул?! Ты чем меня поишь?!

Профессор вскочил и забегал по библиотеке:

– Да успокойся, ничего такого... Что ты придумала? Это же всё нереально! Я просто взял твои воспоминания и ощущения от вкуса, запаха, зрительные образы и собрал воедино. И всё! И больше ничего! Ты сама с ума спрыгнула, что такое подумала!

Я выдохнула:

– Прости, я дура, не обижайся...

Он сел рядом и забрал у меня чашку:

– Проехали... Я сам виноват, ляпнул неудачно.

Я обняла его, прижалась и прошептала:

– Меня сегодня так рассматривали, что стало страшно.

Как я здесь продержусь? Может, всё-таки попросить у Гая лошадь и податься в Латрас или, вообще, залечь где-нибудь в лесу и не высовываться никуда, чтобы никто меня не видел?

– А как ты тогда найдёшь проход обратно на Землю, если поселишься в лесу? Чем питаться, как зимовать, ты подумала?

– Понимаю, что сказала глупость. Чтобы выбраться отсюда, нужно быть среди людей, учить язык, приспособливаться, собирать информацию. Я знаю, только...

– Тебе страшно.

– Да, очень. Иногда так, что кажется... Лучше бы я умерла...

– Не говори так больше, слышишь? – Мозговой взял моё лицо в тёплые ладони и прижался к моему лбу. – Ты думала о том, что, если умрёшь ты, умру и я?

Об этом я, действительно, не думала, вот тупица! Он продолжал смотреть прямо в глаза:

– Всё хорошо... Всё хорошо, Кари... Ты среди людей, скоро освоишься и привыкнешь. Конечно, тебе страшно, моя дорогая, но ты сильная и смелая, умеешь брать себя в руки и принимать решения. Ты всё преодолеешь и всё сможешь. Мы сможем.

Я обняла его ещё крепче:

– Мне так не хватает Дайка, скучаю по нему. Как думаешь, он выбрался, он жив?

– Я уверен, что жив. Не могу объяснить почему, просто знаю, – и погладил по спине. – Точно, кожа да кости.

– Я же говорила.

– Тебе нужно восстановить силы и набрать хоть пару килограммов, а то Дайк при встрече не узнает.

И мы захихикали.

– Ну всё, закрой глаза. Нужно спать... Спать...

Его голос стал тихим, нежным и таким успокаивающим... «Вот балда, про перемену цвета глаз и волос забыла спросить, – подумала я, засыпая, – ну да ладно, потом». И заснула.

Глава 10

В течение нескольких следующих дней я познакомилась со всеми членами этого кочующего семейства. Можно сказать, что это действительно в каком-то смысле семья, хотя настоящими родственниками они не были. Только у Гая было дальнейшее кровное родство с семьёй Олмана, самой многочисленной в караване.

Олману, если можно так выразиться – старосте, я не понравилась. Он подозрительно смотрел из-под густых бровей, и я видела – он не верит, не верит тому, что говорят Гай и Хейа обо мне. Но после объяснений этот седой худощавый

мужчина коротко кивнул и сказал, что я смогу остаться при караване до прибытия в Латрас, если Гай, временно, принимает меня в свою семью. А также довольно жёстко предупредил Хейю и Айру, чтобы впредь они лучше смотрели за Натри. Потому как искать его и терять столько времени никто не будет, если он опять пропадёт.

Так я и выяснила, почему ребёнок оказался в лесу один. Его никто не терял. Натри удрал сам. Вот вам и Мышонок! На одной из долгих стоянок, в верховьях уже знакомой мне реки, которая носила странное название Улитка, у одной из кобыл начались роды с сильным кровотечением и женщины были заняты. Почти все мужчины ушли на большую охоту, а остальные охраняли караван. Натри был на попечении сестры и, несмотря на то что Айра привязала его, всё-таки удрал. И как выяснилось, не первый раз.

Внешне Натри выглядел таким прекрасным ангелочком, с потрясающей улыбкой, но на самом деле никогда нельзя было предсказать, когда и куда он уползёт или убежит. Проблемы у родителей с ним начались, как только он научился ползать. Стоило взрослым отвлечься, как малыш исчезал так быстро и незаметно, что никто не мог понять, как у него это получается. А когда он начал ходить... Но самое интересное, что и привязь не могла его удержать. Как такие малюсенькие пальчики распутывали крепкие отцовские узлы, не понимал никто. Не ребёнок, а уникам!

Постоянные поиски малыша отнимали много времени и

задерживали всех, вот почему Олман так резко выражал своё недовольство. Когда после долгих розысков на берегу нашли маленький ботиночек, то сделали вывод, что мальчик утонул. А ведь он и правда угодил в реку, а течение там было очень сильным и Натри унесло далеко вниз. Каким-то чудом он выплыл и выбрался на берег, где я на него и наткнулась. Вот такая история!

И всё же, несмотря на подозрительность руководителя каравана, я успокоилась. Я уже была не одна, меня окружали вполне нормальные люди, доброжелательно настроенные и готовые помочь в меру своих сил и возможностей. За несколько дней я вполне оправилась, отъелась и меня уже не водило в стороны от слабости. На очередной вечерней стоянке Хейа варила ужин, а я сидела рядом с малышом на руках. Все семьи занимались своими делами после долгого дня пути, Айра с Гаем подались в лес за дровами, а Скай – старший сын в этом семействе – с другими мужчинами ушёл на рыбалку, в лесу было небольшое озеро.

Прикрыв котёл с ароматной кашей, Хейа присела рядом и взяла у меня мальчика. Мне кажется, она до сих пор не верила, что малыш жив, здоров и рядом. Женщина почти не спускала его с рук, постоянно тискала и чмокала в щёчки. Жаживающие ладони нестерпимо чесались и я без конца их обо что-нибудь тёрла. Взяв мою руку, она посмотрела на розовые шрамы, ещё местами покрытые корочкой, и тихо спросила:

– Вы ведь прошли через райское поле?

Я непонимающе взглянула на неё, какое райское поле?

Она продолжала:

– Как у тебя это получилось? Одной, с маленьким ребёнком на руках? Это же невозможно...

Тут до меня дошло! Это страшное болото с высокой травой действительно выглядело как поле. Вспоминая уже знакомые слова, я спросила:

– Почему «райское»?

– А ты не знаешь?

– Нет.

– Потому что все, кто пытается его пересечь, не доходят до другого края. Они попадают в рай, – и добавила после паузы, – они умирают. Или поле быстро засасывает свою добычу, или, в редких случаях, те, кто сумел выползти, умирают от ядовитой травы, от которой нет никакого спасения. Ты же о траву изрезала руки?

Я кивнула.

– Но ты не умерла. Мы ждали, что ты скоро умрёшь. Все умирают...

Я опять усталилась на свои ладони. Все умирают... А я нет, хотя Мозговой сказал, что была на грани. Значит, мне опять повезло. Возможно, дело в том, что я не местная. А предчувствие не обмануло, когда я не пошла напрямую через это райское поле, хотя очень хотелось попасть под спасительное дерево. Вот почему страх пробирал до самых пе-

чѐнок, перед тем как был сделан первый шаг. Да... тут есть над чем поразмыслить, как-то странно всё. Из задумчивости вывел следующий вопрос Хейи:

– Откуда вы, эрдана? Нельзя не знать про райские поля, наши дети впитывают страх перед ними с материнским молоком. И хотя на Севере их нет, про эти страшные ловушки там знают.

Что я могла ей сказать? Поэтому просто сидела и молчала, почѐсывая руки о штаны. Поняв, что ответа она не дожѐтся, женщина обняла меня и поцеловала в щѐку:

– Я не буду больше спрашивать, прости... Ты вернула мне моего мальчика, а всё остальное неважно, верно?

– Да, Хейа, верно.

Вскоре каша была готова, и когда собралось всё семейство, мы сели ужинать. Держа миску с дымящейся кашей, Гай обратился ко мне:

– Эрдана Карина, как вы себя чувствуете?

– Хорошо, спасибо, – эти слова я уже выучила.

– Вы хотите быстрее освоить язык?

Он упорно обращался ко мне на «вы», а также они все постоянно добавляли «эрдана» к имени, что меня сильно напрягало. А сказать моим спутникам, чтобы они не обращались ко мне так официально, пока не получалось, словарного запаса не хватало. Мне очень хотелось освоить разговорную речь, чтобы так не выделяться, да и, вообще, не выглядеть полной дурой. Поэтому на заданный вопрос я бодро кивну-

ла.

– Тогда... я сейчас, – он поднялся и пошёл к повозкам.

Я уже была готова к тому, что меня начнут чем-нибудь поить или кормить для лучшего запоминания и произношения, но ошиблась.

Гай принёс гитару. Самую настоящую. Присев рядом на раскладной стульчик, он положил инструмент на бедро и лёгким движением тронул струны.

– Будем петь.

Я икнула. Только этого не хватало! Отсутствием слуха я не страдала, но голоса точно не было. Я вжала голову в плечи. Нет, только не петь! Гай понял, что я не горю желанием, но не смутился:

– Не бойтесь, эрдана, никто смеяться не будет, – и ласково улыбнулся. – Есть такие песенки, детские, какие-то я сам придумал, другие же известны с давних времён, которые очень хорошо помогают запоминать слова и правильно их произносить. Поверьте, я знаю, что говорю! Я буду петь, а вы повторяйте...

Что оставалось делать, сама же согласилась. Оказалось, что это были не совсем песенки, а такие скороговорки и трудноговорки, положенные на музыку. Скороговорки состояли из похожих по звукосочетанию слов типа «шла Саша по шоссе...», а трудноговорки включали в себя сложнопроизносимые слова и речевые обороты, подобно нашим «корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали...»

Голос у Гая, как я и предполагала, был великолепен, и это он только скороговорки со мной пропевал. А как же он поёт в полную силу? Вот бы послушать! Мучили меня пением, наверно, часа два. Все уже и поели, и посуду убрали, и Натри спать уложили. Хейа не выдержала:

– Хватит, милый! Оставь девочку в покое, она уже хрипит. Если тебя не остановить, то ты не успокоишься. Посмотри, замучил её совсем! – и забрала гитару.

Гай очнулся, как от гипноза:

– Ой, да... простите меня, эрдана, увлёкся. Вы очень устали... – но тут же хитро подмигнул, – а для первого раза у вас прекрасно получается, я не ожидал. И голосок такой приятный. Слабенький, конечно, но если заниматься – толк будет.

Я поперхнулась. Вот чего в жизни никогда не хотела, так это петь! А песенки помогали, да ещё как! Днём, пока мы ехали, я вместе с Айрой повторяла слова. Девочка правила телегой, а я, сидя рядом, пропевала по памяти всё, что запомнила с предыдущего вечера. Если допускала ошибку, она меня исправляла и пела со мной.

Айра была истинной дочерью своих родителей, взяла и красоту матери, и голос отца. Сочетание просто сногшибательное. С такими данными на Земле она могла бы стать звездой мировой величины. Я наблюдала, как эта девчушка в поношенном платье с короткими рукавами во всём помогала родителям, была послушной, скромной – в общем, образцовой дочерью. Иногда я брала Натри, и мы втроем горлани-

ли эти весёлые песенки всю дорогу. Было весело! Мышонок тоже быстро учился и говорил уже не только своё любимое «тама». Хоть многие звуки малышу пока не удавались, но он старался. Меня он называл Ина, а вскоре и Айра, когда родители не слышали так как ехали впереди, начала говорить Карина, а иногда и просто Кари, что только радовало.

Другие члены каравана относились ко мне спокойно и ровно; никто не пытался заговаривать, да и я ни к кому не лезла, удовлетворившись компанией Гая и его семьи. А вот Скай, старший ребёнок в этом семействе, держался от меня подальше. И так, будто меня вообще не было. Он обычно правил последней, третьей повозкой, принадлежавшей их семье, и там же ночевал. Мы же с Айрой спали вдвоём в той, в которой я очнулась в первый раз. Чем было продиктовано такое поведение старшенького, я не понимала, и жалела о том, что нехотя послужила каким-то камнем преткновения.

Глава 11

Дней через десять мой словарный запас вырос настолько, что вполне можно было кратко объяснить, чего хочу, или ответить на вопросы. Память впитывала новые слова, их значение и произношение, как губка воду. И чем больше я запоминала, тем быстрее и лучше могла говорить. Вот вам и песенки-потешки!

Караван следовал своим путём через холмы, поля, леси-

стые участки, хутора и маленькие посёлки. Мы проехали очередную деревню, которая, к слову сказать, не произвела на меня никакого впечатления. Обычные бревенчатые срубы, одни побольше, другие поменьше, с покатыми, крытыми дранкой или соломой, крышами; сараи, огороды, засеянные поля, домашняя скотина на выпасе – всё почти так же, как и на Земле в сельской глубинке. Надолго в таких деревеньках караван не останавливался. Происходил обмен почтой и посылками, если они были, закупались припасы по необходимости, и мы двигались дальше. Караванчики не только торговали, но и выполняли работу почтовой службы, не бесплатно, конечно. Как я узнала позднее, богатые люди могли себе позволить отправить гонца со срочным посланием или выпустить летуна² с короткой запиской, если содержали этих редких и крайне дорогих зверюшек. Всё остальное население пользовалось услугами караванов – медленно, но вполне надёжно.

К этому времени я уже привыкла к походному укладу и постоянному движению и пришла к выводу, что хочу того или нет, но нужно учиться ездить верхом и хоть немного овладеть каким-либо видом оружия, так как рассчитывать в

---

² Летун, или неразлучник – маленький крылатый зверёк, очень похожий на летучую мышь. Всегда отыскивает свою самку, как бы далеко она ни находилась. Эту особенность летунов используют для доставки срочной почты. Если самец в пути погибает, то его самка другого самца к себе уже не подпустит, а через некоторое время умирает и она. Поэтому численность летунов невелика и стоят они дорого.

первую очередь мне нужно только на себя. Поэтому на вечерней стоянке я спросила у Айры, не могла бы она дать мне несколько уроков верховой езды или стрельбы из лука. Девочка была удивлена:

– А вы разве не умеете держаться в седле?

– Нет, Айра, не умею, – я потупилась. – Там, где я жила в этом не было нужды.

– У вас не было лошадей?

– Нет.

– Нужно у папы спросить... – девочка теребила свою роскошную косу, – а вот стрелять из лука... я... не знаю.

Она растерянно смотрела на меня, явно не зная, что сказать. «Так... что-то тут не понятно. Похоже, я ставлю её в неловкое положение...» Я отвела девочку подальше, и мы присели на поваленное дерево:

– Айра, ты только скажи, что тебя смутило. Я просто много не знаю и не понимаю, так как жила очень далеко отсюда и совсем не так, как вы. Здесь всё для меня в новинку, но я не хочу никаких неприятностей ни для тебя, ни для твоей семьи. Просто объясни и я не буду настаивать...

Она придвинулась поближе и тихо сказала:

– Женщин не учат пользоваться никаким оружием, ну кроме обычных ножей, это не нужно, нас мужчины защищают. Я хотела научиться стрелять из лука, чтобы с папой или Скаем на охоту ходить, но мама мне так по рукам надавала... хорошо, что папе не сказала.

Я задумалась. Во время моего путешествия с этими людьми я не заметила никакой дискриминации по отношению к женской части каравана, наоборот, было видно, что женщин уважают, даже почитают. Всю тяжёлую работу выполняли мужчины, а также помогали и в приготовлении еды, и за детьми смотрели по возможности. Совсем не было заметно, что женщины как-то не равны в правах с мужьями и сыновьями, но как выяснилось, есть какие-то табу, которые нарушать нельзя, а я, дурёха, чуть Айру не подставила. Ладно, посмотрим, что мне сам Гай скажет.

– Айра, я сама спрошу у Гая про уроки верховой езды, а вот про оружие спрашивать не буду, хорошо?

Девочка улыбнулась и кивнула. Гай удивился такой просьбе, но постарался этого не показать. Однако он задумался, я заметила, но всё же разрешил Айре меня поучить. Сказал, что лучше взять для первых уроков Лучика, он был самый послушный и спокойный. Вот так мне и открылась ещё одна особенность этого мира.

На следующей стоянке, возле живописного изгиба реки, это была всё та же Улитка, уже широкая и полноводная, я начала пробовать. Айра подвела ко мне осёдланного Лучика. Коняшка был невысокий, упитанный и очень гривастый. К слову, у всех лошадей в караване были роскошные гривы и хвосты, которые заплетали в красивые косы. До этого близко к ним я не подходила, страшновато как-то было, но тут сама напросилась, отступить уже поздно.

Погладив Лучика по шее и потрепав за холку, я подошла к самой морде, ну чтобы как-то с ним познакомиться. Я гладила его большую голову и лохматую чёлку, как вдруг рука наткнулась на что-то твёрдое. Я вздрогнула. Под чёлкой что-то было... Приподняв тяжёлые длинные волосы, я увидела... рог. Небольшой такой, аккуратненький, конусовидной формы.

– Эрдана? – вопрос Айры вывел из прострации.

– Что?! – я резко повернулась.

– Ну так повод берите.

– А... ну да, страшновато только, – я постаралась скрыть замешательство.

– Не бойтесь, Лучик смирный.

Поставив ногу в стремя и ухватившись за гриву, я взгромоздилась в седло. Айра объяснила, как нужно сидеть и держать поводья, в общем, ничего сложного. Я старалась не выдать волнения не столько оттого, что первый раз в жизни села на лошадь, сколько потому, что это не лошадь – а единорог! «Вот дела! Единороги реально существуют! Пусть не на Земле, а на Окатане, но ведь и на Земле о них знают, хоть на моей родине это мифические существа, живущие только в сказках. Я сижу на одном из них и он... меня слушается! Обалдеть! Мир чудес!»

Айра водила Лучика под уздцы, а я пыталась удержать равновесие. Мы немного покружили по поляне, народ готовился к ужину и весело на меня поглядывал. Один из пар-

ней, младший сын Олмана, улыбаясь во весь рот и видя мою застывшую от напряжения позу, крикнул:

– Эрдана, расслабьтесь, а то не сможете слезть, и нам придётся вас разгибать!

Все засмеялись, ну и я за компанию. Вскоре учили меня уже почти все по очереди, естественно, мужчины, и Айра от преподавания была освобождена.

Дней через восемь, это как раз окатанская неделя, мы заехали в большой посёлок. Я целый день тряслась верхом, так как уж очень понравилась мне это дело, сама не ожидала, да и практика требовалась. Было смутное предчувствие, что подобные тренировки очень пригодятся. Скай для этих целей даже дал своего гнедого Свиста.

Отношения со старшим сыном Гая и Хейи наладились как-то сами собой. Просто однажды он подошёл ко мне сам и спросил, хочу я уметь просто держаться в седле или всё же имею желание овладеть искусством верховой езды серьёзно. Я была только за. И парень пересадил меня на Свиста. Конечно, это был не меланхоличный Лучик. Конь, точнее, единорог был норовистым, резвым и потрясающе красивым. Настоящая верховая лошадь, а не тягловая коняга. Я узнала, что это Гай подарил его сыну в прошлом году, когда Скай вернулся из столицы, где учился несколько лет.

И вот после утомительного дня, когда я думала только о том, чтобы спешиться и размять затёкшее от напряжения тело, караван расположился на отдых. Всем своим табором мы

заехали на большой двор у двухэтажного каменного дома. Навстречу высыпали обитатели во главе с хозяином:

– Олман! Гай! Хитан! Рад приветствовать вас, мои дорогие! Наконец-то, дождались! – и, раскинув руки, бросился обнимать всех по очереди.

– Здравствуй, Кадар! Здравствуй! – Олман, тепло улыбаясь, хлопал хозяина по плечам. – Вот мы добрались до вас.

– Да, добрались, я очень рад видеть всех! А некоторых особенно...

Кадар обнял Хитана (самого старшего члена нашего каравана и по совместительству, отца Олмана), а также Гая. Закончив приветствия, он пригласил всех располагаться и воспользоваться его гостеприимством.

Я же еле-еле сползла со спины Свиста. Скай принял у меня поводья:

– Ну, как самочувствие? – ехидненько так спросил.

Я отмахнулась:

– Пожалел бы несчастную девушку...

– А я и пожалею... – парень придвинулся поближе и уже тише добавил: – Я очень хорошо умею жалеть, особенно таких красавиц, как ты...

Прижимаясь бедром, он обнял меня за талию, а я внутренне вздрогнула: «Вот те раз! И этот туда же! Мальчишка совсем, а уже «жалеть» меня собрался. Ну, теперь всё с тобой ясно, а я-то голову ломала, с чего такие перемены, что даже любимца своего дал покататься и учить взялся. Ах, раз-

вратник малолетний!» Немного отстранившись, не хватало ещё чтобы он меня унюхал, а то мало ли какие могут быть последствия, я бросила лукавый взгляд и тон в тон ответила:

– Уверен, что у тебя хорошо получится? – Потом перевела взгляд ниже его пояса, усмехнулась: – Там... уже всё подходящих размеров? Выросло как положено?

Как же он вспыхнул! Будто я его кипятком окатила! Дёрнув коня за поводья, он резко повернулся и повёл того на конюшню. «Да... не видать мне больше Свиста. Ну да ладно, пусть лучше так. Обидела, конечно, парня, но только шлейфа из кавалеров, таскающегося за мной по Окатану, мне как раз и не хватает. Достаточно с меня Дайка с Кареллом». Почему-то я была уверена, что если они живы, то будут меня разыскивать.

Я залезла в телегу и уселась на раскладушку. Хотелось спрятаться, расслабиться, наконец-то, поговорить с Мозговым, а то в последнее время вокруг постоянно были люди, движение, поток впечатлений и мыслей, и разговора не получалось. Мой внутренний жилец несколько раз звал меня, но сосредоточиться и ответить я не могла, всегда что-то отвлекало.

Я прилегла и вытянула ноги. Мысли вернулись к Скаю: «Не стоило так резко... Прямо-таки стеганула по мужскому самолюбию, а ведь он совсем ещё мальчик, восемнадцать лет только. Обиделся, наверно, сильно... Надо было как-то мягче дать ему понять, что не настроена я на амурные де-

ла, тем паче с членом приютившей меня семьи». Я уже знала, что совершеннолетие у юношей наступает в двадцать лет. Это возраст, когда можно оторваться от семьи, уехать, жениться, сменить ремесло, если не было желания жить так, как твои родители. В общем, полная свобода. И каждый совершеннолетний юноша мог распоряжаться ею так, как хотел, но... Не у всех была такая возможность. Как и на Земле, пробиться из низов даже к элементарному благополучию было так же сложно, а для многих просто нереально.

У девушек совершеннолетие наступало раньше – в восемнадцать лет, а выйти замуж можно было уже и в шестнадцать. Но девушки не торопились... они выбирали. В этом тоже была одна интересная особенность Окатана. Девочек рождалось значительно меньше, чем мальчиков. В принципе, и на Земле так же: мальчиков появляется на свет обычно больше, но со временем, из-за того что мальчишки и мужчины погибают по различным причинам, соотношение мужчин и женщин выравнивается и даже меняется в сторону преобладания женской части. Но здесь ситуация была не совсем такая. Женщин было меньше и притом значительно. А на севере, моей, так сказать, придуманной родине, с этим делом, говорили, совсем была беда. То есть, если включить логику, получалась очень нехорошая картина. Население медленно вымирает, а с чем связана такая демографическая проблема – загадка.

Из бесед у вечернего костра, обрывков разговоров, по-

вседневных перебрасываний фразами я уже многое знала об Окатане, о том, как тут живётся и чем дышится. Я наблюда- ла, слушала, делала выводы и строила предположения. Учи- тывая, сколько времени я этим уже занималась, то получа- лось неплохо. Меня очень заинтересовали древние легенды о Хранителе душ и проклятии восьми богов, их как-то после ужина, сидя у костра, рассказывал детворе старый Хитан. Я тоже слушала, развесив уши и открыв рот, но как поняла позже, к этим историям серьёзно никто не относился. Это были просто сказки: древние, интересные, но сказки. Мне же так не показалось. Что-то было в этих почти забытых ис- ториях, какое-то «зерно истины» проглядывало, только уло- вить его не удавалось. Всё воспринималось на каком-то ин- туитивном уровне. Что-то чувствую, ощущаю... Но что?

Ввиду всего этого ситуация со Скаем не выглядела ни для кого, кроме меня, необычно. И дело было даже не в моей примечательной, для жителей Восточных земель, внешно- сти, а в том, что женщин на всех просто-напросто не хватало. На любую, даже в возрасте и, мягко говоря, некрасивую, всегда находились претенденты, а про молодых и симпатич- ных девушек так и говорить нечего.

Тканевый полог кибитки откинулся, и моё уединение бы- ло нарушено. Хейа, держа Натри, залезла внутрь и присела рядом.

– Эрдана, вы тут спите уже, что ли? – она улыбалась бе- лоснежной улыбкой.

– Нет, прилегла ненадолго... Ноги гудят и спину жутко ломит.

– Ну это ничего, – она махнула рукой, – это с непривычки... пройдёт. Все уже расположились в доме, комнаты занимали, а вы тут валяетесь!

– Я и тут могу ночевать, эта раскладушка лучше всякой кровати.

– Э-э-э нет, так не пойдёт... – и схватила меня за руку. – Нужно помыться с дороги, потом ужин, а потом... – она сделала большие глаза.

– Что потом?

– Гай сегодня петь будет! А вы ещё не слышали его голос, поэтому вставайте и будем приводить себя в порядок.

– Ну, будем так будем. Только Хейа... У меня просьба к тебе есть...

– Какая?

Я постаралась сделать очень просительные глаза:

– Не называйте меня, пожалуйста, на «вы» и «эрдана» не надо повторять. Я очень прошу... И Гаю скажи, пожалуйста. Я Карина, или Кари, называйте как хотите, только не надо таких церемоний, мне очень неловко от этого. Вы столько делаете для меня... Очень прошу... – даже чуть не заплакала.

Хейа пристально посмотрела, потом порывисто обняла и прижала к себе, а Натри между нами протестующе запищал.

– Конечно, милая, конечно... как скажешь.

– И Айре, и Скаю передай, хорошо? Хотя Скай... – и тут я поняла, что проболталась.

– Что Скай?! – она резко отстранилась и схватила меня за руки. – Он обидел тебя?! Говори, не скрывай. Если он что-то тебе сделал, то я ему устрою!

– Нет, нет, не он... Тут другое... – я собралась с духом. – Это я его обидела... наверно, – и опустила глаза.

– Ты?! Но как?!

Вот язык-помело, молчала бы тихонько в тряпочку, и сейчас не пришлось бы ничего объяснять:

– Ну... – я подбирала слова, – он тут предложил мне, как это помягче сказать... утешить, в общем «пожалеть», – и выразительно хмыкнула.

– А ты?! – Хейа почему-то странно улыбнулась.

– Я его вроде как оскорбила, сказала, что нужно сначала проверить, какого размера его «утешитель», подойдёт ли, вот...

Как она смеялась! Минут десять точно!

– Ой, Кари, ой... – опять хохот, – ну ты... – продолжение хохота, – это надо же, нашего любвеобильного мальчика так обломать! Ну, молодец! Умница! Нужно Гаю рассказать обязательно, пусть порадуетя!

Я облегчённо выдохнула: «Фу-у-у! Вот и прекрасно, что рассказала, а то бы мучилась потом, дура, переживала... Пронесло!» Немного успокоившись и утерев слёзы, Хейа передала мне Натри и выглянула наружу. Покрутила головой

туда-сюда, как бы проверяя нет ли кого рядом, вернулась и присела, прижимаясь к моему плечу.

– Сейчас я тебе тоже кое-что расскажу, – она хитро улыбнулась. – Чтобы ты не вздумала даже минуты переживать из-за этого. Знаешь, почему мы так рано забрали Ская из столицы?

– Почему? – прошептала я.

– Он же там из чужих постелей не вылезал! Ладно бы всё оставалось в тайне, так нет! Про него такая слава пошла среди местных дам, что он там не столько учился, чему положено в его возрасте, сколько развлекал замужних красоток, которым своих мужей было мало. Супруг за порог, по делам куда, а наш любовничек малолетний тут как тут. В общем, дело далеко зашло. Ская начали разыскивать. Если бы мы вовремя его не забрали, то убили бы его там. Муж-то что жене своей сделает? Пожурит, да и только. А дурака нашего, если бы поймали, то придушили на месте!

Она погладила меня по руке:

– Так что не расстраивайся, ты всё правильно сделала, проучила как надо, а то возомнил себя... ну сама понимаешь кем.

Я рассмеялась. Всё понятно. Хотя парень очень красивый, в маму пошёл. Но, на мой взгляд, уж слишком смазливый. Если его переодеть в платье, да косу заплести, то от девушки будет не отличить.

Глава 12

Первый раз за последние пять месяцев своей жизни я увидела настоящую кровать и нормальную, хоть и маленькую комнату, и главное – большое зеркало, в половину моего роста.

Я была в шоке! Узнать в этой высокой, худой девушке в длинной юбке до пят и мешковатой рубашке, стянутой узким ремешком, с загорелой и местами облезлой кожей, а также светлыми, почти белыми волосами до плеч и пронзительно-синими глазами, бывшую меня было практически невозможно.

Сдёрнув рубашку с плеча, я прощупала шрам на ключице. Он был бугристый, твёрдый, противного розового цвета по всей длине. Я сняла штаны, которые носила под юбкой вместо белья и для уроков верховой езды, поставила изувеченную ногу на массивный табурет и рассмотрела. В общем... если не принимать во внимание эстетическую сторону, всё было хорошо. Но шрамы! Они ужасны! Бледная кожа с ярко-розовыми растяжками и бугры... одни бугры крупных коллоидных рубцов. Я одёрнула подол и отвернулась. Почти не болит, не тянет, что ещё надо... Но слёзы выступили.

В дверь постучали:

– Войдите... – я быстро промокнула влажные глаза.

Вошла женщина:

– Вам сейчас горячую воду принесут, эрдана.

– Спасибо.

А минут через десять я забыла обо всём. «Как же хорошо! Господи, как же хорошо! Это счастье...» Я лежала в воде, от которой поднимался пар. Тело настолько расслабилось, что не хотелось ничего: ни ужина, ни концерта Гая, хотя надо было, конечно, послушать, ни ехать опять куда-то, ничего... Только лежать вот так в этой большой лохани и не думать ни о чём.

– Эй, э-э-эй, не засни тут... – голос Мозгового вернул с небес на землю, к реальности. Хотя какая с этим воображаемым другом могла быть реальность? Если только воображаемая?

– Ты что-то хотел?

– Давно хотел, но ты как мобильник – периодически недоступна.

– Да... я такая... – даже язык не ворочался от удовольствия.

– Вылезай из ванны, а то так и заснёшь. А сегодня ещё будет много важного и интересного, так что будь любезна, а? – слышались укоризненные нотки и голос был какой-то хрипловатый.

– Да, мой дорогой, конечно... Я сейчас... – глаза слипались, а голову тянуло вниз.

– Кари, не спи! – внутренний вопль заставил вздрогнуть. –

Вставай немедленно! Поднимайся, а то захлебнёшься!

– Не кричи так... вылезая.

Не успела я толком обтереться, как в дверь опять постучали и голос Айры произнёс:

– Карина, ужин стынет.

– Да иду я, иду...

Пока я одевалась и пыталась хоть как-то привести волосы в порядок, Мозговой читал мне лекцию о том, что я его совсем забросила, что нам нужно чаще общаться, что он скучал, в конце концов.

– А как же твоя карта и другие дела? И ты сам иногда прерываешь наши разговоры буквально на полуслове... Это как понимать?

Он помолчал немного, я ощущала, как он думает, что сказать, а потом как-то растерянно произнёс:

– Я не хочу навязываться...

– Но ты уже давно навязался, или нет?

– Ну... вроде как да.

– Так почему ты мне мозги выносишь? Помог бы лучше с языком, слова вовремя подсказывал, а то я ещё забываю иногда.

– Прости... не всегда получается вклиниться.

– Но почему?

– Это не так просто, как ты думаешь.

– Ладно, пошли, а то ничего не достанется, без нас всё съедят.

Махнув рукой на лохматую белобрысую шевелюру, я топала вниз.

Дом был чем-то вроде постоянного двора или гостиницы. В этом месте пересекалось несколько караванных путей и гостей иногда бывало много, но сейчас остановился на постой только наш караван. На первом этаже находилась кухня и просторная столовая с большими деревянными столами и лавками. Уже почти стемнело, но яркие светильники по периметру давали много света.

Вечерняя трапеза была в самом разгаре: народ уплетал горячую еду, несколько подростков бегали с мисками и кружками, как официанты в ресторане. Вокруг чисто, аккуратно и очень вкусно пахнет.

Подскочившая Айра потащила меня к общему столу. Я уселась и сразу же перед носом появилась большая тарелка с ароматным куском мяса и гарниром из тушёных овощей, а также глиняная кружка с местным слабоалкогольным напитком, похожим на пиво, его мне уже доводилось пробовать. В центре стола стояли миски со свежей зеленью, закусками и мягким тёплым хлебом.

Хозяин этого застолья сидел невдалеке между Олманом и Гаем и оживлённо болтал. С аппетитом уплетая вкуснейший ужин, я, как всегда, наострила уши. Сначала разговор шёл про последний урожай этого года: что уродилось, а что нет. Потом перекинулся на предстоящую ярмарку в Маргосе: что брать, что не брать, по каким ценам, с кем возможен обмен

и на что, в общем, вполне обычные разговоры торговых людей. Но подсевшая к столу супруга хозяина, высокая дородная женщина в тёмно-красном платье, толкнув мужа в бок, развернула разговор в другую сторону:

– Ты лучше гостям про охоту на крокодилов расскажи.

– Точно! Я и забыл совсем на радостях.

За столом загалдели. Всем было интересно, ну а мне тем более. «Крокодилы! Ничего себе! Здесь есть крокодилы, Мозг, слышишь?»

«Слышу я, всё слышу», – донёсся шёпот.

Оказывается, южнее, в поймах рек, впадающих в море, водилось много крокодилов. В особенно жаркие и влажные годы они плодились в огромных количествах. А поскольку такой прорве пищи уже не хватало, то подросший молодец, да и более взрослые особи, доставляли местным жителям немало неприятностей: нападали на людей, топили лодки рыбаков, заползали в поля и огороды. Вот тогда и началась большая охота!

Бросался клич по всем окрестностям, и собирались охотники и просто желающие пощекотать себе нервы. Но это не главное. Для меня интересно было то, что на эту грандиозную бойню нанимали ангалинов. Про них я слышала уже не один раз, но видеть ещё не доводилось. Да где я могла их увидеть? Ангалины жили в море, вернее, не в самой воде, а на островах, которых, оказывается, было великое множество.

Что представляли собой эти существа, предположить по-

ка было сложно. Я поняла только, что это рептилоиды или разумные ящеры. Они понимали человеческую речь, но сами с людьми никогда не разговаривали, хотя Дайк упоминал как-то, что у них есть свой язык, на котором они общаются между собой.

Поэтому, когда зашла речь об этих загадочных существах, я старалась ловить каждое слово. Охота была знатная, как сказал Кадар. «Кроков» убили только в окрестностях Банкара не меньше «окмиля». Сколько составляет этот «окмиль», я толком не поняла, так как с местной исчислительной системой ещё не разобралась, а спрашивать не рисковала. Я и так выглядела подозрительно для местных, и афишировать полное незнание элементарных вещей не хотелось. Понятно было, что «окмиль» – это много.

– А ангалинов сколько было? – спросил кто-то.

– Я не считал, но рядом с нашей группой из пяти человек всегда был один или два, а групп было около двадцати, вот и считай. Наместник в этот раз не поскупился, отвалил ящерам столько золота, что они его на плоту поволокли.

– А с чего это? – поинтересовался сын Олмана.

– Говорят, что младшенького сынка наместника крокодилы сожрали, а дочка его, на её глазах это случилось, так испугалась, что до сих пор лекари её в себя приводят. Помутнение... – и он постучал пальцем по лбу, – случилось от ужаса. То ли лодка перевернулась, то ли он сам в воду свалился, я не знаю. Но морские чудовища хорошо заработали. Прав-

да, без них, сами понимаете, было бы совсем туго. Ангалины справляются с «кроками» на раз, один несколько охотников заменяет. Теперь в Банкоре года три-четыре точно спокойно будет, пока опять не наплодятся.

Далее, бесперебойно, посыпались вопросы о том, как проходила охота: как выглядит оружие ангалинов, как делили, и почём потом продавали крокодильи шкуры, что говорят в Банкоре о стычках на пограничных островах, и будут ли опять пропускать ящеров в храмы, и много-много о чём другом.

Глава 13

У меня голова пошла кругом и от шума, и от алкогольного напитка, а выпила я кружки три, не меньше, пока доедала ужин и слушала хозяина. За это время помещение заполнилось людьми до отказа, похоже, собрался весь посёлок. Столы раздвинули, на лавки присело несколько мужчин с музыкальными инструментами, а также Скай с гитарой. По краям импровизированной сцены рассадили совсем престарелых жителей. Некоторые были настолько немощны, что полулежали в широких креслах, а рядом пристроились, возможно, дети или внуки.

Этих глубоких старичков было четверо: одна бабулька в ярком платочке и трое дедушек, один из которых, как мне показалось, был совсем плох. Гай встал из-за стола, вышел

в центр и смотрелся при этом великолепно. В белой рубашке с широким отложным воротником и чёрном жилете, он выглядел как настоящий оперный певец во фраке. Все притихли.

– Я очень рад, – произнёс он своим бархатным голосом, обводя взглядом присутствующих, – что наш путь в этом году привел сюда, к вам, нашим дорогим друзьям. И сегодня я вижу всех во здравии и радости.

Он по очереди подошёл к престарелым жителям, каждого обнял и лично поприветствовал. Самый древний старичок, бледный и сухонький, прослезился и хрипло сказал:

– Я счастлив, Гай, Голос Окатана, что уйду в хранилище душ под звуки твоего голоса, я дождался тебя.

Гай ещё раз обнял его и махнул музыкантам. Оказалось, что на тех уроках языка, когда он пропевал со мной детские скороговорки, он не пел, а разговаривал и притом шёпотом. Пел он сейчас! И хотя он был один, казалось, что звучит хор, настолько слаженный и стройный, звонкий и чистый, что я поначалу несколько раз оглядела слушателей в поисках тех, кто подпевает. Но певец был в одиночестве.

Народ даже не шевелился. Все застыли, как каменные изваяния. Я тоже закрыла глаза, как и многие. Звуки волшебного голоса проникали глубоко внутрь. Каждая клетка, каждый нерв вторили лёгкой вибрацией, приводя тело в странное воздушное расслабление. Диапазон у Гая, наверно, был безграничным. Я не очень хорошо разбираюсь в вокальных

способностях, но он мог петь басом и сопрано, глубоким контральто и звонким тенором и, как я поняла, всеми другими возможными голосами. Но дело даже не в этом, а в том, какое воздействие он оказывал на слушателей.

Сквозь полуприкрытые веки я видела, что все в таком же состоянии, как и я: у некоторых женщин по щекам текли слёзы, дети сидели как мыши, даже самые маленькие, старики с блаженными улыбками лежали в своих креслах. Когда эта длинная красивая баллада о звезде жизни Раматее и её непокорной дочери Эале закончилась и стихли последние аккорды, несколько минут стояла гробовая тишина. Но Гай хлопнул в ладоши – и люди, вздрогнув, начали приходить в себя, как после сеанса гипноза. Может, это и не был гипноз в буквальном смысле, но какое-то трансовое состояние так уж точно.

Я тоже дёрнулась от звучного хлопка и повернулась к сидящей рядом Хейе:

– Хейя, что это было? Это же восхитительно! Я даже вообразить не могла, что так бывает... Разве у человека может быть такое голос?! Он же... он же... – слова никак не подбирались.

Женщина вздохнула и глянула на мужа таким жарким и восхищённым взглядом, что у меня мурашки побежали.

– Это... это Голос Окатана, все его так называют... Мы уже столько лет вместе, а я до сих пор благодарю богов, небеса и звёзды за то, что он выбрал меня. Неужели ты ничего

не слыхала о нём? Голос Гая обладает целительной силой. Некоторые больные выздоравливают... не все, конечно, но никто не знает, на кого и как подействует его песня, а некоторые женщины, – и она совсем склонилась к моему уху, – даже... беременеют, – и захихикала. – Не буквально от него, конечно, но мне таких охотниц долго отваживать пришлось в своё время.

– Я жила в такой глуши, Хейа, настолько далеко от Восточных земель, что даже Голос Окатана не мог донестись туда.

– А где далеко?

– Ох, не спрашивай, очень больно вспоминать.

«Но зато теперь я знаю, как звучит самый прекрасный голос во Вселенной», – подумала я уже про себя.

А праздник меж тем продолжался. Гай заливался соловьём, потом к нему присоединилась Айра, и уже вместе, отец и дочь, выдавали такие трели, что захватывало дух. Местные были в восторге, музыканты старались вовсю, а вскоре и танцы начались. А это уже никуда не годилось. Меня стали приглашать и очень настойчиво, отказы не принимались. Говорить «нет, я не танцую» было неудобно, но и соглашаться тоже. Я боялась, что не дай бог кто-нибудь из мужчин унюхает мой странный аромат, и тогда отвязаться будет сложно. Голубеньких цветочков, которые маскируют запах, у меня давно уже не было. Поначалу я забывала их собирать, а потом в пути они больше не встречались, и я просто держалась от муж-

чин подальше. Но свою не совсем обычную внешность было не скрыть, если платиновые волосы можно спрятать под платок, то ярко-синие глаза с длинными пушистыми ресницами девать было некуда.

Поэтому, попрыгав несколько танцев и поведив хоровод, я попыталась незаметно смыться. Но не тут-то было. Трое парней вцепились мёртвой хваткой:

– Что такая красивая эрдана делает среди караванщиков? Куда держит путь? Неужели в столицу? Ко двору террхана? Ваше место именно там.

– Если ищете богатого мужа то, конечно. А если любовь, – меня почти вжали в стену, – тогда и у нас можно присмотреть. Не пожалеее!

Я оторопела. Такого натиска, притом прилюдно, я не ожидала. И что отвечать, было непонятно.

– Мы вас никуда не отпустим, пока веселье не закончится, а если хотите уйти... – один из парней прижал меня к стене и прошептал, – то я составлю компанию, никогда не забудешь...

Я совсем растерялась. Как отвязаться от них? Закричать? Или отвесить оплеуху? Но в гостях... в чужом доме, а это вроде как сын хозяина... Что делать? Как себя вести? Положение спас, как ни странно, Скай. Активно растолкав моих ухажёров, он схватил меня за руку и оторвал от стены:

– Эрдана путешествует с нами и находится под покровительством нашей семьи на всё время своего пути, так что... –

он обвёл всех строгим взглядом и положил ладонь на рукоять кинжала. – Если не хотите ссориться, не следует настаивать. И, кстати... – он хитро улыбнулся, – эрдана обещала мне несколько танцев.

Я радостно кивнула, и Скай уволок меня в круг танцующих. Через несколько часов, когда веселье закончилось и народ уже почти разошёлся, парень решил проводить меня до комнаты. На пороге я обернулась:

– Скай, прости меня...

– За что? – и прислонился плечом к косяку.

– Я обидела тебя, извини...

Он тряхнул головой:

– Я сам виноват, забудь... – помолчал немного, а потом добавил: – Меня заносит иногда. Отец говорит, что после совершеннолетия это пройдёт. И он в моём возрасте тоже был таким... ну сама понимаешь... Вот... Так что это ты прости меня... Простишь?

– Конечно, уже простила. Ты очень выручил меня сегодня, я не знала, как поступить. Ещё плохо знаю ваши обычаи, и такое внимание со стороны мужчин немного пугает. Спасибо.

– Да ладно, – парень улыбнулся, – я же вижу, ты никого не хочешь, даже меня.

Я засмеялась:

– Скай, ты неисправим! Тоже мне – герой-любовник...

– У тебя кто-то есть уже на примете? – он понизил голос

до шёпота.

Я не знала, что ответить.

– Значит, есть?

Скай выжидающе смотрел, слегка касаясь моих пальцев.

– Скай... я не хочу никого обманывать, но и сказать пока ничего не могу. Не спрашивай меня... Я не хочу ни с кем заводить никаких отношений, так как не знаю, что ждёт меня впереди и куда приведёт мой поиск, поэтому... Давай не будем говорить об этом, пожалуйста.

Юноша вздохнул и улыбнулся:

– Не буду настаивать, уговорила. Правда, не совсем понятно, что или кого ты ищешь, может, я смог бы помочь?

Я молчала.

– Отдыхай. Завтра переезд тяжёлый, – он развернулся, чтобы уйти.

– Скай?

– Ну?

– А Свиста дашь?

Он хмыкнул:

– Посмотрим на ваше поведение, эрдана.

Вот же вредина!

Глава 14

Заснула я, как только голова коснулась подушки. А утром пропал Натри. Разбудили меня громкие голоса, топот ног и

суматоха внизу. Я быстро оделась и спустилась во двор. Возле наших телег сидела Хейа и плакала, Гай, Олман, Айра, да и все остальные носились в поисках. Я присела рядом.

– Кари, я больше не могу, – она вытирала слёзы, – этот ребёнок отправит всех нас к Хранителю раньше срока. Как он умудряется так пропадать?! Вот только я его покормила, усадила, отвернулась ну... на мгновение и всё... нет его. Он будто растворяется! Кари, я не знаю, что делать, как справиться...

– Хейа, он где-то здесь, он не мог далеко уйти. Мы найдём Натри, вот увидишь.

И мы его нашли. Но только через два часа на чердаке, возле сундука со старым барахлом. «Странно, очень странно... – думала я, глядя, как родители пытаются вразумить своё исчезающее дитя. – Как он мог незаметно туда забраться? Кругом люди, лестницы высокие, а на чердак, вообще, вёл люк с тяжёлой крышкой. Как такой маленький ребёнок мог там оказаться и притом быстро и незаметно? Что-то тут не то...»

Из-за этой задержки выехали мы гораздо позже. Олман был очень злой, но в этот раз ничего никому не высказывал, просто стегал лошадей и задал всем кибиткам большую скорость. Я ехала верхом на Свисте. Скай поломался немного для вида, но потом разрешил, если запрягу сама. Что быстренько я и сделала.

Вот никогда бы не подумала, что мне придётся скакать

верхом и запрягать лошадей, пусть и рогатых. Свист меня уже слушался и вполне неплохо. Подход к этому резвому жеребчику я нашла быстро, когда выяснилось, что он падок на сладости. Поэтому без сладких фруктов я к нему не совалась. А сочные, почти приторные, красные и жёлтые фрукты, похожие на маленькие яблочки, в телеге с провиантом были всегда.

Я поочерёдно двигалась то рядом с телегой, которой правил Скай, то с той, в которой сидела Айра, а иногда и с кибиткой Гая и Хейи. И вот какой разговор я услышала, когда опять приблизилась к ним.

Хейа всё не могла успокоиться из-за пропажи своего младшего сына, всё вычитывала Мышонку, что так делать плохо, что нужно слушаться и никуда нельзя убегать и прятаться, что мама и папа очень любят его и переживают, как бы что-нибудь с ним не случилось, и всё в таком духе... Малыш сидел, насупившись, и теребил в ручонках какой-то шнурок. Глазки его были влажными, но он не плакал, просто сопел.

– Гай, милый, что же нам с ним делать, а дальше-то что будет?

– Не знаю я, не знаю... – ответил он и стегнул Лучика.

– Это добром не кончится, я чувствую... – женщина промокнула глаза. – Раз повезло, два, но с ним же может случиться всё что угодно, – и она прижала к себе мальчика. – Может, если бы получилось каморту достать, он бы не смог

удирать?

– Достать... ага... Где? Они же все наперечёт и стоят... сама знаешь, целое состояние. Но тут даже не в деньгах дело... – он вздохнул, – никто не продаст такую редкость.

А эта самая редкость лежала сейчас в моём мешке в телеге под раскладушкой. Я про неё совсем забыла! Первым порывом было достать эту чудо-верёвку и вручить Хейе, но потом я задумалась: «"Слепую смерть" мне отдал Дайк. Кому она принадлежала, ему или Кареллу, а может, кому-то из членов лесной банды, неизвестно. Если не Дайку, то получается, что он её украл, а раз это такая большая ценность... Но с другой стороны, Дайк не был уверен, что останется в живых или что мы снова встретимся; вернуть её он не просил, а просто положил в мешок. О редкости и дороговизне этой штуки тоже не предупредил, хотя... разве было у него на это время? Не возникнут ли вопросы, откуда я её взяла? А они возникнут. Вот и сделай доброе дело, последствия могут быть непредсказуемы. Ладно, не буду пока принимать скоропалительных решений: каморта в мешке и никуда не денется, Натри под пристальным надзором и, надеюсь, пока не удерёт. А дальше видно будет, каким образом преподнести Гаю и Хейе такой шикарный подарок».

До Маргоса оставалось ещё больше недели пути, как поведала мне Айра. Окружающий пейзаж кардинально изменился. Относительно ровная местность с перелесками и широкими лугами сменилась высокими лесистыми холмами и

скалистыми кряжами. Несколько раз встречались высоченные деревья-гиганты, одно из которых не так давно послужило нам с Мышонком приютом. И каждый раз неподалёку от этого великана мелькало сине-зелёное райское поле. Видя это соседство, я непроизвольно вздрагивала: «Неспроста эти деревья растут рядом с такими жуткими ловушками. У столь огромного дерева должна быть не менее громадная корневая система. Но как подобная масса может соседствовать с зыбкой, мягкой и насыщенной влагой почвой болот? Непонятно... Если только корни дерева уходят настолько глубоко, что никакое болото им нипочём. Эй, Мозг, как думаешь? Ау!»

– Вполне возможно, но думаю, что между этими ядовитыми топиями и древесными гигантами есть какая-то связь, вероятно, на уровне симбиоза.

– Интересно, а в чём тогда это может проявляться?

– Сложно сказать... Может, болото питает дерево, даёт ему такие вещества, которых в обычной почве недостаточно или совсем нет, а дерево своим огромным силуэтом притеняет болото от избытка света и благодаря этому оно не пересыхает. Возможно, причины в сильнейшем яде, который обладает такими уникальными свойствами. Тут тебе лучше знать.

– Почему мне лучше знать? – я совсем не поняла, к чему Мозговой это сказал.

– Ну как почему? Ты же испытала действие яда на се-

бе, пропустила через свой организм, прочувствовала последствия...

– Какие последствия?!

Повисла долгая пауза.

– Ты ничего не поняла, что ли?

– А что я должна была понять?

– Ну, Кари! Ты просто иногда меня поражаешь! Такая невнимательность! Ты что... так до сих пор не связала изрезанные ядовитой травой ладони и новый цвет глаз и волос?!

Я осадил Свиста и отстала от каравана, так как мысленно разговаривать уже не могла:

– Не вопи так, пожалуйста. Я хотела поговорить с тобой об этом, но забыла. И так только и делаю, что слушаю, запоминаю, сопоставляю, анализирую и при этом боюсь лишнее слово сказать или спросить что-нибудь не то. И если я что-то упустила, то это не повод...

Он перебил меня:

– Прости, я не хотел тебя обидеть. Я тысячу раз неправ.

– Да не обижаюсь, ладно, – я отмахнулась. – Проехали...

Значит, мои синие глаза и совсем светлые волосы – это последствия отравления?

– Верно, но это не всё.

– Та-а-ак... Какие ещё могут быть сюрпризы?

– Я не до конца уверен, но похоже, что яд вступил во взаимодействие с твоим организмом настолько глубоко, что внёс изменения даже не на клеточном, а на молекулярном уров-

не, и процесс ещё идёт.

Внутри похолодело.

– Какие изменения?

– Не знаю. Но ты не думай ничего плохого, надеюсь, ничего страшного не случится.

– Спасибо, успокоил... Я в чудовище превращусь? О, нет! Только не это... не хочу!

Свист подо мной как-то вдруг заволновался и рванул в га-лоп. Я дёрнула поводья и сильнее прижала ноги к бокам:

– Стой, Свист, стой... Спокойно... Куда ты рванул так... Вот чувствительный какой, рогатик... Тпру!

Через несколько минут удалось его успокоить и перейти на лёгкую рысь. Фу! Чуть из седла не вылетела. Эта борьба с норовистым жеребцом отвлекла и немного успокоила. Я заметила, как Скай, правящий последней телегой, несколько раз оглядывался, делая призывающие движения, мол, не отставай. Я махнула в ответ.

– Ладно, не буду панику раньше времени поднимать. Время покажет. Только, Мозг, слышишь? Предупреди, если заметишь, ну там изменения какие-нибудь во мне...

– Успокойся, дорогая, всё будет в порядке. Ведь ты чувствуешь себя хорошо?

– Вполне, даже очень хорошо.

– И прекрасно. Кстати говоря, ты здесь уже столько времени, а ни разу ничем не заболела.

– Поплюй! Болеть только не хватало.

– Но это же правда.

– Правда... даже насморка не было.

– Ну вот...

– Что вот?

– Подходит тебе здешний климат, вода, еда... всё.

– Просто я закалилась: жизнь под открытым небом, бодрящие купания, свежий воздух и чистая вода, еда простая и здоровая, без всякой химии, вот и результат.

– Это само собой, всё правильно. Но болото тебя не убило, ты выжила, хоть и немного изменилась внешне.

– А скажи, – я хитро улыбнулась, – какой я тебе больше нравилась, как раньше в лесу или как сейчас, синеглазой блондинкой? – и тряхнула белокурой шевелюрой.

Внутренний хохот был жутко заразителен.

– Кари, я тебя обожаю! Ты мне нравишься любой: и как раньше, и как сейчас. И даже если превратишься в пучеглазого многоногого монстра с хвостом и клыками, я всё равно буду тебя любить! – он продолжал заливисто хохотать.

– Вот только про монстров не надо вспоминать.

– Не буду!

Глава 15

Через несколько часов, когда уже близился вечер, набежали тучи и подул сильный холодный ветер. Олман продолжал гнать караван вперёд, невзирая на непогоду. Люди и ло-

шади уже изрядно устали, дорога вела почти весь день в гору. Холмы превратились в сопки и вдалеке маячили тёмные вершины. Я пересела в телегу к Скаю, а Свиста привязала на длинный повод бежать рядом.

– Что устала? – парень передал мне вожжи. – Подержи, я флягу возьму.

Пошуршав в кибитке, он присел рядом и накинул мне на плечи тёплую, подбитую мехом куртку, а сам надел вязаный свитер, откупорил круглую флягу и протянул мне. В нос ударил знакомый алкогольный запах. Это была кшаса, местная водка.

– Пей, скоро дождь пойдёт, а до стоянки ещё долго.

– А где ночевать-то будем?

– Не доезжая Чёрного ущелья есть постоялый двор, там и заночуем. Хозяин дерёт втридорога, но в этих местах опасно, горные волки могут всех лошадей вырезать, а там каменные стены. Вот Олман и гонит, чтобы успеть до заката, но не успеем.

Я сделала несколько глотков. Острая жидкость обожгла горло. Скай взял флягу и тоже приложился.

– Сможешь править? Надо факелы подготовить.

– Смогу.

Темнота застала нас в пути. Мелкий морозящий дождь и пронизывающий ветер вынудили всех утеплиться и накинуть плащи с капюшонами. Если бы не факелы, которые почему-то не тухли от дождя и ветра, то передних кибиток бы-

ло бы совсем не видно. Гай с сыном и другими мужчинами скакали верхом, объезжая телеги. Было холодно, темно и даже жутковато. Лошади уже еле тянули, когда впереди, как маяк, мелькнул свет.

Вскоре мы вместе с Айрой лежали на соломенном матрасе под тёплым одеялом недалеко от пышущего жаром камина. В этом месте ночевал ещё один караван, даже больше чем наш, и свободных коек не было. Поэтому хозяин разместил нас в передней нижней комнате на полу. Пока мужчины определяли лошадей на ночь, Хейа с Раймой, женой Олмана, и их невесткой быстро сообразили небольшой ужин из наших запасов, и через час почти все уже спали.

Айра свернулась калачиком и, прижимаясь к моему боку, тихонько сопела. С другой стороны, почти рядом, устроились Хейа и Гай с Натри посередине. Сон не шёл. Ни усталость, ни несколько глотков крепкой кшасы как снотворное пока не сработали. Я лежала и смотрела на трепыхающиеся языки пламени в камине. Поленья потрескивали и иногда выбрасывали яркие фонтанчики искр.

С другой стороны комнаты, где расположились, в основном, мужчины, доносился дружный храп. Я улыбнулась про себя. Вспомнилась моя лесная банда и хижина с каменным очагом. И то, как я, лёжа в углу на таком же соломенном матрасе, глядела по вечерам на пламя и слушала такой же мужской храп. Как давно это было! Но это только кажется, что давно. На самом деле, ещё и двух месяцев не прошло, как я

сбежала и путешествую с караваном. Просто за это время я столько увидела и узнала, многому научилась, что складывалось впечатление, будто жизнь в лесу, Дайк, Карелл, вечерние купания, обрыв... – всё это было так давно. А та, другая жизнь, с работой, Катькой и племянниками, друзьями, телевизором, интернетом, супермаркетами и большим шумным городом... всё это... нереально. Это сон, просто сон. Что-то настолько далёкое и неправдоподобное, что даже страшно. Неужели человек так быстро ко всему привыкает, никогда бы не подумала, что это возможно. Вот так... раз – и всё. Была одна жизнь, а теперь совсем другая. Где-то... во Вселенной.

Прошлое отступило. Ушло так далеко, наверно, за сотни, тысячи, а может, и миллионы световых лет. Где я? Как далеко? А если мой мир совсем рядом? Где-то за невидимой стеной параллельной реальности? Стоит протянуть руку и вот он... Родная Земля... дом, семья, привычная жизнь, чудеса техники, автомобили, огромные города, самолёты, железные дороги, сотовая связь, спутниковые системы – всё-всё, чем живёт и дышит родной мир. Может, не нужно было убежать из леса? А остаться, для того чтобы узнать точно, где меня нашли? Может, проход в мой мир ещё открыт, и я смогла бы вернуться тем же способом, каким и попала сюда? Но что теперь сожалеть? Я сбежала... и утратила связь с возможной точкой возврата. А вдруг существуют и другие пути? Но сейчас нет никакого представления о том, что делать и как вернуться.

В дальнейшем углу послышалось ворчание, какие-то ругательства, и сонный, замученный Скай выбрался из лежащих на полу тел. Он присел возле камина и подбросил несколько поленьев, что-то бурча под нос. Сидел, правда, недолго. Накинув на плечи одеяло, парень потопал к нам, переступая босыми ногами через спящих.

– Мама, я к вам, там заснуть невозможно, – и втиснулся между мной и Хейей. – Такой храп, что мои чувствительные уши не выдерживают.

– Ты будешь вести себя прилично? Рядом эрдана... – шипение Хейи меня рассмешило.

– Мать, как ни стыдно? Мне нужно просто выспаться...

– Хейа, пусть ложится, там действительно слишком шумно.

– Ну вот, Кари разрешает. Давайте спать... – он придвинулся поближе и набросил на меня половину своего одеяла.

Переход через Чёрное ущелье и перевал выдался очень тяжёлым. И погода этому весьма поспособствовала. Дождь то переставал, то начинался заново. Дорога местами размокла, и кибитки часто приходилось вытаскивать из небольших скользких ям. Два каравана медленно ползли гуськом по узкой дороге. Пару раз слетали колёса и ломались оглобли.

Я правила последней кибиткой в нашем таборе, той, в которой обычно ночевал Скай, и помогала с перераспределением грузов из одной телеги в другую, когда возникала такая необходимость. В общем, работала наравне со всеми. Чёрное

ущелье было чёрным в прямом смысле. То ли такая горная порода, возможно, чёрный базальт или обсидиан, то ли что-то другое, но нависающие с двух сторон огромные каменные стены были чернее самой чёрной ночи. Очень гнетущий вид!

Когда ущелье осталось позади, я обрадовалась. Сквозь дыры в серых тучах сверкнули светила. Различить двойственность солнца среди дня не представлялось возможным. Я подставила лицо тёплому свету и скинула капюшон.

– Ну, вот вроде и дождь закончился, – Скай, улыбаясь, прыгнул со спины Свиста и устроился рядом, приняв вожжи.

– Устал?

– То ли ещё будет...

– В каком смысле?

– Спать ночью мало придётся: надо дежурить, охранять караван...

– Что, волки? Но нас же много...

– Не только... – парень напрягся.

– Ну, говори, чего жмёшься? – я толкнула его в бок.

– Нас-то вроде и много, но лучше бы с этими... – и он кивнул назад, показывая на следующие за нами пятнадцать больших тяжёлых повозок, – мы не встречались.

– Почему? Там же одни мужчины и все вооружённые. С такой компанией никакие волки не страшны.

Скай набрал в грудь побольше воздуха и, пристально глядя, произнёс:

– Эрдана Карина, с какой звезды вы свалились?

Я чуть не ляпнула, что не со звезды, а с планеты, но вовремя прикусила язык.

– Это же караван из Альдаска, набитый золотом. Ты что, северян своих не признала?

Сердце ёкнуло, и мысли запрыгали испуганными блошками: «Вот те раз! Золото?! Моих северян?! Да я даже не имею представления о том, как они должны выглядеть! Мозговой, что говорить, не знаю! Спаса-а-ай!»

«Насупись и молчи в тряпочку!» – донёсся голос.

Я отвернулась и накинула капюшон.

– Кари, ты чего? – Скай придвинулся поближе и зашептал на ухо. – Ты скрываешься, да? Ты сбежала от кого-то?

Я продолжала играть в молчанку.

– Не бойся, я никому ничего не скажу. Ты можешь мне верить, Кари, правда... Они ведь про тебя уже спрашивали...

– Спрашивали про меня?! – я резко повернулась и схватила парня за руку. – Но что?!

– А-а-а, хитренькая! Расскажешь, от кого бегаешь, тогда и я кое-что тебе расскажу.

– Ну не будь таким вредным! Мне очень надо знать, пожалуйста!

– Ну не знаю, не знаю... Можно ли с такой звездой вести серьёзные разговоры...

– Звездой, значит? – внутри всё сжалось в нехорошем предчувствии. С некоторых пор «звёзды» и «звёздочки» вы-

зывали не очень приятные ассоциации.

Голос Гая прекратил наш разговор:

– О чём секретничаете?

– Отец... мы тут...

Гай, верхом на вороном жеребце со спиленным рогом, которого купили ещё утром у хозяина дома за ущельем, вооружённый мечом, с кинжалом за поясом, в тёмно-зелёном колете из крокодильей кожи, смотрелся великолепно.

– Кари, можно тебя попросить?

– Конечно, всё что угодно.

– Там, – он махнул в сторону передних кибиток, – Хейе помощь нужна. А ты, – и очень строго взглянул на сына, – когда Кари вернётся, с Гаром вперёд поскачешь, нужно выбрать место для ночёвки.

Он тронул поводья и тихо проговорил, но я расслышала: «Почему мы не разминулись?» Пришпорил коня и поскакал к моим мнимым землякам.

Я спрыгнула на землю и побежала вперёд догонять первые повозки.

Хейа всучила мне Мышонка и вожжи.

– Мне нужно кое-что сделать, а на тебе Натри и повозка.

– Хейа, а почему Гай сказал, что лучше бы мы не встречались? Ну, с этим караваном...

Женщина присела рядом:

– Они для нас не лучшие попутчики.

– Почему?

– Из-за того, что везут.

– А откуда вы можете знать, что там в телегах? Всё же наглухо закрыто.

– Ох, Кари, – она улыбнулась и похлопала меня по плечу, – поскиталась бы ты с наше, то сразу бы догадалась. Нас не проведёшь...

– Они золото везут, да? Мне Скай сказал...

– Да. А золотую банду так и не поймали.

– Что? Золотую банду?!

– А ты разве не слыхала?

– Ну... так... кое-что, – сердце заколотилось как бешеное.

«Их не поймали, не поймали... слава богу! Странно, нужно испугаться, что Атаман и остальные на свободе, а я радуюсь, как дурочка. Точно ненормальная! Крыша всё же, наверно, немного съехала».

– Когда мы ночевали у Кадара в «Большом перекрёстке», помнишь?

Я кивнула.

– Так за ужином рассказывали, что около двух месяцев назад сыскари террхана хотели накрыть их прямо в логове, где-то на Кифовом носу. Но что-то не заладилось и взяли только одного, самого здорового, и то потому, что он оказался сильно ранен, а остальные сбежали по какому-то тайному проходу в горе.

«Гоблина...» – мелькнула мысль.

– Так вот. Думали, что он главарь. Сперва ждали, умрёт

или выживет. Потом, когда тот немного очухался, начали выяснять, кто он и что знает. Террхану-то золото нужно как воздух. А за три года его столько украли, ого-го! Но ничего не узнали, тот бандит молчит как рыба, что ни делали, молчит и всё. И когда уже решили казнить, то вроде как кто-то из окружения террхана узнал его. Говорят, что этот здоровяк – сын родного брата северного правителя. И казнь отложили. Вот и держат его в тюрьме, может в столице, может ещё где. А недавно пронёсся слух, что банда опять объявилась. На купцов каких-то напали, которые вниз по реке в Банкор сплавливались. Вот такие дела! Так что от караванов с золотом лучше держаться подальше. Только пока нам деться некуда, дорога-то одна. И до Маргоса нам от них не оторваться. Вот наши мужчины и волнуются. Бандиты разбираться не будут, где чьи повозки.

Хейа ушла в кибитку. А я правила лошадьми с Натри на руках. Мальчик крутил головой по сторонам, подавая мне какие-то команды. Он явно лучше знал, как управляться с повозкой. Я же переваривала полученную информацию и мало обращала на него внимания: «Сколько интересного я пропустила, пока отлёживалась в ванне и крутилась перед зеркалом в этой гостинице. Там же за ужином обсуждались последние слухи и сплетни. Недаром Мозговой меня выгонял, а я, балда, всё тянула, не хотела никому на глаза показываться. Ну, хорошо, что сейчас узнала хоть что-то. Значит, они живы: Грас в тюрьме, а остальные где-то бегают. Толь-

ко бы с Дайком ничего не случилось. Только бы Карелл его не убил... А правильное название, я тоже сравнивала этот странный обрыв с носом. Кифов нос... Интересно, кто был этот Киф? Надо будет разузнать».

Глава 16

На закате мы расположились на стоянку среди двух лесистых холмов. Погода улучшилась: ветер, разогнав тучи, успокоился, солнышки плавно катились одно за другим к красному, с жёлто-оранжевыми полосами, горизонту. По приметам я уже знала, что завтра будет хорошая погода. Караваны расположились на некотором расстоянии друг от друга. Разожгли большие костры и выпустили собак. Олман распределил дежурства и очерёдность сна. Ужин прошёл почти в полном молчании. Несколько раз подходили северяне и что-то обсуждали с Олманом и Гаем. Я же пряталась в кибитке. Не давали покоя мысли о том, что этим «викингам» от меня могло быть нужно. А некоторые из сопровождающих ценный груз, действительно, чем-то были похожи на викингов: высокие, широкоплечие, светловолосые, у каждого топор за поясом, меч за спиной и по два длинных кинжала.

Когда совсем стемнело, я зажгла большой масляный фонарь, достала из-под раскладушки мешок со своим добром, развернула и погладила радужную раковину: «Дура я, наверное, совсем дура. Надо было прямиком в Латрас двигать, на

встречу с Дайком. Со своим Нянем я бы чувствовала себя гораздо увереннее и спокойнее. Нет, дёрнули же черти остаться с караванщиками и ехать сейчас совсем в другую сторону. Когда же я в Латрас попаду, хорошо, если к зиме, а если нет? И северяне эти нарисовались... А если начнут спрашивать, кто я и как сюда попала? Как выкручиваться? Начну врать, так меня быстро раскусят... Мозг, а Мозг, что же делать?»

Спокойный голос отозвался:

– Мне эта ситуация тоже не нравится. Похоже, что один из них... Как ты их назвала?

– «Викинги»...

– Ага, один из этих «викингов» – вербовщик.

– В каком смысле вербовщик?

– В прямом. Высматривает подходящих людей, а особенно женщин, и уговаривает разными способами податься на Север.

– Как он может уговорить, если я, допустим, не хочу?

– Это его работа – найти способ. Но я так понял, что первых попавшихся не выбирают. Своего сброда у них и так хватает.

– То есть ты хочешь сказать, что на меня положили глаз.

– Думаю, да.

Я дёрнулась от хлопка по плечу. Рядом стояла Айра.

– Кари, что с тобой? – миндалевидные глаза смотрели с испугом. – Что случилось?

– А... не волнуйся, всё в порядке, задумалась просто.

Девочка глядела с недоверием.

– Эрдана, у вас было такое лицо... странное...

– Какое?

– Ну... как будто, – она несколько раз оглянулась по сторонам, – будто здесь кто-то был и вы разговаривали, только беззвучно, одними губами...

– Прости, что напугала. Со мной такое иногда бывает, забудь...

– Вы точно хорошо себя чувствуете?

– Точно-точно, хорошо.

– Ой, что это? Какая красивая! Можно?

Я протянула девочке раковину.

– Красота... И так переливается! Я таких ракушек никогда не видела.

– Я тоже.

– А откуда она?

– Подарок.

– А от кого?

– Да так, от друга...

Она прищурилась и присела рядышком на раскладушку:

– Он, наверно, влюблён?

– Кто?

– Ну... ваш друг?

– В кого?

Айра сначала глянула удивлённо, а потом засмеялась:

– В вас, конечно!

– Айра! Я тебя просила, говори мне «ты».

– Ну, в тебя.

– А с чего ты взяла?

– Не зна-а-аю... Просто такая необыкновенная и такая красивая ракушка... Если он подарил... Только любимым женщинам дарят или очень красивые, или очень дорогие подарки.

– Значит, влюблён... – я вспомнила про каморту в мешке. Страшно дорогая редкость!

– А вы? То есть ты?

– Что я?

– Тоже его любите?

Я растерялась. Что сказать?

– Айра, я не знаю... Любовь – это такая сложная штука...

– Почему сложная? Ведь всё просто: любишь или нет, хочешь быть вместе или не хочешь...

– Да, но... – я совсем зашла в тупик.

Полог открылся и к нам залез Скай:

– О чём сплетничают девчонки? Я услышал слово «любовь». Кто кого любит? Неужели про меня?

– Ещё чего! – отозвалась Айра, прикрывая ракушку ладонями. – Больно надо о тебе разговаривать!

– А что? Почему бы и нет? Чем я хуже других? А что это у тебя? – и парень отнял руки сестры от колен. – Ух ты! Где взяла? Откуда?

Он схватил мою драгоценность и начал рассматривать в свете фонаря:

– Какая красивая! Я такие в столице видел, из этих раковин делают очень дорогие чаши. Украшают драгоценными камнями и крепят на ножку из серебра или золота. Откуда, спрашиваю?

– Скай, это моя ракушка, – я протянула руку и выдернула её у парня.

– Твоя?! Интересно, откуда? – Скай помрачнел.

– Не твоё дело... – быстро завернула и засунула обратно в мешок.

Айра сидела, теребя одеяло, явно расстроенная таким оборотом:

– Я к маме... – и выскочила из кибитки.

Скай, нахмурившись, постукивал пальцами по рукоятке меча:

– Что? Этим уже продалась?!

– Не понимаю, о чём ты?

– Ну-ну, быстро же тебя обработали, не ожидал... – он резко развернулся и последовал за сестрой.

– Скай! Скай! Подожди! Ты не так понял!

«Ну, что ты будешь делать! Сейчас напридумывает невесть что, а мне доказывай, что не верблюд!» – и рванула следом. Но парня я не догнала. Кликнув сторожевых псов и держа факел, Скай вскочил на Свиста и унёсся объезжать стоянку.

Я присела у костра: «Вот дурак, малолетний! Обиделся! Ну пусть подуется, мальчик обидчивый, но быстро остывает...»

– Кари? Что случилось? Почему не спишь? – Гай плюхнулся на раскладной стульчик.

– Да вот... Опять я... Ская, ненароком, обидела...

– Что, снова приставал? – и он улыбнулся своей обворожительно-потрясающей улыбкой.

– Не совсем... У меня в мешке, там, под раскладушкой, – и махнула в сторону кибиток, – раковина есть, очень красивая. Она давно у меня. Мы с Айрой рассматривали. Скай увидел, ну и решил, наверно, что я у наших попутчиков взяла, у северян, и вот... Сказал, что я продалась, а объяснить я ничего не успела.

– Понятно... – Гай задумчиво потёр нос. – Не обижайся на него, такой возраст, когда сначала делают, а потом думают. Ты ему очень нравишься, вот и психует.

– Гай, да я и не думала обижаться, просто тревожно как-то.

Мы немного помолчали.

– Я давно хотел спросить...

– Спрашивай...

– Сколько тебе лет?

Я задумалась. Как ответить? По земному исчислению мне двадцать семь, хотя нет, уже двадцать восемь. Мой день рождения пришёлся как раз на те дни, когда я наткнулась на Мы-

шонка, а вот по-окатанскому, учитывая, что год здесь длится шестнадцать месяцев по тридцать два дня, сутки составляют двадцать четыре часа, как и на Земле, а в часе шестьдесят минут, то получается... мой возраст около двадцати с половиной.

Глядя на огонь, на пылающие жаром поленья, я понимала, что нести какую-нибудь чушь не смогу, язык не повернётся, да и не придумывалось ничего путного.

– Гай... Я не знаю точно, как объяснить... У меня вроде как два возраста, хоть он и один. Но я не старушка, это уверенно могу сказать! – и попыталась улыбнуться.

– Ха! Не старушка! Кари, я не к тому спрашиваю. Ты меня не совсем правильно поняла. Задам вопрос по-другому. Ты совершеннолетняя? Только скажи правду, пожалуйста...

«Ага, так вот о чём он беспокоится! Ну, я точно тупица! Мозг всё-таки бывает прав!»

– Я совершеннолетняя, Гай, однозначно. Это правда.

– Вот это-то и плохо...

– Но почему?!

– Потому как я, взрослый женатый мужчина, с согласия своей жены, мог бы взять тебя под официальную опеку до твоего совершеннолетия. И спокойно доставить в Латрас к родственникам. А так то, что ты просто путешествуешь с нами и якобы под нашей защитой, твоих земляков не остановит. Они могут забрать тебя силой, если не побоятся со мной связываться, хотя прекрасно знают, кто я такой. Но пока, по-

хоже, только присматриваются.

«Вот чёрт! Только этого не хватало! Забрать силой!»

– Гай, я не северянка. И эти парни никакие не земляки мне.

– Даже так?!

– Прости, я не хотела никого обманывать. Но вы все сами почему-то так решили. А я не стала никого разубеждать, учитывая, что и объяснить ничего толком не могла из-за незнания языка. Поэтому говорю теперь, коли зашёл такой разговор.

Гай задумался:

– В таком случае я ничего не понимаю...

– В том-то и дело, что и я тоже...

Мы надолго замолчали. Ночная прохлада дала о себе знать. Если в лицо было тепло от жара костра, то по спине забегали мурашки с холодными лапками. Я поёжилась и подняла глаза к сияющему небу. Октаэн – эта величественная и прекрасная туманность, её ещё называли «Дом восьми богов», приближался к своему зениту. Небо сверкало миллионами бриллиантов... Красота невообразимая!

Где же мой дом? Как найти его в этой сияющей бесконечности? В какую сторону смотреть?! Возможно, было бы не так горько и тоскливо, если бы я знала, в каком из множества созвездий может быть Солнце и Земля. Неужели я останусь здесь навсегда?! Слезы хлынули в три ручья. Я закрыла лицо руками и отвернулась. Только не плакать. Не реветь! Этим

горю не поможешь... Но успокоиться не получалось. Я чувствовала, что рыдания сейчас вырвутся на свободу противными воплями, и сжалась в комок.

На плечи легла тёплая куртка, и Гай, крепко обняв, прижал меня к себе. Плотины, которая сдерживала море слёз, рухнула. Уткнувшись в широкую грудь, я заревела. Гай только гладил меня по спине и тихо приговаривал:

– Всё хорошо, Кари, всё хорошо... Всё будет хорошо, поверь. Беды проходят рано или поздно, а рассвет всегда наступает... Всё будет хорошо... Я знаю...

Когда удалось взять себя в руки и прекратить рыдания, я решила кое-что рассказать Гаю, предупредить его, иначе уже не могла:

– Гай, послушай... – я вытерла слёзы и посмотрела ему в глаза. – Дело в том, что я... представляю для вас всех опасность, и мне придётся покинуть караван. Потому что, если что-нибудь случится с Хейей, тобой или вашими детьми... я себе этого никогда не прощу. Когда я согласилась остаться с вами, то совсем не думала о будущем. Мне нужна была помощь и поддержка, какой-то временный приют, и я приняла ваше великодушное предложение. Но теперь всё изменилось: золотая банда на свободе, я это только сегодня узнала, а именно от них я и бегу. Есть вероятность, что они меня ищут, ведь я знаю каждого в лицо, и если найдут... то неизвестно, что может произойти.

Гай выслушал это признание, крепко сжимая мои плечи.

Он молчал, только челюсти сомкнулись и губы превратились в тонкую линию. Я продолжила:

– Если бы я узнала раньше, что тогда, на Кифовом носу, они сбежали, то ушла бы незамедлительно. Не хочу, чтобы из-за меня что-нибудь случилось. Вы так добры ко мне, а я... так всех подставила. Прости, Гай, я не хотела... – сказала я уже совсем тихо.

– Значит, так! – мужчина поднял моё лицо за подбородок. – Остаться с нами или нет, решать только тебе – это во-первых. Во-вторых, бежать куда-то сейчас бессмысленно. С северянами мы всё равно будем двигаться вместе до Маргоса, а это ещё дней пять-шесть пути. Получается, что уже неважно, из-за чего или кого на нас могут напасть: из-за груза золота или из-за тебя. Будем надеяться, что всё обойдётся. Маргос – город большой, тем более начинается ярмарка и прибудет очень много народу. Северяне же поедут дальше, в столицу. Так что успокойся, всё будет в порядке. Если же надумаешь всё же нас покинуть, чего мне бы совсем не хотелось, то лучше это сделать в Банкоре. Там большой порт и можно отплыть куда угодно, плату с пассажиров многие берут небольшую, так тебе будет легче затеряться.

В порыве благодарности я обняла его и уткнулась лицом в кожаный жилет.

– Мне очень жаль, Кари, очень жаль, что ты попала в такое положение. Обещаю, что не буду больше ни о чём тебя спрашивать. Мы поможем всем, чем только сможем, ты

нам уже как родная, как своя... Ты вернула нашего ребёнка, а за такое... – Гай покачал головой и ласково улыбнулся, – никак нельзя отблагодарить. Но больше никому ни слова о том, что сказала мне: ни Скаю, ни тем более Хейе, никому и нигде, поняла?

– Да, поняла.

– В противном случае искать тебя будет не только золотая банда. И спасибо...

– За что?

– За откровенность... – и он нежно поцеловал меня в висок. – Пора Ская сменить, я пойду. А ты иди отдыхай.

– Сейчас пойду...

Я осталась у костра. Подкинула ещё сучьев, веток и пару поленьев в догорающее пламя. Съев добычу, огонь разгорелся с новой силой. Рядом кто-то присел. Я повернулась:

– Скай?

Но это был не он... это был «викинг».

– Эрдана... Разрешите составить компанию?

– Не разрешаю!

– Почему? Вы постоянно нас избегаете... – он смотрел в упор из-под широких светлых бровей, лёгкая улыбка то исчезала, то появлялась вновь. – Неужели вы боитесь? Разве мы такие страшные?

– Да, боюсь! Очень... – я попробовала включить дурочку. – Простите, фаэдр. Я устала и пойду спать.

Когда же встала, чтобы уйти, он схватил меня за руку:

– Давайте поговорим, не спешите...

Я дёрнулась.

– Что здесь происходит?! – Скай стоял в нескольких шагах.

«Викинг» разжал пальцы и я, долго не думая, рванула к кибиткам.

Глава 17

Заснула я, наверно, только под утро. Мозговой пытался меня успокоить, но все его комплименты, добрые и ласковые слова как-то не помогали. Было страшно, что из-за меня могут пострадать невинные люди, тем более такие близкие.

Решение было принято. Нужно уходить. Добраться до Маргоса с караваном, в этом Гай прав, а потом затеряться в городе и двигаться дальше уже в одиночестве. Ещё необходимо как-то замаскироваться: слишком светлые волосы привлекают ненужное внимание, а вот ярко-синие глаза не спрячешь, цветных контактных линз тут не делают. На голову платок можно повязывать, благо длинная коса ещё не отросла. Так, что ещё? Купить лошадь, одежду, припасы на дорогу и до зимы добраться до Латраса, а дальше видно будет.

– Милая моя, давай спать, – Мозг опять встрял в мысли.

– Хочешь – спи, я тебе не мешаю.

– Мешаешь, и ещё как! У тебя в голове паника, как можно заснуть в такой обстановке!

– А ты закройся в библиотеке и моя паника к тебе не пролезет.

– Вот за что я тебя люблю, девочка моя, так это за чувство юмора и оптимизм!

– И я тебя за это люблю, мой дорогой!

– Эх, приятно! Почаще бы ты мне в любви признавалась!

– Ха, почаще! Жирно не будет?!

– Нет! Всегда будет мало!

– Ты согласен с моим планом?

– Согласен... Только расставаться с караваном совсем не хочется.

– Да, не хочется. Совсем...

Путь до Маргоса прошёл благополучно. Погода стояла тёплая, даже жаркая. Как я поняла, мы были уже гораздо южнее, чем моя отправная точка. Караван двигался на юго-запад, почти вслед за заходящими солнышками. По пути встречалось много деревень и небольших посёлков, но надолго мы нигде не задерживались. От северян наш табор немного оторвался, однако пара их разведчиков постоянно маячила за нашей последней телегой.

Скай со мной не разговаривал, даже не смотрел в мою сторону. Я не ожидала, что он так надолго разобидится, и чувствовала себя не в своей тарелке, но потом успокоилась, решив, что, должно быть, так оно и лучше, ведь в Маргосе я собиралась покинуть своих дорогих и уже любимых попутчиков.

Несколько дней в голове постоянно крутилась скороговорка из тех, что пропевал со мной Гай на уроках языка. Мелодия была очень простая, но въедливая, нет-нет да и всплывала. Но дело не в этом. По своей структуре и произношению она очень напоминала другую скороговорку, из моей прошлой, земной жизни: «Четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж». В результате я начала пробовать перевести на окатанский, которым уже вполне владела, родную детскую считалочку.

Загвоздка была в том, что понятия «чёрт» в окатанском фольклоре не было. Не существовало загробного мира или подземного царства-государства, не имелось понятия об аде, хотя рай как таковой в местном эпосе присутствовал в виде беззаботной, счастливой жизни среди богов в небесных звёздных садах. В итоге удалось перевести всё, кроме «чертей», и даже подобрать слова на одну букву. Чертенята же вогнали в полный ступор. А ведь такая трудноговорка могла бы получиться, если бы не эта чёртова четвёрка!

В конце концов, я не выдержала и на вечерней стоянке обратилась к Айре с вопросом:

– Айра, а писать или рисовать есть на чём?

Девочка уставилась на меня как на идиотку:

– Бумага, что ли?

– Ну да.

– Есть. Только у папы надо спросить.

Я пошла к Гаю.

– Гай, Хейа, можно? – и стукнула в деревянный бортик.

– Запрыгивай, – Хейа переодевала Натри, а Гай копался в одном из сундуков.

– Гай... Айра сказала, что бумага есть. Мне тут надо...

– А зачем? Хотя что я спрашиваю, сейчас достану, – и выдал небольшой плотный лист серого цвета, больше напоминающий картон, чем бумагу. Я повертела его в руках: ну, точно картон! Но вполне сгодится.

– А какого-нибудь, ну это... – не подбиралось нужное слово.

– И стилос имеется... – и протянул небольшую палочку.

Меня как громом поразило! «Стилос» – это же древнегреческое слово! Так называлась палочка для письма по восковым дощечкам, да и сейчас это слово на Земле иногда используется. Мысли закрутились ураганом...

– Кари? Что с тобой? – голос Хейи вывел из прострации.

– А... всё в порядке, я просто... хотела Гаю новую скороговорку предложить.

– Да-а-а?! Очень интересно! – и Гай задорно улыбнулся.

– Не переводится одно слово, и я хотела нарисовать, чтобы показать, что это такое, вернее кто.

– А ты умеешь рисовать?

– Немного... Я пойду, спасибо, – и опрометью выскочила из кибитки.

Прибежав к себе, я зажгла фонарь и, сидя на сундуке, начала рассматривать это подобие карандаша. И это, действи-

тельно, был карандаш, только вместо деревянной оболочки – толстый заточенный грифель, плотно обмотанный тонкой кожей, вероятно, чтобы не пачкать руки. Стилос! Стилос! Вот это открытие! Недаром часто казалось, что многие слова какие-то странные... Некоторые части слов местного языка очень напоминали мои родные, знакомые с детства. Но я постоянно отбрасывала эти мысли, так как не могла принять, что здесь, в этом мире, язык хоть чем-то может напоминать языки Земли.

– Значит, стилос... – я продолжала вертеть палочку. – Мозг, Мозговой, ты слышишь? Возможность вернуться есть, должна быть! Окатан и Земля каким-то образом связаны, и я уверена, что не первая гостья с Земли, до меня были и другие... Ты слышишь?! Э-э-эй?!

– Да слышу я, слышу. Что так кричишь?

– Слова языков! Они похожи! А стилос, вообще, чисто земное понятие!

– Почему ты думаешь, что земное? Может, окатанское?

– Да? А, собственно, какая разница? Вдруг можно ходить туда-сюда? Ты представляешь?! Только бы узнать как!

– Ну, пока это неизвестно. А то, что проход существует, мы и так знали.

– Как я раньше не уловила такие совпадения! Это же потрясающе! А ты куда смотрел? Почему не подсказал?

– А что бы это дало?

– Как что?!

Дёрнулось полотнище и Гай, склонив голову, вошёл в ки-
битку:

– Кари? Не терпится услышать скороговорку и увидеть
твой рисунок.

– Да... пять минут... я сейчас.

И быстренько изобразила пузатенького чертёнка с рожка-
ми и длинным хвостом. А пяточок, вместо носа, вообще, по-
лучился очень милым. Показав картинку, я продекламиро-
вала перевод считалки в вольном стиле. Гай был в восторге,
особенно от рисунка. Я долго объясняла, что это за зверь та-
кой, что он ненастоящий, а герой сказок, который живёт под
землёй и жарит плохих людей на костре. Но в целом суще-
ство не такое уж и кровожадное, просто хитрое и вредное.
Под портретом подземного жителя Гай записал мою скоро-
говорку. Так как читать и писать на местном языке я почти
не умела, то внимательно наблюдала, как он выводил палоч-
ки, петельки и кружочки, параллельно спрашивая названия
и значение этих знаков. Внешне письменность походила на
какую-то арабскую вязь.

– Я ещё простенькую мелодию придумаю, и будет пре-
красно!

– И музыку тоже запишешь? – спросила я.

Мужчина удивлённо уставился:

– Как музыку можно записать? Это же не слова...

– Очень просто... – такого я не ожидала. – Ты же текст
записал и музыку можно...

Несколько минут мы молча таращились друг на друга.

– Не понимаю, как можно это сделать... – прервал он, наконец, паузу.

– Для этого и существуют ноты.

– Ноты?!

– Сейчас покажу.

Хоть сама я от музыки была далека, но моя старшая сестра Катя окончила музыкальную школу и очень долго мучила соседей воплями аккордеона. Поэтому, что такое «соль-феджио» и тому подобное, я прекрасно знала. Всё наше детство сестра играла со мной в музыкальную школу, где я, естественно, была ученицей, а она учителем. Вот уж не думала, что наши детские музыкальные игры могут когда-нибудь пригодиться.

Сколько мы сидели над нотной азбукой, не знаю. Пару часов точно. И Хейа и Айра несколько раз приходили проверить, что мы тут делаем. Сначала Гай никак не мог понять ни что такое нотный стан, ни четвертные или восьмые, ни зачем нужен скрипичный или басовый ключ. Но когда Айра принесла гитару, дело сдвинулось с мёртвой точки. Однако нам пришлось прерваться, нужно было Ская сменить, который и так уже дежурил несколько лишних часов.

Гай был в шоке. Когда он уходил, то глаза его лихорадочно блестели, а руки слегка подрагивали:

– Кари! Ты не представляешь, что сделала для меня!

– Мы, вообще-то, только начали... – я улыбалась.

– Это... это... Я не знаю, как сказать... Я столько думал, столько бился, чтобы придумать, как можно записывать музыку, но толку было мало. А здесь... всё так просто и так гармонично, что... У меня нет слов... Какой из богов это придумал?! Кого благодарить за такое чудо?!

– Такую систему записи придумали люди очень давно и боги тут ни при чём. На моей родине это нормально. Нотной грамоте учат всех, кто хочет играть на музыкальных инструментах или петь, в специальных школах.

– В школах?!

Наверно, я сболтнула лишнее, так как Гай впал в состояние близкое к обмороку. И как караван-то будет охранять в таком состоянии? Хейя всунулась в окошко:

– Гай, сколько же можно? Твой сын уже спит верхом, а ты никак его не сменишь, пожалей ребёнка!

– Всё, иду... Завтра продолжим?! – его глаза светились детским восторгом.

– Конечно!

Уже глубокой ночью, когда я наконец-то улеглась, пришла прекрасная идея:

– Мозговой, тук-тук... Слышишь меня? Просьба к тебе есть.

Сонный голос отозвался откуда-то из области шеи:

– Ну что ещё?

Неужели он действительно спал, а я его разбудила?

– Надо, чтобы к утру ты нашёл в моей памяти всё по тео-

рии музыки, сделаешь?

– Может, ещё и симфонию для скрипки с оркестром в четырёх частях написать?

– Ну, это уже лишнее, не стоит так напрягаться.

– Сделаю.

– Спасибо... И спокойной ночи...

– Ещё издевается... – донеслось совсем тихо.

Глава 18

Следующие несколько дней я ехала в кибитке с Гаем и правила лошадьми, а Хейа с Натри перебрались в мою. Мозг постарался на славу! Я выдавала информацию как скоростной принтер. Гай еле успевал записывать. Все эти гаммы, тональности, октавы, интервалы приводили моего ученика в состояние благоговейного трепета.

Как только до него дошла суть и общие принципы, дело пошло быстро. Мелодия к «четырем чертенятам» была придумана и записана уже в конце второго дня наших занятий. За спиной я периодически слышала перешёптывания и смешки членов каравана, но вполне дружелюбные, так что остаток пути до Маргоса прошёл более чем плодотворно и как-то незаметно.

Город мне понравился. А особенно широкий каменный мост, пересекающий реку. Людей было очень много. Телеги, кибитки, здоровенные тачки, всадники – все двигались к

городским воротам по разделённому на две продольные части высокому мосту. Пейзаж вокруг очень напоминал Средиземноморье, Грецию или Италию, будто фото из рекламных проспектов.

Маргос раскинулся среди высоких холмов на берегу голубой реки. Мы въехали в город через арочные ворота с двумя круглыми башнями по бокам. Такие города я видела в исторических фильмах и сказках, но больше он всё же походил на сказочный, чем на средневековый. Может, из-за солнц, свет которых ложился на розово-красные крыши и бело-жёлтые стены крепости. А может, из-за аккуратных улиц с небольшими домиками на склонах зелёных холмов. Красота!

Я крутила головой во все стороны. Это же первый крупный город, в который я попала на Окатане! Остановились мы на большом постоялом дворе, недалеко от центральной площади. Олмана и Гая там знали и ждали, так как специально держали свободные комнаты именно для нашего каравана. Разместились мы быстро. Нам с Айрой досталась маленькая уютная комнатка с мягкой кроватью и окном на улицу. Мне не терпелось рвануть в город, побродить, поглазеть по сторонам. А особенно хотелось сходить на большой рынок, мимо которого мы проезжали.

Слух о том, что прибыл Гай Голос, так его здесь называли, разнёсся моментально. Когда мы с Айрой сбежали вниз, в зал большой таверны, то там уже стояли люди, которые выспрашивали у хозяйки, когда прибыл Гай и будет ли он петь

и где, на площади или в шатре на рынке. Хозяйка, стройная высокая женщина в красивом пышном платье, отвечала с такой важностью, ни дать ни взять личный импресарио. Она объясняла, что Гай приехал, но пока ничего не известно, объявление о месте и времени концерта будет вывешено на воротах завтра утром.

Ярмарка длилась неделю, то есть восемь дней. Мы опоздали к началу на два дня. Но Айра сказала, что это не страшно, самые выгодные сделки заключаются в конце. До вечера было далеко, и сидеть в комнате до ужина не было никакого желания. Поэтому я вернулась наверх, достала мешочек с деньгами, взяла пару золотых и мелочь, а остальное засунула обратно в карман рваных джинсов. Мало ли, вдруг что-нибудь куплю. Как я уже знала, сумма у меня была немаленькая. Спасибо Дайку! Ведь это его какие-то сбережения, наверно, а он мне отдал. Надеюсь, себе что-то оставил. На эти деньги, что имелись в наличии, можно было купить двух лошадей и на каждую сбрую, одежду на зиму и ещё на еду много бы останется. На то, чтобы добраться до Латраса, вполне хватало.

Отпускать меня одну Гай с Хейей категорически отказались. Гай после наших занятий нотной грамотой готов был пылинки с меня сдувать и беречь как зеницу ока. Ещё как-то по пути он обронил, вскользь, что очень хотел бы, чтобы я осталась с ними до самого Латраса. Северяне со своим золотом из Маргоса в столицу поедут, а это совсем в другую сто-

рону, и вряд ли нам будет угрожать серьёзная опасность от золотой банды, они же всё-таки в бегах. А дорога до Банкара оживлённая, а оттуда можно будет отплыть на корабле. И лучше они со Скаем помучаются от качки, но доставят меня в Латрас к родственникам.

С одной стороны – было приятно услышать такое, но с другой – как я могла сказать, что никаких родственников у меня нет? И в Латрасе мне нужно встретиться с одним из членов золотой банды, и если я его там не найду, то деваться в городе будет некуда, кроме как идти к кузнецу, которого я даже не знаю. Я уклончиво ответила, что подумаю. И теперь, когда Гай и Хейа повели себя как строгие родители, то это зацепило. Я не решилась с ними спорить и вернулась в комнату. Айра разбирала вещи.

– Айра, а мы на рынок пойдём?

– Мама сказала, что всё завтра. Сегодня нужно отдохнуть, помыться с дороги и хорошо выспаться, а вот с утра и к портнихе пойдём, и на рынок. Отец будет занят, у них с Олманом много дел, так что с нами Скай будет ходить.

«Та-ак! Айра не помощник. Но не сидеть же здесь до самого вечера!» – погулять по городу очень хотелось. Я достала ремень с кинжалом и застегнула его на поясе, клинок хорошо спрятался в складках, перевязала платок, так чтобы светлые пряди не выбивались, накинула короткую жилетку с карманами и потопала к выходу.

– Кари, ты куда?

– Ты меня не видела, к ужину вернуться.

– Но мама...

Я спустилась в просторную переднюю, прошла через широкий мощёный двор и вышла за ворота. Но далеко уйти не успела, даже десятка домов не миновала, как меня нагнал Скай. Он часто дышал и одет был кое-как:

– Ты куда собралась?

– У тебя не спросила...

– Кари, давай вернёмся... Завтра пойдём куда захочешь, – и схватил за руку.

– Тебя Гай послал, да?

– Айра сказала, что ты ушла... вот я и...

– А почему сегодня нельзя?

Парень опустил глаза:

– Перед самой ярмаркой обычно бывают казни... и тела ещё висят... так что не надо на это смотреть.

– Что?! Казни?! – мне поплохело. Впечатление сказочного города быстро развеялось. – И долго они... – я сглотнула, – висеть будут?

– К утру снимут... Поэтому родители нас в такие дни не отпускают, хотя я, пока в столице жил, насмотрелся... Пойдём, а?

– Ладно, уговорил. Пошли обратно.

Мы вернулись в гостиницу. На первом этаже, в таверне, я присела на скамейку возле столика в углу. Скай принёс две большие кружки пива и тарелку жареного хлеба.

– Перекусим пока, до ужина...

Пока я хрустела сухариками и пила пиво, парень сидел напротив и просто смотрел, потом спросил:

– Ты обижаешься на меня?

– Нет. За что на тебя обижаться?

– Ты знаешь, за что...

– Главное, что ты уже успокоился. Я хотела объяснить, что никому не продавалась, но ты слишком быстро удрал, да и потом не разговаривал...

– Извини... я дурак...

– Знаю...

Мы рассмеялись.

– Скай, а за что могут казнить?

– За преступление против террхана.

– Что это значит?

– Да что угодно... Если решат, что какой-либо проступок – это преступление против террхана.

– А женщину могут казнить?

Юноша посмотрел на меня как на ненормальную:

– Конечно же нет! Что ты такое говоришь?

– А почему?

– Как почему? – парень был совсем сбит с толку. – Женщин не казнят.

– А наказать могут?

– За что?

– Ну, за воровство, например, или за убийство?

Скай несколько минут соображал, а потом шёпотом спросил:

– Кари, к чему такие вопросы?

– Ну, всё-таки... Просто интересно...

– Странный интерес...

– Не хочешь, не рассказывай...

– Нет, что ты... почему не хочу, просто не понимаю.

– Тогда расскажи...

– Могут наказать, конечно, но это может сделать только муж. Если мужа нет, тогда отец или мать и даже старший брат.

– А если никого нет?

– Так не бывает...

– Предположим, что бывает...

– Тогда я не знаю... – Скай задумался на несколько секунд. – Вспомнил! – Наклонился поближе и тихо проговорил: – Могут продать...

– Кому?

– Вербовщикам... А те переправят на Север. Но такое бывает очень редко. Я только один подобный случай знаю и то не уверен, что это правда.

– А как родственники могут наказать?

– Не выпускать из дому.

– И что?

– И всё. Ну, поругаться могут, нагрузить какой-нибудь работой... Но я не уверен... В каждой семье свои порядки.

– А кто решает, преступление против террхана или нет?

– Сам террхан или наместник и его совет.

На этом месте нас прервали. Рядом со столиком возник «викинг». Тот самый, который подкатывал ко мне на одной из стоянок:

– Эрдана... Можно вас на пару слов?

Вместо меня ответил Скай:

– Нет, нельзя! – и вскочил с места.

– Это не вам решать, юноша. Насколько я знаю, эрдана Карина вполне самостоятельная девушка и может принимать решения без чьей-либо помощи.

«Вот проныра, уже и имя знает, и то, что я одна путешествую... Кто-то из каравана проболтался. Надо всё же выяснить, чего он хочет».

– Хорошо, фаэдр, давайте поговорим, не знаю пока вашего имени...

Северянин сверкнул белоснежной улыбкой и, отвесив поклон, представился:

– Арвид Ливен Хакан эн Фрейр, старший гимастриан первого пархонта Великого террхана Северных земель.

Стоящий рядом в напряжённой позе Скай присвистнул. Глядя прямо в серые глаза вербовщика я выдала заготовку, которую именно на такой случай, когда нужно будет официально представиться, придумал для меня Мозговой:

– Карина Мрэя Алесана эн Матвэй, – с ударением на первый слог в имени рода.

«Викинг» приподнял бровь:

– Дом Мátвэй?

– Вас что-то не устраивает, фаэдр Арвид? – я скопировала его удивление.

Он хмыкнул и повернулся к Скаю:

– Я могу поговорить с эрданой наедине?

– Скай, иди, со мной ничего не случится, когда столь знатный фаэдр рядом, – и подмигнула.

– Я буду неподалёку, – буркнул парень и, прихватив свою кружку с пивом, пересел в противоположный угол зала.

Северянин присел на его место:

– Я рад, что вы согласились поговорить, эрдана Карина.

Я кивнула.

– Ваше имя... я немного удивлён, такое древнее...

Я продолжала помалкивать. Не дождавшись реакции, он продолжил:

– Дом Матвэй был очень знаменит в своё время и влиятелен не только здесь на Востоке, но и на Западе, и даже у нас, на Севере...

Я молчала как партизан: «Ну Мозговой, ну профессор, увижу – убью! Это ж надо подставу такую сотворить! Какой древний род?! Чем знаменит и влиятелен?! Сказал, что только адаптировал мои настоящие имя и фамилию, вставил имена родителей и подправил на местный манер! Это ж надо так попасть, а?! Ну, я тебе устрою, умник! Как же теперь выкручиваться?!»

– Эрдана, о чём вы так усиленно думаете?

– О том, как нелегко быть единственной представительницей столь древнего дома.

– Да... – «викинг» вздохнул, – уже больше века о доме Матвэй ничего не известно. У вас есть какие-либо реликвии, принадлежащие вашему роду?

– К сожалению, нет, фаэдр, – я на ходу придумывала новую легенду. – Только недавно я узнала, что имею такие древние корни. Меня не посвящали в историю нашей семьи по неизвестным причинам. А после гибели моих родных я осталась совсем одна... Вот и путешествую пока с Гаем и его семьёй, они приняли меня как родную.

– А где же вы жили ранее?

– Фаэдр Арвид, вы хотели со мной о чём-то побеседовать, а вместо этого пытаетесь устроить допрос, – я говорила спокойным ровным тоном.

– О, эрдана, простите моё любопытство, оно обусловлено должностью. Я никоим образом не хочу чем-то задеть или обидеть вас, простите...

– Так что же вам от меня нужно?

Собеседник рассматривал меня, ничуть не смущаясь, под моим, таким же пристальным взглядом. «Викинг» был красив, такой зрелой, мужской красотой: высок, строен, на вид возраста Гая, а может и меньше. Под чёрной рубашкой и плотным колетом угадывалась мощная мускулатура, одежда была добротной и очень хорошо сидела на его фигуре. Свет-

ло-русые волосы заплетены в косу, чисто выбритое лицо с чёткими, резковатыми чертами, слегка рыжеватые широкие брови, высокий лоб... В общем, красавец!

– Я вам нравлюсь, эрдана?

Вопрос был настолько неожиданным, что я, не задумываясь, тут же ляпнула:

– Да. Уже примеряю свадебное платье...

Он так громко расхохотался, что немногочисленные присутствующие дружно уставились в нашу сторону.

– Пива принесите... – ещё хохоча, он кинул монету вытирающему соседний стол парню.

Когда большая глиняная кружка появилась перед ним и раскаты хохота прекратились, я спросила:

– Ну что, продолжим беседу?

– С удовольствием...

– Без удовольствия тоже можно...

Следующий приступ смеха у северянина длился не меньше. Когда же он, наконец, успокоился, то некоторое время молча пил пиво, а потом сказал:

– Я искренне рад знакомству с вами, эрдана. Давно я так не смеялся...

– Фаэдр Арвид...

– Просто Арвид...

– Тогда можно просто Карина...

Он кивнул, улыбаясь.

В этот момент, наверно, боги Окатана смилостивились на-

до мной, так как по ступенькам лестницы, ведущей на второй этаж, вприпрыжку сбежала Айра, а затем показалось и остальное семейство. Девочка присела рядом:

– Кари, там горячую воду принесли... – и дёрнула меня за рукав. Но заметив, в чьей компании я сижу, напряглась. – Ой... простите, я помешала.

– Кари?! – Арвид посмотрел на девочку, потом на меня. – Красиво и очень подходит вам.

Подошли Гай с Хейей. Гай держал на руках чистого и причёсанного Натри, а Хейя в красивом зелёном платье напоминала лесную фею.

– Арвид... приветствую, – Гай слегка поклонился.

Северянин встал и учтиво кивнул. Я заметила его недовольство неожиданной компанией, но вида он не подал:

– Мы очень мило беседовали с эрданой...

– Так мило, что ваш хохот был слышен на втором этаже! – Гай улыбнулся и подмигнул мне. – Вот мы и решили присоединиться к столь милой беседе.

И всё семейство уселось за стол. Скай перелез через скамейку и пристроился с другой стороны. «Викинг» всё понял.

– Присоединяйтесь, Арвид, скоро ужин, – Гай передал Натри жене и сделал приглашающий жест.

– Спасибо, но мне пора, очень много дел... – он глянул на меня стальными глазами. – Очень рад знакомству, Карина. Я задержусь в городе на несколько дней, так что ещё увидимся.

Я кивнула.

– Приятного вечера... Гай, эрдана Хейа... – он опять поклонился и быстрым шагом направился к выходу.

У меня вырвался вздох облегчения.

– Ну что? – Гай положил руки на стол с самым серьёзным видом. – Теперь ты понимаешь, что должна остаться с нами?

Я сидела, уставившись в тарелку с сухариками.

– О чём ты говоришь? – Скай посмотрел сначала на отца, потом на меня. – Кари, ты уходишь?! – он был удивлён и весьма неприятно.

– Понимаешь, сын... Наша Кари решила, что уже слишком долго пользуется нашим гостеприимством, и хочет покинуть караван, чтобы добираться до Латраса одной.

– Кари, нет! – Скай и Айра вцепились в меня с двух сторон, а Хейа прижала к себе Мышонка и качала головой, не отрывая от меня влажных глаз.

– Вот я и пытаюсь переубедить... Кари, пойми, Арвид от тебя уже не отстанет. Что ты ему наговорила?! Ты понимаешь, кто он?! И ты ему окончательно понравилась! Если останешься одна, то помочь и защитить будет некому... – Гай глядел в упор, сжимая пальцы.

Надеюсь, он не скажет ничего лишнего. Я понимала Гая, он хочет как лучше. Тем более, если бы я осталась, то мы ещё очень многому смогли бы друг друга научить. Я ведь читать и писать до сих пор почти не умею, только правильно говорить, так что учиться есть чему, да и вообще... У меня вроде как появилась семья, и дело уже не только в благодарно-

сти за возвращение Натри. Они привыкли ко мне, а я к ним. Мы прижились вместе, я всему училась, помогала чем могла, чтобы не зря ужинать каждый вечер. Мне было хорошо и спокойно с семьёй Гая, и эта необычная кочевая жизнь уже даже нравилась.

Но я хочу вернуться домой... А чтобы это сделать, нужно найти место, где был проход, недалеко от ямы, из которой меня достали разбойники. Где та яма, знает Дайк, как и остальная банда, и нам нужно обязательно встретиться, чтобы он проводил меня туда. И если переход до сих пор работает, уйти... Уйти домой... Чем дальше я остаюсь в караване, тем тяжелее будет это сделать, а опасность от того, что Карелл может найти меня, никуда не исчезнет.

Я встала, обедев взглядом своих друзей, и тихо сказала:

– Я вас всех очень люблю, но я совершеннолетняя, поэтому, что делать и как жить, буду решать сама. Не обижайтесь... – вылезла из-за стола и пошла наверх.

В комнатке стояла большая лохань, вода почти остыла. Закрыв дверь на засов, я разделась и погрузилась в едва тёплую воду. Устраивать Мозговому разбор полётов желание пропало. Но он сам объявился:

– Кари... я...

– Что ты?

– Не думал, что так получится с именем. Сам в шоке...

Извини...

– Проехали... – я отмахнулась. – Кто ж знал, что Мат-

вэй древний и известный род, который реально существовал. Ничего не поделаешь, буду придерживаться этой легенды.

– Да, это правильно.

– Завтра пойдём на рынок и надо собираться в дорогу. Прикипела я к каравану, нужно уходить, а то вскоре точно уговорят и застряну я в этом средневековье до конца дней своих. Не хочу! Ещё Арвид этот привязался, чтоб его... Только на Север угодить не хватало. Придётся смываться потихому.

– Согласен... – мой жилец вздохнул, – только...

– Что только?

– При караване спокойнее...

– Зато каравану будет спокойнее без меня. Как говорится, нам не привыкать... Выжила до этого, выживу и дальше.

– Люблю твой оптимизм...

– Ещё бы.

В дверь осторожно постучали.

– Кари, ужин подают... – это был Гай, а потом после паузы: – К тебе можно?

Так как омовения я уже закончила, то быстро оделась и открыла, вытирая мокрые волосы. Из-за угла высунулась физиономия Ская, отец на него цыкнул и парень исчез. Гай вошёл и плотно закрыл за собой дверь.

– Эрдана Карина, я переступил черту, простите... – его волшебный, обволакивающий голос звучал очень виновато. – Не хочу тебя отпускать... и Хейа, и Скай, и Айра... На-

три так тебя любит... Мы просим остаться с нами.

– Гай, нет... Я надеялась, что мои планы останутся между нами. Но теперь, когда ты посвятил в них свою семью, уйти мне будет гораздо тяжелее. Ведь вы для меня уже... как родные...

Мужчина присел на массивную табуретку возле двери и развёл руками:

– Я виноват, обещал молчать, а сам же и проболтался.

– Ну, скажем, ничего такого ты не рассказал, – я примирительно улыбнулась и положила руку ему на плечо. – Прошу только не удерживать меня и сделать так, чтобы до Арвида не дошёл слух о том, что я собираюсь исчезнуть. До Банкора я с вами не поеду...

– Хорошо, как скажешь...

Глава 19

Следующие дни были наполнены делами и впечатлениями до отказа. Город был не такой большой, как показалось сначала. Обойти его можно было за полдня, хотя далеко мы не ходили. Чем дальше от главной площади, тем грязнее становились улицы и беднее дома. Зажиточные горожане жили в центре и вдоль нескольких улиц. Дом, точнее, почти дворец наместника террхана находился на живописном холме высоко над городом, и к нему вела отдельная мощёная дорога, по обе стороны которой располагались усадьбы советни-

ков и высших служащих. Улица эта охранялась, и просто так пройти по ней было нельзя. Башенки и крыши дома главы города сверкали под яркими лучами и на фоне безоблачного синего неба выглядели дворцом из сказки. А вот внизу кипела жизнь.

Торговля на ярмарке начиналась с рассветом, а заканчивалась поздно вечером. Купить можно было всё: от самой мелкой рыбёшки до гранитных стройматериалов. Мне жутко понравилось бродить по этой шумной толчее и торговаться из-за каждой мелочи. К портнихе меня Хейа так и не зашла. Шить одежду я не собиралась – это заняло бы время. Хотелось просто купить самое необходимое, разведать обстановку и определиться, как лучше добраться до Банка: верхом или сплавиться вниз по течению. Что сказал Гай своим домочадцам и о чём они договорились, я не спрашивала, но о моём дальнейшем одиноком путешествии не было никаких разговоров.

Я купила двое штанов: одни потоньше, другие полностью кожаные, удобные для верховой езды, тёплый вязаный свитер, непромокаемый плащ, утеплённый мехом жилет и две красивые туники. Одна синяя с золотистой вышивкой, а другая серая с отливом и серебристым узором вдоль рукавов. Две туники мне было не нужно, но я не удержалась, никак не могла выбрать из двух. Однако с помощью Ская удалось хорошо сбить на них цену, чему я была очень рада.

А вот за бельём идти всё-таки пришлось к портнихе, та-

кими дамскими штучками на рынке не торговали. Как Хейя ни уговаривала принять в подарок платье, я категорически отказалась. Во-первых, куда в нём ходить, когда я постоянно в дороге, а во-вторых – лишний груз. Единственное, на что я согласилась, так это на широкую юбку с запахом, подходящую к обеим туникам. Под неё можно было надевать штаны, не привлекая внимания. Всё-таки женщины мужскую одежду не носили, что мне, конечно же, не нравилось, но ничего не поделаешь.

Вместо привычного для меня белья местные женщины носили тонкие панталоны с рюшами и кружевами, но как я ни старалась, не смогла себя на подобное уговорить. Поэтому, заплатив за двух таких уродцев, пусть и с кружевами, я, на глазах у изумлённой портнихи, взяла ножницы и превратила их в короткие трусы-шортики. Маленькая чернявая женщина чуть не упала в обморок, а Хейя закрыла лицо руками. Добавив ещё такую же сумму, я попросила подрубить обрезанные края, а также заузить свежкупленные штаны.

– Понимаете... на моей далёкой родине такое... – и ткнула в бельевое творчество, – уже давно не носят, это немодно.

Женщины переглянулись.

– Когда будет готово?

– Завтра утром, – портниха немного пришла в себя.

– Большое спасибо! – и я потащила Хейю к выходу.

Сначала она удивлённо таращилась, а потом махнула рукой:

– Если тебе так нравится...

Я засмеялась и, подхватив Натри, побежала вниз по улице.

Во время походов по рынку и по городу я то и дело натыкалась на Арвида. Этот хитрый «викинг» притворялся, что наши встречи совершенно случайны. Но я всегда была в компании Ская или Хейи, поэтому он только приветливо здоровался, спрашивал какую-нибудь ерунду типа: «Прекрасная сегодня погода, не правда ли?» И исчезал в толпе. Определённо следил, а это очень плохо... Как бы он не нарушил мои планы. Надо что-то делать, но что?

Может, всё-таки остаться до Банкора с караваном? А дальше видно будет... И когда я уже начала склоняться к мысли, что лучше, наверно, никуда одной не ехать, случились события, которые заставили принимать быстрые решения.

Утром мы втроем, Скай, Айра и я, пошли к портнихе забирать мои покупки после переделки. Всё было сделано идеально и, ещё раз поблагодарив мастерицу, мы решили опять заглянуть на ярмарку. Вечером Гай и Айра должны были петь на центральной площади, а Скай с другими музыкантами аккомпанировать. В честь такого события уже сооружали сцену, ставили скамейки и, вообще, очень интенсивно готовились.

Гай решил дать только один концерт, поэтому на площади соберётся весь город и окрестности. Двигаясь по торговым рядам, я глазела по сторонам, Скай нёс покупки, а Айра то и

дело застревала у лотков с украшениями. Мимо промчалась ватага мальчишек с воплями:

– Ангалина поймали! Ангалина поймали!

Я резко затормозила: «Ангалина?! Вот это да!»

– Скай, ты слышал?! – я просительно глядела на парня большими глазами.

– Пошли посмотрим, – схватив Айру за руку, он побежал за мальчишками, а я следом.

На берегу реки, как раз в конце рыбных рядов, был большой причал. Лодки рыбаков, приличных размеров купеческие шхуны и кораблики мелких торговцев теснились у каменных и деревянных пирсов. Шум и гам стоял невообразимый: кто разгружался, кто загружался, катились бочки, на больших тачках перевозили мешки и другую поклажу, крики и вопли «Поберегись! Посторонись! Дорогу!» вперемешку с ругательствами доносились отовсюду.

Наша троица, со Скаем в авангарде, усиленно проталкивалась сквозь толпу. Я привычно старалась услышать как можно больше. Пока мы шли к мосту, я узнала, что ангалина поймали ещё на рассвете. Охрана начала поднимать подводную решётку (под мостом по всей длине от одной каменной сваи до другой и так далее, были установлены подъёмные решётки, зачем – непонятно), чтобы проверить и смазать механизм. Как же они удивились, когда увидели застрявшего в ней и запутанного в рыбацкие сети ангалина. Сначала решили, что он мёртвый, ангалины не могут дышать под водой,

они не рыбы, а вот дыхание надолго задерживать способны, но когда начали вытаскивать, он очнулся и стал вырываться. Тогда его ещё больше запутали в сети и каким-то образом выволокли на берег. Послали к наместнику, но тот сказал, что пока ничего решать не будет, так как сегодня поёт Гай, Голос Окатана, и передал каморту, чтобы ящера привязали и выставили на всеобщее обозрение до следующего утра.

Вооружённая такой информацией, я прямо-таки жаждала поскорее увидеть это чудо. Когда же мы наконец-то пролезли в первые ряды, то я не увидела ничего, кроме большого, тёмно-серого, чешуйчатого шара. Вокруг улюлюкала толпа и те самые мальчишки, которые и привели нас сюда, вопили больше всех.

Ангалин не реагировал. Было только заметно, как шар чуть-чуть приподнимался – он дышал. Людям хотелось зрелища, а представления всё не было. Ангалин стойко держал оборону. Через несколько минут в сторону шарообразного существа полетели гнилые овощи и фрукты, небольшие камни и палки. Но нечего не происходило. Шар не двигался. Айра начала нас дёргать:

– Пойдёмте отсюда. Тут столько народу и воняет тухлой рыбой, – девочка скорчила капризную гримаску.

– Не канючь... Вдруг он развернётся! Я так близко их никогда не видел... – Скай с таким же интересом, как и я, вытягивал шею.

Хотя смотреть пока было особо не на что. Шар в чешуе

и всё.

– А где ты их видел? – спросила я.

– Несколько раз в море, давно, правда, Айра ещё совсем маленькая была. Они сопровождали корабль, на котором мы плыли, точно не помню куда. Они в темноте светятся...

– Как светятся?!

– Очень красиво... Я ж говорю, вблизи я не видел, они держались подальше от корабля. Но когда темнеет, из-под каждой чешуйки пробивается свет и их становится хорошо видно, даже в полной темноте. Судно следует за ангалинами и обходит рифы, мели, острова во мраке. Тому капитану как-то удалось с ними договориться, за золото скорее всего, чтобы они вели корабль ночью, капитан куда-то сильно опаздывал. Отец валялся в каюте, ему в море всегда очень плохо, мама с маленькой Айрой с ним сидела, а я на палубу удрал, меня тоже мутило, вот и увидел. Днём потом тоже видел, но совсем далеко.

Я опять уставилась на чешуйчатый шар. Он не двигался. Тут кто-то из толпы запустил в ангалина пару тухлых яиц с криком:

– Скоро сдохнешь, тварь, наместник из тебя новые доспехи сделает!

То ли ангалин услышал, то ли тухлые яйца повлияли, но шар мгновенно развернулся и над рекой раздался громкий рёв. От неожиданности толпа со вздохом отшатнулась, а я открыла рот, да так и застыла...

Наверно, после окатанского ночного неба это было такое же, по силе воздействия на меня, зрелище. Ангалин был великолепен! Нет! Он был прекрасен! Ни пучки мусора с остатками фруктов, прилипшие к чешуе, ни стекающие яйца не помешали восхититься этим представителем второй разумной расы Окатана. Это была какая-то странная смесь гигантской ящерицы, крокодила и, возможно, динозавра или сказочного дракона, только без крыльев. То, что это рептилия, не вызывало никаких сомнений. Он был крупный, от морды до начала хвоста около двух метров, сильные лапы (или ноги?) с когтями и перепонками, красивая аккуратная голова на гибкой, но не слишком длинной шее и хвост, длинный-предлинный...

Ангалин заревел ещё раз, направив свой рык на толпу. Я не могла от него оторваться. Зелёные глаза, как большие яркие изумруды, с красными прожилками и чёрными вертикальными зрачками вогнали в состояние полного ступора. Какой же он красивый! Сила, грация, гибкость, идеальные пропорции... Зрелище просто загипнотизировало.

– Скай, Скай... – я дёргала парня за рукав, – он же... он же... – никак не могла подобрать слова. – Просто красавец!

– Эта ящерица тебе так понравилась?

– Это чудо! Его ведь отпустят, да?

– Отпустят?! – парень рассмеялся. – Ты же слышала, что кричали в толпе. Он пойдёт на новые доспехи. Самые прочные и лёгкие доспехи получают из шкуры ангалинов.

– Как?! Его убьют?!

– Его казнят! Он нарушил запрет и попался, а за такое – смерть.

– Какой запрет?

– Им нельзя сюда заплывать, только по разрешению наместника или самого террхана, для этого решётки и стоят. Там дальше, вверх по течению, есть Храм, вот они туда и пытаются попасть. А этот, видишь, хитрый какой! Через Банкор как-то проплыл, а попался здесь.

– Но как же? Зачем его убивать?!

В разговор встряла Айра:

– Они же корабли топят и не пропускают, если платить нечем. Они злые и жадные! Им только золото надо!

У меня не было оснований не верить тому, что рассказали друзья. Но я смотрела на ангалина, и сердце сжималось от жалости: «Бедный! Как страшно и тяжело ему сейчас... Как больно... от ожидания ужасной участи. Его все ненавидят и желают смерти, даже дети!»

Возможности освободиться у ангалина не было. Что такое каморта, я прекрасно знала. Её ничем не взять, сама на такой сидела. Ящер был привязан за хвост, на конце которого виднелся какой-то набалдашник, и за заднюю лапу, а верёвка несколько раз обмотана вокруг каменной опоры. В голове быстрым метеорчиком проскочила идея.

– Даже не думай об этом! – от шипения Мозгового я вздрогнула. – Эта затея может плохо закончиться.

- Я должна попробовать. Кроме меня, его никто не выучит, – так же тихо прошипела я в ответ.
- Кари, ты что-то сказала? – Скай обернулся.
- Пойдёмте отсюда... Очень жаль его...
- Нашла кого жалеть.

Глава 20

Вскоре мы уже поднимались по улице к гостинице. А ещё через пару часов я сидела в комнате и перебирала покупки. От мысли освободить ангалина я не отказалась, как Мозгой ни отговаривал. Первый раз за время нашего общения он был настроен так категорично. Аргументировал тем, что очень переживает за меня, да и за себя, что нас могут поймать, что Арвид шпионит и так далее и тому подобное. Но я ничего не хотела слушать. В мешке уже столько времени валялась фляга с расслабляющей жидкостью, как и сама каморта. В этом городе я была единственной, кто мог реально помочь этому страдальцу, ящер он, не ящер, неважно. Он сидел на привязи в ожидании смерти, а у меня было средство спасения. Мозг попробовал ещё раз повлиять на моё решение.

– Я всё обдумала, должно получиться. Сегодня самое время... Неужели ты не согласен, что план удачный?

– План хороший, не спорю... Но ты же сама понимаешь, что предугадать и предвидеть всё нельзя, а если что-то пой-

дёт не так?

– Значит, имея возможность помочь, я должна позволить, чтобы из ангалина сделали доспехи?! Так?!

– А какое тебе дело до него? Кто он тебе?!

– Ну, отлично! Получается, по твоей логике, я и Натри должна была в лесу бросить, он же мне никто!

– Но Натри ребёнок...

– А ангалин что, не живой?! Ты видел его морду или лицо, не знаю, как правильно сказать... На нём же отражались все его эмоции! Он разумное существо, а его собираются казнить только за то, что пытался к какому-то Храму проплыть?! Он же никого не убил и ничего плохого не сделал!

– Просто ты сама сидела на такой привязи, вот и жалеешь его.

– Да! И это тоже! И к тому же мне ничего не сделают, если поймают, женщин не наказывают. Я ничем не рискую.

– Риск есть всегда.

– Так ты на моей стороне или нет?

– На твоей, куда ж я денусь. Будем верить, что всё получится.

– Должно получиться!

В моём плане спасения было одно слабое место – Арвид эн Фрейр. В том, что он будет крутиться где-то рядом, я не сомневалась. Мы ведь с ним так толком и не поговорили. А может...

До начала концерта время ещё есть. Все заняты своими

делами: детей Гай забрал репетировать, Хейа с женой Олма-на куда-то ушли, так что я была предоставлена сама себе, что очень кстати. Я быстро собралась и спустилась в таверну. Фляжку с отваром и смену одежды сложила в небольшую сумку, которую также прикупила на ярмарке. У хозяйки, эрданы Ольгеты, я узнала, где остановился Арвид.

Идти было недалеко. На площади находилось несколько самых дорогих гостиниц, для очень обеспеченных приезжих. В первой же мне сказали, что фаэдр Арвид здесь и пока не выходил. Я попросила передать, что пришла эрдана Карина и желает побеседовать. Парень, с которым я разговаривала, хмыкнул, смерив меня оценивающим взглядом, но, мило улыбаясь, ответил:

– Подождите здесь, я схожу наверх.

Я присела на небольшой диванчик у окна. Гостиница была очень приличная: красивая добротная обстановка, обитые светлой тканью стены, удобная мебель в тон обоям, несколько гобеленов в тяжёлых рамах, букеты луговых цветов. Чувствовался вкус...

Арвид не спустился с лестницы, а слетел. Было видно, что он крайне удивлён.

– Карин?! Очень рад, не ожидал... – северянин присел рядом, – что сама придёшь...

– Я пришла продолжить ту нашу прерванную беседу. Дело в том, что меня очень раздражает твоя слежка, и я хотела бы это прекратить, поэтому и пришла.

– А ты прямолинейна.

– Уж какая есть.

«Викинг» сначала меня пристально рассматривал, а потом придвинулся поближе.

– Эрдана Карина, я приглашаю вас на ужин.

– Плавно перетекающий в завтрак?

Несколько секунд он сидел в напряжённой позе, а потом заливисто расхохотался.

– А если и так? Мы взрослые люди...

– А если серьёзно?

– Тогда я тоже скажу как есть. Несколько пархонтов нашего терра нуждаются в жёнах. И не в деревенских простушках, а в женщинах с головой на плечах и желательно приятной внешности. В одну из моих многочисленных обязанностей входит найти таких и уговорить поехать. У нас жениться гораздо сложнее, чем здесь, на Востоке. Террхан уже подумывает о том, чтобы разрешить множественные браки.

– Это как?

– Это когда женщина может иметь несколько официальных мужей, при условии, что все согласны, конечно. Уже давно об этом думают. Помогло бы разрядить обстановку. Так вот вы, эрдана Карина, прекрасно подходите на роль супруги пархонта, хотя я уверен, что статус терраны вас украсил бы ещё больше. Но террхан женат, хвала богам, и на вас претендовать не сможет, если только в качестве тайного любовника.

Теперь пришла моя очередь смеяться:

– Заманчивая перспектива!

– Но ты не хочешь...

– Нет, не хочу.

Он взял меня за руку и приобнял за плечи.

– Ты очень красивая... необычной, какой-то сияющей красотой. А глаза цвета неба над горами Акрим... в эту синеву хочется улететь. Ты, наверно, дочь звезды? – спросил он улыбаясь.

– Мы все дети звёзд, только многие об этом не знают или не помнят...

– Умом боги тебя не обделили, теперь я в этом уверен. Такая женщина на вес золота. А золота у нас много...

– Арвид, я не настолько ценна, как ты думаешь. Открою личную тайну: проблема в том, что я не могу иметь детей, так что я не гожусь ни в чьи супруги, ни пархонта, ни террхана, ни простого рыбака... Я должна быть одна.

«Викинг» удивлённо смотрел, и было понятно, что он не верит.

– Это правда, Арвид.

– Но ты так молода. Откуда ты можешь знать?

– Не так молода, как думаешь. Я даже замужем была, но ребёнка потеряла и при этом чуть не умерла... Врачи сказали, что детей больше не будет.

Северянин задумчиво поглаживал мою руку:

– Почему ты это рассказала и, главное... мне? Я ведь с

Севера, и вербовщик к тому же...

– Мне показалось, что человеку, который может так искренне смеяться, можно доверять, что бы про него ни говорили.

Сидя в уютном углу, мы молча рассматривали друг друга. Тихо-тихо, где-то в затылке, Мозговой прошептал: «Умница... Ты его обезвредила. Теперь он за тебя любому глотку перегрызёт. Я по его лицу вижу... Арвид больше не опасен».

Кто-то из работников начал ходить по залу и зажигать массивные светильники, хотя едва стало смеркаться. На площади уже всюду играла музыка, доносился гомон множества голосов, стук колёс и детские крики. Время выступления приближалось...

Арвид прервал паузу:

– На рассвете мы уезжаем. Остаться до конца ярмарки не получится, до столицы путь неблизкий. Повезло, что Гая услышу, я давно хотел...

– Ты не будешь меня преследовать? – я уставилась в красивые серые глаза.

– Нет, не буду. Обещаю... Даже могу дать слово, что имя эрданы Карины Мрэй Александры эн Матвэй не попадёт в список ни одного из вербовщиков. Моя должность позволит это проконтролировать, но при одном условии... – он хитро улыбнулся. – Ты будешь должна мне ужин, а вот с завтраком или без, как захочешь...

– Спасибо, Арвид, – я сжала его пальцы, – спасибо. Ужин

за мной, при следующей нашей встрече...

Мы немного помолчали.

– Где будешь слушать?

– У меня очень хорошее место, балкончик в моей комнате, даже выходить никуда не нужно. Правда, хозяин упросил впустить ещё человек десять. Я сегодня почему-то добрый...

Я встала, «викинг» следом. Он не хотел меня отпускать, это было у него на лбу написано. Держа мои руки в своих, он всё смотрел, смотрел...

– Мне пора. И... береги себя... – Я высвободилась и, не оглядываясь, быстро пошла к выходу.

Глава 21

Площадь была забита до отказа: люди стояли, сидели, свисали с балконов и заборов. Все окна по периметру были распахнуты, и из них выглядывало множество лиц. Полный аншлаг! Чего мне и было надо. На большом балконе городской ратуши восседал наместник с семейством и приближённые высокие чины. Не поднимая глаз, я протолкалась сквозь толпу. И только ступила на улицу, ведущую к мосту, как меня схватили за руку – это был Скай:

– Кари, мы тебя обыскались. Где ты ходишь?

– Гуляла...

– Мы начинаем сейчас...

– Я буду здесь, не волнуйся.

Нужно дождаться первой песни, момента, когда чарующий голос Гая захватит всех слушателей полностью. Тогда на меня внимания точно никто не обратит и можно будет спокойно уйти. Чтобы не попасть под общий гипноз, я заткнула уши заранее приготовленными кусочками кожи. Сумерки медленно накрывали город, но на площади было светло. Множество факелов освещало пространство яркими сполохами.

Гай запел... Несмотря на затычки, песня действовала. Уходить совсем не хотелось. Мурашки забегали по телу, когда на очередном куплете певец растянул звуки так, что начала кружиться голова. Народ был в экстазе. Я напонила себе, что если сейчас не уйду, то ангалин на рассвете умрёт, поэтому потихоньку отошла достаточно далеко, а потом побежала. В маленькой подворотне переделалась, на всякий случай, чтобы не мелькать и там и здесь в одной и той же одежде, и помчалась дальше. Кругом ни души, улицы пусты, люди на площади наслаждаются самым уникальным голосом на Восточных землях.

Когда я прибежала к мосту, уже почти стемнело. Высоко в сторожевых башнях горел свет, но охраны видно не было. Я спустилась по каменным ступеням и приблизилась к месту, где на привязи держали ангалина. Он лежал, вытянувшись во всю длину. Камушек под ногой звонко хрустнул, и ящер резко вскинул голову. Два зелёных глаза уставились не мигая. Было совсем не страшно, наоборот, я чувствовала стран-

ное возбуждение или волнение, как перед экзаменом. Сделав шаг, я опустилась на колени. Чешуйчатая морда оказалась всего в нескольких сантиметрах от моего лица. Ангалин замер без малейшего признака движения.

– Не бойся, я помогу тебе, – прошептала прямо ему в нос. Ноздри ящера дёрнулись. – У меня есть кое-что для тебя.

Ангалин не двигался. Я залезла в сумку, достала фляжку с отваром и откупорила пробку:

– Знаешь, что это?

Изумрудные глаза моргнули, и подвижные ноздри втянули воздух. Я поднесла флягу ещё ближе. Когда ящер унюхал запах, узкие вертикальные зрачки расширились, а брови, вернее, надбровные дуги, с торчащими, острыми на вид чешуйками приподнялись в недоумении или крайнем удивлении. Мимика у ящера была почти человеческая!

– У нас мало времени, давай дело делать.

Ангалин быстро подвинулся так, чтобы я достала до узлов. Через несколько минут он был свободен. Я взяла промокшие концы каморты и начала тереть их о ближайшие камни, чтобы создать впечатление того, будто ящер освобождён сам. Вряд ли кто поверит, конечно, но вдруг... Ангалин не убежал. Сначала он наблюдал за моими действиями, а потом вдруг схватил за руку. И чем?! Хвостом! Тот набалдашник на конце хвоста, который я заметила ещё днём, был трёхпалым. Это была кисть, подобная человеческой. Только она состояла из трёх пальцев, в отличие от лап, на которых

пальцев было пять.

– Ты чего? – тихо спросила я.

Ангалин покачал головой, слегка оттолкнул меня в сторону и сам начал грызть здоровенными зубами вялые мокрые концы каморты. Он понял! Понял, чего я добиваюсь, и решил помочь! Вот же умница какой! Совсем не ожидала такого понимания... Когда он закончил, два конца верёвки напоминали рваные ошмётки. Отлично! Может, и прокатит, но надо уходить.

До воды было метров десять, но ангалин не торопился. Я опять присела на корточки. Крупная вытянутая чешуйчатая морда с трепещущими ноздрями оказалась близко-близко.

– Не попадайся больше... Меня может не оказаться рядом... Кто тогда такого красавца выручит? – улыбаясь, я смотрела в фантастические зелёные глаза.

Ангалин разглядывал меня с не меньшим интересом, будто хотел запомнить. А потом... его пасть, или рот, растянулся в потрясающей улыбке, показав ряд белоснежных зубов с четырьмя изогнутыми клыками. Горячий влажный язык умыл мне пол-лица, и я даже не успела опомниться, как он развернулся и рванул к воде. Через секунду послышался тихий всплеск, и я осталась на берегу одна.

«Неужели получилось?! – ещё не верилось до конца в такое везение. – Получилось! Надо уходить, вернуться на площадь, смешаться с толпой и насладиться праздником. Веселье ещё, похоже, в самом разгаре».

На обратном пути я столкнулась с несколькими солдатами охраны, которые возвращались на свои посты. От встречи с ними спасла большая бочка, за которую я успела шмыгнуть. Охранники прошли мимо, а я убедилась, что вокруг никого, и побежала на звуки музыки и шум голосов. По пути опять переоделась и через несколько минут уже скакала в хороводе у возвышения с музыкантами.

Айра, Гай и ещё несколько человек пели разудалую песню о добром муже и сварливой жене, как сзади со спины слышались какие-то знакомые интонации. Я вздрогнула. Потихоньку, бочком-бочком, я отделилась от движущегося круга и начала исподтишка рассматривать окружающих. Пылающие факелы и костры отбрасывали пляшущие тени, разглядеть детали было не так-то просто. «Но голос! Я уверена, что не ошиблась. Это голос Лакрана. Плешивый... А если он здесь, то где-то поблизости могут быть и Карелл с Олли, а может, и Дайк с ними. Увидеть бы его... Дураку понятно, зачем они здесь, их интересует золото северян. Не думаю, что они целенаправленно искали меня, но кто знает... А тут и я, и золотой караван из Альдаска – богатая может быть добыча. Нужно предупредить Арвида и сматываться самой. И как можно быстрее».

Я продолжала оглядывать людей, имея надежду, что мне всё-таки показалось, но... В паре метров стояли двое мужчин в длинных плащах с кружками в руках и также, как и я, рассматривали толпу. Обойдя их по дуге, я попробовала раз-

глядеть лица. Оранжевый отблеск мелькнул на обожжённой лысой голове... «Это он! Точно! А вот второго не знаю... Что же делать? Как сообщить «викингу» и не выдать себя?! Гай... Нужно сказать Гаю! А самой бежать, бежать прямо сейчас! Лошадь раздобыть уже не получится, а вот лодку вполне и к утру я буду далеко. Только как поймать Гая одного?»

Уже не раз я приходила к мысли, что здесь, на Окатане, какие-то местные божества как будто благоволят ко мне, выручают, что ли... Дома, на Земле, я никогда особой везучести за собой не замечала, напротив, всегда казалось, что удача обходит меня стороной, в отличие от некоторых моих знакомых. Здесь же было иначе. Так получилось и в этот раз. Не успела я толком составить план действий, как Гай, закончив песню под оглушительные крики и бурные аплодисменты, спустился, оставив Айру и Ская развлекать публику. Я побежала следом. Он долго проталкивался сквозь толпу, но, в конце концов, вырвался из рук поклонников и поклонниц и направился в сторону гостиницы. Догнала я его на половине дороги:

– Гай, Гай, подожди...

– Кари?! Ты где была?! Я с обеда тебя не видел...

– Гай, послушай, это очень важно...

– Что случилось?! Чем ты так взволнована?!

– Ты в гостиницу идёшь?

– Да. Хейа пошла укладывать Натри...

– Ты должен предупредить Арвида, правда, не знаю как... Придумай что-нибудь, но не говори ему, что ты от меня. Они на рассвете уезжают. Я только что видела на площади одного из золотой банды.

– Ты не ошиблась?!

– Нет. Остальные могут быть где-то рядом.

Гай схватил меня за руку и потащил в гостиницу, прямо в свою с женой комнату. Хейа ещё не спала, а, сидя возле спящего сына, вязала что-то толстыми спицами.

– Сиди здесь и никуда не высовывайся... – Гай погрозил пальцем. – Я скоро вернусь.

И быстро ушёл. Но сидеть я не собиралась. Хейа попыталась выведать, что случилось, но я сказала, что Гай сам ей всё объяснит, и побежала в свою комнату. Собралась я быстро, хотя теперь вместо одного мешка получилось два. Запасов еды не было, я собиралась прикупить их непосредственно перед отъездом. Кто же знал, что так получится? Но ничего... Местность тут обжитая, в окрестных деревнях можно будет что-нибудь раздобыть. Денег пока хватало.

Я вернулась к обеспокоенной женщине:

– Хейа, прости, но я уйду. Спасибо вам за всё, за всё! Я вас всех очень люблю, но остаться не могу. Передай Гаю и Скаю тоже скажи, чтобы не искали меня, я этого не хочу.

– Но, Кари... Нет... Не уходи... Как же так...

Я видела, что она сейчас заплачет, да и сама еле-еле сдерживалась, чтобы не разреветься.

– Хейа, не плачь... Всё будет хорошо... Если повезёт, зимой встретимся в Латрасе. И повторяю, не ищите меня. Это может быть опасно. Всё, мне пора...

Женщина бросилась ко мне:

– Нет, нет... Я тебя никуда не пушу!

Я обняла её покрепче и расцеловала в уже мокрые щёки:

– Не плачь. Я давно уже большая девочка. Айре и Скаю скажи, что они для меня навсегда родные брат и сестра. Не плачь, Хейа. Так надо. И вот, чуть не забыла... Она не нужна мне, а тебе с Натри поможет.

И всучила ей каморту и фляжку с расслабляющей жидкостью. Её и без того большие глаза стали как два блюдца.

– Ох... Откуда?! Это же...

– Я её не украла, не волнуйся. Так что пользуйся. Как отвар варить, знаешь?

– Отец Олмана знает... – прошептала она дрожащим голосом.

– Вот и прекрасно...

Я подошла к спящему Натри:

– До свидания, Мышонок... Расти большой и не исчезай больше.

Проведя пальцем по тёплому лобику и лохматой головёнке, я всхлипнула и, едва сдерживая слёзы, бросилась к дверям: «Только бы не столкнуться ни с кем по дороге!»

Часть 3. Город

Глава 1

Праздник подходил к концу, и народ потихоньку разбредался по домам. На улицах было много пьяных, горланивших песни. Я свернула в проулок и побежала. Позади слышались громкие голоса и мелькали огни факелов. Нужно торопиться. Возможно, когда обнаружат пропажу ангалина, поднимется шум. Главное, пересечь мост, а на том берегу можно будет найти подходящую лодку. Рыбаки и мелкие торговцы оставляли свои транспортные средства с другой стороны каменного моста.

До выхода из города я добралась благополучно. Перейти мост тоже оказалось не проблема. Я пристроилась в хвост к семейству на большой телеге и спокойным шагом преодолела половину пути. Когда охрана скрылась далеко позади, то ускорила и вскоре была уже на противоположной стороне.

Вокруг раскинулся большой палаточный лагерь, из тех, кому не досталось места в черте города. Пройдя немного вниз по течению, я заметила длинный ряд узких, похожих на пироги, лодок. Ночь была ясная. Октаэн сверкал и переливался всеми своими цветами, а усыпанный звездами небосклон причудливо отражался в спокойной воде. Несмотря на

то что я уже давно привыкла к этой нереальной красоте ночного окатанского неба, всё же каждый раз, всматриваясь в сияющую космическую бездну, не верила глазам и приходила в состояние благоговейного трепета.

Проверив одну из маленьких пирог на наличие течи, я закинула в неё мешки и оттолкнулась от берега. Первый раз в жизни я взяла в руки вёсла, но, как ни странно, отплыла на середину достаточно быстро. Здесь течение было очень ощутимым. Река сама несла меня, я ей только немного помогала. Огоньки на берегу, а потом и те, что виднелись из сторожевых башен, быстро исчезли. Очень скоро я оказалась одна в маленькой лодочке на самой середине широкого водного потока.

Звёзды были везде: сверху над головой и внизу, в отражении водной глади. Тишина стояла такая, что каждый всплеск весла, наверно, разносился далеко-далеко. Я как будто плыла в космическом пространстве в неизведанные глубины Вселенной. Дурацкие слёзы потекли сами собой: «Я в космосе... в бесконечности... и никогда не попаду домой. Ёжик в тумане какой-то... Пусть река сама несёт меня... Как можно найти дорогу в океане, не зная ничего о навигации? Не имея почти никаких сведений о том, где ты? И как, вообще, эту дорогу искать, с чего начинать и что делать?.. А ведь у меня здесь уже есть знакомые и даже друзья, более того, Гая и Хейю, а также их детей, караванщиков я уже считаю своей семьёй. Может, я неправильно поступила, что убежала?.. Но

ангалин?! Его было так жалко, что словами не передать... И Лакран?... Возвращаться в банду нет никого желания... А если я и не нужна там уже никому?... Как же хочется домой! А может, мне и не домой хочется? А просто почувствовать себя в безопасности, в спокойной и привычной обстановке? Где всё знакомо с самого раннего детства, где окружают обыденные вещи, где всё понятно и логично, где можно нажать кнопку и поговорить с родным человеком, сесть в машину, поезд, самолёт и преодолеть за несколько часов сотни километров, а не мерить землю своими ногами. Где море информации изливается потоком на всех и каждого... Мой дом... Где ты?... Моя жизнь... Как давно это было... Полгода... По земному календарю... Интересно, как там Катя с Кириллом? Мальчишки? Мои сотрудницы на работе? Соседка наша, Дарья Петровна, со своими кошками? Да... Теперь я знаю, что в жизни всё что угодно может случиться... Бесконечность времени... Бесконечность Вселенной... Бесконечность жизни... Кто бы мог подумать! Один только Октаэн, висящий над головой, чего стоит! Знак бесконечности, каждую ночь дефилирующий по небосклону! Смотрю и не верю! Не верю!!! Но это, как ни странно, правда... Реальность, в которой мне придётся жить... И я живу... Пока живу...»

Я вытерла мокрые глаза: «А если на Земле вообще время остановилось? Вот бы вернуться в то же самое время... Хотя нет... В то самое не надо... Авария... Как запутано всё... Лучше не думать...».

– Кари... – донёлся голос. – Кари...

– Привет, Мозг, рада тебя слышать.

– Наконец-то достучался... Ты так временами закрываешься... Наглухо... Не дозваться.

– Прости, я не специально. Совсем не представляю механизм нашего с тобой общения... Как, сидя в моей голове, ты не можешь иногда меня позвать? Недоступно это для понимания...

– Не переживай, главное, что периодически получается. Так даже к лучшему...

– Почему?

– Было бы тебе приятно ежесекундно ощущать моё присутствие, слушать мою болтовню, чувствовать кожей меня в себе?

– Не знаю... Но когда долго с тобой не общаюсь, не разговариваю, то мне совсем одиноко... С тобой, Мозговой, гораздо легче и веселее... Поругаться и поспорить есть с кем...

Он засмеялся:

– Да... Поспорить и поругаться... Это мы можем... Красиво, правда?

Я обвела взглядом сверкающее небо:

– Не то слово! Мы будто на космическом корабле... бороздим просторы Вселенной... Незабываемая картина...

Я опять налегла на вёсла, и лодочка устремилась в бескрайний космос.

– Мозг, как ты думаешь, где мой дом? Как далеко Окатан

от Земли?

Ответом послужил только всплеск воды...

– Эй... Что молчишь?

Грустный вздох я ощутила где-то над правым ухом:

– Не знаю...

– Странно... У тебя всегда есть что ответить...

– Не на этот вопрос...

– Но почему?

– Кари, я... правда, не знаю. Земля одновременно может быть и очень близко и очень далеко, так, что вообразить невозможно.

– Ну вот это мне как раз и понятно... Меня другое интересует... Я хоть в своей галактике или нет?

Мозг хмыкнул:

– А какая разница?

– Знаю, что никакой. Но было бы хоть чуточку легче, если бы я знала, что галактика своя, родная... Старый добрый Млечный Путь...

– Не знаю, дорогая... Я не знаю...

– Ладно, проехали.

– Тут тоже можно жить...

– Можно... Столько времени уже здесь торчу...

– И как впечатления?

– Домой очень хочется...

– Я так тебя понимаю...

– Правда?

- Правда-правда...
- Хотя кто-то меня понимает...
- Смотри, светает...
- Уже?!

Я пригляделась, и точно. Небо на востоке порозовело, а контуры берегов стали более заметны. Ночь пролетела быстро. «Когда совсем рассветёт, пристану к берегу и посплю, а уже потом буду думать, где раздобыть еду. Тут должны быть деревни».

Глава 2

Когда утро вступило в свои права, я причалила. Вытащила своё судёнышко на песок и рассмотрела то, что валялось на дне лодки. Там была небольшая сеть, пара удочек с крупными крючками и какая-то конструкция наподобие сетчатой ловушки. И всё. Лодка была тоже не в лучшем виде, но хотя бы не текла. Похоже, я ограбила какого-то бедняка: «Как же он без лодки? Как бы с голоду не умер...» Попросив мысленно прощения у этого человека, я понадеялась, что местные божества не оставят его в беде и окажут посильную помощь.

Я никогда не была суеверной или набожной, но последние события привели к чёткому осознанию, что случиться может всё что угодно. А ощущение какого-то странного везения здесь, на Окатане, не покидало. Местное население своим богам особо не поклонялось. Пока я не встречала каких-ли-

бо серьёзных религиозных культов, не видела церквей, храмов или иных мест поклонения. Слышала только про Храмы ангалинов, в которые их почему-то уже давно не пропускают. Боги присутствовали только в благословениях, проклятиях, личных молитвах, просто как дань прошлому. Кто-то верил, кто-то нет, но божественных культов как таковых не было, по крайней мере на Восточных территориях.

Возможно, это было связано с очень древней легендой о проклятии восьми богов. В ней говорилось, что, когда люди не захотели жить по божественным законам, перестали слушаться и поклоняться, боги решили наказать людей и выпустили на Окатан страшных чудовищ. Эти монстры выходили из Храмов и разбрелись по земле, уничтожая всё живое на своём пути. Они не знали жалости и сострадания, не имели никаких чувств, кроме жажды крови. Началась война... Часть людей встала на борьбу с ужасными монстрами, а часть – безропотно вымаливала у богов прощение. Один из богов, восьмой, внял молитвам и начал просить остальных братьев простить людей и уничтожить кровожадных тварей, но боги были непреклонны. Меж тем война продолжалась. Люди создали страшное оружие, которое жгло огнём чудовищ, но одновременно выжигало и всё вокруг. На таких пожарищах земля становилась мёртвой, безжизненной. Злоба и ненависть, голод и смерть затопили мир. Большинство людей совсем возненавидели богов, а также восьмого, который так и не сумел им помочь.

Видя, что люди непреклонны, не хотят покориться и признать их величие, боги решили уйти. Они долго плакали и горевали перед уходом, собирая свои слёзы в огромные бочки и жалея своих непокорных детей, но потом всё же уничтожили свой дом высоко в небесах и исчезли. Так в небе появился Октаэн, руины Дома восьми богов... Своего собрата, восьмого бога, они бросили на Окатане в наказание за сочувствие, а может, он и сам захотел остаться, никто не знает... Перед уходом они сказали ему, что вернутся только тогда, когда он сам сможет вырваться к звёздам или пока кто-то не поможет ему это сделать. Тогда по радужной дороге они сойдут с небес, возродят к жизни весь мир и откроют людям путь в небеса. А до тех пор Окатан проклят и ни одна душа не сможет вырваться за его пределы. И пусть люди не надеются попасть в звёздные райские сады. Все души останутся здесь, в ожидании освобождения... Вот такая легенда.

Сколько тысячелетий она передаётся из поколения в поколение, неизвестно. Одно было понятно точно, боги до сих пор не почтили Окатан своим визитом. Есть ли в этой сказке хоть крупица истины или нет – тайна, скрытая веками. Но я сделала вывод, что Хранитель, который забирает души после смерти, и есть тот самый восьмой бог, оставленный на Окатане.

Гневить местные божественные сущности мне совсем не хотелось, независимо от того, проклят Окатан или нет. Мне здесь везло... По-настоящему. И отрицать это фантастиче-

ское везение, не принимать его во внимание – глупо. Я ведь жива до сих пор, хотя уже несколько раз могла умереть. Спугнуть удачу не в моих интересах. Поэтому я ещё раз посоветовала на вынужденное воровство и, расстелив одеяло на дне лодки, решила немного поспать. И заснула сразу, как только закрыла глаза. А открыла, когда парное светило уже давно перевалило за полдень.

Вот это называется немного вздремнула! Продрыхла почти целый день! Я протёрла глаза, напилась воды из фляги и, зайдя по колено в воду, принялась умываться, чтобы прогнать остатки сонливости. В животе громко заурчало... По-есть было бы очень кстати. Последний раз мой желудок занимался своими прямыми обязанностями больше суток назад и сейчас выражал бурное недовольство таким пренебрежением с моей стороны. Только вот есть-то нечего!

В лодке есть снасти... Может, попробовать кого-нибудь поймать? Только как? Никакой наживки нет. Хоть я и профан в рыбной ловле, но прекрасно понимаю, что на голый крючок никто не клюнет. Я выбралась на берег. Место для отдыха было удачным. Со стороны суши меня окружали заросли высоких колючих кустов, за которыми виднелся лес, а со стороны воды колыхался на ветру частокол гибкого речного тростника. Если бы я утром не подплыла к нему достаточно близко, то и не заметила бы, что за ним скрывается небольшая полоска жёлтого песка, окружённая плотным кольцом зелени. Мою стоянку не было видно ни от реки, ни

от леса.

Стоя на коленях, я вертела в руках странную ловушку, как вдруг где-то сбоку что-то громко плюхнуло. Аккуратненько, чтобы не испугнуть возможную добычу, я достала из мешка кинжал и засунула его за пояс, взяла сеть и медленно, стараясь ступать как можно мягче, пошла в сторону откуда послышался всплеск. Раскинув сеть, я опять забрела на мелководье и сквозь заросли тростника пошла вдоль берега. Впереди что-то зашуршало. Резким движением я раздвинула колючие ветки, расцарапав при этом руки, и уставилась прямо в немигающие изумрудные глаза. Опа! Ангалин! Желудок произвольно сжался, и я икнула... Ангалин тоже... икнул. Я узнала его сразу. Это он! Тот самый бедолага, которого я освободила в Маргосе. Он ещё так чувственно лизнул меня на прощанье. На одной из широких, почти чёрных чешуек на его лбу была приметная серповидная царапина, я её хорошо запомнила.

– Это ты?! – выдала я на выдохе, скалясь во весь рот.

Ящер кивнул. Он меня тоже узнал.

– Вот так встреча! Ты тут тоже спал, как и я?!

Он опять кивнул.

– Я так рада, что с тобой всё в порядке! Жаль, что ты не рыба, а то есть очень хочется! Но всё равно здорово, что мы встретились!

Я ещё немного постояла, болтая в воде сетью и не зная, что говорить. Ящер не отрывал от меня глаз.

– Ну, я это... пойду. Я тебе, наверно, помешала... У меня тут лодка... Вечером дальше поплыву... Мне в Банкор нужно...

Ангалин не двигался. Я развернулась и побрела обратно, переваривая в голове столь неожиданную встречу. И только ступила на песок, как к ногам упала крупная рыба. Я обернулась. Из воды торчала голова ящера.

– Спасибо!!! Вот это подарок! – настроение подскочило ещё выше. – Ты очень меня выручил! С голоду теперь точно не умру.

Рядом шлёпнулась вторая, ещё больше. Я только развела руками... Ну, это вообще!

– Я столько не съем! Может, составишь компанию?

Было видно, что ангалин думает. Ну и пусть думает... Не уплывает и хорошо... Пока ящер сидел в тростнике, я разделала одну рыбу, потом другую, благо опыт уже имелся, да и голод подталкивал. После принялась за костёр, но, как назло, всё вокруг было сырое. Кое-как я нарубила кинжалом колючих веток, сложила их шалашиком, но для растопки не нашла ничего подходящего: «Проблема! Не есть же сырую... Хотя, кажется, придётся... Не позаботилась о необходимом, не продумала действия как положено, теперь сама виновата. Надо было не только тряпки покупать, но и готовиться к самостоятельному путешествию!»

Я продолжала высекать искры камнем для розжига, но огонь не занимался: «Ну, дура! Нет ума – считай калека!

Мозговой тоже хорош... Напомнил бы, посоветовал... И что теперь делать?!» Позади, в зарослях, послышалось шуршание и треск. Я оторвалась от своего занятия: ангалина в тростнике уже не было. Через несколько минут он вылез из кустов, волоча рукастым хвостом здоровенную корягу. Несмотря на то что это бревно снаружи было мокрое, внутри сгнило почти до трухи, которая занялась с первой искры. Большая куча углей нагорела очень быстро и через час я уже уплетала запечённую ихтиофауну. Ангалин наблюдал за моими действиями, лёжа рядом с лодкой.

– Ты прямо спаситель мой. И едой обеспечил, и с костром помог. Спасибо! – я глотала сочные, жирные куски. – Точно не хочешь? – и протянула ему половинку одной тушки.

Ангалин втягивал широкими ноздрями горячий пар и смешно морщил чешуйчатый нос.

– Зря отказываешься. Очень вкусно! Я понимаю, ты, наверно, любишь сырую... Но рыба, запечённая на углях... М-м-м... – и я покачала головой. – Это потрясающе! Попробуй хотя бы...

Ящер подполз ближе и принялся усиленно нюхать. Я подула на горячий кусок:

– Вот съем всё сама и тебе не достанется...

Ещё раз сильно втянув воздух, ангалин медленно взял предложенную долю и проглотил.

– Вот и молодец! А то неудобно как-то есть в одиночестве... Ну как? Вкусно?

Он сначала смотрел на меня зелёными глазищами, потом облизнулся и зашипел.

– А-а-а... Не распробовал?!

Он вздрогнул, сделал несколько шагов назад, не отрывая взгляда от моего лица, и проговорил:

– Понимаеш-ш-шь?!

Теперь я вздрогнула. Я ведь поняла, что он сказал сразу, только не сообразила, что уловила значение его шипения. Первый раз он сказал: «Непонятный вкус-с-с...»

Несколько минут мы пялились друг на друга, а потом только дошло, что языковые настройки в моей голове никуда не исчезли. И на слух я понимаю даже речь ангалинов! «Потрясающе! Спасибо, Дайк! Спасибо! Работает твоя травка, до сих пор работает!»

– Да, вроде понимаю... Скажи ещё что-нибудь...

Ангалин беспокойно забегал, сверкая глазищами:

– Этого не мож-ж-жет быть!

Я улыбнулась:

– Поверь, может быть всё, что угодно! Уж я-то это точно знаю!

– Но как?!

– Меня просто одной травкой поили... Некоторое время назад... Теперь я любой язык понимаю... Главное – правильно сосредоточиться.

– Ч-ч-что?!! – Ангалин подпрыгнул, красиво выгнув гибкую спину. – Травой раз-з-зума?!!

– Точно! Она так называлась! Как ты догадался?!

– Это великая тайна! Эта трава наш-ш-ша! Свящ-щ-щен-ная трава ангалинов! Где ты её вз-з-зяла?!!

– Во-первых, не надо так нервничать, а во-вторых... я её нигде не брала, меня поил отваром один человек. Кстати, та ещё гадость! А вот где он её взял, понятия не имею! Не представлялось возможности выяснить, да мне это и не нужно было...

Ящер бегал по песку туда-сюда и его длиннющий хвост извивался как змея, а пальцы на конце сжимались и разжимались, как кулак у человека.

– Ага-а-а! – причина его беспокойства стала понятна. – Вы сами эту травку употребляете! Чтобы людей понимать!

Он забегал ещё быстрее. Я угадала! Он остановился, и зелёные глаза начали покрываться сетью красных прожилок. Ящер молниеносно подскочил. Я даже не успела никак среагировать, как пальцы на хвосте сжали горло. Лёжа на песке, под тяжёлой нависшей тушей, я судорожно пыталась разжать железную хватку и хрипела. В глазах помутилось, но больно почему-то не было. Я чувствовала только, как холодный обруч сжимается всё сильнее...

– Ты знаеш-ш-шь наш-ш-у тайну... – шипел ангалин прямо в лицо. – Я долж-ж-ен убить тебя-я-я...

– Сделай... м-м-милость... Эта планета мне... до чёртиков... надоела... – всё, что я смогла выдавить.

Пальцы неожиданно разжались. Пока я кашляла и дыха-

ла спасительный кислород, ящер сидел рядом и сверлил меня красными глазами.

– Спасибо, что хоть накормил... перед тем как убивать, Змей... Горыныч... Что ж ты дело не закончил? – Кашель ещё душил, и я тёрла онемевшую шею.

– Из-з-здеваеш-ш-шьс-с-я-я?

– Ну что ты... и в мыслях не было...

Придя немного в себя, я поднялась, залила костёр водой и отбросила ногой остатки трапезы:

– «Приятно» было познакомиться... Раз ты, вроде как, передумал, то изволю откланяться. Мне дальше двигать надо. Видно, правду про вас говорят... А я, дура такая, пожалела... Даже восхищалась... тому, какой ты красивый... – продолжала я хрипло приговаривать, стаскивая лодку в воду. – Точно, дура!

Ангалин изображал из себя каменную статую. Пройдя тростниковые заросли, я залезла в пирогу, пытаюсь удержать равновесие, и взялась за вёсла:

– Ну, будь здоров. Не кашляй...

Ящер остался на песке, провожая меня взглядом. Его глаза уже были просто зелёные, без красного оттенка.

«Да... А как хорошо всё начиналось... Опасная зверюга... А умный какой... Если бы не внешний вид, то по разговору человек, один в один. Жаль, что не додушил... Избавил бы одним махом от всего...» – я ожесточённо гребла, как будто лодка и вёсла были в чём-то виноваты.

Глава 3

На реку опускались сумерки. Далеко впереди виднелось парусное судно и несколько лодок причаливали к дальнему берегу. «Наверно, там посёлок... – подумала я. – Но туда не поплыву, буду грести всю ночь. Чем быстрее окажусь в Банкоре, тем лучше». Где-то на середине я опять поймала поток мощного течения и, убрав вёсла, подвинулась на корму к небольшому рулю. Ладони покрылись волдырями мозолей ещё с прошлой ночи, но было не больно, а просто неприятно: «Бедные мои ручки! Сколько вы уже перенесли: и шрамы, и мозоли... Эх... А когда-то без маникюра из дому не выходила... А теперь всё равно... Мозг? Мозг, ты куда пропал опять? Слышишь меня?» Но никто не откликнулся на мысленный призыв: «Странно... Где его носит? Никак в дебрях моего разума шляется... А потом будет причитать, что я с ним мало общаюсь. Мозговой, ты где?! Алё! Приём! – Никакого ответа. – Ну вот так всегда! Как он нужен, так нет его... Ну и чёрт с тобой! Захочешь, сам объявишься», – и в сердцах стукнула кулаком по борту.

Повеяло холодным ветерком. Я зябко поёжилась и, отпустив руль, подтянула мешок с одеждой. От неловкого движения лодка сильно качнулась. «Только перевернуться не хватало!» – Я замерла и вцепилась в борта, восстанавливая равновесие. В темноте берегов уже не было видно, но в небе нео-

новыми лампочками зажигались звёзды. «Ночь опять будет ясной, это хорошо... Только сегодня заметно холоднее... – подумала я, натягивая свитер и обувая новые утги, которые купила на ярмарке. – Лучше всё-таки грести, а не рулить, так теплее».

Эта ночь была такой же сказочно-космической, как и предыдущая, если не считать того, что через несколько часов я чуть не врезалась в остров. Поначалу я не поняла, что за темнота растёт впереди. Она была далеко, а потом всё ближе и ближе, больше и больше. И только услышав шум ветра в тростнике, я догадалась, что это. Остров... Просто остров, но было, конечно, жутковато. Я налегла на вёсла, обогнула препятствие, и река опять понесла меня в мерцающую даль.

К рассвету я продрогла и жутко проголодалась. И несколько раз пожалела, что не взяла остальные куски рыбы с собой. И плевать, что этот гад чешуйчатый её поймал для меня и помог огонь развести. Нечего так едой разбрасываться в моей-то ситуации. Как бы эта рыбка сейчас пригодилась! От воспоминаний о горячей еде потекли слюни. То, что ящер чуть не задушил меня, почему-то особо не беспокоило. Я даже жалела немного, что он передумал. Возможно, это был бы лучший выход... Хотя о чём я думаю... Жива – и слава богу. А ангалин, конечно, тварь неблагодарная, хоть и красивый, зараза...

Над рекой стелился утренний туман, и первые птицы звонко верещали в прибрежных зарослях. Рыба плескалась

прямо возле лодки. Я опустила ловушку, так, на всякий случай, и раскинула сеть недалеко от очередного островка. А вдруг поймаю завтрак! Но рыба тоже не дура, ловиться не хотела. Я догребла до ближайшего острова, осмотрелась и на дневной привал решила остановиться здесь. Посёлков по берегам видно не было, как и лодок рыбаков. «Ладно, будь что будет... Сутки без еды продержаться смогу, а потом придётся искать деревню...» Меня лихорадило, то ли от холода, то ли от усталости. Не хотелось ничего, просто лечь и лежать, а ещё лучше проспать до вечера. Когда спишь, голода не чувствуешь.

Протащив свой транспорт подальше в глубину островка, на небольшую полянку, я натянула на себя почти всю одежду, которая имелась, завернулась в одеяло и улеглась на дно. В голове шумели волны, и меня качало из стороны в сторону. Это, наверно, от долгого пребывания на воде такая внутренняя качка. Я закрыла глаза. Шум прибоя в ушах усилился, но не раздражал, а, наоборот, успокаивал. Я представила, что я на берегу моря, иду по тёплому, почти горячему песку. Босые ноги слегка проваливаются и стопы чувствуют каждую песчинку. Кругом летают чайки, но почему-то не кричат, а шепчут: «Кари... Кари... Всё хорошо... Впереди вся жизнь... Нужно думать о будущем... Всё хорошо... Всё хорошо...». Я смотрю в небо на больших белых птиц, кружащих над головой. Вдруг одна из них вспыхивает ярким пламенем прямо на лету и падает камнем. Я подбегаю и вижу: на

песке лежит курица, курица-гриль, с золотистой корочкой и большими пучками зелени вокруг. От потрясающего аромата начинает кружиться голова, и я протягиваю руки к заветной мечте, но не тут-то было. Копчёная тушка вскакивает на костяные ножки и удирает прочь.

– Стой! Ты куда?! Ты моя, курица! Ты жареная! Как смеешь убежать?! – и несусь следом за драпающим ужином. – Стоять, я сказала! Куры-гриль не могут бегать! – я орала что есть мочи, только голоса своего почти не слышала. Из горла вырывалось лишь какое-то карканье. Жареная птичка резко сменила направление и запрыгала прямо к морю – я за ней. Расправив куцые крылышки, она подскочила и бухнулась в воду. Холодные капли брызнули на лицо, и я проснулась.

На меня смотрела тёмно-серая зеленоглазая морда.

– И снова здравствуйте, – мой голос, действительно, был хриплым, и слова застревали на полпути. – Что? Соскучился?

Я привстала. Пахло жареным мясом.

– Есть будеш-ш-шь? – прошипел ангалин.

Второй раз повторять ему не пришлось. Я мешком вывалилась из лодки и на четвереньках быстренько поползла к небольшому костерку. На угольях запекалась рыба, а рядом на округлых листьях дымился нанизанный на палочки шашлык! И хотя глотать было трудно, горло словно перетянули ремнями, с двумя порциями я разделалась за несколько минут. По вкусу это была какая-то птица, но точно не берусь

утверждать. Горячее мясо! Вот что главное! И вкусное-е-е...

Ангалин пристроился рядом и, держа в хвосторучке мой кинжал, выковыривал что-то из угольков. Я оглядела полянку. Мои мешки валялись на земле, полностью распотрошённые. «Вот наглец! Даже в моих пожитках успел покопаться. Как бы золотишко не спёр...» Про падкость ангалинов до золота я была уже наслышана. К ноге подкатилось несколько крупных обугленных шариков. Я оторвалась от трапезы. Это были местные корнеплоды, по вкусу очень похожие на картошку, только цвет у них внутри был ярко-оранжевый, как у тыквы. Местные называли их «ваттах», что значило питательный корень. Но про себя я именовала этот овощ «тыквокартошкой». Я глянула на ящера, он продолжал ковыряться в углях и на меня не смотрел.

Вскоре сытым хомяком я привалилась к ближайшему стволу, подставила лицо дневному свету и прикрыла глаза. В желудке было тепло и уютно. Тело согрелось и блаженно расслабилось. Послышался шорох, и я приоткрыла один глаз. Ангалин сидел рядом.

– Спасибо... Было очень вкусно. Не думала, что ангалины умеют разводить огонь и готовить человеческую еду.

Он наклонил голову так, как это иногда делают собаки, слушая хозяина, и произнёс:

– Мы многое умеем... Только люди об этом не з-з-знают... Нам нуж-ж-жно поговорить... – мне показалось, что в его шипении промелькнули извиняющиеся нотки.

– Говори, я слушаю... – и судорожно сглотнула. В горле будто застряла куча камней. – А то мне пока трудно...

Он глубоко вздохнул, светлая широкая грудь значительно расширилась, развернулся и пошёл к воде. Вскоре пришлёпал, держа в пасти яркие, красно-зелёные листья, которые принялся усиленно жевать. Потом залез в мешок, достал старую потрёпанную рубашу, одну из тех, в которой я убежала из леса, и оторвал от неё длинный кусок. «Распоряжается, как будто это его... Хоть бы разрешения спросил, что ли?» Передними лапами и хвостом он расправил кусок ткани, выплюнул на неё пережёванную массу и сложил в две половинки, а потом протянул мне:

– Обмотай ш-ш-шею, это помож-ж-жет... С-с-синяки быстрее с-с-сойдут и говорить будет легч-ч-че...

Не говоря ни слова, я сделала так, как он сказал. Сначала было неприятно, когда пропитанная слизью тряпка коснулась кожи, но вскоре я почувствовала прохладу, как от мази с ментолом. И правда, полегчало... Ящер подобрался поближе и сказал:

– Я хотел с-с-сказать с-с-спасибо за то, что ты с-с-сделала для меня... там, в Маргос-с-се... Никто бы так не поступил. Тем более женщ-щ-щина. Ты из-з-збавила меня не просто от с-с-смерти, а от величайш-ш-шего поз-з-зора, от каз-з-зни... Для ангалина нет хуже учас-с-сти, чем умереть от руки палача... – и опустил голову в низком поклоне. Я ничего не успела сказать в ответ, как он продолжил:

– Когда ты с-с-сказала, что тебе надоела эта планета, то ч-ч-что имела в виду?

Его крупная продолговатая голова находилась напротив моего лица, изумительные зелёные глаза смотрели с любопытством и, как мне показалось, вся его поза выражала сильную заинтересованность.

– А то и имела... Я на Окатане уже больше шести месяцев... Хожу, брожу туда-сюда... Очень хочу вернуться домой, но не знаю, как это сделать и возможно ли вообще...

Какой резон скрывать от ангалина правду? Он не человек и вряд ли кому-то из людей про меня расскажет. А поделиться с кем-то давно хотелось. Я всё надеялась, что расскажу всю правду о себе Дайку, но, похоже, мы ещё нескоро свидимся, так почему бы не поговорить с ангалином... Может, станет легче?

– А где твой дом? – последовал вопрос.

– Там где-то... – я показала пальцем в небо.

Ангалин задрал голову:

– Там небо.

– Ну да, небо. Только далеко-далеко, настолько, что и представить нельзя, есть звезда, которая называется Солнце, и вокруг неё вращается планета под названием Земля. Там и есть мой дом...

Ящер посмотрел на меня, потом вверх, потом опять на меня:

– Значит, ты с неба с-с-свалилас-с-сь?

– Ну... Можно, наверно, и так сказать.

Он хмыкнул, ну совсем как человек, и улыбнулся одной половиной клыкастой пасти:

– Врёш-ш-шь...

– Твоё дело – верить или нет... Но ты первый, кому я говорю чистую правду. Понимаю, что поверить очень сложно, почти невозможно, но это так.

– А разве мир может вращ-щ-щаться вокруг звез-з-зды? Это звёз-з-зды бегают по небу...

Теперь пришла моя очередь хмыкать:

– У тебя древнее и ненаучное представление об окружающем мире. Планеты вращаются вокруг звёзд, а не наоборот.

Он задумался:

– Ты говориш-ш-шь почти как мой прадед.

– Вот как?!

– Когда я был совс-с-сем маленьким, он много расс-с-ска-зывал мне про з-з-звёзды. Я мало что помню, но что-то похожее точно было.

– Ну вот... Я не вру.

– А как именно ты с-с-сюда попала?

– Вот это и есть главная загадка. Я и сама толком не понимаю...

И как могла я рассказала про аварию, яму и про жизнь в лесу. Показала свои шрамы, которые ящер очень внимательно рассмотрел, качая чешуйчатой головой. Рассказала, что у меня нет родовой метки, в отличие от местного населения,

и показала лохмотья своей земной одежды. Также поведала о Дайке и про золотую банду, оказалось, что ангалин тоже о них слышал. Когда же, хрипя от напряжения, дошла до побега по чёрному туннелю, ящер взвился в прыжке:

– Это же проходы наш-ш-ших предков, великих ангов! Они строили Храмы и такие туннели!

– Ну, наверно... Тебе лучше знать... – говорить я уже не могла, только хрипеть, и закашлялась.

Ящер подобрался совсем близко. Длинными гибкими хвостовыми пальцами он приподнял мой подбородок:

– Прос-с-сти меня... за вчераш-ш-шнее... Я очень сожалею, что не сдержалс-с-ся.

Глянув в изумрудную зелень его глаз, я прошептала:

– Будем считать, что этот шикарный обед или ужин испил твою вино.

– Хорош-ш-шо. Будем с-с-считать. Больше не говори ничего, ещё будет время... Но... – и он хитро улыбнулся, показав клыки, – я хочу уз-з-знать твою ис-с-торию до конца. Я ведь тож-ж-же плыву в Банкор и могу сос-с-ставить тебе компанию.

Я утвердительно кивнула. Мы ещё немного посидели у костра, а так как дело уже близилось к вечеру, то я начала собираться. Ангалин достал верёвку, которая валялась в мешке, и принялся что-то из неё плести. Когда он закончил, стало понятно, что он задумал. Ящер собрался быть моей водяной лошадей. Что ж, прекрасно! Грести больше не придётся.

Я сложила свои пожитки и побросала в лодку. Оранжевый закат полыхал над рекой. Ночь обещала быть тёплой...

Следующие слова ангалина застали врасплох.

– Я знаю, что у тебя ес-с-сть 3-3-золото...

– Допустим... – я вздрогнула и вперилась в него подозрительным взглядом. – Осталось несколько монет.

– Мне нужна одна... в долг.

– В долг?!

– Я верну...

– А зачем? Ты собрался что-то купить?

Он опустил голову и принялся ковырять когтем землю:

– Недалеко от Банкора у меня есть тайник. Там оруж-ж-жие и 3-3-золото. Когда мы доберёмс-с-ся туда, я тебе отдам.

– Точно отдашь? Обещаешь?

– Обещ-щ-щаю...

– Так и быть, я дам монету. Только прежде чем одалживать кому-то деньги, хотелось бы узнать имя своего должника.

Ангалин широко заулыбался:

– Я 3-3-знал, что ты спросиш-ш-шь...

– А почему сразу не сказал, как тебя зовут?

– Ты не спраш-ш-шивала...

– Ну, теперь спрашиваю...

Ящер принял важную позу, вытянул хвост и опёрся на него, потом изящно выгнул шею и произнёс:

– Максашарай эн Шеар, один из восемнадцати сыновей

Великого Ангалина Рекса.

– О как! Приятно познакомиться...

– А как з-з-звать столь прекрас-с-с-сную эрдану?

Я обалдела: «Сначала придушил, а теперь прекрасная эрдана...».

– Меня зовут Карина, можно просто Кари. Тут все почему-то меня так называют.

Ящер кивнул:

– Карри-и... Мне нравитс-с-ся...

– А можно я твоё имя тоже как-то сокращу, а то Макс... са...ша...рай... язык сломаешь.

– Мож-ж-жно... А как?

– Макс... Прекрасно подходит.

Он несколько раз произнёс новое для себя слово, как бы привыкая и смакуя его произношение, а потом сказал:

– Годитс-с-ся.

Вот таким образом и состоялось наше окончательное знакомство. Я достала монетку:

– Лови!

То, что он сделал дальше, объяснить и понять я не смогла. Вытянув шею и открыв клыкастую пасть, ящер поймал её и тут же проглотил.

– Зачем ты её съел?! Это же деньги, а не еда! – возмущению не было предела, и я ошарашенно хлопала глазами.

– Придёт время, узнаеш-ш-шь... – и пошлёпал к воде.

«Будто таблетку пошёл запивать...» – посетила мысль.

И точно! Он напился воды и оглянулся:

– Ну что? Будем отчаливать?

– Будем.

Я затушила костёр, сняла обувь, закатала штаны, и мы стащили лодку в воду.

Глава 4

Да... Ангалин в виде транспортного средства – это что-то! Я мчалась по воде, словно на моторке, только ветер в ушах свистел. Вот это скорость! Такими темпами в Банкор мы прибудем очень быстро. Несколько раз за ночь Макс подплывал ко мне и спрашивал, как я себя чувствую. Самочувствие было прекрасным, только горло ещё немного саднило, но говорить было уже легче. Я же в ответ интересовалась, а не устал ли он, но Макс отвечал, что нет, течение очень помогает и плыть легко.

Использовать разумное существо как ездовую собаку было не очень удобно, но... Я же его не просила, да мне и в голову бы такое не пришло. Это была всецело его идея, но она мне очень понравилась. В общем, мы не плыли, мы мчались. Я лежала на дне и смотрела на несущееся небо. Как же красиво! Сегодня Октаэн был настолько прекрасен, что глаз не оторвать. Красные, бордовые, синие, фиолетовые и сиреневые оттенки туманности создавали такую прекрасную картину, что хотелось плакать.

«Наверно, у меня появился новый друг... И хоть начало не очень задалось, – я поправила повязку на шее, – кажется, что я ему так же интересна, как и он мне. Знали бы Скай с Айрой, кто помогает мне добраться до Банкора... Как бы, интересно, отреагировали? – Вспомнился Маргос и ярмарка, мои дорогие караванщики, голос Гая и солнечная улыбка Натри. – Как они там? Как восприняли моё бегство? Обиделись, наверно... Успел ли Гай предупредить Арвида, что за северянами возможна слежка? И что произошло, когда обнаружили пропажу ангалина? Ярмарка уже два дня как закончилась, караван должен быть в пути. Я намного их опережаю... И куда всё-таки подевался Мозговой?»

– Я здесь... – донёсся голос, как слабое эхо.

– Ну наконец-то!

Я закрыла глаза и очутилась у двери в библиотеку. Сильно толкнув плечом, я влетела в комнату. Мой профессор лежал на кушетке в привычном образе, только без монокля.

– Мозг, что случилось?! – я схватила его за руки. – Что с тобой?!

Профессор был странно бледен, но глаза были ясные и весёлые.

– Я так рад тебя видеть!

– Да что тут происходит?! Почему ты не отвечал так долго?! Где ты был?! – я порывисто обняла его и прижалась к бархатному халату.

– Я немного приболел... И не дави так, задушишь...

– Приболел?! Ты?!

– А что? Я заболеть, что ли, не могу?

– А ты можешь?!

– Как оказалось, могу. Вот и не отвечал, потому что не получалось настроиться на тебя.

– И никак не мог дать знать, что тебе плохо?!

– Нет...

– Я могу что-нибудь сделать для тебя?

– Ты уже сделала... – он тоже обнял меня и поцеловал в щёку.

– И что же я сделала?

– Ты опять выжила, хорошо поела, отдохнула и теперь двигаешься вперёд с очень приличной скоростью.

– Тебе бы всё шутки шутить... Объясни толком, что с тобой случилось?

– Попробую...

Он привстал, и я подсунула под него подушку:

– Начну с главного... Когда ящер начал душить тебя, то твой мозг, настоящий, осязаемый, который находится вот здесь... – и он постучал пальцем мне по лбу, – лишился необходимой ему доли кислорода и начал умирать... На самом деле, ангалин задушил тебя...

– В каком смысле?

– В прямом.

Я непонимающе смотрела на своего профессора.

– Как задушил? Он не закончил... Я даже не теряла со-

знание...

– Теряла, просто не помнишь. Ты была мертва около двух минут...

– Этого не может быть... Но я всё прекрасно помню... Он разжал пальцы, после того как я прохрипела, что мне надоела эта планета.

– Верно. Только между твоим последним хрипом и тем моментом, когда он отпустил твоё горло, прошло две минуты. Две минуты смерти... Он выпустил тебя не потому, что услышал эту фразу, а потому, что ты уже не дышала, пульс не бился и он это почувствовал. Но... – и Мозговой поднял палец, – как только он убрал хвост, твоё сердце забилося и ты включилась, ну как... – он пощёлкивал пальцами, подбирая сравнение, – как любой электроприбор! Вот! Нажмёшь кнопку – выключишь, нажмёшь ещё раз – заработает, вот как-то так...

– Ну... допустим, – я тёрла виски. – Как же тогда это отразилось на тебе?

– Та часть твоего мозга, в которой существую я, пострадала в последнюю очередь, поэтому я и жив, хотя пока ещё слаб. Если бы я поселился где-нибудь в другом месте, то просто сгорел в смертельной агонии твоего разума, растворился в мощном выбросе твоей энергии, и одной минуты было бы достаточно.

Я сидела на кушетке, переваривая всё услышанное и машинально глядя Мозгового по плечу.

– Кари... Хватит тереть, дыру протрёшь в любимом халате.

– Значит... Макс убил меня...

– О-го-го! Уже Макс?! Ох, чувствую, что пропустил много интересного, пока валялся в отключке, а потом восстанавливал наши настройки!

– А я ему ещё и монету одолжила...

– Что?! Ангалину?! Золото?! – и профессор громко расхохотался.

– Но он пообещал, что вернёт...

– Будем надеяться... – Мозговой продолжал смеяться.

Вскоре профессор немного успокоился и поднялся с кушетки.

– Девочка моя! Ты самое лучшее лекарство! Вот насмеялся от души и сразу легче стало!

– Всегда к вашим услугам, профессор!

Мозговой разразился новым приступом хохота. Утерев слёзы, он подошёл к резному шкафчику:

– У меня тут есть кое-что... Надо отметить наше воскрешение, – и достал бутылку шампанского и два бокала.

Пробка выстрелила, и пузырящийся напиток заиграл в свете настольной лампы. Немного полегчало мне лишь после третьего.

– В нашем с тобой состоянии определённое количество некрепкого алкоголя только на пользу, – произнёс Мозговой, и мы чокнулись.

– А, кстати... – я крутила в руке хрустальный бокальчик. – Почему я очнулась после двух минут смерти?

– Спросила, наконец-то...

– Так почему?

– Очень правильный вопрос... Но прежде чем ответить, я задам свой... За последнее время ты заметила что-нибудь необычное в себе? Такое, чего раньше не замечала?

– Ты о чём?

– Помнишь, мы с тобой беседовали про яд райской травы. Я сказал тогда, что действие его в твоём организме ещё продолжается...

– Помню...

– Ну, так что ты заметила?

– Я почти не чувствую боли, лишь некий дискомфорт.

– В яблочко! В данный момент, и я с уверенностью могу это заявить, что... – и он поднял руку с бокалом, – наряду с изменением цвета волос и глаз, яд этой травки оказал на тебя ещё одно действие. Ты не просто не чувствуешь сильную боль. Твой организм, весь в целом, не почувствовал смерть! Вот почему ты очнулась и включилась мгновенно, как лампочка!

– Как это?

– Очень просто. Твоё тело, в отличие от мозга, не поняло, вернее, не почувствовало, что умерло. Мозг понял, что умирает и выключил сознание, а тело – нет...

– Разве так возможно? Ведь тело управляется мозгом,

притом полностью...

– Я бы так не сказал... Когда-нибудь я расскажу об этом явлении более подробно, а пока продолжу. Несмотря на то что твоё сердце перестало биться, а кровь почти прекратила бежать по сосудам, тело, на своём уровне, смерти не заметило и восприняло остановку сердца не как смерть, а как сбой ритма и запустило его заново.

– Только не говори, что я теперь бессмертна...

– Нет, не скажу. Всё умирает: звёзды, галактики, даже Вселенная... когда-то умрёт, наверное. Просто ты стала намного живучей, вот и всё. Я думаю, что если бы твой ящер продержал тебя своей железной хваткой подольше, то мы бы сейчас здесь не сидели.

Я откинулась на подушку рядом с Мозговым:

– Это все новости на сегодня?

– Все! – он явно был собой доволен.

– И что мне теперь делать?

– В смысле?

– Как вести себя с этим убийцей?

– Не знаю... Но второй раз убивать тебя он не будет. Ты загадка для него... А ангалины очень любопытны по своей натуре. Вот поэтому он и нашёл тебя, и остался рядом, чтобы узнать о тебе побольше. Я думаю, он не понимает, почему ты очнулась. Он же чувствовал, что ты уже не дышишь. Будь умнее, он изучает тебя, а ты изучай его. Я бы пока ему не доверял, а дальше видно будет. Тем более, что я вижу как он

тебе нравится... Даже больше скажу, по-моему... ты влюбилась.

– Я?! Влюбилась?! В кого?! В эту ящерицу?! В убийцу самой себя?!

– Похоже на то...

– Ты с ума сошёл!!!

– Ну, признайся, Кари... Ты как его увидела в Маргосе, так только потом о нём и думала. Чего жмёшься? Скажи, а? Влюбилась... В этом нет ничего плохого...

– Ты сам понимаешь, что говоришь?! Я – человек... женщина... Он – ящер, пусть и разумный. Какая любовь?!

– Самая обычная...

– Ну, ты точно умом тронулся после моей смерти!

– Послушай меня, просто послушай и не спорь пока... – он крепко обнял меня и прижал к себе.

Мы лежали на уютной кушетке. Я с наслаждением вдыхала такой странный и в то же время такой родной запах, исходящий от моего внутреннего друга. И наверно, уже давно не только друга. Я вспомнила своё детство, как точно так же лежала рядом с папой. Он читал мне сказки, а я не столько слушала, сколько радовалась тому, что папа дома. В детстве я его мало видела, он очень много ездил по работе.

Теперь, лёжа рядом с моим дорогим профессором, я ощущала почти то же самое. Просто радость оттого, что он есть. Меж тем он всё говорил, говорил...

– Любить можно всё и всех. Вместе и каждого в отдельно-

сти. Можно любить осязаемые материальные вещи и живые существа, а можно любить то, что нельзя потрогать, увидеть или как-то иначе ощутить. Любовь огромна, непостижима, загадочна и бесконечна, как Вселенная... Любовь рождается и растёт, взрослеет и мудреет с годами, живёт и умирает... Это не только влечение на физическом уровне, хотя в отношении полов это немаловажно. Сейчас я говорю о той любви, когда неважно, какого пола или возраста объект этого чувства. Родители любят своих детей, а дети – родителей, супруги любят друг друга, а добрые друзья становятся иногда настолько близкими, что родственные чувства и рядом не стояли... Со временем любовь меняется и принимает иные формы, развивается, а иногда и угасает. Но никогда, никогда истинная, настоящая любовь не проходит бесследно! Она всегда оставляет неизгладимый отпечаток внутри, в сердце, в душе, в памяти... Можно случайно зайти на птичий рынок или просто выйти на улицу и увидеть там бездомного котёнка или щенка и влюбиться в это пушистое маленькое чудо за доли секунды. И не понимать потом, как другие могли пройти мимо! Вот ты увидела этого ангалина, привязанного, как ты когда-то, униженного, ждущего смерти, но при этом такого прекрасного и... Щёлк! Сработал механизм... Ты уже думала только о том, как его спасти... и как он прекрасен.

– Но, Мозг... Он не котёнок и не щенок. Он другой, совсем другой! Он другой расы! Он не человек, а рептилоид...

– Ну и что...

– Как что?! Мы абсолютно разные... Обитатели разных планет и разных цивилизаций!

– Но сейчас-то вы живёте на одной планете. И прости меня за прямоту... Сколько тебе придётся ещё жить здесь, Кари, никто не знает... А то, что он ящер, а ты девушка... Любовь и секс – разные вещи.

– Допустим, ты прав... – я в задумчивости тёрла виски, – но он же убил меня...

– Но ведь он это сделал не потому, что так жаждал твоей крови... Разве ты станешь осуждать тигра или льва, если он убьёт человека, который залезет к хищнику в клетку в зоопарке, чтобы с ним сфотографироваться?

– В такой ситуации я на стороне хищника, а человек сам дурак. Думать надо...

– В-о-от... Ангалин не человек, хоть и разумен. Ты же так мало о них знаешь... Получается, что ты сама виновата. Надо было думать, что говоришь и кому говоришь. А ты без всяких задних мыслей: «Вы сами эту травку употребляете!» Вот он и среагировал, это же их тайна, которую они скрывают от людей!

Я стыдливо запрятала лицо в складки халата:

– Я непроходимая тупица, да? Не просто дура, а дура в квадрате...

Мозговой засмеялся:

– Ну что ты... Не надо так уж преувеличивать...

– Мы оба могли погибнуть из-за моей глупости...

– Всё хорошо, дорогая, всё хорошо... Мы в порядке и нечего так сокрушаться.

– Мозг... А ты меня хоть немного любишь? Ну так, как рассказывал...

Он наклонился к самому моему уху и прошептал:

– Бесконечно...

Глава 5

Ледяной душ вернул с небес на землю. Первой мыслью было то, что лодка перевернулась и я свалилась в реку, но... Фыркая, как тюлень, и махая руками, я вскочила и поняла, что я не в реке, а на берегу. Кругом белый день и зелёные глазищи таращатся рядом.

– Ты что?! Совсем обалдел?!

– С-с-с тобой что-то с-с-случилось... Я не знал, как при-вес-с-сти тебя в ч-чувства...

Смахнув стекающие капли, я огляделась по сторонам. Моя пирога лежит на берегу, вокруг густой лес, пахнет прелыми листьями и почему-то грибами.

– И давно мы тут... отдыхаем?

– С рас-с-света. Я сначала подумал, что ты с-с-спиш-шь и не стал будить. Оставил тебя в лодке, немного перекусил, потом ждал пока ты проснёш-ш-шься, потом рыбы наловил. Но ты не просыпалас-с-сь и лицо было такое с-с-странное... Я ис-с-спугался...

– Что ж ты раньше не пугался, когда душил меня?

Ангалин опустил голову:

– Я ж-ж-е из-з-звинился у-ж-же...

– А вот если бы я не очнулась, что тогда?

Ящер молчал, ковыряя когтем землю: «Ну, прямо нашководивший ребёнок!»

– Я не хотел убивать... Ес-с-сли бы хотел, то просто сломал бы тебе ш-ш-ею. Не рас-с-считал, прости... Человеческих женщ-щ-щин мне убивать не приходилос-с-сь...

Мокрая до пояса, я стояла и смотрела на ангалина. Ни обвинять его, ни обижаться, ни устраивать какие-либо разборки не хотелось. Я жива, он раскаивается и только моё дело, какой в душе вынести приговор и как воспринять факт убийства, непреднамеренного, как и сказал Мозговой, а после подтвердил сам Макс.

Только мне решать, как к этому относиться. Если внять логике, разуму и обычному прагматизму, то сей факт нужно просто опустить, запрятать подальше и не возвращаться больше к этой теме. Макс нужен мне, во всяком случае пока, да и в будущем тоже может пригодиться. Столь близкое знакомство с сыном Ангалина Рекса может оказаться очень полезным, неизвестно, насколько я тут застряну, да и выберусь ли вообще...

А можно, конечно, поступить иначе: впасть в истерику, взывая к человеческой морали, взлелеять внутри себя обиду и ненависть к своему убийце, призвать на его чешуйчатую

голову все возможные проклятья и разойтись в разные стороны, вспыхнув праведным гневом на всех ему подобных. Я выбираю первое!

– Мы есть сегодня будем?

Ящер поднял голову и чуточку улыбнулся:

– Рыба... осталос-с-сь только приготовить. Ты же с-с-сырью есть не хочешь?

Когда толстенькие тушки уже запекались, я, в ожидании трапезы, наводила порядок в своих пожитках и сушила мокрую одежду. Ящер свернулся в шар и заснул, попросив разбудить на закате. После плотного обеда делать было нечего, а спать не хотелось. Так как мы сидели в лесу, чем-то напоминающем тропические джунгли, и с берега реку было плохо видно, я решила поискать точку обзора повыше. Неподалёку росло высокое разлапистое дерево, обвитое лианоподобными растениями. На первый взгляд, ветки были крепкими, даже те, что повыше, так что забраться на него не составило труда. По пути вверх я спугнула несколько хвостатых птиц и какого-то зверька с пушистой полосатой мордочкой.

Я уселась на ветку, свесив ноги. Видно было далеко. Несколько раз проплывали большие шхуны, я бы назвала их галерами, уж очень напоминали они внешним видом корабли древних греков. По палубе ходили люди, что-то делали... Несмотря на паруса, плавучий транспорт двигался на вёслах, ветер был слабенький. «В Банкор, наверно, путь держат...» – подумала я.

Вскоре на воде показались какие-то брёвна, медленно плывущие по течению: «Интересно, это лес, что ли, по реке сплавляют?» Но вдруг несколько «брёвен» открыли огромные зубастые пасти и накинулись друг на друга. «Крокодилы! А здоровенные какие!» – и я с удвоенным интересом продолжила наблюдение. Рептилии с громкими всплесками что-то делили в толще воды, что именно – не понятно. Остальные никак не прореагировали и уплыли далеко вперёд. Потасовка закончилась так же быстро, как и началась. Два страшилища вынырнули, один поплыл за остальными, а другой подался к противоположному берегу. Из того что удалось разглядеть, я сделала вывод, что местные крокодилы очень похожи на земных. Может, когда-нибудь получится рассмотреть их поближе.

Макс проснулся сам. Я только-только собралась начать спуск, но остановилась: «Что же он будет делать, когда не обнаружит меня поблизости?» Ангалин вычислил местонахождение пропажи очень быстро. Сначала он покрутился возле лодки, втягивая подвижными ноздрями воздух, а потом уверенно направился к дереву: «Та-а-ак... Обоняние у него отличное, может брать след, как собака». Ящер опёрся передними лапами о ствол, потом резко оттолкнулся и за пару секунд вскарабкался на несколько метров.

Я обалдела: «Он ещё и по деревьям прекрасно лазает!» Вскоре ехидно ухмыляющаяся морда выглянула из-за листвы прямо перед моим носом:

– С-с-спрятаться реш-ш-шила?

– Я не пряталась, а от нечего делать за рекой наблюдала.

Его рот растянулся ещё шире, выставляя напоказ бело-снежные зубы со слегка загнутыми клыками:

– Теперь тебе от меня с-с-спрятаться будет с-слож-жно...

Я с-слиш-шком хорошо тебя запомнил, особенно этот запах.

«И этот туда же. Нечто подобное я уже слышала. Опять этот запах...» – я решила включить любимую дурочку.

– Какой запах?

– Твой...

– Сильно противный?

– Почему противный? Наоборот... Оч-ч-чень приятный, хоть и с-с-странный.

– Чем странный?

Ящер пожал плечами, ну совсем как человек:

– Не з-з-знаю...

– А ты в воде тоже запахи чувствуешь?

– Ещё как... Мож-жет, продолжим бес-с-седу внизу?

Спустился он так же быстро, как и залез. А вот у меня так ловко и грациозно не получилось. Кончилось тем, что с нижней ветки Максу пришлось меня снимать. Эта ситуация очень его позабавила, а я первый раз дотронулась до него. На ощупь ангалин оказался вовсе не таким, как мне представлялось. Во-первых, он был очень тёплым, во-вторых – чешуя была не такой гладкой, как у змей или ящериц, мне доводилось трогать и тех, и других. Она была как бы бархат-

ной, напоминая силиконовый материал, и очень-очень приятной. На вид гладкая, твёрдая и блестящая, а под пальцами ощущение нежной кожи. Удивительно! А брюхо, так вообще, покрыто очень плотной коротенькой шерстью с чешуйчатым рисунком, и зрительно не отличить где кончается чешуя и начинается шерсть. Потрясающая зверюга! Хотя зверюга ли? Разве можно разумное существо, пусть и выглядящее как животное, называть зверем? Сомневаюсь...

Я на несколько секунд зависла на ангалине, обнимая его за гибкую шею и погрузившись в тактильные ощущения и впечатления.

– Мож-ж-жет, наконец, отпустиш-ш-шь? – сказал он тихо.

– Прости... Ты просто... Такой приятный, я не ожидала...

– Да?! Неуж-ж-жели?!

– Очень... – я улыбалась во весь рот, глядя в изумрудные глаза.

– Вот никогда бы не подумал, что такие слова мне с-с-скажет женщ-щ-щина.

– Почему?

– Как почему? Людям мы противны, ос-с-собенно женщ-щ-щинам.

– Вот дурёхи! Они вас просто никогда не щупали. Если бы хоть раз попробовали, то загладили бы до дыр в чешуе!

Макс захохотал. А смех у него был ну просто потрясающий: квакающий, прикашливающий, с писклявыми и скрипучими нотками, при мелком подёргивании всех конечно-

стей. Я не выдержала такой уморительной картины и тоже засмеялась. Было очень смешно! Когда мы отхохотались, Макс решил подкрепиться перед ночным заплывом и направился к воде.

– Я крокодилов видела...

Он оглянулся на такое предупреждение, снисходительно хмыкнул и змеёй скользнул в воду. Я тоже решила перекусить, как раз оставалась одна запечённая рыбка. Вскоре он вернулся и пристроился рядом.

– Когда будем в Банкоре?

– С-с-скоро... Две-три ночи пути... Я хотел бы ус-с-слышать продолж-жение твоего рассказа.

– Э-э-э, нет! Я и так уже много про себя наболтала. Теперь твоя очередь что-нибудь рассказать про себя.

Он склонил голову набок и улыбнулся:

– Вот з-з-знал, что так будет. Ты хитрая...

– А то...

– И что ты хочеш-ш-шь з-з-знать?

– Ну, никаких священных ангалинских тайн выдавать не надо, – я потёрла горло, – а то мало ли что...

Ящер нахмурился:

– Мы это уж-ж-е обсудили...

– Мне интересно, а что ты делал в Маргосе? Как и почему попался?

Смешно переминаясь с лапы на лапу, Макс начал свой рассказ:

– За Маргос-ссом, выше по течению, рядом с одним из притоков, есть Храм ангов, наш-ш-ших далёких предков. Вот туда я и пыталс-ся доплыть. Дело в том, что дальш-ш-ше Банкора уже лет тридцать как нас не пускают, это запрещено, ес-с-сли поймают – казнят.

– А почему?

– Предыдущий Великий террхан Восточных земель, отец нынеш-ш-шнего, нас сильно ненавидел и пос-с-стоянно ис-с-скал способы ограничить нас. Это вс-с-сё тянется много веков, то разреш-ш-шают, то запрещ-щ-щают... Как с-с-случается какая-нибудь с-стычка в море или тонут корабли с важными грузами, так с-с-сразу ангалины виноваты и реш-ш-шётки под всеми мостами опус-с-скаются. Но мы тоже так пос-с-ступаем. Выс-с-с-ставляем кордоны между ос-с-с-стровами, там, где проходят торговые пути, и не пропускаем, только за з-золото. Ес-с-с-ли люди не хотят платить или пытаются прорваться, то корабль топим. Правда, людей не убиваем... Ес-с-с-сли кто-то тонет, то это уже не наша вина.

– А зачем вам нужно в Храмы?

– Как зачем?! Это же с-с-с-святыня! Каждый уважающ-щ-щий себя ангалин долж-жен хоть раз в жизни появиться в Храме, чтобы предки знали, что мы помним и чтим их.

– А вас то пускают, то нет. Так выходит?

– Так.

– А почему ваши Храмы расположены в таких местах, куда вам так сложно попасть, на территориях людей?

– Никто не з-з-знает, почему так. Некоторые из нас задавали-с-с-ь таким вопросом, но точного ответа нет. Многие уж-ж-же давно и не пытаются...

– А ты, получается, настолько уважаешь себя и традиции, что несмотря на риск быть пойманным, рвёшься исполнить долг поклонения?

– Ты забываешь-ш-шь, Кари... Я сын Ангалина Рекса и, возмож-ж-жно, когда-нибудь займу место отца. Поэтому я обязан чтить предков больш-ш-ше других.

– А-а-а... Ты у нас наследный принц?

– Не с-с-совсем...

– Как так?

– Отец ещё не слиш-ш-шком стар, а нас уже восемнадцать и у него могут быть ещ-щё дети. Кого он выберет, когда придёт его время, никто не знает. Любой из его с-с-сыновей может стать следующ-щ-щим Рексом.

Я улыбнулась про себя: «Принцев, пусть и не совсем наследных, среди моих знакомых ни здесь, ни тем более на Земле нет. Можно сказать, что мне опять повезло. Спасибо вам, окатанские боги!»

– А как ты умудрился в решётке застрять?

– С-с-сам не знаю... Если бы я был с оруж-жием, то такого бы не с-случилос-сь. Но путь в Храм долж-жен быть «чистым», то есть никакого оруж-ж-жия с с-собой иметь нельзя, это неуваж-ж-жение к Великим ангам. Под реш-ш-шёткой когда-то был прокопан лаз, но как я не ис-с-скал не смог

найти его. Может, его обнаружили и зас-с-сыпали, а может, занес-сло илом и песком, не знаю. Пока я ш-ш-шарил по дну, то не заметил сеть, кто-то из рыбаков или потерял, или течением с-с-снесло. Дно там илистое, пока я копался, то так всё взбаламутил, что вода с-совсем мутная с-с-стала, вот и запутался... Сеть крепкая оказалас-с-сь, зубами не взять...

– Понятно...

Ангалин в упор уставился на меня:

– Кари... Ес-с-сли бы не ты, то у заместника в Маргос-с-се уже были бы новые дос-спехи...

– Я рада, что оказалась в нужное время в нужном месте.

– Я тоже рад...

– И Дайку спасибо, что сунул мне каморту с отваром, иначе ничего бы не получилось.

– А, кс-с-стати, где она?

– Кто?

– Каморта...

– Подарила...

– Подарила?!

– А что тут удивительного? Она же мне просто так досталась, хотя я не уверена, одобрил бы такой поступок Дайк. Если я когда-нибудь доберусь до Латраса и найду его там, то расскажу всё, как было, а он пусть решает – ругаться или нет. Хотя когда он мне её отдал, то ни о чём не предупредил: ни о редкости и ценности каморты, ни о том, чтобы я её ему вернула.

– А кому ты её подарила?

Я вздохнула:

– Тем людям, которые на время заменили мне семью, им каморта нужнее...

– Рас-с-скажеш-ш-шь?

– Это будет продолжением моей истории... Не пора ли нам отправляться? Темнеет...

– Да, пора.

Ангалин полез в один из мешков, достал ремень и кинжал. «Нет, ну вы посмотрите! Он уже все мои вещи считает своими!» – но вслух я ничего не сказала. Почему-то было приятно, что он так распоряжается. Такое чувство, будто мы знакомы давным-давно и это несмотря на то, насколько мы отличаемся друг от друга... существа разных миров. Так легко, оказалось, найти общий язык, не считая известного инцидента. Я размотала свою шею, повязка жутко надоела. Макс глянул и отвёл глаза.

– Что? Не помогло? Жаль, зеркала нет...

– И хорош-ш-шо, что нет...

– Так плохо, да?

– Кари, прос-с-сти меня... Я не хотел...

– Ладно... Говорю я нормально, а синяки сойдут, ко всяким увечьям я уже привыкла. Добраться бы до Латраса хотя бы с руками и ногами, а то заявлюсь калекой, будет стыдно Дайку на глаза показаться. Он лечил меня, выхаживал, а тут чучело такое является... – и скорчила гримасу.

Макс захохотал, ну и я следом.

Глава 6

Отплыли мы, когда совсем стемнело. Макс не просто так достал кинжал. Я помогла ему застегнуть ремень внизу живота, это было самое узкое место, не считая шеи. Но ящер сказал, что с шеи вынимать его будет неудобно. И хоть с крокодилами он и так может справиться, но только с оружием, даже с таким, ему будет спокойнее.

Ночь была очень тёмной, к вечеру нагнало много облаков и небо почти полностью скрылось. На реке было темно, хоть глаз выколи, лишь изредка проглядывали отдельные звёзды и поблёскивала вода. Однако мне посчастливилось наблюдать другую, не менее прекрасную картину, чем ночное небо Окатана. Я увидела... как светятся ангалины. Чтобы мне не было страшно и одиноко в темноте, Макс «включил» своё свечение.

Сначала от такого зрелища я потеряла дар речи. А потом, когда он подплыл ближе к лодке, от восторга и восхищения даже думать не могла – только смотреть. Из-под каждой чешуйки пробивался мягкий жёлтый свет, а шерстяные грудь и живот переливались маленькими искорками. Во мраке ночи это сияющее существо с яркими зелёными глазами выглядело настолько фантастично, что поверить в то, что это наяву, а не во сне, было невозможно. Когда же он начал поочерёдно

включать и выключать разные части своего тела, то я просто выпала в осадок. Переливы света волнами бегали по его коже, как на новогодней гирлянде. Протянув руку, я дотронулась до мокрой головы, которая в темноте как бы висела в воздухе, остальное всё было скрыто во мраке, и прошептала.

– Ма-а-акс... Ты прекрасен! Ты самый удивительный и самый красивый ангалин! И это световое шоу... Оно великолепно! Такой красоты я и представить не могла...

Гордости его не было предела. Ящер надулся важностью и свет, исходящий от него, усилился.

– Хочеш-ш-шь – сверкну? – проговорил он, загадочно улыбаясь.

– Хочу!

– Только отплыву подальш-ш-ше... – и, мгновенно погаснув, исчез в темноте.

Я осталась в полном мраке. Вдруг мощная и яркая вспышка осветила всю реку. На долю секунды я увидела зависшего в прыжке ангалина, берега и даже деревья! Всплеск – и опять полная темнота... «Обалдеть! Невероятно! Как молния сверкнула! Потрясающе!» Но тут лодка дёрнулась, и мы двинулись вперёд. Я видела только узкую световую полосу впереди. Это был мой ангалин... Мой удивительный друг...

Вот так всю ночь я и просидела, вперив взгляд в это стремительное, рассекающее воду чудо. Ещё одно чудо Окатана... И наверно, самое прекрасное! К утру, обсудив с Мозговым в нескольких фразах увиденное, я уже поняла, зачем

Макс проглотил золотую монету. И скорее всего, это ещё одна тайна ангалинов, которую теперь я знаю. Но лучше пока помалкивать. Готова спорить на что угодно, он сам расскажет, не выдержит. Уж очень ему понравилось моё неподдельное восхищение. И я не ошиблась.

Рано утром мы причалили к маленькому островку на самой середине реки. Никаких деревьев и даже кустов на нём не росло. Только высоченные густые растения, отдалённо похожие на камыши. Я скривилась. Просидеть целый день в этих зеленовато-бурых зарослях не хотелось. Макс угадал мои мысли и подсластил пилюлю:

– Кос-с-стёр раз-з-зводит нельзя. Здес-с-сь корабли и лодки будут с-с-снывать туда-сюда, да и деревни с двух с-с-сторон, и большая дорога по правому берегу. Нельз-з-зя, чтобы нас-с-с заметили, ос-с-собенно меня...

Я вздохнула:

– Как скажешь...

– Но поес-с-сть я раздобуду. Сиди здес-с-сь...

Не успела я и рта открыть, чтобы остановить его, мол, я вполне могу и обойтись, невелика беда, как он уже исчез. «Заботится... Приятно... Вот что бы я без него делала? Ве-зёт мне всё-таки, как ни крути... Правда, Мозг?»

– Ну... – голос доносился из области макушки. – В общем, да!

– А тебе не кажется это странным?

– Что именно?

– Моё систематическое везение.

– Нет, не кажется.

– А почему?

– Ты сейчас можешь начать очень сильно ругать меня, но я скажу...

– Говори, коли не боишься...

– Это твоя планета, твой мир...

– В каком смысле?

– В прямом. Она хочет тебя...

– Ничего не понимаю... Впрочем, как и всегда...

– А ты подумай...

– Уж не хочешь ли ты сказать, что сама планета, сам Ока-тан мне помогает?

– Ты сама сказала...

– Мозг, я привыкла доверять тебе, прислушиваться к твоему мнению и советам...

– Спасибо, приятно слышать.

– Но то, что ты говоришь, – это бред! Притом полный!

– Ты уверена?

– Конечно!

– Тогда попробуй не просто подумать, – и он понизил голос до проникновенного шёпота, – попробуй почувствовать...

На несколько секунд я закрыла глаза и увидела Мозгового, стоящего на лесенке возле стеллажа с книгами. Он выглядел вроде как обычно, в любимом, уже нами обоими, бордовом

бархатном халате, чёрных брюках со стрелками, мягких домашних туфлях и с противным, до сих пор не знаю почему, моноклем в глазу. Но лицо его как будто изменилось, помолодело, что ли... Лохматая, всклокоченная шевелюра была уже не такой седой. Он точно помолодел. Лет на десять.

– Ты прекрасно выглядишь, гораздо лучше, чем раньше.

– Ты заметила...

– Как я могла не заметить?

– Да... Я тоже. После твоей смерти... прости, что напоминаю, я будто заново родился.

– Хоть какая-то польза...

– Не обижайся...

– Даже не думала.

– Скоро Макс твой вернётся.

– Откуда знаешь?

– Чувствую...

– Мозг, я ничего не понимаю... Как Окатан может меня хотеть?

– Не знаю, как объяснить...

– Ну, пожалуйста!

– Тебе везло с самого начала...

– Допустим.

– Прошло около шести месяцев, а ты жива и здорова, и постоянно, заметь, лишь с небольшими промежутками, рядом есть кто-то, кто тебе помогает...

– Согласна.

– Ну вот...

– Что вот?

– Неужели не понимаешь?

– Нет... При чём тут планета?

Но продолжить разговор не получилось – вернулся Макс.

Он уткнулся в меня мокрой мордой, и я вынырнула из подсознания.

– У тебя опять с-с-странное лицо... Ты с-с-с кем-то говорила? Я кое-что принёс-с-с для тебя.

– Макс, зачем было рисковать, я бы обошлась и так...

Хвост-рука извернулся и рядом упал мешок... Не мой. Я дёрнула мокрые завязки. Там были фрукты: красно-оранжевые артарии, зелёные лигги и наливные, полосатые вааксы. Объеденье!

– Ты обчистил сад? И даже мешок спёр?!

– Он валялс-с-ся на с-с-самом виду.

– Спасибо!

Абсолютно без всяких задних мыслей, а только из чувства благодарности, я схватила чешуйчатую морду и запечатлела сочный звучный поцелуй прямо в ложбинку между ноздрей. Если бы знала, чем это закончится, то хорошо бы подумала, прежде чем так делать! Ангалин дёрнулся, и по всему его телу пробежала сиреневая искра, ото лба до кончика хвоста. А потом... Его от меня будто отбросило, как током шибануло... и запахло озоном, как после грозы. Несколько секунд мы приходили в себя, тарашась друг на друга. Ящер трях-

нул головой и глянул так, что внутри всё похолодело, а после прошипел:

– С-с-сиди з-з-здесь-с-сь до вечера и не выс-с-совывайс-с-ся... – и прыгнул в воду.

Глава 7

Полдня я мерила ногами камышовый остров. Мозг поче-му-то разговаривать не захотел, сослался на занятость и до-бавил, что пообщается со мной тогда, когда я буду готова к разговору. Что за бред! А сейчас я, как ему кажется, не совсем адекватна. Если кажется, креститься надо! Я страшно разозлилась: «Не адекватна, говоришь... Ну-ну... Посмот-рим, что ты запоёшь, скажем, недельки через две. Умолять будешь... На коленях ползать, чтобы я обратила на тебя вни-мание. Вот живёт же в голове такая зараза! Ничего-ничего, и на моей улице будет праздник!»

От злости я слопала большую часть фруктов, а потом за-вернулась в одеяло и легла спать. И, как ни странно, заснула очень быстро. А вот проснулась от тяжести. На мне что-то лежало, вернее, обвивало. Это был хвост! Хвост ангалина. Он устроился рядом, обмотав мои ноги, а голова торчала у меня под мышкой. «Та-а-ак... Очень интересно... – я боя-лась пошевелиться, не хотелось, чтобы он проснулся. – И как он так близко подобрался, что я ничего не почувствовала? Даже умудрился ноги хвостом обмотать. Боялся, что убегу?»

Ох, не нравится мне это дело...» В голове пронеслось эхо:

– Любовь нечаянно нагрянет,
Когда её совсем не ждёшь...

– Мозг, хватит уже!

– А я не про тебя, я про него...

– Что?!

Но в эту секунду Макс проснулся. Сначала в упор я смотрела в зелёные глаза, а потом спросила:

– Что это значит?

Он сразу же отпустил меня и отодвинулся:

– Ты подумал, что я могу сбежать?

– Нет... Я... Мне показалос-с-сь, что тебе холодно...

– А-а-а... Ну, если с такой точки зрения... Тогда ладно...

Я решила больше не развивать эту тему и не спрашивать, что это было за непонятное свечение после моего дурацкого поцелуя и где его целый день носило. Сделала вид, что всё нормально, но последняя фраза Мозгового как-то насторожила.

Несколько часов до заката мы провели весьма продуктивно. Я перекусила фруктами и сладкими кореньями, которые Макс где-то откопал для меня, а потом мы разговаривали. Я дорассказала ангалину свою историю в общих чертах, не вдаваясь излишне в детали. Когда же дошла до момента, как впервые услышала голос Гая, Макс презрительно сморщил-

ся:

– Тож-же мне... нашла, чем вос-схищ-щ-щаться...

– Но ты же не слышал... Почему так говоришь?

– Ангалины поют не хуже, а мож-жет и лучш-ш-ше.

– Поют?!

– А ты думала мы только плавать, да з-з-золото глотать с-спос-собны?

– Нет, конечно... Просто неожиданно как-то... Поющие ящеры... А послушать можно?

Он покачал головой:

– У меня с-спос-собности к пению не очень. А вот нес-сколькo моих братьев и сес-стёр... У них такие голоса... Рыбыдохнут!

Я захохотала:

– Ну, ты и сравнил! От настоящего пения никтодохнуть не должен!

Макс сжал челюсти и отвернулся.

– Обиделся, что ли? Прости, но ты очень смешно выразился. Не обижайся...

– Ну а дальш-ш-ше что было? – процедил он сквозь зубы.

Когда мой рассказ дошёл до встречи с северянами, его настроение ещё больше ухудшилось:

– Вот, з-з-значит, как... З-з-золота у них мало... Обманщ-щ-щики! Отец долж-ж-ен об этом уз-з-нать!

Я замолкла: «Ой-ёй-ёй... Опять лишнее сболтнула. Как бы из-за моего языка без костей межрасового конфликта не

случилось. А Мозг меня предупреджал... Ну я и трепло!»

– Давай дальш-ш-ше...

– Хватит на сегодня. Вижу, что моя история может обернуться проблемами и для людей, и для ангалинов. Больше ничего не скажу.

Ящер зашипел:

– Но ты обеща-щ-щала!

– Когда я обещала, то не подумала о последствиях для кого-то, кроме меня. А теперь понимаю, что они могут быть. Поэтому все, что было дальше, свожу к нескольким предложениям. Мы благополучно добрались до Маргоса, поселились в гостинице, ходили на ярмарку, я там немного прибрахла, а потом увидела тебя. И решила помочь, как ты знаешь, была возможность. А так как я и до этого собиралась покинуть караван, то решила не откладывать в долгий ящик и после концерта собралась и ушла из города. На другом берегу украла эту лодку, а дальше ты знаешь. Вот и всё.

Я видела, что Макс разозлился и, возможно, обиделся. Такие резкие перемены его настроения очень настораживали. Реакция на мои слова и действия у него была непредсказуемой. «Как же Мозговой прав! Я расслабилась от заботы и помощи, а ведь, действительно, об ангалинах почти ничего не знаю... И история многовековой вражды между двумя разумными расами на этой планете тоже мне почти неизвестна. С одной стороны, хорошо было, когда я понимала речь, но сама не могла говорить. Помалкивала себе тихонько в тря-

почку да мотала на ус полученную информацию. А теперь надо постоянно думать, что говорить и кому говорить, а то, не ровён час, такого наболтаю кому ни попадя, что не дай бог... Впредь надо быть осторожнее со словами».

Теперь настала очередь Макса измерять лапами камышовый остров. Из-за густоты растительности то, что происходило на реке, нам было не видно, но и нас нельзя было разглядеть внутри этих буро-зелёных зарослей. Сперва он ходил туда-сюда, потом начал круги наворачивать, пару раз скручивался в шар, бурча что-то себе под нос. Смысла было не разобрать, но я не сомневалась, что он ругается.

Потихоньку напоздали сумерки, несколько раз невдалеке слышались крики рыбаков, которые вроде как порвали сеть. Также, с завидной периодичностью, доносился плеск вёсел под ритмичные песни. Должно быть, мимо проплывали большие вёсельные шхуны. Банкор был близко.

Когда практически стемнело и я уже подумывала о том, что если Макс не успокоится, то плюну на него и поплыву сама, он, не глядя в мою сторону, натянул на себя верёвочные лямки и начал стаскивать лодку в воду. Не говоря ни слова, я присоединилась к нему, и мы продолжили путь. «Ну, что ж... Бойкот так бойкот! Посмотрим, кто первым заговорит...»

В эту ночь мы двигались относительно медленно. Макс не подсвечивался в темноте, возможно, из предосторожности, так как по берегам часто мелькали огни костров. Я держала

вёсла наготове так, что, если бы нас заметили, было бы не видно, что лодку кто-то тянет. И вот так всю ночь...

К утру я поняла, что цель достигнута – мы в пойме реки. Берега были настолько далеки друг от друга, что в лёгком утреннем тумане казалось, будто это не река, а море. Макс направился к высокому скалистому острову. Хорошо, что был полный штиль, иначе сидеть в утлом судёнышке было бы страшновато. Почти у самого острова Макс скинул упряжь и исчез под массивной скалой. «Наверно, тут тайник, про который он говорил...» – я взялась за вёсла, чтобы размять затёкшее тело.

Макса не было довольно долго. Я представила, как там, в глубине пещеры, он чахнет над своим золотом. Ангалин вернёт долг, и мы расстанемся. Жаль... Я очень привязалась к нему и, несмотря на импульсивный характер, он не переставал восхищать и удивлять меня, особенно как представитель разумной цивилизации, отличной от человеческой. Эх, знали бы учёные на Земле, сколько необычного и загадочного я здесь повстречала. Вот если бы удалось вернуться и рассказать обо всём! Хотя... Если бы так и случилось, то остаток жизни можно провести в сумасшедшем доме. Никто не поверит!

Макс вынырнул в нескольких метрах от лодки. Перемены я заметила сразу. Он был вооружён: вдоль спины лежали длинные, парные, кожаные ножны, грудь и живот закрыты чем-то вроде доспехов, а на пояснице виднелась неболь-

шая продолговатая сумка. Из воды показался хвост с зажатым маленьким мешочком, который я поймала на лету. Он звякнул так, что стало ясно, там не одна монета. Я заговорила первой:

– Ты мне должен одну монету.

– Это благодарнос-с-сть з-за с-спас-сение, – голос был жёстким.

У меня внутри всё вскипело, но я постаралась говорить как можно спокойнее:

– Я помогла тебе не за деньги.

– Вс-с-сё требует оплаты... – его глаза не просто смотрели, они меня сверлили.

– А как же твоя помощь мне? То, что ты дотащил меня сюда, кормил... Как за это с тобой рассчитываться?

– Ты уже рас-с-считалась.

– И чем же?

– Тем, что рас-сказала кое-что интерес-с-ное...

– Понятно... – очень сильно захотелось съездить чем-нибудь тяжёлым по этой наглой ангалинской морде. – Ну, что ж... Коли так...

Я развязала мешочек и наощупь, не глядя, достала одну монету. Отложила её в сторону, а остальное... швырнула далеко в воду. В секунду глаза ящера превратились в две круглые тарелки, удар хвоста чуть не перевернул лодку, а утробный рык заставил вздрогнуть:

– Дур-р-ра-а!!! – он рывкнул так, что у меня сжалось всё,

что могло это сделать.

– Сам дурак! – но его уже не было.

Переводя дыхание и вцепившись в борта, я удерживала равновесие. Пирогу болтало, но вскоре волнение успокоилось. Я схватила вёсла и налегла со всей силы. А берег был далеко... Очень далеко. Туман рассеялся, и берега виднелись узкими полосками, зато были острова. Я нацелилась на ближайший. От обиды и злости внутри всё бурлило и хлопотало. Я ни о чём не могла думать, только о том, как эта чешуйчатая скотина меня обидела.

Глава 8

К тому моменту, когда я подгрребла к острову, слёзы полностью застилали глаза. Лодочка уткнулась в прибрежные камни. Островок был маленький, с кривоватыми деревцами и высокой скалой в центре. Я присела на округлый валун: руки трясутся, ноги промокли и слёзы в три ручья... Появилось желание забраться на эту скалу и сигануть вниз, чтобы покончить со всем раз и навсегда. Я сползла пониже и, став на колени, сунула голову в холодную воду. Когда, отфыркиваясь, вынырнула – рядом сидел Макс.

И тут меня понесло:

– Ты чего припёрся?! Что тебе надо от меня?! Проваливай!!! Чтоб глаза мои тебя больше не видели, гад чешуйчатый! Змей! Да пошёл ты! Злобная рептилия! Плыви, докла-

дывай папочке! Доносчик! Подлый шпион!

Я увидела знакомый мешочек:

– А-а-а! Достал-таки денежки! Ну как же, такое добро чуть не утонуло! Подавился своим золотом! Чтоб оно тебе поперёк горла встало! У-у-у, Змей Горыныч!!! – и я погрозила кулаком. – Ненавижу тебя! Понял?! Убирайся!

Сложно было сказать, о чём думал Макс во время моего приступа бешенства. Он полулежал на камнях, приподнявшись на передних лапах, не сводя с меня глаз, только пальцы на его хвосте сжимались и разжимались. Я зачерпнула воды и охладила разгорячённые щёки. Всё. Слова кончились, осталось только ощущение полного бессилия и пустоты. Закрыв лицо ладонями, я отвернулась. Через несколько минут длиннющий хвост обхватил поперёк и ангалин навис сверху, как удав над кроликом:

– Вс-сё с-с-сказала? – голос был спокоен.

Я молчала.

– С-слуш-шай сюда, девуш-ш-шка с планеты З-земля. С-сейчас ты с-сядеш-шь в лодку и поплывёш-шь к правому берегу, пока ветер не поднялся. Вон за тем островом, – ящер махнул головой, и я глянула следом, – цвет воды изменится на мутно-зелёный. Ты пересечёш-шь этот поток, и когда вода с-с-станет проз-зрачной, это будет з-значить, что ты попала в нуж-жное течение. Можно почти не грести, река сама понес-с-сёт тебя, просто с-с-считай острова. После седьмого бери вёс-с-сла и правь к берегу. Ос-ставляй лодку где-ни-

будь в кустах и поднимайся в гору. Когда поднимеш-ш-шь-ся, то увидиш-шь, куда идти, дорога там одна. З-за пеш-ш-ший вход в город берут пять тетри. Пойдёш-ш-шь на дворцовую площ-щ-щадь, она находится на самом больш-ш-шом острове, оттуда в западную часть города, туда ведёт всего два моста. С-спросиш-шь гостиницу «Тихий островок», хозяина зовут Крианн. С-скаж-жешь ему, что хочеш-шь комнату на первом этаже. Он предложит лучш-ш-шую, на втором или третьем, но ты ответиш-ш-шь, что на крутых лестницах от выс-соты у тебя круж-жится голова, он всё поймёт. Заплатиш-ш-шь два з-золотых ранда, это более чем достаточно за две недели с завтраком и уж-жином, ванной и чистой пос-с-стелью.

И он сунул мне в руки мокрый мешочек:

– Развяж-ж-жи...

Я дёрнула верёвочку и высыпала на ладонь восемь золотых монет и... плоское золотое кольцо с гравировкой изнутри. Я покрутила его в пальцах. На обручальное похоже... Подобные я видела на руках Гая и Хейи, Олмана и его жены. Точно обручальное! Я вопросительно глянула на Макса.

– Да, это обручальное кольцо. Надевай...

– Зачем?

– Чтобы в городе к тебе не с-слиш-ш-шком прис-ставали. Если будут с-спраш-шивать, говори, что встречаеш-шь мужа из дальнего плавания.

Я надела украшение на средний палец левой руки. Имен-

но так носили обручальные кольца те, кого я знала. Как ни странно, но оно подошло, было не большим и не маленьким. Как же он угадал с размерчиком? Неожиданно пробило на смех:

– Макс... Я что? Теперь твоя жена? Ты мне кольцо подарил... и я его приняла...

Ангалин заулыбался:

– Ну-у-у... Это по человечес-с-ским обычаям. У нас всё не с-с-совсем так. Но если ты хочеш-ш-шь так думать, то я не возраж-жаю...

И мы дружно захохотали.

– Да-а-а... Вот как бывает... Нежданно-негаданно...

– Ты вс-с-сё запомнила?

– Запомнила.

– Точно?

– Не волнуйся, с памятью у меня всё в порядке.

Я забралась в лодку и взялась за вёсла. Макс вытянулся, уткнулся головой мне в шею, шумно и глубоко вздохнул, а горячий язык лизнул кожу. Зелёные глаза моргнули и в них вспыхнули золотые искорки:

– Встретимс-с-ся в гос-стинице, – прошептал он мне в ухо и оттолкнул лодку.

Всё время, пока я гребла до нужного острова и потом, когда выгребала сквозь мутные, зеленоватые воды, я пребывала в шоковом состоянии: «Вот это поворот! Он что? Поцеловал меня на прощанье?! Только-только и я, и он были го-

товы от злости порвать друг друга в клочки, а тут такая перемена! Я смотрю на кольцо, вспоминаю его глаза, и внутри всё дрожать начинает. Понятно, что кольцо для безопасности – это моя страховка. Но как он смотрел и как говорил! Что, вообще, происходит?!»

– Поздравляю с законным браком! – хохот в голове вогнал в краску.

– Что ты несёшь?! Какой брак?! Это извращение какое-то!

– Вот кто бы говорил! – Мозговой продолжал смеяться. – Да-а-а, Кари, умеешь ты удивлять! У меня слов нет! Мужиков кругом пруд пруди! А она умудрилась ангалина охмурить! Это же надо, сына самого Рекса захомутала! Ну, ты сильна, мать, сильна!

Он заливался так, что я опять начала злиться.

– Мозг, всё! Хватит! Перестань ржать надо мной!

– Ладно-ладно, не злись... – сказал он уже спокойно. Просто я очень рад за тебя...

– В каком смысле?

– Я рад, что с тобой всё в порядке и рядом опять есть помощник, которому ты небезразлична.

– В этом ты прав, конечно. А ты как, Мозг? Как самочувствие?

– Прекрасно, дорогая! Я в порядке.

– Вот и хорошо.

За такой беседой я и не заметила, как мутная часть реки осталась позади и меня вновь понесли чистые прозрачные

воды. А из-за сумбурных мыслей чуть не пропустила седьмой по счёту остров. Причалить к берегу удалось не сразу. От усталости руки почти не слушались, ладони стёрлись в кровь, хотя боли как таковой не ощущалось, было просто липко и неприятно.

Я долго возилась с лодкой, пока удалось справиться с прибрежными волнами и загнать её в небольшую бухту. Дальше стало легче. Я заволокла свой транспорт, к которому уже так привыкла, в кусты, перевернула днищем вверх, наломала веток и закидала поверху. Потом кое-как помылась и переоделась, всё-таки в город иду. Выглядеть оборванкой не хотелось.

Кожаные штаны и серая туника мне очень нравились. Жаль, что в Маргосе сапоги не купила из крокодильей кожи, денег пожалела. Было там несколько пар, которые и по размеру подошли, и вообще мне очень понравились. Но сапожник, пожилой ехидный дядька, заломил такую цену, что Скай тогда присвистнул. И как мы его не уговаривали, сбавлять не хотел: мол, он шьёт для самого наместника и его семьи и негоже такую красоту задёшево продавать. Я немного расстроилась тогда, но потом просто купила новые угги, да и всё. Но сапоги были обалденные! Теперь финансы позволяют, может, в Банкоре найду похожие. Повязав поверх штанов широкую юбку, а на голову и шею платок так, чтобы скрыть волосы и синяки, я застегнула ремень, спрятала кинжал в складки, набросила жилет и, закинув мешки за плечи,

потопала вверх по каменистому склону.

Глава 9

Солнышки перевалили за полдень, когда я добралась до вершины. Панорама открылась восхитительная. Я присела на камень отдохнуть, а заодно и полюбоваться прекрасным видом. Посреди огромной голубой бухты раскинулся город... Часть его расположилась вдоль побережья, а часть, и притом большая, на крупных и более мелких островах. Кругом синь воды и неба, высокие и узкие здания, множество кораблей и лодок, и мосты, мосты, мосты... Большие и маленькие, высокие и низкие, лёгкие и массивные... Красота! Прямо окатанская Венеция – город на воде. А внизу, у подножия горы, пестрой лентой вилась дорога.

В город я попала ближе к закату. Очень хотелось есть, но ещё больше лечь и проваляться пару суток, отдохнуть от бесконечного движения. Ноги гудели так, что я их еле переставляла. А ещё надо гостиницу найти. У охранника возле ворот я спросила путь на дворцовую площадь. Он глянул исподлобья, принял плату за вход и махнул рукой:

– Прямо, никуда не сворачивая, через три моста, эрдана.

Я кивнула и поковыляла в указанном направлении. Центральная площадь была большая, круглая и разделена на две части. Меньшая, примыкающая к дворцу наместника, огорожена высоким кованым забором, а другая – открыта для

свободного передвижения. Да-а-а... это не Маргос! Банкор точно был раза в два, а может, и в три, больше. Тьма народа, снующего туда-сюда: вездесущие мальчишки, торговцы, лавочники, ремесленники в кожаных фартуках, рыбаки и богатые горожане. Шум, гам, грохот колёсных тачек, цокот копыт, крики зазывал, звуки музыки из таверен и... запахи.

Желудок напомнил о себе сильным спазмом. Я покрутилась по площади и зашла в большую таверну, на вывеске которой был нарисован окорок. Внутри было шумно и душно, несмотря на открытые окна и двери. Рядом прошмыгнула мальчишка в светлом фартуке. Я схватила его за плечо:

– Послушай, парень... Есть минутка?

Смуглый мальчуган остановился и отвесил поклон:

– Что угодно, эрдана?

– Тут можно купить что-нибудь на вынос?

– Пироги есть, мясные лепёшки, сладкие пончики, хлопья белого ирса с мёдом, чёрного ирса с солью...

– Стоп, не тарихти так... А где взять?

– Присядьте вон там, – он показал на широкую скамейку. – Что вам принести?

– Пару мясных лепёшек и пару пончиков, – и мальчишка моментально удрал.

В ожидании заказа я вытянула ноги и принялась разглядывать присутствующих. Зал был большой, сплошь заставленный столами, из которых многие были заняты в основном мужчинами, но сидели и женщины. В углу мелькнуло

несколько очень светлых шевелюр почти таких же, как и моя: «Северяне...» Люди вокруг ели, пили пиво, что-то обсуждали... Я закрыла глаза, но тут меня дёрнули за рукав:

– Десять тетри, – проговорил мальчик, протягивая тёплый свёрток.

– Спасибо, – я достала деньги и отсчитала нужную сумму, а также добавила ещё пару мелких монет. Мальчик просиял.

– У меня есть вопрос...

– Конечно.

– Знаешь гостиницу «Тихий островок»?

– Ну, знаю... Только это далеко, на западной окраине. Вам нужна комната, эрдана? Так у нас есть свободная, оставайтесь! У нас очень хорошая комната!

– Что ты так кричишь? Я бы с удовольствием осталась, но мне надо туда. Дорогу покажешь? Я заплачу...

– Не-е-е... Я не могу уйти...

Я звякнула монетами. Видно было, что этот тараторка не прочь заработать. Наконец, глаза его весело блеснули и он сказал:

– Выходите, поверните налево и стойте там, я сейчас...

Пока я ждала, две лепёшки и пончик отправились по назначению. Мальчик появился не один, за ним шёл невысокий сгорбленный старик в очень поношенной одежде и таких же, видавших виды, башмаках. Старик поклонился мне почти в пояс и прохрипел:

– Прекрасная эрдана, если не побрезгуете, я могу вас до-

ставить куда нужно.

Ответить нет язык не повернулся. Я слегка поклонилась так, как это делают местные женщины, улыбнулась и ответила:

– Прекрасно, фаэдр, – и, сунув мальчику ещё пару монет, пошла за стариком.

По каменным ступеням мы спустились к воде, к длинному ряду узких лодок: «Так этот старик – гондольер! Ну, точно, Венеция!» На вид гондола выглядела почти так же, как и хозяин. У меня сердце сжалось: «Не быть мне богатой...» Я уже знала, сколько заплачу за доставку. Объяснив, куда мне нужно, я уселась на скамеечку и мы отчалили.

В лучах заката город был великолепен. Я крутила головой по сторонам и засыпала старика вопросами. То ли у этого пожилого мужчины долго не было собеседников, то ли он был одинок, что весьма вероятно, но он отвечал мне с таким удовольствием и так тепло улыбался, будто родной дедушка. Когда начало смеркаться, он зажёл два фонаря на корме и носу и мы продолжили движение по узким и широким каналам.

Экскурсия оказалась очень полезной и интересной. Я узнала где находится рынок, квартал портных и сапожников, увидела дома местных купцов и богатых горожан, разобралась в какой части города швартуются шхуны с Севера и Востока, а в какой – с Запада; выяснила сколько приблизительно стоит добраться морем до Латраса и многое другое. Ста-

рик оказался просто кладезем полезной информации.

– Как вас зовут, фаэдр?

Он просиял и поклонился:

– Гунар, эрдана. Для вас просто Гун.

– А я Карина.

Он опять поклонился.

– Гунар, а как вас найти? Я немного задержусь здесь и хотела бы попросить вас показать мне город. Я в Банкоре первый раз...

На секунду показалось, что у старика от радости случится сердечный приступ.

– Ох, эрдана, конечно! Я в полном вашем распоряжении!

– Мы скоро доберёмся?

– Уже почти на месте, эрдана Карина, – и опять поклонился.

Причалили мы, когда уже совсем стемнело. На удивление на улицах, вернее на мостах, которые в Банкоре их заменяли, горели фонари. А все вывески и входы в узкие, высокие, каменные здания тоже освещались масляными лампами. Не неоновые вывески, конечно, но было видно, что Гунар привёз меня по назначению. Над входом висела кованая вывеска с фонариком внутри: полукруглый остров и торчащие из него три дерева, похожие на пальмы. Я уточнила на всякий случай:

– Это «Тихий островок»?

– Да, эрдана. Тут хозяином Крианн...

– Он-то мне и нужен. Спасибо, Гунар, без тебя я бы наверняка заблудилась, – и вложила в тёплую сухую ладонь золотую монету. А пока старик не опомнился, громко постучала в массивную дверь, которая открылась незамедлительно, будто только меня и ждали.

На пороге стоял совсем невысокий, ниже меня почти на голову, но очень широкоплечий мужчина с красивой окладистой бородой.

– Доброго вечера. Фаэдр Крианн, если не ошибаюсь?

Он важно кивнул:

– Доброго вечера, эрдана. Да, я Крианн.

– Очень приятно. Мне бы комнату, на неделю или две.

– Проходите, – и он широко распахнул дверь.

Сзади дёрнул Гунар:

– Эрдана... Но это очень много... Вы ошиблись...

– Я не ошиблась, Гун. Это достойная плата за помощь.

Старик чуть не рухнул на колени.

– Буду ждать тебя завтра к полудню, хорошо?

Он радостно закивал, а я, махнув на прощанье, прошла вслед за хозяином.

Глава 10

Внутри было светло, тепло и довольно уютно. На первый взгляд не плохо. Вдоль стены стойка со стеллажами, за которую и прошёл хозяин, вдоль другой – диванчик, дальше ко-

ридор, потом очень крутая лестница и арочный проход куда-то в другую часть дома.

– Есть свободные на втором этаже и на третьем. Полранда в неделю с завтраком и ужином.

Я скинула мешки на дощатый пол и подошла к стойке.

– А можно внизу, на первом?

Он цапнул меня взглядом, осмотрев с головы до ног:

– На первом этаже очень сыро, эрдана. Выше вам будет гораздо удобнее.

Я улыбнулась: «Всё как Макс и говорил, слово в слово. Похоже на какой-то пароль».

– Понимаете, у меня на лестнице от высоты может закружиться голова, так что если можно... первый этаж, на две недели, – и положила на стойку два золотых ранда.

Пушистые брови хозяина поползли вверх, но он спохватился и опустил глаза:

– Ваше желание, эрдана. Как скажете... – и, смахнув деньги, достал ключ. – Пойдёмте, я вас провожу.

Я наклонилась за мешками, но он остановил меня жестом:

– Вам всё принесут.

Мы прошли по длинному узкому коридору, освещённому парочкой светильников, до самого конца, потом повернули направо и оказались перед деревянной дверью. Крианн снял со стены подсвечник и открыл комнату. Пока он растапливал камин и зажигал светильники, я осматривалась.

Комната была просторная, с широкой кроватью на высо-

ких ножках, креслом, круглым столиком и резным комодом. В дальнем углу, за ширмой, располагался умывальник с медным тазом и пузатым кувшином, а также висело овальное зеркало. Мрачновато, конечно, зато кровать шикарная. Я открыла узкую дверцу неподалёку от спального места, подумала, что это шкаф или кладовка, но там оказались персональные удобства, отгороженные от небольшой ванны перегородкой. Что ж... Это совсем меняет дело!

– Если хотите поужинать, то у нас осталась рыба, каша и суп из перепёлок. Могу подать сюда, а можете пройти в столовую, постель сейчас принесут.

Крианн очень внимательно меня рассматривал, пока занимался своими делами, я это спиной чувствовала.

– Пожалуй, лучше в столовую, – я глянула на него сверху и улыбнулась как можно приветливей.

Дверь открылась, и вошёл такой же невысокий парень, неся стопку белья и мои вещи.

– Доброго вечера, эрдана, – и учтиво поклонился.

– Доброго... – я кивнула в ответ.

– Это мой сын, Гаррианн. Можете звать его Гарри.

– А меня зовут Карина.

– Очень приятно, – ответили мужчины в голос и поклонились.

– Пойдёмте в столовую, Гарри как раз наведёт порядок. Ванну не хотите принять? Нагреем воды...

– Нет, спасибо. Я слишком устала с дороги, боюсь, в ванне

и засну.

– Как угодно... Вот ваш ключ, – и он протянул местное слесарное изделие. – Не теряйте. Если потеряете, то придётся оплатить и новый замок, и установку, так как запасных ключей от комнат первого этажа нет.

При этом хозяин гостиницы так многозначительно посмотрел, что я невольно вздрогнула: «Что за таинственные комнаты на первом этаже, если даже у хозяина нет от них запасных ключей? Получается, что, кроме меня, войти никто не сможет... Так это же прекрасно!» Он угадал мои мысли и продолжил:

– Если вам потребуется ванна, уборка или ещё что-то, предупреждайте меня, Гарри или мою жену Марэну, она завтра вернётся от родни и будет заниматься готовкой. Постояльцы-то прибывают...

Я утвердительно кивнула. В столовой Крианн провёл меня к небольшому столику, принёс тарелку с кашей, миску ещё тёплого супа, хлеба и, улыбаясь в бороду, торжественно произнёс:

– Приятного ужина, эрдана Карина, и... Добро пожаловать в Банкор!

Когда я вернулась, камин уже хорошо разгорелся и стало значительно теплее, но комната, действительно, была очень сырая. На ширме висела пара полотенец, кувшин наполнен водой, постель застелена чистым бельём, а на кресле лежало ещё одно одеяло и мягкий вязаный плед.

Я закрыла дверь на засов и, сбросив угли, бухнулась на кровать: «Наконец-то! Можно пожить в человеческих условиях, прийти немного в себя и отдохнуть от бесконечного движения. Ну а потом... Потом сесть на корабль и добраться всё-таки до Латраса. Может, повезёт и Дайк ждёт меня там. А если нет? Что тогда делать? Ладно, там видно будет...»

Глаза слипались. Я подумала, что надо всё же встать и раздеться, как послышался подозрительный звук: осторожное и ритмичное постукивание. Я вскочила. Стучали не в дверь. Стук доносился снизу. Открыв окошко, я выглянула наружу. Город уже спал, но кое-где ещё догорали фонари, а внизу, под окном, поблёскивала вода. Моя комната выходила на один из каналов позади дома.

Я свесилась вниз. Под водой мелькнуло знакомое сияние: «Ангалин!» Голова рептилоида высунулась из воды и тихо прошипела:

– В полу ес-с-сть люк. Открой...

Затворив окно, я начала шарить по комнате. Люк обнаружился под креслом. Теперь понятно, чем примечательны комнаты на первом этаже! В них есть выходы под дом, в каналы! Это здание, как и многие другие, стояло на каменных сваях. Я откинула тяжёлую крышку, вода плескалась внизу, где-то на расстоянии полутора метров от толстого пола. Один прыжок – и ящер уже был в комнате.

– Ма-а-аксик!

– Говори потиш-ш-ше. Хоть с-стены тут и толстые, но и

у них могут быть уш-ш-ши... – Ангалин отряхнулся и растянулся возле камина. На нём уже не было ни оружия, ни доспехов, ни сумки, только маленький кожаный мешочек на шее. Он стянул его и бросил мне:

– Завтра отдаш-ш-шь его Крианну, но только так, чтобы никто не видел. И скажеш-шь, что условия преж-жние...

– А почему сам не хочешь?

– Так он точно поймёт, что ты с-связана со мной, и будет относ-с-иться соответственно...

– А что там?

– Пос-с-смотри...

Я присела поближе к огню на толстую циновку и развязала узелок. В ладонь высыпался... жемчуг. Потрясающе! Крупные, около двух сантиметров в диаметре, идеально правильной формы, разноцветные жемчужины играли переливами в отблесках камина. Я открыла рот, перебирая такую красоту.

– Что? Нравитс-с-ся?

– Очень... Жемчуг великолепен! Это, наверно, целое состояние... Правда, я не знаю, насколько он ценен здесь, но у меня дома такой размер, форма, а про цвет, вообще, молчу, ну очень большая редкость. И стоит страшно дорого...

Я улеглась на пол, рядом с Максом, и разложила на циновке восемь жемчужин: две белые, две розовые, две жёлтые, одна чёрная, вернее, тёмно-серая с выраженным металлическим блеском. Ну а последняя – просто отпад! Не думала, что такой жемчуг в природе бывает. Синяя-синяя... Тако-

го глубокого перламутрового оттенка, что глаз не оторвать!
Макс взял её хвостовыми пальцами и поднёс к моему лицу:
– Она как твои глаз-за... В такой с-с-синеве мож-жно уто-
нуть...

Я съехидничала:

– Ты про жемчуг или про меня?

– Про ж-ж-жемчуг, конечно.

– Вот вредина!

В ответ ящер оскалился:

– Ес-сли будеш-ш-шь хорошо себя вес-с-сти, я тебе такое
же ож-ж-жерелье подарю.

– Что значит хорошо?

– Ну... Злиться на меня не будеш-ш-шь...

– К сожалению, не могу этого обещать, рискую остаться
без такого шикарного подарка. А у тебя что, с Крианном ка-
кие-то дела? – сменила я тему, складывая жемчуг обратно.

– Да так... Балуетс-с-ся иногда контрабандой.

Я чуть не захохотала, но успела зажать рот:

– Принц-контрабандист! Вот это да!

Макс зашипел:

– Опять начинаеш-ш-шь?

– Всё-всё-всё, молчу. А, кстати, ты следил за мной? И по-
чему от тебя так жутко воняет?

Ангалин сощурил изумрудные глаза:

– Ну вс-с-ё! Не видать тебе ожерелья!

– Ха! Больно надо... И куда мне в нём ходить? По лесам

шляться?

– Ты невынос-с-сима...

– Это ты невыносим.

Я встала, скинула тунику, стянула штаны и забралась под одеяло:

– Ты шутки, вообще, понимаешь? Я тебя ждала, переживала, а ты опять недоволен, всё шипишь. Почему? Я совсем не хочу с тобой ссориться.

Тяжёлое тело бухнулось рядом: «Теперь эту вонь всю ночь придётся терпеть...»

– Прос-с-сти, у меня и правда уж-жас-с-ный характер. А воняет от воды, в городе она, с-с-ама понимаеш-ш-шь, не очень чистая. Простиш-ш-шь?

– Прощу, куда я денусь...

– Я з-злюсь не на тебя, а на с-с-себя. Поверить просто пока не могу, что так... у нас с тобой... вс-с-сё получилос-сь... Это что-то невоз-з-мож-жное... необыкновенное... так не мож-жет быть... И этот твой з-запах...

– Что мой запах?

– Не з-знаю... Он мне в голову бьёт. Как вдохну его, так внутри вс-сё круж-житьс-ся начинает. Не понимаю, что проис-с-сходит...

«Хорошо хоть в голову бьёт, а не в другое место», – я плотнее закуталась в одеяло и закрыла глаза.

– Кари?

– Что?

- Я постараюс-с-сь сдерж-живаться, не з-злиться-ся...
- Ладно...
- Кари?
- Ну что ещё?
- А кто такой З-змея Горыныч?
- Давай потом, а? Спать очень хочется...
- С-с-спи...

Глава 11

Когда я проснулась, Макса в комнате не было. Я подошла к окну. Ещё утро, но не раннее. Возле умывальника я устоялась в зеркало. Синяки на шее были ещё заметны, но уже сходили. В целом я уже привыкла к своему внешнему виду и он не вызывал такого замешательства, как раньше. Лицо, конечно, приметное, ничего не скажешь, особенно глаза, и впрямь как та жемчужина. Но никакой особой красоты я не видела. Да, лицо красивое, даже очень, но никак не богиня, как любила повторять Айра. Я скорчила гримасу и показала зеркалу язык. Сзади хмыкнули. Вздвигнув, я обернулась:

- Макс! Ты меня напугал! Как так тихо прокрался?
- Доброе утро... – он отряхивал с чешуи воду.
- Доброе... А где ты был?
- З-завтракать плавал, – и смешно обнюхал себя с разных сторон. – Фу-у-у! Попрос-с-си на вечер воды для ванны, не хочу и этой ночью рядом с тобой ис-с-стачать такие ароматы.

– То есть ты намерен опять спать на кровати?

– Конечно, мне очень понравилос-сь ш-шептаться-ся с тобой перед с-сном, – и подмигнул зелёным глазом.

– Вот хитрец!

– Ты меня ещ-щ-щё плохо з-знаеш-шь!

Пока я умывалась и одевалась, Макс валялся на циновке и, прикрыв глаза, наблюдал.

– А тебе не опасно находиться в городе? – спросила я, расчёсывая волосы и пытаюсь заплести короткую косу.

– У меня ес-сть разреш-ш-шение террхана и намес-с-стника.

– Даже так?

– Да, но только в городе и без-з оруж-жия. Вглубь по рекам подниматься з-запрещ-щ-щено, ты знаеш-ш-шь...

– А зачем ты здесь?

– Для с-связ-зи. Нес-с-смотря на общ-щ-щее, мягко говоря, не очень хорош-ш-шее отнош-ш-шение к нам людей, мы им иногда очень нуж-жны, а нам нужно з-золото.

– Я знаю... Корабли сопровождать или с крокодилами справляться.

– Верно. Вот кто-то из нас-с в прибреж-жных городах и находится. Только лучш-ше, конечно, людям на глаза не попадаться-с-ся. Ес-сли я нуж-жен, допус-стим намес-стнику, то в ус-словленном мес-сте ос-с-ставляют з-знак и я приплываю куда нуж-жно. Я даж-же прямо во дворец могу попас-с-сть, только об этом никто не з-знает. Я вес-сь город з-знаю, вс-се

ходы и выходы, и не только под водой.

– Значит, ты всё-таки шпионишь, а заодно и обтяпываешь свои делишки с Крианном.

– А то!

– Ну, в общем-то, это не моё дело, – наконец удалось справиться с волосами. – Я иду завтракать, тебе что-нибудь принести?

Ящер покачал головой:

– Я не голоден. Ключ только у тебя?

– Да. Никто не войдёт.

Обмотав шею платком и захватив жемчуг, я вышла из комнаты, заперев дверь. Удачные мне достались апартаменты: в конце коридора за углом, и других комнат рядом не было. В прихожей за стойкой сидел Крианн и что-то чёркал на листе плотной бумаги. Заслышав шаги, он поднял глаза и улыбнулся в бороду:

– Доброе утро, эрдана Карина. Как спалось?

– Отлично, фаэдр Крианн. Завтракать уже можно?

– Конечно, проходите в столовую.

Подойдя ближе, я поманила его к себе, загадочно улыбаясь. Мужчина удивлённо приподнял бровь, но отложил своё занятие и приблизился. Я тихонько прошептала:

– Для вас есть кое-что...

Приподнялась другая бровь. Он хмыкнул и махнул рукой, приглашая следовать за ним. За стойкой оказалась незаметная, с первого взгляда, перегородка, за которой мы и скры-

лись. Я сунула ему мешочек, который он тут же спрятал в карман:

– Условия прежние.

Крианн кивнул и широко заулыбался:

– Очень рад такому знакомству. Не ожидал, если честно...

– Я тоже рада. Можно ещё вас попросить... Вечером я хотела бы принять ванну.

– Всё будет сделано.

В столовой очень вкусно пахло свежей выпечкой и тёплым молоком. Я присела в уголке. Через секунду появился Гарри:

– Доброе утро, эрдана, – парень улыбался, вытирая руки о фартук. – Что хотите на завтрак?

– Доброе утро, Гарри. А что есть вкусного?

Он засмеялся:

– Всё вкусное! Есть сладкая каша с молоком, пирожки с лиггами, лепёшки с сыром...

– Тогда каши и парочку пирожков... И ещё тот вкусный чай, что я вчера пробовала.

– Понравился чай?

– Очень!

– Это мамин рецепт. Такой только у нас подают.

– Неси.

В ожидании я рассматривала постояльцев. Их было не много: четверо мужчин, хорошо одетых и чисто выбритых, сидели за дальним столом и, уплетая завтрак, что-то живо

обсуждали; молодая пара, черноволосый парень и симпатичная девушка с пышной каштановой косой, за два столика от меня, держались за руки и пили чай с пончиками. Ещё когда я только вошла, то заметила, что на меня глянули все, но сейчас в мою сторону никто не смотрел. Гарри принёс завтрак на большом подносе.

– Если что-то ещё захотите, то я на кухне.

Он опять мне улыбнулся и скрылся за дверью: «Приятный парень, но на отца похож только ростом».

После завтрака я вернулась в комнату. Макс лежал на циновке и сопел. «Заснул, что ли?» Я достала небольшую тряпичную сумку на длинной лямке, положила в неё жилет, на всякий случай и половину своего золотого запаса. Скоро должен появиться Гун.

– Куда с-собираеш-ш-шься? – тихий шипящий голос опять застал врасплох.

– Макс! Я с тобой инфаркт получу! Ты притворялся, что спишь?

– Не с-совс-сем. Так ты куда?

– А ты думал, я тут целый день сидеть буду? Хочу город посмотреть, на рынок сходить...

– Короче, деньги тратить...

– Ну, не без этого, деньги на то и нужны. Я же не ангалин, мне золото глотать не надо, чтобы сиять своей красотой, – и приняла грациозную позу.

Макс спрятал голову в лапах и сверху ещё накрылся хво-

стом. Я видела, как он трясётся от смеха: «Правильно, пусть лучше смеётся, чем злится».

– З-значит, ты догадалас-с-сь? – произнёс он, когда немного успокоился.

– О чём?

– З-зачем я проглотил монету...

– Давно уже... Очень интересное и красивое свойство вашего организма. Расскажешь подробней, как это у вас всё работает? Если только это мне ничем не грозит, – и потёрла шею.

– Расскаж-ж-жу...

В дверь постучали:

– Эрдана, к вам пришли, – это был Крианн.

– Да... Сейчас иду. Ну, я пошла, не скучай...

Макс ничего не ответил.

На диванчике возле входной двери сидел Гун. При виде меня он вскочил и бросился с приветствиями:

– Эрдана, доброго вам утра. Я не слишком рано?

– Здравствуй, Гун. Очень хорошо, что ты пораньше. Отвезёшь на рынок?

– Куда вам будет угодно.

Глава 12

Не думала, что выход в город затянется на целый день. Одно дело плыть на гондоле поздно вечером и совсем дру-

гое при свете дня. Пробки! Лучше бы пошли пешком... Несколько раз мы застревали под мостами, а потом стали свидетелями настоящей аварии. Одна гондола перевернулась, и пока вытаскивали людей и доставали длинную лодку, собралась огромная очередь.

Но, несмотря на это, мне всё нравилось. Банкор произвёл впечатление! Настоящий большой и шумный город, не то что чопорный Маргос. Хотя и там, на ярмарке, тоже было интересно. Недалеко от рынка Гун припарковался и дальше мы пошли ногами. Старик не отставал, наоборот, забегал вперёд и довольно быстро. Рынок был огромным. Чего тут только не было! Торговцы наперебой расхваливали товар, толпы детворы носились между торговыми рядами, пахло морем, рыбой и прелой древесиной. Помимо основной цели, сапог из крокодила, мне было интересно узнать, почём торгуют жемчуг, и я спросила у Гуна:

– Гунар, а тут жемчуг есть?

– Только в одной лавке и ещё несколько лавок есть в центре. Жемчуг очень редок и дорог, без специального разрешения торговать им запрещено. Когда ловцы возвращаются с добычей, то сначала обязаны всё, что нашли, представить наместнику. Самые лучшие жемчужины он забирает себе, наш наместник очень падок до всяких редкостей и ценностей.

Старик наклонился к самому моему уху и прошептал:

– Если вам надо, эрдана Карина, я знаю, где достать. Стоить будет дорого, но жемчужины небесной красоты, в лавках

таких не бывает...

Я тихонько хихикнула: «Я тоже знаю, где достать...»

– Спасибо, Гун. Я просто хотела узнать цены, так сказать, на будущее...

– Тогда пойдёмте посмотрим...

Мы долго пробирались через лотки и небольшие палатки, пока не дошли до круглой площади с декоративным мостиком и маленькими, симпатичными магазинчиками по окружности. На пороге одного нас встретил юноша с очень надменным видом. Он был хорошо и добротно одет, высок, строен, но слишком уж важен. Рассмотрев меня очень внимательно и глянув мельком на кольцо, он вежливо поклонился:

– Что угодно прекрасной эрдане?

– Я бы хотела взглянуть на жемчуг, если он у вас есть...

– Есть немного, пройдёмте. Ваш слуга пусть снаружи подождёт.

Я хотела сказать, что Гун никакой не слуга, но старик опередил:

– Я подожду, эрдана. Идите...

Внутри магазинчика парень поставил на прилавок шкапулку с золотым узором, в которой лежало штук двадцать жемчужин. Красивых, правильной формы, но не таких крупных, как те, что я передала Крианну. Я взяла одну светло-розовую и покрутила в пальцах:

– Сколько?

– Ранд – штука.

– Ого! – у меня глаза на лоб полезли.

– У нас очень хороший жемчуг и дешевле, чем у других...

Не сомневайтесь. Вам на серёжки или кулон?

– А готовое ожерелье?

– Только одно. Показать?

– Если можно.

Он убрал жемчужины и принёс плоскую коробочку. Тонкая нитка мелкого круглого жемчуга затянула в пять рандов. Очень дорого! Да за такие деньги можно хорошую верховую лошадь купить со сбруей и ещё останется на козу! Я скорчила капризную гримаску:

– Я подумаю... Но всё же мне бы хотелось что-нибудь... поярче.

– Эрдана, я вас понимаю. К вашим прекрасным глазам очень подошёл бы чёрный или синий жемчуг, но это такая редкость, что не сыскать, и то только в виде отдельных жемчужин. У самой супруги наместника есть только серьги из чёрного жемчуга. А собрать целое ожерелье из чёрного, а тем более из синего... – и парень развёл руками.

Голос в затылке тихо сказал: «А кто-то с длинным хвостом про ожерелье из синего жемчуга упоминал...» Я мысленно засмеялась: «Было такое... За хорошее поведение могу стать круче супруги самого наместника Банкора! Только вряд ли мне это грозит...»

– Понятно, но всё равно спасибо!

Я тепло улыбнулась этому чопорному юноше, и его важность в секунду слетела. Он ответил мне такой же широкой улыбкой. Совсем мальчишка! Я распрощалась с парнем, и мы с Гуном пошли дальше.

В результате я на рынке так ничего и не купила. Совсем! Кругом было столько всего, что глаза разбегались. Но по сути, мне особо ничего и не было нужно. Припасы на дорогу пока рано закупать, а вот сапоги хотелось, только похожих на те, что я видела в Маргосе, не было. Сапоги в основном были мужские. Женщины носили туфли или невысокие полусапожки, наподобие ботинок.

Вдоволь находившись, мы присели у таверны.

– Гун, может поедим чего-нибудь?

– О, эрдана, вы так добры ко мне, что это уже слишком.

Того золотого мне надолго хватит.

– Пока ты со мной, ничего не трать. Я хоть и не богата, вернее, совсем не богата, но пока деньги есть. Давай по пиву и ещё что-нибудь на твой вкус.

– Вас, эрдана, мне послали боги.

Я пожала плечами:

– Кто знает, Гун... Кто знает...

Так мы и просидели почти до заката. Гун оказался очень интересным собеседником: много знал, много видел. Я расспрашивала его о жизни, семье, о том, кто он и чем занимался. О чём-то он рассказывал с радостью, о чём-то с грустью, а иногда его глаза наполнялись слезами.

Гунар Алебаан Тинар эн Васаб не был гондольером. У него не было разрешения на такую работу. В молодости он ходил в море, сначала матросом, потом дорос до помощника капитана торгового судна, а позже долгое время служил в столице при дворе террхана. Там встретил девушку, которая ответила ему взаимностью, и они собирались пожениться. Но в тот год случилась эпидемия чёрной лихорадки, и его невеста умерла у него на руках. Тогда он решил, что чем-то прогневил Хранителя, раз тот забрал его любимую, и больше о женитьбе не думал.

Болезнь выкосила тогда очень много народу, особенно детей и молодёжь. Люди пожилого возраста почти не заболели, а остальные – как кому повезёт. Через несколько лет, после того как чёрная лихорадка покинула Восточные земли, случился серьёзный конфликт на границе между Востоком и Западом и вскоре перерос в войну. Гуна, вместе со многими, отправили туда. Война оказалась затяжная. Никто не хотел уступать большие плодородные земли.

Глотнув пива, Гун продолжил свой рассказ:

– Армией командовал тогда один из племянников нашего террхана, Кареллан эн Растан, но за глаза все его называли Ящер, за молниеносную технику боя, как у ангалинов, хитрость и ум. Он был молод, красив, силён, и мы бы оставили за собой те земли, но что-то случилось тогда очень странное. На нас напали неожиданно и гораздо большим числом, похоже, что нас предали. Ящер со своими близкими воинами

положил тогда очень много солдат, но это не помогло. Террхану Запада удалось привлечь на свою сторону северян, и наша армия была разгромлена. Я попал в плен, а потом на галеры. – Старик горестно вздохнул: – Вот там моя спина и согнулась...

Я сжала его морщинистую руку.

– Так что я не так уж и стар, эрдана... Просто жизнь так сложилась...

– А дальше что было?

– В плену я пробыл около пяти лет. Однажды ночью наша галера столкнулась с плавучим островом и часть народу потонула. Мне же, каким-то чудом, удалось выплыть. Держась за бочку, я доплыл до другого острова, потом ещё до одного, а там меня подобрал рыбаки. Деться было некуда, и я решил вернуться в Банкор. Нашёл в городе своего племянника, он держит таверну «Сочный окорок». Его отец, мой старший брат, давно умер, вот он меня и приютил в чулане. Я на кухне помогаю и по хозяйству, а недавно гондолу нашёл старую, починил и вот... – старик уронил несколько слезинок, но, глядя на меня, улыбаясь, добавил, – сию сейчас и пью пиво с самой красивой девушкой Восточных земель.

От избытка чувств я придвинулась и обняла его:

– Спасибо, Гунар... Спасибо, что поделился...

Он тоже крепко обнял меня:

– Я так рад... Давно я так ни с кем не разговаривал... – и тихо добавил: – На равных...

– Гун, а что случилось потом с Ящером, знаешь? – имя Кареллан и упоминание о молниеносной скорости боя почему-то засело в голове колючей занозой.

– А-а-а! С Кареллом?

Моё сердце ёкнуло: «Неужели это Карелл?! Тот, кого я знаю?!»

– Я знаю только, что террхан его в тюрьму бросил по возвращении. Его то ли в предательстве обвинили, то ли ещё в чём, но я не верю. Кареллан был предан террхану и честно служил, что-то у них там между собой произошло, вероятно. Я ведь узнал об этом, только когда из плена вырвался. Позже дошли слухи, что он сбежал, а больше я ничего не знаю.

Я чуть не ляпнула: «Зато я, кажется, знаю... – но вовремя сдержалась. – Ох, язык мой – враг мой...»

Над городом сиял закат. Солнышки: Раматэа и Эала, мать и дочь, так их называли в легендах, медленно садились в море.

– Ну, что? На сегодня всё, поехали домой?

– Конечно, эрдана.

– Гун, давай без церемоний. Для тебя я Карина, или Кари, и не надо кланяться постоянно. Я не могу спокойно смотреть на эти твои поклоны. Выше голову!

Гун снова прослезился.

Когда мы отплыли в сторону гостиницы и Гун принялся опять рассказывать, где чей дом и как называют этот мост и почему, меня посетила идея.

– Гун, послушай... А почему бы тебе не заняться платными экскурсиями?

– Чем-чем?

– Ты прекрасно знаешь город, его прошлое, знаешь разные истории и рассказчик из тебя великолепный. Ты мог бы не просто доставлять приезжих до гостиниц или рынка, а, как меня, возить по городу и рассказывать, рассказывать про всё. Разработать интересный маршрут часика на полтора-два. Ведь Банкор очень большой город и здесь есть на что посмотреть, особенно тем, кто приехал впервые. Соответственно и плату брать побольше. Тут кто-нибудь так делает?

Сначала он смотрел на меня так, будто я несу чушь несусветную, но потом задумался:

– Нет... Никто так не делает. У всех жителей свои лодки, без них никуда. Но просто катать и просто рассказывать... и за болтовню деньги брать... Не знаю...

– Это не болтовня, Гунар. Это очень интересная и даже ценная информация, я бы сказала. «Кто владеет информацией, тот владеет миром». На моей родине есть такая поговорка. Ты подумай, если никто так не делает, то ты можешь стать первым. Раз мне понравилось тебя слушать, то почему другим не понравится?

– Эрдана, то есть, Карина... Кари... Ты так странно говоришь...

Да-а-а... Задала я Гунару задачу! Пусть подумает, а вдруг что-то путное получится?

Глава 13

Вернулась я, когда уже почти стемнело. Макса в комнате не было: «Похоже, на охоту подался... Ой, чувствую, наслаждаюсь про своё поведение...» Задвинув люк в полу креслом, я пошла узнать насчёт ванны.

Крианн сообщил, что горячая вода есть и Гарри сейчас натаскает. Потом спросил, не хочу ли я познакомиться с его женой, она как раз вернулась от родственников. Я с готовностью кивнула, и мы пошли на кухню. Запахи в столовой стояли такие, что слюни потекли... Сразу стало ясно, хозяйка на месте! Увидев жену Крианна, я убедилась в справедливости поговорки «муж и жена – одна сатана» и неважно, в каком конце Галактики или Вселенной находишься.

Маленькая, стройная, с толстой тёмно-каштановой косой, обмотанной вокруг головы, женщина вертелась на кухне как юла. Крианн представил нас друг другу. Я слегка поклонилась:

– Приятно познакомиться, Марэна. Я в восторге от вашего чая!

Маленькая женщина сверкнула белоснежной улыбкой:

– Спасибо! Пейте на здоровье! Что хотите на ужин?

Я нагрузила на поднос тарелки и небольшой чайник и понесла к себе в комнату: «Буду лежать в ванне и пить чай, как королева». К моему возвращению ванна была уже заполне-

на, и от горячей воды поднимался пар. Я добавила немного холодной, заперла дверь и решила сначала немного перекусить. Под полом раздался стук.

Макс выпрыгнул из подполья, как чёртик из табакерки. Я вжала голову в плечи: «Что сейчас будет...» И точно! Ангалин был в бешенстве!

– Ты где ходила целый день?! Вес-с-сь рынок с-с-скупила?! Или другим немного ос-с-ставила?! Я тут один сидел!

Я спокойно подошла к сумке, достала все деньги, что у меня были там, потом развязала мешок и выложила остальное. Сгребла всё это в кучу и сунула Максу под нос:

– Считать умеешь? – потом положила звенящую кучку на кресло и принялась за еду. Мой ангалинчик быстро сдулся.

– Ты ч-ч-что? С-с-совсем ничего не купила?

– Ничего, поели только с Гуном, да пива выпили.

– Прос-с-сти... – хвост обвился вокруг ноги, а гибкие пальцы сжали щиколотку. – Я скучал...

– Макс, я прекрасно понимаю твоё трепетное отношение к золоту, учитывая то, что я уже знаю...

– Не с-совсем понимаеш-ш-шь...

– Пусть не совсем... От тебя зависит, насколько я буду понимать, но это не даёт тебе права вести себя так по отношению ко мне. И это кольцо, по сути, – и я помахала перед серой мордой, – ничего не значит. Хотя, скажу правду, у меня к тебе какое-то очень странное отношение, с того самого момента, как я увидела тебя первый раз. Сама ещё не могу

толком разобраться в этих чувствах... Ты – ангалин, а у меня ощущение, будто ты... человек. И как в сказке, когда-нибудь скинешь эту кожу и станешь прекрасным принцем. Никак не могу выбросить эту ассоциацию из головы. Бред, конечно, но...

Макс ужом обвился вокруг меня и уткнул морду в шрам на ключице. «Как у него так получается?» Потом глубоко вдохнул, и по шкуре побежали золотые искры. Завораживающее зрелище...

– Целый день хотел это с-с-сделать... – и он нежно лизнул меня в шею. – У меня тож-ж-же очень с-с-странное отнош-ш-шение к тебе, Кари... И я тож-ж-е ничего не понимаю... Открою тебе с-с-секрет...

– Опять священная тайна ангалинов?

– Нет, никакая не с-с-вещ-щ-щеная тайна. Это мой с-с-секрет, личный...

– Тогда другое дело, очень интересно...

Он продолжал говорить мне почти в ухо, не глядя в глаза:

– Я с с-с-самого детс-с-ства хотел быть... человеком. Мои с-с-сверстники мечтали стать героями, великими охотниками, защ-щ-щитниками рода или сос-с-стоять в с-с-совете Ангалина Рекса. А братья вс-с-се как один лелеют тайную надежду, что когда-нибудь отец выберет кого-то из них. Меня же вс-с-сё это никогда ос-с-собенно не привлекало. Меня вс-с-сегда интерес-с-совали люди. Отец давно з-заметил эту мою с-с-странность и поэтому с ранней юнос-с-сти начал привле-

кать ко всем делам, с-с-связанным с людьми, обучать, объяснять... Так что я, ес-сли мож-ж-жно так сказ-з-зать, чело-вечнее других ангалинов. Ты первая, кому я это рассказал... с-с-сам...

Его слова оказались очень приятным откровением. Я поделилась своими тайнами, и Макс не остался в долгу, тоже раскрыл свой секрет. Значит, доверяет. И я ему верю.

– Прос-с-сти... Я буду с-с-стараться не з-з-злиться так... Хорош-ш-шо?

– Хорошо. Кто-то про ванну говорил или ты забыл?

Он ослабил хватку:

– Ты первая...

– Так вода будет не совсем чистой...

– Я хочу пахнуть тобой...

Осталось только развести руками. Пока я плескалась, Макс разжёл камин и даже подсвечники на стене, а потом приполз ко мне, никакой задвижки в туалетной комнате не было.

– Ты не мог бы подождать за дверью, я сейчас вылезу.

– Почему? Стесняеш-ш-шься? – Зелёные глазищи были хитрые-прехитрые, и улыбка на клыкастой пасти очень походила на похотливую.

– Да, стесняюсь. Ты всё-таки мальчик... Поддай лучше полотенце и отвернись хотя бы...

Он выполнил мою просьбу и, хмыкнув, закрыл глаза:

– Я не подглядываю, вылез-з-зай.

Я обернулась мягкой тканью и пошлёпала в комнату допивать чай. Купался он долго. Хотелось набраться наглости и пойти посмотреть, чем он там занимается столько времени, но я решила не рисковать, мало ли что, после таких откровений...

Лёжа на кровати, я закрыла глаза. Мозговой сидел за столом и что-то писал.

– Мемуары строчишь?

– Кари, девочка моя! Наконец-то ты ко мне заглянула, – профессор вскочил и кинулся обниматься. – Ну, хоть бы рубашку какую надела, что ли...

– Ой, прости... я... вот балда! – оказывается, я как была в полотенце, так в библиотеку и заявила. – Может, схожу накину что-нибудь...

– Ну уж нет! А то опять пропадёшь! Я уж как-нибудь твой полуголый вид переживу.

Мы дружно расхохотались. Он уселся на кушетку, а я забралась с ногами к нему под бок и уткнулась носом в бархатный халат:

– Я соскучилась...

– Я тоже...

– Макс достаёт своими психами... Мозг, что происходит?

– Ты о чём, дорогая?

– Ну я же вижу... Между мной и Максом что-то происходит. Искры летят в буквальном смысле...

– А ты не поняла до сих пор?

– Страшно подумать...

– Любовь...

– Даже язык не поворачивается повторить...

– Почему? – он обнял меня и прижал к себе.

– Ну как почему, Мозг?! Он же ангалин! Ящер! Рептилия!

– И что?

– Как что?!

– Кари, успокойся, всё нормально, – голос профессора был так спокоен и нежен, что возмущаться расхотелось.

– Вот что тут нормального, объясни? Я ничего нормального не вижу!

– Вы разные только физически, а в остальном... просто мужчина и просто женщина, которых влечёт друг к другу. Только вы оба пока напуганы своими чувствами, не принимаете их... разумом, пытаетесь отрицать, хотя глубоко внутри себя уже всё знаете...

– Так что... Мне надо замуж за него выходить?

Профессор взорвался хохотом. «Нет... Ну что такого я сказала?!»

– Кари! Я с тобой рискую получить диагноз смехоистерик первой степени! – он смеялся, смахивая слёзы. – Зачем сразу замуж?! Хотя... – он всё никак не мог успокоиться, – это неплохая идея, принц всё-таки...

Я насупилась, плотнее закуталась в полотенце и отвернулась. Вскоре профессор отсмеялся и полез в знакомый шкафчик.

– Сегодня у меня есть вино, красное. Так и быть, налью тебе бокальчик.

– Сам пей своё вино...

– Так... Не капризничай. Ты ведёшь себя сейчас как Макс, только ему прощительно, а тебе – нет. Пей! Тебе нужно... – и протянул хрустальный бокал.

Я выпила залпом, почти не чувствуя вкуса. Мозг налил второй:

– Этот выпей медленно, – тон не терпел возражений.

Вскоре мне полегчало: внутреннее напряжение спало, и где-то в груди расслабилась натянутая прежде пружина. Я выдохнула.

– Ну как? Легче?

– Да, спасибо. Ты, как всегда, умеешь успокоить... И что теперь делать? Как себя вести с ним? А если Макс приставать начнёт, ну в физическом смысле?..

– Не начнёт. Он же не идиот и не извращенец. Он прекрасно знает, что физиологически вы не совместимы. А эти обнимашки, искры, поцелуйчики... – и профессор махнул рукой, лукаво улыбаясь, – да на здоровье! Надо же, хоть немного, давать выход чувствам и эмоциям. Я вот тоже обнимаю тебя и целую, но это почему-то никакого возмущения у тебя не вызывает...

– Ну ты... Ты – это ты.

– А вот почему?

Я совсем не знала, что ответить. Не думала как-то в таком

ракурсе.

Мозг улыбнулся, глядя меня по руке:

– Вот и подумай как-нибудь на досуге, почему...

Через секунду я открыла глаза. В комнате темно, только в камине светятся красные уголья. Я так и лежала завёрнутая в полотенце, но уже прикрытая одеялом. Рядом распахнулись два зелёных глаза.

– Как ты догадался, что я проснулась?

– Почувствовал... Ты вз-з-здрогнула... Что-то прис-с-снилось?

– Да. Я была в гостях у одного профессора... Мы пили красное вино и разговаривали.

– Кто такой профессор?

– О... Это такой очень умный и мудрый человек. Он учёный, занимается наукой, разными исследованиями...

Голова придвинулась ближе и ангалин прошептал:

– Ты кое-что обеща-щ-щала...

– Что?

– Рассказать, кто такой З-з-змея Горыныч...

И я начала рассказывать... Сперва Макс слушал как ребёнок, затаив дыхание, потом стал вопросы задавать, потом комментировать. В результате, к рассвету, разговор превратился в дискуссию на тему: «Морфологические характеристики Змея Горыныча и других мифических рептилоидных существ, в частности, драконов, великих полозов, царевен (принцев) – лягушек, огненных саламандр и так далее. Осо-

бенности их поведения и развития, а также частота и подобие упоминаний о них в сказках и легендах разных народов Земли». Прямо тема для диссертации какая-то получилась!

Змей Горыныч Максу очень понравился. Он никак не мог поверить, что Змей летает, выдыхает огонь и, главное – у него три головы, которые могут иметь разный характер.

– Макс, ну это же сказка, фантазия! Придумать можно всё что угодно. Хотя, конечно, какая-то доля истины всегда есть, вне всякого сомнения. Сказки и легенды не зарождаются на пустом месте. Если вдуматься, то выходит, что на Земле тоже когда-то, давным-давно, могли существовать, параллельно с людьми, разумные рептилоиды.

– З-значит, правильно ты меня З-з-змеем Горынычем наз-з-звала, у нас много общ-щ-щего.

– Например?

Начало светать. Длинное гибкое тело отчётливо виднелось на кровати. Изумрудные глаза смеялись, и весь облик ангалина был расслабленным и благодушным.

– Во-первых, раз-з-зум. Во-вторых, чеш-ш-шуя, клыки, когти, хвост, то есть внеш-ш-шность. В-третьих, владение оруж-ж-жием, он же билс-с-ся на мечях с этим, как его...

– Ильёй Муромцем...

– Точно. Плавать умеет, з-з-золото любит. И эта тяга к молоденьким девуш-ш-шкам-крас-с-савицам, которых он похищ-щ-щает... – Макс покачал головой, томно глядя мне в глаза.

– Но ты же меня не похищал. Я с тобой вроде как добровольно...

Мы захихикали.

– Вот и получается-с-ся, что я почти З-з-змей Горыныч и ес-с-сть.

– Ох, Макс! Я думала, ты обидишься...

– Ещ-щ-щё чего... – он замолчал, и тяжёлая голова легла на плечо. – Знаеш-ш-шь, Кари... Ес-с-сли бы какое-то время наз-з-зад кто-нибудь с-сказ-з-зал, что я, Макс-с-сашарай эн Шепар, с-сын Великого Ангалина Рекса, буду леж-ж-жать на кровати рядом с человечес-с-ской женщ-щ-щиной, с-с-смотреть на неё, вдыхать её з-з-запах, раз-з-зговаривать о каких-то з-з-загадочных суц-щ-ществвах из другого мира, посвящ-щ-щать её в тайны с-с-своего народа...

– И что бы ты сделал?

Пристальный, пронизывающий взгляд действовал почти гипнотически. Я чувствовала, что погружаюсь в него и растворяюсь...

– Я бы убил его...

Я закрыла глаза: «Затягивает, как в омут. И чем дольше смотрю, тем сложнее оторваться... Неужели всё настолько серьёзно и Мозговой прав? Сумасшествие какое-то...»

– Кари? Что-то не так?

– Можно тебя попросить... Не смотри так... Не по себе, когда ты так меня разглядываешь...

– Как так?!

– Ну вот как сейчас, только что...

Лучше бы я смолчала! В доли секунды он спрыгнул, звонко царапнув пол когтями:

– А ты не пахни! И тож-ж-же не с-с-смотри на меня! И не трогай! У меня, вообщ-щ-ще, от тебя голова круж-ж-жит-ся, мыс-с-сли раз-з-збегаются и я с-с-совсем ничего не сообщ-ж-жаю, что говорю и что делаю!

Я ничего не успела сказать. Крышка люка хлопнула, донёсся всплеск, и его уже не было. «А так хорошо общались... И на тебе... Вот кто меня за язык тянул? Никак не предугадать, как он может отреагировать... Вроде ничего такого я не сказала, просто попросила...»

– К вечеру остынет, – голос Мозгового был спокоен. – Ещё прощение вымаливать будет...

– Надеюсь...

Глава 14

Спать уже не хотелось. Пока я умывалась и приводила себя в порядок, совсем рассвело. Я выглянула в окно. Город проснулся: доносились голоса, плеск вёсел, звуки шагов по деревянным мосткам. Потянуло свежей выпечкой и ароматом травяного чая. Сигнал к завтраку. Я быстро собралась, обмотала шею платком, так как синяки были ещё видны, и вышла из комнаты: «Сегодня надо потратить немного денег... Назло этому чешуйчатому психу! Хочу сапоги из кро-

кодила, а ещё надо купить небольшое зеркало, заколки для волос и хороший гребень». В столовой ко мне подбежал Гарри:

– Эрдана, там за вами пришли...

– Спасибо, а можно и Гуна покормить? Я заплачу...

– Думаю, да.

– Может, лучше у отца спроси на всякий случай...

Крианн сказал, что Гуна они готовы каждый день кормить завтраком и ужином всё время, пока я здесь, так как переплатила за своё проживание. Гунар сначала упирался, но я его быстро уломала. Мы с аппетитом умяли свои порции и отплыли довольно рано, столпотворения в каналах ещё не было. Я по обыкновению сидела на скамеечке, а Гун правил, отталкиваясь длинным шестом.

– Эрдана Кари, я тут думал...

– О чём?

– Ну, о том, что вы мне говорили вчера...

– А-а-а... ты об этом. И что?

– Можно попробовать. Мой племянник сказал, что поможет. Его хороший друг, ткач, обобьёт гондолу недорогими коврами и подешевле продаст несколько подушек, ну чтобы комфортно было...

Я улыбнулась:

– Правильно мыслишь. Твоим пассажирам должно быть удобно и подумай над маршрутом или даже несколькими.

– Я уже думаю. Только, эрдана, я хотел спросить...

– Гун, в чём дело?

– Надо заявку наместнику подать, налог заплатить...

– Тебе деньги нужны?

– Нет, эрдана, нет... Того, что у меня есть, хватит. Просто лучше заявку сейчас подавать. Скоро праздничная неделя и их долго принимать не будут... Вы можете меня отпустить на полдня?

– Так вот ты о чём! А я не пойму никак, в чём проблема!

Ну так поехали вместе!

У большого каменного здания с узкими окнами, неподалёку от центральной площади, собралась небольшая толпа. Я так поняла, что это городское управление, в котором заседали чиновники. Сам наместник такими делами не занимался, он, как говорится, был руководитель верхнего уровня. На стене висела длинная доска. Гун объяснил, что это доска объявлений. На ней писали мелом различные сообщения, указы, распоряжения и так далее... С другой стороны от входа была ещё одна, такая же. На этой доске могли писать свои объявления жители города: купцы, лавочники, содержатели таверн и гостиниц. Оказывается, подобные информационные или рекламные доски висели в разных частях Банкора.

Ждали мы долго. Когда же, наконец, открыли двери и народ хлынул внутрь, выяснилось, что чиновник, который сегодня отвечает за приём заявок на работу, будет только после полудня. Гунар расстроился, а я убедилась, что админи-

стративно-чиновничья система одинакова, скорее всего, во всех мирах Вселенной: очереди, ожидание начальников, бумажная волокита и так далее и тому подобное.

– Не переживай, Гун. Пошли на рынок сходим, а потом вернёмся. Если ты решил, то нельзя отступить.

Так мы и сделали. На рынке я купила всё, что хотела, кроме сапог. За ними нужно было идти или сплавать на гондоле в другую сторону, на улицу портных и сапожников. Когда мы вернулись к городской управе, нужного чиновника ещё не было. В ожидании я ходила вдоль досок с объявлениями. Читала я плохо. К сожалению, Гай так и не успел толком меня научить. Я знала не все буквы и их сочетания. Окатанская письменность в каком-то смысле походила на китайскую. Один значок мог обозначать иногда целое слово или часть его. Да и привыкнуть мне было сложно. Жаль, что языковые настройки в моей голове не распространялись на написанные знаки. Эти точки, палочки, крючочки и загогулины совсем не походили на знакомые буквы.

Гунар сначала не поверил, что такая «толковая», по его словам, эрдана практически не умеет читать. Было жутко стыдно. Моё высшее образование здесь имело мало смысла. Оттащив старика в сторону, я попросила его почитать мне объявления, попутно поясняя каждый знак. Мы разобрали уже треть из написанного на доске, когда Гуна позвали. Чиновник объявился.

За массивной конторкой сидел щуплый мужчина средних

лет в чёрном камзоле с двумя рядами красивых пуговиц. Под ним тёмная рубашка с широким отложным воротником, лицо хмурое и очень серьёзное. «Мрачноватый тип... – подумала я. – Как бы не дал он Гуна от ворот поворот». Мы подошли. Чиновник сначала что-то долго чёркал стилосом и только потом поднял глаза. Гун начал отбивать свои поклоны, я же нагло рассматривала строгого дядьку.

– Слушаю... вас... – и также пристально начал разглядывать меня.

– Разрешение... официальное... в гондольеры...

– Имя? – не глядя в сторону Гуна, спросил чиновник. Он сверлил меня глазами.

Гун назвал своё полное имя и опять поклонился.

– Гондола имеется?

– Конечно, фаэдр.

– Давно живёшь в Банкоре?

– Почти десять лет...

– Хорошо... Где?

– У племянника моего, Дагана эн Эгилла, в таверне «Сочный окорок».

Чиновник кивнул:

– Знаю... – и неожиданно спросил: – Это твоя дочь?

Гун вздрогнул, но я не растерялась:

– Нет, фаэдр. Я дочь старого друга Гунара, приехала встретить мужа из плавания, – и поправила платок на шее, так чтобы было видно кольцо.

Чиновник его заметил и опустил глаза.

– Сколько лет, служил ли где? – продолжал он спрашивать.

Гун кратко поведал свою биографию.

– Ну что ж... – и строгий дядька постучал стилосом по конторке. – Возраст у тебя уже преклонный, да и немощен, я вижу.

Гун начал оправдываться, мол, что он не так уж и стар, чувствует себя хорошо и вполне может справляться с работой.

– А налог кто в конце года заплатит, если ты к Хранителю отправишься?

– Но я...

– Можно принять заявку, но надо, чтобы два человека поручились за тебя. Найдёшь, тогда приходи. По полтора эре с поручителя, один за заявку и один за разрешение... Итого – пять эре.

Я быстро прикинула: только за эту бюрократию Гуну нужно отдать половину золотого ранда.

– А сколько налог в конце года? – встряла я в разговор.

– Для гондольеров два ранда в год.

В общем, не много, учитывая, что официальное разрешение даёт само по себе неплохие привилегии, как объяснял Гун.

– Гун, а твой племянник может за тебя поручиться?

Старик пожал плечами.

– А я могу быть поручителем?

– Эрдана разве живёт в Банкоре? – чиновник ехидно глянул исподлобья.

– Нет, не живу...

– Поручиться имеет право только житель города.

Я решила не отступать:

– А если я заплачу больше?

«Чёрный камзол» откинулся на стуле и сцепил руки на животе:

– Насколько?

– В два раза.

– В четыре.

– В три.

– Годится, – и он улыбнулся. – Но второй поручитель всё равно нужен и он обязательно должен быть жителем города.

Гунар дёргал меня за рукав:

– Эрдана Карина, не надо... Я как-нибудь...

– Спокойно, Гун. Мы с фаэдром уже договорились. А второго поручителя мы найдём, не переживай. Оформляйте...

Служащий достал плотные листы, записал всё, что нужно, и спросил моё полное имя. Я ответила. Мужчина хмыкнул:

– Дом Матвэй... – и опять принялся меня разглядывать. –

Неужели ещё кто-то остался?

Я молчала. Мы заплатили всё, что требовалось, договорились, что ждать второго поручителя будут до начала праздничной недели, и вышли на свежий воздух. Гун был бледен,

как полотно.

– Гун, что случилось? Тебе плохо?!

– Карина... – он смотрел очумелыми глазами. – Вы... эн Матвэй?!

– А что?

– Моя прабабка по отцовской линии тоже была эн Матвэй! Теперь настала моя очередь удивляться:

– Серьёзно?!

– Я думал, что и нет уже никого... Вымерли все...

– Ну... – я не знала, что сказать. Вот же умудрился Мозговой имечко придумать. – Выходит, мы с тобой родственники, в какой-то степени...

– Выходит... Я так счастлив!

В этот момент из здания управы вышел парень в таком же чёрном камзоле, как и тот чиновник, который принимал у нас заявку. Он вынес квадратную доску, инструменты и начал прибивать её рядом с доской объявлений.

– Что это? – очень хотелось перевести разговор в другое русло, подальше от скользкой темы родни, предков и истории дома, к которому я якобы принадлежала.

– Это указ или объявление от наместника.

– Пошли почитаем.

Это был не указ. Это было сообщение о казнях перед праздничной неделей. И в нём говорилось, что казни должны состояться за сутки до начала празднований, то есть через двенадцать дней. Казнены, через повешенье, будут пять

человек, все за преступления против террхана, и далее перечислялись имена. Одному же отрубят голову, так как шестой приговорённый – сын родного брата первого советника Великого террхана Северных земель, полное имя которого Грасаан Леан Хильгейв эн Геанар. Террхан Восточных территорий оказывает тому великую честь, заменяя повешенье отрубанием головы, как и подобает быть казнённым столь знатному преступнику.

У меня подогнулись колени, а внутри всё похолодело: «Гоблин! Грас! Здесь! В Банкорской тюрьме! Его казнят! Не может быть... А вдруг это не он?!»

Но шансов на то, что это не мой Гоблин из золотой банды, не было. Я ведь слышала от Хейи, что он в тюрьме, только неизвестно где, и что он, сын брата советника Северного терра. А Грас вот, оказывается, где! В Банкоре!

– Кари, Кари... – Гун взял меня за руку. – Что с тобой?

– Пойдём отсюда...

Пройдя через площадь и пару мостов, мы спустились к гондоле.

– Отвези меня в «Тихий островок».

– А как же сапоги из крокодила?

Я отмахнулась и Гун отчалил. Присутствовать ни на каких казнях я не собиралась, но увидеть Граса было необходимо, да и очень хотелось, если честно. К членам банды я испытывала какие-то странные родственные чувства. Они первые! Первые, какими бы они ни были, приняли меня в чужом ми-

ре, позаботились как смогли, кормили, поили, выходили. В душе я даже простила им попытку изнасилования, хотя Грас на меня видов не имел. Да и потом, это же он услышал, как объяснил Мозговой, мои стоны из ямы.

Гун причалил возле маленького мостика, а я даже не заметила, как он присел рядом:

– Что случилось? На тебе лица нет...

Я глянула в такие добрые, окружённые сетью глубоких морщин, глаза:

– Гун... В тюрьму можно попасть?

– Так вот оно что! Ты знаешь кого-то из смертников?!

– Да...

– Кого?

– Того, кому отрубят голову.

– Та-а-ак... – старик задумался. – Но откуда ты можешь знать его, он же из золотой банды, которая столько лет грабила караваны?!

– Это долгая история... Я не могу тебе рассказать, прости... Может, потом как-нибудь...

– Нужны деньги... и немало.

– Сколько?

– Два-три ранда точно.

– Ты сможешь выяснить, как это сделать? Мне нужно увидеть его до казни обязательно. Вот только узнает ли он меня... Это очень важно, Гун! Очень надо поговорить с ним!

– Я всё понял, Кари... Я попробую.

– Если ты не хочешь или есть какие-то причины... – и я вопросительно глянула.

– Что ты! Нет! Чем же ещё отплатить за твою доброту?! Можно я буду считать тебя своей дочерью, хотя по возрасту правильнее внучкой?

Хлюпнув носом, я бросилась старику на шею:

– Нужно, Гун... Нужно!

Мы немного поплакали, вытирая друг другу слёзы, а потом Гун довёз меня до гостиницы.

Крианн сам открыл дверь:

– Вы сегодня рано вернулись, эрдана Карина.

– Да, Крианн, так получилось... – я тащила Гуна за собой, он упирался, не понимая зачем. – Крианн, можно спросить?

– Конечно, – и он прошёл за свою стойку.

– Мне нужна помощь, а в городе я почти никого не знаю. Дело в том, что сегодня мы подавали заявку на работу гондольером...

– И что? – Крианн почему-то улыбался.

– В управе потребовали двух поручителей помимо обычной оплаты, из-за возраста Гуна. Я поручилась, но нужен ещё один человек и обязательно житель города. Вы можете помочь найти такого? Расходы мы оплатим...

– А зачем искать? – он продолжал улыбаться в бороду.

– В смысле?

– Могу я поручиться или Гарри, он уже совершеннолетний.

Я бухнулась на диванчик у стены и усадила рядом своего новоиспечённого дедушку.

– Крианн! А с вами приятно иметь дело, вы знаете об этом?!

Он расхохотался. Не думала, что вопрос с поручителем решится так просто. Мы быстро всё обсудили, и Гун отчалил по своим, вернее по моим, делам. Я же, сославшись на усталость, заперлась в комнате. Макса не было... «И где он? До заката ещё далеко... Неужели я так сильно его обидела?»

В дверь постучали. Это был Крианн:

– Можно?

– Можно... – я задвинула люк креслом и открыла. Перешагнув порог, хозяин «Тихого островка» оглядел комнату и уселся в кресло.

– Эрдана, я хотел поговорить с вами... Вы ведь связаны с ангалинами, не так ли?

Отрицать было бессмысленно. Я кивнула и добавила:

– С одним...

– Я его тоже знаю? У него приметная царапина на лбу и зелёные глаза?

– Знаете...

– Отлично! Вот его доля за жемчуг, – и достал из кармана толстый кожаный мешочек. – Вы передадите?

– Можете быть уверены.

– Спасибо. В этот раз сделка была очень удачной. Мы хорошо заработали.

Я взвесила в руке «долю». Ого! Какая тяжёленькая!

– Если появится ещё что-либо подобное, буду только рад.

Условия меня устраивают.

– Я передам ему... Крианн, а вы, случайно, не знаете... можно ли увидеться со смертником до казни?

Такого вопроса он никак не ожидал, но ответил быстро:

– Можно. А зачем вам?

– Сегодня я узнала, что здесь, в тюрьме, находится человек, с которым мне нужно обязательно встретиться.

– Думаю, что два-три ранда помогут в таком деле. Только договариваться надо непосредственно с охраной, в городскую управу лучше не ходить, там задают слишком много вопросов.

– Спасибо, Крианн.

– Хотите чаю пока?

– Хорошо бы...

– Гарри принесёт, – он поднялся с кресла. Стоя, Крианн был не намного выше меня сидящей. Теперь мы находились почти на одном уровне и уже он смотрел на меня сверху вниз. Мужчина хотел что-то сказать, я видела это по его лицу, но он лишь слегка поклонился со словами:

– Отдыхайте... – и вышел.

Вскоре Гарри принёс чай с куском утреннего пирога. Парень сегодня был весел и улыбочив.

– Не желает ли эрдана ванну?

– Спасибо, Гарри, не утруждайся.

– Как скажете.

Я заперлась на засов, выпила чай, а к пирогу не притронулась. Есть совсем не хотелось. Не раздеваясь, упала на кровать и через несколько секунд носилась по библиотеке.

– Мозг! Как же так?! Его казнят!

Профессор сидел за столом и листал толстый фолиант.

– Очень жаль...

– Надо что-то придумать! Слышишь?!

– Ты опять за своё?

– За какое своё?!

– Ну, Кари... Ты как маленькая. В Маргосе освободила ангалина, а здесь хочешь помочь заключённому совершить побег?! Не забывай, что он преступник!

– Я очень хочу помочь ему, и если бы знала как, то ни минуты бы не раздумывала, но понимаю, что это нереально. Надо хотя бы повидаться, спросить, что было после моего исчезновения... Что с Дайком...

– Тут ты права, конечно, встретиться необходимо, информация лишней не будет.

Я мерила библиотеку шагами, а Мозговой через монокль поглядывал на мои метания.

– Я так хочу помочь ему! Это же мой Гоблин! Только как?! Может, на свидании получится что-то разведать?

– Выбрось это из головы! Банкорская тюрьма – не набережная в Маргосе! Ты не знаешь, где и как его содержат, ни как охраняют. И города ты тоже почти не знаешь... Да и во-

обще! Что я говорю? Это глупая затея!

– А вот знаешь что... – я ткнула в него пальцем. – Что-то подобное ты и в Маргосе говорил, не хотел, чтобы я Макса освободила. Но всё получилось! Мало того, теперь Макс мой друг и даже больше... И мне без разницы, что он не человек. Он стал таким же близким, как и золотая банда, и караванщики, и Гун. И если я смогу помочь Грасу, то я это сделаю! Обязательно! Не хочешь помогать, не надо! Сама справлюсь! – и выскочила из библиотеки, громко хлопнув дверью.

Пока бежала по какому-то странному полутёмному коридору, которого раньше не было или я его просто не замечала, до сознания донеслись брошенные вслед слова Мозгового:

– Кари! Постой! Давай поговорим!

Крикнув мысленно: «Обойдётся!», я открыла глаза. Под полом стучали. Я вскочила и отодвинула от люка кресло. Холодный, мокрый Макс сбил с ног:

– Ты почему так долго не открывала?! – хвост обвился вокруг коленей, а над лицом нависла тёмно-серая морда. – Ты что, обиделас-с-сь?! Прос-с-сти... Я понимаю, что пс-с-сих...

Не говоря ни слова, я крепко стиснула его шею, вода ладонью по влажной чешуе. Макс дёрнулся, по всему его телу быстро пробежала искристая дорожка, и он ещё сильнее обхватил меня. Так мы и лежали на полу возле открытого люка. Я перебирала пальцами крупные чешуйки вдоль позво-

ночника, это действовало очень успокаивающе, а он, закрыв глаза, дышал куда-то мне в макушку.

– Тебе Крианн кучу денег за жемчуг передал... – прервала я молчание.

– Много? – глаза не открывались.

– Не знаю, не считала... Сам посмотри... Ещё сказал, что если появится что-либо подобное, будет только рад, условия его устраивают.

– Отлично...

В дверь постучали:

– Эрдана Карина, ужин готов! Вы слышите?

– Да, Гарри, я скоро... Макс, выпусти меня, – последнюю фразу я сказала шёпотом.

Хватка ослабла, и я поднялась на ноги:

– Ты голодный? Принести что-нибудь?

– Нет, я хорош-ш-шо поохотился... – изумрудные глаза очень внимательно меня рассматривали. – Что-то случилось-с-сь?

– Ты о чём?

– Я же вижу, вернее, кож-ж-жей чувс-с-ствую, что ты чем-то обес-с-спокоена...

– Случилось...

Он стряхнул остатки влаги и принялся разжигать камин:

– И что ж-ж-же?

– Помнишь, я рассказывала про золотую банду?

– Как не помнить...

– Грас в тюрьме, здесь, в Банкоре. Перед праздником его казнят, голову отрубят...

Ангалин подобросил несколько поленьев и повернулся ко мне:

– Иди поеш-ш-шь, потом поговорим, – и улыбнулся одной половиной клыкастой пасти. Как у него так получается?!

Глава 15

Ужин оказался очень вкусным. Правильно говорят, что аппетит приходит во время еды. Пока я топала в столовую, есть совершенно не хотелось, но стоило унюхать ароматы и увидеть на тарелке дымящееся мясное рагу с горой овощей, как проснулся зверский аппетит. Умяв свою порцию, я поблагодарила Марэну и Гарри и, захватив небольшой чайник с фирменным горячим напитком, удалилась к себе.

Макс лежал на циновке и считал деньги. Цитата сорвалась сама собой:

– «Там царь Кощей над золотом чахнет...»

Ящер заулыбался:

– Ещ-щ-щё одна с-сказ-зка?

– Да. И очень красивая, между прочим, в стихах...

– Расскажеш-ш-шь?

– Если вспомню целиком, она длинная. Ну, что? – и я присела рядом. – Крианн тебя не обидел?

– Нет, всё как договаривалис-с-сь, даж-ж-же больш-ш-ше,

чем я рассчитывал.

Он закинул одну монетку в рот и, прошлёпав к кувшину, вылил в глотку почти всю воду.

– Ну как? Вкусно?!

– Нет, но иначе я не с-с-смогу тебя радовать этим... как его... как ты говорила?

– Световым шоу...

– Точно! Такие слова умееш-ш-шь подбирать!

Он плюхнулся на циновку и уставился зелёными глазами:

– А вот теперь рассказывай, что случилос-с-сь...

И я рассказала. И про поход в управу, и про чиновника и его условия, и про объявления о казнях, и даже отчиталась, сколько потратила денег и на что. Максу очень понравилась моя экономность и то, что я доложила ему всё детально, во всех подробностях.

– И что думаеш-ш-шь? – хвостовые пальцы отбивали чечётку на циновке.

– Если бы я могла ему как-то помочь... Но как? Тюрьма – это не набережная в Маргосе, – повторила слова Мозгового. – Попробую хотя бы повидаться, расспросить о Дайке, а также про то, что случилось после того, как я убежала. А может, Грас расскажет и про яму, в которой меня нашли. Проход в мой мир должен быть где-то рядом...

На последней фразе чечётка прекратилась, а сильные гибкие пальцы сжали моё запястье.

– Ты всё-таки хочеш-ш-шь вернутьс-с-ся?

– Конечно... Я чужая здесь...

Золотые искры в ясных фантастических глазах на мгновение вспыхнули и погасли.

– Но не для меня...

Я обняла его:

– Спасибо, Максик, так приятно слышать... Если честно, то на возвращение я уже особо и не рассчитываю. Это уравнение со многими неизвестными, а я не великий математик. Но я должна пытаться. Не обижайся...

– Я не обиж-ж-жаюсь... – горячий язык лизнул щёку, – я понимаю и помогу, чем с-с-смогу...

– Ах ты, крокодильчик мой золотой! – и, забыв про возможные последствия, чмокнула его в нос.

Яркая сиреневая молния шибанула в потолок, нас отбросило в стороны, и по комнате быстро распространился запах озона, как после грозы. Хорошо, что ставни были закрыты! Макс тряс головой, а я сидела на полу возле двери, закрыв лицо руками.

– Прости-и-и... я забыла...

– Не делай так больш-ш-ше. Видиш-ш-шь, чем это заканчивается-с-ся...

– Макс... – я подползла к нему на четвереньках, – а что это такое?! Самая настоящая молния бьёт!

Он отвернулся и пробурчал:

– Потом... как-нибудь расскаж-ж-жу... Давай лучш-ш-ше

думать, что с Грас-с-сом твоим делать будем.

– А что делать? В Маргосе у меня был расслабляющий отвар для каморты и желание помочь тебе, а здесь одного желания не хватит...

– З-з-зато теперь у тебя ес-с-сть я...

Я уставилась на своего друга:

– Неужели ты хочешь сказать, что...

Ящер подмигнул зелёным глазом и улыбнулся во всю клыкастую пасть:

– Хочу!

Я чуть не кинулась к нему обратно с поцелуями, но ангалин вовремя увернулся, хитро скалясь:

– Мне мож-ж-жно, а тебе нельз-з-зя!

Вскоре я уже знала, в чём состоял план Макса. Во всем Банкоре, да и на всём Окатане, наверно, он был единственным, кто мог такое повернуть! И этот единственный находился сейчас рядом со мной! Каким же удивительным образом может закрутиться спираль событий! Один поступок влечёт за собой другой, этот другой – третий, какой-то случай приводит к определённым последствиям, из которых тоже следуют какие-то события и так далее... Из, казалось бы, отдельных звеньев сплетается единая цепь судьбы!

Тюрьма в Банкоре, по сути, тюрьмой не была. Это был древний полуразрушенный Храм ангов, предков ангалинов, как они верили. Когда-то, в далёком-далёком прошлом, таких Храмов было восемь, для каждого из восьми богов. Во-

семь – это, вообще, особое число на Окатане, можно даже сказать, священное. В настоящее время сохранилось всего пять Храмов, один из которых был разрушен во время очень сильного землетрясения, когда Банкора не было и в помине. Ангалины потеряли интерес к этому Храму, так как целостность его была нарушена, и для поклонения они посчитали его непригодным. Из оставшихся четырёх два находились на Восточных землях, один на Севере и один на Западных территориях. Что случилось с остальными тремя, ангалины не знали. Предполагали только, что они были уничтожены в те времена, когда анги воевали с богами.

Когда отстроился город, разрушенный Храм люди стали использовать в своих целях и вскоре он превратился в тюрьму, уж больно подходил для этого. Внутри, на нескольких подземных уровнях, располагались небольшие изолированные камеры с такими прочными решётками и каменными стенами, что выбраться из них было невозможно. Для чего нужны были эти камеры в подземельях, Макс не знал. Зато он знал другое! Все Храмы были абсолютно одинаковы как снаружи, так и внутри. Решётки в камерах открывались только из одного изолированного помещения, и никаким другим способом открыть их было нельзя. Но... В полу, возле задней стены в каждой камере был узкий канал, по которому постоянно текла вода. Такой канал проходил через все камеры всех подземных этажей.

В полуразрушенном Храме Банкора вода по этим каналам

не текла, так как землетрясение нарушило циркуляцию подземных источников. Макс знал, что в каждой каменной клетке в этом канале есть участок, который отодвигается, зачем – неизвестно. Но известно как! Чтобы сдвинуть этот камень, нужно было попасть в узкий коридор за задними стенами череды камер. Люди понятия не имели об этом проходе, так как найти его можно было, только если знать, что он там есть. Зачем и для чего анги строили такие странные сооружения, ангалины не знали, а люди тем более. С глубокой древности у ящеров сохранился документ из какого-то неизвестного и стойкого ко всяким повреждениям материала с подробным планом одного из Храмов. И как они выяснили со временем, все уцелевшие Храмы ему соответствовали.

– А Храмы ли это? – задала я крутившийся в голове вопрос.

Ящер пожал плечами:

– Мы никогда не думали об этом, но теперь... – он задумался, – надо будет отца расспрос-с-сить. Он много чего з-з-знает, мож-ж-жет, что-нибудь и расскаж-ж-жет, хотя делитьс-ся самыми важ-ж-жными тайнами будет только с нас-следником. Я кое-что з-з-знаю лишь потому, что чрез-з-мерно любопытен, ос-с-обенно это проявлялос-сь в детстве, и пос-с-тоянно с-с-ую с-с-свой длинный хвост куда не с-с-следует и ищ-щ-щу на него приключения. Так отец говорит... Вот и тебя так наш-ш-шёл...

– Значит, всё может получиться?

– Вполне. И притом так, что никто не поймёт, как он исчез-з-з из з-з-запертой камеры! Но одному мне не с-с-справиться. Тебе обяз-з-зательно нуж-ж-жно с ним встретиться-с-ся, как ты и хотела. Заодно и рассмотреть вс-с-сё вокруг, пос-с-считать, в какой камере его держ-ж-жат и на каком уровне. Чем больш-ш-ше увидиш-ш-шь и запомниш-ш-шь, тем лучш-ш-ше.

– Само собой... Вот только узнает ли он меня? А вдруг разговаривать не захочет?

– Ты так с-с-сильно из-з-зменилас-с-сь?

Я улеглась на спину: головой на Макса, как на подушку, а ноги закинула на сиденье кресла.

– Мне сложно об этом судить... Я же себя со стороны не вижу. Когда в лесу жила, то себя совсем не видела, кроме как в отражении воды. А про глаза и волосы так и говорить нечего... райское поле оставило яркие отметины.

Гибкая шея изогнулась, и голова Макса легла мне на живот. Он молча рассматривал меня, и я почувствовала, что краснею.

– Что ты делаешь?

– Любуюс-с-сь...

– Вот дурак... – и щёлкнула его по лбу. Звук щелбана о крепкую, крупную чешуйку получился звонким.

– Он тебя уз-з-знает, ты ж-ж-же не один день ж-ж-жила с ними, да и говорить з-з-захочет... Он же там с-с-смерти ж-ж-ждёт. Я тоже ж-ж-дал... Ложис-сь с-с-спать, а я на раз-з-

звездку с-с-сплываю. Ес-сть нес-с-сколько воз-з-мож-жностей
попас-сть в тюрьму, по каналу и по подз-з-земной реке.

– Макс... Почему ты мне помогаешь?

Ангалин криво усмехнулся:

– Влюбилс-с-ся...

– А если серьёзно?

– Хочетс-с-ся утереть наместнику нос-с-с, да и с-самому Великому террхану. Щ-щ-щёлкнуть их вот так, как ты меня сейчас-с-с. И к тому ж-ж-же я лично против з-з-золотой банды ничего не имею. Вс-с-се говорят, что ангалины ж-ж-жадные и нам нуж-ж-жно только з-з-золото. А оно нам, дейс-с-ствительно, очень нуж-ж-жно! И ты з-знаеш-ш-шь, з-зачем. От него з-з-завис-сит наш-ш-ша ж-ж-жизнь в море! Когда из глубин поднимаютс-с-ся панцирные ос-с-сьминоги или кархароны мигрируют через наш-ш-ши воды, нам приходитс-с-ся туго и только вс-спыш-ш-шки с-с-света способны их отпугнуть. А без-з-з золота ангалины не светятс-с-ся и не могут с-с-согревать с-с-себя в холодной воде. З-з-зачем золото людям?! Раз-зве их ж-ж-жизнь з-завис-сит от него так, как наш-ш-ша?!

На такое сложно было что-то возразить.

Глава 16

Макс уплыл, а я переоделась и улеглась. Спать не хотелось... Я лежала и перебирала в памяти всё, о чём мы разго-

варивали. По словам Макса выходило, что важно выяснить, в какой именно камере держат Граса, а дальше дело техники. Проникнув в туннель за стенами камер, можно будет отодвинуть камень, там должен быть рычаг, и забрать Граса, а потом уйти тем же путём. Сейчас всё выглядело просто и исполнимо, но реальность может внести свои коррективы, и я даже не сомневаюсь, что внесёт. Первое, что сейчас нужно, так это организовать свидание, а там посмотрим.

Я закрыла глаза и очутилась не у двери в библиотеку или в ней самой, а опять в том странном полутёмном коридоре. Я огляделась. По сторонам тускло горели лампочки, самые обычные лампы накаливания, только вкрученные прямо в стены. Я дотронулась до одной – холодная. А куда идти?! В обе стороны картина одинакова: бесконечный коридор с лампочками.

– Мозг! Мозг! Ты где?! Куда я попала?! Отзови-и-ись!

Никакого ответа. Я продолжала стоять, растерянно оглядываясь: «Что за коридор? Откуда он взялся?!»

– Мозг! Мозгово-о-ой!

– Кари! Девочка моя!

Я обернулась на голос. Профессор нёсся по коридору, махая руками. Полы халата развевались, а шаги отдавались гулким эхом. «Странно... Я вижу его и слышу... Смотрю, как он быстрым шагом приближается навстречу, но... ничего не меняется, он будто на месте стоит... или это я отдаляюсь? Я же стою столбом! Что за чудеса?! Зазеркалье какое-то...»

Я продолжала смотреть на Мозгового, мчащегося ко мне. Не знаю почему, но я повернула голову в противоположную сторону. Секунда... и профессор оказался рядом. Он сграбастал меня в объятия и принялся целовать в щёки:

– Девочка моя! Я так рад! Как ты тут оказалась?! Я никак не мог достучаться до тебя... Ты так иногда отгораживаешься, что дозваться невозможно!

От таких бурных эмоций я обалдела. Я знала, что он меня любит, чувствовала это... И чем дальше, тем больше. Но ведь он – это я, а я – это он... Ум за разум заходит!

– Мозг, я ничего не понимаю... Где мы?!

Он оторвался от своего занятия и поправил мою растрепавшуюся прядь:

– Как где?! В глубинах твоего разума, конечно!

– Моего?!

– Ну да.

– Мрачноватенько как-то, тебе не кажется?

Он захохотал и опять кинулся обниматься:

– Кари, ты попала так глубоко, что я сам только недавно начал тут появляться. Вот лампочки вкрутил, а то совсем был мрак.

– Я ничего не понимаю, Мозг... А библиотека где?

– Пойдём.

И хоть двигались мы прямо, возникло ощущение, что мы постоянно поворачиваем: то налево, то направо. Перед глазами одно – прямой длинный коридор, а внутри какое-то

круговое движение. Меня начало подташнивать, как в детстве на карусели, а потом... пол неожиданно ушёл из-под ног.

– Ка-а-ари... Ка-а-ари! Где-е-е ты-ы-ы?! – кто-то звал меня, только непонятно, чей это голос.

Я осознавала, что сплю. Это сон... Деревья, скалы, хижины в лесу, потом быстрое мелькание лиц: Карелл, Грас, Олли, Лакр, какие-то хмурые и бледные. И опять голос, только я его уже узнала и завопила в ответ:

– Дайк! Дайк! Я здесь! Да-а-айк!

Поток холодной воды привёл в чувства. Мокрая с головы до ног я сидела на кровати, а рядом с кувшином в хвосторучке сидел Макс:

– Ну ты и напугала! – и поставил кувшин на место.

В дверь постучали:

– Эрдана Карина! Эрдана Карина! Что случилось?! – это был Гарри. – Вы слышите?!

Макс ужом юркнул под кровать. Я подошла к двери:

– Всё в порядке, Гарри, прости за беспокойство...

– Эрдана Карина, откройте!

Я отодвинула засов:

– Гарри, всё нормально.

Парень смотрел на меня снизу вверх, так как был не намного выше своего отца. В руках он держал большую дубинку и подсвечник:

– Вы вся мокрая...

– Я знаю... – и попыталась улыбнуться.

– Вы что, люк открывали?!

– Не только открывала, я в него и провалилась, случайно... – нашёлся правдоподобный ответ.

Парень недоумённо хлопал глазами.

– Не беспокойся, я в порядке...

Он просунул голову и оглядел комнату:

– Вы уж поаккуратней, эрдана, а то мало ли что... Ещё покалечитесь...

– Приятно, что ты так волнуешься.

Гарри широко улыбнулся:

– Отдыхайте и больше так не кричите, – и он погрозил пальцем.

– Я постараюсь, – и закрыла дверь.

Макс выполз из-под кровати:

– Кари, прос-с-сти... Я не з-знал, как привес-сти тебя в чувс-ства. Ты как соз-з-знание потеряла, а потом кричать начала...

Я отмахнулась:

– Спасибо...

– За что?

– За то, что вытащил меня... оттуда.

– Откуда?

– Из сна.

– Ты Дайка з-з-звала...

– Громко?

Ангалин кивнул на дверь:

– Гарри же услыш-ш-шал...

Пока я переодевалась в сухое и после, когда мы раскладывали постель на просушку возле камина, я всё думала о том, что случилось: «Что же это за коридор странный? И Мозговой... весь такой лучистый и сияющий... Я же видела по его глазам, что он очень рад меня видеть... Почему же стало плохо? И этот сон... Дайк... Его зовущий голос... Надо в Латрас! И как можно быстрее! Но и Граса бросать нельзя...»

Макс стащил тяжёлый матрас на пол и разложил на циновке:

– Он не вес-с-сь промок, с другой с-стороны мож-жно с-с-спать.

– Значит, будем спать возле камина.

Я устроилась на сухой части, а Макс рядом на полу:

– У меня не очень хорош-ш-шие новос-сти...

– Ничего не получится?

– Мож-жет, и получитс-ся, но потребуются ус-с-силия...

Проход местами з-з-авален, где-то з-землёй, где-то камнями. Попасть возмож-ж-жно, но чтобы з-знать, где копать, нуж-жно выяс-с-снить, в какой он камере. Если на с-с-самых ниж-них уровнях, то... – он замолчал.

– Чего-то подобного я и ожидала, не верилось, что всё будет так просто. Ладно, давай спать, утро вечера мудренее...

– Это поговорка твоего мира?

– Да.

– А у нас-с в таких с-с-случаях говорят: рассвет ярче 3-3-заката...

– Красиво...

Глава 17

Гун объявился к завтраку. Пока мы ели, он успел намекнуть, что кое-что выяснил. С самого утра мы с Максом решили, что если расположение камеры окажется удачным, то копать будем по ночам. Придётся поискать мою лодку, которую я оставила в кустах за городом у реки. Макс обещал заняться этим и перегнать её в надёжное место, она может понадобиться. Возможно, что до сих пор её никто не нашёл.

Я же решила, что пора закупать припасы на дорогу, чтобы не остаться опять без пропитания, если придётся быстро сматываться из города. Голос Дайка не выходил из головы. Он звал меня! И хотя это был только сон, но предчувствие осталось нехорошее. Что-то случилось с моим дорогим Нянем, что-то случилось...

Я уговорила Гуна сначала съездить с Крианном в городскую управу, чтобы хозяин гостиницы выступил в качестве второго поручителя, а потом приехать за мной. Как ни странно, но вернулись они быстро. Гун сиял от счастья. Теперь он полноправный городской житель и может писать объявления о своих услугах. Он не переставал кланяться мне и Крианну и, пока ему не налили кружку пива, никак не мог угомо-

ниться.

На закупку припасов Макс выделил мне ещё пять золотых рандов.

– Макс, но это очень много. У меня же есть деньги.

– Бери.

– Но тебе нужнее...

– Мои тайники по вс-сему Банкору рас-спиханы, так что не спорь. Ещ-щ-щё неиз-звес-стно, сколько охране придётся 3-3-заплатить...

По пути на рынок Гун успел доложить, что идти в тюрьму нужно сегодня вечером, потому как новый начальник в отъезде и вернуться должен со дня на день. А он без разрешения управы никого не пропустит. Солдаты же совсем не прочь подзаработать, поэтому медлить нельзя. Но цену они заломили ого-го! По ранду на каждого, всего четыре. Говоря это, Гун чуть не поперхнулся и принялся причитать, что люди от жадности совсем с ума посходили:

– Четыре ранда! Они что – ангалины, которым золота, сколько ни дай, всё мало?! Имели бы совесть!

– Ладно, Гун... Есть у меня деньги. Это слишком важная встреча, нет смысла торговаться.

Хотелось сказать, что как раз «жадный до золота» ангалин и подбросил мне золотишко. Но это не моя тайна. Ангалины хотят, чтобы люди лучше считали их жадными, чем на самом деле понимали, насколько оно им необходимо. И в этом я была согласна с ними. Узнав их тайну, люди, особенно власть

имушие, поставят эту прекрасную расу на колени, как много веков пытались это сделать, а со временем уничтожат.

Время до похода в тюрьму мы провели на рынке. Я купила небольшой котелок, соль, специи, понемногу разных круп, сушёных фруктов и овощей, а также запас вяленой рыбы и мяса – всё такое, что долго хранится. Мешок получился увесистый. Учитывая, что у меня ещё два, то получался довольно объёмный и тяжёлый груз. Обросла я барахлишком, ничего не скажешь. Коли и дальше так пойдёт, то для своих странствий придётся не только коня, но и телегу покупать. Остаток времени мы провели в небольшой таверне, а потом Гун погрузил поклажу в гондолу и повёз меня в тюрьму.

Дело близилось к вечеру. Солнышки играли в облаках розовыми и оранжевыми бликами, а с моря дул сильный, но тёплый ветер. Добирались мы долго. Тюрьма, правильное Храм ангов, находился на самой окраине города в береговой его части и мы плыли к нему по широкому каналу. В прямоугольных башнях уже горели огни, а на мосту, ведущему к воротам, никого не было. С виду это здание, действительно, никак не напоминало место лишения свободы. Не слишком высокое, метров двадцать не больше, круглые колонны по периметру, одна из стен частично отсутствует, а вот каменный забор и башни у въездных ворот очень сильно отличаются по цвету и структуре. Похоже, что построены гораздо позднее.

У входа нас встретили двое вооружённых охранников с

факелами в руках. Гун кивнул одному из них и, показывая на меня, сказал:

– Эрдана, которая просит о свидании... Она готова заплатить.

Один из мужчин подошёл совсем близко и осветил меня факелом:

– Кто вы приговорённому?

– Я жена его старого друга, – версия была придумана заранее, – приехала на праздник, а заодно и встретить мужа из плавания. Он прибудет позже и не успеет попрощаться с ним... Поэтому мне хотелось встретиться с его другом, чтобы передать супругу последние слова прощания...

Второй охранник спросил:

– Эрдана северянка?

Я стянула платок, и платиновые волосы упали на плечи.

Мужчины хмыкнули, осмотрели с головы до ног, освещая факелами, и позвали за собой:

– Старик пусть ждёт здесь, проведём только вас.

Я кивнула.

– Гун, жди меня в гондоле.

Старик заковылял к воде, а мы прошли через ворота мимо башен, потом вдоль каменной стены забора и далее по ступенькам поднялись в здание. Так как уже стемнело и света факелов не хватало, рассмотреть подробности было сложно. Один охранник шёл впереди, а другой сзади. Мы проследовали по нескольким коридорам, а потом начали спускаться

ся. После двух пролётов мы оказались в небольшой комнате со столом в центре и лежанками вдоль стен. Там находилось ещё двое. Стало немного жутковато, но я старалась выполнять наказ Макса: скромно смотрела под ноги, одновременно пытаясь запомнить маршрут передвижения.

– Присядьте пока, эрдана...

Один из двух мужчин отодвинул стул. Я послушалась, он сел напротив, а остальные остались стоять. В полумраке было заметно, что он самый старший здесь.

– Вы готовы заплатить?

– Конечно... – я достала монеты, но на стол не положила. – Сколько у меня будет времени?

Охранники переглянулись:

– А сколько вам нужно?

– Хотелось бы о многом расспросить приговорённого, так как мы давно его потеряли, и желательно, наедине.

– Не более часа... Вас устроит?

– Вполне.

– Тогда...

На стол я положила две монеты:

– Половину сейчас, половину на выходе.

Сидящий напротив охранник улыбнулся:

– Хорошо, пойдёмте...

Он прихватил факел и повёл меня вниз по узкой тёмной лестнице, которая находилась в другом конце этой комнаты. Мы спустились на один этаж вниз, получается, что это вто-

рой нижний уровень, если помещение охраны посчитать за первый. Мрачный коридор, уходящий в темноту, пара факелов на стенах и решётки с двух сторон. Если лестница была очень узкой, то коридор с камерами, наоборот, очень широк. Вонючка стояла, как в хлеву, когда за скотиной толком не убирают, аж глаза заслезились. Я зажала нос платком. Вдруг слева изнутри на решётку бросился человек. Я отшатнулась в сторону.

– Га-а-аби! Это ты?! У нас гости?!

Страшная грязная рожа пыталась просунуться сквозь толстые прутья. Ударило таким смрадом, что меня чуть не вырвало.

– Заткнись! – охранник ткнул факелом в лицо заключённому. Тот завопил и упал.

– Не бойтесь, эрдана. Из камеры нельзя выбраться...

Мы подошли к проёму в стене и опять стали спускаться. Третий уровень... Опять такой же широкий коридор и камеры с двух сторон. Насколько тянется в длину это пространство, определить было невозможно, впереди сплошной мрак. Охранник подвёл меня к третьей камере по правой стороне от лестницы.

– Вот ваш смертник. Я зажгу факелы, чтобы вам было не так страшно.

Я подошла к решётке. Сначала ничего не могла рассмотреть, но когда в коридоре посветлело и один из факелов запылал напротив, я разглядела внутри грубые нары и лежа-

щую на них бесформенную кучу. Было очень холодно и сыро в этих мрачных, страшных катакомбах. Охранник ударил по решётке, окованной железом дубинкой:

– Эй! Смертник! К тебе пришли! Не каждому так везёт, повидать перед смертью такую красоту.

Куча шевельнулась.

– Я вернусь через час.

Я кивнула и он ушёл.

Холодные толстые прутья отгораживали меня от того, кто находился внутри.

– Кто здесь?

Хриплый голос я узнала не сразу:

– Грас... Грас... – я совсем растерялась, не представляя, что делать и говорить.

Постанывая и кряхтя, человек в лохмотьях поднялся и сделал несколько шагов. Когда дрожащий свет упал на его фигуру, я вздрогнула и вцепилась в металлические прутья. Это был мой Гоблин. Это был он... Но в каком виде! И хоть он был так же намного больше меня, как и раньше, но от его силы и могучести мало что осталось: худое, осунувшееся лицо с серо-зелёной кожей, всклокоченная рыжеватая борода и грязные короткие светлые волосы, торчащие в стороны.

Я прекрасно помнила, как в лесной хижине он часто брил и лицо, и голову. Оказывается, он блондин, почти такой же, как и я. Северянин...

– Грас, Грас... Это я...

– Кто вы, эрдана? – он приблизился к решётке.

– Ты меня не узнаёшь? Совсем? – я втиснулась в прутья. –

Забыл уже, как на Кифовом носу вытащили девушку из ямы?

Он дёрнулся, и его небольшие узкие глаза поползли на лоб:

– Отари?! Ты?!

– Я это... Я...

– Не может быть! – рот у него открывался и закрывался, похоже, мысли никак не могли найти словесный выход.

– Грас, не волнуйся, всё в порядке...

– Говоришь уже...

– Да, научилась...

– Как ты тут оказалась? И зачем? Неужто меня пови-
дать? – узник смотрел исподлобья.

– Подожди, у меня тут есть кое-что... – я достала из сумки пару свёртков. – Вот поешь...

В мгновение ока он выхватил один и, плюхнувшись на ка-
менный пол, впился зубами в кусок мяса. Ел жадно, даже по-
станывая иногда. Я присела рядом с другой стороны камен-
ной клетки. Вскоре он завернул остатки в тряпку, и я протя-
нула ему второй:

– Тут хлеб и вяленая рыба.

Он всё забрал и спрятал под нары:

– Что тебе надо, звёздочка? Мало того, что натворила?!

Я оторопела:

– Грас, ты что... Я ничего не творила...

– Ври больше! Зря Карелл Лакра не слушал...

– В чём дело, Грас? Ты про что говоришь?!

– А то не знаешь?!

– Нет... Откуда? Это я у тебя хотела спросить, что случилось, после того, как я ушла... И что с Дайком...

Он так злобно захохотал, что меня прошиб озноб, а потом кинулся на решётку. Я не успела увернуться. Грязные сильные пальцы сомкнулись на шее:

– Не прикидывайся, отари! Навела сыскарей, а сама сбежала! Отблагодарила за всё и Дайка, и Карелла! Подлая шпионка!

В глазах потемнело... Я нащупала кинжал в складках юбки и полоснула по руке, сжимающей горло. Кровь свистнула фонтаном, и пальцы разжались. Только-только сошли синяки от хватки Макса и вот вам, получите! Теперь такой же подарочек от Граса буду носить! Я отползла подальше и прохрипела:

– Грас, я никого не навела... Я вас не предавала...

Он зажимал рану, а потом оторвал кусок лохмотьев и обмотал руку:

– Уходи...

Я сидела на полу, держась за шею. Обидно было страшно, словами не передать! «Неужели все они думают, что это я их предала?! Вот как, значит! Мой Нянь очень хорошо прикрылся мной. Он всё продумал заранее! Помог бежать, тем самым свалив вину на меня... Может, именно потому он так

старательно меня и выхаживал, чтобы потом подставить в нужный момент?! Ну Нянь! Не могу не восхититься! Пусть остальные думают, что странная девица – шпионка, а сам буду чистеньким! Значит... Если меня найдут, то конец очевиден. Не убили сразу, так убьют потом... А ещё так за них переживала... Вот дура! А за Дайка – так и говорить нечего... Неужели он меня подставил?! Как же не хочется в это верить!»

Я поднялась с колен и осмотрела себя в свете факела. Туника была забрызгана кровью и даже на юбку попало. Нельзя, чтобы охрана заметила... Грас, сидя возле решётки, молча наблюдал за моими действиями. Я скинула жилет, сняла тунику и надела её задом наперёд. Вывернула жилет наизнанку, благо он почти чёрный, и пятна крови на нем практически незаметны. Вроде неплохо... Самые заметные пятна теперь на спине под жилетом.

– Отари... – Грас сидел, привалившись к решётке, – ты слышала что-нибудь о них?

– Немного... Знаю только, что все на свободе, даже торговцев каких-то грабанули, которые на ярмарку в Маргос по реке сплавлялись.

– Хорошо... – он вздохнул и криво улыбнулся.

– Ещё я Лакра в Маргосе видела...

– Да? – Грас встрепенулся.

– Он был не один, но того второго я не знаю.

Мне показалось, что приступ бешенства у Граса миновал.

Он сидел какой-то обмякший и тихо постанывал. Я присела рядом. Ни страха, ни тем более обиды на него уже не было. Да и душат меня уже не в первый раз... И что-то подсказывает, что не в последний...

– Послушай, Грас... Можешь верить, можешь нет, дело твоё... Мне всё равно...

– По сути, мне тоже... Хранитель уже готов принять меня...

– Подождёт твой Хранитель, я вытащу тебя отсюда...

– Ты?! Вытащишь?! – судорожно улыбаясь, он покачал головой.

– Раз я такая подлая шпионка, как вы подумали, то почему ты сомневаешься?

– Из Банкорской тюрьмы нельзя убежать... Меня поэтому сюда и привезли.

– Это мы ещё посмотрим, – я улыбнулась и погладила его по раненой руке. – Прости, я не хотела...

С неким то ли вызовом, то ли укором он посмотрел мне в глаза:

– Кто ты, отари? Откуда ты взялась?

– Вот с этого и надо было начинать, а не с обвинений. Меня зовут Карина, или просто Кари... Я не предавала вас, Грас. Мне Дайк помог сбежать...

Послышались шаги. Мы оба вздрогнули. Неужели час закончился?! Ничего толком узнать не успела! Просунув руки сквозь прутья, я порывисто обняла Граса и зашептала ему

на ухо:

– Я вытащу тебя отсюда, жди...

На лестнице показался охранник. Я вскочила и прикрыла брызги крови на юбке руками.

– Всё в порядке, эрдана?

– Да.

– Пойдёмте, время вышло.

Опустив голову, я последовала за ним. В верхней комнате я положила два ранда на стол и быстрым шагом вышла.

Глава 18

В себя я начала приходить уже в гондоле: «Вот так встреча получилась! Я думала, что он обрадуется, а вместо этого возвращаюсь с новыми синяками. И пусть боли я не ощущаю, но гематомы от пальцев будут будь здоров, не хуже чем, от ангалинских! Как бы Макс не отказался мне помогать, когда кровоподтёки увидит. А он увидит... Этот чешуйчатый всё заметит. Надо сразу ему всё рассказать, уж больно он всякие подробности любит. Только сделать это надо правильно, чтобы не психанул, не дай бог. Без Макса у меня ничего не получится...»

Гун грёб в темноте, иногда поглядывая в мою сторону. Ясно, что ему любопытно, как прошло свидание, но не могла же я посвятить его в подробности.

– Гун, спасибо за помощь.

– Всё хорошо, Кари? Вы поговорили?

– Поговорили... – я плотнее прикрыла шею.

До «Тихого островка» мы добрались глубокой ночью, но меня ждали. Крианн сам открыл дверь.

– Крианн, простите, не думала, что так задержусь.

– Не страшно, я ещё не спал. Может, поужинаете?

– Нет, спасибо. Не хочу... А можно Гуна приютить, ему далеко к себе добираться? Я заплачу сколько нужно.

– Что вы... Найдём мы Гуну место, не переживайте. Я бы и сам его оставил...

– Спасибо, Крианн, вы самый лучший хозяин гостиницы во всём городе!

Пожелав доброй ночи, я ушла к себе. И только закрыла дверь, как в темноте вспыхнули зелёные глаза и гибкий хвост обвил ногу:

– Что так долго? Как вс-сё прош-ш-шло?

– Привет, Максик... потерпи, я всё тебе расскажу.

Пока я зажигала свечи и переодевалась, а Макс растапливал камин, удалось немного успокоиться и подумать, как вести разговор с ангалином. Матрас так и лежал возле камина, он уже просох, но затаскивать его обратно было лень, и я опять устроилась на полу, а Макс рядом на циновке. Я всё ждала, когда же он заметит, но он ничего не говорил.

– Макс... Свидание прошло не совсем так, как я представляла, но это ничего не меняет, наоборот, теперь я просто обязана помочь ему.

Три гибких пальца дотронулись до шеи:

– Больно? – ящер заглядывал в лицо.

– Нет. Говорить тяжело. . .

– Почему? И з-за что?

– Он думает, что это я сдала банду сыскарям, а сама сбегала. И так думает не только он, наверно. . . Мы не успели толком поговорить, времени не хватило. . .

– Это его кровь на твоей одеж-ж-жде?

– Его. . .

– Понятно. . . з-значит, твой Дайк тебя прос-с-сто подставил?

– Не знаю, Макс. . . Не знаю. Я не хочу в это верить. Это так не похоже на правду, хотя. . . Совсем ничего не понимаю. . .

Выступили слёзы и, обняв ангалина за шею, я спряталась от его взгляда. Он обвил меня хвостом и крепко стиснул.

– З-значит, отказ-зыватья от с-своего плана ты не намерена?

– Нет, если получится освободить Граса, то он рано или поздно вернётся к своим. И если расскажет обо мне остальным, то это будет только к лучшему. Ведь ни о ком из них я толком ничего не знаю. Только о Карелле узнала немного от Гуна, да и про Граса что-то, остальные же, и Дайк в том числе, совсем тёмные лошадки. Я не знаю о них ничего, кроме имён: кто они, кем были раньше, где и как жили и что они, вообще, за люди. . . Может, если у нас всё получится, Грас поделится информацией. . . А пока, планы не меняются.

– Мозг, не пугай так, зайкой сделаешь.

– Фу-у-у! Дозвался, наконец...

– Я тоже рада тебя слышать, а то после последнего раза как-то жутковато. Почему тогда я так отключилась, ты знаешь?

– Знаю...

– И почему?

– Тебе рано так глубоко погружаться в себя. Вестибулярный аппарат такие перегрузки ещё не выдерживает...

– Вот как?!

– Ну, что-то типа того...

– Но ведь я хотела попасть в библиотеку, а очутилась в этом странном коридоре?

– Это потому, что ты плохо вообразила себе нужное место. На будущее запомни: сначала представь точную картинку, а потом закрывай глаза.

– Хорошо... Но всё равно странно... Раньше была только библиотека, а теперь... коридор этот.

– Кари, пойми, наше общение не стоит на месте, оно развивается. Я узнаю тебя, ты – меня, и чем дальше, тем больше мы можем погружаться друг в друга... Происходит энергообмен...

– Но ты – это я, а я...

– Это ты. Всё правильно. Ты учишься взаимодействовать сама с собой на очень высоком уровне, но на всё нужно время и некоторые навыки.

Я зажмурилась и, представив Мозгового, сидящего за столом, оказалась в библиотеке.

– Ну, вот и умница!

Он вставил монокль в глаз и всмотрелся в мою шею. Потом как-то судорожно хихикнул, но быстро зажал рот ладонями.

– Тебе смешно, конечно, а у меня шея синей неделю будет.

– Прости, дорогая, – он спрятал смеющиеся глаза, – но шейные платки должны быть неотъемлемой частью твоего гардероба.

И заржал в голос. Я схватила подушку с кушетки и со всей силы запустила в профессора. Он, хохоча, уклонился, выскок из-за стола и закружил меня по библиотеке.

– Я рад, что с тобой всё в порядке! Но с этим надо что-то делать...

– Ты о чём?

– Об этом, – и ткнул пальцем в свежие синяки. – Ты должна уметь защищать себя.

– Хотелось бы... Только из оружия у меня кинжал Дайка, которым я и пользоваться-то толком не умею.

– Попроси Макса, пусть научит тебя чему-нибудь.

– Чему научит?

– Ангалины прекрасно владеют оружием. А я помогу...

– Но...

– Что «но»?

– А где и как он будет меня учить? Да и согласится ли?

Тут женщины и оружие – вещи несовместимые.

– Это у людей, а на ангалинов, я думаю, это древнее правило не распространяется.

Я сидела на кушетке и соображала с трудом: «Во-первых, кроме кинжала, ничего нет. Во-вторых, в комнате развернуться негде для нормального обучения, да и уши кругом. В-третьих... а что, в-третьих? Мы с Максом скоро расстанемся... Или нет? Я же в Латрас собираюсь? Или уже не собираюсь? Что-то совсем я запуталась, что делать и что не делать... В-четвёртых...

– А как ты можешь помочь? – я недоумённо глядела на профессора.

– Очень просто. Если Макс тебе что-то покажет из приёмов ведения боя или защиты, то мы могли бы закреплять это здесь, то есть не в самой библиотеке, а в тренировочном зале, который я организую.

– Где организуешь?

– Ну как где?! В твоей голове, конечно! Точно так же, как и библиотеку сделал.

– Мозг! У меня иногда от тебя и твоих действий так крыша едет, что боюсь, от шизофрении мне никуда не спрятаться.

– Не волнуйся, – и он уселся за стол, закинув на него ноги в мягких туфлях. – С тобой всё в полном порядке и дальше так будет. Просто воспринимай всё происходящее как данность, не мучая себя лишними вопросами, так гораздо лег-

че, согласишься...

Я кивнула: «Хорошо ему говорить... А у меня шарики за ролики заходят от одного только присутствия этого умника внутри».

– Кстати, по поводу Граса, – сложив руки за головой, он начал качаться на кресле. – Нужно помочь ему, раз есть такая возможность. Если он сможет найти Карелла, а он сможет, это сыграет в твою защиту.

– Думаешь, Дайк подставил меня?

– Сомневаюсь... хотя всё выглядит именно так. Мы пока ничего толком не знаем, что было да как... Если Дайк и подставил тебя, то не нарочно... Я уверен.

– Мне бы твою уверенность.

– Время всё расставит по своим местам, вот увидишь. Мы во всём разберёмся...

– Знаешь, Мозг... Иногда я уже не хочу ни в чём разбираться... Просто хочу домой...

– Неужели тебе здесь так плохо, дорогая? И жизнь на Окатане настолько невыносима?

Я уставилась в пол:

– Да вроде нет... Не так всё и страшно, как могло оказаться. Кругом люди и вполне нормальные... И не только люди... – я улыбнулась, вспомнив, как засыпала в обнимку с ящером, уткнув лицо в тёплую, упругую, бархатную грудь, пусть и не очень приятно пахнущую. – Здесь интересно... Прекрасный мир, если честно. Чистый и цветущий... Но мой

дом не здесь, Земля – моя родная планета. Здесь я никто и звать меня никак...

– А вот с этим я бы поспорил! – профессор улыбнулся и погрозил пальцем. – Если бы не ты, то в этом прекрасном и цветущем мире уже не было бы двух жизней, и третья висит на волоске. Всё зависит от тебя, от того, что ты сделаешь или чего не сделаешь. Понимаешь, о ком я говорю?

– Натри, Макс, и судьба Граса решается сейчас...

– А ты говоришь никто! В том-то и дело, что уже кто! И имя у тебя прекрасное, такой древний род...

Я захохотала:

– Да-а-а! С именем ты, конечно, учудил!

– Зато как удачно получилось! Сам не ожидал! Ведь, правда?

Мы ещё немного посмеялись, подтрунивая друг над другом.

– Ладно, я пойду, а то останусь без обеда.

– Иди, только заглядывай почаще. Я люблю, когда ты сама приходишь.

Глава 19

Гун, оказывается, так никуда и не уехал. Ночевал он в небольшой каморке рядом со столовой. Утром Гарри накормил его завтраком, и остальное время, в ожидании меня, он провёл в гондоле, чистил её, мыл и приводил в порядок, на-

сколько это возможно.

Подключать Гуна к плану по освобождению Гоблина было нельзя, ему жить в Банкоре, а нормальная жизнь у него только начиналась. Это я – птица перелётная, проще говоря бомж, без определённого места жительства... Нужно вести себя так, чтобы он ничего не заподозрил. Хотя... если у нас всё получится, то подозрения у него возникнут, а меня могут начать искать. Могут и на Гуна, и на Крианна выйти...

Мне благоприятствует только то, что все убеждены, что из Банкорской тюрьмы сбежать нельзя, даже Грас в этом уверен. Никто и никогда не убегал. Посещения заключённых не запрещены, мне и через управу могли разрешение дать, только это могло занять гораздо больше времени. Поэтому, если всё пройдёт гладко, доказательств, что я имею к побегу какое-то отношение, ни у кого не будет. Значит, из города сразу уходить нельзя, нужно задержаться... Только как сказать Гу-ну, что в ближайшее время он не нужен мне? Хотя... Зачем что-то придумывать? Копать мы будем ночью, тайный выход из комнаты есть, через люк я смогу уходить и возвращаться незаметно... Надо просто вести себя как обычно, и всё!

Когда я спустилась к гондоле, было уже далеко за полдень.

– Карина, – Гун, улыбаясь, махал мне рукой, – как спалось?

– Хорошо, спасибо.

Он глянул на мою замотанную шею, но ничего не сказал.

– Куда сегодня поедем, эрдана? – и опять поклонился по

привычке.

– За сапогами.

Народ прибывал. До начала празднований оставалось около недели. В гаванях стояло уже гораздо больше судов разных размеров, а на улицах прибавилось людей. Гостиница Крианна уже почти заполнилась, это я заметила в столовой по количеству грязной посуды. Самое время Гуну начинать свою экскурсионно-транспортную деятельность, а не возиться со мной. В городе я уже неплохо ориентировалась.

До сапожных лавок мы добрались в течение часа. Пристроив гондолу под небольшим мостиком, мы поднялись по узким ступеням и пошли вдоль по улице.

– Гун, а какие ещё ремесленные мастерские тут есть поблизости?

– Ну, портные рядом, я показывал тебе, вон за тем мостом, – и он махнул в сторону. – Ткачи чуть подальше, через два канала, за ними красильни. А если пойти вон туда, – продолжил Гун, показывая на узкое высокое здание с флюгером в виде молотка, – попадешь в кузни.

– И что куют?

– Всё: от лопат и плугов до оружия.

Зайдя в первую обувную лавку, я удивилась. Столько всякой обуви, глаза разбегаются! Но вот найдётся ли то, что я хочу? Взяв старика за руку, я вывела его на улицу.

– Гун, послушай... Я тут, наверно, надолго застряну. Раз уж пришла, то без сапог не уйду. Зачем тебе меня ждать?

Тебе нужно включаться в работу, самое время...

Старик кивнул, грустно улыбаясь:

– Да, ты права... Нужно... А как же ты потом доберёшься?

– Не волнуйся, я уже не заблужусь.

– А если помощь какая понадобится, поднести что-ни-

будь...

– Гун, – я обняла его и поцеловала в морщинистую щёку, – ты просто не хочешь со мной расставаться...

– Не хочу.

– Но ведь придётся... рано или поздно...

Он обнял меня в ответ:

– Я буду приплывать в «Тихий островок» хотя бы раз в несколько дней, а ты предупреждай Гарри или Крианна, чтобы они знали, буду я тебе нужен или нет.

– Договорились.

Мы ещё раз обнялись, и Гун заковылял обратно. Я вздохнула с облегчением: «Гун пристроен, работы сейчас у него будет много, и он сможет выбраться из нищеты. Да и я могу чувствовать себя свободнее...».

– Чтобы творить свои чёрные дела! – Мозговой с хихиканьем встрял в мысли.

– И вовсе не чёрные!

– Дела, творящиеся под покровом ночи, являются чёрными априори!

– Вот зараза!

В лавке меня уже поджидал хозяин:

– Что угодно, эрдана? – тощий мужчина слегка поклонился.

– Сапоги хочу... Высокие, до колен, из крокодильей кожи.

– Сапоги-и-и... – он был явно удивлён. – Но зачем такой прекрасной девушке сапоги? Вам бы подошли туфли или коротенькие полусапожки... Высокие сапоги – это мужская обувь.

– Уважаемый фаэдр, так у вас есть или нет? Ни туфли, ни сапожки меня не интересуют.

Мастеровой замялся:

– Есть несколько пар, но они будут вам очень велики.

Как это ни парадоксально, но таких сапог или подобных тем, что я видела в Маргосе, я не нашла. Я обошла все сапожные мастерские, но готовых, чтобы купить сразу, на мою ногу ни у кого не было. В расстройстве я присела на широкие низкие перила деревянного моста. Сколько раз зарекалась, если вещь действительно нравится, надо покупать сразу, не раздумывая долго, потому что потом или денег не будет, или того, что понравилось, нигде не найдёшь. Вот невезуха! Несколько мастеров предлагали пошить, но это заняло бы как минимум около трёх-четырёх дней. А будет ли у меня время вернуться за ними? Плюс надо внести почти всю стоимость вперёд, так как такую пару вряд ли смогут кому-то продать, если я за ними не приду.

Я уже собралась уходить, как на мост выскочил мальчишка из последней обувной лавки и понёсся ко мне:

– Эрдана! Эрдана! Хорошо, что вы не ушли! Отец отыскал кое-что для вас, идёмте... – и, схватив меня за руку, потащил обратно.

Оказывается, через несколько минут после того, как я ушла, отец мальчика вспомнил, что у него есть пара сапог, похожих на те, что я хотела, только они не совсем новые. Несколько лет назад кто-то отдал их в починку, да так и не забрал. Вот они и валялись в сундуке. Когда я их увидела, то поняла, что наконец-то нашла то, что нужно.

Сапожник был очень рад, что пристроил бесхозную пару, да и к тому же заработает на ней. Голенище оказалось широко в нескольких местах, но сапожных дел мастер сказал, что за несколько часов всё подгонит по моей ноге, вычистит и смажет специальным воском, лишь бы я их забрала. Он быстро снял мерки, я заплатила, не торгуясь, хотя было понятно, что цена завышена. Но всё же вожаделенная покупка обошлась мне гораздо дешевле, чем я отдала бы за похожие в Маргосе. Мы договорились, что я вернусь на закате. «А вот теперь можно и инструментик какой-нибудь поискать для подкопа, не руками же рыть...» – определилась я с дальнейшей целью.

На кузнечной улице я всё нашла и купила довольно быстро. Вовремя сообразив, что громоздкий и тяжёлый копательный инвентарь мне не нужен, я прикупила небольшую лопатку, похожую на сапёрную, и кирку почти таких же размеров. Два кузнеца, стоя рядом, молча смотрели, как я переби-

раю готовые изделия, взвешиваю каждый предмет в руке и рассматриваю со всех сторон, опыт дачных работ у меня был очень хороший. Выбрав то, что подходило к моим целям, я спросила о цене:

– По полтора эре, эрдана...

– Годится, я беру.

Один из мужчин наклонился поближе:

– Не сочтите за грубость, эрдана... Можно спросить?

– Конечно.

– А зачем вам? Вы такая хрупкая девушка...

– Клад искать буду...

– Клад?! – кузнецы переглянулись, а потом захохотали. –

А вы шутница!

Сложив поклажу в плотный мешок и обмотав тряпками, чтобы не лязгало при ходьбе, я закинула инструмент за плечи и подалась в сторону сапожной улицы. По дороге перекусила и к закату была на месте, где сапоги меня уже ждали. Вычищенные и натёртые воском, они смотрелись великолепно. Изящный, светло-коричневый, чешуйчатый рисунок украшал голенища с двух сторон. Я натянула обновку. Идеально! Сели как влитые! Нигде не жмёт и не давит...

Закинув угги в мешок, я поблагодарила сапожника и направилась в гостиницу. Солнышки уже садились и на мостах зажигали фонари. Неподалёку от рынка меня окликнул Гун:

– Кари! Я здесь!

– Ты что? Караулил?! – я сбежала вниз к гондоле.

– Нет, я сюда двух торговцев привёз и решил подождать, как чувствовал...

– Тогда поехали.

Глава 20

В «Тихий островок» я прибыла как раз к ужину. Столовая была полна народу, Марэна с Гарри бегали туда-сюда, поднося и убирая посуду. На кухне я заметила ещё двух парней, крутившихся возле плиты, видно, Крианн нанял помощников. Глянув, что мест нет, я потопала к себе. Макс меня уже ждал. Сапоги он заметил сразу, прощупал начищенную кожу и одобрительно кивнул:

– Крепкие с-сапоги, носить долго будеш-ш-шь. Крокодил был взрослый, но не с-с-старый, для обуви с-с-самое то...

– Рада, что тебе нравится. Значит, не зря деньги потратила...

Я уселась в кресло, закинув ноги на спинку кровати, любуясь обновкой.

– Не з-зря. Тебе очень идёт... Эх! Знал бы раньш-ш-ше, приберёг бы с пос-следней охоты пару ш-ш-шкур...

– А куда ты их дел?

– Продал, конечно. Мне ж-ж-же с-сапоги не нуж-жны... А что в меш-ш-шке?

– Лопату с киркой купила, не руками же копать...

– Умница! Я как-то с-совс-сем не подумал...

– А ты где был целый день?

Тяжёлая голова легла на бедро:

– С-сначала пригнал твою лодку, потом охотилс-ся, потом сплавал к ус-с-ловленному месту, где наместник мне з-знаки ос-оставляет на с-случай, если я могу понадобится... потом в тюрьму.

– Ну и как? – я замерла в ожидании ответа. – Сможем прокопать?

Изумрудные глаза хитро сверкнули, а узкие зрачки вытянулись в тонкие струнки:

– С-смож-жем, только...

– Что только?

– Там дыш-ш-шать будет тяж-желю. Факелы з-зж-жигать нельз-зя, пос-следний воз-здых выгорит...

– А зачем нам факелы? Ты же сам лучше всякого факела и не коптишь к тому же, – и провела рукой по упругой чешуе, пересчитывая бороздки.

Макс уставился на меня круглыми глазами и прошептал:

– Я с-совсем раз-зум потерял... Почему-то подумал, что тебе понадобятся факелы. Вот дурень-то! А про то, что с-сам могу з-заменить любой факел, з-забыл...

– Просто кто-то очень высокого о себе мнения, ваше великорексие... – и похлопала его по голове. – Сын Великого Ангалина Рекса будет работать светящейся лопатой... Не царское это дело, не царское...

Зажав зубастую пасть трёхпалым хвостом, Макс давился

от смеха, ну и я за компанию. Один только вид смеющегося ангалина вызывал приступ истерического хохота.

После ужина мы ещё немного повалялись на полу перед камином, а когда окончательно стемнело, отправились в путь. Мою лодку Макс подогнал под люк и, загрузив инструменты и запас воды, мы отчалили в темноту. Под зданиями, стоящими на толстых каменных сваях, плыли мы довольно долго. Потом я догребла до узкого канала, а оттуда, метров сто, пришлось грести по открытой воде к берегу. Вскоре мы оказались под гигантской нависшей скалой, откуда вытекала подземная река.

В темноте, пусть и неполной, определить расстояние и размеры мне было сложно. Ангалин же ориентировался прекрасно. Как только мы заплыли под каменный свод, Макс накинул на себя верёвочную упряжку, «включил» своё освещение и потащил лодку вперёд. С такой скоростью плаванье заняло не больше десяти минут. В крошечной тьме ящер сиял как сказочная жар-птица, в данном случае, как жар-ящерица или огненная саламандра.

За резким поворотом я заметила узкий лаз. Это был вход в подземный туннель.

– Это проход к тюрьме... Тут недалеко... – Макс зацепил верёвку о камень и, схватив мешок с инструментами, скрылся в чёрной дыре.

Я провела рукой по стенам и поняла, что нечто подобное уже видела. Они были довольно гладкими, правильной фор-

мы. По такому же туннелю, только спиральному, я спускалась с Кифового носа. Макс оглянулся:

– Мы уж-ж-же в Храме, с-с-смотри...

Впереди была узкая каменная лестница с очень высокими ступенями, вырезанная прямо в породе. Мы начали карабкаться вверх и Макс попутно комментировал:

– Вот проход к камерам пятого, с-самого ниж-жнего уровня, видиш-ш-шь, он полностью з-завален. Вот – к четвёртому, он тож-же не лучш-ш-ше... А вот и третий... Тут всё не так страш-ш-шно...

Но это по словам Макса. Мне же показалось, что, не то что до казни, мы до пришествия богов будем копать. Но как говорится, лиха беда начало... И принялись за дело.

На следующие пять суток, именно столько пришлось копать, мы с Максом превратились в двух кротов. И вправду, всё оказалось не так страшно. Узкий туннель был засыпан только местами, и нам приходилось не столько копать, сколько разбивать слежавшуюся землю и освобождать от неё и камней узкий туннель. Крупные отходы копательной деятельности мы сбрасывали в подземную реку, а остальное просто загребали к стенам.

В первую ночь я думала, что умру от нехватки кислорода, но по мере продвижения вперёд и освобождения от завалов узкого пространства дышать становилось легче. Возвращались мы всегда перед самым рассветом. Ангалин прекрасно чувствовал время, он бросал работу и, ухватив меня

хвостом, выволакивал из прохода. Иначе, войдя в раж, я так и копала бы, несмотря на то что было очень тяжело.

Мои ночные отлучки из гостиницы оставались незамеченными. Мы тихо уходили и также тихо возвращались. Лодку на день Макс прятал в какой-то узкий проём между сваями и уплывал на охоту. Я же дожидалась завтрака, а потом заваливалась спать до обеда. Макс тоже быстро возвращался и отдыхал почти до вечера.

Крианн, да и Гарри, заметили перемену в моём режиме, но никто ничего не говорил и не спрашивал. До казни было ещё несколько дней, когда работа подошла к концу. На следующую ночь мы должны были расчистить оставшийся участок с задней стороны камеры и вытащить Граса, а что будем делать дальше, когда узник окажется на свободе, как-то не думали. А вот теперь такие мысли посетили.

– Ему понадобятся припасы на дорогу и одежда, да и денег немного не помешает, – прошептал Мозг.

– Ну это я и сама понимаю... – тихо ответила я мысленно. Макс лежал рядом и слегка похрапывал во сне. – Надо смотаться на рынок и всё купить. Если мы быстро управимся, то Грасу нужно будет убираться из города сразу, пока не поднимут тревогу.

– Или лучше его где-то спрятать, в надёжном месте, там, где точно не найдут?

– Понимаю, на что намекаешь... Макс, наверно, много таких мест знает, но я не хочу, чтобы Грас Макса видел. Пом-

нишь, ты сам рассказывал, что Лакран говорил Кареллу, будто я «превращённая», шпионка ангалинов... И что же Грас подумает, если увидит Макса?

– Верно.

– Я ничего не смогу доказать, он не поверит мне и Лакран окажется прав. Я этого не хочу...

– И что же делать?

– Кто из нас Мозг?

– Я...

– Вот и подкинь идейку...

– В таком случае это с самим Грасом нужно решать... Но лучше ему уйти...

Макс зашевелился и открыл один глаз:

– Не спиш-ш-шь...

– Нет, на рынок надо за припасами и одеждой для Граса.

– Я тебя з-здесь ж-ж-ждать буду. Мож-жет, рыбки мне с-свежей з-заодно купиш-ш-шь, а то я за эти дни устал что-то...

– Куплю...

Я быстро собралась, забежала в столовую на обед и пошла за покупками.

Глава 21

На рынке было не протолкнуться, торговля шла полным ходом. Крики, вопли, суета... У меня даже голова закружи-

лась. Кучка детишек разного возраста пронеслась мимо и шумной стайкой столпилась возле небольшого лотка. Я подошла ближе. Торговали игрушками. Детвора глазела на тряпичных и глиняных кукол, смешных зверюшек, сшитых из кусочков кожи, хватала всякие свистелки и дуделки, мячики и другие подобные детские забавы. Торговец, румяный уса-тый дядька, никак не мог их отогнать:

– А ну не трогайте, сорванцы! Платите и тогда забирайте! – он делал злое лицо, но это плохо получалось. Понятно было, что продавец совсем не такой строгий, каким хочет показаться.

Я протиснулась к прилавку, и он сразу обратил на меня внимание.

– О, эрдана! Что угодно? У меня самые лучшие игрушки!

Я засмеялась:

– Не сомневаюсь, фаэдр! Дети, вы что-то хотите купить? – обратилась я к детворе.

Малышня притихла. Один из мальчишек улыбнулся щербатым ртом и пропищал:

– Хотим!

– И что же вы хотите?

– Я хочу пищалку, – и мальчик ткнул пальчиком в деревянный свисток.

Детвора наперебой загомонила:

– А я эту куклу!

– Мячик!

– А я крокодильчика хочу!

– Та-а-а-к... – я оглядела шумную ораву. – На столько игрушек у меня денег не хватит. Выберите что-нибудь такое... чтобы на всех... и играть можно было по очереди.

Дети завопили ещё громче. Пока они решали между собой, что нужно всем, я осматривала местные изделия народного творчества. В углу, на крючке, висел кожаный ангалин с ярко-зелёными глазами-бусинами. Ну, точно Макс! И морда такая же хитрющая! Галдя и награждая друг друга тумачами, детвора определилась, наконец, с выбором. Я купила им мяч и пищалку, а себе... не удержалась, зеленоглазого ангалина. Уж больно похож! Торговец, улыбаясь, протянул игрушку:

– Для сына или дочки?

– Для сына моего друга... – идея, для кого подарок, пришла неожиданно.

Протаскавшись почти до вечера и нагрузившись покупками, я решила сократить путь и пошла через центральную площадь. На высоком заборе резиденции наместника висели доски с объявлениями. На одной – сообщение о скорых казнях, а на нескольких других – объявления о разных куплях-продажах и услугах, в том числе нашлось и сообщение Гуна. Я кое-как прочитала и порадовалась за старика. Он предлагал два маршрута для впервые прибывших в Банкор: ознакомительный – по основным каналам города, и другой, для покупок: центральная площадь—рынок—гавань с мелкой торговлей, так сказать, по самым низким ценам, – цен-

тральная площадь. Для начала очень хорошо, а дальше разберётся. Такое количество народа прибывает каждый день, что без работы он сидеть не должен. А вот на следующей с замиранием сердца я прочитала:

«Голос Окатана снова в Банкоре! Два выступления! Третий день празднований – центральная площадь, восьмой – рыночная площадь. Спешите! Несите стариков, детей и больных! Никому неизвестно, кто исцелится в этот раз! Спешите!»

Я стояла возле доски и роняла слёзы: «Как же я хочу их увидеть! Затискать Натри, расцеловать Хейю и Айру, обнять Гая и даже со Скаем поперекаться... Они ещё не прибыли, как только приедут, слух по городу разнесётся быстро. Может, удастся повидать их, если получится...»

Макс еле меня дождался, нагруженная мешками я добиралась долго. В несколько минут он проглотил свою рыбу, за которой пришлось сходить в Западную гавань, так как мой друг предпочитал только свежевыловленную, и улёгся на циновке. Я собрала мешок для Граса: еда, одежда, несколько золотых и мелочь, одеяло, камень для розжига, небольшой нож, пара факелов, бритва и кусок мыла. Никакого оружия я не покупала, да мне и не продали бы... Его могли приобрести только мужчины.

Я обернулась к ящерице:

– Макс... Я хотела спросить... Ты знаешь, почему женщин не учат пользоваться никаким оружием, ну кроме обычных ножей для кухни?

Глаза распахнулись, и широко зевнув, ангалин потянулся и сменил позу:

– Нет... Не з-з-знаю, почему...

– Значит, у вас такого запрета нет?

– Нет, конечно. В океане без оруж-ж-жия не выж-ж-жить.

И хоть мы стараемс-с-ся далеко не заплывать во время охоты и держаться вмес-с-сте, но слиш-ш-шком уж много крупных и опас-с-сных хищ-щ-щников, которые не прочь нами закус-с-сить. Люди обиж-ж-жаются, что мы не пропус-с-скаем их далеко в океан, хотя на с-с-самом деле долж-ж-жны быть благодарны. За поясом островов океан киш-ш-шит такими тварями, что по с-с-сравнению с ними панцирные ос-с-сьминоги и кархароны просто мелкая рыбёш-ш-шка.

– А ты мог бы меня научить чему-нибудь?

– В каком с-с-смысле?

– Ну, держать меч в руках, защищаться...

Ангалин поднялся и сделал по комнате круг:

– Тебя?! Научить?! Но з-з-зачем?!

– Я должна уметь защищать себя. Неужели ты не понимаешь... Меня здесь и на привязи держали, и душили не один раз...

– Я понял, понял... – и он закивал головой.

– Никто из мужчин этого делать не станет, а ты не человек и никаких предубеждений у вас против этого нет...

Макс свернулся у моих ног, а я присела, чтобы быть на одном уровне:

– Пожалуйста...

– Я не против, только когда? И главное, где? С-с-сегодня ночью мы вытас-с-скиваем твоего Граса, а потом долж-ж-жно прибыть судно, на котором ты могла бы отплыть в Латрас-с. Там толковый капитан, я его з-з-знаю...

– Кроме тебя, меня никто не научит...

– Кари, за нес-с-сколько дней это невоз-з-зможно с-с-сделать, нуж-ж-жно время. Сама понимаеш-ш-шь... И место подходящ-щ-щее... А Банкор я покинуть не могу, пока брат меня не с-с-сменит.

Я вдохнула: «Ну вот так всегда... И научил бы, да возможности такой нет».

– Ладно... Как-нибудь обойдусь... – я всхлипнула и отвернулась.

– Ка-а-ари... – Макс обнял меня хвостом, – не плачь, я что-нибудь придумаю, раз ты так хочеш-ш-шь...

Он заглянул мне в глаза, приподняв пальцами за подбородок:

– Я очень хочу отправиться-с-ся с тобой, но с-с-свободен буду, только когда брат приплывёт. И отцу надо показ-з-заться, а это ещё около двух недель, пока туда-сюда... Я думал, что отправлю тебя в Латрас, а как освобож-ж-жусь, приплыву туда. С-с-скоро зима и ты никак не сможеш-ш-шь попасть на Кифов нос-с-с...

– Почему?

– Дороги развез-з-зёт от проливных дождей. Всё движ-ж-

жение по Вос-с-стоку на зимние месяцы замирает, да и холодно будет. В лучш-ш-шем с-с-случае, ты с-с-сможешь отправиться в середине вес-с-сны, когда всё подс-с-сохнет...

– Значит, сидеть в Латрасе придётся долго?

– Да. Там, рядом с городом, есть больш-ш-шие пещеры, недос-с-ступные для людей... Мы могли бы там тренироваться-с-ся, да и вообще...

Я гладила его по голове, вода ногтями по контурам крупных чешуек. Ящер отвернулся и напряжённо произнёс:

– Я теперь долж-ж-жен быть рядом с тобой...

– Должен?

– Да, долж-ж-жен... – он продолжал говорить в сторону, не глядя на меня. – Ты с-с-слишком много о нас знаеш-ш-шь и мы, то есть я... обязан прис-с-сматривать за тобой.

Я отдёрнула ладонь от Макса и отодвинулась:

– Ты хочешь сказать, что раз не убил меня, то теперь будешь следить, как бы я чем вам не навредила?! Так?!

– Что-то вроде того... Но я не хотел убивать, Кари. Так с-с-случайно получилос-с-сь. Ангалины людей не убивают, а тем более женщ-щ-щин... Просто ты единс-с-ственная, кто с-с-столько о нас з-з-знает, и я не хочу, чтобы моему народу было плохо...

– Но я тоже ничего подобного не хочу, Макс! На Окатане я человек новый и очень многого не знаю и не понимаю, но... Откуда у Дайка взялась ваша священная травка? Ты думал об этом?! Похоже, что какие-то ваши тайны знаю не только

я. А вы, как говорится, ни сном ни духом об этом...

Он утвердительно закивал головой:

– Да, ты права, конечно. Я долж-ж-жен рассказать отцу обо всём, что уз-з-знал благодаря тебе. Это очень важ-ж-жно для нас... Нельзя допус-с-стить, чтобы намес-с-стники и террхан, да и, вообще, люди, з-з-знали наши с-с-слабые мес-ста, иначе, сама понимаеш-ш-шь, доступ на землю нам будет з-з-закрыт совс-с-сем. Моему народу вполне комфортно и на ос-с-стровном поясе и земли людей нам не нуж-ж-жны, но нам нужно з-з-золото... Ангалины и так уже с-с-сильно дичают, – добавил он совсем тихо.

– Как дичают?

Он поднял влажные глаза и стиснул хвостом запястье:

– На многих молодых ангалинов, ос-с-собенно в пос-с-следние несколько веков, трава раз-з-зума почти не действует. Они не понимают человечес-с-скую речь, а из-за раз-з-зногласий, суц-щ-ществующих между наш-ш-шими народами, прос-с-сто выучить яз-з-зык для нас невозмож-ж-жно. Мы постепенно становимс-с-ся ближе к ж-ж-животным, чем к людям, и если так пойдёт и дальш-ш-ше... То исчез-з-знет наша память, наш-ш-ша культура, всё, что делает нас-с-с теми, кто мы ес-с-сть... Мы теряем раз-з-зум, Кари...

Макс опустил голову и прикрыл глаза:

– Это ещ-щ-щё одна наш-ш-ша тайна...

– Макс... я... Я бы очень хотела помочь, но в такой глобальной ситуации что-то сделать... Но ведь и среди людей

тоже есть подобная проблема. Ты знаешь об этом?

– О чём?

– О том, что женщин меньше, чем мужчин, а на Севере, говорят, совсем дело плохо.

– Правда?

– А разве вы не замечали?

– Нет... Ты серьёз-з-зно? – ящер встрепенулся и вскочил на лапы.

– Это бросилось в глаза почти сразу, после того как я попала к караванщикам. Мы же проделали большой путь, проехали много деревень и посёлков, и везде я замечала, что мужчин и мальчиков больше. В Маргосе, правда, да и здесь в Банкоре я такого не вижу, наверно, потому, что женщины предпочитают выходить замуж за горожан, в городах всё-таки более комфортные условия...

Макс переминался с одной лапы на другую – это характерное движение выражало у него усиленную умственную деятельность.

– Вот и получается, что проблема вырождения стоит не только перед ангалинами.

Он пристально глянул и произнёс:

– Кари... Я так рад, что мы встретилис-с-сь. Я с-с-столько уз-з-знал и понял благодаря тебе, и даже кое-чему научилс-с-ся... Ты бы понравилас-с-сь моему отцу, если бы вам удалось вс-с-стретиться и пообщ-щ-щаться...

– Может, и встретимся когда-нибудь... Смеркается...

Скоро будем выдвигаться.

– Боиш-ш-шься? – ящер улыбнулся одной половиной пасти и подмигнул.

– Немного... Надеюсь, всё получится. Я хотела попросить тебя не показываться Грасу, пусть он думает, что я одна.

– Я и с-с-сам не жаж-ж-жду, чтобы он меня видел, но ты почему этого хочеш-ш-шь?

– Это так важно?

– Для меня да...

– Ещё в лесу, когда я жила с ними, Лакран говорил Атаману, что раз на мне нет родовой метки, значит, я «превращённая»... шпионка ангалинов.

– Что-о-о?!

Ой, зря, наверно, я это сказала. Зрачки ящера расширились, из узких вертикальных полосок стали совершенно круглыми чёрными дырами. Он забегал по комнате, вертя хвостом в разные стороны и трясая головой:

– И про это з-з-знают?

– Макс, да не волнуйся ты так. Опять древняя священная тайна? Не многовато ли их у вас накопилось?

– Это страш-ш-шняя тайна! Очень страш-ш-шняя! – он носился туда-сюда, приговаривая: – Отец долж-ж-жен об этом узнать... Как можно с-с-скорее... Как люди могли проведать об этом?!

– Ты меня спрашиваешь?!

– А кого?! Что они ещ-щ-щё говорили про «превращ-щ-

щения»?!

– Да ничего. Карелл посмеялся тогда над Лакраном, сказал, что это всё сказки, но потом... как-то странно повёл себя, что я целый день думала, чем могла его разозлить.

– То есть это вс-с-сё, что тебе извес-с-стно?

– Всё. А что такое «превращение»? Неужели ящера можно превратить в человека?!

– Кари, нет! Я не могу тебе рассказ-з-зять, не могу... Об этом нельз-з-зя говорить! Страш-ш-шнее этого нет ничего! Я не могу...

Мне было жутко интересно, учитывая, что про эти загадочные «превращения» я слышала не в первый раз. Но рано или поздно я это выясню, а может, Макс и сам расскажет, отношения между нами очень доверительные. Ящер продолжал кружить по комнате, вращая глазищами и бурча какие-то ругательства вперемешку с проклятиями. Я наблюдала за его метаньями и радовалась в глубине души, что он не взорвался, не психанул и не уплыл в неизвестность. Всё-таки ответственное дело на носу, а без него мне придётся туго.

Глава 22

Когда я вернулась после ужина, ангалина в комнате не было: «Удрал всё-таки! Не выдержала чувствительная земноводная психика наплыва новых данных, нет опыта выживания в сплошном информационном потоке. Но не может же

он меня подвести! Как в темноте я до скалы доберусь, и внутри крошечная тьма... Что же делать-то?»

– Ждать... – послышался голос Мозгового. – Он вернётся, вот увидишь...

– Хорошо бы... Без него весь план под угрозой.

– Успокойся и отдохни, ночь будет тяжёлая...

Я послушалась совета своего «второго я» и улеглась, не раздеваясь, вперив взгляд в камин на прыгающие языки пламени: «Ну что ж, будем ждать...».

Макс вернулся! Услышав тихое поскрёбывание под полом, я вскочила и откинула крышку люка. Ангалин впрыгнул, стряхивая воду на лету.

– Испугалас-с-сь?! – он улыбался клыкастой пастью и хитро шурил один глаз.

– Представь себе... Но я рада, что ты в хорошем настроении... нам пора давно. Где тебя носило, можно узнать?

– Я в резиденции намес-с-стника был, в подвале. Оставил запис-с-ску...

– Ты умеешь писать?!

– А почему это тебя так удивляет? Я и читать умею...

От возмущения я задохнулась:

– Ты... Ты... Ну ты и...

– Ну кто? Кто? – он продолжал ехидно ухмыляться и корчить смешные рожицы. – З-з-змей Горыныч, я з-з-знаю...

– Ты же мог за это время меня читать и писать научить!

– Но ты и с-с-сама справила-с-сь... Не так ли? Готова?

– Готова.

– Тогда прыгай... – лодка стояла уже под люком.

До коридора позади камер мы добрались глубокой ночью. По дороге успели обсудить подробно наши действия: расчищаем от земли и камней последнюю часть прохода, Макс дёргает за рычаг и «выключает» свой свет, а я зажигаю факел. Потом вытаскиваем Граса и уходим по подземной реке за город. Макс сказал, что будет всё время держаться поблизости, но так, чтобы Грас его не видел. По левому рукаву подземной реки нам нужно будет двигаться до тех пор, пока не окажемся на поверхности. После я возвращаюсь в город, ну а Грас действует по своему усмотрению. Как-то так... Я утвердительно кивнула на вопрос ящера о том, правильно ли я всё поняла.

До рычага, который отодвигает камень, мы докопались быстро. На вид это был небольшой переключатель типа «вверх-вниз», с закруглённым хвостиком. Я даже не удивилась: обычный переключатель, только из какого-то чёрного полупрозрачного материала, похожего на стекло. Я зажгла небольшой факел и стала напротив камня. Пространство было узким, я еле-еле смогла выпрямиться во весь рост. Макс дёрнул за рычаг. Ничего... Мы переглянулись. Сердце камнем ухнуло вниз:

– Всё... Труба дело... Не работает древний механизм... Сломался...

Но тут стена дрогнула, раздался тихий щелчок, и камен-

ная плита поползла в сторону. Потом опять глухо щёлкнула и остановилась.

Запинающийся, судорожный возглас заставил нас с Максом вздрогнуть:

– От-тари-и-и!

Я бросилась к отверстию. В тусклом свете факела Грас выглядел ещё хуже, чем раньше. Но он улыбался! Так широко и так ошалело, что я испугалась за его рассудок. Первый раз я видела такую улыбку на его лице.

– Ты пришла за мной! Ты пришла! Отари! Это чудо! Чудо... Но как?! Как ты узнала, что есть выход?! Откуда?!

– Нам некогда, Грас. Вылезай.

– Я не пролезу, отари... щель узкая, – отверстие и впрямь было не слишком широким.

– Пролезешь, куда ты денешься... Я зря, что ли, столько ночей землю рыла...

Схватив за руку, я дёрнула его на себя:

– Просовывай сразу две руки и старайся протиснуться... Я буду тащить...

Уперевшись спиной в каменную кладку, а ногами в стену камеры, я потянула пленника на себя. Гоблин старался изо всех сил.

– Вот не думала, что тащить тебя придётся в буквальном смысле... Выдохни!

Он послушался и, ободрав кожу, грудная клетка пролезла. Пока он ползал на коленях в узком проёме, я опять переключо-

чила рычаг. С таким же тихим щелчком камень пополз обратно. Макса в проходе уже не было, но я знала – он рядом. Грас сидел на земле, открыв рот и широко распахнув глаза. Он хотел что-то сказать, но от избытка эмоций у него ничего не получалось. Я воткнула факел в мягкий грунт, развязала мешок и достала флягу с водой. Он схватил и жадно присосался. Струи стекали по широкому подбородку, заливая рубаху:

– Отари! Отари! Ты... Отари!

Я присела рядом:

– Ну как ты? Сможешь идти?

Шумно выдохнув и улыбаясь так широко, что видны были самые дальние зубы, он проговорил задыхаясь:

– Я теперь не то что идти, я взлететь смогу...

– Отлично! Тогда пошли.

Захватив копательный инвентарь, я пошла вперёд, а Грас за мной. Увидев лодку, мой Гоблин расхохотался, быстро и ловко перераспределил груз и, усадив меня с факелом на нос, сел на вёсла:

– Я так понял, что, куда грести, ты знаешь...

– А то...

– Ну, отари! Ну, звёздочка! Кто бы мог подумать! Рассказать кому, не поверят!

Плыли мы быстро. Вот вам и измученный долгим заточением пленник! И откуда только силы взялись! Пару раз я замечала тусклый жёлтый свет под водой: «Максик! Ангалин

мой золотой! Ты здесь, я знаю...». На развилке подземной реки, под высокими каменными сводами, мы притормозили:

– Бери левее... Так... Ещё... А теперь вперёд... Сложи вёсла и наклони голову, тут узкое место.

Гоблин послушно выполнял мои указания. Через несколько метров пространство опять расширилось, и мы двинулись вперёд с прежней скоростью. Через какое-то время струя свежего воздуха ударила в лицо, течение усилилось и узкую пирогу понесло на свободу мощным потоком. Ночь была ясная, а невдалеке виднелась тёмная полоса. Берег! Нам туда!

Мы причалили, когда небо на востоке чуть-чуть посветлело, ночь пролетела незаметно... Грас вытащил лодку и выгрузил поклажу, а я распаковала один мешок.

– Отари! У меня слов... просто... нет...

– Меня зовут Карина, или Кари, – ответила я, протягивая мужчине кусок мыла. – Тебе надо помыться и переодеться, только быстро.

– Я помню, как тебя зовут... – он скинул свои вонючие грязные лохмотья и побрёл к воде.

Одежду я подобрала удачно. Всё подошло, будто мерку снимала: и рубашка с кожаным жилетом, и штаны, и даже сапоги.

– Ну как? – он глядел на меня и широко улыбался.

– Прекрасно!

– Отари... то есть Кари... Карина...

Он схватил мои руки в свои лапищи, а потом обнял так,

что кости затрещали.

– Я не могу поверить! Ты... Сделала невозможное! Спасибо!

Он крепко сжимал меня, а я смотрела на расцветающую зарю над морем. Горячие слёзы обожгли лицо...

– Ты знаешь, куда пойдёшь? Тебя ведь начнут искать... – сдержаться не получилось, и я всхлипнула.

– Конечно... а когда начнут, я буду далеко. Заключённых для кормёжки обходят только после полудня...

– Один раз?!

Он засмеялся и смахнул с моей щеки несколько слезинок:

– Иногда и по три дня никто из охраны не показывался, так что опомнятся они не скоро. Кари, ты понимаешь?! Из Банкорской тюрьмы нельзя сбежать!!!

– Всё когда-то бывает в первый раз...

Как же искренне и счастливо он расхохотался:

– Ты! Ты – чудо! Что будет! Даже представить не могу! Наместника удар хватит! Да и самого терра!

– Я тебе расскажу, если встретимся когда-нибудь...

– Зачем ты так говоришь, девочка?! Встретимся! Обязательно! Я же ничего о тебе не знаю, да и никто не знает... Ты так изменилась...

Я стянула с головы платок. Грас хлопал глазами, вода здоровенной ладонью по моим волосам:

– Не может быть... Отари! Что это значит?! Синие глаза... Такие светлые волосы... Как это понимать?! Но ведь это ты!

Я узнаю тебя... А тощая какая! А ведь мы тебя хорошо кормили!

Теперь я захохотала:

– Верно, хорошо... Не спорю... А то, что я так изменилась, так за это райскому полю надо спасибо сказать... – и протянула ладонь. Узкие, тонкие линии шрамов были хорошо видны.

– Ты так изрезала руки?

– Да...

– И осталась жива?!

– Да... Пять суток провалялась без сознания. Люди, которые меня подобрали, думали, что я скоро умру, но я очнулась вполне здоровой, только вот волосы побелели и глаза стали такими синими. Я сама когда себя увидела в зеркале, то чуть в обморок не упала. Еле-еле узнала... Долго не могла поверить, что это я...

– Ну... ну... я... даже и сказать не знаю что... Ты богиня, да?! Только они на такое способны...

Он опустил на траву и потянул меня за собой.

– Что за глупости? Какая я богиня... Сначала Лакр меня в ящерицы записал, теперь ты – в богини... Я обыкновенная... Просто не отсюда...

Наверно, зря я это сказала... Бедный Грас! Похоже, что от всего, от всей этой сумбурной информации и невозможных, с его точки зрения, событий у него случился истерический припадок. Он хохотал, заливая слезами новую одежду,

но при этом так крепко прижимал меня к себе, будто боялся, что я сейчас исчезну. Я гладила его по плечу и тихо повторяла:

– Да всё нормально, Грас, всё хорошо... У нас получилось, ты теперь свободен... Всё хорошо... Всё хорошо...

Вскоре он успокоился и посмотрел на меня уже вполне осмысленно:

– Откуда не отсюда?

– Я совсем из другого мира, он называется Земля. Но это долгая история, сейчас нет времени... Я хотела спросить тебя... Ты помнишь точно место, где вы меня нашли?

– Помню. Ведь это я тебя нашёл, вернее, услышал...

– Я знаю... И очень благодарна тебе за это. Где это место, Грас?! Это крайне важно для меня!

– В одном дне пешего пути к северу от Кифового носа есть деревня, называется Дикие Петухи. Так вот... Лет пять-шесть назад там пару раз появлялись горные волки, резали скот. Местные понарыли вокруг волчьих ям, но ни одного так и не поймали. Волки больше не вернулись, а ямы засыпали, но про некоторые забыли. Вот в одной мы тебя и нашли, когда с охоты возвращались...

– А где?! В какой яме?!

– Ну... Я так прямо не могу описать... Вот если окажусь там поблизости, то точно найду... Но, Кари? Зачем тебе?

– Затем, что где-то там, рядом с этой ямой и был проход в мой мир, через который я попала сюда, на Окатан...

– Ты говоришь правду?

– Могу поклясться любой клятвой...

– Не надо никаких клятв, я верю тебе. Хотя этого не может быть просто потому, что не может, но... Теперь я поверю во что угодно. И ты... Нас не предавала...

– Нет. Я тогда не понимала, где нахожусь и что происходит вокруг... Грас, мне пора возвращаться в город, а тебе нужно бежать. Не хочу, чтобы тебя опять поймали.

– Не поймают! Не переживай... Меня схватили только потому, что сильно ранен был, да и остальных прикрывал... Так что за меня не волнуйся... А вот ты что будешь делать, звёздочка?

Не знаю почему, но скрывать свои планы от Граса я уже не видела смысла, да и бегать от Карелла тоже... И когда я успела принять такое решение?!

– Вернусь в город, найду нужный корабль и отплыву в Латрас после праздников. Мы договорились там встретиться с Дайком. Грас! Что случилось тем утром?! Ну, когда на вас напали, а я сбежала?!

Гоблин задумался, почёсывая широкий нос:

– Я проснулся от шума. Выскочил из хижины и увидел, как Карелл бьёт Дайка. Парень валялся весь в крови, а Карелл стегал его камортой и кричал: «Как ты мог?! Зачем?! Почему?! Она знает всех в лицо!!! Её нужно было держать при себе!!! Её нельзя было упускать!!!» Вот так я и понял, что ты сбежала... За мной и Лакр с Олли выскочили... Но

тут в меня стрела вонзилась, потом другая... Глянули – сыскари террхана! Еле успели мечи похватать! Ну а дальше... было уже не до выяснений. Завязалась большая драка... Их было много, но половину мы положили, не меньше...

– А Дайк?! Что с ним?! Карелл убил его?! – с холодом в груди я ожидала ответа.

– Его парни забрали с собой. Я успел только заметить, что чего-то серьёзного с ним не было, кровищи просто много. Я остался задерживать солдат, так как истекал кровью и меня бы они не утащили. Карелл с Олли понесли Дайка к тайному спуску. Наш Ящер своих не бросает...

– Значит... Карелл не убил бы его?

– Не-е-ет... Парнишка же когда-то жизнь ему спас, вылепил и выходил, когда тот в тюрьме умирал. Благодаря этому Карелл потом и сбежал... Значит, Дайк тебя отпустил...

– Да... Собрал припасы на дорогу, денег... Всё, что смог...

– Да-а-а... – здоровяк смерил меня долгим взглядом и провёл трёхпалой, искалеченной ладонью по моему лицу. – Смотрю... и не верю. Неужели это ты? И смогла проверить такое...

– Долг платежом красен...

– Хорошая поговорка...

– Тебе пора. И спасибо...

– За что?

– За то, что всё рассказал...

– Это тебе спасибо, девочка, – тихо и нежно прошептал он, вставая. – Я могу взять лодку?

– Бери, она мне больше не нужна. Там в мешке еда, немного денег...

Высоченный широкоплечий северянин, невзирая на то что выглядел худым и измученным, лёгким движением спустил пирогу на воду. Мы крепко обнялись:

– Береги себя... мой дорогой Гоблин...

– Гоблин? Кто это?

– Да так... Персонаж из легенд и сказок моего мира. Я так называла тебя про себя, пока не знала твоего имени...

Он искренне и тепло улыбнулся, а потом смачно расцеловал в обе щёки:

– И ты береги себя, отари...

Он ещё раз чмокнул меня, запрыгнул в лодку и оттолкнулся от берега. Я провожала его взглядом до тех пор, пока узкое судёнышко не скрылось в густом утреннем тумане.

Шипение за спиной вывело из тоскливой задумчивости:

– Ну и з-зачем ты ему лодку отдала?

Я обернулась. Из прибрежных камышей выглядывала тёмно-серая ангалинская морда:

– И как ты теперь в город попадёш-ш-шь?

– Ма-а-акс... У нас получилось... Если бы не ты! Спасибо!!!

– Да ладно... – склонив голову, ящер отмахнулся когтистой лапой.

Раньше он так не делал. Знакомый жест... Голос в голове прошептал: «Я даже знаю от кого он набрался таких движений». Я хихикнула про себя. Окинув взглядом водные просторы, я поняла, что Макс по-своему прав, только в данный момент это совсем не беспокоило:

– Доплыву как-нибудь, расстояние не очень большое... Я хорошо плаваю...

– Неуж-ж-жели?! И крокодилов не боиш-ш-шься?!

– Тут есть крокодилы?! – я быстренько сделала несколько шагов от воды.

– А то как ж-ж-же! – зубастая морда ехидно скалилась. – Вот что ты без-з меня будеш-ш-шь делать?!

– Ума не приложу, Максик...

– Поплыли... пока туман не рассеял-ся...

Ангалин вылез из зарослей и прошлёпал ко мне. На нём была знакомая сумка и двойные ножны с парными мечами.

– Держ-жись за ремень, вот здес-сь... – и он указал в нужное место хвостовым пальцем.

Я зашла в воду по грудь и ухватилась за кожаную сбрую. Почти лёжа на своём друге, я впервые за всё время нашего знакомства и общения прочувствовала так явно, в буквальном смысле на себе, его мощь и силу, гибкость и подвижность, скорость и выносливость в его родной стихии – воде.

Доплыли мы быстро. Я пару раз нахлебалась воды, но без Макса преодолеть такое расстояние было бы проблематично. А на другом берегу он огорошил меня своими планами.

– И когда уплываешь?

– Сейчас-с-с... – последовал тихий ответ.

– Это что?! Так срочно?! И так важно?! Никак нельзя по-временить?! – слёзы опять залили глаза. Только попрощалась с Грасом, а теперь Макс... И часа не прошло...

Влажное тёплое тело прильнуло к боку, хвост обвил талию, а прекрасные изумрудные глаза с узкими вертикальными зрачками оказались напротив моих. Мы молча смотрели друг на друга.

– Я долж-ж-жен, Кари... Если не сейчас-с-с, то потом путь к отцу займёт в два раза больш-ше времени. Течение с-с-свернёт в другую с-сторону... А так я с-смогу обернутьс-с-ся очень быстро и, мож-жет быть, догнать тебя в пути.

Обняв ангалина, я спрятала мокрое от слёз лицо на бархатистой груди.

– Не плачь... Не плачь... Прощ-ш-шу тебя... – он говорил тихо-тихо, шипя прямо в ухо. – Какая с-с-странная ш-ш-штука ж-жиз-знь... С-с-сначала я чуть не убил тебя... а теперь... теперь не могу расстатьс-с-ся...

Горячий шершавый язык коснулся шрама на шее, потом щеки:

– Обещ-щ-щай, что сделаеш-шь вс-сё так, как я с-скаж-жу...

– Обещаю... – пробурчала я в короткую плотную шерстку на его груди.

– Тогда вот, воз-з-зьми... – он снял что-то висевшее на

шее под доспехами и вложил в мою ладонь.

Это был круглый медальон на кожаном шнурке. С одной стороны выдавлен рисунок в виде медузы, а с другой – длинный двухмачтовый корабль.

– Это знак «Чёрной медуз-зы». Когда-то мне подарил его капитан Ают в знак друж-жбы. Он помог мне, я – ему... В общ-щем, мы неплохо поладили. Он почти всю ж-жиз-знь в море, з-знает об океане как никто, только ему я могу доверить тебя... Каж-ж-ждый день ты будеш-шь приходить в Восточную гавань и уз-з-знавать, не прибыла ли «Чёрная медуз-з-за». Покажеш-ш-шь капитану этот медальон, ес-сли он с-с-спросит, откуда он у тебя, скажеш-ш-шь, что я сам тебе подарил и прош-шу позаботиться о тебе во время плавания. Такж-же отдаш-шь ему вот этот ж-ж-жемчуг, я давно ему обеща-щ-шал...

И высыпал из мешочка потрясающий чёрный жемчуг! Пять крупных, идеальных жемчужин отливали стальным блеском...

– А вот этот розовый и ж-ж-жёлтый... – и ящер опять полез в сумку за спиной, – Крианну, он его быстро продаст... Мою долю пусть отдаст тебе, так мне будет с-с-спокойнее...

Я громко всхлипнула, рыдания рвались наружу:

– Но Макс... У меня хватает денег...

– Значит, вернёш-ш-шь, если не потратиш-ш-шь, когда встретимс-ся...

– А где?

– В Латрасе, конечно... С-с-скоро пойдут дож-ж-жди и до Кифового носа в этом году ты никак не доберёш-ш-шься. Мож-ж-жет, в Банкоре останеш-шься? – и ящер с надеждой заглянул мне в глаза.

– Нет. Я обещала Дайку... Возможно, он ждёт меня там, а меня всё носит по Окатану. И уже не важно, подставил он меня или нет. Я хочу его увидеть. Нам обязательно нужно поговорить, чтобы всё выяснить. Да и караванчики мои зимовать в Латрасе собирались...

– Так, может, их подождёш-ш-шь? И до Латраса с ними...

– Морем же, говорят, быстрее...

Ангалин вздохнул:

– Быстрее... Только опас-нее... Куда тебе торопиться? Подожди хотя бы караван...

Сама не знаю, почему я так упёрлась. Я очень хотела увидеть Гая и всю его семью, но продолжать путь вместе душа не лежала. Вероятно, потому, что если бы я вернулась, то ко мне было бы очень много вопросов, и не только от Гая. А создавать им проблемы или оправдываться из-за меня... Не-е-ет... Врать и выкручиваться? Тоже не вариант...

– Лучше морем, караван я в Латрасе встречу...

– Но смотри тогда... – ангалин помахал перед моим носом длинным средним пальцем, – садиш-ш-шься на корабль и прямиком в Латрас-с. Ес-сли у меня всё получится, я вас догоню, если нет – значит, будеш-ш-шь каж-ждое утро ж-ж-ждать меня у Белой с-скалы, тебе подс-с-скаж-жут где. Мес-

стные обходят это место с-стороной, оно считается нехорошим, да и рыбы там нет...

– Хорошо... Я поняла...

– Ну... Вроде вс-сё... Отари... – Макс улыбнулся во всю клыкастую пасть.

– Подслушивал?

– Кое-что ус-с-спел... Почему он так тебя наз-з-зывал?

– Ещё в лесу Карелл дал мне такое прозвище, они ведь не знали моего имени. Я потом только Дайку сказала, как могла, языка-то я ещё тогда не знала...

– Понимаеш-ш-шь, что это з-значит?

– Звёздочка...

– Это у людей... У нас тож-же ес-сть такое с-слово, только произноситс-ся немного по-другому и з-значение отличаетс-с-ся...

– И какой же смысл у вас?

– А вот встретимс-ся в Латрасе, тогда и узнаеш-ш-шь!

– Ну, Ма-а-акс! Я умру от любопытства!

– Нет, нет и нет! Не прос-си, не с-скаж-жу. Кари, мне пора... Рассвело с-совс-сем...

Туман над рекой рассеялся, светила сияли единым целым, а лёгкий бриз успел подсушить на мне одежду. Я обняла ангалина крепко-крепко, вдохнула запах моря и свежей рыбы, исходящий от его чешуи и мягкой нежной шкуры:

– Мы столько времени провели вместе, а я... так с тобой и не наговорила...

– Я тож-ж-же... – Макс сильнее стиснул меня и уткнулся сзади в шею, вдохнул мой запах и нежно лизнул внизу затылка, там... где заканчивается рост волос... От такой интимной ласки я вздрогнула, а по его шкуре пробежали золотые и сиреневые искры.

Резко отстранившись, одним прыжком он сиганул в воду. Холодные брызги смешались со слезами. Я сидела на берегу, вперив взгляд в синь воды, и пыталась угадать, где он вынырнет. Но его нигде не было видно...

Глава 23

В город я вернулась через несколько часов. На подходе ожидала увидеть усиленную охрану, бегающих туда-сюда солдат и чиновников, интенсивное движение и суету, но... Ничего подобного не было. Охранников у стен, у ворот и у проходов к мостам было то же количество, что и всегда. Народу, естественно, прибыло уже много, но пока ничего необычного я не заметила. Я спокойно вошла в город и напрямик направилась на центральную площадь. «Неужели пропажу заключённого ещё не обнаружили?! – гадала я по пути. – Если так, то это очень хорошо. Грас сумеет отплыть подальше, до полудня ещё далеко».

На площади стояла виселица с пятью свисающими верёвками, а неподалёку на помосте – плаха. Картина точь-в-точь как я видела в разных исторических фильмах. Никаких до-

полнительных сообщений или приказов на досках для объявлений не было. Я не могла поверить: заключённый, смертник и к тому же не просто какой-то обычный преступник, а из золотой банды, исчезает из камеры, а никто и ухом не ведёт! Чудеса, да и только! Но мне-то такая ситуация как раз на руку. Фантастическое везение! Возможно лишь одно объяснение. Из Банкорской тюрьмы нельзя убежать! Все уверены в этом настолько, что никто даже не допускает мысли об обратном. Вот поэтому пока никто и не чешется. Что ж... Посмотрим, что будет дальше.

Крианн не очень сильно удивился, увидев меня на пороге. Он просто оглядел меня с ног до головы и сказал:

– Доброе утро, эрдана Карина... С вами всё в порядке?

– Доброе утро, фаэдр Крианн. Спасибо, всё хорошо...

– Тогда проходите, скоро будет завтрак.

Я достала жемчуг, предназначенный для хозяина, и сунула ему в карман:

– Наш общий знакомый просил передать...

Крианн одобрительно кивнул и похлопал себя карману.

– Он покинул Банкор, так что отдайте его долю мне. Я тоже скоро отправляюсь, поэтому, если можно, с продажей не тяните...

– Я всё понял, эрдана, будет сделано. А он вернётся?

Я пожала плечами:

– Не знаю... Возможно, что нет... Но его брат должен прибыть на замену...

Мужчина пристально посмотрел на меня, а потом тихо спросил:

– Откуда вы это знаете? Ангалины с людьми не разговаривают...

Я не придумала ничего другого, как ответить:

– Окатан слухами полнится...

Мой собеседник заулыбался в широкую бороду и погрозил мне пальцем:

– А с вами приятно иметь дело, эрдана Карина!

– Кари... Можно просто Кари...

Казнь должна была состояться на следующее утро, а ещё через сутки начиналась праздничная неделя. Народу в Банкор прибыло столько, что на улицах, вернее, мостах было не протолкнуться. Почти целый день после того, как я распрощалась с Грасом и Максом, я провела в своей комнате: сначала плакала, потом заснула, а после, опухшая и зарёванная, заявила к Мозговому в библиотеку.

Профессор ползал по полу, вычерчивая карту на большом плотном листе. Глянув в мою сторону и не говоря ни слова, он полез в заветный шкафчик.

– Тебе не кажется, что если будешь продолжать меня спивать, то я стану алкоголичкой?

Он достал бутылку красного вина и разлил по бокалам:

– Нет, не кажется...

– Почему?

– Тебе такая участь не грозит, моя дорогая... Тебя не тя-

нет, – и он хитро улыбнулся, – да и пьём мы не по-настоящему. Хотя мне... очень нравится это дело...

Я взяла бокал и уставилась в бордовую жидкость:

– Но ведь ты – это я...

– Верно... – он присел рядышком и прижался головой к моему виску.

– Тогда я опять ничего не понимаю...

– А надо ли понимать? Может, важнее чувствовать?

Я сделала глоток, и терпкое вино разлилось теплом в желудке.

– Что ты хочешь этим сказать? – я еле сдерживалась, чтобы опять не разрыдаться.

– Скажи, только честно... Какие чувства, эмоции, ощущения ты сейчас испытываешь?

Я глубоко вздохнула:

– Тоску... боль... жалость к себе, какую-то непонятную обиду и... острое желание, чтобы всё это закончилось... Я опять осталась одна...

– Почему одна... А я?

Я глянула на Мозгового: его глаза были влажные и запах, который я периодически ощущала возле него, усилился.

– Прости... прости, Мозг... – отставив бокал, я обняла его и спрятала лицо от пристального взгляда. – Как я могла такое сказать... Ведь ты со мной, всегда со мной... По крайней мере, в этом мире...

Профессор нежно гладил меня по спине и шептал:

– Ты не одна. Не одна, девочка моя... Оглянись вокруг, у тебя здесь уже столько друзей и не только... А про меня и говорить нечего. Ты для меня всё... Всё, что в жизни есть у меня, как поётся в песне. Я живу только благодаря тебе. Если бы не ты... Если бы не ты...

«Странно... Как загадочно он говорит... И о чём? Я опять ничего не могу понять...» Подняв глаза, я глянула на Мозгового и... не смогла оторваться. Его глаза из карих стали тёмно-фиолетовыми и в них, как тонкие узкие молнии, светились сиреневые прожилки. Такой нежный лиловый оттенок я часто видела в ночном небе, в размытом контуре самой прекрасной туманности.

То, что произошло дальше, объяснению не поддаётся. Словно под каким-то гипнозом, мои губы открылись и, не отрываясь от глубин этого космического взгляда, я впилась в рот Мозгового жарким поцелуем. А он... Он ответил. И так!!! Никто и никогда меня так не целовал! Сколько времени длилось это безумие, не знаю. Я открыла глаза и вскочила. За окном вечерело, но до темноты было ещё далеко. Сердце колотилось как бешеное, а внутри, внизу живота, известные всем бабочки так хлопали своими крылышками, что казалось, будто сейчас я распадусь на сотни или тысячи порхающих созданий. Что это было?! Хотя... Стоп... Что это, я знаю... И как называется такое физиологическое ощущение, тоже знаю... Но как?! Откуда?!

Когда-то докторами, которые вытаскивали меня с того

света после осложнений, было сказано конкретно: полноценной женщиной я больше никогда не буду. На физическом и гормональном уровне некоторые важные для женщины функции не будут мне доступны. Я могла, конечно, иметь физическую близость с мужчиной, только толку... Ни детей, ни удовольствия... Поэтому после больницы и тяжёлого развода в сторону противоположного пола я старалась не смотреть, хотя не могу сказать, что мужчины меня совсем перестали интересовать. А ведь было! Было уже что-то подобное! Тогда с Кареллом в лесной избушке! Я его захотела! По-настоящему! И хоть ощущения были не такими острыми, как сейчас, но желание-то было. Почему я не обратила тогда на это внимание, не придала значения?! Но Мозговой?! Что он со мной сделал?! Или это я с ним сделала?! Или сама с собой?! О, боги! Да что ж это такое?!

Я схватила кувшин с водой, подбежала к ванной и вылила его себе на голову. В дверь постучали.

– Кто?! – наверно, я очень сильно рявкнула.

– Эрдана... – голос Гарри дрогнул, – простите...

Накинув полотенце, я рывком распахнула дверь.

– Простите, я помешал... Там ваш Гун пришёл...

– Спасибо, Гарри, позови его сюда.

Парень кивнул и быстренько ретировался. А Гун принёс новости... И очень интересные! Оказывается, просочились слухи, что в тюрьме умер заключённый и именно тот, к которому я ходила на свидание! Поэтому Гунар, как только узнал

такое, сразу поспешил ко мне.

– Умер, говоришь... – я вытирала мокрые волосы, пытаюсь осознать ситуацию и свести её к какому-либо логическому объяснению. – И как же он умер?

Старик пожал плечами:

– Говорят, нашли в камере мёртвым... Может, хворь какая приключилась или ещё что... Не знаю... Я слышал, что он был тяжело ранен, может, всё-таки от ран? Когда ты виделась с ним, как он выглядел?

– Плохо... Очень плохо... Я даже не сразу его узнала.

– Ну вот... повезло, можно сказать.

– Повезло... – я задумчиво тёрла нос. – Что ещё говорят?

– Ну... Наместник очень разозлился. Кричал, топал ногами, грозился казнить всю охрану, включая начальника тюрьмы, что не досмотрели до казни. Но потом, говорят, вроде успокоился, однако гонца в столицу с сообщением послал.

«Хорошая примета... Долго Грас жить будет, раз его уже похоронили... Только что же там охрана начудила? Никак выдали чужой, похожий труп за Граса – это единственное объяснение. Вот почему и шум не подняли. Знали, что сами могут на плаху угодить. Молодцы! Не зря я им столько денег отвалила! Ой, молодцы!»

– Ты рада? – Гун удивлённо глядел на меня. Похоже, что я, как дура, улыбалась своим мыслям.

– Я рада тому, что муки его закончились.

– Да-а-а... Теперь о нём Хранитель позаботится...

В дверь опять постучали. Бас Крианна произнёс:

– Кари! Ужин!

Не вставая с места, я крикнула:

– А можно в комнату принести? Двойную порцию, у меня

Гун...

– Конечно.

Старик поглядывал с удивлением:

– Он кто тебе, Кари?

– Кто он?

– Крианн...

– Как кто?

– Ну, родственник или знакомый?

– Да никто... Я с ним только здесь и познакомилась...

– Он относится к тебе не так, как к другим постояльцам...

С уважением и заботой...

Я ухмыльнулась:

– Просто я сюда попала, если можно так сказать, по бла-
ту...

– Как это?

– У нас с Крианном есть общий знакомый, который и ска-
зал мне здесь остановиться, а Крианн его очень уважает...

– Понятно! – и Гун понимающе, закивал. – Значит, я тоже
здесь по благу?

Мы захохотали.

– Отвезёшь меня завтра в Восточную гавань?

– Конечно, а зачем? Прости, что спросил...

– Я жду судно...

Гарри принёс ужин, мы поели и Гун отправился домой. А старик загрузил... Понял, что скоро мы расстанемся.

Глава 24

На следующее утро в Восточную гавань сразу мы не попали. Пришлось ждать, сидя в гондоле, когда закончится казнь и освободится проезд. Сама смотреть на это средневековое убийство я не собиралась, а вот Гуна отправила узнать в толпе последние слухи и сплетни. Он вернулся нескоро, но ничего нового не сообщил. Пятерых смертников повесили, предварительно зачитав каждому приговор, а по поводу шестого было объявлено, что казнь признаётся состоявшейся, так как имеется мёртвое тело, опознанное охраной, и с остальными повешенными будет сожжено за городом в пещере Хранителя в оговоренные сроки. Вот, собственно, и всё...

В результате на причал мы попали только к полудню. «Чёрной медузы» ещё не было. Гун подсказал, что можно обратиться к начальнику гавани, он, дескать, должен иметь более точные сведения о том, кто и когда прибывает. Но местное начальство мы не застали, похоже, чиновник с казни ещё не вернулся. Я отправила Гуна работать, пока в городе было много приезжих, предварительно обсудив наши планы на завтра, а сама отправилась в гостиницу пешком, в

городе я уже хорошо ориентировалась. Хотелось погулять, побродить, побыть среди людей, хотя толпы купцов, торговцев, крестьян, мастеровых и другого разного люда немного напрягали.

Мозг не давал о себе знать с момента нашей последней, ошеломительной встречи, но я его чувствовала... Знала, что он на связи, просто молчит. Мне тоже пока не хотелось с ним разговаривать, слишком уж странными и чувственными стали наши отношения. Хотя одно только присутствие его внутри меня было странным, даже непостижимым, не говоря уже про всё остальное.

Вернулась я под вечер, по пути зашла на рынок и купила ещё продуктов на дорогу. Кто знает, когда придётся снова отправиться в путь? Лёжа вечером в горячей ванне, я вспоминала все последние события. При мыслях о Максе внутри всё сжималось и наворачивались слёзы: «Где он? Бороздит морские просторы на пути к отцу? Как же далеко он отправился?! Только бы с ним ничего не случилось... Одно успокаивает: он в своей родной стихии, в воде, хоть и на суше чувствует себя прекрасно... С ним всё будет хорошо, он доплывёт и вернётся... Мы снова встретимся... И я скажу ему... Скажу, как сильно он мне дорог...»

Мысли переключились на Граса и золотую банду: «Дайк... Нянь мой дорогой... Когда же я увижу тебя? И увижу ли?!» Вспомнился сон, когда он звал меня... Правильно Макс сказал, никаких лишних движений, держать путь толь-

ко в Латрас, не отклоняясь от цели. Может быть, моё удивительное везение опять сработает, и я встречу там со всеми, кого успела полюбить?

Ночью я проснулась от странного звука. Из подполья доносилось тихое царапанье. Сначала я подумала на водяных крыс, но когда этот звук повторился, а потом кто-то слегка стукнул в крышку люка, я вскочила: «Неужто Макс вернулся?!» Я быстро разворошила угли в камине, подбросила дров, зажгла пару настенных подсвечников и отодвинула кресло. В люк опять кто-то стукнул. Я медленно откинула крышку и свесилась вниз...

Из воды на меня смотрели большие жёлтые глаза. Это был ангалин... Но не Макс! Сделав приглашающий жест, я отползла в сторону. Огромный серый ангалин легко запрыгнул в комнату. Стряхнув с чешуи воду, он уставился на меня и зашипел:

– Ка-а-а-ри, ес-с-сли не ош-шибаюс-с-сь?

Затаив дыхание, я кивнула. Незнакомый ангалин слегка поклонился и улыбнулся одной половиной пасти:

– Приятно поз-з-знакомитьс-с-ся... Я, Фаллаксаан эн Шер, с-старш-ш-ший брат Максашарая.

– Мне тоже... приятно познакомиться, – обалдело прошептала я в ответ.

Этот представитель рептилоидов был не менее великолепен, чем тот, кого я уже хорошо знала, если не сказать больше. Во-первых, он был крупнее Макса и в длину, и по весу.

Во-вторых – более мощный, под чешуёй перекачивались тугие мускулы, а движения были настолько плавными и в то же время стремительными, что я робко отползла подальше к стене. Вот это экземплярчик! Один из жёлтых глаз подмигнул, и он опять заговорил:

– Не бойс-с-ся... Я не с-с-сделаю тебе ничего плохого...

– А я... и не боюсь... Просто неожиданно как-то...

– У меня мало времени...

Ящер, без всякого стеснения, разглядывал меня со всех сторон, а потом тяжёлая серая голова с тёмной полосой от кончика носа уткнулась в волосы, и ангалин втянул ноздрями воздух. Я замерла без движения: «И этот меня нюхает!» Шершавый язык лизнул за ухом, и он отстранился. Глаза его были полуприкрыты, а розовый язык облизывал широкие подвижные ноздри.

– Да-а-а... – прошипел он протяжно. – Брат с-с-сказ-зал правду. З-з-запах с-с-странный, но приятный. Не з-з-забыть и не перепутать... Теперь я тебя з-з-запомнил...

– Ты его видел?!

– Видел... Мы вс-с-стретилис-сь у Пес-с-счаного ос-стро-ва.

– С ним всё в порядке?!

Ящер удивлённо приподнял подобие бровей и присел на задние лапы:

– С-с-странное отнош-ш-шение к моему брату со с-с-сто-роны женщ-щ-щины, если не с-сказ-зять больш-ш-ше...

– Мы с Максом вроде как друзья...

– Друз-з-зья?! С Макс-с-сом?!

– Ну да... Я так думаю...

Здоровенный ангалин неожиданно хихикнул, но быстро зажал пасть хвостом. Меня тоже пробило на смех. Смеющиеся ангалины – зрелище ещё то! Никаких шуток и клоунов не надо, достаточно одного их вида. Братик Макса быстро взял себя руки... или в лапы? Или в хвост? Как правильно сказать? И с самым серьёзным видом сказал:

– Я приплыл на з-з-замену моему брату и, как оказалос-с-сь, хорошо, что раньш-ш-ше с-срока. Максашарай пос-с-ступил правильно, что отбыл к отцу с докладом, а ты познакомиш-ш-шь меня с хоз-з-зьяином этой гос-с-стиницы, дела не должны прос-с-стаивать.

– Практичный подход...

– Этому человеку мож-ж-жно доверять?

– Макс ему верит.

– Почему Макс-с-с? Моего брата з-з-зовут Максашарай!

З-зачем ты его так наз-зываетш-шь?

– Во-первых, мне сложно произносить такое имя, а во-вторых, он мне разрешил.

Ящер высокомерно хмыкнул:

– Он сын Ангалина Рекс-с-са!

– Ну и что?!

Рептилоид закатил глаза и вздохнул.

«Правильно... Нечего со мной спорить...»

– Поз-з-зови хозяина.

– Сейчас?! Ночь на дворе...

– З-з-зови, мне некогда.

«А братик-то с характером! Корчит из себя принца направо и налево. Ну да ладно, лучше не перечить...». Я выглянула из комнаты, заперла дверь и пошла по коридору в сторону столовой. Там рядом находились комнаты хозяйской семьи. Но далеко идти не понадобилось. Крианн сидел за своей стойкой и что-то писал или считал при свете масляной лампы. Заслышав шорох, он поднял голову. Я поманила его к себе.

Возле двери в мою комнату мы остановились:

– Крианн... У меня там другой ангалин, вместо зеленоглазого... объявился... Хочет вас видеть, чтобы познакомиться, так сказать, для общих дел...

– О как! – хозяин аж крикнул. – И как он?!

– С характером... я бы сказала. Поосторожней с ним, уж больно высокомерен.

– Я понял... – мужчина поправил ремень, пригладил бороду и с готовностью глянул на меня. – Идём.

Фаллаксаан сидел в той же позе на циновке у камина. Мы вошли и я по привычке задвинула засов. Крианн с достоинством поклонился и представился. Ангалин кивнул в ответ. Я стояла рядом и хлопала глазами. Повисла пауза... И тут до меня дошло. Ангалины с людьми не разговаривают! Я странное исключение из данного правила... Как же они общать-

ся-то будут?! Но Крианн не растерялся. Он опять поклонился и произнёс:

– Уважаемый в курсе нашей работы с прежним связным?

Ящер важно кивнул.

– А об условиях сделок?

Он опять кивнул.

– А места для передачи товара и оплаты?

Ангалин задумался и показал два хвостовых пальца.

– Вы знаете только два?

В ответ снова кивок.

– Два основные, но есть ещё несколько мест про запас, – и Крианн подробно объяснил, где и как найти эти запасные тайники, и в каких случаях ими пользоваться.

Вся эта сцена односторонних переговоров напомнила то время, когда я сама могла только кивать, как китайский болванчик. Однако вскоре они всё обсудили и обо всём договорились. Всё-таки у Крианна был хороший опыт подобного общения. Хозяин ушёл спать, а ящер кивнул мне на прощанье и скрылся в люке. «Высокомерный типчик! В Рексы метит, не меньше... Ангалины, как и люди, каждый со своим характером, да и внешне они тоже отличаются друг от друга. Как же здорово, что я их понимаю! Получается, что на всём Окатане я одна такая, уникальная... Могу общаться с ними... Неужели Дайк толком не знал, что это за трава разума такая? Сам же он отвар из неё не пил почему-то... Похоже, ставил на мне эксперимент, сработает или нет... Когда

же я разберусь во всём? Только он сам сможет всё рассказать, если захочет, конечно...» – закутываясь в одеяло, я ещё не знала, какие события принесёт следующий день.

Глава 25

Первая утренняя новость была о приезде в Банкор Гая – Голоса Окатана. За завтраком постояльцы живо обсуждали это дело и обменивались впечатлениями. Кто-то ранее слышал его голос, кто-то нет, но все собирались завтра на выступление. Пока я ожидала Гуна, сидя на диванчике возле стойки, Крианн спросил:

– Эрдана Карина, а вы слышали нашу знаменитость?

– Да, в Маргосе...

– И как впечатления?

– Это самый прекрасный голос, который мне доводилось когда-либо слышать.

– Верно... Давненько он у нас не был... Лет пять или даже семь, не помню точно...

Я удивилась. За время путешествия с караваном сложилось впечатление, что Гай с семьёй постоянно колесит и даёт концерты. Но, со слов Крианна, это оказалось не совсем так. В своих вояжах Гай делает очень большие перерывы. После очередного путешествия музыкальное семейство может осесть где-нибудь довольно надолго, вплоть до нескольких лет. В такие периоды Гай не поёт... Совсем. И никакие

просьбы, уговоры или деньги на него не действуют. Но через некоторое время они опять отправляются в путь, чтобы давать концерты в разных городах и попутно торговать. В какую сторону они поедут и к какому каравану присоединятся, никто никогда не знает. И только в пути, постепенно, проясняется маршрут их путешествия.

Вскоре появился Гун, и мы опять отправились в Восточную гавань. «Чёрная медуза» прибыла на рассвете, как раз к началу празднований. Шхуна была двухмачтовая, крепкая и не такая длинная как галеры. С двух боков на носу вырезан рисунок медузы, такой же как и на медальоне, что оставил Макс. По деревянным сходням я поднялась на палубу. Команда сразу же обратила на меня внимание, несмотря на интенсивную работу. Они разгружали трюмы.

– Эй, красавица! – весело крикнул молодой мужчина в широкой рубахе с закатанными рукавами и небольшой рыжеватой бородкой. – Не меня ли ищешь?!

Команда дружно, басисто расхохоталась.

– А ты капитан?! – ответила в тон.

– Нет, я помощник! Но для тебя буду кем угодно!

Мужики опять захохотали. Это не крестьяне и не горожане, похоже, настоящие морские волки... Я подошла почти вплотную к рыжебородому шутнику и, смерив его взглядом, произнесла, сексуально понизив голос:

– А ты уверен, что сможешь... мне угодить. Я – девушка придиричивая. И ты пока не капитан...

Все притихли. Мужчина смотрел, не отрываясь, а потом опустил глаза. За спиной раздалось лёгкое покашливание. Я обернулась.

– Эрдана? Чем могу?

Передо мной стоял коренастый мужчина, чуть выше среднего роста, темноволосый, в тёмном платке, завязанном типично по-пиратски, узлом набок. Это и был капитан, без всякого сомнения. Я кивнула и улыбнулась:

– Вы капитан Ают?

– Аютан эн Закар, капитан «Чёрной медузы», эрдана, – и он учтиво поклонился.

– Очень приятно познакомиться. Я Карина эн Матвэй, мне рекомендовали ваше судно как самое надёжное на пути в Латрас.

Он усмехнулся, сверкнув белоснежной улыбкой. Похоже, что слышал весь предыдущий разговор.

– А кто рекомендовал? Я нечасто беру пассажиров...

Я достала медальон. Капитан поменялся в лице. Удивление и недоумение – вот эмоции, которые удалось разглядеть.

– Пройдите за мной...

Закрыв дверь маленькой каюты, он предложил мне присесть, а сам устроился на углу столика, заваленного картами и фолиантами. «Да у него тут неплохая библиотека...» – окинула я взглядом тесное помещение.

– Откуда у вас этот медальон, эрдана Карина?

– Подарили...

– Кто?

– Тот, кому вы сами его когда-то вручили. Понимаете, о ком я?

– Понимаю...

– Он просит вас доставить меня в Латрас.

– Даже так?! – капитан был озадачен. – Вы знаете язык ангалинов?

Теперь настала моя очередь озадачиться. Не хотелось никому выдавать свою тайну, да и Макса тоже. Поэтому я решила немного схитрить:

– Нет, их языка я не знаю... – что и было правдой, – но нам удалось понять друг друга.

Непонятно было, что подумал капитан Ают, услышав такой ответ, но ничего более объяснять я не собиралась. Возможно, капитан соображал, что ответить, а может и нет... Он рассматривал меня с большим интересом, заметил и кольцо на пальце и выбившуюся из-под платка светлую прядь.

– Да... вот ещё что... Он просил вам передать то, что давно обещал.

Капитан принял у меня мешочек, и я заметила, как дрогнула его рука. Когда же он высыпал на широкую ладонь содержимое, то чуть не задохнулся. Открывая и закрывая рот от удивления, он переводил взгляд с жемчуга на меня и обратно и не мог вымолвить ни слова. Я спокойно ждала, пока приступ восторга и удивления пойдёт на убыль. Через несколько минут он, наконец, прошептал:

– Все боги Окатана! Не может быть... Я думал... он пошутил тогда... Это же... Чёрный жемчуг! Вот это сюрприз! Чёрный жемчуг для «Чёрной медузы»! Эрдана... – и он уставился безумным взглядом. – Вы же всё могли оставить себе... Это же целое состояние! Три-четыре шхуны можно построить на эти деньги и ещё куча денег останется...

– Простите, капитан... Я обещала передать, а вот оставить себе как-то не догадалась. Может, вы бы так и поступили...

– О, простите, простите меня... – он быстро вскочил со стола и опустился передо мной на одно колено. – Я не подумал, оскорбил вас... Простите грубость моряка...

Он порывисто схватил мою руку и поцеловал. От неожиданности я отдёргнулась.

– Эрдана Карина, простите... Я не хотел...

– Всё в порядке, капитан... Вы ничем меня не оскорбили... Так вы возьмёте меня с собой до Латраса?

– Конечно! Это будет честь для меня! Не волнуйтесь, на «Медузе» вы в полной безопасности. Я выделю вам отдельную каюту.

– Спасибо, – и я попыталась встать с кресла.

Капитан Аютан поднялся и предложил мне руку. Такой галантности я не ожидала, но было приятно. Он проводил меня к сходням под любопытные взгляды всей команды.

– Мы отплываем послезавтра на рассвете, поэтому вам лучше прибыть завтра к ночи, чтобы не опоздать к отплытию. Я подготовлю каюту и буду вас ожидать...

Я достала два золотых ранда, плату за проезд.

– Нет-нет-нет... Я не возьму с вас ничего.

– Но капитан...

– Эрдана Карина! Вы, я так понял, с зеленоглазым в очень хороших отношениях. К тому же принесли такой подарок, что я перед ним в неоплатном долгу. Поэтому никаких денег. «Чёрная медуза» в вашем полном распоряжении. Вы лучше припасов купите на свой вкус, а то наш корабельный рацион не очень-то разнообразен.

– А сколько продлится плавание?

– Недели три, если всё будет в порядке... В море сложно загадывать, примета плохая.

Он опять предложил мне руку, и я царственно спустилась по сходням. На пирсе он раскланялся и ещё раз напомнил, когда мне нужно быть на корабле. Команда ловила каждое слово и движение. Уже за спиной я услышала суровый окрик капитана:

– Что застыли, олухи! Не всё подслушали?! А ну за работу!

Ухмыльнувшись, я потопала к гондоле.

Лодка была привязана у пирса, а Гун сидел на скамеечке и перебирал какие-то верёвки.

– Когда отплытие? – тихо спросил он.

– Послезавтра... на рассвете. А на «Чёрной медузе» мне нужно быть завтра вечером.

– А почему так скоро? Разве они не задержатся до конца

празднований?

Я пожала плечами и запрыгнула в местный городской транспорт:

– Не знаю... Я не спрашивала, а капитан по этому поводу ничего не говорил.

«Да-а-а... Загрустил старик...» – я присела рядом и обняла его.

– Гун, не переживай... Мне тоже очень жаль с тобой расставаться. Но я должна... Понимаешь... Должна попасть в Латрас. Меня там ждут...

– Я всё понимаю, девочка, внучка моя дорогая... Я уже долго живу на свете... просто... – он поднял влажные глаза с сетью лучистых морщинок, – за эти дни ты стала так много значить в моей никому не нужной жизни...

– Почему никому не нужной? – слёзы наворачивались от бушевавшего внутри потока эмоций. Я вытерла глаза. – Мне нужной, Гун... Мне... Я хочу, чтобы ты стал самым известным гондольером в Банкоре.

– Правда?

– Конечно!

– Я уже неплохо заработал за это время, Кари. И всё благодаря тебе. Я как-то даже и не думал, что смогу полноценно жить и работать, и... получать от этого удовольствие.

– Твоя новая жизнь только начинается...

– Верно, – он стиснул мои ладони, – начинается... Ты появилась и осветила её, как звезда, как тысячи солнц, как бо-

гиня, сошедшая по радужному мосту во спасение...

– Да ладно тебе... – я не выдержала и захохотала. – Я самая обыкновенная!

– Нет, Кари! Ты необыкновенная! Ты другая! Ты будто придала моей жизни новый вкус. Раньше всё было пресным, безвкусным, даже затхлым, а теперь... Теперь всё по-другому! Я захотел, действительно, захотел дожить свой век достойно! Ты будто... посолила меня, добавила вкусных трав, аромата и теперь это блюдо можно есть с удовольствием!

На несколько секунд я задумалась. Старик вздрогнул и спросил:

– Я тебя обидел?

– Нет, что ты! Ты так интересно сказал... Вот я и принялась размышлять... Верно ты подметил... У меня дома, на моей далёкой родине, есть такой набор специй для еды, называется «карри». Эта приправа придаёт пище очень специфический вкус и аромат, и даже цвет, яркий такой, солнечный... Я ведь тоже карри, только без одной буквы.

Старик мягко улыбнулся и погладил меня по голове:

– Ну вот... Я угадал... Всё правильно...

– Спасибо, Гун... Спасибо за всё!

Мы крепко обнялись. Я еле сдерживалась и старалась не рыдаться: «Нечего рыдальню устраивать, Гуну и так тяжело, а тут и я нюни распушу...»

– Отвезёшь меня в «Тихий островок»? У меня есть к тебе одно дело... на прощанье.

В комнате я порылась в мешке и достала игрушечного ангалина с зелёными глазами-бусинами. Старик сидел в кресле и доедал принесённый Гарри ужин.

– Гун, вот эта игрушка для младшего сына Гая Голоса... для Натри...

Перестав жевать и отодвинув пустую миску, он уставился на меня:

– Ты знаешь Гая?!

– Знаю. И всю его семью. Подожди, я сейчас...

Я быстренько сбегала к Крианну за бумагой и стилосом. Нарисовав весёлого чертёнка с рожками и хвостиком, я вложила картинку ангалинчику в лапы и обмотала бечёвкой. Гун с нескрываемым любопытством следил за моими действиями. Я присела перед стариком и протянула ему подарок для Натри.

– Это нужно передать Гаю или его жене Хейе. Можно вручить старшим детям, Скаю или Айре... Но больше никому! Слышишь?! Я не знаю, как это сделать, но очень прошу тебя, Гун... Сама я не хочу с ними пока встречаться по некоторым причинам... Это весточка им, они поймут, когда увидят рисунок, что это от меня. Поможешь?!

Гунар сжимал мозолистыми ладонями игрушку и кивал:

– Да, Кари! Да, я передам... обязательно. Придумаю что-нибудь...

– Спасибо. Только сделай это, когда я буду уже в море.

– Я понял...

– Не хочу, чтобы они носились по Банкору и разыскивали меня, вместо того чтобы заниматься своими делами.

Гун сжимал ангалинчика, а я, сидя перед ним, гладила его по коленям, хлюпая носом и размазывая слёзы:

– Я прощаюсь Гун... Последние дни я только и делаю, что прощаюсь... Расстаюсь с теми, кто дорог, и... опять иду куда-то... в неизвестность...

В судорожном истерическом спазме я зажала нос и рот, чтобы окончательно не разрыдаться. Дурацкая мысль вырвалась на свободу с очередным всхлипом и разбавила слёзы смехом:

– Пойди туда, не знаю куда... Найди то, не знаю что... Вот девиз моей жизни последние месяцы!

– А может, останешься? – и Гун с надеждой заглянул мне в глаза.

«Знакомая ситуация... И слова, и интонация, и взгляд... Только говорит не Макс! Но ответ будет тот же...» Я покачала головой:

– Нет, не останусь. Иначе в Латрас я никогда не доберусь. Мы ещё немного посидели, но затягивать прощанье было уже не по силам.

– Гун, завтра я сама сбегаю в пару лавок и подкуплю что нужно ещё на дорогу. Не хочу отвлекать тебя от работы, да и вообще... Долгие проводы – лишние слёзы...

– Но хоть в гавань отвезти тебя можно?

– Вечером выступление, ты забыл? Вряд ли мы сможем

проплыть, лучше пешком... дорогу я знаю, и Гарри меня проводит.

Гун кивнул и, сжимая подарок для Натри, почти выбежал из комнаты.

Глава 26

Сон не шёл. Я крутилась с боку на бок, но заснуть никак не получалось: «Неужели три недели – и я буду в Латрасе?! Найду ли Дайка? Встретимся ли?! Грас сказал, что Карелл сильно избил его из-за меня, но не бросил, забрал с собой... А была ли потом у моего Няня возможность самому оказаться в Латрасе? Вдруг нет?! Где он может быть тогда? Для того чтобы найти его, в Латрас нужно попасть обязательно. Что-нибудь я точно там узнаю! Впереди осень... Моя первая осень на Окатане... А потом зима... Насколько же похолодает, интересно?»

Климат Восточных земель мне нравился: ровный, мягкий, очень тёплый, и главное – лето длится полгода по местному времени. Целых восемь месяцев! По четыре-пять урожаев в год снимают! Что же за орбита такая у планеты, что лето настолько длинное, а зима короткая? Хотя дело тут, похоже, в наклоне оси вращения... А может, и в том, и в другом? Точный размер планеты мне неизвестен, но Мозг говорил, что Земля и Окатан очень похожи...

– Мозговой? А Мозговой? Поболтаем?

– Ты дорогу ко мне забыла? – голос за ухом был ровным и спокойным.

– Нет, не забыла...

Он сидел за столом, а я пристроилась на кушетке. Несколько минут мы молча смотрели друг на друга, но я не выдержала и заговорила первой:

– Я хотела попросить тебя... Давай не будем обсуждать последнюю нашу встречу, хорошо? Просто забудем...

– Забудем?! – профессор ухмыльнулся и вставил монокль в глаз.

Я залилась краской и зажмурилась: «Как же стыдно! Ой, мамочки! Я по сравнению с ним ребёнок малолетний, а целоваться полезла... Хочется сквозь землю провалиться...».

Через пару секунд я приоткрыла один глаз. Мозг сидел в той же позе, только закрыв лицо руками. «Ему что? Тоже стыдно, что ли? Фу-у-у... Так, конечно, полегче будет... Раз стыдно нам обоим...». Напряжение слегка спало:

– Мозг, прости... Прости меня... Я больше так не буду... Честное слово!

– Почему не будешь? Тебе не понравилось?

От такого неожиданного заявления я обалдела и чуть не свалилась с кушетки. А он так и сидел, пряча лицо за ладонями. От растерянности к горлу подступил ком и слова не произносились. В конце концов, я совладала со спазмом и прошептала:

– Понравилось... Очень...

Он опустил ладони и улыбнулся:

– Давай договоримся...

– О чём?

– Забывать мы не будем, но и вспоминать пока тоже...

Ничего плохого, страшного или постыдного между нами не произошло... Так?

– Так...

– Я не просто живу внутри тебя... Я живу тобой... Люблю тебя... Ты это понимаешь, чувствуешь?

– Да...

– И что бы мы ни делали, если это нравится нам обоим, не может быть чем-то плохим, неестественным, аморальным и так далее... Ты согласна?

– Согласна.

– Тогда мне нужно имя.

– Имя?!

– Ну да, обычное имя... Как у всех...

– Но ты... Мозг... Мозговой!

– Это прозвище, а не имя.

Я подтянула колени к груди и сжалась в комок, не отрывая глаз от профессора:

– И как же мне тебя называть?

– Тан.

– Тан?!

– Тебе не нравится?

– Ну почему... – я хлопала глазами, пытаюсь переварить

информацию. – Мозг... ой, Тан... я что-то совсем ничего не соображаю... А зачем? Зачем тебе имя?

– У тебя же оно есть?

– Есть, но...

– Так почему у меня не должно быть?

Тупик! Мозги вращались с жутким скрипом. На долю секунды показалось, что Мозг, то есть уже... Тан... тоже слышит, с каким лязгом они крутятся у меня в голове. Срочно требуется смазка!

– У тебя выпить есть?

– А как же алкоголизм? – он ехидно улыбался, глаза блестели и стена напряжения, почти видимая и осязаемая, между столом и кушеткой исчезла. – Конечно, есть. Сегодня будем пить текилу, но... чуть-чуть!

Маленькая рюмка, бутылка с зеленоватой жидкостью, соль и лимон быстро появились на столе. После двух рюмок меня отпустило. И Мозгового тоже... я заметила.

– Значит, Тан... Сам придумал?

– Ага.

– То есть теперь, как я понимаю, ты абсолютно самостоятельная личность, которая просто живёт в моей голове? Ведь имя тебе нужно именно для этого... Чтобы окончательно отделиться от меня?

– Умница! – и хлопнув рюмашку, он звонко стукнул ею о стол.

– Почему... когда ты называешь меня умницей, я чув-

ствую себя круглой душой?

– Понятия не имею... Я сказал то, что думал.

– Ладно, не будем вдаваться в детали. А ты хитрее-ещ! Я только сейчас начинаю это понимать... Иметь личное имя ты хотел уже давно, но не было подходящего случая, чтобы завести такой разговор!

Профессор опустил глаза и, взяв мою руку, начал водить пальцем по шрамам на ладони.

– Получается, что раздвоение личности у меня всё-таки случилось...

Он отдёрнулся и резко вскочил:

– Ну какое раздвоение?! Какое?! Что ты говоришь?! С твоей психикой всё в порядке! Точно! Крепости твоей нервной системы можно только позавидовать! Ну, Кари... Девочка... Поверь мне, пожалуйста...

Присев на корточки, он крепко сжал мои ладошки:

– С тобой всё в порядке... Я гарантирую...

– Ты уверен?

– Ну что ещё сказать, чтобы ты поверила?!

– Не знаю...

– Ну хорошо... Зайдём с другой стороны... Тебе плохо оттого, что я с тобой... оттого, что я здесь?

– Нет, не плохо...

– А наши встречи, разговоры и даже эти совместные виртуальные пьянки вызывают какие-либо негативные чувства, эмоции?

– Нет, конечно... Наоборот... Я рада, что это всё есть у меня.

– Так в чём же дело тогда?

– А разве сам ты не знаешь, в чём дело? Ты же сидишь внутри меня! И значит, видишь всё, что со мной происходит не только снаружи, но и изнутри!

– Верное замечание. Только есть одно но... Я не всемогущ, я не создатель Вселенной, не Господь Бог, иначе говоря, не всё мне подвластно. Ты часто настолько отгораживаешься, что никакие усилия с моей стороны не позволяют позвать тебя.

Он вскочил и забегал взад-вперёд:

– Не знаю, как объяснить... Ты сильная! Очень сильная! В чём-то даже сильнее меня, не во всём, конечно... У тебя очень мощная энергетика, я бы даже сказал стихийная! Ты пока не осознаёшь и не понимаешь этого, но придёт время, и ты научишься чувствовать свою силу. А я... я помогу тебе в этом. Ты не просто так попала на Окатан, Кари! Этот мир всосал тебя, притянул... как магнитом! Разве тебе самой так не казалось?!

«И что на это ответить... Какая сила?! Какая энергетика?! Что за чушь он несёт?!»

– Мозг... Я не знаю... Прости... Тан.

– Кари, милая... называй меня как хочешь, – он присел рядом и глубоко вздохнул. – Имя мне, действительно, нужно... Для того чтобы осознавать себя и общаться с тобой так,

как я хочу... Эгоизм с моей стороны, конечно, но по-другому я уже не могу... да и не желаю.

От этой очень странной лекции, да и от всего предыдущего разговора, наверно, а может и от текилы, в голове начали шуметь волны. Сперва это был тихий плеск, но очень быстро он превратился в грохот мощного прибоя. Мозаичный пол библиотеки закачался, а потом пошёл ходить ходунгом. Я ткнулась лбом в бархатный халат:

– Я тоже очень люблю тебя, Мозг. Тан... Странно пока произносить твоё новое имя... И хоть ты несёшь какую-то околесицу, не хочу, чтобы это прекращалось. Я хочу видеть тебя, слышать твой голос в голове, чувствовать твоё присутствие... И пусть всё кончится психушкой, шизофренией там, да чем угодно... всё равно... Пусть будет так, как есть сейчас...

– Ты не представляешь, как приятно это слышать!

Я обняла его и закрыла глаза. Грохот прибоя в голове превратился в шум ветра, будто сильные, мощные потоки воздуха гудели в кронах деревьев. Меня слегка качало под этим напором, бьющим прямо в спину: «Что это?! Что это такое?!» Я стояла на опушке леса, а впереди, зелёно-голубым морем, колыхалось райское поле. Только я его не боялась. Совсем. Я чётко осознавала, что оно мне уже ничем не угрожает: ни яд травы, ни бездонная топь не страшны. Я улыбаюсь и иду прямо в середину этой болотной синевы, потому что знаю – там, в самом центре, находится источник... Ис-

Глава 27

Утренний свет бил в глаза. Я сползла с постели и подошла к зеркалу. Несколько минут я тупо глядела на своё белобрысое отражение, потом зачерпнула воды и плеснула в лицо. Какие странные и загадочные сны мне снятся... И дело даже не в их содержании, а в ощущениях, которые я в них испытываю. Полная реальность! И каждый раз, когда я попадаю в такой сон, какая-то маленькая часть разума постоянно твердит: «Это сон, Кари... только сон... Это не по-настоящему... Тебе снится, снится всё... В любой момент ты можешь сказать «нет»... и проснуться... Если сама захочешь... Это Мозговой так меня уговаривает... или я сама? Тан... Тан... Что за странное имя он себе выбрал? Будто неполное... Окончание... Часть какого-то другого... Но если и окончание, то чисто окатанское... Многие мужские имена, да и слова мужского рода здесь оканчиваются на – тан или – ан. А если вдуматься и разобраться по слогам, то получается, что... «тан» – это «верхний» или «высший», если перевести на мой родной язык. Не доводилось мне замечать, чтобы мой жилец страдал манией величия...»

Ход мыслей прервал стук в дверь:

– Завтрак, Кари! Ты просила разбудить! – голос Крианна был громок, а стук настойчив.

– Спасибо! Уже иду!

В городе царила суматоха. Грядущее выступление Гая привело местное население в очень возбуждённое состояние. Откуда-то появилось столько стариков и инвалидов разной степени, что я диву давалась. Народ забивал места с вечера и к центральной площади было не пробиться. В лавках и на рынке творилось что-то невообразимое: раскупались украшения, наряды, обувь... Точно так же как и у нас на распродажах на Земле, хоть местные торгаши и взвинтили цены до небес.

Плонув на такое дело, я подалась в Западную гавань. Там тоже был рынок, только народу гораздо меньше. Капитан сказал прикупить продуктов поразнообразнее, что я и сделала. Овощи и фрукты, свежие и сушёные, рыба и другие морские гады были там в изобилии. По пути в гостиницу я забрела в лавку, где торговали сладостями. Не знаю, любит ли команда «Чёрной медузы» подобные десерты, но денег я не пожалела и купила хороший мешок засахаренных вкусностей.

Шоколада на Восточных территориях не знали, как и кофе. Местные кондитерские изделия напоминали мне «сладости Востока» на Земле: рахат-лукумы всякие, пахлаву, шербет и тому подобное. Очень вкусно! Однако по шоколадкам и конфеткам я скучала, как и по кофе.

На пороге «Тихого островка» стоял Крианн, ожидая кого-то. Как оказалось, меня родимую. Затащив за ширму, он

всучил мне долю за жемчуг. Я дико обрадовалась. Вот это сумма! С такими деньжищами я точно не пропаду! И хоть у меня всё есть и тратить деньги Макса я не собиралась, но когда душу греет такая наличность, и притом внушительная, жить гораздо веселее и спокойнее! А потратить-то он мне разрешил! Вот вам и ангалинская жадность, во всей красе!

– Фаэдр Крианн, я уезжаю сегодня. Я должна что-нибудь ещё за проживание?

– Нет... Ничего. Почему сегодня? – он нахмурился, губы сжались, а взгляд... непонятно, что выражали его глаза.

– Вернее, завтра на рассвете... Капитан просил явиться на шхуну сегодня вечером, чтобы не опоздать к отплытию.

Лицо хозяина помрачнело ещё больше:

– Уж не на «Чёрной ли медузе» ты отплываешь?

– Да... А вы откуда знаете?

– Только капитан Ают не задерживается в Банкоре даже на праздники.

– Но мне это и нужно. Чем быстрее я попаду в Латрас, тем лучше. А почему он не задерживается?

– Он наказан... за неподчинение. У наместника на капитана очень большой зуб, но и совсем не пустить его в гавань он тоже не может. Таков закон всех прибрежных городов: на двое суток пускают любое судно. Наш наместник пытался было всё переиграть, сделать для «Чёрной медузы» исключение, чтобы совсем их не пускать, но моряки взбунтовались, и тогда он ограничил время пребывания до наименьшего.

– А за что?

– Точно я не знаю... Слухи тогда разные ходили... То ли из-за жемчуга, который Ают якобы скрыл и продал потом на Западе, то ли из-за того что ангалинам платил хорошо, и потому доставлял грузы гораздо быстрее и брал самые выгодные заказы, обходя, таким образом, корабли наместника... Что-то в этом роде... В результате, «Чёрной медузе» закрыт нормальный доступ в Банкор на десять лет.

«О как! Очень интересно!»

– Уезжаешь...

Я кивнула.

– Жаль... Мы так к тебе привыкли. И доход от комнаты первого этажа не хочется терять.

– Я тоже привыкла... даже слишком. Гарри сможет проводить меня? А то у меня поклажи накопилось, сама не донесу.

– А как же Гун? И кстати, где он?

– Работает, наверно... Я вчера с ним попрощалась. Боюсь, что если он будет меня провожать, то со мной истерика случится... не смогу уехать. Жалко его, как родного!

Крианн вздохнул и слегка приобнял меня:

– Давно я не встречал столь добрых и искренних отношений между чужими людьми... особенно, такими разными.

– Ты присмотришь за ним? – я взглянула на этого маленького, но такого «большого» мужчину.

– Конечно, я теперь за него отвечаю... Не переживай. Мы с Гарри тебя проводим. Собирайся, раз надумала.

Ключ от комнаты я сдавала дрожащими руками: «Что ж так больно-то! Опять я прощаюсь... Опять... Когда же всё это кончится?! Не жизнь, а бесконечная череда расставаний... Почему я так привязываюсь к людям? Никогда раньше за собой такого не замечала... Жила как все: училась, работала... За не столь и длинную жизнь было всякое, но чтобы та-а-ак!»

Несколько раз глубоко вздохнув, я оглядела «Тихий островок»: «Будто из родного дома уезжаю... Караван покидать было очень тяжело, а теперь... теперь ещё хуже!» Смахнув слезу, я закинула мешок за плечи: «Все! Хватит нюни распускать! В Латрас! К Дайку!» Из кухни вышла Марэна попрощаться. Мы обнялись. Я пообещала, что про её чай буду рассказывать всем и везде, а она сунула в мою сумку мешочек с ароматными травами. Отец с сыном взяли поклажу, и мы двинулись в сторону гавани.

На площади царило столпотворение. И хотя до начала концерта было ещё несколько часов, пробиться сквозь плотную толпу не представлялось возможным. Мы пошли вокруг. В одиночку я тащилась бы до самой темноты, а с таким сопровождением поход оказался не таким уж и сложным.

Каюта на «Чёрной медузе» оказалась малюсенькой-малюсенькой, но всё необходимое в ней имелось: узкая койка, умывальник, откидной столик и крючки для одежды на стене. Небольшое квадратное окошко закрывалось деревянными ставнями с двух сторон и, как я узнала чуть позже, таких

кают на шхуне было всего две. Команда жила в общем кубрике, капитан в своей, а если брали много пассажиров, то для них освобождали небольшой трюм или отводили место на палубе, как кто захочет.

Скинув вещи, я спустилась к ожидающим меня Крианну и Гарри.

– Ну что... – я сделала глубокий вдох, – будем прощаться?

Сердце заколотилось мелкой дрожью и даже как-то помутилось в глазах.

– Удачи тебе... – Крианн крепко обнял меня. – Спокойного пути, доброй дороги... Надеюсь, не надо говорить, что в «Тихом островке» всегда найдётся место для эрданы Карины, – и он лукаво улыбнулся, глядя снизу вверх, – особенно на первом этаже...

Я улыбнулась:

– Спасибо, Крианн. Я эту комнату никогда не забуду и вас всех тоже. Может, и свидимся когда-нибудь...

Обнимая Гарри и целуя его в щёку, я сунула ему в карман золотую монетку:

– Купи себе что-нибудь на память... обо мне... И спасибо за заботу...

Парень вдруг всхлипнул и ткнулся носом в моё плечо. Ещё раз обняв их по очереди, я избежала по сходням и закрылась в каюте. Примерно через час, вдоволь наревевшись и выслушав тираду Мозгового по поводу моей излишней истеричности, я вышла на палубу.

Команда заканчивала работу: грузили какие-то ящики, брёвна, большие мешки и тюки, стянутые верёвками. Праздник в городе уже начался, и часть команды собиралась на площадь. Меня тоже подмывало: «Там Гай, Айра, Скай, Хейа, Мышонок... Хоть бы глазком на них глянуть! А что, собственно, мне мешает?! Ещё куча времени до отплытия!» Я сбегала к капитану, отдала ему ключ от каюты и поставила в известность о своих планах.

– Я бы очень хотел сопроводить вас, но в городе мне лучше не показываться... по некоторым причинам.

– Да, я знаю, капитан.

Он удивлённо приподнял брови:

– Доложили уже...

– А то! И к тому же я очень любопытна.

Он басисто расхохотался, запрокинув голову:

– У вас четыре часа, эрдана Карина. Ночью меняется течение возле берега и нам нужно будет ждать рассвета во-о-он у того острова, – и, махнув рукой, указал направление.

– Я ненадолго, капитан.

– Ждём вас... – и он учтиво поклонился.

Глава 28

Уже на подходе я поняла, что пройти ближе к сцене никак не получится. На площади яблоку было негде упасть. Как ни странно, но звуки музыки разносились очень далеко, акусти-

ка оказалась великолепной, несмотря на то что концерт проходил под открытым небом. Возможно, такой эффект получался из-за каменных зданий, создававших звуковые коридоры, да и направление ветра играло свою роль. Слышно было очень хорошо.

Гай с Айрой пели уже знакомую мне балладу, а Скай, вместе с другими музыкантами из местных, подыгрывал на гитаре. Я крутила головой, пытаясь найти более удобное место, пока взгляд не наткнулся на узкую лестницу, приставленную к стене, как раз не очень далеко от высокой сцены. На крыше сидела ватага мальчишек, и парочка физиономий оказалась знакомой. Кое-как, ну с очень большими усилиями, я протолкалась к лестнице и полезла наверх. Ребяшня подняла вой и попыталась спихнуть меня вниз.

– А-а-а! Вот к-а-а-ак, значит! Как игрушки вам покупать, так рады, а как пустить пару песен послушать, так нет?!

Детвора сначала замолкла, а потом дружно завопила:

– Лезьте! Залазьте к нам! Простите, эрдана!

Маленькие ручонки потянулись навстречу, помогая устроиться на карнизе. Знакомая компания была в полном составе. Те самые ребяташки, с которыми я познакомилась у лавки с игрушками. Сидела я, конечно, как курица на насесте, зато было прекрасно видно, а ещё лучше слышно.

С замиранием сердца, и не только я вглядывалась в родные и любимые лица. Всё хорошо! Всё хорошо! Выглядят отлично, поют так, что душа трепещет. Позади сцены я за-

метила Хейю, сидящую на скамеечке, а рядом... Натри! Мышонок был привязан камортой, той самой... Мальчик бодро топал вокруг, занимаясь своими детскими делами, а Хейа, держа конец верёвки, даже не смотрела в его сторону. «Здорово! Помогает мой подарок, раз она даже не следит за ним так, как раньше. Похоже, что загадочных исчезновений больше не было, – я зажала нос ладонью, борясь с опять подступающими слезами. – Так хорошо ходит уже, уверенно... И вроде подросток немного...»

За этим любованием на своих друзей я не заметила, как музыка стихла и на площади наступила полная тишина. Гай, как всегда был великолепен. В шикарном зелёном камзоле, чёрных кожаных бриджах и высоких сапогах, он вышел вперёд и громко заговорил:

– Дорогие мои слушатели! А сейчас... Я хочу представить на ваш суд новую песню. Вы будете первыми, жители и гости Банкора, кто услышит её! Она была написана совсем недавно мной и моим старшим сыном. Также я хочу объявить, что эта песня имеет для меня и моей семьи особый смысл... С ней связаны очень сильные чувства и прекрасные воспоминания... И я надеюсь, что вы полюбите её так же, как и все мы!

Он взмахнул рукой, и музыканты взяли начальные аккорды. Мелодия была прекрасна. Уже с первых нот я поняла, что это будет новый хит, говоря моим языком. Но слова и общий смысл повергли меня шок! А потом... и в ужас! Если

бы не дети, то с крыши я бы точно свалилась.

– Синеглазая дева
Издалёка пришла,
Знания, веру, надежду
В этот мир принесла.

То ли ветер попутный,
То ль течение реки
Помогли ей добраться
И жизни спасти.

Белокурая дева...
Может, дочь богов?
Иль звезда, что упала
Из небесных садов?

Неизвестно, что ищет,
Обходя землю вновь.
Обрети на Востоке
Жизнь, судьбу и любовь!

Ты исчезла, как дымка,
Растворилась в ночи.
И зови, не зови...
И кричи, не кричи...

Но спасённые помнят
То, что сделала ты:

И улыбку – как свет,
Синий взор чистоты.

Мы всегда будем помнить
И всегда будем ждать.
Знай же – дом там,
Где душе отдыхать!

Сжавшись в комок и натянув капюшон на голову, я сидела, балансируя на карнизе, и не верила тому, что слышала. Баллада была прекрасна! Просто великолепна! Мелодия легка и свободна, как ветер, а голос Гая парил над площадью, проникая в душу каждого. Я рассматривала людей: слушали, открыв рты и затаив дыхание, внимая каждому слову, каждой ноте...

«Приехали! А мне-то что делать?!! Куда деваться?!! Глаза выколоть?!! Или наголо побриться?!! Да меня теперь любая собака узнает! Ну Гай! Ну, спасибо! Да эту песню вскоре будут распевать повсюду! Бежать!!! Бежать без оглядки! Только куда?! Рано или поздно и до Латраса дойдёт... А слухи и сплетни на Восточных землях распространяются очень быстро! Никакого интернета не надо! Уже не раз убеждалась... Я же не смогу нигде спрятаться, чтобы в меня не тыкали пальцем! Может, ввести моду на паранджу?! Пока это единственное, что приходит в голову, только толку от этого будет ещё меньше... А если на Север?! Там я вполне сойду за свою... А как же я тогда на Кифов нос попаду, вернее, в

его окрестности?»

Песня закончилась. Стало так тихо, что слышен был только шум ветра да плеск воды. Гай звонко хлопнул в ладоши и люди вернулись с небес на землю. Что тут началось! Крики, восторженные стоны, овации... Несколько человек поблизости упало в обморок, на сцену полетели букеты, деньги, драгоценности. Подняв глаза, я увидела, как на большой террасе наместник со своей свитой вытирал слёзы, а рядом приводили в чувства лежащую на полу девушку в розовом платье: «Наверно, это дочь наместника... та самая, что повредила рассудком, когда крокодилы на её глазах разорвали брата. Уж слишком вокруг неё суетятся... Может, песня Гая её исцелит? Ведь просто так девушку привели на выступление...»

Толпа вопила и скандировала, Гай со Скаем раскланивались направо и налево. Люди кричали:

– Гай! Ещё! Спой ещё раз! Спой! Мы хотим запомнить! Гай! Спой! Голос! Голос Окатана! Исцели нас!

Когда песня начала исполняться второй раз, я поняла, что больше мне здесь делать нечего. Я махнула детворе на прощанье и полезла вниз. Опустив глаза, я пробиралась обратно в гавань. Обиды на Гая не было... Песня была прекрасна! Никто и никогда мне песен не посвящал, а тем более не писал, конкретно, про меня. Приятно до одури! Только как же теперь быть? У меня слишком приметная внешность для Восточных земель, где местное население сплошь темноглазые брюнеты да шатены или тёмно-рыжие с зеленоватыми глаза-

ми... Такого цвета радужки, как у меня, я не видела ни у кого. У северян, из тех, с кем довелось встречаться, да потомков родов, имеющих северные корни, глаза были тёмно-серые или голубые, но никак не ярко-синие. На меня и так обращали внимание, а теперь-то что будет? Вот только славы местной богини мне как раз и не хватает! Хорошо, что на рассвете я покидаю город. Удачно всё складывается... Спасибо, Окатан! Помогаешь... Теперь я верю в это!

Капитан встретил меня у схода. Подавая руку, он заметил перемену в моём настроении:

– Что-то случилось? – и участливо глянул.

– Нет... Всё в порядке... Просто грустно, уезжать тяжело...

– Понимаю...

Я заперлась в каюте и упала на койку. Песня Гая звучала в голове, как включённая на повтор запись. Каждое слово, каждая нота, каждая интонация врезалась в память.

«Вроде ничего особенного, не шедевр поэзии и музыки, но всё вместе в таком чувственном и искреннем исполнении... Убойное впечатление! Но проблема в том, что песня подействовала не только на меня... На всех!!! Гай всё-таки гений! А тут ещё и Скай затесался... По словам Гая, они написали песню вместе... Скорей бы отплытие! После такого мне в городе показываться нельзя, а то, не дай бог, найдутся сумасшедшие, которые вознесут меня на пьедестал... Что же я тогда делать буду?! Как же хочется исчезнуть, спря-

таться, забиться в какой-нибудь тёмный, глухой угол... Как вернуться домой?! Как добраться до Кифового носа?! Скоро осень, потом зима... Дожди и похолодание... Путешествие до Банкора заняло чуть больше трёх месяцев... Какое же расстояние я преодолела за это время? Средняя скорость каравана в час километров пять-шесть... Значит, в сутки пятьдесят-шестьдесят километров, раз время в пути в день около восьми-десяти часов... Лошади или единороги двигались шагом, повозки тяжёлые... Путь до Маргоса занял два с половиной месяца, потом неделю я двигалась одна, вернее, Макс был моим транспортом, и наша скорость была гораздо больше, чем у каравана... До всего этого, до встречи с караваном, я сама прошла километров двести приблизительно... И что же тогда получается? Если грубо прикинуть?»

Произведя в уме нехитрые вычисления, я поняла, что в этом году шансов вернуться к исходной точке своего путешествия нет. Совсем нет... Да и в будущем тоже... Больше шести тысяч километров! Все Боги Окатана! Шесть тысяч!»

– Если точнее, то семь тысяч сто пятьдесят... от Кифового носа до Банкора... – голос Тана был спокоен и беспристрастен, как у робота.

– Спасибо, утешил... Хотя какая разница... Тысячей больше, тысячей меньше...

– Не расстраивайся... Это не так уж много...

– Если бы у меня был самолёт или железная дорога хотя бы, тогда немного, а так... О чём я думала, когда убежала?

Почему меня так переклинило?

– Ты о чём?

– Да о том, что с Кифового носа убежать было нельзя! Нужно было сидеть там и искать проход обратно! На Землю! А я послушалась Дайка, испугалась чего-то, побежала... Вот дура! Ничего себе забег! Длиной в семь тысяч километров! Семь тысяч!!!

– Кари... послушай... Кари!

Я лежала на койке, вперив взгляд в окошко и слушая плеск воды за бортом. Ветер доносил звуки музыки и гомон голосов. Пахло дёгтем, водорослями и тухлой рыбой... Очень хотелось плакать, но почему-то не получалось.

– Кари...

– Ну что ещё?

– Ты всё сделала правильно... Если бы ты не сбежала, то так бы и сидела где-нибудь у Карелла на привязи. Неизвестно, что случилось бы с тобой, если бы не побег. А так ты свободна! Выучила язык, многое узнала, многое увидела, приобрела друзей... А скоро... Скоро по Восточным землям, а потом и по всему Окатану о тебе будут ходить легенды! Эта песня сыграет свою роль.

– Вот то-то и оно! Сыграет... Она уже сыграла! Мозг, что мне делать, а?! Я же вязну здесь! Проваливаюсь, как в болото... Будто снова райское поле пытается меня проглотить. Явливаюсь в эту жизнь, в этот ритм, увязаю по уши... в людях, обычаях, культуре... Одни ангалины чего стоят, не го-

вора про всё остальное... Столько тайн и загадок, непонятного и неизвестного, удивительного и прекрасного я встречаю здесь... И это мне нравится... Вот, наверно, самое ужасное... Мне нравится...

Глава 29

Громкие голоса у схода отвлекли от столь философской беседы. Я выглянула в окошко. Из города вернулась команда. Гогочущей шумной ватагой они поднялись на борт. Я приоткрыла дверь, чтобы лучше слышать. Подслушивание стало неотъемлемой частью моей жизни. Матросы наперебой рассказывали капитану свои впечатления. Как я и думала, балладу о синеглазой деве они запомнили почти дословно. Пробовали даже напевать, чтобы хоть как-то донести до капитана Аюта то, что творилось на площади.

Оказалось, что, после того как я ушла, Гай исполнял её ещё два раза. Матросы рассказали, что видели, как несколько лежащих больных, которых родня принесла в надежде на исцеление, встали с носилок, а потом прошёл слух, будто дочь наместника впервые после трагедии смогла внятно отвечать на вопросы, после того как очнулась от обморока. Один из матросов видел, как к Гаю подходили чиновники из управы и, кланяясь, о чём-то просили.

– А вы помните, капитан, – послышался чей-то голос, – какие синие глаза у нашей пассажирки?!

Команда загалдела:

– И волосы!

– Волосы совсем светлые!

– И красивая, как богиня!

– А вдруг это она?! Дочь богов, что ходит по земле?!

– Или звезда в человеческом обличье?!

– А если она наследница ангов?! Я слышал, что древнейшие анги могли становиться людьми...

Я слушала эту шумную беседу и ощущала, как волосы под платком начинают шевелиться:

– Ну вот, Тан... Чего и следовало ожидать... Не прошло и часа, как твой прогноз начинает сбываться. Богиня... Дочь богов... Звезда, упавшая из небесных садов... Наследница ангов... Теперь от этого клейма уже будет не избавиться.

– От звёздочки до Богини... Молодец, растёшь! – и он хихикнул, но быстро осёкся.

– Тебе смешно... А как мне себя вести?

– Также...

– Это как?

– Переводить всё в шутку. Смеяться над этим, говорить, что это просто совпадение. Но желательно, конечно, замаскироваться.

– Каким образом?

– Хотя бы волосы перекрасить... С глазами ничего не поделаешь.

– Но здесь женщины волосы не красят... Да и чем?

– Просто ты не задавалась такой целью. Ткани же красят в разные цвета, может, и для волос есть какие-нибудь средства.

– Вероятно... только в ближайшее время мы будем в море, а там торговых лавок нет.

Послышались шаги, я прикрыла дверь и шмыгнула на койку.

– Эрдана Карина... – это был капитан. – Вы не спите? Вас спрашивают...

– Кто?

– Старик, что привозил вас на гондоле.

– Гун! – я вскочила и рванула через палубу к сходням.

– Только недолго, – крикнул он вслед, – скоро отплываем!

Гун стоял на каменном пирсе, сжимая в руках маленький свёрток. Я пулей слетела вниз и кинулась старику на шею:

– Гун! Гун! Как хорошо, что ты пришёл! Дура, я! Такая дура, что не разрешила тебе проводить меня! Прости, меня! Прости...

Старик обнимал меня, гладил по спине и тоже, как и я, хлюпал носом:

– Что ты... Что ты, внучка моя дорогая... Я просто не смог... Не смог не прийти... Не плачь, не плачь, девочка... Я так хотел увидеть тебя на прощанье... Да и новости есть интересные для тебя...

– Новости?!

Мы отошли в сторону и присели на большой деревянный

ящик.

– Какие новости, Гун? Что случилось?

– Я видел тебя, Кари... Видел, как ты сидела с детворой на карнизе. Я был слишком далеко, чтобы кричать, да и не добрался бы сквозь толпу. Вот хорошо, что сейчас успел...

Он крепко стиснул мои ладони. И мне показалось, что добрые, искренние глаза смотрят прямо в душу:

– Ты исчезла, как дымка,

Растворилась в ночи.

И зови, не зови...

И кричи, не кричи...

– процитировал он хриплым, дрожащим голосом.

Солгать или отшутиться не получилось, язык не повернулся. Я глянула на Гуна:

– Ты догадался...

– Конечно. Кто тебя знает, догадается... Тем более, ты знаешь Гая и его семью. Чтобы понять, что эта песня о тебе, большого ума не надо.

– Только никому не говори... – заговорщицки прошептала я в ответ.

Гун рассмеялся, продолжая держать меня за руки:

– Не волнуйся, я – могила... Всё, что просила сделать, сделаю. Я уже знаю, где остановился караван, с которым Гай путешествует. Но тут ещё кое-что произошло. Я подумал, что это будет важно для тебя...

– Да не томи уж!

– Вчера на рассвете в пещере Хранителя должны были предать огню тела казнённых...

– И что?

– Так вот... На них напали! Прямо там, в пещере!

– На кого?!

– На похоронную команду! Связали и начали разрезать саваны, в которые были покойники закутаны. Они искали его!

– Кого искали?! Кто напал?!

– Золотая банда! Это они были! И искали тело своего друга! Только, Кари... – Гун круглыми и ошалелыми глазами, смотрел на меня. – Они его не нашли... Тот человек, которого нашли в камере мёртвым, не он! Не их друг! Ты понимаешь?! Они его не узнали!

– Откуда это известно?! Кто тебе рассказал?!

– В таверне сегодня шептались. Я с утра племяннику помогал, вот и услышал случайно. Ну и подслушивал уже до конца, пока эти двое не ушли. Бандитов было трое, на головах мешки с дырками для глаз, так что лиц не видно. Они осмотрели всех казнённых, да по несколько раз, а потом один из них, главный наверно, начал бить всех связанных и кричать, куда они дели тело его друга, ругаться и так далее... Сжигатели пытались объяснить, что никуда его не девали, что какие тела сняли с виселицы, те они сюда и привезли. А этот, что в камере умер, лежал в холодном подвале до сжигания. Короче, побили их сильно. От злости, наверно... Ка-

ри! Ты что-то понимаешь?!

Ураган мыслей бушевал в голове: «Они здесь! Где-то в Банкоре! Грас пока не встретился с ними, а Карелл пришёл за телом... Так рисковать?! Ради уже мёртвого человека?! В благородстве и преданности друзьям ему не откажешь...»

Свет фонарей и факелов на кораблях, стоящих на приколе, а также несколько больших костров в разных частях гавани создавали странную, таинственную атмосферу. Шум голосов, зычные крики, смех, доносящийся издалека, гулкий бой барабанов вперемешку с гитарными переборами и пронзительными звуками флейты настраивали на загадочный, мистический лад.

– Гун, послушай меня... – я придвинулась ближе и наклонилась прямо к его уху. – Открою тебе одну тайну... Ты столько рассказал за это время важного и интересного, что я тоже хочу поделиться одним секретом...

Старик затаил дыхание.

– Главарь золотой банды – Кареллан эн Растан. Это под его началом ты воевал тогда... Это и есть ваш Ящер. Ведь среди его близких воинов был здоровенный северянин, который постоянно брил голову?

– Был... – Гун кивнул. – Так, значит... Это он?!

– Да, это он. И сейчас в Банкоре или окрестностях...

– Вот так новость! Хотя... теперь всё понятно... Он мстит! Мстит террхану за всё! И поймать его не могут столько времени, он очень умён и хитёр! Да и терять ему нечего...

Ну, Кари! Вот это да!

– Гун! А до наместника дойдёт про нападение? Ему уже доложили? Ты не слышал?

– Не знаю, но эти двое в таверне говорили: главарь пригрозил, если наместник узнает, что они приходили, то всех найдёт и глотки перережет не только сжигателям, но и их жёнам и детям. Он, дескать, всех запомнил, а прятаться от него бесполезно, поскольку нюх у него не хуже чем у горного волка. Потом они развязали одного и ушли. Так, значит, это Кареллан... Но, Кари... – Гун тревожно зашептал мне в ухо: – А ты как с ними связана?! Такая красавица и бандиты, пусть и родовитые...

– Они спасли меня, вытащили из ямы, в которой я умирала. Если бы не они, то мы бы с тобой тут не сидели. Зашили раны, вылечили, выходили... Вот откуда мои шрамы... Я обязана им жизнью, Гун...

С «Чёрной медузы» послышался крик капитана:

– Эрдана, мы отплываем, поторопитесь!

Мы вскочили с ящика, и Гун сунул мне свёрток:

– Прощай, моя синеглазая богиня! Видно, судьба твоя такая: творить добро и исчезать в ночи. Всё правильно Гай спел, всё правильно...

– Гун, мне ничего не надо!

– Это подарок. Ты эн Матвэй, как и моя прабабка. Там безделушка, но очень древняя, одна из реликвий рода. Теперь в твоём происхождении никто не усомнится. Её носила

моя прабабка, а до неё её предки. Она должна передаваться по женской линии. А у меня детей нет и у племянника моего одни сыновья. Род исчез давно, но теперь он возродится, я знаю. Она твоя, Кари! Твоя! Теперь я понимаю, почему так долго хранил её, для кого...

– Но что там?

Он быстро затараторил, так как команда уже поднимала якорь:

– Это браслет из мягкого металла, носить надо на левом плече, вот здесь... – он сжал мою руку в нужном месте. – Ты не пугайся, что он такой маленький, от тепла тела он растягивается и принимает нужную форму. Не жмёт, не давит и никогда не свалится, пока сама не снимешь. Я знаю только, что он может менять цвет, а вот с чем это связано, почему, не знаю... Но, думаю, что ты разберёшься...

Обливаясь слезами, мы обнялись. Как только я вбежала на палубу, убрали сходни, и я почувствовала, как невидимая сила дёрнула корабль, когда отвязали последний канат. Команда разбежалась по своим местам, капитан стал за рулевого, а несколько матросов полезли на мачту ставить парус. Ветер дул с берега, донося запахи города. Я пыталась вдыхать их, но больше хватала ртом воздух, так как рыдания дышать носом толком не давали.

Маленькая, сгорбленная фигурка быстро исчезла в темноте. Сильное течение стремительно уносило шхуну в море. Я всматривалась в исчезающие огни пристани, всё пытаюсь

разглядеть там своего дорогого друга. Вдали от берега проступили все краски ночи. Чистое, прекрасное небо Окатана раскинулось ярким бриллиантовым куполом над головой. Когда шхуна бросила якорь возле тёмного острова в ожидании рассвета, ко мне подошёл капитан:

– Кто он вам, эрдана? Этот старик...

– Это мой дедушка, капитан. Мой любимый дедушка...

Часть 4. Море

Глава 1

Новый день застал в открытом море. Но по правде сказать, оно не было таким уж и открытым. То тут, то там на горизонте мелькали острова. Островной пояс окружал материк, как кольца Сатурн. Внутренняя часть, та что ближе к континенту, частично принадлежала людям, то есть самые близкие острова. Всё остальное – владения ангалинов.

Существовали определённые маршруты по которым двигались корабли, и отклонение от оных ангалины не поощряли. За возможность проплыть между островами в определённых местах ящеры брали плату, золотом, конечно. Там постоянно дежурили группы из двадцати-тридцати ящеров, охраняя важные проливы. Моряки предпочитали с ними не связываться и платили, так как иначе пустить корабль ко дну разумные обитатели моря могли очень быстро.

В случае нужды капитаны нанимали сопровождение из нескольких рептилоидов, которые вели судно ночью. Море было опасно большим количеством островов, мелями, меняющимися течениями, часто неожиданно и непредсказуемо, и главное – плавучими островами, появление которых всегда представляло опасность. Что касается крупных мор-

ских хищников, то их было не много. Как я поняла из рассказов Макса, ангалины служили своеобразной преградой между гигантскими хищными тварями океана и материком. Островной пояс вместе со своим населением исполнял роль барьера, ограждая людей от бескрайнего и очень опасного океана.

Мне хотелось проводить больше времени на палубе, а не в тесной каюте, но и маячить перед командой, обращая на себя внимание, я тоже не жаждала. Около суток я не показывала наверх и носа, но, в конце концов, не выдержала. Всё равно все меня уже видели, всё заметили, чего прятаться-то? Мозг, то есть Тан, никак не могу привыкнуть называть его по-другому, одобрил такую позицию, сказав, чтобы я держала нос повыше, ничего не боялась и вела себя естественно и свободно.

Но перед тем как начать знакомство со шхуной и командой, я решила сначала рассмотреть подарок Гуна. Штука оказалась не только интересная и загадочная, но и красивая. Ранним утром я открыла ставни и дверь, чтобы пустить больше воздуха и света. Браслет представлял собой широкое кольцо, которое, на первый взгляд, на руку никак не налезет, но стоило подержать его в ладонях, как он немного теплел и странный, слегка блестящий материал можно было растянуть. И чем больше я грела его, тем сильнее он растягивался.

Гун сказал, что это мягкий металл, но, по-моему, металл как таковой он напоминал мало. Он больше походил на ка-

кой-то пластик или плотный силикон, хотя металлические свойства имелись. В холодном состоянии при постукивании браслет звенел, как обычная железка. Но удивительное случилось тогда, когда я его достаточно нагрела, растянула и надела, так, как показал Гун. Тёплый браслет обхватил левое плечо, и на нём проступила какая-то узорчатая надпись. Я стащила его обратно и попыталась рассмотреть и прочитать то, что там написано. Но ничего не вышло. Как только он сжался, надпись исчезла. Я снова согрела его, надела на прежнее место и надпись опять проступила. Я и так читала не очень хорошо, а эти завитушки, линии и кружочки с левым наклоном совсем не могла разобрать. Вроде и похоже на окатанскую письменность, а вроде и нет... Да и смотреть с такого ракурса было неудобно. В общем, я оставила эту затею. Смотрится красиво, даже стильно, я бы сказала. Он ещё и цвет менять может, по словам Гуна. Буду наблюдать за этой штукой и рано или поздно разберусь, что к чему. Перебрав мешки и проведя полную инвентаризацию для успокоения, я вышла на палубу и в первую очередь пошла поздороваться с капитаном.

Хозяин «Чёрной медузы» внушал уважение и спокойствие. Он стоял на корме у руля, который чем-то напоминал штурвал, только перевёрнутый в горизонтальную плоскость. Вскинув голову и слегка улыбаясь, я продефилировала по палубе и поднялась по лесенке. Матросы ухмылялись и кланялись в мою сторону.

– Доброе утро, капитан!

Он обернулся и подал мне руку:

– Наконец-то, эрдана Карина! Я уже начал беспокоиться... Вы почти сутки не выходили...

– Всё в порядке. Сегодня прекрасная погода, не правда ли? Такой хороший попутный ветер...

Капитан Ают удивлённо хмыкнул:

– Вы что-то понимаете в мореплавании?

– Не совсем... Но я очень любознательна.

Он рассмеялся:

– Если вы хотите что-то узнать, я буду только рад помочь...

– Смотрите не пожалейте! Могу замучить вопросами...

Он расхохотался ещё громче. С капитаном мы были одного роста, и я заметила, какие белые и красивые у него зубы. Что-то, а зубы местного населения ставили меня в тупик уже давно. Ни у кого я не замечала чёрного налёта, признаков кариеса или пародонтозных дёсен, даже у стариков. А спросить почему так, не решалась. Да и что могут подумать?

– Показать вам шхуну? – вопрос отвлёк от размышлений.

– Конечно!

Около часа, если не больше, капитан водил меня по кораблю, всё показывал и про всё рассказывал. Морской сленг на Окатане, как и на Земле, тоже имел свои отличия от обычной речи. Некоторые слова произносились иначе, по-другому ставились ударения и употреблялись в необычном значе-

нии. Я заметила, с каким интересом поглядывают матросы и, ни капли не стесняясь, подслушивают.

Вопросами я, действительно, завалила. Было интересно, как моряки находят путь в море, какие преодолевают расстояния, как рыбачат. Что меня поразило, так это отсутствие компаса! Такого понятия тут не существовало. Главную роль в морских передвижениях играли течения, которые, как реки, несли свои потоки в определённых направлениях, хотя иногда и резко их меняли. Искусство капитана как раз и состояло в том, чтобы знать их, уметь использовать и так далее... Следующим, не менее важным фактором был, конечно, ветер. Воздушные потоки были такими же непостоянными, как и водные. Скорость, сила и направление ветра зависели от многого: времени года, времени суток, течений, впадающих в море рек, положения звёзд.

Каждый капитан имел примитивные карты с отмеченными островами, мелями, фарватерами, опасными водоворотами и подводными вулканами. В общем, наука сложная, по местным меркам, не каждый мог её осилить. Я спрашивала, слушала ответы, запоминала, стараясь не комментировать и боясь брякнуть что-нибудь про GPS-навигацию, эхолот или дизельный двигатель. От нашего общения капитан был в полном восторге. Вот что значит говорить с человеком о том, что он любит и чем живёт. И это правило работает как на Земле, так и на другом конце Вселенной.

– Позавтракаете со мной, эрдана Карина? – и он дотро-

нулся до локтя.

– А где?

– В моей каюте, естественно...

От его прикосновения я слегка вздрогнула: «Не может быть, чтобы он не заметил обручального кольца... Я его явно всем демонстрировала... Неужели набрался наглости пригласить замужнюю женщину?» Хотя местный сильный пол это не очень-то останавливало. А если и сама дама не возражала, то кольцо совсем не было препятствием. Я немного отодвинулась:

– Спасибо за приглашение, но... Я лучше у себя или на камбузе... Хочу познакомиться с вашим коком.

Слегка кивнув, я повернулась и, покачиваясь в такт кораблю, спустилась в каюту. Отобрала часть своих припасов, захватила мешок со сладостями и подалась на корабельную кухню. Кок, невысокий жилистый дядька непонятного возраста, встретил меня испуганной улыбкой и поклонами:

– Что угодно нашей прекрасной пассажирке? – вытирая руки тряпкой, он протискивался между полками и ящиками.

– Да ничего... Я зашла просто познакомиться... И так, принесла кое-что... для всех... Вы любите сладкие шарики?

Кок хлопал глазами и явно не знал, что сказать.

– Куда положить?

Он отодвинул какие-то свёртки, освободив место.

– Тут вяленое мясо, масло, чёрный и белый ирс, а также много сушёных и засахаренных фруктов и ягод.

Видя, что разговор не очень клеится, я поспешила убраться на палубу. В душной каюте сидеть не хотелось, и я устроилась на носу, подальше от занимающейся своей работой команды. «Чёрная медуза» двигалась довольно быстро: ветер надувал паруса, да и течение помогало. Я глядела по сторонам: на небо, море, острова, то тут, то там заметные на горизонте. Красиво... За спиной послышалось какое-то кряхтение. Я обернулась. Это был кок с миской в руках. Он опять поклонился:

– Не желаете ли завтрак, эрдана...

– А чем кормят на «Чёрной медузе»? – я улыбалась, рассматривая мужичка.

– Сегодня тушёная рыба с кашей...

– Отлично!

Он протянул миску и ложку, завёрнутую в чистую тряпку:

– Меня зовут Тиллан, эрдана. Можно просто Тиль... Я хотел сказать спасибо... Ребята будут довольны... – и он смущённо заулыбался. – Все любят сладости, только не признаются...

– Значит, я угадала!

– Вы богиня, вам виднее...

Я захохотала, притом так, что услышали, наверно, даже в трюме. Ближе к вечеру, когда «Медуза» причалила к большому скалистому острову и стала на якорь для ночёвки, в мою каюту постучался капитан:

– Эрдана... Эрдана Карина... Можно вас на несколько

слов?

Мы поднялись на корму. Я остановилась у борта, глядя, как Раматэа и Эала медленно катятся к горизонту.

– Эрдана Карина, простите меня... Похоже, я опять вас обидел...

– Капитан, вы только и делаете, что извиняетесь. Вы ничем меня не обидели. Просто поймите... Я одна... Среди незнакомых мужчин, вдали от берега... И мне немного страшновато... К тому же я не желаю ни с кем заводить никаких отношений, кроме дружеских... – говоря это, я смотрела на него в упор. – Вот поэтому я и отказалась с вами завтракать.

Он поднял глаза и мягко улыбнулся:

– Спасибо. Приятно, что вы ответили честно. Поверьте, вам здесь ничего не угрожает. Ну, кроме... воды, ветра и яркого света.

– Ну что ж... В таком случае можете пригласить меня ещё раз.

– С огромным удовольствием!

После непродолжительной паузы он спросил:

– А о чём вы разговаривали с Тилем?

Я прислонилась к перилам и оглядела капитана. Он стоял напротив, держа большие пальцы обеих рук за широким ремнём с квадратной пряжкой.

«А он ничего... – голос Тана в левом ухе оказался полной неожиданностью. – На пирата похож. Тебе нравится?»

Я хмыкнула и отвернулась:

– Слушай, может, не будешь так пугать?

– А что... Я ничего... Неплохой мужик вроде...

– Ну Мозг... Ну сводник... Тебе больше делать нечего, что ли?

– Сейчас нет. И к тому же, я смог вклиниться в твои мысли, а это всегда меня очень радует!

– Эрдана Карина! Что я опять не так сделал или сказал?

На меня напал приступ смеха:

– Не обращайтесь внимания, капитан... Со мной бывает... иногда... – я продолжала хихикать. – А по поводу Тиля... Думаю, что в корабельном меню нас ожидает некоторое разнообразие в ближайшее время.

Глава 2

Снялись мы с якоря на рассвете. Юго-западный ветер наполнял паруса и «Чёрная медуза» двигалась прямо навстречу встающим светилам. Проходя мимо матросов, отдыхающих на палубе, я улыбнулась им и кивнула.

– Доброе утро, эрдана Карина, – это был тот самый молодой бородатый мужчина, с которым уже доводилось иметь беседу в первый визит на судно.

– Доброе утро! Только не знаю вашего имени...

– Конечно! Я Данкан эн Гамар, помощник капитана, а это... – и указал по очереди на своих товарищей, – Кулан и

Найр.

Мужчины дружно кивнули.

– Очень приятно познакомиться.

– Вы первый раз в море?

– Ну... не совсем... Мне уже доводилось бороздить морские просторы, только корабли были побыстрее да побольше.

Матросы переглянулись, а я поняла, что сболтнула лишнее.

– Да быстрее «Медузы» нет ни одного корабля, ни на Западе, ни на Востоке! – и дружно захохотали.

– А я и не спорю. «Медуза» прекрасная шхуна, только если изменить немного форму парусов, удлинить первую мачту, чтобы поставить ещё один парус, а также натянуть треугольный кливер на нос, то скорость при хорошем ветре была бы больше.

Мужики потеряли дар речи. Они пялились на меня, я на них, и пауза затянулась. Я сделала шаг назад и натолкнулась на препятствие. За спиной стоял капитан и также удивлённо смотрел на меня. И как он так тихо подкрался?!

– О... Простите, капитан... Доброе утро.

В эту секунду кок Тиль начал бить в корабельный гонг. Это был сигнал к завтраку.

– Эрдана? Моё приглашение в силе...

– Конечно, капитан, – и приняла протянутую руку.

В капитанской каюте стол был уже накрыт. Ают усадил ме-

ня в кресло, а сам устроился напротив на табурете. Он молча налил компот из фруктов, а потом спросил:

– Вы это серьёзно?

Я вопросительно подняла брови.

– О парусах...

– Ну, да... А что?

– Но так строили всегда... «Медуза» и так очень быстроходна... Вы думаете, что она может быть ещё быстрее?

– Я не могу сказать точно... Тут надо хорошенько подумать... Ведь если увеличить парусность и длину мачт, то и общий вес корабля возрастёт, а соответственно, и двигаться шхуне будет тяжелее, плюс грузы... Но с другой стороны, больше площадь парусов, больше и скорость...

Капитан сидел неподвижно, рассматривая меня, и было заметно, что он в замешательстве:

– Эрдана Карина, откуда вы всё это знаете? Вы рассуждаете как опытный кораблестроитель...

– Что вы, капитан, – я отмахнулась, – кораблики я строила только в детстве.

После весьма сносного завтрака я предложила капитану:

– Если хотите, я могу нарисовать несколько примерных схем, чтобы вы могли наглядно представить что я имею в виду. Бумага есть?

– Хочу... И бумага есть... А вы и рисовать умеете?!

На следующие несколько дней я прописалась в каюте капитана. В моей было темновато, да и бегать туда-сюда, то

за линейкой, то за стирающими линии стилоса брусочками, было неудобно. Пока капитан занимался на палубе своими делами, я, с помощью Мозга, чертила схемы, а также набросала парочку неплохих рисунков земных парусных кораблей. Вечером перед ужином я вышла на палубу. Свежий прохладный воздух приятно бодрит, а разговоры матросов и окрики капитана навеяли какое-то ощущение нереальности и сказочности всего происходящего. Что меня торкнуло, я не знаю:

– Боцман! – гаркнула я.

Десять пар глаз обратились в мою сторону.

– Эрдана... Что вы сказали? – капитан спустился с кормовой надстройки и дотронулся до моей руки. Это привело в чувства.

– На моей родине так называют помощника капитана, который занимается управлением командой. Я имела в виду Данкана.

– Боцман... Странное слово... – Ают задумчиво тёр переносицу.

– А мне нравится! – крикнул Данкан, спускаясь с мачты. – Эрдана... – подойдя ближе, он слегка поклонился.

– Можно я буду называть вас Данко? – спросила я улыбаясь.

– Данко? Можно... Как красиво... – и он расплылся в широкой улыбке.

Развернувшись на пятках, я ушла к себе, бухнулась на

жёсткую койку и закрыла глаза, а через секунду была уже в библиотеке.

Мозг сидел за столом, потягивая кофе, и копался в чертежах и схемах, подобных тем, которые я рисовала для капитана. Я устроилась напротив:

– Ну что? Я всё правильно начертила?

– В общем да... – он улыбнулся и поправил монокль. – Если Аютан начнёт использовать эти новшества, то с его кораблём никто не сравнится ни в скорости, ни в маневренности.

Я взяла один из чертежей:

– И откуда я это знаю, Тан? Такая специфическая информация... Я же никогда не была связана с флотом, кроме пары коротких круизов, тем более парусным...

– Как откуда? А телевизор, а интернет, а книги, которые читала, фильмы, которые смотрела? Всё это оттуда. Память у тебя прекрасная... Я просто помог тебе привести массу разбросанных знаний в более-менее единую систему. Ведь всё, что ты видела, слышала, думала, чувствовала когда-то, с самого момента твоего рождения, никуда не делось, не исчезло. Оно всё осталось вот здесь... – и, потянув руку через стол, постучал пальцем по моему лбу. – Сложность только в том, как эту информацию достать. Вот это и бывает проблематично... Хотя, конечно, – и он бросил схему на стол, – знания о земном парусном кораблестроении у тебя неполные. Но для Аютана и его «Чёрной медузы» и этого будет более

чем достаточно. И денег у него сейчас хватает...

– Да-а-а... Макс ему шикарный подарок сделал... Интересно, за что?

– Так спроси...

– Неудобно как-то...

– Что тут неудобного? Ты у нас девушка любознательная, и капитан это уже знает. Да и понравилась ты ему. Гляди, вот-вот в любви признается... Я видел, как он на тебя смотрел.

– Вот поэтому и неудобно, что я тоже это заметила... Может, мне как-то себя изменить, изуродовать, что ли, чтобы мужики в мою сторону совсем не смотрели, а?

Мозг нахмурился, и карандаш, который он вертел в пальцах, с громким треском разлетелся на части. Я вздрогнула от неожиданности. Голос профессора стал строгим и жёстким:

– Тебе твоих шрамов мало?! Ещё хочешь?! А помнишь, как переживала из-за них, плакала, что такие страшные? Что замуж никто не возьмёт? Помнишь?! А теперь что?!

Я сжалась и опустила глаза в пол. Он так со мной никогда не разговаривал!

– Что молчишь?!

– Я замуж ни за кого не собираюсь, тем более здесь... – отчётливо проговорила я, – это во-первых. Во-вторых, внимание мужчин мне всё же приятно, только тут его слишком много, мне столько не нужно. А в-третьих... – я встала и уставилась на профессора сверху вниз, – ты слишком много

себе позволяешь! Это ты живёшь в моей голове, а не я – в твоей! Я к тебе не просилась! Это ты... – и ткнула в него пальцем, – просил пустить тебя на постой и разрешить пользоваться всем, что у меня есть внутри! Ты – не я! Я тебе благодарна и признательна за помощь и поддержку, и за любовь, про которую ты не раз говорил...

– Кари, я...

Моя тирада подействовала, и тон его изменился на привычный, мягкий и нежный. Но было поздно, меня уже понесло.

– Молчать! – рявкнула я. Потом выдохнула и продолжила, только уже не так громко. – Я ещё не закончила... Не надо больше заниматься моим воспитанием или перевоспитанием и соблазнять меня, глазки «космические» строить тоже не надо. Как мне быть и что делать, кого любить или не любить, я буду решать сама, а ты, если хочешь, то помогай, а если нет, проваливай и избавь меня от своего присутствия. Я всё понятно сказала?!

Он молчал, прикрыв лицо ладонью. Я бухнулась обратно на кушетку. Дрожащими руками взяла чашку и налила ещё тёплый кофе. Сердце ходило ходуном, а дыхание сбилось.

– Почему не ушла... не хлопнула дверью?..

– Не знаю... – буркнула я в ответ. – Не хочу, наверно...

Он поднялся, вышел из-за стола, опустился на колени и обхватил мои ноги:

– Ты такая красивая, когда злишься...

Я скорчила гримаску:

– Не подлизывайся...

– Ещё чего... – он улыбнулся своей фирменной хитрой улыбкой. – Прости...

– И ты больше так не будешь.

Мозговой уткнулся лицом в мои колени:

– Не могу обещать... Однако с уверенностью могу сказать, что каждый раз буду вымаливать прощение, стоя на коленях.

Я захохотала:

– Вот же хитрюга!

– Да, я такой...

Я всматривалась в его черты, такие родные и знакомые. В карие глаза с лучиками морщин, которые стали постепенно темнеть, потом расширяться, а потом... начал проступать тот самый! сиреневый оттенок по окружности всей радужки. Вот только сейчас же говорила! Крепко зажмурившись, я сжала его локоть и твёрдо произнесла:

– Нет! – и очнулась...

Глава 3

Было ранее утро. Тусклый свет пробивался сквозь щели, а лёгкое покачивание действовало успокаивающе. Несколько минут я пыталась унять учащённое сердцебиение и дрожь в конечностях: «Что он делает?! Что он со мной делает?! Теперь я точно уверена, что это он, а не я... так воздействует.

Вот только просила, чтобы он больше так не делал! Чего он добивается?! Такое ощущение, что он меня гипнотизирует... Только зачем?! Одни сплошные загадки...»

Я тихонько лежала и слушала плеск волн за бортом. Сверху доносились голоса матросов и команды капитана. «Похоже, мы отчаливаем, вроде как якорь поднимают... – я вслушалась в звуки на палубе. – Значит, ужин я пропустила... Странно, что никто не попытался меня разбудить, а может, и будили, да не получилось...» Тревожно глянув на дверь, я убедилась, что закрыто изнутри: «Значит, не видели, как я отключаюсь... Хвала всем богам!»

Я встала и начала приводить себя в порядок. В тусклом утреннем свете в зеркало было плохо видно, и я открыла ставни. Свежесть, прохлада и солёный запах моря наполнили тесное пространство. Скинув тунику, я приступила к умыванию, подвесив зеркальце напротив. Плеснув пару раз водой в лицо, на шею и грудь, я заметила интересную вещь. Мой браслет на плече поменял цвет. Из стального стал нежно-голубым, а одна буква непонятной надписи еле-еле пульсировала мягким жёлтым светом. Я протёрла глаза и схватила зеркальце, поднеся его ближе. Как красиво! Волшебство какое-то! Как в кино про всяких колдунов и магов! Я вгляделась внимательней: закорючка напоминала букву «ау» из местного алфавита. «Какая удивительная вещь! Что же это значит?! Спасибо, Гун! Спасибо, за такой подарок!»

Я оделась, закинула в рот жменю сухофруктов, поднялась

на палубу и... обалдела. На носу «Медузы» развивался кливер! Треугольный косой парус хлопал на ветру, а Найр и Кулан подтягивали канаты. Я обернулась. Капитан и Данко стояли у руля, пытаясь положить шхуну на другой галс. Завидев меня, Аютан призывно махнул, и я помчалась на корму.

– Ну как?! – глаза его горели, сильные руки крутили рулевое колесо, и вся фигура, такая гибкая и подвижная, выглядела весьма привлекательно.

– Потрясающе! И когда же вы успели?!

– Да быстро! Парусина ещё оставалась и канатов с блоками у нас запас. Эрдана Карина, вы и вправду богиня?! Или звезда?! Я когда увидел чертежи и рисунки, то сначала поверить не мог! Это же чудо! Какие корабли! Как дома! А мачты! А кормовые надстройки! Паруса!

– А фигура женщины на носу с развевающимися волосами! – добавил Данко, не сводя с меня восхищённых глаз.

«Ну всё! Теперь всё плаванье с тебя пылинки будут сдувать! – голос Тана был бодр и весел, как обычно. – А если разрешишь, то и на руках носить, и поклоняться...»

Вот только поклонения мне как раз и не хватает! – ответила я мысленно. – Я хочу сказать тебе спасибо... за помощь... Рисунки и чертежи получились очень удачные.

– Всегда к твоим услугам, дорогая!

– То-то же! Общение в таком ключе мне больше нравится!»

Через некоторое время мужчины справились с управле-

нием и «Медуза» бодро продолжила свой путь по чистым синим водам. Данко остался у руля, а капитан потащил меня в каюту разбираться с тем, что не понял. Мы ненадолго прервались на завтрак, затем Ают менял вахты, а потом опять закопались в чертежах. Идея поставить рулевое колесо вертикально и переименовать в «штурвал» капитану сразу очень понравилась. Единственное, что вызвало у меня сомнение, так это возможность его правильной установки. Я же никогда не видела и не знала, каким образом сам штурвал соединяется с рулём корабля. Но Аютан отмахнулся, сказав, что с этим больших проблем не будет и заворожённо уставился на рисунок:

– Как я хочу такой корабль!

– Если добавить ещё один кливер, увеличить фок- и грот-мачты, то из «Медузы» получится отличный бриг.

– Бриг... – прошептал он и погладил меня по руке. – Где?! Какие моря бороздят такие красавцы, эрдана Карина?!

– Уже не бороздят... Таких кораблей на моей родине осталось очень мало. Это прошлое... История... На таких в море уже давно никто не ходит. Их берегут как воспоминание, как легенду: о силе и мужестве, стойкости и благородстве моряков во все времена... и, конечно же, о любви... – я глубоко вздохнула. – Алые паруса...

– Алые паруса?

– Да... Есть очень красивая и удивительная история, связанная с кораблём, несущим алые паруса...

– Вы расскажете, эрдана? – голос Тиля за спиной оказался полной неожиданностью.

И когда он появился? Мы с капитаном так увлеклись, что его и не заметили. Видно, придя накрывать стол к обеду, кок так и застрял у порога, слушая нашу беседу. Я уже давно поняла, что подслушивание на Окатане – это норма!

– Расскажу, конечно...

После обеда я опять расположилась в кресле со стилосом и бумагой. Мне хотелось разобраться с местной математикой. На нескольких картах у капитана я заметила кое-какие расчёты, но спрашивать было неудобно, и я решила попробовать самостоятельно. В деньгах я ориентировалась уже хорошо и знала простые местные арифметические действия, но некоторые моменты никак не могла уяснить.

Ни умножения, ни деления как такового на Окатане я пока не встречала. Вместо умножения использовали многократное сложение, а вместо деления – дробление на части. Было ощущение, что таких элементарных для меня математических действий тут не знали, не говоря уже про квадратные корни, возведение в степень, тригонометрические функции и так далее... Всё было просто и примитивно, но... Наряду с обычным десятичным счётом параллельно существовала и была не менее распространена другая система счисления. Обе системы и смешивались между собой, и существовали отдельно. Вот в этом и была загвоздка!

Разложив карты на коленях, я погрузилась в раздумья. Ка-

питан пытался вычислить время в пути до каких-то Небесных островов. Как и водилось, он выбрал простой, но длинный путь, через сложение и вычитание. Я же нашла решение за несколько минут, так как расстояние и примерная скорость были известны.

Ают вернулся в каюту и присел рядом на колченогий стульчик.

– Значит, у Небесных островов мы будем через четыре дня? – спросила я, покусывая кончик стилоса, обтянутого в тонкую кожу.

– Должны быть... – проговорил он. – А как вы узнали, эрдана?

– Во-первых, просто Карина, или Кари, мне уже надоели эти церемонии... Хорошо?

– Как скажешь... – и он ласково улыбнулся.

– А во-вторых, посчитала...

Он поднялся, нацедил кружку пива из небольшого бочонка, выпил залпом и сел обратно:

– За то время, что меня не было?!

– Нет... Вот только что, за пару минут.

– Но как?! Ещё долго считать!

– Тоже мне долго! – я хохотнула. – Есть очень простая формула. Подставляешь в неё известные данные и всё, дело в шляпе!

Глядя на этого обаятельного и сильного мужчину, я поняла, что всё, хватит – это перебор! У него и так за эти дни от

потока новой информации голова пухнет, а тут ещё и формулы! Нужно жалеть не закалённые высшим образованием мозги!

Нацедив пива в кружки, я выволокла его на воздух. Мы устроились под новым носовым парусом, потягивая кислородный напиток.

– Кари... Можно спросить?

Я хитро улыбнулась:

– Смотря что...

– Где твоя родина?

– Далеко. Очень далеко отсюда...

– А как она называется?

Я вздохнула и уставилась на линию горизонта. Вдали виднелось несколько зелёных островов.

– Она называется Земля... просто Земля...

– Странное название... земель много вокруг...

Наверно, Ают решил, что я не хочу рассказывать и поэтому так ответила, во всяком случае, мне так показалось. Но я решила больше ничего не говорить, пусть думает что хочет, тем более я сказала чистую правду. Он придвинулся ближе и загадочно прошептал:

– Южные земли за океаном, да? Ты оттуда?! Только как ты пересекла океан?! Такое расстояние! Он же бескрайний! Неужели ангалины помогли?! Ты так с зеленоглазым познакомилась?!

Я оторопела: «Какие южные земли?! О чём он?! Южные

земли за океаном?! Опять прежняя беда, что ответить в тупиковой ситуации!»

Я молчала, по старой привычке теребя угол юбки. Капитан ещё немного подождал ответа, потом улыбнулся, хлебнул пива и махнул рукой:

– Прости, я всё понял... Больше не буду спрашивать. Теперь ясно, почему ты такая... необычная... Растолкуешь, как так быстро считаешь?

Я кивнула. Загадок только прибавляется!

Глава 4

Вот так мы и плыли. Несколько раз погода портилась, пытался накрапывать дождь и задувать холодный ветер, но тёплые южные и юго-западные потоки прогоняли северные циклоны. Когда Аютан был свободен, мы разбирались с математикой и картами. В результате я очень много узнала о морском деле, а капитан освоил умножение, деление и формулу скорости, ну с очень большим скрипом.

Однажды вечером, на последней стоянке перед Небесными островами, где располагался узкий пролив, охраняемый ангалинами, матросы на палубе затеяли какую-то игру, похожую на шашки или нарды. Ают с Данко засели в каюте, споря над конструкциями мачт, парусов и подводкой такелажа для новой шхуны, которую капитан давно хотел построить. А теперь, имея жемчуг, мои чертежи и рисунки, просто жаждал!

Я присела у компании игроков. Поначалу матросы иско-са поглядывали, а потом предложили присоединиться, что я с удовольствием и сделала. Игра оказалась очень простая, даже детская, я бы сказала. За несколько партий я вникла в суть, а потом начала подсказывать Тилю, так как рядом с ним сидела. Тиль выиграл всё!

– Эрдана, а как вы догадались, какой ход будет правиль-ным? – кок схватил меня за руку, когда я уже направлялась в каюту.

– Это легко, когда знаешь все возможные ходы соперни-ков. Очень простая игра...

– Простая?!

– Конечно. Есть игры гораздо более сложные, когда нужно хорошо логически мыслить, считать в уме и даже делать вид, что выигрываешь, хотя это и не так. Подобные игры слож-ны, но очень интересны. У некоторых даже появляется такой азарт, что они никак не могут остановиться. Если капитан даст бумаги, то я попробую нарисовать колоду карт и покажу некоторые карточные игры, – и, кивнув на прощанье, удали-лась к себе.

И только закрыла дверь каюты, как послышались знако-мые быстрые шаги. Аютан стукнул несколько раз.

– Входи.

Он просунулся в дверь, держа большой масляный фонарь, и спросил:

– Я забыл как называется та форма паруса, что ты гово-

рила?

– Трапеция.

– Трапеция... – медленно повторил он по слогам. – Трапеция...

– Это четырёхугольник с двумя параллельными и двумя непараллельными сторонами, – вспомнилось определение из школьного учебника.

Ают завис:

– Пара... что?

– Всё, хватит на сегодня. Будет время, объясню. А кстати, я хотела спросить, что значат те значки на обратной стороне карты? Ну такие, с хвостиком?

– А-а-а, это... Это счёт ангов. Очень древний. Только я его плохо понимаю. Когда-то я пытался разобраться, ещё когда помогал отцу и братьям, но он мне не даётся, мне проще по-нашему, хотя на Севере все только так и считают...

– А бумаги ещё много осталось? Я хотела кое-что нарисовать...

– Бери всё. Мы скоро будем в Перриколе, там докуплю.

– Спасибо, капитан, и... спокойной ночи...

Он кивнул и прикрыл дверь.

А утром на горизонте показались Небесные острова. И они были синими... Синими, как небо! Поначалу подумалось, что туманная дымка придаёт им такой оттенок, но по мере приближения выяснилось, что это не так. Острова представляли собой цепочку скал различной высоты с

очень редкой растительностью. Мне очень хотелось попасть на какой-нибудь остров, чтобы поближе рассмотреть горные породы, которые составляли этот сине-голубой заградительный барьер, но без разрешения ангалинов этого было делать нельзя. Небесные острова полностью принадлежали ящерам.

Ангалины появились в тот момент, когда «Медуза» оставила один из Небесных островов за кормой. Их было шестеро. Все желтоглазые, крупные как Флакс, и... вооружённые. Тёмные, чешуйчатые спины мелькнули вдоль борта, и я свесилась вниз, с жадным любопытством разглядывая соплеменников Макса. Так много ангалинов вместе, а тем более в море, я ещё не видела.

Команда засуетилась, убирая паруса, ставя судно на якорь и спуская шлюпку. Ают спустился по верёвочной лестнице, взял вёсла и направился к маленькой скале, всего лишь на полметра торчащей из-под воды. Там должны были состояться переговоры.

Ящеры, по традиции, хранили молчание, однако один из них общался с капитаном посредством каких-то знаков. Ают говорил, а ангалин то кивал, то вертел головой в стороны, то показывал какие-то фигуры из трёх хвостовых пальцев.

Я стояла у борта, наблюдая эту картину, и хихикала: «Фигуры из трёх пальцев... Ха! В моём понятии такая фигура всего одна и её значение совсем не способствует успешным переговорам. А тут целый язык, почти как у глухих! Однако Ают всё понимает...»

Капитан бросил ящерику кожаный мешочек, который тот поймал на лету. Они ещё немного пообщались таким странным способом, а потом ангалин кивнул и звонко, пронзительно свистнул. Я вздрогнула: «Аж мурашки по коже!» Свист был настолько резким, что мне показалось, будто он прошёл меня насквозь, как пуля. Оглянувшись на команду, я заметила, что все почувствовали, наверное, то же самое: мужиков передёрнуло, как и меня.

«А ведь при мне Макс никогда таких звуков не издавал... Какие удивительные всё-таки существа – ангалины! И как же мало я о них знаю!» Через несколько минут после того как Ают поднялся на борт, все снова забегали: мы снимались с якоря, ангалины дали добро на проход через узкий пролив. «Медуза» медленно двинулась вперёд под плотным конвоем: по два ящера с каждого борта, один за кормой и один впереди, прямо по курсу. Подойдя к капитану, я спросила:

– А никак нельзя хоть на какой-нибудь островок сплывать? Хочу осмотреть эти синие скалы.

Ают пожал плечами:

– А что на них смотреть? Скалы как скалы из небесного камня... – Он замолчал, а потом продолжил: – Старший ящер торговлю предложил, сказал, что у них есть пара сундуков с разбитого штормом в прошлом году корабля. Пройдём пролив, а там он покажет, куда причаливать, вот и посмотришь.

Пересечение пролива оказалось очень занимательным. Я

глядела во все глаза. Если люди перегораживали реки мостами с опускающимися решётками, то у ангалинов тоже было нечто подобное. Мост или блокирующая пролив стена, выступала над поверхностью буквально на десяток сантиметров. Вода была очень прозрачной и уже издали можно было разглядеть уходящую вниз, на самое дно, преграду. «Вот это да! А как же мы проплывём?! Стена полностью перекрывает пролив...». Не успела я толком додумать, как стена дрогнула, волнение заметно усилилось и огромная преграда, разделившись на две части, поползла в стороны. Я открыла рот от удивления и принялась дёргать Аюта за рукав:

– А как?! Как они её раздвинули?!

– Где-то в скалах, с двух сторон, стоят механизмы, они и раздвигают стену. Как всё это работает, мы не знаем. Ящеры никого туда не допускают. Были любопытные, которым не терпелось узнать, но живым никто не вернулся. С ангалинами лучше не связываться, сама понимаешь... Каждый из них в несколько раз сильнее, быстрее и выносливее человека, тем более в воде.

Мы благополучно миновали промежуток между раздвинутыми стенами и взяли курс на дальний остров по левому борту, всё так же под конвоем шестёрки ящеров. Через несколько часов «Медуза» вошла в живописную бухту. Этот остров был больше зелёным, чем синим, из-за густой растительности, но синих и серо-голубых скал на нём тоже хватало. В шлюпку я спустилась первая, за мной Ают и Кулан, а

Данко остался за старшего. Мужчины были в доспехах и вооружены короткими мечами. Мой кинжал, как всегда, скрывался в складках юбки, хотя в случае конфликта с ангалинами это оружие вряд ли бы помогло.

Если мужская часть нашей троицы вела себя сдержанно и немного напряжённо, то я абсолютно ничего не боялась, тем более ящеров, несмотря на их грозный и устрашающий вид. Мне было интересно всё! Четвёрка ангалинов осталась у шхуны, а двое сопровождали шлюпку до берега. Рептилоиды то и дело бросали на меня косые взгляды, а когда выныривали, усиленно принюхивались. Кулан сидел на вёслах, капитан на корме, а я на носу. Опустив руку в тёплую воду, я вглядывалась в дно, которое из-за удивительной прозрачности казалось совсем близким. То один, то другой ангалин подныривали под лодку, поражая своей грациозностью и красотой. Я наблюдала за ними и не могла оторваться. Как же они прекрасны!

Один был значительно крупнее, но более светлый, второй тёмно-серый, крапчатый по бокам. Он мне понравился больше, потому как выражение его морды было каким-то более мягким, что ли, более спокойным. Проплыв под шлюпкой, крапчатый перевернулся и... я обалдела. Да это же самка! Это она, а не он! Потрясающе! Она просто красавица! От сделанного открытия я чуть не кувыркнулась за борт.

– Кари! – Аютан рванул мне на помощь.

– Да всё нормально! – я отмахнулась, хохоча. – А если бы

и свалилась, ну и что... Я прекрасно плаваю!

– Но тут же они! – Кулан тоже решил высказаться.

– А ангалины людей не едят! – И, глядя на крапчатую, громко спросила: – Ведь, правда?!

Лёгкая полуулыбка мелькнула на чешуйчатой морде, вернее лице, так будет правильнее сказать. Крапчатая нырнула и поплыла к острову.

Как только лодка ударилась о голубоватый песок, я выскочила на берег. Как же здорово почувствовать под ногами твёрдую землю! Я зачерпнула пригоршню сыпучего вещества... На вид песок как песок, только не жёлтый, а голубой. Мужчины вытащили лодку и пошли вслед за ангалинами. Я тоже направилась за ними, вертя головой и щурясь от яркого света.

Идти пришлось недолго. Крапчатая посматривала в мою сторону, иногда поворачивая изящную голову. Я заметила, что у обоих ангалинов пробудила к себе неподдельный интерес. Возле большой скалы обнаружился вход в пещеру. Серый ящер сделал знак остановиться, а сам нырнул в чёрный провал. Через несколько минут он выволок, один за другим, два больших сундука. Замки на них были взломаны, и понятно почему: ящеры искали золото. Капитан с Кулом открыли крышки и стали перебирать содержимое.

В одном сундуке лежала какая-то одежда и серебряная посуда разного калибра. А вот содержимое другого было, на первый взгляд, бесполезным. Там были книги... Здоровен-

ные такие, толстые фолианты, только от морской воды пришедшие в полную негодность. Ещё было несколько свитков, только не бумажных, а гибких, как бы резиновых, и текст на них был не написан, а выцарапан.

Мне показалось, что Ают уже всё решил для себя и продолжал копаться только для вида. Швырнув один из свитков обратно, он встал с колен и равнодушно произнёс:

– Всё это, конечно, хлам... Особенно книги, они нечитаемы... Ну, посуда ещё ничего... Предлагаю один ранд за всё.

Парочка чешуйчатых переглянулась, а Кулан нервно сглотнул. Крупный серый ящер покачал головой и показал несколько знаков.

– Не-е-е-т... Это слишком... Четыре ранда! Ждите других покупателей. Только больше меня вам всё равно никто не даст, а многие и за половину ранда не возьмут. Даю два – и разбегаемся! – и капитан уверенно сложил руки на груди.

Ангалины несколько раз переглянулись, а потом серый кивнул.

– Вот это другой разговор! – Ают достал монетки и положил на камень. – Кул, закрывай сундуки – мы торопимся.

Я внимательно наблюдала за всем происходящим, и почему-то возникло чувство, что тут что-то не так. Я видела, как блестели глаза капитана, когда он шарил в сундуках, и слышала, как безразлично потом говорил. Он явно нашёл что-то дорогое, но сбил цену до минимума. Короче, Ают просто надул простодушных ящеров!

– Только молчи и ничего не вякни, – голос Тана зашипел в левом ухе. – Ты понимаешь, что можно спровоцировать конфликт? И если что-то случится, то это будет на твоей совести.

– Да молчу я, молчу... Пара золотых не стоит ничьих жизней...

– Умница моя!

Мужчины поволокли сундуки к лодке, а я пошла следом, набивая карманы синими камушками: «Очень похоже на лазурит или ляпис-лазурь... Только гораздо ярче и насыщенней... Рассмотрю потом на досуге...». Застряв у большого валуна с фиолетовыми и красными прожилками, я и не заметила, как отстала. От созерцания местных геологических красот меня оторвало лёгкое подёргивание за юбку. Я обернулась. Это была крапчатая... Она смотрела яркими, медовыми глазами, ноздри её шевелились, а белоснежные клыки виднелись за полными губами, если можно так назвать переднюю часть её пасти. Я присела на корточки и улыбнулась:

– Меня зовут Карина. А вы... Вы удивительно красивая... Глаз не оторвать!

Крапчатая приподняла изящные надбровья, слегка улыбнулась и сделала шаг назад. Пару секунд она не отрывала от меня взгляда, а потом махнула головой в сторону берега.

– Да, конечно... Я иду... А ничего, что я синих камней набрала? Это можно?

Моя спутница хмыкнула и пожала плечами.

– Значит, можно...

Ждали только меня. Я залезла в шлюпку и Ают сердито прошептал:

– Что ты там застряла? Нам надо убираться отсюда...

– Да так, попыталась пообщаться...

– Ну и как? Успешно? – хихикнул Кулан, отталкиваясь веслом.

– Вполне.

Глава 5

Как только мы поднялись на палубу, капитан скомандовал сниматься с якоря. Матросы кинулись ставить паруса. «Чёрная медуза» быстро набирала ход. Стоя на корме, я наблюдала за ангалинами, плывущими позади. Когда ящеры стали отставать, я махнула крапчатой на прощанье, и она ответила красивым, высоким прыжком.

Стоя у руля, Ают бросил через плечо:

– Ну что, отстали?

– Почти... – я обернулась.

– Эрдана Карина, я и не знаю, как вас благодарить... Вы приносите удачу!

– Мы снова на «вы», капитан?

– Нет, что ты... – он свистнул, подзывая Данко.

Когда помощник сменил его, он схватил меня за руку и поволок в каюту. Вскоре туда принесли сундуки. После того

как за матросами закрылась дверь, Аютан налил вина и одну кружку протянул мне:

– Сегодня будем праздновать! Поводов накопилось более чем достаточно! Вечером станем на якорь и откроем одну из бочек. Как ты на это смотришь?

– Не знаю... На судне всё решает капитан...

– Ох, Кари! – и он громко рассмеялся. – Как только я тебя увидел, то сразу понял, что рейс будет интересным. Но не ожидал, что настолько...

Я пригубила терпкое вино:

– Ты обманул ангалинов. В сундуках, действительно, много ценностей?

Он захохотал ещё громче:

– Да только за одну посуду из чёрного серебра можно выручить рандов десять, а то и больше!

– А остальное?

– Смотри... – и подвинул к себе сундук с книгами. – Эти книги можно восстановить. В столице, в архиве террхана, работает книжный мастер, который знает, как это сделать. Он их с руками оторвёт! А это... – и достал гибкий свиток, – знаешь, что это такое?

– Нет...

– Это Вечные свитки Кифа! Они бесценны! Я могу запросить за них сколько захочу! Бери! Один твой! – и бросил мне рулончик. – Богинь надо холить, лелеять и ублажать дорогими подарками!

Теперь я захохотала:

– Это тот самый Киф, в честь которого названо место Кифов нос?

– Верно. Ты знаешь?!

– Была там... полгода назад.

– Но это же такая даль!

– Для богинь не существует расстояний!

Теперь мы хохотали вместе. Когда смех пошёл на убыль, я спросила:

– А что там? В этих свитках... И почему они называются «вечными»?

– Там стихи. И весьма странные... Их сложно понять. Некоторые считают их пророчествами. А вечные, потому что в огне не горят и в воде не тонут. Этот материал, на котором они выцарапаны, никому не известен. Но их всё равно очень берегут: во-первых – их мало, а во-вторых... кто знает... вдруг то, что там написано, правда и пригодится когда-нибудь. Многие люди до сих пор верят в проклятие богов и думают, что придёт время, когда они вернуться...

– А ты?

– Что... я?

– Ты веришь?

Он вздохнул, допил вино и громко стукнул пустой кружкой о стол:

– Нет! Я не верю! Это сказки. Я верю только в то, что человек сам за всё в ответе, и никакие боги тут ни при чём.

Но это ещё не все подарки! В другом сундуке тоже есть кое-что интересное.

Мы достали посуду, которая, к слову сказать, была очень красивая, и ворохи каких-то юбок, рубаш, штанов. Я заглянула на дно и достала... скукоженную детскую одежду: странные ползунки, такой же сморщенный гольфик-водолазку и пару малюсеньких перчаток. Держа эти корявые одёжки, я непонимающе посмотрела на Аюта. Он загадочно улыбался.

– И как это понимать?

– Кари, это лимм!

– Лимм?! Что это?

– Это нижний костюм женщин севера, они носят его под обычной одеждой. В нём никакие морозы не страшны, да и жара тоже. Когда холодно – он греет, когда жарко – охлаждает. В нём даже можно плавать в ледяной воде!

Я подозрительно вертела корявые кусочки и никак не могла взять в толк, как это можно носить. Всё сморщенное, скукоженное и размер как на трёхлетнего ребёнка.

– Его нужно положить в воду ненадолго, он набухнет и увеличится. Потом мокрый лимм нужно натянуть на голое тело, он быстро высохнет и станет как вторая кожа. А если его не носят, то хранят мокрым, чтобы не сжимался.

Недолго думая, я рванула на палубу за ведром и уже на бегу выкрикнула:

– А вода какая нужна?!

– Пресная!

Схватив деревянную тару, я так же быстро спустилась в трюм к бочке с пресной водой. Мужики в кубрике удивлённо переглянулись:

– Кари! Зачем тебе столько?! Лопнешь! – Данко свесился из гамака.

– Капитан разрешил... Кстати, вечером намечается маленький праздник. Доставайте кружки, мальчики!

Все, кто был внизу, радостно загалдели. Через несколько минут загадочный костюм северянок намокал в ведре, а я опять устроилась в кресле в капитанской каюте. Ают поднялся на палубу сменить рулевого, так как скоро начинался сложный фарватер. Ожидая, пока набухнет мой второй подарок, я взяла первый, то есть Вечный свиток, и взгляделась в уже знакомые значки. Голос в ухе прошептал:

– Разверни полностью, я тоже хочу почитать...

– Мозг, прочтёшь? А то я буду эти кривульки долго разбирать...

– А самой слабо?

Я заныла:

– Ну Тан! Ну миленький! Ты же знаешь, как плохо я читаю, а это вроде как стихи... Их надо читать плавно, с выражением...

– Ох, хитрюга! Верёвки из меня вьёшь! Ладно, слушай...

Когда вернутся боги,
Когда они придут,

Исчезнут все тревоги,
Печали вмиг уйдут.
Когда вернутся боги
И вспыхнет звёздный свет,
Протянутся дороги
Для душ в потоке лет.
Вселенная откроет
Для нас свои врата,
И, как в театре, зрители
Займут свои места...
Эмоции, волненья,
Реакции судьбы...
Вся химия творенья!
И музыка мольбы...
Когда вернутся боги,
Я буду только рад
Увидеть, как к истокам
Приникнут стар и млад.
И радуга надежды
Проложит к сердцу путь.
Когда они вернутся...
Придут, когда-нибудь!

После того как отзвучала последняя фраза, я зависла на долгой паузе. Дуновение воздуха возле шеи вывело из про-
страции:

– Эй... Эй... Кари... Очнись... – приобняв за плечи, по-
зади склонился капитан.

Я открыла глаза и оглянулась.

– Что с тобой? Ты будто сознание потеряла...

– Всё в порядке... Бывает, когда задумаюсь... Я прочитала...

– И как?

– Действительно, похоже на пророчество... Красивое стихотворение... А дашь свой посмотреть?

– Если моя богиня умеет читать на языке древнейших, то конечно...

– Нет, не умею...

Его руки сжимали мои плечи, потом он опустил на колени и, обняв ещё крепче, поцеловал в шею:

– Кари... Дорогая...

Этого хриплого, чувственного шёпота было достаточно, чтобы понять, что вскоре может произойти. Я медленно высвободилась и посмотрела на него: мужественное, загорелое лицо, небольшая тёмная щетина, широковатый нос, красиво очерченные губы, блестящие карие глаза и треугольный шрам на правой щеке. Строгая, истинно мужская красота. Я провела пальцем по его подбородку и покачала головой. Он всё понял:

– Прости, не сдержался...

– Пойду к себе. Надеюсь, когда начнётся празднование, не забудешь пригласить?

Он криво улыбнулся:

– Как же... без тебя...

Я забрала свои подарки и закрылась в каюте. Дело близилось к вечеру. «Медуза» шла полным ходом к месту очередной ночёвки. Лёгкая качка действовала расслабляюще, и я растянулась на узкой жёсткой койке.

В библиотеке никого не было. На письменном столе царил рабочий хаос: свитки, какие-то схемы, чертежи... На обрывках плотных листов непонятные вычисления и странные формулы... Я осмотрелась и заметила новшество. На стене, между высокими стеллажами, висела карта. Карта Окатана... Два полушария, восточное и западное; выше экватора большой материк, отдалённо похожий на Австралию и разделённый на две части сплошной горной цепью. «Восточные территории... – я провела ладонью по шершавой бумаге. – Так вот они какие... Большие... А там, за горным хребтом, Западные земли... Ого! На Западе должно быть ещё теплее: южные окраины почти достигают экватора... Молодец, Мозг! Неплохая карта получается, но белых пятен ещё много... А вот и Северный материк, правда, обозначен пока только Альдаск... Не так и далеко от северной границы Восточных территорий...»

– Кари...

Я обернулась:

– И где мы ходим?! Плутаем в дебрях моего разума?!

– Ну, что-то вроде того... – профессор улыбнулся и уселся за стол. – Ну, как? Нравится?

– А ты молодец! Хорошая карта. Я даже как-то успокои-

лась, что ли...

– В смысле?

– Ну... – я продолжала водить рукой по стене и всматриваться в пометки. – Теперь я представляю Окатан более ясно, более чётко, что ли... Он становится осязаемым, настоящим... для меня...

Профессор внимательно посматривал через монокль и о чём-то размышлял:

– Именно для этого я её и делал, чтобы ты посмотрела на всё со стороны, более отрешённо и спокойно...

Я нашла место, обозначенное как Кифов нос:

– Вот она... Вот точка отсчёта... Исток Улитки, Чёрное ущелье и Маргос... – я продолжала водить пальцем по карте. – А вот и Банкор! Он почти врезается в Островной пояс... Латрас! Так вот он где! На востоке, на самом побережье...

Тан вылез из-за стола и стал рядом:

– Мы сейчас где-то здесь... Видишь, вот Небесные острова, мы их миновали... А вот Перрикол, тут Ают собирается сделать остановку, потом около недели пути и... мы в Латрасе.

– Да... Долго я туда добирюсь... Такой огромный крюк... Если бы шла напрямик, то давным-давно была бы на месте...

– Жалеешь? – Мозг обнял за плечи и глубоко вдохнул.

– Нет. Уже не жалею. Ты правильно тогда сказал... Если бы я не отклонилась от маршрута, то и Макса, и Граса уже не было бы в живых, это того стоило. Всё нормально, всё

правильно...

– Умница моя! – и нежно поцеловал в висок.

– Эрдана Карина! Открой! Кари!

От грохота стены ходили ходуном. Я вскочила и распахнула дверь, которая уже просто трещала под мощным натиском. Ают, по инерции, ввалился в тесное пространство:

– Что случилось?!

– Я заснула...

– Да я с полчаса стучу! Кари, что с тобой?

– Всё в порядке, капитан. Всё хорошо...

Он сначала подозрительно рассматривал меня, потом обвёл взглядом каюту и, видя, что всё вроде нормально, улыбнулся:

– Тебя все ждут. Тиль приготовил прекрасный ужин и даже десерт, благодаря твоей предусмотрительности, а ты спишь!

– Я сейчас... Пять минут...

Он кивнул и вышел:

– Пять минут, не больше...

Праздник удался на славу. Погода тоже благоприятствовала: было тепло, ветер стих и «Медуза» плавно покачивалась на якоре между островов, похожих как две капли воды. Команда расположилась на палубе, наблюдая яркий, сочный закат, а позже, когда совсем стемнело, зажгли фонари. Мы ели, пили вино, а ужин был, и правда, очень вкусным. Потом пошли рассказы, разные морские байки и истории из жиз-

ни. Было очень весело, от хохота даже лицо заболело. Вскоре дошла очередь и до меня рассказать какую-нибудь историю. Тиль выразительно глянул:

– Эрдана, помните...

– Да, помню. Выполняю обещание...

Историю про Ассоль и алые паруса рассказать в деталях не составило труда, так как я и книгу читала, и фильм смотрела раз двадцать. Если бы устраивали конкурс на лучшую историю, то моя взяла бы первый приз.

Матросы слушали затаив дыхание, а под конец некоторые даже вытирали слёзы. Капитан сидел, прикрыв глаза и слегка отвернувшись, будто не хотел, чтобы видели его лицо. В процессе рассказа иногда кто-нибудь не выдерживал и начинал сыпать вопросами, но на него тут же цыкали и нетерпеливый затыкался, потом ситуация повторялась, только уже с другим матросом. Когда в своём повествовании я дошла до момента, что люди побежали на берег смотреть на алые паруса, бедняга Тиль разрыдался, а потом звучно сморкался до тех пор, пока я не закончила. Сначала все молчали, а потом Данко неожиданно выдал:

– Если мы построим новую шхуну, то назовём её Ассоль...

Верно, капитан?

Ают улыбнулся и кивнул:

– И второй комплект парусов будет ярко-красным.

Глава 6

Разошлись мы только под утро. Я упала на койку и сразу же заснула. А следующие несколько дней учила желающих играть в карты. Колоду я нарисовала буквально за несколько часов, используя самые плотные листы, которые нашлись в капитанской каюте. Также у Аюта была пара красных карандашей, которыми он делал пометки, они тоже пошли в ход. Потом я выпросила у Данко банку древесного лака и покрыла им своё произведение в несколько слоёв. Получилось очень даже неплохо. Пока я сушила колоду на ветру, все по очереди подходили посмотреть, что такого интересного я опять придумала. В итоге спать я легла почти на рассвете, и то после того как Аютан погнал меня из кубрика, где мы с Данко, Куланом и Найром азартно резались «в дурака». Парни они оказались толковые и суть игры схватили на лету. Мне показалось, что Ают недоволен тем, что я стала проводить больше времени на палубе и с командой, а не в его каюте, хотя, возможно, дело было в чём-то другом.

Вот так мы и добрались до Перрикола. Капитан планировал стоять около трёх суток, так как нужно было почти полностью разгрузиться, получить деньги за доставку и взять новые заказы. Меня такая задержка немного расстроила, но ничего не поделаешь, это их жизнь, их работа.

Городок Перрикол был небольшим и довольно непригляд-

ным. Неподаляку находились железные рудники, и город в основном населяли рудокопы, кузнецы и другой люд, чьё ремесло было каким-либо образом связано с металлом. Я обошла его вместе с Тилем за полдня, помогая коку закупать продукты. Больше ходить в город было незачем. Единственное, на что я обратила внимание, так это на горячий источник, который находился в часе пешей ходьбы от города. Местные использовали его как природную баню, а нормально помыться в горячей воде уже очень давно хотелось.

Ают категорически отказался меня отпускать одну, предупредив, что народ здесь простой, даже грубый, и неизвестно, чем может закончиться поход на источник в одиночестве. А если со мной что-то случится, то он никогда себе этого не простит. Я ещё поканючила немного, но потом сдалась: «Может, он и прав... Если найду приключений на одно место, то сама же буду виновата». И собралась помыться в каюте.

Заперев дверь, я полезла под койку за своими пожитками и наткнулась на ведро: «Лимм! Забыла! Я совсем забыла про него! Это ж сколько дней он в воде пролежал?! Вот балда! А ещё хвасталась, какая прекрасная у меня память! Напрочь вылетело из головы!»

Я достала костюм и выкрутила: он очень увеличился в размерах и приобрёл вполне нормальный вид. Цвета он был почти чёрного с ярко выраженным фиолетовым отливом: «Ну что ж... Надо примерить!» Я быстро разделась и принялась натягивать его на себя. Ощущение было такое, будто я наде-

ваю мокрые и очень-очень плотные колготки, хотя, по сути, так оно и было. Тянулся лимм прекрасно, трудность оказалась только в просовывании головы. Я даже немного испугалась, что горловина меня придушит, но когда полностью натянула и расправила его на себе, давление исчезло и дыханию ничего не мешало.

Пристроив на стену зеркальце, я вертелась и так и сяк, пытаюсь рассмотреть, как же выгляжу в этой штуке. Лимм прекрасно облегал тело, подтягивая и сжимая в нужных местах, но движений ничего не сковывало. Я свободно могла махать руками, задира́ть ноги, наклоняться, в общем, идеально! Как же хочется посмотреть в большое зеркало! Но даже в капитанской каюте оно было маленькое.

От стука в дверь я вздрогнула: «Надо же... так увлеклась, что шагов не слышала...».

– Кари, ты спишь? – это был капитан.

Я откинула щеколду и открыла... Лучше бы я этого не делала!

– Ну как? Мне идёт?

Аюта словно парализовало. Сначала он стоял столбом и пялился во все глаза, потом дёрнулся, покраснел и рванул на палубу. «Ох! Опять я дала маху! Нельзя было, наверно, перед ним в таком виде показываться...» Шёпот Тана в ухе только утвердил в этой мысли:

– В библиотеку в таком виде лучше не приходи. Иначе, я за себя не отвечаю...

– А что такого?! Я же не голая!

– Не голая... Только... Если бы ты видела себя со стороны...

Я ещё раз осмотрела себя: «Да-а-а... и верно, как вторая кожа... Только чёрная и с какими-то прожилками... Талия сжата, ягодицы плотно обтянуты и приподняты, грудь рельефно выделяется... Похоже, что слишком сексуально, даже чересчур... Вон как капитана торкнуло! Опасный костюмчик! Но краси-и-ивый... И снимать совсем не хочется!»

Некоторое время я ещё покрутилась, привыкая к такой удивительной одежке, а потом принялась его стаскивать: «Вот бы в нём поплавать! Интересно, а что сказал бы Макс, если бы увидел меня в нём?» Стянув верхнюю половину лимма, я заметила, что на браслете пожелтела ещё одна буква: «Ого! Процесс идёт... Что же будет когда вся надпись пожелтеет?! Посмотрим-посмотрим...»

Наверху три раза звякнул гонг, Тиль приготовил ужин. Я быстро переоделась, обернула лимм влажной тряпкой и пошла наверх. Возле камбуза меня поймал Данко:

– Тебя капитан зовёт. Составить компанию за ужином.

Я нехотя развернулась и направилась к капитанской каюте. Аютан стоял у небольшого квадратного окна, скрестив на груди руки, и смотрел в сторону высокой скалы у входа в бухту: стол накрыт для двоих, над мисками поднимается пар, а рядом два бокала из чёрного серебра... Видно, эту парочку капитан решил оставить себе. Я отодвинула кресло и

он обернулся:

– Я почему-то подумал, что ты не придёшь...

– Почему я должна была не прийти?

Он разлил вино по изящным бокальчикам и уселся напротив:

– Не привык пить из такой посуды...

– Ну, ты теперь человек очень богатый, надо привыкать...

Ают засмеялся и, протянув руку через стол, сжал мои пальцы:

– Кари... Я тут подумал... Сегодня я отпускаю команду в город, ребятам нужно отдохнуть от меня... Если хочешь, могу проводить тебя к горячему источнику, да и самому тоже не мешает окунуться... – он замолчал, видя моё напряжение. – Ты только ничего плохого не подумай... Без твоего согласия ничего не будет. Просто ты такая... красивая и... удивительная, что мне иногда даже больно. Знаешь... Со мной такого никогда не было. Я ведь раньше в любовь не верил, думал, что это рассказы излишне чувствительных людей...

«Ну вот и приехали! Неужели придётся сходить на берег и до Латраса двигаться одной?! Как же не хочется!»

Я уставилась в миску с едой и выдавила:

– Это понимать как признание?

– Да...

Никаким образом я не хотела обидеть капитана или причинить боль, но другого выхода не было. Лучше сразу и честно, чем давать ложные надежды.

– Я уже говорила, что ни с кем не намерена завязывать никаких отношений, кроме дружеских...

Он хотел что-то сказать, но я его остановила и встала из-за стола:

– Капитан, я сойду на берег и дальше поеду по суше. Остаться на корабле мне не следует...

Он стремительно вскочил и загородил дверь:

– Я никуда тебя не отпущу!

– Намерен задержать силой?! – я жёстко посмотрела ему прямо в глаза.

– Кари, пожалуйста! Не уходи! Я доставлю тебя в Латрас и больше не заговорю о своих чувствах. Тебе нельзя уходить! Тут опасные земли для одиночного путешествия... – и схватил меня за руки. – Прости... Я сам всё испортил... Ты давала понять, что ничего не будет, но... Кари... Я люблю тебя! Слышишь?! Люблю!

Горячий, жадный, страстный поцелуй чуть не задушил. Я вырвалась и залепила ему звонкую пощёчину:

– Ты обещал! Как я могу верить тебе после этого?!

Сама не ожидая от себя такой силы, я оттолкнула его от двери и рванула в каюту.

«Бежать! Бежать немедленно! Иначе в Латрас я прибуду в постели Аютана! Как же всё было хорошо и спокойно! Я чувствовала себя в полной безопасности... и на тебе, получите и распишитесь! Капитан «Чёрной медузы» воспылил чувствами! А если не только он?! Если ещё кто-то начнёт ко мне

клеиться?! На шхуне десять здоровых мужиков! А в море сбежать некуда и шлюпку я украсть не смогу, она всегда в зоне видимости того, кто стоит на вахте...». Вся в этих панических мыслях, я перебирала мешки и затягивала верёвки.

– Не смей! Даже не смей думать об этом! – вопль Мозгового чуть не разорвал череп. – Ты куда собралась?! Опять?!

Я с силой сжала виски, как бы пытаюсь запихнуть этот голос обратно.

– Дура!!! Куда ты пойдёшь на ночь глядя?! Осталось максимум дней десять пути! А по суше ты чёрт знает сколько будешь добираться! Он успокоится и потом в ногах валяться будет, прощенья просить!

– Заткнись, Тан, – прошипела я в ответ. – От твоего крика голова лопнет.

Я оторвала кусок старой рубахи и, смочив водой, приложила ко лбу. Такого ещё не бывало, чтобы так раскалывалась голова от общения с Мозгом. Последний раз я испытывала такую боль ещё на Кифовом носу, в хижине, когда приходила в себя от травм. Через несколько минут в голове наступила полная тишина: я слышала только, как пульсирует кровь в висках, да часто бьётся сердце. Боль будто волной смыло...

За стеной слышались шаги. Так стучали только сапоги капитана. Я подумала, что вот сейчас он войдёт, заговорит, но ничего подобного не случилось. Послышался какой-то лязг, потом дверь задрожала и... я поняла, что он сделал. Он меня запер! Снаружи моей каюты были «уши» для навесно-

го замка. Я не понимала для чего они, когда есть обычный врезной замок, но теперь стало понятно... зачем. А может, это и не каюта вовсе?! А камера для пленников?!

– Кари, Кари... Успокойся... – Мозговой уже не кричал, а мягко и нежно пытался наладить контакт. – Это не камера, не думай глупостей. Он переживает за тебя, он влюбился без памяти. И ему нужно время, чтобы успокоиться... Неужели ты этого не понимаешь?

– Да что ты его защищаешь?! Он меня запер! Он нас запер!

– Но ты же сбежишь...

– Конечно, сбегу! При первом же удобном случае! Можешь не сомневаться!

– Глупо...

– Сам дурак! Вот если бы не это, – и я злобно постучала в запертую дверь, – то вероятно, я ещё бы и передумала... Но теперь... Нет! И ты мне поможешь!

– Не буду, – голос Мозгового был твёрд и холоден.

– Не будешь?! Ах, вот как, значит! Хорошо! Я сама, сама выберусь, без твоей помощи! Но запомни! В твоей библиотеке ноги моей больше не будет! Понял?!

От нахлынувшей злости я забарабанила в дерево:

– Выпусти меня! Выпусти немедленно! Ают! Открой! Открой, сейчас же! Да чтоб тебя штормом смыло! Цунами на твою голову! Да чтобы ты руки-ноги себе переломал, гад!

Но всё было бесполезно. Снаружи никаких звуков не до-

носились, лишь пару раз показалось, будто кто-то вздыхает, только непонятно где... Я бухнулась на койку и уставилась в пустоту: «Он меня что, до самого Латраса не выпустит?! Вот это будет номер... Ладно... Утро вечера мудренее... Посмотрим, что будет завтра».

Я зажгла фонарь и лампу, немного перекусила из своих запасов, так как к ужину приступить не получилось, и достала влажный лимм, для успокоения. Потом повесила зеркало на крючок и натянула костюм. Он очень быстро приобрёл температуру тела и даже начал немного согревать. Классная всё-таки штука! Ещё какое-то время я покрутилась, принимая различные позы и пытаюсь при слабом свете разглядеть детали, а потом так и улеглась на койку, закутавшись в одеяло. Думала, что от переизбытка эмоций не усну, но ошиблась. Заснула почти сразу.

Сначала мне приснился Макс. Будто мы переплываем какое-то горное озеро. Я держусь за его доспехи, а он постоянно оглядывается и спрашивает:

– Ну как? Ты не устала?

Я фыркаю, как тюлень, и отвечаю:

– Нет, не волнуйся, не устала. У нас всё получится... Всё получится...

Потом кадры резко поменялись, и я оказалась в лесу на живописной полянке. Сажу на поваленном дереве и держу в руках голубенькие цветики, отбивающие запах. Позади трещит ветка, и я оглядываюсь. Среди деревьев стоит Карелл.

В одной руке он держит обнажённый меч, а в другой свёрнутую в моток каморту. Потом поднимает руку с верёвкой и говорит:

– Соскучилась? А мы очень скучали без тебя, отари... Особенно твоя подружка... – и бросает каморту на меня, как лассо.

Я пытаюсь уклониться, но петля захватывает ногу и плотно сжимает. Тогда я достаю кинжал, разрезаю ладонь, и алая струя льётся на петлю. «Слепая смерть» начинает пузыриться, будто закипать, и растворяется прямо на глазах. Я сдёргиваю её и бегу в заросли. Позади раздаётся дикий крик. Я оборачиваюсь и вижу: леса нет, полянки нет, а кругом, во все стороны до самого горизонта, гигантское колышущееся райское поле и... Карелл, которого медленно засасывает топь. Я разворачиваюсь и иду к нему, а он кричит мне и шрам на его щеке уродливо дёргается:

– Нет! Нет! Стой! Ты погибнешь! Нет!

Я продолжаю идти к нему, и когда приближаюсь, вижу: он погружён уже по пояс. Я протягиваю ему окровавленную руку, и его глаза расширяются от ужаса. Потом он закрывает лицо ладонями и шепчет:

– Отари... Отари... Прости меня... Отари... Прости...

А вокруг огромные волны сине-зелёной травы перекатываются по всему пространству. Потом зыбкая почва под ногами тоже начинает ходить ходуном, но меня это совсем не пугает. Мне весело! Я качаюсь на этих волнах и хохочу

во весь голос. Смотрю на Карелла и опять протягиваю ему окровавленную руку:

– Пойдём! Пойдём со мной! Ты всё сможешь, если пере-
силишь страх!

Он поднимает голову, смотрит прямо в глаза и... хватается за меня.

Глава 7

Проснулась я оттого, что свалилась с койки и ударилась лбом о ведро. В каюте полный мрак, всё бешено качается и грохочет. Завывания ветра перекрывают треск досок и доносящиеся с палубы крики. Шторм! Это шторм! Наощупь я доползла до двери, поднялась на ноги и принялась барабанить:

– Откройте! Выпустите меня! Откройте!

«Как мы оказались в море?! Стоять ещё больше суток! Сколько же я спала?! Ничего не понимаю!»

– Откройте! Ают! Данко! Откройте!

В панике я метнулась к окну. Мокрый холодный ветер ворвался в маленькую каюту. Меня отшвырнуло на пол. Вдруг дверь сильно дёрнули:

– Кари! Кари! Открой! Нас в море уносит! Тут нельзя оставаться!

– Там замок, Данко! Снаружи! Я не могу выйти! Ают меня запер!

– Что?! – услышался лязг железа и ругательства.

– Где Ают?! Ключ у него!

– Я не знаю! Его нет нигде! Мы не можем его найти! Мачта упала и он исчез! Я сейчас!

Послышался топот, потом вопли, а потом стук и треск ломающегося дерева. Данко рубил дверь топором. Впопыхах я нашла штаны и тунику и, валяясь по полу от жуткой качки, натянула на себя. Дверь с треском рухнула, и крики помощника перекрыли рёв ветра:

– Кари! Ты где?!

– Я тут! Всё нормально.

Он откинул доски и помог подняться:

– Данко?! Что случилось?! Почему мы в море?! Что происходит?!

– Потом! Всё потом! Будь пока здесь, а я к ребятам! – и бросился наверх.

Я сидела, вцепившись в перила ступеней, и гадала что сейчас: день или ночь? Молнии рассекали небо, а от громовых раскатов закладывало уши. Вдруг оглушительный треск раздался прямо над головой. С поросычьим визгом я рванула на палубу, в сплошную пелену дождя и ветра.

Наверху царил полный хаос. Одной мачты уже не было, а из всей команды я заметила только троих: Данко, Лиама, мужики называли его Чёрный Ли за самый смуглый цвет кожи и Кулана. Больше никого не было видно. «А где же капитан?! Неужели его смыло за борт?! – Я оглядывала стонущую от ударов стихии «Медузу», пытаюсь в свете молний хоть что-

то рассмотреть. – Накаркала! Это же я, дура такая, накаркала! Да чтоб мне провалиться!»

В эту же секунду доски под ногами треснули, и я полетела вниз, а сверху рухнула вторая мачта. В трюме было полно воды и всё, что могло плавать, плавало. Какое-то время я трясла головой и приходила в себя, а потом, при свете очередной небесной вспышки, заметила, что с другой стороны дальний люк приоткрыт, да и лестница на месте. В воде почти по пояс, практически в полной темноте я двинулась к отверстию. Страх отступил, как тогда, на райском поле... Я видела цель и пробиралась вперёд.

– А ну! Что-то темновато! – И заорала во весь голос: – Разряд!!!

И тут же яркая вспышка полыхнула в небе.

– Отлично! Я вижу! – Треск грома над головой заглушал собственный голос. – Разряд!!!

Очередная вспышка последовала незамедлительно. И в этом сизом свете я увидела... тело. Аютан лежал на воде. Я подскочила, спотыкаясь о ящики и разбрасывая обломки табуретов:

– Капитан! Капитан! Ают!

Я трясла его за плечи, лупила по щекам, но это не помогало. Голова капитана была разбита, а грудь рассекала огромная глубокая царапина.

– Ты не посмеешь!!! Ты не посмеешь умереть!!! Ты слышишь?! Ают! Ают!

– Кари! – голос Данко донёлся сверху.

– Здесь капитан! Помоги вытащить!

Шторм не утихал: кругом мрак, дождь и ветер. Данко с Кулом уложили капитана под остатки лестницы, ведущей на корму.

– Он живой?! Он жив?!

Я тупо смотрела на бездыханное тело:

– Не знаю...

– Ну, и нам скоро конец... – проронил кто-то.

Я сжала кулаки:

– Нет! Этого не будет! – И заорала, что было силы: – Не-е-ет!!! Ты будешь жить! И этот дурацкий шторм закончится! И никто не погибнет! Никто!!!

Отшвырнув матросов, я неистово принялась делать Аюту массаж сердца и искусственное дыхание.

– Раз, два, три, четыре, пять... – Вдох... Ещё вдох... – Раз, два, три, четыре, пять... – Вдох... Ещё... – Раз, два, три, четыре...

– Что ты делаешь?! – Мокрый насквозь Данко, ободранный и всклокоченный, впрочем, как и остальные, таращился круглыми глазами.

– Раз, два, три, четыре, пять... Выцарапываю его у вашего Хранителя... Он его не получит... Во всяком случае, пока... Раз, два, три, четыре...

Судорожный хрип и раздирающий кашель сотрясли тело. Матросы заорали так, что у меня заложило уши. Они приня-

лись переворачивать его и колотить по спине. Капитан долго кашлял, а потом открыл глаза, только взгляд был блуждающим и пустым. Пока просто запустилось сердце, но сознание ещё не вернулось. Я прислонилась к деревянной стенке и подтянула его на себя, в более вертикальное положение, а остальные трое пристроились по бокам. Вот так мы и сидели плотной трясущейся кучкой, пока при очередном разряде молний не увидели, что вода далеко-далеко внизу, а нас всё поднимает и поднимает, выше и выше, на гигантской водяной стене. Я прижала голову Аюта к себе и зажмурилась: «А вот и цунами подоспело... Всё, как сказала!»

Данко рядом ругался как сапожник, проклиная всех и вся. Кулан бормотал какие-то молитвы, а Чёрный Ли помалкивал, только очень сильно сжимал мою ногу. А дальше... Дальше всё происходило как в замедленном кино. Как так вышло, что шхуна неслась на гребне волны и не падала, я не знаю, но у меня было полное ощущение полёта. Мы летели... Или парили... А потом неожиданно начал стихать ветер и дождь прекратился... И сразу стало как-то так тихо-тихо... Море будто бы вздохнуло или перевело дыхание... И «Медуза» начала быстро опускаться. Нас ещё несло вперёд, и несло очень стремительно, но было уже понятно, что ситуация изменилась: шторм стихает, вернее, он почти совсем утих.

Парни крутили головами и потихоньку приходили в себя. И вдруг... Небо прорезал яркий луч и тучи начали расходиться прямо на глазах. А ещё через короткое время туман-

ная дымка полностью рассеялась и шхуна почти всем корпусом вылетела на песок.

От сильного толчка у меня в желудке случился какой-то спазм, и я икнула. Звонко так, на вздохе... Громкий смех чуть не лишил остатков слуха. Истерический хохот сотрясал потрёпанную «Медузу» не меньше часа. Кул с Данко хохотали так, что из посиневших от воды и холода стали красными, как варёные раки. Чёрный Ли тоже улыбался во весь рот, только ногу мою он так и не отпустил. Он переводил ошалелый, полубезумный взгляд с меня на капитана, с него на дико хохочущих парней, потом опять на меня, и повторял:

– Синеглазая богиня спасла капитана... Белокурая дева прогнала шторм... Богиня спасла капитана... Спасла всех нас...

О том, что я это всё и накаркала, скорее всего, я предпочла благоразумно умолчать: «Вот и первый адепт культа моей божественной личности, во всей красе! Значит, Чёрный Ли был на площади в Банкоре и слышал песню... Всё! Бессмертное имя в легендах Окатана мне обеспечено!» – и я нервно хихикнула. Потом ещё раз, и ещё, и вскоре так же громко хохотала, как и остальная компания.

Глава 8

А вскоре нас нашли местные жители. И через некоторое время я уже знала подробности того, почему «Медуза» ока-

залась не в закрытой от ветров бухте, а в море. А дело было так...

Команда знала, что капитан отпустит их в город, так сказать погулять, и надолго, до утра. Поэтому самые нетерпеливые, Найр и ещё двое, удрали одними из первых. Остальные заканчивали распределять в трюме часть нового груза. Вот поэтому никто не видел и не слышал нашу ссору с капитаном. Тиль только удивился, когда Ают послал его убирать со стола, что мы ни к чему не притронулись. Даже обиделся, решил, что нам не понравилась его стряпня, и сразу же как закончил, ушёл в город, а за ним засобирались и остальные. Когда Данко спросил Аюта, где я и почему не видно, капитан ответил, что я ушла к себе и просила не беспокоить, поэтому он и не знал, что я сижу под замком.

Данко также рассказал, что Аютан после ужина был мрачный и очень злой, как горный волк. Поначалу он заставил всех оставшихся на шхуне проверить такелаж, а потом приказал ставить парус. И объяснил это тем, что рассвета будем ждать у острова за мысом, якобы со стороны рудников рано утром будут везти руду и, чтобы сэкономить время, торговец попросил взять груз там, ведь причал за мысом тоже есть.

Вот тут помощник и заподозрил неладное, как он сам признался. Ёкнуло внутри нехорошее предчувствие. Когда шхуна отплыла за мыс и стала на якорь, а это было уже поздно вечером, Ают отправил двоих на шлюпке обратно, чтобы утром команда знала, где искать «Медузу». Вот где-то в это

время я спала и видела свои чудные сны. Был полный штиль и ничего не предвещало такого урагана. Как вдруг поднялся ветер, небо заволокло тучами, а потом хлынул дождь. Очень быстро ветер усилился настолько, что если бы вовремя не успели поставить парус и поднять якорь, то шхуну разнесло бы в щепки о скалистый островок.

Каким-то чудом Ают успел вырुлить, но направление ветра изменилось и шхуну понесло в море. А потом началось что-то совсем страшное. Данко сказал, что такого жуткого шторма в его жизни ещё не было. На что я философски заметила, что всё когда-то бывает в первый раз.

Оказалось, что нас вынесло на берег всего в двадцати этье от Перрикола, а это около пятнадцати-шестнадцати километров. И вечером, когда спасать нас примчалась остальная часть команды, Аютан очнулся. У него была сильно разбита голова, вывихнуто плечо и сломана левая нога. Глубокую царапину на груди за серьёзную рану я не считаю. Пока он был в отключке, мы с Данко сделали всё, что могли: промыли мелкие порезы и царапину, а также рану на голове. Череп был в целости, а вот нога... Ещё я переживала, а не сломали ему вдобавок пару рёбер, когда с силой и злостью давила на грудь.

Тиль был не только коком на шхуне, но ещё и лекарем. Поэтому после беглого осмотра, он взял заботу о капитане на себя, а я помогала чем могла. Тиль быстро вправил вывих, а после принялся за ногу. Кости он составлял на ощупь.

Как это возможно сделать без рентгена, я не представляла, но очень внимательно наблюдала за его манипуляциями.

Возился кок довольно долго. Всё это время я держала капитана, чтобы он случайно не дёрнулся. Вот тогда он и открыл глаза, когда я практически на нём лежала.

– Тиль! Он очнулся!

– Хорошо. Я почти закончил... – пробормотал кок, туго приматывая ногу к шинам.

– Все живы? – это был первый вопрос.

– Все. Никто не пострадал... Кроме тебя...

– А «Медуза»?

– Нормально... Данко с ребятами и местными сейчас мачту ставят. Утром вернёмся в Перрикол. Шхуна сильно не пострадала: робоин нет и воду из трюма уже откачали.

– Хорошо... – он прерывисто вздохнул и отвернулся. Из уголка глаза скатилась слезинка. Я смахнула её и поцеловала его в висок.

– Не надо...

– Ают, но...

– Не надо меня жалеть!

Я отстранилась:

– Как скажешь... Тиль, побудь с ним, пойду Данко позову.

Когда я поднялась наверх, мачта уже стояла, а команда заканчивала первоочередную работу. Вторую решили ставить уже в Перриколе – под руководством Данко дело двигалось быстро. Я подошла к помощнику сзади и положила ладонь

на плечо:

– Капитан очнулся... Тиль с его ногой разобрался...

– И как он?

– Вроде неплохо...

Данко выглядел не лучшим образом: сказала страшная ночь, да и день, заполненный тяжёлой работой.

– Тебе нужно отдохнуть...

Он улыбнулся, и я заметила, что у него во рту не хватает одного зуба.

– Вот сейчас всё доделаем, поговорю с капитаном, доложу... И спать!

Я дёрнула его за рукав и хихикнула:

– А зуб куда делся?! Недавно был на месте...

Данко устало отмахнулся:

– Да когда мачту ставили, Найр случайно выбил. Не беда, новый быстро вырастет. Мне его уже третий раз выбивают.

Это удивительное открытие надолго заняло мои мысли. Даже отодвинуло на задний план переживания за капитана. Загадка красивых, здоровых зубов местного населения разгадана! Лёжа вечером на своей койке, я размышляла об этом открытии и умирала от зависти: «Мир без стоматологов! Как же им повезло! Повредился зуб или как у Данко выбили его, так на его месте новый вырастает! Потрясающе! А у меня во рту четыре пломбы... А если ещё дырка появится?! Что же я тогда делать буду?! Умру от зубной боли?! Тут зуб мне никто не залечит... Как же страшно!»

В Перрикол мы вернулись быстро. Ветер был попутный, да и расстояние невелико. Тиль обосновался в капитанской каюте, пока Ают более-менее не оправится. Чтобы унять боль, кок поил Аюта каким-то отваром, и капитан почти всё время спал. Я иногда подменяла Тиля, когда тому нужно было отойти, однако если Ают просыпался в это время, то, увидев меня, отворачивался.

Ремонт шхуны шёл полным ходом. Данко, как помощник, оказался на высоте. Через несколько дней после возвращения в город, я поняла, что мне нужно уходить, и чем быстрее, тем лучше. Чёрный Ли во всех красках расписал остальным, как я спасала капитана, вдыхая в него «божественный дух», и как прогнала этот ужасный шторм, злобно крича в негодующее небо. Мне уже почти не улыбались, а иногда и просто отворачивались, когда я проходила мимо. Возникло ощущение, что эти взрослые, сильные мужчины начали меня бояться. А Чёрный Ли при виде меня начинал декламировать песню и низко кланяться. Ни о каком продолжении путешествия на «Медузе» не могло быть и речи.

Глава 9

Собралась я быстро. Как ни странно, но мои вещи практически не пострадали, даже раковина осталась целёхонька. Съестные припасы были упакованы в непромокаемые мешки, а одежду и одеяло я просушила. Оставалось купить ло-

шадь, узнать дорогу и можно отправляться в путь. В свои планы я решила никого не посвящать. Ают под надёжным присмотром и идёт на поправку, а вскоре Тиль сделает костыли и капитан сможет хоть как-то передвигаться. Шхуну тоже приведут в порядок: она не так уж и пострадала, да и никаких ценностей во время шторма не пропало, так, по мелочи. В общем, и с капитаном, и с «Медузой» будет всё в порядке. А мне пора...

Лошадь, хотя правильнее – единорога, я выбирала недолго. Особого выбора на местном рынке не было, и я купила ладную кобылку по кличке Тучка. Из всех предложенных коняшек она приглянулась больше других. Вместе со сбруей и мешком местного ваго, которым подкармливали лошадок, она обошлась в три золотые монетки. Тучка была невысокой, коренастой, тёмно-серой масти, с шикарной чёрной гривой и таким же хвостом. Она показалась мне достаточно выносливой и молодой.

Я договорилась с бывшим хозяином, что он подержит её до утра на своей конюшне, доплатила пару мелких монет за уход и, закупив ещё некоторое количество продуктов, вернулась на шхуну. Дневная работа была уже закончена и часть команды ушла в город. Маршрут передвижения до Латраса я выяснила и уже знала, в какую сторону завтра двигаться: сначала до рудников, а потом несколько дней по восточной дороге до перевала. Можно будет попробовать пристать к какому-нибудь обозу или каравану, так как недалеко от восточ-

ной дороги начинались территории горных волков. И хотя местные меня успокоили, мол, сейчас волки с гор не спускаются, добычи у них хватает, но учитывая, что ехать мне в одиночестве, стало жутковато.

Горных волков боялись. Они нападали большими стаями, всегда неожиданно и почти всегда удачно. Людей они не трогали, если только в крайних случаях, но скот резали везде, где появлялись. Как я поняла из всех рассказов, которые довелось услышать, у них была своя тактика: часть стаи брала на себя сторожевых псов, часть отвлекала людей, а остальные ловили, резали и уносили добычу. На Восточных землях горные волки были самыми умными и опасными хищниками, поэтому встречаться с ними совсем не хотелось. Но другой дороги на восток из Перрикола не было. По приблизительным подсчётам, если всё пойдёт благополучно, путешествие до Латраса займёт около трёх недель.

Я собрала и упаковала всю свою поклажу и пошла проведать Аютана. Нужно было попрощаться как-то... Сказать спасибо, ну и всё такое... Когда я спустилась к каюте, дверь открылась, и навстречу вышел Данко. Он как-то странно взглянул и, не сказав ни слова, взбежал наверх. Ают уже не лежал, а полусидел на постели: под спиной подушка, нога в шинах покоится на табурете. Я присела возле койки:

– Ну как ты?

– Неплохо... Голова уже не болит... Завтра Тиль обещал обуть меня в деревянный сапог, чтобы можно было вставать.

– Хорошо, я рада...

– Знаешь, о чём я жалею? – и очень внимательно взгляделась в моё лицо.

– Нет... Откуда мне знать?

– Я жалею, что не слышал песню... ту... про тебя...

Я опустила глаза:

– Ты её ещё услышишь...

– Значит, это ты?!

– Что я?

– Вызвала этот ураган?! Чтобы наказать меня?! Я же слышал, слышал, что ты кричала из каюты!

От трезвого и здравомыслящего Аютана такого бредового заявления я никак не ожидала. Поэтому даже растерялась, не зная, что сказать.

– Ают, этот ураган я не вызывала. Я была просто рассержена, вот и всё. И даже не от твоего признания или поцелуя, а оттого, что ты меня запер... Как можно вызвать ураган?! Ты сам понимаешь, что говоришь?

Он приложил ладонь к глазам, как бы прикрываясь от меня, и выдавил:

– Я не знаю, что думать, Кари... Я совсем запутался... Ты... Ты такая... И то, что случилось... Я понимаю, что сам виноват. Я был слишком самоуверен... и настойчив. Данкан всё рассказал... И как ты нашла меня, и как спасала, и как они радовались, когда я начал дышать, и как закончился шторм... Всё... Я никогда не верил в богов, считал, что это

глупые рассказы, но теперь... Я... – он потянулся к моей руке и прижался губами к ладони. – Влюбился, без памяти, в богиню... чем вызвал её гнев, но она проявила милосердие и сохранила мне жизнь...

Этот бред я больше не могла слушать. Ладно Чёрный Ли, ладно команда, но капитан Ают! Не-е-ет! Это уже слишком! Нужно уезжать и немедленно. Я крепко обняла его, расцеловала и, ничего не говоря, быстро вышла из каюты. До заката ещё несколько часов, и если поторопиться, то заночевать можно будет на рудниках, а на рассвете отправиться в дальнюю дорогу.

Через некоторое время, когда половина пути была позади, а солнышки клонились к закату, послышался конский топот. Я одёрнула кобылу и обернулась. Вдогонку мчался всадник. Когда он приблизился, я узнала Данко. Завидев, что я остановилась, он замахал руками:

– Кари! Кари! Постой!

«Всё же не удастся избежать трогательных прощаний!» – я спешила в ожидании.

Взмыленный и запыхавшийся помощник капитана спрыгнул с коня и кинулся ко мне.

– Кари! Зачем?! Почему?! Не уезжай!

– Тебя Ают послал?

– Нет. Он ещё не знает, что ты уехала. Я не успел ему сказать...

– Думаю, после всего он не стал бы меня удерживать...

– Ты... Ты что? Ещё раньше хотела уехать?

– Он потому меня и запер. Он тебе ничего не рассказал?

Данко смутился:

– Он не хочет об этом говорить... Что между вами произошло, Кари? Ты отказала ему? Потому он так разозлился тогда? Не уезжай... – и, сделав шаг, крепко меня обнял.

И я ответила таким же крепким объятием.

– Всё решено. Сам понимаешь... Ты всё видел... Мне нельзя больше с вами... Не хочу создавать на судне нездоровую обстановку. Поверь, Данко, я никак не ожидала, что всё так обернётся. Прощай... – и вскочила в седло.

– Но... Ты же совсем одна! Хочешь, я с тобой поеду?

– А как же «Медуза»? Команда и капитан? Им без тебя не справиться. А за меня не волнуйся, земля круглая, может, ещё встретимся.

Глава 10

Резвой рысью я скакала до темноты. Пару раз оглядывалась, но меня никто не преследовал. Ночевать на рудниках я не осталась. Ночь была светлая, небо чистое и Тучка бодро бежала по укатанной дороге. Я хотела уехать как можно дальше, чтобы никто не смог меня догнать. Хотя, кроме Данко, догонять было некому. Не терпелось оставить всё позади, всё, что случилось: море, шхуну, команду и... капитана. Ещё совсем недавно я так радовалась, что скоро буду в Латрасе,

но жизнь, как всегда, внесла свои поправки.

Когда небо на востоке посветлело, мы с Тучкой сделали привал. Заехали в лесок, чтобы нас не было видно с дороги, и расположились у быстрого ручейка. Заботы о кобыле заняли немало времени, я даже немного пожалела, что купила её, одно дело – заботиться только о себе, и совсем другое – когда рядом живое существо, которое требует внимания. Однако на своих двоих и с мешками я бы и десятка этье не прошла. Не разжигая костра, я перекусила, завернулась в одеяло и завалилась спать, а стреноженная Тучка осталась пасть рядом.

Проснулась я почти в полдень, чему очень обрадовалась, не хотелось продряхнуть целый день. Приведя себя в порядок и оседлав четвероногий транспорт, я, не спеша, двинулась на восток. Тихо и спокойно прошло несколько дней. Пару раз на пути встречались обозы, но ввиду того что ни одной женщины или семьи с детьми среди этих людей не было, я не рискнула напрашиваться в попутчики. Чисто мужское общество напрягало.

Местность была уже довольно гористая, с крутыми оврагами и перелесками, а впереди маячили круглые сопки. Ещё через день я вплотную приблизилась к перевалу. Дорога уходила в ущелье между серыми скалами. Я спешила передохнуть и размяться. Если все эти дни я ехала вполне благополучно, разговаривая с Тучкой, любуясь природой и надеясь, что в Латрас всё-таки доберусь рано или поздно, то

сейчас, сидя на камне и жуя кусок вяленого мяса, я ощущала какое-то беспокойство. И чем дольше смотрела на узкую расщелину, уходящую под нависающие скалы, тем больше мне туда не хотелось.

Поднеся руку ко рту, я заметила как дрожат пальцы. И это была не усталость... Нет... Это было ощущение тревоги, будто глубоко внутри что-то пульсировало и дрожало. Вдруг что-то больно кольнуло в плече, как пчела ужалила. Инстинктивно хлопнув по нему, я попыталась почесать зудящее место. Пальцы наткнулись на браслет, щипало именно под ним. Сильно оттянув ворот лимма, который я не снимала с момента отъезда из Перрикола, я глянула на подарок Гуна. Он был чёрный! Абсолютно! И буквы надписи еле видны!

«Та-а-ак! Это плохой знак! Что-то происходит или должно произойти...». Последний раз, когда я смотрела на браслет, он был цвета светлого, полированного металла с голубым оттенком. В эту секунду одна из букв надписи вспыхнула и, больно ужалив, потухла. От неожиданности я подпрыгнула и вскочила:

– Это сигнал! Тучка, это сигнал! Нужно убираться отсюда!

Запрыгнув в седло, я резко дёрнула поводья, но слишком далеко ускакать от перевала мы не успели. Тучка взвилась на дыбы, как-то хрипло, испуганно заржала и бросилась в сторону. Я вылетела из седла и всеми костями грохнулась на землю. Сначала я подумала, что это от удара так гудит

в голове, но, оглядевшись, поняла, что гудит не в голове, а везде! Страшный звук окружал со всех сторон. Гнетущее, тяжёлое гудение проникало внутрь. Я ощутила, как устало и медленно начало биться сердце, а потом... замерло.

Подземный толчок огромной силы подбросил моё тело, и я кубарем покатила куда-то. Сколько пролежала без сознания, не знаю. Когда же открыла глаза, небо было затянуто облаками и начинал накрапывать мелкий дождик. Я медленно села, ощупала себя и убедилась, что всё, вроде, нормально: серьёзных травм нет, только ощущение такое, будто меня переехал асфальтовый каток. На шорох позади я резко обернулась. За спиной стояла Тучка и трясла головой, была у этой кобылки такая привычка.

– Ну что, подруга? С тобой, я вижу, всё в порядке...

Не в силах забраться в седло, я взяла её под уздцы, и мы медленно пошли к перевалу. Но его уже не было... Когда окончательно осела пыль, обнаружилось, что дорога между скалами полностью засыпана, и притом так, будто её там никогда и не было. Я ещё немного постояла, тупо осматривая новый пейзаж и пиная сапогом камни: «А браслетик-то, можно сказать, волшебный... Если бы не он, то лежать мне сейчас под каменной толщей. Да и «чуйка» моя сработала, не первый раз уже выручает, а браслет только подтвердил опасения... Гун сделал мне бесценный подарок! Храните его боги! А сейчас нужно хорошенько отдохнуть, а завтра искать путь на ту сторону. Может, и найдётся подходящее место.

Тут завалило, но где-то могло случиться и наоборот...»

Ночь прошла беспокойно. И хоть я выбрала удобное место для ночёвки за большой скалой, нормально поела и в лимме было совсем не холодно, но толком так и не заснула. Тучка часто фыркала, прислушивалась, прядя ушами настороженно осматривалась. Если вечером, сразу после землетрясения, было очень тихо, то ночью, наоборот, постоянно доносились какие-то звуки.

Вечером, ещё до заката, я видела из своего укромного убежища, как к бывшему перевалу один за другим подъехали несколько всадников. Они осмотрелись, качая головами, о чём-то поговорили и повернули обратно. Я не вышла к ним, хотя оставаться одной после такого жуткого буйства стихии было очень страшно. Половину ночи я слегка дремала, а половину просто лежала, глядя на догорающий костёр и прислушиваясь к ночным звукам. К утру моя дымчатая четвероногая красавица успокоилась и улеглась неподалёку. Вот так мы и встретили рассвет.

Я всё думала, как же поступить: о том, чтобы вернуться в Перрикол не могло быть и речи. «Чёрная медуза» ещё там, а искать проход в горах... опасно и страшно, хотя вчера мне почему-то так не казалось. Только вот в какую сторону ехать, на север или на юг? Горный хребет, хоть и не очень большой, тянулся в обе стороны. Я решила бросить монетку и полностью положиться на провидение. Золотой ранд звякнул о камни: «На север... Да будет так!»

Глава 11

С первыми лучами небесных светил мы тронулись в путь. Тучка шла спокойным шагом, самостоятельно выбирая дорогу. Повсюду были видны последствия землетрясения: обрушившиеся скалы, поваленные деревья и глубокие трещины. Кобыла оказалась толковая. Она внимательно смотрела под ноги, принюхивалась, иногда останавливалась и явно размышляла, переступить препятствие или обойти. Такая её осторожность мне очень понравилась. Я сидела, почти не держа поводья и не мешая Тучке идти так, как она хочет.

К полудню, когда мы были уже очень далеко от заваленной восточной дороги, я решила сделать остановку. Бессонная ночь и усталость давали о себе знать. На относительно ровной полянке я освободила кобылу от поклажи и пошла за водой, так как за здоровенными валунами слышалось журчание.

Ручей оказался маленьким, однако я заметила, что ещё недавно он был гораздо полноводней. Похоже, землетрясение перекрыло русло. Я только и успела ополоснуть лицо, как раздалось испуганное ржание, топот копыт и треск ломающихся веток. Бросив флягу и котелок, я помчалась обратно, прыгая по камням.

Тучки на полянке не было: разбросанные мешки и взрытая копытами земля. Вдруг за спиной будто заработал мощ-

ный мотор. Глухое, утробное рычание доносилось откуда-то сверху. Сердце упало пятитонным камнем, а ноги вросли в землю. Медленно-медленно я начала оборачиваться... А когда увидела огромную, серую, в пятнах, клыкастую зверюгу, полулежащую на валуне, то застыла, как изваяние: «Волк... Горный волк... Это волк...»

Зверь продолжал рычать, а я смотрела на него и в ужасе понимала, что всё... Убежать не смогу, а дёрнусь – прыгнет! Я закрыла глаза, глубоко-глубоко вздохнула и, нащупав кинжал в складках юбки, сжала рукоятку. Сколько я так стояла, в застывшей позе, не могу сказать. Показалось, что вечность...

Стало тихо. Рычание прекратилось, и я приоткрыла один глаз. Волка на камне уже не было. Он стоял рядом и нюхал мешок. Я сделала шаг назад и упёрлась в каменную стену. Волк резко обернулся и уставился жёлтыми глазами. И тут... Я заметила соски на брюхе: большие, тяжёлые: «Волчица! Кормящая! Теперь мне, точно, конец...» Выхватив кинжал, я выставила его перед собой:

– Уходи! Я ничего не сделаю твоим детям! Уходи! – Конечно, я не рассчитывала, что она меня поймёт.

Волчица уже не рычала, а просто смотрела на меня и нюхала воздух. Она была очень крупная, гораздо больше овчарки: длинные сильные лапы, с удлинёнными, когтистыми пальцами, широкая, мощная грудь, узкое, гибкое тело и длинный, опущенный хвост. Внешний вид, действительно,

напоминал волка, но не совсем. Эта зверюга больше походила на гиену, очень большую, но гиену, а не волка. Может, из-за пятнистого окраса в тёмно-серых, чёрных и светло-серых тонах, а может, из-за больших, округлых ушей, не знаю... Но впечатление жуткого, смертельно опасного зверя она, конечно, производила.

Мне как-то уже поднадоело стоять в такой напряжённой позе, да и ноги подкашивались от страха. Я сползла вниз и присела на корточки. Волчица тоже плюхнулась на пузо и, тихонько скуля, поползла ко мне. Я открыла рот от удивления: нападать она не собиралась, во всяком случае, пока. Чем ближе она подползала, тем жалобней скулила. А когда положила свою страшную, огромную, клыкастую голову на мою ступню и заглянула в глаза, до меня дошло: «Она просит помощи!!! Что-то случилось! Ей что-то нужно от меня! О, все боги Окатана!»

Как общаться с горным волком, я не представляла, да и на всём Окатане, наверно, никто не представлял. Волков боялись, при возможности убивали, и вообще, предпочитали на их территории не соваться. Люди крайне мало знали о горных волках... Очень медленно, замирая от страха, я опустила руку и погладила мохнатую голову:

– Я поняла... Я помогу... Если смогу...

Она моментально вскочила и бросилась в перелесок. Минут через десять волчица привела меня к свежей, глубокой трещине. Рядом было много поваленных деревьев и скаль-

ных обломков. Уже на пути я догадалась, что случилось. У волчицы была здесь нора или берлога, а там щенки, похоже, их завалило... Волчица подошла к самому краю и завывала, так жалобно и пронзительно, что у меня навернулись слёзы: «Понятно... они там». Я легла на край и свесилась вниз. «Ничего не видно... нужны факелы и верёвка». Я быстро сбегала обратно за всем необходимым, и только когда начала спускаться, поняла, что делаю. Если верёвка развяжется или порвётся, или ещё что-то случится, то я просто-напросто сломаю себе шею.

Но всё оказалось не так страшно. Благодаря факелам я увидела, что дно совсем недалеко. Проблема состояла в том, что трещина была очень узкой и сама звериная мамаша никак туда бы не пролезла. Щенков я увидела сразу, как только осветила камни. Они лежали плотным комочком и тихо попискивали. Их было трое: два чёрно-серых, а один, самый мелкий, полностью чёрный, как уголёк. Я запихала малышкой в сумку и, кряхтя, полезла обратно.

Подниматься было уже легче. Я видела, куда поставить ногу и за какой камень ухватиться. Волчица носилась по краю и то скулила, то начинала рычать: «Как бы она вместо «спасибо» на тот свет меня не отправила от беспокойства за детёнышей...» Дрожащими, ободранными о камни руками я выложила щенков на траву и отступила:

– Ну, я это... Пойду... Ты уж тут сама как-нибудь... – и медленно пятясь, отошла шагов на двадцать, а потом рванула

обратно к ручью.

И какова же была моя радость, когда на полянке, возле мешков, я обнаружила Тучку:

– Ах, трусиха! Бросила меня, да?! На съеденье горным волкам! А сама удрала! Эх ты... Испугалась?

Я гладила кобылу, а она, ласково фыркая, тыкалась мягкими губами в ладони:

– Давай-ка собираться и делать отсюда ноги. Нам только со всей стаей встретиться не хватает!

Быстро навьючив живой транспорт и заполнив бурдюк водой, я запрыгнула в седло. А на следующее утро случилось то, чего я никак не могла предвидеть.

Ночевали мы в пещере, довольно далеко от места встречи с горной хищницей. Пещерка была не большая, но удобная. На закате я разожгла костёр и приготовила сносный ужин: наварила каши с вяленным мясом и даже со специями. Возле пещеры была хорошая трава и кобыла весело хрумкала, бродя кругами. На ночь я насыпала ей немного ваго, как дополнение к травяному рациону, и спокойно заснула.

Проснулась же на рассвете от громкого испуганного ржания и выскочила наружу. Тучка была привязана и в этот раз никуда не смогла удрать. Возле пещеры сидела моя гиеноподобная знакомая. Я растерянно тарасилась, не понимая, зачем она пришла, пока не заметила, что возле её лап что-то ползает. Это был щенок, чёрный, самый маленький из всех... Волчица смотрела в упор влажными глазами.

– Э-э-э... Ты что задумала? – кольнуло предчувствие. – Не надо... Опомнись мамаша! Что я с ним делать буду?! Ты что?! Это твой щенок! Он мне не нужен!

Она жалобно заскулила, вылизала своё слепое дитяtko, глянула на меня так, что внутри всё сжалось, и бросилась в лес. Я стояла столбом, вникая в ситуацию: «Вот это номер! Она отдала мне своего щенка... Зачем?! Как она могла так поступить?! Почему?!» Но дать ответы на эти вопросы было некому. Волчица исчезла, а у моих ног ползало и попискивало маленькое беззащитное существо. Я взяла его на руки и прижала к себе. Щенок, такой малюсенький и ещё слепой, глухо и утробно зарычал: по-детски, конечно, по-щенячьи, но очень злобно. Навернулись слёзы:

– Рычишь... Ну, рычи, рычи... Ты же горный волк, ты должен хорошо рычать. Что же мне с тобой делать?!

Я поднесла щенка к кобыле. Сначала она шарахнулась, а потом принялась его обнюхивать.

– Ну вот и познакомились...

Волчонок ещё какое-то время поскуливал и рычал, а потом заснул. Он был накормлен: круглое, тугое пузико делало его похожим на плюшевый шарик.

– Покормила тебя твоя мама, позаботилась... А вот чем я тебя кормить буду? Она подумала?! У меня молока нет, да и у Тучки тоже... Что же делать?

– Надо найти ему молочную маму... – Тихий голос в макушке был долгожданен до боли.

– Здрасьте вам! И где ж доброго молодца носило, по каким землям, полям аль лесам дремучим?!

Он захихикал:

– Да вот, девица-красавица, был я в раздумьях серьёзных, думал думы тяжёлые да делами важными занимался, а вышел срок, воротился к тебе, а ты опять... мать! – и мы дружно расхохотались. – Да только не дитю человеческому, а зверю лесному, злобному и опасному.

От радости, что я опять его слышу, я расплакалась:

– Мозг, прости меня... Мне так было плохо без тебя, так одиноко...

– Мне тоже, дорогая... Мне тоже.

– А почему тогда молчал? И вообще... Никак не давал о себе знать...

– А ты почему?

– Ты знаешь...

– Знаю... Ты такая же упрямая, как и я.

– Но ведь ты – это я!

– А я – это ты...

Глава 12

Вскоре я уже ехала верхом, запихав щенка за пазуху до тех пор, пока не придумаю для него более удобное ложе. Меня очень беспокоило, что вскоре нужно опять кормить малыша, а нечем. Необходимо молоко, только где его здесь взять?!

Надо найти проход через хребет, на другую сторону. Там, на пути к Латрасу, должно быть много деревень, где можно разжиться свежим молоком.

Ближе к полудню я заметила узкий высокий проход между скал. Было довольно солнечно, и он не показался мне слишком уж страшным, тем более что я предварительно проверила браслет. Он был светлым, с голубым отливом и две буквы надписи жёлтыми – это успокоило. И я направила Тучку прямо в расщелину. Вскоре пришлось спешиться и зажечь факел. Чем дальше мы продвигались, тем становилось темнее. Несколько раз попадались подозрительные трещины, которые я вовремя замечала, да узкие места, через которые упитанная кобыла еле проходила, но... Мы двигались вперёд и в нужном направлении.

Щенок завозился и начал попискивать. Мне было безумно жаль его, но накормить пока было нечем. Когда он опять притих, я переложила его в сумку и укутала своими тряпками: может, пригреется и ещё поспит. Мысль о том, что он умрёт от голода у меня на глазах, была невыносима. Присев на большой камень, я перевела дух и осветила факелом каменные стены: «Интересно, сколько нам ещё идти? Хорошо бы выбраться до вечера...».

При очередном взмахе факела на противоположной стене что-то блеснуло. Подойдя ближе, я осветила горные породы: – Мозг? Это то, что я думаю? – трогая камни, я не могла поверить своим глазам.

– Да.

– Золотая жила! – эту фразу мы сказали одновременно.

– Ты уверен?!

– Абсолютно! И хорошая жила, богатая... Посмотри вон туда, повыше...

Я залезла на уступ и поднесла факел:

– Обалде-е-еть... Какая она огромная! И толстая какая!

Мой папа был геологом, поэтому в камнях и горных породах я немножко разбиралась. У нас в доме была куча разных справочников, энциклопедий, атласов и учебников по геологии, а также неплохая коллекция редких минералов, которую начал собирать ещё мой дед, отец моего папы. И хотя всё это меня в детстве, да и потом, особо не интересовало, однако геологической информации в голове было много. Я не раз видела хорошие, качественные фотографии жильного золота, поэтому и узнала его сразу. Настоящее жильное золото! А говорили, что на Восточных землях его почти нет... А оно вот, пожалуйста, бери не хочу! Вот это находка!

Я достала кинжал, подобрала большой камень и попробовала отбить кусок в том месте, где заметила трещину. Пара ударов – и увесистый золотой булыжник чуть не упал на ногу. «Ого! А жила-то, действительно, богатая! И если бы не землетрясение, то меня бы здесь не было... Вот ведь жизнь, никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь...»

Завернув золото в остатки рубахи, я засунула его в мешок на самое дно: «Максу подарю! Вот обрадуется! А местечко

надо запомнить...».

– Уже... Я обозначил его на карте и приметы записал.

– Молодец! У меня чувство, что эта жила ещё пригодится...

– У меня тоже.

Мне опять повезло. Проход оказался сквозным. Когда мы вышли из пещеры, скрытой густой, уже подсыхающей растительностью, солнышки клонились к закату. Волчонок проголодался и вёл себя очень беспокойно. Его срочно нужно было кормить. Примерно через час, когда мы спустились на относительно ровную поверхность, я вскочила в седло. Пока ещё светло, может, и найдётся поблизости какой-нибудь хутор.

Но жилья рядом не оказалось. Щенок жалобно пищал, а у меня разрывалось сердце. Потом накатила злость и на себя, и на волчицу, которая бросила на меня своё беспомощное дитя по непонятной причине. Сидя у костра, я слушала тихое пищание и утирала мокрые глаза: «Он скоро умрёт... И я ничего не могу с этим поделать...» Внутри черепа послышался вздох и Тан прошептал:

– Есть одна идея... Только...

– Что только?

– Мы рискуем опять поссориться...

– Говори уж... Не поссоримся, обещаю...

– Тебе не понравится...

– Выкладывай!

– В первую очередь его надо успокоить, к груди приложить, а во вторую... Молока у тебя нет, зато есть кровь...

Я глянула на чёрный комочек:

– Согласна... Мне это не нравится, но другого выхода всё равно нет. А он моей кровью не отравится? Там же яд райской травы...

– Когда это было! Главное не переборщить, ему нужно совсем немного, чтобы продержаться какое-то время.

– Хорошо, давай попробуем. Я даже представляю, как это сделать...

Я прокалила остриё кинжала над пламенем, подождала, пока оно остынет, и, стянув верхнюю половину лимма, резким движением полоснула по голой груди, чуть повыше ареолы. Брызнула кровь. Я взяла щенка на руки и прижала его к окровавленному соску. Он впился в него с голодным остервенением.

«Хорошо, что кругом лес, ночь и нас никто не видит... Вот был бы ужас! Женщина кормит волчонка собственной кровью. Попахивает зоофилией, смешанной с вампиризмом... Кошмар!»

– Я никому не скажу! – и Мозг принялся гаденько хихикать. – Всё! Оттаскивай его, хватит!

Еле-еле я отодрала от себя голодное создание. Щенок немного повозмущался, порычал, а потом притих. Я закуталась в одеяло, устроила его под боком и задремала. Утром процедуру пришлось повторить, потому как малыш вопил

так громко, что даже Тучка забеспокоилась. «Вот и добавилась к моим шрамам ещё парочка... – думала я, глядя, как кровь из раны заливает сосок, а волчонок жадно его сосёт. – Как бы он потом, когда подрастёт, не сожрал меня с потрохами, крови ведь он уже попробовал...»

– Не сожрёт, не волнуйся...

– А ты откуда знаешь, умник?

– Ты теперь ему кровная мачеха. Но без молока он долго не протянет...

Щенок оторвался от груди с громким «чпоком», когда я потянула его в сторону. Я укутала его, натянула лимм, обложив свежие раны остатками рубахи, и вскочила в седло. И какое же испытала облегчение, когда через несколько часов Тучка вышла на дорогу. Я не заблудилась! Это была восточная дорога. Получилось, что я объехала засыпанный перевал. Я дёрнула поводья, и мы бодрой рысью поскакали вперёд.

Глава 13

В первой же деревне я купила козу. Хозяин небольшого стада был несказанно счастлив, когда я предложила за дойную животинку золотую монету. В посёлке были видны следы стихийного бедствия: несколько домов повреждено, а недалеко от дороги в земле зиял большой провал. Поэтому мой золотой пришёлся весьма кстати. Я попросилась у

хозяйина отдохнуть в сарае, хотя он всеми силами пытался затащить меня в дом. Не могла же я сказать, что мне надо волчонка покормить. В конце концов, он махнул рукой, и я спряталась на сеновале.

С дойкой козы никаких проблем не возникло, как ни странно, хоть я и делала это первый раз в жизни. Минут через десять у меня уже был целый котелок тёплого, парного молока. Свернув чистую тряпочку и обмакнув в молоко, я попыталась накормить щенка. Однако ничего не получилось. Он не хотел брать такую соску. Никак! Я разозлилась:

– Ах ты, маленький негодник! Молока хоть залейся, а ты не хочешь! Ты же умрёшь с голоду!

Он начал громко пищать и скулить. Мне же совсем не хотелось привлекать к нам лишнее внимание. Я опять стянула лимм, устроила голодного крикуна у груди и начала тонкой струйкой лить по ней молоко. Это сработало! Немного захлёбываясь и урча, малыш принялся за еду. К концу кормления в молоке я была вся. Также вскрылся последний порез, и щенку попадала уже смесь из молока и крови. Заснул он прямо в процессе, животик стал тугим и круглым. Я выдохнула: «Значит, будем жить! Только такой способ кормёжки никуда не годится, надо что-то придумать...»

Я помылась в поилке для скотины, переделалась, выпросила у хозяйина небольшое лукошко и кусок козлиной шкуры в качестве подстилки для своего питомца и, поблагодарив за гостеприимство, отправилась в путь. Из-за козы двигаться

так, как раньше, мы не могли, но без неё было никак. Вот так, в медленном и спокойном путешествии прошло три недели.

Волчонка я назвала Бумер, за глубокое, утробное рычание, как звук мощного мотора, и чёрный окрас. За это время он очень подрос, у него открылись глазки и прорезались молочные зубы. На меня он больше не рычал, а воспринимал как маму, постоянно ластился и вылизывал руки, лицо, в общем, всё, что получалось вылизать. На привалах он уже хорошо бегал, и всё свободное время я старалась с ним играть. Мозг даже обиделся немного, сказал, что щенок стал мне дороже, чем он. Но мне удалось успокоить своего внутреннего друга признанием в бесконечной любви.

В природе уже хорошо чувствовалась осень: по ночам становилось всё холоднее, хотя днём было тепло. Многие деревья покрылись осенним нарядом, только цвета окатанской осени оказались не совсем такими, как у меня дома, на Земле. В цветовой палитре преобладали красные, розовые, лиловые и фиолетовые тона, а жёлтыми листья становились, только когда совсем высыхали. От этого буйства красок иногда рябило в глазах, но красота была такая, что замирало сердце. Окатанская осень была удивительна и прекрасна...

Ещё неделя-две и зарядят дожди, а потом резко похолодает, но этого я уже не боялась. До Латраса было совсем недалеко, пять-шесть дней неспешного пути. Пару раз я ночевала с караванщиками, которые из-за землетрясения вынуждены были менять маршрут передвижения и потому сильно пере-

живали: никому не хотелось застревать в дороге накануне дождей и холодов. Стихия наделала много бед. Что-то я видела сама, а кое-что мне рассказали. Такого землетрясения не было в этих местах лет пятьдесят, если не больше. Люди помнили, что да, было такое, когда трясло землю, но чтобы так! Чтобы завалило дорогу, чтобы разрушилось много домов, выкорчевало столько деревьев, такого не бывало очень-очень давно...

Однажды, ближе к вечеру, я доехала до большого постоянного двора. Хозяин с хозяйкой очень обрадовались моему визиту, так как многие караваны и обозы, что двигались с востока на запад, до них не доехали и повернули в Туманную долину, чтобы оттуда перебраться через залив и ехать дальше. Другие же, которые как и я, ехали с запада на восток, от уничтоженного перевала поворачивали обратно на Перрикол, а оттуда морем или на север по Дикой тропе, огибая территории горных волков, и далее на юго-восток по Кифовому пути. Такая вот получалась география... В результате многие постоянные дворы остались без хорошей доли дохода.

Мне выделили лучшую комнату, пообещали горячую ванну и вкусный ужин. С оплатой я не поспешила, за что мне было высказано огромное количество благодарственных слов. Хозяин определил мою живность на конюшню и пообещал отличный уход. Кормить Бумера было ещё рано и, выпустив щенка носиться по комнате, я плюхнулась в горячую ванну. Счастью не было предела!

Отмокала я долго. Потом стирала грязные вещи, а перед ужином потопала доить козу. Когда же вернулась с полным котелком в просторную переднюю комнату, которая служила столовой при большом наплыве путников, то увидела нового гостя. Он стоял у стойки спиной ко мне и беседовал с хозяином. Высокий стройный мужчина в коротком плаще; тёмно-русые волосы стянуты в низкий хвост, на ногах высокие сапоги, а рядом на полу дорожный мешок.

Завидев меня, хозяин улыбнулся и кивнул. Мужчина обернулся... В эту секунду я почувствовала, как пол уходит из-под ног и я, наверно, грохнусь в обморок. На меня смотрел Дайк! Дрожащей рукой я поставила молоко на стол и, сделав шаг навстречу, запинаясь, выдавила:

– Дайк... Это я... Кари...

Я смотрела на своего дорогого Няня так пристально и жадно, что ни одна его эмоция не смогла укрыться. Сначала он вздрогнул, когда услышал своё имя, потом крайняя степень недоверия, удивления и радости отразилась на его лице, а потом... глаза его закатились, и он начал оседать на пол.

– Дайк! Дайк! – я кинулась к своему другу.

Подоспевший хозяин помог усадить его на широкую скамью и удивлённо спросил:

– Вы знакомы?!

– Сто лет не виделись! – Я вытирала ручьи слёз и тормошила расслабленное тело, покрывая его лицо поцелуями. – Дайк, Дайк... Дорогой... очнись!

Прибежала жена хозяина с кружкой воды. Хлебнув из глиняной посудинки, я устроила парню холодный душ:

– Дайк!

Он выдохнул и открыл глаза:

– Ка-а-а-ри... Ка-а-ари... Это ты?!

– Всё хорошо, Дайк, это я! Всё хорошо!

Через минуту он окончательно пришёл в себя:

– Карина! Кари! Ты жива?! Ты мне не снишься?!

– Нет, не снюсь... Это, правда, я... – и стянула с головы платок.

– Не может быть... Что с тобой произошло?! Где ты была?! Но добралась всё-таки...

– Добралась!

Он порывисто прижался ко мне. Стиснул так, что рёбра затрещали, и глубоко вдохнул:

– Это ты... Это ты... Так пахнешь только ты! – А потом жарко зашептал в ухо: – Комната, где ты остановилась, большая? Я с тобой буду ночевать!

Я захохотала, размазывая слёзы:

– Большая! Нам хватит!

Книга вторая. Дом Восьмого бога

Часть 1. Дом

Глава 1

Уже вторую ночь я ночевала на конюшне. В доме спать было невозможно – он был «тухлым» в буквальном смысле слова. Когда городской глава, приземистый, крупный уса-тый дядька, предложил, отводя глаза, Тухлый дом в качестве пристанища на зиму, я не восприняла его слова всерьёз. Мало ли почему это здание в четырёх этье от Латраса так называется!..

Я согласилась, потому что дом находился неподалёку от Белой скалы и местный люд туда не совался. Из-за жуткого запаха тухлых яиц или разлагающихся трупов рядом долго никто не выдерживал. А мне деваться было некуда. Из жилища Дайка, вернее из их общего с дедом дома, я ушла через несколько часов, после того как мы приехали в Латрас.

А чего собственно я ожидала?! Того, что после нашей долгожданной и трогательной встречи моё будущее будет счастливым, спокойным и безоблачным?! Что мой дорогой Нянь, к которому я так стремилась, ради которого прошла тысячи

километров, за которого так переживала, будет носить меня на руках, а весной отвезёт на Кифов нос?! И что я найду точку перехода и спокойно вернусь домой, в свой мир?! Да... Похоже, именно этого. Дура душой! Всё оказалось совсем не так...

Первый конфликт между нами случился практически сразу, после того как на постоялом дворе, в нескольких днях пути от Латраса, Дайк очухался от обморока и нашей счастливой встречи, и мы поднялись ко мне в комнату. На него бросился Бумер. И хотя волчонок был ещё мал, но повёл себя очень агрессивно, когда мы вошли, обнимая друг друга.

Своими острыми, как иголки, зубами он прокусил Дайку ногу над коленом и не разжимал хватку до тех пор, пока мне не удалось оторвать это рычащее и злющее создание. Наши объятия волчонок воспринял как покушение на его любимую «маму». Дайк был в шоке! Кровь заливала сапог, парень ругался и вопил, а я отчитывала лохматого «сыночка».

Пока я помогала Дайку обрабатывать и зашивать рану, отмывала от крови его сапоги – было не до разговоров. А потом, когда парень немного успокоился, а Бумер под кроватью обиженно рычал, мы, наконец, сели ужинать. Нервно постукивая пальцами о стол, Дайк спросил:

– Почему, когда мы снова встретились, всё опять начинается с кровавых ран и швов?

Я пожала плечами:

– Дайк, прости. Не ожидала, что Бумер так себя поведёт.

Он же совсем маленький ещё. Со мной он такой ласковый...

– Ласковый?! Я заметил...

Парень разглядывал меня очень пристально, а потом улыбнулся. От любимой ямочки на щеке я не могла оторваться.

– Ну... с другой стороны... сторожевой пёс и должен быть таким.

Почему в этот момент я не прикусила язык или Мозговой меня не остановил? Не предполагая возможных последствий, я ляпнула:

– Бумер не пёс, а волчонок.

На секунду показалось, что Дайк опять упадёт в обморок. Отшвырнув ложку, он вскочил из-за стола:

– Что?! Волк?! Горный волк?! Да ты... Ты! Ненормальная! Кари! У тебя с головой всё в порядке?!

Он выхватил длинный кинжал и кинулся отодвигать большую деревянную кровать, под которой прятался мой питомец. Я бросилась спасать своего лохматого малыша. Дайк пытался вырвать волчонка, махал кинжалом, кричал, что я дура, больная на голову, что ничего не понимаю и так далее и тому подобное. Я же сверлила его взглядом, прижимая к себе любимое рычащее чудо, а потом жёстко заявила, что, прежде чем убить Бумера, ему придётся убить меня! В результате этих баталий ночевали мы в разных комнатах.

Я была в ужасе! Зачем теперь ехать в Латрас?! Как?! С Дайком?! Как быть?! С одной стороны, я прекрасно понима-

ла чувства местных по отношению к волкам и Дайка в том числе, но... Никто не был на моём месте! Никто не видел взгляда волчицы, когда она оставляла мне своё дитя! Никто не растил волчонка с младенческого возраста! Я никому его не отдам! Не отдам! Я расстанусь с ним, только когда он сам захочет уйти. Но это была лишь первая трещина в разломе наших взаимоотношений с Дайком.

Почти всю дорогу до Латраса мы ехали молча, общались только по необходимости. Говорить о чём-либо или задавать вопросы не хотелось. Дайк бросал на меня укоризненные взгляды, пару раз пытался заговаривать и объяснять, что волк – не собака, что щенка нужно убить и в городе ему не место. Что если не он, то Бумера убьют другие, как только догадаются, что это волчонок. В пользу щенка было только то, что он был полностью чёрным, а волки такого окраса не бывают. Поэтому Дайк и принял его за щенка сторожевого пса. У меня промелькнула мысль, что волчица, возможно, потому и избавилась от него – её дитя было не таким, каким должно быть, кто знает...

Я прекрасно понимала, что Дайк прав, но избавиться от Бумера уже не могла. К моменту прибытия в Латрас парень более-менее успокоился и попытался даже подбодрить меня, мол, не переживай, что-нибудь придумаем, нужно лишь деда уговорить. Однако в городе ситуация только ухудшилась.

Во-первых, нас, вернее меня, облаяли все местные собаки. Мало того, от некоторых пришлось отбиваться в букваль-

ном смысле. Псы учуяли волка, да и от меня, конечно, разлило волчьим духом. О моём прибытии громким, злобным лаем было сообщено всему Латрасу, этому небольшому городку на побережье Восточного моря.

Во-вторых, дед Дайка по материнской линии, ещё вполне крепкий, высокий, симпатичный мужчина, воспринял меня крайне отрицательно, а при виде Бумера, по примеру внука, чуть не упал в обморок. Деду Дайка я категорически не понравилась, и позже стало понятно почему. Волчонка же пришлось запереть в небольшой кладовке.

Я находилась в панике. Нужно было срочно что-то решать. Остаться в городе нельзя, но и деваться некуда. Вот никак я не могла предположить такого поворота! А после обеда случился разговор, который стал последней каплей. Поначалу всё было неплохо. Дед вроде немного успокоился и Дайк примирительно поглядывал, пока не спросил:

– Кари... У тебя обручальное кольцо на пальце... Я сразу заметил.

– Ты хочешь знать, когда и за кого я успела выйти замуж?

– Ну...

– Конечно, хочешь! Это на лбу у тебя написано, – ответила я и рассмеялась.

Парень дотронулся до шрама, уходящего в волосы:

– Не могу пока привыкнуть, что ты говоришь. Странно как-то...

Я откинулась на спинку высокого стула и скрестила руки

на груди:

– Хорошо было, когда я молчала, да? Ты чувствовал свою значимость и мою зависимость от тебя.

Дайк потупил глаза и, отодвинув пустую миску, дотянулся до моих пальцев:

– Похоже, я ещё не совсем осознал, что мы встретились. Я искал тебя. И ты так сильно изменилась... Я не понимаю, как это возможно. Ты и раньше была красивая, но теперь...

– Что теперь? – в ответ я крепко сжала его ладонь.

– Теперь... глаз не оторвать.

Я вгляделась в его лицо. Несмотря на то, что мы так долго не виделись, я помнила каждую его чёрточку, каждую линию такого близкого и дорогого лица. Ведь он, действительно, очень много значил для меня. Под правым глазом появился новый шрам, которого раньше не было, а в остальном мой друг ничуть не изменился. Я раскрыла ладони и протянула их парню:

– Вот видишь, эти тонкие шрамы?.. В перемене моей внешности виновато райское поле. Было очень страшно...

Неверящим взглядом он уставился на мои руки:

– Это не может быть правдой... Ты выжила?! Пройшла через райское поле и выжила?!

Я кивнула.

– Но как?! Яд травы смертелен! Умирают даже от мелкого пореза!

Я опять кивнула, как китайский болванчик:

– Не знаю как. Пять дней я была без сознания, а потом очнулась. Глаза посинели, волосы побелели – остались только шрамы... на память. Ты же лекарь, ты должен об этом лучше знать.

– Этого не может быть, Кари! Так не бывает! Все умирают! Все! Я видел! Я знаю!

Он не верил мне... Не верил! А я была почему-то уверена в обратном, что именно Дайк не усомнится в моих рассказах.

Я сняла с пальца кольцо, подаренное Максом, и положила на стол, надеясь перевести разговор в другое русло.

– Я не вышла замуж, Дайк. Я ношу его для отвода глаз, чтобы особо не приставали.

Парень немного расслабился, но продолжал смотреть странным, ошеломлённым взглядом. Прихватив колечко, он покрутил его в пальцах, а потом всмотрелся в гравировку изнутри. Видя, как меняется выражение его лица, я поняла, что опять «дала маху». Сначала Дайк побледнел, потом позеленел, и я подумала, что обморок неминуем. Его зрачки сузились в маленькие точки, он подпрыгнул ко мне и прокричал прямо в лицо:

– Где?! Где?! Где ты его взяла?! Откуда оно у тебя?!

Я и так была в шоковом состоянии, но видя его дикие, безумные глаза, не на шутку испугалась. Таким я его никогда не видела.

– Дайк...

– Где?! Где ты взяла его?!

– Мне подарили. Друг подарил. Дайк, я не знаю, что там написано. Я не читала... Я плохо читаю...

– Кари! Это кольцо моей матери! Ты понимаешь?!

Он тряс меня за плечи, слюна брызгала в лицо, а прежде ясные, голубые глаза горели красным цветом.

– Кари! Отвечай!

Я не нашла ничего другого, как сказать ему правду:

– Ангалин... Ангалин мне его подарил...

– Что?! Что ты сказала?!

В этот момент в небольшую комнату, которая была и кухней и столовой, вбежал дед Дайка.

– Что здесь происходит?! Дайкаран!

Дайк резко обернулся и вложил кольцо в его ладонь:

– Хилл, посмотри! Узнаёшь?!

Через секунду пожилой мужчина, которого Дайк называл больше Хиллом, чем дедом, побледнев, рухнул на пол – мы не успели его подхватить. Похоже, что это у них семейное. Пока Дайк поднимал его и усаживал на широкую лавку, я побежала за водой: ноги подкашивались, руки тряслись, голова шла кругом. Навела шороху, нечего сказать! Хотелось только одного – чтобы всё это кончилось и как можно быстрее.

Когда Хилл пришёл в себя, они уставились на меня в четыре агрессивно-ожидающих глаза.

– Рассказывай!

Я забила в угол возле плиты и испуганно тарасилась на обоих. Голос в голове прошептал: «Не бойся. Они ничего

тебе не сделают. Преимущество на твоей стороне. Ты испугалась, потому что опять почувствовала себя зависимой от Дайка, нуждающейся в его помощи, а ведь всё это время ты прекрасно справлялась без него. Чего, дурёха, испугалась?!»

И правда... А чего я испугалась?! Спасибо, Мозг! Спасибо!

Я глубоко вздохнула, досчитала до десяти и медленно поднялась с места.

– Дайк, я очень благодарна тебе за всё, что ты сделал для меня. Если бы не ты, я бы не выжила. Я всегда буду помнить об этом.

Дайк открыл было рот, но я успела сделать в его сторону резкий, предостерегающий жест.

– Теперь я говорю. Хиллан, спасибо за приют. Вы пустили меня в дом, но более оставаться здесь я не намерена. Девушка я вполне самостоятельная и уже много времени обходилась своими силами. Теперь я понимаю, что зря сюда приехала, но ничего уже не поделаешь. Поэтому...

Я сходила за мешками, которые так и лежали у двери, и достала свои денежные запасы.

– Вот десять рандов – это больше, чем Дайк дал мне на дорогу, – и звонко хлопнула монетами о стол. – Каморту не могу вернуть, я отдала её тем людям, которые позаботились обо мне после перехода через райское поле. А, кстати, чья она? Ваша, Хилл?!

Дед удивлённо глянул на внука:

– Каморта?! У тебя была «слепая смерть»?!

Парень кивнул и опустил глаза:

– Она не совсем была моя. Я плохо соображал тогда, когда вернулся летун... Каморта Карелла, он обещал мне её как часть платы за работу.

Глаза Хилла округлились, и он вцепился в рубаху Дайка:

– Ты отдал каморту ей?! Да ты что?! Мы могли бы за неё столько получить! Хватило бы на выкуп! Дайк, что ты наде-
лал!

– Хилл, прости...

– Выкуп?! Какой выкуп, Дайк?!

Парень поднял на меня влажные глаза:

– За мать и сестру. Они рабыни Дирме. Мы только недав-
но узнали, что они живы...

На несколько секунд я задумалась:

– Что-то я тоже не совсем понимаю, зачем ты мне её отдал,
когда вам настолько нужны деньги.

Дайк молчал.

– Я очень сочувствую, но сейчас у меня и своих проблем
хватает, однако могу помочь кое-чем. Вот, Хилл, в качестве
компенсации...

Порывшись в мешке, я достала Вечный свиток:

– Я знаю, что за него можно назначить любую цену... И
вот ещё, – и положила на стол радужную раковину. – Из них
чаши делают, так что тоже можно продать. Надеюсь, денеж-
ных претензий ко мне больше не будет?!

У Хилла отвисла челюсть, а Дайк залился краской. Я закинула мешки за плечи, выпустила Бумера и потопала на конюшню седлать кобылу.

Куда ехать, я не представляла, но и оставаться не хотела. Пока возилась с Тучкой, прибежал Дайк. Парень вцепился в меня мёртвой хваткой:

– Карина, не уходи! Прости, я не хотел! И Хилла прости. Ты спасла нас! Вечный свиток лучше каморты! Зачем ты отдала его?!

– А зачем ты положил мне в мешок каморту, тогда, в лесу?! Я ведь не знала, что она такая ценная и редкая штука! Зачем, Дайк?! А тут выясняется, что она была очень нужна тебе и Хиллу, – я смотрела на него и еле сдерживалась, чтобы не расплакаться.

Он потупился и отступил на пару шагов:

– Не знаю, положил, и всё...

– А-а-а... тогда понятно, – и я принялась подтягивать подпругу. – Тут гостиница есть? Или постоялый двор какой?

– Не уходи, останься хотя бы до утра, а завтра разберёмся. Нам нужно знать, откуда у тебя кольцо, Кари!

– Я уже сказала, что мне подарил его ангалин, с которым я случайно познакомилась. Он связной в Банкоре.

– Ангалин?! Связной?!

– Ты опять не веришь?

– Просто ты рассказываешь такие вещи, что...

Тут моё терпение окончательно лопнуло:

– Значит, так! Я согласна отвечать на твои вопросы, но только тогда, когда ты не будешь сомневаться в моих ответах. Доказывать что-то или оправдываться я тоже не собираюсь, понял?! И слушать фразы типа «так не бывает» или «этого не может быть» не хочу! Я знаю точно – может быть всё что угодно! Я испытала это на собственной шкуре. А верить или не верить, принимать или не принимать то, что вызывает сомнения – это личное дело каждого.

Слушая мои речи, Дайк подпирал косяк, сложив на груди руки и глядя исподлобья.

– Оставь всё здесь и сходи к городскому главе. У него большой дом с красной крышей, помнишь, мы проезжали неподалёку?

Я кивнула.

– Уже осень, Кари, и ехать сейчас куда-то... Дороги скоро совсем размочит, а ты и так проделала большой путь. Я знаю, что есть несколько домов за городом, где никто не живёт и с волчонком там будет лучше, сама понимаешь, подальше от любопытных глаз. Да и денег у тебя хватает... – и хитро прищурился. – Интересно откуда?

Я хмыкнула. Ну уж нет! Тут надо держать язык за зубами, и так уже наболтала столько, что разбираться долго придётся.

– Спасибо за совет. Прямо сейчас и пойду.

Глава 2

Вот так я и оказалась в Тухлом доме. Можно было поселиться ещё за северной окраиной Латраса, но близость Белой скалы сыграла свою роль. Если бы я выбрала другой дом, то к Белой скале пришлось бы ездить через город, а это нас с Бумером не очень-то устраивало. И что в этом месте будет такая вонища, я тоже никак не ожидала. Сам же дом был очень даже неплох.

Во-первых, он был полностью каменный, небольшой, но просторный, с прекрасным видом на Белую скалу и живописный залив. И хотя местность вокруг была каменистая, во дворе с южной стороны имелся огород, правда, совсем запущенный. Прежний хозяин, чудака Жупан, как его называли в городе, умер около трёх лет назад.

Во-вторых, дом производил впечатление надёжного и крепкого сооружения, построенного, так сказать, на века, несмотря на то что был открыт всем ветрам, так как находился совсем недалеко от моря, и Белая скала не очень-то его защищала.

Причину запаха я установила быстро. Рядом находились подземные сероводородные источники и, скорее всего, под водой тоже. Когда я спустилась по крутым каменным ступеням к морю, запах ещё больше усилился, и было заметно, как из-под самой скалы выделяется горячий пар. Обследова-

ние прилегающей территории заняло весь день до вечера, и я пришла к выводу, что если бы не этот запах, то место для зимовки вполне подходящее.

После того как городской глава получил плату за аренду, он всучил мне большой ключ со словами:

– Это вы прибыли с Дайкараном и подняли на уши всех городских собак?

– Да, я... – и улыбнулась как можно приветливее.

– За что же такую красавицу облаяли все городские псы?! – фаэдр Балмаар задорно улыбался.

Я решила выдать некую долю правды, чтобы всё выглядело убедительно:

– Дело в том, что я имела несчастье повстречать горных волков после землетрясения.

– Да вы что?!

– Да. Я очень испугалась тогда. Может, запах на мне остался, собаки и учуяли...

– И волки вас не тронули?!

– Нет, но я видела их вот как вас сейчас.

– Да вы что?! – опять повторил он.

– Можно сказать, что мне крупно повезло.

– Вот это да! – фаэдр Балмаар определённо поверил. – Вас проводить, эрдана Карина?

– Если можно. Я только вернусь за своим хозяйством.

Когда я воротилась во дворик небольшого уютного домика, то на подходе к конюшне услышала разговор, из которо-

го стало понятно, почему фаэдр Хиллан так критически воспринял мою персону. Хотя вполне можно было и самой догадаться. Дед с внуком стояли возле конюшни. Я высунулась было из-за угла, но, заметив их, отступила. Хилл говорил:

– Я всё понимаю, Дайк, всё понимаю. Я тоже был молод. Тебе двадцать три года, однако несчастий и боли в твоей жизни было слишком много. И я не хочу, чтобы ты сам навлекал на себя новые беды. Ты понимаешь?!

Парень коротко кивнул.

– Твоя дружба с этими бандитами и так мне нелегко далась, а теперь ещё и она. Конечно, я не ожидал такого: Вечный свиток, десять рандов... В столице, Банкоре или в Маргосе свиток с руками оторвут, и можно будет отправиться на Запад, за нашими девочками. Но ведь ты мне дорог не меньше, а она... Ты знаешь, кто она такая?! Откуда?!

– Нет.

– Ну вот, – и Хиллан развёл руками. – И то, что она рассказывает, как говорит... Она совсем не так проста, как ты можешь думать. Откуда у неё столько денег и Вечный свиток?! И она так легко отдала его! Ты же говорил, что вы нашли её в лесу, израненную, на грани жизни и смерти?!

Дайк кивнул:

– И одежда на ней была странная, и языка она не знала...

– Подумай, Дайк! Ты лицо её видел?! Я видел красивых женщин, твоя бабушка, моя жена, была очень красива. Но она! Эта девушка другая, совсем другая! Такая женщина до

добра не доведёт. А она о тебе знает?! – и, сделав паузу, выразительно посмотрел на внука.

– Знает, – выдохнул Дайк, – она видела, ещё в лесу...

– Тогда что ей от тебя может быть нужно?!

– Ничего! – я вышла из своего укрытия. – Мне ничего не нужно от вашего внука, фаэдр Хиллан. К сожалению, уже осень, иначе я бы уехала из Латраса незамедлительно.

Мужчины расступились. Я быстро навьючила Тучку, отвязала Бумера, который благоразумно прятался в соломе, и запихала его в мешок. Потом выволокла упирающуюся козу, которая уже обосновалась на новом месте, и с достоинством откланялась. На прощанье мне никто не сказал ни слова.

По пути к моему новому жилищу опять пришлось выслушать злобный собачий лай, но я была в сопровождении городского главы и собаки на нас почему-то уже так не бросались, из уважения к власти, наверное. Фаэдр Балмаар раскланивался с местными, и я заметила, что он ведёт себя просто и по-свойски. Да и встречный народ кланялся только слегка и без какого-либо подобострастия, хотя в первую очередь рассматривали меня. Из чего я сделала вывод, что его уважают и принимают за своего.

Когда мы отъехали пару этье от последних домов (ни городских ворот, ни крепостных стен в Латрасе не имелось, так как это был скорее большой посёлок, чем город), фаэдр Балмаар обратился с вопросом:

– Эрдана Карина, а как вы смотрите на то, чтобы купить

дом Жупана?

– Купить?! Но я его ещё не видела.

– А если вам понравится?

– Не знаю... – я пожала плечами и подумала, что вот личной недвижимости на Окатане мне как раз и не хватает.

Но когда мы подъехали ближе, мысли не только о покупке, но даже о проживании в этом доме были выветрены из головы жуткой вонью: ветер как раз дул от Белой скалы. Я зажала нос, а мой спутник скривился:

– Никто не хочет этот дом... Вы первая, за всё это время, согласились здесь перезимовать. И как Жупан тут жил, среди этого смрада, ума не приложу!

Сначала я хотела потребовать обратно свои деньги, но после осмотра самого здания и окрестностей передумала. Ветер не всегда дул от источников, дом выглядел неплохо, а рядом находились сарай и конюшня. Но главное – меня остановили мысли о Максе. Он велел мне ждать его здесь, у Белой скалы, и я верила, что он объявится рано или поздно, вот поэтому и осталась.

Мой зверинец поначалу недовольно фыркал и морщился, но удобная и добротная конюшня на три стойла произвела благоприятное впечатление. Тучка сразу выбрала себе лучшее, центральное место, а козу я определила в дальнее стойло, где была подходящая к её росту поилка. Бумер носился по двору, обследуя новую территорию, и был очень доволен. Одного молока ему было уже мало, и передо мной маячила

проблема добывания мяса для пока ещё «мелкого» хищника. Вот если бы научить его охотиться... Только как?!

Глава 3

Когда с момента моего заселения прошло более суток, я решила заняться обживанием Тухлого дома вплотную. Сначала мы с Тучкой навозили воды из ручья, который находился за перелеском позади дома, благо в кладовке нашлись для этого большие бурдюки. Потом подались на городской рынок за продуктовыми запасами, и там даже удалось купить немного свежей убоины для Бумера.

Прикинув по сумме расходов, я поняла, что прокорм подрастающего волка влетит в хорошую копейку. В деньги Макса я и так уже влезла, а дальше нужно будет всё больше и больше. Проблема! Напоив и накормив копытно-рогатых и лохматого, я занялась уборкой и обследованием дома Жупана на предмет нужных и не очень вещей. И чем больше возилась, тем больше дом мне нравился. Всё в нём было удобно, практично, хоть и довольно аскетично.

Большая передняя комната, которая служила и прихожей и столовой, с массивным столом и деревянными лавками; рядом кухня с плитой, несколько кладовок, в них даже кое-какая посуда нашлась, и просторная комната с другой стороны от кухни. Я так поняла, что это спальня: не слишком узкая кровать, удобное, хоть и грязное, кресло, квадратный столик

и металлическое зеркало средних размеров в деревянной раме. Окна большие, так что при открытых ставнях в доме было очень светло. Везде много пыли, мусора и разного хлама, но это дело поправимое.

Бумер же всё время вертелся под ногами и преданно заглядывал в глаза. Я попыталась было научить его каким-либо простым командам, но он дал мне понять, что не стоит сильно напрягаться. Волчонок всё схватывал на лету. Как он мог понимать всё с первого раза, стоило только показать, чего я от него хочу, не знаю...

Уборка превратилась в весёлую обучающую игру. Мозг хохотал вместе со мной и причитал, что у него нет физического тела, чтобы с нами ползать, приносить в зубах палки и притворяться трупиками. Когда в «золушкиных» порывах добралась до кухни, то день склонился к вечеру, и дальнейшую уборку пришлось отложить.

На закате нужно было опять всех напоить, накормить, вычистить стойла, залить в поилки воды, подоить козу, в общем, куча работы. Пока я возилась на конюшне, волчонок крутился рядом, а потом с глухим рычанием бросился наружу. Я выбежала за ним. По каменистой дороге к дому приближался всадник. Он был ещё далеко, но я сразу узнала Дайку.

– Спокойно, Бумер. Это Дайк.

Волчонок продолжал рычать. Я засмеялась и схватила его на руки:

– Я знаю, ты злишься на него, Бу. Но Дайк мой друг... Старый друг... И если бы не он, то нас с тобой здесь сейчас не было бы. Он спас меня когда-то, а потом я помогла тебе и двоим твоим братьям или сёстрам, когда вытащила из той расщелины. Так что не надо на него злиться, хорошо?

Бумер внимательно слушал меня, тараща большие жёлтые глаза, потом заскулил и лизнул в щёку.

– Молодец! Ты всё понял. Надеюсь, что друг и охранник из тебя получится прекрасный.

Опустив щенка, я вернулась в дом нагреть воды: вдруг гость соизволит выпить кружку травяного чая, небольшой запас у меня ещё был.

Дайк явился не с пустыми руками. Он, определённо, приехал мириться. Одной рукой он сжимал небольшой букетик сиренево-красных цветочков, а другой – увесистый мешок. Он вошёл в дом и огляделся. Тухлым ароматом так сильно уже не тянуло, так как к вечеру направление ветра изменилось. Я вышла из кухни:

– Приличные люди обычно стучатся.

Он смутился:

– Но дверь... она была открыта.

– И что, что открыта...

Бумер несколько раз обежал вокруг меня и уселся впереди, чётко на линии между мной и Дайком.

– Отличный из него охранник получится, – медленно поставив мешок на пол, Дайк протянул мне букетик. – Это те-

бе...

– Спасибо. А дед твой знает, что ты ко мне в гости подался?

– Я не говорил, но он понял.

– Чаю хочешь?

– Хочу, – и парень широко улыбнулся. – Я тут привёз кое-что...

– Не стоило. У меня всё есть.

– Но, Кари... Я хотел поговорить.

– Давай поговорим, раз приехал.

Вода на плите уже закипела, и я разлила горячий напиток.

– Вкусно пахнет...

– Да. Жена хозяина «Тихого острова», это гостиница в Банкоре, немного отсыпала. Самый вкусный чайный напиток.

Дайк сделал глоток и кивнул:

– Верно, вкусно. А тут вполне неплохо... воняет, правда, жутко. И как ты это терпишь?

Я заулыбалась и отмахнулась:

– Привыкаю потихоньку, когда ветер с берега, запах не такой сильный.

– Кари, я хотел узнать про кольцо... нам с Хиллом это важно.

– А сомневаться и кричать не будешь?! А то у меня сторожевой волк под столом, если что...

Мы дружно рассмеялись.

– Нет, не буду.

– Тогда повторяю... Кольцо мне подарил ангалин, связной в Банкоре, чтобы не очень приставали. Это правда.

– Но оно же золотое...

– И что?

– Как что?! – Дайк вскочил, а из-под стола раздалось глухое рычание, и он плюхнулся обратно: – Прости, я обещал...

Я взяла его руки и примирительно накрыла своими:

– Послушай меня. Просто послушай и не перебивай, что бы я ни говорила...

Опустив глаза, он кивнул.

– Ты поил меня травой разума в лесу, и благодаря ей я начала понимать не только вашу речь, но и речь ангалинов. Ангалин тоже поначалу был крайне удивлён, если не сказать больше, что я поняла его. И на него это произвело совсем неблагоприятное впечатление... – вспомнив, как Макс душил меня, я инстинктивно потёрла шею. – Но в итоге нам удалось договориться и мы с ним очень подружились. Откуда у него это кольцо, я не знаю, но кое-что знаю точно... Ангалины не совсем такие, как вы о них думаете, вернее, совсем не такие! Вы очень мало о них знаете, так же как и о горных волках, хотя родились и живёте на этой планете...

Брови парня поползли вверх, а левая, которую рассекал надвое старый широкий шрам, оказалась значительно выше правой.

– Я что-то не понял...

– А тут нечего понимать. Ведь моя родина ни на Севере и ни на Западе. И к Островному поясу, и к легендарным Южным землям я не имею никакого отношения. Я вообще не отсюда, не из этого мира... Мой дом где-то там, далеко-далеко в небесах, и он называется Земля, просто Земля. На рассвете из-за горизонта там встаёт только одно светило, и ночью небо освещает не прекрасный Октаэн, а небольшая планета-спутник, которая называется Луна.

Молчал Дайк долго, очень долго. Я уже десять раз успела пожалеть, что попыталась рассказать ему правду о себе. Когда же надежда на получение какой-либо реакции почти исчезла, он тихо произнёс:

– Неужели я перестарался, и трава привела к такому нарушению? Учитель предупреждал, что действие может быть непредсказуемым.

Я вскочила с места:

– Тебе пора. Уже поздно. Разговаривать нам больше не о чем, во всяком случае пока!

Он как-то растерянно глянул, выдавил, запинаясь: «Прости...» – и быстро вышел, почти выбежал.

Глава 4

Пока я доделывала вечернюю работу и возилась по хозяйству, то ещё как-то сдерживалась, но как только бухнулась на кучу соломы, застеленную одеялом, что заменила матрас,

разревелась в голос: «Он не верит мне! Не верит! И считает сумасшедшей! Он! Он! Тот, кто выходил меня, вылечил, заботился, помог бежать из леса! Но почему?! Почему?! Он же видел мою земную одежду, короткие волосы и то, что у меня нет родовой метки он тоже знает! Неужели мало доказательств?! Мозг! Тан! Почему?! Почему Дайк не верит?! Я не понимаю...»

Я зажмурилась и тут же оказалась у двери в библиотеку. В длинном коридоре, расходящемся в стороны, было светло, гораздо светлее, чем раньше. Я вытерла слёзы и осмотрелась: «Давненько я здесь не была...» Но в этот момент дверь резко распахнулась и мой профессор, смерив меня с ног до головы, после паузы воскликнул:

– Наконец-то! – и подхватил на руки.

От неожиданности я даже перестала хлюпать носом. Он пронёс меня вдоль высоких тёмных стеллажей и глобуса и усадил на кушетку. Я утёрла мокрые глаза:

– Ты чего?! Это что значит?

Он уселся на пол, вставил свой идиотский монокль и улыбнулся:

– Но ты же сказала, что ноги твоей в моей библиотеке больше не будет. И пока своего решения не отменяла...

Я заулыбалась:

– Ну ты! Да когда это было!

– Но было же...

– Тан, прости... Я такая дура! Очень не хватало всего это-

го... – и обвела взглядом это странное, но в то же время такое уютное помещение внутри моего разума.

– Я рад это слышать...

– А ты изменился... Похоже, опять помолодел...

– Заметно? – он не отрывал от меня глаз.

– Заметно. Одного не понимаю, зачем этот дурацкий мотокль?!

– Как зачем? Чтобы дразнить тебя! Должно же быть хоть что-то во мне, что тебя раздражает!

– Думаешь?!

– Уверен!

Хохотали мы уже вместе. Я почувствовала такое облегчение, будто гора с плеч свалилась. Я снова была здесь, внутри себя, рядом с Мозговым, моим дорогим, душевным другом. Только в этой красивой, старинной библиотеке, рядом со своим профессором я чувствовала себя как дома: спокойно и безопасно.

Тан взял меня за руку:

– Пойдём, я хочу тебе кое-что показать...

Мы прошли к противоположной стене, туда, где висела карта Окатана, и Тан откинул тяжёлую портьеру. За ней оказалась массивная дверь с резным, геометрическим рисунком. Я удивилась:

– О, как! Ещё одна комната?!

– Это моя лаборатория. Давно собирался тебе показать.

Прошу!

Я сделала шаг и... очутилась в мире белого света (или цвета?). Свет был ровным, мягким, не режущим глаза, но таким ярким! Мы будто вошли в абсолютно белое пространство. Не было ни пола, ни стен, ни потолка – ничего, только белая пронзительная чистота и пустота. Но пустота не буквальная. матовые, полупрозрачные столы стояли двумя длинными рядами, а на них – всяких видов и размеров стеклянные колбы, реторты, пробирки, змеевики, прозрачные трубки, чашки Петри, микроскопы и так далее... В одних колбах что-то булькало, в других – странные цветные жидкости перетекали одна в другую, меняя цвета, в третьих – происходили непонятные химические реакции с выделением густых испарений.

Я бродила между столами, изредка дотрагиваясь до стеклянных поверхностей, и ощущала себя внутри какого-то научно-фантастического фильма. Словарного запаса хватило только на фразу:

– Ну ты даёшь, Мозг!

Он хмыкнул, отодвинул белый стул на колёсиках и плюхнулся на него с довольной улыбкой:

– Я знал, что тебе понравится!

– Ты химик?!

– Я специалист в разных науках, но последнее время работаю в области биохимии.

Я недоверчиво уставилась на него:

– Но ведь ты – это я!

– А я – это ты, – продолжил он нашу любимую фразу. – Одно другому не мешает. Хочешь, покажу, как делаю шампанское?!

– Ещё бы!

Тан вскочил и принялся за работу. Пробирки, реторты и колбы быстро мелькали у него в руках. Профессор что-то смешивал, бегал к стеклянным шкафам, доставая необходимые компоненты, прокручивал пробирки в небольшой центрифуге, выделяя нужные фракции, пока в конечном итоге не достал из нижнего шкафа зелёную бутылку. Он подставил её под длинную трубку с краником, а потом подбежал к началу стола и влил в колбу какую-то голубоватую жидкость.

– Это последний ингредиент. Катализатор... Твои воспоминания о вкусе, цвете, запахе и ощущениях, связанных с шампанским, но только приятные! – и, многозначительно глянув сквозь монокль, чиркнул длинной спичкой, поджигая горелку.

Я замороженно следила за каждым его действием. В секунды белёсая субстанция внутри колбы закипела и начала подниматься вверх. Проходя через змеевики и трубки, она несколько раз меняла цвет, до тех пор, пока в подставленную бутылку не потекла прозрачная, светло-жёлтая жидкость. Когда тара наполнилась, профессор быстро закупорил её пробкой, закрепил проволокой и со словами «надо охладить» поставил в небольшой контейнер.

– У тебя тут даже холодильник есть?!

– Конечно!

– Но как?! На чём работают все эти приборы?! Центрифуга, холодильник...

– А ты не догадываешься?!

– Нет.

– Ну, Кари! Вот сколько мы общаемся, а ты всё равно иногда проявляешь чудеса недогадливости, хотя прекрасно соображаешь. Всё здесь, – и он взмахнул рукой, обводя эту белую пустоту, – всё здесь работает на твоей энергии: на квантово-позитронных импульсах твоего мозга, кварках чувств и фотонах эмоций.

Я нервно сглотнула:

– Вот только не надо сейчас физики элементарных частиц.

Он хохотнул:

– Иди в библиотеку... Нужно отметить столь долгожданную встречу.

– Алкоголик...

– Это единственный мой недостаток!

Я полулежала на кушетке в библиотеке, когда Тан торжественно внёс на подносе покрытую лёгкой изморозью бутылку. Прочитав этикетку, которую он каким-то образом напечатал, я разразилась хохотом:

– «Окатанское Игрстное»?! Потрясающе! Может, наладишь производство?!

– Посмотрим... – и лукаво улыбаясь, поставил бутылку на стол. Пока он доставал бокалы, откупоривал пробку и раз-

ливал вино, я пристально разглядывала его.

Тан изменился. Очень... И хотя одет он был, как и раньше, в привычный бархатный халат бордового цвета поверх белой рубашки с чёрным шейным платком, тёмные брюки со стрелками и мягкие домашние туфли, но его лицо, волосы, руки... Он выглядел моложе. Теперь ему нельзя было дать больше пятидесяти. Ещё в лесу, когда я впервые увидела его, Тану с виду было за восемьдесят: такой старый добрый мудрый профессор. Первая разительная перемена в его внешности случилась после моей смерти, пусть и не вполне осознанной, когда Макс задушил меня, случайно. Тогда Мозг помолодел, лет на десять-пятнадцать, а теперь вот опять... Что же так повлияло на него?!

Я не устояла под напором его гипнотического обаяния ещё тогда, когда он выглядел старше. А теперь? Что будет дальше?! Он же красив... Красив не просто внешне: лицом, телом, речью. Он притягивает меня, завораживает: взглядом, улыбкой, движениями тонких длинных пальцев, поворотом головы, лукавым прищуром карих глаз, густой шевелюрой волос, в которых седина осталась только на висках.

– Ну что? Попробуем? – Тан протянул бокал с пузырящимся напитком.

– С удовольствием, – я сделала глоток и откинулась на спину.

Мозговой устроился рядом на маленьком пуфике.

– Успокоилась?

– Да. Ты специально всё это сделал? Лабораторию показал... чтобы я отвлеклась?

Он долго смотрел, а после ответил:

– Ты всё знаешь и всё понимаешь... Не обижайся на Дайка. Он поймёт и поверит, он уже верит, просто надо дать ему ещё немного времени. Он в шоке от тебя, твоего странного поведения, того, что ты говорила. Ему очень больно от того, что он к тебе чувствует, и того, что понимает разумом. Вечный конфликт чувств и эмоций с рассудком...

Протянув руку, я приложила палец к губам Тана:

– Всё. Не говори больше ничего. Он должен разобраться сам и принять решение.

Тан кивнул. Мы допили шампанское, и я поднялась с кушетки:

– Было очень вкусно, спасибо... Пойду я, надо немного поспать.

Профессор проводил меня до двери:

– Я так счастлив, что ты пришла...

Не выдержав ласкового взгляда, я крепко обняла его и, уткнувшись носом в шею, глубоко вдохнула: «Этот запах... Его запах... Такой родной и такой волнующий... Теперь я понимаю Карелла».

Глава 5

Я открыла глаза на рассвете. Рядом сидел Бумер и смотрел

в упор. Увидев, что я проснулась, он заскулил и радостно кинулся лизаться.

– Проснулась я, проснулась! Доброе утро, пушистик!

Несколько минут мы возились на соломе, пока большая часть подстилки не оказалась на полу. «Надо будет нормальный матрас раздобыть, а то собирать эту кучу каждый день по всему дому совсем не хочется...» Я быстро оделась и первым делом мы пошли к Белой скале встречать рассвет, и... может быть Макса.

Утро было прохладным и пронзительно красивым. Прекрасная осенняя погода, когда ещё нет сильных холодов, но и лето уже сдало свои позиции. Сидя на берегу, на большом плоском валуне, я смотрела в море. Оно было тихим и спокойным: волны, ласково шурша, плескались о прибрежные камни, а солнышки – большое и маленькое – неспешно вставали из-за горизонта. Вдали, в туманной рассветной дымке, уже можно было разглядеть острова, которые были похожи на острые спинные плавники какого-то гигантского морского чудовища.

Бумер сначала бегал поблизости, обнюхивая и обследуя каменистый берег, а потом я не заметила, как он исчез. Я тревожно осмотрелась. И только собралась позвать его, как позади, в шагах тридцати, из густого куста раздался какой-то то ли хрип, то ли писк и треск ломающихся веток. Я кинулась туда. Из зарослей с важным, победоносным видом выбрался мой подопечный, держа в пасти маленькую и уже мёртвую

птичку.

– Ну что ж... Молодец! Завтрак ты себе поймал!

Улыбаясь, я гладила его по голове, а волчонок преданно смотрел мне в глаза. Потом он положил добычу на землю и подпихнул мордой к моей ноге. Я обалдела:

– Мне?! Ты поймал её для меня?! Ах ты, мой добытчик! Спасибо!

Объяснить Бумеру, что такая мелкая птаха будет мне на один зуб, было невозможно, но и отвергать подарок я не решилась. Если голодный волчонок не съел сам свою добычу, а отдал мне – это говорит о многом. Поэтому, ухватив птичку за лапку, я понесла её в дом, выражая щенку своё полное одобрение и восхищение его поступком.

В доме я положила птаху в щенячью миску и добавила мелко нарезанного сырого мяса. Бумер очень странно, я бы даже сказала вопросительно, уставился на меня. Я присела на корточки:

– Бумер, ты молодец! Ты самый умный волк на всём белом свете! Но будет лучше, если первую свою добычу ты съешь сам, – и потыкала пальцем в дохлую тушку. – А когда немного подрастёшь и научишься охотиться на более крупную дичь, мы обязательно будем есть её вместе. Просто ты волк, а я человек и вкусы у нас отличаются. Ешь!

Не знаю, понял ли он хоть что-нибудь из того, что я говорила, но через несколько минут, урча от удовольствия, уже рвал птаху на куски, только перья летели. Я была доволь-

на. Возможно, что и учить волчонка охотиться не придётся: природа и инстинкты сделают своё дело.

Разобравшись с живностью на конюшне, я продолжила обживать в новом доме. Наводя порядок на кухне, вычищая кучи пыли и мусора, я обнаружила рычаги в дальней стене. Они были прикрыты большим куском рваной мешковины, и сначала я подумала, что это такие странные крюки. Но при ближайшем рассмотрении их вид, а главное – положение в стене, поставили меня в тупик. Чем больше я на них смотрела, тем больше осознавала, что это краны... шаровые краны. Похожие были у меня дома, на Земле, в нашей с Каткой, а также и в любой другой квартире. В ванной такие краны перекрывали воду, а на кухне – газ. А что же они здесь перекрывают?!

Один кран находился вертикально, а другой – горизонтально. Недолго думая, я поменяла положение каждого на противоположное. Двигались они нормально, не слишком туго, но и не совсем легко. Ну прямо как у меня дома! Что же это за краны?! Зачем они?!

Ещё когда мы с фаэдром Балмааром ехали сюда, он предупредил, что дом тёплый. Жупан топил только плиту на кухне и никаких каминов или печек нигде нет. Но когда бы он ни заезжал к старику, в доме никогда не было слишком холодно. При первом осмотре я подумала, что, возможно, дело в горячих источниках, которые прогревают землю в любое время года, и дом как раз находится над одним из них. Но

вскоре загадка этих кранов была разгадана.

Так как к обеду погода испортилась, налетел холодный ветер и зарядил дождь, я закрыла все окна и устроилась на кухне, разбирая мешок, который вчера оставил Дайк. Там были продукты: крупы, хлеб, корнеплоды, в том числе и моя любимая тыквокартошка, или по-местному вагтаха, сушёная зелень, вяленое мясо и рыба, а также по паре коротких острых ножигов и ложек, и... радужная раковина, завёрнутая в ту же самую тряпку. Глядя на неё, я опять хлопнула носом: «Дайк! Милый Дайк! Опять ты позаботился обо мне... Может, не всё ещё потеряно? Всё-таки жить мне здесь долго, месяцев пять-шесть, не меньше. Возможно, за это время ты сможешь понять меня и принять такой, какая я есть...»

Я протёрла ракушку и устроила её на широкой деревянной полке. Радужный латиус... У ангалинов была очень интересная легенда о происхождении этих красивых ракушек. Мне её ещё в Банкоре рассказал Макс, когда она как-то попалась ему на глаза. Заметив ракушку, он спросил тогда, откуда она у меня, и я рассказала, как увидела её в ручье на Кифовом носу, а потом Дайк сунул мне её в мешок, когда я убегала.

– Радуж-ж-жные латиус-с-сы довольно редкие, – ответил он, – и ж-ж-живут, обычно, в холодных водах с-с-северных морей.

– А как тогда она в ручей попала? – спросила я.

– Зубас-с-стая чайка несла. Моллюска дос-с-стала, а ра-

ковину брос-с-сила. Они их очень любят.

– Но ведь Кифов нос далеко от побережья?

– Далеко... Но ес-с-сли стая меняла месс-сто гнез-з-здоя, то такое вполне могло быть. Их ещё наз-з-зывают «ос-с-сколки небес-с-сных мос-с-стов».

– Каких небесных мостов?! Расскажи!

Я вспомнила, как Макс тогда устроился на кровати и, подперев трёхпалым хвостом голову, начал рассказывать, что когда-то, давным-давно, мир был другим, совсем другим... Всё было не таким, как сейчас: земля, океан, небо, растения, животные, а главное – на Окатане не существовало ни людей, ни ангалинов. Были анги и были боги. Анги жили внизу на земле и на море, а боги – в небе. По всему небосклону тянулись огромные красивейшие радужные мосты, по которым боги гуляли и наблюдали за тем, как живут анги, предки ангалинов. Много-много времени было так, пока ангам не надоело, что боги постоянно смотрят за ними и вмешиваются в их дела. Прошло ещё какое-то время и древние анги решили прогнать богов. Началась война и длилась долго. Анги были сильными и очень умными, и боги понимали, что рано или поздно анги победят. Тогда они создали и выпустили на Окатан страшных монстров, которые были сильнее ангов. Эти чудовища не знали пощады и хотели только убивать. В ответ анги придумали страшное оружие, которое выпускало огромные стрелы, яркие, как лучи света. Эти огненные стрелы жгли чудовищ, а попадая в радужные мосты, разрушали

их на множество осколков, которые дождём сыпались вниз. В конце концов боги покинули Окатан, а на земле и в море остались осколки радужных мостов, из которых со временем морские моллюски сделали себе красивые домики.

Волчонок, дрыхнувший сладким сном в углу на козлиной шкуре, завозился, зевнул и притопал ко мне. Он уселся напротив и уставился жёлтыми глазюками. Я улыбнулась ему. Несколько секунд он сидел неподвижно, а потом начал принюхиваться и вертеть головой по сторонам, настороженно вращая глазами.

– Что случилось, Бу?

Он забегал по кухне, обнюхивая углы и поглядывая так, будто он что-то знал, а я нет. И тут меня словно громом поразило! Запах! Нет запаха! В доме не воняет! Я вскочила с места, и мы вместе обошли дом. Этого резкого амбре сероводорода не было. Нас окружали обычные запахи старого, запущенного, необжитого дома, но не более того. Я вернулась на кухню и снова осмотрела эти краны. Начало доходить...

– Умница! Мыслишь в нужном направлении, – раздался голос изнутри. – Ты заметила, что стало теплее?

Я дотронулась до каменной кладки – она была тёплой.

– Значит, в стенах трубы или нечто подобное. Один кран, который я закрыла, перекрывает доступ запаха, а другой, тот, что открыла, включает отопление.

– Верно.

– Вот это домик! А Жупан-то был не дурак! Вот почему

и каминов нет... Они не нужны, когда дом обогревает сам себя! Думаешь, тепло от источников?

– Конечно, больше неоткуда.

Мы с Бумером ещё раз обошли комнаты, только теперь я знала, что искать и куда смотреть. Принцип отопления мне был вполне понятен, оставалось только выяснить детали. В каждой комнате имелось по паре круглых отверстий, закрытых решёточками: одно сверху, другое снизу. Именно оттуда и поступала эта жуткая вонь. Но стоило только перекрыть кран, как через короткое время запах ослабевал, а если устроить сквозняк, вообще выветривался за несколько минут. При открытом другом кране, он, кстати, был помечен глубокой царапиной снизу, стены теплели очень быстро, но если я его закрывала, то остывали медленно.

До самого вечера я разбиралась с этой системой. Она была вполне понятна, но на Окатане я встретила такой способ обогрева жилья в первый раз. Была только одна загвоздка: из чего сделаны трубы, если они, конечно, были. Возможно, что тепло распределялось просто через расстояния между камнями внутри стен. Общую суть горячих источников я понимала. Вода и пар, которые выбрасываются из недр земли, максимально насыщены различными элементами, которые оседают практически на любых поверхностях. И теоретически, трубы, или пространства между камнями, должны со временем их накапливать и уменьшаться в размерах.

Такой эффект я видела, когда родители отправили меня с

бабушкой в Карловы Вары. Налёт арагонита, то есть веществ, содержащихся в воде подземных источников, очень быстро превращает широкие водопроводные трубы в узкие трубки, пока окончательно их не забьёт. Интересно, а как работает подобная система здесь?! Этой ночью мы с Бумером спали в тепле и без жуткой вони. Дом был великолепен!

А утром, на рассвете, когда я сидела на берегу и пялилась в море, Мозг высказал мысль, которая ещё с вечера засела у меня в голове. И хоть я пыталась отогнать её всеми силами, она никак не хотела уходить.

– Я согласен, дом нужно купить.

– Нет, Мозг. Нет... Я не хочу его покупать. Зачем?! Зачем он мне?!

– Как зачем? Такой странный вопрос... Зачем человеку дом...

– Тан, не прикидывайся! Ты всё прекрасно понимаешь! Да, мне дом нравится... Только мне не нужна собственность на Окатане! Я же не планирую остаться здесь навсегда. Весной я уеду, уеду искать точку перехода, и возможно, смогу вернуться, вернуться домой...

Глубокий вздох послышался где-то рядом, за спиной. Я рефлекторно обернулась, но позади никого не было. Бумер шлёпал в стороне и ловил пастью набегающие волны.

– Тан, это ты?! – эту фразу я принесла громко вслух.

На голос волчонок оглянулся и радостно побежал ко мне. Я гладила чёрную лохматую голову, почёсывая между боль-

шими круглыми ушами, и думала: «А как же Бумер? Я не могу его бросить... Что с ним будет без меня? Если оставлю его, то он наверняка погибнет. А если переход работает, то смогу ли взять его с собой? Да... Вот это задача... Я и так уже привязана к Окатану. Здесь столько всего случилось... Здесь те, кто мне дорог, кого люблю, а ещё и Тухлый дом – производство местного строительного гения. Но с другой стороны, дом – это хорошо, даже прекрасно...»

На Земле у меня не было своего жилья. Мы с сестрой собирались купить мне «однушку», но всё почему-то тянули. Родительская квартира была большая и места нам хватало, да и жили мы дружно. Я прекрасно ладила с Катиним мужем, и Кирилл относился ко мне как к родной сестре, а про племянников и говорить нечего. А тут целый дом на берегу синего моря, и такой удивительный!

– Разве кто-то заставляет тебя покупать его прямо сейчас! Подумай, поживи, столько времени впереди, а там видно будет...

Я кивнула и улыбнулась:

– Ты, как всегда, прав. За проживание до весны я заплатила, а как дальше – решим. Только ведь своих денег у меня нет... Всё, что имеется, – это монеты Макса, и я обещала вернуть их.

– Тратить он тебе не запрещал, а там на два таких дома хватит.

– Всё равно – это его деньги.

– Ох, Кари! – Мозговой будто отмахнулся. – А золото, здоровенный булыжник – это не деньги?! А вот Вечный свиток зря ты отдала...

– Не зря. Это компенсация, за заботу, за помощь, так сказать. Зато я не чувствую себя никому и ничем обязанной. Дайк помог мне, я – ему. Теперь мы в расчёте.

– Ну... доля истины тут есть, не спорю.

Всё это время, пока я беседовала с Мозгом, Бумер сидел рядом. Он внимательно следил за мной, ловил каждый звук и принюхивался, будто что-то видел, или слышал, или чувствовал то, что было недоступно мне. А потом вдруг сорвался с места и, с утробным рычанием, бросился вверх по склону. Не мешкая, я кинулась за ним.

На пороге дома нас ждал сюрприз в виде маленького букетика осенних цветов и тяжёлого мешка. А вдали, в туманной дымке, я разглядела удаляющегося всадника. В том, что это был Дайк, я ни минуты не сомневалась. Волчонок увлечённо обнюхал подарок, а когда я открыла дверь, схватил мешок зубами за угол и поволок в дом.

– Посмотрим-посмотрим, что нам подкинули. А сам не остался, удрал...

Цветы я поставила в кружку, так как никаких ваз у меня не было, и принялась распаковывать подарочек. Там опять была еда: крупы, масло, сушёная зелень, а также свежие мясные обрезки и какие-то потроха в непромокаемом мешке.

– Бу! Это для тебя! Видишь, Дайк и о тебе подумал, за-

ботливый наш...

Волчонок радостно прыгал в ожидании вкусного завтрака.

– Тут на несколько дней точно хватит, жаль только, что холодильника нет. Но по ночам уже подмораживает, буду выставлять за порог. Хотя какой-то подвал здесь должен быть...

Глава 6

Вот так, в хлопотах по хозяйству, и прошёл почти весь день. После вечерней дойки и уборки конюшни я зажгла светильники во всех комнатах и, прихватив масляный фонарь, решила ещё раз тщательно осмотреть своё жилище. В небольшом коридорчике между кухней и спальней, в полу, под толстой грязной циновкой обнаружился люк. Если бы я целенаправленно не искала, то вряд ли наткнулась бы, так как никакой ручки или кольца, чтобы поднять его, не было. В сарае нашлась узкая штукавина, похожая на ломик, которой я и подцепила тяжёлую крышку.

Это был вход, но не в подвал, а в какой-то туннель, и вела в него не деревянная, а каменная лестница. Тёмных подземелий я давно уже не боялась, а тем более сейчас, когда рядом Бумер – мои глаза, уши и весьма чувствительный нос.

Светя под ноги, я начала спускаться. На каменных стенах обнаружилась парочка подсвечников и даже с огарками воска. После того как я зажгла их, выяснилось, что проход упи-

рается в тяжёлую, окованную железом дверь. Я подёргала за ручку – дверь не шелохнулась.

– Знаешь, Бумер, – и я глянула на волчонка, который усиленно нюхал углы и щели. – Похоже, что это подземный ход... Только куда? Да-а-а... Непростой домик... Кто бы мог подумать!

Подсвечивая фонарём, я принялась рассматривать дверь. Под кованой ручкой располагалась замочная скважина. Не знаю почему, но я попробовала всунуть в неё мизинец и... что-то там нащупала. Там что-то было... Точно! Нужно что-нибудь узкое и длинное... Я рванула наверх. В одном из шкафчиков обнаружился обломок деревянной спицы.

Минут через пятнадцать, после пыхтений, сопений и ругательств на ладонь упал маленький рулончик. Усевшись на ступеньку, дрожащими руками я развернула неизвестное послание и, спотыкаясь почти на каждой букве, начала читать:

«Если вы это читаете, значит, меня уже нет среди живых. Я ушёл к Хранителю на приготовленное для меня место. Я прожил долгую жизнь, много видел, много знал и очень жалею, что главное понял только тогда, когда большая часть жизни была уже позади. Моя неугомонная натура с ранней юности всё гнала меня куда-то, за новыми знаниями, новыми впечатлениями, новыми людьми... И лишь обойдя мир, я понял, что счастье и душевное спокойствие можно найти только внутри, а не снаружи. Я благодарен судьбе, богам и Хранителю, что мне на всё хватило времени и что

последние годы своей долгой жизни я провёл здесь в счастье и спокойствии.

Этот дом, все, что в нём и вокруг него, я завещаю тому, кто найдёт и прочитает это письмо, так как никаких наследников у меня нет, во всяком случае, я о них не знаю. Я уверен, что тот, кто это читает, умный и пытливый человек и достоин такого подарка. И я надеюсь, что он оценит мои труды и старания... мне это было бы приятно. Будь счастлив здесь, мой дорогой наследник, а быть может, и наследница, кто знает...

Ключ от этой двери зарыт на конюшне, в дальнем углу от входа по левой стороне.

Жупан Мирай Тамаар эн Матвэй».

Я выронила листок: «Завещание?! Эн Матвэй?!» В голове раздался хохот:

– Вот это сюрприз! А кто-то ещё выражал недовольство своим именем! Я надеюсь, ты не намерена отказываться?!

Я сидела в полном ступоре: «Так вот кто жил здесь! Жупан был из рода Матвэй, возможно, самый последний! И если я предъявлю это письмо, то стану полноправной хозяйкой. А учитывая, что и я, вроде как, эн Матвэй, и реликвия рода у меня есть... Гун же говорил, что с этим браслетом в моём происхождении никто не усомнится... Ну, дела-а-а!»

– Завтра съездишь в город и предъявишь завещание! Теперь это твой дом! И покупать не нужно!

– Я вижу, ты этому очень рад, Тан...

– А ты нет?!

– Не знаю... Наследство от неизвестных родственников на мою голову никогда не сваливалось.

– А теперь свалилось! Как ощущения?!

Я пожалала плечами и, схватив Бумера, уткнулась носом в густую шерсть:

– Пойдём-ка мы спать, а разбираться будем завтра, на свежую голову. Верно, Бу? – Волчонок одобрительно рыкнул и лизнул меня в нос.

А утром! А утром...

День обещал быть тёплым. Похоже, что по местным меркам наступил период бабьего лета. Я сидела на камне у Белой скалы и встречала рассвет. Было совсем не холодно, да и вода показалась тёплой. А искупаться в море давно хотелось.

Я скинула штаны и тунику, стянула любимые сапоги из крокодильей кожи и осталась в лимме. В этот костюм женщин севера я буквально влюбилась и с большой неохотой его снимала. Почему-то, когда я была в нём, то чувствовала себя гораздо увереннее, будто на мне какая-то защита, которая и спасёт в случае нужды, и придаст сил. Вот такое странное ощущение...

Приказав волчонку сидеть на месте, я вошла в воду и, глубоко вздохнув, нырнула. Конечно, море было очень холодным, но учитывая мою предыдущую закалку, а также согревающий лимм, заплыв оказался удивительно бодрящим. И почему я только сейчас соизволила поплавать?! А ведь живу

тут уже почти неделю! Вот дурёха!

Плавая, я постоянно поглядывала на щенка, который напряжённо сидел на камне и не сводил с меня глаз. Молодец! Выполняет приказание! Я отплыла довольно далеко от берега, когда почувствовала под собой движение. Сердце предательски дрогнуло: «Та-а-а-к... Только встречи с местной акулой или другой какой морской тварью мне как раз и не хватает!» И когда развернулась, чтобы рвануть к берегу, как из глубины, подняв тучи брызг, взметнулось тёмное чешуйчатое тело.

Сначала душа ушла в пятки, но когда сильный гибкий хвост обхватил поперёк, а напротив оказались два изумрудных глаза, и долгожданный голос воскликнул: «Кар-р-ри!!!», то от радости я чуть не потеряла сознание. Я судорожно вцепилась в ангалина и крепко-крепко, будто боясь, что он сейчас исчезнет, стиснула его. Слов хватало только чтобы, задыхаясь, вопить: «Макс! Ма-а-акс!!! Ма-а-акс!!! Максик! Макс!»

Эта дикая, сумасшедшая, обоюдная радость встречи чуть не была омрачена трагическим событием. Едва не утонул Бумер. Волчонок увидел, что огромное морское чудовище напало на меня, и самоотверженно бросился на выручку. Если бы ангалин вовремя не оглянулся на подозрительные звуки, то Бумера у меня уже не было бы. Захлёбываясь в волнах и пытаюсь рычать, мой лохматик плыл первый раз в своей жизни и это не очень-то у него получалось. Однако Макс успел.

Он выхватил щенка из воды своей хвосторукой и вопросительно глянул на меня:

– А это ещ-щ-щё кто?!

– Макс, это мой Бумер!

Волчонок сначала пытался огрызаться, но потом жалобно заскулил и безвольно повис мокрой облезлой сосиской. Я забрала его у ангалина, и мы поплыли к берегу. А там уже сцена объятий и приветствий повторилась с новой силой. От Макса я не могла оторваться: гладила его, тискала, заглядывала в прекрасные зелёные глаза. Никак не верилось, что вот он... здесь, со мной... Мой ангалин... Мой удивительный друг...

Бумер, придя в себя от первого заплыва, попытался броситься на Макса, как когда-то на Дайка, но не тут-то было. Ящеру стоило только глянуть на него сверху вниз и коротко утробно рыкнуть, как волчонок поджал уши, плюхнулся на живот и просто размазался по камням, лёжа без движения.

Макс обернулся и внимательно осмотрел меня с ног до головы. Потом вздохнул, при этом его и без того широкая грудь ещё больше расширилась и знакомые сиреневые искры пробежали вдоль спины.

– А тебе очень идёт... ш-ш-шкура ледяного з-з-змея, – прошипел он, медленно приближаясь. – Глаз-з-з не оторвать, так крас-с-сиво...

И молниеносным движением сбил меня с ног, зажав хвостом ноги. Я крепко обняла его за гибкую сильную шею и

спрятала лицо на груди.

– Как я рада, Макс... Как счастлива, что мы снова вместе...

Горячий язык вылизал мне лицо и шею и ангалин нежно прошептал:

– Я тож-ж-же рад... Очень! Я ведь уж-ж-е думал, что потерял тебя навс-с-егда. Третий раз-з-з сюда возвращ-щ-щаюсь, обыс-с-скал всё побереж-ж-жье... Я так понимаю, что с-с-спокойно, нормально приплыть в Латрас-с-с на ш-ш-шхуне не получило-с-сь? Приключений много было без-з-з меня?

Я покачала головой:

– Не получилось... Но я всё же добралась сюда, как обещала, и главное – что мы встретились...

Провалились мы на берегу довольно долго. Утро уже всю вступило в свои права, когда мы наконец-то побрели к дому, попутно рассказывая друг другу о своих приключениях. Пока я занималась утренними делами на конюшне, Макс обследовал моё место жительства. О том, что у Белой скалы есть дом, он не знал, так как с моря строение было не видно, однако осмотром остался очень доволен. Запах сероводорода его ничуть не смутил, наоборот, ящер сказал, что лучшего места для зимовки он и представить не мог: рядом море, горячие источники, пещеры, уходящие в глубины высокого, скалистого берега. И хоть Латрас недалеко, люди сюда не ходят, по ангалинским меркам – рай! Я сказала, что на ручей

в лес за водой далековато ходить, но он только отмахнулся.

Всё это время Бумер жался к моим ногам и с опаской поглядывал на двухметрового чешуйчатого гостя с гибким длиннющим хвостом, заканчивающимся трёхпалой кистью. Очередной раз прибежав на конюшню поделиться впечатлениями, Макс уселся на кучу соломы и, взяв тремя пальцами щенка за морду, склонился над ним с довольной ухмылкой. Я застыла с граблями в руках, наблюдая эту картину.

Бумер замер и испуганными глазёнками смотрел на ангалина. По сравнению с волчонком, ящер выглядел огромным страшным гигантом, который хищной тушей навис над маленьким беззащитным существом. Не отрываясь, они смотрели друг на друга, пока Макс не расплылся в широкой клыкастой ухмылке:

– Ну, малыш-ш-ш... Мамка у тебя ес-с-сть, а теперь и папка объявилс-с-ся! Хороша семейка?!

Уронив грабли, я зашла в припадке истерического хохота, и это было только начало удивительного дня...

Вспомнив про завещание Жупана, я откопала ключ. Нужно же узнать, что там, за той дверью. Макса разбирало любопытство, как и меня, а узнав, что дом может стать моим, он пришёл в состояние полного восторга.

Оставив волчонка у лестницы, мы сошли вниз. Ключ, со скрежетом, несколько раз провернулся и, толкнув дверь, мы прошли в тёмный коридор. Это был туннель, который сразу же за дверью разделялся на две половины: одна поднима-

лась немного вверх, а другая опускалась. Здесь было очень жарко, а запах – просто невыносим. Стало понятно, почему дверь такая тяжёлая и глухая. Макс частично включил своё свечение, и вдоль стен обнаружились штуковины, похожие на трубы.

Он дёрнул меня за рукав:

– Пош-ш-шли пока направо, оттуда тянет свежим воз-з-здухом, а потом пос-с-смотрим, что с другой стороны. Я иду первым.

Ящер развернулся в узком пространстве и на всю катушку включил свой свет. Я залюбовалась. Как же он красив! А это удивительное сияние, пробивающееся из-под каждой чешуйки, просто завораживает. Пока мы медленно продвигались вперёд и вверх, я осматривала стены. Похоже, что туннель был естественным, лишь в некоторых местах виднелись следы вмешательства каких-то инструментов.

Когда глаза привыкли к темноте, обнаружилось, что чем дальше мы продвигаемся, тем становится светлее, стены и потолок не были тёмными и будто бы пропускали свет. Судя по направлению, мы шли вглубь Белой скалы. Вскоре шаги начали отдаваться гулким эхом, и мы оказались в большой пещере. Здесь было ещё светлее: дневной свет проникал отовсюду сквозь тысячи маленьких-маленьких отверстий в пористой породе. Мы находились глубоко внутри Белой скалы, возможно, под самой её вершиной. Макс оглянулся на меня и радостно зашипел:

– Обож-ж-аю тебя, Кари! Только ты могла поселитьс-ся в таком доме! С-с-смотри, видиш-ш-шь проходы? Пещ-щ-щеры тянутся далеко-далеко на юг в с-с-скалах. Кто бы мог подумать, что этот дом с-с-соединён с ними?! Потряс-с-сающе, правда?!

Это верно... Жупан продолжал удивлять! Я огляделась и заметила какую-то кучу, накрытую то ли брезентом, то ли парусиной. Мы с Максом рванули в дальний угол. Каково же было удивление, когда, откинув грязное полотно, мы увидели оружие. Штук десять мечей разных размеров и степени сохранности, боевые топоры, копья, кинжалы, обычные и для метания – это Макс определил, пять луков и с десятков колчанов, полных стрел, пара круглых щитов с красивыми узорами. Ещё там были различные инструменты: кирки, молотки, лопаты, большие и маленькие, ящик каких-то штырей и крюков, а также мешок длинных гвоздей. Мы увлечённо копались в этой куче, пока всё не перебрали.

Ангалин, взвесив хвостом поочерёдно парочку мечей, сделал несколько очень быстрых выпадов и, отойдя от меня на десяток шагов, принялся вести что-то наподобие боя с тенью, меняя клинки один на другой. Я открыла рот. Такого видеть ещё не приходилось. Мечи со свистом рассекали воздух, а ящер двигался настолько быстро, что уследить за его движениями было почти невозможно. Схватив короткое копье, Макс улыбнулся и, вытянув хвост, принялся крутить его как цирковой жонглёр. Ему явно нравилось, какое на меня

Он глубоко вздохнул, и сиреневое свечение проявилось яркой дорожкой вдоль самых крупных чешуек позвоночника.

– Не совс-с-сем... «Шаари» – это женщина с-с-судьбы. Та, одна единс-с-ственная, которая только для тебя. Ес-с-сли случается встретить такую, то это считается великим благос-с-словением. И этот сиреневый с-с-свет как раз и показывает, что женщ-щ-щина, от прикос-с-сновений которой он появляется, и ес-с-сть твоя шаари... Теперь ты понимаеш-ш-шь, как я был ш-ш-шокирован, когда ты чмокнула меня тогда на ос-с-строве и потом в гос-с-стинице...

Я задумалась.

– А почему был будто взрыв и нас отбрасывало друг от друга? И этот запах озона, как после грозы?

– Отец объяс-с-снил, что так было потому, что я не хотел этого приз-з-знавать и не верил. Ведь сама понимаеш-ш-шь, кто ты, а кто – я... Мы никак не мож-ж-жем быть вмес-с-сте, однако свет ес-с-сть и теперь появляется даже оттого, что я прос-с-сто думаю о тебе. Никаких вз-з-зрывов уже не будет, – и тёмно-серая зеленоглазая морда опять уставилась на меня.

– А как твой отец отреагировал на всё это?

Ангалин усмехнулся:

– С-с-сначала он был в уж-ж-жасе. А потом с-с-сказал, что, з-з-значит, такова моя с-с-судьба и, учитывая мой характер и интерес-с-с к людям, который проявлялс-с-ся с ранне-

го детс-с-ства, в этом нет ничего удивительного. Отец очень мудрый...

Я взяла в ладони его голову и нежно поцеловала в ложбинку между ноздрей. Ангалин закрыл глаза, и чешуя вспыхнула сиреневым светом. Опять в голове возникла ассоциация со сказкой про принца-лягушку. Так хочется поцеловать его, открыть глаза – а передо мной прекрасный принц.

– О чём подумала? – нежный свистящий шёпот вернул к реальности.

– Сказку вспомнила...

– А-а-а, эту... Про лягуш-ш-шку...

– Да, вот было бы здорово...

Ящер отпустил меня и закружил по пещере. Я видела, его что-то беспокоит, но решила не пытаться пока. Раз он остаётся, будет ещё время, и так сегодня столько впечатлений. Поэтому перевела разговор на другую тему:

– У меня есть для тебя подарок.

Он обернулся и быстро подскочил:

– Подарок?! Для меня?!

– Пошли покажу... Тебе понравится.

Глава 7

Мы вернулись в дом, и обратная дорога не показалась такой длинной. Бумер сидел в той же позе, в которой я его оставила, возле лестницы, но, завидев нас, тут же кинулся

лизаться, и было заметно, что Макса он уже так не боится.

В комнате я развязала мешок и достала кусок золота. Первый раз я видела ангалина в таком состоянии. Он выхватил у меня драгоценный булыжник и несколько минут не мог сказать ни слова. Получалось только какое-то нечленораздельное шипение и полукряканье-полукваканье. Я плюхнулась в кресло с довольным видом. Ящер кусал золото, вылизывал, нюхал, пока, наконец, у него не получилось выдать понятную фразу:

– Где?!

Я только многозначительно хмыкнула.

– Это з-з-золото! Настоящ-щ-щее чис-с-стое з-з-золото!

Такой кус-с-сок!!! Откуда, Кари?!

Глядя на его восторг, я решила окончательно добить друга. Уж больно хотелось увидеть ящера падающим в обморок.

– Я наткнулась на золотую жилу, Макс. Очень богатую...

Здесь, на Восточных территориях.

Произведённый эффект превзошёл все ожидания. Прижимая одной лапой золотой булыжник, а другой – схватившись за сердце, Макс притворно рухнул на разбросанную по полу солому. От смеха у меня свело челюсть, а Бумер радостно носился из угла в угол и пытался схватить Макса за хвост. Вращая глазами, ангалин подскочил ко мне:

– Где?! Где она?!

– На территории горных волков. Из-за землетрясения пришлось искать другую дорогу на Латрас, там я и встрети-

ла волчицу, у неё щенков завалило. Я их вытащила, а потом она принесла мне Бумера, до сих пор не понимаю почему. Нужно было попасть на другую сторону той гряды, и вскоре я нашла узкий сквозной проход. Вот там и наткнулась.

– И много там?

– Много... Очень много. И место, и дорогу я запомнила. Очень хотелось бы отдать всё это золото вам, но я же не могу вырубить огромную скалу.

Ангалин склонил голову:

– Моя шаари... Я з-з-знал, что не ошибс-с-ся в тебе. Ты и правда хочеш-ш-шь, чтобы это з-з-золото принадлежало нам?

– Конечно, оно же вам нужно, я знаю. Но я не представляю, как сделать, чтобы вам досталась хотя бы часть его, тем более что...

Я замолчала, не зная, как после всех его признаний сказать о своих планах.

– Что?!

Он всё также прижимал к груди мой подарок и пристально заглядывал в глаза.

– Макс, я... Всё-таки хочу попробовать найти переход. А вдруг он до сих пор работает? И я смогу уйти, вернуться домой...

Он отложил золото и, поджав хвост, сел напротив:

– Ты всё-таки хочеш-ш-шь уйти?

– Хочу... Я же чужая здесь...

– А как же твой волчонок? Ты возьмёш-ш-шь его с собой или бросиш-ш-шь, ес-с-сли переход будет работать?

Я закрыла лицо и всхлипнула. А этот чешуйчатый гад продолжал в том же духе:

– А как ж-ж-же я? Как же твой Дайк? И, кс-с-стати, где он?! Почему его здесь нет?! Ты же к нему так рвалас-с-сь сюда?! Кому ты чуж-ж-жая?! Мне?! Или Бумеру?! А караванщ-щ-щики?! А Грас-с-с и остальные?! Раз-з-зве могут те, кому ты помогла, кого спас-с-сла, сказ-з-зать, что ты им чуж-ж-жая?!

Как же всё меняется. Вот только я хохотала, а теперь реву белугой. Но Макс не угомонился:

– У тебя ведь и дом уже ес-с-сть, стоит только предъявить это завещ-щ-щание. Кари, опомнис-с-сь! Куда уходить?! З-з-зачем?! Твои родные давно похоронили тебя, с-с-сама же говорила. Твой дом здес-с-сь! Здес-с-сь, на Окатане!

Бумер вскарабкался, цепляясь удлинёнными пальцами, ко мне на колени и, громко скуля, принялся вылизывать лицо, руки, легонько прикусывать за нос, выражая свою любовь и бесконечную преданность. Я стиснула щенка и уткнулась в густую шерсть.

– Вс-с-сё, хватит реветь, – ангалин облокотился на мои колени. – Прос-с-сти... Я опять не с-с-сдержался. Нам с-с-сидеть здесь ещ-щ-щё долго, вс-с-ся зима впереди.

Я хлопнула носом и крепче стиснула волчонка.

– Я сейчас-с-с за добром с-с-своим сплаваю, припрятал

тут неподалёку, и на охоту, а то у тебя с едой не гус-с-сто.

– Дайк нам кое-что подкидывал...

Он усмехнулся:

– Потом расскажеш-ш-шь, времени у нас-с-с много. Я только хочу спрос-с-с-ить... а где кольцо?

Я рефлексивно глянула на руку. По кольцу я скучала. Настолько привыкла к нему, что поначалу очень сильно ощущала, что его нет.

– Как оказалось, колечко это не простое. Помнишь, там надпись была?

Макс кивнул:

– Да, какое-то имя...

– Это кольцо матери Дайка.

Ангалин присвистнул:

– Вот оно как!

– Дайку и его деду очень нужно знать, как оно попало к тебе. Они думают, что это ангалины потопили тот корабль... Отец, мать и сестра Дайка были там.

Макс замотал головой в стороны, закатывая глаза:

– Не-е-ет! Мы не топили! И хоть это было очень давно, я прекрас-с-сно всё помню. Эта женщ-щ-щина с-с-сама отдала мне кольцо. Я её маленькую дочку вытащ-щ-щил, когда ш-ш-шхуну волной накрыло. Ш-ш-шторм с-с-сильный был, а там появилос-с-сь нес-с-сколько плавучих ос-с-стровов, вот они и не ус-с-спели отвернуть. Мы были довольно далеко от корабля и пока доплыли, многие утонули. Братья не пус-с-

скали, в такие дела мы не вмеш-ш-шиваемс-с-ся, но там были дети, я и не выдерж-ж-жал, поплыл. А то, что во вс-с-сех бедах в море ангалины виноваты, так... – и он отмахнулся, – мы давно привыкли. Никто не топил тот корабль.

– А потом? Что потом было?

– Все, кто с-с-спасся, ос-с-стались на одном из островов. Этим путём много кораблей ходит, их долж-ж-жны были подобрать после ш-ш-шторма. Когда девочку привели в чувс-с-ства, её мать заш-ш-шла в воду и протянула мне кольцо. Почему я долж-ж-жен был отказ-з-заться?

– Нет, Макс, дело не в этом! Просто из-за кольца мы поссорились, и я вернула его Дайку, ведь это память о его маме и младшей сестрёнке.

Макс пожал плечами:

– Ну вернула и вернула. Но было так приятно, что ты носиш-ш-шь мой подарок.

Я вытерла мокрые глаза и погладила бархатистую чешую:

– Мне тоже нравилось его носить.

Он хитро улыбнулся и подмигнул:

– Вс-с-сё, успокойс-с-ся... Я скоро вернус-с-сь, – и, лизнув меня в нос, выскочил из дома и быстро побежал вниз по склону, смешно вертя задом.

Вернулись старые добрые времена. Вспомнился Банкор, «Тихий островок» и комната на первом этаже... Улыбающийся в бороду Крианн, Гарри, Марэна, Гун... И Макс точно так же уплывал на охоту, а потом возвращался...

А теперь у нас целый дом! И можно так не опасаться лишних глаз и ушей, а тут ещё и пещеры, склад оружия и какие-то ходы в скалистый берег. Нужно ехать в город и предъявлять завещание! Не знаю, что будет дальше и как, но Тухлый дом я хочу. Это моё наследство в полном смысле этого слова!

Пока я занималась своим хозяйством, навьючив Тучку, ездила за водой и прибиралась в доме, мысли то и дело возвращались к Максy: «Он нашёл меня! Нашёл! И хотя я вполне научилась выживать одна в этом мире, но присутствие близкого друга очень успокаивало. Когда рядом есть кто-то, кто может поддержать и помочь, – это такое счастье! Как жаль, что Дайк повёл себя совсем не так, как я ожидала. Надо всё равно пытаться наладить отношения, мне же так много нужно у него спросить. Захочет ли он проводить меня на Кифов нос? Может, хоть подробную дорогу расскажет? Почему он не поверил мне? Никак не могу понять! Макс же поверил и притом практически сразу!»

Мой ангалинчик появился на закате. Он был в доспехах, знакомые парные мечи на спине, поверх заплечная сумка, а в зубах и в хвосте он нёс две крупные рыбины. Бумер, учуяв свежатину, радостно кинулся ему навстречу.

– У меня тож-ж-же ес-с-сть подарок для тебя. Помниш-ш-шь? – он снял сумку, раскрыл и достал мешочек.

Я уже догадалась, что там может быть, но, дёрнув завязки, чуть не задохнулась. Это было ожерелье из синего жем-

чуга. Идеальные, крупные жемчужины постепенно уменьшались и менялись в цвете по мере приближения к металлической застёжке, и у самого крючочка жемчуг был уже не синий, а голубой. В центре же большой, пронзительно-небесной каплей свисала идеальная жемчужина вытянутой формы. Вот это подарок! Только за одну синюю жемчужину можно выручить целое состояние, а тут ожерелье и такое прекрасное! Видя мой восторг, Макс улыбнулся и, взяв у меня это чудо, сказал:

– Повернис-с-сь и придерж-ж-жи одну половину.

Когда мы вместе застегнули его на моей шее, я подошла к зеркалу. Голос в голове тихо произнёс:

– Подарок достойный богини...

Я хмыкнула. Ожерелье, в сочетании с моими глазами и платиновыми волосами, выглядело сногшибательно. Тан продолжал шептать в ухо:

– А если ещё и платье соответствующее, то... – и вздохнул так чувственно, что я начала краснеть.

Я обернулась к Максy. Он смотрел на меня и по длинному телу бегали яркие сиреневые молнии. Отступив на шаг, он поклонился.

– Макс, не надо...

– Моя ш-ш-шаари... – прошипел он. – Сын Великого Ангалина Рекс-с-са принадлеж-ж-жит тебе.

Если честно, то я разозлилась. Он повёл себя так, будто я королева, а он подданный или раб. Я быстро расстегнула

застёжку и сдёрнула небесную красоту с шеи.

– Не смей так больше делать! Я тебе не хозяйка, я никто здесь! Принц – это ты!

Свечение исчезло и, прыгнув, он повалил меня на кровать, улыбаясь потрясающей широкой ухмылкой и ехидно глядя прямо в глаза.

– Я з-з-знал, что тебе это не понравитс-с-ся, но не выдерж-ж-жал, мне та-а-ак захотелос-с-сь!

Злость улетучилась в три секунды. Я обняла его и чмокнула между ноздрей:

– Спасибо! Это прекрасный подарок! Только ты же понимаешь, что я не смогу носить его.

Ангалин кивнул:

– В таком с-с-случае будеш-ш-шь надевать его для меня!

После ужина мы вернулись к обследованию второго туннеля в подвале. Он был значительно короче первого и привёл к небольшому гейзеру, бьющему из трещины в пещере. Здесь было жарко, а вонь сероводорода нестерпима. Бумер, не выдержав острого запаха, удрал в дом, а мы с Максом обмотали носы влажными тряпками.

Горячая струя вырывалась с чёткой периодичностью минут в пять-семь. Вода собиралась в углублении, образуя маленькое горячее озеро, а потом убегала под толщу скал. Сама пещера была небольшая, и всё пространство вокруг покрыто толстым налётом арагонита и кальцита. Из этого я сделала вывод, что когда-то пещера была гораздо просторнее. Налёт

растворённых в воде элементов придавал каменным сводам желтоватый, ржаво-оранжевый оттенок. Благодаря подсветке Макса всё удалось очень хорошо осмотреть.

Я опустила палец в воду и быстро отдёрнула.

– Ты что-о-о?! – Макс хвостом схватил меня за руку.

– Жаль, термометра нет. Градусов шестьдесят, однозначно...

– Чего нет?!

– Термометра или градусника.

– А что это?

– Это такой прибор для измерения температуры.

Ангалин задумчиво почесал когтем ложбинку под нижней челюстью:

– А з-з-зачем?

– Что зачем?

– Из-з-змерять эту тем...

– Температуру?

– Да.

Я засмеялась:

– И правда, зачем... Просто у меня дома точность – это норма. На Земле огромное количество разных измерительных приборов.

– А з-з-зачем? – он опять задал тот же вопрос.

Тут я задумалась не на шутку.

– Без точных знаний нельзя правильно разобраться в том вопросе, который тебя интересует. Вы ведь тоже как-то от-

меряете расстояния, глубину, на которую ныряете, да и много чего другого, наверно.

Ящер кивнул:

– А 3-3-зачем тебе 3-3-знать, нас-с-сколько вода горячая?

Я пожалала плечами:

– Привычка, наверно... Просто когда-то я была на подобном источнике, вернее источниках. У нас в такие места ездят на лечение.

Чешуйчатые надбровья поползли вверх:

– Лечение?!

– Ну да. Эта вода при правильном использовании может вылечить или облегчить течение некоторых заболеваний. К примеру, если желудок больной, или печень, или суставы, да мало ли что ещё.

Ангалин слушал, вытаращив зелёные глаза.

– А разве ангалины не болеют?

Он покачал головой, поправляя тряпку на морде:

– С-с-старики болеют... Только зачем лечить старос-с-сть?

– Везёт вам... А у нас болеют даже маленькие дети.

Я сходила в дом за кружкой и зачерпнула воды из озера. Когда она немного остыла, я сделала несколько осторожных глотков. Жидкость имела сильный металлический привкус, отдавая ржавчиной. Макс тарацился сначала, а потом не выдержал:

– Это плохая вода! Мёртвая! Как ты можеш-ш-шь пить

её?!

– Если понемногу и строго в лечебных целях, то она только на пользу. Вот поэтому и нужна точность. Надо знать, какая температура у воды и сколько можно выпить.

– А раз-з-зве ты знаеш-ш-шь?

– Нет, но от такого количества вреда не будет, не волнуйся. У нас даже поговорка есть: «Точность – вежливость королей...» По-вашему террханов или рексов. А вот вода эта не такая уж и мёртвая! – мне захотелось ещё больше удивить его. – Из неё можно вырастить каменные цветы!

Макс плюхнулся на хвост и сдёрнул с морды тряпку:

– Цветы?! Каменные?! И ты можеш-ш-шь?!

– Никогда не пробовала, но примерно знаю, как это делается. Можно будет попытаться.

– Это глупос-с-сти! Цветы не могут быть каменными!

– Спорим?!

– На что?!

– На желание!

– А давай! Я даж-ж-же з-з-знаю, какое из моих многих ж-ж-желаний ты будеш-ш-шь выполнять!

– Ну-ну! Посмотрим!

Глава 8

Проснулась я, как обычно, на рассвете. Погода была пасмурная, и шёл дождь. И хотя горное стекло, которое на Ока-

тане вставляли в окна, было больше матовым, чем прозрачным, было видно, что снаружи мрак, а дел на сегодня хватает. Открыв глаза, я неподвижно полежала несколько минут. С одного бока растянулся Макс, обвивая мою ногу хвостом, а с другого – тихонько сопел Бумер, уткнув нос мне в подушку. Ну прямо семейная идиллия!

Пока я умывалась и занималась утренним туалетом, чешуйчатый с лохматым проснулись. По возвращении из конюшни я застала Макса на кухне за разведением огня в плите, а Бумера сидящим рядом и внимательно наблюдающим за его действиями.

– Я в Латрас, к городскому главе, а потом нужно о доставке сена и дров договориться, так что, возможно, задержусь.

– Вот поеш-ш-шь, потом поедеш-ш-шь, холод на дворе.

Я хмыкнула:

– Ничего себе, раскомандовался!

Ангалин улыбался, лукаво щуря один глаз:

– Конечно! А ты думала, я тебя голодной отпущ-щ-щу?!

На полпути я столкнулась с Дайком. Он скакал, закутавшись в плащ с капюшоном. Дождь не прекращался.

– Кари! А я к тебе... – он дёрнул поводья, останавливая рыжего жеребчика.

Я оглядела друга и мысленно улыбнулась: к седлу приторочена пара мешков, а из-за пазухи торчит оранжевый букетик.

– Рада тебя видеть. Я в город, тут дело к фаэдру Балмаару

образовалось, да и дрова нужны и сено для моих подопечных.

– И какое дело? – вопрос был задан с большим любопытством.

– Поехали – узнаешь...

– Но я тут вёз тебе...

– А давай в кустах спрячем, а на обратном пути я заберу... твои подарки.

Парень кивнул и спрыгнул с коня. Всю остальную дорогу до городка мы ехали молча, но на подъезде он обронил:

– Кари, ты прости, конечно, но от тебя жутко воняет!

Я захохотала:

– Забыл, в каком доме я живу?!

– Нет, просто вонь ужасная!

– И что?! Я теперь перестала тебе нравиться?!

Нянь насупился и отвернулся.

– Дайк, дорогой! Пусть лучше от меня несёт этим запахом, чем волчьим духом (или ангалинским), – это я уже подумала про себя. – Иначе все собаки Латраса прибегут нас поприветствовать.

Парень улыбнулся в ответ, и моя любимая ямочка чётко проступила на его щеке:

– А ты права!

– А то! – и мы дружно захохотали.

И правда, собачьего эскорта на этот раз почти не было, а тявканье из-за пары заборов не считается.

Фаэдр Балмаар пребывал уже на месте, в своём, если выразиться моим языком, офисе. Он жил со всей семьёй в этом же большом доме, а посетителей принимал в пристройке с отдельным входом. Он очень радостно меня встретил, а Дайку загадочно подмигнул:

– Что случилось, эрдана Карина? Нужна помощь?

Я протянула ему завещание:

– Вот... в доме нашла, прочитайте.

Он, аккуратненько так, взял протянутый рулончик и развернул. Дайк вытянул шею и тоже принялся читать, выглядывая из-за плеча городского главы. Я уселась в кресло и с интересом принялась наблюдать за их лицами. Мужчины попеременно поднимали на меня глаза, и я видела, что завещание произвело на обоих большое, если не сказать огромное, впечатление.

– А где вы нашли его, эрдана? Это его почерк, я знаю... – наконец проговорил фаэдр Балмаар.

– В подвале есть дверь. Вот там, в замочной скважине...

– В доме есть подвал?!

– Есть. А вы разве не знали?

– Понятия не имел! – глава города некоторое время глупо улыбался, а потом громко расхохотался. – Ах, Жупан! Ах, пройдоха! Я же спрашивал его, оставляет он дом кому-то или нет! Вот же жук старый! И тут учудил! Вот хитрец!

Мне стало интересно, всё-таки родственник как-никак, пусть и ненастоящий:

– А что он вам сказал?

– Незадолго до его смерти я сам поднял этот вопрос, так как старик никому ничего не говорил. А было видно, что он уже совсем плох. Он мне ответил тогда, что наследник объявится сам, а до этого я должен предлагать его дом всем желающим перезимовать в Латрасе. Вот так!

Дайк сначала удивлённо хлопал глазами, а потом как-то незаметно пристроился рядом со мной на подлокотнике кресла. Мой Нянь был в явной растерянности. Городской глава уселся за широкий стол и достал толстый фолиант в кожаном переплёте.

– Ну что ж, эрдана... Я, конечно, не ожидал такого интересного начала дня, но очень рад, право, очень, – он хитро заулыбался и поправил ворот рубашки, – что такая красавица поселится в моём маленьком хозяйстве! И женихи у нас для вас найдутся... Верно, Дайкаран?

Дайк сидел молча, уставившись на свои сапоги.

– Жаль, что деньги за аренду придётся вам вернуть. Да не беда! – и он махнул широкой ладонью. – Не жили богато – не будем начинать!

Я улыбнулась до боли знакомой поговорке. Где Окатан, где Земля, а как часто совпадают!

– Зачем? Не надо мне ничего возвращать...

Фаэдр Балмаар от удивления даже привстал из-за стола:

– Простите моё любопытство, но неужели вы настолько богаты, эрдана, что золотые ранды вам ни к чему?!

– Ну-у-у, – в этот момент я, действительно, почувствовала себя крутой богачкой. Вспомнилась золотая жила и ожерелье из синего жемчуга. – Не настолько уж я и богата, но пусть эти деньги будут моим... вроде как вступительным взносом в ваше хозяйство и пойдут на нужды города.

– О-о-о! Эрдана! – он легко вскочил со стула, несмотря на объёмистость фигуры, подбежал ко мне и, склонившись в поклоне, поцеловал руку. – Богиня! Богиня нашего города! Общаться с вами – сплошное удовольствие!

Я расплылась в царственной, снисходительной улыбке. Приятно быть благодетельницей! Дайк же искоса поглядывал на меня, теребя край плаща.

– Сейчас быстренько составим нужный документ, чтобы вы стали хозяйкой дома Жупана, эрдана Карина. Мне только надо знать ваше полное имя...

– Конечно, фаэдр, пишите...

Он опять уселся на своё место и схватил палочку для письма. «Ну сейчас ты их окончательно добьёшь!» – донёсся хохочущий внутренний голос.

– Карина Мрэя Алексана эн Матвэй, – отчеканила я.

Стилос упал и покатился по доскам прямо под большой комод. Дайк резко вскочил и, наступив на край плаща, чуть не рухнул на пол. Потом оба, в один голос, они не проговорили, а прокричали:

– Эн Матвэй?!

– Да, эн Матвэй.

Немая сцена длилась уже довольно долго, когда градоначальник тряхнул головой, как бы сбрасывая какое-то наваждение, вылез из-за стола и, пройдя через всю комнату, открыл дверь, ведущую в другую часть дома:

– Альба! Кшасу! Мне и гостям!

Потом он обернулся и проговорил:

– Простите, эрдана, день только начинается, но впечатлений уже слишком, вы не против?

– Нет. Да и погода мерзкая, согреться не помешает.

Балмаар захохотал и хлопнул Дайка по плечу:

– И почему ты не сказал, не предупредил, кого привёз в наше захолустье?!

Я молчала. Было интересно, что же Дайк ответит. Но и Нянь хранил безмолвие, опустив голову. Я не выдержала:

– Он не знал, фаэдр Балмаар... Дайк не знал моего полного имени.

– Вот как?! Ну, впрочем, это ваши дела... – и он опять хихикнул.

В комнату вошла довольно симпатичная девушка, темно-волосая, лет шестнадцати-семнадцати, в длинном тёмно-синем платье и жакете, отороченном светлым мехом. Она внесла пузатенький кувшин на круглом подносе и три маленькие рюмки из горного стекла.

– Это моя дочь, Альба, – представил он девушку.

Я кивнула в ответ.

– Альба, можно тебя попросить... – Дайк приблизился к

ней и прошептал что-то на ухо.

Девушка улыбнулась и ушла. Мы с Балмааром вопросительно глянули на Дайка. Теперь он выглядел таким, каким я его помнила по лесной банде: спокойным и уверенным. Похоже, что он, наконец, взял себя в руки или принял какое-то решение.

– Сейчас Кари покажет вам, фаэдр, интересный и вкусный способ распивания кшасы.

Я захохотала:

– Ты помнишь?!

– Конечно! С тех пор я её только так и пью!

Альба вскоре вернулась и поставила на стол соль в плошке и тарелку с тонко нарезанными переспелыми лиггами. Лигги были сладкими, только если их снимали немного недозревшими. Когда плоды задерживались на дереве дольше положенного, то становились всё кислее и кислее. Такую особенность этих фруктов очень широко использовали в местной кулинарии, принося в блюда различные вкусы. Для меня же эта была прекрасная замена лимону.

Я разлила крепкую кшасу по рюмкам и скомандовала:

– Фаэдр Балмаар, повторяйте за мной. Насыпаете соль вот сюда, на руку, слизываете, выпиваете и заедаете кусочком.

После третьей рюмки довольный, покрасневшийся городской глава, кряхтя, слазил под комод, отпихнув Дайка, который хотел ему помочь, и уселся за стол. Он всё быстро написал, я поставила в нужном месте своё полное имя и по-

лучила на руки скрученный в трубочку документ на владение домом Жупана. Однако дело на этом не закончилось.

Фаэдр Балмаар уставился на меня и произнёс:

– Эрдана Кари... Я могу вас так называть?

Я кивнула улыбаясь.

– Дело в том, что это не имеет, по сути, никакого значения, так как завещание подлинное, у меня нет сомнений, но всё-таки... Вы можете доказать, что вы – эн Матвэй? Род исчез давно... Я думал, что Жупан – последний, в ком текла столь древняя кровь. А тут вы, такая молодая и к тому же редкостная красавица. Утолите любопытство!

Я вздохнула и начала раздеваться. У мужчин глаза полезли на лоб.

– Спокойно, спокойно... – меня немного качало от выпитого. – Раздевания под музыку не будет.

Как же они расхохотались! Я смотрела на Дайка и не могла оторваться. Вот он! Такой! Такой, как и раньше! Он так же хохотал надо мной в лесу и эта милая ямочка на щеке, которая всегда так меня притягивала. Я скинула плащ, меховой жилет (хорошо, что лимм не надела, вот была бы проблема) и, развязав ворот туники, высвободила руку. На плече сверкнул браслет – подарок Гуна.

– Вот, смотрите. Это реликвия дома Матвэй, всё, что есть...

Они окружили меня и уставились на плечо. И вот тут Дайк, слегка дотрагиваясь до надписи и немного запинаясь,

прочитал:

– И силой духа воспарив,
В величии и мощи встанет.
И светом жизни озарив,
Надежды мира не обманет!

Эта пауза была ну очень долгой и длилась до тех пор, пока глава Латраса не произнёс:

– За это надо выпить!

Вскоре я уже знала, что к дому Матвэй в Латрасе своё, особое отношение. Много-много веков назад город был основан представителями этого рода, и очень долго здесь находилось что-то вроде их резиденции, да и сам по себе он был гораздо больше. Но потом сильное землетрясение уничтожило Латрас полностью, практически не оставив камня на камне. Однако Матвэй заново отстроили свои владения. Прошли века, и мощнейшее цунами опять сровняло город с землёй. К тому времени дом Матвэй уже потерял былое влияние и силу и начал исчезать. Всё реже и реже в потомках проявлялась родовая метка на левом плече, по которой можно было причислить себя к этому дому.

И вот уже несколько столетий как Латрас представлял собой даже не город, а просто большой посёлок на самом краю восточного побережья Восточных территорий. А эта надпись на браслете, которую я не могла прочитать, являлась девизом, или лозунгом, дома Матвэй. Она была сделана на языке

древнейших, который Дайк постигал во время обучения.

В общем, ввиду всего этого приняли мы на троих знатно. Отметили и моё вступление в наследство, и возвращение в Латрас новой! прекрасной! щедрой! по словам Балмаара, наследницы древнего дома, что городской глава посчитал важным событием и добрым предзнаменованием. Короче говоря, наклюкались. Съездила по делам, нечего сказать! Но ни про дрова, ни про сено я не забыла. Заплетающимся языком фаэдр Балмаар пообещал, что и дрова и сено для Тучки и козы завтра привезут и стоимость будет самая минимальная.

Выпустил он нас только после обеда. Пока я пыталась влезть на кобылу, фаэдр Балмаар всё никак не мог распрощаться с Дайком. Обнимая парня, он шептал ему: «Какая девушка! Какая девушка! Откуда ты её знаешь?! Это же сокровище! Не будь дураком!» И всё в таком же духе. Естественно, Дайк поехал меня провожать, а потом...

Мы валялись в мокрых кустах на полпути к моему дому, как раз там, где спрятали ту поклажу, что Нянь вёз мне с утра (и как только не забыли!), и упоённо целовались. Как уже позже я вспомнила, полезла я первая. Всю дорогу мне хотелось поцеловать его в любимую ямочку на щеке, потому как он почти всё время смеялся, и она не сходила с его лица. Когда же я всё-таки добралась до неё, то, как Дайк потом признался, его в тот момент будто горячей волной накрыло, и он завалил меня прямо под мокрые кусты.

Вот в таком всклочоченном и растрёпанном виде мы и за-

явились в мой, теперь уже во всех смыслах этого слова, Тухлый дом. А вот о том, что я живу уже не только с Бумером, я как-то забыла Дайка предупредить. Макс понял всё сразу, да и Бумер, кстати, тоже. Волчонок забился под стол и сердито рычал, а вот Макс! Это был тот ещё номер!

Когда мы завалились в дом, он важно вышел из кухни с большой деревянной ложкой, зажатой в трёхпалом хвосте. Моей первой мыслью было: «Вот только фартучка и поварского колпака ему как раз и не хватает!» Дайк бухнулся на лавку и облокотился о стол, подперев голову руками:

– Кари, а у тебя тут ангалины ходят... С ложками! – и пьяно захихикал.

Макс окинул нас обоих строгим взглядом и брякнул деревяшкой о стол:

– Ты что?! Напилас-с-сь?!

– Прости, Максик, случайно получилось... Но все вопросы я решила! Вот бумага на дом, – и достала из-за пазухи свёрнутый документ. – А дрова и сено завтра будут, Балмаар пообещал.

И плюхнулась рядом с Дайком. Парень толкнул меня в бок:

– Он разговаривает, да?

Я кивнула:

– Главное, чтобы не распсиховался, а то нам обоим мало не покажется.

Макс хмыкнул, и я поняла – всё нормально, бури не будет!

– Идите с-с-спать, пообщ-щ-щаемся потом на трез-з-звую голову. Уж-ж-ж так и быть, с-с-с-сегодня я тут с-с-сам разберус-с-сь, а вот завтра... – и он погрозил длинным чешуйчатым пальцем, – ты вс-с-сё мне расскажеш-ш-шь, в подробнос-с-стях!

Глава 9

Рассвет ещё только занимался, когда я открыла глаза. Рядом на соломе сопел Дайк, а Бумер, свернувшись в чёрный пушистый комок, грел с другой стороны. Макса нигде не было. Я тревожно оглядела комнату: «Только бы не исчез! Только бы не разозлился! – Но в углу лежала его сумка, и я выдохнула. – Значит, на охоту подался... Скоро вернётся».

Как примерная девочка, не мешкая, я принялась за утренние дела. Уборка конюшни, дойка козы, наполнение поилок и кормушек заняло время. Потом прибежал Бумер и устроил сеанс радостного скуления и вылизывания. Соскучился мой волчонок, а я его на целый день с Максом оставила, тоже мне, «мамка» называется!

Когда я вернулась в дом, то застала там немую сцену. Полураздетый Дайк сидел на кровати, а напротив – Макс, в любимой позе каменной статуи. Не отрываясь, они смотрели друг на друга. Ничего не происходило, никто не двигался.

– Может, хватит уже в гляделки играть? – не выдержала я, стоять столбом порядком поднадоело. – Дайк, познакомься

– это Макс, мой друг, банкорский связной.

Нянь дёрнулся и повернулся на голос.

– Тот самый?

– Да, тот самый.

– И вчера мне ничего не померещилось...

Ангалин немного расслабился, быстро глянул на меня, но продолжал молчать.

– Дайк, Макс рассказал, что кольцо твоя мама сама ему подарила, в благодарность. Он ведь вытащил твою сестрёнку из затонувшего корабля.

Парень перевёл взгляд на ангалина и спросил:

– Это правда?

Ящер кивнул.

– А отец? Он утонул?

Макс пожал плечами.

– Кари, ты ему веришь?

– Конечно! У меня не было поводов усомниться в Максе, в отличие от тебя...

– От меня?! – и парень резко вскочил.

– Я считаю, что нам нужно наконец-то серьёзно и основательно поговорить, обсудить всё... нам троим. У меня к тебе куча вопросов, а у тебя – ко мне и к Максусу. Верно?

– Верно, нужно.

Он быстро оделся, как-то напряжённо несколько раз глубоко вздохнул, будто приводя мысли и эмоции в порядок, и, слегка поклонившись, произнёс:

– В таком случае позвольте представиться, Дайкаран Ирман Риганн эн Тайар.

Ящер усмехнулся и кивнул в ответ. А потом вытянулся, принял горделивую позу и ответил:

– Максашарай эн Шеар, один из вос-с-семнадцати с-с-сыновей Великого Ангалина Рекса!

Дайк отступил на шаг, улыбнулся и глянул на меня:

– Кари! А у тебя хорошие связи!

Я захохотала.

– Значит, ангалины всё-таки могут вполне нормально разговаривать и притом на обычном языке?!

– Могут, – Макс поглядывал то на меня, то на Дайка, – только не вс-с-се.

– Ну что ж... – Дайк взял меня за руки и несколько раз поцеловал в ладони. – Я очень виноват перед тобой. Отправил неизвестно куда, одну... В тот момент не пришло в голову, что кто-то может не знать, что такое райское поле...

– Дайк, но всё в порядке. Не вини себя, ты ведь столько для меня сделал.

– Вот, возьми, – и он снял с шеи шнурок, на котором висело кольцо его матери. – Я хочу, чтобы ты и дальше продолжала его носить. Мне будет приятно знать, что оно у тебя.

Он дёрнул бечёвку, разорвав узел, и надел кольцо на средний палец моей левой руки. Я не сдержалась и хихикнула:

– Опять замуж вышла...

Мои мальчики дружно заулыбались.

– Не прощаюсь, надо в город. Вернусь и поговорим. Я расскажу всё, что ты хочешь знать, хорошо?

Я кивнула, а Дайк, чмокнув меня в щёку, пошёл на конюшню седлать Рыжего. Когда он уехал, я присела на пороге, Бумер устроился у ног, а Макс, обняв хвостом, притиснулся к боку. Было довольно холодно, но хоть дождь прекратился. Ветер доносил шум прибоя у Белой скалы и уже вполне привычный запах сероводорода.

– Макс, а тебе не опасно здесь находиться, на берегу? – спросила я, поглаживая друга по упругой чешуе.

– Два этье, – прошипел он.

– Что «два этье»?

– Пос-с-следний закон Восточных территорий глас-с-сит, что ес-с-сли ангалина поймают более чем в двух этье от побереж-ж-жья без с-с-специального разреш-ш-шения, то ему грозит с-с-смертная каз-з-знь. А отсюда до берега и одного нет. Зде-с-с-сь безопас-с-сно для меня. Поэтому то, что этот удивительный дом принадлеж-ж-жит тебе, невероятная удача. Но, Кари, только не обиж-ж-жайся...

Он стиснул меня крепче и заглянул в глаза, изогнув сильную гибкую шею:

– Я пока не могу доверять Дайку. Я з-з-знаю, что он значит для тебя, но...

– Ты про жилу?

Он кивнул.

– Не волнуйся, я ничего ему не скажу. Дайк связан с Ка-

реллом, а Атаману тоже нужно золото, правда, пока не знаю зачем... Так что не переживай, это наша с тобой тайна.

Ангалин улыбнулся и лизнул меня в щёку.

– Ты его любиш-ш-шь? – этот его вопрос застал врасплох.

– Кого?

– Не прикидывайс-с-ся, что не поняла...

Я пожала плечами:

– Он мне очень нравится, но...

– А вот он тебя любит.

– Возможно...

– Я уверен.

– Ты, похоже, ревнуешь...

Макс ехидно улыбался, показывая клыки, а в изумрудных глазах плясали золотые искорки.

– Так, немнож-ж-жко...

– Ревнуешь! – я крепко обняла его за шею.

– Меня ус-с-спокаивает то, что с Дайком у тебя ничего не мож-ж-жет быть... ну ты понимаеш-ш-шь, так же как и со мной, – и засмеялся.

Я насупилась и ущипнула его за бок, в том месте, где чешуя переходит в шерсть, там у ангалинов чувствительные зоны, я уже знала об этом.

– Не надо смеяться над чужой бедой, Макс! Он такой молодой, а уже вся жизнь искалечена, зачем ты так?

– А я не над ним смеюс-с-сь! А над тобой, над тем, как ты «удачно» женихов себе подбираеш-ш-шь! – и захохотал

ещё громче. Тут я тоже не выдержала. Смотреть, как смеётся ангалин, и не хохотать с ним за компанию невозможно!

Весь день был насыщен делами. Сначала мы перебирали припасы и готовили еду, потом, оседлав кобылу, я поработала водовозом и заполнила большую бочку на конюшне. После добралась до сарайчика, в котором валялся всякий хлам. Там были обломки досок, остатки дров и различные ржавые инструменты. Но нашёлся и моток довольно тонкой зелёной проволоки, оказалось – медь. Хотя металл и окислился, но для моих целей по «выращиванию» каменных цветов вполне годился.

А после обеда я заметила вдали две большие гружёные телеги. Одной правил Дайк, а другой – незнакомый парень. Они привезли дрова и сено для моего хозяйства, а также пять мешков ваго, который на Окатане заменял овёс. Незнакомый парень оказался сыном того самого кузнеца Малахана, к которому я должна была идти, если бы прибыла в Латрас одна.

Пока они с Дайком всё разгружали, Майлан постоянно поглядывал в мою сторону и заодно улыбался. Когда же я подошла рассчитаться за доставленное и работу, парень заметил кольцо и как-то сразу помрачнел.

– Приятно познакомиться, эрдана Карина, – произнёс он звучным басом. – В городе о вас только и говорят...

– Уже?! Интересно, что же? – я заулыбалась, вкладывая в мозолистую ладонь нужную сумму.

– А когда вы успели замуж выйти? Балмаар говорил, что

вы свободны...

Дайк властным жестом обнял меня и поцеловал в щёку:

– Май, Кари – моя девушка, так что остальным желающим познакомиться тоже передай.

У меня промелькнула мысль, что, похоже, об интимной проблеме Дайка в Латрасе не знают.

– Это правда, эрдана? – сын кузнеца пристально меня рассматривал.

Ничего другого не оставалось, как утвердительно кивнуть, и похоже, что это правильный способ оградить себя в небольшом городишке от назойливых ухажёров.

– А ты молодец, Дайк! – и юноша хлопнул Дайка по плечу. – Быстрее всех подсуетился! Но ведь эрдана тебе ещё не жена, так что шансы у нас есть.

Вскоре они уехали, а я осталась на конюшне закидывать сено под крышу. Когда всё было сделано, я бухнулась на кучу соломы и расслабилась. Мозгового в библиотеке не было. Откинув портьеру, я заглянула в лабораторию. Он сидел за столом и смешивал что-то в стеклянной колбе.

– Привет, Тан! Что делаешь?

– А-а-а! Явилась, не запылилась! Да пытаюсь вот соединить несоединимое, но пока не выходит.

– А что именно?

– Да так, ерунда... – он вскочил и махнул мне. – Пошли в библиотеку, там удобней. Ну как жизнь?!

– Будто ты не знаешь! – я упала на кушетку. – Устала!

– Конечно, устала, конечно! Дом, хозяйство, семейные заботы, для меня совсем уже нет времени...

– Ну, Мозг! Не обижайся! Столько всего происходит...

– Я не обижаюсь, дорогая, – он присел рядом.

Я обняла его и привычно уткнулась носом.

– Вот глядишь, и Дайк скоро в Тухлый дом переберётся...

– Думаешь?

– Ещё бы! Ты разве не помнишь, что там, в кустах он тебе говорил?

– Не очень-то...

Он засмеялся и чмокнул в макушку:

– А кто-то причитал, что я алкоголик! А выходит, не я, а ты! Дайк несколько раз сказал, что готов быть твоим слугой, рабом, кем угодно, так как нормальным мужем быть не может, лишь бы только находиться рядом.

– Он так и сказал?!

– Я, в отличие от тебя, всё прекрасно помню!

– Ох, Тан! Я всё равно ничего не понимаю. Если ты – это я, а я – это ты, то как может быть, что ты помнишь, а я – нет? Мне иногда кажется, что всё же мы не единое целое, хотя ты и пытаешься постоянно убеждать меня в обратном.

Глава 10

Поток ледяной воды выдернул из подсознания, и я открыла глаза. Дайк тряс меня за плечи, Макс сидел рядом, держа

хвостом пустое ведро, а Бумер жалобно скулил и упорно лез на руки.

– Кари! Кари! Что с тобой?! – Нянь заботливо стряхивал с меня холодные капли. Макс же был спокоен. Он снисходительно поглядывал на хлопчущего Дайка и улыбался.

– Дайк, всё в порядке... Со мной такое часто бывает, – ответила я, поднимаясь и отжимая юбку и тунику. – Всё хорошо... Видишь, Макс не переживает, он уже таким способом приводил меня в чувство.

– Что хорошо?! Что хорошо?! Ты больна?!

– Да не больна я! Не больна! Успокойся!

Битый час я убеждала Няню, что со мной ничего страшного не происходит. Что это не последствия травм, что такие отключки нормальны, что в такие моменты я вижу странные сны, как бы погружаюсь вглубь себя и так далее и тому подобное.

– Она там в гос-с-сти ходит, – добавил Макс, собирая с пола солому возле кровати. – К этому, как его...

– Профессору, – дополнила я, переодеваясь в сухую одежду.

– К кому?! – Дайк закинул на кровать вполне приличный матрас, который привёз из города, и повернулся ко мне.

– Дайк, это сон! Просто сон! И если бы вы меня не облили, то я и сама бы вскоре проснулась.

– Но, Кари! Я будил тебя, и твоё лицо было такое странное, ты будто потеряла сознание.

Макс закончил уборку и дёрнул парня за рукав, ехидно и в то же время снисходительно улыбаясь:

– Хоть ты, Дайк, и знаеш-ш-шь нашу девочку вроде как дольш-ш-ше меня... однако я-то общался с ней гораз-з-здо больше твоего... Так что ес-с-сли что-то непонятно, ты у меня спрашивай, ладно? – и, вытянув хвост, похлопал его по плечу.

Я улыбнулась про себя: «А общение у них налаживается... Это замечательно!»

После ужина мы уселись за стол в передней комнате с кружками горячего травяного чая. Я немного растерялась и не знала, с чего начать столь важный и долгожданный разговор. Голос Тана в ухе оказался необходимой поддержкой: «Начинай с самого начала. Спроси, как они тебя нашли, в каком состоянии, сколько ты была без сознания, а дальше разговор сам пойдёт». Я кивнула своим мыслям и заметила, что Дайк опять странно и подозрительно посмотрел на меня.

– Дайк, я хочу знать подробно, где именно вы нашли меня и как всё происходило.

Он прихлебнул из кружки и начал свой рассказ...

Про деревню Дикие Петухи и волчьи ямы я уже знала от Граса, а вот далее было очень интересно. Оказалось, что на грани жизни и смерти я была около шести суток. Когда они вытащили меня, то сначала не знали, что со мной делать. Видно было, что я очень плоха, так как потеряла много крови. Глубокие рваные раны оставили острые колья, которые

торчали в волчьей яме, и как я упала в неё так, что они не проткнули меня насквозь, для моих спасителей осталось загадкой.

Лакр и Олли не хотели меня тащить, они сразу сказали Кареллу, что я вот-вот умру и нет смысла возиться с трупом. Кто бы сомневался! Однако Атаман с Дайком осмотрели меня и, так как я ещё дышала, решили попробовать хоть что-то сделать. Всё-таки на Окатане женщин берегли, а вот если бы на моём месте оказался какой-либо мужчина, то не стали бы и возиться.

Моя одежда вызвала очень много вопросов, особенно белё и молния на джинсах, но ведь объяснить я ничего не могла. Вот так Дайк и начал меня выхаживать, а так как Карелл взял его в лес именно в качестве лекаря, то всё необходимое у него было, включая траву разума. В этот момент в разговор встрял Макс с давно интересовавшим его вопросом:

– Откуда она у тебя, Дайк? Откуда?! Это наш-ш-ша трава! Люди не долж-ж-жны о ней з-з-знать!

– Мне дал её мой учитель перед отъездом на Север. Он сказал, что трава эта уникальная и что если вдруг мне понадобится восстановить речь больному или вернуть память после тяжёлых повреждений головы, то я могу её использовать. Но после употребления возможны непредсказуемые последствия, поэтому посоветовал применять только в крайних случаях. А вот откуда она у него, не знаю, не спрашивал.

Я хмыкнула:

– Так и думала, эксперимент на мне ставил, работает или нет.

– Кари, я...

– Всё в порядке. Если бы не эта травка, то мне здесь пришлось бы очень туго, поэтому спасибо... Ведь получилось, – и сжала его ладонь.

Проговорили мы почти до утра. Дайк рассказал о себе всё, что я хотела знать. Оказалось, жил и рос он в столице, там же и учился. Родители его вместе с младшей сестрой уже более пятнадцати лет назад как отправились на Запад, перед самой войной с делегацией послов. Его отец служил при дворе терхана, занимая неплохую должность. Когда поступил приказ отправиться в Дирму, мать уговорила взять её с собой, так как назначение предстояло долгое. Сестра Дайка, Трия, была ещё очень маленькой, крошке не было и года, а Дайку – почти девять и он уже жил при лекарской школе, где учителем был старинный друг Хилла, известный в столице целитель.

Родители решили, что он уже достаточно взрослый, чтобы остаться и не прерывать занятия, так как, по словам Алцелана, у Дайка был талант, да и учиться ему очень нравилось. Они послали весточку деду в Маргос, чтобы при первой же возможности тот приехал и присмотрел за внуком. Проводив родителей, Дайк остался один. Он не знал ещё тогда, что видит свою семью в последний раз.

Вскоре после приезда деда Дайк узнал, что корабль с по-

слами до Дирмы не доплыл, а чуть позже было объявлено о нападении войск Западного терра на Большие Южные пре-рии, и началась война. Они ещё очень долго ждали, что, может, кто-нибудь объявится из выживших, но никаких вестей не было. Хилл не выдержал и отправился на поиски дочери, зятя и внушки, оставив Дайка на попечение своего друга.

Как я уже знала, война затянулась и в итоге была проиграна. Тогда-то Дайк и познакомился с Кареллом. Своих учеников лекарь Алцелан пристроил, типа на практику, в городскую тюрьму, обычных больных им ещё не доверяли. К слову сказать, окатанская медицина заключалась в основном в хирургии: зашить, обработать раны, правильно сложить сломанные кости; родовспоможении, облегчении лихорадочных состояний различными травами, помощи при отравлениях. Никаких операций, при которых нужно вскрывать тело, тут не знали. Когда Дайк услышал, что у меня на родине лекари режут направо и налево, удаляют органы, а на их место пришивают другие, вскрывают черепные коробки, вырезают различные опухоли и так далее, то его, бедного, даже затрясло, и он с жаром заговорил:

– Кари! Это правда?! Так делают?! Это возможно?!

Я ответила, что такой уровень медицины, как сейчас на Окатане, был на Земле очень давно, и с тех пор наука шагнула далеко вперёд. Однако, несмотря на то что земная медицина творит чудеса, люди от этого меньше болеть не перестали.

Карелл в то время находился в столичной тюрьме, и террхан не собирался выпускать его оттуда. Дайк рассказал, что своего племянника, несмотря на его молодость, террхан поставил во главе войск, защищавших Южные прерии, а пока тот воевал, склонил его юную жену к любовной связи и она забеременела. Однако девушка умерла, так и не родив ребёнка. Террхан хотел, чтобы племянник погиб на поле боя, но он вернулся. Почти сразу Карелла бросили в тюрьму, обвинив в предательстве. Там его долго пытали, выясняя, почему он проиграл последнюю битву и сколько ему заплатили за то, что он сдал Западному терру Большие Южные прерии. И только после побега он узнал, что произошло в его отсутствие.

«Да-а-а... История стара как мир. И на Окатане идут на подлости и убийства, чтобы скрыть свои грехи», – подумала я, когда услышала о злочлечениях Атамана.

– А ты не думал о том, что, возможно, сам террхан причастен каким-либо образом к проигрышу в войне? Может, он всё так устроил, чтобы избавиться от Карелла? – спросила я Дайка.

Он на несколько секунд задумался:

– Карелл тоже так говорил. Правда, поверить в то, что сам Великий террхан отдал такие плодородные земли только ради того, чтобы Карелл погиб, мне как-то сложно. Ведь полегло столько людей...

– А я вот почти уверена, что Карелл прав. В истории моей

родной планеты полно примеров того, как от прихотей или безумных идей одного человека гибли армии и целые народы.

Так как Дайк в то время был ещё учеником, то ему разрешили повозиться с умирающим арестантом, возможно, в надежде, что мальчишка быстрее отправит к Хранителю крайне неугодного при дворе родственника Великого терра. Но Дайк решил во что бы то ни стало вылечить своего первого пациента и сделал для этого всё возможное. И этот шрам на лице у Атамана – его первая серьёзная работа. Так как часть тканей сгнила, восстановить полностью лицевую активность было уже невозможно, однако сильнейшее воспаление удалось ликвидировать и сшить здоровые ткани. Дайк потихоньку таскал заключённому еду, пряча её то в сумке с травами, то на себе, а Карелл прикидывался умирающим.

А потом Дайка нашёл Грас, который его выследил и знал о том, что ученик лекаря имеет доступ в тюрьму. Грас, Олли и Лакр воевали в личном отряде Карелла, и многое испытали вместе, и через некоторое время с помощью Дайка организовали ему побег. Буквально через неделю, когда вся столица стояла на ушах, так как на поиски сбежавшего террхан бросил все силы, в доме Алцелана случился пожар. В том, что это был поджог, Дайк не сомневался. Только чудом никто не погиб тогда. Дайк, как один из старших, помогал спасать остальных и самое ценное имущество. Вот тогда-то его и накрыло полыхающей балкой. Вся нижняя часть тела сильно

обгорела, однако Алцелану удалось спасти своего любимого ученика.

Когда Дайка уже можно было перевозить, Алцелан покинул столицу, распустив учеников по домам, а Дайка увёз с собой. Террхан объявил, что лишает Алцелана всех званий и привилегий за пособничество преступнику и запрещает заниматься лечением кого бы то ни было на всех Восточных территориях. У Алцелана имелся дом в Латрасе, и они отправились туда, по пути заехав в Маргос к дальней родне деда, где учитель оставил весточку для него, чтобы Хилл, по возвращении, знал, где их искать.

Хоть Дайк и очень боялся, но всё же рассказал учителю, что Карелл сбежал благодаря его удачному лечению и помощи, и очень переживал, что из-за него тот так пострадал. Однако Алцелан не сильно-то и рассердился. Посетовал, конечно, что Дайк с ним не посоветовался и не рассказал обо всём раньше, но потом выразил мнение, что наказание, которое Дайк понёс, несоразмерно его проступку, ведь он всё-таки лекарь и в первую очередь должен помогать тем, кто в этом нуждается.

А через некоторое время их догнал Карелл. И Дайку, и учителю он всучил по увесистому кошелью золотых рандов и велел оставаться в Латрасе. Дайк с Алцеланом прожили в посёлке больше года, пока не вернулся Хиллан. Никаких следов дочери, зятя и внучки он не нашёл. Единственное, что удалось узнать, так это про сильный шторм в те дни, и что

неподалёку от корабля рыбаки видели группу вооружённых ангалинов. Похоже, что в живых никого не осталось. В то время Дайку было уже шестнадцать лет.

А вскоре Алцелан уехал на Север с одним из вербовщиков и отписал свой старый дом Хиллу и Дайку, так как возвращаться не собирался. Несколько раз в год объявлялся Карелл и привозил Дайку то денег, то какой-либо хороший товар на продажу, в общем, помогал. Дед это всё не одобрял, но от помощи всё же не отказывался. Дайк лечил местных, а Хилл рыбачил и занимался хозяйством. Вот так они и жили, пока четыре года назад на попутном корабле не прибыл торговец, который и привёз весточку от матери Дайка. В короткой записке было сказано, что она и дочка проживают в Дирме в богатом доме, но в качестве рабынь. Относятся к ним неплохо и всё необходимое у них есть, однако уехать или сбежать невозможно. Нужен выкуп, а менее чем за несколько сотен рандов за каждую хозяйин не выпустит. И всё.

Торговец рассказал, что женщина, которая передала письмо, так плакала и так просила, что он не смог ей отказать. А так как его путь пролегал и через столицу, и через Маргос, он согласился. Не найдя ни Хилла, ни Дайка, торговец отправился в последнее место, на которое ему указали, – в Латрас.

Когда же снова объявился Карелл, то после рассказа Дайка о выкупе предложил уйти с ним в качестве помощника и лекаря, пообещав помочь с деньгами. Вот так Дайк и ока-

зался в банде. В набегах он почти не участвовал, Карелл не хотел его втягивать, а вот разведчиком и наводчиком был до тех пор, пока Атаману не удалось наладить довольно большую сеть из своих людей в разных городках и поселениях. И года через полтора они обосновались на Кифовом носу.

Кареллу было нужно золото, для того чтобы платить агентам, закупать оружие и собирать свою армию. Он хотел вернуть в состав Восточных территорий их исконные земли, Большие Южные прерии, которые отошли на Запад, и тем самым восстановить своё доброе имя.

Была уже глубокая ночь. Бумер спал у меня на коленях, а Макс, растянувшись возле стола и слушая рассказ Дайка, тоже клевал носом. У меня же сна не было ни в одном глазу. Очень многое из того, что рассказал Дайк, я и сама уже подзревала, но теперь всё стало гораздо понятнее, открылось много подробностей из жизни знакомых и таких важных для меня людей. Я спросила:

– А почему ты боялся там, в лесу, что Карелл убьёт меня? Или тебя?

Нянь глубоко вздохнул:

– Мы ведь не знали, кто ты, откуда... Да и Лакр всё зу-дел, что от тебя надо избавиться. А Карелл... Он прикипел к тебе, все это заметили. Да он и сам злился, что ты оказала на него такое влияние. Мы же слышали, пусть и не всё, что он шептал тебе по ночам. А потом налёт этот неудачный, ну помнишь, когда Олли ранили?

Я кивнула.

– Карелл ведь меня в свои дела не очень-то посвящал. Грас намекнул как-то, что будем менять место, засиделись мы на Кифовом носу, а Карелл не знает, что с тобой делать, боится, что подослали тебя, ведь ты ничего не могла объяснить. Вот тогда я и решил, что, как представится возможность, отправлю тебя по туннелю, а может, и сам с тобой уйду. Мы ведь почти за тобой и сбежали, и как только времени хватило тележку в туннеле наверх подтянуть?! Но всё-таки я очень виноват... – и, обхватив голову, хлопнул носом. – Когда появился летун от Хилла, я ведь держал самку в пещерке под водопадом, то я сразу подумал о тебе. Если тебя действительно подослали, то что будет с тобой, когда сыскари нагрянут? Надо было в первую очередь парней будить, а со мной будто помутнение случилось, и Грас был бы жив...

Я улыбнулась и, приобняв его, прошептала на ухо:

– А Грас жив...

Дайк дёрнулся:

– В каком смысле?!

– В прямом. Во всяком случае, когда я виделась с ним в Банкоре, здоровяк был довольно бодрым, хоть и измучен долгим заточением.

– Что?! Он жив?! Ты его видела?!

Теперь настал мой черёд делиться воспоминаниями. Сказать, что мой рассказ о спасении Граса из Банкорской тюрьмы произвёл на Дайка впечатление – значит ничего не ска-

зять. Нянь был в шоке! А то, что ключевую роль в этом сыграл Макс, а не я, – повергло его в состояние полного ступора! Он и плакал, и хохотал, когда мы, на пару с Максом, рассказывали, как самозабвенно копали, как, в буквальном смысле, пришлось вытаскивать этого здорового северянина из камеры, как выкрутилась перед наместником охрана, подставив и опознав вместо Граса другой похожий труп.

В общем, историю своих приключений после побега с Кифового носа я закончила только на рассвете, и то в общих чертах. Макс уплыл на охоту, пообещав поймать помимо рыбы каких-нибудь морских птиц, чтобы разнообразить наш рацион, а мы с Дайком принялись за утренние дела.

Вдвоём мы управились очень быстро. В конюшне он задал вопрос, который я уже ожидала.

– Кари, а как ты... вернее, вы с Максом посмотрите на то, чтобы мне остаться с вами в Тухлом доме? Я обещал Кареллу присматривать за тобой, если ты объявишься в Латрасе...

Я опёрлась на вилы и повернулась к парню:

– Ах, присматривать! Ну до весны я точно отсюда никуда не денусь. А присматривать можно и из города, просто заезжать иногда...

– То есть ты не хочешь...

– Почему не хочу? Хочу! И, уверена, Макс тоже не будет против. Только, Дайк... Я надеюсь, что ты уже понял... Я теперь не та беззащитная, умирающая девушка, которую ты спасал, и я не принадлежу ни Кареллу, ни кому бы то ни

было, и присматривать за мной не нужно. Как только будет возможность, я вернусь на Кифов нос и попробую отыскать то место, тот переход или проход между нашими мирами, через который и попала сюда, если он, конечно, будет существовать. А вот захочешь ли ты проводить меня туда или нет, дело твоё. Найду я эту точку перехода или нет, я не знаю... но пока моя цель такова, а дальше посмотрим по обстоятельствам.

Дайк забрал у меня деревянное орудие труда, потом обнял и уткнулся носом в волосы:

– Я хочу остаться здесь, с тобой и мне плевать, как Карелл или кто-то ещё на это посмотрит. Раньше весны никто из них всё равно не объявится. Ведь ты его не боишься?

Я покачала головой:

– Нет, уже не боюсь. Я знаю, что на самом деле он не настоящий бандит, он благороден, верен и предан своим друзьям. Вот и тебя не убил за то, что отпустил меня. Чего бояться? Я уже умирала несколько раз, поэтому, наверно, мне и не страшно...

Дайк немного отстранился и заглянул в глаза:

– Мне теперь тоже не страшно... Ты столько рассказала, открыла такой странный и удивительный мир! И сама такая же удивительная, отари... Звёздочка...

Заметив, что глаза Няня начинают блестеть, а взгляд становится томным, я больно ущипнула его и, хохоча, повалила на солому:

– Можешь хоть сегодня перебраться к нам. Только вот что Хилл твой скажет?!

Швырнув в меня комом соломы, Дайк рассмеялся:

– Он в Банкор собирается, с первым же попутным кораблём! Говорят, тамошний наместник больно всякие редкости любит, попробует Вечный свиток продать.

– Да... Я тоже слышала, про такую страсть наместника...

– Потом в Латрас вернётся, как только шторма прекратятся, и будем решать, что делать.

– В таком случае я хорошую гостиницу знаю. А моё письмо он сможет передать?

Дайк хмыкнул:

– А куда он денется?! Ты же ему и десять рандов, и Вечный свиток подарила! Кари! Неужели ты могла подумать, что Хилл настолько неблагодарный?!

– Нет, конечно. Конечно же, нет...

Глава 11

Вот так мы и зажили втроём, вернее вчетвером, Бумера забыла, а если ещё и Тучку посчитать, и козу, то вшестером. Хилл, действительно, вскоре уехал. За день до его отплытия Дайк, под мою диктовку, написал два письма: одно – Крианну, с просьбой принять Хилла как моего друга, а другое – Гуну. Пока Нянь писал, то всё посмеивался, что я – пришелица из далёкого и такого развитого во всех смыслах мира,

а писать толком не умею. Пришлось устроить ему маленькую взбучку из щипков и подзатыльников. В конце каждого письма, рядом с именем, я нарисовала по весёлому чертёнку. Эти хвостатые, пузатые рогатики уже стали моим фирменным знаком.

За несколько дней Дайк навёл в доме, сарае и на конюшне идеальный порядок. Закупил пять ящиков свечей и столько же бочонков с маслом для фонарей, светильников и факелов, привёз часть своих вещей и кое-что из мебели, а именно: раскладушку для себя, небольшой такой, аккуратненький комодик с удобными выдвигаемыми полками и пару низких табуретов. И всё это время, пока наводил порядки, причитал, что вот, дескать, прожил в Латрасе столько лет, а то, что у Жупана такой удивительный дом, и представить не мог, как и никто в округе. Жупан гостей не любил, а когда ему было нужно, сам приходил в город. А из-за того, что у Белой скалы почти всегда такая вонища, набиваться к нему в друзья никто из горожан и не жаждал.

Отопление, кран перекрывания запаха, горячий сероводородный источник и большая пещера со складом оружия привели парня, как и недавно Макса, в состояние полного восторга. А Макс тоже был доволен. На нём осталась только забота о нашем пропитании разнообразной плавучей живностью и вкусными кисловатыми водорослями, чем-то похожими на обычную земную морскую капусту. Я же, наконец, занялась своими каменными цветами, тренировками в пещере

и воспитанием Бумера.

Когда из проволоки и бумаги, которую по моей просьбе привёз Дайк, я накрутила с десятков бумажных роз, Нянь с Максом ехидно посмеивались. Когда же в пещерке подвеси́ла их над гейзером – откровенно хохотали. Однако через неделю смешки по этому поводу вдруг прекратились. Я не ходила в пещерку, так как знала, что на формирование налёта арагонита на поделках понадобится дней десять, если не больше, а вот мои парни часто туда заглядывали.

Мне же хотелось научиться стрелять из лука, метать копья и боевые топоры и, хоть немного, махать мечом. Дайк по поводу такого абсолютно не женского желания, по местным меркам, даже не возмутился. Когда же я спросила почему, то он ответил, что, по его мнению, никакие местные законы на меня не распространяются и если для моего мира это нормально, то он готов помочь, чем сможет. На что я только обалдело кивнула.

Погода испортилась окончательно. На улицу и носа показывать не хотелось. С моря всё время дул очень сильный, ледяной, пронизывающий до самых костей, ветер и каждый день шёл дождь. Земля размокла так, что в некоторых местах можно было провалиться почти по колено. Но Тухлый дом находился у Белой скалы, на высоком берегу, и утонуть в грязи нам не грозило. Да и основная часть пути к Латрасу пролегалa по каменистому склону, и попасть в городок больших проблем всё же не составляло. Я в городе не показыва-

лась, если было что-то нужно, в Латрас ездил Дайк. Там уже все знали, что он живёт в Тухлом доме, и местные парни ему жутко завидовали.

Как-то вечером, когда я вернулась из нашей тренировочной пещеры очень злая, оттого что у меня почти ничего не получалось: меч был слишком тяжёл, хоть мне и выбрали самый лёгкий, копья улетали в сторону и никак не втыкались в мишень, а стрелы вообще из рук вываливались, – Макс уселся рядом и положил голову на колени:

– Я хочу спрос-с-сать...

Я погладила его по бархатной чешуе:

– Спрашивай...

– Помниш-ш-шь наш спор?

– И что?

– А какое ж-ж-желание ты загадаеш-ш-шь?

– А-а-а! Значит, я выиграла! А ну-ка, пойдём посмотрим!

Каменные розы получились великолепно. Если не знать, что на самом деле каркас – это проволока и бумага, а жёлто-оранжевый, ржавый, твёрдый налёт с включением крупных и мелких песчинок – всего лишь действие гейзера, то создавалось полное впечатление, что это живые, только застывшие в камне, цветы.

Дайк бросил работу по сооружению лежанки для Макса, который категорически отказался спать на полу, аргументировав тем, что даже Бумер почивает на подстилке, и они оба принялись восхищённо рассматривать мои поделки.

– А если их покрыть древесным лаком? – спросил Дайк, вертя в пальцах каменный цветок.

Я кивнула:

– Так ещё лучше будет. А потом можно подарить кому-нибудь, например Балмаару...

Макс подпрыгнул:

– Дарить?! Таковую крас-с-соту?! Только продавать!

Дайк одобрительно глянул на Макса:

– Правильно! Цветы Кари! Прекрасная идея!

Однако на том, чтобы преподнести несколько цветочков городскому главе, я всё-таки настояла.

Ночью мне никак не спалось. В голове каруселью крутились мысли о том, что вся эта затея с оружием и попытками научиться с ним управляться не приносит почти никаких результатов. Такой «безрукости» в этом отношении я от себя не ожидала: «Вроде и со зрением всё в порядке, и правильно прицеливаться я могу, но физической силы явно не хватает, а может, дело совсем не в этом... Слабачкой себя я никак не считаю. Скакать верхом я же научилась и вполне неплохо держусь в седле. А вот оружие меня не слушается почему-то...»

И Дайк, и Макс, обучая меня, в один голос твердили, что я очень тороплюсь и так быстро, как я хочу, не получится, что нужны годы тренировок, чтобы научиться искусно владеть мечом, обращаться с метательным оружием и стрелять. Мне же казалось, что они просто успокаивают меня, видя,

что ничего не выходит.

Я спокойно лежала и слушала тишину: Дайк сопел на раскладушке, из угла Макса доносилось тоненькое присвистывание, а Бумер, свернувшись калачиком, тихо спал в ногах. Закрыв глаза, я вошла в библиотеку. Тан сидел за столом и что-то строчил при свете зелёной лампы. Я бухнулась на кушетку:

– Диссертацию пишешь?

Он улыбнулся и поднял глаза:

– Что-то вроде того. Вижу, пришла не потому, что соскучилась...

– Ничего не выходит, Тан. Я то ли безрукая, то ли косая... Махать мечом долго не могу – руки отнимаются. Копья улетают куда-то не туда, даже из лука не получается правильно выстрелить. Вроде всё делаю как парни говорят, а сдвигов нет.

– Ты слишком торопишься, вы совсем недавно начали.

– Да, они тоже так говорят...

Мозговой ухмыльнулся, аккуратно сложил стопочкой свои бумаги и встал из-за стола, одновременно снимая халат. Он остался в чёрной футболке без рукавов и таких же широких штанах на завязках. Я открыла рот. Мозг переоделся! Первый раз он предстал передо мной в другой одежде!

– Так уж и быть. Пойдём, научу кой-чему. Тому, чему твои мальчики не смогут...

Он схватил меня за руку и поволок за собой. Выйдя из

библиотеки, мы миновали коридор, пока не оказались перед высокой двойной дверью. Тан толкнул ее, и мы очутились в огромном, светлом и гулком спортивном зале. Я ошарашенно крутила головой по сторонам в состоянии дикого восторга.

– Потрясающе!

Отпустив мою ладонь, он взмахнул руками:

– Нравится?!

– Обалдеть! И это внутри меня?!

– А то!

В этом зале было всё: мечи, кинжалы, копья, боевые топоры, щиты. Оружие различных видов и размеров в строгом порядке было развешено на стенах. На специальной стойке лежали длинные и более короткие луки, а рядом колчаны полные стрел. Мишени, стоячие и висячие, виднелись у противоположной стороны, а с высоченного светлого потолка свешивалось несколько канатов и верёвочных лестниц. Ещё в углу я заметила кучу матов.

– Я же обещал тебе зал для тренировок. Принимай работу!

– Спасибо, Тан! Ничего подобного я не ожидала!

– В таком случае приступим. Для начала попробуем разобраться с луком.

Он установил мишень с чёрным кругом в центре, отсчитал восемнадцать метров и, всучив мне лук, стал за спиной.

– Вкладывай стрелу, натягивай тетиву, смотри прямо в

центр мишени и слушай меня очень внимательно.

Я всё выполнила и застыла неподвижно.

– Ты очень сильная, Кари, и я уже говорил об этом. Твоя сила находится внутри, и она заключается не столько в силе мышц тела, сколько во внутренней энергии, которой ты обладаешь. Тебе не нужно прикладывать слишком много физических усилий для того, чтобы твои стрелы летели точно в цель, копье, брошенное тобой, пробивало броню, а меч наносил мощнейшие удары, хотя совсем без физических нагрузок мы, конечно, не обойдёмся. Главное для тебя – это научиться высвободить некую часть своей внутренней энергии и придавать ей тот вектор, который нужен в данный момент. Вот этому ты и будешь здесь учиться. Если освоишь эту науку, то остальное – дело техники.

Он замолчал, а потом спросил:

– Ну как? Руки не устали?

Я не чувствовала особой усталости и напряжения:

– Нет пока...

– Это потому что ты полностью сосредоточилась на моих словах и мишени и больше ни на что не отвлекалась. Запомни это ощущение. Теперь смотри не просто в центр мишени, а постарайся видеть только чёрный круг и не замечать цветных кругов вокруг. Только чёрный круг и ничего больше. Смотри на него и как бы сквозь него, а когда он увеличится и начнёт приближаться – стреляй.

Ровный, спокойный голос Тана за спиной действовал буд-

то гипнотически. Я глубоко вздохнула и пристально всмотрелась в круг. Дыхание остановилось, а сердце замерло. Вдруг чёрная точка выросла немного и, действительно, начала словно двигаться ко мне. Я разжала пальцы. Стрела, со свистом, вонзилась в самый центр мишени, войдя в неё почти на треть. Я даже лук выронила:

– Тан! Ты гений!

А потом возбуждённо завопила и помчалась в конец зала убедиться, что мне ничего не мерещится. Но всё так и было. Мало того что я попала, как говорится, в яблочко, так ещё и стрела вошла очень глубоко. Вот это выстрел!

Сложив руки на груди, Тан снисходительно улыбался:

– Рано радуешься, моя дорогая. Однако теперь ты знаешь, на что способна, только нужно научиться вызывать это состояние в настоящих, постоянно меняющихся условиях, довести его до полного автоматизма и при этом не отключаться от окружающей обстановки. Продолжай...

Из двадцати последующих выстрелов попасть в мишень получилось всего лишь шесть раз и из них только один – в центр. Но я была рада и такому результату. Тан же постоянно отвлекал меня, то смеялся, то дул в ухо, то щипал за мягкие места. С метанием копья и боевого топора тоже получилось несколько раз попасть туда, куда целилась, а вот с мечом дело обстояло совсем плохо. Для него нужна была особая техника, отработка движений, замахов, уклонов, положения рук, ног, головы и так далее...

Я была мокрая как мышь, когда мой внутренний учитель наконец-то сжалился и выволок меня из зала.

– Всё, ступай... Тебе нужно отдохнуть, да и мне не помешает.

– Разве ты устал?

– Есть немного, – он улыбнулся и вытер пот с моего лба.

– Но выглядишь прекрасно. И тебе очень идёт спортивная форма. Ты в ней такой красивый, мужественный... Никак не скажешь, что древний профессор, молодеешь на глазах!

– Это моя любимая девочка так влияет... – и, чмокнув в щёку, добавил: – Жду тебя здесь три раза в неделю, выкручивайся как хочешь, никакие отговорки не принимаются. В свободные часы занимайся с Максом и Дайком, так сказать, в режиме реального времени. Каждому из них есть чему тебя научить. Советую составить расписание...

Я обречённо вздохнула:

– Чувствую, что эта зима будет для меня жаркой.

– Сама напросилась, потом ещё спасибо скажешь.

– Уже говорю. Начинает ведь получаться...

Он кивнул и открыл дверь в библиотеку:

– Иди, тебе пора... волнуются твои парни.

А парни, включая Бумера, не просто волновались, они были в панике. Друзья решили, что я серьёзно заболела, так как, во-первых, добудиться меня они не могли, а проснулась я только ближе к вечеру, а во-вторых, я была вся мокрая и металась будто в бреду.

Пришлось опять их успокаивать, особенно Дайка. Мои визиты во сне к загадочному внутреннему другу, то бишь профессору, давно настораживали Макса, как он сам сказал, а Дайк вообще не понимал, как сны могут быть настолько «живыми». Бумеру же объяснить это совсем было невозможно.

В конце концов, я устала убеждать своих друзей, что всё со мной в порядке, и решила показать. В пещере, которую мы приспособили для тренировок, я выбрала небольшое копьё и приготовилась для броска. Несколько минут никак не удавалось сосредоточиться, так как парни настороженно следили за каждым движением, а Бумер крутился у ног. Но вскоре удалось справиться с дурацким волнением, и на медленном выдохе я ощутила, как внутри, где-то глубоко под диафрагмой, будто выскочила какая-то пробка. В этот момент я и совершила бросок.

Копьё насквозь пробило мешок со смесью из песка и соломы и вонзилось в каменную стену, от которой через несколько секунд отвалился крупный кусок породы. Спиной я ощутила, как Макс и Дайк, стоящие позади, вздрогнули. Голос в ухе тревожно зашептал:

– С ума сошла?! Вспомни шторм! Хочешь, чтобы вся Белая скала на вас рухнула?!

Я оторопела:

– Что ты сказал?!

– Я сказал, что нужно контролировать себя! Контролиро-

вать!!! И не выпустать свою мощь на свободу!

Меня будто парализовало от его слов. Макс подбежал к мишени и, обхватив копьё трёхпалым хвостом, рванул на себя – не поддалось. Он дёрнул сильнее, и оно выскочило из глубокой трещины. Мои мальчишки просто лишились дара речи, когда воочию увидели результат «сонных» тренировок. Приведя немного эмоции в порядок, я выдохнула:

– Ну как бросок? Вот этому я и училась, пока спала.

Дайк с Максом переглянулись. Ухватив метательное оружие, ангалин стал на моё место и, обернувшись вокруг себя, резким и быстрым движением послал его в цель. Копьё пробило мешок, но в стену не вонзилось. Они опять переглянулись, а потом уставились на меня. Схватив Бумера в охапку, хотя волчонок был уже очень увесистым, я рванула из пещеры. Дом был мой, однако спрятаться там, отгородиться от друзей, чтобы побыть в полном одиночестве, было сложно, и я побежала к морю.

Какое-то время я шла вдоль берега, перелезая или огибая огромные валуны, пока не присела на круглый камень у самой воды:

– Ты про ураган в Перриколе?

Тихий и спокойный голос ответил:

– На моей памяти других не было...

Молчала я долго, машинально глядя Бумера по мохнатой голове, успокаивало как-то. Небо было серым от лохматых туч, а мокрый, холодный ветер пронизывал насквозь.

– Это не может быть правдой, Тан. Какая такая сила и мощь?! О чём ты?!

Он вздохнул, во всяком случае, мне так показалось, и ответил:

– Я давно пытался подвести тебя к этой мысли. Однако знал, что твоя реакция может быть непредсказуемой. Тот шторм твоих рук дело, Кари... Вернее, мыслей, чувств и эмоций...

– Почему раньше не сказал? – я сжала пальцы в замок и уставилась в размытую, серую линию горизонта.

– Повода не было, да и испугать тебя боялся...

– Ты можешь объяснить более подробно? Что за сила такая?

– Это сложная тема...

– Не увиливай! Хотя бы в общих чертах... Должна же я знать, с чем имею дело.

– Ну хорошо, попробую... – он замолчал. Возможно, собирался с мыслями, а может, думал, как объяснить мне такие сложные, космические понятия. – Каждый живой, а главное разумный, организм обладает некоторой долей высшей энергии Вселенной. И чем выше уровень разума, тем больше в нём содержится этой силы. Однако жизнь биологическая, которая построена на ДНК и белковых соединениях, как ты, а также аммиачных, кремниевых, углеродных, азотных и так далее, очень отличается от жизни нематериальной, то есть энергетической. Жизнь сама по себе, во всех её проявлениях

ях, штука крайне сложная и непредсказуемая, и контролировать её очень тяжело, а если честно – почти невозможно. Однако при всём этом некая, очень-очень малая, часть живых, разумных биологических существ рождается, имея в себе гораздо большую часть этой реликтовой, первозданной энергии, чем другие представители своего вида. Это вроде как защита или страховка. И ты попала в эту часть. В тебе, Кари, сосредоточена сила – сила жизни и мощная космическая энергия, та энергия, которая рождает звёзды и галактики, заставляет формироваться планеты и запускает при подходящих условиях возникновение первых зародышей жизни.

На меня напал полный ступор: «Что он говорит?! Я – никто! Ноль! Молекула, атом, какой-то нейтрон или протон, мельчайшая частица в огромной и непостижимой никакими мозгами Вселенной!»

– Ты не веришь мне, однако отрицать, что какая-то загадочная сила в тебе присутствует, всё же не можешь?

– Нет, не могу. Что-то есть... Значит, Ают, Чёрный Ли и команда были правы?!

– Выходит, да.

– И что теперь делать?!

– Учиться. Учиться жить с этим и владеть этим... Тем, чем наградила тебя судьба.

– Так сложно поверить, – я зачерпнула ладонями солёную воду и плеснула в лицо. – Почти невозможно...

– Вот кто бы говорил!

Возразить Тану я не смогла. Руки Дайка, обхватившие за плечи, и гибкий чешуйчатый хвост Макса, стиснувший талию, прервал нашу научную беседу. Нянь покрывал моё лицо поцелуями, Макс, отпихивая его, пытался лизнуть то в щёку, то в шею, то в нос, и так продолжалось до тех пор, пока эта возня не привела меня в состояние истерического хохота. Они так смешно толкали друг друга, а Бумер, в какой-то панике, пытался отогнать от меня столь чувственных кавалеров, что я не выдержала и, подставив Дайку подножку, рухнула с ним в обнимку в набегающие ледяные волны.

Глава 12. Мыс Веры. Северная окраина Восточных территорий

В большом каменном очаге жарко горел огонь и потрескивали поленья. Атаман лежал на узкой койке и смотрел на рыжее пламя. На раскладушках похрапывали Лакр с Грасом, а на лавках и на полу разместились остальные. Уже очень давно Карелл спал плохо. Ни кшаса перед сном, ни тяжёлая работа не спасали от бессонницы. Бывало, конечно, когда он иногда просто проваливался на несколько часов и спал крепко, без сновидений. А было и такое, что он видел странные, можно даже сказать живые, сны, и когда просыпался, то ещё целый день пребывал под впечатлением. Уже, казалось, можно было привыкнуть, столько лет он находился в постоянном напряжении, жил с оглядкой и опаской, когда нервы натяну-

ты, как тетива боевого лука.

«А тут такие вести... – думал он. – Как же не хватает Дайка с его сонными травками! Только он мне помогал хоть иногда нормально спать, да ещё эта странная девчонка, отари... Карина... Там, в лесу, рядом с ней я начал спать спокойно. То ли запах её так действовал, то ли ещё что... Куда же делся Олли? Еще неделя, и всё... Штурма усилятся настолько, что ни одна шхуна в море не выйдет, и если за это время он не появится, значит, ждать его нужно только по весне».

Атаман медленно поднялся, подбросил в очаг несколько поленьев, натянул сапоги, накинул на плечи тяжёлый, подбитый мехом плащ и вышел в холодную ночь. Завернув за угол старого каменного дома, который послужил приютом его отряду, он спустился к маленькой пристани по деревянным мосткам и, накинув капюшон, уселся на толстый спил, вытянув ноги.

Небо было безоблачным и сверкало россыпью драгоценных камней. Октаэн висел довольно низко над горизонтом, не поднимаясь выше в этих широтах. Глядя на сверкающее небо, Карелл поёжился от морозного воздуха и плотнее закутался в плащ. Невольно вспомнилась история, которую он слышал ещё в детстве. Будто если очень долго вглядываться в горизонт с мыса Веры в ясную безоблачную ночь, то там, далеко за морем, можно увидеть, как полыхает красно-сиреневым цветом огонь в очаге дома Хранителя. Будто там, на пике самой высокой скалы, в обители из горного стекла и

живёт Восьмой бог – Хранитель всего Окатана. «Сказки... Старые, детские сказки, – подумал он, возвращаясь мыслями к отари. – Она поведала Грасу, что её дом где-то там, в каком-то загадочном далёком мире. Но ведь в небесах могут жить только боги... И эта прекрасная песня Гая, которую мы слышали в Банкоре о синеглазой белокурой богине, что ходит по земле. Неужели это она?! Грас уверен, что она. Он чуть ли не молиться начинает, когда её вспоминает! Но ведь с нами в лесу эта девушка была другая... Как она могла пройти через райское поле и не погибнуть? Она показала Грасу шрамы на ладонях от травы и сказала, что это яд на неё так подействовал... И откуда она могла знать о тайном проходе за стеной в Банкорской тюрьме?! Эта странная девочка сделала то, что я сделать не смог, она вытащила из тюрьмы моего самого дорогого друга. Но как?! До сих пор думаю и не верю... Но ведь Грасу я верю... Верю как себе. Когда же приедет Олли?! Может, он всё-таки что-то узнал?! Добралась ли она до Латраса?! Дайкаран там, я приказал ему сидеть в городишке и ждать, ждать до весны. А новости из столицы плохие... Парни обрадовались, а вот мне это совсем не нравится. Моих двоюродных братьев они не знают... И если «любимый» дядюшка не доживёт до весны, то за престол такая грызня начнётся, что мало никому не покажется! А людей у меня не хватает, ещё недостаточно, чтобы попробовать переломить ситуацию и заявить свои права на престол, да и золота маловато... Странная болезнь Великого террхана мо-

жет испортить все мои планы... Рано ещё, рано выступить в открытую, у нас не хватит сил. Ох, что ж делать-то?! А что я могу сейчас сделать?! Ничего... Нужно сидеть и ждать... Сидеть и ждать... К окончанию сезона штормов что-нибудь прояснится. Карина... Красивое имя... На моё похоже... Карелл и Карина... Старик Гун сказал, что она эн Матвэй, но ведь родовой метки на ней не было, и языка она не знала. Только после той травы, как Дайк рассказал, травы разума, она начала понимать нашу речь. А в гостинице всё тоже было очень интересно, хоть толком ничего и не удалось выяснить. Ну жила и жила, заплатила хорошо... Только почему в той комнате на первом этаже больше ангалинский дух ощущался, чем её запах?! Неужели с ящерами дружбу водит?! И люки под гостиницей, я знаю, есть. Ах, отари, моя дорогая! Как же хочется самому расспросить тебя! Кто ты?! Откуда свалилась на нашу голову?! И эта песня всё вертится в голове... Неужели ты и с Гаем знакома?! Одни вопросы и так мало ответов...»

Отвлёкшись от мыслей, Карелл понял, что замёрз окончательно, и побрёл в дом. Здесь, на северной окраине Восточных территорий, зима уже вступила в свои права. Наместник в городишке Элк был старшим братом матери Карелла и попал сюда по приказу террхана вскоре после войны. Великий террхан тогда убирал подальше от столицы неугодных ему пархонтов и членов Совета. Кто открыто осмелился проявить недовольство, вместо далёких ссылок оказался в тюрь-

ме, а потом и на плахе. Остальные, менее смелые, вместе с семьями отправились в разные глухие углы и радовались, что ещё легко отделались.

Небольшой отряд Атамана обосновался на мысе Веры, в трёх десятках этье от Элка. В заливе водилось много жирной, вкусной рыбы, а окрестные леса изобиловали дичью. Места глухие, но на добычу богатые, было бы уменье. Время до весны тут можно пересидеть спокойно.

Грас тронул Карелла за плечо и тот сразу открыл глаза:

– Лодка в заливе, никак Олли вернулся.

Вскоре Мелкий уже сидел за столом и вовсю уплетал горячую похлёбку. Все, кто находился в доме, по очереди рассматривали, передавая друг другу, странную диковинку. Это был цветок. Со стебельком, листиками и крупным, полураскрытым бутонем, но только... каменный: твёрдый, рыже-оранжевый, с проступающими местами песчинками. По нему слегка постукивали, пробовали на зуб и даже нюхали.

– Почти все оставшиеся деньги потратил. Этот городской глава, фаэдр Балмаар, ни в какую не хотел продавать, хотя у него в вазе пять штук таких стояло. Карелл, я правильно сделал, что купил? От неё подарочек...

– Ты их видел? – спросил Грас.

– Нет, не успел. Стояли мало. Капитан очень торопился, а я боялся, что ни одной шхуны больше не будет.

Карелл кивнул и, взяв у Граса цветок, принялся опять его рассматривать.

– В Латрасе только о ней все и болтают, – продолжал Олли, хлебная мясную похлёбку. – Наследница дома Матвэй объявилась. Говорят, красивая, как богиня, глаза – синее неба в ясный летний день, и светлые волосы под платком прячет. А цветы эти... её. Дайк целую корзину привёз, несколько городскому главе подарил, а остальные местные разобрали. Посчитали добрым знаком иметь в доме цветок от наследницы рода. Как она их делает, никто не знает. Когда нашего Дайкарана спрашивали, то он сказал, что выращивает, больше ничего... – Олли отставил пустую миску и принялся за мясо. – Их называют «цветы Кари». Он живёт у неё...

Карелл, Грас и Лакр вопросительно уставились на друга.

– Ну, Дайк поселился в её доме.

– У неё есть дом в Латрасе?! – спросили они одновременно.

– Выходит, есть... Только дом этот не в самом городе, а неподалёку, у Белой скалы. Там ещё вонища такая, никто и жить в этом месте не хотел, а она приехала и почти сразу там и поселилась. Вскоре выяснилось, что она наследница и завещание откуда-то взялось, – Олли усиленно жевал. – Дед Дайка неожиданно уехал, никто не знает куда.

– И что? Они там вдвоём живут? – Карелл пристально смотрел на друга. – Всё рассказывай, включая слухи и сплетни.

– Ну как вдвоём... – Олли запнулся, проглатывая кусок мяса. – У них пара лошадей, коза и собака, щенок. Но один

парень мне сказал за кружкой пива, что щенок этот уж больно на горного волка похож, только почему-то чёрный. Она в городе сама не появляется, потому что все местные псы её облаивают. А наш Дайкаран, как только дед уехал, быстренько к ней и перебрался, и сказал всем, что это его девушка. В город он сам всегда ездит, если что-то нужно, хотя продуктов немного покупает, в основном для скотины.

Карелл поднял с пола большой бурдюк, а Грас быстренько поставил кружки. Атаман дождался, пока промёрзший Олли сделает несколько больших глотков, и опять спросил:

– Это всё? Вспоминай, что видел, что слышал...

Мелкий ещё раз хорошенько приложился к кружке с кашей и ответил:

– Не знаю, важно это или нет... Но местные рыбаки стали замечать неподалёку от Белой скалы крупного тёмно-серого ангалина.

Мужчины переглянулись.

– А что я говорил! – выкрикнул Лакр, взмахнув руками. – А ты не слушал меня! Побил нас тогда с Олли!

Карелл глянул на него и угол его рта дёрнулся.

– Ладно-ладно... – Лакран примирительно махнул, – мы с Олли зла не держим. Согласен, перегнул я тогда палку. Но метки на ней не было, ты же не можешь это отрицать! И Грас рассказал, что, когда в камере сидел, слышал, хоть стены и толстые, будто шипение и свист. Верно, Грас?!

Здоровяк кивнул.

– Она превращается! Ангалины про твоё золото узнали, вот и послали её! Почему ты не веришь?! Неужто мало доказательств?!

Карелл отставил кружку и прислонился к стене.

– Я хочу, Лакр, чтобы ты правильно меня понял... То, что ты говоришь, по сути, домыслы, и доказательства, что она превращается, у нас нет. Да и в превращения я всё же не верю. Никто и никогда не видел превращённых, это древние полузабытые легенды. А о ней мы толком ничего не знаем, сведения размыты и противоречивы, но даже и не это главное сейчас. Для меня, превращённая она или нет, не важно. Важно, что так или иначе, а с ангалинами она связана, и если за золото мне удастся заручиться их поддержкой, тогда велики шансы, что у нас получится отбить обратно Южные преири и восстановить своё честное имя. Вы понимаете?! Мы не будем изгоями на своей земле. Вы все сможете нормально жить, спокойно! А не скитаться по лесам! Нас всех лишили дома, семей – мы преступники! А ведь у всех вас всё было, и служили мы террхану верно, но ему было этого мало! И если эта загадочная девчонка сможет хоть чем-то помочь, то такой шанс нужно использовать! Я верно говорю?!

Мужчины одобрительно закивали. Кто-то из десятка присутствующих спросил:

– Но, Карелл... Ангалины же с людьми не разговаривают и не вмешиваются в наши дела.

– Да. Но так было не всегда. Даже сейчас отдельные ящеры

кое-какие контакты поддерживают, недаром же полностью от услуг связных не отказались. А как, если что, пообщаться с Рексом?! Только через связного! И я знаю, когда-то давно ангалины даже в войнах участвовали, на стороне тех, кто больше заплатит, только это тщательно скрывается, особенно в последнее время. Что нам мешает попробовать, раз такое было когда-то, хоть и очень давно? А если удастся привлечь их в качестве наёмников? Тогда с нашей армией никто не сравнится! Я давно об этом думал, но у меня никаких связей с ними нет, да и ни у кого из вас. А тут наша отари с неба свалилась. Так что, Лакр, пусть она и превращённая, что такого, если она сможет свести с ними для переговоров?

Лакр уселся за стол, налил себе кшасы, залпом выпил и, стукнув кружкой о стол, громко спросил:

– Кто помнит, чем занималась моя семья в столице?!

Большая часть мужчин, собравшихся вокруг стола и очага, молчала, только несколько закивали, а Олли произнёс:

– Архивариусы. Все – архивариусы. Ну... кроме тебя! – и зычно захохотал.

– Верно, мой друг. Отец мой – архивариус, береги его Хранитель, мои братья тоже постигали в своё время эту науку. А кто такие архивариусы?! Это те, кто сохраняет, изучает и пытается понять старые, очень древние, документы, свитки, летописи и так далее и так далее... Так вот что я вам скажу... – и он сделал долгую, многозначительную паузу. – Только ангалины знают тайну превращения! В Вечном свит-

ке Кифа, который хранится в архиве террхана, написано о женщинах. Написано странно, непонятно... Там говорится об их силе, мощи и жажде крови. Я даже наизусть помню:

Женщин только береги,
Не давай вкусить крови.
Жажда крови будет жечь,
Рвать их души, в горло течь.
Вся их сила возрастет,
Выше неба вознесёт.
Сила, мощь, эмоций пик —
Мир согнёт, аки тростник!
Только в теле их держи,
Не давай вкусить крови...

Многие поколения архивариусов думали над этой загадкой и додумались, соединив древние разрозненные сведения, что нельзя женщинам превращаться. Они становятся жуткими, страшными монстрами, убивающими всех и вся, и нет от них никакого спасения! Вот поэтому и повелось со времён древнейших, что женщин и близко ни к какому оружию нельзя подпускать!

Карелл хмыкнул и толкнул Граса в бок:

– Разве она была похожа на чудовище? Хоть когда-нибудь?!

Тот покачал бритой головой и улыбнулся:

– Лакр у нас любит всякие байки травить. Думает, раз он

из семейства архивариусов, так самый умный!

Все дружно загоготали.

Вечером того же дня Карелл и Грас сидели на причале. Дневная работа была окончена и члены небольшого отряда уже отдыхали в доме у жаркого очага. За оставшееся до зимних, долгих штормов время нужно было заготовить побольше еды и дров, чтобы два самых холодных месяца провести в тепле и не голодая.

– А что ты думаешь, Грас? – спросил Атаман, поглядывая из-под капюшона на друга.

– О чём?

– О превращениях и нашей отари...

Здоровяк пожал плечами:

– Я рассказал всё. Что видел, что слышал, что чувствовал, что думал... Моё мнение об этой девочке никогда не изменится, что бы кто ни говорил. Я ей верю. Она сказала тогда, что не ящерица и не богиня, а обычная девушка из другого мира. Только я всё думаю... Если она из какого-то другого мира, то разве в нашем – она может быть обычной?! Может, в небесах, там, где её дом, она и обыкновенная... Но здесь?! Для меня она богиня. Моя синеглазая богиня! Которая ничего не испугалась, и даже то, что я пытался задушить её в порыве гнева, обвинив в предательстве, не изменило её решения помочь, сделать то, что никому не под силу, даже тебе. А Лакр пусть говорит что хочет. Ты знаешь его страсть к разным загадкам. Будь осторожней с ним. Он мастер головы

дурить, и я считаю, что ты зря его сюда взял. Пусть бы сидел где-нибудь... в Маргосе или ещё где...

Карелл вздохнул:

– Вот поэтому и взял. Спокойней, когда он на глазах, да и знает слишком много. А если бы оставил его где, то неизвестно чем бы он там занимался. Лакр хороший воин, толковый. Я всё думаю... кто навёл сыскарей на Кифов нос? Отари точно отпадает...

– А селяне из Диких Петухов?

– Нет. Никто не покидал деревню, а летунов у них нет, и караваны к ним не заезжали.

– Кто тогда?

– Не знаю, а узнать надо, – и он поёжился от свежего морозного воздуха. – Подозреваю пока только Дайка, но не думаю, что это он, хотя... – качая головой, Карелл прикрыл лицо ладонью. – Времени много впереди, будем думать...

Часть 2. Поместье

Глава 1

Сладко потянувшись, я открыла глаза. Сквозь полуприкрытые ставни пробивался яркий утренний свет и в широких лучах плясали пылинки. Тело приятно тянуло после вчерашних спаррингов в пещере и долгого купания в тёплом подземном озере. Я вытянулась, поочередно напрягая и расслабляя мышцы.

Как же было здорово! Это озеро, которое нашёл Макс, исследуя пещеры побережья, было великолепно. В отличие от воды нашего маленького гейзера, которую ангалин упорно называл «мёртвой», в этом озере вода была «живая», то есть нормальная, чистая, пригодная для питья, только тёплая.

Когда Макс привёл нас туда первый раз, то нашему восторгу не было предела. Подземный водоём оказался очень глубоким, и чем глубже, тем горячее, однако температура у поверхности не превышала температуру тела. Этаким тёплым природным бассейном. За несколько дней парни натаскали туда факелов и свечей, чтобы эту купальню мы могли посещать регулярно. Путь до неё был неблизкий, по нескольким проходам в скалах, но после того как всё разметили, заблудиться было невозможно. Да и рядом со мной всегда был

Бумер, который, обладая прекрасным нюхом, отлично ориентировался и мог вывести из любых катакомб.

За эти месяцы волчонок очень вырос. В холке он уже доходил мне почти до колена, у него сменились зубы и начала расти грива почти как у льва. Как объяснил Дайк, именно гривой и общими размерами самцы отличались от самок, так что к году он должен вырасти ещё больше. И что стаю водит всегда самая умная самка. Но на этом знания о горных волках заканчивались.

Мои взаимоотношения с Бу достигли к этому времени какого-то фантастического уровня. Мы понимали друг друга почти без слов и жестов. Было достаточно посмотреть на него, и я знала, что он хочет, точно так же и Бумер понимал меня с полувзгляда, я бы даже сказала с полувздоха. Тан намекнул как-то, что это кровь. Моя кровь, которой я несколько раз накормила его, когда он был ещё слепым малышом, так подействовала. Я стала для него как родная мать, которую он не просто слушался и понимал, а чувствовал каждой клеткой своего тела.

Несмотря на то что Бумер хорошо воспринимал и Макса, и Дайка, я была для него высшим авторитетом. Короче говоря, волк у нас получался уникальный! Воспитанный среди людей и при непосредственном участии ангалина, Бумер очень быстро рос и учился всему, что бы мы ни пытались до него донести. Дайк сто раз уже пожалел, что когда-то хотел убить его.

Два самых холодных зимних месяца местное население сидело по домам, топя печи и камины, и без необходимости на улицу никто и носа не высовывал. И хотя слишком сильных морозов не было, по моим ощущениям ниже минус десяти температура никогда не опускалась, держась в среднем около нуля—минус пяти, но почти ураганный, ледяной ветер с моря не стихал ни днём, ни ночью.

В нашем же распоряжении помимо дома и двора были пещеры, уже неплохо исследованные Максом, поэтому от отсутствия физической активности мы не страдали. На мой взгляд, её было даже слишком много. А когда в нашем распоряжении оказался ещё и этот прекрасный бассейн, то уровень комфорта можно было только позавидовать.

Как же Жупан оказался прав в своём завещании! Он пожелал счастья в этом доме неизвестному наследнику, и это доброе, искреннее пожелание, можно сказать, сбылось. Тухлый дом стал настоящим, любимым домом, и не только для меня.

Отношения между Дайком и Максом наладились довольно быстро. Они общались, часто подшучивали друг над другом, смеялись, потому что спокойно смотреть на то, как хохочет ангалин, совершенно невозможно. Долгими зимними вечерами, под дикие завывания ветра, мы то хохотали до коликов в животе, когда рассказывали всякие смешные истории, то увлечённо обсуждали особенности моего родного мира в сравнении с Окатаном. Я очень много рассказывала

о Земле: об огромных городах с домами, которые упираются в облака, о крылатых машинах, летающих в небесах, об огромных кораблях, бороздящих океаны, о радио, телевидении, спутниковых системах, мобильной связи и так далее и так далее... Конечно, я всё упрощала и мои повествования более походили на чудесные сказки, чем на подробное описание того, как всё делается и почему работает.

Были и моменты, которых я старалась избегать. Это темы современного земного оружия и войн, загрязнения планеты отходами человеческой деятельности, нищеты и бедности, преступности и терроризма, в общем, всего того ужаса, который несёт с собой прогресс. Рассказывала также и о себе: где родилась, как росла, в какой семье, про учёбу и работу, да и про своё неудачное замужество. А чего скрывать-то? Отношение ко мне бывшего мужа моих мальчиков поразило до глубины души и весьма неприятно. Хотя я не пыталась обливать его грязью или оскорблять, а просто рассказала, как всё происходило, только без подробностей. Дайк был просто в шоке, когда узнал, на что я согласилась ради своего бывшего и что получилось в результате. А Макс жутко разозлился и прошипел, что если бы мог, то убил бы его безо всяких сожалений. Когда Дайк спросил меня, почему я решила рассказать им о своей боли, то я ответила, что сделала это, чтобы они не считали меня святой, богиней, звездой и так далее, потому как я не являюсь таковой. И у меня, да как и у всех, есть свои «скелеты в шкафу». Над фразой про ске-

леты они долго смеялись.

Такие наши задушевные беседы тянулись иногда до глубокой ночи. Днём же, когда я занималась какими-либо делами на конюшне или в доме, Дайк с Максом проводили много времени в большой пещере, где устраивали бои с оружием и без. Макс знакомил Дайка с ангалинской техникой ведения боя, и хоть и не сразу, но у парня начало получаться. Карелл когда-то тоже учил его, но здесь ситуация была немного иная. Карелла обучали люди, которые сохраняли эту технику много веков и, конечно, привнесли в неё свои изменения. Дайка же учил ангалин – сын самого Рекса.

Когда я наблюдала за ними в пещере, то просто поражалась этой бешеной скорости, молниеносности и силе ударов, которые наносил ангалин. Макс гонял иногда Дайка так, что к вечеру тот просто падал, а потом спал до утра без задних ног. Но зато как мой Нянь был доволен! О таком учителе он не мог и мечтать.

Мои успехи также очень радовали. Тренировки с Таном давали прекрасные результаты. И хотя с мечом управляться мне было всё-таки довольно сложно, ну не женское это оружие, как ни крути, а вот метательное – боевые топоры, копья, ножи, а также лук со стрелами – слушалось меня беспрекословно. Я попадала точно в то место, куда метила, и иногда с такой силой, что парни даже начали мне завидовать. Короче, Робин Гуд отдыхает! А всё потому, что на «сонных» тренировках мой профессор меня не жалел, а его спокойные и

чёткие указания, искреннее желание научить и бесконечное терпение приводили к тому, что добровольно покидать зал я не хотела и ему приходилось выпихивать меня силой.

Мои реальные парни, как ни странно, но поняли это и стали ревновать. И если бы не вёдра с холодной водой, которые то Макс, то Дайк оставляли возле моей кровати, как напоминание, чтобы «в гостях» я долго не задерживалась, то они не видели бы меня сутками. Меня же это жутко забавляло! Как можно ревновать к тому, кто, по сути, часть меня, хотя и очень уж самостоятельная?!

И вот когда я проснулась (сама, кстати, этой ночью к Мозгу в гости я не заходила) и не обнаружила никого в комнате, то очень удивилась. А где все?! Но пропажи обнаружились быстро. Бумер лежал в кухне на своей козлиной шкуре, которая была ему уже маловата, и увлечённо грыз косточку, а парни сидели на пороге, подставив физиономии тёплым весенним лучам, и тихо разговаривали.

Я приложила палец к губам, показав этим волчонку не издавать никаких звуков, и тихонько, на цыпочках подобралась к ним поближе. Привычка подслушивать никуда не исчезла.

– Думаешь, это возможно? – спросил Дайк и глянул на Макса.

– Не з-з-знаю... Но без «слёз-з-з богов» точно ничего не получитс-с-ся. Они нуж-ж-жны, чтобы... как это Кари говорит?.. А-а-а, запус-с-стить процесс...

– А ты ей говорил?

– Нет ещ-щ-щё. Боюс-с-сь...

Дайк хмыкнул и оскалился:

– Сын Ангалина Рекса боится?!

– Робею... Не з-з-знаю, как моя ш-ш-шаари отреагирует.

Вот поэтому тебе и с-с-сказал. Я один не справлюс-с-сь, без-з-з ваш-ш-шей помощ-щ-щи. А наш-ш-ша девочка на Кифов нос-с-с собираетс-с-ся. И ес-с-сли я с-с-скажу, то наруш-ш-шу её планы, хотя даже думать о том, что она мож-ж-жет исчез-з-знуть, уйти в с-с-свой мир, не могу.

Дайк вздохнул и отмахнулся:

– У меня то же самое. Она первая девушка, с которой сложились столь удивительные отношения. Я так люблю её! А ведь уже весна... А вдруг Кари возьмёт нас с собой, если это, вообще, возможно?

– Тебе хорош-ш-шо говорить, ты выглядиш-ш-шь как и муж-ж-жчины её мира. А я?! На её родине ангалинов нет! Вот поэтому и нуж-ж-жны «с-с-слёзы богов». Я хочу попробовать...

– Но ведь ты только что сказал, что из этого ничего хорошего никогда не получалось, и тех, кто принимал эти «слёзы», пришлось убить...

– Не получалос-с-сь... Но отец уверен, что мы просто чего-то недопонимаем, не улавливаем, не з-з-знаем чего-то важ-ж-жного, поэтому и не выходит. Я чувс-с-ствую, что Кари поможет разобратьс-с-ся, она ведь с-с-столько всего з-з-знает и видит, и вос-с-спримаёт всё по-с-с-своему, иначе,

чем мы! Её рассказы 3-3-загадочны и непос-с-стижимы, но ведь они – правда!

– Это верно. Одни лекари её мира чего стоят.

Прячась за углом, я даже перестала дышать: «Вот это поворот! Да они со мной собираются! «Слёзы богов»?! О них я уже слышала...»

Плавно и медленно ступая босыми ногами, я вернулась в спальню и села на кровать: «Дела-а-а... Значит, превращения – это правда, и ангалин может стать человеком! Только пока у них почему-то ничего не выходит... Ой-ёй-ёй... Как же интересно! И как... страшно! И каким же он будет, если вдруг получится?! – у меня заколотилось сердце, когда я подумала, что сказка про принца-лягушку может стать реальностью. – А Макс болтун всё-таки! Выдал страшную священную тайну, и даже не мне, а Дайку! Неужели он стал доверять ему или это просто мужская солидарность? Хотя они, конечно, очень подружились за это время. Но ведь про свой визит к отцу Макс рассказал только в общих чертах, без каких-либо подробностей. Похоже, что Рекс в курсе его намерений, а возможно, даже дал Максиму на это дело добро. И если ничего не выйдет – не страшно, сыновей-то у него много, одним не жалко пожертвовать ради разгадки священной тайны. Как же удачно я проснулась! Ну-ну... Посмотрим, когда они сами мне про это расскажут...»

Глава 2

Когда мои парни заглянули в комнату, я сладко потягивалась, делая вид, что только проснулась. Они дружно бухнулись рядом с двух сторон. Дайк чмокнул в одну щёку, а Макс лизнул в другую. «Ах, пройдохи! Ах, хитрецы!» – я томно улыбалась, принимая их нежные утренние приветствия.

– Сегодня праздник. Ты помнишь? – Дайк обнял за плечи.

Я недовольно скривилась:

– Не хочу никаких праздников... Это в город нужно ехать, а мне и здесь хорошо.

Переглянувшись, они заулыбались.

– Балмаар очень просил. Я пообещал, что мы будем.

Я села на кровати:

– Понимаю, что вроде как надо, только...

– Что только?

– Мне нечего надеть. Наследница рода, местная достопримечательность, а буду выглядеть хуже всех. Оборванка!

Дайк прикрыл лицо ладонью, Макс затрясся от смеха, а потом зашипел:

– А ты прос-с-сто надень лимм и ож-ж-жерелье...

А Нянь продолжил, начиная хохотать в голос:

– И больше ничего не надо! Представляешь! Да там все в обморок попадают!

Я спихнула Дайка с кровати, а Макса ущипнула за бок:

– Не-е-ет, мальчики! Если я появлюсь в таком виде, то ты, мой дорогой Нянь, устанешь всех выхаживать! Представляешь, сколько сразу пациентов появится! Так уж и быть, не буду травмировать людей – пойду в том, что есть.

Когда стихали зимние ветра, в Латрасе отмечали праздник первой шхуны – это было чем-то вроде начала нового года. А ещё через некоторое время День первого каравана, и это событие уже являлось открытием нового транспортного сезона. Из-за землетрясения в начале осени многие караваны в Латрас так и не доехали, в том числе и мои караванчики, прибытия которых я очень ждала до самого начала зимних ветров, да и потом тоже. Надеялась, что всё-таки придут, может морем доберутся. Но караван Олмана в Латрасе так и не появился. Я тешила себя надеждой, что с ними всё в порядке и они где-то благополучно перезимовали.

Первая шхуна причалила в Латрасе вчера вечером. Это была широкая посудина с грузом руды из Перрикола. Дайк был в городе, ездил за продуктами, а также к кузнецу Малахану, который три недели назад, неудачно упав в кузнице, умудрился сломать руку и попутно получить несколько сильных ожогов. Кузнец был уже довольно стар и основную работу делали его сыновья, однако в тот день он решил им помочь, и закончилось всё достаточно плачевно.

Дайк вправил ему кости, наложил шины и потом иногда навещался, проверяя, как заживают ожоги. Уж в чём в чём, а в ожогах Дайк был спец. За зиму у моего друга пациентов

было немного. Несколько раз за ним приезжали из близлежащих деревень вправлять вывихи и переломы, в городе случилось несколько отравлений испорченными продуктами, и один раз он принимал тяжёлые роды.

Искусство лекаря хорошо оплачивалось, по местным меркам, но к нему обращались только в тяжёлых случаях, когда не могли самостоятельно справиться. За время моего пребывания на Окатане сложилось впечатление, что население в целом здоровое и крепкое. Я не видела каких-либо врождённых уродств и проявлений серьёзных генетических заболеваний. Однако когда перед лекарем вставала дилемма, кого спасти первым, мужчину или женщину, молодого или пожилого человека, делался выбор в пользу женщин и молодых. То есть если нужно было решать, к кому ехать сразу, то первое – это девочка или женщина детородного возраста, второе – мальчик или молодой мужчина, а уже потом более взрослые больные. Хотя, как Дайк рассказывал, в больших городах лекари к старикам никогда не ходят.

Мне это казалось жестоким и несправедливым, однако лекарей было немного и, естественно, оказать помощь всем они не могли. Когда я спросила Дайка, а почему эта, если так можно выразиться, профессия не очень-то популярна, ведь платят за помощь хорошо, он ответил, что, во-первых – учиться нужно очень долго, не многим хватает терпения изучать травы, собирать их, потом правильно готовить отвары и настойки. Во-вторых – составлять на ощупь сломанные

кости, вообще, сложная наука и для этого нужно иметь некоторую «чуйку», чтобы руками, точнее пальцами, определить, каким образом сломана кость.

Для меня подобное умение представлялось чем-то запретным, так как понять, как такое можно сделать без рентгена, я никак не могла, о чём не раз Дайку и говорила. Нянь же, в свою очередь, не мог поверить, что существуют аппараты, которые помогают в буквальном смысле заглянуть внутрь человека, да ещё и картинку соответствующую выдают. Как я поняла из наших бесед, Дайк был очень хорошим лекарем и все нужные для этого дела «чуйки» у него имелись, поэтому Алцелан и взял его в ученики.

Быстро закончив утренние дела, мы собрались, запрягли своих коняшек, которые уже порядком застоялись за зиму, и, оставив Макса на хозяйстве, а Бумера за сторожа, отбыли в Латрас. Но в городишке не было и намёка на какое-либо празднование, хотя погода стояла хорошая: наконец-то стих ветер, и ни дождя, ни мокрого снега не намечалось.

Свистнув знакомым парням, Дайк спешил к ним выяснять, в чём дело. Вернулся он хмурым и резко вскочил на коня:

– Великий террхан скончался... На рассвете прибыл пятый пархонт со свитой за ежегодным налогом, и парни сказали, что он потребовал в три раза больше обычного. Праздники запрещено проводить, пока новый терр не вступит на престол.

– Так поехали домой, – я даже как-то обрадовалась, что никакого празднования не будет.

– Нужно к Балмаару заехать, сказали, что мне письмо есть, и... – Дайк смущённо примолк.

– Что «и...»?

– Тебя хотят видеть, наследницу дома Матвэй.

– А они откуда про меня знают?!

Дайк пожал плечами:

– Кари, я не раз уже убеждался, что хоть столица и далеко, однако новости и слухи туда доходят очень быстро, будто с ветром долетают.

Я напряжённо сидела в седле, вцепившись в роскошную Тучкину гриву: «Ох, как же не нравится мне всё это... Не хочу я видеть никаких пархонтов и «иже еси» с ними. От власть имущих нужно держаться на расстоянии и жить, как говорил мой папа, по солдатскому правилу: "подальше от начальства – поближе к кухне"». Я наклонилась к Няню и зашептала ему на ухо:

– Но, Дайк... Я же ненастоящая наследница дома, и ты знаешь, почему так получилось.

Он вздохнул, заглянул в глаза и также тихо ответил:

– Кари, уже ничего не изменишь... Да, ты рассказала мне всё. И я считаю, что в твоей ситуации ты поступила правильно. Ты ведь не знала, что так получится, да и предположить последствия не могла. Выкинь все сомнения из головы. Ты – эн Матвэй. И реликвия рода у тебя есть, нечего их бояться,

а я на твоей стороне.

– Но ведь родовой метки у меня нет...

– А кто об этом знает? – он нежно улыбнулся. Ямочка на щеке наметилась и пропала. – Метка должна быть под браслетом, никто не будет снимать его с тебя, чтобы убедиться. Главное, что реликвия дома на тебе, и этого вполне достаточно.

Но страх и сомнения меня не покидали:

– А если начнут спрашивать, откуда я, где жила, о семье?

– Говори то, что и раньше. Допрос никто устраивать не будет. Поехали, Кари! Боюсь, если ты сама не приедешь, они к нам гости заявятся, а я бы этого не хотел.

– Конечно, – я обречённо кивнула. – Только этих высокопоставленных «чинуш» нам дома как раз и не хватает.

В приёмной у Балмаара народу было довольно много, навскидку человек десять, не меньше. Кто-то стоял, кто-то сидел, и когда мы вошли – все, включая человека, сидевшего за столом городского главы, обернулись в нашу сторону. Мне показалось, что Балмаар облегчённо выдохнул, увидев меня. Широко улыбнувшись, он бросился навстречу:

– О-о-о! Эрдана! Как хорошо, что вы заехали, а то я уже собирался посылать за вами! – он кивнул Дайку и обернулся к гостям. – Разрешите представить! А вот и наследница дома Матвэй, прекрасная эрдана Карина!

Незнакомец за столом медленно встал и слегка поклонился, а потом тихим, осипшим голосом произнёс:

– Рад познакомиться, эрдана. Пятый пархонт при Совете Великого Террхана Восточных территорий.

В ответ я лишь немного опустила голову. Как я уже знала, женщина могла не кланяться, а просто кивнуть, и неважно, какую должность занимал мужчина, который ей представлялся. Пархонт был высок, сухощав и по его лицу сложно было определить возраст. Лицо гладкое, почти без морщин, светло-шоколадные глаза, жёсткие узкие брови, тонкий длинноватый нос, губы как две узкие полоски, тёмные волосы. Он чем-то напомнил мне ворону или галку, этакая птичья внешность. Он был очень красиво одет в тёмно-синий камзол с золотой вышивкой, из-под которого проглядывала голубая рубашка с глухим воротничком, чёрные плотные штаны, заправленные в высокие сапоги, а на спинке стула я заметила длинный, подбитый мехом, непромокаемый плащ.

Глянув на стоящего за моей спиной Дайка, он также сипло спросил:

– Это ваш муж, эрдана Карина?

В комнате повисла напряжённая тишина.

– Нет, фаэдр, не муж, но живём мы вместе.

Он криво улыбнулся:

– Что так? Такой красивой девушке положен статус замужней женщины. Или вы настолько придиричивы, что не можете определиться, и даже такой молодой и сильный мужчина не в состоянии вас удовлетворить?

От такого безапелляционного, я бы даже сказала хамско-

го, заявления я потеряла дар речи. И это прилюдно, тем более что в комнате были только мужчины! «Ах ты, хамло великосветское! – проскочила гневная мысль. – Тебе какое дело до моего удовлетворения?! Свои услуги хочешь предложить?!» Прямо спиной я ощутила, как Дайк вздрогнул от этих слов, а мне от злости начало сводить челюсть. Я стояла и сверлила пархонта глазами. А он ждал реакции, да только не знал, родимый, как я умею держать паузу! Так и не дождавшись какого-либо ответа, пархонт скривился и продолжил сипеть:

– Я обратил внимание на ваши удивительные цветы, эрдана. Говорят, вы владеете секретом их выращивания?

Я напряжённо кивнула:

– Владею...

– Это один из утерянных секретов дома Матвэй? – он вытянул каменный цветок из стоящей на столе вазы.

Что оставалось сказать?

– Допустим, фаэдр...

– А ещё какими-либо секретами дома Матвэй вы владеете?

– Я обязана отвечать, фаэдр?

Он пронзил меня взглядом, а потом вдруг натужно закашлялся. «Да он болен! Такие хрипы!» – я оглянулась на Дайка. Нянь стоял с непроницаемым лицом. Когда кашель утих, пятый пархонт прижал белоснежный платок к губам и хрипло проговорил:

– Прошу простить моё состояние... Мы отплыли ещё в жуткие холода, и ледяной ветер в море не прошёл для меня бесследно.

Моя злоба немного поутихла. То, что пархонт серьёзно болен, не вызывало никаких сомнений.

– Мне сказали, что своё высокое происхождение вы можете доказать. Это верно?

Я кивнула и абсолютно спокойно, даже нагло, начала раздеваться. Несколько стоящих рядом мужчин, как я поняла то ли из свиты, то ли из охраны, начали смущённо отводить глаза. Пархонт же ловил каждое моё движение, но когда я вытаскивала руку, оголяя плечо, он еле заметно дёрнулся – пархонт заметил шрам. Уродливый, толстый, рваный рубец на правом плече, который тянулся от основания шеи через ключицу. Я накинула на него тунику и высвободила левую руку.

К этому времени уже половина надписи на браслете была жёлтого цвета. И эти яркие буквы очень красиво смотрелись на металлическом, голубоватом фоне. Все присутствующие, за исключением Дайка и Балмаара, вытянули шеи, вглядываясь в моё плечо. Пятый пархонт приблизился почти вплотную и прочитал надпись настолько громко, насколько это было возможно в его состоянии.

Несколько минут все молчали. Мне надоело находиться в таком виде, и я резко и жёстко спросила:

– Вы удовлетворены? Я могу одеться?

Пархонт отступил на несколько шагов:

– Простите, эрдана, но я обязан был удостовериться, и при свидетелях к тому же. Примите мои извинения за доставленное неудобство и... поздравления, – он опять сел за стол и закашлялся. Балмаар, стоя рядом с высоким гостем, переводил взгляд с меня на Дайка и обратно, и было заметно, что он очень растерян и обеспокоен. В приёмную для посетителей заглянула Альба, и Балмаар засуетился:

– Стол накрыт. Прошу вас, гости... дорогие... – на последнем слове городской глава будто поперхнулся, а мне подумалось: «И правда, дорогие! Обдерут город как липку!»

Я уже решила, что на этом наше знакомство с пятым пархонтом закончилось, но не тут-то было. Удалиться восвояси не получилось. Властно прихватив под локоть, пархонт повёл меня к столу. От такой наглости Дайк просто обалдел! Я видела, как он напрягся и сжал зубы, похоже, еле сдерживался, чтобы не съездить этой «важной столичной птице» по физиономии.

Меня усадили рядом с пархонтом, Дайка на другом конце стола, а Балмаар устроился напротив, и в этой компании я была единственной женщиной. Когда всем налили кшасу, пархонт встал и натужно, устало заговорил:

– Эта зима оказалась очень тяжёлой. Смерть Великого террхана всегда трагедия для его народа. К сожалению, имеется ещё одна дурная новость. Перед кончиной террхан назначил наследника и им должен был стать третий из его пяти

сыновей. Наш великий правитель сделал свой выбор, однако... Терре убили почти сразу после похорон отца.

Балмаар вздрогнул и побледнел, а Дайк уронил ложку, которая звонко лязгнула в гнетущей тишине. Я внимательно наблюдала за присутствующими и, видя хмурые, напряжённые лица, начала понимать, что «дело пахнет керосином», хотя в особенности местной вертикали власти и политики до сих пор особо не вникала. А между тем пархонт продолжал:

– Да-да, фаэдр Балмаар, вы правильно поняли... Убийство назначенного наследника – это сигнал к переделу власти. Пять братьев, прошу прощения, уже четверо, не проявили мудрости и благоразумия и не прислушались к мнению Совета. А закон древнейших гласит, что в таком случае террханом может стать любой, кто имеет на это право по своему роду, – пятый пархонт поднял рюмку. – Пусть Хранитель надёжно укроет души Великого терра и его сына, назначенного наследника, вплоть до пришествия богов! – и залпом выпил.

К концу трапезы пархонт наклонился ко мне и тихо спросил:

– Эрдана Карина, вы довольны тем, как управляет городом фаэдр Балмаар?

Я чуть не поперхнулась:

– А в чём дело? – и, глянув на собеседника, отодвинула тарелку.

– Вы же эн Матвэй... И город, и все окрестности, в принципе, принадлежат вам.

В носу и горле началось какое-то царапанье, и я закашлялась. Пархонт услужливо протянул вышитую салфетку и кружку с компотом.

– Я понимаю, вы молоды и неопытны и поселились здесь недавно... И хотя формально вся земля принадлежит террхану, хоть сейчас его и нет, однако небольшая часть поселений, основанных самыми древними домами, является некоторым исключением. И в нынешней ситуации я бы посоветовал вам официально закрепить за собой право владения. Таким образом вы сможете хоть как-то обезопасить себя и всё местное население от посягательств на землю и любое имущество кого бы то ни было. Я здесь с поручением Совета и выполняю его последний наказ. Что будет дальше, никто не знает... Так вы довольны фаэдром Балмааром?

Я судорожно кивнула:

– Да, довольна... Он толковый руководитель и пользуется авторитетом.

– Отлично! Но к сожалению, от всяких бандитов и лжепретендентов на трон, которые обязательно объявятся и будут пытаться пожить на ваших землях, он вас не избавит, – и пархонт опять приложился к рюмке.

За обедом столичный чиновник ел очень мало, в основном пил, закусывая ломтиками засахаренных фруктов. На его впалых щеках проявился лихорадочный румянец, и я чувствовала, так как сидела достаточно близко, что его подколачивает, похоже, начинался жар. «А дело совсем пло-

хо...» – я глянула на Дайка. Нянь держал рюмку с кшасой и о чём-то говорил с сидящим рядом мужчиной из свиты.

Вскоре мы встали из-за стола, и я тронула пархонта за руку:

– Я вижу, что вам нездоровится, фаэдр. Дайк хороший лекарь, он мог бы помочь...

– Лекарь? В таком маленьком городишке? – пархонт сжал мою ладонь и слегка улыбнулся.

– Да. Вы хотите, чтобы он осмотрел вас?

Пархонт кивнул.

Уговорить Дайка заняться чиновником оказалось не так-то просто. Он упёрся рогом, сказал, что вот пусть едет в столицу и там лечится, а он к нему и близко не подойдёт!

– Ты же видишь, что он серьёзно болен, – повторила я попытку.

– Кари! Он тебя оскорбил, ты это поняла?!

– Но это не значит, что ему нужно отказать в помощи, тем более что ты знаешь, что он в ней нуждается!

– Ладно, – парень отмахнулся. – Забери у Балмаара письмо от Хилла. Я посмотрю его.

Балмаар был в глубоком расстройстве. Во-первых, троекратный налог почти полностью опустошил городскую казну, а на лето у городского главы было много планов по ремонту пристани и мощению улиц. Во-вторых – гибель назначенного наследника предвещала крайне нестабильную обстановку на всех Восточных территориях. Это время безвластия, когда каждый из претендентов на трон мог делать что

угодно, лишь бы достигнуть цели. А это значило, что нужно в первую очередь думать о защите и безопасности города и близлежащих посёлков, а не о благоустройстве и каком-то развитии. Нужно оружие и сильные наёмные воины, а денег уже почти нет...

Подрагивающими руками Балмаар передал мне письмо:

– Я кое-что расслышал из того, что говорил вам пархонт, эрдана... И как вы на это смотрите?

– На что? – я понимала, о чём он спрашивает, но ответить что-то внятное не могла, в голове был полный сумбур.

– На то, чтобы закрепить за собой право на владение городом.

Я молчала, сжимая рулончик письма. Справившись с эмоциями, наконец, сказала:

– Не знаю, Балмаар... А это действительно нужно? Или важно?

Он кивнул и плюхнулся в кресло, поглаживая роскошные усы:

– В данной ситуации да. Пархонт прав. Я живу в Латрасе уже очень давно, большую часть своей жизни, и поставлен на эту должность только потому, что дом Матвэй исчез, но это не отменяет возможности его возвращения к роду основателей. Таковы древние незыблемые законы. Когда объявился Жупан, то он сразу сказал, что городом заниматься не будет и не хочет. Он приехал сюда доживать, как он тогда выразился, и попросил никому не говорить, что он эн Мат-

вэй. Но письмо в столицу я всё-таки отправил, потому что должен был известить Совет. Простите меня, Кари... Это я сообщил Совету, что в Латрасе поселилась новая наследница дома Матвэй. Вот они и прислали пятого пархонта, как только это стало возможно, чтобы убедиться.

Я ничего не успела ответить – вернулся Дайк, и мы вопросительно глянули на него.

– Что-то с ним непонятное... – ответил он хмуро.

Глава 3

Распростившись с Балмааром и остальными, мы вскочили в сёдла. Напоследок Нянь сказал мужчине из свиты, с которым успел пообщаться, что если пархонту станет хуже, чем сейчас, то пусть немедленно посылают за ним. Тот кивнул и мы, наконец-то, отправились восвояси. Вот так съездили на праздник... А каким прекрасным было утро! Так радостно начинался день! Смерть террхана, смерть наследника, приезд пархонта, беседа с ним, его болезнь, признание Балмаара... От эмоций и впечатлений голова шла кругом. Дайк ехал рядом и о чём-то усиленно думал. Когда мы поравнялись с его городским домом, он спрыгнул с Рыжего:

– Поезжай, а я догоню. Надо кое-что проверить.

Я послушалась и, дёрнув поводья, направилась в сторону Тухлого дома. Очень хотелось вернуться домой и обсудить всё с Максом в спокойной обстановке. За городской окраи-

ной голос Тана вклинился в мысли:

– Как ты?

Я скривилась:

– Ты же знаешь, зачем спрашивать?

– Я просто не знаю, что сказать.

– И не говори тогда, если не знаешь.

– Ты приняла решение...

– Похоже... Только нужно ещё выяснить планы Макса, расспросить его про «слёзы богов». Если Рексу на него наплевать, то мне нет. Я совсем не жажду потерять своего ангалинчика. Эгоистка я! Вот и выходит, что путешествие на Кифов нос придётся пока отложить. Не смогу я, Тан, уже так просто всё бросить. Оставить Бумера, Дайка, Макса, да и Тухлый дом, а теперь ещё и Латрас с окрестностями, вроде как, мои владения... Повязал меня Окатан по рукам и ногам. Хотя Балмаар прекрасный городской глава, пусть и сдал меня столичным чинушам. Может, стоит поступить как Жупан? Откреститься от всего... Зачем мне город? Что я, барыня какая-то?! А Латрас – моё поместье с крепостными крестьянами?!

Тан хихикнул и запел:

– Эх, барыня, барыня! Барыня-сударыня!

Не выдержав его весёлого тона, я тоже захохотала:

– Тебе бы всё прикалываться! Я вот только одного никак не пойму... – в эту же секунду Тан внутри будто напрягся. – Почему здесь, на Окатане, все так легко верят мне на сло-

во, что я эн Матвэй? Арвид поверил, хотя про бумаги и реликвии всё же спросил... В Банкоре, в управе, когда оформляли заявку Гуна, тоже поверили. А видя браслет, в этом вообще никто не сомневается, даже пятый пархонт. У меня дома, чтобы что-то доказать про наследство, недвижимость или другие какие материальные ценности, нужен паспорт, куча документов, справок, выписок, свидетелей, заседание суда, который всё это рассмотрит, и то не факт, что вынесет решение в твою пользу. Здесь же стоит просто сказать – и все верят... Как так, Мозг?

Я ощутила, как он устраивается поудобнее и расслабляется:

– Здесь это не нужно...

– Почему?

– Ты опять не догадалась...

– Догадалась! Только никак не могу поверить, что всё так просто.

– С удовольствием выслушаю твою версию.

– Родовая метка! Это своего рода генетический паспорт, который нельзя потерять, забыть где-то, подменить. Ну ты понял. У каждого она на своём месте, да и рисунок цепочки отличается. Принадлежность к роду определяется по ней.

– Всё верно.

– Но почему никто не проверяет, где она?

– Вспомни Банкорскую тюрьму... Почему не подняли тревогу из-за Граса?

– Потому что все знают, что из Банкорской тюрьмы нельзя сбежать. Но теперь-то с этим можно поспорить!

– Это теперь. И то правду на данный момент знают единицы.

– Значит, и с меткой так же?

– Конечно! Метка на теле, её никуда не денешь, она всегда на своём носителе. И ты уже знаешь, что у детей метки, хоть и редко, могут не совпадать с родительскими. Поэтому здесь, на Окатане, установить отцовство никак невозможно! Тут нельзя провести анализ ДНК! И даже мать не всегда знает, от кого ребёнок, если у неё в одно время было несколько мужчин. Может проявиться метка деда или прадеда, бабушки или прабабушки, или, вообще, кого-то из далёких предков. Дайк же рассказывал тебе, что у него метка Хилла, поэтому он эн Тайар, а не эн Вайрэн, как отец, и не эн Риман, как мать. За тысячелетия здесь сформировалось мнение, что бессмысленно лгать о принадлежности к какому-либо роду, ведь проверить это можно элементарно, и никто даже не задаётся такой целью. Если что-то хотят скрыть, то об этом просто не говорят, нигде и никому. Помнишь, когда Гай просил тебя назвать имя рода, а ты промолчала? Он понял тебя на свой лад, что ты просто пока не хочешь сообщать своё имя. У него и мысли не возникло, что в таком вопросе можно солгать!

– Но у меня нет метки, Тан! И это очень напрягает...

Он отмахнулся так, что я буквально физически ощутила

его движение внутри:

– Дайк правильно сказал! А кто об этом знает? Считанные люди! И то, что ты нагло лжёшь... ну с этим ничего уже не поделаешь!

– Но ведь я лгу не потому, что хочу! Мне же ничего этого не нужно: золота, земель, власти...

– Кому ты это объясняешь? Мне?!

– Да самой себе, наверное...

– Кари, ты ведь прекрасно понимаешь, что не можешь говорить всем правду о себе! Даже Дайк не сразу поверил и осознал, что твои рассказы – правда! У тебя есть реликвия рода. Браслет скрывает отсутствие метки, никому и в голову не придёт проверить, есть она под ним или нет!

– А буквы? Они постепенно желтеют. Что это значит?

– Точно не могу пока сказать, но это не процесс окисления... Могу лишь предположить, что браслет как бы включается постепенно, накапливает энергию, заряжается, как аккумулятор или батарейка. Ты заметила, что наши тренировки этому очень поспособствовали? Уже пожелтела большая часть надписи, до этого процесс был более медленным.

– Да, похоже на то...

В эту минуту Тучка вошла во двор Тухлого дома. Кобыла хорошо знала дорогу, и поэтому я так спокойно отключилась для разговора с Мозгом, сидя в седле. Макс еле меня дождался. Как только я вернулась, он отправился на охоту, хоть и изнывал от любопытства, уж очень ему хотелось

узнать подробности нашей поездки. Но я вытолкала его, пообещав, что как только он вернётся, мы всё ему расскажем, тем более что новостей очень много.

Дайк тоже вскоре приехал, и весь его вид выражал крайнюю степень обеспокоенности. Я только открыла рот, чтобы спросить, зачем он заезжал к себе в дом, как он сам заговорил:

– Не могу определить, что с пархонтом... Есть подозрение, что это не простая лихорадка и не последствия переохлаждения, – и, обняв себя руками, вперился в одну точку.

– И что же с ним такое? – спросила я, ставя на плиту котелок, в котором мы заваривали чай.

– Если до завтра ему не станет хуже, значит, всё обойдётся. А вот если станет... Тогда его отравили.

– Отравили?!

Парень отмахнулся:

– Надеюсь, что ошибаюсь. Но рецепт противоядия я нашёл и нужные компоненты есть. Только беда в том, что я не могу дать его пархонту прямо сейчас, потому что этот отвар сам по себе очень сильный яд и убьёт его, если пархонт не отравлен, а вот если отравление имело место, тогда поможет. Я не настолько уверен, чтобы взять на себя такую ответственность.

– То есть два ядовитых вещества при взаимодействии в организме нейтрализуют друг друга?

Нянь глянул на меня и усмехнулся:

– Кари, дорогая, ты так иногда выражаешься, что я, по сравнению с тобой, чувствую себя полным неучем и идиотом.

– Прости, я не хотела...

– Ладно, – он вяло отмахнулся. – Ты же из другого мира, что с тебя взять...

– И что теперь делать?

Он пожал плечами:

– Ждать...

Я заварила чай, всучила Дайку горячую кружку и достала письмо от Хилла:

– Ты забыл?

– Читай, и заодно проверим, не прошли ли мои уроки даром.

За зимние месяцы Дайк научил меня правильно писать и объяснил то, чего я не понимала, особенно порядок расстановки слов в предложении и выделение пауз, которые обозначались специальными значками, их я постоянно путала с буквами, и многое другое.

Я развернула письмо. На колени упало несколько листочков. Окинув их взглядом, я захлопала в ладоши:

– Это мне! Это мне! От Гуна и Крианна!

Письма мы читали до самого возвращения Макса. Хилл писал, что до Банкора добрался благополучно, поселился в «Тихом островке» и, с помощью Крианна, продал Вечный свиток по баснословной цене. Оказывается, Крианн органи-

зовал некое подобие подпольного аукциона и реликвию купил один из высоких столичных чинов, что приезжали в Банкор с известием о кончине террхана, а вот местный наместник остался с носом. Также он писал, что Крианн свёл его с нужными, надёжными людьми, которые помогут добраться до Дирмы и будут при нём в качестве охранников. Так что в Латрас он не вернётся, пока не найдёт и не выкупит своих девочек. Ещё он просил прощения у Дайка, ведь опять бросает его, но выразил надежду, что тот уже взрослый и в состоянии сам о себе позаботиться, ибо в своём любимом внуке он уверен, как в себе. Мне же Хилл передавал извинения и бесконечную благодарность за Вечный свиток и знакомство с Крианном, поскольку совсем не ожидал, что в Банкоре так всё удачно сложится.

В письмах Крианна и Гуна сообщалось, что они меня помнят и всегда ждут, а также что через несколько дней после моего отплытия на «Чёрной медузе», в гостиницу приходил человек со шрамом на лице и спрашивал про меня. Ни Крианна, ни Гарри в тот момент не было, и Марэна за хорошую плату показала ему комнату, в которой я жила. Но на какой шхуне я отплыла и куда, она не сказала, так как поняла, что и так сделала и сболтнула лишнее, и за это хозяин гостиницы очень извиняется.

Гун же написал, что сначала не узнал человека со шрамом, который сел в его гондолу и приказал отвезти в «Тихий островок». Однако на обратном пути пассажир спросил,

не приходилось ли ему возить красивую девушку по имени Карина, с синими глазами и светлыми волосами, как у северянки. И вот только тогда Гун узнал его, хотя тот и очень изменился. Карелл предупредил Гуна: отпираться бесполезно, так как в гондоле очень хорошо чувствуется мой запах. Гун признался, что возил такую на рынок и по торговым лавкам, но, кроме полного имени, он больше ничего не знает. Старик сожалеет об этом и надеется, что у меня всё хорошо. Также он благодарил за прекрасную идею с экскурсиями. Его гондола начала пользоваться в Банкоре спросом.

Перечитав письма по несколько раз, мы с Дайком устали друг на друга. Вот тут и появился Макс. Он выпрыгнул из подвала, так как в последнее время предпочитал попадать к морю по одному из проходов в Белой скале. Но поговорить нам не дали. С глухим рычанием Бумер рванул к двери, а через несколько минут мы услышали топот копыт, потом быстрые шаги и громкий стук в дверь. Макс нырнул в подвал, а Бумера пришлось закрыть на кухне.

Это был Балмаар и двое из свиты пархонта. Городской глава был в панике. Он ворвался в дом, заламывая руки, крича и причитая:

– Дайкаран! Дайкаран! Он умирает! Пархонт умирает! Только не у нас, только не в Латрасе! А что подумают в Совете?! Не уберёг я пархонта! Дайкаран, помоги! Сделай что-нибудь!!!

Дайк глянул на сопровождающих:

– Ногти посинели?

Те хмуро кивнули, а один добавил:

– И рвота фонтаном. . .

– Поехали, подтвердились мои опасения.

Так как мне никто ничего не сказал, я запрыгнула на Тучку и отправилась с ними.

Глава 4

В доме Балмаара, в комнате, где разместили пархонта, ощущался сильный запах рвоты с примесью чего-то приторного и очень противного. Лежащий на кровати был очень бледен, я бы сказала смертельно, и оттенок влажной кожи местами отливал грязноватой зеленью. Рядом сидел один из сопровождающих и пытался напоить его. Но пархонт отворачивал голову и тихо стонал. Он был уже в полубессознательном состоянии.

Глянув на всё это дело, я вышла. Дайк по пути заехал в свой городской дом за противоядием, быстро сварил его на кухне, и они вместе с помощником закрылись в комнате. Прошло около получаса, прежде чем они вышли. Глянув на всех, кто находился в просторной гостиной, Нянь покачал головой:

– Его рвёт, всё лекарство вылетает мгновенно, а той малости, что остаётся, не хватит, чтобы нейтрализовать действие яда.

Стало очень тихо, даже показалось, что я слышу дыхание каждого.

– Яда?! – спросил кто-то.

И тут уж все загалдели:

– Не может быть! Какой яд?! Да кто мог осмелиться отравить пархонта?!

Один из охранников подскочил к Балмаару, схватил его за грудки и, брызжа слюной ему в лицо, завопил:

– Ты?! Да как ты посмел?! Сию же минуту жизнью заплатишься!

Фаэдр Балмаар, несмотря на массивность фигуры, испуганно обвис, повторяя:

– Это не я... Как вы могли подумать... Это не я... Не в моём доме...

Дайк ухватил охранника за плечо:

– Послушайте! Послушайте все! Я ученик лекаря Алцелана! Помните такого?!

Несколько мужчин кивнули.

– Так вот... Я заявляю, что здесь, в Латрасе, пархонт не мог быть отравлен. Это было сделано в пути. Только яд песчаного нэйфа обладает таким замедленным действием. Отравление случилось дня три-четыре назад. Вот и думайте... – и замолчал, а потом тихо добавил, – до утра он вряд ли доживёт...

Вся свита загудела. Послышались обвинения, что кто-то, кто был обязан, не уследил. Что имеется предатель и убийца,

который действует по наущению кого-либо из сыновей терр-хана, что уже таким способом начинают убирать неугодных и всё в таком же духе. Я стояла за тяжёлой портьерой, оглядывая этих высокопоставленных крикунов, и размышляла: «А ведь до самого пятого пархонта никому и дела-то нет. Все думают о том, как будут отмазываться перед Советом и что будет с каждым из них дальше. А то, что их начальник сейчас умирает в муках за стеной в соседней комнате – всем плевать!»

Взяв Дайка под руку, я отвела его в сторонку:

– Совсем нет надежды?

Он опустил глаза:

– Поить его противоядием уже бесполезно. Я не думал, что симптомы проявятся настолько быстро. С этой отравой вот так, напрямую, я никогда не сталкивался.

– А если ввести антидот, ну то есть противоядие, в вену?

Нянь наклонился к самому моему уху:

– Кари... Но как?! Ведь ничего из чудес твоего мира у нас нет, да и делать этого я не умею.

Обводя взглядом этих уже сыпавших ругательствами мужчин, бледного Балмаара, полулежащего в кресле, я лихорадочно соображала: «Как выкрутиться? Что использовать? Времени совсем мало! Он же умирает!» Глянув ещё раз на городского главу, я спросила:

– Фаэдр Балмаар, а ваша супруга, случайно, выпечкой сладких шариков не увлекается?

Мужчина поднял на меня глаза, и в них ясно читалось, что глупее и неуместнее вопроса в приложении к ситуации он не слышал в своей жизни. Он продолжал молча тарачиться, а я почувствовала, что начинаю злиться:

– Да или нет?! – я гаркнула так, что все обернулись в мою сторону.

То ли от такого резкого тона, то ли от выражения моего лица Балмаар начал краснеть, а потом, заикаясь, выдавил:

– А... А... Альба... – и закончил на выдохе, – увлекается.

Со скоростью пули я рванула на кухню. Женская часть семьи Балмаара находилась там. Его супруга, очень милая, невысокая, пухленькая женщина с высокой причёской, и их младшая дочь, пригорюнившись, сидели у плиты. А горевать было из-за чего! В кои-то веки из самой столицы гости пожаловали, а тут такое!

Я схватила девушку за руку:

– Альба! Где цилиндры? Те, которыми начинку в сладкие шарики заливают?

Она глянула на меня как на полоумную.

– Быстро! Где?!

А от окрика вздрогнула и, протянув ладошку, прошептала:

– Там... В крайнем углу...

Выдернув ящик из кухонного комода, я вывернула содержимое на стол:

– Дайк! Ставь кипятить воду в той большой кастрюле и

вари новую порцию своего зелья!

Не говоря ни слова, Нянь бросился исполнять приказание. Среди довольно старых цилиндров, которые использовали для вливания мягкой, кремообразной начинки, нашёл-ся один пригодный. Поршень ходил плотно, не болтался, и когда я попробовала набрать через этот допотопный шприц воды из миски, нигде ничего не протекло. Повезло – почти новый, практически неиспользованный. Поршень был деревянный, а сам цилиндр с узким носиком – из меди. И хотя для моих целей эта штукавина была великовата, но выбора не имелось. Радовало то, что он был вполне герметичен и немного сплюснут в узкой части, благодаря чему его можно было плашмя положить на руку.

Осталось придумать, где взять полую иглу или из чего приспособить. «Может, крупные перья или трубчатые кости?» – думала я, застыв столбом и держа перед глазами эту кухонную принадлежность. Тихий голос в голове прошептал: «Колючки мирга... Сухие они очень твёрдые и по размеру подойдут». Я закрыла глаза и мысленно прошептала: «Спасибо, Тан! Выручил! Это именно то, что нужно!»

Искать мирг не было необходимости. Это растение часто использовали вместо заборов. У него вырастали очень острые колючки и притом на одном кусте самых различных размеров. Когда я увидела эти жуткие заросли в первый раз, то обратила внимание именно на колючки. Они сразу напомнили мне медицинские иглы, так как имели утолщённое, про-

долговатое основание, будто ножку, и длинное остриё с дырочкой. Мирг был опасен не столько иголками, сколько соком, который из них выделялся. При попадании в царапину от самой колючки, как мне рассказывали, было очень больно, но не смертельно, конечно. Во дворе у Балмаара как раз рос большой куст мирга, который огораживал одну сторону от соседей.

Я выскочила на воздух. Уже вечерело, ветер утих, и красный закат полыхал над морем. «Как там Максик? Изойдётся же от любопытства! Мы в гуще событий целый день, а он там один изнывает. Может, хоть Бумер его немного отвлечёт?» – попыталась я себя успокоить, ведь чешуйчатый и лохматый давно нашли общий язык.

Изодрав любимую серую тунику и исколов в кровь руки, я наломала-таки острых, длинных иголок. К моменту, когда прокипятился шприц и был полностью готов к употреблению, Дайк сварил и остудил противоядие. Осторожно втягивая, я набрала около половины и, толкнув поршень, выпустила воздух. Работает! Осталось всё это ввести, не отправив пархонта к Хранителю уже моими усилиями.

Колоть в вену я немного умела. Не медсестра, конечно, но пока папа болел, несколько раз приходилось. В основном за ним ухаживала моя старшая сестра, но я тоже помогала, чем могла. Мы с Дайком вошли к умирающему. В комнате находился ещё только один человек, тот самый, с которым за обедом разговаривал Дайк. Он сидел у изголовья кровати

и вытирал со лба пархонта проступающие капли пота. А тот был уже совсем плох.

Я заперла дверь, велела мужчинам держать его, чтобы не дёрнулся ненароком, и приступила к процедуре. Вены у пархонта были великолепные. Когда я их увидела, то облегчённо выдохнула: «В такие – точно попаду!» Минут через десять всё было сделано: колючка не сломалась, чего я очень боялась, противоядие я ввела всё, оставалось только ждать и надеяться, что это поможет. Вытянув шприц, хотя эту конструкцию назвать шприцем можно было с большой натяжкой, и зажав место прокола чистой тряпочкой, я согнула больному руку и попросила Дайка подержать так некоторое время.

Помощник поочерёдно посмотрел на нас и прошептал:

– Никогда такого не видел...

Тон-в-тон Дайк ответил:

– Я тоже.

Ночевали мы прямо в этой же комнате. Так как отравление было на лицо, Дайк и личный помощник решили пока к пархонту никого не допускать. Отравитель ведь не пойман, и кто им может быть – неизвестно. Балмаар принёс мне раскладушку, а Дайку с помощником, кстати, звали его Инван, и в мыслях я сразу окрестила его Ваней, по соломенному тюфяку. Сам же городской глава, продолжая причитать, отправился размещать остальных.

Глава 5

Дайк разбудил нас под утро. Рассвет ещё только-только занимался, и в комнате было довольно темно. Первые лучи еле пробивались сквозь полуприкрытые ставни. При свете нескольких ламп в шесть глаз мы уставились на пархонта, и было похоже, что он спал, просто спал. Бледное лицо, но уже без зелёного оттенка, лунки ногтей обычного, нормального цвета и жара у него тоже не было.

– Всё, я поехала домой. Уже видно, что противоядие сработало, а вы тут и без меня управитесь.

Дайк улыбнулся и кивнул, а Инван проводил долгим, пристальным взглядом. Моя кобылка так всю ночь и простояла под седлом на конюшне Балмаара. Я похлопала её по холке и погладила по дымчатой морде:

– Загостились мы тут, красавица моя, давай-ка домой двигаться, а то Макс и Бумер нас ждут не дождутся, – и вскочила в седло.

А вот Макс был зол как все черти ада! Давно я не видела ангалина в таком взвинченном состоянии. Как только я открыла дверь, волчонок бросился навстречу и, царапая острыми когтями кожу, попытался влезть повыше, прямо на грудь. Я и так уже была расцарапана колючками мирга, а тут ещё и мой любимец добавил. Ящера носило по комнате так, будто в одно место ему вставили мотор! Он сверкал зелёными

глазищами, в которых проглядывали красноватые прожилки, золотые молнии мелькали на шкуре и его быстрые, почти неуловимые движения не оставляли никаких сомнений – сейчас что-то будет!

– Явилас-с-сь?!! – взревел он, высоко подпрыгнув.

Я вжалась спиной в дверь, прижимая скулящего и уже такого тяжеленного Бумера.

– Ты!!! Да ты!!! – он даже задыхался.

– Макс, послушай... Успокойся... – попыталась я что-то пропищать.

Но говорить было бесполезно. Его прорвало.

– Я тут кто?!! С-с-смотритель за козой?! С-с-стряпуха?! Или домашняя прис-с-слуга?! Вы бросили меня! А с-с-сами исчез-з-зли! Ты бросила!!! Что проис-с-сходит?! Ты ничего не рассказала!

– Макс, ты же знаешь... Я не успела...

Он метался по комнате, задевая хвостом то стол, то лавки, и от этих звуков я невольно вздрагивала. Потом зачем-то рванул на кухню и оттуда донёсся грохот. Через секунду вылетел, держа хвосторучкой котелок с горячей водой.

– Да я тут уже дес-с-сятый раз-з-з чай для вас-с-с завариваю! Только тебе вс-с-сё равно!!! – и, швырнув котелок в стену, бросился в подвал.

– Макс! Постой! Не убегай! – но его и след простыл.

Целую зиму всё было достаточно спокойно. Никаких серьёзных конфликтов между нами не возникало, и я радова-

лась, что ужиться вместе оказалось несложно. Мы же прекрасно ладили все эти месяцы! Но как ни крути, а вспыльчивый характер Макса всё-таки дал о себе знать, чтобы я так не расслаблялась, наверно.

– Ну что, Бумер? Будем ждать, пока наш Максик успокоится и остынет. Похоже, напугал он тебя, малыш?

Волчонок ткнулся в меня мордой и вылизал ухо.

Несмотря на предыдущий насыщенный день и беспокойную ночь заснуть я так и не смогла, хотя честно пыталась. Погода была хорошая, и, прибравшись в доме после буйства ангалинской психики, а также на конюшне, мы с Бумером спустились к морю. Вот там, сидящей на удобном плоском валуне, меня и нашёл Дайк. Он присел рядом и сразу спросил:

– Что ещё случилось?

– Макс удрал. Взбесился, что мы его бросили, ничего не рассказали и всё в таком духе...

– Вернётся, он отходчивый...

– Как там пархонт?

– Хорошо. Уже в себя пришёл. С ним всё будет в порядке, если его опять не попытаются отравить или избавиться другим способом.

Повисла долгая пауза.

– Кари, они там все потрясены тобой. И пархонт, и Инван, и остальные... Балмаар просил кланяться, расцеловать тебя, ну и тому подобное. Замучили вопросами, еле вырвался.

Он взял мою ладонь и принялся нежно, медленно поглаживать.

– Мне рассказали, что говорил тебе пархонт за обедом...

– Ты хочешь знать, что я об этом думаю?

Поглаживания прекратились.

– Да, хочу.

Отняв руку, я плотнее закуталась в плащ – ветер с моря был холодным:

– Дайк, я в такой растерянности... Всё настолько усложнилось, хотя... чего тут удивляться? Чем дольше я здесь нахожусь, тем сильнее прилипаю, обрастаю чувствами, впечатлениями, теми, кого люблю и кто любит меня...

Дайк ласково улыбнулся и кивнул.

– Когда начинаю думать о путешествии на Кифов нос, то это уже не вызывает тех чувств, что были раньше. Очень многое изменилось... Если сперва я думала, что нужно просто попасть туда, а там уж действовать по ситуации, то теперь голову не покидают мысли: а что если всё получится и переход работает, и я смогу уйти? Что я там! буду делать? Как жить?! Ведь меня даже узнать трудно! Да почти невозможно! Своим родным мне придётся доказывать, что это – я, а не какая-то неизвестная сумасшедшая девушка. Скоро год как я на Окатане, и если вернусь, то непонятно, в какое попаду время на Земле: в момент аварии или в то, что там сейчас. А если предположить, что время на Земле идёт своим чередом, то получается, что я заявлюсь через полтора го-

да? И то – это только моё предположение. Короче, мрак... и сплошные «если». А как подумаю, что ни тебя, ни Макса, ни Бумера я больше никогда не увижу, то... – глаза стали влажными и я хлюпнула носом.

– И что ты решила? – тихо спросил он.

Я заглянула в такие родные голубые глаза, провела подушечкой пальца по шраму, рассекающему его бровь на две половины, всмотрелась в точку на щеке, которая вот-вот могла превратиться в любимую ямочку.

– Не буду слишком тебя обнадеживать, но думаю, что Кифов нос никуда не денется...

Нянь широко заулыбался и, крепко обняв, прижал меня к себе.

– Обнимаетес-с-сь...

Мы резко обернулись. Из-за валуна выглядывала чешуйчатая морда.

– Подслушивал?! – сверху вниз я строго посмотрела на Макса. – Истерика, надеюсь, закончилась?

– З-з-закончилас-с-сь, – прошипел он и запрыгнул на валун.

– Ну так что? Кто первый рассказывает? Я все новости или вы, мальчишки, про превращения и «слёзы богов»?

– Подслушивала! – завопили они в один голос.

Наши рассказы о кончине террхана и убийстве назначенного наследника большого впечатления на Макса не произвели. При перемене власти у ангалинов появлялась надеж-

да, что для них что-то изменится в лучшую сторону. Когда я заметила, что может ведь и в худшую измениться, он спросил: «А в какую худш-ш-шую? В с-с-сторону полного з-з-запрета каких-либо контактов? Так это вряд ли!» Ведь и так уже давным-давно люди сами по себе, ящеры тоже. А воевать с людьми ангалины не будут ни при каких обстоятельствах, только защищаться в случае прямого нападения – таков древний, священный завет ангов. Однако добавил, что в былые времена ангалины воевали, но только в качестве наёмников в составе человеческой армии, военачальники которой предлагали большую плату.

А вот ситуация с моим значительно разросшимся наследством Макса очень порадовала и он высказался категорично, что тут и думать нечего, если уж сам пархонт признал во мне наследницу дома Матвэй. И я буду круглой душой, если откажусь узаконить своё право, тем более после того, как мы с Дайком спасли его от верной смерти. И такое полезное знакомство в столице дорогого стоит. Дайк же, сидя рядом, только одобрительно поддакивал.

Короче говоря, уломали они меня. Когда же я сообщила, что, по словам Балмаара, городская казна практически пуста, а посёлку нужна хорошая охрана, Макс чётко и уверенно ответил:

– Когда ты станеш-ш-шь единоличной владелицей этих з-з-земель, то во времена отсутс-с-ствия террхана будеш-ш-шь иметь право защищ-щ-щать свою территорию любыми дос-

с-ступными способами и даже Совет тебе будет не указ. Верно, Дайк?

Нянь кивнул:

– Верно. Для хозяина пусть и маленьких, но своих территорий не существует никакой власти, кроме власти террхана, а если его нет... Ну ты поняла...

– Я-то поняла. Только чтобы чувствовать уверенность и знать, что люди и земли под защитой, нужны солдаты, воины...

– А ангалины на что?!

Мы с Дайком уставились на Макса.

– То есть... ты хочешь сказать...

– Повторяю для тугодумов, – и Макс так ехидно оскалился, что мне очень захотелось ущипнуть его больно-пребольно! – Ты с-с-сможеш-ш-шь нанять любую охрану! Таковую, с которой договориш-ш-шься! А ведь, Кари, ты уж-ж-же прекрас-с-сно знаеш-ш-шь, что один ангалин с-с-стоит трёх-четырёх воинов людей. Главное, чтобы с-с-сами жители не были против.

– А платить как?! – высказался Дайк.

– З-з-золотом, конечно! Один кусок уж-ж-же ес-с-сть, который Кари мне по...

И тут мой ангалинчик понял, что проболтался, и молниеносно зажал хвостом рот, выпучив испуганные зелёные глазищи. Дайк обвёл нас поочередно взглядом:

– Та-а-ак... Очень интересно... И чего я не знаю?!

Максик застыл истуканом, а я соображала, как всё объяснить.

– Если вы сейчас же не расскажете, что скрываете, то котелки с кипятком швырять в стену буду уже я!

Что ж... Делать нечего, всё равно пришлось бы когда-нибудь рассказать.

– Дайк, прости... Я не хотела тебе говорить, потому что ты связан с Кареллом, а у меня на мою находку собственные планы. Я не хотела, чтобы кто-то из людей знал об этом. Прошу, пойми меня правильно...

– Ты толком можешь сказать...

Я глубоко вздохнула и, глядя ему прямо в глаза, проговорила:

– Я нашла золотую жилу, богатую жилу... И хочу, чтобы она досталась ангалинам, ты уже знаешь почему... Только я прекрасно понимаю, что всё золото добыть невозможно, так хотя бы пусть часть им достанется, уж сколько получится...

Молчал Дайк долго. Я посматривала на него, пытаюсь предугадать реакцию, и ждала хоть какого-то ответа.

– А где?

– На территориях горных волков. Дорогу и место знаю только я, так спокойней.

– Это там, где волчица тебе Бумера принесла?

Я кивнула.

Дайк смотрел очень строго, и я боялась, что сейчас и он психанёт. Однако лёгкая улыбка тронула губы моего друга.

- Это все секреты? – он продолжал усмехаться.
– Все! – и мы с чешуйчатым расслабились.

Глава 6

Историю Макса о превращениях и «слезах богов» мы слушали уже в доме, потому что набежали тучи и хлынул сильный ливень. Мы сидели на кухне возле тёплой плиты и пытались почистить овощей на ужин, однако постоянно застывали с ножиками в руках, слушая эту удивительную, но жуткую историю.

На самом деле ангалины не совсем владели тайной превращения. Они знали, что это возможно и для этого нужны «слёзы богов». Но ни одна из всего лишь трёх попыток за многие века не была удачной. Тех ящеров, кто осмелился испытать «слёзы» на себе, ждала смерть и притом от оружия своих же соплеменников. Их пришлось убить и приложить для этого огромные усилия. Потому как в результате получалось жуткое чудовище. В течение нескольких дней после принятия «слёз» ангалин превращался в страшного, бешеного монстра, который убивал всех, кто оказывался рядом, и остановить его, даже усилиями многих ангалинов, было очень трудно.

Во втором превращении это чудовище вырвалось из глубокого колодца, в котором происходила трансформация, и за считанные часы вырезало половину населения острова. Лич-

ности того ангалина, который согласился на этот жуткий опыт, уже не существовало, монстр хотел только одного – убивать!

От рассказа Макса я пришла в ужас:

– И ты хочешь себе такого?! Ты сошёл с ума! Даже не смей думать об этом!

Он глянул на меня, и сиреневые искорки пробежали тонкой дорожкой:

– Я знаю, что ты меня любиш-ш-шь таким, какой я ес-с-сть, но...

– Никаких «но»! Я запрещаю! Понял?! Если твоему папочке хочется попробовать, то пусть сам на себе и испытывает эту гадость, а я не хочу тебя потерять!

Макс глубоко вздохнул и слегка улыбнулся:

– Кари, пос-с-слушай...

– Нет, я сказала!

Он глянул на Дайка, как бы ища поддержки:

– Ты не выс-с-слушала до конца... Я не собираюс-с-сь пробовать, пока мы не найдём причину, почему не получае-с-ся, я не полный идиот. И я тож-ж-же не хочу потерять тебя... Ведь если я с-с-стану таким монстром, меня придётся убить, а я хочу быть с тобой нас-с-столько долго, насколько это будет возмож-ж-жно.

Дайк сидел молча, слушая нашу перепалку и поглядывая то на меня, то на Макса.

– А ты что молчишь?! – я глянула на Няню.

– А что говорить? Я ведь тоже не хочу, ни чтобы ты, ни чтобы Макс навсегда исчезли из моей жизни! Скажу честно, Кари... Даже в банде я не чувствовал себя так, как здесь, в Тухлом доме, рядом с вами. Изменилась ведь не только твоя жизнь, но и наша. Верно, Макс?

Ящер довольно кивнул.

– И она уже никогда не будет такой, как прежде. Ты появилась на Окатане, как звезда, упавшая с небес. Карелл правильно тебя прозвал. Поэтому если Макс, да и сам Рекс считают, что ты можешь помочь разобраться в этой загадке, то я согласен достать «слёзы богов», а там видно будет...

Теперь настала моя очередь молчать, и после некоторых размышлений я спросила:

– А где они? Куда надо ехать?

– В Храме, вернее в Храмах... Только тут ес-с-сть проблема... В трёх мы были, и эта бочка, которая выезж-ж-жает из ниши, ес-с-сли нажать помеченный камень, выдаёт лиш-ш-шь несколько маленьких таких... не з-з-знаю, как с-с-сказать... штук... Если откус-с-сить носик и надавить, то выделяется нес-с-сколько капель...

– Ампулы, что ли?

– Ну вот! Видиш-ш-шь, Дайк?! Кари их даже не видела, а уже з-з-знает, как называютс-с-ся!

– Подожди ты радоваться... Я ведь и вправду их не видела, может, это совсем не то!

Ангалин отмахнулся когтистой лапой:

– Вот уверен, что ты поможеш-ш-шь разобраться-с-ся или на нужные мысли натолкнёш-ш-шь!

– Ну допустим... Так в чём проблема-то?

– А в том, что ес-с-сли один раз-з-з из бочки эти ш-ш-штучки выпали, то всё! Больш-ш-ше ничего не получается-с-ся и бочка в нишу тож-ж-же не задвигаетс-с-ся. Это придумки ангов, и как там вс-с-сё работает, мы не з-з-знаем. Осталс-с-ся только один Храм, в котором бочку мы не трогали, потому что добратьс-с-ся до него нам никак не получается, он очень далеко от моря, да и рек, по которым мож-ж-жно было бы доплыть, тож-ж-же там нет. В этом Храме веками никто из ангалинов не был.

– А где он точно находится? – спросил Дайк.

– Отец объяс-с-снил, что нужно двигаться от Раски с-с-строга на запад до З-з-закатной гряды, а оттуда на юг вдоль горных склонов, пока не доберёмс-с-ся до подножия с-с-самого высокого пика.

– Знаю! – выпалил Дайк. – Там неподалёку северо-западная дорога проходит на столицу и места там довольно обжитые: много посёлков и деревень.

– Теперь понимаете, что без-з-з вашей помощ-щ-щи я не с-с-смогу туда попасть?

– Ну хорошо... – я закончила чистить свою долю тыквокартошек. – Достанем мы эти «слёзы», а дальше?

– А дальш-ш-ше... Ты должна будеш-ш-шь со мной прибыть к отцу.

– Куда?! К самому Рексу?!

– Ну да. В сокровищ-щ-щнице Рексов ес-с-сть кое-какие вещи, реликвии, которые мы с-с-сохранили со времён ангов и в наз-з-значении которых до сих пор не мож-ж-жем разобраться-с-ся. Вот ты бы и глянула, так с-с-сказать, своим глазом, а вдруг что-то поймёш-ш-шь, догадаеш-ш-шься о чем-то. Ты же с-с-столько всего знаеш-ш-шь, Кари! Такого, что мы и представить не мож-ж-жем!

Дайк тоже отбросил ножик и с жаром заговорил:

– Макс прав, Кари! Я от этой инъекции отойти никак не могу, как всё просто оказалось! Спасли уже умирающего человека, один укол – и всё! Если бы не это, то пятый пархонт был бы уже у Хранителя! Ты же догадалась, как можно использовать колючки мирга и цилиндр для начинок!

– А как же жила? – спросила я, глядя на обоих.

– Одно другому не мешает, – продолжил Нянь. – Разрабатываем удобный маршрут, у Балмаара карта неплохая есть, и решим, как лучше, сначала в Храм, а потом за золотом или наоборот, подумаем...

– Да-а-а... – протянула я. – Обложили со всех сторон... А то, что сейчас может быть опасно, террхана нет и наследники будут делить власть, воевать между собой?

Парни мои хмыкнули и Макс широко улыбнулся:

– Девочка наш-ш-ша дорогая... Да за это время из нас-с-с получилас-с-сь такая команда, что это нас будут боятьс-с-ся! Один Бумер чего стоит, хотя ещё щенок!

Услышав своё имя, волчонок вскинул лохматую голову и радостно рыкнул.

Глава 7. Гейза. Северо-восточная окраина Восточных территорий

На просторном, вымощенном камнем дворе приземистого двухэтажного дома собралась толпа. В основном это были жители города и окрестных посёлков, однако немного в стороне стояла довольно большая группа хорошо вооружённых мужчин. Люди шумели и громко говорили. Городской глава, наследник древнего дома Лагран, невысокий, сухощавый пожилой мужчина, о чём-то переговаривался с человеком, уродливый, багровый шрам которого заметно выделялся на лице. Из толпы слышались выкрики:

– Нас Совет уже обобрал! Нечем платить Элгану! А если всех лошадей уведут?! Диган, надо что-то решать!

Оглядев толпу, городской глава сделал шаг вперёд:

– Послушайте! Послушайте!

Люди немного притихли.

– Нам надо определиться! Террхана уже нет и назначенного наследника тоже, а позволять грабить себя всем подряд мы не будем! Верно я говорю?!

– Верно! Справедливо! Правильно! – донеслись крики.

– Как сегодня стало известно, из пяти сыновей террхана в живых ныне только двое – это Элган и Инзар, первый и вто-

рой старшие сыновья. Остальных братьев уже нет, да береги их души Хранитель.

– А мы тут при чём?! – раздался хриплый гортанный выкрик. – Пусть бы все друг друга поубивали! Они посягнули на волю террхана!

– Да-да! Так и есть! Но вы должны понимать, что чем быстрее всё закончится, тем лучше! Наступит хоть какой-то порядок! Волнения в Банкоре уже о многом говорят. Инзар собирается обложить ещё большими налогами города и посёлки, а Элган настолько жаждет золота, что хочет заключить с северянами сделку и сдать им в аренду на двести лет всю северную окраину от Закатных гор до мыса Эалы.

Толпа ещё больше взволновалась:

– Не бывать этому! Пусть сидят на своём Севере! А что с нами будет?!

– Прерии отдали Западу, а теперь и наши земли хотят продать?! Да так скоро от Восточных территорий ничего не останется! – кричал высокий седовласый мужчина в первых рядах.

– Правильно, Алекан! – кивнул городской глава. – Правильно! Но я хочу предложить иной выход!

– Какой?! Какой выход?! – волна обеспокоенного движения прокатилась от ворот до возвышения, где стоял городской глава.

– Есть ещё один претендент на трон! Законный! Того же дома! И если мы его поддержим, то спокойствие, порядок и

целостность Восточных территорий будет гарантировано!

Толпа взорвалась криками:

– Кто?! Кто?! Воины террхана приняли сторону кого-либо из оставшихся братьев! Кто сможет противостоять им?!

Городской глава поднял руки, призывая к молчанию:

– Спокойно, люди! Спокойно! Тихо!

Слегка отодвинув выступающего, вперёд вышел человек со шрамом. Его сдержанный и уверенный вид, а возможно, и поза: спина прямая, ноги немного расставлены, крепкие, широкие ладони опираются на рукоять меча, твёрдый взгляд – всё это, вероятно, подействовало и крики притихли.

– Я, Кареллан эн Растан, племянник ныне упокоенного Великого терра, – произнёс он громко и чётко. – Дом Растан – наш общий дом и я имею такие же права на престол, как и сыновья террхана!

На какое-то время наступила полная тишина, а некоторые мужчины в толпе словно задохнулись. А потом столпившийся народ будто выплеснул крики, эмоции и ругательства:

– Предатель!!! Ты сдал прерии Западу! Убийца! Ты должен был погибнуть на поле боя вместе с другими, а ты вернулся! И как только не постыдился?! Трус и убийца! Ты предал своих воинов! Нам не нужен такой терр! Убирайся!!!

Люди злобно кричали, многие махали руками, а несколько человек, в том числе и высокий крупный Алекан, схватились за висевшие у пояса мечи. Однако, заметив прямой и колючий взгляд нового наследника терра, их руки останови-

лись. Фаэдр Диган прошептал на ухо мужчине со шрамом:
– Я предупреждал тебя, Карелл, не стоило здесь этого делать... У нас много переселенцев из прерий.

Карелл криво ухмыльнулся и слегка похлопал собеседника по плечу:

– Письмо до Совета дойдёт ещё нескоро, а вот слухи расползутся быстро. Мне больше нельзя скрываться, мои двоюродные братья как можно скорее должны узнать, что я тоже в игре. А дальше как уж повезёт, никто не может предугадать, как будут развиваться события. Ты же понимаешь...

Диган нехотя кивнул:

– Мне очень жаль...

Карелл отмахнулся и, спрыгнув с помоста, направился в сторону сидящих в сёдлах всадников. Диган уже не видел, как были сжаты его губы и как нервно подёргивался угол глаза, натянутого шрамом, когда Карелл запрыгивал в седло. Под продолжающиеся вопли и проклятия отряд чинно и спокойно выехал за городские ворота.

Глава 8. Латрас

Через несколько дней после того как мы в общих чертах определились с дальнейшими планами на лето в Тухлый дом пожаловали высокие гости. Кавалькаду из десятка всадников мы заметили ещё издалека, когда они показались из-за дальнего перелеска, и успели принять меры, чтобы приезжие

не задержались – открыли кран подачи «потрясающего» тухлого аромата.

Макс спрятался в подвале, оставив люк приоткрытым, чтобы хоть что-то слышать, а вот Бумера я решила уже не скрывать. Волчонок вёл себя идеально и понимал, в каких случаях можно и нужно проявить агрессию, а в каких нет. Морщиться и затыкать носы делегация начала уже на подъезде, ветер как раз дул от Белой скалы. Мы с Дайком довольно переглянулись. Въехав во двор, всадники спешили и, после приветствий, мы пригласили их в дом.

Балмаар, пятый пархонт, его помощник Инван, которого я про себя называла Ваней, и ещё двое прошли внутрь, другие остались снаружи. В доме воняло уже очень сильно, но мы-то давно привыкли, а вот наши гости начали понемногу зеленеть. Зажимая носы, Балмаар и Инван присели у стола, двое охранников встали у двери, а пятый пархонт, стоя посреди комнаты, лишь слегка кривился, осматриваясь по сторонам.

Заметив Бумера, неподвижно сидящего на пороге кухни, он удивлённо глянул на нас:

– Похоже, я что-то недопонимаю... Это горный волк?!

Я кивнула:

– Да, фаэдр, – и, глянув на волчонка, добавила: – Бумер, поздоровайся с гостями.

Все замерли, вытаращив глаза, пархонт отшатнулся, а охранники напряглись. Бумер важно поднялся и, постукивая

когтями о дощатый пол, медленно продефилировал, обнюхивая каждого, а потом уселся посередине и коротко рыкнул. Мужчины вздрогнули. Я потрепала его за круглыми ушами:

– Молодец, мой хороший, молодец...

Пархонт покачнулся и быстро вскочивший Инван усадил его на лавку. Несколько минут царило гробовое молчание, пока пархонт не заговорил:

– Д-а-а-а, эрдана Кари, не зря я сюда приехал... Так, как в Латрасе, меня не удивляли нигде! А можно куда-нибудь отправить вашего волка?

Хмыкнув, я сложила руки на груди:

– Вы пришли в мой дом с собственной охраной, а Бумер – мой личный телохранитель.

Как же он смутился! Не ожидала, что эта важная столичная птица так занервничает. Он опёрся о стол, и я заметила, как дрогнули его тонкие, длинные пальцы.

– Простите, я не хотел указывать вам... – и махнул охранникам, которые опрометью бросились на воздух. Во дворе воняло всё же не так сильно.

Я решила разрядить обстановку:

– Хотите чаю или что-нибудь покрепче?

Он улыбнулся и покачал головой:

– Не нужно лишнего беспокойства, мы только из-за стола. Я ведь поблагодарить вас приехал, да и обсудить кое-какие вопросы.

– Ну что ж... Давайте обсудим, а поблагодарите нас чуть

позже, фаэдр...

– Вальдеган... Меня зовут Вальдеган Элизан Ларан эн Паркар. Но вы, эрдана Карина, и вы, Дайкаран, можете обращаться ко мне просто по имени.

Беседа затянулась на несколько часов. Вальдеган подробно объяснил, какие преимущества получит город и прилегающие деревни в такой сложный период, если я подпишу нужные бумаги. А, к слову сказать, мои будущие владения оказались не такими уж и маленькими. Когда Балмаар развернул большую, старую, нарисованную карту и указал конечные точки, то я как-то даже приуныла. Как охранять и контролировать такую территорию?!

Видя моё замешательство, они вдвоём с пархонтом начали объяснять, что жители сами возьмутся за оружие в случае необходимости, что из молодых парней и мужчин будет сформирован мобильный отряд, который сможет контролировать территорию, хотя оружия, конечно, маловато, но кузня Малахана начнёт работать в усиленном режиме, как только из Перрикола привезут больше руды.

Я ещё не очень-то понимала, в чём заключалась сложность и опасность ситуации, поэтому спросила:

– Вы полагаете, что могут начаться боевые действия?

Мужчины переглянулись и пархонт продолжил:

– Эрдана Карина, поймите, что время безвластия может продлиться очень долго, но рано или поздно что-то решится. Подписав эти бумаги, с одной стороны, вы возьмёте на себя

большую ответственность, но с другой – во многом развяжете руки всем тем, кто живёт на вашей территории. С того момента, как вы... вот здесь, – и Вальдеган ткнул длинным пальцем в лежащие на столе листы, – поставите своё имя, все местные будут подчиняться только вам или тем людям, которых вы на это уполномочите. И никто: ни Совет, ни сыновья terra – вам не указ. Только законы древнейших, которые незыблемы, как земля и небо, и только ваши личные приказы будут действовать в этой местности, – и он ещё раз обвёл рукой прилегающие к Латрасу земли. – Я понимаю, что троекратный налог оставил город почти без денег, но это последний налог в казну, законный, хоть и увеличенный в три раза. Пока на престол не взойдёт новый терр, никаких выплат уже не будет, да и потом какое-то время тоже. Вы сами будете решать поддержать кого-то из претендентов или нет, оказывать ли кому-либо помощь или платить наёмникам. Но при этом вы должны понимать, что если сами будете в состоянии защитить свои земли и интересы, то вы приобретёте практически абсолютную свободу, ограниченную только немногими законами древнейших. Никто из настоящих претендентов на трон не будет заинтересован с вами ссориться, вас могут всего лишь попытаться убить. Вот только от обычных бандитов, которые в скором времени обязательно появятся, вам придётся отбиваться самостоятельно.

У меня возникло ощущение, что я опять проваливаюсь в болото. Меня пытаются втянуть в сложные политические

игры, в которых я «дуб дубом», и хотят навесить стопудовое ярмо ответственности, хотя фраза пятого пархонта, что меня могут попытаться убить, почему-то сильно не зацепила, в отличие от всего остального. А как же путешествие за «следами богов» и золотом?! Похоже, что наши планы накрываются большим медным тазом!

Я оглянулась на Дайка. Он сидел, уставившись в карту, и на меня не смотрел. Тогда под столом я наступила ему на ногу. Он дёрнулся, глянул на меня и опять уставился в ту же точку.

– Дайк! Что ты молчишь? – я пихнула его в бок.

– А что я могу сказать? Я тебе не муж... Ты наследница и должна принимать решение сама, хотя это и странно, конечно...

– Верно-верно, Дайкаран, – пархонт закивал. – Если бы вы были замужем, эрдана, тогда могли бы всё переложить на плечи своего супруга, но так как вы свободны...

Я сидела, сжав кулаки и, по примеру Дайка, уставившись в карту: «Нужно принимать решение... Решение, которое затрагивает не только меня, но и других людей, живущих здесь... Почему это зависит от меня?! Как я могу это делать?! Дайк молчит, Макс в подвале прячется, хоть бы Мозг что-нибудь подсказал...» Но и мой внутренний умник никак не давал о себе знать, и я решила ещё немного потянуть время:

– А почему вы, Вальдеган, да и Совет так заинтересованы

в том, чтобы я всё подписала?

– А вы не знаете?

– Нет... До некоторых пор такие вещи меня не интересовали.

Пятый пархонт потёр кончик своего птичьего носа, сморщился от густой вони, царящей в доме, и произнёс:

– Совет, а также и я, его представитель... Мы свято чтим законы древнейших, а там сказано, что в смутные, безвластные времена только наследники самых древних родов являются оплотом стабильности и безопасности Восточных территорий. Эти законы не слишком известны, однако они так же важны, как и остальные, более распространённые, просто прибегают к ним очень редко. А сейчас как раз и есть такая редкая ситуация. Совет, сам по себе, ничего не решает, ему запрещено вмешиваться. Он может выразить мнение, подсказать, посоветовать, проконтролировать, на то он и Совет. А вот верховная власть, во всех её проявлениях, принадлежит террхану. И пока его нет, претенденты должны разобраться сами. Тот, кто останется в живых или заручится поддержкой большинства наследников, и будет новым Великим террханом. Поэтому такие, как вы, эрдана, наследники древних родов и владельцы собственных земель, могут по-настоящему влиять на происходящие события. И хоть вас всего лишь пятеро, но решение каждого может стать судьбоносным.

От этой лекции мне совсем поплохело: «Судьбоносное ре-

шение для всех Восточных территорий! Вот это пятый пархонт завернул!»

Вальдеган глянул на меня как-то очень странно, просительно, что ли, и проговорил:

– Эрдана, простите, но я больше не могу... Можно открыть окна? – и заискивающе улыбнулся.

В этот момент стало его так жалко: «Пару дней тому чуть не отправился к Хранителю, на «вечное сохранение души», а тут я над ним издеваюсь. Нехорош-о-о-о!»

Я перекрыла кран в кухне, Дайк распахнул все окна и через несколько минут наши гости заметно повеселели. Присев за стол, я взяла в руки стилос: «Эх! Была не была! Я так и уже по уши...» И подписала все протянутые по очереди пархонтом свитки. Хотелось ещё чертенят подрисовать, но я вовремя остановилась. Как-никак важные государственные документы, но распирало жутко!

После проставления последней закорючки пархонт и городской глава дружно выдохнули и прямо-таки расплылись в довольных улыбках, а Дайк погладил меня под столом по коленке. Одобряет, значит...

– Отлично, эрдана! Это будет доставлено Совету, а вот эти вам... – пархонт свернул свои бумаги, а несколько листков оставил на столе. – А теперь... – и он сделал знак помощнику, до этого ничем не выдавшего своего присутствия, – самое важное!

Инван достал из-за пазухи какую-то длинную коробочку

и положил на стол. Пархонт аккуратно открыл её, и мы – я, Дайк и Балмаар – вытянули шеи.

– Это форма для чеканки золотых рандов и штемпель. Я обязан вручить её, если вы вступите в официальное владение.

Наверно, я побледнела или ещё что-то случилось с моим лицом, но Дайк сбегал в кухню и всучил мне кружку воды. Только сейчас до меня окончательно дошло, что я подписала! По закону древнейших, если по каким-либо причинам нет террхана и преемника, то вся власть переходит к наследникам древних родов, независимо от их количества. А, по словам пархонта, на данный момент вместе со мной наследников было пятеро. И хотя наши общие владения не превышали и одной десятой доли всей площади Восточных территорий, это не имело никакого значения. Небольшие городки, такие как Раска, Гейза, Киф, Перрикол, а теперь и Латрас вместе с прилегающими землями, становились, пусть и временно, независимыми ни от кого, этакими государствами в государстве. И в этот период только они имели право чеканить деньги, если, конечно, было из чего. Иначе говоря, древнейшие вроде как подстраховались. Взойти на трон наследники этих родов не могли, однако пока реальные претенденты на власть выясняли отношения между собой, сохранялось некое подобие государственности в разных концах Восточных территорий.

За время, пока я обдумывала свалившуюся информацию,

Дайк по-хозяйски подсуетился и уже разливал по кружкам горячий травяной чай. Мне хотелось сказать, что чай как-то не совсем к месту и нужно что-то более крепкое, однако он, наверно, прочитал мои мысли и плеснул мне в кружку своей успокоительной настойки.

Пока пархонт продолжал читать лекцию о правилах использования формы и штемпеля, фаэдр Балмаар сидел с таким же обалделым видом, как и я, но потом спросил:

– Зачем форма, если золота нет? Да и откуда ему взяться...

Пархонт пожал узкими плечами:

– Моё дело передать форму и объяснить правила использования. Будет наследница чеканить ранды или нет – это не моё дело. Тут всё, как говорится, на ваше усмотрение. Форма должна быть всегда при вас, эрдана Карина, сами понимаете, чтобы никто не мог ею воспользоваться без вашего ведома. Вот, в общем-то, и всё... – и он хлопнул себя по коленям. – А теперь личное...

Вальдеган поднялся с лавки, одёрнул свой красивый камзол и произнёс:

– Я очень рад, что познакомился с вами, Кари, и с вами, Дайкаран. Вы спасли мне жизнь и, судя по тому, что мне рассказали, весьма необычным способом.

Мы с Дайком молчали, а он продолжал:

– Теперь я точно знаю, что баллада о прекрасной, синеглазой, белокурой богине, что ходит по земле и спасает жиз-

ни, не выдумка нашего знаменитого певца. Ведь вы знакомы с Гаем Голосом?!

Я нехотя кивнула:

– Знакома...

Балмаар вскочил с места:

– Какая баллада?! Гай Голос сочинил о вас балладу?!

Пархонт улыбнулся и похлопал городского главу по плечу:

– О, дорогой Балмаар! Эту песню вы ещё услышите! И уверен, что будете впечатлены, как никогда! Уже даже пошла молва, что боги, похоже, решили вернуться на Окатан, а пока прислали свою дочь, так сказать, на разведку.

Балмаар несколько секунд ловил ртом воздух, а потом прокричал:

– Эрдана Кари?! Так вы настоящая богиня?!

Я спрятала лицо в ладонях: «Непонятно, плакать или смеяться?!» Дайк присел рядом и, обнимая за плечи, прошептал на ухо:

– Ну скажи им... Ведь это правда. Твой дом далеко в небесах, а там могут жить только боги...

Я хмыкнула и отмахнулась:

– Это уж вам решать. Думайте как хотите... Богиня, звезда, упавшая из небесных садов, мне без разницы. Гай меня на все Восточные территории прославил, хотя ничего особенного я не сделала, просто случайно нашла его потерянного сына. Нам сейчас нужно думать о Латрасе, о безопасности людей, а не обсуждать мою якобы божественную личность.

– Мудро, эрдана! Слова достойные наследницы древнего дома. Я хочу отблагодарить вас и преподнести подарок лично от меня.

Он кивнул Инвану и тот выскочил за дверь. Через несколько минут помощник внёс какой-то узкий, деревянный ящик с дырочками и я почему-то сразу решила, что это клетка. Только для кого?! Инван поставил её на стол и откинул половинку дверцы. Дайк сразу широко заулыбался, а у Балмаара загорелись глаза:

– Летуны! – сказали они в один голос.

– Это моя личная пара, но теперь она принадлежит вам.

Я вгляделась в деревянный домик, ведь летунов до этого момента никогда не приходилось видеть. На жёрдочке, головой вниз, висело создание, очень напоминающее летучую мышь. Небольшая, коричневатая, мохнатая зверюшка с милой мордочкой маленькой лисички была обёрнута перепончатыми крыльями, будто плащом. «Но пархонт сказал «пара»... А где второй или вторая?» – подумала я.

Вальдеган протянул руку и почесал зверька за остренькими ушками с мохнатыми кисточками. Летун тихонько заверещал и приоткрыл крылья. И вот тут я увидела, что из-под больших, даже огромных для общего размера тела летуна, крыльев выглядывает ещё одна такая же милая мордашка. Этот зверёк был меньше и крылья у него были довольно маленькими. Это и была самочка.

– Вы знаете, как о них заботиться? – спросил пархонт.

Дайк с готовностью кивнул:

– Я знаю! Мой дед когда-то разводил их.

– Вот и прекрасно! Они только недавно соединились в пару, так что первого потомства придётся подождать несколько месяцев. А как появятся детёныши, уже можно будет их разлучать. Связь станет крепкой...

– А как их зовут? – спросила я, любуясь забавными большеглазыми мордочками.

– Зовут? – пархонт удивлённо приподнял тонкие брови. – У них нет имён... Летунам кличек не дают.

– Почему? – нежно, одним пальцем, я гладила мохнатые головки.

– Не знаю... – Вальдеган даже смутился.

– Спасибо за такой удивительный подарок. Я назову их Ромео и Джульетта... Они же неразлучники.

Глава 9

Вскоре вся делегация отчалила. Когда всадники скрылись за дальним перелеском, я облегчённо выдохнула: «А пятый пархонт неплохой мужик, не такой уж и высокомерный, как показалось поначалу». До глубокой ночи мы обсуждали случившиеся события. Балмаар оставил свою карту на время, и мы пытались определиться с наилучшим маршрутом до Храма. О том, чтобы сидеть в Латрасе, не могло быть и речи. Балмаар столько лет справлялся с городом, справится и дальше.

Мы решили, что сначала отправимся в Храм, а уже потом за золотом, так будет и быстрее и проще, которое, учитывая все события, нам очень пригодится.

Макс приволок свой золотой булыжник, который прятал где-то в пещерах даже от нас.

– Раз-з-з у тебя имеется форма для чеканки, то нуж-ж-жно его переплавить. И это будет прекрас-с-сной оплатой за охрану города. Монет долж-ж-жно получитьс-с-ся! – и он звонко присвистнул.

Взвесив в руках тяжёлый кусок, я прикинула, что в нём килограмма три, если не больше, и монет должно получиться штук четыреста, по-местному – половина окмия. Вот это сумма!

– Макс, а можно часть монет городу оставить? Мы же уедем, а пархонт выгреб почти все запасы...

– Так как впереди нас-с-с ждёт ж-ж-жила, то мож-ж-жно! – и ангалин плюхнулся на хвост, тараша изумрудные глаза.

– Ты чего? – спросила я, заметив его пристальный, томный взгляд.

– Хочу налюбоватьсяс-с-ся напос-с-следок...

– В смысле?

– А ты думаеш-ш-шь, охрана сама в Латрас-с-с придёт, только лиш-ш-шь уловив мои мысли?

Мы с Дайком переглянулись.

– И надолго? – спросил Нянь.

– Не очень-то радуйс-с-ся! – и Макс погрозил ему чешуйчатым пальцем. – Пос-с-стараюсь дней за десять обернутьс-с-ся.

– Не понял... – Дайк непонимающе уставился на ангалина. – Ты про что говоришь?

– Как про что?! – Макс забежал по комнате. – Я уплыву, а вы тут вдвоём останетес-с-сь?! Целоваться будете?!

Я оторопела: «Да что с ним происходит?! И ведь уже не первый раз за последние дни!» И только собралась возмутиться, как Дайк сжал под столом моё колено, а потом ловко поймал Макса за хвост.

– Макс, успокойся... Я тебе обещаю, что, пока тебя не будет, ничего подобного не случится. У нас сейчас дел по горло: нужно и в дорогу собираться, и в городе забот хватит.

Макс несколько раз дёрнулся, пытаясь вырвать хвост, и выглядел при этом ну совсем как маленький капризный ребёнок, а потом уставился на нас влажными глазищами:

– Обещ-щ-щаете?!

Дайк пихнул меня, и я кивнула. На рассвете ангалин собрался в путь. Ближайшая к нам большая база ящеров находилась на Небесных островах. Я пошла проводить Макса до берега, а Дайк даже Бумера с нами не пустил.

Присев на камень, я обняла друга. Он прижался всем телом, стиснул меня хвостом крепко-крепко и, ткнувшись мордой в шею, замер без движения, закрыв глаза. Небо на востоке уже посветлело, и над горизонтом облака образова-

ли причудливую картину: будто два крылатых дракона летят друг за другом в рассветном небе. Я невольно засмотрелась, продолжая обнимать Макса. Наконец он тихо зашипел в ухо:

– Прос-с-сти меня... Пос-с-следнее время я нес-с-сдержан.

Я уткнулась в бархатную грудь. От него пахло морем, свежей рыбой и водорослями, а также тянуло терпким и немного пряным ароматом, присущим только ящерам. Заглянув в его сияющие глаза, я прошептала:

– Я очень люблю тебя, Макс...

Он улыбнулся, нежно так, искренне, как-то по-детски. Белоснежные клыки показались и пропали.

– Поцелуй меня...

Зажав в ладонях большую чешуйчатую голову, я приникла губами к ложбинке между ноздрей. В эту же секунду яркое, сиреневое сияние осветило его, да и меня заодно. Это удивительное, чудесное свечение и тонкие дорожки бегущих сиреневых молний на его чешуе... Глаза Макса сияли такой пронзительной зеленью, что дух перехватило.

– Возвращайся поскорее, – прошептала я, глядя в эту зелёную пропасть. – Я жду тебя...

Он мотнул головой, будто стряхивая это фантастическое, чувственное наваждение, и, лизнув в щёку, прыгнул в набегающую волну. Ещё некоторое время я сидела, вглядываясь в белые барашки, пока далеко-далеко не заметила яркую вспышку – сверкнул на прощанье.

Вскоре примчался Бумер, а потом и Дайк присел рядом на камень. Вот так, втроём, сидя на большом валуне, мы и встретили утро нового дня. На обратном пути к дому Дайк рассказал, что сейчас у ангалинов что-то вроде брачного сезона, его об этом сам Макс предупредил и просил не обижаться, если его вспыльчивый нрав начнёт вырываться на свободу.

– А почему он сам ничего не сказал?

Парень хмыкнул:

– Ты всё-таки девочка. И притом наша любимая девочка... Максу было легче со мной поделиться, тем более что я прекрасно понимаю его ощущения, – он отвёл глаза, но продолжал крепко сжимать мою ладонь. – Находиться так близко с любимой и знать, что ничего, кроме дурацких поцелуев, быть не может...

Мне даже стало как-то обидно: «Почему дурацких?» Но я решила благоразумно промолчать, видя, какое настроение у моего не менее любимого Няня. «Это весна... Весна так подействовала на моих мальчиков. Да и на меня, наверно... Ведь теперь очень сложно представить свою жизнь без них: без сияющей красоты Макса и его весёлого, авантюрного характера, без нежности и заботы Дайка, который спокойно и чётко решает мои проблемы, и любимой ямочки на его щеке, на которую я смотрю иногда и не могу оторваться. Хорошо, что хоть Бумер воспринимает меня как маму, а не как возлюбленную, а то было бы совсем "весело"!»

Пока я прощалась с Максом, Дайк переделал всю утреннюю работу: покормил летунов, оказалось, что они практически всеядны, и даже козу подоил, хотя наша Чернушка молока давала уже совсем немного, да мы в нём особо и не нуждались. Кони тоже стояли под сёдлами, так как мы решили всё-таки съездить в город проводить пархонта.

Я спустилась в пещерку с гейзером и отобрала все «созревшие» каменные цветы: «Обменяемся подарками на «высоком уровне». Он – пархонт, я – наследница, тем более с таким статусом, что даже деньги могу чеканить на законных основаниях. Выходим в большую политику! Жуть, конечно! Но как говорится, назвался груздем – полезай в кузов!»

И хотя мы с Дайком приехали в город довольно быстро, однако чуть не опоздали. Длинная шхуна посланника Совета готовилась к отплытию. Завидев нас на причале, пархонт с помощником спустились по сходням. Я заметила, что Вальдеган обрадовался нашему приезду. Он широко улыбнулся и крепко обнял нас по очереди:

– Спасибо вам. Я очень благодарен! А как семья моя будет благодарна, когда я им всё расскажу! – и весело отмахнулся. – Словами не передать!

Дайк немного смутился:

– Вы же понимаете, Вальдеган, как должны быть сейчас осторожны, ведь вы так и не знаете, кто отравитель.

Пятый пархонт кивнул и заговорщицки прошептал:

– Я их всех выведу на чистую воду, можешь не сомневать-

ся.

Мы заулыбались, и я протянула ему корзинку с каменными розами:

– Вот вам и Совету небольшой подарок, их только надо древесным лаком покрыть.

– Цветы Кари... Каменные цветы от прекрасной богини, – вздохнул пархонт, принимая корзинку. – В столице все ахнут! А лаком я их сам покрою, будет чем заняться в пути. Может, когда-нибудь откроете секрет, как же вы их выращиваете?

Я засмеялась:

– Открою! Когда вы узнаете, то будете удивлены, как всё просто!

Вальдеган взял меня за плечи и пристально всмотрелся в лицо:

– Помните правила чеканки?

Я кивнула.

– Вы неограничены в количестве, но отчитаться перед Советом придётся за каждую монету, когда всё закончится. И после вступления нового терра на престол вы будете обязаны вернуть форму и принести клятву верности ему, как законному верховному правителю. Таковы законы древнейших, Кари... Только благодаря их мудрости мир до сих пор существует. Вы меня понимаете?

Я опять кивнула и задала вопрос, который мучил с момента, как я подписала все бумаги:

– Я могу покинуть город или должна сидеть в Латрасе без-
вылазно?

Вальдеган задумался:

– Уже не первый раз вы задаёте такой вопрос, на который
я не могу ответить...

Ожидаяще я смотрела на высокого собеседника. Он по-
жал плечами:

– О таких нюансах я ничего не знаю. А вы собрались
уехать?

– У нас с Дайком есть кое-какие дела, которые не хотелось
бы откладывать. Ведь никто не знает, сколько эта заваруха
с наследниками продлится. Да и вообще, я собиралась жить
здесь только до весны.

– И вы не боитесь куда-то теперь отправляться?

Я покачала головой:

– Нет, не боюсь. Но о хорошей наёмной охране города и
всех окрестностей я позабочусь, этот вопрос уже решается.

Пархонт, Инван и подошедший ближе к нашей группе го-
родской глава удивлённо переглянулись.

– Даже так?! – воскликнул пархонт.

– Даже так!

На прощанье Вальдеган ещё раз обнял меня и прошептал
на ухо:

– В столице у вас есть надёжный друг. Помните об этом...

Двухмачтовая шхуна отплыла уже довольно далеко в мо-
ре, набрав хорошую скорость от сильного попутного ветра,

когда я обернулась к городскому главе:

– Фаэдр Балмаар, вы как-то собираетесь оповестить жителей о предстоящих изменениях в статусе Латраса, да и всём остальном?

Он с готовностью кивнул:

– Конечно! Соберу сейчас парней, они съездят в деревни и на дальние хутора, а тут уже знают. Нужно только назначить дату всеобщего собрания, чтобы все успели приехать.

– И когда планируете?

– Дня через два-три. Но, Кари... – и он прихватил меня за локоть, – про какую охрану шла речь?

С некоторым вызовом, я глянула ему в глаза:

– Что вы думаете об охране из ангалинов?!

Стоя рядом, Дайк, с таким же интересом, как и я, наблюдал за его реакцией.

– Ангалины?! Я не ослышался?! – городской глава начал немного задыхаться, а потом, вытянув из кармана платок, замахал им перед носом.

– Если вы против...

– Я?! Против?! – он прислонился к деревянному столбику коновязи, продолжая обмахиваться, хотя было совсем нежарко.

– Нет, что вы... Охрана из ангалинов... Но... – он запнулся, о чём-то взволнованно размышляя. – Да ведь тогда к нам никто не сунется! Эрдана Кари! И они согласятся?!

– Должны...

– А платить?! В казне жалкие гроши, а их же только золото интересует!

– А вот это следующий вопрос. Давайте-ка мы сейчас к вам заедем, там и поговорим.

В пристройке для посетителей Дайк занял позицию у двери, так, на всякий случай, чтобы никто не подслушал, а мы устроились за столом.

– Фаэдр Балмаар, – я старалась говорить как можно спокойнее в надежде, что следующая новость не вызовет никакого сердечного приступа, не так уж городской глава и молод. – Предупредите кузнеца и, наверно... – я взглянула на Дайка, – его сына Мая. – Нянь кивнул. – Нужно к вечеру всё в кузне подготовить, будем использовать форму для чеканки.

Шумно выдохнув, Балмаар достал платок и промокнул проступивший на лбу пот:

– Уже?!

– Ангалины прибудут дней через десять. У нас должно быть всё готово.

– А золото?!

– Имеется. По моим подсчётам должно получиться с пол-окмиля, не меньше.

– Сколько?!

– Балмаар, Балмаар, – я схватила его за руку и принялась поглаживать. – Всё в порядке... Вы понимаете, что чем меньше людей будет об этом знать, тем лучше?

Несмотря на произведённый эффект, он взял себя в руки:

– Я понял. Обо всём договарюсь, и секретность будет соблюдена.

Он пристально глянул на меня, потом на Дайка, с довольным видом стоящего у двери, потом опять на меня. Его пальцы, с немного утолщёнными суставами, слегка подрагивали, пышные усы топорщились в разные стороны и всем своим видом он напомнил мне Винни-Пуха, который только что свалился с дерева, куда лазил за мёдом, городской глава даже пыхтел очень похоже.

– Вас послали боги! – сказал он тоном, констатирующим факт.

Я отмахнулась вставая:

– Ну боги так боги... До вечера, фаэдр.

Глава 10

А в городе явно ощущалось волнение. Народ собирался кучками на деревянных тротуарах, обсуждая последние новости, хотя с приходом весны работы во дворах, огородах и полях было много. Возле таверны Эльма собралась местная молодёжь, взволнованно и громко переговариваясь.

Когда мы поравнялись с ними, все обернулись. Я оглядела собравшихся: некоторых парней я уже знала в лицо, но так как цели заводить новые знакомства не ставила, предпочитая отсиживаться по примеру Жупана в Тухлом доме, да

и никаких гостей мы не приглашали, то можно сказать, что знакомство с жителями города только начиналось. Несколько парней, взглянув на меня, поклонились. Я ответила учтивым кивком и улыбнулась.

– Дайк! Эрдана Кари! А это правда, что вы спасли пархонта от верной смерти?! – спросил высокий, остроносый парень с копной каштановых волос.

Я спрыгнула с кобылы:

– А оповещение населения поставлено у нас хорошо!

Все громко захохотали.

– Да, правда.

Что тут началось! Нас обступили, и вопросы посыпались один за другим. Всех интересовало, что рассказал пятый пархонт о событиях в столице, правда ли, что убит назначенный терре, согласилась ли я вступить в законное наследование по праву своего рода, тем самым придав городу статус независимой на время безвластия территории, и так далее и тому подобное.

Находясь в самом центре, мы с Дайком не заметили, как к нашей группе присоединялось всё больше и больше людей. Вскоре собралась гудящая толпа. Ребяшня крутилась под ногами и даже женщины прибежали, побросав домашние дела. А Балмаар планировал собрание через несколько дней! Вопросы были столько, что мы с Нянем не успевали отвечать, тем более что некоторых тем я касаться пока не хотела.

Большинство людей волновало, как Латрас будет суще-

ствовать сейчас, ведь тройной налог лишил город стратегического запаса денег. Как выяснилось, из вот этих общих средств Балмаар оказывал помощь тем, кто в ней нуждался, в разумных пределах, конечно, а не только расходовал на потребности всего города. Городской глава давал в долг, на инструменты, допустим, или на покупку скотины, да мало ли на что ещё. Теперь же денег нет, и к тому же нужна охрана, люди волновались о будущем.

Я попыталась успокоить жителей, сказав, что всё не так плохо и совместными усилиями мы всё решим, что бумаги я подписала и теперь Латрас – город, наделённый особыми полномочиями, но до нашего отъезда нужно решить ещё много вопросов.

– Как?! Вы уедете?! – выкрикнуло сразу несколько человек.

Я опустила глаза и сжала тёплую ладонь Дайка. В этот момент к нам протиснулся Балмаар вместе с супругой и Альбой на хвосте.

– Балмаар, простите, – прошептала я. – Этот митинг случайно получился...

Но он только ухмыльнулся в усы и, схватив нас с Дайком, поволок вверх на несколько ступенек к дверям таверны. Получилось, что мы оказались на возвышении и могли видеть всех.

– Да тут почти весь город... – прошептал Дайк на ухо.

Я оглядела людей. И правда: семья кузнеца Малахана, ры-

баки с улицы, примыкающей к пристани, мастеровые, пастухи овечьих отар, крестьяне с северной окраины, семейство хозяина таверны, жёны, дети – большие и маленькие... Не ожидала, что в Латрасе столько народу, а ведь ещё из деревень и хуторов не приехали.

Балмаар поднял руки, призывая к тишине, и громко, отчётливо проговорил:

– Коли уж вы собрались, хочу с радостью представить новую, законную хозяйку нашего города эрдану Карину Мрэю Александану эн Матвэй!

Я невольно дёрнулась от такого официоза и ещё крепче вцепилась в своего Няня. В ответ он крепко сжал мои пальцы, улыбнулся и подмигнул.

– Ура! Ура! – закричали многие, детвора запрыгала, а несколько женщин замахали цветастыми платками.

Балмаар опять поднял руки, и люди притихли, а он залез за пазуху широкого коричневого камзола и достал один из тех свитков, которые я подписала, развернул его и выставил перед собой:

– Вот подпись пятого пархонта и печать Совета! С сегодняшнего дня Латрас не подчиняется никому, кроме эрданы Карины и уполномоченных ею лиц! Латрас отныне вольный город, как и Киф, Раска, Перрикол и Гейза!

От свиста, криков и воплей радости заложило уши. Если честно, но мне было не совсем понятно, чему все так радовались. Неужели управление частным хозяином или хозяй-

кой считается лучшим, чем из столицы? Ну да ладно, позже разберёмся.

Когда крики немного поутихли, Балмаар обернулся ко мне:

– Теперь, эрдана, вы должны кого-то уполномочить, так сказать... назначить управляющего. Ведь вы собираетесь покинуть Латрас, я надеюсь временно, конечно...

Дёрнув Балмаара за рукав, я зашептала ему на ухо:

– Кого назначить? Вы что, уже не хотите управлять городом?

Также тихо он ответил:

– Хочу. Привык за столько лет, как-никак...

– Так в чём дело?

– Вы должны тогда сказать людям, что я остаюсь в своей должности, только вести управление буду уже от вашего имени.

Откровенно говоря, я немного растерялась. Вокруг толпа ждущих людей, я стою над ними как... как...

Дайк ущипнул меня чуть ниже поясницы:

– Отомри... Чего застыла? Нужно же хоть что-то объяснить...

Я умоляюще глянула на парня: «А что говорить?!» Он чуть подпихнул меня вперёд и сверкнул белоснежной улыбкой: «А чего он так радуется?! Ну, приедем домой – устрою допрос с пристрастием!» Перед таверной было тихо. Люди выжидающе смотрели, а у меня сосало под ложечкой и от

нахлынувшего волнения дрожали колени.

Медленно выдохнув, я прикрыла глаза и представила райское поле. Этому приёму я научилась на тренировках с Мозгом, вернее, он меня научил. Именно благодаря этому образу перекатывающихся на ветру сине-зелёных волн высокой травы удавалось вызывать то состояние силы и сосредоточенности, которое помогло так быстро овладеть стрельбой из лука и любыми другими видами метательного оружия. Я представила, что над смертоносным болотом дует тёплый, лёгкий бриз и трава лишь слегка качается, склоняя острые кончики.

– Я, Карина Мрэя Алексана эн Матвэй, наследница дома, назначаю всем вам известного фаэдра Балмаара на управление городом и прилегающими территориями от моего имени со всеми вытекающими полномочиями!

От звука собственного голоса я чуть не упала со ступенек. Он был громким, чётким, с глубокими вибрирующими интонациями, будто вырывался из каких-то недр. Замерев, люди смотрели прямо на меня. Только я уже не боялась такого количества пристальных и ждущих глаз. Моя сила была со мной и в этот момент я, наконец-то, начала осознавать, о чём же столько времени талдычил Тан.

– Хочу сказать вам, мои дорогие жители Латраса, – продолжала я в таком же тоне, – что со своей стороны сделаю всё, чтобы город не остался без охраны и средств к существованию. Но и от каждого из вас теперь многое зависит. Если вы будете прилагать усилия и работать на общую цель,

то Латрас будет в безопасности. И мы никому не позволим грабить себя или указывать, как нам жить и что делать! И только новый террхан, верховный правитель Восточных территорий, взойдя на престол, примет наше уважение и почтение!

Волна бурных эмоций ударила прямо в лицо. Буквально физически я ощутила тот отклик, который вызвали мои слова, а может, и голос сам по себе. За спиной городской глава шептал то ли себе, то ли Дайку:

– Настоящая! Настоящая наследница! Наша!

Набрав в грудь больше воздуха и подняв ладонь, призывая к тишине, я продолжила своё первое в жизни публичное выступление.

– А теперь об отъезде... – все быстро замолкли. – Мы с Дайкараном скоро уедем, но уезжаем по действительно важной причине. Городу нужны деньги и, к сожалению, а может и к счастью, я никому не могу этого поручить. Путь предстоит неблизкий и, возможно, опасный, но, пока мы не решим все важные вопросы, не уедем. Это – первое. Второе – охрана города... Организация мобильных конных отрядов, кордонов на дорогах и регулярных патрулей – задача городского управления, которое сформирует фаэдр Балмаар из желающих оказать свою помощь знаниями, навыками и умениями. Я же хочу сказать о другом... – тут я запнулась, думая о том, как воспримут в городе новость о наёмниках-ангалинах.

Тишина наступила такая, что я слышала сопение Балма-

ара за спиной, чью-то икоту в дальних рядах и хрумканье первой травкой нескольких коз, пасущихся вдоль заборов.

– Город будут охранять ангалины! – громко высказалась я в толпу. – И я хочу знать, как вы на это смотрите?!

Люди словно проглотили языки. Вот только что, минуту назад, они вопили и кричали, а теперь стояли, потеряв дар речи. «Может, зря я так, прямо в лоб? Может, стоило немного подождать и не вываливать на них такую новость? И так столько всего случилось, а тут еще и морские ящеры в городе скоро появятся... Ох, никак я поторопилась!» – чувство паники, холодными скользкими щупальцами начало проникать в сознание.

Я попыталась отступить, но наткнулась на Дайка. Это ощущение опоры, защиты, прикрывающей спину, нежной преданности, которая всегда исходила от него, вселила такую уверенность и смелость, что я широко улыбнулась и весело выкрикнула:

– Или вы испугались?!

Сначала хмыкнул кузнец, потом его сыновья, затем несколько пастухов, у которых мы иногда покупали мясо, и вскоре выкрики доносились со всех сторон:

– И никто не испугался! Да лучше ящеров охраны не сыскать! А они правда согласятся?! А где золото брать?!

– Золото – моя забота! С ангалинами договариваться и платить им буду я, никого из вас это не коснётся!

Галдёж возле таверны продолжал набирать обороты.

– Да такого никогда не было! А как с ними общаться?! Они что, в городе жить будут?! А скотину нашу, часом, не поедят?! – и всё в таком же духе, пока кто-то не выкрикнул: – Эрдана Кари! Значит, тот зеленоглазый ангалин ваш знакомец?!

Я обернулась на голос. Это был один из рыбаков, правда, я не знала, как его зовут. У этого невысокого, коренастого мужчины с приятным басом была большая, крепкая лодка с парусом и он почти всегда возвращался с уловом. Глянув на него, я выкрикнула:

– Да! Это мой друг! Наш друг! И всю зиму он жил с нами, в Тухлом доме!

Рыбак захохотал и хлопнул рядом стоящего высокого тощего дядьку по плечу:

– А что я говорил?! А ты всё сомневался?! Он рядом с городом жил!

– А правда, что ваша собака – горный волк? – это спросил парень, который задал мне самый первый вопрос, ещё когда мы к ним только подъехали.

– Правда... Бумер очень послушный и ничего плохого никому из вас не сделал.

В общем, эта спонтанная сходка закончилась нескоро. Несколько часов мы сидели в таверне и обсуждали последние события, а также намечали планы того, что нужно сделать. К слову сказать, население Латраса, с которым мне, наконец, удалось вступить в столь плотный контакт, произвело

большое впечатление. С одной стороны – простые люди, живущие в захолустье, по словам Балмаара, вся жизнь которых состояла в заботах о пропитании и хотя бы относительно благополучии, а с другой – они не испугались перемен и были готовы многое сделать для этого.

Слушая высказывания, отвечая на вопросы и наблюдая за реакцией окружающих нас с Дайком плотным кольцом жителей, я размышляла, что такого понимания никак не ожидала. Возможно, они почувствовали свою значимость и то, что теперь на такие городки, которых всего пять на все Восточные территории, законами древнейших возложена огромная ответственность. Латрас получил особый статус, и именно они, жители города и прилегающих деревень, теперь могут повлиять на происходящие события.

Но мне показалось, что дело не только в этом. Не знаю, права ли я, но ощущалось, будто у людей есть какая-то внутренняя готовность, что ли, желание что-то изменить, приспособиться и привыкнуть к новым условиям и обстоятельствам. Они хотели перемен. Просто этих перемен свалилось столько, что, конечно, было страшновато, но страх только добавлял остроты во всеобщее возбуждение.

Глава 11

Так как возвращались мы домой уже ближе к вечеру, то работу в кузне по чеканке монет решили отложить до завтра.

У меня голова шла кругом, да и у Дайка тоже, а к денежному вопросу нужно отнестись серьёзно. Требовался отдых.

Бумер встретил нас радостным визгом и по своей детской привычке попытался влезть к «мамке» на ручки. Но такого крупного зверя на руках было уже не удержать, и это ему только полгода. А каким же он будет, когда окончательно вырастет?!

В городе нас покормили, но то ли от стресса, то ли от впечатлений есть опять очень захотелось. Я занялась ужином, а Дайк делами на конюшне. Ели молча, наверно потому, что за день уж слишком наговорились, особенно я.

– Хочешь, сходим искупаемся? – спросил Дайк, забирая пустую миску.

– Пошли, и Бу возьмём, а то он и так один целый день просидел. Надеюсь, никакие гости не заявятся.

Проверив летунов, наших новых подопечных, которые тихонько верещали и копошились, вися вниз головами в своём домике, и оставив им новую порцию еды и воды, мы спустились в подвал и потопали к подземному озеру. Бумер бежал впереди, а мы – за ним, освещая факелами проходы.

Я глянула на друга. Он улыбался каким-то своим мыслям и даже под ноги не смотрел. А ведь я собиралась выяснить, чему он так радовался во время стихийного собрания. Дёрнув его за рукав, я спросила:

– Ты такой довольный целый день... Интересно, почему?
Он широко улыбнулся:

– Разве это плохо?

– Нет... – я продолжала вопросительно смотреть, до тех пор, пока не пришлось низко наклониться, чтобы протиснуться в узкий проход, ведущий в пещеру с озером.

Присев у воды, я наблюдала, как Нянь обходит пещеру, поджигая факелом свечи и масляные светильники, которые мы натаскали для дополнительного освещения.

– Дайк, ты не ответил...

Он вставил факел в щель между камнями и присел у моих ног.

– Я так горжусь тобой, Кари... Ты даже не представляешь!

– Гордишься?!

– Да! Ну никак и никогда я не мог предположить, что в моей жизни появится девушка, которая перевернёт всё с ног на голову, изменит не только моё понимание жизни, но и саму суть её восприятия. Ведь я думаю и даже говорю уже по-другому, ты заметила? И теперь твёрдо знаю и понимаю, что впереди может быть прекрасная жизнь! И она будет такой... рядом с тобой...

Он взял мою ладонь и приложил к своей щеке:

– Я улыбался там, потому что постоянно вспоминал лес, нашу хижину, как мы там жили... Ты была такая смешная, тарасилась испуганными глазами, глупо улыбалась, но при этом так хорошо держалась, так стойко, что я часто думаю... А вот как бы я вёл себя на твоём месте, что бы я чувствовал, что думал, если бы попал в полную неизвестность, в другой

мир, настолько отличный от своего?!

Я ловила каждое его слово, каждый вздох, каждое движение губ; замечала подрагивание тонких ноздрей, напряжение мышц вокруг глаз и лёгкий румянец, проступивший на щеках. Атмосфера в пещере, конечно, была очень интимной. звенящая тишина, звуки его голоса, нашего дыхания, треск факелов, даже не слышалось плеска воды – подземное озеро было неподвижно. Да и Бумер куда-то исчез... Меня словно что-то подтолкнуло, и я медленно сползла с камня. Руки Дайка с готовностью приняли в объятия, а губы накрыли долгим поцелуем. Я забыла про всё...

Потом мы купались в тёплой воде и всё никак не могли оторваться друг от друга. И если бы не Бу, который вынырнул из какого-то прохода и не начал беспокойно бегать, цоккая когтями и недовольно рыча, то не знаю, когда бы мы вылезли. Уже глубокой ночью мы лежали в обнимку на моей кровати и, несмотря на то что она была узковата для двоих, никакого дискомфорта не испытывали.

– Мы нарушили слово, данное Максу, – прошептала я Дайку в шею.

Он стиснул меня ещё крепче, продолжая поглаживать по груди:

– Скажем сразу, как только вернётся. Придётся, конечно, на коленях поползать, вымаливая прощенье...

Я хихикнула, представив эту картину:

– Думаешь, он сильно разозлится?

– Нет, не разозлится. Он знал, что так будет.

– А ты откуда знаешь?! – я привстала на локтях и усталилась на лежащего рядом парня. В свете догорающей лампы его сухощавое, но мускулистое тело выглядело настолько притягательно, что я еле сдерживала опять подступающую волну возбуждения.

– Потому что Макс испытывает к тебе то же, что и я... И неважно, что он ангалин, а ты человек. И если бы он мог, то уже давно сделал с тобой то, что как можно чаще хочет делать любой мужчина с любимой женщиной.

– И ты не ревнуешь?!

– Ревную?! К Максy?! – и Дайк громко рассмеялся, а потом завалил меня на спину, покрывая лицо поцелуями. Его руки опять пошли гулять по телу, заставляя отключиться и улететь в небеса. – К-а-а-ари... – страстный шёпот не прекращался ни на секунду, горячее дыхание, как импульсы инфракрасной лампы, согревало чувствительные точки, а пальцы, будто какие-то датчики, улавливали каждое моё встречное, ответное движение.

«Ах ты, лекарь мой любимый... – мысли, в блаженной истоме, кружились плавным, медленным хороводом. – Целитель тела и души... Какое верное сравнение... Ты прежде лечил меня от ран физических, а теперь лечишь от душевных...»

Когда мы немного уgomонились и просто лежали, обнимая друг друга, Дайк спросил:

– Ты понимаешь, что сделала для меня?

Я вжалась в его бок:

– По-моему, это ты больше делал...

– Кари... Я просто потрясён тем, какая ты... – он повернулся и заглянул в глаза. – Я твой... полностью, без остатка. Я не знал, что так! бывает. Что, несмотря на мои увечья, я смогу почувствовать себя нормальным мужчиной.

– А разве ты не понимал, что главное не там, ниже пояса, а вот здесь? – и постучала пальцем по его лбу.

– Теперь понимаю... Только мне всё равно этого будет мало, – он глубоко вздохнул. – Я так завидую Максу...

– Почему?

– У него есть надежда, пусть и маленькая, как песчинка, что «слёзы богов» помогут ему осуществить мечту и стать человеком.

– Но ведь мы ничего не знаем о превращениях, кроме того, что чего-то путного из этого не выходило и какие могут быть страшные последствия. Риск-то смертельный!

– Ну и что! – он так жадно смотрел. – Я бы тоже согласился рискнуть! Ведь теперь я знаю, какое счастье быть рядом с любимой женщиной! Кари, ты же понимаешь, что я никому был не нужен, таким, какой я есть! Женщине необходимы дети и мужчина, с которым можно получать удовольствие от жизни, а многим и не один. У меня даже мыслей не было, что у меня может быть всё иначе, пока не появилась ты. Понимаешь?! Ведь ты другая! Я люблю тебя, Кари, и, чтобы быть

с тобой, готов на всё!

Не выдержав его взгляда и таких уверенных, по-настоящему мужских интонаций, я впилась в него поцелуем. Когда, на мгновение, мы оторвались друг от друга, он прошептал:

– Твой вкус... Вкус твоих губ... Вкус Кари... Это самое лучшее блюдо в моей жизни и вкуснее ничего быть не может!

Глава 12

Бумер пришлёпал от порога, где лежал всё это время, и, с тихим порыванием, нагло полез на кровать, пытаясь втиснуться между нами, хотя прекрасно знал, что я это не одобряю. Было понятно, что ему просто надоело столь долгое игнорирование с нашей стороны и мой гривастый лохматик очень хочет, чтобы его тоже погладили, пожалели и приласкали. А ведь было уже утро, и весенние солнышки начинали ежедневный бег по небосклону.

Пока я валялась, тиская волчонка и зарываясь носом в густую шерсть, а он довольно урчал, Дайк возился в кухне с завтраком. Потом нужно было навозить воды из ручья, прибрататься в доме и на конюшне, да и поделками не мешало бы заняться: на собрании очень многие просили «вырастить» ещё каменных цветов, чтобы передать друзьям и родственникам, новый караванный сезон уже на носу.

Обнимая Бумера, я позвала Мозгового. Уже не раз это делала, однако с того момента как он подсказал про колючки

мирга, на мысленные призывы Тан почему-то не отвечал, а зайти в гости всё никак не получалось. «Странно... И куда он подевался? Понимаю, что я его забросила, и последние дни даже о тренировках в спортзале думать было некогда, но не мог же он до такой степени обидеться! Тан всё прекрасно понимает и знает, что происходит, тем более что я не раз пыталась наладить мысленную связь. Нужно обязательно заглянуть к нему...» Но, к сожалению, в этот день выкроить время не получилось, было не до того. А на закате мы поехали в кузницу и там нас уже ждали: городской глава, старый Малахан и его сын Май.

Пока Дайк заводил лошадей в стойла, чтобы не привлекать лишнего внимания присутствием в кузне поздних гостей, мастеровые занялись подготовкой, подбрасывая уголь и раздувая большими мехами жар в кузнечной печи. Я достала форму и положила у наковальни. Когда же развернула тряпку, в которой лежал золотой булжник, то присутствующие, кроме Дайка естественно, потеряли дар речи.

Городской глава опять достал платок и принялся вытирать лицо, пыхтя в усы как Винни Пух. Малахан ловил ртом воздух, а Майлан стоял столбом, широко открыв глаза. Старый кузнец совладал-таки со впечатлениями и хрипло произнёс:

– Долго живу на этом свете, но столько золота не видел, ещё и в собственной кузне...

– Сколько здесь? – зачарованно прошептал Май.

Я пожала плечами:

– Надо взвесить... И Балмаар, вы бумагу захватили? Придётся же всё записать, сколько получится монет, пархонт приказал вести строгий учёт.

Пока кузнецы настраивали допотопные, корявые весы, пригодные скорее для взвешивания навоза, чем для драгоценных металлов, а Дайк с Балмааром решали, каким образом, в скольких экземплярах всё фиксировать и нужно ли описывать каждую монету на предмет взаимных отличий, я сидела на колченогом стуле, держа золото на коленях, и думала: «Как же всё закрутилось... Как взаимосвязаны события, словно сцеплены между собой! Как практически все поступки, даже мысли иногда выводят меня на новые витки какой-то фантастической спирали! И время показывает: всё, что сначала казалось непонятным, нелогичным, спонтанным или случайным, на самом деле несло в себе смысл, будто предвиденье того, что произойдёт в будущем. Вот сижу я сейчас в душной, жаркой кузнице, наблюдаю за всеми, кто здесь находится, и понимаю, что если бы не я, то ничего бы этого не было. Если бы не чувства Аютана и тот ужасный шторм, то я спокойно приплыла бы в Латрас и не встретила волчицу, которая оставила мне Бумера; не нашла бы жилу и кусок золота не лежал бы сейчас на коленях. Если бы не знакомство с Максом, то Граса казнили бы в Банкоре, и мы сейчас не ожидали прибытия охраны для города. Если бы не каморта, которую всучил мне Дайк, сам не зная почему, и не все его спонтанные действия тогда в лесу, то и Макса не было

бы в живых, и Натри... Если бы не Дайк и предупреждение его деда, то я бы не убежала по туннелю, и всех этих удивительных приключений и изменений со мной не произошло. И чем больше я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что дело тут не в фантастическом везении. Повезти может раз, ну два... даже три! Но столько?! Это чёткая, стройная линия взаимосвязанных событий! Я долго не давала хода этим мыслям, не пускала их, не пыталась развивать, возможно, просто из-за дурацкого страха спугнуть удачу, а может и потому, что правда была бы очень неприятной, даже болезненной или жестокой. Но слишком уж много всего накопилось, и прятать голову в песок уже никак не получается. Весь мой путь от хижины на Кифовом носу до этой кузницы в Латрасе был предначертан, предвиден и предопределён кем-то. Это не тупое везение – это воля! Сознательное управление, пусть не всеми событиями, но многими! И этот кто-то сейчас не отвечает на мои мысленные призывы и никак себя не проявляет. Мозговой всё время пытался меня убедить, что он – это я, и не могу сказать, что у него не получилось. Получилось! Только с самого начала, с самых первых минут нашего знакомства я знала, чувствовала какой-то подвох, понимала, что это неправда, но мне было так легче, спокойнее, безопаснее. Я – это я, он – это он... Только кто? Кто он такой?! Неужели...»

Дайк тронул за плечо:

– Кари, Кари...

Я подняла глаза.

– Весы настроили, да и остальное готово...

Я кивнула, и мы принялись за работу. После взвешивания оказалось, что золото тянет на шесть гранов, а в привычных для меня мерах веса – около трёх с половиной килограмм. Так как за один раз в форме можно было отлить и отчеканить всего восемь монет, то работа предстояла долгая, за ночь не управиться.

К рассвету было готово чуть больше половины новеньких, блестящих, свежотчеканенных рандов. Все очень устали, особенно старый Малахан, однако и он, и Май всё посмеивались, что никогда в жизни не работали с таким энтузиазмом: чеканка денег – ни с чем не сравнимое удовольствие.

Вернуться домой нам с Дайком сразу не удалось – Балмаар затащил к себе на завтрак. Потом решали, как лучше расположить кордоны на дорогах, ну это Балмаар с Дайком и ещё несколькими горожанами, имеющими некоторый военный опыт, решали, а я сидела просто для мебели. Очень хотелось спать, но ещё больше попасть в библиотеку и поговорить с Таном, попытаться призвать его к откровенности. После ещё пришлось написать на Балмаара всякие доверенности на ведение дел от моего имени, а также одобрить большие вывески, который будут установлены на пристани и на въездах в город, где указывалось, что Латрас и окрестности отныне имеют особый статус.

Короче говоря, домой мы попали только к обеду и почти

сразу завалились спать, так как предстояло ещё одну ночь посвятить вливанию в местную экономику новых финансовых потоков, и в библиотеку я опять не попала.

Глава 13

Первый караван прибыл в Латрас через четыре дня, после того как мы закончили чеканить деньги. Все эти дни до столь знаменательного события я провела в городе, вникая в общественные дела и общаясь с горожанами. Количество народу в Латрасе увеличилось. Прибыло несколько семей с дальних хуторов, а также около десятка парней из окрестных деревень, которые приехали за последними новостями и решили остаться в составе мобильных конных отрядов.

Пустые дома за северной окраиной, а также свободные комнаты в таверне Эльма были заняты новыми жителями Латраса. Сначала Балмаара это очень обрадовало, однако встала проблема, что если найдутся ещё желающие поселиться, пусть и временно, в вольном городе, то где их всех размещать. Поэтому когда мы утром вышли к восточной дороге, чтобы определиться, где и как разбить палаточный лагерь, а позже и начать постройку нескольких домов, я не сразу заметила, как по направлению к уже возводимому заградительному кордону приближается караван.

Заслышав стук колёс по уже вполне сухой дороге, мы обернулись. Майлан, который все последние дни принимал

непосредственное участие в решении городских проблем, завопил и замахал руками:

– Караван! Первый караван!!!

Когда же в нескольких всадниках, сопровождающих более десятка кибиток, я узнала сына Олмана – Гадара, а потом заметила Гая и Скайолана, то успела только приказать Бумеру сидеть на месте, чтобы не напугать ненароком долгожданных гостей. Я мчалась им навстречу, не глядя под ноги, и только с мыслями: «Приехали! Они приехали! Приехали!!!»

Скай заметил меня первым и, пришпорив Свиста, рванул навстречу. Обнимали и целовали меня долго и притом все! И хотя я очень ждала своих любимых караванщиков, но в то же время немного боялась встречи из-за того внезапного побега в Маргосе, да и про то, что это я освободила ангалина, они, конечно, тоже знали. Однако мои опасения не оправдались. Как все были рады меня видеть!

Слетев со Свиста, Скай схватил меня в охапку и закружил, крича прямо в ухо:

– Кари! Кари! Я знал, что ты здесь! Знал!

Гай запутался в стремях и чуть не рухнул, а потом обнимал так крепко, что я даже дышать не могла. Хейа с Айрой рыдали в три ручья, а Натри, мой дорогой Мышонок, широко улыбался и повторял внятно и чётко:

– Кари! Здравствуй! Кари, здравствуй!

Когда же он достал из кармана утеплённой курточки уже изрядно потрёпанного, кожаного ангалинчика с одним

оставшимся зелёным глазом, со мной случилась настоящая истерика.

Первый караван года выбежал приветствовать весь город. Караванщики ещё не знали, что Латрас получил особый статус, однако целенаправленно ехали сюда, так как из-за разрушенной землетрясением дороги осенью в город не доехали и теперь навёрстывали упущенное. Семейство же Гая преследовало ещё одну цель – они надеялись найти здесь меня и нашли!

Весь день я провела со своими друзьями, всё насмотреться на них никак не могла. Ни Гай, ни Хейа, ни Скай, ни остальные – никто не задал мне ни одного провокационного вопроса. Гай только намекнул, что они всё поняли правильно и никто меня ни за что не осуждает.

Как выяснилось, в Маргосе у них проблем не было. Побег ангалина поставил наместника в тупик, но никаких поисков не организовывали, так как все понимали, что это бесполезно. Охрану вроде как-то наказали, но ничего серьёзного. Арвида Гай успел предупредить, и в последний момент северяне оставили золото в городе под усиленной охраной, чтобы избежать нападения в дороге, а больше он ничего не знал о том, каким образом северяне продолжили свой путь.

За каморту всё семейство было очень благодарно, потому что Натри, с тех пор как его посадили на эту чудо-привязку, больше не пропадал. Однако Хейа и Айра поведали мне, что несколько раз с Мышонком происходило что-то странное.

Мальш будто вспыхивал каким-то слабым, непонятным, еле заметным светом и контуры его тела как бы дрожали. Первый раз это явление заметила Айра на одной из стоянок неподалёку от Маргоса. Родители были чем-то заняты, а она, держа в руках конец каморты, варила ужин, попутно наблюдая за братом, который бегал, привязанный с другой стороны. Естественно, когда она рассказала о том, что заметила, девочке никто не поверил, а Скай поднял на смех, однако вскорости и сама Хейа увидела нечто подобное.

Во время зимовки, а караван зимовал в Улме, что находится на полпути между Кифом и Латрасом (это родной посёлок Хейи и там до сих пор живут её близкие), загадочное явление ещё несколько раз повторялось. Правда, и Гай, и Скай его так и не видели, всё слишком быстро происходило, но к своим женщинам они всё же прислушались.

То, что Натри не совсем обычный ребёнок, я поняла уже давно, но разобраться, что конкретно с ним происходит, пока не представлялось возможным. Каморта помогает мальчику избегать таинственных исчезновений и это главное – с подарком я угадала. Свои подозрения родителям я решила не озвучивать, так как уж слишком это выглядело фантастично и невероятно, даже для меня.

Гай рассказал также, что, когда в Банкоре незнакомый сторбленный старик принёс игрушечного ангалина с рисунком вместо записки, они не отпустили его, пока не выяснили всё, что он знает, и очень сожалели, что не получилось

повидаться. Скай спросил:

– А как ты так быстро до Банкора добралась, ведь даже по реке дорога заняла бы недели две?

Мы сидели в таверне Эльма, в которую набивалось всё больше и больше людей.

– А вы не догадались?

– Нет...

– Тот самый ангалин меня туда и доставил... И мы очень подружились, и вы тоже его увидите, если задержитесь в Латрасе.

История моих приключений произвела должное впечатление. Конечно, я не рассказывала всё настолько подробно, как если бы рассказывала Максу, но Дайк, сидя рядом, не давал пропустить важные детали, так как за зиму выучил подробности моих странствий чуть ли не наизусть. Гай многозначительно улыбался, рассматривая то меня, то Дайка, а Скайолан, косыми взглядами, дал понять, что прекрасно понял – с Дайком мы не просто друзья.

В конечном итоге сборище в таверне превратилось в шумный и весёлый праздник, а запрет на проведение подобных мероприятий после смерти террхана к нам уже не относился.

Когда Гай сказал, что хочет спеть по случаю чудесной и долгожданной встречи с наследницей дома Матвэй, а также тёплого и радостного приёма, оказанного местными жителями, у меня дрогнуло сердце. Если он споёт сейчас балладу про меня, то всё... Население Латраса окончательно уверит-

ся в моей божественности, и ничего с этим уже не поделаешь. Я попробовала было что-то просительно вякнуть, мол, как-нибудь в другой раз, но ничего из этого не получилось.

Фаэдр Балмаар громче всех просил Гая исполнить знаменитую балладу о синеглазой богине, так как слухи об этой песне уже и до Латраса дошли, да и Дайк, кстати, тоже. Сидя за длинным столом, я пихнула парня в бок:

– Ну хоть ты не проси...

– А почему это?! Я тоже хочу услышать! Сам Гай Голос у нас! И петь хочет! Для тебя, между прочим!

– Ну, Дайк...

Обняв меня за плечи, он зашептал на ухо:

– А сын Гая к тебе ещё не остыл. Заметила, как смотрит?

Я отмахнулась:

– Я про одно, ты – про другое...

В ответ он только расхохотался.

Гаю быстро организовали место для выступления и, не отрывая от меня глаз, певец запел, а мне реально стало плохо. Так как баллада исполнялась при закрытых дверях и лишь нескольких открытых окнах, а нижняя комната единственной таверны в Латрасе не очень большая, впечатление было просто ошеломляющее. От звуков волшебного, проникающего в каждую клетку тела голоса начала кружиться голова, а внутри ощутилось знакомое волнение, которое всегда возникало в тренировочном зале, когда Тан учил меня контролировать свою силу. «Сейчас что-то будет, сейчас что-то

будет... – думала я зажмурившись. – Такое чувство, что из меня что-то выходит, вытекает или вытягивается... А может, наоборот? Только бы внешне ничего не было заметно!»

На левом плече, под браслетом по всей окружности вдруг так сильно что-то зачесалось, прямо-таки нестерпимо. Но не буду же я при всех чесаться, в такой-то момент! Этот странный, неожиданный зуд очень отвлѣк от песни, и несколько последних куплетов я слушала, думая только о том, как же хочется содрать браслет. «Неужели он опять предупреждает меня о чём-то? – продолжала я задаваться вопросами. – Но ведь вроде никакой опасности нет, и браслет не жалит, как тогда перед подземным толчком, а чешется, но так сильно, что хоть вешайся!»

Меж тем, взяв последние ноты, Гай замолк. Звуки гитары на бедре у Ская растворились, и в таверне слышалось только дыхание застывших в блаженном экстазе людей. Мой Нянь был в такой же отключке, как и все. Мы стояли рядом в дальнем углу, и я почувствовала, как он начинает съезжать по стене. «Вот только обморока сейчас как раз и не хватает, чувствительный ты мой! И как умудрился лекарем стать и с бандой связаться, с такой-то нежной психикой?!» – успела я подумать и, обняв его за талию, подставила плечо.

По традиции Гай хлопнул в ладоши, и народ начал приходить в себя. Несколько человек всё-таки лишились чувств, и если бы не я, то и Дайк был бы в их числе. Женщины заливались слезами, а детвора сидела удивлёнными большеглазыми

мышками. Но после того как первый шок немного ослабел, все уставились в мою сторону, а Дайк, вот же зараза, потихоньку стащил сзади с моей головы платок. Светлые и уже довольно длинные, платиновые волосы рассыпались по плечам. Гай поднял кружку и прокричал:

– За нашу богиню! За Кари! За наследницу дома!

Ударная волна радостных криков и бьющих через край эмоций вжала меня в стену. «Ну вот и всё! Возведение в ранг состоялось официально и окончательно! Да и чёрт с ним! Что ж так чешется, а?! – от желания разодрать плечо я начала скрипеть зубами. – Куда деться?! Куда спрятаться?!»

Через несколько минут Дайк заметил моё странное, напряженное состояние:

– Что с тобой?

– Мне нужно выйти, спрятаться от всех, ненадолго...

К этому моменту чесотка стала настолько нестерпимой, что даже соображалось с трудом. Что там наговорил Дайк по поводу моего спешного бегства, не помню, но раздеваться начала сразу за таверной, по ходу движения к сараю. За дощатой дверью я скинула жилет, стянула тунику, чуть не разорвав её при этом, и стащила браслет. А дальше всё поплыло в глазах...

На плече багровым, ярким ожогом горела родовая метка! Дайк издал то ли вскрик, то ли всхлип и зажал рот ладонями, но, хвала всем богам окатанским, не отключился. От шока говорить я не могла, только судорожно хватала воздух. Что-

то сказать получилось лишь через несколько секунд:

– Дайк! Чешется! Так чешется! Сделай что-нибудь! Терпеть невыносимо!

Нужно отдать должное моему любимому лекарю: в ответственных, критических ситуациях он присутствия духа не терял и действовал быстро, чётко и весьма эффективно. И только когда мокрая, холодная тряпка обернула плечо и он помог мне одеться, так как руки дрожали и не слушались, мы уставились друг на друга ошалелыми глазами.

– Ты что-нибудь понимаешь?! – спросила я, чувствуя, как холод благотворно действует, и странный ожог уже так не чешется, а просто зудит.

– Ничего не понимаю... – и он глупо хихикнул. – Кроме одного... Эта штукавина одним махом решила твою самую важную и сложную проблему. Проблему имени! Теперь ты настоящая эн Матвэй! На тебе метка рода! Ты это понимаешь?! И когда всё заживёт, думаю, что от настоящей её будет не отличить...

– Но как?!

– Ты меня об этом спрашиваешь?!

Я продолжала смотреть на него, зажимая зудящее плечо.

– А, в общем, какая разница, Кари? Никто ведь не знает, да и ты тоже, что это за браслет такой. Это реликвия дома Матвэй, а род этот очень древний, и помнишь, что пархонт говорил про секреты этого дома? Наверно, этот браслетик и есть один из их секретов, а вот узнаем мы какие-либо по-

дробности о нём или нет... – и выразительно пожал плечами.

Глава 14

Гулянье в таверне продолжалось до позднего вечера. Никто не хотел расходиться, люди дорвались до праздника, а концерт, который Гай, Айра и Скай устроили в мою, так сказать, честь никого не оставил равнодушным. Одно знаю точно, что счастливые и радостные воспоминания о неожиданном приезде в Латрас Гая Голоса, не просто как члена торгового каравана, а как знаменитого певца, будут греть всех, кто там тогда присутствовал, до конца жизни.

Несмотря на уговоры Балмаара на ночь в городе мы не остались, уехали в Тухлый дом. И хотя утром перед отъездом Дайк хорошо накормил наше хозяйство и оставил каждому еды на целый день, и Бумер, и летуны, и даже наша Чернушка встретили нас жутко голодными, наверно, они просто очень скучали. И только после того как мы разобрались со всей живностью, удалось вернуться к осмотру нового шрама на моём многострадальном теле.

Растопив плиту, Дайк варил какую-то заживляющую мазь, а я, при свете масляных фонарей, разглядывала свежевывженную отметину, да и сам браслетик: «Тан говорил, что он заряжается, как аккумулятор или батарейка... И похоже, что уже полностью зарядился, все буквы надписи пожелтели. Из чего же он всё-таки сделан? Что за материал такой уникаль-

ный? Какой-то энергетический накопитель, что ли?» Я крутила браслет так и этак, согревала в ладонях, чтобы немного растянуть, но ничего нового, того, чего раньше не видела, не обнаружила.

Дайк закончил химичить и, присев рядом, принялся обмазывать метку какой-то жирной мазюкой.

– Скоро заживёт, – проговорил он, перевязывая мою конечность. – Ожог не слишком глубокий. Сколько же всего происходит, Кари... Ну и денёк сегодня выдался! – и прочесал пальцами тёмно-русые волосы. – Метка, голос Гая и песня... Она до сих пор у меня звучит внутри. Никогда не забуду!

Синеглазая дева издалёка пришла,
Знания, веру, надежду в этот мир принесла...

Дайк приложил ладонь к груди, а я отмахнулась:

– И ты туда же... Может, хватит?

– Когда ты, наконец, сама это признаешь? Ведь Гай спел чистую правду. Эта песня вся про тебя! Каждое слово, каждая интонация и даже музыка отражает твою суть!

Проведя ладонью по немного шершавой от проступающей щетины щеке, я прижала палец к его губам:

– Молчи. Не говори ничего об этом, пожалуйста... Может, когда-нибудь я соглашусь и с песней, и с тобой, а пока пойдём-ка лучше спать, я устала...

Открыв глаза, я уставилась в зелёные немигающие блюда и, откинув лоскутное одеяло на лежащего рядом Дайка, повисла на ангалине. Он сидел неподвижно и пялился на нас.

– Максик! Ты вернулся!

Я тискала ещё мокрого друга, а он, находясь в любимой позе каменной статуи, никак на это не реагировал. Почувствовав движение позади, я обернулась. Дайк тоже проснулся, но лежал спокойно, глядя Максу прямо в глаза.

– Макс, прости, мы обещали... – и, схватив его голову, повернула к себе.

Ангалин глубоко вздохнул и прошипел:

– Я так и з-з-знал. Вот з-з-знал, что так и будет, хотя... и с-с-сам бы наруш-ш-шил, наверно...

– И ты не обижаешься? – я продолжала его пытаться.

Макс улыбнулся:

– Нет... Только теперь моя очередь с-с-с тобой с-с-спать! – Дайк за спиной захохотал.

Пока в утреннем тумане мы спускались к морю, где Макс оставил своих соплеменников, он успел рассказать, что умудрился даже встретиться с Рексом, и самый главный ангалин одобрил его действия, пообещав поддержку и помощь, если нам удастся раздобыть «слёзы богов» и как можно больше золота. А также сообщил, что его отец очень хочет познакомиться со мной, так как пришёл к выводу, что с моим появлением в жизни одного из его сыновей начали происходить события, предположить которые никто не мог. И он, так

сказать, официально приглашает меня нанести визит в обиталище Рексов, тем более что уже несколько веков, как нога ни одного человека не ступала на Большие Дрейфующие Острова.

С Небесных островов с Максом прибыло десять ангалинов, и среди них было три самки, вернее, ангалинские девушки, называть их самками как-то не совсем правильно, на мой взгляд. Девушки ангалинов отличались более длинными и тонкими телами, меньшими размерами головы и формой глаз, более раскосой, чем у противоположного пола, а также небольшой грудью с крупными сосками, которые проступали из шерсти, и эти аппетитные формы очень красиво выделялись в перекрестье заплечных мечей.

Заметив знакомую крапчатую среди этого множества серых и почти чёрных чешуйчатых шкур, длиннющих хвостов и клыкастых голов, я приветливо махнула ей. Она сверкнула янтарными глазами и широко улыбнулась.

– Твоя знакомая, Сайшаала, – усмехнулся Макс. – Между прочим, сразу согласилась пожить на берегу.

«Значит, будет Саша!» – радостно подумала я.

Все ангалины были вооружены, с заплечными сумками, пристёгнутыми к спинам, а некоторые и в нагрудных доспехах. Когда мы приблизились, то десять голов повернулись, а десять пар глаз с любопытством и интересом уставились на меня, Дайка и Бумера, который опасливо выглядывал из-за моих коленей. Ящеры довольно долго нас рассматривали

и усиленно приняховивались, шевеля подвижными ноздрями, пока Макс не заговорил.

Я сразу и не сообразила, что говорит он не на окатанском, на котором разговаривал со мной и Дайком, а на своём родном языке, языке ангалинов. Я-то всё прекрасно понимала, а вот Дайк хлопал глазами и слушал эти присвисты, прищёптывания и щелчки с абсолютно глупым видом. Даже подумалось: «Вот-вот... Теперь и ты, мой дорогой Нянь, побудь на моём месте. Почувствуй, каково это, когда один ты не понимаешь, что говорят вокруг». Будто в ответ на эти мысли, Дайк дёрнул меня за рукав и прошептал на ухо:

– Ты понимаешь, о чём они разговаривают?

– Конечно... – и начала потихоньку переводить.

А Макс, словно какой-то вождь или генерал, напутствующий своих солдат на великие подвиги, говорил о том, что им выпала великая честь быть первыми ангалинами, которые за столь долгое время будут охранять человеческое поселение. Что наконец-то становится понятен древний, священный завет ангов, и что, несмотря на безразличное в целом, а часто и недоброе отношение людей, ангалины чтут память предков, и давнее пророчество о пути, который начнётся на Востоке, сбывается.

Услышав это, я вздрогнула: «Пророчество?! О пути, который начнётся на Востоке?! А ведь Макс о нём и словом никогда не обмолвился! Ох, как бы всё это плохо не закончилось! Ещё и года нет, как я на Окатане, а уже влезла в такие

древние дела, что догадаться, как дальше могут развиваться события, никак невозможно. И ведь обратно уже не повернёшь... А может, ящерам только того и надо было, чтобы попасть на территории людей? И Тан молчит, куда же он подевался? Почему не отвечает?! Как же не хватает его подскоков! Ангалины здесь, золото отчеканено, отступить поздно...»

Склонив передо мной голову и уже на языке людей, Макс произнёс:

– Моя шаари, нанимаеш-ш-шь ли ты ангалинов на с-с-службу?

Собравшись с духом, я чётко ответила:

– Нанимаю.

– Соглас-с-сна ли оплатить работу 3-3-золотом?

– Согласна, – и протянула Максу мешок, туго набитый новенькими золотыми рандами.

Ангалины заулыбались, а некоторые выразили своё одобрение звонкими свистами.

– Ну вс-с-сё... – и Макс расслабился. – Торжес-с-с-твенная час-с-сть окончена.

Я склонилась над ним:

– Что за пророчество?

– Потом, вс-с-сё потом, – и он хитро прищурился. –

Сколько рандов получилос-с-сь?

– Здесь пол-окмиля, остальные я Балмаару оставила... Я же тебе говорила...

– Пол-окмиля! Прекрас-с-сно! – зелёные глаза сверкнули. – Каж-ж-ждому из охранников почти на два года хватит.

Издав пронзительный свист, Макс махнул головой и начал подниматься к дому. Мы трое – я, Дайк и Бумер – застыли на месте.

– Чего вс-с-стали? Пос-с-селим охрану в тренировочной пещ-щ-щере, а как уедем, они в доме будут ж-ж-жить и во дворе. Или ты против?

Я глянула на Бу, потом на Дайка, который пока выполнял функции немого сопровождения, и кивнула:

– Не против, наоборот... Только им нужно показаться в городе, познакомиться, так сказать. И сделать это надо красиво, чтобы население прониклось.

– Думаеш-ш-шь?

– Уверена. Появление твоих соплеменников должно быть эффектным, чтобы вызвать у людей правильную реакцию, ведь жить им здесь довольно долго.

Макс немного задумался, а потом оскалился:

– Ну так обс-с-судим!

И почему в эту секунду возникло ощущение, что я говорю не совсем с Максом, вернее, с ним, но каким-то другим, более значительным, что ли, имеющим влияние... Пока мы шли к дому позади десятка ящеров, я всё размышляла над переменной, которая случилась с моим чешуйчатым другом.

Прошло чуть больше недели, а Макс вернулся каким-то не таким. На первый взгляд ничего не изменилось, однако

перемены были, пусть и почти неуловимые. Он то ли принял какое-то решение, то ли возложил на себя какую-то миссию... А как на него смотрели остальные! Будто на героя или вождя! О чём же он говорил с Рексом и что за пророчество такое?! Глянув на Дайка, я прошептала:

– Уж не поторопилась ли я ангалинов в охрану нанять? Как-то уж очень они довольны... И так быстро приплыли...

– Но других вариантов пока нет и уже поздно что-то менять... – также тихо ответил Дайк. – Что тебя беспокоит?

– Не знаю... Пророчество какое-то всплыло... Макс ничего о нём не говорил...

– Я думаю, он всё объяснит... Разве есть причины не доверять ему? – он немного подождал, дожидаясь ответа. – Кари, что-то случилось? Ты как-то очень задумчива... А ведь и твой караван приехал, и Макс вернулся...

Я опустила глаза:

– Слишком много всего случилось за последнее время. Зимой мы жили тихо, спокойно, сами себе, а тут очень быстро жизнь начала набирать обороты. И метка эта родовая... Как браслет мог такое сделать? Ума не приложу...

И дом, и пещеры ангалинскому отряду очень понравились. Они оценили и относительную удалённость от города, и близость к морю, и просторный двор, а запах сероводорода их, как когда-то и Макса, ничуть не смутил.

Дайк отправился в город предупредить Балмаара, что охрана прибыла и скоро в полном составе приплывёт через

бухту знакомиться. А пока во дворе ангалины расположились на отдых после долгого заплыва. Я вцепилась в Макса с расспросами. Он тыкался в меня мордой, стискивал хвостом и сиреневым сиянием выражал всю степень того, как же он соскучился.

– Что за пророчество, Макс? Почему раньше не говорил?

Он хитро прищурил один глаз:

– Потому что не з-з-знал...

– Не знал?!

– Это тайное пророчес-с-ство, которое з-з-знает только Рекс-с-с... Оно нигде не запис-с-сано и, откуда взялось, никто не помнит. Когда Рекс-с-с выбирает нас-с-следника, то сообщает будущему правителю его ус-с-стно. Вот так оно и дош-ш-шло до нас из глубокой древнос-с-сти...

– И что конкретно в нём говорится?

Макс притянул мою голову к себе и зашипел в ухо:

– Где небес-с-сная семья

Бег с-с-свой в небе начинается,

Золотым огнём горя,

Ангалин на путь вступает...

Всю разорванную с-с-суть

Та дорога смож-ж-жет с-с-склеить...

Он не мож-ж-жет обмануть,

Нужно прос-с-сто в это верить.

– И всё?

– Вс-с-сё.

– И ты думаешь, что эта шарада применима к нашей ситуации?

– Отец уверен, и я с ним соглас-с-сен. Очень долго Рексы не могли понять, к чему оно с-с-сказано и что точно з-з-значит, кроме того, что путь ангалина начнётся на Вос-с-стоке. Я ведь отца во всё пос-с-святил, всё рассказал о том, что уз-з-знал благодаря тебе, да и про тебя тоже... всё... – он стиснул мою ногу и заглянул в глаза. – Не обиж-ж-жайся только...

Я погладила крупные чешуйки и провела пальцем по глубокой серповидной царапине на его лбу:

– Ну рассказал и рассказал, ты же у меня болтун...

Он хихикнул и положил тяжёлую голову на моё плечо.

– А почему Рекс рассказал пророчество? Он тебя в наследники выбрал?! – опомнилась я.

– Не выбрал. Ему ещё рано об этом думать... Прос-с-сто после всех моих рассказов Великий Ангалин Рекс-с-с понял, что приш-ш-шло время! Потому что никогда ангалины не имели здес-с-сь, на Вос-с-стоке, никаких интересов. Крупных рек, по которым можно углубиться в территорию людей, здес-с-сь нет. Оба Храма очень далеко, и отсюда, с восточного побережья, ни до одного из них не добраться. А ведь мы в Храм за «с-с-слезами» да и за з-з-золотом именно с Вос-с-стока отправляемс-с-ся. Отец уверен, что пророчество об этом... Мы начинаем свящ-щ-щенный путь, ты по-

нимаеш-ш-шь?!

– Макс, в отличие от тебя и твоего народа, я никакого священного трепета не испытываю. Дорога нам предстоит дальняя, а в нынешнем положении и очень опасная, только меня не это беспокоит... Твой отец готов положить твою жизнь на алтарь разгадок священных тайн Великих ангов, и ты можешь стать очередной жертвой, как это было уже не раз... А я, получается, сама тебе в этом помогу...

Он резко вскинулся и уставился в упор:

– Ты что, передумала?!

Стиснув лапу Бумера, который лежал позади и опасливо поглядывал на расположившихся на весеннем солнышке ангалинов, я тихо ответила:

– Нет, не передумала. Я уже не могу передумать... Я – эн Матвэй, и должна разобраться, что здесь происходит. И уже неважно, сколько на это понадобится времени.

Макс продолжал смотреть на меня: внимательно, пристально, будто пытаюсь проникнуть в самую глубь, в самые сокровенные мысли.

– Тут произошло кое-что, пока тебя не было... – и, стянув жилет, я достала руку из туники. – Смотри...

Не только он, но и несколько ближайших к нам ящеров, в том числе и моя знакомая крапчатая, слегка приподнявшись, мелкими шажками приблизились, вытянув шеи. Вот любопытные, лежали и подслушивали! Я развернула повязку. Стараниями Дайка ожог заживал: красноты и опухоли не

было, а сама метка покрылась корочками. Макс чуть ли не вплотную приблизил голову и его глаза смешно сошлись к центру.

– Это что?!

– Догадайся...

– Метка?! От... от... откуда?!!

Вполне подробно я поведала другу, как всё было, и почему-то, пока рассказывала, не могла унять внутреннюю дрожь, странное ощущение, что случилось ещё нечто, только что, совершенно не понятно. Будто предчувствие какого-то важного события, которое произошло или ещё произойдёт. К концу повествования весь отряд ангалинов окружил нас плотным кольцом.

– Ты – эн Матвэй!!! Настоящ-щ-щяя!!! – прокричал Макс.

– Ну не совсем... Я же с ней не родилась...

– Настоящ-щ-щяя! Настоящая, Кари! – продолжал он вопить. – Эта ш-ш-штука древняя, очень древняя, может, от с-с-самих Великих ангов дос-с-сталась этому роду! И она приз-з-знала тебя! Признала за с-с-свою!!!

Дальше он понёс какую-то ахинею про мудрость, силу и величие ангов, которые оказались сильнее богов; про то, что с моим появлением начали открываться древние тайны, что наш поход за «слезами» и золотом – это священный путь, который приведёт его народ к счастью и процветанию.

Я же окончательно уверилась, что папочка хорошо прочистил Максусу мозги и специально о пророчестве рассказал.

А также внушил, что на Макса отныне возложена великая миссия по спасению всех и вся. Только вот мне что теперь с этим делать?! Макс не отступит, и я должна быть рядом, чтобы хоть как-то защитить или повлиять на него. Нужно встретиться с Мозгом! Обязательно! И как можно скорее, а то от всего крыша поедет окончательно!

Глава 15

Ящеры появились в бухте Латраса, когда почти весь город собрался на пристани. Так как к обеду небо заволочло облаками и солнышки никак не проглядывали через столь плотную облачность, они включили своё свечение и их стало заметно ещё издали. Красивые, высокие прыжки с тучами брызг, озарёнными вспышками света, произвели на горожан неизгладимое впечатление. Всё как я и хотела!

Открыв рты, люди заворожённо следили за приближающейся светящейся группой. Члены каравана в полном составе также были здесь и неотрывно следили за сияющими ящерами. Несмотря на то что городок находился на побережье, ангалинов здесь видели редко, и то рыбаки далеко в море. Острова, виднеющиеся на горизонте, были необитаемы. Они представляли собой цепочку скал разной высоты и могли дать пристанище лишь морским птицам.

На длинный, узкий причал первым выскочил Макс, стряхивая с чешуи воду, за ним остальные. Вооружённые, в на-

грудных доспехах, с мелькающими на шкурах золотыми искрами, ангалины были великолепны. Люди расступились и отряд, один за другим, плавно изгибая шеи и вертя длиннющими хвостами, двинулся от пристани вверх по улице. Возле таверны Эльма они остановились, образуя полукруг, и застыли в неподвижных позах. Толпа, следовавшая за ними, тоже встала и пауза затянулась.

Мы с Балмааром и Дайком несколько секунд переглядывались, пока я не решила «принять огонь на себя». Выйдя вперёд, я поклонилась, а Макс и остальные ответили тем же. В толпе раздался вздох облегчения. В общем, знакомство прошло гладко. Я успокоила самых недоверчивых и боязливых, что без приглашения ящеры в городе появляться не будут и обоснуются в Тухлом доме, тем более что им там очень понравилось. Питаться также они будут самостоятельно, и жители города могут не волноваться за своих коз, овец и другую скотину. Ангалины будут дежурить на кордонах, а также отвечать за охрану с моря, и бояться их не нужно, так как они просто будут выполнять ту работу, для которой их позвали, не мешая населению вести обычный образ жизни.

Когда я закончила выдавать инструкции, ко мне протиснулся Гай и тронул за плечо:

– Кари, нужно поговорить...

Мы расположились в таверне, которая за последние дни превратилась в пункт постоянных сборищ. Натри, как всегда, на привязи, бегал между столами, а музыкальное семей-

ство в рядок расположилось на скамье. Балмаар с Дайком и Майланом остались снаружи, что-то горячо обсуждая.

– Эрдана Карина, – проникновенным, бархатистым голо-сом начал Гай, – хочу обратиться к тебе сейчас не как к нашей любимой Кари, а как к владелице города, наследнице дома Матвэй.

Мне стало не по себе: «Что ещё случилось?! Почему он так говорит?!»

– Дело в том, что караван завтра отправляется, все вопро-сы решили, взяли письма и заказы на товары. Только я, то есть мы... Мы хотели бы остаться в Латрасе и надолго.

– Остаться?! – на радостях я вскочила.

– Да! – Гай широко улыбнулся и обнял Хейю за плечи. – У нас будет ребёнок, и я не хочу подвергать опасности свою семью в такие смутные времена. А после сегодняшнего зре-лища и такой дружбы между тобой и ангалинами думаю, что надёжней места не найти.

– Ребёнок?! – я кинулась к Хейе, обнимая её через стол. – Это же прекрасно! Поздравляю! Я так рада за вас! А с жи-льём мы что-нибудь придумаем!

– Не стоит беспокойства... Мы же кочевники, народ непривередливый, нам и кибиток хватит.

Вопрос с домом для Гая решился очень быстро. Балмаар с Дайком чуть не поругались, предлагая каждый поселить их у себя, пока не поставят несколько новых срубов. Но, в кон-це концов, Дайк повёл их к себе, успокоив, что Хилл вер-

нётся ещё нескоро, а за это время жители помогут со строительством. Вот так в суете и заботах прошёл день. Вечером я заперлась в комнате, выгнав парней ночевать в переднюю и наказав не будить, чтобы не случилось.

В библиотеке было пусто. Я заглянула в лабораторию, но Тана там тоже не было. На столах стояли колбы, реторты, пробирки и другая подобная химическая утварь, но все эти стекляшки были пусты и чисты – ни намёка на какое-либо содержимое. Я стояла в центре этой пронзительной белизны и слушала стук сердца. А ведь недоброе предчувствие не отпускало с тех самых пор, как Мозг несколько раз не ответил на мои мысленные призывы, и вот теперь стало окончательно ясно, что же меня так беспокоило.

Вылетев из лаборатории, я помчалась по коридору в тренировочный зал, хотя уже знала, что и там его не найду. Зал встретил гулким эхом и идеальным порядком. Никого...

– Мо-о-озг!!! – заорала я так громко, насколько могла. – Мо-о-озг!!! Отзовись, Тан!!! Ты слышишь?!! Мозгово-о-ой!!!

От отголосков эха заложило уши. Когда звуки моих воплей затихли, ощущение пустоты наполнило каждую клеточку тела. Он ушёл... Он бросил меня... Растворился... Ничем – ни словом, ни взглядом, ни другим каким намёком – он не выдал своих планов. Он исчез именно тогда, когда я решила серьёзно поговорить, выяснить, кто же он такой на самом деле и зачем всё это ему было нужно. Мастерски

ушёл от разговора... Ничего не говоря, ничего не объясняя, не предупреждая и не прощаясь...

Ещё какое-то время я туго бродила по бесконечным коридорам, освещённым вкрученными прямо в стены лампочками, теша себя идиотской надеждой, что он всё-таки где-то здесь и сооружает какое-то новое пространство, но раз за разом возвращалась к двери в библиотеку. Мой маршрут был будто закольцован, и в какую бы сторону я ни сворачивала, всегда возвращалась к знакомой двери. «Может, хоть записку оставил...» – мелькнула мысль.

В библиотеке я обшарила весь стол, стеллажи с книгами, заглянула даже в мусорную корзину, которая стояла в углу, но не нашла ничего: ни письма, ни записки, ни клочка, ни обрывка... ничего. А ведь он много работал. Я часто видела и полную корзину измятых, исписанных бумаг, рабочий хаос на его столе и пролитые реактивы в лаборатории.

Открыв шкаф в дальнем углу, я обнаружила всю его немногочисленную одежду, аккуратно сложенную на нескольких полках: висящий на плечиках любимый бархатный халат, а также мягкие домашние замшевые туфли на нижней полочке. Проведя ладонью по халату, я прижала ткань к носу: «Запах... Его запах... Ещё сильно ощущается... Гольшом, что ли, в неизвестность удалился? Или вся эта бутафория была организована только для меня?!» Резко закрыв дверцу, я плюхнулась на кушетку:

– Ах ты, старый козёл! Профессор... Нет, ты не профес-

сор, ты академик! Магистр обмана и манипулирования!

Бросив взгляд на резной шкафчик, в котором Тан держал свою алкогольную продукцию, я распахнула его и, увидев несколько рядов закупоренных зелёных бутылок, злобно захохотала:

– А зачем ты мне своё пойло оставил?! Что ж сам не вылакал?!

Хлопнув дверцей так, что бутылки задребезжали, я выскочила из библиотеки.

Бумер встретил меня ласковым повизгиванием и потёрся головой о колени, похоже, лежал под дверью, ждал, пока проснусь. Дайк возился на кухне и, как только я вышла, обернулся:

– Что-то ты быстро... нагостилась... – ему никогда не нравились мои визиты к загадочному профессору.

– Всё... – я уселась на низкий стульчик возле плиты.

– Что «всё»?

– Он ушёл. Ходить в гости больше не к кому...

Дайк опустился передо мной на колени:

– Как ушёл? Куда?!

Я пожала плечами:

– Не знаю. В библиотеке его нет, и в тренировочном зале, и в лаборатории... Никаких следов... Всё чисто, пусто и безжизненно...

Слёз не было. Даже странно... Внутри будто возникла какая-то стена и с каждым ударом сердца или вздохом на неё

укладывался очередной тяжёлый кирпич. Я буквально чувствовала, как она растёт внутри, укрепляется, раздвигается в стороны, будто отгораживая меня от мыслей, эмоций и воспоминаний, связанных с Таном, которые если вырвутся наружу, то сметут всё на своём пути.

– Дай той успокоительной настойки.

– Может, лучше кшасы? – спросил мой Нянь, заглядывая в глаза.

– Нет.

Плеснув из маленькой фляги, Дайк добавил в кружку воды и протянул мне:

– А я рад, что он ушёл, да и Макс обрадуется. Нас это всегда настораживало...

Я кивнула и залпом выпила:

– Знаю... А где наш ангалинчик? – перевести разговор на другую тему было необходимо, так как обсуждать это исчезновение и себя в качестве последней лохушки, которую столько времени удавалось «разводить», было бы крайне неприятно.

– Или в пещерах, или на охоте со своими... Я с утра его не видел.

– Ну что ж... – я обняла Бумера и чмокнула в холодный мокрый нос. – Тогда нам тоже пора отправляться. Балмаар не говорил, когда будет шхуна до Гейзы?

Но этот вопрос остался без ответа. Из подвала выпрыгнул Макс и кинулся к нам:

– «Чёрная медуз-з-за» входит в бухту!

Часть 3. Шхуна

Глава 1

Ветер трепал волосы, обдавая лицо мелкими брызгами, забирался под одежду, наполнял лёгкие запахами йода и соли. Побережье уже давно скрылось за горизонтом, а я всё никак не могла сойти с места. Бумер лежал у ног и жалобно поскуливал, корабельная качка ему явно не нравилась. Я опустилась рядом и обняла своего лохматика:

– Потерпи, Бу. Ты же не обычный волк, ты – мой... Надеюсь, через несколько дней ты привыкнешь.

Волчонок тихонько рыкнул и спрятал голову у меня под мышкой. Я продолжала почёсывать его за ушами, не отрываясь от горизонта за кормой «Чёрной медузы»: «Латрас... Тухлый дом... Мой дом... Родной... Тан называл меня своим домом, да я и была таковым, ведь он жил внутри меня. Но он покинул его, сбежал, как трус! Неужели я бы не отпустила его?! Конечно, отпустила... Но он не хотел разговора, не желал ничего объяснять. И что касается его, то я теперь ни в чём не уверена. А вот сейчас и я покинула свой дом, и когда вернусь, и вернусь ли, не знаю... Такое ощущение, что мои странствия по Окатану никогда не закончатся. Путь без конца... Но ведь должен он куда-то привести, должна же

быть где-то конечная точка или когда-то...»

На пристани нас провожал весь город. Фаэдр Балмаар очень волновался и суетился, всё повторял, чтобы я не переживала, всё у них будет хорошо, деньги есть, охрана надёжная и он намерен приложить все усилия, чтобы наладить между населением и ангалинами хорошие отношения. Хотя мне показалось, что он больше себя этим успокаивал, чем меня.

Сборы заняли совсем немного времени, после того как я поднялась на борт «Чёрной медузы», чтобы поприветствовать капитана Аюта и команду. Встретили меня тепло, особенно Ают и Данко. Было видно, что заскок по поводу моей божественности у них миновал, хотя меня это сильно уже не беспокоило. После исчезновения Тана не оставалось ничего другого как принять эти правила и просто играть навязанную роль, так как изменить, отмотать назад или как-то переделать случившиеся события было не в моих силах.

Слегка прихрамывая, Ают бросился навстречу и протянул руку, помогая подняться по сходням. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга, пока я не сказала: «Ну вот и встретились...» После этого он крепко обнял меня, а Данко, уже без бороды, выскочил из трюма с криком: «Кари!» Вся команда была в полном составе, кроме одного, Чёрного Ли. Как потом поведал Данко, Ли сошёл ещё в Перриколе, вскорости после моего отъезда, когда ремонт «Медузы» уже подходил к концу. Он сказал, что пойдёт странствовать и нести

весть о синеглазой богине в самые дальние поселения, на что я только пожала плечами. В общем, ничего удивительного... Чёрный Ли был довольно странным, а уж какой впечатлительный, я своими глазами видела.

Конвой из ангалинов, который сопровождал шхуну при входе в бухту, произвёл на команду сильное впечатление, однако Аютана больше удивил Дайк. Из моих рассказов Нянь знал, что произошло между мной и капитаном «Чёрной медузы», и был готов к встрече, а вот Ают очень долго и напряжённо рассматривал Дайка, когда я представила их друг другу. Похоже, Ают не совсем понял, что я нашла в парне, но протянул Дайку ладонь для рукопожатия:

– Не могу сказать, что очень рад знакомству, но выбирает женщина...

На что Дайк только слегка улыбнулся и ответил на приветствие. Отвезти нас в Гейзу Ают согласился сразу, я даже договорить не успела. Он сказал, что слухи о наследнице дома Матвэй, похожей на богиню, далеко расползлись по Восточным территориям, и как только он решил все свои дела, то отправился в Латрас в надежде застать меня здесь, и очень рад, что всё получилось. А когда, широко улыбаясь, добавил, что не против послужить прекрасной богине какое-то время, я расхохоталась.

– Хочешь войти в историю?! – продолжала я улыбаться. – Ты всё-таки тщеславен!

– Конечно! Пусть обо мне тоже слагают баллады, как о

твоём личном капитане!

Мало сказать, что члены команды были удивлены тем, что с нами в плаванье отправится горный волк, а также ангаллин, который будет пассажиром, а не сопровождающим. Хотя Макс снисходительно прошипел, что возьмёт на себя и эту функцию при необходимости. Так как он сказал это при всех и на понятном языке, то многие из команды сначала не поверили своим ушам и принялись переглядываться и переспрашивать друг друга: «Ты слышал?! А ты тоже слышал?! Он что, с нами говорил?! Да не может быть такого!» и так далее в таком же духе.

В общем, мы с Аютом быстро договорились и собрались в путь буквально за сутки. И вот я сижу на корме уже почти целый день и никак не могу прийти в себя.

Прощание с Латрасом было настолько тяжёлым, что словами не передать, хотя я не плакала, совсем. И даже когда я обнимала на прощанье Натри, Гая, Хейю, Айру, Скаю, Балмаара, его жену и дочь, семейство кузнеца – не упала ни одна слезинка. С уходом Тана что-то сломалось во мне, перестало работать. Я улыбалась, успокаивала всех, что всё будет хорошо, что мы вернёмся и все трудности переживём и преодолеем, но на душе лежал камень! Та стена, что выросла внутри, будто заблокировала излишние чувства, мою прежнюю эмоциональность, и я очень боялась, чтобы ощущение жуткой обиды и даже злобы на Мозгового, которое появилось после его исчезновения, не начало развиваться.

Я отправлялась в путь уже не только для того, чтобы помочь Максу достать из Храма «слёзы богов», раздобыть золото и не допустить, чтобы мой ангалин наделал глупостей. Я отправлялась в дорогу, потому что такова моя судьба здесь – бродить по свету в поисках ответов... И я найду эти ответы. Найду! Я узнаю как, почему, зачем, по чьей воле я сюда попала!

Звон корабельного гонга прервал размышления – это Тиль сообщал, что ужин готов. По ступенькам поднялся Дайк и присел на доски:

– Может, хватит уже? Ты целый день тут просидела...

– Всё в порядке. Нужно было немного успокоиться и подумать. Спасибо, что позаботился, чтобы мне никто не мешал.

Он хмыкнул и обнял меня обеими руками:

– А кто ещё о тебе позаботится, как не я? Только к тебе никто не подходил, потому что Бумера боятся.

– Нянь, мой дорогой... – прошептала я ему на ухо.

– Только прилюдно не называй меня так, хорошо?

Я чмокнула парня в щёку:

– Ладно, уговорил...

– А куда ты в последний момент Макса отправила? Что-то нет его долго...

– Сказал, что догонит. Я всё же решила форму для чеканки с собой не брать, мало ли что... Так спокойнее, если она будет спрятана в надёжном месте, где никто не сможет

её найти, даже случайно. Вот и отправила Макса, чтобы он спрятал её где-нибудь в пещерах.

Всю эту сцену непосредственно наблюдал Ают, хоть мы и сидели далеко от рулевого колеса. Он вёл шхуну к месту ночной стоянки и искоса поглядывал на нашу идиллию. Когда «Медуза» встала на якорь у группы маленьких скалистых островов, капитан подошёл к нам:

– Надеюсь, хороший ужин с кружкой пива поднимет моим пассажирам настроение?!

Тиль постарался на славу, да и продукты, которые мы загрузили на «Медузу» перед отплытием, этому очень поспособствовали. Горожане, в меру своих возможностей, напихали нам кто что смог. Пока я сидела в горестных раздумьях, Дайк времени даром не терял: познакомился с командой, обустроил в трюме наших лошадок, которых я поначалу не думала брать с собой, надеясь купить кибитку с парой единорогов в Гейзе. Однако Ают меня отговорил, сказал, что не раз возил лошадей и в одном из трюмов для Тучки и Рыжего будет достаточно места.

Нашу же Чернушку забрало семейство Гая, раз они всё равно решили остаться, пообещав хорошо о ней заботиться. А вот летунов, молоденьких Ромео и Джульетту, к огромной радости Балмаара, пришлось оставить на его попечение, так как до появления первого потомства они были бесполезны, а возить их с собой было бы не с руки, как-никак лишняя забота.

Глава 2

Есть за ужином совсем не хотелось, но то ли пиво, то ли неспешная беседа в капитанской каюте поспособствовали появлению аппетита. Нигде на «Медузе» я не заметила следов бывшего шторма, единственным напоминанием о нём была лёгкая хромота Аюта да широкий шрам от глубокой царапины, который стал заметен, когда он растянул шнуровку рубашки на груди.

Оглядывая каюту, я вспоминала своё первое плавание на «Медузе» и думала о том, что ведь на очередную встречу после всего, что было, никак не рассчитывала, а вот теперь я здесь, опять в море, на самой быстроходной шхуне, среди знакомых людей и снова плыву куда-то... Ают налил ещё пива, пристально глядя на меня:

– Эрдана Кари, вы настолько задумчивы и серьёзны, что я прямо вас не узнаю...

– Я так сильно изменилась?

Он сделал глоток и слегка облизал языком губы:

– Внешне нет. Прекрасна, как рассвет над морем... Дайкаран, а ты как находишь? Эрдана Кари улыбается как-то очень грустно...

По лицу Дайка стало заметно, что разговор в таком ключе совсем ему не по душе.

– Капитан... Я бы не хотел ни с кем обсуждать свою де-

вущку, тем более в её присутствии.

Ают нахмурился, но промолчал. Глянув на полки с книгами, которые располагались по периметру каюты, я спросила:

– А свой Вечный свиток ты продал?

Ают покачал головой:

– Нет ещё... Жду самого богатого покупателя, тем более что сейчас совсем не бедствую. Чёрный жемчуг, помнишь?

Я кивнула.

– Продал одну в Банкоре...

– А можно свиток посмотреть? Дайк может прочитать...

Капитан вскинул брови, глянув на Дайка:

– Ты читаешь на языке древнейших? Очень интересно, что же там нацарапано!

Он встал из-за стола и полез в небольшой сундучок, который стоял у койки, за шторкой из куска парусины.

Читал Дайк долго. Вернее, не читал, а тупо смотрел. Потом поднял глаза и растерянно произнёс:

– Или я дурак, или это один из последних свитков Кифа, когда он уже полусумасшедшим старцем бродил по земле. Легенда говорит, что святой Киф к старости повредился умом и, бросив дом, ушёл искать что-то, а что – неизвестно.

Я развесила уши. За всё время нашего общения и жизни под одной крышей разговоры на эту тему никогда не возникали, почему-то. Как я могла упустить такую интересную информацию?!

– Так что же там всё-таки написано? – спросил капитан.

– Полная ерунда. Просто набор букв и знаков, обрывки слов и только в конце несколько более-менее связных предложений. Будто он долго пытался что-то написать, но это не получалось... Хотя и то, что получилось, напоминает бред.

– Так читай, не томи! – я заглянула в свиток, на котором чётко виднелись выцарапанные знаки.

– Вот здесь, внизу, написано:

Там, где выход, входа нет,
Лишь кружится звёздный свет...

Я не совсем уверен в значении «свет» или «цвет», а дальше так:

Если хочешь ты войти,

Возможно, имеется в виду слово «уйти», символы очень похожи:

Бога за руку схвати.

Вот так как-то...

– Бессмыслица полная, – проговорил Ают. – Какой выход, какой вход? Где выход, там всегда и вход!

– А что ты думаешь, Кари? – Дайк поднял на меня глаза.

Я сидела, переваривая услышанное, и понимала, что вот! Наконец-то! Логика! Логика в древних словах полоумного

старца! И если сильно не вдумываться, ища скрытый смысл, а воспринять это четверостишие буквально и применить к себе, то кое-что становится ясно!

– Что ты ещё знаешь о Кифе?!

– О нём очень мало известно. Когда я жил в столице, мой учитель рассказывал, что летопись гласит, будто никто не знал, откуда взялся Киф, ни какого он был рода, ни возраста. И было это очень-очень давно... Но известно, что когда он появился, то говорил на странном языке, каком-то своём, и только через некоторое время заговорил по-нашему, а потом и на языке древнейших, в те дни на нём ещё многие общались. Киф был очень умным, он многое знал, что было неведомо нашим предкам, и многое умел. Он знал способы обработки металлов, знал секреты строительства крепких каменных зданий и ещё много чего, наверно. Но под старость бросил всё, а также людей, с которыми жил, и ушёл бродить по земле, искать что-то или кого-то... Иногда на него снисходили озарения, и он делал эти свитки, выцарапывая на них свои стихи и пророчества. Секрет этого материала умер вместе с Кифом, хотя он очень похож на смолу деревьев абинко, которой покрывают ткань, чтобы сделать её непромокаемой. Только ткань после этого всё равно горит, а Вечные свитки совсем не горят, да и в воде не тонут. Знаю ещё только, что тело Кифа нашли где-то под обрывом и с тех пор это место называют Кифов нос.

Дверь в каюту открылась – это был Данко, правая рука

капитана:

– Там ангалин за бортом!

– Макс! – я вскочила и понеслась наверх.

Ящер быстро вскарабкался по верёвочной лестнице. Да-а-а... Таких пассажиров «Чёрная медуза» ещё не перевозила. ангалин, горный волк. Сбившись в кучу, команда наблюдала, как рептилоид важно расхаживал по палубе, вертя длинным хвостом, шумно принохиваясь и рассматривая мужчин так, будто это он капитан. В лучах заходящих солнц на его тёмно-серой чешуе плясали розовые блики, а глаза сияли как два огромных, чистейшей воды изумруда.

– Ну и компания вокруг тебя собралась, – прошептал на ухо помощник капитана. – Рассказать кому – не поверят!

– Эх, Данко! – я вздохнула в ответ. – Если бы мне год назад такое рассказали, я бы тоже не поверила.

Макс выполнил задание на отлично. Коробку с формой и штемпелем он спрятал в глубине Белой скалы, но так, чтобы при необходимости можно было быстро найти. Учитывая мой зимний опыт блуждания по пещерам и проходам, сделать это большого труда не составляло, тем более что ангалин подробно объяснил маршрут. Когда я спросила, почему он так задержался, Макс улыбнулся и на глазах у изумлённой команды засиял нежным сиреневым светом. Некоторые буквально ахнули!

Как я ни старалась, но заснуть так и не смогла. Я лежала в той же маленькой каюте, в которой путешествовала на «Ме-

дузе» в первый раз, слушала плеск воды за бортом, сопение Бумера под дверью и крутила в голове мысли о Кифе – четверостишие не давало покоя. И ведь несмотря на неуверенность Дайка в дословном переводе, общий смысл не менялся:

Там, где выход, входа нет,
Лишь кружится звёздный свет (цвет)...
Если хочешь ты войти (уйти),
Бога за руку схвати.

Уже десятый или двадцатый раз я пересказывала про себя это странное стихотворение: «Ают верно заметил, что, где выход, там и вход и наоборот, только тут имелся в виду такой выход, через который нельзя вернуться. Очень похоже, что Киф был таким же, как и я – пришельцем из другого мира. Он также говорил на своём языке, пока не выучил окатанский, и личностью был легендарной, хотя о нём сохранилось не так уж много сведений. И эти Вечные свитки, загадочные головоломки с тайным смыслом. Чувствую, что с Кифом мы земляки... Ведь я и раньше думала о том, что не первая гостья с Земли: до меня был Киф, а может, и ещё кто-нибудь. Получается, что, для того чтобы выбраться отсюда, нужно схватить бога за руку. Интересно, в каком смысле – прямом или переносном?! Хорошо, что не за бороду...» – пришла дурацкая мысль, и я хихикнула.

Бог мне всегда представлялся таким старцем с длинной

белой бородой, в балахоне и с золотым нимбом над всклокоченными сединами. «Бога за руку схвати... – продолжала я размышления. – Есть у меня кое-кто на примете, кто мог бы – вот уверена! – пролить свет на сию загадку, но он сбежал, оставив меня разбираться во всём самостоятельно».

Сопение Бумера сменилось тихим поскуливанием, потом послышалось какое-то движение и шипение Макса:

– Кари? Ты спиш-ш-шь?

Приподнявшись с койки, я откинула щеколду.

– На палубе холодно, – он просунулся в дверь, изображая вселенские страдания. – Я замёрз-з-з...

Я тоже чувствовала, что температура была ещё совсем не летняя, тем более ночью, но лимм служил мне прекрасной защитой от холода.

– Да заползай уж... Я на пол сейчас одеяло постелю. Ложись с Бумером, так вам теплее будет.

И вот только мы обустроились и угомонились в тесной каютке, как на ступеньках послышались шаги и короткий стук в дверь.

– Открыто, Дайк... Ты тоже замёрз? – меня разбирал смех.

Он распахнул дверь и, увидев зелёные глаза Макса и жёлтые Бумера возле моей койки, остановился в узком проёме с фонарём в руке:

– Вижу, все в сборе. И как вы умудрились тут поместиться?

– Не волнуйс-с-ся, тебе тоже месс-ста хватит, – прошипел Макс, зевая во всю клыкастую пасть.

Вот так мы и провели первую ночь на «Медузе» вдали от Тухлого дома: в тесной, маленькой каютке, но вместе.

Глава 3

По заверениям Аютана, плаванье до Гейзы должно было занять около двух недель, и первая половина пути проходила вполне благополучно. Буквально через несколько дней и Макса, да и Бумера все воспринимали спокойно, тем более что мы старались команде не мешать заниматься своей работой. Бумер вёл себя хорошо, правда, не отходил ни на шаг и глухо порыкивал, если кто-то ко мне приближался.

А вот Макс очень скоро стал всеобщим любимцем, так как избавил команду от необходимости ловить рыбу на стоянках. Каждый вечер он уплывал на охоту и всегда возвращался с добычей: то с крупным турманом, мясо которого было очень сочным и вкусным, то с сетью, заполненной морскими рако- и крабообразными, которые, в отличие от земных, имели по две пары клешней – большую и поменьше, и странные хвосты с длинными шипами.

Дайк помогал Тилю на кухне и очень подружился с коком – благодаря медицине им было о чём поговорить. Мне же совсем нечем было заниматься, кроме как смотреть за Бумером, даже от ухода за нашими коняшками меня избавили.

Когда я попыталась прибратся в трюме и почистить стойла, Кул с Найром выпроводили меня наверх со словами, что негоже вот наследнице дома, да и вообще прекрасной богине пачкаться в лошадином навозе. Ничего не оставалось, как идти к капитану и просить разрешения на изучение его библиотеки.

Несколько дней я изучала древние карты и читала большие толстые фолианты, где говорилось о далёких морях за Островным поясом, в которых предкам Аюта давным-давно удалось побывать. Рассматривала примитивные зарисовки морских существ, из тех, что удавалось увидеть или убить, читала описания странных явлений в океане, которым не было никаких объяснений, и пыталась привести многие разрозненные сведения к какому-либо единому знаменателю. Хотя, если честно, всё это было нужно только для того, чтобы не думать о Тане и его исчезновении. Было необходимо чем-то заполнять мозги, чтобы раз за разом не возвращаться к мыслям о нём и не растить обиду и злость, которые словно кактусы или заросли мирга проросли где-то внутри.

Дней через десять после отплытия из Латраса я сидела на носу под треугольным кливером, держа на коленях очень старый толстый фолиант в потёртом кожаном переплёте, и пялилась в море. Погода стояла прекрасная: ясное, чистое, синее небо, хороший попутный ветер, пусть и довольно прохладный, так как двигались мы всё-таки почти строго на север, течение, которое удалось поймать капитану – скорость

у шхуны была очень приличная.

Бу сидел рядышком и увлечённо рассматривал горизонт. Той первоначальной неуверенности от качающейся палубы он уже не испытывал и вполне привык к морскому путешествию. Макс, растянувшись во всю длину, отдыхал у борта после ночной охоты, Ают стоял у руля, Дайк возился с лошадьми в трюме, команда отдыхала и занималась своими делами – море, ветер, прекрасный день...

Я перелистывала пожелтевшие от времени страницы и рассматривала, до сих пор странные, буквы и символы окатанской письменности. Эта была самая старая книга в коллекции Аютана. Она состояла в основном из схем течений и ветров в разных точках побережья, а также снабжена вычислениями, которые Ают толком не понимал, так как никогда не пользовался счётом ангов. Ещё в прошлое плаванье я пыталась разобраться с этой древней системой, но тогда ничего путного не получилось.

Вооружившись стилосом, я принялась разбираться с математической загадкой, но выявить какие-либо закономерности не выходило – слишком много неизвестных чисел. Если в обычной системе счёта мне было в основном всё ясно, то здесь непонятным являлся сам принцип построения числовых значений.

Я долго чёркала на листке, пытаясь уловить хоть какие-то связи, пока рядом не присел Дайк и не устался в мои математические изыскания:

– Вот этот полукруг с двумя хвостиками – семь, а с одним – шесть. А вот это... не десять... – он задумчиво потёр переносицу. – Это... Ну как сказать... Вроде как десять, только восемь... То есть после семи ничего нет, она последняя. Первая – означает «ничего», «пустоту», или, как говорил мой учитель, «абсолют», а конечная цифра в счёте ангов – семь. Всего восемь цифр.

Вытаращив глаза, я смотрела на друга: «Так вот почему до меня всё никак не доходило! Это же восьмеричная система счисления, а не десятичная! Вот же дура!» Хотя мне простиительно – с математикой я никогда особо не дружила. Порывисто обняв Дайка, я чмокнула его в щёку:

– Спасибо! А я, балда, всю голову сломала! Теперь понятно, откуда у счёта ангов ноги растут! А ты откуда знаешь?

Мои вопли разбудили Макса и, открыв глаза, он сладко потянулся.

– Да я толком и не знаю... Сказал, что помнил... Алцелан учил нас немного, так как большинство древних рецептов лекарств и противоядий именно так записаны, однако учитель и сам не до конца всё это понимал.

Короче говоря, с помощью Дайка общую суть я уловила, а также он вспомнил ещё значки, которые обозначали цифры. Я всё записала, и теперь этот старинный фолиант уже не выглядел такой «китайской грамотой».

Сделанное открытие надолго погрузило в размышления. Насколько я знала, на Земле восьмеричную систему ис-

пользовали в программировании, однако позднее заменили на шестнадцатеричную, для большего удобства. Но первые поколения компьютеров и других цифровых систем программировались именно в восьмеричной системе. Помнится, как-то Мозг читал справочник по программированию в моей голове, значит, более подробную информацию можно будет поискать в личной внутренней библиотеке, хотя, к слову сказать, заходить туда совсем не хотелось.

Пока я сидела, подставив лицо теплему свету, а Дайк большой щёткой пытался прочесать роскошную гриву Бумера, отчего тот впадал в блаженный экстаз, Макс проявил интерес к моим исследованиям и листал книгу Аюта. Вдруг он издал какой-то резкий звук, и я открыла глаза. Прижав когтистой лапой уже закрытую книгу, ангалин странно смотрел в пустоту.

– Что ты там увидел? – спросила я и попыталась вытащить толстый том.

– Ничего... – прошипел он.

– Ага, так я и поверила, – и продолжала дёргать, но Макс очень крепко прижимал книгу к палубе. – Я же всё равно узнаю!

– Не с-с-стоит... – и глянул так, что я вздрогнула. – Эту книгу нуж-ж-жно уничтож-ж-жить!

– Да ты что! – я вцепилась в том с другой стороны. – Макс! Отдай! Это не наша книга! Она принадлежит капитану!

Мы трое, Дайк, Бумер и я, непонимающе уставились на

чешуйчатого, а он сверлил нас глазами:

– Не с-с-смей её читать! Я не хочу, чтобы ты это видела!

– Что видела, Макс?! Ты с ума сошёл?! Отдай немедленно!

Наши громкие пререкания заметили и услышали. Глянув на идущего к нам быстрым шагом капитана, Макс сверкнул глазами и прыгнул за борт. Вот же характер! Никогда нельзя быть уверенной, что взбрeдёт ему в голову! Сжимая книгу, я свесилась с борта – ангалина нигде не было видно.

Мы уселись в кружок и принялись листать том, в поисках того, что могло так напугать и разозлить Макса. И только перелистав далеко за середину, в череде пустых страниц, наткнулись на рисунок. Не знаю, что подумали Дайк с капитаном в первый момент, как мы его увидели, но я ахнула! С пожелтевшего, покрытого разводами плотного листа на меня смотрел Чужой! И пусть этот монстр не совсем походил на персонажа известного на Земле фантастического ужастика, однако общего было много.

Рисунок был выполнен очень хорошо, с чёткой проработкой мелких деталей, явно рукой талантливого художника. Картинка даже передавала ощущение злости и ужаса, которое исходило от этого чудовища. Я глянула на Дайка. Он был бледен и смотрел на рисунок расширенными глазами, впрочем, как и капитан. Один Бумер оставался невозмутимым и продолжал пялиться в море.

Я захлопнула книгу. Судя по реакции Макса, именно таким монстром становился ангалин после неудачных превра-

щений. Да-а-а... Увидеть такое в реальности, а не в кино – заклятому врагу не пожелаешь! Первым же порывом было сказать Аютану, что мы поворачиваем назад, ведь за золотом можно и из Латраса выехать, однако я сдержалась, хотя внутри всё кричало и вопило об обратном.

Всучив капитану книгу со словами: «Спрячь и никому не показывай», я схватила Дайка и поволокла в каюту. Оставив Бумера у порога, на случай длинных ушей команды, мы закрылись изнутри. Новая дверь в каютке была толще, прочнее и без щелей, так что можно было хотя бы тихо разговаривать.

– Ты понял, Дайк? Ты понял?! Это же тот самый монстр!

Дайк кивал и, запустив пальцы в волосы, ходил по узкой каюте: четыре шага в одну сторону, четыре – в другую.

– Во что он нас втянул?! – Нянь плюхнулся рядом на койку. – Это же... Это же... Даже слов не могу подобрать! Такое страшилище!!! А зубы, Кари?! Два ряда огромных острых зубов!!!

– Три...

– Ещё лучше! А какого он роста, как думаешь?!

– Да немаленького... Помнишь, Макс говорил, что, когда оно вырвалось, то прежде чем с ним справились, почти половина населения острова погибла. Представь, какая сила, скорость и жестокость!

– Не зря ты сомневалась... Не зря! Я просто представить себе такого не мог! Может, назад повернём?! Если эти «слёзы богов» на такое способны, то зачем их доставать?! А

Макс?! Он же хочет проверить их действие на себе! И он вот в это может превратиться! О-о-о, какой кошмар...

Какое-то время мы молча сидели, пока Дайк не спросил:
– И что делать будем?

Я вздохнула и представила райское поле. Вспомнила, какой ужас испытала тогда, в тот момент, когда почва дрогнула и ноги начали погружаться в тёмную жижу. Вспомнила страх, который практически парализовал и тело, и разум. Тот ужас от осознания, что могу погибнуть не только я, но и Натри, который зависел от меня. Сейчас похожая ситуация, только на кону не одна, не две и не три жизни, а жизни десятков, сотен ангалинов, а может и людей. Если такое чудовище будет на свободе, то... А с другой стороны – иного пути от ангалина к человеку нет, и ящеры верят в это... Вот это задача... А нужно ли? Нужно ли Максу становиться человеком?! А мне? Мне это нужно?!

Дайк обнял меня и прижался лбом к виску:

– Я в состоянии тихой паники... А ты?

Я стиснула тёплую ладонь друга, как бы настаиваясь на принятие решения и размышляя о том, что нет в голове знакомого голоса, который мог поддержать, посоветовать и успокоить, его нет... Теперь мы сами должны во всём разбираться, поддерживать и успокаивать друг друга. Я всё-таки не одна, не одна...

– Во-первых, надо поговорить с Максом, не просто так он себя повёл. Во-вторых, возвращаться в Латрас бессмысленно

– большая часть пути позади, а поменять наши планы мы можем и в Гейзе. В-третьих, мне очень не понравилось, каким вернулся Макс после разговора с Рексом. Отец очень сильно повлиял на него, и я уверена, что от цели добыть «слёзы» ангалины не откажутся и рано или поздно, но они найдут способ добраться до Храма даже без нашей помощи. Нужно быть рядом с Максом и помочь ему разобраться с этой загадкой, если это будет возможно, конечно. Вот и выходит, что нужно придерживаться нашего первоначального плана, а потом отправиться с Максом к Рексу. Теперь мне тоже очень хочется познакомиться с его отцом. Нельзя отступать, пуская такие события на самотёк. Не совсем понимая ситуацию, я... мы... возложили на себя огромную ответственность, и хотя мне очень страшно, даже больше, чем тогда на райском поле, я считаю, что нужно идти до конца.

Дайк ничего не ответил, а просто крепче обнял и уткнулся носом в шею.

Глава 4

Дело близилось к вечеру, а Макс так и не объявился. За ужином я разузнала у капитана подробности о книге. Как оказалось, рисунок этот он никогда не видел, так как ею ни разу не пользовался из-за очень устаревших сведений. К тому же изображение находилось среди чистых страниц, которые занимали около четверти от общего объёма старинного

фолианта. Когда я спросила, откуда же она у него взялась, то он рассказал, что лет шесть или семь назад купил её у рыбаков, которые нашли разбитое торговое судно на одном из островов. Книга от воды почти не пострадала, так как была упакована в непромокаемый мешок, однако когда он начал разбираться, то понял, что пользы от неё не будет, а счёт ангов вообще плохо понимал. Вот с тех пор она и стояла на полке.

Ают пытался выяснить у нас, что же это за рисунок такой, но, по молчаливой договорённости, мы с Дайком ничего ему не рассказали. Я объяснила только, что этот монстр из легенд и сказок ангалинов, и Макс никак не ожидал увидеть его в человеческой книге, вот и разозлился. На что Ают спросил, не сводя с меня глаз: может, я соглашусь принять её в подарок, так как ему она не нужна.

Я заметила, как напрягся Дайк в тот момент, а вот капитан был галантен, вежлив и предупредителен со мной, и не только в этот вечер. Он и до этого часто оказывал мне знаки внимания, хотя прекрасно видел реакцию парня. В конце концов, Дайк не выдержал и, коротко кивнув, быстро вышел. Дверь за ним закрылась, и я отодвинула тарелку:

– Ают, зачем?

Он дотронулся до моих пальцев:

– Ты ведь Дайку не жена... А если любишь, то почему не выходишь за него замуж?

Я убрала руку:

– На это есть причины...

– Какие?

– Не хочу это обсуждать.

– Почему?

– Потому что это никого не касается, кроме нас.

– Прости, – он опустил глаза. – А книгу всё же возьми...

– Лучше я её у тебя куплю, так будет честно.

Капитан рассмеялся:

– Ладно... Пять эре – и мы в расчёте!

– По рукам!

На ночёвку мы стали возле группы высоких конических островов, вершины которых будто острые пики пронзали небо. Отвесные, почти вертикальные скалы создавали какую-то мистическую обстановку. Заходящие светила пронизывали красными лучами промежутки между каменными стенами, и создавалось впечатление, будто мы попали в кровавый колодец. Меняясь с вахты, Данко сказал, что здесь очень хорошее место для ночёвки, так как утром сильное течение подхватит «Медузу» и долго будет нести в нужном направлении.

Уже и солнышки опустились за горизонт, и сияющее ночное небо Окатана расстелило бриллиантовое полотно, и величественный прекрасный Октаэн начал неспешное движение по звёздному куполу, а Макса всё не было. Я сидела у верёвочной лестницы, перекинутой через борт, поглаживала Бумера и рассматривала сверкающую красно-голубую ту-

манность. Безумная красота ночного неба до сих пор повергала в состояние священного трепета.

Послышались шаги по деревянной палубе – из трюма показался Дайк с одеялами:

– Я так понял, спать ты не пойдёшь...

Он закутался в одно, другим укрыл меня и уселся рядом, привалившись к моему боку. Некоторое время мы смотрели в небо, пока я не прервала молчание:

– А книгу я купила...

Дайк хмыкнул и повернулся ко мне:

– И зачем? Ают же бесплатно предлагал...

– Тебе же было неприятно, что он предложил её в подарок. Макс решил книгу уничтожить... Вот отдам, и пусть делает что хочет.

– Но мы же увидели рисунок, какой смысл?

Я глубоко вздохнула и плотнее закуталась в одеяло:

– Вот где его носит? Как бы не случилось чего... Ведь он один в море, без своих соплеменников! А если на него какая здоровенная хищная тварь нападёт?!

Нянь придвинулся ближе и нащупал в одеяле мою ладонь:

– Успокойся и вернётся, ничего с ним не будет.

– Дайк, мне так не по себе... Картинка всё не выходит из головы. Похоже, что именно про этих монстров рассказывается в древних легендах. Только там говорится, что это боги выпустили на Окатан чудовищ, а тут получается, что это ангалины так хотели быть людьми, что принимали «слёзы

богов», и в результате из Храмов выходили вот такие чудовища. Что-то тут не то... Концы с концами не сходятся. Не могли ангалины сознательно, понимая последствия, делать такое...

– Не хочу об этом говорить, – Дайк несколько раз нежно поцеловал меня в висок. – До твоего появления в моей жизни всё было просто, понятно и довольно предсказуемо, а теперь...

– Жалеешь?

– Ни малейшей капельки! – и только потянувшись с очередным поцелуем, как верёвочная лестница дёрнулась и скрежет когтей о доски растревожил тишину ночи.

– Вот никак вас-с-с ос-с-ставить нельзя... – прошипел Макс, нависая сияющим телом.

Я выдохнула:

– А не надо убегать! Мы же ждём тебя! Волнуемся!

– Ага... Ж-ж-ждут они, волнуются... Я вс-с-сё слыш-ш-шал, – он продолжал бурчать, отпихивая недовольно рычащего Бумера и пытаюсь устроиться поудобнее. Потом положил голову мне на колени, глубоко вздохнул всей грудью и закрыл глаза.

Я откинулась на Дайка:

– Всё... Все в сборе и можно спать, хотя до утра уже недолго осталось...

Макс полежал несколько минут, а потом спросил:

– И что? Выяс-с-снения отнош-ш-шений не будет?

– А ты хочешь?

Он смотрел в упор и только ясные, зелёные глаза светились в темноте.

– Помнишь, Максик? Мы когда-то поспорили на желание...

Он резко отвернулся:

– Я думал, что ты забыла...

– Не забыла. Так вот, мой дорогой, я хочу... – и выдержала долгую паузу, – чтобы такого больше не было! Никаких психов, капризов и убеганий в неизвестность! Раз уж так сложилось, что мы вместе, то и нужно быть вместе во всём и все проблемы решать сообща. Ты согласен?

– Соглас-с-сен.

– Вот это и есть моё желание.

– Спас-с-сибо...

– За что?

– За то, что ты рядом. Вы рядом...

Чудовище в книге и вправду было тем самым монстром, в которого превращался ангалин через несколько дней после того, как принимал «слёзы богов». Макс, да и его соплеменники, конечно, никогда не видели его вживую, так как последняя попытка превращения предпринималась около двухсот лет назад, когда Рексом был ещё прадед Макса. Однако современные ангалины прекрасно знали, как оно выглядит, и поэтому когда Макс увидел практически точное изображение, то, как сам признался, испугался... и очень.

Одно дело – знать из рассказов и устных описаний, а другое – увидеть, пусть и картинку.

Если даже изображение навело ужас, и не только на Макса, то что будет, если такой монстр возникнет наяву?! А то, что в него может превратиться Макс, мой Макс! приводило меня в какое-то полуобморочное состояние.

Как мы ни пытались отговорить нашего хвостатого чешуйчатого друга от путешествия в Храм, он не хотел ничего слушать. Правда, клятвенно пообещал, что пока не разберёмся, почему вместо человека получается такой монстр, он к «слезам» не притронется. Для нас осталось загадкой, кто нарисовал жуткую картинку, ведь она находилась в человеческой книге. Ают тоже не мог пролить свет на сию тайну, так как ничего не знал. Я предположила только, что, вероятно, кто-то из людей был тогда на том острове, где происходила трансформация, и видел чудовище собственными глазами. Может, Великий Ангалин Рекс что-либо знает об этом?

Глава 5

Когда до Гейзы оставалось меньше недели пути, я проснулась среди ночи от чувства, что кто-то очень крепко схватил меня за плечо, в том месте, где был браслет. Я вскочила с койки. В каютке, кроме Бумера, никого не было: Дайк остался в кубрике с командой, а Макс где-то на палубе. Чувство сжатия не исчезло – плечо было сдавлено будто жгутом, ко-

гда берут кровь из вены.

Я зажгла лампу, скинула тунику и стянула верхнюю часть лимма. Браслет был чёрным! Опять! Только в этот раз он не жалил меня, а сжимал. Дурной знак! Я попыталась снять его, но он только слегка растянулся и снова сжался с прежней силой. «Странно, что не могу его снять, – я смотрела то на браслет, то на Бумера, который напряжённо сидел рядом и принюхивался. – А может, когда браслет чернеет, его и снять нельзя, пока опасность не минует... Ведь прошлый раз я не пыталась этого сделать».

Я быстро оделась и помчалась на палубу. Тёмным шаром Макс спал у левого борта, а на корме в свете фонарей Кул и Данко несли ночную вахту. Было довольно прохладно, хотя ветра не было – полный штиль. Как только я дотронулась до плотной чешуи, ангалин сразу же развернулся.

– Макс! Браслет почернел! Что-то может случиться! Так уже было перед землетрясением! – затараторила я.

На мои возбуждённые крики прибежали вахтенные. Все трое, Данко, Кул и Макс, принялись разглядывать почерневший подарок Гуна.

– Нужно сказать капитану, – произнёс Данко, – раз ты говоришь, что он чернел перед землетрясением.

Я поставила на уши всех, однако до утра так ничего и не случилось. Браслет не изменился и не снимался, а вся команда сидела на палубе в ожидании неизвестно чего. На утреннюю охоту Макса я не пустила, и он недовольно шлёпал от

одного борта к другому, бурча под нос, что из-за паники, которую я устроила, стаи турманов уйдут на глубину, и мы все останемся без вкусного обеда.

Рассвет окрасил «Медузу» в ярко-оранжевый цвет, когда с верхушки мачты раздался голос одного из матросов:

– Смотрите! Смотрите! – он махал руками, указывая на юго-восток.

В рассветном небе, в том направлении, виднелась лишь белая туманная полоса, и как я ни вглядывалась в горизонт, ничего более не могла увидеть. Макс и Бумер, поставив передние лапы на борт, тоже внимательно смотрели в указанном направлении. Оба усиленно приплюхивались, и стало заметно, как физиономия Макса всё больше и больше напрягается. Вдруг он резко обернулся и завопил на столпившуюся вокруг команду:

– Что вс-с-стали?! Это блуждающ-щ-щее течение! И оно идёт прямо на нас-с-с!!!

Аютан, который стоял рядом со мной и Дайком, вздрогнул и заорал во весь голос:

– Якорь поднимайте!!! Ставить паруса!!!

Со всех ног команда бросилась выполнять приказ. Предпринятые меры не очень-то помогли: ветер был слабенький, а пелена тумана быстро приближалась. Такое природное явление не только я, но и все, за исключением Макса, видели первый раз в жизни. Широкая стена белых бурунов, метров в пятьсот, если не больше, догоняла «Чёрную медузу» и вско-

ре стало окончательно ясно, что нам не уйти.

– Нуж-ж-жно пос-с-стараться удержать ш-ш-шхуну в центре водяной с-с-стены! – взволнованно шипел Макс капитану. – Ес-с-сли будем ближ-ж-же к краям, нас разнес-с-сёт в щепки, а так корабль просто подхватит! Течение относительно безопас-с-сно только в с-с-самой середине, чем дальш-ш-ше в с-с-стороны, тем мощ-щ-щнее воронки, а на самых границах вода перемальывает вс-с-сё – даже панцирных ос-с-сьминов и гигантских кархаронов – в кровавый фарш-ш-ш!

Когда бурлящая стена воды была уже чётко различима и туман от брызг начал закрывать небо, Ают закричал:

– Вниз!!! Все вниз! Сейчас волна ударит!!!

В последний момент, перед тем как над нами захлопнулась крышка люка, я заметила, как капитан, Данко и Макс пытались удержать рулевое колесо. Удар страшной силы обрушился на шхуну. Я прижалась к Дайку и, сама того не ожидая, оказалась у двери в библиотеку. Здесь было тихо и пусто, как и тогда в последний раз. Я села на кушетку и уставилась на письменный стол, за которым никого не было. «Предатель! Гад! Сволочь! Жалкий трус!» – злость накатила, как та волна, что накрыла шхуну. Одно немного успокаивало, что в этот раз к буйству стихии я не имею никакого отношения.

Как я знала из книг, что успела прочитать, блуждающее течение было крайне редким явлением, но чрезвычайно

опасным, по его вине пропало немало шхун в океане, и механизм его возникновения людям был не известен. Немного беспокоило, что вот опять, когда я! на «Медузе», происходит стихийное и крайне опасное событие, словно по заказу. А если бы мы сели на другой корабль? Что было бы?! Или не было?! Но на эти вопросы нет ответов... Тан уверил меня, что это я поспособствовала тому шторму. Но опять происходит явление, которое, похоже, полностью поменяет наши планы, если, конечно, не убьёт, а я точно тут ни при чём.

«Где же ты? Куда ушёл? Зачем? – я автоматически поглаживала поверхность стола, будто это могло заменить потерю внутреннего друга. – Друга? Какой же ты мне друг после этого?! Ну попадись только! Вот уверена я, что мы ещё встретимся! И ты, мой дорогой, объявишься! Если мои догадки верны, то ты где-то здесь... Потому что я не отпускаю тебя... Не отпускаю! Ты слышишь, Тан?! Я не отпускаю тебя!!! Пусть я тебя не вижу и не слышу, пусть не чувствую, но твой образ будет сидеть здесь, в моей внутренней каменной клетке, до тех пор, пока не поговоришь со мной! Ты понял?!»

От удара и звука пощёчины я резко дёрнулась и открыла глаза. Дайк держал меня за плечи и жёстко смотрел прямо в глаза:

– Ты кричала! Кари! Опять?! Он вернулся?!

Я осмотрела тёмный трюм:

– Нет... Не вернулся... Где все?

– На палубе. Нас подхватило и несёт неизвестно куда!

Я поднялась на ноги и закатала рукав свитера:

– Посвети...

Дайк поднёс фонарь. Браслет был серым, а буквы надписи тускло-тускло жёлтыми.

– Похоже, главная опасность миновала, но он ещё не голубой.

– Кари, ты меня пугаешь! Ты сказала ещё в Латрасе, что он ушёл, а почему тогда кричала, что не отпускаешь его?!

– Не думай об этом, – я оправила рукав. – Пошли наверх, посмотрим, что там происходит.

А на палубе творилось вот что. Команда стояла у бортов, уставившись вниз на бурлящую, будто кипящую ключом, воду. Ают держал рулевое колесо, Найр сидел на мачте, а Макс и Данко на носу. Кругом всё в тумане, вернее в мелкой водяной пыли, и видимость не более нескольких метров. Ситуация!

Завидев меня, мужчины обернулись, а Бумер, который всё время был рядом, глухо и злобно зарычал. Кольнуло недоброе предчувствие: «Они меня подозревают... Шторм в Перриколе вспомнили, а теперь вот блуждающее течение...» На ватных ногах я медленно повернулась и поднялась к капитану. Он искоса глянул и тихо произнёс:

– Я опять прогневал великую богиню?

– Ают, я тут ни при чём...

Он хмыкнул, приподняв широкую, тёмную бровь:

– Нас несёт неизвестно куда... Ангалин сказал, что так

может продолжаться очень долго, пока течение не начнёт ослабевать, и в Гейзу мы точно не попадём. Может, сделаешь что-нибудь? Ты же шторм успокоила...

Я молчала, уставившись в одну точку. Сказать было нечего, а убеждать, доказывать, объяснять – бесполезно.

Через каждый час Ают ставил кого-то у руля, так как по указаниям Макса нужно было держаться середины, которая была отличима по значительно меньшему количеству морской пены. Складывалось впечатление, будто мы находимся в гигантской пенной ванне. Скорость потока была огромной, под ногами даже ощущалась мелкая вибрация, словно «Медуза» оснастилась мощным дизельным двигателем.

Трое суток я почти не выходила из каюты. Бумер сидел у двери, и по его рычанию или поскуливанию я понимала, кто приближается. Дайк тоже почти не отходил от меня, а вот Макс дежурил наверху, в надежде заметить какие-либо перемены. Но ничего не менялось: мы всё также находились внутри загадочного водного потока и замечали только смену дня и ночи. Ни неба, ни дневных светил, Раматэи и Эалы, ни звёзд за сплошной пеленой пены и густого, влажного тумана не было видно, поэтому и определить с направлением движения не представлялось возможным.

Страшнее всего было ночью, так как с приходом темноты нас накрывал крошечный мрак, вода кругом ревела и клокотала, и ни свечение Макса, ни все фонари и факелы не давали успокоения.

– Команда, включая капитана, на тебя обижена... – проговорил мой Нянь, протягивая миску с кашей.

Я отмахнулась.

– Надо поесть, – он продолжал настойчиво впихивать в руки ещё тёплую миску.

– Ну пусть выбросят меня за борт, и все несчастья «Медузы» прекратятся...

– Что ты говоришь такое... – парень сел рядом. – Сможешь что-нибудь сделать?

В этот момент очень захотелось разразиться жуткимиругательствами, но я сдержалась:

– Например?

Дайк пожал плечами:

– Не знаю...

– Вот и я не знаю... Чтобы делать что-то, нужно понимать, с чем имеешь дело, а никто толком о блуждающих течениях ничего не знает, даже Макс!

– Не сердись, – Дайк нежно улыбнулся и опять протянул миску. – Поешь...

– Не хочу.

– А для меня?!

Окинув парня взглядом, я сменила гнев на милость:

– Уговорил.

Как только я доела, Бумер заскулил под дверью и в каюту всунулся Макс:

– Выходите, ес-с-сть на что пос-с-смотреть.

Мы поднялись наверх. Плотная водяная пелена немного рассеялась и можно было разглядеть два солнца не слишком высоко над горизонтом. Далеко-далеко впереди виднелся просвет в тумане, «Медуза» находилась будто в коридоре, и нас несло прямо в прозрачную дыру.

– Течение слабеет. Похоже, больш-ш-шая земля близ-з-зко, – прошипел рядом Макс.

– Сможем выбраться? – спросил Дайк.

– Ес-с-сли ветер поз-з-зволит, надо попробовать прос-с-скакочить, пока не с-с-свернуло куда-нибудь.

Команды капитана последовали незамедлительно. Паруса спешно поставили, однако ветер был не настолько силён, чтобы скорость шхуны превысила скорость течения. В этом и была главная загвоздка! После нескольких часов безуспешных попыток поймать хороший воздушный поток, капитан опустил руки:

– Всё, что нужно, так это ветер... Просто сильный ветер и тогда мы выскочим!

Я смотрела на дыру в тумане, которая так и не приблизилась, и боялась... Боялась, что если вмешаюсь, то последствия могут быть катастрофическими, ведь мы неизвестно где и, что там, за туманом, никому неведомо. Присев перед Бумером на колени, я погладила густую чёрно-серую гриву:

– Я попробую, Бу... Попробую.

Волчонок жалобно заскулил, преданно заглядывая в глаза. Крикнув капитану, чтобы все оставались на местах, я за-

крылась в каюте и, прежде чем прилечь, проверила браслет – он был серым, никаких изменений не произошло. Вытянувшись на койке, я закрыла глаза и расслабилась.

Образ райского поля возник быстро, только картинка была под стать реальной окружающей обстановке. Трава была не сине-зелёной, а грязно-серой и медленно перекатывалась под небом в лохматых, рваных тучах. И лишь на противоположной стороне ярким, салатovým пятном виднелось гигантское дерево. Я стояла среди этой промозглой серости и понимала, что мне надо туда, к дереву, а для этого необходимо пересечь поле практически по диаметру. «Нужен сильный ветер, но не штормовой... и направленный чётко в паруса от кормы, значит, дуть он должен мне в спину», – так я подумала и побежала.

Целью забега было дерево-гигант, которое в мыслях являлось символом спасения. Сперва я почти не ощущала движения воздуха, но вскоре холодные потоки начали раздувать одежду, а ноги перестали касаться земли, вернее дрожащей болотистой почвы. Я продолжала бежать, слегка задевая ладонями огромные травяные волны. Казалось, что я бегу очень быстро, но дерево почему-то приближалось чрезвычайно медленно.

Вспомнился мультик из детства, где Алиса должна была очень быстро бежать, только чтобы остаться на месте, а чтобы достигнуть нужной точки, мчаться надо было ещё быстрее. Вот нечто подобное было сейчас со мной. «Тан

учил, что нужно отпустить себя, полностью расслабиться при максимальном напряжении сил. Парадокс, конечно, но иначе никак...» – продолжая бег, я заглотнула ртом воздух и, раскинув руки, закрыла глаза. Я словно зависла в затяжном прыжке, а потом сильнейший поток, как в аэродинамической трубе, толкнул вперёд с такой силой, что на секунду показалось, будто позвоночник вылетит через живот и грудную клетку. Открыв глаза, я увидела стремительно надвигающийся ярко-зелёный гигант, и только коснувшись пальцами шершавой коры, выдохнула и рухнула на землю.

Дверь каюты содрогалась под ударами. Голоса Дайка и Макса, вой Бумера заполнили тесное пространство.

– Топор надо! – выкрикнул Дайк.

– Нет! Не надо! – заорала я в ответ. – Сейчас открою...

Но такое элементарное действие, как откинуть щеколду, сразу выполнить не получилось – я просто не смогла встать. Тело стало ватным, как у тряпичной куклы, словно без костей, и совершенно не подчинялось. Услышав мой голос, Бу сменил пластинку на радостный скулёр, а парни завопили:

– Открывай, Кари! Открой!

– Что за привычка закрываться-ся!

Кое-как я перекатилась на бок, дотянулась до железки и дёрнула, наверно, несколько минут, прежде чем удалось её отодвинуть. Мои мальчики дружно завалились в каютку, всецело заполнив её собой.

– Как ты?! Да ты белая, как твои волосы! – Дайк хватал

меня за руки, прикладывая губами ко лбу, проверяя, нет ли жара, а Макс и Бу, рыча и отпихивая друг друга, пытались прижаться посильнее.

– Ну что там, наверху?

– Мы выбрались, – Нянь продолжал тормозить меня. – «Медуза» выскочила из потока, как пробка из бочки!

– Да! Да! – вторил Макс. – Такой ветер поднял-с-ся! Шхуну так понес-с-сло, еле втроем руль держ-ж-жали! Ают даже боял-с-ся, что паруса с-с-сорвёт!

– То есть всё в порядке?

– В общем, да, если не считать одного... – мы обернулись на голос капитана. Он стоял у распахнутой двери, опираясь двумя руками о верхнюю балку.

– Чего?

– Нашего местонахождения... – и, призывно махнув, потопал к лестнице на палубу.

От слабости меня сильно качало. Не ожидала я, что «вызывание» ветра так отразится на самочувствии – он будто выдул из меня все силы, однако выйти на воздух очень хотелось. С помощью друзей я выползла наружу. Кругом ясный белый день, синее небо с мягкими кучами облаков, туго натянутые паруса рассекающей волны шхуны и... у меня перехватило и так неровное дыхание... огромные айсберги!

Глава 6. Латрас. Через несколько недель после отплытия «Чёрной медузы»

Ранним утром фаэдр Балмаар сидел за столом, проверяя учётные листы. Несмотря на растраты, прибыл большой груз железной руды из Перрикола, оплату лесорубам и строителям, а также авансовые платежи, денег ещё хватало. Прокручивая в утолщённых пальцах стилос, городской глава раздумывал о том, что ещё может понадобиться в ближайшее время. Он перебирал записки, в которых некоторые жители выразили пожелания и просьбы, а также прежние пометки; размышлял, что нужно сегодня или завтра опять собрать городской совет и обсудить некоторые идеи, которые посетили его в последние дни.

«В общем, всё решаемо, – чесал нос Балмаар. – В первую очередь – расширить кузницу или построить ещё одну. Несколько толковых парней напросились к Малахану в ученики, а кузнецы очень нужны – семья Малахана с таким количеством работы уже не справляется. Потом верфь для ремонта шхун – этим давным-давно нужно было заняться, да всё денег не хватало. Капитаны уже столько лет сетовали, что в Латрасе, хоть он и на побережье, никаких условий для длительных стоянок, лишний раз даже останавливаться не хотели, предпочитая плыть в Гейзу. А если верфь строить, то и пристань надо отремонтировать – за зиму штормовые вол-

ны почти её разрушили. Лес для строительства рубят каждый день, да и блоки из белого песчаника нарезают, благо его на двадцать этье от Белой скалы, доставлять только к городу неудобно. А тут ещё и постройка крепостной стены... Люди хотят каменную стену и ворота на двух дорогах – понятно, что так безопаснее. Молодёжь, которая прибыла в город, оказалась очень кстати, и пусть ещё приезжают – работа всем будет».

Поглаживая пышные усы, Балмаар уставился в окно, слушая звуки раннего утра. Стук копыт вывел его из задумчивости, а быстрые шаги на ступеньках заставили подняться с места. Дверь резко распахнулась, и в приёмную влетел Май: – Всадники на северном кордоне! Много! Вооружённые! – Та-а-а-к... – протянул городской глава. – Начинается!

Глава 7. Окрестности Латраса. Кордон на северной дороге

Отряд Карелла, который немного увеличился за время пути, остановился у высокого забора из острых, толстых кольев. Преграда полностью перекрывала дорогу: по одну сторону тянулась непроходимая лесная чащоба, а по другую – скалистая гряда, пересечь которую верхом не представлялось возможным.

«Хорошее место для кордона, – подумал атаман. – Я бы тоже здесь поставил».

На заборе висела вывеска, где было сказано, что Латрас – вольный город, согласно законам древнейших и решению Совета.

– Ну вот и добрались! – пробасил Грас, дёргая поводья и пытаясь сдержать под собой крупного вороного жеребца с длинным отросшим рогом.

У боевых лошадей рога не спиливали – в битве он являлся грозным оружием и часто помогал всаднику. Однако чем длиннее отрастал рог, тем бесстрашнее и агрессивнее становился конь, и требовалась недюжинная сила и сноровка, чтобы с ним управиться.

– Ангалинами пахнет... – Карелл напряжённо осматривался, вдыхая ароматы леса.

– Кем?! – Олли, сидя в седле по левую руку от Атамана, вытаращил глаза. – Здесь?! В лесу?!

Что-либо ответить Карелл не успел. Неизвестно откуда вынырнули четыре ящера и, приняв боевые стойки, неуловимыми, молниеносными движениями выхватили мечи из-за лоснящихся, чешуйчатых спин. Лязгнул металл – всадники вздрогнули. Увидеть их здесь не ожидал никто! Среди воинов послышался ропот и удивлённые возгласы.

– Эй! За забором! – прокричал Атаман. – Я – Кареллан эн Растан! Племянник покойного терра и претендент на трон! Мы приехали с миром! Мне нужно поговорить с наследницей дома Матвэй! Вы должны помнить меня! Я несколько раз приезжал к Дайкарану эн Тайару, вашему лекарю!

Ангалины, по традиции, хранили молчание, застыв без всякого движения, а за преградой слышались голоса и какие-то звуки. Через несколько минут над высокими кольями показались натянутые луки и чей-то голос прокричал в ответ:

– За управляющим уже послали! С ним будешь разговоры разговаривать! Если кто приблизится – стреляем без предупреждения! Отступите!

Карелл кивнул и сделал знак отряду. В ожидании всадники спешили, разминаясь после долгого сидения в сёдлах. Вокруг Атамана столпилась группа воинов, среди которых были Грас, Олли и Лакр.

– Ангалины! Ангалины! – возбуждённо кричали воины.

– Ангалины охраняют город! Да такого отродясь не бывало! – причитал Лакр.

– Верно! Верно! – вторили многие. – Да она и вправду богиня, раз смогла с ящерами договориться! Значит, все слухи – правда!

– Вот бы её ручного волка увидеть! – порывисто воскликнул Олли. – Помните, караванщики рассказывали, что ей служат ангалины и подчиняются горные волки?! Вот это да! Ай да отари, ай да звёздочка! Кто бы мог подумать?!

Атаман стоял среди этого возбуждённого гомона, сложив на груди мускулистые руки – правое плечо оголено, чтобы всем желающим была видна родовая метка дома Растан, дома Великих Террханов на протяжении уже сотен лет. Вои-

ны, раз за разом, поглядывали на четвёрку ящеров, которые, слегка покачивая головами, пристально следили за отрядом. День был безоблачный и ясный – на шкурах рептилоидов мелькали солнечные зайчики от обоюдоострых клинков, зажатых хвостовыми пальцами. Вид ангалинов при полном вооружении, действительно, был устрашающим.

Не прошло и часа, как топот копыт прервал обсуждения, и приезжие обернулись на голос из-за высокого частокола:

– Вели своим отъехать на этье, а сам оставайся! Фаэдр Балмаар поговорит с тобой!

– Но мне нужна наследница! Я к ней приехал!

– Или так, или никак!

– Ладно! Пусть будет по-вашему!

Когда всадники удалились на нужную дистанцию, а пара ангалинов заняла позицию на половине расстояния до отряда, в заборе из вековых сосен открылся узкий проход и упитанный мужчина в кожаных доспехах протиснулся сквозь щель. Один из ящеров приблизился к нему и замер в боевой стойке. Карелл сжал рукоять меча: такого жёсткого приёма он никак не ожидал. И усатый, уже немолодой фаэдр, и ангалин пристально рассматривали его.

– Я помню тебя... – наконец произнёс управляющий. – Ты был в Латрасе. Правду сказал, приезжал к Дайкарану.

– Мы на «ты»?! – Карелл скривился, и шрам на щеке придал его лицу довольно злобный вид, но управляющий и бровью не повёл.

«Молодец, старик! – подумал Карелл. – Держится хорошо, хотя с таким прикрытием бояться нечего и некого».

– Станешь террханом, будем на «вы». А пока для вольного города ты никто, – спокойно ответил фаэдр Балмаар. – Воля Великого Террхана нарушена, убит законный терре.

Карелл хмыкнул:

– Я к этому не имею никакого отношения. Где наследница? Мне она нужна.

– Я – за неё.

– А Дайкаран?

– Его нет в городе.

– Вот как? И где же они?

– Дайк уехал с эрданой Кари. А пути богини только ей и ведомы.

Атаман даже немного растерялся, услышав такой ответ:

– Богини?!

Управляющий молчал, а крупный серый ящер с широкой тёмной полосой от носа до хвоста смотрел, не мигая, яркими, жёлтыми глазищами. Слегка поклонившись, уже спокойным и ровным тоном Атаман произнёс:

– Я не намерен ссориться с наследницей, тем более – богиней. Очень жаль, что не застал её... Но мои воины устали, нам нужен отдых, еда и припасы на дорогу. Если вы пустите нас в город, то я заплачу за всё, что сможете предоставить, и отвечаю за своих людей.

– Какие даёшь гарантии?

– Слово претендента на трон Кареллана эн Растана и... золото, – и достал из кармана увесистый мешочек.

Балмаар усмехнулся:

– Я не пушу в город всех. Твои люди могут расположиться за северной окраиной. Там широкий ручей и хороший выпас для лошадей. За вами будет наблюдать патруль и несколько ангалинов. Вход в город без оружия.

– Согласен.

Место для отдыха, действительно, было хорошим. Широкий луг с молодой, сочной травой, то тут, то там высокие одиночные гуранги, чем-то похожие на земные пирамидальные тополя, вдали несколько новых срубов и ручей за перелеском. Оставив воинов сооружать кострища и ставить палатки, Атаман с остальными членами некогда легендарной «золотой» банды, а также ещё с пятёркой воинов направился в город. Идя через луг, Атаман раздавал последние указания:

– На рожон не лезть, вести себя спокойно. Слушать, смотреть, запоминать. Нам нужна любая информация о нашей дорогой девочке. Может, кто и проболтается, куда они уехали. Но слишком не усердствуйте, не нужно давать лишнего повода к подозрениям, на нас и так будут косо смотреть. Всё понятно?

Мужчины дружно закивали.

Перемены в городе были на лицо. Последний раз Карелл посещал Латрас более трёх лет назад и такие изменения его приятно удивили. Со всех сторон доносились звуки пил и то-

поров; неподалёку от кузницы, из трубы которой поднимался столб дыма, под навесом, лежала огромная куча железной руды, а когда они проходили мимо, то от лязга молотков заложило уши.

У пристани стояло три корабля: длинный и широкий – рудовозка из Перрикола, и две небольшие торговые шхуны. Разгрузка шла полным ходом, а на причале, помимо людей, крутилась парочка ангалинов. Лакр толкнул Карелла в бок:

– Интересно, сколько их? Тут двое, на кордоне четверо...

– Посмотрим... Надо сначала с управляющим толком поговорить. Короче, гуляйте пока. Там дальше по улице таверна Эльма, а мы с Грасом – в городскую управу.

Возле дома Балмаара собралась толпа. Большинство мужчин с оружием, у коновязи около десятка осёдланных лошадей и общая обстановка довольно напряжённая – это Атаман с Грасом сразу почувствовали. При виде их некоторые горожане положили ладони на рукояти коротких мечей, но Карелл слегка кивнул толпе и с невозмутимым видом поднялся на крыльцо.

– Я так понимаю, городской совет в полном составе... – обронил он, переступив порог большой, просторной комнаты и окинув цепким взглядом присутствующих семерых мужчин. На одном из них, коренастом и черноволосом, его взор задержался.

– Здравствуй, Карелл... – медленно проговорил тот вставая. – Тебя сразу и не узнать, столько лет прошло...

– Гай?!

– Гай Голос! – прокричал из-за спины Атамана Грас. – Ты здесь?!

– Как видите!

Услышав вопли и какие-то звуки из приёмной для посетителей, несколько человек с улицы, выхватив мечи, рванули внутрь и застали премилую картину. Гай Голос и двое приезжих, один из которых бритый и очень крупный, а второй – с жутким шрамом через всю щёку, поочерёдно обнимали друг друга, хохоча и хлопая по плечам.

Уже вечером, после того как все вопросы были благополучно решены, Гай, Карелл и Грас сидели в таверне Эльма и соображали на троих.

– Значит, ты к ней приехал... – Гай сделал большой глоток из глиняной кружки.

– Да, но как-то не подумал, что она может покинуть Латрас. Ты правда не знаешь, куда они направились?

Гай покачал головой:

– Никто не знает, можешь даже не стараться выяснять. Отплыли на «Чёрной медузе» в Гейзу, но это не конечная точка, куда поедут дальше – неизвестно.

– И она не испугалась сейчас куда-то отправиться, оставить город?

– Наша звёздочка ничего не боится! – выкрикнул уже немного захмелевший Грас.

– Вы её называете почти так же, как и мы. Звезда, упавшая

с небес... А с городом всё в порядке, сам видишь. С такой охраной здесь самое безопасное место – ящеры прекрасно справляются.

– И ангалин с ними, и волк? – продолжал спрашивать Атаман.

– Да. Надеемся, всё будет хорошо, и они вернутся. Скай, мой старший, до сих пор по Кари сохнет, – Гай грустно улыбнулся. – А как узнал, что они с Дайком всю зиму жили в одном доме, так совсем расстроился. Ну да ладно, что я о своём... Как ты? Столько лет... В голове не укладывается... Значит, решил померяться силами с Элганом и Инзаром?

Карелл тяжело вздохнул, рассматривая зажатую в ладонях кружку:

– Тебе могу сказать, как доброму, старому другу детства... Так далеко заходить я не собирался. Я хотел только одного: очистить своё имя от позора и вернуть Южные прерии, хотя не по моей вине они были потеряны. Хотел террану отомстить. Ну, ты знаешь, за что...

Гай кивнул:

– Понимаю...

– Если бы мои двоюродные братья всё это не затеяли и имели хоть какие-то мозги, то я принял бы нового терра как законного правителя. Но теперь-то всё иначе... Они убили терре, своего родного брата, назначенного наследника, а потом и Лиада с Диаром. Я знаю, что, объявив себя претендентом, очень затягиваю ситуацию, однако не смог поступить

иначе. Никто из них не достоин быть террханом, да и я тоже. Но недавно выяснилось, что у братишек иные планы.

Гай вопросительно уставился на старых друзей:

– Какие?

– Они решили поделить между собой Восточные территории.

– Как поделить?!

– А вот так! Инзар забирает себе юго-запад, а Элган – северо-восток. Мало того, Элган намеревается почти всё северное побережье сдать северянам в аренду на очень большой срок, а это всё равно что продать! Я более чем уверен, что нужно ждать большой войны. На Западе уже знают, что происходит, и как только соберутся силами, войска пустынных восточников вторгнутся на юго-восток, а Инзар вряд ли сможет им противостоять. Вот и представь, Гай, что будет... Год-два и от Восточных территорий ничего не останется. Поэтому мне и нужна Кари... Она связана с ангалинами и, как я уже понял, настолько, что они даже согласились город охранять.

– Они согласились не бесплатно, Кари им хорошо заплатила.

– Заплатила?! Но чем?!

– Золотом, конечно.

Карелл и Грас ошеломлённо уставились на друга:

– А откуда у неё столько золота?!

– Понятия не имею. И даже Балмаар не знает! Но мне показалось, что именно за золотом они и отправились, а где

оно, знает только Кари.

Они ещё долго сидели, обсуждая случившиеся события, делясь мыслями, впечатлениями и воспоминаниями. Ночью Карелл так и не уснул. Мужики дружно храпели в палатках и спальных мешках вокруг костров, а он всё ходил, ходил...

«Моя золотая девочка... Золотая... Вернула Гаю сына, спасла ангалина от казни, вытащила Граса из тюрьмы... Как же много ты успела за это время! Не зря мы вытащили тебя из ямы! Когда же я догоню тебя?! Ты всё время меня опережаешь! И в Маргосе мы разминулись, и в Банкоре, а теперь и в Латрасе. Почему в Гейзу? Почему?! Вот знал бы, так ждал бы тебя там. Куда потом ты поедешь? Чтобы нам, наконец-то, встретиться, я должен опередить тебя, попасть в то место, куда держишь путь, раньше. Только куда? Куда?! О, боги Окатанские! Хранитель, помоги мне! Помоги понять, где искать её! Где ждать мою отари?! Я никогда не верил, не принимал рассказы о богах всерьёз, но теперь... Хранитель Окатана, помоги! Ведь ты должен знать, что война будет! Неужели в том воля твоя, чтобы гибли люди из-за тупости и жадности высокородных идиотов?! Я тоже убивал, ты знаешь... Много убивал... Но я воин и сам выбрал этот путь, и когда придёт моё время, отвечу за всё. Направь меня, ведь я никогда ни о чём тебя не просил! Укажи дорогу! Где искать её?!»

Нежными розовыми лучами рассвет легонько тронул небо, только Атаман, погружённый в тягостные думы, смот-

рел в другую сторону. Туда, где чернота ночи ещё была густой и плотной, – на запад. Ни Элган, ни Инзар не очень-то пугали его. Его беспокоила армада кочевников пустыни, которая, в этом он был абсолютно уверен, уже собиралась за Закатными горами. И пусть пустынники были не настолько умелыми и опытными воинами, но их было много, очень много... Ведь именно они, а не северяне, помогли тогда западному терру победить в битве – северяне были лишь прикрытием. Но к сожалению, он понял это слишком поздно, а после его и слушать никто не стал. Разве мог Совет поверить трусу и предателю?!

Глава 8. Где-то в Северном море

Третьи сутки «Медуза» дрейфовала среди больших и маленьких айсбергов. Одно немного успокаивало – плавное, еле ощутимое течение несло шхуну на юго-запад. Ветра не было. Море спокойно, как хрустальное зеркало, и ледяные глыбы отражались в этой прозрачности практически без искажений. Свежий морозный воздух приятно бодрил, и казалось, будто мы попали в сказку: приближаемся к чертогам Снежной королевы.

Все чувствовали себя вполне нормально. У каждого члена команды был запас тёплой одежды, да и у нас с Дайком тоже. Бумеру же, в его шубе, холода были нипочём, а вот Макс мёрз – из тёмно-серого он стал каким-то дымчатым. Не зна-

ла я, что чешуя ангалинов от холода может настолько изменить цвет. Золото глотать он отказался, сказал, что вполне потерпит и лучше побережь монеты на случай, если возникнет необходимость плавать в ледяной воде.

Какое-то время я наблюдала, как мой чешуйчатый лязгает зубами и сворачивается в шар возле большого медного таза, в котором мужики развели костёр, но после всё же не выдержала и пошла в каюту за одеждой для Макса. Сначала он упирался, скользя по палубе когтистыми лапами, и вопил на весь корабль, что я совсем с ума сбрендил ангалина в человеческие тряпки рядить, но потом, под истерический хохот всей команды, нам с Дайком удалось натянуть на него два вязаных свитера. Один через голову и на передние лапы, другой – через хвост и на задние. У Тиля нашлось несколько крупных булавок и всю эту конструкцию удалось вполне надёжно скрепить. Голову и шею его мы обмотали длинным шарфом, а лапы засунули в вязаные носки, которые имелись у членов команды в избыточном количестве.

Чучело получилось такое, что смотреть на него без смеха никак не получалось! Мне даже показалось, что Бумер тоже смеялся, уж больно довольным наш волк выглядел. Взглядом маленькой, беззащитной зверюшки Макс обозрел себя со всех сторон. Я схватила его за морду и уставилась в большие изумрудные глаза:

– Ты же хочешь быть человеком, а человеку без одежды никак. Так что привыкай...

– Умееш-ш-шь ты ус-с-спокоить, – прошипел он в ответ. – Хотя так, конечно, гораз-з-здо теплее...

Потешались над Максом до самого вечера и в конце концов ангалинское терпение лопнуло. Шерстяным кулем он скатился по ступенькам в кубрик, где парни продолжали громко хохотать, и каждому из наиболее громких шутников сунул по кукишу из хвостовых пальцев прямо под нос:

– Вот вам турманы!!! Вот вам с-с-сладкие крабы!!! Теперь с-с-сами будете рыбу ловить! – и гордо удалился в мою каюту. Ещё зимой я объяснила Максу значение подобного жеста на моей родине, которое ему сразу очень понравилось.

Ещё через несколько дней медленного дрейфа количество ледяных гигантов вокруг значительно уменьшилось и поднялся ветер, который туго надул паруса. Почти целый день мы шли полным ходом и Ают, проштудировав свои карты и справочники, надеялся, что скоро мы должны попасть в течение, которое вынесет «Медузу» в воды, разделяющие Восточные территории и Северные земли. Всё-таки точно установить наше местоположение ему не удалось, хотя с определённой долей вероятности капитан предположил, что блуждающее течение унесло нас далеко на северо-восток.

Ближе к вечеру, когда Макс в обнимку с Бумером клевал носом, а мы с Дайком перебирали наши припасы, на палубе послышались возбуждённые голоса и беготня. И только я собралась выскочить наверх, чтобы глянуть, что там происходит, как кто-то кубарем скатился по ступенькам и забараба-

нил в дверь. Дайк откинул щеколду и к нам ввалился Данко:

– Северяне! Четыре корабля! Кари! Макс! Прячьтесь!

Дайк побледнел и вцепился в меня обеими руками:

– Они заберут тебя, если найдут! Куда прятаться?!

Макс стаскивал с себя одёжку, ругаясь на окатанском:

– Да с-с-снимите с меня вс-с-сё это! Я в море прыгну!

– Они уже близко! Две шхуны идут наперерез! Заметят!

– Да что они мне с-с-сделают?!

– Тебе нет, а нам?! Ангалин на судне! Да где такое вида-но?! Представляешь, сколько может быть вопросов?!

Я сидела на койке, и серьёзность ситуации только-только начинала доходить: «Мы в северных водах, а это их территория и действуют иные законы... Четыре корабля... А северяне всегда тщательно обыскивают чужие суда, и если вдруг находят женщину, то уже неважно, что она может быть замужем и с кучей ребятишек, – её забирают, а также её дочерей, если они на корабле. Мнение супруга или другой какой родни значения не имеет – все знают об этом законе северян и тот, кто окажет сопротивление, будет просто убит. Поэтому уже очень-очень давно женщины Восточных территорий не путешествуют на судах, идущих на Север, если, конечно, сами не желают туда попасть. А насколько мне известно, таких охотниц практически не было, хотя ничего плохого там с ними не происходило, просто обратного хода уже нет».

Данко схватил меня за руку и поволок за собой:

– Макс может в бочке с водой посидеть, а тебя мы на кам-

бузе спрячем. Надеюсь, в плиту Тиля не полезут, она как раз остыла. Дайк, пошли!

Вот уж не думала не гадала, что добровольно в печь полезу! Только мельком удалось заметить два судна, которые приближались с обеих сторон, где были ещё два, не удалось разглядеть. Тиль быстро выгреб угли и, отодвинув шкафчик с кухонным хозяйством, открыл часть очень толстой, задней стенки. Через узкое отверстие удалось протиснуться внутрь, скрутившись в позу эмбриона, а парни ещё и подпихнули под пятую точку, чтобы задвинуть стенку.

От угольной пыли и пепла дышать было почти нечем. Я замерла неподвижно, вдыхая через раз, стараясь не создавать колебаний и так отсутствующего воздуха. «И сколько так лежать придётся?.. – размышляла я, сжимаясь до предела. – Как же выдержать?! Только бы не чихнуть, только бы не чихнуть...» Время тянулось так медленно... Оно будто замерло, застыло, как ледяные глыбы, которые сопровождали нас с тех пор, как блуждающее течение выбросило «Чёрную медузу» из туманного плена.

Когда позади послышалось движение и чьи-то руки начали вытаскивать меня, я была уже в полубоморочном состоянии от угольной пыли, пепла и нехватки кислорода. Пока кашляла и пила воду, вокруг собрался совет из капитана, Данко, Тиля, Макса и Дайка, ну и Бумера, конечно, который жалобно поглядывал на меня и тихонько поскуливал.

– Дело плохо, – проговорил Ают, когда мой кашель пошёл

на убыль. – Хоть сейчас они только по палубе прогулялись да в трюм заглянули, но рассказу про блуждающее течение, похоже, не поверили. Поэтому мы плывём в Тагри под конвоем и досматривать шхуну будут там...

– И скоро мы там будем? – спросил Дайк и похлопал меня по спине, когда я поперхнулась и опять закашлялась.

– Дня три-четыре... Тагри – промежуточный порт на их восточном побережье по пути с Крайнего Севера в Даго. Течение очень далеко нас унесло от нужного маршрута.

– Но ведь Кари найдут... – прошептал Дайк.

– Найдут. И мы ничего не сможем сделать. При досмотре команду и пассажиров, если они есть, выгоняют на берег, а корабль тщательно осматривают, вскрывают даже забитые ящики и бочки, и плита уже не спасёт. А если окажем сопротивление... сами понимаете... Таков договор между Севером и Востоком.

– Но ведь сейчас нет террхана, – вставила я свои пять копеек.

– Ещё хуже! Если захотят, могут совсем не выпустить, и никто никогда не узнает, куда исчезла «Чёрная медуза».

Я сидела на низкой скамеечке, теребя длинные, в угольной пыли пряди, выбившиеся из-под платка, и пыталась найти хоть какое-то приемлемое решение данной проблемы.

– Макс, при первой же возможности тебе нужно исчезнуть с «Медузы», но держаться где-то поблизости, в море ты будешь в безопасности. А вот мне... Раз спрятаться нельзя, то

и не нужно этого делать...

Все дружно на меня уставились.

– Если переодеться в мужскую одежду, повесить меч за пояс, я за парня сойду?

Несколько минут они стояли столбами, наверно, представляя эту картину, пока Ают не ответил за всех:

– Не сойдёшь. Ты забыла, как выглядишь? Глаза, волосы, да и плечи не мужские, хотя...

– А если обрезать?

– Что?! – выкрикнули они в один голос.

– Волосы!

– Как обрезать?! – Дайк даже отшатнулся.

– Совсем коротко и перекрасить, только вот чем?

– Я з-з-знаю чем! – завопил Макс. – Я з-з-знаю!

– Кстати, неплохая идея, – капитан смотрел на меня и улыбался. – Интересно, что из этого получится...

Перевоплощение в сублильного юношу заняло почти весь путь до Тагри. Северяне взяли «Медузу» в плотные «клещи», а вечером на стоянке с большого длинного корабля поступила команда зажечь все фонари и факелы, дабы шхуна была хорошо освещена. Ают скрипел зубами, но подчинился. Я же, подобрав гардероб из своих вещей и Дайка, сначала заставила его помочь перетянуть грудь, что вызвало, конечно, ощутимый дискомфорт, а затем, обмотавшись куском парусины, уселась на колченогий табурет и всучила парню его бритву:

– Режь!

Он дотронулся до моих волос, протянул между пальцев, и я заметила, как дрогнула его рука.

– Дайк! Ты же лекарь! Чего боишься?!

– Да я не боюсь, просто такие красивые волосы, что рука не поднимается.

– Режь давай! – я чуть было не сказала, что «волосы не зубы – отрастут», однако на Окатане эта поговорка была не совсем к месту. У живущих в этом мире росло всё – и волосы, и зубы.

Дайк мучил меня не меньше часа, но когда я глянула на огромную кучу платиновых волос под ногами, а потом в зеркало, то слишком не расстроилась:

– А неплохо получилось...

Дайк вертел в пальцах опаску с деревянной ручкой и искося поглядывал:

– Не раз приходилось это делать, когда нужно было раны на голове зашивать...

Я улыбнулась отражению и, обернувшись, подмигнула парню:

– Только бы помогло!

– Ну пока не очень-то, – он улыбнулся, подправляя бритвой и так короткую чёлку. – Посмотрим, кого там Макс поймает, что за краска такая...

– А как он незаметно за борт прыгнул? Северяне же со всех сторон...

– А его в сеть закрутили и за борт выбросили, рыбачить-то никто не запрещал, также и обратно поднимут.

Макс вернулся на рассвете. Чтобы у наших конвоиров не возникло никаких подозрений, он умудрился загнать в сети несколько очень крупных турманов, и команда упарилась их вытаскивать. Но всё прошло гладко. Ают создал на палубе такую бурную деятельность под видом удачной рыбалки, что Макс спокойно затерялся среди здоровенных туш. А вот наловил он каких-то головоногих, если можно было так назвать этих существ. На первый взгляд, это было нечто среднее между осьминогом, кальмаром и морским червём.

Когда же я получше пригляделась, то вспомнила, что подобные создания обитают и на Земле. Это каракатицы! Правда, их я видела только по телевизору и то несколько раз. Макс подробно объяснил Дайку, как вскрыть этих созданий, чтобы не зацепить внутренний мешок с краской, которую придонные лаци, так их здесь называли, выпускали в тех, кто пытался на них охотиться. Красящее вещество было чрезвычайно стойким и очень долго не смывалось, если попадало на грудную шерсть ангалинов, что служило у них поводом для шуток над неопытной молодёжью.

После всех манипуляций (жуткое слово, когда применяется к живому организму) Дайк принёс миску с чёрной, густой, вонючей жижей. Вот тут мне немного поплохело, а ведь я давно хотела замаскировать слишком светлые волосы, только не думала, что делать это придётся такой гадо-

стью. Весь процесс перекрашивания сопровождался сочувственным скулением Бумера и хихиканьем Макса, который каждые несколько минут всовывался в каюту, наблюдая за процессом и изнывая от любопытства.

Моя стрижка «а-ля бешеный ёжик» и так привела ангалина в очень весёлое настроение, а теперь «бешеный ёжик» превращался в «ёжика-гота-вонючку». Для надёжности мы выдержали на волосах, вернее их остатках, липкую жижу больше часа, а потом столько же смывали – Дайк замучился воду носить. Но результат оказался вполне удовлетворительным. А когда ещё я запихала между дёснами и щеками кусочки мягкой смолы, чтобы хоть немного изменить форму лица, то за спиной раздались аплодисменты – в дверях стоял капитан:

– А неплохо получилось! Вот если бы я не знал, что ты девушка, то...

Я ещё раз глянула в зеркало. Из мутноватого стекла смотрела не прежняя белокурая богиня, а немного несуразный, тощий, но вполне симпатичный, синеглазый юноша с почти чёрными, всклокоченными волосами. Куски смолы за щеками расширили верхнюю часть лица, а короткая, рваная чёлка ещё больше это подчеркнула. Я пристегнула к широкому ремню меч, тот, с которым тренировалась в пещере под Белой скалой, натянула любимые сапоги из крокодила, засунув кинжал за голенище, накинула кожаный жилет Дайка на вязаный свитер и вышла ко всем зрителям, которые в нетерпе-

нии столпились возле каюты.

– Ну как?

Повисла пауза, а потом послышались какие-то звуки, похожие на плохо скрываемые смешки.

– Ну-у-у... – протянул Данко и широко улыбнулся. – Годится! Хотя такое чучело, конечно!

Команда дружно расхохоталась.

– И пусть чучело! Я на парня хоть немного похожа?

– Похожа, похожа... – и капитан хлопнул меня по плечу. – Только помалкивай и держись от северян подальше.

Глава 9

Путешествие под конвоем близилось к концу. В новом обличье я спокойно выходила на палубу, стараясь копировать походку и движения матросов. Айсберги исчезли, а прямо по курсу маячила череда островов. Ают сказал, что за ними большая земля и в Тагри мы будем уже к полудню.

В этом городе северян Аютан никогда не был. Корабли с Востока всегда швартовались в Даго – самом близком порту к Восточным территориям. Однако капитан слышал, что от Тагри до Альдаска или Золотого города рукой подать, всего лишь несколько дней пути вверх по реке. Про Альдаск на Восточных землях ходили удивительные слухи. Говорили, будто город построен из чистого золота, так как стоит на золотых залежах, что берега огромного озера рядом – сплошь

богатейшие драгоценные пески, бери лопату и гребни, что в ясную погоду крыши и стены сияют, как небесные светила.

Ещё рассказывали, будто название Альдаск происходит от имени сына Эалы Альда, которого она родила от Хранителя и, чтобы избежать гнева матери – Раматэи, оставила на земле. И вот поэтому на Севере так много золота. Дом Хранителя также находился где-то здесь: на самом высоком пике гор Акрим, который возносится в небеса так, что вершину увидеть с земли никак невозможно. И только яркий свет, который, как маяк, заметен далеко в море, говорит о том, что хозяин находится в своём сияющем доме из горного стекла. Только того света уже много-много лет никто не видел...

На последней вечерней стоянке я собрала свои женские вещички, поделила деньги, часть которых вручила Максу, и упаковала его заплечную сумку. Всё остальное своё добро, которое могло выдать присутствие женщины на шхуне, а также остриженные волосы пришлось сжечь на камбузе. На лимм рука не поднялась, хоть Дайк и настаивал, я просто замаскировала его верхней одеждой. Макс проглотил сразу два золотых ранда, а остальные спрятал под доспехами. Мы сидели в каюте и смотрели друг на друга.

– Максик, не волнуйся, всё хорошо будет. Ну обыщут шхуну, ну постоим мы несколько дней в Тагри, да и отпустят они нас, никуда не денутся...

Ангалин качал головой и хмурил чешуйчатую морду:

– Предчувс-с-ствие какое-то нехорош-ш-шее... Зачем та-

кой конвой понадобилс-с-ся? Капитан же им с-с-сказал, как всё было, что «Медуз-з-зу» течением так далеко унес-с-сло. Не нравитьс-с-ся мне всё это...

– Вот поэтому ты и нужен нам в море. Ведь северяне не знают про тебя. Ты, Максик, наш козырь в рукаве!

– Ла-а-адно, – он обхватил меня хвостом, ткнулся в щёку носом и смешно сморщился. – Чем от тебя пос-с-следнее время только не пахнет!

– И чем же?

– Да всем! Мной, Дайком, Бумером, Тухлым домом, морем, рыбой, а сейчас-с-с ещё и вонь лацы примеш-ш-шалась. А вот тот, мой любимый аромат, уж-ж-же почти неощ-щ-щутим, так еле-еле...

Не хотелось говорить в такой момент, что запах, который был так привлекателен для моих друзей, был совсем не мой, как я уже поняла. Он принадлежал тому, кто жил внутри меня, а с его уходом всё меньше и меньше ощущался на коже.

– И тебя это расстраивает? – только и спросила я, любуясь глубокой зеленью глаз ангалина.

Макс улыбнулся, показав белоснежные клыки:

– Нет. Для меня давно уже неваж-ж-жно, ни как ты пахнеш-ш-шь, ни даже как выглядиш-ш-шь...

В каюту заглянул Дайк:

– Макс, всё готово.

Мы крепко обнялись на прощанье, и ящер пристально вгляделся в нас:

– Помните, что я вс-с-егда где-то рядом...

Замотанного в сеть Макса выбросили за борт. Похоже, наши конвоиры опять ничего не заподозрили. С ближайшей шхуны крикнули только, куда мы столько рыбы девать будем, если улов опять окажется не хуже предыдущего. На что капитан ответил, что недостатка соли «Чёрная медуза» не испытывает.

Ещё долго я сидела на палубе, вглядываясь в накрывающую море темноту. Вскоре на кораблях северян зажгли фонари и факелы, и в ночной тишине хорошо слышались их голоса, смех и мелодичные звуки какого-то музыкального инструмента.

Глава 10. Латрас. Северная окраина

Грас сидел у костра и медленно чистил запечённый в углях сладкий клубень. Кругом ночь, ряды палаток, из которых доносятся сонные стоны и похрапывания, вдали мелькают факелы дежурных, обходящих лагерь по периметру, и слышится мерное жевание отдыхающих лошадей. Закончив с овощем, Грас глянул на лежащего с другой стороны от костра. Карелл спал. Очень медленно и плавно, чтобы не потревожить спящего, здоровяк подложил в огонь суковатое полено.

«Наконец-то, заснул... – подумал он. – Уже больше часа, наверно. И как он может жить почти без сна? Пусть только

попробуют разбудить! Буду сидеть, пока сам не проснётся».

Он встал, практически бесшумно, достал из мешка ещё одно одеяло и, расправив, прикрыл старого друга. Карелл застонал, перевернулся на спину, но не проснулся. В свете пламени Грас заметил, как шевелятся его губы. «Ка-а-ари...» – послышалось ему, однако не было уверенности, что он не ошибся, хотя слух у Граса был очень тонкий, гораздо лучше, чем у многих. Также тихо он вернулся на место и принялся дуть на ещё горячую тыквокартошку.

А Кареллу снился сон. Тот самый, который он видел уже не раз. Только почему-то никогда не удавалось досмотреть его до конца – каждый раз сон прерывался в одном и том же месте. Карелл просыпался с чётким ощущением, что это не всё – есть продолжение, только никак не получается его увидеть.

Вот и сейчас он видел Кари, сидящую в лесу на поваленном дереве. Она оборачивается и испуганно смотрит на него. А он глядит на неё, потом на себя и думает, зачем в его руках тяжёлый обнажённый меч и каморта? Вдруг девушка бросается бежать. Тогда он швыряет верёвку, которая петлёй падает через неё и стягивает ногу. В голове носятся победные мысли: «вот! наконец-то! я догнал её! поймал её!». Но в этот момент его отари выхватывает кинжал и резким движением рассекает ладонь. А потом кровь... Он видит только кровь, которая льётся на петлю и пузырится, вскипая прямо на глазах! Он понимает, что всё... она опять ускользнула от него

и даже каморта не в силах её удержать!

В ярости он бросается в погоню и бежит, бежит, пока не замечает, что он уже не в лесу – кругом огромное, колышущееся, сине-зелёное райское поле. Ярость и гнев сменяются паническим ужасом от осознания того, что эта бездна всасывает его с неотвратимой силой, и так медленно, будто хочет насладиться каждой частичкой его тела, каждым вздохом, каждой мыслью.

Он поднимает глаза, а вдали стоит Кари и смотрит на него. Он начинает кричать, чтобы она уходила, что она погибнет, и голос срывается в хрипоту, но девушка почему-то улыбается и идёт прямо на него. И чем ближе подходит, тем сильнее поднимается ветер, и она уже не идёт, а будто парит над смертоносным болотом. Карелл смотрит на неё, не в силах оторвать глаз, и... просыпается, каждый раз в этом месте.

Но сейчас что-то случилось, и он не проснулся. Состояние ужаса только усилилось, и Карелл понял, что он ещё во сне. Острая трава, под напором ветра, с силой бьёт по рукам, и он чувствует, как жёсткие, хлёсткие удары разрезают кожу. А Кари идёт... Идёт и улыбается, глядя сверху вниз, и когда оказывается рядом, нависая гигантской фигурой, протягивает окровавленную ладонь:

– Пойдём! Пойдём со мной! Ты всё сможешь, если преодолеешь страх!

А болото тянет, тянет вниз, засасывает, будто пережёвывающая тело... Из последних сил Карелл выдёргивает руку, всю в

грязи и липкой жиже, и хватается за протянутую руку помощи. А потом сильный, тёплый ветер словно поднимает его, и он уже видит райское поле далеко внизу, в форме почти идеального круга, и древо жизни на краю, которое всегда соседствует с ядовитой топью. Он чувствует, что его кто-то крепко держит и несёт по воздуху, но Кари уже не видит. Вокруг какой-то сиреневый свет и голос... тихий, спокойный, только непонятно чей, ведь голос Кари он толком никогда и не слышал. А голос шепчет и даже не в ухо, а прямо в мысли: «Где всё началось, там и закончится... Где началось, там и закончится...»

Карелл проснулся и резко сел. Сон был настолько ярким, что несколько минут он приходил в себя, глубоко и порывисто вдыхая прохладный утренний воздух. У потухшего костра, свесив бритую голову, сидел Грас и, похоже, так и спал. Атаман улыбнулся: «Мой сон сторожил... Спасибо, друг! Зато теперь я знаю, что делать дальше!»

Глава 11. Север. Тагри

Тагри нас удивил, но создалось какое-то двойное впечатление. Мрачный, тёмный город чем-то напоминал Банкор, так как тоже располагался на островах, соединённых меж собой высокими каменными мостами, и каждый клочок скальных пород использовался под какое-либо строение. Необычным было то, что город имел странную округлую форму, и

когда «Медуза» вошла в широкий канал и начала медленное движение против часовой стрелки, у меня появилось ощущение, будто я попала внутрь детской игрушки, когда маленький шарик гоняют по круглой, многоступенчатой пирамидке.

Всё так же, под конвоем, мы двигались к центру этой гигантской каменной спирали. Несмотря на хорошую погоду и чистое, почти безоблачное небо, внутри канала было темно-вато, так как высокие, плотно стоящие друг к другу здания закрывали дневной свет, создавая довольно гнетущее впечатление.

После нескольких часов медленного движения, шхуна плавно вплыла в большое озеро, в центре которого высился остров, сплошь застроенный различными по виду и форме домами. Никакого архитектурного единства в данных застройках не наблюдалось, и можно было бы сравнить этот остров с муравьиной кучей, однако длинные причалы, которые отходили от острова, деля его на чёткие сектора, приносили в общий пейзаж строгую, и я бы даже сказала математическую, структуру.

Мы с Дайком стояли на корме рядом с капитаном, обозревая эту необычную панораму. Одно радовало – здесь было светло, и яркое голубое небо отражалось в спокойной воде. С переднего корабля Аютану подали знак, куда причаливать, и вскоре мы стали на якорь у одного из каменных пирсов. Других шхун, тяжёлых грузовых барж, больших и маленьких

парусных лодок было немного: у каждого причала по два-три корабля, да и народу кругом не так чтобы очень и только мужчины.

Я не знала, что делать с Бумером. Догадаются северяне, что он не собака, а горный волк – непонятно, но и прятать его тоже было бессмысленно. Из широкого ремня я сделала ошейник, который мой волчонок воспринял достаточно спокойно, так как ещё зимой приучала его к хождению на поводке. В дополнение к новой амуниции Тиль нашёл короткую цепь, и она очень красиво подчеркнула пышную гриву моего питомца. Такое дело Бу, конечно, не нравилось, но он стойко терпел ограничение свободы.

На причале капитан одного из конвоировавших нас кораблей, очень высокий мужчина с длинными, рыжеватыми усами, типичный «викинг» из исторического фильма, выставил охрану и, стуча тяжёлыми сапогами, направился к острову. Аютан выглядел довольно хмуро, Дайк – взволнован и насторожен, как и вся остальная команда. Я боялась только одного, чтобы кто-нибудь случайно не проболтался, так как мой внешний вид всё-таки женщину во мне не выдавал – смола за щеками, короткие, тёмные волосы, одежда и оружие сделали своё дело.

Прибытия местного начальства мы ожидали довольно долго, однако забыли главное – придумать убедительную легенду про то, кто мы, что мы, куда и зачем держим путь. Ну никак не могли предположить того, что случилось дальше!

Когда я заметила большую группу рослых, крепких, широкоплечих мужчин, уверенной походкой приближающуюся по длинному причалу, то сердце невольно заколотилось.

Как выяснилось через несколько минут, к нам на борт пожаловал сам тарфарак, то есть мэр или городской глава, а также первый пархонт при дворе террхана Северных территорий. У меня подогнулись колени, и я с силой вцепилась в ошейник горного волка: «Арвид эн Фрейр служил при первом пархонте! Он сказал тогда, в Маргосе, что старший гимнастриан – это я хорошо запомнила...» Но среди делегации, хвала всем богам, Арвида не оказалось. А ведь только он из северян общался со мной настолько близко, чтобы узнать, даже в таком изменённом виде.

Аютану ещё раз пришлось объяснить, почему «Чёрная медуза» оказалась так далеко в запретных, для всех судов с Востока, водах; рассказать про блуждающее течение и про то, как «случайно» удалось вырваться из его плена. Северяне слушали очень внимательно, но по их лицам было непонятно, насколько они поверили.

Пока Ают объяснялся, первый пархонт, а также некоторые его спутники мерно прохаживались вдоль выстроившейся в рядок команды, пристально разглядывая каждого.

– У вас двое пассажиров, – чётким, зычным голосом произнёс градоначальник, седовласый, бородатый мужчина в чёрном плаще, расшитом причудливыми золотистыми узорами. Он остановился напротив нас с Дайком, рассматривая

с ног до головы. – И собака странного вида... Это атакующий пёс?

От такого неожиданного вопроса у меня душа ушла в пятки: «Атакующий?! Почему атакующий?! Что говорить?!» Из-за кома в горле, который надулся в считанные секунды, что-либо ответить я никак не смогла, а вот Дайк, молодец, не растерялся:

– Я, Дайкаран эн Тайар, лекарь из Латраса, а это мой друг Карэн и его питомец, Бумер. Пёс ещё очень молодой, однако задатки отличного охранника у него имеются.

– Эн Тайар... эн Тайар... – задумался тарфарак. – Где-то уже слышал...

Первый пархонт, который стоял рядом, склонился к уху седовласого и что-то зашептал. Брови градоначальника поползли вверх, и он опять уставился на нас:

– Вы ученик Алцелана?! И...?! – Но пархонт дёрнул того за рукав.

Дайк кивнул и исподтишка глянул на меня. Мне тоже показалось, что тарфарак что-то недоговорил – первый пархонт успел вовремя остановить его. Пархонт и глава города перевели взгляды на меня.

– Значит, вы, Карэн, натаскиваете пса для охраны? Вы телохранитель Дайкарана? – спросил тарфарак.

В этот момент у меня в глазах потемнело: «Какой телохранитель?! Я телохранитель?!» Но что-либо ответить не получилось, первый пархонт перехватил инициативу:

– А вам не кажется, Дайкаран, что ваш телохранитель слишком юн, да и слабоват для такой работы?

– Вот все так и думают... – Дайк соврал нагло, уверенно, глядя прямо в глаза северным чинам.

Мужчины в дорогих одеждах переглянулись, и пархонт произнёс:

– Ученик Алцелана, говорите...

– Да. И мне хотелось бы разузнать что-либо о своём учителе, коли так получилось. Он здесь, в Тагри?

Чиновники опять переглянулись, пархонт резко развернулся и, не сказав ни слова, быстрым шагом сошёл с «Медузы». Градоначальник же обернулся к капитану и скомандовал:

– Приготовьтесь к досмотру. Если есть ещё какая живность, вывести на причал. Деньги и другие мелкие ценности можете взять с собой, остальное оставить на местах, – а потом криво улыбнулся и добавил: – Ну что мне говорить, капитан Ают знает правила...

Тот шмон, который северяне устроили на корабле, досмотром врядли можно назвать. Они перевернули всё! В буквальном смысле! Мне даже показалось, что скоро начнут разбирать палубу, чтобы проверить, а не спряталась ли в щелях между плотно пригнанными досками какая-нибудь слишком тонкая девица. Они вскрыли все ящики, проверили все бочки, перевернули сено и солому в трюме, там, где стояли наши лошади, осмотрели каюту капитана и нашу, кубрик

команды, камбуз, даже зачем-то слазили на мачты. Короче говоря, всунули свои носы всюду, где только смогли.

Всё это время команда «Медузы» во главе с капитаном стояла на причале, наблюдая, как шхуна ходит ходуном от таких рьяных поисков. После того как досмотр был окончен, тарфарак спустился по сходням и обратился к капитану:

– Команда может вернуться на шхуну, а вас и этих юношей с собакой прошу за мной. Предлагаю воспользоваться нашим гостеприимством... пока...

Тиль рядом пробурчал:

– Плавали, знаем, что такое гостеприимство северян...

Глава 12

Мы долго шли по узкой и довольно загаженной улице, наворачивая круги между двух-, трёх- и даже четырёхэтажных зданий, сложенных из крупных серых блоков, пока не оказались высоко над пристанью. Впечатление круглой ступенчатой пирамиды, в которой мы будто бы очутились, только усилилось и до меня начало доходить, что такой принцип планировки города не лишён смысла и не так уж и странен, как могло показаться на первый взгляд. Конечно, кратчайшее расстояние между двумя точками – это прямая, однако если рассматривать данную архитектуру с позиции обороны, то как раз именно такая планировка способна остановить нападающего противника, да и задержать убегающе-

го. Как я уже поняла, спиральный канал, по которому можно было попасть к центру города, тоже выполнял подобную функцию. Также мы обратили внимание на очень высокую башню, которая располагалась на этом коническом острове и своей вершиной ещё более усиливала геометрическое впечатление.

Остановились мы во дворе среди узких домов, стоящих практически вплотную. Это была городская управа. Тарфарак ушёл и вскоре вернулся уже вместе с первым пархонтом, а за ними топал высоченный северянин, по габаритам напоминающий Граса. Дайк нервно облизал губы и прошептал мне на ухо:

– Прости... Похоже, я опять тебя подставил. Ляпнул первое, что пришло в голову, идиот...

Я поняла, что они задумали. Местные начальники решили проверить мою состоятельность как телохранителя, и если я облажаюсь, будет хороший повод обвинить Дайка и капитана во лжи. Я стиснула рукоять меча: «Против такого гиганта, да и на мечах никак не выстоять – сноровки и техники не хватит, а вот в остальном...» Огромный северянин остановился рядом с пархонтом.

– Вот один из наших лучших воинов, – улыбаясь, съехидничал чиновник. – Замечаете разницу, Дайкаран?

Нянь открыл было рот, но я перехватила инициативу:

– Конечно, фаэдр, – из-за запиханных за щёки кусков смолы говорить было сложновато, но это только к лучшему –

пришепётывание и картавость изменили тембр голоса. – Разница налицо и такой здоровяк прекрасно закрывает вас своим гигантским телом в случае опасности. Только я из тех, кто предпочитает избегать таких ситуаций и не подпускать противника настолько близко.

У гиганта-северянина отвисла квадратная челюсть, а глаза Тагри сначала нахмурился, а потом расхохотался:

– А ты смелый парень, Карэн! И наглый! Вот сейчас мы и проверим, правду ли вы все нам сказали. А ну-ка...

Мощённый булыжниками двор был достаточно широк и просторен. Пригласив пархонта присесть на скамью и сделав знак охранникам по периметру, тарфарак наклонился ко мне:

– И как же ты защищаешь тех, кто тебя нанимает?

– А вот так! – я выхватила топорик из-за пояса и с силой метнула в небольшую каменную башенку на самой дальней крыше.

Зимние уроки с Таном даром не прошли. За наносекунду до того как топорик оторвался от пальцев, под рёбрами будто лопнул пузырь, и грохот разрушенной башенки перекрыл пронзительный свист летящего рубящего оружия. От мощного удара небольшой, но довольно тяжёлый топор рассыпался на мелкие кусочки, а я, не дав никому опомниться, подскочила к ближайшему охраннику и, вырвав у него короткое копьё, запустила его в кованую вывеску в начале улицы. Копьё ударилось с такой силой, что, порвав цепи, припе-

чатало увесистый кусок металла к ближайшей стене. Древяно копья разлетелось в щепки, а длинный наконечник пробил железо почти насквозь.

Немая сцена длилась несколько минут. Я опомнилась, когда почувствовала, что меня кто-то щупает. Крупный северянин, стоя позади, мял моё правое плечо, как я поняла, на предмет наличия мощных бицепсов.

– Что ты делаешь, Алук? – тихо спросил тарфарак и, аккуратненько так, заступил за его широкую спину.

Здоровяк отдёрнул лапищи, но продолжал рассматривать меня как невероятную диковинку. Все, кто был в тот момент во дворе городской администрации, не сводили с меня глаз. Я понимала, что палку немного перегнула, ну так уж получилось! Однако нужно было избежать боя на мечах с человеком в несколько раз крупнее и сильнее меня и к тому же учившемуся владеть этим оружием с детства, а не как я – несколько месяцев. Было необходимо сразу отбить у северян охоту проверять мои боевые навыки. И, похоже, что это получилось, хотя и довольно разрушительным способом. Я глянула на городского главу:

– Простите, фаэдр. Я компенсирую затраты по ремонту...

Он высунулся из-за плеча Алука:

– Не нужно беспокоиться... Просто капитан заплатит за стоянку в Тагри в три раза больше.

Ают только хмыкнул и закатил глаза.

Вскоре на учинённый мною погром притопало посмот-

реть всё местное чиновничество и не только. Пархонт, оглядев меня с головы до ног, выдал:

– Вот уж не ожидал, что такой нескладный, на первый взгляд, мальчик обладает подобной силой... Чудеса, да и только! А что ещё ты умеешь?

– Из лука неплохо стреляю, фаэдр, – ответила я.

Он долго всматривался в остатки снесённой башенки, а потом спросил:

– Ты совершеннолетний?

– Да.

– А сколько тебе платит твой наниматель? Я могу платить во много раз больше такому, как ты. Сила и скорость, которой ты обладаешь, никак не соответствуют твоему внешнему виду, а это прекрасная маскировка для охранника.

Я чуть не икнула от такого заявления: «Вот только на работу к северному пархонту, да ещё и в качестве телохранителя устроиться не хватало! Да, Кари... Умеешь ты найти приключения, и чем дальше, тем больше! Надеюсь, после такой демонстрации никому из них не сможет прийти мысль, что я женщина. Хотя ведь и парня они могут задержать, если захотят. Как-то такой вариант мы совсем упустили из виду. Но в этом случае и у меня, и у команды будет возможность сопротивляться, даже несмотря на то, что мы находимся на их территории. Закон насильственного удержания касается только женщин».

Пока я размышляла, пархонт ожидал ответа, но так и не

дождался – я молчала как партизан. Тогда он искоса глянул и, как Алук, потрогал меня за плечи:

– Ладно, ты пока, парень, подумай, а мы вынуждены задержать вас.

– Это ещё почему?! – встрял Аютан.

– Завтра прибудет несколько пархонтов. Скоро весенние празднования, а они, по традиции, всегда в Тагри начинаются, если вы, капитан, об этом знаете, конечно. И я бы хотел обсудить всё, что вы нам рассказали, с ними, тем более что в свете последних событий не только на Востоке, но и у нас на Севере появилось много тем для обсуждения. А тут ещё «Чёрная медуза» в наших водах и так далеко от Даго...

– Но пархонт! – капитан был настроен довольно резко.

Северянин поднял ладонь в предостерегающем жесте:

– Спокойно, капитан. Никто не будет вас задерживать, если ваши рассказы о блуждающем течении подтвердятся, хотя... – и он снова глянул на меня и Дайка. – Если бы эти молодые люди решили остаться у нас, то я бы не возражал. Такие парни нам нужны, и ваш учитель, Дайкаран, уже столько лет живёт на Севере...

– А где он? – спросил мой друг.

– Лекарь Алцелан служит при дворе террхана и сейчас он в Альдаске. Если хотите увидеться с ним, тогда стоит повременить с отъездом. Великий террхан Северных территорий прибудет в Тагри через несколько недель и ваш учитель, разумеется, будет в числе его свиты.

Дайк потупился, размышляя над ответом:

– Я подумаю, пархонт...

– Думайте. Пока все свободны... – тон пархонта ясно давал понять, что «пока» – это действительно «пока», и наш статус свободных людей может очень быстро измениться на положение пленников.

Тарфарак сделал шаг вперёд и обратился к нам с короткой речью:

– Капитан Аютан эн Закар несёт полную ответственность за своих людей – всех, кто прибыл на «Чёрной медузе». Команде лучше шхуну не покидать во избежание каких-либо недоразумений.

Ают хмуро кивнул и спросил:

– Но нам нужна вода, уголь, корм для лошадей...

– Можете купить всё необходимое на рынке, но с вами будет ходить несколько охранников.

– Хорошо, – Ают мрачнел всё больше и больше.

– А вот вы молодые люди... – и градоначальник обернулся к нам, ехидно скалясь, – можете погулять по городу. Только если ещё что-нибудь разрушите или, упаси вас Хранитель, затеете драку – отвечать будут все: и команда, и капитан.

Мы спешно покинули городскую администрацию и, возвращаясь к «Медузе», чуть ли не бежали по длинному причалу. Естественно, после того что мы выслушали, ходить в город не было никакого желания. Разрушенной башенки и снесённой вывески с меня было более чем достаточно.

Вскоре в каюте капитана собрался совет. Члены команды были встревожены сложившейся ситуацией, однако Аютану удалось всех более-менее успокоить. Оставалось надеяться, что надолго нас не задержат и всё-таки отпустят. Не давала покоя мысль, а что будет, если нам всё же не поверят? Если не найдётся никаких подтверждений блуждающего течения в северных водах, как тогда быть? Что сделают северяне?! Изменённый внешний вид от опасности застрять здесь меня не избавил. Демонстрация необычных способностей сняла одну проблему, но интерес северян ко мне и Дайку остался.

Пока капитан успокаивал команду, то всё время искоса поглядывал на меня. Мы с Дайком тихонько сидели в углу под полками с книгами, а Бумер лежал у ног. Когда все разошлись, Ают закрыл дверь и, подставив табурет, уселся рядом. Несколько минут он смотрел на нас, потом спросил:

– Кари, ты богиня? Прошу, скажи правду, если я хоть что-то значу для тебя...

Ища поддержки, я глянула на Няня, но он только хмыкнул и отвернулся.

– Ают, я... не совсем богиня. Во всяком случае, не в том смысле, который ты, да и вы все вкладываете в это понятие.

Капитан продолжал испытующе смотреть, ожидая ответа. Собираясь с мыслями, я рассматривала каюту, дощатый пол под ногами, стол, заваленный картами.

– Я родилась не здесь... не на Окатане, – наконец удалось произнести. – Моя родина так далеко от вашего мира, что

это даже представить невозможно. Мой дом там... где-то в небесах... И для меня до сих пор загадка, каким образом я сюда попала. Да, я не такая, как вы... Но у себя дома я была самой обычной и ничем не выделялась, так что моя боже-ственность довольно относительна. Недавно я пришла к выводу, что Киф и я... Короче, похоже, что мы с ним земляки. Он тоже как-то очутился здесь и оставил заметный след в вашей истории. Видно, такая участь уготована и мне. Вот и решай, кто я...

Выслушав мою речь, Ают улыбнулся:

– Вот нечто подобное я и подозревал. Ты управляешь ветром, владеешь оружием так, как мужчины не могут, хотя и женщина. Знаешь такие удивительные вещи, дружишь с ангалинами, воспитываешь горного волка...

Я отмахнулась:

– Очень многому я научилась уже здесь и не без помощи местного населения.

– Прекрасная богиня... – вздохнул капитан.

– Ну, сейчас я не так уж и прекрасна!

Наш дружный смех прервал Данко, заглянувший в каюту:

– Там за деньгами пришли. Сказали, что ты знаешь... – капитан кивнул и, тяжело вздыхая, полез за пазуху.

Два дня прошли спокойно. Со шхуны никто никуда не высовывался, боясь навлечь на себя и остальных какие-либо неприятности. Капитан только с Данко и Тилем сходили на рынок под конвоем и закупили всё необходимое для даль-

нейшего плавания. Городское начальство тоже больше не показывалось, правда, охрана вокруг «Медузы» менялась регулярно – каждые четыре-пять часов.

Кораблей в гавани значительно прибавилось. У соседних причалов расположилось несколько длинных и очень красивых шхун, больше похожих на низкие баржи. Эти деревянные суда были украшены причудливыми, разноцветными узорами вдоль бортов, а также на носу каждого высилась золотая голова ледяного змея на длинной шее. Как мы догадались – это прибыли пархонты с семьями и свитой. Также я насчитала ещё несколько десятков небольших одномачтовых корабликов и более пятидесяти вёсельных лодок. Город готовился к началу весенних празднований.

Тагри, конечно, значительно проигрывал Банкору по количеству населения и, как я узнала позднее, постоянно в городе проживало не так уж и много людей. Большая часть зданий всю осень и зиму пустовала, заполняясь жителями только к середине весны. Холодную пору года люди предпочитали проводить гораздо южнее, в Даго и других городках и посёлках вдоль всего южного побережья Северных территорий. Там было теплее, да и пригодные в пищу культуры, которые выращивались в основном там же, хранились в более подходящих условиях. На юге были достаточно плодородные земли, чтобы получать два урожая за лето, и хорошие пастбища.

Климат Северных территорий был похож на скандинавский, только с оговоркой на то, что год на Окатане длится

шестнадцать месяцев, а не двенадцать, как на Земле, и, соответственно, лето и теплее, и длиннее. Короче говоря, проблема нехватки продовольствия здесь также не стояла, однако климатическая разница была довольно существенна и многие овощи и фрукты, которые в изобилии произрастали на Востоке, здесь плохо вызревали или совсем не росли, и северянам приходилось кое-что импортировать, чтобы разнообразить свой рацион.

Тагри был очень древним городом, единственным сохранившимся со времён древнейших в почти неизменённом виде. Поэтому и весенние празднования начинались именно здесь, а потом поочерёдно проходили в каждом относительно крупном, по местным меркам, городе. Заканчивалось же всё большим карнавалом в Альдаске.

Глава 13. Латрас

– Карелл! Карелл! – встревоженный бас Граса вывел Атамана из дремотного забытья. – Что-то в городе!

Карелл вскочил и, прихватив мечи, выбежал из палатки. Застёгивая на ходу доспехи, он внюхивался в прохладный ночной воздух:

– Лошади осёдланы?!

– Нет ещё!

– Тогда бежим!

Выкрикивая на ходу приказы, он помчался через луг к

городской окраине, за ним Грас, сонный Лакр и ещё человек десять. Когда показались первые крыши, то уже все, а не только Грас, слышали крики, а через минуту их догнали всадники с осёдланными лошадьми. Мужчины вскочили в седла и, ударив в крутые бока рогатых жеребцов, рванули на тревожные звуки, далеко разносящиеся в ночной тишине.

В городе начиналась паника. Несколько горожан успели сообщить, что ангалины сдерживают большой отряд всадников у восточной дороги. Заметив городского главу, пытающегося взобраться в седло, Карелл прокричал:

– Балмаар! Уводите людей!

Фаэдр быстро закивал и всё-таки уселся на упитанного конягу. Атаман никогда не видел сражающихся ангалинов, хотя всегда мечтал об этом. И теперь гнал своего жеребца не только чтобы помочь защитить город, который оказал ему посильную помощь, но и чтобы увидеть своими глазами то, о чём знал только из рассказов.

Различить в темноте количество ночных визитёров не представлялось возможным, однако то тут, то там на мгновение вспыхивающие ящеры помогли хоть как-то оценить обстановку. Заметив подмогу, ангалины моментально рассыпались в стороны, уходя на фланги, и отряд Атамана, выхватив мечи, с громкими криками врубился прямо в нападавших, разделяя их на две половины.

Минут через десять всё было кончено. Ящеры раненых не оставили, а вот из тех, с кем сражались воины Атамана, на-

шлись ещё полуживые. До самого рассвета складывали трупы, залечивали раны и выясняли причины столь вероломного нападения. Раненые молчали, но один, уже умирающий, успел рассказать, что отряд послан Элганом подготовить город к его приезду.

– Хороша подготовка у старшего сына покойного терра... – пробурчал городской глава, закрывая ладонью глаза только что отошедшему к Хранителю пленнику. – А с остальными что делать?

– Решим что-нибудь, но насколько я знаю своего двоюродного брата, он не признается в нападении, – и Карелл сложил руки на груди.

Грас хохотнул:

– Вот он удивится, когда узнает про ангалинов и что взять силой такой маленький городишко не получилось!

Обходя место ночной схватки и рассматривая ещё строящуюся крепостную стену, Карелл задумчиво водил пальцем по шраму на щеке. Стратегия ангалинов поразила его до глубины души: «Ведь как только они нас заметили, то одновременно, не сговариваясь и до этого ничего с нами не обсуждая, приняли единственно верное решение!»

Группа ящеров собралась неподалёку, возбуждённо шипя и присвистывая по-своему. Махнув Балмаару, Карелл направился к ним. Повернув чешуйчатые головы, ангалины уставились на людей. Городской глава поклонился и приложил ладонь к груди:

– Спасибо, вы прекрасно справились.

Ящеры заулыбались, но продолжали молчать.

– Нормально пообщаться не хотите? – Карелл ожидающе уставился на рептилоидов. – Вы же можете с нами говорить...

Один из ангалинов, крупный, серый, с тёмной полосой от носа до хвоста, потянулся к Атаману, усиленно принохиваясь. Потом сделал шаг назад, ухмыльнулся одной половиной клыкастой пасти, но покачал головой.

– Понятно, не хотите... – Карелл вздохнул. – Вы отлично провели схватку, как воин я восхищён.

Ангалины дружно зашипели. Было заметно, что им приятна такая похвала, однако поговорить так и не согласились. Пока решали, как быть с пленными, зашивали трупы в саваны, распределяли дежурства и назначали патрули, день склонился к вечеру.

– А ведь мы собирались сегодня уехать, – проронил Карелл, помогая Гаю укладывать длинные стропила. Постройка нового дома для музыкального семейства подходила к концу.

– Давай закончим, – Гай смахнул со лба капли пота. – Не идёт работа после такой ночи...

Мужчины спустились с недоделанной крыши и присели на распил.

– Думаешь, Элган всё-таки приедет в Латрас?

– Не знаю... – Атаман вытирал руки влажной тряпкой. –

Мы так и не выяснили, сколько их было. Вполне вероятно, что кое-то успел сбежать и братишка уже знает о том, что здесь случилось.

– А как же пленные?

– Балмаар предложил им работать за еду под охраной, конечно. Все согласились. Только я бы... – и Карелл замолчал, отведя глаза. – Я бы от них избавился.

– Ты всегда был излишне жесток...

Атаман криво улыбнулся и шрам на щеке уродливо дёрнулся:

– Это не жестокость... Каждый из них представляет опасность для города. Я дал Балмаару нужные указания, как их содержать и охранять, но никому из этих людей нельзя верить, да и вообще... – В этот момент он подумал, что так до сих пор и не вычислил предателя среди своих, того, кто сдал их сыскарям террхана почти год назад.

По пути к городской управе третий претендент на трон шёл задумчиво, почти не глядя по сторонам. Местные при виде его уже не выказывали неудовольствия, а несколько человек даже отвесили лёгкие поклоны, когда Карелл поднялся на крыльцо. «Во время ночной схватки из местных почти никто не пострадал, так несколько царапин у дозорных. Ангалины сдержали атаку, а там и мы подоспели...» – продолжал он прокручивать в голове ночные события, ожидая Балмаара, который заканчивал раздавать последние указания.

Когда местные разошлись, управляющий подвинул кресло и уселся рядом:

– Может... повременишь пока с отъездом?

Карелл удивлённо-вопросительно глянул.

– Вдруг ещё «гости» нагрянут? – упитанный фаэдр теребил в узловатых пальцах край широкого камзола. – Ангалины молодцы, конечно, только ведь с ними толком не поговорить, не обсудить ничего, а на пальцах объясняться сложно-вато...

Карелл широко, искренне улыбнулся:

– На недельку останемся, поможем и со стеной, и на пристани. Среди моих есть человек десять из Гейзы, мастерские хорошие и воины отличные. Если согласятся, могу оставить их в городе.

Балмаар заулыбался в пышные усы:

– Это было бы очень хорошо! После сегодняшнего понятно, что Элган не настроен договариваться с вольными городами.

Некоторое время они ещё обсуждали оборонительные и хозяйственные вопросы, а потом Атаман засобирался:

– Посты нужно проверить. Я сам всех объеду, не беспокойтесь...

– А ужин?

– Нет, спасибо... – и дружески похлопав городского главу по плечу, вышел из приёмной.

Глава 14. Тагри

На третьи сутки стоянки, на «Медузу» заявили посланники первого пархонта. Нас троих, капитана, Дайка и меня, вызывали в управу завтра к полудню. Почти всю ночь я не спала – не давали покоя мысли о Максе. Где он? Как он? Всё ли с ним в порядке? Получилось ли проникнуть за нами в город?

Сидя на палубе, я вглядывалась в блики на тёмной воде и гладила Бумера, который тоже чувствовал моё беспокойство, так как всё норовил прижаться посильнее, заглядывая в глаза и тоненько поскуливая. Несмотря на глубокую ночь, город не спал. То тут, то там слышались голоса, горели факелы и фонари на кораблях и лодках, а также на длинных, высоких, каменных причалах. Да и на самом центральном острове чувствовалось какое-то движение в виде мелькающих местами огней.

Вскоре притопал Дайк, как обычно, с одеялами:

– Где же Макс может быть?

– Ты тоже о нём думал?

– Да почти всё время, с тех пор как мы разделились. Не хватает его... – и устроился на соседнем мешке с сеном.

– Будем надеяться, что с ним всё хорошо. Море, вода – это его стихия... Только тревога не покидает... Да и что завтра будет? Выпустят нас или нет? А если нет?

– Не думай об этом, – Дайк нежно поглаживал мою ладонь. – Кто ж знал, что так получится, и вместо Гейзы мы окажемся в Тагри...

Рассвет только занимался, когда я открыла глаза. Раннее-раннее утро, а над водой густой туман. Скрутившись калачиком, рядом спал Дайк, а Бумер, как только я проснулась, лизнул в щёку и начал быстро переминаться с лапы на лапу, призывно поглядывая на левый борт. Я встала и, стараясь ступать как можно мягче, свесилась вниз в белую пелену.

Кругом было настолько тихо, что даже плеск воды не нарушал безмятежного утреннего спокойствия. Я пристально вглядывалась в плотную дымку, пока не заметила, как она закружилась маленьким вихрем. Из воды высунулась чешуйчатая голова.

– Максик! – радостно зашептала я и перекинулась с борта чуть ли не вполовину. – Как ты, мой хороший?!

Он улыбнулся во всю клыкастую пасть:

– Вс-с-сё хорош-ш-шо... Я здес-с-сь... Охрана дрыхнет без-з-з задних ног... Я видел, как ночью они прикладывали-с-сь к фляге.

– Ты не слишком мёрзнешь? Мы скучаем без тебя...

Он продолжал улыбаться:

– Не мёрз-з-зну, не волнуйс-с-ся. Какие новос-с-сти? Сколько вас-с-с ещё тут продержат?

– Не знаю. Сегодня к полудню в управу приказали явиться, может, что-то и решится...

– О вас пош-ш-шли с-с-слухи в городе. Я с-с-слышал, как люди говорили, что прибыла ш-ш-шхуна с Вос-с-стока и среди прибывш-ш-ших лекарь – ученик Алцелана, а с ним юноша с небес-с-сными глазами с-с-силы невиданной... Что ты тут уж-ж-же натворила?!

– Ох, Максик... Я только лишь пыталась сделать так, чтобы меня не приняли за женщину, да перестаралась немного: башенку на крыше разнесла да кованую вывеску в стену впечатала.

Мой чешуйчатый друг захихикал, прикрывая хвостом морду:

– Вот нельз-з-зя тебя ос-с-ставлять без прис-с-мотра, никак нельз-з-зя!

– Да ладно тебе...

– Макс! – Дайк свесился рядом. – Я так рад тебя видеть!

– Я тоже! Вс-с-сё, туман рассеивается... Я тут неподалёку, не волнуйте-с-сь за меня, – и, стрельнув в Бумера тонкой, солёной струйкой, исчез под водой.

Мы с Дайком облегчённо выдохнули: Макс здесь и с ним всё в порядке. День начинался благоприятно, однако последующие события довели нас с моим дорогим Нянем до полуморочного состояния, и нам ещё раз пришлось убедиться, что жизнь – штука непредсказуемая и невероятная.

Ближе к полудню капитан, Дайк, я и, конечно же, Бумер сошли с «Медузы» и, в сопровождении двух высоких конвоиров, направились в город. Перед выходом я тщательно

осмотрела себя, чтобы моя внешность соответствовала уже представленному образу. Высокое горло вязаного свитера закрывало шею, скрывая шрам и лимм, плотный кожаный жилет и накинутый поверх короткий непромокаемый плащ неплохо расширяли плечи; любимые высокие сапоги из крокодила, топорик за поясом, меч, пристёгнутый к широкому ремню – всё это вносило необходимую мужественность. А вот мягко ступающий рядом Бумер, которого я держала за короткую цепь вообще придал мне воинственный и весьма угрожающий вид, как успел шепнуть капитан.

Мы шли тем же маршрутом, что и первый раз. Народу кругом было уже гораздо больше. Многие приехали не просто к началу празднований, а на летний сезон, в основном мастеровые и те, кто предпочитал рыбачить и работать на погрузке вместо того, чтобы пахать землю и пасти скот. Тагри был своего рода перевалочной базой между южным побережьем и остальной частью Северных территорий.

Пока мы нарезали круги на пути к администрации, я рассматривала окружающих, а те также пристально рассматривали нас. Позади слышались комментарии: «Вот они... те, с Востока... А парень-то и правда синеглазый... А псина-то, псина какая, прямо волк...»

Я вслушивалась в голоса за спиной, стараясь запомнить слова нового языка. Через некоторое время стало понятно, что язык северян очень похож на общеокатанский, на котором говорили все Восточные территории. Однако, скорее,

это был диалект или наречие, чем самостоятельная языковая форма. Слова были очень похожи, да и значения во многом совпадали, просто произносились по-другому и иначе ставились ударения. Зная окатанский, выучить язык северян не составило бы труда, хотя местное начальство разговаривало с нами на нашем, восточном языке.

Пока я размышляла на лингвистические темы, мы вышли к небольшой площади, от которой до пункта назначения ходьбы было не более десяти минут. Здесь развернулась торговля и, выстроившись гуськом, мы начали протискиваться вдоль лотков и палаток с шикарными мехами и выделанной кожей. Да-а-а! Северяне знали толк в кожевенном деле! У меня рот открылся от такого разнообразия. Какие меха! Какие шкуры! А кожа! Выделка! Ни в Маргосе, ни даже в Банкоре я не видела ничего подобного.

Очень хотелось пощупать, погладить, зарыться носом в бесподобную пушистую красоту, но Дайк, заметив мой живой интерес, предусмотрительно шикнул, чтобы я «захлопнула варежку» и придала лицу более серьёзное выражение. И вот когда это коже-меховое великолепие закончилось, и мы вписались в очередной поворот, из-под низкой телеги прямо мне под ноги бросилось какое-то чудище в грязных лохмотьях и скрюченными, заскорузлыми пальцами вцепилось в щиколотку.

Всё произошло настолько быстро и неожиданно, что никто не успел среагировать, даже Бумер. От запаха гниющей,

разлагающейся плоти я чуть не задохнулась, а мой волчонок, хотя это слово уже не совсем подходило к его габаритам, ошарашенно пялился на ползающее у моих ног вонючее страшилище. Один из конвоиров, здоровый, мощный блондин, резко обернулся, так как топал впереди и, скривив гримасу отвращения, с размаха ударил тяжёлым сапогом этого страшного, заросшего длинными грязными космами человека:

– Пшёл прочь! Не пугай наших гостей!

Я вздрогнула, будто сама получила, а несчастный только охнул и откатился в канаву у мостовой. Капитан наблюдал эту сцену с непроницаемым лицом, а Дайк незаметно сжал мою ладонь и прошептал:

– Это больной алапрой, он неизлечим. Сейчас весна и у него как раз обострение. Лучше обходить его стороной...

– Это заразно? – прошептала я в ответ.

Дайк пожал плечами:

– Точно неизвестно... Алапра встречается редко, а те, кто заболевает, долго не выдерживают таких мучений и сами себя убивают.

Меж тем несчастный в лохмотьях, глухо стоная, поднялся на ноги и, протягивая костлявый палец в мою сторону, завопил во весь голос:

– Люди! Люди! Смотрите! Неужели вы не видите?! Это же Альд! Вечно юный сын Эалы! Глаза! Посмотрите в его глаза! Глаза цвета неба! Глаза цвета неба! В доме Хранителя

вспыхнул свет! Уже многие видели сияние над горами Ак-рим! Вспыхнул свет! Это знак! Хранитель отпустил в мир своего сына! Благословенна будет земля и живущие на ней! Боги вернулись! Вернулись!!! Это Альд! Вечно юный Альд!

Я слушала эти надрывные, режущие слух вопли, стоя столбом и ощущая быстрый и мощный стук сердца под стянутой тугой повязкой левой грудью: «Опять?! И здесь?! Альд?! Сын Эалы и Хранителя?! Да-а-а... По-видимому, никуда не спрятаться от божественной судьбы, и где бы я ни находилась, неважно в каком обличье, избавиться от этого клейма уже не получится».

Вокруг начал собираться народ, разглядывая нас без всякого стеснения, в основном мужчины, но были и женщины и дети, а оборванный, гниющий заживо человек продолжал кричать и махать руками, что «чёртова мельница». Через несколько минут наши конвоиры не выдержали и, грубо расталкивая толпу, повели нас к городской управе. Я обратила внимание, как оба глянули исподлобья и перекинулись парой коротких фраз.

Эта сцена очень плохо подействовала не только на меня. Капитан до этого и так был не в лучшем расположении духа, а теперь совсем стал чернее тучи. Дайк же старался держаться спокойно, только это у него не очень-то получалось. Я слишком хорошо его знала, чтобы не заметить волнения, которое сквозило в каждом движении друга. А вот Бумер был спокоен и, как ни странно, в сторону страшного боль-

ного не сделал ни одного агрессивного движения. Меня это очень удивило – волк даже ни разу не зарычал на него!

Глава 15

Пока мы ожидали в уже знакомом дворе позволения войти, удалось немного успокоиться и настроиться на предстоящий разговор с высокими чиновниками. Вскоре двери открылись и нас впустили. Если внешне большинство зданий и других строений в Тагри выглядело довольно невзрачно: тёмно-серые, иногда рыжеватые камни, то внутренность городской управы просто повергла в шок!

Отделка стен широкими, тёмными деревянными панелями, под ногами пол с причудливой мраморной мозаикой, шикарные гобелены в золотых рамах, удивительные и также золотые настенные светильники с множеством толстых свечей, мебель, обтянутая прекрасно выделанной кожей – всё очень дорого и пафосно, но... удивительно красиво!

Пока мы шли по длинному коридору, сплошь увешанному шкурами незнакомых животных, я всё поглядывала на своего волка, топающего рядом. Его спокойное поведение в момент, когда тот больной рухнул к моим ногам, никак не шло из головы. За время нашего путешествия, да и до этого, ещё в Латрасе, когда я брала Бу с собой в город, он всем демонстрировал, что просто так подойти ко мне нельзя: рычал, вставал в позу, дыбил шерсть вдоль спины до тех пор, пока

я не давала команду успокоиться. На этого же несчастного он никак не среагировал: сначала оторопело шарахнулся, а потом просто приняхивался да моргал жёлтыми глазищами. Странно, очень странно...

Опомнилась я, когда мы остановились в большом зале с панорамными окнами по левой стороне. За длинным, полукруглым столом сидели тарфарак, первый пархонт и ещё трое незнакомцев. Все прекрасно одеты в дорогие наряды со знаками отличия. Я вгляделась в мужчин: «Так-так-так... Ещё два пархонта и гимнастриан, но это не Арвид. Хвала всем богам!»

Как я уже знала к этому моменту, номер пархонта – первый, второй, третий и так далее до восьмого – никакого рангового значения не имел. Все пархонты были равны между собой, перед Великим Террханом и Советом, просто каждый из восьми занимался определённой частью административной работы. Восемь пархонтов составляли этакий кабинет министров и курировали каждый свою область. Таково было государственное устройство на Окатане, и как оказалось, на Севере и Востоке оно было почти одинаковым.

Наши конвоиры отошли назад, а мы остались стоять в центре, как в суде или на допросе. Они молчали – мы молчали. Первый пархонт просматривал какие-то свитки, передавая по очереди остальным. Один из наших конвойных приблизился к тарфарaku, слегка поклонился и тихо заговорил, поглядывая на меня. «Про то, что было по пути, докладывает,

не иначе...» – мелькнула мысль.

Перешёптывания и переглядывания мужчин за столом надолго затянулись. Порядком поднадоело стоять, переминаясь с ноги на ногу. О чём они шептались, понять было нельзя: говорили тихо, да и мы стояли далеко, однако ощущалось какое-то напряжение или волнение на лицах, во всяком случае, мне так показалось. Наконец первый пархонт вышел из-за стола и, сделав навстречу несколько шагов, заговорил:

– Хочу обрадовать вас, капитан. Ваш рассказ о блуждающем течении почти подтвердился. Утром вернулись гонцы, и один из них привёз свидетеля. Рыбацкая шхуна тоже чуть не попала в эту ловушку, но они успели спрятаться за островом... – и пархонт сделал паузу. – Только было это почти четыре недели назад. Вы можете как-то объяснить такую разницу во времени?

Капитан вздохнул и ответил:

– Никто не знает, откуда берутся блуждающие течения, пархонт. Как возникают и куда исчезают... Я столкнулся с ним первый раз, хотя, как вы прекрасно знаете, всю жизнь в море. И я очень рад, что ни моя шхуна, ни команда не пострадали. Возможно, четыре недели назад течение зародилось где-то здесь, сделало огромный круг, подхватило нас и опять вернулось к вашим берегам. Других объяснений у меня нет...

Пархонт усмехнулся:

– Хорошо, капитан. Будем считать, что всё так и было, но

у нас имеется ещё несколько вопросов. Если вы ответите на них и расскажете, что знаете, тогда сможете продолжить свой путь, и никто не будет более вас задерживать.

Аютан хмуро кивнул. Прохаживаясь мимо нашей четвёрки, чиновник задал вопрос:

– Сколько на Восточных территориях претендентов на трон?

– Их двое: Элган и Инзар, но пошли слухи, будто есть и третий и он не сын покойного терра.

– Третий?! – пархонт вскинул брови, а остальные за столом напряглись.

– И кто же он?

– Не знаю. Говорю – это только слухи, ведь претендент должен быть из того же дома, что и Великий террхан.

– Ну это мы знаем, – отмахнулся пархонт. – Дом Растан уже столько поколений держит верховную власть на Востоке.

Мы с Дайком вздрогнули одновременно и быстро переглянулись. В эту секунду мы подумали об одном человеке. Кареллан эн Растан! Дом Растан – дом Великих террханов Восточных территорий! Неужели Карелл вступил в борьбу за трон с сыновьями терра?!

– Ещё знаете что-либо о претендентах? – этот вопрос был адресован всем нам.

Мы дружно покачали головами, а Ают ответил:

– Нет, ничего.

– Кстати, о слухах... – высказался один из пархонтов за

столом: мужчина средних лет с приятным низким голосом. Он встал и широкой, медленной поступью приблизился к нам, заняв место рядом с первым. Очень высок, выше коллеги почти на голову, строен, светло-русые волосы заплетены в короткую косу, еле заметная седина на висках, серо-голубые глаза, правильные черты лица... в общем, красавец. Он осмотрел нас по очереди, задержав взгляд на Дайке.

– До нас дошла молва, будто на Востоке появилась девушкака... – он замолк на несколько секунд, – синеглазая, белокурая и очень красивая. Говорят, что богиня...

У меня спёрло дыхание, а ноги стали ватными.

– Вот у вас, молодой человек... – тут он резко обернулся ко мне, – глаза удивительно синего цвета. Я такого никогда не видел. Скорбный Берк кричал, что вы Альд – сын Хранителя... Это правда?

Ступор на меня напал окончательно: «Что говорить?! Как выкручиваться?! Подсказывать-то некому! Исчез мой суфлёр, испарился в неизвестном направлении! Может, выдать им то, что они хотят услышать?! Что, мол, да... я – Альд. На Востоке своя богиня, а теперь и у вас такое чудо имеется... Где же Мозг?! Как порой его не хватает!»

Однако истошные женские крики и стук в боковую дверь, которая находилась неподалёку от заседающих, временно спасли меня от необходимости ответить. Какая-то женщина не просто кричала, она была на грани истерики:

– Откройте!!! Впустите меня! Райтен! Я знаю, что они

здесь!!! Откройте! Мне нужно его увидеть!!!

Удары в дверь продолжались. Пархонты переглядывались, пока высокий и красивый не спросил у своего коллеги:

– И что делать?

Первый пархонт пожал плечами:

– Твоя жена – ты и решай...

Красавец-пархонт с неизвестным порядковым номером сделал шаг к Дайку:

– Дайкаран эн Тайар, ученик лекаря Алцелана... Вам ведь года двадцать три—двадцать четыре?

Дайк напряжённо кивнул, и я заметила, как он стремительно бледнеет. Сделав шаг к парню, я опустила руку и со всей силы ущипнула его ниже поясницы, чтобы не вздумал рухнуть в любимый обморок. Это помогло: он вздрогнул и еле заметно улыбнулся. Пархонты вздохнули и, сделав знак одному из охранников, отошли в сторону.

Когда дверь открылась, в комнату ворвалась невысокая, симпатичная женщина в длинном, свободном, тёмно-синем платье и в обалденном, ослепительно белом меховом манто, накинутом на плечи. Я сразу заметила, что она беременна: округлый живот выдавался в разрезе многослойного платья. Густые, тёмно-русые волосы собраны в высокую причёску из кос, скреплённых золотыми заколками, на шее красивое ожерелье из голубых камней, в ушах длинные серьги с такими же камушками и маленькими белыми жемчужинами. Очень приятное и доброе лицо, только слишком взвол-

нованное.

Она остановилась напротив, внимательно всматриваясь в лица, а потом шумно выдохнула, глядя на моего друга:

– Ты так стал похож на отца...

Дайк стоял застывшим истуканом, не сводя ошеломлённого взгляда с женщины. Она подошла ещё ближе и дотронулась до шрама на его лбу:

– Ты узнаёшь меня, сынок?

– М-м-мама... – прошептал Дайк заикаясь.

Услышав ответ, женщина покачнулась, и мужчины еле успели подхватить её. «Ну-у-у... обмороки – это точно у них семейное! – подумала я, пока пархонты и Дайк укладывали её на кушетку у стены. – Вот это встреча! Как она здесь оказалась?! Жена пархонта?! А Хилл поехал в Дирму с выкупом! А мать Дайка здесь, в Тагри!» Крепко держа Бумера за цепь, я наблюдала, как женщину приводят в себя. Ают был также удивлён и ошарашен, как и я, а про Дайка и говорить нечего. Он был в шоке!

Слёзная сцена объятий и поцелуев длилась долго. Наконец женщина поднялась, обнимая вновь обрётённого сына, и потащила его за собой:

– Дайки, дорогой... Я так счастлива! Ты так вырос! Ты такой красивый, мой мальчик! Пойдём, увидишь свою сестру! Помнишь Трию?! Нам столько нужно обсудить! Ты должен рассказать мне всё!

Дайк только обалдело кивал, утирая мокрые глаза. Когда

они уходили, в нашу с Аютом сторону он даже не глянул. Красивый пархонт пошёл следом, видно, чтобы поближе познакомиться с пасынком. Мы же с капитаном остались стоять посреди этой большой и красивой залы.

– Да-а-а... Кто бы мог подумать! – проговорил первый пархонт. – Удивительная встреча, не так ли?!

Мы с Аютом кивнули как два китайских болванчика.

– Капитан, вы свободны. Можете отплыть когда угодно, разрешение получите на выходе. Хочу только спросить...

Аютан, который уже блаженно выдохнул и расслабился, услышав подобное заявление, снова напрягся.

– Когда вы были на рынке, то интересовались, нет ли в Тагри желающих купить Вечный свиток...

– Да, спрашивал... – процедил сквозь зубы капитан.

– Так вот. Желающие есть, только хотелось бы увидеть свиток и обсудить сделку в более непринуждённой обстановке. Как вы на это смотрите?

– Не возражаю...

– Тогда приглашаю сегодня на закате в таверну «Звезда Севера», вас туда проводят...

Капитан кивнул:

– Мы можем идти?

– Вы да, а к этому юноше есть ещё вопросы...

У меня закружилась голова: «Это не всё?! Что они ещё хотят?!» Капитан хотел что-то сказать, но сдержался. Я быстро глянула на него:

– Идите, капитан...

Ают резко развернулся и, стуча сапогами, пошёл к выходу. Как только за ним закрылась дверь, остальные – один пархонт, гимнастриан и тарфарак – поднялись с мест и устроили вокруг меня странное кружение, словно хоровод. Друг за другом они несколько раз обошли нас с Бу и остановились.

– Как к вам обращаться? – спросил тот пархонт, который до этого сидел за столом. Это был невысокий, но широкоплечий мужчина, почти полностью седой с глубокими морщинами вдоль носогубных складок и вокруг глаз. На вид он был много старше остальных.

– Как хотите, так и обращайтесь, – набралась я наглости.

– Вы охраняете Дайкарана? – последовал вопрос.

– Нет, вы сами так решили. Мы с Дайком просто друзья.

– А собака?

– Это не собака. Бумер – горный волк, – слова вырвались сами, и только произнеся их, я поняла, что почему-то сказала правду. Может, внутренняя «чуйка» сработала или интуиция какое-то нашла. Северяне удивлённо переглянулись.

– Чудеса, да и только! – воскликнул первый пархонт. – Никогда не видел живого горного волка, да ещё и на цепи!

– И так послушно стоит, – добавил седой чиновник.

Я слегка улыбнулась и важно хмыкнула:

– Воспитание...

Северные чины заулыбались. Видя, что напряжение немного спало, я пошла в атаку:

– А можно вопрос?

– Конечно... – и первый пархонт с готовностью глянул на меня.

– А почему вы обращаетесь ко мне на «вы», ведь изначально такого не было?

Сначала пархонт задумался, а потом ответил:

– Потому что мы не понимаем, кто вы... Если с капитаном, командой и Дайкараном всё понятно, то вы, юноша, личность весьма загадочная. Синие глаза, сила, которой обладаете, чему мы с тарфараком были свидетелями, горный волк, который беспрекословно вам подчиняется... А что бы вы подумали на нашем месте?

Я пожалала плечами, продолжая снисходительно улыбаться и слегка почёсывая Бу за ушами.

– Да и слова Скорбного Берка... Выходит, он не просто так через столько лет опять объявился в Тагри, – проговорил седовласый. – Скорбный Берк не ошибается, его слова всегда истина. Хранитель не хочет забирать его к себе, так как дал ему способность видеть и понимать то, что другим недоступно, но за это обрѣк на нечеловеческие муки.

Я с большим интересом слушала столь занимательные подробности, стараясь запомнить каждое слово, чтобы потом рассказать друзьям, если выберусь отсюда, конечно.

– Ну что ж... – пархонты переглянулись. – Как же вас всё-таки называть?

– Дайк зовёт меня Карэн...

– А вы не боитесь, что мы можем задержать вас, или бросить в яму, или даже казнить? – жёстко спросил тарфарак, и на его лице не осталось и следа улыбок и ухмылок.

– Попробуйте... Только за что? – мой голос не дрогнул. – Разве я нарушаю какие-либо законы или мой волк причинил кому-нибудь вред?

Они молчали, продолжая пристально меня рассматривать.

– Вы свободны, Карэн... – первый пархонт махнул рукой.

Я выдохнула, слегка поклонилась и быстрым шагом направилась через гулкий зал к высокой двери. «Неужели пронесло?! – идя по коридору, я усиленно пыталась сдерживать эмоции. – Похоже, они в замешательстве. Скорбный Берк подкинул «викингам» интересную задачку. Теперь будут думать, кто я, что я, и бояться сделать что-нибудь не то и не так».

Как я уже поняла, здесь, на Севере, к сказаниям о богах относятся гораздо серьёзнее, чем на Востоке. Возможно потому, что дом Хранителя находится на их территории, да и легенда об Альде имеет местные корни. «Этот несчастный, гниющий заживо человек кричал также, что в доме Хранителя вспыхнул свет, – продолжала я размышления. – Хорошо бы получить более подробную информацию об этом явлении...»

Глава 16

К выходу из управы меня сопровождал только один из конвоиров, и он топал впереди, предупредительно открывая двери. Когда мы вышли в просторный холл, высокая входная дверь отворилась и навстречу направилось трое рослых мужчин. Твёрдой, уверенной походкой они приближались, и каждый их шаг отдавался громким эхом. Мой взгляд остановился на мужчине в центре и... завис. Арвид эн Фрейр собственной персоной! Всё-таки судьба была встретиться! А я так надеялась, что шансов столкнуться с единственным человеком на Севере, который может меня узнать, практически нет!

Стараясь ничем не выдать волнения и замешательства, я продолжала идти и смотрела как бы сквозь приближающуюся троицу. Я сосредоточилась на входной двери, думая только о том, чтобы она благополучно закрылась за моей спиной. Когда вошедшие поравнялись с нами, конвойный поклонился и продолжил движение, ну а я за ним с самым невозмутимым видом. «Викинги» глянули на Бумера, потом на меня, но прошли мимо. А через несколько секунд шаги затихли – они остановились и буквально спиной я ощутила их взгляды. Сердце забарабанило в рёбра, а цоканье когтей Бумера о мраморный пол резало слух.

Охранник открыл дверь, и мы с Бу вывалились наружу, толь-

ко легче не стало. Перед входом в управу толпился народ, а на нижней ступеньке сидел Скорбный Берк. Заметив меня, он вскочил и, распространяя вокруг себя жуткий смрад, хрипло закричал в толпу:

– Вот он! Альд!!! Альд!!! Люди! Смотрите! Посланник богов явился к нам! Свет в доме Хранителя – это знак! Смотрите, люди!

Толпа загудела, и слова больного начали повторять. В полном замешательстве я остановилась, не представляя, что делать и как себя вести. От криков и эмоций, направленных в мою сторону, в глазах запрыгали цветные зайчики, а удары сердца начали отдаваться в ушах колокольным набатом. Образ райского поля возник сам собой, только среди сине-зелёной травы мелькали человеческие лица: страшные, уродливые, с выпученными глазами, перекошенные жуткими судорогами... И руки... грязные, корявые, с острыми когтями, которые тянутся ко мне сквозь колышущуюся высокую растительность – я будто увидела ад! От ужаса я зажмурилась и, набрав в грудь воздуха, гаркнула в толпу:

– Молча-а-ать!!!

Ударная волна, словно от взрыва, сбила с ног тех, кто стоял ближе всего. Скорбный Берк кубарем откатился куда-то в сторону, захлопали ставни, что-то где-то попадало, а устоявшие на ногах пригнулись, прикрывая руками головы. Кто-то дотронулся до локтя. Я резко обернулась. Капитан, пригладив растрёпанные волосы, поправлял одежду:

– Я ждал тебя, – он тяжело дышал, глаза блестели, а руки слегка подрагивали. – Умеешь произвести впечатление. Идём...

Пройти сквозь толпу не составило труда. Народ испуганно шараялся в стороны и никто не издавал ни звука. В полной тишине мы прошли через двор и площадь с коже-меховой торговлей. Спиральное устройство Тагри только поспособствовало тому, чтобы мой выкрик разнёсся как можно дальше. Почти вплотную стоящие здания образовали мощный звуковой коридор, и до самой гавани я видела перевёрнутые бочки и ящики, разбросанную солому и испуганные лица.

Пока мы шли, Бумер несколько раз оглядывался. Мы тоже обернулись. Позади, еле поспевая, тащился Скорбный Берк, правда, молча. Только взойдя на палубу, я начала немного успокаиваться. Команда в нетерпении ожидала нашего возвращения, но капитан отмахнулся от всех и чуть ли не бегом помчался в свою каюту. Он вынес бочонок с местным и очень крепким самогоном, который успел прикупить во время похода на рынок. Тиль принёс кружки, но в первую очередь Ают налил мне и себе. Мы залпом выпили и выдохнули. Пока мужики разливали на всех, Данко спросил:

– А где Дайк?!

Капитан плеснул себе вторую порцию и также быстро опрокинул:

– Не поверите!

Пока он максимально подробно рассказывал о хождении в управу, Скорбном Берке, допросе, матери Дайка, которая оказалась не в рабстве на Западе, а здесь, на Севере, и не рабыней, а супругой пархонта – все слушали, открыв рты и забыв про кружки с самогоном. Когда дело дошло до моего слишком громкого выступления, мужики дружно выпили и доложили, перебивая друг друга, что голос они тоже слышали и сразу сильный вихрь, как удар, покачнул все корабли в гавани.

Сидя плотным кружком и зажимая в мозолистых ладонях глиняную тару, все смотрели на меня: Тиль, Найр, Кул, Данко, Гелар, Элам, Кирд, Муркас и Тощий Солан. Я собралась с духом и, поглаживая Бу для успокоения, сказала:

– Да, я богиня... – и после паузы добавила, – в человеческом обличье... уже бессмысленно отрицать.

Мужчины сидели молча, вглядываясь в меня так, будто видели впервые, пока Данко не поднял кружку:

– За нашу богиню!

Подхватив тост, все дружно чокнулись.

До самого вечера я просидела в каюте. Дайк так и не явился, хотя что тут скажешь... После стольких лет встретить маму и сестру – такое счастье выпадает далеко не всем потерявшим родителей в детстве! А вдруг он, вообще, захочет остаться?! Эта мысль крутилась в голове, наполняя глаза слезами: «Если Дайк так решит, то что я смогу поделаться... Это его жизнь и его выбор... Я только порадуюсь за своего доро-

того и давно любимого Няня. Расставаться будет очень больно, но я должна продолжать свой путь, с ним или без него. Нужно выполнить обещание, данное Максусу...»

Тревожные мысли прервал стук в дверь – это был капитан:
– Я в город. Присоединишься?

Он переоделся, побрился и в ярко-красной рубашке под тёмно-серым камзолом, красиво облегающим фигуру, выглядел великолепно. Я покачала головой:

– С меня хватит на сегодня впечатлений. Лучше и ты не ходи...

Он как-то замялся:

– Ты права, зря я всё это затеял. Думал, раз уж мы тут оказались, то смогу отхватить самый жирный кусок за свиток. Золота тут – сама понимаешь... Только поздно уже давать обратный ход. Если не приду, подумают, что струсил. Ну не съедят же они меня!

– Не ходи один, возьми кого-нибудь...

Он только вздохнул:

– В разрешении на отплытие, что дали в управе, сказано, чтобы команда шхуну не покидала.

– Ладно, хоть провожу тебя...

Мы спустились на причал. Неподалёку на голых камнях бесформенной кучей сидел Скорбный Берк. Заслышав шаги, он зашевелился и, бормоча что-то бессвязное и непонятное, начал качаться из стороны в сторону.

– Он что? Тут так и сидел?! – я обернулась к Данко, Тилу

и Кулу, свисающим с борта.

– Да! – выкрикнул Данко. – Как пришёл за вами, так и тут...

Я уставилась на больного. За длинными, грязными космами и такой же бородой было непонятно, есть ли у него вообще лицо. Сквозь дыры в лохмотьях виднелись крупные гнойные язвы, источающие жуткую вонь, костлявые руки покрыты гниющей коркой, а с волос капала какая-то вязкая жидкость. Короче, смотреть невыносимо, да и находиться рядом тоже.

Я проводила Аюта до конца причала. Охранники стояли уже здесь, а не возле шхуны, и как мы догадались, они не пускали желающих увидеть сына Хранителя к «Чёрной медузе». А таких желающих было много! Завидев нас, некоторые начали кричать: «Альд! Альд! Смотрите, Альд!!!» Толпа заволновалась, а воины напряглись, выставив копья. Капитана уже ждали. Коренастый, невысокий и очень блондинистый северянин, почти альбинос, кивнул и пригласил следовать за ним.

Вернувшись на шхуну, я прямиком потопала на камбуз. Набросала в миску что осталось от ужина, нацедила большую кружку пива, отрезала толстый ломоть хлеба и спустилась к несчастному сумасшедшему. Бумер следовал по пятам и как-то странно, словно заинтересованно, поглядывал на этого человека. Тот поднял глаза и прохрипел:

– Сын... сын... Великий сын великого бога... Или всё-

таки дочь?

У меня чуть миска не вывалилась из рук и не пролилось пиво: «Дочь?!» Ноги подкосились, и я опустилась рядом с Берком, протягивая миску:

– Вот, поешьте...

Он взял еду и принялся жадно хватать руками, хотя про ложку я не забыла. Когда он почти закончил и залпом вдул предложенное пиво, то опять глянул на меня. Взгляд карих глаз был цепким, пронзительным и уже совсем не походил на взгляд невменяемого человека.

– Ты возьмёшь меня с собой, – тихо, но внятно и чётко проговорил Скорбный Берк. – Понимаешь, что будет, если откажешься?

От страха, что моя тайна раскрыта, напал такой столбняк, что я смогла только кивнуть и то еле-еле. Вычищая хлебом остатки каши, Берк продолжил говорить:

– Я видел тебя в Маргосе. Ты приехала с караваном Олмана и семьёй Гая Голоса. И что это ты освободила ангалина, я тоже знаю... Я следил за тобой...

У меня совсем в глазах потемнело: «Следил?! Кто этот человек?!» Видя, наверно, мою панику, Скорбный Берк улыбнулся:

– Не волнуйся... Пока ты хранишь мою тайну – я храню твою... Хорошо я придумал внушить всем, будто ты сын Хранителя?!

Я опять кивнула.

– Запомни, девочка... хоть ты, похоже, действительно, богиня... Я богов не боюсь. Одно моё слово и ты застрянешь здесь надолго, если не навсегда, а твои друзья будут гнить в ледяной яме или болтаться на виселице за укрывательство. Выкручивайся, как хочешь, но я должен быть на борту, когда «Чёрная медуза» покинет Тагри.

Буквально секунда и передо мной опять сидел дрожащий, вонючий сумасшедший с трясущимися руками и блуждающим взглядом. Он поднялся, стоная, кланяясь и приговаривая, но так, чтобы было слышно не только мне:

– Спасибо, Альд! Спасибо! Ты снизошёл до самого мерзкого раба твоего! Люди! Альд добр и великодушен! Люди!

С этими словами он потопал по причалу к толпе за цепью охраны.

Я же как сидела, так и не смогла подняться, а просто тупо смотрела Берку вслед: «Он сказал, что видел меня в Маргосе. Знает, с кем я приехала и про Макса тоже... Но я его не помню, и не замечала никакой слежки, кроме Арвида, который шпионил за мной. Если я мельком и видела Берка, то не в таком обличье. Вот это маскировка! Не чета моей! А какое вхождение в образ! А если и Арвид меня узнал? Всё-таки мы общались, пусть и непродолжительное время... Час от часу не легче... Кто же такой этот Скорбный Берк и что он делал в Маргосе? И что он делает здесь? Он хочет, чтобы я взяла его с собой... Но зачем?! Шантажист высочайшего уровня! Получается, что он узнал меня сразу, как только увидел, и при-

думал объявить меня сыном Хранителя, возможно, для того чтобы местные начальники побоялись со мной связываться и препятствовать моим планам. А также, чтобы женщину во мне точно никто не заподозрил. И ведь всё сработало! Я продемонстрировала свои необычные навыки и таким образом, слова Берка подтвердились фактами. Как он мог предположить, что я обладаю кое-какими не совсем обычными способностями?! Ведь в Маргосе я подобного ещё не умела! И ведь ничего не поделаешь... Придётся взять его, но лучше пока никому о нём не говорить... Надо хорошенько подумать... Макса нет, Дайка тоже, капитан ушёл... Один Бу рядом, только с ним не посоветуешься...»

Я глянула на волка. Он спокойно сидел и тоже смотрел на уходящего Берка. Загадочное поведение моего лохматого подопечного не укладывалось в голове. Бумер вёл себя так, словно знал его и притом очень хорошо! Не рычал, не бросался, был спокоен, будто это Дайк или Макс – те, кого он помнит с детства! Что ж... Если Бу так ведёт себя, значит, от Берка не исходит опасности и стоит довериться волчьему чутью.

Глава 17

Дайк явился на рассвете, когда я уже была готова впасть в истерику, потому что Макс тоже не показывался и капитан так и не вернулся. Всю ночь я ходила по палубе, в сотый

или тысячный раз измеряя шагами длину «Чёрной медузы». Разрешение на отплытие мы получили, а тут такие задержки! Я чуть не кинулась Дайку на шею, когда он взбежал по сходням, но вовремя спохватилась: я же всё-таки парень, а не девушка! Мы спустились в каюту, и уже там он крепко обнял меня:

– Нужно немедленно убираться отсюда!

Я открыла рот:

– А как же твоя мама, сестра – твоя семья?!

Он покачал головой и, стиснув мои плечи, заглянул в глаза:

– Моя семья – это ты, Кари... Макс и Бумер...

– Но, Дайк?!

– Кари! Моя мама уже три года как жена четвёртого пархонта Северных территорий. Он выкупил её вместе с Трией, как только увидел в Дирме. Она уже вторым ребёнком от него беременна! У меня теперь и брат есть, а скоро ещё один будет или сестра. Трия меня не помнит, она ведь совсем была малышкой, когда они попали в Дирму. Макс сказал правду! Ангалины не топили их корабль! Они попали в сильный шторм, и если бы не ящеры, то никого бы в живых не осталось. И мама подарила Максу кольцо в знак благодарности за спасение Трии, а отец утонул, спасая их. Моя сестра теперь такая красавица! У неё очередь из женихов до самого Альдаска! Да и Райтен мужик неплохой. Мама им очень довольна. Они счастливы здесь! Я не останусь! Хотя они все вместе

всю ночь меня уговаривали! Главное для меня, что они живы, богаты и прекрасно себя чувствуют! Неужели ты могла подумать, что я расстанусь с тобой... с вами?! Да ни за что!!!

Его страстные слова, горящие глаза, крепкие объятия сделали своё дело – я разревелась. Дайк губами утирал мои слёзы, улыбался потрясающей, моей любимой улыбкой, шептал признания в любви и ласковые, нежные слова, пока я не начала успокаиваться.

– Негоже так рыдать сыну Хранителя!

Я заулыбалась и крепко-крепко прижалась к своему другу.

– Где капитан?

– Ушёл вечером о продаже свитка договариваться, да так пока и не вернулся... – я ещё хлюпала носом.

– А Макс?

– Тоже не показывался, и правильно. В гавани кораблей много, нельзя, чтобы его заметили.

– Понятно... – Дайк уселся на койку, и его лицо приняло серьёзное выражение. – Кари, будет война...

– Война?!

– Мама потихоньку шепнула... Это был её последний аргумент в пользу того, чтобы я остался.

– Но с кем?!

– Она не знает подробности. Сказала только, что Северный терр и пархонты уже положили глаз на всё северное побережье Восточных территорий. Будто кто-то из претенден-

тов, похоже Элган, хочет сдать земли в аренду на длительный срок, а это то же самое, что продать... А ведь есть ещё Инзар, да и третий...

– Думаешь, Карелл?!

– Не сомневаюсь.

Рассказать Дайку о подробностях допроса после его ухода и Скорбном Берке я не успела: на палубе послышался шум и громкие голоса. Внутри всё задрожало: «Что-то случилось!» Я быстро ополоснула лицо холодной водой, запихала за щёки кусочки смолы и растрепала и так торчащие чёрные волосы. Светлые корни были ещё не видны, но нужно было торопиться исчезнуть из Тагри, пока они не настолько отросли, чтобы стать слишком заметными – красить-то уже нечем.

Мы вышли на палубу и мне опять поплохело. Тарфарак, Арвид эн Фрейр и человек десять охраны, в том числе знакомый мне Алук, стояли у борта: вооружённые до зубов, в доспехах, с хмурыми, серьёзными лицами.

– Аютан эн Закар хотел обмануть уважаемых людей, нарушил законы гостеприимства и поэтому арестован! – громко произнёс тарфарак, завидев нас с Дайком на палубе. – Шхуна задержана до выяснения всех обстоятельств!

– Что он сделал?! – выкрикнул Данко. – Я его помощник и в отсутствие капитана выполняю его обязанности. Мы имеем право знать!

Тарфарак злорадно хмыкнул:

– Капитан хотел подсунуть нам подделку, а когда его ули-

чили, устроил драку, пытаюсь сбежать!

– Этого не может быть! – воскликнул Дайк. – Свиток настоящий!

У меня сердце ушло в пятки: «И что теперь делать?! Мы не можем отплыть! Нас не выпустят! Что будет с капитаном?!» Тарфарак обернулся к Дайку, а Арвид – этот красавец «викинг», который ничуть не изменился с момента нашего расставания тогда в Маргосе – буравил меня глазами. «Неужели узнал?!» – сердце колотилось так, что казалось ещё несколько секунд и проломит рёбра.

Я сделала шаг вперёд и ухватила рычащего Бумера за цепь жёсткой рукой: «Пора опять использовать «божественные» способности...»

– Вы уверены в том, что говорите, тарфарак?! – слова загремели над гаванью словно «глас божий». – Это мой капитан!!! И только я буду решать его судьбу!!! – голос был настолько громким, что даже мне заложило уши. Сила звука подняла на воде волнение и все корабли и лодки в гавани закачались.

Северяне шарахнулись, а толпа в конце пирса, которая даже сейчас, ранним утром, ничуть не поредела, а только увеличилась – пала ниц. Вдалеке я заметила Берка, простирающего к «Медузе» поднятые руки, и он вопил что-то, указывая в мою сторону. «Никак помогает... Настраивает людей на нужный лад священного поклонения», – мелькнула мысль.

Переведя дыхание и успокоив волнение райского поля внутри, я понизила голос до более приемлемого человеческого уху:

– Я хочу видеть своего капитана! И хочу услышать его объяснения! Он служит мне, значит, за его проступки я тоже несу ответственность!

Конечно, и это представление впечатление произвело, но было видно, что эффект всё же недостаточен. И тарфарак, и Арвид всеми силами не подавали вида, что громогласные слова подействовали на них так же, как и на остальных. Шагнув навстречу, тарфарак произнёс:

– Значит, Скорбный Берк прав? Ты – Альд, сын Хранителя?!

Я так важно кивнула, что сама обалдела от собственной наглости и величия. Градоначальник вопросительно глянул на Арвида. Тот немного потупился и пожал плечами. Как мне было жаль в тот момент, что я не умею читать мысли! Почему мои странные способности, которые проявились здесь и продолжают развиваться, не без непосредственного участия Мозгового, касаются только физики сплошных сред, а в частности, гидрогазодинамики и акустических колебаний?!

Как постоянно повторял мой внутренний жилец, он учил меня тому, к чему у меня была выраженная предрасположенность в разуме и теле. И именно эти скрытые, заложенные глубоко-глубоко внутри, зашифрованные в генетическом ко-

де силы помогут когда-нибудь достичь небывалых высот развития как биологического существа.

Поначалу подобные высказывания Тана были дикими и непонятными, потом я пропускала их мимо ушей, просто делая то, что он говорил. И только после того как я научилась чувствовать присутствие этой загадочной вселенской энергии внутри себя – начала понимать, о чём же он говорил столько времени.

Вид моего знакомого ещё по путешествию с караваном и Маргосу «викинга» был немного растерянным, но одно было ясно: он что-то подозревает, только неизвестно, озвучил ли он свои сомнения кому-нибудь из северных чинов. Тарфарак изначально был настроен к нам очень жёстко, в отличие от первого пархонта и остальных. У меня даже сложилось впечатление, что если бы мы попали в Тагри в другое время, а не непосредственно перед началом весенних празднований, то все могло сложиться ещё хуже.

– Предлагаю пройти с нами в таком случае... – уже абсолютно спокойно и ровно произнёс тарфарак, – обсудить, что же делать с вашим! (он сделал ударение на этом слове) капитаном...

Дайка со мной не пустили. Не то чтобы его кто-то попытался удержать силой, нет... но Арвид заступил ему дорогу:

– Вам всем лучше остаться на шхуне...

Я обернулась к взволнованному парню:

– Дайк... Нам не нужны неприятности... – и, наклонив-

шпись к самому его уху, шепнула, – у нас есть козырь в рукаве, помнишь?

Он кивнул и отступил на шаг.

Пока мы двигались к месту заключения арестанта, нас сопровождала постоянно растущая толпа из местных, среди которых было довольно много женщин и детей, хотя мужское население всё-таки преобладало. Несколько раз мне протягивали младенцев, как я поняла – для благословения. Хромые, кривые и другие убогие громко и слёзно просили об исцелении, а некоторые шептали какие-то молитвы.

Находясь в толпе, Скорбный Берк прекрасно руководил этим, казалось бы, стихийным сборищем. Я шла за тарфарарком и думала: «Неужели они не понимают с кого, как говорится, свет горит?! Таким умением манипулировать массами можно только восхититься. Больной, юродивый, обиженный жизнью, а как он ловко настраивает людей! Как внушает нужные мысли, играет на желании чуда! Потрясающе! Как хорошо, что он хочет сбежать отсюда и поэтому пока на моей стороне. Только почему Берк выбрал «Чёрную медузу» для своих целей? Неужели не было других кораблей на Восток? Хотя, стоп... Мы в Тагри, а не в Даго – здесь их и не могло быть!»

Аютана я застала в довольно плачевном виде. За городской управой, гораздо выше по улице находилось нечто вроде полицейского участка с камерами временного содержания. Ают сидел в одной из них за решёткой с огромным фо-

нарём под глазом, рассечённой губой, в разорванной одежде и сильно сбитыми костяшками крепких кулаков. Судя по виду, он до последнего не сдавался.

В том, что это какая-то провокация или хитроумная комбинация, я уже не сомневалась. Загадкой оставался план северных чиновников, чего конкретно таким образом они хотели добиться, но вскоре всё стало понятно. Завидев нас с Бумером, Ают вскочил и вцепился в разделяющий нас металл:

– Они хотят задержать тебя! Северу тоже нужен свой живой бог!

Я хмыкнула: «Так вот в чём дело! Зависть! Только ослеплённые своим золотом, они, наверно, забыли, что с богами лучше дружить, а не ставить им палки в колёса!»

Тарфарак долго и нудно втюхивал мне историю с попыткой Аютана продать поддельный Вечный свиток. Он в таких мелких подробностях описывал детали, кто что сказал, что сделал, как посмотрел, что я начала злиться. В конце концов, он дал слово капитану, который, вжимаясь в решётку, в несколько предложений вместил суть конфликта.

Как я и думала, его подставили и, похоже, только для того, чтобы выманить меня, чтобы я пошла с ними добровольно. Арвид всё это время молча сидел в углу и не сводил с меня глаз – мои синие очи явно не давали ему покоя. А меж тем с улицы всё громче и громче доносились крики людей, желающих поклониться сыну Хранителя. Также я улавливала

слова Берка о том, что богов нужно бояться, почитать и исполнять их волю.

Содержание свитка, а также его внешний вид я помнила прекрасно. Когда тарфарак положил передо мной на грубо сколоченный стол скукоженный рулончик, мне стало смешно:

– Это не тот свиток. У капитана был настоящий, когда он уходил с «Медузы». Я могу даже пересказать его содержание, а то, что вы подсовываете, не имеет к Вечному свитку никакого отношения.

Тарфарак победно улыбнулся:

– Вот про это я и говорю! Ваш капитан пытался обмануть нас!

– Но ведь вы слышали его объяснения. В таверне свитки подменили, и он знает, кто мог это сделать.

– Это ложь! – воскликнул тарфарак. – Мы опросили всех! Ничего подобного не было!

«Ясно... Чтобы я не говорила, всё будет бесполезно. Они хорошо подготовились, а если начну вдаваться в детали, то разбирательство может затянуться до бесконечности», – я лихорадочно искала выход.

– Как вы собираетесь наказать его?

Арвид с тарфараком переглянулись.

– Ну-у-у... – протянул градоначальник.

Похоже, об этом они пока не думали, и я продолжила наступление:

– Что вы хотите за его свободу?

Они опять переглянулись, и тут в разговор вступил Арвид:

– Кто-то должен понести наказание... Так как он чужак, то разбирательство надо проводить при Совете терра, а наш великий правитель, да и Совет пока находятся в Альдаске...

Решение пришло быстро:

– А если я отправлюсь в Альдаск вместо него и приму на себя то, в чём вы его обвиняете, хотя это не доказано и, грубо говоря, притянуто за уши? А «Медузу» вы отпустите и притом немедленно. Вы ведь именно этого добиваетесь?!

В тот момент я уже не думала о том, что все мои усилия вырваться отсюда могут пойти прахом. Я хотела только, чтобы всех выпустили из Тагри живыми и невредимыми и никто не пострадал из-за меня, когда рано или поздно вскроется, что я не сын, а «дочь», ведь Берк говорил, что на Севере бывает за укрывательство женщины. А если «Медуза» уйдёт из Тагри, то Арвиду это будет только на руку – я останусь в одиночестве и в полной его власти.

Мужчины некоторое время смотрели на меня, а потом удалились через боковую дверь, наверно, посоветоваться. Я подошла к решётке, а капитан, просунув ободранные руки, вцепился в плащ и зашептал:

– Ты с ума сошла! Они же этого и хотели!

– Похоже, что Арвид меня узнал, только непонятно, говорил он об этом тарфараку или нет...

– Но, Кари?!

– Ты понимаешь, что будет с вами, если они узнают правду?

Капитан кивнул, крепко сжимая мои ладони.

– Поэтому слушай внимательно и пообещай, что всё сделаешь, как я скажу. Ты же мой капитан...

– Обещаю... – тихо ответил он.

– Бумера возьмёшь с собой. Я прикажу, и он пойдёт с тобой. Не знаю как, но ты должен забрать по пути Скорбного Берка, я обещала вывезти его из Тагри.

Ают открыл рот:

– Этого больного?! Когда ты успела?!

– Это приказ, капитан. Я буду спокойна, только когда вас отпустят, мне-то они ничего плохого не сделают. Скажешь Дайку, чтобы даже не думал бежать за мной, ты не должен выпустить его с «Медузы». Помочь мне может только Макс, нужно как-то дать ему знать, что я осталась, хотя, вероятно, он и сам уже многое знает.

Ают не успел ничего ответить. Дёрнулась ручка, тяжёлая дверь открылась, а я отскочила от клетки – северяне вернулись. Арвид сжимал в руке небольшой свиток:

– Нас устраивают такие условия... – и протянул капитану бумагу, попутно открывая камеру. – Вы должны отплыть сразу, как только ступите на борт, – и он слегка улыбнулся. – Тарфарак даже поможет шхуне быстрее отплыть...

Я присела на корточки перед Бу:

– Ты пойдёшь с капитаном, Бумер... – Волк жалобно за-
скулил, тыкаясь мордой в лицо и ладони. – Сделаешь это для
меня?

Скуление нарастало, а я изо всех сил сдерживалась, что-
бы не разрыдаться. Всучив Аюту цепь, я обняла любимого
питомца и зашептала в большое, лохматое и круглое, как у
медведя, ухо:

– Слушайся Дайка и веди себя хорошо... Мне занять ме-
сто в камере?

– Ну зачем?! – Арвид усмехался широкой белозубой
улыбкой. – Предлагаю посмотреть на отплытие для успоко-
ения.

Я хмуρο кивнула.

– Тогда прошу...

Ещё раз обняв Бу и Аюта на прощанье, я направилась
вслед за «викингом».

Глава 18

Мы шли минут двадцать, а может, и больше. Тарфарак
довёл нас до подножия огромной башни почти в самом цен-
тре острова. Я глянула наверх: высоченная квадратная кон-
струкция возвышалась метров на тридцать, а учитывая, что
мы ещё поднялись по спиральной улице, то общая высота
была не менее чем в два раза больше, если считать уровень
моря за нулевую отметку.

Тарфарак и охранники остались снаружи, а мы с Арвидом прошли через короткий коридор. За дверью, в виде кованой узорчатой решётки, которую он предупредительно открыл, обнаружилась узкая деревянная коробка, и только ступив в неё, я поняла, что это такое... Это был лифт! Старый, допотопный, механический, но лифт!

Арвид закрыл дверь, дёрнул какой-то рычаг в стене и внизу что-то звякнуло, а через несколько секунд кабинка дёрнулась. Вот этот да! Нас поднимали! Интересно, какую тягловую силу здесь используют?! Лошадей?! Или людей?! Глянув на своего спутника, я заметила, как он вздрогнул, когда механизм заработал. Многозначительно хмыкнув, я отвернулась, рассматривая грубые доски.

Сопровождаемые скрежетом и лязгом, мы поднимались долго – Арвид даже позеленел. Я же была в восторге – это был не единственный механизм относительно продвинутого уровня, который я встретила на Окатане. Если вспомнить спиральный туннель на Кифовом носу, по которому я убежала из банды, лёжа в колёсном гробике, – это первый. Вторым была раздвигающаяся стена ангалинов на Небесных островах, но там не удалось толком ничего увидеть. А лифт в Тагри, выходит, третий.

Конечно, грубые доски под ногами, две из которых, судя по цвету, недавно меняли, вызывали очень большие сомнения, однако плохо скрываемый страх Арвида, этого важного, сильного и весьма самоуверенного северянина придал мне,

так необходимый в такой ситуации, импульс бесстрашия и какой-то бесшабашной наглости.

Когда кабинка остановилась, дёрнувшись так, что даже у меня внутри ёкнуло, Арвид распахнул дверь и буквально вывалился наружу, волоча меня за собой. От потрясающего вида спёрло дыхание – Тагри был как на ладони! Обзор – во все стороны света! И я ещё раз поразилась удивительно-спиральной планировке самого древнего северного города.

Несколько минут мы ходили по смотровой площадке, вглядываясь в великолепную панораму. Я почти сразу обратила внимание, что в одном месте ограждающих перил не было. Вместо них располагались немного дугообразные, каменные ступени, ведущие в пустоту, будто обрубленная часть полукруглого моста. Я остановилась возле этой загадочной «лестницы в небо», размышляя над смыслом подобной конструкции.

– Неужели Альд, сын Хранителя, не знает, зачем здесь ступени? – спокойный голос Арвида вывел из задумчивости.

Я обернулась. Сказать было нечего...

– Может, хватит притворяться, эрдана Карина Мрэя Алесана эн Матвэй? – «викинг» довольно скалился.

Я достала из-за щёк кусочки смолы – мешали всё-таки до чёртиков.

– Так-то лучше... – Арвид наслаждался собой. – Ну, здравствуй... Я рад тебя видеть...

– Не могу сказать того же...

– Почему? Разве я хоть чем-то обидел тебя?

– Ты задержал меня здесь, а мне нужно продолжать путь...

– Зачем? – он пристально всматривался, будто изучал моё лицо под микроскопом.

– Я хочу видеть, как отплывёт «Чёрная медуза».

– Смотри... – он протянул руку, указывая нужное направление.

Я подошла к перилам. В ушах свистел ветер, а солнышки заливали округу ярким светом. Далеко-далеко внизу корабли и шхуны выглядели как детские игрушки, а здания – будто кукольные домики. «Медуза» одиноко стояла у длинного пирса, с противоположного конца которого, серо-коричневым муравейником, шевелилась толпа. Вскоре несколько точек отделилось от неё, быстро двигаясь к шхуне. Разглядеть детали с такой высоты было невозможно, однако я поняла, что бежит Ают, рядом чёрное пятнышко – Бумер, а позади ковыляет чучело в лохмотьях – Берк. Они взбежали по сходням, и на «Медузе» начали поднимать паруса.

– Сейчас откроют шлюзы, – прокомментировал Арвид.

Я удивлённо глянула на него.

– Да-да, не удивляйся... При недостаточном ветре такой способ помогает очень быстро покинуть город.

И правда, я заметила сильное волнение, которое поднялось вокруг центрального острова и понесло шхуну по спиральному каналу навстречу свободе.

– Их больше нигде не задержат?

– Нет. В разрешении указано, что «Чёрная медуза» рассмотрена и может беспрепятственно покинуть наши воды. Могла бы и спасибо сказать... – Арвид подошёл сзади и обнял за плечи. – Ты помнишь?

– О чём? – я стояла, провожая взглядом дорогих друзей, и стараясь всеми силами не разрыдаться. Не хотелось показывать Арвиду свою слабость.

– Ты должна мне ужин... – его дыхание было горячим, а лёгкие поцелуи щекотали за ухом. – Кари-и-и... С тех пор как мы расстались, я не переставал думать о тебе... Наследница дома Матвэй...

Я хмыкнула:

– И про это знаешь?

– Знать – моя работа. Кстати, спасибо за предупреждение... Это очень помогло, – он продолжал нежно целовать меня. – Гай толком не сказал ничего, но я понял, как только узнал о твоём исчезновении, что это ты его послала. Девочка моя... – поцелуи становились настойчивей и жарче. – Как ты узнала о слежке?

– Я обязана отвечать?

– Не хочешь, не говори... Это уже не имеет никакого значения... – он очень крепко прижимал меня к себе. – Ты здесь... ты моя...

– Не смущает, что я – богиня? – я обернулась, глядя в красивые серые глаза.

Арвид громко расхохотался:

– Нет! Наоборот! – он продолжал заливисто хохотать. – Что ты, Кари, очень необычная девушка, я понял, как только первый раз тебя увидел, ещё там, в Чёрном ущелье. А вот богиня ли ты – большой вопрос! Если бы ты действительно была ею, то знала бы, зачем тут такая лестница! Ну так знаешь?!

Оставалось только расписаться в собственном невежестве. Арвид смотрел взглядом победителя, в полной уверенности, что поймал меня. Но ведь, по правде говоря, так оно и было. Я честно пожала плечами:

– Нет, не знаю...

– Вот видишь... Хотя твои фокусы впечатление произвели, не могу отрицать. Как ты это делаешь?!

– Да так... Кое-что умею...

В общем, мне понравился тон, каким Арвид со мной разговаривал. Он внушал надежду, что северянин настолько уверился в своей удаче, что может потерять бдительность, если уже не потерял. «Медуза» ушла и к этому времени уже скрылась за грядой ближайших островов. Я одна – помочь некому, и как стало очевидно, пока только Арвид знает, что я не мужчина, если не считать Скорбного Берка, которого Ают всё-таки прихватил по пути. Но всё равно, с этим хитрюгой нужно держать ухо востро!

– Умница моя... Красавица... – он прижал меня к высоким перилам, шаря руками по телу. Несколько раз Арвид пытался поцеловать меня, но я отворачивалась.

– Ты так странно сопротивляешься... – глаза моего спутника были затуманены соответствующими мыслями. – Вроде ничего не делаешь, а я всем телом чувствую твоё громкое «нет»!

– А ты хотел, чтобы я сразу бросилась к тебе на шею? Или как?!

– Я настолько неприятен?

– Нет.

– Тогда в чём дело, Кари?! – он отстранился, продолжая удерживать меня за плечи. – Я осыплю тебя золотом! Ты ни в чём не будешь нуждаться! Я буду выполнять любые твои прихоти, всё, что захочешь! Шестой пархонт уже очень стар, ещё год-два – и я займу его место! Да весь двор будет умирать от зависти!

Я глубоко вздохнула, всматриваясь в бескрайний горизонт:

– Почему ты не выдал меня тарфараку и пархонтам?

– Если узнают, что ты женщина, такое начнётся... Ты даже не представляешь! Очень многие готовы будут жизнь отдать за твою благосклонность. Богиня хочет жертв?!

– Не хочет.

Арвид глубоко вздохнул:

– Мне придётся добиваться тебя наравне с остальными, а я этого не желаю. Я тебя нашёл! Ты – моя!

– А как же вина капитана, которую я взяла на себя?

Улыбаясь, он отмахнулся:

– Мне нужно было убедиться, что я не ошибся, хотя, признаюсь, не сразу узнал тебя. Но такие синие глаза забыть невозможно, а когда мне сказали, что ты якобы Карэн, то... Вот и поспешил убрать «Медузу» из Тагри. Разве я поступил неправильно, что уговорил тарфарака отпустить шхуну? Ты хотела, чтобы всех казнили?!

– Не хотела. Спасибо, Арвид... Значит, в любом случае меня отсюда не выпустят?

– Никогда-а-а...

Высоко-высоко над городом сияли два светила единым бело-жёлтым диском, ярко-синее небо без намёка на облачность, прохладный ветер с моря, внизу движение и суета...

– И что ты намерен делать дальше? – я обернулась к северянину.

– Не терять времени! – и впился в губы жадным поцелуем.

Целовался Арвид знатно: у меня даже голова немного закружилась. Когда он, наконец, оторвался – глаза его влажно блестели, дыхание прерывалось, и перспектива проведения ближайшей ночи рисовалась в голове совсем не радужными красками. Я провела кончиком пальца по светлой щетине на его щеке: «Если придётся провести вместе ночь, а может, и не одну, за то, что он пока сохраняет мою тайну, пусть и из собственных эгоистических побуждений... Что ж... Ничего страшного не произойдёт, и «корона» с меня не свалится... Главное, что шхуну выпустили и они уже в безопасности. А в подобной ситуации я была, когда проводила ночи с Карел-

лом. Нужно усыпить бдительность «викинга», заставить поверить, что всё, я – его, тогда будет шанс сбежать. Макс не бросит меня. Он где-то здесь... Пока остаётся только верить, что мой ангалин найдёт меня, и ждать удобного случая».

Арвид расценил мой жест, возможно, как смирение или некую благосклонность и принялся покрывать частыми поцелуями тонкие шрамы на ладонях. На древнем лифте нас спустили, и в пути я успела опять запихать за щёки кусочки смолы. А пока мы спускались, Арвид восхищался моей находчивостью. А ведь если бы не он, то эта афера с переодеванием удалась бы на сто процентов, не считая Скорбного Берка, конечно, этой суперзагадочной личности.

Глава 19

Выйдя из башни, мы прямиком окунулись в гудящую толпу. Люди приветствовали меня, кричали, что вечно юный Альд пришёл, чтобы остаться навсегда, просили благословения для детей и больных и распевали какие-то хвалебные песни. Короче, мы еле пробились, несмотря на охрану во круг.

Арвид привёл меня в большой дом с противоположной стороны центрального острова. Это был квартал местной знати, который выглядел гораздо лучше другой части города, той, что я уже видела. Здесь было значительно чище, а в палисадниках на деревьях и кустарниках уже пробивалась

первая листва и зеленела свежая травка. «Викинг» оставил меня в большой комнате с мягкими диванами вдоль стен и длинным столом из тёмного дерева. Мраморный пол был устлан огромными светлыми шкурами, а в причудливом камине жарко полыхал огонь.

Сидя на лохматой шкуре, я смотрела на пламя и томилась в ожидании. Арвида не было очень долго. За узким окном уже начало смеркаться, когда ключ в двери провернулся и он быстрым шагом вошёл в комнату. Я и рта не успела раскрыть, как он схватил меня и поволок за собой. Только вышли мы уже не через центральную дверь, а через боковую, скрытую за тяжёлой портьерой.

– Мы уезжаем! Немедленно!

Душа ухнула в пятки:

– Куда?!

– В Альдаск! Галера уже готова!

Он тащил меня по каким-то полутёмным, гулким коридорам, открывая бесконечные двери. Ноги налились свинцом, а в голове стучала только одна мысль: «Если попаду в Альдаск, то уже не выберусь оттуда! Он запрет меня в золотой клетке, и все мои планы отправятся прямиком под хвост самому старому крокодилу! Ни Дайка, ни Бумера, ни Макса я больше никогда не увижу!»

Мы выскочили в какой-то проулок, где нас уже ждали вооружённые воины. Сначала я испугалась, но оказалось, что это люди Арвида, и через несколько минут мы уже бежали

по причалу к низкой, одномачтовой шхуне. Ступив на борт, я поняла, что это галера, так как ряды огромных вёсел упали на воду – раздалась команда, и мы отчалили. Причины такой спешки и поведения Арвида пока были абсолютно не понятны, но я надеялась, что в ближайшее время получу объяснения. Утешала мысль: пока я на воде, остаётся шанс, что Макс догонит меня, но если этого не случится, то перспектива ближайшего будущего была очень мрачной, с моей точки зрения.

Арвид заволок меня в кормовую надстройку, где находилась просторная каюта со всеми удобствами, а сам удалился, заперев дверь на замок. В противоположной стене находилось широкое окно, но довольно высоко. Пришлось подтянуть скамью, для того чтобы увидеть воду за кормой. Галера шла очень хорошо. Мощные толчки как минимум двух десятков гребцов быстро гнали её вперёд. «Что же случилось за то время, пока я сидела в доме, что понадобилось так срочно вывезти меня из города?! Притом тайно! – размышляла я, глядя в темнеющее небо. – Ни дать ни взять тайны Мадридского двора!»

Я подошла к окну и осмотрела широкую раму. Никаких защёлок или чего-то подобного не было, и открыть его – значит разбить. Хотя всё оружие, которое у меня было, забрали ещё до похода в башню, я слишком не беспокоилась. Любой тяжёлый предмет можно использовать, чтобы проломить глухое окошко и выпрыгнуть за борт. Главное, чтобы в воде

было кому меня встретить, ведь без Макса это бессмысленно. Только он может унести меня прочь от быстроходной галеры. Надо ждать, ждать моего ангалина... И он найдёт меня, я знаю... должен найти.

Вскоре вернулся Арвид и не один. За ним шло несколько мужчин, удерживая тяжёлые подносы. А вот и ужин! Есть хотелось уже очень давно. Когда накрыли стол и эти двое ушли, «викинг» запер дверь изнутри. Он был уже в гораздо лучшем расположении духа и премило улыбался:

– Прости, что кормлю тебя только сейчас, – северянин предупредительно отодвинул стул с высокой резной спинкой.

– Что случилось, Арвид? Расскажешь? – усаживаясь за стол, я не сводила с него глаз.

– Давай поедим сначала, – он быстро исполнил обязанности официанта, нагрузив тарелки разными вкусностями, и разлил вино по серебряным бокалам.

Ели мы молча. Я уплетала за обе щёки, наслаждаясь разнообразными вкусами. На «Медузе» и Тиль, и Дайк готовили вполне неплохо, однако этот ужин не шёл с их стряпнёй ни в какое сравнение. Повар у Арвида был на высоте.

– Вкусно?

– Очень!

– Твой аппетит, дорогая, доставляет истинное наслаждение, – он подлил ещё вина и откинулся к спинке. – Вот никак не думал, что мы ещё встретимся, тем более при таких

обстоятельствах. Видно, сами боги привели тебя ко мне.

Я хмыкнула:

– Ты же не веришь в богов.

– Ну как сказать...

– Как есть, так и скажи.

Арвид глотнул вина и аккуратно промокнул губы расширенной салфеткой:

– Та лестница на смотровой башне, что поставила тебя в тупик, предназначена как раз для богов. В неё упирался один конец радужного моста, по которому они ходили, наблюдая за жизнью внизу.

– Вот как?! – в искреннем удивлении я хлопала глазами. Легенду о радужных мостах, которые в глубокой древности украшали Окатан, я уже знала.

– Тагри очень древний город, намного древнее Альдаска, и только там осталась небесная лестница. Если бы ты была настоящей богиней, то знала бы об этом... Откуда ты взялась, Кари? Где твой дом, семья? Ведь ты очень похожа на северянку, та прежняя внешность, ну которую я помню, – и Арвид ехидно улыбнулся, – говорит, что твои корни здесь, на Севере.

Я задумалась, ковыряя двузубой вилкой в сочных мясных кусочках: «Вот что ему говорить? А если говорить, то зачем? Обмануть Арвида сложно, он слишком умён и образован, а заново рассказывать свою историю... Нужно ли? Мне ведь даже неважно, поверит он или нет».

– Может быть, когда-нибудь я и расскажу тебе о себе всю правду, только сейчас не вижу в этом смысла.

– Почему? – мой собеседник поставил бокал на узорчатую скатерть и, передвинув стул, пристроился рядом.

– Ты не поверишь.

– Почему не поверю?

– У меня нет доказательств. Да и вся эта ситуация не располагает к доверительным разговорам и... отношениям между нами.

Арвид нахмурился, но придвинулся ещё ближе:

– Разве я выдал тебя?! Или нарушил слово, данное тогда в Маргосе?! Несколько часов назад я избавил тебя от пристрастного допроса, который хотел устроить тарфарак!

Теперь настала моя очередь хмурить брови:

– Что это значит?

Арвид отмахнулся:

– Не буду вдаваться в подробности, но то, что ты женщина, выяснилось бы очень быстро.

– А как же пархонты? Они тоже этого хотели?

– Нет, Кари. Поэтому ты и здесь... Пархонт Эртан, которому я служу уже много лет, успел вовремя предупредить меня о планах «владельца Тагри». Грилл – тарфарак, и даже Великий Терр иногда думает, прежде чем что-либо приказать ему. В городе он делает что хочет, у него очень много преданных и сильных воинов. Тарфарак Грилл очень хотел, чтобы сын Хранителя остался в его владениях, если бы после

допроса не осталось сомнений в подлинности твоей личности. Присутствие пархонтов немного сдержало его, и я успел тебя вывезти... – Арвид обнял меня и прижался губами к виску. – В Альдаске ты будешь в безопасности... Как только мы прибудем, я вызову главного архивариуса, и ты станешь моей женой, – он продолжал нежно целовать меня. – А перед Советом предстанешь уже замужней женщиной, и никто даже приблизиться к тебе не сможет без моего разрешения.

Я закрыла глаза. В голове нарисовалась золотая клетка, в которой бьётся прекрасная, сияющая птица.

– Ты думаешь, что таким образом спасаешь или защищаешь меня?

– А разве нет?

Я улыбнулась и погладила его по щеке:

– Хороший ты мужик, Арвид... Только ничего про меня не понимаешь... У меня пока другие планы и...

Арвид резко отстранился, а потом вскочил. И хоть я старалась говорить с ним спокойно и даже нежно, сказанное разозлило его. Он начал мерить каюту широкими шагами:

– Планы?! Какие планы?!

– Ну... на мою жизнь... – промямлила я.

– Твои планы – это я! – и ударил себя кулаком в грудь. –

Ты сама приехала, я тебя сюда не тащил!

– Но шхуна...

– Что шхуна?! – продолжал он кричать.

Я совсем не ожидала, что он так заведётся:

– Нас принесло т-т-течение... – я даже начала немного заикаться, видя его гнев.

– А мне плевать на течение! – и Арвид так стукнул по столу, что я подскочила. – Ты оказалась здесь, значит, такова воля Хранителя! И течение, которое принесло шхуну, тоже его воля!

Я сидела, сжав кулаки, и понимала, что всё, приехали, конструктивного диалога не получится, лучше закрыть тему и думать о том, как сбежать с галеры, пока мы не прибыли в Альдаск. «А если устроить небольшой ураганчик? Нет, опасно... Макс ищет меня и это может помешать ему, да и в последний раз «вызывание» ветра надолго лишило меня сил. Если придётся плыть, а ведь придётся, то я и десяти метров не проплыву, топором пойду на дно. Нужно ждать... Ждать... Ураган – это последнее и крайнее средство».

Арвид сдёрнул с кожаного ремня связку ключей и, открыв дверь, крикнул:

– Брим! Убрать со стола и постель дорогому гостю!

Пока наводили порядок, я стояла спиной ко всем, уставившись в окно. Горное стекло хорошо пропускало дневной свет, но сейчас, когда совсем стемнело, в нём только зыбко отражалось движение в каюте да свет от свечей и причудливых настенных фонарей. Любуясь «чёрным квадратом», я ожидала, когда, наконец, останусь одна. Было совершенно ясно, что, пока я Альд – сын Хранителя, на ночь со мной в одной каюте Арвид не останется.

Несмотря на нехватку женщин, а тем более здесь, на Севере, гомосексуальные связи на Окатане были не просто не в чести, а считались позором, мерзостью и недостойным занятием для мужчин, хотя не могу сказать, что подобных отношений в мужской среде совсем не было. Зато самоудовлетворение было нормой для всей мужской части населения. Столь интимные местные подробности я знала от Дайка, когда мы иногда в зимних беседах затрагивали подобные темы. Поэтому когда я убедилась, что Арвид до Альдаска будет держать язык за зубами касательно моего пола, то мне немного полегчало, совместные ночёвки пока не грозили, но времени всё равно было очень мало. С такой скоростью галера окажется в Золотом городе очень быстро.

После того как постелили постель на широкой койке у углу за красивым пологом и помощники удалились, Арвид приблизился и обнял за плечи:

– Не надуйся как рыба-пузырь...

Я только хмыкнула в ответ, продолжая молчать.

– Свыкнись с мыслью, что ты принадлежишь мне, а я – тебе... И чем быстрее ты это сделаешь, тем лучше... – Арвид ещё раз нежно поцеловал меня в шею и вышел.

Лязгнул замок, и я осталась одна. «Значит, из этой каюты он меня не выпустит... Где мы плывём и что творится снаружи – неизвестно... – обойдя каюту, я сняла со стены подсвечник и взвесила его в руке: – Тяжёлый... Похож на бронзовый... Таким разбить окно раз плюнуть... Странно... Ар-

вид же знает о погроме, который я устроила в свой первый визит в городскую управу, и всё-таки просто запер меня без всякой охраны. Неужели он настолько не воспринимает меня всерьёз, что думает, будто мне и сбежать с галеры не под силу? Хотя без Макса шансов оказаться не пойманной почти нет...»

Прокручивая в голове эти мысли, я улеглась на кровать – требовался отдых, да и нервы были на пределе. Я закрыла глаза и сразу оказалась в коридоре, у двери в библиотеку, а ведь поспать собиралась! Толкнув дверь, я вошла и огляделась. Всё как и было... Мозга нет, а без него это пространство будто умерло. Он заполнял его собой, а теперь даже заходить сюда не хочется, слишком больно...

Я прошла к шкафу, открыла дверцу и погладила любимый бархатный халат, так и висевший на плечиках, а потом, поддавшись какому-то наитию, надела его на себя. Знакомый и такой родной запах будто окутал меня всю тончайшей ароматной плёнкой. Я втянула воздух и задержала дыхание. Образ Тана проявился так реально, будто никуда не исчезал. Он стоял у стола и смотрел на меня. Рефлекторно я потянулась к нему:

– Почему ты бросил меня?

– Я тебя не бросал... – ответила фигура, контуры которой начали слегка дрожать и размываться.

– Бросил! Ты исчез! Не поговорил, не предупредил! Просто сбежал!!!

Он пожал плечами:

– Ты уже достаточно взрослая, чтобы справляться самостоятельно, тем более что такой верной, любящей и преданной компании, которая собирается вокруг тебя, можно только позавидовать.

– Но я одна сейчас! Одна! Мне некому помочь! – на глазах выступили слёзы, но это были слёзы злости, а не радости от того, что я вот так, почти по-настоящему, вижу своего профессора.

– Твой разум, твоя внутренняя сила всегда с тобой... – он говорил спокойно и как-то механически, будто робот.

Внутри начала бурлить жуткая обида, которую уже столько времени я пыталась подавить:

– Ты использовал меня!!! Я тебя ненавижу!!! – заорала я во весь голос.

– Я знаю... – беспристрастно ответила фигура и растворилась на фоне книжных стеллажей.

Сдёрнув халат, я с силой швырнула его обратно в шкаф и проснулась. Несколько минут я размышляла над случившимся, соображая, что же это было. Такой сон?! Или я действительно ходила в библиотеку и встретила Тана?! Но ведь он исчез, растворился прямо на глазах. Хотя что мешает это проверить? Если халат висит в шкафу, значит, мне всё просто приснилось, а если валяется, то я была там и видела его.

Глава 20

Подняв глаза, я поняла, что уже утро – на окне играли нежные розовые блики. Вдруг то ли волна, то ли крупные брызги ударили прямо в толстое стекло, а потом ещё раз и ещё. Я вскочила. Видно было плохо, но направленная струя опять попала в цель. «Макс!!!» Я вжалась лбом в холодную поверхность. Внизу виднелось длинное тёмное пятно. «Максик!!! Ангалинчик мой дорогой! Ты нашёл меня! Я знала! Знала! Вот и пришло время!» Я суматошно начала скидывать с себя одежду: жилет, свитер, кожаные штаны, обувь. Сапоги бросать было очень жалко, но ничего не поделаешь, для Макса это будет лишняя тормозящая нагрузка. Хотя лимм прекрасно облегал и согревал тело, в нём я чувствовала себя абсолютно голой. За это время, что я не снимала его, он будто приклеился, сросся с телом и, проводя по нему пальцами, я ощущала собственную кожу.

Как только я схватила подсвечник, за дверью раздались шаги и бречание ключей. Я размахнулась и швырнула тяжёлый канделябр в кормовое окно. И, как обычно, немного перестаралась. От грохота всё затряслось, заложило уши и еле-еле удалось пригнуться, уворачиваясь от летящих осколков. Входная дверь содрогнулась под сильным напором и, со щелчком, распахнулась.

В глазах будто включилась камера замедленной съёмки и

действия, которые уложились в мгновения, показались растянутыми и текучими, как часы на полотне Сальвадора Дали. Медленные движения Арвида... его распахнутые, в бешенстве, глаза... руки, ловящие воздух... прыжок и плавный полёт сквозь осколки горного стекла, торчащие из развороченной рамы... свежий, холодный воздух, ударивший в лицо, и взрыв ледяных брызг, когда я почти вертикально вонзилась в воду.

И только ощутив на глубине чешуйчатое тело под собой, я вышла из этого странного трансового состояния. Руки нащупали доспехи на спине ангалина, и он потащил меня вверх. Вспенив воду, мой друг выпрыгнул на поверхность и дикий, страшный рёв, на каких-то доводящих до дрожи частотах, разнёсся по всей округе. Я лишь успела перевести дыхание и в тучах сияющих капель увидеть ошеломлённое лицо Арвида, который почти всем корпусом перекинулся через разбитое окно. С его ладоней стекала кровь по осколкам, а на верхней палубе маячило несколько испуганных лиц.

Макс плюхнулся в воду и, ударив хвостом, нырнул. Рядом с ухом что-то пару раз будто прошмыгнуло, и я открыла глаза. Мутная вода была розовой, а вниз падала какая-то тонкая палочка. «Стрела! Они стреляли в нас! Только бы в Макса не попали!» – я вцепилась в ремни доспехов ещё крепче, и он опять понёс меня к поверхности.

Бешеная гонка, с периодичными уходами под воду, продолжалась очень долго, показалось – бесконечно. Я только и

успевала выдыхать и хватать ртом воздух, когда Макс выныривал, да задерживать дыхание, когда он стремительно нёсся под поверхностью. Через некоторое время я поняла, что вдыхать больше не могу, лёгкие сбились с привычного ритма, в голове начался звон, а разглядеть, что происходит вокруг, не получалось – вода заливала глаза, и я различала только белёсую пелену дневного света. После очередного всплытия Макс замедлился и оглянулся:

– Кари! Мы оторвалис-с-сь!

С трудом я различала голову, обращённую ко мне.

– Ты ранена?!

Получилось лишь кивнуть, голос пропал, а в горле булькало.

– Потерпи! Уже с-с-скоро! Потерпи! – и он рванул вперёд, но уже не нырял.

Я перевернулась на спину и, держась одной рукой за ремень доспехов, лежала на ангалине плашмя, вытянувшись в струнку. Стало немного легче. Дыхание начало выравниваться, а синее небо над головой хорошо различалось. Свободной рукой я потрогала щёку и глянула на пальцы – они были красными, стрела глубоко зацепила. Макс обернулся:

– Вдохни как мож-ж-жно глубже...

Я повиновалась, но при вдохе было ощущение, будто в лёгких осталось очень мало места для воздуха, там всё было заполнено какой-то вязкой, тягучей жижей. Ну уж как получилось, так получилось. Мой спаситель нырнул, и мы нача-

ли погружаться. Вскоре заложило уши, а грудь готова была взорваться, и я подумала, что всё... наверно, я утонула...

Сильный толчок и хлёткий удар по лицу вывел из забытья. Я хватанула ртом воздух и от раздражающего кашля чуть не оглохла. Кругом полный мрак, звучное эхо и сияющий Макс трясёт за плечи. Пока я ползала по камням, прокашливаясь и выплёвывая воду, ангалин методично лупил меня в спину и громко причитал:

– Кари!!! Прос-с-сти! Я с-с-старался доплыть до щ-щ-щеры как можно с-с-скорее! Моя шаари! Я чуть с-с-сам не отправил тебя к Хранителю! Я не хотел, Кари!!!

Приступ пошёл на убыль, и я вцепилась в друга, прижавшись всем телом:

– Спасибо, Максик... – В лёгких ещё немного булькало. – Я знала, знала, что ты вытащишь меня... За что ты просишь прощенья?

Он прижал меня к себе, стиснув хвостом, а я гладила его, обнимая чешуйчатую голову:

– Всё хорошо... Ты молодец... Если бы не ты...

Ещё долго мы просто лежали, отдыхая от тяжёлого заплыва.

– У тебя рана на щ-щ-щеке глубокая, – наконец прошипел он, слизывая капающую кровь.

Я только отмахнулась:

– Одним шрамом больше, одним меньше... какая уже разница... Они у меня везде...

Он глубоко вздохнул, вздрагивая всем телом:

– Нуж-ж-жно что-то делать... Нельз-з-зя, чтобы она кровила, когда мы будем «Медуз-з-зу» догонять, кархароны в море...

– Но ведь нет ничего, чем зашить или закрыть её, – прошептала я.

Кархароны – местное подобие земных акул. Огромные, сильные, быстрые морские хищники были бедой для ангалинов, так же как и панцирные осьминоги. Если с двумя-тремя кархаронами ангалин и мог бы справиться, то стая для одинокого ящера – смертный приговор. Как и акулы, кархароны прекрасно чувствовали в воде запах крови и приплывали на аромат угощения. А со мной на спине Максу и с одним было бы сложно справиться, с кровоточащей раной я для них – прямое приглашение к обеду.

– А может, лодку раздобыть? Ну, как тогда, когда в Банкор добирались?

– Море не река, Кари, а кархароны не крокодилы... Ты в лимме в воде почти ничего не весиш-ш-шь, а лодка будет нас-с-с очень тормоз-з-зить. Ес-с-сли бы я был не один, тогда другое дело... Да и где её взять? Я уверен, что нас ищ-щ-щут. Надо поймать липкого червя – это помож-ж-жет, только...

– Что «только»? – насторожилась я.

– Он будет з-з-заживо ес-с-сть тебя, правда, очень медленно...

Я нервно сглотнула и опять закашлялась:

– Как есть?!

– Кари, не бойс-с-ся... Мы иногда так делаем, ес-с-сли нет иного выхода, а раненого нуж-ж-жно доставить в безопас-с-сное месс-сто. Противно, конечно, даже мерз-з-зко... – Макса и самого передёрнуло, когда он это сказал. – Но не мож-ж-жем же мы сидеть в этой пещ-щ-щере и ждать, пока вс-с-сё з-з-заживёт...

– Ладно, делай как знаешь... Главное, живыми попасть на «Медузу»... А где они? И где мы?!

Макс заулыбался и несколько минут нежно вылизывал меня, сверкая сиреневыми искорками.

– Ты голова, Кари! Ты вс-с-сё отлично придумала! Рас-с-счёт на то, чтобы северяне не з-з-знали обо мне, оказалс-с-ся верным! – и принялся подробно рассказывать о своихключениях.

Мы находились сейчас в подводной пещере у южного края озера Восьми богов. Озеро было сильно вытянутым, а Альдаск находился на другой, противоположной, северной его стороне. Когда Макс догнал галеру Арвида, мы были уже почти на полпути к Золотому городу. Про эту пещеру Макс рассказывал его дед. Очень много лет назад, когда предок Макса был ещё очень молод и даже не думал, что когда-нибудь станет Рексом, то со своими братьями и друзьями плавал на Север, здесь ведь тоже есть Храм ангов. Вот тогда они и нашли эту пещеру. Дед Макса когда-то очень подробно описывал своим внукам, как её отыскать, а после требовал,

чтобы каждый выучил все подробности наизусть, будто знал, что когда-нибудь это может пригодиться.

Здесь, на Севере, ангалинов совсем не жаловали. Если на Востоке терпели и даже пользовались услугами, и хоть редко, но просили помощи, как в охоте на крокодилов, то тут совсем не воспринимали. Да и воды для разумных рептилоидов были очень холодными. Им требовалось гораздо больше золота, чем обычно, чтобы не мёрзнуть в воде.

Когда капитан с Бумером вернулся на шхуну, да и этого вонючего ненормального с собой привёл, Макс сразу понял, что я осталась. Охраны у самой шхуны не было, и Макс был почти рядом, под пирсом, где нашлась удобная, глубокая расщелина. Ают на шхуне нарочно говорил очень громко и Макс почти всё слышал.

Ангалин замолк ненадолго, поглаживая меня по щеке хвостовым пальцем:

– Я толком не видел, но на ш-ш-шхуне случилас-с-сь драка, во время отплытия...

– Что?! – я вцепилась в кожаные доспехи.

– Похож-ж-же, что Дайк хотел беж-ж-жать за тобой, а Ают не пус-с-стил, сказал, что ты велела отплывать без-з-з тебя. Потом я с-с-слышал только шум, з-з-звуки ударов, ругань, Бумер с-с-сильно рычал, и з-з-заметил Аюта в крови у руля. Но Дайк со ш-ш-шхуны не с-с-сходил... Когда они отплыли, я ещ-щ-щё некоторое время плыл поз-з-зади и с-с-слышал, как капитан кричал, что с-с-сначала курс на Даго, а пос-с-

сле пойдут к Рваному мысу, там корабли с Вос-с-стока час-с-сто останавливаются-с-ся. Вот так я и понял, где они будут нас-с-с ж-ж-ждать... Это не очень далеко...

Дальше мой зеленоглазик поведал, что почти целый день наворачивал круги по каналам Тагри, разыскивая меня. Так как он далеко не в первый раз занимался тайной разведкой на территории людей, то подозрительную галеру вычислил быстро. На ней было много вооружённых воинов и здоровых гребцов, которых в город не пускали, будто ждали какого-то приказа. И действительно, вечером он заметил, как меня волокут по пирсу напрямиком на длинное судно.

Макс плыл всю ночь позади галеры, но только к рассвету с верхней палубы исчезли дозорные. В этот момент он и успел дать мне знать о себе.

– А как ты догадался, что я на корме, там, за окном?! – меня переполняли чувства восхищения и благодарности.

– На таких галерах одна каюта, но больш-ш-шая. Вниз-з-зу же гребцы и нес-с-сколько трюмов. Тем более я видел, что тебя повели в с-с-сторону кормы...

Глава 21

Когда мы вынырнули из пещеры, наступила ночь. Несколько минут из-под нависающей скалы Макс вглядывался в темноту и принюхивался. Держась за доспехи, я переводила дыхание и то открывала, то закрывала рот в надеж-

де избавиться от заложенности в ушах, но пока это не помогло.

– Похоже, с-с-спокойно... – тихое шипение я еле расслышала. – Они не з-з-знают, где нас-с-с искать... Перевернис-с-сь...

Я не успела толком выполнить указание, как ангалин рванул через озеро. Сумасшедший заплыв длился до самого утра. Поначалу я пыталась, лёжа на спине Макса лицом вверх, смотреть по сторонам, чтобы успеть предупредить друга о возможной опасности или погоне, но вскоре поняла, что это бесполезно. Как только я поворачивала голову, вода заливала нос, рот и глаза, и все старания были абсолютно бессмысленны.

Макс нёсся просто с бешеной скоростью, рассекая длинным телом воды озера Богов, отражающие всю неповторимую красоту ночного Окатанского неба. Через несколько часов руки и плечи затекли настолько, что я почти перестала их чувствовать, а ведь мы только озеро пересекали. А что же будет в море?! Как я это выдержу?! Одно радовало, по словам Макса, моего веса он почти не ощущал. Лимм не только согревал в холодной воде, но и хорошо держал тело на поверхности, благодаря чему Макс мог развить приличную скорость. Всё-таки правильно, что я рискнула и не сожгла его с остальными вещами на камбузе.

Когда первые лучи тронули небо, мой «водяной конь» начал сдавать. Он плыл уже значительно медленнее, и я спи-

ной ощущала, как глубоко и часто он дышит. Кое-как перевернувшись, я обняла чешуйчатую шею – пальцы онемели и заоченели, а рука была будто чужая.

– Макс... Макс... – пытаюсь позвать его, я опять нахлебалась воды.

Он повернул голову и тяжело прошипел:

– Ты не ус-с-стала?

– Нет... Не устала... У нас всё получится, Макс... Всё получится...

Глянув по сторонам, на скалистые берега, вершины которых в лучах восходящих светил были желтовато-розовыми, я поняла, что всё это уже видела. Накрыло чёткое «дежавю», будто всё происходящее очень хорошо знакомо и я уже здесь была когда-то и в такой же ситуации. Макс тащит меня на спине и спрашивает, не устала ли я... я держусь за его доспехи и говорю, что всё у нас получится, а кругом вода и расцветные скалы...

На отдых мы обосновались под большой скалой, доступ к которой был только от воды. Макс выбрался на камни, и я свалилась с него словно мешок с... ну понятно с чем. Ангалин тяжело дышал, бока ходили ходуном, а я перекатывалась с боку на бок, пытаюсь вернуть телу подвижность. Когда, наконец, удалось сесть, я стянула, ну с очень большими усилиями, верхнюю половину лимма. Повязка, стягивающая грудь, очень сильно давила, наверно, именно из-за неё я чуть и не захлебнулась, когда Макс тащил меня в подводную пе-

щеру. Также в неё были замотаны перчатки от согревающего костюма, я совсем забыла про них, а ладони и пальцы в холодной воде застыли настолько, что почти не слушались.

Лёжа рядом, Макс поглядывал на мои муки одним глазом и ехидно улыбался:

– Помочь?

– Да, её нужно снять. Почему-то раньше я об этом не подумала...

Он ослабил узел на спине, и когда я отшвырнула плотную ткань и вздохнула полной грудью, резко закружилась голова. Несколько минут я не могла надышаться, и даже холод раннего утра и почти ледяные камни не мешали живительному процессу. Сияющие изумруды смотрели очень пристально, когда я открыла глаза и ещё раз блаженно вздохнула. Приподнявшись на передних лапах, Макс пялился на полуголую меня и маленькие сиреневые искорки то вспыхивали, то гасли на его шкуре...

– Мне очень нравитс-с-ся на тебя с-с-смотреть, Кари, – нежно прошипел он. – Но очень холодно...

Я кивнула и чмокнула его в нос:

– Лимм всё-таки удивительная штука, – натягивая свою вторую почти чёрную кожу, я пыталась казаться спокойной, хотя предстоящее долгое плавание на спине друга, через холодное море, кишашее кархаронами, никак этому не способствовало. В желудке громко заурчало.

– Нуж-ж-жно поес-с-сть, иначе надолго нас-с-с не хва-

тит, – Макс развернулся и пошлёпал к воде. – Сиди здес-с-сь, я с-с-скоро...

Обернулся он и правда довольно быстро. Одну крупную рыбину зажимал в пасти, а другую – в хвосте.

– Ты сам-то поел?

– Сейчас-с-с майны мигрируют, с-с-с голоду точно не умрём... Это тебе... – и положил добычу у моих ног.

Я уставилась на толстенные тушки: «А ведь есть-то придётся сырую рыбу! Огня нет! И не развести никак!» В результате съесть сырым я смогла только один кусок и то с закрытыми глазами, почти не жуя, а второй Макс запихнул в меня чуть ли не силой. Я, конечно, с ним согласилась, голодная смерть нам не грозила, майны были мясистыми и жирными, но сырая рыба – это не нормальная человеческая еда!

Мой ангалин проглотил всё, что осталось, и мы улеглись поспать в самом дальнем и тёмном углу этой прибрежной пещерки. Он крепко прижал меня к себе, опутав ноги хвостом, а я зарылась носом в плотную, тёплую шерсть на его груди. Рана на щеке продолжала кровить, хоть я и обмотала голову прежней нагрудной повязкой. Лежать одним боком на голых камнях было жутко неудобно, даже несмотря на то, что с другой стороны грело любимое, тёплое, чешуйчатое тело.

Макс уже мерно сопел, а я никак не могла уснуть. Сначала вспомнила то «дежавю», что испытала под конец заплыва. Когда ещё в первый раз я путешествовала на «Медузе», то перед самым ураганом, в котором пострадал Ают, видела

сны. В одном был Макс, а в другом – Карелл. И вот в том сне мы с Максом переплывали подобное озеро. Он так же спрашивал, а я так же отвечала, и окружающий пейзаж был почти таким же... Выходит, тот сон был вещим, и я видела часть своего будущего.

А вот с Кареллом мы не встречались, с тех пор как я сбегала с Кифового носа. Да и воплощение того, что я видела во сне, мало связано с реальностью. Я ещё раз прокрутила в голове прежние видения. Сначала лес и Атаман с мечом и камортой, потом я убегаю, а он гонится за мной и набрасывает петлю. Я режу ладонь и алая кровь, вскипая прямо на глазах, заливают верёвку. Потом райское поле и Карелл погружается, а я иду к нему и окровавленной рукой вытаскиваю из смертоносной топи. Возможно, этот сон не вещий, однако значение всё же имеет...

Карелл объявил себя претендентом на трон, как мы поняли с Дайком в Тагри. Он поставил свою жизнь на кон и уже не отступит, потому что некуда. Террханом будет тот, кто останется в живых – таков незыблемый закон древнейших. Мне было сложно понять, почему древнейшие установили такое правило. С одной стороны, девиз «пусть победит сильнейший» вполне ясен, но с другой – не было установлено никаких правил, никаких границ дозволенного, которые нельзя переходить. Вот это и было странным и непонятным. Ведь тогда добиться власти можно абсолютно любым путём: идя по трупам, совершая подлые и низкие поступки, как это

уже сделали Элган и Инзар.

Всё-таки я не на Земле и иногда забываю об этом. Несмотря на схожесть Окатана и моей родной планеты – это другой мир, совсем другой... с иной историей и жизнью. И хоть уже скоро год, по местному календарю, как я нахожусь здесь, очень многое остаётся непривычным и непонятным. Мысли переключились на предстоящее плавание: «Получится ли догнать «Медузу»? Смогу ли я столько времени провести в воде? Хватит ли сил?! А ведь сейчас я могла бы нежиться в горячей ванне или спать в мягкой постели, а не лежать неизвестно где, голодной и раненой на холодных камнях. Самое удивительное, что даже мысли не возникло о том, чтобы остаться с Арвидом. Ведь он не лгал, он действительно обеспечил бы мне райскую жизнь. «Викинг» красив, богат, влиятелен и через некоторое время я была бы любимой супругой северного пархонта. Почему же я не осталась? Почему опять сбежала?!»

Вжавшись в сопящего рядом друга, я глубоко вздохнула: «Когда-то Мозговой был прав... Это любовь... Самая настоящая! Я люблю прекрасные изумрудные глаза, люблю клыкастую ехидную улыбку, потрясающий умильный смех над моими шутками, и даже то, как он злится и психует. И готова плыть через холодные, бушующие воды, через стаи хищных кархаронов, чтобы быть рядом с ним, плыть за его мечтой, потому что я... безумно люблю своего ангалина... Но ведь и Дайка я тоже люблю... Я была так счастлива, когда

он сказал, что его семья – это мы и что добровольно он со мной не расстанется...»

Из рассказов Няня я знала, что он очень любил своих родителей, но те трагические события произошли так давно, что он уже не испытывал той прежней, детской боли от потери семьи. Конечно, когда они с Хиллом узнали, что мама Дайка и сестра живы, то боль от потери вспыхнула с новой силой, и мой любимый лекарь согласился на предложение Карелла, ведь деньги Атаман обещал немалые.

Дайк не раз говорил, что за это время очень многое осмыслил и внутренне изменился и что важную, и чуть ли не главную, роль в этих переменах сыграла я, что мне всегда было очень приятно слышать. А теперь он на «Медузе», а мы здесь... Ают выполнил мой приказ и не выпустил Дайка со шхуны, за что я обязательно его поблагодарю, если доберёмся, конечно... Дайк ждёт нас, и Бумер, и, надеюсь, команда и капитан...

Глава 22

Когда я открыла глаза, Макса рядом не было. Уже вечерело и скоро мы снова отправимся в путь. В желудке громко урчало, а мысль, что опять придётся есть сырую рыбу, вызвала рвотный спазм. Несколько минут я разминалась, растягивая затёкшие мышцы, а потом уселась возле небольшого углубления в камнях, полного воды.

Выбоина была почти круглая, как ведро литров на десять. «Хорошо бы сварить еду в такой природной кастрюле! – пришла мысль. – А что, собственно, мешает это сделать?! – я даже на радостях вскочила. – Вот же балда! Ну точно! Тан не раз говорил, что моя недогадливость, а по-моему тупость, иногда просто зашкаливает! Я же могу не только усилить акустику своего голоса или закрутить в вихре воздушные потоки, но и воду контролировать тоже могу! Гидрогазодинамика! Осталось выяснить, как это сделать!»

Я закрыла глаза и очутилась в библиотеке. Долго лазить по стеллажам не пришлось. Вся литература стояла в алфавитном порядке по часовой стрелке, и я быстро отыскала нужный справочник. Он был написан от руки, чётким, легко читаемым почерком. Пробегая глазами страницы, я поражалась тому, как много Тан успел сделать, пока жил внутри меня. Ведь это было написано его рукой, я прекрасно знала его почерк. Большинство записей и формул были словно китайская грамота, однако в разделе про жидкости, в главе «Вода» обнаружилось кое-что понятное.

Способов нагреть воду без огня было несколько, хотя там не шла речь конкретно о кипячении. Разницу между кипячением и испарением я прекрасно понимала и, не вдаваясь в излишне заумные объяснения, искала приемлемый для себя способ. Ультразвук я отмела сразу, так как мои акустические возможности на такие частоты не распространялись, во всяком случае пока. Кавитация также не подходила, по-

добный эффект нельзя было удержать достаточно долго, а вот использование непрерывного энергетического вектора, направленного в определённую точку, вернее на предмет, к которому его можно было привязать, показалось вполне осуществимым. Почти то же самое, что метнуть копье или выстрелить из лука, только нужно было не отпускать, придавая мощный импульс, а держать и притом стабильно.

Я подобрала небольшой камешек и, вызвав внутри уже давно знакомое состояние готового лопнуть пузыря, бросила его в выемку с водой. Бросить-то бросила, но не отпустила... Не видимая, а только осязаемая нить тянулась от меня к камешку на дне и по ней в чёрный обломок скалы продолжала поступать внутренняя энергия. После того как успокоилась рябь, несколько секунд ничего не происходило, а потом камень стал быстро покрываться пузырьками воздуха, которых становилось всё больше и больше, пока из воды не начал доноситься тихий шум.

В полной сосредоточенности я не сводила глаз с цели, как вдруг рядом бухнулась трепещущая, живая рыба тушка. Я дёрнулась, а Макс зашипел:

– Что ты делаешь-ш-шь?!

– Да вот пыталась воду вскипятить, а ты всё испортил!

Придётся начинать сначала!

Он быстрым движением выхватил меч из-за спины и отсек рыбине голову:

– С-с-скоро в путь, потом займёшь-ш-шься с-с-своими

опытами, – и вспоров добыче брюхо, выпотрошил её в несколько движений, а крупные нарубленные куски закинул в мою каменную кастрюлю типа помыть.

Я скривилась:

– Фу-у-у! Ну, Максик! Не могу я есть сырую рыбу!

– Вполне можеш-ш-шь. Мне кормить тебя с-с-силой?!

Мы ещё немного попререкались, но свою норму из двух кусков я съела, хоть и было противно. Но то, что случилось дальше, с сырой рыбой не шло ни в какое сравнение. Макс поймал липкого червя! Когда я увидела то, вернее того, кого он собирался посадить мне на лицо, то он и сам пожалел, что сначала заставил меня поесть. Рвота мучила меня минут десять, не меньше. Из желудка вылетело всё и, наверно, даже то, чего там не было!

Жуткий, слизкий, серый моллюск, напоминающий огородного слизня с тысячу, а может, сотней тысяч тонких, ужасных, противных щупалец по всей нижней поверхности его тела. Они шевелились и тянулись ко мне. Я выставила руки, отталкивая Макса:

– Нет!!! Убери эту гадость!!! Я не смогу! Да пока мы доплывём, он мне всё лицо сожрёт!!! Да ты совсем сбрендил!!! Убери его! Уж лучше кархароны!

– Кари! Пос-с-слушай! Пос-с-слушай! – Макс бегал за мной по пещерке, пока не припёр в угол. – Пос-с-слушай меня! Не сожрёт! Не бойс-с-ся!!! Червь полностью покроет рану! Ни одна капля крови, даж-ж-же мельчайш-ш-шая, не по-

падёт в воду! Нас не с-с-смогут учуять! Червь ес-с-ст очень медленно. Мы его неделями иногда на ранах держ-ж-жали и ничего, потом вс-с-сё хорошо з-з-заживало, даже быс-с-стрее! Если этого не с-с-сделать, то на «Медуз-з-зу» мы точно не попадём! Мы не доплывём, Кари!!!

Я опустила на корточки и стянула повязку с лица:

– А ты точно сможешь его потом снять?!

– Конечно!

– Ладно... – я закрыла глаза.

– Руки дай... – голос друга немного дрогнул.

– Зачем?!

– Дай руки! – он сказал твёрдо и даже жёстко.

Я протянула ладони, и железная хватка хвостовых пальцев сомкнулась на запястьях, а холодное, скользкое создание упало на лицо. Я дёрнулась, пытаюсь стряхнуть со щеки эту мерзость. Больно не было, но ощущение тысяч щупалец, пронизывающих ткани, опять вызвало рвотные спазмы. Ещё какое-то время я чувствовала шевеление червя, который присасывался с невероятной силой, будто стягивая под себя всю кожу на голове и лице, а потом это ощущение почти исчезло. Макс разжал пальцы:

– Вс-с-сё... Только с-с-старайся не трогать его... Будеш-ш-шь часто дотрагиваться и он будет впиватьс-с-ся глубж-ж-же...

– А говорить и есть я смогу? – голос срывался, руки дрожали, а желудок приклеился к позвоночнику.

– Можеш-ш-шь... Он реагирует на внеш-ш-шнее раз-з-здражение верхней час-с-сти тела. Липкий червь питаетс-с-ся только ж-ж-живой добычей...

Я зажмурилась, пытаюсь дышать как можно глубже: «Спокойствие, только спокойствие, как говорил великий Карлсон. Догоним шхуну, и Макс его снимет. Нужно потерпеть, просто потерпеть... Ради Макса, ради Дайка, Бумера, да и себя, в конце концов...»

Снова поесть я так и не смогла, как Макс не уговаривал. До широкого залива, в который впадал приток озера Богов, мы добрались к рассвету. Макс плыл быстро, но так уже не гнал – округа была довольно пустынна. Лишь раз попало небольшое селение по пути, хотя в ночной тьме я разглядела только огни на берегу, тени домов да силуэты нескольких галер и парусных лодок. В посёлке, похоже, происходило какое-то гуляние, так как слышались песни и бодрая ритмичная музыка.

В ярких лучах восходящих светил мы пересекли залив, но Макс не остановился. На горизонте виднелась череда островов, и мой друг взял курс прямо туда. Если в озере, реке и заливе волнение было не слишком сильным, то открытое море подтвердило наихудшие опасения. Одно дело бороздить водные просторы на крепкой шхуне, под хлопанье парусов и совсем другое – лёжа на спине морского жителя! Хотя в буквальном смысле не очень-то и лежа. Я просто держалась за ремни доспехов и меня иногда сносило в стороны, а часто

бывало, что тело будто парило над ангалином.

Лимм не только спасал от переохлаждения, но и придавал телу нужную обтекаемость и лёгкость, благодаря чему Макс почти без усилий нёс меня за собой. Одно было плохо – очень мёрзла голова. Это я прочувствовала ещё в первом долгом заплыве. Руки были уже защищены, как и всё тело, а вот головушка моя многострадальная рисковала остаться без последних мозгов. Если всё получится и шхуну мы догоним, то воспаление мозга, отит, ангина, фронтит, гайморит и все другие возможные заболевания в голове мне, наверно, гарантированы.

До островной гряды мы добрались благополучно. Макс выбрал маленький скалистый островок с глубокой пещерой по южной стороне. И вот тут передо мной встала новая проблема – пресная вода! Ангалины могли пить любую воду, хотя и предпочитали пресную, а я-то – нет! Пока Макс охотился, я облазила весь остров и нашла несколько глубоких расщелин с дождевой водой, может, и не совсем дождевой, но солёность была очень низкая. Потом обошла пещеру и выпила конденсат, который в нескольких местах стекал по скалам в маленькие ямки, и только после этого уселась на камень возле трещины в базальтовой породе, где скопилась морская вода, и начала повторять прежний опыт с кипячением.

Всё получилось очень быстро. В качестве привязной точки я использовала скальный обломок размером с два моих кулака и минут через пять над широкой каменной кастрюлей

начал подниматься пар, а потом вода бурно закипела. Когда вернулся Макс с добычей, я прыгала вокруг самодельного горячего источника и вопила диким голосом:

– Спасибо! Спасибо, гад ты этакий! Ты слышишь?! У меня получилось! Получи-и-илось!!!

– Ты кого гадом наз-з-звала?! – резкий шипящий голос оборвал сумасшедший танец.

– Не тебя!

– Его?! – Макс бросил рыбу и осторожно проверил лапой воду. – Горячая... Как ты это с-с-сделала?!

– Профессор в библиотеке отличный справочник оставил.

– Но он ж-ж-же ушёл? – ангалин хмурился и недовольно дёргал хвостом.

– Ушёл... – я присела рядом с ним. – Макс, ты чего?

Он отвернулся и принялся потрошить рыбу. И как-то так излишне резко всё делал, что я решила пока помалкивать и не трогать это двухметровое, психованное, рептилоидное создание.

– Ну, что сидиш-ш-шь?! Воду кипяти! – и, сграбастав несколько крупных кусков, начал промывать их от остатков крови в соседней расщелине с водой.

Я наелась так, что даже встать не могла. Горячая еда! Внутренности согрелись, и желудок радостно принялся за свою работу. Липкий червь на лице совсем не мешал. Я ела и он ел... Только я – отварную рыбу, а он – сырую меня.

В море режим нашего путешествия изменился. Двигаться

лучше было днём, а отдыхать ночью, так как кархаронам и другим хищным морским тварям было всё равно, когда охотиться. Они могли быть одинаково активны и днём, и ночью. Хотя для Макса время суток тоже не имело большого значения, однако северные воды были ему плохо знакомы, и он боялся, что ночью может не заметить какую-либо опасность.

После плотного ужина я на карачках подползла к Максy под бок и, крепко обняв, прижалась. Он стиснул меня всеми лапами, вылизал ухо и тихонько зашипел:

– Только не злис-с-сь... Тебе так тяжело сейчас-с-с, а я не с-с-смог с-с-сдержаться...

Я погладила чешуйчатую голову и улыбнулась:

– А с чего ты так взъелся?

– Прос-с-сто когда ты этого профессора вспоминаеш-ш-шь, меня это жутко раз-з-здражает... И каж-ж-жется иногда, что ес-с-сли он вернётся, ну... обратно в твою голову, то заберёт тебя навс-с-егда... Я до сих пор не понимаю вс-с-се-го этого... как так мож-ж-жно общаться с кем-то, кто с-с-сидит внутри, и как там, вообщ-щ-ще, может кто-то с-с-сидеть, и ж-ж-жить, и что-то делать... Помниш-ш-шь, с-с-сколько времени ты зимой проводила там с-с-с ним, внутри себя?

Я кивнула и спрятала лицо на бархатистой груди:

– Помню...

– Ведь это не прос-с-сто так... Ты что-то чувствуеш-ш-шь к нему...

– Макс, ты ревнуешь?!

– Да! И это очень злит! Я так обрадовалс-с-ся, когда Дайк с-с-сказал, что он ис-с-счез из наш-ш-шей жиз-з-зни. Эти с-с-странные отлучки, когда тебя нельзя добудитьс-с-ся, тренировки... эти, как их... лекции... Это страш-ш-шно, Кари... Страш-ш-шно, потому что непонятно!

– Я и сама плохо понимаю, просто принимаю как данность. На Окатане слишком много загадок...

Он хмыкнул и вспыхнул мягким ровным светом:

– Вот пока я не з-з-знал тебя, всё было гораз-з-здо прощ-щ-ще и понятней...

– Жалеешь? – Перебирая чешуйки, я вдыхала запах его шкуры и слушала мощный, ритмичный, но успокаивающий стук сердца.

– Даже и в мыс-с-слях не было... – Золотое свечение сменилось нежно-сиреневым с бегущей дорожкой ярких искр.

Подняв голову, я заглянула в сияющие глубокой зеленой глаза:

– Я очень люблю тебя, и совсем не как друга... Пусть ты ангалин, а я – нет... Это ничего не меняет, Макс...

– Но ведь и Дайка ты тоже любиш-ш-шь?

– Да, люблю... И ничего не могу с этим поделать, что-то решить...

– А з-з-зачем решать? Раз-з-зве плохо мы жили вс-с-се вмес-с-сте?

– Ты хочешь сказать, что к Дайку ревности нет?

– Так, иногда... Он мне с-с-стал почти как брат за это вре-

мя, и мы прекрас-с-сно понимаем друг друга.

Макс очень глубоко вздохнул и откинул когтем прядь волос с моего лба:

– Ес-с-сли с превращ-щ-щением ничего не получитс-с-ся, ну... если мы не выяс-с-сним, в чём была ош-ш-шибка или подвох какой... я с-с-смогу жить с вами? Если ты, конечно, не решиш-ш-шь вернуться в с-с-свой мир?

От такого, по сути, детского вопроса и тем более сказанного просящим, умоляющим тоном я чуть не разрыдалась, а в голове всплыла мысль, прочитанная когда-то давным-давно, что, если ты спас кому-то жизнь, значит, ты навсегда за него в ответе.

– Зачем ты спрашиваешь? Ты знаешь ответ...

– Хочу, чтобы ты с-с-сказала...

Я потёрлась о грудную шерсть, стирая слёзы:

– Как же без тебя... Конечно, ты будешь с нами, а вот вернусь я на Землю или нет, не знаю. Не хочу тебя обманывать, да и себя тоже, тем более что пока толком неизвестно, как это сделать. Помнишь, в Вечном свитке Аюта четверостишие?

Макс кивнул, продолжая поглаживать меня по спине.

– Я почему-то уверена, что Киф писал именно про возвращение, только для этого нужно схватить за руку бога, а вот как это сделать и где этого бога взять, там не сказано.

Мой ангалин нежно лизнул меня и улыбнулся:

– С-с-спи, шаари, нам нуж-ж-жно много с-с-сил.

Под его мерное дыхание и шум прибоя у скал я всё-таки

уснула.

Глава 23. «Чёрная медуза»

Дайк лежал на койке в маленькой каюте и пялился на дверь. Уже пятые сутки Ают не выпускал его. Ещё саднили сбитые о твёрдые челюсти членов команды и капитана кулаки, и тянуло плечо, но парня это не беспокоило. «Кари рассказывала, как Аютан запер её в этой же каюте в первое плавание на «Медузе», а теперь и я в таком же положении...» — и он усмехнулся, заложив руки за голову.

В дверь несколько раз стукнули, но Дайк ничего не ответил. Послышалось лязганье замка и, пригнув голову, вошёл капитан:

– Выходи.

Дайк съехидничал:

– Уже?! Мы далеко в море?!

– Далеко. От Даго до Рваного мыса при таком ветре доберёмся быстро, дня за три, и будем их ждать. Ждать столько, сколько понадобится.

Дайк молниеносно спрыгнул с койки, но Ают успел выскочить и почти закрыть дверь.

– Мы их бросили!!! Ты понимаешь?! Мы бросили Кари! Одну! На Севере! Ты бросил!!!

Дайк ломился в дверь, а Ают, уперевшись ногами, еле-еле сдерживал мощный натиск: «Во здоровый! А по виду никак

не скажешь, лекарь-лекарем! Хорошую дверь поставили, не зря переплатил». Капитан толкал изо всех сил, но под ударами Дайка дерево начало трещать.

На грохот прибежали Тиль, Данко и Тощий Солан, который не был тощим в прямом смысле. На самом деле Сол был самым крупным и сильным из всей команды и выполнял наиболее тяжёлую работу. Тощим его прозвали за невероятную щедрость. Он тратил деньги с немыслимой скоростью, поэтому их у него никогда и не было. Его кожаный мешочек для хранения наличности почти всегда был пуст, то есть тощ. Капитан даже не помнил, кто и когда дал Солану такое прозвище, но оно приклеилось намертво, и здоровяк на него давно не обижался.

Совместными усилиями мужчинам удалось сломить сопротивление парня, и Ают опять повесил на каюту замок.

– Куда ты собрался, Дайк?! Даго уже скрылся за горизонтом! – капитан немного злорадно рассмеялся. – Ты же не ангалин, который легко доберётся вплавь! Да и кархароны попадают! Будешь сидеть под замком, пока не угомонишься!

Он развернулся, чтобы уйти, и даже успел сделать несколько шагов в сторону лестницы на палубу, однако вернулся и ткнулся лбом в тёмное дерево. В каюте было тихо.

– Дайк, Дайк... – Ответа капитан не услышал. – Мы будем держать выбранный курс. Кари приказала – я выполнил. Посмотришь, когда она вернётся – спасибо скажет.

– С чего ты взял, что она вернётся? – голос за дверью дро-

жал.

– Она не одна, с ней Макс и они нас догонят, вот увидишь...

– Ты уверен?

Ают вздохнул и погладил дверь, будто пытаясь успокоить парня:

– Кари – богиня и всё сможет. Мы должны ждать их, Дайк... Ждать...

В каюте послышались шаги и какие-то звуки, похожие на всхлипы:

– Да какая она богиня... Девчонка... Просто девчонка из другого мира, вот и всё...

Ают ещё немного постоял, бряцая ключами:

– Я сейчас открою, и делай что хочешь... Можешь в море прыгнуть, держать не буду. Я обещал Кари и всё, что мог, сделал. Не хочу больше держать тебя взаперти. – Он вставил ключ, замок щёлкнул, но дверь не открыл. – Кстати, может, сначала это чудовище в трюме посмотришь? Тиль к нему подходить боится, вся шхуна уже провоняла, даже лошади шарахаются. И Бумер воеет, и не ест ничего...

В каюте послышался плеск воды у умывальника, а потом дверь резко распахнулась. Бледное лицо с трёхдневной щетиной, красные глаза, мокрые волосы, но вид парня выражал спокойствие и решимость:

– Ают, прости... Я забыл, что должен думать не только о своих чувствах. Мы будем ждать, ждать их возвращения.

Капитан кивнул и улыбнулся:

– Вот и отлично!

Глава 24. Где-то в Северном море

Я постепенно привыкала к морю. Макс сказал, что придерживаясь такого темпа, мы будем у Рваного мыса дней через семь-восемь. Погода благоприятствовала, а кархаронов мы видели пока лишь несколько раз и то очень далеко. В этой части моря было много островов и на ночь удавалось доплыть до места очередной стоянки.

Меня очень мучила жажда, а от солёной воды и ветра кожа на лице начала трескаться и местами облазить. А вот мой червяк на щеке чувствовал себя прекрасно. Он настолько прилип, что я даже иногда забывала о нём, только иногда ощущалось, как он глубоко в тканях шевелит своими щупальцами.

В сравнении с общими, абсолютно нечеловеческими, условиями, питались мы неплохо. Один раз Максу удалось даже какую-то морскую птицу поймать, и я с наслаждением вгрызлась в горячее, пусть и несолёное мясо. Кипятила воду я уже на раз и в различных объёмах, дышала над паром для обогрева и собирала дождевую воду, для этих целей мой ангалинчик добыл несколько подходящих раковин. По ночам я засыпала в крепких объятиях своего друга, под его нежное шипение и успокоительные поглаживания.

Чем дальше на юго-запад мы продвигались, тем становилось теплее, однако меня это не спасало от мучений. Когда до мыса оставалось около двух суток пути, мы попали в сильное течение. Макс очень обрадовался и, спросив меня о самочувствии, решил на ночь не останавливаться. Водный поток был узким, но очень быстрым и, что важно, стремился в нужном нам направлении. Таким образом, Макс надеялся сэкономить силы и время, пока течение не свернуло в другую сторону.

Для меня же эти сутки сплошного движения по морским просторам оказались самыми тяжёлыми. Губы уже настолько потрескались, что во рту ощущался стойкий металлический привкус. А это было плохо, очень плохо. Сжимая их насколько можно, я держалась за ремни в надежде, что кровь не попадёт в воду. Ещё одного червя, да ещё и во рту, я бы уже не вынесла.

К рассвету мои силы закончились, совсем. Несколько раз я почти заснула, прямо на ходу, и чуть не захлебнулась. Естественно, пока кашляла, рот был открыт. И, стирая одной рукой солёные брызги, заметила, что перчатки лимма в крови – на губе образовалась глубокая кровоточащая трещина.

Я покрутила головой по сторонам. Как назло, в поле видимости не было ни одного острова, даже малюсенького. Кругом бескрайнее море, восходящие солнца и волны с белыми барашками... Течение ещё несло нас, и я решила пока ничего не говорить Максусу, деваться-то всё равно некуда.

Через несколько часов, когда я уже совсем не чувствовала рук и боялась случайно разжать пальцы, поток начал ослабевать и Макс, резко ударив хвостом, рванул в сторону.

– С-с-сворачивает! Оно с-с-сворачивает! – прокричал он, слегка обернувшись, и дальше мы поплыли уже своим ходом.

А еще через некоторое время объявились кархароны. Четыре высоких, острых плавника с длинными парными отростками по бокам показались позади. Они были ещё очень далеко, но я не сомневалась, что плывут они за нами. Я подёрнула ремень:

– Кархароны, Макс! Кархароны!!!

Макс глянул вдаль, потом на меня и, конечно, всё заметил.

– Прости, Максик... – со слезами на глазах я кусала окровавленные губы.

Он ничего не ответил, а только резко рванул вперёд.

Эту гонку за жизнь я не забуду никогда. И хотя было очень страшно, в первую очередь думалось о том, как глупо и трагично всё закончится, что все усилия напрасны и что мой удивительный, любимый друг погибнет, спасая меня. Погода была великолепна, на небе ни облачка, светила почти в зените, лёгкое волнение и... несущаяся позади ужасная смерть.

Макс несколько раз оглянулся, а потом остановился. Я сползла с него и повисла в воде как поплавок. Он выхватил длинный меч из-за спины и грустно улыбнулся:

– Мы сделали вс-с-сё, что с-с-смогли...

Я бросилась к другу на шею:

– Макс! Макс! Уплывай! Оставь меня! Без меня ты выживешь! Мне уже не страшно! Не страшно...

Кархароны приближались, и я уже чётко различала их огромные, тёмные силуэты.

– Мы умрём вмес-с-сте, Кари! – его голос даже не дрогнул, а зелёные глаза сверкали решимостью. Так просто сдаваться он точно не собирался.

Глянув в сторону, я заметила на горизонте тень корабля и завопила как ненормальная:

– Шхуна!!! Там корабль!!!

Не мешкая ни секунды, мой друг вложил меч в ножны за спиной, а я схватилась за доспехи. Так быстро он не нёсся никогда, однако чёрные плавники неумолимо приближались. Когда я различила треугольный парус на носу, то чуть не потеряла сознание:

– Это «Медуза»!!! «Медуза», Макс!!!

Ангалин уже выбивался из сил и, задыхаясь, обернулся:

– З-з-зови их, Кари! Зови!!! Так, как можеш-ш-шь!

Подтянув колено, я упёрлась в его спину, привстав над водой и глубоко вдохнув, представила шхуну как спасительное дерево на краю райского поля:

– Да-а-а-а-айк!!! Да-а-а-а-йк!!!

Все остатки сил, всю любовь к своим друзьям я вложила в этот крик, а потом обернулась на догоняющих чудовищ:

– Про-о-очь!!! Убира-а-айтесь!!!

Бабахнуло так и ударная волна поднялась такая, что хищных тварей отбросило назад, а от моих криков мы с Максом временно оглохли, но он продолжал плыть навстречу шхуне, которая уже летела к нам на всех парусах.

Когда несколько толстых канатов упали рядом и Макс зубами ухватился за ближайший, я начала терять сознание, а дальнейшее происходило как в старом, немом кино. Рухнув на доски палубы, я видела всех, но то, что они кричали, а они именно кричали, не слышала. Взволнованные лица: Ают, Данко, Тиль, Найр, Кул и все остальные... Слезы на глазах Дайка, который тряс меня, Бумер, суматошно вылизывающий лицо, и смертельно усталый оскал Макса, который наклоняется ко мне и цепляет передними зубами червя на щеке. Ангалин дёрнул так резко, что мне показалось, будто вместе с паразитом он содрал всю кожу с головы, словно скальп снял. От жуткого ощущения я завопила и последнее, что запомнила, так это летящий в море окровавленный ошмётток и горячую, как кипяток, кровь, заливающую руки и одежду моих друзей.

Волны... Бушующие волны, с грохотом бьющиеся об острые скалы... Голову наполнял такой шум, что хотелось оторвать её к чертям собачьим. Я открыла глаза и обнаружила себя лежащей в библиотеке. Вдоль стен качались книжные стеллажи, а письменный стол дёргался в стороны с жутким скрипом. «Ужас какой!» – успела я подумать и зажмурилась.

Снова разлепив веки, я увидела тренировочный зал: ме-

чи, копыя, боевые топоры на стенах. Пространство было уже более устойчиво, и я попыталась встать, но ничего не вышло: руки и ноги будто налились свинцом или намертво примагнитились к полу. «Может, я умираю или уже умерла...» – как ни странно, никакой паники или ужаса не было. Я просто лежала и тупо пялилась в высокий потолок, пока глаза не начали закрываться, а мерное покачивание в голове и уже не громкий, а тихий плеск волн не убаюкал окончательно.

Глава 25

Я очнулась через двое суток после нашего возвращения на «Чёрную медузу». Сначала ощутила тяжёлое, лохматое тело у бока и холодный, мокрый нос, тыкающийся в шею, потом лёгкие прикосновения к лицу и открыла глаза. Дайк сидел рядом и промакивал мою щёку какой-то лечебной бурдой.

– Дайк... – из горла вырвался хрип.

Он уставился на меня, но не сказал ни слова, только слезинка скатилась из уголка глаза. Просунув руки под мою спину, он крепко прижал меня к груди и зашептал:

– Кари-и-и...

Руки уже слушались, и я стиснула его в ответ. Попытки говорить успеха не принесли. Я не только немного оглохла, но и потеряла голос и на вопросы Няня о самочувствии могла лишь кивать да улыбаться одной половиной лица. Другая половина была уже зашита.

– Ну вот! Ты опять киваешь и улыбаешься, как тогда в лесу! – он засмеялся и рукавом рубашки утёр влажные глаза. – А я тебя штопаю, вернее уже заштопал...

Я хотела потрогать рану, но Дайк сжал мои пальцы:

– Не надо...

Тогда жестами я попыталась дать ему понять, что хочу глянуть в зеркало, но мой лекарь снял его с крюка на стене и спрятал за пазуху:

– Потом посмотришь...

Я не оставила попытки и продолжила жестикуляцию, показывая стилос и бумагу, но мой друг отклонил и эту просьбу:

– Тебе нужно есть, спать и восстанавливать силы, а не ерундой заниматься.

«Вот же зараза! Раскомандовался, пользуясь моим беспомощным состоянием!» Но всё-таки это приятно, когда друг может сказать твёрдое «нет!», проявляя таким образом любовь и заботу.

Через несколько дней я начала вставать, да и слух возвращался к норме. Голос тоже проявился, но был низким, хриплым и жутко скрипучим, как у старого, прокуренного алкоголика. Дайк смеялся и притворно морщился, когда я пыталась говорить, а Макс покатывался со смеху и вопил, что такой тембр, уже сам по себе, будет наводить ужас на моих собеседников, если голос полностью не восстановится.

Мой ангалин тоже несколько дней после бешеной гон-

ки только ел и спал. Команда была настолько рада ему, что мужики специально по несколько раз на дню ловили рыбу и подносили свежатинку своему любимчику, как только он просыпался. Макс царственно принимал угощение и опять засыпал.

Следующую остановку Ают собирался сделать уже в Гейзе, но не высаживать нас, как мы изначально планировали, а доставить до мыса Веры – это бы очень сэкономило время. В первый же вечер, когда я, наконец, вышла на палубу, то прямиком потопала к капитану. Он стоял у руля, держа курс на туманные острова на горизонте. Заметив, как я поднимаюсь, он зафиксировал руль и протянул руку. Сначала он долго рассматривал меня, а потом улыбнулся и отвёл глаза.

– Я совсем чудовище, да? – голос хрипел и срывался в сип.

– Ужас! – смеясь, Ают прикрыл уши ладонями. – Лучше молчи!

Меня тоже пробило на хохот:

– Уже не прекрасная богиня?!

Улыбка слетела с его лица и, сделав шаг навстречу, он уставился прямо в глаза:

– Великая... Великая, могущественная и прекрасная богиня! Вот какая ты, Кари! Я ожидал чего угодно: ураганов, цунами, радужных мостов в небесах, но только не того, что ты пересечёшь море на спине ангалина. И даже не представляю, как это возможно, тем более для женщины... – он ненадолго замолчал, сжимая мои ладони. – И твой голос... Этот

крик, зов... Он пронзил насквозь! Не знаю, как объяснить... Ты так позвала Дайка, что мы все почувствовали твою любовь к нему.

Обняв капитана, я прохрипела:

– Спасибо, Ают... Спасибо. Ты всё сделал правильно, я никогда этого не забуду.

Позади послышалось покашливание и я обернулась. Мои парни стояли на верхней палубе.

– Дайк, они обнимаютс-с-ся... – шипение Макса вызвало невольную улыбку.

– Ну хоть не целуются, – подойдя ближе, Дайк обнял за плечи. – Там кое-кто в трюме желает высказать тебе свою бесконечную благодарность.

Унюхав противный запах гниющего тела, я вспомнила о Скорбном Берке. Он обосновался в трюме неподалёку от наших лошадок. Тучка, завидев меня, радостно заржала, махая головой.

– Красавица, – я гладила пышную чёрную гриву. – Застоялась ты... Ну потерпи, потерпи, скоро будем на земле, ещё набегаешься...

Кобыла смешно фыркала, тщательно меня обнюхивая.

Скорбный Берк встретил меня твёрдым взглядом, стоя у деревянной перегородки прямо и даже как-то горделиво. В трюме было темновато, но свет фонарей давал возможность различить детали.

– Ну здравствуй, эрдана Кари, – проговорил он. Голос был

приятным, хоть и довольно низким. – Ты выполнила своё обещание.

Вслушиваясь в звуки голоса Берка, я уловила знакомые нотки, но списала это на ещё не полностью восстановившийся слух и перенесённые трудности. Также заметила, как Дайк, Макс, Тиль и капитан, который, оставив Данко у руля, тоже спустился с нами, недоумённо переглядываются.

– Поэтому, – продолжал басить Берк, – не хочу оставаться в долгу. Я знаю, кто ты, но и тебе скажу, кто я, вернее покажу. Я уже могу выйти на палубу, капитан?

Ают глянул сначала на меня, потом на Берка и кивнул.

– А нож, бритву и зеркало я могу ещё попросить?

Мужики настороженно переглянулись, а меня почему-то начал разбирать смех:

– Значит, ты не тот, за кого себя выдаёшь?!

– Чтобы всё объяснить, мне нужно то, что я попросил.

Теперь у меня не было никаких сомнений, что судьба свела нас с какой-то новой и удивительно-потрясающей личностью, хоть и жутко вонючей. Пока Дайк ходил за всем необходимым, а Тиль таскал горячую воду с камбуза, Берк расположился на носу, где начал раздеваться безо всякого стеснения. Команда, в полном составе, устроилась поблизости, с нескрываемым интересом наблюдая за его действиями. Когда Берк сбросил все лохмотья и, подковыривая ножом гниющие наросты, начал их просто отклеивать с кожи, у меня, как и у всех, отвисла челюсть. Через несколько минут на его

теле не осталось ни одной вонючей язвы, они «ароматной» кучкой валялись у ног. Он быстренько собрал их и швырнул в море. Потом окунул голову в горячую воду, подержал и, вынырнув, начал водить по ней пальцами, сдирая длинные, слизкие пряди до тех пор, пока перед нами не предстал худой, но здоровый и нормальный мужчина, вполне молодой, возможно, ровесник Аютана, с тёмно-каштановыми волосами и смеющимися, лучистыми, карими глазами.

На «Медузе» будто случился слёт пучеглазых сов. Все тарасились, тыкая в Берка пальцами, и ошалело улыбались. Дайк, обойдя это чудо по кругу, вдруг закричал:

– Каол! Ты – каол!!!

А капитан добавил:

– Глаза и уши Совета!

– Ну наконец-то догадались! – ответил Берк и вылил на себя ведро с горячей водой.

Пока наш удивительный гость брился и с помощью Тиля и Дайка приводил себя в порядок, я сидела на пузатом низком бочонке и размышляла над таким невероятным превращением, поглаживая Бу и попутно задавая Берку вопросы.

Каолы были самой загадочной и самой легендарной тайной службой при Совете Великого Террхана. Они были настолько засекречены, что слухи о них часто считались сказками. Совет всегда публично отрицал наличие собственной тайной разведки, но шило в мешке не утаишь, информация иногда просачивалась, хоть и довольно редко. Счита-

лось, что каолы способны на всё. Они настолько умели входить в нужный образ, что заподозрить в ремесленнике, или крестьянине, или воине тайного агента Совета было невозможно. Но даже не это являлось их главным качеством. Каолы обладали просто феноменальной памятью, и к подобной службе их готовили с раннего детства.

Оказывается, в Закатных горах была закрытая долина, где находилось нечто вроде школы для таких суперодарённых детей. Со времён древнейших сохранилась некая система тестов из вопросов и упражнений, которая помогала выявить в ребёнке такие уникальные способности. Слуги Совета периодически ездили по городам и посёлкам под видом торговцев и разыскивали новых кандидатов. А когда находили, то просто покупали у родителей ребёнка, если семья была большой и небогатой. Если же мальчик находился в более обеспеченной семье или родители не хотели расставаться со своим чадом, то в ход шли уже совсем другие методы, вплоть до имитации смерти малыша.

Когда Берк рассказал, как его когда-то отравили и он проснулся в зашитом саване, нас всех передёрнуло. Он был вторым сыном в семье богатого купца в Банкоре и родители категорически не хотели расставаться с ним. Не помогли ни уговоры, ни обещания должностей и золота. Его отец и мать сказали «нет». Тогда через несколько месяцев, после того как родители уже решили, что Совет оставил их в покое, младший сын неожиданно умер. На самом деле ребёнок

ку подсыпали яд этаи, который вызывает подобный смерти паралич всего тела, и даже местные лекари ничего не заподозрили.

Вот так Берк и оказался в Закатных горах. Обучение было строгим, а временами жестоким. С раннего возраста их учили выживать в любых условиях, владеть всеми видами оружия, различным ремёслам, языкам, обычаям и так далее и тому подобное. Короче, всему в буквальном смысле, благо уникальная память этому способствовала. Выдерживали такой темп и нагрузку не все. Дети умирали или гибли во время испытаний, но чаще сходили с ума, возможно, от переизбытка информации, которую в них старались запихнуть.

Все время обучения мальчикам усиленно «промывали мозги», внушая, что они вечные слуги Совета и их жизнь им не принадлежит. Чтобы, так сказать, подсластить пилюлю, воспитатели часто повторяли, что будущие каолы избраны самими богами во славу террхана помогать правящему дому удерживать власть. К слову сказать, таких, как Берк, было немного, однако я начала понимать, каким образом иногда информация попадает в Совет. Ведь не раз удивляло, что по таким обширным территориям слухи разносятся довольно быстро.

Образ Скорбного Берка уже давно использовался для разведывательных целей на Севере. Только самые способные и стойкие агенты-каолы брались за него. И ведь до сих пор северяне ничего не заподозрили, наоборот, они верили Берку,

особенно простой люд, в чём нам пришлось убедиться воочию.

– Что же заставило тебя изменить свои планы, ведь ты служишь в первую очередь Совету, а не террхану? – спросила я, внимательно наблюдая за нашим новым попутчиком.

Он заканчивал сбривать бороду и лукаво поглядывал в мою сторону:

– Такой шанс выпадает крайне редко, а если честно – никогда... – и вытер бритву о протянутую Тилем тряпку. – Если бы терре не убили и дом Растан не потерял веками налаженную стабильность, то я бы так и остался в рабстве Совета. Однако теперь уже я буду ставить этим стариканам условия...

Мы все переглянулись и я спросила:

– О чём ты говоришь?

Протирая чистое лицо полотенцем и вглядываясь в зеркало, Берк пристально изучал вполне приятное, на мой женский взгляд, отражение:

– Каолы действуют согласно указаниям Совета и это не они виноваты в том, что недоглядели и недослушали. Совет так боится нарушить волю древнейших, что иногда на некоторые серьёзные вещи закрывает глаза. И Элган, и Инзар давно внушали подозрения, а теперь уже поздно. Наши мудрые старцы допустили большую ошибку, пустив события на самотёк, и теперь я, согласно тем же законам древнейших, имею полное право требовать свободы, и они мне её предо-

ставят!

Закончив объяснения, наш «штирлиц» облачился в собранную командой одежку, натянул запасные сапоги капитана и, подпоясавшись широким ремнём, хлопнул Тиля по плечу:

– Спасибо всем, в долгу не останусь! В Гейзе у меня хранится хороший запас наличности, так что...

Новый, чистый Берк мне понравился, особенно глаза и хитрая улыбка. Некоторые интонации его речи очень напоминали Мозгового, и я некоторое время невольно вздрагивала, слыша его голос. Также оставалось загадкой спокойное отношение к нему Бумера. Мой волк подпускал каола к себе и даже позволял гладить.

Глава 26

Как-то на стоянке, когда до Гейзы оставалось всего несколько дней пути, а Макс отправился на вечернюю охоту, пообещав поискать моих любимых водорослей, которые мы всю зиму с удовольствием лопали в Латрасе, мы с Дайком и Бу сидели на носу и любовались багровым, удивительной красоты закатом. Пейзаж кругом был просто восхитителен. Окатын вообще богат на разнообразие красок, но таких оттенков красного, от нежно-розового до насыщенного пурпурного, я ещё никогда не видела и очень жалела, что картина прячущихся в море парных светил останется толь-

ко в памяти. В такие моменты так не хватало фотоаппарата или камеры! Даже злость брала, что никак нельзя мгновенно сохранить это невероятное по красоте великолепие Окатанской природы.

Берк присел рядом с нами и, положив ладонь на волка, принялся чесать его за ушами. Я не выдержала:

– Почему он так на тебя реагирует?

– Я тоже хотел об этом спросить, – добавил Дайк.

Берк улыбнулся, продолжая гладить моего питомца:

– Потому что я его не боюсь...

– Это не объяснение! Уверена, что дело не только в этом! – ну никак не верилось этим хитрющим глазам.

Вместо ответа он спросил:

– А как он попал к тебе?

В общих чертах я рассказала историю встречи с горной волчицей и то, как спасала слепого малыша от голодной смерти. Берк удовлетворённо хмыкнул:

– Сама того не ведая, эрдана Кари, ты использовала единственный известный способ приручения самого умного и опасного хищника на Восточных территориях.

– Ну нечто подобное я и предполагала... Только ведь ты Бумера своей кровью не поил, а он относится к тебе дружелюбно.

– Я – каол! А каолы очень необычные люди! – он захохотал, явно наслаждаясь своим превосходством.

– Ты так и не ответил...

– Мне нечего ответить. Возможно, я ему просто понравился... Особенно мой запах.

Я не поверила такому объяснению, хотя над фразой про запах мы посмеялись. После ужина моя «тёплая» компания собралась в каюте. Мы с Дайком устроились на койке, а Макс и Бу на полу. Макс «включил» свою подсветку, и Дайк принялся снимать швы с моего лица, но выглядел при этом как-то хмуро.

– Можно, наконец, посмотреть? Вы все зеркала от меня попрятали! – я слегка морщилась от неприятного ощущения вытаскиваемых ниток.

– Сейчас закончу и посмотришь...

Ещё несколько минут он возился, обрабатывая рану лечебными отварами, а потом достал из-за пазухи моё маленькое зеркало:

– Я сделал всё, что мог... – и отвёл глаза.

Глянув в отражение, я постаралась не подать виду, что расстроилась до глубины души. Шрам был длинный: почти от виска, через скулу, где порез был наиболее глубоким, всю щёку и заканчивался у нижней челюсти. Липкий червь всё-таки хорошо покушал за мой счёт и рану разъел. Хотя мне повезло, лицевые нервы не пострадали ни от стрелы, ни от червя, но не было никаких сомнений, что эта отметина на всю жизнь и полностью никогда не рассосётся. Арвида я буду помнить до конца дней своих, пусть и не он самолично стрелял в нас с Максом.

– Тебе не кажется, что я кого-то напоминаю? – я старалась говорить как можно спокойнее.

Дайк скривился, пытаясь улыбнуться через силу:

– Если встретитесь, будете два сапога – пара...

Продолжая разглядывать себя, я поразилась тому, насколько опять изменилась: снова заметно похудела, и на лице остались только синюющие глаза да этот шрам, едва начинающий заживать. Волосы стали грязно-серыми от длительного пребывания в солёной воде, краска придонных лаци смывалась, хоть и медленно. Стрижка «а-ля бешеный ёжик» уже немного отросла, но короткие, рваные пряди торчали во все стороны. Я не то что на богиню, даже на огородное пугало никак не тянула, а если ещё посчитать все шрамы, полученные за время пребывания на этой планете, то хотелось просто выгнать всех из каюты и в голос разрыдаться.

Макс, сияя нежно-сиреневым светом, положил тяжёлую голову мне на колени и смотрел так же жалостно, как и Бумер, который самозабвенно вылизывал мою ладонь, заглядывая в глаза и тихонько поскуливая.

– Ничего страшного, – я попыталась улыбнуться. – Это даже к лучшему...

– К какому лучшему?! – Дайк сжался, сложив руки на груди, а потом гневно глянул на Макса. – Вот если бы не ты, то ничего бы этого не было!

Ангалин моментально потух и дёрнулся, повернув к парню голову:

– Это я, что ли, с-с-стрелял в Кари?!

– А при чём тут это?! – Дайк вскочил, и я заметила, как сжались его кулаки. – Это ты нас уговорил отправиться за этими вашими «слезами»? Сидели бы сейчас спокойно в Латрасе!

Макс напрягся, прищурив глаза:

– Думай, что говориш-ш-шь, Дайк... З-з-забыл, что в Тагри наш-ш-шёл мать и сес-с-стру? Если бы мы ос-с-стались в Латрас-с-се, то ты бы их так никогда и не увидел. А ес-с-сли как лекарь ты нас-с-столько плох...

– Прекратите! – я попыталась сказать это громче, но голос опять сорвался в хрип. Первый раз на моей памяти мои мальчики начали серьёзно ругаться. Дайк развернулся в тесноте, зацепился плечом за косяк и вышел, громко хлопнув дверью, а Макс плюхнулся на хвост, нервно клацая зубами.

– А ты чего расселся? – Разговор на повышенных тонах был мне ещё недоступен. – Я хочу остаться одна, и пока вы не помиритесь, сюда можете не соваться.

Сверкнув глазищами, Макс пулей вылетел следом.

Я закрылась изнутри, затащила Бумера на койку и, ткнувшись носом в густую шерсть, попыталась предаться вселенскому горю, то есть рыданиям, но как-то не пошло. Через несколько минут начал разбирать идиотский смех, а когда я ещё разок, при свете лампы, полюбовалась на своё отражение, то смех превратился в басистое, клокочущее хохотанье, как у злобной ведьмы из страшной сказки.

«Сначала все восхищались моей красотой, а теперь я буду наводить ужас жутким внешним видом и низким, хриплым голосом! – я продолжала хохотать. – А ведь когда-то я этого и хотела, чтобы ни один мужчина в мою сторону больше не смотрел! Вот и получила, что заказывала!» Ещё долго я размышляла над превратностями судьбы, пыталась себя жалеть, а потом успокаивать, пока не заснула в обнимку с любимым лохматиком, который уже занимал большую часть узкого ложа.

Глава 27

В Гейзе мы застряли на трое суток. Этот город на северо-восточной окраине Восточных территорий был много больше Латраса и отличался от моих, так сказать, владений высокой крепостной стеной со стороны суши и удобной бухтой, закрытой от ветров. Также в западной части города имелась большая верфь для постройки и ремонта галер, шхун и барж. Кораблестроители Гейзы славились своим мастерством не только на Востоке. Этому также способствовали обширнейшие леса по всей округе, почти сплошь состоящие из высоких корабельных сосен, стройных гурангов и широких деревьев ди, которые шли на крепкие, удобные в обработке доски.

Как и Латрас, со смертью Великого Террхана и убийством назначенного наследника, Гейза обрела статус вольного го-

рода, однако среди местного населения царила большая смута в те дни, когда мы зашли на стоянку. Ожидали прибытия Элгана, который, как мы уже знали, собирался сдать северянам в долгосрочную аренду почти всё северное побережье Восточных территорий.

За стоянку с Аюта содрали кучу денег, объяснив такие поборы новым положением и необходимостью укреплять оборону. Однако наследник дома Лагран, которому Гейза теперь принадлежала единолично, как и мне Латрас, произвёл благоприятное впечатление. Так как никаких юбок и тем более платьев, да и вообще никакой женской одежды у меня уже не было, к тому же часть нормальных вещей пришлось бросить при побеге с галеры, включая любимые сапоги из крокодила, я ходила в обносках Дайка и команды. Ввиду опять изменившейся внешности, и не в лучшую сторону, я решила придерживаться ранее выбранного и теперь гораздо более подходящего образа худого, всклокоченного юноши и не собиралась никому сообщать ни своего имени, ни тем более рассказывать о статусе наследницы дома Матвэй. И поэтому новая добротная мужская одежда была очень нужна.

На встречу с хозяином города отправились Ают и Дайк, а мы с Берком, Тилем и Данко потопали на рынок и по местным лавкам, так сказать на шопинг. Бумера я оставила с Максом на шхуне, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, хотя он не хотел меня отпускать и жался к ногам, перегораживая дорогу. Берк оставил нас бродить по рыноч-

ной площади, а сам исчез на несколько часов.

Мы уже сидели в небольшой темноватой таверне со странным названием «Бледное ухо» и потягивали местный слабоалкогольный напиток, очень похожий на яблочный сидр, когда каол вернулся. Сначала мы не узнали человека, который порывисто уселся за стол и, свистнув парня у стойки, сыпнул на стол целую кучу мелких монет разного достоинства.

– Кшасы, запечённого мяса с овощами и миску любых фруктов! Плачу за всех! Нам есть что отметить!

Большеглазый парень в потёртом фартуке улыбнулся, смахнул звенящую кучку и помчался выполнять заказ. Берк выглядел прекрасно. Он где-то переоделся в удобный камзол бордового цвета, из-под которого виднелась чистая рубашка с чёрным жилетом. Темные штаны заправлены в высокие сапоги, к широкому ремню пристёгнут длинный узкий кинжал с красивой костяной рукояткой, а рядом со стулом он бросил парный седельный мешок.

– Вы столиком не ошиблись, фаэдр?! – захохотал Данко.

Вместо ответа Берк полез в карман и достал пару туго набитых денежных мешочков. Один протянул Данко, другой положил передо мной:

– Конечно, размер моей благодарности с этим не сравнится, но чем могу...

Я смотрела на подношение, а Данко радостно взвешивал его в руке:

– А ты не скуп!

Берк отмахнулся:

– Разделишь на всех. Каолы нищими не бывают, только прикидываются. Да и что такое золото? Главное на него всё равно не купишь... – и уставился на меня.

Я молча спрятала мешочек в карман с мыслью, что этих денег хватит на всё путешествие, каким бы долгим оно ни получилось, ведь наши золотые запасы, большую часть которых слопал Макс, заметно поубавились.

Когда накрыли на стол и мы только собрались выпить за благополучное возвращение на Восток, дверь таверны открылась и на пороге показались Дайк и капитан в сопровождении невысокого, сухощавого мужчины, которому все местные, включая хозяина таверны, тут же поклонились. Это и был владелец города – наследник дома Лагран. Сначала я не поняла, а он-то зачем пришёл, ведь все деловые вопросы решались в управе. Но, как оказалось, фаэдр Диган хотел поподробнее расспросить о нашем пребывании на Севере подальше от своих подчинённых, которым не очень-то доверял.

Гейза была весьма важным пунктом в этой части Восточных территорий. Отсюда корабли с грузами отправлялись на Север, в Даго, и именно сюда, в Гейзу, прибывали корабли северян для торговли. И пусть транзитный поток был не таким большим, как в Банкоре, однако место считалось очень доходным.

Заметив красивого переодетого Берка, мои друзья и бровью не повели, и я подумала, что наследник решил от-

правиться с ними неожиданно и мне лучше помалкивать. Неспешная беседа за вкусной едой затянулась. Фаэдр Диган расспрашивал о том, что мы видели и слышали в Тагри, как к нам отнеслись, не заметили ли мы больших скоплений кораблей и так далее и тому подобное. Когда разговор зашёл о допросе, который нам устроили, и интересе северян к претендентам на трон, наследник дома вздохнул:

– Да, Кареллан эн Растан объявил себя третьим претендентом. Он был здесь в начале весны, но у нас его не поддержали, и я теперь очень жалею, что не приложил больше усилий, чтобы убедить людей...

– Был? А куда уехал, не знаете, фаэдр? – Дайк спросил довольно расслабленно, как бы между прочим.

– На юг, вдоль побережья... Краем уха я слышал, что он с отрядом направился в Латрас, чтобы опередить Элгана и повидаться с тамошней новой наследницей дома Матвэй.

Мы с Нянем переглянулись, а городской хозяин меж тем продолжал:

– Вы же понимаете, какая сложная и непонятная обстановка сейчас... Как Совет мог допустить такое?

Берк поддакивая хмыкнул.

Чем больше я разглядывала и слушала своего, так сказать коллегу, тем больше он мне нравился – простой и вполне искренний человек, действительно думающий о людях. Он согласился с мнением большинства, среди которого было много переселенцев из Южных прерий, отошедших на Запад.

Эти люди считали Карелла виновным в своих бедах и поэтому воспротивились тому, чтобы выказать ему поддержку и предоставить помощь, хотя небольшая часть мужского населения всё-таки присоединилась к его отряду и покинула город.

– Говорят, наследница дома Матвэй – богиня... Вы знакомы с ней, Дайкаран?

Дайк чуть не поперхнулся, но кивнул. Остальные же сидели молча, уставившись в миски и усиленно жуя.

– До нас дошли такие странные слухи, будто она прекрасна, как звезда, и ей служат ангалины и подчиняются горные волки.

Я закрыла лицо кружкой, делая вид, что допиваю остатки сидра, а Дайк ответил:

– Все слухи – правда.

– Удивительно! – фаэдр Диган налил себе кшасы и широко улыбнулся. – А какая она?! Вот бы познакомиться!

В этот момент Берк толкнул меня под столом и хитро улыбнулся одними глазами.

Мне хотелось быстрее убраться из Гейзы, однако закупка продовольствия, одежды, оружия, инструментов, переделка кибитки, которую Дайк купил для транспортировки всех запасов и главное – Макса, заняла ещё два дня. Мы торопились, чтобы отплыть до того, как в город нагрянет старший сын покойного терра. Ведь было абсолютно не известно, чего ждать от него, а застрять в Гейзе, как в Тагри, никто не

жаждал.

Как только крытая, высокая повозка, наподобие тех, что использовали караванщики для своих странствий, была погружена на «Медузу», капитан начал подготовку к отплытию. Стуча о грубые доски сходен новыми, правда, уже не из крокодила, сапогами, я спустилась к стоящему на причале Берку. Каол широко улыбнулся, обнял меня и смачно чмокнул в здоровую щёку:

– Не надейся так легко от меня избавиться, Кари эн Матвэй.

Я всматривалась в его лицо, стараясь запомнить каждую деталь внешности, даже мельчайшую:

– Что ты этим хочешь сказать?

– Я догоню вас...

Мои брови удивлённо поползли вверх:

– Ты знаешь, куда мы едем?!

– В Храм ангов, который в горах за Раской.

– Но ведь никто не знает об этом, даже капитан!

Он захихикал, скорчив смешную рожицу и понизив голос, зашептал в ухо:

– Я – каол, Кари, не забывай об этом... Ангалинов на наших землях интересуют только две вещи: Храмы и золото, совсем не сложно понять. Да и капитан, и команда тоже об этом догадываются. Неужели ты думаешь, что кругом дураки?

– Нет, конечно... – я продолжала рассматривать его, по-

ражаясь не внешнему, а какому-то внутреннему сходству с Мозговым, который так до сих пор и не дал о себе знать, кроме того полусна-полуяви на галере. Также некоторые интонации голоса Берка постоянно напоминали о бывшем внутреннем сожителе. «Неужели это он?!» – мелькнула мысль. Собравшись с духом, я решила спросить:

– А как твоё настоящее имя?

С начала разговора мы прохаживались по пристани, среди суетящихся грузчиков и разного рода люда, сновавшего туда-сюда. Я настолько сосредоточилась на загадочном собеседнике, что не заметила, как мы остановились за углом невысокого строения то ли сарая, то ли склада. Берк опёрся ладонью о бревенчатую стену, будто отгородив меня от внешнего мира:

– У каолов нет имён... В этом мы равны Великим террханам, которые теряют личные имена, принимая власть. Можешь дать мне любое, какое захочешь...

– А имя Тан тебе ни о чём не говорит?

– Тан?! Эрдана Кари, вы такого высокого мнения обо мне?!

Я смутилась, теребя край короткой кожаной куртки, которую удалось подобрать в одной из лавок:

– Ты такой странный, Берк, тебе сложно верить...

Подняв на него глаза, я пыталась уловить хоть что-то, что дало бы повод подозревать его в обмане.

– А ты не верь, ты... – он наклонился, слегка касаясь лбом

моей головы, но договорить не успел. С пристани донеслись какие-то вопли, грохот падающих ящиков, и я увидела несущегося к нам Бумера. Волк схватил меня за штанину и потянул к шхуне.

– Иду, Бу, иду.

Берк присел перед Бумером и, потискав за лохматую гриву, прижал его голову к себе:

– Береги Кари, Бумер, охраняй!

Я хмыкнула:

– У меня столько охранников, что шагу ступить не дают.

– Много не мало, тем более теперь, – он поднялся и серьёзно посмотрел на меня. – Будьте осторожны, путь впереди долгий...

Я улыбнулась ему на прощанье, прихватила Бу за ошейник и направилась к шхуне.

Глава 28

Всю ночь «Медуза» шла полным ходом, ориентируясь на сияние Макса, который играл роль плавучего маяка. Ают справедливо рассудил, что чем дальше мы будем, тем лучше, а Макс поддержал его, предложив свою помощь в качестве ночного сопровождения, в этих местах в данное время года могли появиться крупные плавучие острова.

До мыса Веры было около недели пути, но, несмотря на неожиданные задержки, мы не очень сильно отстали от перво-

начального графика. Парни мои помирились ещё до захода в Гейзу, да и с каждого я взяла слово, что такого больше не повторится, так как я сама принимала решение об этом путешествии и никто не виноват, что моё лицо «украсилось» шрамом. Однако Дайк всё-таки очень переживал и каждый день на камбузе варил какие-то зелья из своих травяных запасов да штудировал толстый старый «лечебник» в поисках наилучшего средства для заживления. К сожалению, ни Тиль, ни Макс тоже не знали каких-либо чудодейственных способов избавиться от подобных рубцов, и я опять стала для моего лекаря подопытным кроликом.

Как-то ближе к вечеру, когда мы сидели на палубе и Дайк усиленно мазал мою щёку чем-то гуталиноподобным, Макс отправился на охоту, а команда занималась своими делами, раздался голос Кула с мачты:

– Смотрите! Смотрите!

Мы покрутили головами и уставились в том направлении, куда указывал дозорный. Было ещё светло, солнца только начинали клониться к закату, но на севере из-за горизонта пробивались какие-то тонкие, яркие, сиренево-красные лучи, то вспыхивая сверкающими искорками, то угасая. Сначала я подумала, что это зарница, однако Ают внёс необходимые уточнения:

– Это свет в доме Хранителя, про который говорил Берк. Мыс Веры уже близко...

– Ты его видел когда-нибудь? – спросил Дайк.

– Нет, первый раз... Когда Кари на шхуне, многое случается впервые, – и Ают грустно улыбнулся.

– Тогда почему ты уверен, что это то самое свечение?

– Потому что всё выглядит именно так, как отец рассказывал, когда я был совсем мальчишкой.

– Он видел его?

– Нет. Видел мой прадед или прапрадед, не помню точно, но описание совпадает.

Мы ещё долго любовались на странное явление удивительной красоты. Чем ниже светила клонились к горизонту, тем сильнее краснели загадочные лучи и тем ярче различались искры, проскакивающие между ними как тонкие фиолетовые молнии. Это лучистое свечение очень походило на тот нежно-сиреневый свет, который излучал Макс, когда давал выход своим чувствам ко мне. Я продолжала замороженно следить за игрой света и цвета на горизонте, пока окончательно не стемнело, и этот цветной свет не смешался с искрящимся, усыпанным миллиардами звёзд светом ночного неба над Окатаном.

Макс вернулся под утро уставший и очень довольный. Он не только хорошо поохотился на турманов, но и обнаружил огромное поле жемчужных моллюсков на отмели между двумя островами в часе плавания от нашей стоянки. И вместо заказанных мной любимых водорослей приволок целый мешок жемчуга. По местным меркам оценить стоимость такого количества идеального крупного белого, жёлтого и розового

жемчуга было невозможно.

– А давай с командой поделимся, – предложила я, когда мы вдоволь налюбовались на морские сокровища.

– Ну-у-у, – протянул мой ангалинчик, – жемчуг мож-ж-жно хорош-ш-шо продать...

– Ты вообще понимаешь, сколько здесь? – я укоризненно уставилась на друга. – Ты же за ночь всех местных моллюсков ограбил!

– Не вс-с-сех! Я брал только с-с-самые крупные и круглые. Знаеш-ш-шь, там их с-с-сколько было! Всё дно ус-с-стлано! Никак не мог ос-с-становиться...

– Не жадничай, Макс, – Дайк подхватил мою идею. – Всем будет очень приятно получить от тебя такие подарки на прощанье, ведь мы уже почти на месте.

– Я не ж-ж-жадный, я – хозяйс-с-ственный! – возбуждённо прошипел Макс. А я хрипло расхохоталась. Знакомая фраза, произнесённая за неизвестно сколько тысяч или миллионов световых лет от родного дома, порадовала до глубины души.

Полдня Макс скрупулёзно перебирал и делил жемчуг, закрывшись от всех в каюте. На недоумённые вопросы, чем он там занимается, мы с Дайком только загадочно улыбались. А вечером мы причалили. «Чёрная медуза» бросила якорь в лесистой бухте за мысом Веры неподалёку от старого каменного дома с удобным маленьким пирсом. Дом был пуст и открыт, хотя ещё сохранил следы недавнего проживания.

Ают сказал, что он вроде как общий. В этих местах деревень нет, а ближайшее поселение находится юго-западнее этье в тридцати, если не больше.

Мы выгрузили поклажу, запасы продуктов, кибитку и вывели лошадей, которые от счастья, что ступили на твёрдую землю, с громким ржанием принялись валяться в высокой траве. При участии всей команды работа была сделана очень быстро, и я даже опомниться не успела, как поняла, что плаваньё окончено и с рассветом «Медуза» отправится в обратный путь.

Несколько часов мы писали письма. Я – Балмаару, Гаю, Крианну и Гуну, Дайк – деду, но в Латрас, чтобы фаэдр Балмаар передал его Хиллу, как только он объявится в городе, где сообщал о встрече в Тагри с матерью и сестрой. Макс тоже написал письмо своим соплеменникам, оставшимся в Латрасе, взяв с капитана обещание передать лично в хвост любому из них.

Одаривание экипажа прошло при гробовом молчании, и мы никак не ожидали такой реакции. При свете фонарей и факелов мужики стояли хмурые, сжимая в ладонях узелки с жемчужинами. Макс не поскупился. Каждый узелок тянул на их пятилетний заработок, однако я заметила, как Данко хлопнул носом, когда Макс всучил ему подарок. Вручив капитану его долю, Макс уселся на хвост и обвёл всех строгим взглядом:

– Я что-то не понял... Кто-то умер?!

Мужчины молчали, опустив головы:

– Или вы реш-ш-шили, что это плата? Не нравитс-с-ся – отдавайте назад...

– Нет, – Данко быстро спрятал руку за спину. – Нравитс-ся...

– Но мы ж-ж-же друз-з-зья, верно?!

Этот простой вопрос вызвал бурю эмоций, их будто про-рвало. Нас обнимали, целовали, особенно затискали Макса, который лучился ярким светом, убеждая всех, что такого удивительного плаванья у него никогда не было. Аютан пожал Дайку руку, Максу – хвост, а потом крепко обнял каждого. Мне же достался смелый, глубокий, долгий поцелуй на глазах у всех, и я ответила на него.

А рано утром шхуны у причала уже не было. Только далеко-далеко показалось, как за горизонтом, окрашенные встающими светилами, исчезают алые паруса...

Часть 4. Храм

Глава 1

По еле заметной тропе кибитка двигалась медленно, а первые дни сухопутного путешествия превратились в мучение. Поначалу всех нас, включая лошадей, постоянно качало. Мы будто ощущали морскую болтанку, к которой настолько привыкли за время плавания, что почти не замечали, а наши тела никак не хотели понять, что мы уже находимся на твёрдой земле. Короче говоря, у всех перестраивался вестибулярный аппарат. К тому же Тучка и Рыжий никак не хотели идти в упряжке. Норовистая кобыла кусала жеребца, тот уклонялся, сбиваясь с шага, из-за чего крытая повозка несколько раз чуть не перевернулась. В конце концов, мы плюнули и решили запрягать их по очереди, и это сработало. Да и нам с Дайком больше понравилось чередовать седло с жёстким сиденьем крытого домика на колёсах.

Мой волк попал в свою стихию. Он убежал далеко в лес, исследуя новую для себя территорию, и был в полном восторге. Макс стойко терпел тряску, но в целом тоже чувствовал себя прекрасно. Особенно ему нравились ночные привалы, так как мы с Дайком ночью спали, а вот Макс и Бумер охраняли нас и лошадей.

Я уже была опытной путешественницей, поэтому сноровисто соорудила костёр и готовила еду, правда, разделять добытых Бумером зверюшек не могла, рука не поднималась – этим занимался Дайк. Мой Нянь по пути пополнял свои травяные запасы, которые уже изрядно истощились, заодно читая мне лекции по местной ботанике. Под крышей кибитки он натянул несколько верёвок и устроил сушилку для свежесобранных трав, и в дневное время суток Макс ехал окутанный насыщенными лесными ароматами.

Вот так, недели за две, мы и добрались до Раски. В сам город мы не поехали, так как после разговора с местными узнали, что город сдался Элгану, а наследник дома Атрай сидит в холодном подвале. Ведь Раска, как и Латрас, Гейза, Киф и Перрикол, тоже получила статус вольного города.

До глубокой ночи мы просидели у костра, размышляя над тем, что увидели и узнали за последние дни. А видели мы несколько сожжённых хуторов и подвезли две крестьянские семьи с маленькими детьми, которые лишились своих домов из-за того, что не захотели добровольно отдать воинам первого претендента лошадей и запасы продовольствия. Макс в это время прятался под двойным полом кибитки, который, по заказу Дайка, нам соорудили в Гейзе, наверно, предполагая, что он собирается там перевозить какие-то ценности или контрабанду.

– И что ты думаешь? – Дайк подбросил в костёр толстую ветку и уселся рядом на раскладной походный стульчик, от-

махиваясь от ночных насекомых.

Я хрипло откашлялась. После столь долгого пребывания в холодной воде и криков на грани всех возможных децибел, голос восстанавливался очень медленно.

– У наследника должна быть форма для чеканки рандов. Возможно, он и сидит под замком, потому что не выдаёт её. Выдать печать – значит нарушить законы древнейших. Вот Элган и держит его в подвале, а вероятно, и пытается.

Макс возбуждённо зашипел:

– Элгана со с-с-свитой нет в Рас-с-ске! Помните, что эти люди говорили?!

– Пусть город и сдался, но ведь наследник – нет... Вдруг можно что-то сделать?!

Дайк усмехнулся:

– Вот был уверен, что ты скажешь нечто подобное! Только нужно сначала сходить на разведку.

– Это может быть опасно, Дайк... – я тревожно глянула на парня.

– Я был в Раске несколько раз, ещё когда Кареллу помогал. Там должен быть его связной, если, конечно, не уехал куда. Фаэдр Раал держал таверну неподалёку от городской управы. Надо попытаться выяснить, что да как, а потом подумаем, сможем ли чем-то помочь, – Дайк ожидающе смотрел, а Макс нервно дёргал хвостом.

– Я боюсь за тебя. Вдруг что-то случится?

Нянь улыбнулся и погладил меня по щеке:

– Я приду как травник, никто ничего не заподозрит, вот увидишь... Карелл кое-чему меня всё-таки научил...

В общем, на том и порешили.

Глава 2. Латрас

Айра в панике мчалась по улице. Ни в новом доме, ни в доме Дайка Натри не было. Девочка хлюпнула носом, но сдержалась. Сжав кулачки, она помчалась дальше, попутно осматривая дворы. «Но ведь он может быть где угодно, и я опять буду виновата!» – рыданья начинали душить, но она всеми силами старалась не заплакать. Отец часто, шутя, упрекал мать в излишней слезливости и Айре это не нравилось. Ей не хотелось давать повода к таким, пусть и вполне безобидным, шуткам.

Дочь Гая предпочитала держаться внутри семьи, заниматься хозяйством и помогать беременной матери, которой было уже довольно тяжело управляться со всеми заботами, а не болтаться по городу, потому как местные парни сразу обратили на неё внимание и буквально не давали прохода, хотя и прекрасно знали, что до возраста невесты девочке как минимум ещё несколько лет. Каждый старался произвести на Айру впечатление, и Скай с отцом уже устали по-хорошему отваживать настойчивых кавалеров.

Айра скучала по дороге. Она и сама от себя не ожидала, что жизнь в Латрасе настолько ей не понравится. Хотя дело

было не в самом городе, а в неотступном и навязчивом внимании молодого мужского населения. Другое дело кочевая жизнь, когда надолго они нигде не задерживались и города, деревни, хутора полетали мимо, оставляя о себе вполне обыденные, а иногда и приятные впечатления.

А тут ещё и Натри опять пропал. Чтобы не будить маму, она взяла братишку с собой на огород. К завтраку хотелось отварить свежих сладких клубней и нарезать зелени, но случилась неприятность. Пока Айра копалась в грядках, Натри запутался в каморте и начал звать сестру и громко плакать. Чтобы быстрее решить проблему, она сбегала за флягой с расслабляющим отваром и отвязала его ножку. Буквально на мгновение девочка отвлеклась, как от брата осталось лишь лёгкое мерцание, на том месте, где он сидел. И теперь она бегала по городу, понимая, как же ей опять влетит.

Обежав пристань, кузницы и несколько улиц, Айра пошла к западной окраине, чтобы сообщить отцу и брату о пропаже. На негнущихся ногах девочка забралась по лестнице на уже довольно высокую крепостную стену. Гай о чём-то разговаривал с фаэдром Балмааром и не сразу её заметил, в отличие от городского главы:

– Айра? Что ты тут делаешь?

Гай обернулся и, глянув на дочь, сразу всё понял:

– Натри?!

Она закивала, и потоки слёз всё-таки вырвались наружу:

– Я маму не хотела будить... он запутался... заплакал...

и я...

– Скай где?!

Айра испуганно отступила:

– Не знаю... Он не приходил ещё... Я думала, он здесь...

– Гай, Гай... – фээдр Балмаар обеспокоенно дёргал собеседника за рукав. – Что случилось?!

– Натри пропал! Опять! Я ж говорил тебе, что есть у моего сына такая странность – исчезать неожиданно-негаданно.

Градоначальник взволнованно закивал:

– И что делать?!

– Искать!!! – Схватив дочь за руку, Гай Голос начал быстро спускаться по лестнице. – Нужны собаки и ангалинам надо сказать, у них тоже чутьё прекрасное!

Несколько часов совместных поисков результатов не принесли: горожане осмотрели свои дома, сараи и подвалы, были высланы дополнительные патрули на окраины и тщательно осмотрена пристань. Хейа сидела на лавке, откинувшись к бревенчатой стене и придерживая уже довольно большой живот. С момента, как она узнала о пропаже сына, женщина не произнесла ни слова и даже не плакала, хотя слёзы были нормальным её состоянием.

Скай принёс ведро воды, зачерпнул кружкой и протянул матери. Хейа подняла на старшего сына потухшие глаза, а он хмуро покачал головой в ответ.

– Почему тебя не было утром? – вдруг жёстко спросила она. – Отец сказал, что ты сменился задолго до его прихода.

Скай впери́л взгляд в пол, но ничего не ответил.

– Опять?! Ты снова за старое?! Забыл, что в столице было?!

Юноша продолжал угрюмо хмуриться:

– Не забыл... Мама, тебе нельзя волноваться...

– Нельзя, иначе ребёнок не родится... Но ведь вы уже взрослые и знаете, что с Натри глаз спускать нельзя! Одна в облаках витает, другой и здесь ночных подружек нашёл! – глубоко вздохнув, Хейа отмахнулась. – Всё... Идите с глаз...

– Мама, мама... я не хотела, – Айра пыталась прижаться к матери.

– Я знаю, дорогая... Знаю...

Уже во дворе девочка одёрнула старшего брата:

– Ну, Скай! Я же хотела его быстрее распутать!

Он резко обернулся и взмахнул руками:

– Мать правильно сказала! Ты непонятно о чём думаешь!

Нельзя было его отвязывать!

Девочка насупилась и огрызнулась:

– А ты где был?! Опять я одна во всём виновата?! Натри такой же мой брат, как и твой! Где тебя всё утро носило?!

– Не твоё дело! Ты его потеряла, а не я!

Закрыв лицо ладошками, Айра бросилась прочь со двора. Девочка неслась по улице, желая оказаться там, где её слёз никто не увидит.

У моря было ветрено. Тёплые волны окатывали ноги, а солёные брызги прохладной пеленой охлаждали разгорячён-

ное лицо. Девочка долго брела вдоль берега, рассматривая причудливые скалы. Она уже миновала бухту, только шла всё дальше и дальше, пытаясь звать младшего брата, но слышала лишь шум прибоя, да свист ветра в щелях между скалами.

Прислушавшись, девочка уловила некую мелодию, которая создавалась из звуков стихий. «Какая грустная музыка, – подумала она всхлипывая. – Невесёлую песню поёт ветер... Неужели Натри не найдётся?! Эх, была бы здесь эрдана Кари, она бы точно что-нибудь придумала! Она бы его нашла...»

Погружённая в переживания, Айра и не заметила, как оказалась у подножия Белой скалы. Едкий, противный запах ударил в нос и она сморщилась. Этого места она боялась. У Белой скалы жили ангалины и, кроме фаэдра Балмаара и одного из сыновей кузнеца Малахана, сюда никто не ездил.

Девочка осмотрелась. Сбоку виднелся крутой спуск, однако огромный валун преграждал дорогу: ни обойти, ни перелезть, если только вплавь, а плавала Айра плохо – Скаю не хватало терпения её научить. Запах был невыносим, и девочка уже решила повернуть обратно, как вдруг заметила расщелину и подумала, что, наверно, можно через этот скальный проход обогнуть гигантский камень и попасть на другую сторону.

Осторожно ступая, она просунулась в скальную щель. Внутри было не слишком темно и не так уж и страшно. Несколько минут она пробиралась по проходу, ожидая, что вот-вот выберется на противоположную сторону, как поза-

ди хрустнули камни. Вздрогнув всем телом, она вжалась в стену. Сердечко прыгало и стучало в груди, как у пойманной птицы. Хруст не прекратился, и она зажмурилась, а когда приоткрыла глаза, то увидела перед собой два ярких жёлтых диска с вертикальными полосками зрачков. От страха девочка порывисто вздохнула и начала сползать по стене.

– Ты что, дурёха, так испугалас-с-сь? – прошипел ангалин. – Я тебе ничего плохого не с-с-сделаю.

Он резко выбросил вперёд рукастый хвост, удерживая её от падения. От страха Айра сразу и не поняла, что ангалин заговорил с ней, хотя за всё время, что ящеры охраняли город, они ни с кем не разговаривали и общались только кивками и жестами. Когда до испуганного разума всё-таки дошла необычность ситуации, Айра подумала, что раз её спросили, то невежливо будет не ответить, и, заикаясь, произнесла:

– Я... я... Братика ищу... он потерялся...

Ангалин кивнул:

– Мы з-з-знаем. Балмаар прос-с-сил поискать его в пещ-щерах... Только как такой малыш-ш-ш мог туда попас-с-сть?! – и вдруг улыбнулся. От неожиданности девочка опять вздрогнула, но первый ужас начал всё же покидать её. Ангалин улыбался так искренне, что даже большие белые клыки показались не такими уж и страшными.

В это время в проходе слышались другие шипяще-свистящие голоса, и ангалин смешно подпрыгнул, снова обращаясь к девочке:

– А, похоже, наш-ш-шли! Слышиш-ш-шь?!

Он пронзительно свистнул в ответ и что-то проговорил вдаль на ангалинском, а потом снова уставился на девочку:

– Ну так ты идёш-ш-шь за ним или будеш-ш-шь с-с-стоять-бояться?

Айра кивнула в ответ и улыбнулась.

Ангалины наткнулись на мальчика в одной из дальних пещер. Натри тарачился на светящихся ящеров, которые окружили его, не зная, как подступиться к человеческому ребёнку, чтобы не напугать его ещё больше. Рядом с ним они выглядели огромными, чешуйчатыми гигантами, и длиннющие хвосты, словно змеи, шуршали по камням.

Когда Айра со сверкающим в темноте пещер и проходов провожатым добралась к брату, ангалины уже решали между собой, кто понесёт его на себе в город. Увидев сестру, Натри протянул к ней ручонки:

– Я не хотел! Я не хотел теряться! Айра! Айра! Я больше не буду!

Обнимая и целуя братишку, девочка повторяла:

– Конечно, не хотел! Конечно, не хотел! Я знаю, Натри!

Ангалины вывели детей из пещер и даже проводили поближе к городу. Крепко держа найдёныша за руку, Айра обернулась к ним:

– Спасибо! Вы нашли моего братика!

Рептилоиды заулыбались и дружно закивали, а тот самый желтоглазый, серый с широкой тёмной полосой, залез хво-

стом под свои доспехи и, ехидно ухмыляясь, долго что-то нащупывал там, а потом достал какой-то светлый камушек и сунул девочке в ладонь. Раскрыв пальцы, она чуть не задохнулась: на ладошке лежала крупная розовая жемчужина. Серый ангалин подмигнул ей и шипящей кучкой они двинулись обратно.

Своё сокровище Айра спрятала, хотя ну очень хотелось похвастаться перед Скаем и показать маме. Все были настолько рады, что с Натри всё в порядке, что даже особо и не спрашивали, что было да как. Гай с Балмааром почти сразу поехали в Тухлый дом с благодарностью, а Хейа не отпускала от себя сына, предварительно привязав его камортой.

Не спала Айра долго. Странные и волнительные чувства обуревали её. Как можно было спокойно заснуть, если как только она закрывала глаза, то видела удивительный свет, струящийся из-под каждой чешуйки, лукавый взгляд серого ангалина и его улыбку – такую добрую и одновременно смешную, слышала их голоса – пронзительные и звонкие. Как она могла их так бояться? Как?! А ведь Кари ещё в Маргосе говорила о том, как же прекрасен тот ангалин, которого она освободила. А она не понимала её тогда, совсем не понимала...

Сжимая в ладошках потрясающей красоты, да и цены немалой, подарок, Айра никак не могла унять внутреннюю дрожь: «Он подарил мне жемчужину, прекрасную розовую

жемчужину... Просто так?! Такие подарки дарят, если девушка очень-очень нравится, хотя, может, для него это ничего и не значит, ведь я совсем не знаю их обычаев... Но он говорил со мной! Ни с кем ещё в Латрасе они не разговаривали, даже с претендентом на трон не захотели поговорить! А со мной он заговорил! Как же его зовут, интересно?! Может, если бы я спросила, он бы и ответил?» Несколько раз поцеловав драгоценность, девочка засунула её под подушку и всё-таки вскоре уснула.

Глава 3. Окрестности Раски

Утром Дайк надел свою самую плохую одежду, спрятал в сапог кинжал, нагрузил в мешок свежих и сушёных трав и отправился в город. Вернулся он ближе к вечеру, когда я уже была готова взвыть, как Бумер, и на свой страх и риск отправиться за ним.

Ни Элгана, ни основной части его людей в городе, действительно, не было. В Раске остался немногочисленный отряд охраны и несколько поставленных на управление чиновников. Наследник дома Атрай, престарелый фаэдр Хлоан и правда форму для чеканки пока не выдал, но это было не самое неприятное в его положении. Во время одного из допросов его сильно избили и он почти не мог ходить, так и лежал в подвале городской управы. Чинуши Элгана боялись, что он умрёт, так и не сказав, где спрятана форма и штампель

для чеканки рандов, и хоть как-то заботились о нём, ожидая, пока вернётся старший сын покойного терра.

Как выяснил Дайк, город захватили ночью, внезапно и быстро. Это случилось пару месяцев назад, когда большой отряд вооружённых до зубов всадников вырезал всех, кто попытался оказать сопротивление. Жители, как и сам владелец Раски, думали, что Элган приедет для переговоров, только они слишком переоценили благородные качества первого претендента. И город сдался. Однако фаэдр Хлоан объявил захватчикам, что Элган форму не получит и лучше он умрёт, но не выкажет ему поддержки.

Семьи у хозяина города не было, вернее была, но не в Раске, а в столице, где он и жил постоянно. Он редко посещал Раску, всецело положившись на управляющих. Когда через несколько дней объявился Элган, то сначала хотел сжечь город, чтобы заставить наследника выдать форму, но фаэдр Хлоан сказал, что ни с городом, ни с людьми, здесь живущими, его ничего не связывает и захватчики могут делать что хотят. В итоге Элган уехал, пообещав решить этот вопрос по возвращении и предоставив таким образом наследнику время на размышления.

Всё это Дайку рассказал тот самый хозяин таверны, бывший связной Карелла, фаэдр Раал.

– И как будем дейс-с-ствовать? – прошипел Макс, выслушав рассказ Дайка.

– А ты уже готов броситься в бой?! – невесело ухмыль-

нулся Нянь. – В городе воины Элгана, и хоть часть местных разъехалась, остальные нам ничем не помогут. Наследник не защитил их, и по его милости город чуть не уничтожили. Люди боятся, и это вполне понятно. Может, оставим эту затею?

Внутри всё вздрогнуло, когда я подумала о Латрасе: «Если Элган так ведёт переговоры, то что сейчас с моими владениями? Смогут ли ангалины отбить подобное нападение? А жители? Получится ли у них мобилизоваться и дать отпор захватчику? В Латрасе Гай, Хейа, их дети, да и все жители мне знакомы... Как же они там?!»

Я сжалась в комок от нахлынувших панических мыслей, а потом уставилась на Дайка, который сидел рядом у костра и ковырял веткой землю.

– Значит, просто поедем дальше?

Дайк стрельнул в меня взглядом:

– А что мы можем сделать? Ворвёмся в город и разнесём здание управы? Хотя это, конечно, у тебя получится...

– Яд этаи... – прошептала я.

Макс и Дайк уставились во все глаза.

– Если наследник умрёт, то его отвезут в пещеру Хранителя. Берк же оставил тебе подарочек...

Несколько минут они ошеломлённо смотрели на меня, а потом Дайк широко улыбнулся:

– А ведь верно! Только нужно предупредить его, что есть способ выбраться из города. Пещера Хранителя далеко за окраиной и взять оттуда тело несложно, а пока они опомнят-

ся, нас и близко уже не будет.

При более обстоятельном размышлении план показался всё-таки удачным. Берк словно в воду глядел, когда на прощанье перед нашим отплытием из Гейзы подарил Дайку, как лекарю, маленький мешочек с этим почти никому не известным ядом. Я тогда ещё подумала: зачем? для чего? А и месяца не прошло, как он нам пригодился.

– Ты дозу знаешь? – спросила я рано утром, когда Нянь опять собрался в город.

– Да, Берк сказал, сколько нужно. Ну всё, ждите меня до утра.

У меня слегка подрагивали руки, когда я поправляла завязки мешка на его плече.

– У нас всё получится, Кари... – Он улыбнулся, и моя любимая ямочка на его щеке вызвала сильное желание прижаться к ней губами.

Целый день я ходила по полянке, которую мы облюбовали вдалеке от дороги, и никак не могла найти себе места. Макс и Бумер ещё в первый день обследовали окрестности, и я знала, что с этой стороны от города нет ни хутора, ни деревни, откуда могли пожаловать нежданные гости. Однако ожидание слишком действовало на нервы, и чем бы я ни занималась, никак не могла унять внутреннюю дрожь.

Одно дело подвергать опасности себя, а совсем другое – любимых друзей непонятно из-за чего. Ведь мы держим путь в Храм и какое мне, собственно, дело до того, что проис-

ходит в абсолютно незнакомом городе и с людьми, которое здесь живут. Но когда нам рассказали, что случилось с местным наследником, у меня внутри что-то ёкнуло. Ведь подобная участь могла бы, а может, ещё и ожидает меня, если я не встану на сторону кого-либо из претендентов или не сумею себя защитить.

Но я уехала из Латраса в неизвестном направлении, а другие наследники, как фаэдр Диган в Гейзе и фаэдр Хлоан в Раске, остались в своих владениях. Как показывает жизнь, похоже, что я поступила правильно – найди меня попробуй на просторах Восточных территорий! Понятно, что это выглядит не очень достойно или даже трусливо по отношению к жителям Латраса, вроде как бы я их бросила, а сама сбежала. Но ведь в законах древнейших ничего не сказано о том, как должны себя вести наследники древних родов в подобной ситуации, кроме того чтобы хранить форму для чеканки золотых рандов.

Макс видел мои метания и переживания и пытался, в меру своих сил, поднять наш общий «боевой дух» всякими ангалинскими байками, хотя ему, как и Дайку, не очень-то понравилась эта задержка, непредсказуемая своими последствиями.

Когда Бумер на закате радостно рванул в лес, я поняла, что Дайк уже близко, и выдохнула. Мой дорогой Нянь сработал чисто, хотя без волнительных моментов не обошлось. Увидеться с наследником получилось довольно легко и в

этом ему помог хозяин таверны, который, как бы между прочим, сообщил одному из оставленных Элганом начальников, что в город пришёл странствующий травник, который и раньше бывал в этих краях, и он мог бы осмотреть наследника, так как местный лекарь уехал вместе с Элганом.

Обследовав пленника, Дайк обнаружил, что у него вывихнута нога и сломана почти половина рёбер. Он оказал помощь, которую смог, но новый градоначальник никак не оставлял их наедине, вышагивая рядом, и Дайк не знал, как же сообщить наследнику, что есть способ сбежать из города. Он максимально надолго затянул работу, делая вид, что тщательно ощупывает и осматривает престарелого фаэдра, пока кто-то из охраны не отозвал начальника по какому-то делу. Вот тогда ему и удалось шепнуть, что он пришёл не только облегчить мучающие старика боли, но и помочь сбежать.

Фаэдр Хлоан сперва обрадовался, а потом начал говорить, что уже слишком стар и немощен, чтобы такой молодой человек рисковал жизнью из-за него. Однако упоминание о том, что сама наследница дома Матвэй всё это затеяла, моментально изменило настроение стойкого фаэдра.

– У него глаза чуть не вылезли, когда я сказал, что ты здесь, Кари! – возбуждённо рассказывал Дайк. – Все наследники знают о тебе! Он сказал, что ещё в прошлом году осенью в Раску приходил человек по имени Лиам, который рассказывал о прекрасной, синеглазой богине, которая прекратила ужасный шторм и спасла шхуну.

Я вздохнула и подложила Дайку ещё горячей каши:

– Так вот куда добрался Чёрный Ли... А дальше?

– Он взял яд... Сказал, что примет его во время следующей кормёжки, чтобы всё выглядело как обычное отравление, кормят его очень плохо.

– И он не испугался, что вроде как умрёт?

– Нет, – Дайк жадно глотал ароматный ирс. – Сказал, что готов довериться прекрасной богине.

– Во как! – поддакнул Макс, подняв хвостовой палец, словно перст указующий.

Глава 4

Мы благополучно переночевали и с первыми утренними лучами покинули стоянку, чтобы, сделав небольшой крюк, расположиться неподалёку от пещеры Хранителя, где предавали огню тела умерших. На Окатане мёртвых в основном сжигали, а не хоронили. Хотя несколько раз за время своих странствий я встречала отдельные могилы.

Люди верили, что не нужно сохранять мёртвое тело. Наоборот, его надо как можно быстрее уничтожить, чтобы полностью освободить душу, которая отправится к Хранителю на вечное сохранение. В земле хоронили только тех, кто ещё при жизни выразил такое пожелание, так как наряду с общепринятым бытовало и другое мнение. Будто если тело не уничтожить огнём, а закопать, то когда боги вернуться,

они смогут по сохранившимся останкам воссоздать умершего человека и он вернётся к жизни не в прекрасных небесных садах среди звёзд, а здесь, на земле. Но таких, истинно верующих в возвращение богов, было совсем немного, особенно на Восточных территориях.

Мы расположились у небольшого ручейка на холме, откуда была видна часть дороги к пещере. Тела обычно сжигали на рассвете, и делалось это в последний день недели – восьмой, который был общепринятым выходным, то есть в этот день по возможности не работали, хоть это и не было строгим правилом. Вообще, местная календарная система была похожа на земную, с оговоркой на то, что последний день всего: недели, месяца, года – считался днём Хранителя и посвящался отдыху от обычных дел.

А когда мы приехали к пещере, наступил седьмой день третьей недели месяца эрту. Получалось, что если наследник принял яд вчера вечером, то он уже должен быть в «мёртвом» состоянии и завтра его привезут сюда. А забрать «труп» было делом техники, тем более я прекрасно помнила рассказ Гуна о том, как Карелл приходил за телом Граса в Банкоре. Наденем мешки на головы, вооружимся, пустим вперёд Бумера для пушного устрашения, свяжем сжигателей, которых обычно двое-трое, и заберём наследника.

Весь день мы провели за большими труднопроходимыми зарослями, периодически дежуря в кустах, наблюдая за дорогой. Хотя дорогой эту тропу можно было назвать с натяж-

кой. Она вела только к пещере, которая находилась в четырёх-пяти этье от города, и представляла собой рукотворное сооружение, а не природное образование. Короче говоря, это был крематорий, просто назывался «пещера Хранителя».

Дайк рассказал, что внутри находится жаровня, похожая на огромную печь с дровами или углём, на которую укладывают тела. Потом их посыпают порошком маора и поджигают. Когда я спросила, что за порошок такой, Дайк объяснил, что делают его из дроблёной горючей руды и высушенных толчёных семян древ жизни, которые всегда находятся рядом с райскими полями. Минеральный порошок смешивают с растительным, и при поджигании получается очень сильный жар, гораздо больший, чем тот, какого можно добиться в кузнечной печи. Благодаря этому мёртвое тело сгорит гораздо быстрее, чем на обычном костре. Для каких-либо других целей порошок маора стараются не использовать, это считается чем-то вроде воровства у мёртвых. В общем, время в кустах в ожидании того, сработает наш план или нет, прошло довольно продуктивно.

Я проснулась от шорохов и движения в кибитке. При тусклом свете масляного фонаря Дайк прорезывал в двух небольших мешках дырки и улыбался. Я привстала с раскладушки, и он сразу обернулся:

– Едут... На повозке три тела в саванах, будем надеяться, что наш наследник среди них.

– А чему ты так загадочно улыбаешься?

Дайк хмыкнул и отмахнулся дырявой мешковиной:

– Банду нашу вспомнил... Только вот не думал, что опять пойду на «дело», да ещё под предводительством столь всклокоченной и сонной девицы!

– А знаешь... атаманша из меня хоть куда, тем более с такой внешностью! – и я горделиво задрала подбородок, важно сложив руки на груди.

Мы ещё не закончили смеяться, как полог откинулся и в кибитку всунулся Макс:

– Вы что тут гогочете?! Тела раз-з-згружают!

Я вскочила и выпрыгнула на росистую траву. В утренних сумерках лес выглядел сказочно-загадочным и даже жутковатым. Хотя я и привыкла к путешествиям и ночёвкам под открытым небом, однако до сих пор не переставала поражаться этой новой и странной жизни, которую веду сейчас.

Сборы заняли не более десяти минут, так как с вечера мы почти всё подготовили. Я закинула за спину колчан со стрелами, длинный боевой лук, засунула топор за пояс, натянула на голову мешок и побежала за Дайком, который, огибая заросли, уже спускался с холма. Из крематория было два выхода: один основной и широкий, а другой – с противоположной стороны и более узкий, для дополнительной вентиляции наверно.

Макс остался снаружи, а мы вбежали в освещённый несколькими факелами коридор и пошли на гулкие звуки голосов. Бумер понимал, что происходит какая-то заваруха, и

вёл себя довольно агрессивно. Я держала его за ошейник и боялась, чтобы волк не бросился на кого-нибудь без команды. Но всё прошло чётко, будто воровать покойников наше постоянное занятие.

Сжигателей было трое. Один возился у жаровни, а двое других стояли у лежащих на полу тел и переговаривались. С утробным рычанием Бумер первым выскочил из прохода и, оскалив зубастую пасть, вздыбил шерсть чёрным забором. Мужчины шарахнулись в сторону, испуганно и обалдело уставившись на горного волка.

– Ты тоже к стене! – вытаскивая меч из ножен, прокричал Дайк тому сжигателю, что замер у жаровни. – Делайте, что скажем, и все останутся живы!

Я застыла у выхода, натянув тетиву. Сердце лупило в рёбра, как барабанная установка, в мешке дышать было тяжело, а волокна грубой ткани кололи и чесали кожу.

– Где тело наследника?! – рявкнул Дайк.

Один из мужчин хрипло ответил:

– Вот, первое...

Дайк наклонился и разрезал кинжалом саван, я ведь не знала, как наследник выглядит. Нянь довольно хмыкнул и, подхватив тело (не ожидала от него такой силы), уложил на угол жаровни. Вдруг один из сжигателей дёрнулся, и я спустила тетиву. Стрела вонзилась в каменную стену рядом с его головой, оцарапав ухо.

– Следующая попадёт прямо в глаз, – прохрипела я, а Бу-

мер слегка присел, готовясь к прыжку.

Мужчины ещё сильнее вжались в стену, а Дайк бросил верёвку тому, кого я зацепила:

– Связывайте друг друга, только крепко, я проверю.

Пока ошарашенные мужики возились с верёвками, я осматривала пещеру Хранителя, ведь внутри помещения подобного типа я была первый раз. Если снаружи это строение напоминало усечённый конус с отверстием для выхода дыма, то внутри оно было квадратным с двумя коридорами. Впечатление, конечно, создавалось гнетущее: чёрные прокопченные стены и огромная каменная жаровня, будто алтарь какой-то. Меня даже немного передёрнуло.

Когда двое сжигателей, уже опутанные верёвками, лежали на земле, Дайк скрутил третьего. Тот поднял на него глаза и спросил:

– Зачем связывать нас? Мы никому не скажем, что тело наследника забрали.

Дайк ещё немного затянул узел:

– Это чтобы вы не видели, в какую сторону мы уходим.

Но тот не унимался:

– Кто вы?! Зачем вам тело?! И как горный волк может вам подчиняться?! Это же горный волк, ведь верно?!

– Ты задаёшь слишком много вопросов, – Дайк говорил как заправский бандюган, высокомерно и жёстко.

Я хихикнула внутри мешка и вытащила из кармана золотой ранд. Монетка звякнула о стену и упала рядом со слиш-

ком любопытным.

– Это вам за испуг. Выпьете за упокой души наследника дома Атрай, когда развяжетесь.

Дайк взвалил тело на плечо, я махнула Бумеру, и мы помчались к выходу. Пыхтя как два паровоза, я – от волнения, Дайк – от нагрузки, мы продрались сквозь заросли и затащили бездыханного фаэдра в кибитку. Макс запрыгнул следом, Дайк сел на козлы, а я вскочила на свою кобылу – дело сделано.

Глава 5

Никакой погони за нами не было. Целый день пути Бумер нарезал круги по окрестностям, внюхиваясь в запахи леса, но в общем вёл себя спокойно. Если сжигатели, боясь за собственные жизни, о случившемся не расскажут в городе, то всё останется шито-крыто, и когда в Раску вернётся Элган, то узнает, что наследник умер, а тело сожжено, как и положено. И отвечать за это придётся не похоронной команде, а новому местному начальству, которое должно было охранять бывшего хозяина города.

Через двое суток, когда мы уже начали переживать, а не превысили ли нужную дозу яда этаи, из кибитки раздался громкий вопль, а потом возбуждённое шипение Макса. Я дёрнула поводья, так как была моя очередь править повозкой, и, откинув полог, заглянула внутрь. Фаэдр Хлоан сидел

на раскладушке, тяжело дышал и тарашился на Макса.

– Не пугайтесь, фаэдр, всё хорошо. Рада, что вы снова живы! – и я улыбнулась во весь рот.

В эту минуту с другой стороны в наш колёсный домик, крытый парусиной, запрыгнул Дайк и, как участковый доктор из моей прошлой жизни, спросил:

– Ну, как мы себя чувствуем?

Наследник захлопал глазами, а потом схватился за бок и опять упал на раскладушку:

– Ангалин! Это ангалин!

– Простите, фаэдр Хлоан, – Дайк присел рядом и пожал его руку. – Не было времени на долгие объяснения. Это Макс, а это эрдана Кари, наследница дома Матвэй.

А вечером, сидя у костра и уплетая ужин с пернатой дичью, мы хохотали до коликов в животе, обсуждая столь необычное ограбление. Фаэдр Хлоан утирал влажные глаза и уже в десятый раз, наверно, просил нас пересказать подробности своего похищения. Хлоан эн Атрай был невысок, коренаст, хотя за время заточения сильно похудел. Он выглядел старше Балмаара, ведь наследнику было уже далеко за семьдесят, но всё-таки если бы не побои и мучения, которые он перенёс в Раске, то я бы не догадалась о его настоящем возрасте.

– Так вот, значит, какая вы, эрдана Кари... – он предельно внимательно меня рассматривал. – Глаза, и правда, удивительно синие, а вот остальное...

Я отмахнулась:

– Сейчас на прекрасную богиню я не очень-то похожа. Было слишком много приключений за последнее время.

Он продолжал смотреть и под пристальным взглядом я начала краснеть.

– А как же горный волк и ангалин? – он немного запнулся и глянул на нашего чешуйчатого, лежащего у костра. – То есть, простите, Макс... Такими друзьями никто не может похвастаться.

В ответ я только развела руками.

– Неужели боги всё-таки вернулись на Окатан?!

– Не могу отвечать за всех богов, только один из них этот мир пока не покидал...

– Вы дочь Хранителя?

Я опустила глаза, размышляя над ответом.

– На Севере меня приняли за его сына, за Альда, и вот этот шрам, – я ткнула пальцем в щеку, – всегда будет напоминать об этом.

Мы ещё немного посидели молча, а после Хлоан спросил:

– И что вы намерены со мной делать?

Мы с Дайком переглянулись. О том, как быть дальше с нашим новым попутчиком, мы не думали.

– Да ничего... – я пожала плечами. – Мне просто не хотелось оставлять вас в лапах Элгана, да и помочь вам было некому.

– Вы ведь тоже получили форму для чеканки?

Я кивнула:

– Пятый пархонт приезжал в Латрас в начале весны, чтобы убедиться в том, что я настоящая наследница.

– И убедился?

– Да, форму я получила.

– И что вы думаете? – он придвинулся ближе, слегка покряхтывая. Наверно, сломанные рёбра давали о себе знать.

– О чём?

– Кого поддержать из претендентов?

– Ну, что не Элгана – это точно, да и второй не вызывает такого желания... Ведь они убили своего брата и начали всю эту заваруху.

– А третий?

– Третий... – мы с Дайком дружно вздохнули.

– Дело в том, фаэдр Хлоан, что с Карелланом эн Растаном мы с Дайком лично знакомы, и у меня к нему двойное отношение.

– То есть?

– Главный аргумент в его пользу – что, похоже, к смерти терре он отношения не имеет, хотя я не могу быть абсолютно в этом уверена.

– А как же война, которую он проиграл?

– Я не была на той битве... Думаю, стоит придавать значение только достоверным фактам, а не слухам и рассказам обиженных. Нет полной уверенности, что официальная версия покойного террхана и Совета об этих событиях соответ-

ствуует тому, что происходило на самом деле.

– Да... Вижу, что вы настоящая наследница древнего дома, – тихо проговорил фаэдр Хлоан. – Я очень устал... Дай-каран, помоги мне встать.

Бумер и Макс остались караулить, а мы потопали в кибитку. Хлоан эн Атрай оказался хорошим попутчиком. Благодаря усилиям Дайка он шёл на поправку и сломанные кости всё-таки срастались. Наследник ещё сильно хромал, хотя ходил уже гораздо бодрее. Дайк сказал ему, что хромота останется, но он лишь отмахнулся:

– Я сам виноват. Если бы я больше уделял времени своему наследству, а не сидел почти всегда в столице, то, возможно, Раску удалось бы отстоять. Согласно законам древнейших город и окружающие земли всё равно никому не могут принадлежать, пока есть хоть один наследник рода, и только через пятьдесят лет после смерти последнего отойдут правящему дому.

Мы приближались к Закатной гряде, уже вторую неделю двигаясь по северо-западной дороге. Сидя рядом, Хлоан сказал:

– Я хотел бы пристать к каравану, эрдана Кари, не нужно подвозить меня к столице...

Я тревожно глянула на престарелого фаэдра:

– Вы доберётесь в одиночку?

– Доберусь... Вы и так уже столько для меня сделали, а здесь места обжитые, караванов много... Не хочу задержи-

вать вас, у тебя своя великая цель.

Я невольно заулыбалась, подтягивая вожжи, Тучка то и дело норовила свернуть с колеи:

– Великая цель?! Ох, Хлоан, нет у меня такой уверенности.

– Зато у меня есть, – он стиснул мой локоть. – Ты уже совершила великие дела, девочка, и дальше будешь их совершать, я это точно знаю.

Отговорить его не удалось, старик твёрдо стоял на своём и через два дня мы расстались. На перекрёстке трёх дорог: северо-западной, дороги на столицу и пути на Маргос, находилось селение с большим постоялым двором. Мы остановились неподалёку от посёлка, предпочитая не ночевать в деревнях или с караванами, так было спокойнее.

Дайк с Хлоаном потопали к селению, а я осталась с Максом и Бу распрягать лошадей и готовиться к ночёвке. Вскоре они вернулись, и Хлоан сообщил, что караванщики возьмут его с собой до столицы, только плату попросили немаленькую.

– Это не проблема, фаэдр. – Я отсыпала нужную сумму и добавила ещё столько же на всякий случай. – Главное, чтобы вы доехали благополучно.

Он сжал деньги в кулаке и крепко обнял нас с Дайком:

– Дайкаран, эрдана Кари... Спасибо, я этого никогда не забуду. До сих пор не верится, что всё случившееся со мной не сон!

Мы снабдили Хлоана ещё кое-какой одежкой, поделились частью припасов и с рассветом проводили поближе к постоялому двору, откуда уже доносились голоса и ржанье запрягаемых лошадей. Наследник наклонился к Максу:

– До свиданья, зеленоглазый прохвост, я был очень рад с тобой познакомиться!

Макс улыбнулся в ответ, слегка кивая.

– Если встретите пятого пархонта, передайте ему привет от нас, – Дайк обнял старика.

– Обязательно, тем более что с Вальдеганом мы знакомы.

Я вскинула брови:

– А что раньше не сказали?!

– У меня тоже есть свои секреты...

Махнув на прощанье и сильно припадая на одну ногу, Хлоан скрылся в утреннем тумане, а я ещё долго стояла столбом, глядя ему вслед. «Всё, как и раньше, как в прошлом году: встречи, расставанья... Хотя сейчас, конечно, я не одна путешествую. Удачи тебе, наследник дома Атрай, удачи...» – Я развернулась и, сбивая сапогами крупные росистые капли, побрела к повозке.

Глава 6. Латрас

На широком дворе возле таверны Эльма было многолюдно. Первый урожай года был вполне хорош, несмотря на прохладную весну. Неплохо вызрел ирс, а ваго, что шёл на корм

скоту, так вообще хорошо уродил. Если фрукты вызревали постоянно и созревшие плоды нужно было просто вовремя снимать, то злаковые и корнеплоды, естественно, сажали заново. Система сельского хозяйства на Окатане учитывала все климатические плюсы. Долгое лето не позволяло населению голодать, нужно было только не лениться: сажать – убирать, сажать – убирать, после складывая выращенную продукцию на хранение в подвалы и сберегая другими способами, чтобы в холодный период питаться не хуже, чем в тёплое время года.

Первый урожай всегда старались хоть как-то отметить. Поэтому фаэдр Балмаар объявил о двухдневном праздновании, чем весьма порадовал значительно возросшее население города. С гиканьем и визгом ребятня носилась по улицам, в то время как Натри, стоя возле матери, как обычно, привязанный, ныл и канючил:

– Ну, мамочка, мамочка-а-а-а... Отпусти-и-и-и!

Хейа качала головой, стараясь не смотреть на пока ещё младшего сына. Прибавление в музыкальном семействе ожидалось через несколько месяцев, и она с ужасом думала, а что если и этот ребёнок будет таким же, как Натри – необычным, ведь второй каморты у них нет. Да и сколько можно держать мальчика на привязи?!

Сидя на удобной скамеечке у нового дома, Хейа утёрла платком влажные глаза.

– Ну, мамулечка-а-а... – голос сына разрывал сердце. –

Там и Рути, и Кри, и Тим бегают, я с ними поиграю.

– А если ты опять пропадёшь? Где мы будем тебя искать?! – женщина прижала к себе ребёнка, целуя в лохматую головёнку.

– Я не пропаду! А если и пропаду – меня ангалины найдут! Они хорошие! Вы их опять попросите и они меня найдут!

Хейа уже не знала, что говорить и как быть со своим загадочным ребёнком:

– Вот вернутся папа со Скаем, и мы пойдём на праздник, там с друзьями и поиграешь.

Ткнувшись носом в грудь матери, малыш продолжал что-то невнятно бурчать, и Хейе даже показалось, что он ругается и притом используя те же выражения, что и старший брат себе иногда позволяет.

После десятка исполненных на радость слушателей песен, Гай дал дочери отдохнуть. Праздник уже перешёл в ту стадию, когда большинству нужно было срочно удариться в пляс, и развлекать разгорячённую публику остались только музыканты.

Выскочив на воздух, под мелкий тёплый дождик, девочка остановилась у забора и сразу заметила четвёрку ангалинов, которые, вытянув шеи, наблюдали за происходящим в таверне. «Наверно, в Тухлый дом с северного кордона возвращаются...» – подумала она, всматриваясь в рептилоидов.

С тех пор как желтоглазый ангалин разговаривал с ней

и подарил жемчужину, Айра его почти не видела, хотя при первой возможности и на пристань бегала, и к строящейся крепостной стене, сама толком не понимая почему. Однако «погулять» где-нибудь поблизости от Тухлого дома так и не решилась, хоть такие мысли не раз посещали. Про подарок она тоже до сих пор так никому и не рассказала, а чтобы не потерять драгоценность, сшила маленький мешочек и, втянув в него верёвочку, повесила на шею.

Заметив своего знакомого, Айра улыбнулась и рука сама дотронулась до их общего секрета, спрятанного под платьем. Ангалин тоже её увидел. Сперва он долго смотрел, а потом начал делать головой какие-то странные, махающие движения. Несколько секунд девочка пыталась понять, что подобное значит, пока вдруг её не озарило: «Он зовёт меня куда-то! Вроде к морю показывает...» Первым порывом, от вдруг нахлынувшего волнения, было убежать, однако тело будто приняло собственное решение, и она несколько раз кивнула ангалину в ответ.

Уйти с праздника оказалось несложно. Гай, видя напряжение дочери, которую местные парни так и норовили пригласить на танец, сразу отпустил её домой.

– А вы когда вернётесь? – Айра боялась глянуть отцу в глаза, опасаясь, что он сразу догадается о том, что у неё уже несколько иные планы на вечер.

– Мы ещё побудем. Натри днём хорошо выспался, так что всё равно его нескоро получится уложить. А ты ступай, Скай

тебя проводит.

– Не надо, тут же близко. Я быстро добегу, пусть играет... – всеми силами Айра старалась не выдать странную, но очень приятную внутреннюю дрожь.

– Ну хорошо... – Гай кивнул, и девочка опрометью выбежала из таверны.

Сделав небольшой круг, чтобы было видно, что она направилась в сторону дома, Айра рванула к пристани через кузницу. Больших шхун у причалов не было. Прибытие нескольких кораблей ожидалось дня через три-четыре и у пирсов виднелись только одномачтовые рыбацкие лодки.

Айра тревожно осмотрела пристань: кругом никого, а в вечерних сумерках хорошо слышатся звуки музыки из таверны. Вдруг за последним причалом у кучи валунов что-то сверкнуло. Девочка спустилась к воде и побежала вдоль берега. Ангалин лежал на плоском валуне и что-то теребил в хвостовых пальцах. Завидев её, он широко улыбнулся, показав белоснежные клыки, и, вместо приветствия, протянул букетик из красных с белыми прожилками цветочков:

– Певице полагаетс-с-ся награда.

– Спасибо... Ты слышал?!

Ангалин кивнул, продолжая улыбаться:

– Уже не раз-з-з... И у тебя, и у твоего отца великолепные голос-с-са для людей. Нам вс-с-сем нравитс-с-ся, как вы поёте.

– Правда?! – изумление Айры было настолько искренним,

что ангалин даже смутился.

– А ты думала, что мы глухие? Меж-ж-жду прочим, многие ангалины тоже умеют петь и не хуж-ж-же, чем вы, а может, даже и лучш-ш-ше.

– Петь?! – вытаращив большие, миндалевидные глаза, Айра ловила себя на мысли, что, наверно, этот ангалин думает, что познакомился с малолетней дурочкой.

Ящер прикрыл сияющие очи и вдруг засмеялся. Сначала из него вырвалось несколько квакающих хихиканий, а потом ангалин задёргался всем телом и громко расхохотался. Не выдержав его комичного вида, девочка звонко рассмеялась за компанию.

Время до ночи пролетело незаметно. Айра опомнилась только тогда, когда сияющий ночной небосвод плотно накрыл море. Вскакивая с камня, она случайно дотронулась до необычного друга. Он был тёплым, а чешуя бархатистой и очень приятной на ощупь. Отдёрнув ладошку, девочка испуганно спрятала её за спину. Ангалин вытянул гибкую шею и прошипел:

– Мы так интерес-с-сно пообщ-щ-щались, что я забыл кое-что важ-ж-жное, предс-с-ставиться... – Спрыгнув с камня, он отступил на несколько шагов и поклонился. – Лукс-с-сашан эн Эркш-ш-шан...

– А я, Айра эн Видар...

– А я з-з-знаю! – и он так улыбнулся, что у Айры внутри всё вздрогнуло. – Но ес-с-сли тебе с-с-сложно произнос-с-

свить такое имя, то можеш-ш-шь звать меня как-нибудь иначе, как тебе больш-ш-ше понравитс-с-ся...

Айра радостно закивала, снова поблагодарила за цветы и понеслась на ещё слышимые звуки гитары, флейты и нескольких барабанов. Уже в доме она только и успела убедиться, что семьи ещё нет, и поставить букетик в глиняную вазочку у своей постели, как услышала шаги во дворе и раздражённый голос матери, высказывающий отцу и брату мнение об их не вполне адекватном состоянии.

Юркнув в постель, Айра притворилась давно и глубоко спящей, когда скрипнула дверь, и она узнала шаги матери. Хейа нежно погладила её по волосам, поправила одеяло и тихонько вышла. «Фу-у-у... Успела! Я успела! – Девочка перевернулась на спину и радостно выдохнула. – Сейчас мама погонит этих пьяниц спать на сеновал... ну а я теперь знаю, как зовут этого прекрасного ангалина! Лукас... Я буду звать его Лукас!»

Глава 7. Неподалёку от Закатной гряды

Путь к Храму ангов оказался долгим. Это только на словах всё выглядело так, будто от Раски до Закатной гряды рукой подать. Дней десять мы ехали вдоль живописных кражей строго на юг, пока не увидели высоченную остроконечную гору, покрытую сверкающей снежной шапкой. Издали она напомнила мне нашу земную Фудзияму, и хоть воочию

эту японскую достопримечательность я никогда не видела, однако фото в интернете и передачи по телеку очень подошли на то, что видела я сейчас.

Это и был самый высокий пик Закатной гряды, у подножия которого, правда, точно неизвестно где, и находился доселе недоступный для ангалинов Храм ангов. Среди этой великолепной, подобной альпийской, местности с прекрасными долинами, покрытыми сочными травами, встречалось много стад домашних парнокопытных, больших и маленьких, которые мерно хрумкали зелёным разнообразием и чинно бродили живописными кучками.

Расспрашивать пастухов и жителей деревень о точном местонахождении Храма мы не решились. Это могло вызвать подозрения и ненужные вопросы. Какое нам, людям, дело до древнего сооружения, в которое нет доступа?! Я уже знала, что в Храм просто так войти нельзя. Только ангалины могли открыть ворота и попасть внутрь. Это, конечно, не касалось Храма в Банкоре, то есть тюрьмы, который давным-давно использовался людьми для своих целей, но ведь этот Храм уже тысячелетия как находился в полуразрушенном, «нерабочем» состоянии.

Макс был в довольно угнетённом состоянии духа, так как мы уже несколько дней кружили у подножия Закатного пика, а никаких других подробностей, которые помогли бы разыскать нужное сооружение, он не знал.

– Не горюй, Максик! – я погладила его голову, прижала

к себе и чмокнула в нос. – Найдём! Не зря же мы тащились в такую даль и море с тобой переплывали! Чтобы обратно повернуть?! Нет, этого не будет!

Он обхватил меня хвостом и прижался всем телом, заглядывая в глаза:

– Никто меня не понимает так, как ты...

Я захохотала, обнимая любимого друга. Дайк распрягал лошадей и с улыбкой поглядывал на нас, валяющихся на мягкой травке. Потом мы готовили ужин, а когда почти стемнело, Дайку что-то стукнуло сварить на завтра какой-то тониизирующий отвар, и он только потянулся к мешку со свежесобранными травами, как наш волк насторожился, вскочил и глухо, злобно зарычал. Я вцепилась в ошейник, а Дайк опрокинул котелок с водой, заливая костёр.

Минут пять-десять всё было тихо, только Бу продолжал принюхиваться и утробно рычать. Дотронувшись до моего плеча, Дайк сделал несколько жестов и пополз к кибитке, как я поняла – за оружием. Он хорошо видел в темноте, впрочем, как и Макс, и Бумер. Я же, держа волка, оглядывала тёмный перелесок. Зрение постепенно перестраивалось и я уже начала различать стволы деревьев, как вдруг в ночной тиши раздался хриплый, гортанный выкрик. От неожиданности и накатившего страха я вздрогнула и не сразу поняла, что голос какой-то странный, будто запинаящийся.

– Эй! Вы! Мы возьмём телегу и лошадей! И один из вас на какое-то время нам понадобится! Решайте, кто умрёт пер-

ВЫМ!

В бок что-то торкнулось. Дайк подсовывал колчан со стрелами, лук и боевой топорик, с мечом я ещё не слишком дружила. Макс медленно приподнялся на лапах и тихо-тихо вытащил меч из-за спины. Похоже, что ночные визитёры его не заметили, ведь он лежал за мешками с собранными по пути травами. У меня же сердце колотилось так, что казалось, будто подо мной подрагивает почва, как тогда на райском поле. С таким прямым нападением я ещё никогда не сталкивалась, а ведь все предупреждали, как сейчас может быть опасно.

– Ну, что молчите?! – послышался тот же запинаящийся голос. – Тогда мы сами разберёмся!

Не успела я опомниться, как впереди по дуге вспыхнули огни и горящие стрелы со свистом полетели прямо в нас. Макс накрыл меня собой – его спине, защищённой толстыми твёрдыми пластинами, стрелы были не страшны, а Дайк и Бумер разбежались в стороны. «Вот и пришло время проверить, пошли на пользу зимние тренировки или нет...» – только и мелькнула мысль. А дальше начался сплошной кошмар.

Мы были окружены и воинственные крики доносились со всех сторон. Всего лишь несколько раз я заметила краем глаза яростно дерущегося с двумя противниками Дайка, Бумера, прыгнувшего на какую-то высокую фигуру, и ангалина, взмахнувшего мечом так, что ближайший к нему человек развалился на две половинки. Во время этой молниеносной

схватки я не дышала и стояла почти на месте, посылая стрелы во все силуэты, которые попадали в поле зрения. Скорее всего, я бы так лупила в мелькающие тени до тех пор, пока колчан за спиной полностью не опустел бы, но знакомая рука легла на плечо:

– Кари, всё... Хватит... Пожалей деревья... – Дайк тяжело дышал, а из-под волос на щёку стекала кровавая дорожка. – Всё, Кари, всё...

И вот тут я поняла, что мне не хватает воздуха, и глубоко, судорожно вздохнула. А потом меня рвало. Рвало и трясло так, будто я опять оказалась в ледяной воде, только без лимма. На кровавую бойню, которую мы устроили, смотреть было невозможно. В живых не осталось никого, хотя, возможно, кто-то и успел удрать, не знаю. На нас напало тридцать шесть человек, пятнадцать из которых на землю положили мои стрелы. На остальных, вернее, на то, что от них осталось, я вообще взглянуть не могла без мучительных желудочных спазмов. Тела лежали кругом, как порубленные на части свиные туши. Две отгрызенные Бумером головы, с перекошенными, залитыми кровью лицами, валялись у костра. А у тёмных стволов я заметила кучу внутренностей, словно расплзающихся по траве гигантских слизней...

Дайк пытался поить меня водой, но как только я открыла глаза и в свете догорающих то тут, то там огней видела окружающую картину, всё начиналось заново. В конце концов он заволок меня в кибитку, где я мешком рухнула на

раскладушку. Запах крови был везде, я чувствовала только его и ничего больше. Бумер улёгся рядом и принялся методично вылизывать шерсть, всю в бурых, запёкшихся разводах. Внутри опять всё съёжилось, я зажала рот руками и зажмурилась.

А когда открыла глаза, то уже стояла в тренировочном зале возле стойки с луками. Осмотрев гулкое, светлое пространство, я прошептала в пустоту:

– Я лишила жизни столько людей... Не думала, что это окажется так... просто и так страшно... Одна стрела – одна жизнь... Я не знаю тех, кого убила, и это они на нас напали, только от этого не легче...

Ноги подкосились, и в изнеможении я плюхнулась на пол:

– Зачем?! Зачем ты меня этому научил, Тан?! Скажи!!! Неужели ты знал?! Знал, что ждёт впереди?! Отзовись! Скажи хоть что-нибудь!!! Та-а-ан! Та-а-а-а-ан!!!

Не знаю, сколько времени я кричала и стучала ладонями в пол, а громкое эхо вторило в ответ: «Тан-Танн-Таннн... а-а-а-н... а-а-ан...» Но вскоре даже истерить сил не осталось, ведь этот гад так и не ответил, хотя я не сомневалась, что он слышит меня, не может не слышать. Я утёрла рукавом глаза, вытянулась на полу и попыталась вернуться к реальности, но, как ни странно, заснула. И во сне, первый раз в жизни, увидела своих покойных родителей! Они никогда мне почему-то не снились, в отличие от моей старшей сестры, которой снились довольно часто, и меня всегда это очень рас-

страивало и даже обижало. Я дулась на Катюку и на маму с папой, что они ушли так рано, бросили меня и даже во сне не хотят ко мне приходить. Со временем, конечно, боль утраты притупилась и прежние детские обиды сменились пониманием, что обижаться бессмысленно, нужно просто помнить, ведь я всё равно их очень люблю.

И вот сейчас я увидела маму, которая протягивала ко мне руки, а потом отца – он кружил меня над головой. Картинка быстро сменилась, и я уже сидела на пушистом облаке, свесив маленькие ножки в красненьких лакированных босноножках, которые в детстве мне нравились просто до безумия. Я и спала с ними некоторое время, не в силах расстаться даже на ночь.

Мама и папа сидели по обе стороны и смотрели вниз, я тоже глянула туда. Далеко-далеко под тонкими перистыми облаками раскинулся бескрайний голубой океан с зелёными, коричневыми и рыжими вкраплениями суши. Я спросила:

– Это Земля? – и голосок был звонкий, детский.

Папа погладил меня по голове:

– Нет. Но эта планета не менее прекрасна, чем та, на которой ты родилась, а может, и более... Тебе, доченька, решать...

– Что решать, папа?

Он нежно улыбнулся, а мама ответила:

– Всё... Всё решать, дорогая... Кому жить, а кому умереть...

В горле надулся ком, хлынули горючие слёзы и, заикаясь, я еле-еле выдавила:

– Я не хочу... Я не хочу, чтобы кто-то умирал... Я ещё маленькая, а не большая! Я не могу ничего решать, вы решайте! – и заревела в голос.

Мама обняла меня крепко-крепко, как тогда, в последний раз перед смертью, и прошептала:

– Ничего не бойся. Никогда. Слушай себя, слушай голос, что говорит внутри, и ты ни в чём не ошибёшься, моя девочка. Мы с папой так тебя любим и так гордимся... Помни об этом... Всегда помни...

Её шёпот становился всё тише, а потом мои глаза застлал какой-то сиреневый туман, и вместо тяжёлого, приторного запаха крови я ощутила нежный знакомый аромат, который когда-то так сильно действовал на меня и моих друзей, – аромат Мозгового.

Глава 8

Я выбралась из кибитки, когда было уже светло. При дневном освещении картина ночного побоища выглядела ещё хуже, хотя Дайк с Максом успели убрать подальше и заложить ветками самое страшное, то есть обрубки тел и разбросанные внутренности. Возле кибитки стояло ведро с чистой водой. Я напилась вволю, а потом сбросила верхнюю амуницию и вылила остальное на голову. Бумер, поскуливая, бегал рядом

и заглядывал в глаза. Я погладила мохнатую гриву:

– Ну что, Бу... Можно считать, что боевое крещение у нас с тобой состоялось, как это ни прискорбно.

Волк смешно подпрыгнул и радостно лизнул меня в нос. Пока я одевалась и вооружалась, парни доложили, что остаток ночи прошёл спокойно, однако в лесу они обнаружили ещё два трупа. Одному покойнику стрела вонзилась в глаз и пробила череп, а другому – в грудь, застряв в теле по хвостовое оперение.

– Я хочу на них посмотреть, – затягивая ремень, я старалась не заплакать.

– Зачем?! – изумлённо спросил Дайк, подавая колчан с уже вынутыми стрелами.

– Запомнить хочу...

– Но зачем, Кари?!

– Мне надо...

Мои мальчики переглянулись, но расступились, пропуская к груди мёртвых тел. Держа дрожащие руки на ремне, я прохаживалась вдоль недавно убиенных. Лица тех, кому я попала в голову, рассмотреть было сложно, они были залиты кровью, в отличие от других, кому попала в грудь. Стрелы – не меч, от порубленных Дайком и Максом да загрызенных Бумером мало что осталось, а вот «мои» были целёхоньки. Жуть, цинизм, но ведь это так.

Я присела на корточки и вгляделась в ближайшее тело. Мужчина был невысок, крепок, длинные руки, короткие,

кривоватые ноги и тёмная кожа, почти такая же, как у Чёрного Ли. На загар это было не похоже, и я слегка растянула ворот серой рубахи: шея и грудь выглядели так же. Осмотрев остальных, я убедилась, что цвет кожи у всех почти одинаковый. Но общий вид лежащих на траве хладных трупов вызывал подозрения. Странные, угловатой формы пряжки на ремнях, сапоги из светлой кожи на какой-то необычной, очень твёрдой подошве и главное, что бросилось в глаза, – одинаковые родовые метки у пятерых. Я ещё раз осмотрела кожные генетические рисунки: одно и то же место на правом плечевом суставе, и узор линий один в один. Я обернулась к парням:

– И что это значит? Дайк, кто они? Пять братьев-близнецов, что ли?!

– Не может быть такого! – Дайк подбежал ко мне и вместе с Максом они принялись переворачивать и осматривать мёртвых.

– Вот вс-с-сё ты заметиш-ш-шь, – прошипел Макс. – А вот мы как-то не очень-то и всматривалис-с-сь... Вот у этих двоих тож-ж-же метки совпадают...

– Что это за люди, Дайк? – я продолжала смотреть на Няня.

– Не знаю... Я подумал, что обычная банда грабителей, может, люди Элгана или Инзара, но теперь... – он плюхнулся рядом на траву, обхватив себя руками. Дайк так всегда делал, когда задумывался о чём-то. – Близнецы... Но этого

не может быть! Близнецы рождаются очень-очень редко, у меня не было ни одного такого случая, когда на роды звали. А если и рождаются, то только по двое, но никак не пятеро сразу, люди ведь – не животные! Да и вообще, нельзя! чтобы они росли и жили вместе.

И вот тут мне открылась ещё одна тайна этого мира. Только в отличие от остальных, безобидных и чудесных, типа единорогов, летунов, сверкающих ангалинов и тому подобного, эта касалась «тёмной» стороны жизни на Окатане, как те монстры, в которых превращались ангалины в своих неудачных попытках обрести человеческое тело.

Рождение близнецов в семье считалось чем-то вроде проклятия на роду. В давние времена одного ребёнка, обычно второго, убивали сразу после рождения и делали это сами родители. Со временем страшную обязанность начали выполнять лекари, за хорошую плату, разумеется. Однако, когда в семье легендарного Дикого Терра, который прославился большими завоевательными походами, два раза подряд родились близнецы, эта древняя жестокая традиция под напором правящего дома была пересмотрена.

Близнецов было решено не убивать, а разлучать, но так, чтобы они никогда не встретились. К слову сказать, девочки не рождались в паре, в отличие от мальчиков. С тех пор так и повелось. Когда на свет появлялись близнецы, то одного отдавали в какую-либо семью далеко-далеко от дома, да ещё и доплачивали иногда, чтобы забрали, и судьбой этого ребён-

ка больше не интересовались.

– Но почему?! – я тарасилась на друга, который в ответ только пожимал плечами.

– Не знаю, нельзя близнецам расти вместе, и всё... Даже мой учитель говорил, что никто этого не знает, а законы древнейших не обсуждаются.

Полдня все вместе мы копали большую могилу. Сжечь столько трупов никакой возможности не было, но и оставить просто так груды растерзанных тел мы не посмели. Исступлённо и зло я рыла яму, хотя и Дайк, и Макс несколько раз пытались отправить меня в кибитку, как говорится, с глаз долой. Бумер бегал по периметру, выполняя обязанности высококлассного охранника, но иногда тоже принимался помогать, отгребая мощными, когтистыми лапами рыхлую землю.

Перед тем как похоронить тела, мы снимали с некоторых кое-какие вещи: ремни, браслеты, сапоги, а также забрали всё оружие, в надежде разузнать со временем, что же это за странный отряд такой, состоящий из невозможных, по местным меркам, близнецов, откуда он взялся и куда двигался.

Правя кибиткой, я продолжала размышлять над случившимся, раз за разом прокручивая в голове кровавые события. Иногда глаза увлажнялись, но я старалась успокоить себя тем, что всё уже сделано и обратно ничего не отмотаешь и не изменишь.

Дайк и Макс отсыпались в кибитке после трудного дня и

бессонной ночи, а Бумер бежал впереди, словно указывая дорогу, правда, непонятно куда. Я же просто ехала за ним, позволив горному волку вести нас за собой. Вокруг уже не было заметно признаков близкого жилья: ни деревень, ни хуторов. Мы огибали Закатный пик, и я подумала, что если так пойдёт и дальше, то вскорости мы вернёмся к тому месту, откуда увидели его в первый раз, однако мои сомнения не подтвердились.

Солнышки клонились к закату, и, хочешь не хочешь, нужно было размещаться на ночлег, ведь дальше в темноте ехать невозможно – никакой дороги. Я дёрнула поводья, остановив мерно бредущую кобылу, и позвала Бумера. Он быстро вернулся, но весь его вид говорил о том, что наш путь не окончен. Волк ухватил меня за штанину и потащил за собой.

– Ты что-то хочешь показать, Бу? – Он рыкнул, продолжая тянуть.

– Хорошо, только надо всех разбудить, – я стукнула в деревянный бортик. – Дайк! Макс! Бумер что-то учуял...

Через несколько минут мы с Максом уже топали за нашим ручным хищником, оставив Дайка распрягать лошадей и готовиться к ночлегу. Вскоре мы пришли к не так давно покинутому месту чьей-то стоянки. Большое кострище, несколько наспех поставленных шалашей, смятая трава, вывороченный дёрн, свежесрубленные ветки и небольшие деревья – вот и всё, что удалось рассмотреть, хотя если бы не подсветка Макса, то я бы и этого не разглядела в сумеречном лесу. По-

хоже, что именно здесь ночевали те, чьи останки мы закопали.

Я присела у кострища, разгребая палочкой угли, а чешуйчатый и лохматый принялись кружить вокруг, усиленно пригнухиваясь. Вдруг Макс застыл на месте, а потом обернулся.

– Храм где-то рядом...

Встав с колен, я огляделась. Уже совсем стемнело, и сумерки сменились тёплой, тихой ночью.

– Ты уверен?

Он кивнул, улыбаясь во всю клыкастую пасть:

– Да, очень знакомый з-з-запах ощущаетс-с-ся... Возвращ-щ-щайтесь с Бумером к кибитке, а я тут ещ-щ-щё побегаю.

Когда я вернулась, Дайк уже развёл костёр и даже что-то варил. Я присела рядом, глядя на рыжее пламя.

– Где Макс?

– Остался Храм искать, сказал, что он где-то здесь. И стоянка там ещё, – я махнула в сторону тёмных стволов, – похоже, что эти... ну которых мы... там ночевали...

Дайк обнял меня и прижал к себе, а я не сумела сдержать опять накатившие слёзы и разревелась. Нянь гладил по спине, шепча нежные и ласковые слова, убеждая, что иного выхода не было, что если бы не мы их, то они нас, что жизнь состоит не только из радостных и приятных моментов, что мы смогли за себя постоять и он сам не ожидал, что получится настолько быстро справиться с таким количеством во-

оружённых противников.

– Всё-таки не зря мы всю зиму тренировались, – Дайк прижался губами к моему виску. – Мне тоже очень тяжело об этом думать и вспоминать... Не плачь, не плачь, Кари, всё позади... Помнишь, Макс как-то сказал, что у нас такая компания, которую все будут бояться. И ведь он оказался прав...

Когда мы уже доедали сваренную Дайком кашу, а Бу обгладывал кости какого-то грызуна, пойманного в лесу, причался Макс. Он сиял в ночи как стоваттная лампочка и был безмерно счастлив.

– Наш-ш-шёл! Я наш-ш-шёл! – радостно шипел он, поочередно тиская нас хвостом и ещё умудряясь трепать передней лапой Бумера за гриву. – Молодец, волчок, молодец! Привёл куда надо! Храм совс-с-сем рядом!

Я утёрла мокрые глаза:

– Пойдём туда утром и все вместе. Дотерпишь?

– Дотерплю!

На том и договорились.

Глава 9

Храм нашёлся быстро, да и внутрь попасть не составило большого труда. Высокое, прямоугольное строение стояло на лесистом склоне и его не так просто было заметить. Круглые колонны по всему периметру опутывали вьющиеся растения, вдоль высоких стен росли гигантские кусты в три-че-

тыре моих роста, и можно было пройти совсем рядом и даже не догадаться, что за высокой, плотной зеленью скрывается столь массивное сооружение.

Макс ещё ночью прорубился к центральным воротам, которые были настолько плотно сомкнуты, что практически невозможно было разглядеть хоть какую-либо щель между ними. Схожесть этого затерянного Храма с Банкорским было сложно определить, так как Банкорскую тюрьму я посещала один раз через центральный вход, а потом уже только через тайный подземный туннель, когда мы с Максом прокапывались к камере Граса, и всё время в темноте. Храм в Банкоре был всё-таки полуразрушен и позже достроен людьми, поэтому можно сказать, что я видела это древнее сооружение практически впервые.

Наш ангалин разгрёб кучи прошлогодних листьев, поковырялся в каменной кладке, а потом засунул хвост куда-то глубоко внутрь. С самым сосредоточенным видом он что-то там нащупывал, пока не раздался тихий щелчок и высокие стены не начали раздвигаться в стороны. Нечто подобное я видела ещё в прошлом году, когда плыла на «Чёрной медузе» из Банкора в Латрас. У Небесных островов под водой тоже была раздвигающаяся в стороны вертикаль, которая служила преградой на пути торговых шхун.

Стены разошлись примерно метра на два и, дрогнув, застыли. Мы стояли у входа и несколько секунд переглядывались, пока Дайк не спросил:

– Макс, а нам можно туда? Ведь это Храм ваших предков...

Ящер усмехнулся:

– Я что, привёл вас-с-с сюда, чтобы ос-с-ставить с-с-снаружи?!

– Ну тогда пошли, только ты первый...

Оружие мы оставили у входа, так как согласно поверью ангалинов проносить в Храм его было нельзя. Войдя в огромный зал, мы ошарашенно уставились наверх. Потолок был почти прозрачным, будто гигантское окно из горного стекла, и всё в окружающем пространстве было прекрасно видно. Оглянувшись назад, на свой лук со стрелами, мечи и два боевых топорика, сваленных у входа, я ощутила некую незащищённость, кровавое побоище до сих пор ещё стояло перед глазами, и спросила у Макса:

– А как же «чистый» путь? Помнишь, ты говорил, что даже на пути в Храм нельзя иметь оружия, даже чуть не заплатил жизнью, тогда в Маргосе, из-за того, что не взял его с собой?

– Да, говорил... Но с-с-сейчас ситуация немного иная, – Макс вздохнул и уставился на меня. – Ес-с-сли бы этот Храм не находился так далеко от полноводных рек, тогда другое дело. Отец с-с-сказал, что неизвес-с-стно, что мож-ж-жет ожидать в долгом пути по с-с-суше, поэтому сам приказ-з-зал мне мечи не ос-с-ставлять, прос-с-сто в Храм не пронос-с-сить.

– Но ведь это нарушение завета ангов! – не унималась я. – Выходит, вы тоже не всегда соблюдаете древние священные законы?!

Макс дёрнулся и даже подпрыгнул:

– Я не с-с-сам! Отец приказ-з-зал!

Я заметила, что он разозлился, но то ли последние события, то ли весь долгий, трудный и полный серьёзных испытаний путь так сказался, но я тоже начала заводиться. Словно взобравшись на воображаемую трибуну, я обрушилась на друзей с пламенной, обличительной речью в защиту древних заветов, будто это я родилась и выросла на этой планете, а не они:

– Значит, вот как получается! Сначала все вокруг вопят о том, как священны и нерушимы законы древнейших и заветы великих ангов, однако, когда возникает острая необходимость, древние правила можно вот так взять и спокойно нарушить?! Два сына терра убивают своего брата, будущего Великого Террхана, и потом делают что хотят, а Совет в столице «поднимает лапки» и прячется за пятерых наследников древних домов, вешая на них огромную ответственность и подвергая опасности их самих, их семьи и людей, которые живут на прилегающих землях! А потом вдруг ангалинам приспичивает попасть в недоступный Храм и для этого тоже можно использовать любые способы! И людей можно внутрь пустить, и оружие иметь на пути, и всё это прикрываться каким-то там пророчеством о священном пути ангалина,

который начнётся на Востоке!

И Дайк, и Макс, и даже Бумер, сидящий возле колонны, подпирающей потолок, не сводили с меня ошарашенных взглядов. А Макс так, вообще, квакать начал от возмущения. В конце концов, Дайк опустил глаза и несколько раз хлопнул в ладоши:

– Прекрасная речь, Кари, только ведь, кроме нас, здесь никого нет, – развернулся и выбежал наружу.

И вот тут до меня дошло, что меня понесло куда-то не туда и неизвестно почему. Я наговорила глупостей и накричала на них непонятно за что. Плюхнувшись перед Максом на колени, я вцепилась в ангалина:

– Прости, Макс! Я не хотела тебя обидеть и твоего отца тоже. Прости меня, Максик! Я просто очень боюсь, что вся эта затея плохо закончится, ведь и так уже столько всего случилось!

Он расслабился под моими руками, я сразу это почувствовала. Проведя горячим языком по шраму на щеке, Макс прошипел:

– Иди перед Дайком из-з-звиняйс-с-ся. Ты так на него с-с-смотрела, будто это он во вс-с-сём виноват.

– Ты не злишься?

– Нет... Ночная с-с-с-хватка очень с-с-сильно повлияла на тебя. Это мне привычно, а ты не только вс-с-сё видела, но и с-с-сама убивала. Первый раз-з-з всегда с-с-самый трудный...

Дайк стоял у лошадей, прочёсывая пальцами длинную

гриву Рыжего. Я обняла его сзади и прижалась к спине. Он замер, а потом усмехнулся:

– Не подлизывайся...

Язык прилип к нёбу, и получилось только пробурчать что-то не совсем вразумительное.

– Кари, я всё понимаю, – голос друга был тихим. – Мне тоже было очень больно, когда я первый раз убил человека, я и переживал долго, и не спал... А тут такое... Ты девушка, пусть и не такая, как все, и тебе ещё тяжелее это преодолеть. Не жалеешь, что мы не остались в Латрасе?

Дайк обернулся и взял моё лицо в ладони, а я покачала головой:

– Нет, несмотря ни на что... А скольких ты убил, ну до этого, как мы вместе?

Он отвёл глаза и отстранился:

– У каждого лекаря за спиной есть своя пещера Хранителя: к кому-то не успел, кому-то просто не смог помочь. Двоих я убил в схватке, мы как-то с Кареллом напоролись на сыскарей террхана, и по-другому было никак, а не так давно мальчик умер по моей вине. Если бы я не задержался в пути, то удалось бы его спасти, но я решил заехать в несколько селений по пути, не подумал, что с тем малышом всё настолько серьёзно. Я тебя тогда искал, а когда всё-таки приехал, он умер у меня на руках. Моя задержка стоила ребёнку жизни...

Я взгляделась в его лицо, такое родное и любимое, в скорбь и боль в затуманенных влагой глазах.

– Ты раньше об этом никогда не рассказывал...

Дайк пожал плечами:

– Да как-то к слову не приходилось... Я так понял, ты тогда в Банкоре была. Я как уехал из того посёлка, так потом напился вусмерть, а когда очухался немного, видел такой странный сон...

– Какой сон?

– Будто мы снова на Кифовом носу и идём с тобой к обрыву и словно прощаемся там. Я понимаю, что ты уходишь, и я больше не увижу тебя никогда. Пытаюсь уговорить остаться, но ты меня не слушаешь и будто совсем не слышишь. А потом появляется сказочный радужный мост от края обрыва прямо в небо, ты ступаешь на него и уходишь. Я кричу тебе вслед, зову изо всех сил, а ты даже не оглядываешься и постепенно исчезаешь в сиреневой дымке... – Он замолк на мгновение, сильно сжимая мои пальцы. – Я так звал тебя, что половину постоянного двора на уши поставил...

Дайк усмехнулся и, сграбастав меня, прижал к себе:

– Правда, потом я услышал голос, как ответ на мои дикие вопли. Он был очень тихим и словно доносился из каких-то неведомых далей. Этот голос повторял моё имя, и я даже успокоился как-то, уверился, что докричался и мы встретимся, обязательно встретимся. И ведь так и получилось...

Дайк начал нежно целовать меня, легко касаясь губами, а я, отвечая на чувственную ласку, тоже вспомнила свой сон, когда звала его и разбудила постояльцев и хозяев «Тихого

островка». Выходит, Дайк тоже видел меня во сне и звал меня... И мы тогда слышали друг друга...

– Ну мож-ж-жет хватит миловатьс-с-ся! – Голос Макса и шлепок по моему мягкому месту прервал прекрасные минуты чувственной откровенности. – Я наш-ш-шёл, откуда бочка выдвигаетс-с-ся!

Глава 10

Оставив Бумера охранять лошадей, мы пошли обратно в Храм навстречу новым, удивительным открытиям. Размер бочки, содержащей легендарные «слёзы богов», меня просто убил! Это ж сколько надо было плакать, чтобы наполнить такой объём, вернее объёмище?! Часть дальней стены Храма, за центральной колоннадой, раздвигалась по такому же принципу, что и внешняя. Макс опять просунул хвост в какое-то отверстие невысоко от пола и переключил что-то внутри. Зал немного дрогнул и стены подались в стороны. Гигантская, высотой около четырёх метров, тёмная бочка начала выдвигаться из проёма. Каких-то направляющих или пазов, по которым она перемещалась, я не заметила. Однако она чётко встала в круг, контуры которого угадывались в кладке пола, состоящего из небольших, величиной с кирпич, плиток.

Внутри самого Храма, на удивление, было чисто, сухо и прохладно: ни пыли, ни другого какого мусора. Как я поня-

ла, первую пыль за тысячелетия с ногами сюда принесли мы. Бочка встала на место, а Макс победно уставился на нас:

– Вот она! Правда, 3-3-здорово?!

Мы с Дайком, задрав головы, обалдело рассматривали чудо-техники великих ангов. Я невольно хихикнула, представив картину, как на облаках вокруг этого огромного, пузатого сосуда сидят древние старцы, ну типа боги, в белых балахонах, с длинными седыми бородами и сверкающими нимбами над головами, и рыдают горячими слезами. Потом достают из многослойных одежд белоснежные носовые платки, утирают прозрачные ручки с морщинистых лиц и выкручивают их в бочку. Хорошо поплакали, ничего не скажешь!

Обежав загадочную ёмкость по окружности, Макс опять нашёл место, куда можно было сунуть свой длинный хвост. В нижней части бочки располагалось нечто вроде плоской кнопки, надавив которую, он вызвал внутри какое-то загадочное постукивание и перещёлкивание, словно тиканье часового механизма. Через несколько секунд в метре от пола отодвинулась панель и из неё вывалилась парная такая штучка, как мягкая запаянная ампула из двух половинок. Потом панель закрылась и всё стихло.

Мы смотрели на лежащий у ног предмет, пока Макс не подпихнул меня:

– Воз-3-зьми их...

Я наклонилась и подняла с пола столь долгожданную и, как оказалось, вполне реально существующую добычу.

Упругий материал, немного вытянутая и с одной стороны заострённая форма упаковки, внутри заметно содержимое в виде светлой, мутноватой жидкости, по центру насечки или перфорация, чтобы разъединить – и правда, как ампула на две дозы. Я слегка дёрнула и разделила их на части. Дайк рядом выдохнул:

– Так вот они какие... «слёзы богов»...

Он взял у меня одну и принялся рассматривать на свет. Я тоже вгляделась, а потом, от пришедшей в голову не совсем уместной мысли, чуть не расхохоталась:

– Как-то не очень на слёзы похоже...

– А на что это похож-ж-же по-твоему? – Макс плюхнулся на хвост, сверля меня ехидным взглядом.

Я всё-таки не сдержалась и выдала:

– На семенную жидкость организмов мужского пола! Сперму, проще говоря... – и, сунув ампулку в протянутую трёхпалую ладонь, отвернулась, сдерживая хохот. Дайк прикрылся ладонью и было видно, что его плечи вздрагивают.

– Думаешь-ш-шь?! – Макс вытаращился и его глаза из ярко-зелёных стали малахитовыми.

– Да пошутила я, Максик! Слёзы так слёзы! Только обычные слёзы прозрачные, а эта жидкость мутновата. Может, она просто испортилась?

– Да ну тебя! Ис-с-спортилась... Она не портится!

– А ты откуда знаешь? – Дайк подбросил ампулу и ангалин поймал её на лету.

– Может, у вас поэтому с превращениями ничего и не получалось, что все сроки годности на эту жидкость давным-давно вышли.

Макс ещё больше вытаращился, словно я сказала что-то совсем из ряда вон, а потом как-то обмяк и, задумчиво глядя на зажатые в чешуйчатых пальцах ампулки, принялся почёсывать когтем нос:

– Да быть такого не мож-ж-жет...

Мне стало так жаль его, прямо невыносимо. Я присела на пол и повернула его голову к себе:

– Не переживай, ведь мы ничего не знаем наверняка. У меня дома, на Земле, на любом продукте или товаре, да на чём угодно, обычно пишут дату изготовления и указывают, сколько времени этим можно безопасно пользоваться. Однако есть такие вещи, на которых пишут, что срок их годности неограничен. А вдруг и «слёзы богов» относятся к такой категории, ведь никаких маркировок на них нет.

Макс поднял на меня глаза:

– З-з-зато на бочке ес-с-сть...

– На бочке?! Где?!

– Там, с другой с-с-стороны, – и махнул хвостом в нужном направлении.

Мы обошли «слёзное» хранилище и обнаружили вдавленную в корпус и окрашенную какой-то светлой краской надпись. Дайк взгляделся в чёткие, хорошо читаемые символы и его брови поползли вверх:

– Макс! Но ведь тут написано на языке древнейших!

– Да, – ангалин кивнул. – Только я его плохо з-з-знаю...

– А как же язык ангов? Ведь это их Храм! – Дайк продолжал удивлённо пялиться на короткий текст.

Макс пожал плечами:

– Это одна из-з-з загадок. Никто не з-з-знает, почему на бочках надпис-с-си на языке древнейш-ш-ших.

Я пихнула Дайка в бок:

– Читай, только ты из нас можешь это сделать.

Мой дорогой Нянь важно сложил руки на груди и высокомерно глянул сверху вниз, ведь он был выше меня сантиметров на десять:

– И вот чтобы вы без меня делали?! Всё же правильно, что мы пришли сюда вместе, а кто-то ещё разглагольствовал о том, как нужно чтить законы древнейших и священные заветы ангов.

– Читай!!! – завопили мы с Максом.

Нахмутив брови, Дайк принялся размеренно читать:

– Каплю в чаше раствори,

Выпей сразу и умри...

Ты восстанешь к жизни вновь,

Обретя былую кровь...

– Это точный перевод? – я смотрела на значки так, будто могла их разобрать.

– Ну да, никакие слова сомнений не вызывают...

– На инструкцию по применению похоже... – я продолжала размышлять над услышанным. – А как вы раньше принимали «слёзы», растворяли в воде? – этот вопрос был адресован Максу.

Ангалин уже был похож на огромную, пучеглазую, испуганную ящерицу:

– Нет... на яз-з-зык вроде капали, но я точно не з-з-знаю...

– А тут написано, что растворять надо...

Макс очень сильно разволновался и забегал по залу, цокая когтями о гладкий пол. В Храме было достаточно светло – мы даже угловые факелы не зажигали. Свет проникал сквозь полупрозрачный потолок, и для меня осталось загадкой, как за столько веков и тысячелетий на крыше не скопилось ни листьев, ни веток, ни грунта – ничего, что могло бы препятствовать естественному освещению. Стены и внешние колонны покрылись густой растительностью, ступени были засыпаны перегнившей листвой и толстым слоем почвы, а вот крыша осталась достаточно чистой и пропускала столько света, что мы смогли прочесть надпись на бочке.

Ещё несколько раз я обошла загадочный контейнер, вглядываясь в тёмную, цвета морёного дуба, поверхность:

– А как её обратно задвинуть?

– Да не з-з-задвинется она уж-ж-же... – Макс быстро подскочил, всунул хвост в боковое отверстие и что-то там переключил, но ничего не случилось, кроме странных звуков из-

нутри. Я вслушалась в тихие, ритмичные и какие-то натужные щёлканья: «Будто пытается включиться... Словно в машине, когда аккумулятор садится, или батарейки «сдохли» в каком-либо приборе, а может, искры не хватает... Так... Стоп! Аккумулятор! Батарейки! Конечно, за такое количество времени, тысячелетия, так сказать, любой аккумулятор разрядится, даже придуманный великими ангами! Механизм же не использовался!»

Я улеглась на пол, всматриваясь в отверстие:

– Макс, подсвети... Нужно посмотреть, что там внутри.

«Включив» свет, ангалин пристроился рядом. В глубине, действительно, виднелся переключатель, почти такой же, как и в Банкорском Храме за чередой камер, а вот внизу я заметила небольшие круглые дырочки в виде треугольника: одна сверху и две снизу.

– А это что такое, под рычажком?

Макс ещё дальше просунул нос, держа светящийся хвост как подвешенный фонарик:

– Дырки какие-то...

Я смотрела на непонятные отверстия, на светящиеся пальцы Макса и в голове медленно, но уверенно зарождалась идея: «Чтобы что-то включить, нужна энергия, а свет – это поток фотонов, то есть частиц, обладающих определённой энергией, импульсом и ещё чем-то там, и у Макса она есть. Он в буквальном смысле излучает её...»

Я усталилась на друга, а потом схватила его за хвост:

– Сунь туда пальцы! Там как раз три отверстия!

Он так! дёрнулся, но я держала основание хвостовой кисти мёртвой хваткой.

– Что-о-о-о?! З-з-зачем?! – ангалин начал вырываться, однако ничего у него не вышло.

– Только так мы сможем проверить, работает или нет! Воткни, я сказала!

Макс вращал испуганными глазищами и оторопело смотрел то на меня, то на Дайка, а потом всё-таки просунул хвост к рычажку:

– Ну воткнул...

– А теперь сверкни! Только хорошо так, сильно.

– Глаза з-з-закройте, ос-с-слепит...

Мы с Дайком зажмурились, но даже сквозь сомкнутые веки я ощутила мощную вспышку. Мы открыли глаза, а через секунду что-то громко треснуло, будто замыкание случилось. Внутри колонн по всему периметру заплясали искры, как в люминесцентных лампах, и пространство Храма залилось ровным, ярким светом, исходящим из каждой колонны.

От случившегося Макса словно парализовало, а Дайк бежал по залу, трогая каждую колонну и восхищённо приговаривал:

– Вот это да! Вот это да! Они светятся! Никаких факелов не нужно!

А вот мне стало более-менее понятно, какую же энергию использовали анги. Я подошла к бочке и нажала круглую

кнопку. Панель отодвинулась и на пол упала ещё пара ампулок. Дикий вопль Макса чуть не оглушил. Он начал носиться по залу, подпрыгивая в каком-то сумасшедшем танце:

– Получилос-с-сь!!! Получилос-с-сь!!! У нас получилос-с-сь!!! Кари, я з-з-знал! З-з-знал, что ты с-с-сможеш-ш-шь! Получилос-с-сь! Храм включилс-с-ся! Включилс-с-ся!!!

Он отпихнул меня и принялся тыкать в кнопку, и каждый раз выпадала следующая порция двойных упаковок.

– Хватит, Макс! Зачем нам столько?! – я опять схватила его за хвост. – Вон уже сколько нападало!

Но он никак не мог уговориться: то вопил на ангалинском, то причитал, какая же я умница и как правильно мы всё сделали, что пророчество сбывается и отец оказался как всегда прав, и что он сам никогда бы не догадался, как тут всё устроено, и так далее и тому подобное. Если мы с Дайком уже справились с первыми впечатлениями, осматривались и решали, будем ли спускаться, чтобы посмотреть на подземные уровни, то Макс распалялся больше и больше – ангалинская энергия била через край. А то, что он вытворил потом, ещё раз подтвердило, что мой любимый чешуйчатый друг обладает крайне импульсивным характером.

Макс опять сунул хвост в эту своеобразную розетку и выдал мощнейшую световую вспышку – я не успела его остановить. Мы еле-еле закрылись от выброса его энергии. Внутри колонн коротнуло так, что я подумала, всё... они сейчас взорвутся. Макса отбросило на середину зала, а в гигант-

ском сосуде словно заработал мотор и бочка начала вращаться. Несколько минут скорость только нарастала, пока не слышался звук, очень напоминающий визг тормозов. Бочка вздрогнула, остановилась и от шума куда-то сливающегося потока я отшатнулась:

– Макс! Что ты наделал! Совсем больной на голову?! Оно сливается куда-то! «Слёзы» выливаются! Слышишь?!

Колонны потухли, бочка не двигалась, а в наступившей гробовой тишине я слышала только стук своего сердца. Дайк стоял разинув рот, а Макс лежал на полу зажмурившись и прикрыв голову передними лапами. Я подошла ближе и стукнула в гладкую поверхность: отдача была гулкой, не такой, как прежде:

– Всё, там пусто... Пошли отсюда, а то ещё стены рухнут. Стоял Храм столетиями, стоял себе спокойно, а мы заявили и за полчаса такого наворотили!

До самого вечера мы ждали Макса. Он не пошёл с нами, так и остался лежать на полу, не реагируя и не отвечая на вопросы. Мы решили не трогать его, пусть немного успокоится. Остаток дня мы провели у кибитки, размышляя над дальнейшим маршрутом. Как ни крути, но первая цель нашего путешествия была достигнута: в Храм мы попали и «слёзы богов» взяли, хотя и не рассчитывали на такое количество. Если не думать о том, что мы вроде как всё окончательно сломали, то всё в порядке.

«А может, это и к лучшему, – размышляла я, лёжа у ко-

стра, глядя на бегущие облака и жуя сочную травинку. – Во всяком случае, смысла в этом Храме больше нет... «Слёзы» слились куда-то, возможно, в подземные воды, а без них непонятно зачем он тогда нужен, разве только ради камер, что на подземных этажах...»

Дайк прилёг рядом на толстое одеяло:

– Что-то долго его нет. Расстроился наш Максик... Интересно, а как он Рексу будет об этом докладывать?

Я пожалала плечами:

– Придумаем что-нибудь... «Слёзы» у нас, а это – главное. Мне показалось, что двойных ампул выпало двадцать, а когда складывала их в мешок, насчитала восемнадцать. Ты не видел одну пару?

– Да вроде столько и было, мы же все подобрали...

Я задумчиво почесала переносицу:

– А если Макс как-то стащил потихоньку? Вот почему-то кажется, что их было всё-таки двадцать.

– Ну вот вернётся и спросишь... – Дайк обнял меня и прижался губами сначала к виску, потом к щеке, потом к мочке уха.

– Не надо, – я отвернулась. – Если Макс нас заметит, то ещё больше расстроится. Ты же видел, в каком он состоянии, как бы глупостей опять ни наделал.

Отстранившись от парня, я встала и закинула лук за плечи:

– Схожу за ним, слишком долго он горюет.

Но идти никуда не пришлось. Сначала прибежал Бу, а за ним пришлёпал Макс и бухнулся у костра, глядя глазами побитой собаки:

– Мне нет прощ-щ-щенья... Ты правильно говорила, что я пс-с-сих ненормальный... Чем я думал?!

Я улыбнулась и улеглась на него, как на подушку, сжимая его пальцы и поглаживая длинный хвост.

– И что теперь делать? – шипящий голос был полон вселенской скорби.

– Трогаться в путь с рассветом, вот что делать. «Слёзы» у нас, а то, что Храм немножко сломался, это ничего... Он ведь и так был недоступен для вас, чего переживать? Непонятно только, куда всё вылилось и какие от этого могут быть последствия, меня это больше беспокоит, – я продолжала гладить его, а Макс шумно дышал мне в ухо. – А ты две ампулы случайно не видел? – я постаралась спросить спокойно и как бы безразлично. – Мне кажется, что пары не хватает, хотя, может, я и ошибаюсь, слишком уж впечатлений было много...

Ящер покачал головой и лизнул меня в щёку:

– Там на полу ничего не осталос-с-сь, я с-с-смотрел, перед тем как уйти...

– А внешние стены сдвинулись?

Он нахмурился, сморщив чешуйчатый нос:

– Нет, ничего не работает...

– Ну и ладно, – я отмахнулась и глянула на Дайка, кото-

рый полулежал рядом, почёсывая Бумера и слушая наш разговор. Всё-таки чувство, что изначально было именно двадцать парных ампулок, а не восемнадцать, не покинуло, однако как-то развивать эту тему я не решилась, не хотелось обижать своих мальчиков недоказуемыми подозрениями.

Глава 11

Утром я проснулась среди тёплых тел: Макс вместо подушки, Дайк обнимает со спины, а Бу прижимается к моему животу. Такой кучей мы ещё никогда не спали. И хотя ночи были ещё иногда довольно прохладными, долгое лето только начиналось, я совсем не замёрзла, ведь такие замечательные грелки рядом.

До северо-западной дороги мы добрались гораздо быстрее, чем рассчитывали. Обратный путь был знаком, да и искать Храм было уже не нужно. Теперь предстояло ещё более долгое путешествие к золотой жиле, которая находилась далеко-далеко на юго-востоке. Макс ещё очень переживал из-за того, что случилось, и корил себя за беспечность и потрясающую! (как он сам выражался) дурость. Ну вот не пришло ему в голову, что очередное «сверкание» приведёт к таким последствиям, просто ему ещё разок очень захотелось попробовать.

Я несколько раз объясняла Максиму принцип действия аккумуляторов и батареек, а также к чему может привести резкий

выброс большого количества энергии, и он, в общих чертах, понял. Однако когда я попыталась донести до друзей, что свет – один из важнейших составляющих факторов Вселенной, что на его скорости базируются все космологические постулаты, они попросили меня держать такие «заумности» при себе, так как всё равно ни понять, ни представить, даже чуть-чуть, то, что я им рассказываю, они не в состоянии.

Сначала я немного надулась, а потом успокоилась. Какая им собственно разница, тем, кто самыми большими скоростями считает галоп лошади или гонку за добычей в море, что где-то там, в неизвестной им Вселенной, разлетаются галактики, вращаются по своим орбитам звёзды и планеты, сталкиваются кометы и астероиды.

Под руководством Дайка и с помощью книги, купленной у Аютана, ну с тем самым, страшным рисунком монстра внутри, я взялась за изучение языка древнейших. Так как подумала, что любимый принцип моей мамы «знать что-то или уметь – за плечами не носить», который всегда помогал не выглядеть душой в глазах окружающих, да и не быть таковой, актуален сейчас как никогда. Также возобновила «сонные» тренировки и иногда даже днём на несколько часов забиралась в кибитку к Максусу, чтобы помахать мечом в тренировочном зале. А вечером на стоянках уговаривала то Макса, то Дайка погонять меня. Нянь иногда пытался отнекиваться, что, мол, надо то дров нарубить, то ужин сварить, тогда приходилось брать эту обязанность на себя, используя не так

давно приобретённое умение. За несколько минут я кипятила воду, просто забросив в полный котелок камушек.

Дайк приходил от этого в восторг и какое-то благоговение, и когда мы доедали таким способом приготовленный ужин, всё рассматривал камень, который был мне нужен в качестве привязной точки.

– Как всё-таки ты это делаешь? – как-то спросил он, когда мы уже почти четыре недели ехали по направлению к Кифу.

– До конца я и сама не очень-то понимаю. Просто беру камушек, хотя вместо него можно использовать что угодно, сосредотачиваюсь на нём и на себе, будто бы соединяя нас в единое целое, бросаю в воду и всё...

– Но как это сделать?! Соединить с собой...

Я хмыкнула в ответ, протирая тряпкой вымытые деревянные миски:

– Не было у тебя такого внутреннего учителя, – и постукала пальцем по своему лбу.

– И что он? – Нянь вперился в меня взглядом. – Так и не объявился?

– Нет.

– И ты до сих пор так и не поняла, кто он и откуда взялся? Да и был ли вообще?!

Внутри вдруг стало очень тесно, словно лёгкие сжались в малюсенькие, пористые шарики, вытолкнув из себя весь воздух, который с силой начал давить на рёбра и грудную клетку. Дрогнувшим голосом я спросила:

– Ты сомневаешься в моей вменяемости?

– Нет, не сомневаюсь...

Медленно-медленно я начала выдавливать из себя это внутреннее давление, пока не выдохнула полностью:

– Так в чём дело тогда?

– Я просто иногда очень боюсь, что если он вдруг вернётся, то заберёт тебя навсегда. Я гоню эти мысли, но они всё равно иногда посещают...

Когда Дайк произнёс эту фразу, я вздрогнула. Точь-в-точь, слово в слово он повторил слова, сказанные Максом, когда мы ночевали на одном из островков, догоняя «Чёрную медузу».

– Не заберёт... Как он сможет меня забрать... – ответила я тихо, а в памяти всплыл текст Вечного свитка, который Ают так неудачно пытался продать в Тагри.

– Там, где выход, входа нет,
Лишь кружится звёздный свет...
Если хочешь ты войти,
Бога за руку схвати.

Я подумала, что хватать или не хватать дело, наверно, добровольное и, быть может, наступит такой момент, что я не только захочу, но и смогу это сделать. Вот тогда страхи моих мальчиков и обретут вполне реальные черты.

Тряхнув головой, я попыталась выгнать вон эти мысли и длинная отросшая чёлка упала на глаза. Чтобы уйти от столь

неприятного разговора не только для меня, но и для Дайка, я упросила его опять обрезать мне волосы. Краска придонных лац почти смылась, а блондинистая шевелюра отросла настолько, что мой образ тощего нескладного юноши находился под угрозой.

В этот раз Дайк не упирался и, пока было ещё достаточно светло, обчекрыжил меня по полной программе. Когда из кибитки вылез сонный Макс, то застал нас носящимися по берегу ручья, вблизи которого мы остановились.

– Ты специально, да?! – я ругалась и махала опаской, бегая за парнем. – Я просила покороче, но не до такой же степени! Ты в кого меня превратил?!

Дайк хохотал, убегая, а Бу, изображая злость, прихватывал его то за бёдра, то за зад.

– Ты сама захотела! Я не заставлял! – Дайк упал на траву, подняв руки. – Всё! Лежачего не бьют и не кусают!

– З-з-зато его едят... – злорадно прошипел Макс, и они вместе с Бу накинулись на парня.

Эта шутливая вечерняя потасовка закончилась придавленным хвостом Макса, несколькими вырванными клоками шерсти из гривы Бу и большим синяком на бедре у Дайка – в запале игры волк, приличненько так, его таянул. В общем, эта часть нашего путешествия проходила спокойно и даже весело.

Глава 12. Столица. Заседание Совета

Прихрамывая, Хлоан эн Атрай шёл по длинному коридору. Высокие, стрельчатые проёмы в стенах по обе стороны создавали иллюзию какой-то бесконечности. В этой части города, а тем более в замке Совета, он никогда не был, хотя и прожил в столице почти всю жизнь. Эта территория всегда была закрыта для свободного посещения. Город занимал очень большую площадь, столица была не меньше, чем Банкор, но и этот район тоже оказался немаленьким. Хлоан знал, что отсюда есть тайные проходы и во дворец Великого террхана, и к центральной площади, и за городские ворота, но его пригласили к главному входу, как только разнеслась весть, что наследник дома Атрай вернулся из Раски живым.

Двое охранников проводили его через широкий, мощёный светлым гранитом двор, провели по нескольким улицами и помогли подняться по очень крутой лестнице. Дав указание идти до самого конца, они начали спускаться вниз, а Хлоан, оправив камзол, поковылял к еле заметной с такого расстояния высокой двери.

Чем вызвано усиленное внимание к его персоне, он прекрасно понимал. До убийства терре Совет не очень-то интересовался наследниками древних родов, однако когда прямо к нему в дом заявили слуги Совета с формой для чеканки рандов, Хлоан понял, что спокойная жизнь закончи-

лась. А когда осознал, какую ответственность на него пове-
сили древнейшие, оставив такие странные указания, то по-
началу впал в панику.

Ведь возраст был уже преклонным, а младший сын, кото-
рый также носил метку дома Атрай, был ещё слишком юн,
чтобы принимать столь важные решения. Но после долгих
размышлений Хлоан всё-таки поехал в Раску, как только
подсохли дороги, хотя, как оказалось, он мог бы и не ездить,
как это сделала наследница дома Матвэй, которая, получив
форму, наоборот, уехала из своих владений.

Этот вопрос очень занимал его. Почему все кругом го-
ворили, что нужно ехать в Раску, когда, как выяснилось, в
законах древнейших нет на это никаких чётких указаний?!
Ему вручили печать и штемпель, объяснили правила чекан-
ки, но никто даже не намекнул, что можно остаться в столи-
це и быть просто хранителем этой вверенной ему коробочки.

Но теперь у него не осталось сожалений. Пережитое в Рас-
ке очень многое перевернуло и помогло осознать, что тот
покой, стабильность и размеренность, к которым он всегда
стремился, не давали полного ощущения жизни. Мнимая
смерть от яда этаи словно влила в него молодость и жажду
чего-то нового, неизведанного ранее, а может, значительно
го и великого.

Эрдана Кари, её удивительная компания и то, что они сде-
лали для него, произвело на Хлоана ошеломляющее впечат-
ление. И теперь, идя к массивной двери в конце длинного

коридора, он предполагал, что расспрашивать его будут не столько о нём, сколько о ней – девушке, не похожей ни на кого, девушке, поведение которой настолько непредсказуемо и загадочно, как и она сама вся, что разговоры о том, будто она не просто наследница, а богиня – совсем не кажутся далёкими от действительности.

В конце концов цель была достигнута, и наследник дома только протянул руку, чтобы постучать, как дверь распахнулась. Одетый в длинный, балахонистый плащ молодой мужчина спросил:

– Фаэдр Хлоан эн Атрай?

Тот кивнул.

– Проходите. Вас позовут, когда все соберутся.

Пока Хлоан устраивался на жёсткой скамье в почти пустой, гулкой комнате, слуга подкатил небольшой столик на скрипучих колёсиках:

– Можете перекусить пока...

Бокал вина и лёгкая закуска в такой аскетичной обстановке приятно удивили, но Хлоан ни к чему не притронулся. Ожидание затянулось. Нигде не было слышно никаких звуков, кроме потрескивания дров в камине – несмотря на очень тёплую погоду, здесь было холодно. Но тут одна из боковых дверей приоткрылась, и Хлоан увидел своего давнего знакомого, можно даже сказать родственника. Тот улыбнулся и, протянув руку, помог наследнику встать:

– Прости, Хлоан. Это из-за меня тебя заставили ждать. Я

настоял, чтобы без меня не начинали.

– Как Элоя, как дети? – Хлоан крепко обнял мужа своей племянницы.

– Всё хорошо! Я очень рад, что ты жив, ведь вести о тебе были печальные.

Старик закивал:

– Я уже и сам был уверен, что из Раски напрямик прибуду к Хранителю, и если бы не эрдана Кари...

– Наслышан об этом, наследница дома Матвэй опять отличилась.

– Кари и Дайкаран передавали тебе привет и наилучшие пожелания, Вальдеган.

– Спасибо, – пятый пархонт задумался на мгновение, словно вспоминая что-то. – Я ведь тоже, как и ты, обязан им тем, что вернулся...

Хлоан удивлённо приподнял кустистые седые брови.

– Да-да, не удивляйся. Она и моё свидание с Хранителем отсрочила, но об этом позже. Тебя будут расспрашивать обо всём, что случилось. Отвечай честно, но не бойся выражать своё личное ко всему отношение. Ты наследник дома и сейчас твои суждения даже важнее мнения Совета, поэтому говори то, что думаешь.

Хлоан ожидал увидеть знаменитый зал заседаний, о котором столько слышал, однако Вальдеган привёл его в небольшую уютную комнату, передвинул мягкое кресло и предложил садиться. У противоположной стены находился длин-

ный стол, покрытый бордовым сукном, в самом центре которого стояла полупрозрачная ваза со странным букетом. «Какая причудливая работа, – подумал наследник. – Цветы словно настоящие, но видно, что это камень, даже крупные песчинки на лепестках заметны. Как красиво...» Глянув по сторонам, на диваны и кресла вдоль стен, изящные шкафы с резными дверцами, Хлоан расслабился и успокоился: допрос с пристрастием ему точно устраивать не будут, да и Вальдеган рядом.

Восемь членов Совета вошли через несколько минут, с побряхтываниями уселись за стол и разложили перед собой кучу разных свитков и несколько толстых фолиантов. Мужчины уже были очень преклонного возраста, однако пристальные, внимательные взгляды дали понять, что старость пока не затронула их разум. Пятый пархонт и другие помощники расселись на диванах и беседа началась.

Без всяких церемоний и вступлений Хлоана попросили рассказать всё с самого начала: о поездке в Раску, о том, как его встретили там, что он узнал в городе, о нападении, разговоре с Элганом, количестве людей у него и так далее и так далее. Наследник дома говорил спокойно и последовательно, изредка отвечая на уточняющие вопросы. Когда рассказ дошёл до появления в подвале городской управы Дайкарана под видом странствующего травника, все присутствующие, Хлоан сразу это заметил, словно придвинулись, слушая ещё внимательнее.

– И после того как вы проглотили два маленьких коричневых шарика, что оставил вам Дайкаран, то вскоре уснули, а очнулись уже в кибитке, рядом с ангалином? – скрипучим голосом спросил один из заседающей восьмёрки.

– Верно. Поэтому историю своего спасения я знаю только из рассказа Дайка и Кари. Сам же я был вроде как мёртв около трёх суток.

Старики принялись перешёптываться, а Хлоан, услышав знакомое слово, набрался наглости и сказал:

– Это был яд этаи, я уже знаю.

– Откуда он у них?

Хлоан пожал плечами:

– Они не говорили, а я и не спрашивал, но способ моего спасения великолепен, не правда ли?! Полагаю, Элган долго будет думать, что меня нет в живых.

– Как думаете, фаэдр Хлоан, – последовал вопрос, – а куда ехали ваши спасители? Присутствие ангалина наводит на кой-какие мысли...

– Не буду скрывать, уважаемый Совет, но я тоже подумал, что они везут Макса в Храм, который где-то у Закатного пика.

– Макса?!

– Ну да. Так зовут зеленоглазого ангалина. Он со мной, правда, не разговаривал, но с Кари и Дайком общался и, кстати, когда он шипел по-своему, эрдана Кари его прекрасно понимала, хотя и отвечала по-нашему.

Совет опять принялся шушукаться, и выражение «слёзы богов» несколько раз промелькнуло в их речи.

– Опишите её. Как наследница выглядит?

Хлоан вздохнул, прикрыл веки и начал вспоминать:

– Высокая, стройная девушка, на первый взгляд даже худая, но это не так, у неё сильное, крепкое тело. Она очень уверенно двигается и прекрасно держится в седле. Пронзительно-синие глаза с пушистыми ресницами, короткие и очень светлые волосы... – Хлоан улыбнулся, вспомнив, как первые несколько дней не мог насмотреться на столь необычную для девушки внешность. – Красивой формы брови, высокие скулы, щёки немного запавшие, на левой – длинный, прямой свежий шрам...

– Шрам?! – Вальдеган даже привстал с дивана.

– Да. Как я понял, они каким-то образом оказались на Севере, и эрдане Кари пришлось выдать себя за юношу. Она сказала, что этот шрам останется ей на память и что там её приняли за сына Хранителя, за Альда.

– То есть когда вы с ней познакомились, она более походила на мужчину, чем на женщину?

– Если не присматриваться, то да. Она вооружена и одета как мужчина, и голос хриплый, не могу сказать, что мужской, но для женщины низкий.

После ещё часа подробных расспрашиваний, когда у наследника окончательно пересохло в горле, один из мудрых старцев встал из-за стола и слегка поклонился Хлоану, ко-

торый тоже вскочил настолько быстро, насколько позволила больная нога.

– Спасибо за столь подробный и важный рассказ, фаэдр. Совет признателен за вашу откровенность, и мы рады также, что всё так благополучно закончилось. Во многом вы подтвердили наши прежние сведения, но и добавили немало интересного. Остался последний вопрос, который мы хотели бы вам задать как наследнику древнего дома Атрай, и очень надеемся на искренний ответ.

Хлоан вытянулся и торжественно кивнул:

– Конечно.

– Если перед вами встанет выбор, кого из троих претендентов на трон поддержать, то кому вы отдадите предпочтение?

Хлоан даже не задумался:

– Тому, кого поддержит эрдана эн Матвэй. И думаю, что ни Элгану, ни Инзару на данный момент она не симпатизирует.

Все дружно встали после этих слов и, отвесив поклоны, чинно удалились. Вальдеган прихватил Хлоана под локоть:

– Ну вот и всё. Теперь у них будет ещё больше тем для обсуждений и размышлений.

Хлоан выдохнул:

– Можно воды?

Вальдеган отошёл в угол и налил полную кружку из большого кувшина. Пока Хлоан утолял жажду, пятый пархонт

вытащил из вазы каменный цветок.

– Да! Я хотел спросить, – наследник приковылял к столу, утирая рот. – Что это за цветы? Никогда таких не видел!

Вальдеган хитро улыбнулся тонкими губами:

– Это цветы Кари...

– Что?!

– Наша богиня-спасительница их вырастила, только не представляю как. Когда я уезжал из Латраса, она мне целую корзину подарила.

Хлоан вытащил ещё один: ярко-рыжий, шершавый, с причудливыми наслоениями крупных и мелких песчинок. Действительно, создавалось ощущение, что когда-то он был живым, просто почему-то окаменел.

– Удивительно... – прошептал Хлоан.

– Пойдём, проведу короткой дорогой. Думаю, что теперь тебе придётся приходить сюда регулярно. – Вальдеган схватил хромящего фаэдра и мужчины вышли за дверь.

Глава 13. Дорога на Киф

Несколько недель мы ехали по довольно безлюдным землям и бездорожью, выдерживая нужное направление по дневным светилам и объезжая препятствия типа сопок, густых зарослей и болот. Но по мере приближения к Кифу опять постепенно вливались в местную цивилизацию.

Мой голос так и остался довольно низким, хотя и без тех

первоначальных жутких хрипов. Всё-таки полуторанедельное плавание на спине ангалина в холодном, северном море бесследно не прошло, да и громогласно крикнуть тоже не получалось. А шрам на щеке, зарубцевавшись, придавал лицу совсем неженское выражение. Короче говоря, мой образ не вызывал у редких встречных особых подозрений. Мы с Дайком были словно два друга-ровесника, которые куда-то держат путь. А вот Бумер привлекал к нам гораздо больше ненужного внимания. Псы, охраняющие обозы и караваны, просто с ума сходили, когда мы проезжали неподалёку, хотя и прятали его в кибитке. Постоянно скрывать горного волка не всегда получалось, несмотря на то, что мы старались не ночевать поблизости от деревень, хуторов и странствующих торговцев.

Как-то среди дня, когда я ехала верхом, а Дайк правил, мы нагнали большой караван. Около двух десятков крытых кибиток и открытых повозок медленно двигались по направлению к Кифу, самому крупному городу в этих местах. Сначала я услышала злобный, залиvistый лай, а потом увидела несущихся к нам нескольких здоровенных псов. В целом собаки на Окатане от земных почти не отличались, разве что ростом – я ни разу не видела маленьких и средних собачек. Местные друзья человека вырастали до размеров крупной овчарки. Они были лохматые, вислоухие и имели весьма разнообразные окрасы: от светло-серых и рыжих до иссиня-чёрных, таких, как и наш Бумер.

И вот когда я заметила бегущих разъярённых псов, то сразу поняла, что сейчас что-то будет. Бумер не среагировал на мою команду и большими прыжками понёсся им навстречу. А собаки такого не ожидали. Горные волки всё-таки предпочитали скрываться, а не вступать в схватку, и нападали всегда хорошо организованной стаей. Я ударила кобылу в бока и поскакала за волком, но не успела.

Бумер собак не боялся, а жизнь с нами вообще сделала из него какое-то уникальное создание. Самого крупного кобеля он загрыз за доли секунды, одним рывком разорвав тому горло. Двое других, рыжих с чёрными подпалинами, сначала присели на задние лапы, а потом с визгом понеслись обратно к телегам.

Почему Бумер так среагировал, было абсолютно не понятно, однако его нужно было остановить во что бы то ни стало. Дайк позади стегал Рыжего, а я, недолго думая, гаркнула во всё горло:

– Бумер!!! Стоять!!!

Шандарахнуло так, что лошади в караване взвились на дыбы, несколько человек выпало из сёдел, а последняя повозка завалилась на бок и перевернулась. В испуге я зажала рот ладонью: «Пробило! Вернулся голосище! А ведь я уже решила, что всё, так кричать уже не смогу. И что теперь делать?!»

Пока я приходила в себя от неожиданности, Бу приплёлся обратно, так низко опустив голову, что было понятно – мой волк чувствует себя страшно виноватым. Я погрозила ему

пальцем:

– С тобой я позже разберусь. В кибитку, быстро!

Поджав хвост, он потрусил в указанном направлении.

– Ну что, пошли сдаваться... – Дайк был взволнован не на шутку. – Видишь, уже луки натянули...

– Макс спрятался?

– Да.

Я спрыгнула с кобылы и, подняв руки, мы пошли к караванщикам. Нас встретили холодными, жёсткими, а также испуганными взглядами, обнажёнными мечами и держащими на прицеле луками. Мы подошли ближе и стало ясно, что легко и просто мы не отделаемся. В караване были и женщины и дети, а также около трёх десятков хорошо вооружённых мужчин. Люди смотрели во все глаза, особенно на меня. Уже на подходе я поняла, что нужно сказать правду о том, кто я и что я, а также попробовать возместить нанесённый ущерб. Вешать лапшу на уши бессмысленно после такой громкой демонстрации.

Несколько минут мы стояли с поднятыми руками перед несколькими мужчинами – это была охрана, а не сами караванщики.

– Прошу прощения, – наконец прервала я напряжённую паузу. – Мой волк нанёс вам ущерб, и я готова заплатить за убитого пса. Нам не нужны неприятности.

Несколько человек открыли рот, а среди телег и кибиток пронёсся ропот и раздались изумлённые возгласы. Мечи и

луки немного опустились, однако никто так и не произнёс ни слова. Тогда я продолжила:

– Я Карина эн Матвэй, наследница дома. Дайкаран эн Тайар – лекарь из Латраса и мой друг. Я приношу свои извинения.

– Это женщина... Богиня... Наследница... Горный волк... Ручной... – донеслось от телег.

Охранники продолжали пялиться, пока невысокий, но весьма крепкий мужчина не произнёс:

– Прошу прощения, конечно, только вы как-то не очень похожи, – он немного запнулся, – на женщину...

– Ну, это не проблема. Можно руки опустить?

Они кивнули, а я начала расстёгивать доспехи.

– Нет! Не надо! – он сделал резкий жест, отступая на шаг. – Простите, эрдана...

Чтобы избежать дальнейших вопросов, я рванула рукав рубахи. Плечо обнажилось и все уставились в голубоватый металл браслета.

– Реликвия дома Матвэй, – спокойно произнёс Дайк. – Вам прочесть?

Мужчины покачали головами, а крепкий ответил:

– Не нужно... Рады приветствовать великую богиню.

Охранники припали на одно колено, а остальные склонили головы. Я закрыла глаза, чтобы не видеть этого. До сих пор не приходило понимание, что личность я уже очень известная. Ещё в Латрасе, да и потом в Тагри, я видела глаза

людей, которые с благоговением и восхищением смотрели на меня, и это очень смущало до сих пор. А это обращение «великая богиня» вызвало больше отрицательных, чем положительных эмоций.

Пока мы общались с караванным старостой по поводу платы за убитую собаку, народ вокруг продолжал шушукаться и разглядывать меня, и притом все: и мужчины, и женщины, и дети. А посмотреть им было на что: богиня, наследница, женщина, которая никак не похожа на представительницу прекрасного пола. Не так они меня представляли, совсем не так.

Восточные земли полнились слухами о моей какой-то необычной красоте, а люди видели перед собой синеглазую – да, белокурую – да, но далеко не красавицу по их представлениям. Короткие, не более трёх-четырёх сантиметров, торчащие волосы, очень заметный шрам через всю левую щёку, часть другого – на ключице, виднеющегося сквозь широкий ворот рубахи, носила-то я мужскую одежду. Лёгкие доспехи, которые купил мне Дайк в Гейзе, свисающий меч, топорик за поясом, колчан со стрелами, лук за спиной, кожаные штаны, высокие сапоги – воинственный, жёсткий и никак не женский образ. В таком виде я не отвечала местным канонам красоты и женственности, а про оружие, которое с понятием женщины на Окатане несовместимо, вообще молчу.

К двум золотым рандам за собаку, по словам Дайка – форменный грабёж, я добавила парочку жемчужин для супру-

ги караванного старосты. Когда невысокая, щупленькая женщина увидела, что я всучила её мужу в придачу к монетам, то чуть не кинулась мне в ноги. Наверно, это был первый жемчуг в её жизни. Я улыбнулась ей и шутя погрозила пальцем высокому бородатому старосте:

– Надеюсь увидеть этот жемчуг в ушах вашей жены, когда мы снова встретимся.

Он хмыкнул и принялся поглубже засовывать его себе за пазуху – инцидент был исчерпан. Также нашлось вполне правдоподобное объяснение неожиданно-агрессивного поведения Бумера, даже несколько.

Во-первых, в караване была течная сука, и все кобели находились в очень взвинченном состоянии, а во-вторых – нам показали свежую шкуру горного волка. Караванщики купили её несколько дней назад у крестьян, которые нашли умирающее животное в волчьей яме, добились и сняли шкуру. Я немного удивилась – волки в ямы попадали крайне редко, люди их рыли больше для собственного успокоения, чем для реальной поимки опасного и умного хищника, но это всё, что удалось узнать.

Продолжать путь вместе с караваном, да и ночевать с нами мы отказались – не хватало, чтобы Макса заметили. К тому же многие нас просто боялись – громоподобный выкрик и агрессия горного волка, который меня всё-таки слушался, сделали своё дело. Единственное, что меня немного позабавило, так это вопрос того самого охранника по имени Мра-

тан, который, отозвав нас в сторонку, долго мялся, а потом всё-таки спросил:

– Эрдана, вы только не обижайтесь, но себе никогда не прощу, если не спрошу... Вы и правда умеете пользоваться этим? – и кивнул на моё вооружение. – Или просто так носите, ну для пущего устрашения? Ведь вам и голоса достаточно, чтобы убедить кого угодно с вами не связываться.

Дайк захихикал, отводя глаза, а я покрутила головой, выбирая подходящую цель. Метрах в семидесяти от дороги протекала небольшая речушка, а на берегу виднелось дерево, одна из ветвей которого очень далеко выдавалась в сторону.

– Видите ту ветку, Мратан? Топором попадёте?

Он взгляделся и произнёс:

– Из лука попаду, а топор он, как-никак, для ближнего боя больше...

– Из лука любой попадёт, – я вытащила топор и, лопнув пузырёк где-то внутри под диафрагмой, запустила в цель. Лезвие врубилось почти на две трети, а через несколько секунд ветка рухнула в реку, правда, вместе с топором. Мратан завёл руку за спину, достал свой и протянул мне, опускаясь на одно колено:

– Примите в дар, наследница. Не хуже того будет...

Несколько часов мы ещё ехали позади каравана, однако потом, на развилке, свернули в другую сторону. Какая встреча может ожидать нас в Кифе, было уже ясно как белый день.

Караванщики растрезвонят на всю округу, с кем повстречались в пути и как мы выглядим, а слухи разнесутся по Восточным территориям со скоростью ветра, и прикидываться парнем уже бессмысленно.

На ночлег мы остановились у лесистого холма и, пока распрягали лошадей и разводили костёр, почему-то почти не разговаривали. Макс и Бу удрали обследовать окрестности, а мы с Дайком сначала натаскали воды из ручья, а потом взялись за приготовление ужина. Всё это время мой дорогой Нянь выглядел довольно хмуро и почти не смотрел в мою сторону. А когда он даже есть отказался – я не выдержала:

– Дайк, что случилось? Я что-то сделала не так?

Он долго молчал, уставившись в одну точку, а потом взял меня за руку:

– Тут это... Я не смогу не сказать... – Он так стиснул мою ладонь, что даже пальцы захрустели. – Мы недалеко от Диких Петухов, а от деревни до Кифового носа рукой подать.

– Ах, вот оно что! Понятно...

Сердце у меня, конечно, дрогнуло, да ещё как. Я и так знала примерно, где мы находимся, но сама поднять эту тему не решалась – боялась почему-то... Но быть так близко и не заехать?!

– А если мы найдём переход, и он работает? Ты уйдёшь? – Дайк сидел очень напряжённо, словно сжатая пружина, готовая в любой момент распрямиться.

– У меня здесь ещё куча дел, – я обняла его и уткнулась

носом в шею. – Но ведь согласишься, мы же так близко!

Он кивнул и прижал мою голову к себе, целуя в макушку:

– Мы поедем. И будь что будет... Ты ведь так хотела туда вернуться!

Глава 14

Когда ту яму, из которой меня вытащили почти год назад, мы так и не нашли, вернее, нашли то место, только ямы там уже не было, она была засыпана, мои парни впервые за несколько дней немного расслабились. Все дни пути до дальнего посёлка они шушукались за моей спиной, а я даже не пыталась подслушивать. Мысли были заняты только тем, что же мы найдём, найдём ли и что мне делать, если возможность вернуться всё-таки реально существует.

Я не помнила этой местности, зато помнила другое: как очнулась в кустах в сумерках, вокруг высокие стволы и колышущиеся тени. Помнила ощущение боли и страх, парализующий тело. Я долго осматривала этот участок леса: считала шаги от места, бывшего когда-то волчьей ямой, трогала деревья, лазила по кустам в надежде хоть что-то обнаружить. Но не нашла ничего, что помогло бы вспомнить какие-либо подробности первых часов пребывания на Окатане.

Дайк с Максом сидели на траве у лошадей, молча наблюдая за моими метаниями. Бумер крутился поблизости и тоже беспокойно поглядывал в мою сторону, при этом не забывая

обнюхивать чуть ли не каждую травинку.

– Переночуем здесь? – я просительно смотрела на друзей. – Может, в сумерках или ночью что-нибудь вспомню или пойму?

Парни переглянулись и дружно вздохнули.

– Хорошо, как скажешь... – Дайк поднялся, подтянул подпругу у Рыжего и вскочил в седло. – Я в деревню. Возьму одеяла из кибитки и поспрашиваю там, вдруг кто-нибудь ещё что-то расскажет. Хотя ты сама видела, там народ простой, их кроме полей и урожая ничего особо не интересует.

Сидя у костра в вечерних сумерках, я спросила у Дайка:

– А к хижине потом ходим и на обрыв?

Нянь улыбнулся и хитро прищурился:

– А зачем?

– Как зачем? Максу показать. Неужели моему любимому ангалинчику не захочется посмотреть? – я уставилась на чешуйчатого, стараясь держать серьёзное лицо.

Он захихикал, сверкая золотистыми искорками:

– Конечно, захочетс-с-ся! Ж-ж-желания моей шаари – мои ж-ж-желания!

Обстановка разрядилась, однако ненадолго. Когда я уже улеглась, глядя в небо сквозь сосновые кроны и вслушиваясь в звуки вечернего леса, неподалёку что-то блеснуло. Даже не блеснуло, а словно среди пушистых ветвей что-то двигалось, будто там летали маленькие светлячки. Я уставилась в эту точку.

На высоте примерно пяти метров от земли, между деревьями, странные, но не очень яркие огоньки будто образовали правильный круг, летая внутри по спирали. Другими словами, я видела будто тусклую спиральную галактику, вращающуюся по часовой стрелке. От сделанного открытия внутри всё задрожало, кровь прилила к голове, а язык присох к нёбу.

Несколько минут я ещё неподвижно лежала, осознавая, что вот... Вот откуда я свалилась в этот мир! Бока Макса мерно вздымались под моей головой, Дайк сидел у костра и чинил треснувшую Тучкину упряжь, а Бумер рыскал по сумеречному лесу. Нарушать эту тихую, можно даже сказать семейную идиллию совсем не хотелось, но ведь должна же я была им сообщить, что проход нашёлся. Тронув Дайка за колено, я протянула руку вверх:

– Вон, смотри, между деревьями...

Сначала он ничего не мог рассмотреть, однако когда улёгся на моё место – увидел. От нашей возни Макс проснулся, и они вдвоём очень долго и внимательно главели на мелькающие,двигающиеся в стройном порядке, сверкающие точки.

Видя, как Дайк меняется в лице, а Макс напрягается каждым мускулом, мне стало не по себе. Высота приличная, нужно лезть на дерево или умудриться как-то подпрыгнуть. В голове с нарастающей скоростью крутилось стихотворение из Вечного свитка: «Там где выход, входа нет, лишь кружится звёздный свет... Там где выход, входа нет... Входа нет!»

То, что это переход, сомнений никаких не было. Нужно было только проверить, насколько точен этот стих. Я подобрала крупную шишку и бросила в мерцающие звёздочки. Не долетев до них, она словно ударилась о что-то невидимое и отскочила обратно. Тогда я подобрала небольшой камень и опять швырнула. Он отскочил, будто отпружинив, и улетел куда-то в лес. Меня словно переключило. Что только я туда не швыряла, однако результат был один и тот же. Ни один предмет не прошёл сквозь невидимую преграду: ни стрелы, ни топоры.

– Там, где выход, входа нет,
Лишь кружится звёздный свет...
Если хочешь ты уйти,
Бога за руку схвати...

– медленно продекламировал Дайк после очередной попытки пробить преграду. – Выходит, что Вечный свиток нужно понимать буквально. Войти можно, а выйти нельзя! И только бог может вывести отсюда!

– А где его вз-з-зять-то? – наконец заговорил Макс, который всё это время хранил гробовое молчание. – У меня з-з-знакомых богов нет...

– Да ни у кого нет... – добавил Дайк.

А я подумала, что у них нет, а вот я с одним из легендарной восьмёрки очень хорошо знакома, только этот гад не хочет со мной разговаривать и помогать покинуть Окатан пока

точно не собирается. Ясно одно – это он привёл меня сюда зачем-то, и уйти без его помощи не получится.

Прокрутив в голове эти мысли, я даже успокоилась. Переход реально существует. Вот он – перед глазами, в виде тусклой галактической спирали меж деревьев, и раз он никуда не исчез до сих пор, значит, и дальше никуда не денется.

Видя, что я пытаюсь сделать, Дайк и Макс очень забеспокоились, а примчавшийся с каким-то зайцеподобным зверем в зубах Бумер бросил добычу и, подпрыгнув, положил лапы мне на плечи, пытаюсь вылизать лицо. От волка пахло свежей убоиной, да и морда была ещё в крови – я отпихнула его. Он жалобно заскулил и забегал вокруг.

– Да успокойтесь вы! Уйти нельзя! Что за паника?!

– А зачем ты Рыжего к дереву ведёшь?! – Дайк вцепился в гриву единорога.

– Проверить просто хочу, насколько это силовое поле распространяется. Успокойтесь и помогите лучше, паникёры!

Соорудить цирковую пирамиду оказалось не так и сложно. Дайк держал Рыжего, чтобы тот стоял спокойно, как-никак жеребец был повыше Тучки, Макс взобрался к нему на спину и вытянулся вдоль ствола, ну а я уже вскарабкалась на ангалина. Сильное отталкивание я почувствовала сразу, как только попыталась выпрямиться. Невидимая преграда сначала мягко поддавалась под нажимом, но потом резко отталкивала мою ладонь.

Впечатление было такое, будто держишь два магнита и

пытаешься соединить их с одинаковых полюсов. Мощное поле отбрасывало всё, не давая проникнуть внутрь к мерцающим звёздочкам. «Так вот в чём тут дело! Если поменять полярность этого поля, то тогда оно будет притягивать, а не отталкивать! – я поразилась, насколько всё просто. – Там, на Земле, находится другой конец этого космического магнита! Ведь Мозг говорил, что меня будто всосало сюда, притянуло! Получается, что он уже тогда намекал на способ межпространственного перемещения! Всё-таки это потрясающе!»

Сопение и пыхтение Макса прервало поток мыслей:

– Кари, у меня вс-с-сё з-з-затекло уж-ж-же...

Ночью никто так и не уснул. До самого рассвета я пролежала, почти не отрывая взгляда от точки перехода, а Дайк, Макс и Бумер меня караулили. Не знаю, откуда взялось злорадство, но я решила их немного помучить, потому и лежала, уставившись в одну точку, хотя и осознавала, что если бы переход работал в нужную мне сторону, то я бы не ушла, во всяком случае пока. Слишком много осталось неразгаданных тайн и вопросов без ответов, а я зашла уже настолько далеко, что просто так всё бросить никак бы не смогла.

Но главное, что я хотела сделать, да просто жаждала каждой клеткой тела, так это предъявить счёт Мозговому, дражайшему профессору, который настолько запудрил мне мозги, что кроме обиды и злости до сих пор вызывал восхищение и даже некое благоговение. Я должна выяснить, зачем всё это ему было нужно и какие цели он преследует, и без

ответов на эти вопросы я отсюда не уйду, тем более что без него это сделать всё равно невозможно.

А утром мы увидели, как с первыми лучами переход постепенно исчезает. Чем больше света проникало сквозь деревья, тем бледнее и бледнее становились звёздочки, пока совсем не исчезли. То есть сам переход никуда не делся, просто перестал быть заметен. Побросав в него шишками, мы убедились, что силовое поле на месте. Пока Дайк седлал лошадей и заливал костёр, я делала зарубки на деревьях, а на вопросительные взгляды ответила:

– Чтобы следующий раз не искать.

Парни переглянулись, но ничего не сказали.

Завтракать мы решили на самом Кифовом носу, да и искупаться в водопадике очень хотелось. Не думала я, что вид хижины, приткнувшейся к скале, вызовет такие сильные эмоции. Хотя ничего удивительного, ведь именно здесь всё и начиналось. Мой путь в этом мире начался от этой лесной избушки.

В хижине почти ничего не было, никаких наших пожитков, даже мешков с соломой. Дайк сказал, что местные растащили, после того как «золотой» банде пришлось покинуть своё, пусть и временное, убежище. Я ходила по полянке, где занималась гимнастикой и паслась, словно коза, рассматривала камни, на которых рисовала углём, и в некоторых местах, к своей радости, обнаружила остатки бывшего творчества. Наш клозет тоже был на месте, хотя и немного поко-

сился.

Макс шнырял вокруг, а я словно проводила для него экскурсию. Потом мы купались в холодной, хрустальной воде и я наслаждалась тем, как же всё-таки хорошо нам всем вместе. Водопадик ещё больше зарос зеленью, однако от этого не стал менее прекрасен. Пока я вытиралась, Дайк подался к скале, туда, где когда-то спрашивал, понимаю ли я его. Мы уже и обсохли, и бурдюки водой наполнили, а его всё не было.

Прыгая по камням, я пошла за ним, и только заглянула в узкую пещерку за падающими струями, как он выскочил из темноты, сжимая в ладонях вопящее, крылатое создание:

– Кари! Летуны!!! Та пара, что Хилл для меня раздобыл! Они не погибли! Они зиму здесь пережили! И там гнездо, только высоко очень! Макс! Макс! Нужна твоя помощь!

Макс управился быстро. Включив свечение, он залез по каменной стене и достал хвостом гнездо с самкой и четырьмя малюсенькими, пищащими детёнышами. Дайк был так доволен, что зверьки выжили, хотя и был уверен в обратном, что по возвращении к хижине сразу принялся сооружать для них клетку-перевозку. Летуны поначалу очень возмущались, но после хорошей кормёжки успокоились и тихонько копошились в мешке.

Вот и появилась у нас ещё одна пара. Этих я назвала Тристан и Изольда, а если к этому времени и Ромео с Джульеттой, которых мы оставили на попечение Балмаара, обзаве-

лись потомством, то вскоре в Латрасе появится ещё один источник хорошего дохода. Когда Дайк справился с работой и соорудил хоть и корявую, но вполне крепкую клетку, мы запрыгнули на лошадей и поехали к обрыву. Мне очень хотелось показать Максу то место, где я впервые осознала, где нахожусь. Лошадей мы оставили у входа в расщелину, так как они в неё ну никак бы не протиснулись, а вот летунов прихватили с собой, чтобы быстрее привыкали к людям и тому, что о них опять будут заботиться.

Открывшийся вид очень понравился Максу, а особенно ощущение безбрежности и свободы как в океане, которое накрыло, когда мы стояли на краю, вглядываясь в даль. Внизу колыхалось лесное море, в ушах свистел ветер, а синее-синее, без единого облачка небо вызывало желание раскинуть руки и взлететь.

Пока я наслаждалась видом и воспоминаниями, Дайк рассказывал Максу, как привёл меня сюда в первый раз, как мы тут пили кшасу и закусывали, какая истерика потом со мной приключилась и так далее и так далее. Макс уже не раз слышал об этом, только теперь он видел то, что тогда видела я, и думаю, понимал мои чувства.

Мы уже собрались немного перекусить, а чуть позже отправиться к лесному домику, чтобы переночевать под крышей и утром двинуться в обратный путь, как Бумер, всё это время спокойно лежащий у моих ног, вглядываясь вдаль и нюхая ветер, вдруг резко вскочил. Злобный рык волка заста-

вил вцепиться в ошейник и одёрнуть его. Он послушался, слегка присев на мощные задние лапы, но продолжал рычать, глядя прямо в скальную расщелину – единственный выход на маленькое плато.

Парни оголили мечи, а я, вложив стрелу, натянула лук. Отступить было некуда – позади пропасть. Кусты слегка зашевелились, Бу зарычал ещё громче и утробнее, приготовившись к прыжку, а мы напряглись в предчувствии схватки.

– Отари! Не стреляй! Я ж говорил, что мы ещё встретимся! – весёлый бас Граса влился в уши прекрасной музыкой. Я опустила лук, медленно и облегчённо выдыхая.

– Я выхожу! Придержи своего зверя!

Здоровяк вышел из кустов, сделал к нам несколько шагов и остановился.

– Ну, руки можно и опустить, – проговорил Дайк, расслабленно улыбаясь.

– Ты один? – Я смотрела на Гоблина в полной уверенности, что ответ будет «нет».

– Остальные у хижины, а мы сюда пошли...

Повисла пауза, а потом ветви раздвинулись и на поляну медленно вышел Карелл. Он очень внимательно разглядывал нашу компанию, и я заметила, что ему тоже как-то не по себе, хотя Атаман старался этого не показать. Я ведь также не отрывала глаз от его лица, всматриваясь в знакомые черты и пронзительные карие глаза. Угол его рта, со стороны уродливого шрама, всё-таки дёргался, а это являлось признаком

его внутреннего волнения или напряжения. Год назад у меня было и время, и возможность хорошо присмотреться к Кареллану эн Растану – тогда главарю «золотой» банды, а ныне одному из претендентов на престол Восточных территорий.

– Вот я и догнал тебя, моя девочка... – произнёс он властно, а я почувствовала, как предательски дрогнули колени, и что если он скажет ещё хоть слово, то я, наверно, упаду в обморок.

Книга третья. Запах Вселенной

Часть 1. Золото

Глава 1

А паук ну никак не унимался! Уже в десятый или двадцатый раз я рвала паутину, но он всё равно возвращался к прежнему занятию. «Да когда ж тебе это надоест?!» – злость на неутомимое насекомое только возрастала, хотя я прекрасно понимала, откуда у этого чувства ноги растут. Когда я снова смахнула причудливый узор тончайших нитей с бревенчатой стены, паук замер и словно уставился, угрожающе шевеля передними лапками.

– Всё! Уползай! Паутины не будет!

Восьминогий мохнатик покрутился на месте, видно разыскивая уничтоженное творенье, а потом медленно так, задом, отполз в щель между камнями.

– Вот там и сиди, чучело пучеглазое!

«Да-а-а... Взвинтил мне Карелл нервы. Уже с пауками разговариваю... – мысли с завидной периодичностью возвращались к неожиданной встрече. – Как он так угадал застать нас именно на Кифовом носу?! Ведь я и сама не была увере-

на, что мы сюда поедём! И главное, как вовремя! Телепатия какая-то...»

В хижине я находилась одна, только Бумер лежал у покосившейся двери, охраняя от визитёров. Дайк повёл Макса к туннелю ангов, а я отказалась составить им компанию. Хотелось побыть одной и хоть немного успокоиться. Моя «золотая банда», которая уже превратилась в хорошо вооружённый отряд, расположилась снаружи, а другая часть людей Атамана – большая, осталась в Диких Петухах.

Я не раз думала о том, что с Кареллом мы всё-таки встретимся рано или поздно, и даже представляла различные варианты, как именно это могло бы случиться, однако всё вышло иначе...

Я испугалась его, как ни прискорбно в этом признаться. Напал такой мандраж, когда он сказал, что догнал меня! И дело было не в самих словах, а в тоне его голоса. «Моя девочка» было сказано так, будто я его собственность, а он – хозяин, который наконец-то разыскал сбежавшую рабыню. Я в долгу, конечно, не осталась и «выступила по полной», только почему-то сижу сейчас в хижине одна-одинёшенька и прихожу в ужас от собственного поведения. И проблема не в том, что я его ударила, а в том, что за этим последовало...

И Дайк, и Макс, и Грас вздрогнули, я это не столько заметила, сколько почувствовала, когда вместо хоть какого-либо приветствия отвесила Кареллу такую звонкую оплеуху, что он даже среагировать не успел и еле устоял на ногах, а потом

злобно прошипела на ангалинский манер, глядя ему прямо в глаза: «Да как ты со мной разговариваешь-ш-шь?! Думаешь-ш-шь то, что было год назад, даёт тебе право опять меня ис-с-спользовать?! Я – богиня! А кто ты?!» Оттолкнув его, я протиснулась сквозь расщелину в скалах и вскочила на кобылу. И только подъехав к хижине, увидела остальных: Олли, Лакра и ещё человек десять, валяющихся на травке. При виде меня все вскочили, и тут меня уже пробило на истерический смех. Забыв про самоконтроль, я так громко и злобно расхохоталась, что птицы, тревожно крича, сорвались с веток:

– Какие люди!!! Вся компания в полном составе!!! – хриплый, но оглушительный голос походил на треск срубленных деревьев или на громовые раскаты, вот только извергать молнии, как древнегреческие боги, я не умела. – На колени!!! Богиня гневается!!!

Как ни странно, но мужики дружно бухнулись, хотя и продолжали тарачиться, открыв рты. Тучка тоже испуганно дёргалась подо мной, нервно прядя ушами, хрипя и громко фыркая. Я очень резко дёрнула поводья, и кобыла визгливо заржала, нороя встать на дыбы. И вот тут я поняла, что меня опять занесло. Пытаясь успокоить любимую единорожку, я спрыгнула на землю и обернулась. Карелл и Грас, приклонив одно колено и низко опустив головы, стояли позади, а вот Дайк с Максом весьма укоризненно на меня смотрели, особенно Дайк. Нянь стоял прямо, засунув большие пальцы рук за широкий ремень, и сверлил меня глазами, а потом сказал:

– Нас это тоже касается, Великая?

Я отшвырнула поводья, махнула Бу и убежала в хижину. И вот уже несколько часов сижу как дура! в гордом одиночестве. Всё это время меня не беспокоили. Макс только заглянул и сказал, что хочет, пока мы здесь, на туннель посмотреть, но больше никто не показывался. Что происходило снаружи, я не видела, вернее даже не хотела смотреть. Подслушивать, о чём говорят тоже не было никакого желания, и я целиком сосредоточилась на пауке и его ткацком творчестве, вымещая на бедном насекомом злость на саму себя: «Что происходит? Что со мной происходит?! Я так часто выхожу из себя последнее время, срываюсь на друзьях, хотя правильнее... любимых... Карелла ударила, пусть он это и заслужил... Тоже мне, «моя девочка»! А чёрта с два! Вообразил себя уже террханом, наверно... А я?! Кем я себя возмнила?! Богиней?! Звездой этого мира?! Это же надо! Пожелала, чтобы передо мной на коленях ползали! Ну точно, уже звезданулась от божественности! И зачем было так кричать?! Давно, что ли, голос прорезался?! Вот пусть бы он и не возвращался, пусть бы я и дальше продолжала тихо хрипеть, зато сейчас не было бы так стыдно...»

Так как паук уже спрятался, я начала выковыривать мох из щелей, пытаюсь таким бесцельным и тупым занятием унять бурю чувств внутри. Скрипнула дверь, и я обернулась. На пороге стоял Дайк:

– Можно побеспокоить вашу божественность?

– Хватит издеваться... – буркнула я в ответ и отвернулась.

– А по-моему, издевается кто-то другой... Что происходит, Кари? С чего ты так разошлась?

– А ты не понял?! – я продолжала говорить в стену.

Он пристроился рядом и вздохнул:

– Тебе его не хватает...

– Кого?

– Профессора твоего... Раньше ты была гораздо спокойней, более умиротворённой, что ли... Так по-доброму улыбалась, так нежно...

– А теперь я стервозная мегера?!

– Я такого не говорил, – он обнял меня и поцеловал в висок. – Всё-таки загадочный внутренний жилец благотворно влиял на тебя, помогал... А теперь тебе самой сложно справиться, тем более, когда столько всего происходит...

Я всхлипнула и прижалась к другу:

– Ты прав во всём... Когда он жил внутри, я всегда могла обратиться за помощью и советом, а теперь даже в библиотеку заходить не хочу, потому что его там нет. И простить его не могу до сих пор за такое внезапное исчезновение... Он не попрощался, не объяснил ничего – просто пропал... Да ещё эти трупы всплывают и снятся по ночам... – дыхание спёрло, и я заплакала.

– Но у тебя же есть мы... – Дайк гладил меня по спине, продолжая тихо и нежно приговаривать, – и мы вместе... Я так хочу, чтобы мы всегда были вместе...

Его голос действовал очень успокаивающе. Я немного похныкала, а потом подняла на парня мокрые глаза и задорно улыбнулась:

– А согласишься, я Карелла хорошо приложила?!

Дайк расхохотался:

– Смотри, Кари! Если будешь продолжать в том же духе, то люди Карелла уже к тебе на службу начнут проситься! А оно тебе надо?!

Как Дайк ни уговаривал, но из хижины я не вышла. После такого «выступления», унижительного в первую очередь для меня, я не представляла, как смогу с кем-либо общаться, а с Кареллом и подавно, но, к слову сказать, не очень-то и хотелось. Когда вернулся Макс после обследования спирального туннеля ангов, то высказал мнение, что нужно отделаться от третьего претендента и его людей и как можно быстрее ехать дальше. Только я подумала о том, что теперь выследить нас для Карелла плёвое дело, учитывая его обоняние. Нет никаких гарантий, что он сам или кто-либо по его приказу просто не отправится за нами следом, и тогда дорога к золотой жиле будет известна не только мне.

Вечером мужики сообразили неплохой ужин из лесных куропаток, которые в изобилии водились в округе, а также раздобыли в деревне свежих овощей и зелени. Грас пытался выманить меня шашлычными ароматами, но мы с Максом и Бу упорно сидели в лесной избушке. Из предосторожности Макс разговаривал со мной только на ангалинском, что Дай-

ку очень не понравилось. Когда Нянь принёс кучу потрохов и костей для Бумера, а также тушку куропатки для Макса и миску шашлыка для меня, случился очень неприятный диалог. Поначалу ели мы молча, пока Дайк не сказал:

– Карелл поговорить хочет... с тобой и с Максом...

Я подняла глаза от миски:

– О чём?

– Не сказал... Просил передать, что ему нужна ваша помощь...

Мы с Максом переглянулись.

– Я раз-з-зговариваю только с Кари... – пробурчал ангалин.

Дайк напряжённо-вопросительно уставился на него:

– Почему? Я перестал быть твоим другом?

Повисла долгая пауза, и я заметила, как синхронно мрачают мои мальчики.

– Дайк... Мы попали в тупиковую ситуацию. Если мы прямо поедem к жиле, то выследить нас очень легко. Я уверена, что так просто от Карелла мы не избавимся, а я не хочу больше трупов...

Нянь отставил полупустую миску и, вытирая руки влажной тряпкой, скрипнул зубами:

– Значит, и нужно поговорить с ним, чтобы всё выяснить... Чего он хочет и какие имеет планы...

– Я не хочу с ним разговаривать...

– Но почему?!

Теперь сводить челюсть от подступающей злости начало уже мне:

– Да потому, что он угроза нашим планам! У него свои цели, а у нас свои! И кстати, он не сказал тебе, как так вовремя тут оказался?!

– Не сказал! – Дайк вскочил и резко одёрнул короткий кожаный жилет, который мы носили по очереди, так как мне он тоже нравился. – Вот сама бы и спросила!

Когда за парнем с жутким скрипом закрылась дверь, мы с Максом уставились друг на друга.

– И вот что теперь дела-а-ать? – протянул мой чешуйчатый.

– Не знаю... – я погладила Бу, который всё это время сидел возле каменного очага и не сводил с нас глаз. – Вот только между собой ругаться не хватало...

Я проснулась среди ночи от шорохов и движения. И хоть в хижине было темно, но две тени, сидящие у двери, я разглядела сразу. Бу принюхивался и шевелил большими круглыми ушами, а Макс, прижав голову к стене, что-то высматривал сквозь щели. Я присела рядом.

– Дайк... с этим ваш-ш-шим, со шрамом, уш-ш-шли... – тихо прошипел Макс, – остальные вроде с-с-спят...

– И куда они, интересно, среди ночи?

Макс пристально глянул и его глаза из ярко-зелёных стали изумрудными:

– Мне каж-ж-жется, они потопали к месту наш-ш-шей

прош-ш-шлой ночёвки, на переход в твой мир поглядеть. Его ведь только ночью мож-ж-жно заметить, и то если з-з-знать, куда с-с-смотреть.

– Докладывает уже... – процедила я. – Ну я так и знала...

Больше мы не заснули. Я плюнула на то, как на меня посмотрят и что подумают, и до рассвета ходила туда-сюда, из хижины и обратно, перебудив всех отдыхающих в палатках. Отвела кобылу к водопаду, помыла её, почистила. При «включённом» сиянии Макса купание оказалось сказочным и очень приятным – ночь была тихой и тёплой. Потом покормила летунов, вычистила их клетку, перебрала наши запасы, те что взяли с собой, кибитку-то мы оставили в деревне.

К моменту, когда я закончила седлать кобылу, в лагере уже никто не спал. Мужики молча наблюдали за моей бурной деятельностью и шарахались от Бумера и Макса, которые крутились рядом, глухо порывивая и настороженно поглядывая на такое количество зрителей. Первым не выдержал Грас:

– Отари... Может поговорим?

– О чём? – я резко обернулась.

– Но, Карелл...

– Что, Карелл?! Имеет желание опять развлекаться со мной?!

Грас опустил глаза, сжимая огромные кулачищи:

– Я думал, ты будешь рада меня видеть...

Злость и напряжение моментально схлынули. Я закину-

ла поводя на ближайший низкий сук и, подойдя к Грасу и встав на цыпочки, крепко обняла его:

– Я очень рада тебя видеть... очень! Да и не только тебя... Вы же моя «золотая банда» всё-таки...

Олли с Лакром довольно заулыбались, и настала очередь обниматься уже с ними. Когда вернулись Дайк с Кареллом, мы тесным кружком сидели у костра и вспоминали прошлогодние приключения. Правда, говорила больше я, потому как всем было интересно узнать подробности моих странствий: как познакомилась с Гаем Голосом, как попала в Банкор, про каменные цветы, один из которых, как выяснилось, Олли выкупил у фаэдра Балмаара, когда в конце осени проездом был в Латрасе, что оказалось для меня большим сюрпризом.

Также открытием стало и то, что на Латрас было совершенно нападение людьми Элгана, примерно в те дни, когда мы застряли на Севере, а Карелл со своим отрядом, а также Грас, Олли и Лакр вместе с ангалинами защитили мой город. Когда Олли подробно доложил о случившемся в моих наследственных владениях, то я чуть не расплакалась. Из рассказов выходило, что Карелл специально туда приехал, чтобы встретиться со мной, и был весьма расстроен, что не застал нас.

Этот факт, с одной стороны, очень порадовал, а с другой – крайне огорчил. Знай я об этом раньше, то при встрече с Атаманом точно вела бы себя по-другому. В общем, им мно-

гое хотелось знать, но я старалась думать, прежде чем что-либо говорить, и не слишком распространяться, повторяя в основном уже многим известные факты.

Дайк сразу заметил, что я полностью собралась, и, ничего не говоря, принялся седлать Рыжего, а вот Карелл стоял неподалёку, наблюдая и не сводя с меня глаз.

Глава 2

Отряд догнал нас уже в деревне. Когда мы вернулись в Дикие Петухи, то обалдели. На опушке леса, за деревенькой раскинулся большой палаточный лагерь. Я насчитала около сотни человек и, как Дайк успел сообщить, таким количеством армия Карелла не ограничивалась. В Кифе его ожидало ещё примерно столько же воинов и около двух сотен в Улме.

Всю дорогу до деревни мы с Нянем почти не разговаривали, но когда впрягали Рыжего в кибитку, я всё-таки спросила, куда они ходили ночью, и Дайк подтвердил слова Макса. Карелл сначала не поверил, что какой-то проход или точка перехода существует, и Дайк решил ему показать, чтобы развеять последние сомнения Атамана в том, что я действительно пришла из другого мира.

– Ну и как его впечатления?

Нянь невесело хмыкнул:

– Крайне удивлён... Тем более, когда мы шишки и камни

покидали, а всё назад отлетело...

– И что ты ему ещё рассказал?

Дайк запрыгнул в повозку, расправляя поводья:

– Ничего особенного... Дал понять, что если он хочет что-то узнать, то пусть сам тебя и спрашивает, – а потом обернулся к Макс, половина морды которого выглядывала из-за полога, и тихо добавил: – А про жилу тем более...

Макс улыбнулся слегка и, высунув хвост, сжал его плечо.

Пока мы собирались, рассчитывались с местными и разговаривали, в лагере тоже началась суета. Мы только собрались выехать с крестьянского двора, где на время оставляли кибитку, как Карелл и Грас, прищпорив рогатых жеребцов и звеня сбруей, поскакали к нам. Куда ехать и что делать дальше, я не представляла, но за эти несколько часов успокоилась и решила положиться на провидение или на то, или того, что играло подобную роль здесь, на Окатане. Потому как я была полностью уверена, что встретились мы неслучайно, а любопытство всё же разбирало: почему, как, зачем так сложились обстоятельства, что Карелл оказался в нужное время и в нужном месте. Поэтому Атамана я встретила уже спокойно. Он поклонился и ровным, я бы даже сказала мягким, тоном произнёс:

– Эрдана Карина, я приглашаю вас продолжить путь с нами...

Я хмыкнула:

– Мы уже на «вы»?

Он опять склонил темноволосую голову, вперив взгляд в землю:

– До тех пор, пока богиня не простит меня...

– У нас своя цель, Карелл...

– Согласен сопровождать и защищать вас...

– В этом нет необходимости. Мы и сами прекрасно можем за себя постоять.

– Да, знаю... – атаман продолжал говорить, глядя в сторону, – я предлагаю поехать с нами в Киф, пополнить там свои запасы, а потом отправитесь куда угодно, обещаю, что не буду преследовать...

«Тянет время, рассчитывает разговорить по дороге...» – Я глянула на Дайка. Он пожал плечами:

– Ну, как бы надо, еда на исходе...

А Макс же просто тарачился, выглядывая из-за трепыхающихся на ветру полотнищ крытой повозки.

– Хорошо, поедem... Только помни, что ты сейчас пообещал.

Я настояла, чтобы мы двигались в хвосте отряда, позади пяти телег с провиантом и другим скарбом. Ехать в середине, а тем более впереди, было невозможно из-за пристальных взглядов, которые я ловила на себе каждую секунду. Всё-таки ощущать, что хотя бы в спину не смотрят, было легче, но и того, что на меня постоянно оглядываются, я тоже долго не выдержала.

Когда через несколько часов мы добрались до относитель-

но широкой укатанной дороги, я оставила осёдланную Тучку бежать рядом, а сама спряталась в кибитку. Дайк правил повозкой и за последние несколько часов не сказал и двух слов. Макс и Бумер сидели внутри, так как нашего волка чужие лошади боялись, а некоторые откровенно шарахались, создавая трудности при движении такого крупного отряда. Чешуйчатый дремал, а Бу лежал под раскладушкой с очень обиженным видом. Конечно, он привык к свободе, пусть и относительной, но теперь отпускать любимца бегать где-то рядом было нельзя, во избежание каких-либо недоразумений.

Я растянулась на походном ложе и попыталась расслабиться. Внутренний мандраж пока ещё полностью не покинул. Под рёбрами что-то подрагивало и это ощущение очень раздражало. Хотелось сбежать, исчезнуть, забыть, что кругом около сотни вооружённых мужчин, а также «золотая банда» в полном составе. Я закрыла глаза, чтобы войти в библиотеку, но в голове почему-то всплыл образ Карелла.

Он ничуть не изменился с момента нашего расставания, правда, одет уже был совсем по-другому: просто, но добротно и дорого по местным меркам. Бросилось в глаза, что его правое плечо было оголено, прямо как у меня, только я-то рукав рубахи сама оторвала, чтобы был виден браслет, а рубашка Карелла из очень тонко выделанной светло-коричневой кожи, была скроена таким образом – без правого рукава, что мне понравилось сразу, как только я её рассмотрела. И

захотелось иметь такую же, а не постоянно носить с Дайком одни и те же вещи на двоих.

То, что мы с Кареллом теперь внешне очень похожи, в смысле шрамов на лице, оголённых плеч – у него правого, у меня левого, боевой экипировки, а также высокого статуса, – заметили все. Беспокоили слова Дайка о том, что некоторые могут даже на службу ко мне попроситься. И хотя Нянь сказал это шутя, но, как говорится, в каждой шутке...

Я всматривалась в маячивший перед глазами образ Атамана и пыталась разобраться в собственных чувствах. Карелл не был мне неприятен, несмотря на уродливый шрам, да и те ночи, что мы проводили вместе год назад, ничуть не истёрлись в памяти. Наоборот, воспоминания приобрели краски и живость, будто это случилось только вчера. «А ведь он встал передо мной на одно колено и многие это видели, значит, моя оплеуха оказала какое-то воздействие, да и говорил потом очень спокойным, даже мягким тоном, избегая прямого взгляда. Что ж... Дайк сказал, что ему нужна помощь... моя и Макса... А это интересно... Чего он хочет от нас?! Ладно, посмотрим, что будет дальше... Доберёмся до Кифа, а там видно будет, хоть какая-то определённость...» – Отгнав навязчивый образ, я всё-таки открыла дверь и вошла во внутреннее пространство.

В библиотеке и в лаборатории всё было по-прежнему. До этого момента я посещала в основном только спортивный зал, обходя хранилище знаний и памяти стороной. Послед-

ний раз я надолго задержалась здесь, когда искала информацию о кипячении, и ещё тогда заметила, что бордовый халат Тана не валяется, а висит в шкафу. Значит, на галере Арвида я всё-таки видела сон, просто такой сон, и Мозговой сюда не возвращался, хотя уже и пришла к выводу, что эта божественная сущность, похоже, может и во сны проникать. А также у него имеются, по крайней мере, две явные и вполне ощутимые характеристики: сиреневый свет и запах.

Я отодвинула мягкое кожаное кресло и уселась за письменный стол. Удобно! С этой точки обзора библиотеку я никогда не видела и поначалу пришла в некоторое недоумение. Отсюда вся просторная, округлая комната, заставленная высокими, массивными стеллажами, выглядела совершенно иначе. Она словно расширилась во всех направлениях, будто вспухла или надулась, а я находилась в самом центре этой сферической, виртуальной реальности.

«Сижу словно внутри какого-то пузыря... Я – центр... ядро... А кругом созданной мной мир... Но ведь созданной не мной, а Мозговым... Удивительное ощущение! А ведь и правда... – я осматривала библиотеку, чётко различая все детали интерьера и даже читая надписи на корешках толстых фолиантов, – виртуальная реальность... лично моя... каким-то недоступным для понимания образом размещённая в моей голове... а может, и не в голове вовсе...»

Я перевела взгляд на кушетку у стола, прежде своё излюбленное место. Когда Тан жил здесь, то я всегда сидела на

ней, а он и за столом, и на маленьком пуфике, который стоял сейчас у резного шкафчика в углу, и даже на полу. «А теперь библиотека в моём полном распоряжении... – водя ладонями по поверхности письменного стола, я продолжала размышлять. – Зачем пропадать такому замечательному книгохранилищу?»

Я встала, обошла стеллажи и остановилась у того, на самом верху которого было написано «История». Он был разделён на две части вертикальной перегородкой: слева – «Земля», справа – «Окатан». С окатанской стороны на полках лежало два Вечных свитка: мой, который я подарила Хиллу, деду Дайка, и свиток Аютана, тот, что он пытался продать в Тагри. Также рядом стояла книга с рисунком монстра внутри. Я сняла её с полки и принялась перелистывать: «Точная копия... И даже мои пометки в ней уже есть... Библиотека – это моя память, дополненная Таном, систематизированная и приведённая в чёткий порядок. Я всегда могу прийти сюда, когда нужно что-то обдумать или найти необходимую информацию, а также могу и сама в ней работать, когда понадобится разобраться с новыми знаниями. Отлично! Значит, теперь это будет мой, так сказать, личный кабинет».

Пройдя ещё с десятков шагов, я остановилась у стеллажа «Физика». Именно тут в прошлый раз я нашла нужный справочник, только вода сейчас меня не интересовала. Я достала книгу под названием «Спектральный анализ и цветовые

характеристики излучений», вернулась к столу и попыталась погрузиться в научные изыскания, но поток ледяной воды заставил с воплями вскочить с раскладушки.

Дайк держал пустое ведро, Макс сидел рядом и вращал зелёными глазами, а вот Бумера в кибитке не наблюдалось. Утирая лицо, я вот только открыла рот, чтобы выразить негодование, ведь не будили меня таким способом уже давно, как Нянь опередил:

– Мы пытались вернуть тебя, не злись. Гонец из Кифа приискал, похоже, люди Элгана в окрестностях города...

Я отжала мокрые волосы:

– Хорошо, что разбудили... А нам-то что теперь делать?

Дайк ногой задвинул ведро в угол, попутно доставая из мешка сухую одежду:

– Карелл с большинством своих вперёд поехал, а нам велел здесь оставаться до утра.

Глава 3

Когда я переоделась и выбралась из кибитки, оказалось, что день склонился к вечеру. Грас и ещё человек пятнадцать, из тех, кто остался при повозках, уже разводили костёр на лужайке недалеко от дороги. По большому старому кострищу я определила, что это место частых остановок торговых караванов. Пока Дайк распрягал лошадей, я бесцельно бродила, снова и снова ловя на себе пристальные взгляды,

а потом заметила несущегося из густого перелеска Бумера. Волк огибал поляну по дуге, но, обнаружив меня, рванул навстречу. Мой иссиня-чёрный любимец с уже красивой и объёмной тёмно-серой гривой вокруг мощной шеи нёс в зубах очень крупную лесную куропатку и по его довольной морде было понятно, что отужинал он прекрасно, а эта упитанная птичка поймана для меня.

Наблюдая издали, как я хвалю и глажу горного волка, Грас, да и другие не смолчали. От уже полыхающего костра долетели голоса:

– Смотрите! Он куропатку принёс!

– Да-а-а... с таким зверем можно забыть, что значит самому охотиться!

– А послушный какой! Вот столько уже слышал, но пока сам не увидел – не верил!

Принимая от Бумера добычу, я улыбнулась про себя: «Завидуйте, мальчики! Завидуйте!» – но понесла увесистую тушку Максу. Мы с Дайком могли и кашей с остатками вяленого мяса перекусить, а вот ангалину нужна свежая и сырая еда, хотя варёное или жареное и даже овощи и фрукты он тоже мог есть, просто не любил. Разумные рептилоиды Окатана предпочитали питаться свежепойманной добычей.

Макс очень обрадовался удачной охоте нашего Бу, а пока уминал тушку, я присела рядом с Дайком возле кибитки. Нянь перебирал свои травяные запасы, отделяя подгнившие листочки и стебельки, чтобы снова повесить на просушку.

– Может, смоемся потихоньку? – еле слышно проговорила я.

– Если хочешь... – он упорно занимался делом и даже не смотрел на меня. – Только всё равно заметят, потихоньку не получится...

– Поехали тогда в открытую. Не думаю, что Грас попробует задержать нас силой...

Дайк переломил толстый, почти одеревеневший стебель и отложил в сторонку:

– Но зачем? Мы же всё равно собирались ехать через Киф...

Я придвинулась к парню, пытаюсь заглянуть другу в глаза:

– Не могу я с ними... Смотрят, сравнивают...

Дайк хмыкнул:

– Вы теперь, действительно, так похожи, словно родились друг для друга.

– Что-то я не совсем понимаю... – я пыталась по глазам прочесть его мысли, только подобное умение, несмотря на мои нестандартные задатки и необычные навыки, было всё-таки недоступно. – Ты этому рад?! Хочешь, чтобы я опять стала его ночной забавой или очередной дозой снотворного?!

Дайк поднял глаза, выражение лица сделалось непроницаемым и словно чужим:

– А разве тебе это не нравилось?

Я вздрогнула, будто от удара, и еле-еле сдержалась, чтобы

не залепить Дайку пощёчину. Мгновенно подступили слёзы, но я стиснула зубы и несколько секунд пристально смотрела в любимые голубые глаза, а потом рванула в кибитку. Макс уже почти доел свой ужин, но видя, как я хватаю лук, колчан, засовываю топор за пояс, преградил дорогу:

– Что случилос-с-сь?!

– А ты не слышал?!

– Я куш-ш-шал с больш-ш-шим аппетитом...

– У Дайка спроси! За мной не ходить! Я хочу побыть одна!

Он не успел меня схватить. Перепрыгнув через ангалина и свистнув Бумера, я ринулась в сторону леса.

Слёзы душили, а жуткая обида рвалась наружу страшным, чужеродным, взеземным монстром, неожиданно созревшим где-то внутри тела. Я понимала, что Дайк сказал правду и в моих странных, сложноподчинённых отношениях с Кареллом тогда, в первые месяцы пребывания на Окатане, имелись моменты, которые, как женщине, мне всё-таки нравились.

Я прекрасно помнила, как он первый раз пришёл в мой угол, отделённый от остальной части хижины всего лишь большим куском грубого полотна. Помнила, как схватил на руки после первой совместной попойки, а потом упал, запуставшись в каморте, и как начал шептать ласковые и нежные слова. Именно Карелл дал мне прозвище «отари», что значит... звёздочка. Ну а тот момент, когда я начала понимать, что конкретно он говорил, лаская моё тело, вообще, до сих пор вызывал очень приятные ощущения.

Когда мы с Бу углубились в лес, я немного сбавила темп и уже просто шла, почти не глядя под ноги. Волк бежал то рядом, то впереди и, полностью доверяя мохнатому другу, я даже не смотрела по сторонам, лишь иногда отводя бьющие по лицу и телу ветви кустов и низких молодых деревьев. Чем дальше мы продвигались, тем гуще и непроходимее становились заросли, но в каком-то неистовстве я упорно брела вперёд, подальше от дороги и нашего лагеря.

Лесные сумерки сменились тихой и довольно душной ночью. Я присела на поваленный ствол, уже полностью отдавая отчёт, что последнее время веду себя совершенно несвойственным образом. Бумер, неслышной тенью, кружил вокруг, внюхиваясь в ночь, и только глаза приземистого, гибкого, но уже очень крупного зверя хищно поблёскивали среди густого подлеска.

Дайк верно сказал, что присутствие Тана внутри положительно влияло на меня. Мозговой сдерживал от проявлений высокомерия, гордыни и заносчивости, которые ранее совсем не были мне свойственны, однако всё больше и больше проявлялись. Мой профессор манерой общения, авторитетом и притягивающей таинственностью держал под контролем тот внутренний негатив, который есть в каждом человеке, даже если внешне тот ведёт себя «аки ангел небесный». А теперь я одна, вернее внутри одна, и этот негатив, эта внутренняя «дрянь» начинает лезть из меня, вырываться на свободу, заставляя вести себя неподобающим и, главное, про-

тивным, мерзким образом.

Раньше я никогда не понимала фразы типа «деньги людей портят» или «власть ожесточает сердце», но теперь я в полной мере ощутила смысл подобных выражений. Ведь я поверила в свою исключительность и осознала, что обладаю той загадочной вселенской энергией, о которой постоянно твердил Мозговой. И пусть я не могу сказать, что в состоянии её контролировать, а наверно никогда полностью и не смогу, но её проявления наделили меня властью над некоторыми физическими явлениями и подобным здесь не может похвастать никто, ну разве только сам Хранитель – Восьмой бог... Но как справиться с этим? Как сдержать другую сторону этой силы?! Как?! Вероятно, нужно уделять больше времени внутренней работе, чтобы держать мозг и тело в ещё большем тонусе, просто чтобы не было сил на выход подобного негатива. Ведь я и правда была и спокойнее, и радостнее, и гораздо сдержаннее.

Конечно, оправдаться в собственных глазах можно всегда, учитывая, сколько всего со мной случилось. За плечами и Север, и холодное море с кархаронами, и гора трупов, закопанная неподалёку от Храма, да и вообще – по земным меркам полтора года пребывания на чужой планете! Когда всерьёз начинаю думать об этом, то ум за разум заходит! Столько времени я уже живу в другом, непривычном, неродном для себя мире... Только ведь ничего не изменишь... И с этим нужно дальше как-то жить, тем более что помимо страха,

трудностей и боли было – да и есть! – столько хорошего в моей непостижимой жизни. Ведь она удивительна, несмотря ни на что!

Схватив прибежавшего Бумера, я прижала волка к себе.

– Ты мой хороший, ты мой волчик... Я так тебя люблю!

Бу радостно запрыгал и, в проявлении чувств, свалил меня в прошлогоднюю листву, самозабвенно скуля и вылизывая.

Я не боялась возвращаться в лагерь через наполненный ночными звуками лес. Бумер отлично держал направление, но, несмотря на окружающий мрак, я и сама неплохо ориентировалась. Иногда казалось, конечно, что то тут, то там за деревьями прячутся какие-то загадочные существа, однако спокойное поведение волка не давало развиваться подобным страхам.

Всё-таки беседа наедине с собой успокоила и помогла осознать ошибки. Дороги вглубь леса я почти не заметила, из-за погружённости в переживания, а вот обратный путь уже полностью осознавала и всё удивлялась, как умудрилась так далеко удрать. Медленно и тихо ступая, мы спокойно пробирались к лагерю, пока не вышли к широкому ручью. А от нескольких холмов впереди, что представлялись в темноте гигантскими кучами, до места нашей ночёвки было рукой подать.

Очень захотелось пить и, побродив по берегу, я нашла удобный спуск. У ручья было гораздо светлее, чем в лесу,

потому как волшебный звёздный купол сиял всеми цветами спектра. Я невольно засмотрелась на эту нереальную красоту и даже мысленно поблагодарила судьбу за то, что забросила меня на Окатан, а не в какое-либо другое место. Ведь никто из моих земляков, кроме Кифа наверно, не мог похвастать тем, что жил под такой невозможной красотой.

Утолив жажду, я растянулась на траве, любуясь чистым и прекрасным ночным небом. Сверкающий Октаэн был в зените, а это значило, что ночь достигла своего апогея и через несколько часов на востоке зарозовеют первые утренние лучи. И только я поднялась, чтобы продолжить движение, как Бумер замер, уставившись на противоположный берег, и в груди волка начало зарождаться глухое, утробное и злобное рычание.

Дёрнув за ошейник, я бухнулась на землю, уложив лохматого друга рядом, и далеко не сразу различила в ночи высокие, тёмные силуэты. «Всадники! – тревога ледяными пальцами сжала все внутренности. – Если с ними собаки, то нас могут учуять!» Но, к счастью, сторожевых псов я не заметила, а вот теней насчитала около пятидесяти, когда метрах в сорока от нас они переправлялись вброд почти в полной тишине. Я слышала только фырканье рогатых лошадей да лёгкое позвякивание сбруи и оружия. И ни одного факела! «Значит, они не хотят быть заметными для кого бы то ни было. А может, это Карелл возвращается? – я пристально вглядывалась в удаляющиеся тени, пытаюсь понять, кто эти лю-

ди. – Ясно одно... Нужно бежать в лагерь!»

Как только лёгкой рысью ночные странники скрылись в редколесье, я рванула вдоль ручья. Бумер бежал впереди, не слишком ускоряясь и постоянно оглядываясь, чтобы я не потеряла его в ночи, так как в своей чёрной шубе он был неразличим уже в нескольких шагах. И только сверкание глаз ручного хищника помогало держать нужное направление. Чем дальше я бежала, тем сильнее билось сердце, но не столько от физической нагрузки, сколько от предчувствия опасности, ведь этот отряд двигался уверенно, быстро и, главное – тайно! Если бы они ничего не замыслили, то просто остановились где-нибудь на ночлег, а если бы куда-то торопились, то зажгли факелы.

Не заметив торчащую корягу, я кубарем полетела в овраг. За спиной что-то громко треснуло, и оборвавшаяся тетива хлестнула по уху. Пока я ползала в потёмках по каким-то слизким растениям, вернулся Бумер. Тревожно поскуливая и скользя на лапах, он спустился на дно, выказывая своё сочувствие. С помощью волка я нашла лук и на ощупь определила, что он сломан: одно гибкое, хотя и крепкое «плечо» треснуло в двух местах. Я отшвырнула его и начала карабкаться наверх.

Эта задержка в итоге чуть не стоила жизни моим друзьям, хотя уже позднее, после того как я всё проанализировала, пришла к выводу, что моё вечернее бегство в лес само по себе сыграло нам на руку. А потому, что в лагере почти не

спали – ждали меня, попутно сплетничая о столь своенравной, но «божественной» персоне.

Когда я выскочила из перелеска и помчалась на огонёк костра, то лишь и успела заметить, как из-за холма появляются высокие, четвероногие тени. Времени на размышления не было. Я попыталась крикнуть, так чтобы точно услышали, но ничего не получилось. От быстрого и долгого бега дыхание сбилось и громогласного вопля не вышло. Из горла вырвался лишь полухрип-полуписк и от страха, что никто не услышит, я затормозила и оглянулась, но только на секунду. Всадники у холма вроде как засуетились и на обнажаемых клинках несколько раз сверкнули звёзды...

– Да-а-айк!!! Ма-а-акс!!! Гра-а-ас!!! – вопя и махая руками, я опять помчалась на дрожащее маленькое пламя. – К оружию!!! К оружию!!!

Глава 4. Окрестности Кифа

Лошадей гнали уже несколько часов. Только в самом городе Карелл понял, что допустил серьёзную оплошность. Обещание, данное наследнику дома Кифан, вынудило, не мешкая, ехать в город, как только прискакал гонец. А с гружёными телегами сделать это быстро было невозможно. После разговора с молодым наследником, а также оценки обстановки Атаман понял, что паника преждевременна, а учитывая, что в городке его дожидалось около сотни воинов, вообще

неуместна.

Да, неподалёку был замечен вооружённый отряд, однако близ Кифа он так и не появился, а пастухи сообщили, что видели, как всадники объехали город и скрылись среди леса в западном направлении. А ведь меньшую часть своих людей с Грасом во главе, а также Кари, Дайка и ангалина он оставил именно там, западнее Кифа в дне неспешного пути.

Когда он понял, что из-за неопытности молодого наследника, а также своего желания наконец-то встретиться с Элганом, чтобы всадить в его голову боевой топор, разделил свой отряд, то чуть было не сорвался в гнев на Лудара эн Кифана, старшего сына своего давнего знакомца ещё по жизни в столице. Лудара он помнил ребёнком, но юноша только-только разменял свой двадцатый год и был слишком молод. Смерть отца среди зимы от глупого несчастного случая заставила парня взять все заботы о городе на себя, а вскоре и о смерти Великого terra стало известно.

Поэтому, когда Карелл прибыл в Киф уже в качестве претендента на трон, здесь были ему, в общем, рады. Мать Лудара, эрдана Лия, Карелла помнила и уговорила сына выслушать его. В итоге согласие было достигнуто, и Атаман остался доволен, что после Латраса, Киф стал вторым вольным городом, где удалось заручиться поддержкой. И пусть Кари пока не хотела идти на контакт, однако он не терял надежды её разговорить, ведь их связывают общие и весьма приятные воспоминания. И главное, что тот сон не обманул, и он всё-

таки нашёл её! И теперь Карелл гнал в ночь своего жеребца, ощущая, как где-то внутри подрагивает какая-то тонкая, но очень туго натянутая нить.

Ночные птицы и другая мелкая лесная живность, ощутив дрожание земли и заметив яркие сполохи факелов, шархались прочь от дороги, по которой, лязгая сбруей, нёсся отряд всадников. И чем дальше они скакали, тем сильнее Кареллан эн Растан ощущал тревогу, а подобное предчувствие не обманывало, и несколько раз он тяжело поплатился за то, что игнорировал его.

Ощущение бессилия и некой двоякости ситуации, которые он ненавидел, наверно, больше всего на свете, начинало набухать или надуваться где-то в горле, перекрывая дыхание. С одной стороны, он поступил правильно, быстро откликнувшись на зов о помощи от вольного города, которому пообещал защиту, а с другой – рисковал потерять важных и дорогих людей, а особенно ту, ради которой был готов... да на всё что угодно был готов.

Когда небесная россыпь начала меркнуть, а первые лучи только-только окрасили оранжевыми бликами вершушки дальних холмов, Карелл, сделав очередной вдох, ощутил запах жестокого боя – его ни с чем нельзя было перепутать. Так пахнут выпотрошенные, вонючие внутренности, железо клинков, обжаренное свежей кровью, обожжённая до черноты кожа и свежевзрытая копытами земля – страшный, тяжёлый дух смерти.

Как ни странно, но кругом было довольно тихо, когда спешащие на помощь увидели свои телеги в лёгком утреннем тумане, сползающем с холмов. И все почти сразу поняли, что в их поддержке или защите здесь никто уже не нуждается. Карелл, Олли, Лакр и остальные, бросив лошадей у дороги, побежали к поляне. Заметив Граса с перевязанной головой, Дайка, зашивающего глубокий порез на собственной груди, и ангалина, вытирающего мечи от крови пучками травы, а также с десятков своих людей, сидящих в рядок у кибиток, Карелл выдохнул, а потом, оглядев всех ещё раз, вздрогнул:

– Наши потери?!

– Четверо... – хмуро ответил Грас.

– А Кари?!

Дайк болезненно поморщился, проткнув кривой иглой кожу и попутно махая головой в сторону устилающих всю поляну, вплоть до самого леса, растерзанных трупов людей и лошадей:

– Там...

У Карелла замерло сердце, но Дайк добавил:

– Ходит...

Подул лёгкий утренний ветерок, разрывая на бесформенные клочья пелену тумана, и вновь прибывшие уставились на поле недавнего кровавого побоища. Тонкий девичий силуэт медленно, устало и как-то обречённо бродил среди белёсой, рваной дымки, то слегка наклоняясь, то приседая, то поднимая что-то, а потом рассматривая.

Не отрывая глаз, мужчины следили за двигающейся в тумане девушкой, пока Карелл не сделал шаг по направлению к ней. Однако твёрдая и очень сильная хватка трёхпалой хвостовой руки остановила его.

– Не надо... – проговорил ангалин, глядя Атаману прямо в глаза. – Не надо сейчас-с-с её трогать... Кари нуж-ж-жно прийти в с-с-себя...

Карелл опустил взгляд, ещё не до конца понимая, что слышит чёткую, пусть и немного шипящую, но вполне понятную речь ангалина.

– Что здесь произошло? – он выдернул руку, приседая рядом с Дайком, а ящер, отпустив его, продолжил медленно и методично протирать мечи и топоры от запёкшейся крови. Минут пять или больше, Карелл ждал ответа. Но его язык так и не повернулся повторить вопрос и прервать затянувшееся молчание. Дайк закончил зашивать рану от меча на груди, отрезал ножом нитку и, отложив в сторону предметы первой помощи, уставился на старшего друга:

– Ты знал?

– О чём?

– О нападении?

У Карелла пересохло в горле, а Грас, словно опомнившись, протянул ему флягу.

– Я не мог предположить подобного. И если бы знал, то никогда бы вас не оставил. Вы можете толком объяснить, что было и как? И что делает Кари?! Зачем она там ходит?!

Дайк устало кивнул, махнул ангалину и они оба полезли в свою кибитку. Придерживая повязку на бритой голове, Грас устался на Карелла и остальных:

– Если бы не наша отари, то не знаю... застали бы вы в живых кого-нибудь из нас... – а потом, приняв у друга флягу с кшасой, сделал несколько долгих глотков. – Я такого никогда не видел... Богиня и ангалин... в бою – это страшная, невероятная сила! Да и лекарь наш... – и Грас довольно хмыкнул, – теперь в драке не хуже тебя будет!

Через некоторое время Карелл уже знал все подробности ночного нападения, а пока слушал, не сводил глаз со стройной девичьей фигурки, раз за разом обходящей поляну по периметру. И только когда она приблизилась к ним и резким, быстрым движением вставила меч в ножны, опомнился. Несколько минут мужчины смотрели на высокую девушку, светлые, короткие волосы которой торчали в стороны, словно свальянная шесть, а пронзительные синие глаза внушали странные и противоречивые мысли.

Весь вид её стройного, и даже худого тела: лицо с грязно-багровыми разводами, кровоточащая царапина на ухе и шее, оголённое левое плечо с голубоватым браслетом и жёлтой надписью – девизом древнего дома Матвэй, облегчённый длинный меч с инкрустированной белой костью рукоятью – дорогое и весьма надёжное оружие самых умелых воинов покойного терра, его личной охраны; два окровавленных топорика за широким поясом, грязная и чисто мужская одежда,

высокие сапоги – на правом растеклось кровавое пятно, – всё это внушало не просто страх, а даже ужас в некоторой степени. Ведь повеления древнейших о том, что женщине владеть оружием нельзя, никто не отменял, а перед группой сильных, опытных воинов стояло живое нарушение древнего завета.

Но с другой стороны, глядя на хрупкую, но такую странную и сильную девушку, некоторым очень хотелось упасть ей в ноги, вымаливая прощенье за то, что это ей пришлось сражаться, а не им, другим – положить жизнь, лишь бы только защитить её, ну а третьим... посадить в каменную клетку и не выпускать оттуда никогда!

Поначалу Кари рассматривала опоздавшую помощь в виде хмурых и понурых мужиков, а потом глянула в сторону, на ещё взмыленных лошадей и, сделав несколько шагов, приблизилась к Атаману:

– А ты, я вижу, торопился... – её голос был низким и довольно хрипловатым, но ровным и спокойным. – Только мы тут и сами управились...

Карелл опустил голову, так как не мог выдержать прямой и твёрдый взгляд небесно-синих очей. Пауза затянулась, но Кари принялась поглаживать и прощупывать длинными, тонкими и грязными пальцами с обломанными ногтями его кожаную рубаху с таким видом, словно стояла не на поле брани с горой трупов за спиной, а в мастерской хорошего портного в столице или в Банкоре.

– Мне нравится крой... – наконец сказала она, – и кожа великолепна... Где взял? Я тоже такую хочу, только без левого рукава.

Что-либо ответить на подобное заявление Карелл не сумел, ничего в голову не пришло. Он просто молча стоял перед этой удивительной девушкой, встретиться с которой жаждал так долго, понимая, что его отари, его звёздочка, а теперь Великая богиня всё-таки заговорила с ним, пусть и на такую, не вполне уместную в данной ситуации тему. Он поднял глаза, и Кари вдруг улыбнулась, слегка похлопав его по плечу:

– Пойду я, пока... посплю... Вы тут уж сами как-нибудь разберётесь...

Через несколько часов, когда уже всю шла работа по подготовке погибших к должному упокоению при помощи «жара Хранителя», то бишь порошка маори для сжигания тел, и приготовлению к отъезду в Киф, Карелл не выдержал и заглянул кибитку Дайка и Кари, из которой не доносилось никаких звуков, и только утробное рычание горного волка не позволило ему войти. На широкой походной раскладушке спал Дайк, а рядом Кари, прижимаясь к его боку и спрятав лицо в растрёпанных волосах парня. На полу дремал ангалин, сжимая хвостом ногу девушки, а рядом горный волк, тараща жёлтые глазищи...

Опустив полотнища крытой повозки, Атаман спрыгнул на землю и пошёл к группе своих людей, укладывающих мёрт-

вые тела и их части на череду кострищ.

– Клаур! – один из мужчин обернулся на голос. – Ты своё ремесло не забыл?!

Тот ухмыльнулся:

– Хочешь сделать нашей эрдане подарок?!

– Читаешь мои мысли!

– Не забыл!

Глава 5

Спалось без сновидений, но когда я пробудилась, в ушах опять начал раздаваться лязг мечей и боевых топоров, свист пробивающих тела стрел, предсмертные стоны, топот копыт, пронзительное и визгливое ржание покалеченных лошадей, которых пришлось потом добить, воинственные крики... И это дала о себе знать только слуховая память, а вот то, что я видела, все запахи, все тактильные ощущения совсем не хотелось вспоминать.

За несколько последних месяцев я превратилась в жестокую убийцу, и как показал этот бой, уже и с мечом могу хорошо управляться. Ведь мой лук сломался, а колчан я бросила на пути к стоянке. Когда воины Элгана, а это были именно они, атаковали нас, у меня имелся только топорик, тот самый, что вручил Мратан, после встречи с большим караваном, да мой короткий меч, который разлетелся на части от первого же рубящего удара по ногам несущегося на меня

высоченного рогатого жеребца.

Было очень жалко лошадей, однако остановить скачущего всадника получилось только таким способом. В первые же минуты боя я впала в какое-то странное состояние, как и тогда неподалёку от Храма в нашей первой схватке. Я всё видела, всё понимала, но не испытывала почти никаких эмоций. Нападают – мы защищаемся, не более... Ощущение готового лопнуть пузыря внутри не покидало ни на секунду. Эти упругие шарики надувались и трескались вновь и вновь, выплёскивая наружу потоки внутренней энергии и придавая моим ударам, броскам и движениям, невероятную для женщины убойную силу и скорость.

Когда первая жертва вылетела из седла, а единорог рухнул с перерубленной ногой, я просто швырнула топор в голову всадника, а его меч, несколько раз перевернувшись в воздухе, воткнулся в землю прямо у ног. Я только хмыкнула и, выдернув оружие со светлой красивой и, похоже, костяной рукоятью, рванула в самую гущу жестокой схватки.

Наши противники, уверенные в своём численном превосходстве, никак не ожидали получить такой мощный отпор. Макс с бешеной скоростью носился под копытами единорогов и длинным ангалинским мечом косил лошадей, словно траву в поле. Хрипя, животные падали, всадники летели на землю, где их встречали клинки и топоры Граса, Дайка и других воинов Карелла, что остались с нами.

Меч, который стал моим боевым трофеем, оказался иде-

альным: рукоять прекрасно легла в ладонь и, несмотря на непривычные размеры, был очень удобен в обращении. Когда несколько раз удалось отпихнуть кого-то из зазевавшихся мужиков и подставить его под удар и он выдержал, я подумала, что, наверно, он сам меня выбрал, и, улыбнувшись этой мысли, ангалинским приёмом разрубила высокого противника почти пополам.

Очень быстро остатки наших визитёров поняли, что дело плохо, и попытались скрыться, но нам с Клауром (познакомились мы позже, когда всё закончилось) удалось снять всех из дальнобойных луков и, к моей радости, оставшиеся лошади не пострадали. На рассвете всё было кончено и внутри словно выключился мотор. Нахлынула такая усталость, что я даже не смогла сесть или упасть на траву. Вот так мы и стояли плотной кучей, тяжело дыша и таращась друг на друга.

Бумер уплетал свежую конину, когда я подозвала его и отравила собирать разбежавшихся лошадей, чем привела мужиков в окончательный ступор. А ведь ничего особенного я не сделала, просто показала на рогатые туши, обвела рукой пространство и сказала: «Лошади! Найти!» – и волк радостно понёсся в сторону леса. Бумеру всегда очень нравилось выполнять мои поручения.

Дайк стоял рядом и вытирал кровь с груди, у Граса была огромная ссадина на бритой голове, у остальных тоже кровоподтёки, порезы да царапины, но в общем ничего серьёзного. А вот четверых мы всё-таки потеряли, что очень рас-

строило. Как я ни старалась, но я не всесильна, как успела себе вообразить. Вроде и богиня, но какая-то недоделанная, неправильная, что ли...

Когда появился Карелл с основным отрядом, я уже немного отошла и просто бродила, осматривая тела на предмет одинаковых родовых меток. Но вскоре поняла, что среди этих людей нет подобных тем, что покоятся сейчас в братской могиле у подножия Закатного пика. Краем уха я слышала, как Грас и остальные делились с Атаманом подробностями побоища. Видела, как Макс схватил его за руку и что-то сказал. А подойдя ближе и заглянув Кареллу в глаза, поняла, что если хочу, чтобы всё это закончилось, чтобы бессмысленные смерти, ну хотя бы в таких количествах, прекратились на Восточных территориях, ставших для меня новой родиной, за которую даже пролилась моя кровь, то нужно забыть прежние обиды, отрешиться от груды трупов за плечами, хотя и помнить о них, и всем вместе обсудить, что и как мы будем делать дальше.

Как ни крути, но я здесь наследница древнего дома, а Карелл один из претендентов на престол и на данный момент единственный из троих, против кого я ничего не имею. Не он заварил всю эту кашу с дележом власти и, как я уже точно знаю, к смерти своего дядюшки, Великого терра, тоже не имеет отношения, хотя именно он столько лет находился в опале. Атаман молча смотрел на меня, не пытаясь оправдываться или что-то объяснять, а потом опустил голову, выра-

жив этим простым движением какую-то покорность, что ли, или глубокое сожаление о том, что, пока он ездил по своим делам, мы приняли удар на себя.

Поэтому, прокрутив в голове все эти мысли и воспомина-ния, я несколько раз выдохнула и осмотрела кибитку. Лежу одна: ни Дайка, ни Макса, ни Бу, а вот рядом с раскладушкой стоит ведро с водой. Я заулыбалась: «Опять решили, наверно, что я надолго отключилась... Зато есть чем умыться!» Стянув завязки на полотнище кибитки, чтобы никто ненароком не сунулся, я разделась, повесила самое большое зеркало, какое имелось в наличии, и принялась приводить себя в порядок, попутно вслушиваясь в голоса снаружи.

Судя по освещённости, день перевалил за полдень, однако разговоры подсказали, что ночевать здесь мы не будем и скоро отправимся на Киф. Осмотрев себя, я не нашла особых повреждений, кроме нескольких синяков, да царапины на ухе и шее от лопнувшей тетивы. Я быстро смыла кровавую грязь и достала чистую смену одежды, и только сейчас обратила внимание на аккуратно сложенную рубашку из тонкой кожи цвета кофе с молоком.

– Ого! А это что у нас такое?

Развернув обновку, я не поверила глазам. Рубашка, такая же, как и у Карелла, только ушитая и рукава нет левого, а вместо него прилагается тёмно-коричневая, толстая, многослойная кожаная крага на предплечье с крепкой шнуровкой.

– Задабривает! Вот хитрец! И как он так быстро умудрил-

ся?!

Закончив с переодеванием, я ещё раз удовлетворённо осмотрела себя в зеркале:

– Отлично! Богиня-воительница собственной персоной!

Когда я выглянула из кибитки, то первым делом заметила Граса, который, сидя на корточках, пытался потискать Макса, а тот, скорчив чешуйчатую морду, притворно отворачивался. А вот здоровяк своими огромными лапищами пытался притянуть его к себе со словами:

– Я ведь знал! Я слышал твоё шипение там, за стеной! Значит, это ты подсказал Кари, как можно меня вытащить! Так вот ты какой, мой спаситель зеленоглазый!

Макс упирался всеми четырьмя лапами, пытаясь отпихнуть Граса хвостом, а когда тому всё же удалось схватить его за шею, то скорчил такую смешную рожицу, что я еле сдержалась, чтобы не расхохотаться. Заметив меня, Дайк подвёл осёдланную кобылу:

– А я подумал, что ты нескоро проснёшься, даже ведро поставил...

– Не угадал! – я улыбнулась и крепко обняла друга, а потом добавила на ухо: – Что? Карелл подсуетился? Я про рубаху...

Нянь кивнул, улыбаясь в ответ:

– Клаур переделал, пока ты спала. Он не только отличный лучник, но ещё и портной.

Дайк принялся запрягать Рыжего в кибитку, ну а я пото-

пала к Атаману, который стоял неподалёку. Уже гораздо позже и Дайк, и Макс не раз вспоминали эту сцену. Мне-то было совсем непонятно, что их так зацепило, однако мои парни всё-таки поведали, что именно в тот момент поняли, что наша, почти семейная компания, вероятнее всего, пополнится. Почему такое пришло им обоим в голову тогда, они не смогли объяснить, просто не раз описывали мне, как всё выглядело со стороны.

Несколько минут мы с Кареллом просто молча смотрели друг на друга. Оба обладающие силой, властью и влиянием, очень похожие внешне, я говорю о шрамах на лицах и почти одинаковой одежде. У него оголено правое плечо с родовой меткой дома Растан, у меня – левое, с голубоватым браслетом дома Матвэй, под которым метка тоже имелась, пусть и выжженная каким-то загадочным образом. Как чуть позже я заметила, за мной встали не только мои мальчики, но и все те, кто недавно сражался со мной бок о бок. Мы стояли словно два вождя, решивших вступить в переговоры. Я не жаждала вести за собой армию, но и оставаться в стороне от рассыпающейся на глазах стабильности Восточных территорий не хотела.

– Ты можешь пообещать мне кое-что? – я, наконец, спросила.

– Всё, что будет в моих силах... – и чуть тише Карелл добавил, – даже больше...

– Тогда ты должен это прекратить. Я говорю про кровь

и смерть, которых очень много в последнее время. Я хочу видеть Восточные территории цветущими и прекрасными, хотя бы такими, какими они были год назад, когда я только-только начала узнавать ваш мир.

В гробовой тишине чётко слышались окружающие звуки. фыркание лошадей и то, как они переступают с ноги на ногу, позвякивание сбруи, скрип колёс – не все животные стояли спокойно; жужжание летающих насекомых, шелест густой листвы на высоких гурангах, окружающих поляну с уже полностью убранными телами. И только люди не издавали никаких звуков, похоже, даже не дышали. Шагнув навстречу Кареллу, я легонько коснулась его метки на обнажённом плече:

– Думаю, ты будешь сильным террор... мудрым и справедливым...

Тишина вокруг вдруг стала такой напряжённой, словно из атмосферы выкачали весь воздух. Ощущение вакуума наполнило внутренности и это продолжалось до тех пор, пока мой собеседник не произнёс:

– Я готов на всё ради мира на Востоке, только мне нужна ваша помощь... Твоя, Макса, Дайка... Всех верных и преданных людей, желающих жить в спокойствии и радости на своей земле. Без вас у меня ничего не получится.

Не буду подробно описывать, что случилось потом. Радостные крики, вопли, потрясение оружием ударили в уши, словно акустические установки на рок-концерте. Кричали, что Великая богиня сделала выбор и наши враги вздрогнут,

когда узнают, что сами боги решили возвести Карелла на престол! Ну, а я поняла, что Рубикон перейдён и мне, как и Кареллу, нельзя не отступить, потому что гора мертвецов за плечами просто не позволит это сделать. Если попытаюсь дать обратный ход, или захочу изменить своё решение, или спрятаться и отрешиться от участи вершить судьбы, то это, во-первых, будет расценено как предательство, а во-вторых, все смерти окажутся просто жестоким убийством, непонятно ради чего. Хотя как, вообще, можно оправдать подобное, я до сих пор не очень-то понимаю, ведь и Дайк, и Макс, и даже Бумер тоже внесли свой вклад в преумножение потоков проливающейся крови.

Однако стоит отметить, что далеко не все в окружении Карелла воспринимали меня с энтузиазмом. Я обратила внимание, что часть воинов не проявляла столь бурных эмоций. Да и до этого момента несколько раз ловила на себе довольно подозрительные взгляды и слышала фразы типа «баба и меч – это очень плохо», «и что, что богиня – она женщина» и ещё нечто подобное. Несколько раз их произносил Лакр, но говорил он беззлобно и даже шутя, и я не придавала большого значения этим высказываниям.

Глава 6

Уже около часа мы ехали по довольно укатанной дороге. Двигаться в авангарде я не захотела, так как ещё перевари-

вала всё случившееся, да и около полусотни взглядов, направленных в спину, ощущать было не очень-то приятно. Я предпочла замыкать кавалькаду, двигаясь у телег, крайней из которых была наша.

Уцелевших в бою лошадей противников прекрасно гнал Бумер, преисполненный важностью от нового, интересного задания, и я только изредка поглядывала на бегущий рысью табунчик. Среди этих трофейных животных один высокий жеребчик сразу бросился в глаза. Он был почти такой масти, как и Тучка: серый, с иссиня-чёрной роскошной гривой, длиннющим хвостом и небольшими светловатыми пятнышками на крупе. Я подумала, что такая масть, наверно, называется «в яблоках» и нужно будет попробовать наладить с ним контакт, так как уж очень захотелось оставить его в качестве жениха для своей кобылы.

Ведь Тучка Рыжего к себе почему-то так ни разу и не подпустила. Дайк даже сетовал, смеясь, что так надеялся на совместное хоть и лошадиное потомство, да вот только ничего не вышло – моя кобыла оказалась непреклонна. И вот когда я увлечённо размышляла о возможных «яблочных» жеребятах, к телегам подъехал Карелл. Он явно хотел пообщаться наедине и без лишних ушей, и я решила предоставить такую возможность. Нужно же как-то начинать, тем более что на «царствование» я его уже благословила.

Придержав лошадей, мы немного отстали, но я заметила, как несколько раз обернулся Дайк, а Макс, откинув полотни-

ще кибитки, высунул нос, внимательно наблюдая. Хотелось что-либо сказать первой, чтобы немного разрядить обстановку, но не получилось. Мысли то путались, то совсем вылетали из головы, а брякнуть некую банальность типа «какое небо голубое...» язык не поворачивался. Вот так мы и ехали бок о бок, но молча. Когда я опять принялась разглядывать бредущих по обочине трофейных единорогов, Карелл прервал затянувшуюся паузу:

– Тут жеребец есть... «мышастый»...

Я хихикнула:

– Какой?!

– Вон тот, видишь... – и атаман махнул как раз в сторону моего серого любимчика. – Стать хорошая, да и масть довольно редкая. Он ещё очень молодой, так что воспримет даже другую кличку.

Тут уже я не выдержала и рассмеялась:

– Мысли читаешь?! Да я на него сразу глаз положила, как только рассмотрела хорошенько!

Мой спутник усмехнулся:

– Да хотелось бы читать, но иногда просто угадываю... На этом красавчике ты бы смотрелась ещё лучше, да и с твоей кобылой его можно попробовать свести...

И хоть на меня окончательно напал приступ хохота, я обратила внимание, что оборачиваются не только мои парни, но и добрая половина отряда. Карелл поначалу выглядел довольно напряжённо, но вскоре заметно расслабился, а потом

неожиданно спросил:

– Ты меня вспоминала?

Теперь пришла моя очередь рассматривать его, но смолчать или как-то увернуться от этого вопроса не получилось, и я честно ответила:

– Вспоминала... и не раз... Да и как, вообще, можно забыть такое...

Угол его глаза, натянутый шрамом, ещё больше сузился, превратив половину лица в странную, то ли удивлённую, то ли издевающуюся маску:

– Какое «такое»?!

Стало понятно, что он имел в виду одно, ну а я – другое. Скорее всего, за его вопросом скрывались те ночи, что мы проводили вместе на Кифовом носу, а я в первую очередь подумала обо всей ситуации в целом, этой фантастической истории, которая со мной приключилась. Обсуждать прошлые отношения не было никакого желания, особенно когда в голове всю носились яркие образы ночного побоища, и я решила перевести разговор на другую тему:

– Хочу поблагодарить тебя за Латрас. Мне рассказали, что там произошло. Да и за рубашку, кстати, тоже... Спасибо, Карелл...

Он осадил своего жеребца, который так и норовил опередить мерно бредущую Тучку, и резким движением прижал мою голову к себе, вдыхая запах кожи и волос. Первым порывом было вырваться, но ощутив, как он внюхивается, глу-

боко вдыхая, я не шелохнулась и подумала: «А ведь запах Мозгового на мне уже почти неощутим, даже Макс с его прекрасным обонянием это подтвердил. И быть может, теперь чувства Карелла ко мне уже не будут получать новой подпитки и постепенно сойдут на нет?»»

Сдерживая высококого, тонконового единорога под собой, который был вынужден идти вплотную к Тучке, приноравливая шаг, Карелл продолжал прижимать меня к себе. Запах его кожи, сильные руки, ощущение мускулистого тела, как каменной стены, на доли секунды вернули туда, на год назад, когда на мешках с соломой он засыпал, крепко меня обнимая. Но не пришлось отталкивать его. Он отпустил меня сам, при этом так удивлённо таращась, что я чуть снова в голос не расхохоталась.

– Так не бывает!

– Как «так»?! – смех всё-таки рвался наружу.

– Ты не пахнешь как раньше!

– А вдруг это вовсе и не я?!

– ?!

– Уж так и быть! Открою маленький секрет, о котором не так давно узнала. На самом деле это был не мой запах. Такой странный и привлекательный аромат источал тот, кто жил внутри меня долгое время. А теперь его нет, и на мне остались лишь следы его пребывания. Разве Дайк не доложил тебе об этих моих странностях?!

Карелл так быстро замотал головой, продолжая смотреть

неверящим взглядом, что я не выдержала и снова громко расхохоталась. А потом, ударив кобылу в бока, рванула к катящимся впереди телегам.

Почти всю следующую ночь я провела в библиотеке, разбираясь с новыми словами и речевыми оборотами языка древнейших, а также изучая справочник по спектральному анализу. На вечерней стоянке Дайк наговорил мне кучу новых слов и выражений и объяснил кое-какие отличия в окончаниях, которые были весьма существенными. Однако в конце урока, доедая ужин, прозрачно намекнул, что вот Карелл, кстати, владеет этим почти забытым языком лучше, чем он, потому как Алцелан учил своих учеников только понимать написанные тексты, чтобы они могли прочесть любой древний рецепт, коли таковой попадётся. А вот у Карелла образование в этом отношении более углубленное, и если мой Нянь что-то не сможет мне объяснить, то милости просим за дополнительными истолкованиями к третьему претенденту.

Макс лежал рядом у костра и молча слушал нашу перепалку, которая началась с того, что я высказала мнение, будто Дайк сам создаёт ситуацию, в которой придётся просить помощи у Карелла и больше общаться с ним, а Дайк настаивал, что ничего подобного, ничего он не создаёт, а просто ставит меня в известность об обширных познаниях давнего друга в данной области.

В конце концов, я решила прекратить глупые пререкания и удалилась в кибитку, а оттуда в библиотеку, где и застряла

до утра. Закончив вносить новую информацию в собственный словарь, я напоследок открыла справочник, который так и лежал на столе, и... просто провалилась. Никогда бы не подумала, что подобное настолько заинтересует! И хоть многое оставалось непонятным, однако я узнала такие потрясающие вещи о цветовых и, главное, обонятельных свойствах излучений, что никак не могла оторваться.

До этого момента мои знания о физике света ограничивались в основном его всем известной скоростью, понятием о его электромагнитной природе и фотонах, а также детской присказкой, касающейся разложения белого света на цвета радуги, то есть спектра: Каждый Охотник Желает Знать Где Сидит Фазан. Этот справочник был частично составлен из глав моих школьных учебников, нескольких книг по оптике из нашей домашней библиотеки, а также большого количества страниц, написанных лично Таном.

И вот именно эти тексты или статьи со схемами, цветными зарисовками, непонятными формулами и повергли меня в окончательный ступор. То, что Мозговой, а вернее сам Ока-тан или Хранитель – Восьмой бог этого мира, и был моим внутренним жильцом, уже не вызывало никаких сомнений. Из справочника я узнала, что свет имеет запах, но не в буквальном смысле конечно. И запахи мы не только обоняем, но и видим, в какой-то степени.

По этому поводу вспомнился старый фильм, где главный герой работал на парфюмерном производстве и там запа-

хи определяли по цветовой шкале: голубой, бирюза, жёлтый и так далее. Мне это никогда не было понятно, однако теперь начала доходить суть подобной классификации. А когда я рассмотрела спектральную схему, которая начиналась с красного, а заканчивалась фиолетовым, а потом её же, но закольцованную и свёрнутую в восьмёрку, то схватилась за голову. Сиреневое свечение Макса, такой же туман в моих снах, лучи, сполохи и искрящиеся молнии, которые мы наблюдали с борта «Медузы», якобы загадочный свет в очаге дома Хранителя, космические глаза Тана, когда мы целовались один раз, и висящий в небе сверкающий Октаэн – всё это было и есть проявления тех и того, кто много-много десятков тысяч лет назад создавал эту цивилизацию!

«Кто же такие на самом-то деле эти загадочные восемь богов?! – я продолжала пялиться в учебник. – Какие-то энергетические сущности, похоже... Которые могут проникать в разум, влиять на него, создавать внутри подобные библиотеке, лаборатории и спортзалу виртуальные пространства? Боги... Неужели боги такие?! Хотя откуда я могу знать, какими бывают боги? На Земле я ни с какими богами дел не имела и не могу сказать, что верила в их реальное существование... Хранитель притащил меня сюда, «ел» меня, словно липкий червь или другой подобный паразит, получая взамен мою энергию, люблял в себя, манипулировал, жил в буквальном смысле за мой счёт! Он направлял меня туда, куда ему было нужно, делал всё, для того чтобы я осталась здесь,

влилась в эту жизнь, чтобы влюблялась я и влюблялись в меня, иначе говоря, чтобы влипла, как муха в варенье! Только зачем?! И у этого гада всё отлично получилось! Я влезла в гущу событий, благодаря этим странным способностям, которые он развил во мне (или наделил?!), обрела славу, власть и силу. Я здесь не просто наследница дома, не сомневаюсь, что он и этому поспособствовал, я богиня! И уже сама верю в это... Только как?! Как теперь понять, где мои настоящие чувства, а где созданные искусственно?! Где мои истинные стремления, а где те, что он так мастерски внушил мне?! Ведь он специально наделил меня своим странным ароматом, чтобы местные мужчины слетались на меня словно пчёлы на мёд! И Карелл, Дайк, Макс, Скай, Аютан, Арвид прямое тому подтверждение. А что может быть сильнее любви, особенно для женщины?! Да ничего! Ничего!!! И я застряла здесь, провалилась с головой и теперь не только мои чувства, но и чувства моих мальчиков держат, словно якорные цепи. Как же запутано всё... Выходит, что он не только меня использовал в каких-то своих целях, но и тех, кто меня окружает, влияя на них через меня. Но к сожалению, только он может вернуть меня обратно. Этот межпространственный переход на Кифовом носу работает на вход, но я ни секунды не сомневаюсь, что он может работать и на выход...»

Глава 7

От потока ледяной воды я с воплями и ругательствами вскочила с раскладушки, но отвесить затрепину за мокрое пробуждение тому, кто его устроил, не успела. Дайк схватил меня и крепко прижал, стискивая так сильно, что я чуть не задохнулась.

– Ну всё, хватит! Смилуйся, повелитель воды! Отпусти, драться не буду!

Дайк расхохотался:

– Как ты сказала?! Повелитель воды?! Здорово! А то всё Нянь, да Нянь!

Он попытался расцеловать меня в обе щёки, но я отшатнулась. Сделанные открытия ещё полностью занимали мысли.

– Все уже в сёдлах, Кари. Ждут только тебя...

Въезд в Киф получился почти триумфальным, так как Карелл заранее отправил гонца в город. Уже в десятке этье на обочинах толпились местные, ожидая собственными глазами увидеть Великую богиню и наследницу древнего дома, которая приняла сторону одного из претендентов.

К моему удовольствию, молодой «мышастый» жеребчик воспринял меня на своей спине довольно спокойно и все удивлялись, что даже бегущий рядом на длинном поводке горный волк не слишком напугал его. Когда я легко и быст-

ро запрыгнула в седло, он поначалу громко фыркал и пытался несколько раз встать на дыбы, при этом звонко и «музыкально» пукая, что привело не только меня, но и всех, кто при этом присутствовал, в очень весёлое настроение. Однако громкий окрик и властное, жёсткое управление уже через несколько минут вернули ему спокойствие. Хотя, конечно, такое, основанное только на силе, подчинение меня не устраивало, но на выстраивание более нежных отношений пока просто не было времени.

Я видела, какие взгляды местные бросали на нас с Кареллом, ведь ехали мы бок о бок и во главе отряда. Слышала, как удивлялись моему внешнему виду, вооружённости до зубов, светлым коротким волосам, величественной манере держаться в седле (это было открытием, подобного я за собой никогда не замечала), а также Бумеру, что послушно бежал рядом, словно сторожевой пёс.

Изредка поглядывая на Карелла, я заметила, что он доволен, ведь я не стала пререкаться, когда он подвёл уже осёдланного жеребца, предложив попробовать начать налаживать с прекрасной рогатой животинкой контакт, и не отказалась ехать впереди рядом с ним. И теперь, искоса рассматривая его, я думала, что он, прежде главарь «золотой банды», Кареллан эн Растан, выглядит сейчас, действительно, как будущий правитель: сильный, статный, с хищной внешностью, благодаря шраму на лице, но в то же время с некой аурой власти, уверенности и спокойствия.

И чем дольше я на него смотрела, тем больше понимала Дайка, который ещё в ранней юности почему-то рискнул всем ради него и до сих пор испытывал к давнему другу чувства близкие к родственным. Мой дорогой Нянь как-то поделился, что, наверно, увидел в Карелле отца, которого в то время ему так не хватало, или старшего брата, когда начал ходить к нему в тюрьму. И несмотря на то, что потом серьёзно пострадал при пожаре после побега своего первого пациента, никогда не винил его в полученных увечьях.

Под крики и приветствия горожан мы въехали за городские стены. Киф был больше Латраса, однако чем-то напоминал Перрикол, своей довольно хаотичной застройкой, наверно. И это было удивительно, так как от данного поселения я ожидала гораздо большего архитектурного изящества. Всё-таки город был основан легендарным Кифом, моим земляком, так сказать. Уже позже я узнала, что Киф несколько раз сгорал в пожарах почти дотла, так как центральная часть Восточных территорий склонна к сильным ветрам не только зимой, но и летом, и пожары здесь распространяются очень быстро, учитывая довольно лесистую местность. Вот поэтому дома в городе строили не один за другим, а в каком-то шахматном порядке и на значительном расстоянии. Основной доход город получал от многочисленных караванов, так как наезженные дороги расходились ко всем относительно крупным поселениям, а также от разведения единорогов и летунов.

В длинном трёхэтажном здании управы с двумя высокими смотровыми башнями по краям, в самом центре города, заседала вся местная администрация, а также жил наследник дома Кифан с матерью, двумя младшими братьями и сестрой. Как успел поведать по пути Карелл, прежний наследник, отец нынешнего, с которым он был знаком по жизни в столице, трагически погиб в начале зимы и его старший сын принял на себя руководство городом и прилегающими окрестностями.

Пока мы размещались на большом постоялом дворе, неподалёку от живописной речки с обрывистыми песчаными берегами, удалось на время отвлечься от неприятных мыслей о том, что для окружающих-то я богиня, а на самом деле просто пешка в странной и непонятной игре загадочного существа неизвестной природы, которое, словно тень или «серый кардинал», стояло за моей спиной почти с самых первых минут пребывания на Окатане, и неважно, что сейчас я его не вижу, не слышу и никак не ощущаю.

И Дайк, и Макс, именно ради которого я настояла, чтобы нас разместили поближе к реке, заметили моё грустно-задумчивое настроение, но, как видно, решили пока не доставать с расспросами. Карелл остался в городской управе улаживать с наследником какие-то вопросы и размещать своих людей, а мы обустроивались на временный отдых, так как мой договор с Атаманом о совместном путешествии касался только пути до Кифа, а дальше добираться до золотой жи-

лы мы хотели самостоятельно и без лишнего сопровождения. Только вот теперь сделать это по тихому будет проблематично. День-два и вся округа узнает, что наследница дома Матвэй, Великая богиня, прибыла в Киф с одним из претендентов. Короче говоря, путешествие к золотой жиле находилось под угрозой срыва.

В городе царила страшная суматоха. Жители уже знали о ночном нападении, и всем хотелось своими глазами увидеть богиню-наследницу, Бумера, а также Макса, слухи о котором расплзлись по городу, словно шустрые тараканы. Народ толпился у забора, вглядываясь во двор и в широкие окна первого этажа, ребятня пыталась пролезть к кибиткам с тыльной стороны дома, а мы с Дайком стояли у бревенчатого сарая за коновязью и размышляли, как поступить с Максом.

О том, чтобы оставить его в кибитке, не могло быть и речи, но и брать с собой разгуливать по городу, где ангалинов многие века и близко не водилось, тоже было как-то страшновато. Наш Максик, обеспокоенный таким вниманием, и носа наружу не показывал, прячась от любопытных взглядов.

– Бумер, наверно, пусть кибитку охраняет, – проговорила я, когда мы закончили распрягать лошадей. – Всё-таки волка побаиваются и ночью, думаю, не сунутся...

– Но деньги, жемчуг и летунов надо забирать с собой, сама понимаешь...

– А Макс так и будет в кибитке сидеть?!

– Как стемнеет, вылезет, в реке рыбы много, сможет хоро-

шо отужинать... – Дайк повесил сёдла на специальные упоры, отряхнул мусор и солому со штанов, попутно расстёгивая лёгкие доспехи. День сегодня выдался жаркий.

– Может, пока на речку сбегает? Там есть хороший пляжик, мне хозяин сказал...

Я только невесело хмыкнула:

– И как ты себе это представляешь? Мы будем купаться, а весь город стоять на берегу и глазеть?

Дайк хмыкнул:

– Верно... Я как-то не подумал...

Прихватив друга под руку, я потащила его в кибитку. Завидев нас, выходящих из-за угла, люди за забором завопили и замахали руками:

– Вот она!

– Богиня!

– Наследница!

– Смотрите! Смотрите!

Ангалин встретил нас взволнованно-испуганным взглядом и, как только я плюхнулась на ящик с инструментами, а Дайк уселся верхом на сундук со всяким походным барахлом, выплеснул на нас все свои эмоции:

– Ну и как теперь быть?! Как мы до жилы доберёмс-ся, когда все з-з-знают, как ты выглядиш-ш-шь?! Эта вс-с-стреча с ваш-ш-шим Кареллом ис-с-спортילה все наш-ш-ши планы! И з-з-зачем мы только туда потащилис-с-сь?! На переход в твой мир пос-с-смотришь?! Ну пос-с-смотрели! Но

он вс-с-сё равно работает только в одну с-с-сторону!!! А как теперь ехать дальш-ш-ше, когда таращ-щ-щиться будут все вс-с-стречные-поперечные?!

Мы с Дайком угрюмо молчали, а Макс продолжал фонтанировать:

– Я, конечно, рад, что и ваш-ш-шу хиж-ж-жину увидел, и этот удивительный обрыв, и туннель ангов, и эти с-с-странные кружащ-щ-щиеся звёз-з-здочки, но только ес-с-сли бы мы не поехали туда, то сейчас-с-с были бы уже далеко и без-з-з такого количес-с-ства с-с-сопровождающих! Что теперь делать, Кари?!

– Посоветоваться с умным человеком! – раздался снаружи знакомый басистый голос и мы дружно вздрогнули.

– Берк?! – я вскочила и откинула парусиновые полотнища. Каол стоял у правого колеса и нахально улыбался, почёсывая Бу за ушами.

– Я же сказал, что догоню вас! Можно войти?!

Я только и выдохнула:

– Подслушивал! – на что он радостно кивнул.

Когда из управы вернулся Карелл и я представила их друг другу, оказалось, что наш каол прибыл не потому, что соскучился или так жаждал меня увидеть. Он приехал с последним поручением Совета, которое согласился выполнить. Берк привёз письма от столичного совещательного органа для Карелла, молодого наследника дома Кифан и меня. А лично для нас с Дайком у него имелась отдельная почта: од-

но письмо от Вальдегана – пятого пархонта, а другое от наследника дома Атрай – фаэдра Хлоана, что доставило мне огромную радость.

Глава 8

Отложив прочитанные листы, я прислонилась к спинке широкого, удобного кресла в большой и светлой комнате, которую для меня отвёл хозяин постоянного двора, устроила ноги на невысоком пуфике и уставилась на присутствующих. Дайк, Карелл, Берк, Грас, наследник Лудар расположились за овальным столом в центре комнаты, Макс возлежал рядом со мной на кушетке, положив голову на подлокотник, чем привёл молодого хозяина города в состояние крайнего удивления, а Бу сидел у двери.

– Ну, что молчите... – я разглядывала мужчин. – Заседание можно считать закрытым?

Карелл усмехнулся и, вставая, слишком быстро отодвинул стул. От резкого, скрипучего звука Лудар дёрнулся и тоже вскочил:

– Мне нужно посоветоваться с матерью и управляющими...

Карелл кивнул:

– Конечно, Лудар. На твоём месте я бы тоже советовался...

Наследник глянул на меня и в его больших карих глазах

явно читался вопрос. Я слегка улыбнулась, ловя себя на мысли, что уже не испытываю особого дискомфорта от подобострастного отношения незнакомых людей, а принимаю как нечто само собой разумеющееся. А меж тем, слегка запинаясь, наследник спросил:

– А подтвердит ли публично Великая богиня своё решение?

Я кивнула:

– Да. Оно только что озвучено. А вы, Лудар, вправе принять собственное и поступить так, как посчитаете нужным. Мнение наследника дома Атрай теперь тоже известно и его желательно принять во внимание... – я замолчала, продолжая поглаживать твёрдые, но упругие чешуйки на голове Макса. Мой ангалин усмехнулся, но это было видно только мне, и нежно-сиреневое, искристое свечение начало заливать всю комнату. Я медленно перебирала чешуйки, а мой друг источал такое удивительное, волнообразное сияние, что на некоторое время я даже забыла, что нахожусь здесь не одна. Мой ангалин был прекрасен!

Когда за молодым хозяином Кифа, приятным, невысоким черноволосым парнем, закрылась дверь, Берк вскочил и звучно хлопнул в ладоши:

– Великолепно, Кари! Макс... – и каол отвесил поклон ангалину, – у меня нет слов! Его даже уговаривать не пришлось! Несколько фраз Кари, сияние ангалина и дело сделано! Посмотрите, он всё подпишет! Видели, с каким лицом

он уходил?!

Грас хмыкнул:

– И кто бы мог подумать?! Три города из пяти уже за нас! Элган, когда узнает, будет рвать и метать!

Приставив низкий табурет, Карелл присел у моих ног:

– И что же конкретно тебе отписали из Совета?

Я протянула ему плотный лист с большой тёмно-коричневой печатью:

– Сам почитай... А если в общем, то они считают себя не вправе указывать богам и поэтому я совершенно свободна в действиях и решениях. К тому же Совет очень заинтересован в скорейшем восстановлении власти Великого террхана и будет только рад, если я смогу этому поспособствовать.

Карелл быстро пробежал глазами письмо и обернулся к Берку:

– А на словах ничего не просили передать?

– Нет. Старейший только, когда вручал письма, сказал, что на всё воля Хранителя и мы все в его руках...

Я же, будто невзначай, прикрыла лицо ладонью, пытаюсь скрыть гримасу раздражения: «Конечно, а чья ещё! Это ваш хваленый Хранитель, скорее всего, кашу и заварил, а вы все просто винтики! Ну а я, так вообще, главный болт, благодаря которому и запустилась его адская машина планетарного масштаба! Но имеется маленькая надежда, что, когда я выполню всё, что он запланировал или предназначил для меня, он всё-таки выпустит меня отсюда...»

Уже довольно поздно вечером, когда Киф накрыла ночная тьма, озарённая сверкающим Октаэном – руинами Дома восьми богов, мы втроём: Дайк, Макс и я – лежали на широкой кровати в нашей комнате постоялого двора «Первый сон Кифа» и при помощи подсветки Макса ещё раз перечитывали полученную почту. Бумера я отправила на задний двор охранять нашу кибитку, так как местные запросто могли разобрать её на сувениры, а Дайк предусмотрительно расставил на широком подоконнике и столе маленькие плоские тарелочки с тлеющими ароматными травами, отпугивающими ночных кусачих мух и других мелких кровопийц.

Вальдеган писал, что столица закрыта почти для всех: и для въезда, и для выезда. Совет пошёл на такие крайние меры, как только стало окончательно ясно, что Элган не склонен к ведению переговоров. Также пятый пархонт сообщил, что Инзару удалось подавить восстание в Банкоре, бывший наместник убит, как и многие из его приближённых, а их жёны и дети содержатся под домашним арестом. Перрикол также находится в руках Инзара и второй сын покойного терра, вроде как, более ни на что и не претендует, так как отхватил самый лакомый кусок – Банкор, богатейший город Восточных территорий, и Перрикол, окрестности которого являются стратегическими запасами железной руды.

А вот об Элгане Вальдеган сообщил гораздо меньше. Гейза, похоже, ещё колеблется, а Элган всё-таки пытается добиться от города добровольного подчинения и оставить эти

земли за собой. Наследник дома Атрай просил Совет помочь вернуть город под его опеку, но совещательный орган отдал ситуацию с Раской на волю Хранителя и решил не вмешиваться. Я усмехнулась на этом месте и пихнула Дайка в бок:

– Какие же они хитрющие!

– Кто? – Нянь повернулся и, улыбаясь, притянул меня к груди.

– Как выражается Берк, «эти древние старцы». Чистенькими хотят остаться! По их письму выходит, что это я теперь должна всё разгребать. Коли уж я богиня, то мне и карты в руки! Видите ли, я свободна и в действиях, и в решениях! Потрясающе! Хлоан написал, примет любое моё решение о поддержке претендентов как своё и займёт мою сторону, и Совету об этом сказал, а они всё спихнули на меня! А ведь даже в глаза меня не видели! Я просто в шоке от того, как решаются дела государственной важности на Окатане! Вы подумайте, если Восток захлебнётся в крови, то они окажутся ни при чём, а боги будут во всём виноваты! Да-а-а... В моём лице они нашли идеального козла отпущения!

– Не козла, а коз-з-зу... – высказался Макс, ехидно скалясь.

Дайк томно улыбался, прижимаясь и поглаживая не только по спине, но уже и по филейной части, Макс стискивал хвостом ноги, вылизывая ухо и шею. Похоже, что моя гневно-возбуждённая речь увела их мысли совсем в другую сторону и на какой-то серьёзный разговор мои мальчики уже

не настроены. Я только собралась вырваться из крепких рук и цепкого хвоста, как раздался стук в дверь. Дайк скрипнул зубами, а Макс дёрнулся и резко обернулся.

– Кари! Дайк! Вы уже спите?! – громкий голос Берка выдавал его полную уверенность в обратном.

– Да! И ты спать иди! – Дайк свесился с кровати, поднял сапог и швырнул его в дверь. Меня пробило на такой смех, что ни о каком дальнейшем обсуждении писем и положения в целом не могло быть и речи. Берк продолжал барабанить и мы его всё-таки впустили.

Каол был пьян и явился не с пустыми руками. Когда Дайк открыл дверь, он стоял покачиваясь и прижимая к животу бочонок литров так на пять-семь:

– Я т...т...ак вас всех люб...лю... – заикаясь пролепетал он. – Но больше н...не могу пить один. Хочу, чтобы вы раз...раз...разделили со мной с...счастье свободы!

Не успели мы выпить и по одной кружке вполне вкусной ягодной наливки, как в комнату опять постучали. Кареллу тоже не спалось, и он пришёл попросить у Дайка каких-нибудь «сонных» настоек или отваров.

Глава 9

Я проснулась на рассвете от ощущения полностью затёкшего тела и когда продрала глаза, оказалось, что никто никуда так и не ушёл. Все дрыхли на кровати, благо размеры поз-

воляли. Осмотрев столь живописную картину, я хихикнула: «Да-а-а... Видел бы Совет, кому вверил судьбу Восточных территорий! – смех продолжал вырываться, и я зажала рот ладонями. – Каол, бывший главарь «золотой» банды, лекарь, сын ангалина Рекса и пришелица из другого мира, возведённая в ранг богини... спят вповалку храпящей кучей после ночных возлияний!»

Самое интересное, что Берку и Кареллу удалось даже Макса напоить, хотя ангалины никогда никакой алкогольной продукции не употребляли. Мой чешуйчатый сейчас храпел на углу кровати, животом кверху: хвост свисает на пол с одной стороны, а голова – с другой. Аккуратно приподняв руку Дайка, я перелезла через Карелла, потом через Берка, который спал только в штанах и в одном сапоге, нашла свою обувку и тихонько вылезла в открытое окно.

В голове шумело не только от наливки, но и от постоянного неусыпного внимания, которым я была окружена последнее время. Все от меня чего-то ожидали: мнений, решений, действий, выводов, внимания и так далее и тому подобное, и Дайк с Максом тоже не составляли исключения. С появлением Карелла, а потом и Берка мои парни очень напряглись, хотя старались этого не показывать, и во время этой спонтанной ночной попойки стало понятно, что такое значительное прибавление к нашей компании им совсем не по нраву.

Карелл и Берк, каждый по-своему, отвлекали моё внимание на себя и, как женщине, мне это было приятно, только

вот особой слабого пола я себя как-то уже и не чувствовала. От меня прежней мало что осталось. Я ведь даже старалась в зеркало не смотреться без необходимости. То ли шрам на лице стал тому причиной, то ли неотступные мысли о погибших от моей руки, сложно сказать. И как я себя ни успокаивала, что, мол, это нормально – защищаться, когда тебя пытаются убить, только не приносило это должного успокоения.

Вдохнув свежий утренний воздух, насыщенный благоуханием лета, я прошла через двор к нашим кибиткам. Бумер встретил радостным визгом и, положив лапы мне на плечи, лизнул в нос. Мой волк уже вымахал до размеров крупного дога или мастиффа, только в отличие от этих пород собак был гораздо более подвижным и приземистым, а скошенная задняя часть корпуса с мощными прыжковыми лапами, действительно, всё больше и больше напоминала тело гиены, а не собаки или обычного земного волка.

– Молодец, Бу! Умница! – я трепала любимца за ушами, отворачиваясь от клыкастой пасти. Ведь в порыве чувств он вполне мог и нос мне откусить. – Сейчас на речку сбегает, мой хороший, пока все дрыхнут и зевак кругом нет.

Я хотела найти лимм, так как купаться голышом всё-таки было страшновато, кто-нибудь обязательно да увидит, и пока искала его, шаря по сундукам и мешкам, наткнулась на свои тампоны из речных водорослей, которых осталось уже очень мало. «А ведь цикл, похоже, восстановился, – мельк-

нула мысль, – с начала зимы сбоев не было...» Я вертела в пальцах коротенькие цилиндрики, соображая, что надо попросить Дайка насобирать ещё, хотя я и сама уже знала, где и как они растут.

На фоне последних событий подобная мелочь выглядела тривиально и обыденно, однако пока я перебирала оставшиеся тампончики, внутри поднималось какое-то волнение: «Да быть такого не может... Все последние месяцы женские дела начинаются вовремя, проходят нормально, изредка слегка потягивает низ живота, в общем, всё так, словно диагноз земных докторов силы уже не имеет. Неужели внутри всё восстановилось? Но как?! – я глянула на Бу, который сидел рядом, попеременно засовывая нос то в один мешок, то в другой. – Так... Спокойно... Это Мозговой постарался или из-за браслета, который я ношу не снимая, а может, дело ещё в чём-то? Я же не имею возможности в буквальном смысле заглянуть внутрь своего организма и посмотреть, в каком виде там всё находится... Здесь нет УЗИ, микрокамер, рентгена, компьютерной томографии или других подобных штук, которые помогли бы заглянуть вглубь тела. А вдруг я и родить смогу?! – от этой мысли я даже вздрогнула. – Пусть снаружи на мне куча шрамов разного вида и размера, но внутри, похоже, произошли удивительные изменения, какая-то регенерация, возможно... А если он, сидя в лаборатории, не только своими делами занимался или гнал виртуальное пойло, но и меня восстанавливал?! Тан – бог

этого мира, один из его создателей, тогда получается, что и удивляться-то нечего, он и не на такое способен...»

Я настолько погрузилась в размышления, что, только когда Бумер несколько раз боднул головой, обратила на него внимание. На коленях лежал непромокаемый мешок с лиммом.

– А-а-а! Нашёл-таки!

Я разделась и натянула его на себя. Любимая одёжка быстро согрелась и уже через несколько минут я совсем не ощущала её на теле.

На речке было тихо. Лёгкий туман ещё ползал по прибрежным кустам, а с противоположного лесистого берега уже доносилось весёлое треньканье мелких птишек. Я быстро нашла удобный спуск и, подняв тучи брызг, нырнула. Бумер не оставил меня одну наслаждаться водными процедурами и тоже плюхнулся. В этом месте река была не слишком широкой, и мы несколько раз сплавали к другому берегу и обратно.

Когда удовольствие было получено, а прохладная вода избавила от остатков сна и наливки, я вылезла на песчаный бережок и застала «картину маслом». Макс лежал, распластавшись на широком бревне, опустив голову в воду, и пускал пузыри. Он спал! Как-то дополз до берега, рухнул и заснул. Я принялась расталкивать расслабленное двухметровое чешуйчатое тело:

– Макс! Макс! Ты захлебнёшься сейчас!

Он еле-еле приоткрыл глаза, и я обалдела: ангалин был ещё пьян! Мутный, разбегающийся взгляд болотного цвета, обвисший хвост и полная раскоординированность движений. Он даже ответить ничего не смог, а в ответ на мои вопли только что-то нечленораздельно проквакал. Схватив расслабленный хвост, я кое-как оттащила Макса от воды и помчалась к постоянному двору, правда, совсем забыла, что на мне кроме лимма и сапог ничего нет.

Заглянув в окно, я убедилась, что любители ягодной наливки всё ещё почивают на моей, между прочим, кровати. Бумер радостно носился вокруг, словно предугадывая мои мысли. «Ну сейчас я вам устрою шикарное пробуждение!» Под удивлённые и ошарашенные взгляды хозяина постоянного двора, чьё многочисленное семейство даже частично перекралось на чердак, чтобы сдать как можно больше комнат, а также удивлённые взгляды охраны, которую Карелл выставил на ночь, я вытащила из колодца два ведра воды, хотя неподалёку от конюшни стояла большая, наполненная до краёв бочка. Только там за ночь водичка уже отстоялась и была совсем не холодной, а даже тёплой и для моих коварных целей никак не подходила.

Когда я неслась с ведрами через просторный двор, то заметила, как у входящих в ворота Граса, Лакра, Олли, Клаура и ещё нескольких воинов отпали челюсти, но я лишь кивнула и продолжила движение. С каким же удовольствием я вылила на спящих мужиков ледяную воду!

– Рота, подъё-ё-ё-ё-ём!!! – громкий, закладывающий уши выкрик разнёсся далеко за пределы нашего временного пристанища. Мокрый с ног до головы Берк свалился на пол, а Дайк с Кареллом столкнулись лбами так, что шишки у обоих заметны были ещё с неделю.

– Значит, так, мальчики! – слишком громко я уже не кричала. – Там Макс на берегу валяется и ему очень плохо. Вы его накачали, а теперь откачивайте! И больше никаких наливок и почиваний на моей кровати! Я понятно выражаюсь?!

Если Дайк не раз и не два видел меня в любимом облегчающем костюмчике, то Карелл с Берком таращились во все глаза: первый – держась за лоб, другой – сидя на полу в одном сапоге. Мой гнев уже улетучился и я довольно хмыкнула:

– С добрым утром!

– Смилуйся, прекрасная богиня! – завопил Берк и обеими руками вцепился в мою ногу, умоляюще заглядывая в глаза. – Прости неразумных слуг своих!

Хохот в дверях и за окном раздался такой, что я получила истинное наслаждение. Ведь на мой вопль сбежались все, кто уже проснулся и находился в непосредственной близости от места действия.

Глава 10

К обеду подробности утреннего пробуждения третьего претендента на трон уже обсасывал весь город, а к вечеру и

окрестные посёлки. Макса к концу дня Дайк тоже привёл в нормальное состояние с помощью каких-то травяных отваров, которые вливал в него каждые несколько часов. Я сомневалась, что рецепты пригодные для людей сработают на ангалине, но ошиблась к своей радости. И когда день перевалил за добрую половину, наш Максик оказался в состоянии поплавать в реке и поймать несколько рыбин.

А вот Карелл, в отличие от всех остальных, похоже, мой мокрой шутки не оценил. Он не высказал своё мнение о столь необычном пробуждении при таком количестве свидетелей и под смехи и шутки молча вышел. Никакой нужды ходить в город не было, да и не хотелось, если честно. Поэтому мы предпочли пока оставаться на постоялом дворе, чтобы не добавлять горожанам новых тем для обсуждения. Нужно было обдумать, что и как мы будем делать дальше и каким образом выехать за золотом так, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Ближе к вечеру, когда Макс был уже практически в норме, а мы с Дайком разбирали новые слова языка древнейших, в комнату заглянул Берк. Макс зыркнул на каола и отвернулся, продемонстрировав таким образом своё «фи». Каол плюхнулся в кресло, и буквально через несколько минут выяснилось, что его познания в полузабытом языке гораздо более глубокие и правильные, чем у моего близкого друга, так как он почти сразу принялся вносить уточнения и пространные пояснения в наш урок.

Дайк сначала молчал, а потом не выдержал:

– Может, тогда возьмёшь это на себя? С тобой Кари разберётся гораздо быстрее, а у меня и другие дела имеются...

– С удовольствием! – Берк придвинул к столу кресло и схватил мой типа «учебник», ну ту самую, купленную у капитана книгу, на чистых страницах которой я записывала новые слова. – Для Кари я готов быть кем угодно: другом, братом, отцом, учителем и даже любовником...

Дайк сжал кулак и стилос в ладони громко треснул. А Макс спрыгнул с кровати и, протянув хвост через стол, помахал чешуйчатым пальцем у носа Берка:

– Я люблю Кари и Дайк тож-ж-же и мы не один день вместе, а ты кто такой?!

Берк и бровью не повёл, наоборот, откинулся к спинке и с вызовом глянул на моих парней:

– Да любите на здоровье! Только женюсь-то на ней я!

Первой мыслью было, что вот-вот случится драка, но ничего подобного. Берк сидел, нахально скалясь, а Дайк с Максом даже не шелохнулись, оба словно окаменели. Но тут уже я не выдержала:

– А меня спросить ты не подумал?

– А зачем?!

Сначала я решила, что вот сейчас впечатая эту наглую рожу прямо в стену, но через секунду вдруг начал разбирать какой-то идиотский смех:

– Как зачем?!

– На данный момент рядом с тобой только двое мужчин достойных тебя во всех смыслах – это я и Карелл. Простите парни, но ведь вы прекрасно понимаете, что не можете быть полноценными мужьями нашей дорогой девочке. Вот поэтому никто из вас и не набросился на меня с кулаками, верно?

Ответом послужила тишина. А потом Дайк резко поднялся и вышел, громко хлопнув дверью, ну а Макс пулей выскочил в открытое окно. Я обалдело таращилась на Берка, а он с невозмутимым видом перелистывал мой толстый фолиант.

– И давно ты это решил?

Он отмахнулся, словно от мелочи недостойной обсуждения:

– Давно, ещё на «Медузе»...

– А если я выберу Карелла? – Его наглость просто поражала, но в то же время где-то в самых глубинах души доставляла какое-то странное удовольствие.

– Ты не любишь его... Он тебе нравится, чем-то притягивает, возможно, но пока не более того. Вы сейчас на равных, но ему сложно это признать, хотя, как я успел заметить, он влюблён в тебя по уши...

– А ты влюблён? – вопрос вырвался внезапно, сам по себе и внутри что-то ёкнуло в ожидании ответа.

– Нет.

Я чуть не рухнула со стула:

– Тогда к чему весь этот разговор?! Ты зацепил за живое моих друзей, а сам при этом ничего не испытываешь ко мне!

Берк так пристально глянул, что я вздрогнула.

– Ты птица моего полёта, Кари. Таких, как ты, больше нет и, думаю, не будет... Только богиня достойна единственного свободного каола.

Речь отняло уже полностью. Я тупо рассматривала сидящего напротив весьма приятного мужчину, ведь Берк был уже совсем не «скорбным». Он отмылся и отъелся за то время, что мы не виделись. Кожа покрылась красивым загаром, дорогая одежда, прекрасные манеры, в общем, настоящий «штирлиц». Он даже внешне мне чем-то напоминал известного актёра, великолепно сыгравшего легендарного разведчика. Ну а про его ум, эрудицию, а главное – потрясающую наглость просто молчу. Только был ли он настоящим? Ведь он каол, а эти воспитанники Совета способны вжиться в любой образ, насколько мне было уже известно. Какой Берк настоящий?! Хотя... он и сам может не знать об этом...

– Давай оставим эту тему, – проговорила я, вставая. – Тем более что выходить замуж я пока не собираюсь...

Глава 11. Латрас

– Ах вы мои маленькие! Ах, красавчики мои! – фаэдр Балмаар сидел на чердаке, излучая радость всем крупным телом.

В гнезде из соломы, пуха и мягких тряпок копошилось четыре малюсеньких голых детёныша с куцыми крылышками. Самка летуна Джульетта ночью принесла потомство, и сча-

стью городского главы не было предела. Он давно хотел заняться разведением этих удивительных зверюшек, и теперь его мечта, благодаря эрдане Кари, наконец, осуществилась. Летуны чувствовали себя хорошо, а уход и регулярное кормление сделали своё дело – крылатое семейство произвело потомство.

По этим крохам, меньше мизинца, ещё нельзя было понять, кто мальчик, а кто девочка, но в принципе это было не важно, ведь летуны могли использоваться в качестве скоростных почтальонов только в паре. Самец прилетит туда, где сидит его самка, как бы далеко она ни находилась, и главное – очень быстро. Балмаару были известны случаи, когда летуна выпускали утром, а к обеду того же дня он уже сидел возле своей самки на противоположном конце Восточных территорий. Такая скорость перемещения до сих пор оставалась тайной даже для тех, кто занимался разведением неразлучников долгие годы.

Маленький зверёк, раскинув большие перепончатые крылья, мог часами кружить над местом, где его выпускали, то набирая высоту, то снижаясь, но как только он стрелой взмывал в небо – это служило сигналом, что он почувствовал свою самку и направляется к ней. Поговаривали, что летун преодолевает такие огромные расстояния совсем не так, как обычные птицы. Он словно исчезает, растворяется в небе, оставляя едва заметную вспышку, и появляется уже только в непосредственной близости от своей возлюбленной, но это

были лишь догадки и предположения, толком никто ничего не знал.

Эта загадочная связь между самцом и самкой являлась неисчерпаемой темой для песен, легенд и сказок, особенно у романтически настроенной молодёжи. Единственным удручающим моментом в жизни симпатичных и настолько преданных друг другу зверюшек было то, что случалось не так уж и редко – самцы в пути пропадали. Признаком его гибели служило поведение самочки. Она начинала быстро чахнуть: отказывалась от еды и воды и лишь наличие детёнышей, нуждающихся в молоке, могло отсрочить момент её гибели. Но как только малыши достаточно подрастали, чтобы обходиться без молока, самка умирала. И всё-таки, несмотря на такую трагичность их жизни, летуны являлись самым быстрым способом доставки срочных сообщений на Окатане.

И вот сейчас фаэдр Балмаар сидел на корточках рядом с гнездом и не мог нарадоваться на пищащее пополнение. Внизу на лестнице послышались шаги, и Альба откинула крышку люка:

– Там Гай пришёл... – она немного запнулась и слегка покраснела, – с сыном...

Пока Гай Голос и городской глава решали какие-то насущные хозяйственные вопросы, молодёжь, сидя в просторной, светлой гостиной, перекусывала свежими фруктами и сладкими шариками с густой молочной начинкой. Уже на выходе

Гай заметил, как дочь Балмаара, словно невзначай, провела кончиками пальцев по бедру его старшего сына.

Когда отец и сын отошли на достаточное расстояние от центральной улицы, Гай схватил Скайолана за руку и заволок за угол дощатого сарая.

– У тебя уже было что-то с Альбой?!

Скай выдернул руку и, вздыхая, закатил глаза:

– Ну было... И что?!

– Ты же обещал нам с матерью, что до совершеннолетия никаких походов не будет!

– Альба свободная девушка и может иметь отношения с кем хочет.

– Так вот почему она не уехала! Из-за тебя! Я ведь знаю, что Балмаар хотел отправить её в столицу к старшему брату!

– И с чего ты так взъелся, отец? – Скай попытался сгладить ситуацию, говоря спокойно и примирительно. – Она не уехала, потому что столицу закрыли, да и опасно сейчас, вот они и передумали. Альба хочет жить в большом городе: в столице или в Банкоре, выйти замуж за пархонта или богатого купца, а со мной просто развлекается. Почему я должен ей отказывать?!

Гай не нашёл быстрого ответа, тем более он прекрасно помнил, что, когда сам был в возрасте старшего сына, никогда не отказывался от возможности «спеть ночную песню» приглянувшимся девушкам, правда, пока не встретил свою будущую жену. После ночи с юной, прекрасной Хейей дру-

гие женщины перестали для него существовать. Поразмышляв немного, Гай Голос лишь в сердцах погрозил сыну:

– Смотри у меня! Чтобы не было никаких неприятностей!

Скайолан отмахнулся:

– Да ладно... Ты бы лучше не за мной, а за нашей Айрой смотрел, рановато ей ещё по свиданьям бегать...

– Что?!

– А разве мать тебе ничего не говорила?

Заметив у таверны Эльма нескольких знакомых горожан, с интересом наблюдающих за ними, Гай прихватил сына, и они направились в сторону дома. Устроить допрос любимой дочери сразу по приходу не удалось. Хейа послала её на пристань за свежей рыбой, однако за это время Гай успел расспросить супругу о каких-то непонятных задержках Айры, то на рынке, то на пристани, то в лесу.

Последнее время Айра увлеклась прогулками по берегу и сбором ягод и натаскала уже довольно много. У Хейи зародились смутные подозрения, так как в поведении дочери появились какие-то новые повадки, и она попросила Ская немного последить за сестрой. Но у него имелись гораздо более интересные дела, помимо основной работы и частых репетиций, что устраивал отец. Поэтому юноша отнёсся к поручению спустя рукава, но заметил, что иногда Айра возвращается довольно взволнованной и радостной, да и работу по дому делает настолько быстро, насколько это возможно, чтобы Хейа к ней не придиралась.

Гай сидел на лавке с задней стороны дома, когда Айра вернулась. Глянув на мать, девочка поняла, что сейчас, похоже, что-то будет, так как Хейа хмуро кивнула ей, всучила Натри старшему брату и, скинув свежую рыбу в длинное деревянное корыто, поманила её за собой. Увидев сидящего в напряжённой позе отца, у девочки упало сердце: «Ну всё... Кто-то нас видел... А может и Скай выследил...» Хейа, кряхтя и придерживая живот, присела рядом с мужем и тревожно глянула на дочь:

– Айра... Ты с кем-то встречаешься?

Девочка молчала, разглядывая носки новых кожаных туфель. Родители ожидали ответа, а Айра собиралась с мыслями и с духом, так как сказать правду было очень трудно, ведь она совсем не представляла, как на её признание отреагируют. Видя напряжение дочери, Хейа продолжила уже спокойным и ласковым тоном:

– Дорогая, ведь ты знаешь, как сильно мы тебя любим...

Айра всхлипнула.

– В том, что тебе понравился кто-то из местных юношей, нет ничего плохого...

Гай привстал со скамьи, сгрёб дочь в охапку, усадил на колени и нежно произнёс:

– Просто пока рано дочка, ты ещё слишком юная... Вот годика через два уже можно начинать присматривать жениха...

Спрятав лицо на широкой груди отца, Айра в страхе жда-

ла дальнейших вопросов.

– Может, поделишься с нами, кто твой друг... – Хейа погладила дочь по голове. – Если бы мы знали, с кем ты проводишь время, то не переживали бы так сильно. Коли уж так хочется с ним видаться, то встречайся, но не переступая границ... Ты понимаешь, о чём я говорю?

– Ничего я не переступаю... – пробурчала Айра, шмыгнув носом. – Мы поём и разговариваем...

– Поёте?! – оторвав дочь от себя, Гай удивлённо уставился. – Что ж за певец такой в Латрасе объявился?! Мы ведь с тобой всех желающих прослушали, и помнишь, что ты сама мне сказала?

– Помню...

– И что же?

– Что даже сносно здесь петь никто не умеет... – Рыдания начинали душить, и девочка попыталась вырваться из отцовских рук, но не тут-то было.

– Кто это, Айра? Как его зовут?

– Лукас... – прошептала она и громко всхлипнула.

– Кто?!

– Лукас... ангалин... тот, что с тёмной полосой...

– Ангалин?! – оба родители вскрикнули одновременно. Хейа схватилась за живот, а Гай от удивления вскочил, резко поставив дочь на землю.

– Ангалин?! – он переспросил, взмахнув руками. – И он разговаривает с тобой, да ещё и поёт?!

Айра кивнула, опустив глаза:

– Многие из них поют... Не совсем так, как мы, но у них такие удивительные голоса, что...

Почти всю ночь Гай не спал. Признание дочери поразило его до глубины души. То, что с ангалинами можно нормально рядом сосуществовать, уже никого в Латрасе не удивляло. Такое соседство оказалось мирным и не доставляло местным никаких неприятностей, тем более что с такой охраной горожане чувствовали себя достаточно спокойно, ящеры доказали на деле свою полезность в качестве наёмников. Но то, что они ещё и поют, для всего музыкального семейства стало большим открытием.

После того как ангалины нашли Натри в пещерах, многие местные, и Гай в первую очередь, прониклись к ним уважением, однако до сих пор они всё-таки ни с кем нормально не разговаривали, предпочитая язык жестов. А тут выясняется, что его дочь уже несколько месяцев как наладила с одним из них контакт, и притом такой, что они общаются, да ещё и поют!

«Надо обязательно их послушать! Только как?! – Гай ворочался с боку на бок, лёжа ближе к краю, чтобы спящей Хейе было достаточно места. – А если попросить Айру поговорить с ним на эту тему? Я ведь не успокоюсь, пока не услышу ангалинское пение! Вот это чудеса! Он выбрал мою дочь для общения... Но почему?! Лукас... Вот как зовут этого красавца! А ведь я столько раз объяснялся с ним на паль-

цах! Какие они всё-таки удивительные... Да, они другие, совсем не такие, как мы, но такие сильные, гибкие, быстрые, сияющие! А теперь и поющие! Потрясающе! Как мы всё-таки мало о них знаем... Надо Балмаару завтра рассказать, вот он удивится!»

Глава 12

Обходя постоянный двор в поисках друзей, я несколько раз сталкивалась и с Олли, и с Лакром, и с Грасом, и с хозяевами нашего временного пристанища, но своих самых близких мальчиков не обнаружила, пока не сообразила пустить Бумера по следу, всё-таки туплю иногда, хоть и богиня.

Бумер привёл прямо в заросли ивообразных кустарников на берегу речки. Вот там, за свисающими до земли тонкими, густыми ветками и отсиживался мой Нянь.

– А где Макс?

Дайк кивнул на спокойную заводь:

– Решил поискать речных змей...

– Змей? Но зачем?!

– Тебе на новые сапоги... Говорят, их кожа не хуже крокодильей...

Я хмыкнула:

– Вот ещё! Хотя те, что пришлось на галере бросить, были великолепны...

– Я не верю ему... – Дайк заглянул мне в глаза. – Как мож-

но верить каолу?!

Я пожала плечами, рассматривая спокойную заводь:

– Хочу Берку про жилу рассказать, вдруг что-то дельное посоветует...

Дайк протестующе взмахнул руками:

– А если он в Совет донесёт?! Или сам захочет золото получить?! Нет, Кари! Я бы, вообще, держался от него подальше! Откуда мы можем знать, что у него на уме? И кстати, совершенно непонятно, зачем он признался, что каол... Оставался бы в образе Скорбного Берка, и мы бы никогда не догадались. А он рассказал! Зачем?! И ведь про меня всё выяснил...

– Для него подобное не проблема, выведывать – его сущность...

Дайк опустил глаза и даже немного отодвинулся, криво усмехаясь:

– Не думал, что так заденут его слова... Жениться он, видите ли, собрался... А что ты ему ответила?

– Что замуж пока не собираюсь...

В эту минуту запруда заволновалась и вынырнула тёмно-серая чешуйчатая голова:

– С-с-сидите?

– Сидим, тебя ждём... – разглядывая Макса, я пыталась понять, в каком он настроении. Похоже, что затея со змеями оказалась неудачной, так как, кроме нагрудных доспехов и мечей за спиной, у него больше ничего не было. Плюхнув-

шись рядом, он глубоко вздохнул, вздрогнув всем телом:

– Нету тут крупных з-з-змей... Наверно, речуш-ш-шка для них мелковата...

Мы немного помолчали, а потом Макс спросил:

– Когда поедет? Надоело тут с-с-сидеть...

Я покачала головой:

– Не знаю... Скрытно двигаться уже не получится. Я хочу посоветоваться с Берком. Он гениальный притворщик, вдруг подскажет, как замаскироваться так, чтобы особо не бросаться никому в глаза, хотя бы пока до Дикой тропы не доберёмся...

– Что-о?! – Макс дёрнулся и зелёные очи гневно сверкнули. – Ты хочеш-ш-шь ему про ж-ж-жилу рассказать?!

– Ну вот ощущение у меня такое почему-то, что это нужно сделать, – я старалась говорить как можно спокойнее.

– Не вз-з-здумай! – Макс даже подпрыгнул. – Ты обеща-щ-щала з-з-золото нам! А ес-с-сли в Совете уз-з-знают?!

– Я согласен с Максом, Кари... – Дайк нахмурился, – Берку нельзя доверять...

Сделав глубокий вдох и досчитав до десяти, я продолжила:

– А вы не думали о том, что в Совете могут знать о её существовании? Если они просто держат её про запас, тем более что жила находится на территории горных волков, а так далеко в их владения никто не суётся?

Мои парни несколько минут переглядывались, а потом

Макс выдал:

– Он понравилс-с-ся тебе, да?! И ты хочеш-ш-шь, чтобы Берк поехал с нами?! Так давайте тогда и Карелла воз-з-зь-мём! И ос-с-стальных! Пусть уж вс-с-се про твоё з-з-золото уз-з-знают!

Я только открыла рот, чтобы хоть что-то возразить, но Макс, взметнув тучи брызг, прыгнул в реку и исчез под водой. Утирая влагу с лица, я глянула на Дайка. Он сидел такой же мокрый, как и я, но выражение его лица не изменилось. Страхнув прозрачные капли, он поднялся и тихо произнёс:

– А ведь Макс прав. Ты просто не хочешь с ним расставаться...

Глава 13. Киф

Карелл вышел из здания и вскочил на коня: «Гладко всё складывается. Завтра Лудар объявит о своём решении. Кари приносит удачу!» Он не успел далеко отъехать от городской управы, как позади послышался стук копыт и знакомые голоса. Карелл обернулся. Его догоняли Грас, Клаур и Лакр.

– Ну что?! – Грас осадил жеребца и тот, останавливаясь, выбил подкованным копытом сноп искр из булыжной мостовой, единственной, кстати, хорошо вымощенной улицы в городе.

– Порядок! – Карелл широко улыбнулся.

Проверив караулы, два друга и соратника стояли на смот-

ровой башне и глядели в сторону восточной окраины. Вид с крепостной стены, которая защищала город только с запада и юга, так как была не достроена, открывался живописный. Им хорошо был виден постоянный двор «Первый сон Кифа», ряды телег и кибиток, длинная конюшня, сараи и противоположный лесистый берег Ветрянки.

Повертев головой по сторонам, на отсутствие лишних ушей, Грас тронул друга за плечо:

– Наши предположения подтвердились, они за золотом едут...

Карелл довольно хмыкнул:

– И где оно?

Грас покачал головой:

– Я стоял далековато и с подветренной стороны, чтобы волк с ангалином не унюхали, поэтому слышал не так уж и много... Но ангалин вопил достаточно громко. Похоже, наша отари обещала золотишко чешуйчатым скупердяям...

– Обещала?! – Карелл резко наклонился и упёрся ладонями в каменную кладку. Внизу на широком лугу с большим загонем пастухи объезжали молодых единорогов. «Обещала... Золото... Ангалинам... Да как ей такое в голову взбрело?! Хотя... кто может знать, что у богинь на уме?» – покашливание Граса оторвало Атамана от мыслей.

– Я хотел попросить тебя... – здоровяк смущённо стоял рядом, явно не зная, куда девать огромные кулачищи.

– О чём?

– Не проси меня больше подслушивать... – он осёкся, – подслушивать Кари... Почему ты сам с ней до сих пор не поговорил, не расспросил, ведь она может уехать из Кифа в любой момент?!

Сначала Карелл отрешённо смотрел, как на лугу пастух гоняет сразу двух молодых жеребчиков на длинном поводке, приучая их подстраиваться под бег друг друга, а потом резко обернулся:

– Не знаю! Я пытался, но боюсь её... Вернее, не её, а того, что могу чем-то оттолкнуть, сказать или сделать что-то не так. Я и так виноват перед ней... Ну не смог я, не смог тогда сдержаться... ну ты понимаешь, Грас! Она первая! Первая женщина, которая после Олии вызвала такие чувства! Хорошо, хоть ума хватило не тронуть без её согласия, ведь она не сопротивлялась, она ничем не показала мне, что против! Как увидел её тогда умирающую, всю в крови и запах этот странный, которого теперь почему-то почти нет... – он отмахнулся и отвёл глаза, а потом порывисто схватил Граса за руки: – А если это всё-таки не наша отари?! Ну не может человек потерять свой запах! Так не бывает!

Грас вздохнул и похлопал друга по плечу:

– Но ведь все шрамы на месте, сам же видел, как Дайк её штопал, и ты их прекрасно помнишь. Правда, новых прибавилось, да и изменилась наша девочка немного... наша богиня... Это она, Карелл. Она. И ты сам это прекрасно понимаешь! Знаешь, что я думаю... – здоровяк взгромоздился на

камни, свесив ноги в тяжёлых сапогах, и взгляделся в лицо старого друга. – Возможно, боги отправили её к нам в образе обычной женщины, а вот потом, когда прошло время, она вспомнила или осознала, кто она такая на самом деле или они, ну соплеменники её, вернули ей память и прежнюю силу. А вдруг жизнь здесь, с нами, для неё какое-то испытание, которое она обязательно должна пройти?! И когда она исполнит своё предназначение, то боги вернут её домой...

Карелл долго всматривался в друга, переваривая удивительные выводы, к которым тот пришёл, тем более что они во многом совпадали с его собственными мыслями, а потом тихо ответил:

– Вот этого я и боюсь...

Глава 14

Как я ни мучилась жуткими сомнениями по поводу Берка, только мальчиков своих всё-таки не послушала. Желание поговорить с каолом сидело в мозгу словно заноза, и я никак не могла избавиться от мысли, что должна это сделать, вот должна, и всё тут! А «чуйка» меня ещё ни разу не подводила.

Чтобы избежать подслушиваний, я откинула полотнища кибитки с двух сторон для обзора, а Бумера оставила снаружи, ведь подпустить близко он мог только Берка, который сейчас сидел рядом на сундуке с очень заинтересованным видом.

– В чём дело, Кари? – он был серьёзен и абсолютно трезв.

Я сидела на раскладушке и собиралась с мыслями:

– Мне нужен твой совет, а возможно и помощь...

Он улыбнулся и хрустнул суставами пальцев:

– Да я давно это понял, только ты так тянешь, что мы и до утра не доберёмся до сути.

Я глянула в упор:

– Я могу доверять тебе полностью, как себе?

– Нет.

Быстрый, чёткий ответ обескуражил, и я окончательно растерялась. Он придвинулся и продолжил:

– А что ты хотела услышать? Поверь моему опыту, Кари эн Матвэй, даже себе нельзя полностью доверять, не говоря уже о ком-либо другом. Ведь вы едете за золотом?

Я закрыла лицо ладонями с мыслью о том, какая же я дура! Только Берк схватил мои запястья, отклоняя преграду, и заглянул в глаза:

– Разве ты не помнишь наш последний разговор в Гейзе?

Я продолжала тарашиться, понимая, что он опять меня «сделал».

– Я сказал тогда, что ангалинов у нас интересуют только две вещи настолько, что они готовы рисковать...

– Да... Храмы и золото...

– А в Храме у Закатного пика, насколько мне известно, вы были, «слёзы» взяли...

– И про это знаешь?!

Он захохотал:

– А зачем ещё вы туда тащились?!

Меня осенила догадка:

– А что в Совете сказали по этому поводу? Ведь «слёзы богов» – это путь к превращениям!

– В Совете точно не знали. Там догадывались. А вот золото... Это моё предположение и оно подтвердилось.

В состоянии тихой паники я схватилась за голову, ведь теперь что-то скрывать от Берка было бессмысленно:

– Берк, я нашла золотую жилу и хочу, чтобы хотя бы часть её досталась ангалинам.

– Где?

– Южнее Дикой тропы, на территории горных волков.

Он поднялся, сделал несколько шагов по кибитке туда-обратно и уселся на место:

– Что ж... Я тоже не буду скрывать то, что знаю...

– ?!

– Слухи о сравнительно небольших запасах золота на Восточных территориях сильно преувеличены. Совет уже многие века придерживается принципа, что пусть лучше и на Севере, и на Западе, а главное – ангалины во главе с Рексом считают, будто здесь золота мало.

– Почему?

– Думаю, они и сами уже толком не помнят. Просто так повелось с давних времён. Но в любом случае, когда о твоих богатствах не знают, это залог хотя бы относительной без-

опасности...

– А как же Север? А Золотой город?

– Ну-у-у... – Берк заулыбался. – Там иная ситуация, сама видела... Холодно, плодородных земель меньше, многое приходится закупать и у нас, и на Западе, только до наших земель гораздо ближе, чем до крупных западных городов, а это всегда очень сильно раздражало тамошних терров.

– Это как раз и понятно. Большая часть северных запасов драгоценного металла оседает именно здесь, на Востоке...

– Умница!

Мы говорили ещё долго. Я узнала, что помимо золотого рудника, принадлежащего правящему дому, в запасе у Совета есть ещё два: один в Закатных горах, а другой между Гейзой и мысом Веры, и их наличие является самой тщательно скрываемой тайной. Ведь никто: ни терры, ни пархонты, ни их приближённые – веками не имели никакого понятия о столь богатых залежах. И получалось, что если Элган продаст северное побережье, то с одним тайным рудником можно будет попрощаться. А вот о моей жиле никто понятия не имел, и получалось, что золота на Востоке ещё больше, чем думает Совет.

– Это твоя жила, Кари... – проговорил Берк, сжимая мои ладони. – Ты нашла её, значит, она твоя – законы древнейших на твоей стороне. Они гласят: кто первый нашёл, открыл что-то или создал – тот и хозяин. Дом Растан именно так и пришёл к власти в стародавние времена – они отыскивали свою

жилу...

На этом столь познавательная беседа прервалась. Я заметила Дайка и Макса у выхода на задний двор, а также Карелла, широким шагом направляющегося к кибитке, где мы уединились с Берком. Я выскочила и схватила Бу за ошейник. Атаман заглянул внутрь, узрел каола, сидящего на ящике с невозмутимым видом, и обратился ко мне:

– Нам надо поговорить. Не возражаешь?

В ответ я лишь коротко кивнула и разговор, который начался как некое совещание, чуть не закончился дракой. Карелл узнал про моё золото. А по хмурому виду и опущенным глазам Граса я поняла, что Гоблин опять использовал свой тонкий слух, подслушав нашу перепалку с Дайком и Максом на берегу. И моё злобно брошенное в сердцах «предатель» произвело гораздо больший эффект, чем если бы я его ударила. Грас словно сжался, напомнив того себя, которого я видела в Банкорской тюрьме, когда пришла к нему на свидание. В его крупном теле проявилась какая-то обречённость, что ли, которая словно в разы уменьшила этого двухметрового мужчину.

Прижимая окровавленную тряпку к плечу Дайка, я украдкой вытирала слёзы.

– Это просто царапина, – прошептал он, отрывая от простыни ещё кусок. – Даже зашивать не нужно...

Макс метался по комнате из угла в угол, сверкая глазами и задевая хвостом мебель, и злобно шипел:

– Это наш-ш-ше 3-3-золото! Кари его нам обещ-щ-щала!
И мне плевать, кто ты такой!!!

– Жила на землях Великого террхана! Значит, должна принадлежать правящему дому!!! – Карелл рывкнул так громко, что я дёрнулась, а злость, которую я сдерживала внутри всеми силами, словно взяла в руки молоток и начала лупить в огромный гонг, заполняя мозг оглушительным звоном.

– Ты ещё не терр, Карелл!!! – я резко обернулась. – А кто нашёл жилу, тот и хозяин! Верно, Берк?! – Каол важно кивнул. – Забыл письмо Совета?! Я ведь как признала тебя, так могу и передумать. И чтобы склонить чашу весов на свою сторону, тебе придётся убить тех наследников, что откажутся тебя поддержать, в том числе и меня! Готов к такому развитию событий?!

Все замерли, даже Макс неподвижно застыл у двери. Я подняла с пола кинжал, который несколько минут назад ангалин чуть не метнул в Атамана, а вместо этого задел Дайка, когда он попытался воспрепятствовать нарастающей ссоре. Перевернувшись в воздухе, отлично сбалансированное холодное оружие упало на мою ладонь рукоятью вперёд. Я слегка сжала пальцы. Острые стороны узкого лезвия коснулись кожи. Сдавлю сильнее – порежусь, только почему-то очень хотелось это сделать.

– Можешь начать с меня... – я протянула ему клинок.

Первый раз я видела Карелла настолько бледным. Ещё

несколько минут назад его глаза метали молнии, шрам на щеке уродливо дёргался и загорелая кожа багровела от напряжения, а теперь вся кровь словно отхлынула от его головы. Глянув исподлобья, он тихо и уже спокойно произнёс:

– Давайте сядем и всё мирно обсудим. Приношу свои извинения, не сдержался...

– Я не хочу с тобой раз-з-зговаривать! Берк, отдай ключ! – Макс подпрыгнул к каолу, сидящему в кресле, но тот лишь покачал головой: – Силой попробуешь взять?!

Макс скрипнул зубами и плюхнулся на хвост. Дело в том, что, когда мы собрались на это совещание, ставшее столь бурным, каол закрыл ставни снаружи и запер дверь изнутри, спрятав ключ в карман, как чувствовал, что кто-то захочет слишком быстро его покинуть.

Карелл сел за стол, положив ладони на покрытую светлым сукном поверхность:

– Я хочу нанять ангалинов в свою армию. И чем больше, тем лучше...

Макс обернулся, удивлённо вытаращился, но ответил:

– Ж-ж-жила! Вс-с-ся! И у тебя будет с-с-столько ангалинов, с-с-сколько пожелаеш-ш-шь...

Меня тоже что-то торкнуло в тот момент и я добавила:

– И беспрепятственный доступ в Храмы.

Макс благодарственно стиснул меня хвостом:

– Ес-с-сли станеш-ш-шь террор, конечно...

Карелл хмыкнул и сложил руки на груди:

– А ты уполномочен принимать такие решения или ставить подобные условия?

– Можеш-ш-шь не с-с-сомневаться. Ты говориш-ш-шь с с-с-сыном Рекса и соглашение, з-з-заключённое со мной, – это договор с Великим Ангалином.

Повисла долгая пауза. Карелл и Макс не отрываясь смотрели друг на друга, а я подумала, что переглядеть Макса даже нам с Дайком никогда не удавалось. Потом Атаман встал и протянул ему руку:

– Я согласен! Слово Кареллана эн Растана! – а после усмехнулся и добавил: – Только я поеду с вами!

Глава 15. Латрас

Гай Голос нетерпеливо бродил у Тухлого дома. Айра вошла внутрь и пропала. Гай уже решил, что если сделает четыре круга по двору и она не появится, то войдёт без разрешения. Как только мужчина развернулся, чтобы пошагать в сторону конюшни, входная дверь скрипнула и девочка сбежала по ступенькам.

– Они согласились спеть для тебя, подожди ещё немножко!

Гай крепко обнял дочь:

– А почему так долго?

Айра отмахнулась:

– Они сначала спорили, а потом решали, что такого спеть,

чтобы тебе понравилось.

– Серьёзно?! – и Гай звучно расхохотался.

– Ангалины тебя очень уважают...

– Правда?!

– Да, папа. Только ты так не волнуйся!

К этому времени в Латрасе обитало уже около двадцати ангалинов. Городской глава очень переживал за безопасность, особенно после памятного нападения, и дал понять рептилоидам, что было бы неплохо, если бы их количество увеличилось. Единственное, за что переживал фаэдр Балмаар, так это за оплату. Письмо от эрданы Кари капитан Ают передал уже давно, и в нём говорилось, что он может действовать полностью по своему усмотрению, лишь бы только это шло на благо города и его жителей. Но как оказалось, ангалины тоже получили весточку от своего зеленоглазого собрата, и как фаэдр Балмаар понял, задавая вопросы, пополнение может прибыть авансом, так сказать.

Поэтому Гай Голос оказался вовсе не удивлён, когда вскоре во дворе Тухлого дома расположилось целых восемь ангалинов, отдыхающих от основной вахты. Гай уселся на ступеньки, Айра пристроилась рядом, а Лукас – этот желтоглазый, гибкий красавец с тёмной полосой вдоль всего тела, кивнул своим братьям и подмигнул Гаю.

Сначала тихий, но очень чистый звук низкого тона заполнил окружающее пространство, отдаваясь в теле лёгкой, приятной вибрацией. Потом он начал усиливаться и повышать-

ся, поражая чистотой и пронзительностью, а когда добавился чёткий ритм, словно бой гулких, далёких барабанов и звонкие короткие переливы голосов рептилоидов, то эта странная песня без слов поразила Гая до глубины души.

Звуки, издаваемые ящерами, были удивительны. Они заменяли собой практически все известные Гаю музыкальные инструменты. И в то же время были до боли знакомы, ведь знаменитый певец и сам владел подобным диапазоном. И он не выдержал. За доли секунды уловив ритм, тембр и общую тему, Гай запел вместе с ангалинами. И только когда замолк, так как ему уже никак не хватало дыхания, увидел, как они улыбаются, качая ясноглазыми головами.

– Это... это... потрясающе... – Гай еле переводил дух.

Лукас обернулся и прошипел:

– Мы прос-с-сто гораздо дольш-ш-ше мож-ж-жем не дыш-ш-шать под водой, поэтому и с-с-способны так рас-с-стягивать з-з-звуки...

Гай радостно закивал, понимая, что теперь не только его дочь, но и он сам наконец-то удостоился нормального разговора.

– Спасибо! – Гай Голос поклонился. – Никто из людей не слышал ваших песен, и я безмерно счастлив, что вы оказали нам с Айрой такую честь. И у меня сразу есть предложение, может обсудим?!

Ангалины несколько раз переглянулись, и Лукас ответил, ехидно улыбаясь:

– Попробуем...

Глава 16

На подготовку к отъезду из Кифа ушло почти две недели. За это время я успела познакомиться с семьёй наследника, так как они постоянно приглашали нас то на обед, то на ужин. Вместе с Лударом и Кареллом выступить перед горожанами, жителями окрестных посёлков и заезжими караванщиками и подтвердить, что наследница дома Матвэй предпочитает видеть Кареллана эн Растана, а не Элгана или Инзара будущим террором. И население в целом нас поддержало, тем более что я зачитала части писем Совета и наследника Раски, где Хлоан выражал своё мнение о поддержке кого-либо из претендентов. Мои громкий голос был слышен всем, и слушали меня так же внимательно, как и когда-то в Латрасе.

Берк с Кареллом придумали план дальнейших действий и поначалу даже мне ничего толком не говорили, потому что наш каол, видите ли, так решил и все его послушались. Я наблюдала за Берком и просто поражалась. Сперва он настроил против себя моих друзей, а после памятного дележа моего золота умудрился к каждому подобрать нужный ключик.

Через несколько дней Дайк уже смотрел ему в рот, так как каол начал посвящать его в секреты своих преобразений и открывать тайные знания самых древних лекарей. С Кареллом он поделился информацией о тайных рудниках Совета, о

том, как старейшие под разными предлогами оттягивали его казнь, потому как всё-таки поверили в рассказ о пустынных и многое другое касательно жизни при дворе. Ну а Макс Берк просто предложил спуститься по реке вниз этье на сорок-пятьдесят, если уж он так хочет найти речных змей и порадовать меня новыми сапогами до нашего отъезда. Лизнув в щёку на прощанье, ангалин умчался за шкурами, а заодно и на разведку, которую попросил провести Карелл, так как мой ангалинчик уже никак не мог усидеть на месте.

Как-то ранним утром, когда Макса уже дня три как не было, я притопала на конюшню. Часть наших трофейных единорогов я подарила Лудару, а остальных раскупили караванщики и горожане. А вот «мышастого» всё-таки оставила себе. Пока все дружно меня игнорировали, ссылаясь на занятость, а также на то, что всё сделают сами, мол, «на то мы и мужчины», как высказался Атаман, а вот прекрасная богиня должна отдыхать, пока есть такая возможность, ведь впереди снова дальняя дорога, я решила наладить с молодым жеребчиком более доверительные отношения, тем более что Тучке он, похоже, понравился.

Когда я вошла в приятно пахнущий сеном, свежей травой, кожаной упряжью и сладким лошадиным потом добротный, длинный сарай, то сразу заметила, как моя кобыла, перевесив голову в соседнее стойло, нежно покусывает статного серого красавца за бок.

– Вижу, приглянулся он тебе, дорогая... – войдя к кобы-

ле, я похлопала её по шее. – Значит, Рыжий тебе не нравится чисто по-женски... Вот только имя нашему новому другу никак не могу придумать...

А с кличкой, действительно, возникла проблема. Называть его Дымком, Ветром, Громом или другим подобным лошадиным именем не хотелось. Ну не подходили ему такие дурацкие клички! И все варианты, что парни предлагали, мне также упорно не нравились. Хотелось назвать его как-то необычно, но в тоже время звучно и красиво.

Когда я закончила чистить кобылу, настала очередь «мышастого». Я натаскала ему воды, подсыпала ваго и принялась прочёсывать жёсткой щёткой густой, длиннющий хвост. В этот момент пришёл Дайк и начал снимать со стены седло и остальную сбрую, потому как собирался в город, а Бумер, до этого спокойно лежащий у открытых ворот, вдруг грозно рыкнул на пробегающих неподалёку хозяйских мальчишек. Жеребец испуганно дёрнулся и из-под пышного хвоста вылетела такая «ароматная» трель, а за ней вторая, но уже более высокого тона, что я отшатнулась, а Дайк, уронив седло, зашёлся в припадке:

– Вот он всем хорош, – Нянь продолжал хохотать, – но, похоже, слишком много ваго ему нельзя!

Через несколько минут, когда на конюшне появились Берк, Карелл и Грас, мой жеребчик опять чего-то забеспокоился и трели из-под хвоста сразили нас не только густым запахом, но и потрясающей громкостью, и ритмичностью на

разные лады. Ни дать ни взять композитор! Я уже не могла спокойно чистить его, от смеха сводило живот, ну а Берк довёл всех присутствующих до истерического состояния. После очередной трели «мышастого» каол принял горделивую позу, поставив ногу на перевёрнутое корыто, поднял руку и громко, на всю конюшню, продекламировал:

– Богиня, голосом гремя,
Врагов сражает мощным звуком!
А жеребец, под ней хрипя,
Ввергает в ужас громким пуком!

Рухнули все! Дайк, держась за живот, валялся на соломе, Карелл, склонившись в три погибели, уже даже не смеялся, а судорожно икал, ну а Грас просто ползал. Обняв жеребца и поглаживая сильную, бархатистую шею, я заливалась слезами от смеха, утираясь роскошной гривой. Вскоре мужики уехали, всё ещё хохоча и причитая, что так, наверно, не смеялись никогда, и без конца повторяя глупый стих, с ходу придуманный Берком. Ну а я, наконец, определилась с именем для жениха своей кобылки (тысячу раз прошу прощенья у великого музыкального гения!) и назвала его Моцарт.

С постоянного двора мы выехали задолго до рассвета, проведя в Кифе в общей сложности почти три недели. Берк придумал для нас «легенду» и с помощью Дайка сделал отличную маскировку. После некоторых пререканий и споров я согласилась, что она не просто хороша, а великолепна. До

Дикой тропы мы должны были добираться под видом крестьянской семьи из-под Раски, да только новый облик, мой во всяком случае, был неудобным и непривычным и я довольно долго к нему привыкала. В первые дни от подобного маскарада то смех напал, то дикое раздражение.

Из-за большого подкладного живота я не могла ехать верхом (для беременной на таком сроке подобное не допустимо), под тёмно-каштановым париком из конского волоса жутко чесалась голова, а длинная многослойная юбка путалась под ногами, да и весь женский гардероб был довольно громоздким и цветастым. Когда я первый раз увидела себя в новом обличье, смех вырвался вполне оправданно:

– Цыганка Аза собственной персоной! Да и на сносях к тому же!

Мои парни юмор не оценили и даже немного обиделись. Они упорно работали, создавая мне новый образ, а я высмеяла их старания. Пришлось извиняться и согласиться, что лучше не придумаешь. Также неудобство причиняло ежедневное закапывание в глаза крайне щипучей жидкости, которая превращала мои ясные и прекрасные синие очи в два мутных серо-голубых глаза с покрасневшими белками. Когда Берк объяснял действие этой штуки, меня беспокоил только один вопрос, не ослепну ли я от этакой гадости, на что он только отмахнулся:

– Я же не ослеп, а ведь использую её очень давно.

– Ну... ты это ты. Ты привык, а я-то нет!

– Она безвредна, Кари, действует недолго и быстро вымывается со слезами. Доедете до Дикой тропы и от «нарядов» можете избавиться, там они уже не нужны.

Глава 17

Карелл сидел рядом, правя кибиткой, внутри которой ехали Макс и Бумер, Дайк скакал верхом, а Моцарт бежал позади. По «легенде» Карелл был отцом Дайка, а я беременной супругой его сына. Такие роли для всех нас были в некоторой степени символически-неприятными, ведь и мне, и Дайку, и Атаману новый облик напоминал о том, что в реальности для каждого было недоступно или потеряно. Привязанный живот напоминал мне о ребёнке, которого я лишилась по непростительной глупости. Временная беременная супруга для Дайка являлась ударом ниже пояса из-за его старой травмы. Ну а то, что у Карелла к этому времени мог быть почти такой же взрослый сын, тоже не позволяло ему воспринимать придумку Берка с благодарностью.

Грим Карелла, как и мой, потребовал некоторых усилий. Ему пришлось отрастить бороду, а на изуродованную щёку, где щетина не росла, Берк приклеил конский волос под цвет и в результате от настоящей её было не отличить, да и шрам она очень хорошо скрывала. Карелл превратился в угрюмого и заросшего деревенского мужика, ну а когда ещё переделся и сказал несколько фраз хриплым голосом, я поняла, что

с такой маскировкой можно не беспокоиться, что в нас распознают богиню-наследницу и третьего претендента. А вот Дайк в таком сложном гриме не нуждался, чему был очень рад, хотя шрам на лбу всё-таки замазал глиноподобной мастикой под цвет кожи. Берк научил его готовить подобные косметические средства, рассказал подробную рецептуру и теперь именно Няню необходимо было заботиться о поддержании нашего внешнего вида в должном состоянии.

А вот наш каол, временно конечно, стал Карелланом эн Растаном. Оказалось, что не только шрамы, но и родовую метку он может подделать, и когда накладывал на плечо Атамана густую, быстро застывающую, воскообразную мазь, чтобы снять точный отпечаток, мы следили за его манипуляциями открыв рты. Не могу сказать, что получилось идеально, но очень похоже, тем более что Карелл с Берком были почти одного роста и телосложения. И для тех, кто достаточно близко Карелла не знал, догадаться, что перед ними двойник, а не настоящий племянник покойного терра было невозможно.

Грас фактически должен был замещать Карелла, руководить всем и принимать решения, благо знаний и опыта у него было не меньше, а вот каол в образа третьего претендента – создавать видимость присутствия Карелла среди своих людей. Когда я спросила, а почему он не побоялся доверить свои отряды Берку, он ухмыльнулся в густую бороду и ответил, что хоть Берк и каол, умён, хитёр, как никто и так

далее и тому подобное, он всё-таки не всесилен, а Грас, да и остальные, кто посвящён в общий план, будут очень внимательно за ним наблюдать. Также мой мнимый свёкор поделился тем, что Берк шепнул напоследок: будто наш каол из разговоров старейших понял, что Совет ничего не имеет против, если кое-кто немного поможет наследнице и богине, а также одному из претендентов побыстрее разрулить сложившуюся ситуацию.

Часть воинов Карелла осталась в Кифе в качестве охраны, а другая должна была отбить у Элгана Раску. Если всё пройдёт удачно, Грас оставит в городе надёжную охрану и поедет в Улм, примет командование над тем отрядом, что там квартирует, и поведёт в Латрас, чтобы ожидать нашего возвращения. Но всё-таки такие объяснения не устроили и я прямо спросила:

– Всё равно не понимаю, почему ты решил ехать с нами и оставить всех своих на Граса и Берка?

Карелл немного помолчал, подтягивая поводья, а потом ответил:

– Решил взять пример с тебя.

– В смысле?

– Но ведь ты уехала из Латраса, хотя никто из наследников так не поступил, и не побоялась покинуть город.

– Но я наняла ангалинов...

– И я везде оставляю своих людей и плачу им хорошо, – атаман вздохнул, а потом добавил: – Я подумал, что надо

держаться поближе к богам, раз уж они так благоволят...

Этот месяц путешествия не только для меня, но и для Макса и Бу оказался трудным. Меня хотя бы походы в библиотеку да изучение языка древнейших с Дайком и Кареллом спасали от ежедневной рутины, а вот им было несладко, так как постоянно приходилось отсиживаться в кибитке – слишком уж оживлённой была округа, и мы очень часто ехали то с караванами, то с другим кочующим людом.

Наша внешность была идеальна, никто не обращал на троих путников особого внимания. Я старалась отмалчиваться и по возможности тоже пряталась в кибитке, а угрюмый вид Карелла не слишком привлекал разговорчивых попутчиков. Но когда мы пересекли Дикую тропу, Макс и Бумер смогли покинуть кибитку не только по ночам, но и днём, ну а я, наконец, прекратить противные закапывания глаз, которые выносить уже не могла.

Глава 18

У озера было тихо. С одной стороны высились почти голые скалы, а с другой – плотной стеной стоял лес. Макс исчез в озере ещё до заката, с наслаждением добравшись до большой воды, Карелл с Дайком занимались костром, готовясь к ночлегу, а я решила искупать лошадей – давно не выпадала такая возможность. Жёсткий парик, подкладное пузо, две юбки, нижняя и верхняя, дурацкие туфли – весь этот кош-

мар, придуманный Берком, но так верно служивший всё это время, был сброшен словно надоевшая, зудящая кожа.

Вынырнув, я блаженно выдохнула: «Ну наконец-то! Маскарад больше не нужен!» На противоположном берегу озера начинались территории горных волков и уже более трёх суток в округе не встречались ни хутора, ни деревни. Кристально-холодная вода, которую я так люблю, чистое небо, сверкающее в ночи россыпью драгоценных камней, послушные единороги, с довольным фырканьем бродящие по мелководью, тёплый огонёк пламени на берегу... На Земле, на своей родной планете, я никогда не ощущала такого единения с миром, природой, Вселенной, самой собой...

Я знала, что за мной наблюдают, только это совсем не беспокоило, пусть любуются. Первозданной красоты озеро, женщина, купающая лошадей, ночь, сверкающее небо – картина достойная кисти художника. Мы уже настолько хорошо ладили между собой и так сблизились, что не только Дайк, но и Макс, и даже Бумер воспринимали Карелла как своего, словно он был с нами всегда. Наверно потому, что его слова, жесты, всё поведение ни разу не дали повода усомниться в нём и пожалеть о том, что мы взяли его с собой, хотя поначалу и было ощущение, будто он навязался или заставил нас подчиниться его воле. За весь месяц не случилось ни одного серьёзного конфликта, чему я весьма удивлялась, зная вспыльчивый характер Макса. Свои проблемы они как-то решали между собой, не втягивая меня, а вот когда я несколь-

ко раз нарывалась на ссору, дружно умудрялись меня успокоить. Короче говоря, хоть к ране прикладывай!

Когда я вымыла лошадей, вдоволь наплюхалась и вылезла на берег, где ждал горячий ужин, раскладушка у костра, чистая одежда и новые сапоги из змеиной кожи (Макс всё-таки нашёл крупных змей, а лучший мастер в Кифе пошил их меньше чем за сутки), ощущение какой-то космической благодати наполнило каждую клетку тела. После каши Карелл протянул кружку с горячим травяным чаем:

– А вот теперь мы пойдём купаться...

Сначала они плавали вдвоём, а когда вынырнул Макс с огромной рыбиной в зубах, я так поняла, что это наш завтрак, зрелище стало ещё более интересным. Сверкающий ангалин в воде – само по себе нечто удивительное, а Дайк с Кареллом ещё подняли вокруг него тучи брызг, и этот искрящийся фонтан выглядел словно фантастический золотой взрыв.

А утром исчез Бумер и в этом не было ничего удивительного. Ещё на закате до нас донёсся долгий, далёкий-далёкий вой, и мой волк услышал его. За последнюю неделю пути мы купили у местных двух инвалидных коз: одну с переломанной ногой, другую – странно кашляющую, и старую-престарую корову с такими скрученными рогами, что мои мужчины долго удивлялись, почему её до сих пор не зарезали. Оказалось, она каким-то чудом ещё доилась, но хозяева продали её нам с огромным удовольствием, учитывая предложен-

ную цену. Это была дань горным волкам, чтобы они пустили нас в свои владенья. Идею купить жертвенных животных, которые и так были обречены, подал Берк ещё в Кифе, потому что убивать волков я категорически не хотела, а это был единственный шанс задобрить опасных хищников.

Встреча с горными волками меня не сильно пугала – это не кархароны, а вот Нянь и атаман готовились к очень жёсткой встрече. Меня страшило возможное расставание с Бумером, ведь волки могли принять его в стаю, а могли и убить. И поэтому когда утром он не отозвался на наши призывы, а на узкой полоске песка у берега мы обнаружили его следы, ведущие в сторону леса, у меня упало сердце. Бумер услышал зов стаи и убежал, притом так, что мы сразу и не заметили его исчезновения, а вот что будет дальше с любимым лохматым воспитанником, оставалось загадкой.

Глава 19. Раска

Жаркое из молодого козлёнка просто таяло во рту. Грас уплетал за обе щёки, а хозяин, фаэдр Раал, всё подкладывал и подкладывал ароматные кусочки. Глотнув пива, гость выдохнул и блаженно откинулся к спинке широкой скамьи:

– Всё. Больше не могу. Спасибо, старина, так вкусно лишь у тебя получается!

– На благо, только на благо! Для вас старался! – хозяин таверны кликнул юношу из кухни, который быстро убрал мис-

ки-тарелки и поставил на стол две кружки терпкого пива.

Фаэдр Раал, действительно, старался на славу, стремясь хорошо накормить старых знакомцев, ведь уже давно таверна не приносила никакого дохода. За последние месяцы местное население значительно уменьшилось, уехали все, кто имел силы начать новую жизнь в другом месте, да и торговые караваны предпочитали объезжать поселение стороной. А для вновь прибывших выбить людей Элгана из города не составило большого труда. Никто из местных и не предполагал, что новая власть установится настолько быстро.

Первые дни люди не ждали ничего хорошего от столь стремительного вторжения воинов третьего претендента, учитывая, что прежние управляющие обложили население серьёзной данью, и те, кто не хотел добровольно отдавать часть скотины или урожая, жестоко за это поплатились. Однако несколько дней назад ситуация в корне изменилась.

Третий претендент на трон выдал каждому мужчине, вне зависимости от его отношения к новому руководству, по четыре! золотых ранда на восстановление хозяйства, что моментально подняло его в глазах местного населения. Также было созвано всеобщее собрание на городской площади, где все могли задать вопросы и узнать, какое будущее ждёт Раску и окружающие земли. На радостях, что всё оказалось совсем не так плохо, как ожидалось, а даже очень хорошо, многие решили такое дело отметить, вот поэтому Грас и находился в таверне совершенно один – после ночного гуляния город

только-только просыпался.

Фаэдр Раал закрутил на пальце длинный седой ус и, понизив голос, спросил:

– А что с Кареллом? Он и раньше был неразговорчив, но со мной и двух слов не сказал, да и вообще... он какой-то не такой...

Грас зыркнул на собеседника и прихлебнул из глиняной кружки:

– Ну ты же понимаешь... На нём столько всего, что у бедного голова пухнет, устаёт очень, не спит совсем... Шутка ли, замахнуться на престол!

– Конечно, Грас, конечно... я понимаю... Никто, кроме Хранителя, наверно, не знает, чем же всё закончится и когда... Ну ты хоть передай ему, что я всегда рад его видеть.

– Скажу, скажу обязательно... – Грас, кряхтя, поднялся, вылез из-за стола и, пригнув голову, вышел из таверны.

Отъехав от заградительного кордона, Грас накинул на плечи непромокаемый плащ. Дождь, поначалу мелкий, всё усиливался, превращаясь в ливень. Позади послышался стук копыт и Грас обернулся. Его нагонял Дикарь, жеребец Карелла, оставленный Берку для пущей убедительности. Подъехав ближе, всадник махнул, приглашая следовать за собой.

Мужчины спешили у раскидистого дерева ди под широкими, плосковатыми ветвями которого можно было спрятаться от почти сплошных потоков, льющихся из тёмных туч. Грас скинул плащ, и вода из складок окончательно за-

лила его сапоги:

– А какая погода была с утра! Ни намёка на потоп!

Держа единорога под уздцы, Берк прислонился к шершавому стволу и тихо сказал:

– К утру закончится... Юго-восточный ветер разгонит тучи...

Грас искоса глянул на лжепретендента. Несмотря на то что каол прекрасно справлялся с ролью, здоровяка раздражали противоречия. Он не доверял Берку и даже немного побаивался, хоть и не хотел себе в этом признаваться. Иногда возникало ощущение, будто Берк видит его насквозь или даже читает мысли. После предварительной разведки на землях дома Атрай, каол сразу сказал, что взять город будет несложно, главное выбрать правильный момент и сработать слаженно и быстро. И ведь всё получилось точь-в-точь как спланировали.

С тех пор как Карелл уехал с Кари, Берк ни разу не принял единоличного решения. Мысли и планы он обсуждал сначала с Грасом, а потом они вместе соображали, что делать и как правильнее поступить. И это было очень странно для Граса и всех тех, кто был посвящён в тайну подмены, ведь они привыкли подчиняться приказам, а не обсуждать их. Червяк сомнений шевелился в мыслях Граса постоянно, внушая, что Берк использует всех в каких-то своих, только одному ему ведомых целях, просто пока они совпадают планами Карелла.

– Раал... – Грас прервал молчание, – заметил, что ты изменился... Я был у него с утра...

Берк продолжал смотреть вдаль, погружённый в раздумья, но всё-таки ответил:

– Не стоит больше задерживаться. Всё что нужно мы сделали. Кого оставишь управляющим?

Здоровяк пожал плечами:

– А ты кого предлагаешь?

Берк даже не задумался:

– Клаура.

– Но он же лучший лучник!

– В Раске должна остаться самая надёжная охрана, а Клаур и воин толковый и мастеровой. Заметил, как он быстро с местными поладил?

– Может, лучше Олли или Лакра?

Берк пристально глянул на собеседника:

– Нет. Карелл просил держать их при себе. Кстати, об Олли... Вы давно знакомы?

Грас ухмыльнулся:

– И не помню даже... Очень давно...

– Он же был у вас поначалу неким «мальчиком для битья», насколько я знаю?

Грас даже вздрогнул:

– Что было, то прошло. Оллиан уже давно доказал, что способен не только выдерживать удары, но и сам их наносить. Ты его в чём-то подозреваешь?

Берк вытянул руку, подставив ладонь под льющуюся струю. Стекая с широких, вогнутых ветвей, вода создавала вокруг словно завесу-водопад, помимо дождя снаружи, который продолжал лить как из ведра.

– Ощущение, будто я его где-то видел...

– Ну и что? – Грас сложил мощные руки на груди. – Мало ли где ты мог его заметить! Память-то у тебя ого-го!

– Ты не понял... Вернее, я неправильно выразился... – и Берк протёр лицо и шею мокрой ладонью. – Я пока не могу сказать, его ли я видел, или другого похожего человека, слишком давно это было... Но я вспомню, обязательно вспомню...

Глава 20

Целый день мы огибали озеро и очень устали, потому как почти постоянно приходилось или толкать кибитку, или вытаскивать из ям. В конце концов было решено её оставить и дальше двигаться верхом. В расщелине между скалами мы спрятали самое громоздкое походное барахло и когда перетаскивали его в пещерку, один из ящичков открылся и содержимое вывалилось.

Карелл присел, закидывая обратно деревянную посуду и завёрнутое в тряпки трофейное оружие. Атаман поднял одну из треугольных пряжек, долго и хмуро разглядывал её, а потом бросил в ящик. Железка лязгнула и завалилась на дно.

– Это были пустынноики, да? Разведывательный отряд? – я подняла кривой кинжал, изогнутый как серп.

– Это их оружие... Именно таким Олли отхватили часть уха в последней битве за Южные прерии...

Дайк присел на камень, поставив между ног высокую добротную клетку с летучим семейством – подарок Лудара для нашей неразлучной парочки:

– Почему среди пустынноиков столько близнецов? Ведь такого быть не может!

Атаман пожал плечами, без бороды он выглядел гораздо лучше:

– Берк открыл столько тайн, что я иногда думаю... даже каол не может так много знать... – и при этом очень пристально глянул на меня.

Я сжала виски. В мозгу уже давно поселилась мысль, что Скорбный Берк появился именно тогда, когда не только мне, но и Кареллу была нужна помощь такого, можно даже сказать гениального, помощника. Но я промолчала, ведь никаких конкретных фактов не имелось в наличии.

– Что не так с близнецами? Хоть кто-то может объяснить? – только эти вопросы я задала.

Макс пришлёпал от ручья, где плескался всё это время, и, втиснувшись между мной и Дайком, тоже уставился на Атамана.

– Между ними есть некая загадочная связь, которая возникает, если они растут вместе, – проговорил Карелл, – а

больше я ничего не знаю...

– Но это не даёт ответа на вопрос почему их обязательно надо разлучать. В моём мире нет подобного, хотя некоторую связь между близнецами не отрицают. Да и в паре рождаются не только мальчики, но и девочки, да и двойняшки – это когда близнецы разнойцевые мальчик и девочка, и тройняшки рождаются, и четверняшки, правда, значительно реже.

– Разнойцевые?! – Карелл хмыкнул. – Это как?

– Когда каждый ребёнок развивается в своём детском месте, мне Кари объясняла, – ответил Дайк. – Только у нас такого не бывает, детское место всегда одно...

– А у ангалинов рождаются близнецы? – Карелл глянул на Макса.

– Нет, никогда. Малыш-ш-ш вс-с-егда один.

За следующую неделю пути мы продвинулись довольно далеко вдоль скалистой гряды, несмотря на то, что шли в основном пешком. Рыжий и Тучка везли наш нехитрый скарб, а Моцарта использовали по очереди, хотя чаще всего на нём, конечно же, ехала я.

Козу с переломанной ногой мы оставили у высокой сосны примерно в этье от места третьей ночёвки на землях горных волков и утром нашли только несколько капель крови на листьях кустов неподалёку да клочок тёмно-бурой шерсти на коре дерева, а коза была светло-серенькой. Похоже, что волки приняли первую жертву.

Всё это время меня, да и не только меня, но и Дайка, и

Макса не покидали мысли о Бумере: где он, как он, живой ли наш любимец? Сидя у костра в небольшой пещерке и глядя на полыхающее пламя, я утирала слёзы, вспоминая, каким он был смешным пищаще-рычащим комочком, когда попал ко мне. Как он рос на моих глазах, как мы играли, как волчонок всегда очень внимательно меня слушал и бросался лизаться по любому поводу, а теперь я не знаю, где он, и возможно, мы больше никогда не увидимся.

Дайк помешивал кашу в котелке, Карелл возился в глубине пещерки, устраивая животных на ночь, а Макс лежал у входа, вглядываясь и вслушиваясь в напользающие сумерки. Вторую козу ещё днём мы оставили за высокой скалой с тремя вершинами, которые в закатных лучах напоминали сверкающую корону: центральная – длинная и высокая, а две крайние – шире и пониже. Дайк отложил ложку. Глаза друга тоже были влажными:

– Мы всегда понимали, что если окажемся здесь, Бу может захотеть уйти. Главное, чтобы стая приняла его. Наверно, с ними ему будет лучше, чем с нами...

Я всхлипнула, и слёзы хлынули потоком. Ночь оказалась тревожной. Единороги вели себя беспокойно, старая королева несколько раз так жалобно мычала, что я закрывала ладонями уши, дабы меньше слышать её глубокие вздохи и какие-то обречённые стоны. Догадывалась, бедная животина, какая участь ей уготована, а вот я ощущала себя палачом, да только обратного хода уже не было. От этой скалы с тремя

вершинами до ущелья с золотой жилой было рукой подать. Ещё в прошлом году я видела её впереди, когда ехала вдоль этих скал с юга на север. Мы же двигались с севера на юг, и как только я заметила на горизонте знакомые очертания, поняла, что направление верное.

Кто-то тронул за плечо, и я открыла глаза. Дайк с Кареллом осторожно выглядывали наружу, а Макс, держа обнажённый меч над головой, замер у самого выхода из ночного укрытия.

– Похоже, у нас гости, – прошептал Карелл.

Мы подползли к Максиму и выглянули. На валуне сидел горный волк и тарасился прямо на вход в пещеру. Рассмотрев зверя в лёгком утреннем тумане, я вздрогнула:

– Это она... Волчица... Мама Бу...

Мои спутники тревожно переглянулись.

– Вероятно, она пришла поздороваться... И она помнит меня. Точно помнит, – я встала и сделала шаг к выходу, а Карелл с Дайком схватили меня за руки, пытаясь удержать и возбуждённо шепча: – Не смей, Кари! Не вздумай!

Но решение было принято:

– Макс, убери меч. Она с мирным визитом. Да пустите меня!

Медленно и спокойно я вышла к утренней гостье, но слишком близко всё же не рискнула подойти. Несколько минут мы просто смотрели друг на друга. Волчица усиленно нюхала воздух и не сводила с меня жёлтых глаз.

– Я вырастила твоего сына... – тихо сказала я. – Как уж сумела... Хотя до сих пор не понимаю, зачем ты так поступила...

Пятнистая хищница моргнула и тихое, нежное скуление начало исходить из её широкой груди. Бумер тоже так скулил, когда хотел пожалеть меня или приласкаться. Говорить что-либо не имело смысла, да я и не могла уже. Ощущение окончательной потери накрыло с головой, горло сжалось и только слёзы жгучими каплями скатывались по щекам. Вскоре она опять шумно вздохнула, спрыгнула с камня и скрылась за перелеском.

Глава 21

До сквозного ущелья мы добрались меньше чем за неделю. Хотя окружающий пейзаж немного изменился за год, а узкий проход на ту сторону скалистой гряды затянулся растительностью ещё больше, местность я узнала сразу. Горные волки сопровождали нас всю дорогу от места встречи с волчицей. Они не проявляли агрессии и держались на значительном расстоянии, однако мы постоянно ощущали их присутствие и даже среди дня иногда замечали вдали быстрое движение или мелькание гибких мохнатых тел среди деревьев. Численность стаи определить было невозможно, но я была уверена, что они пока просто наблюдают и ждут следующую жертву в виде коровы. Каждую минуту, каждую се-

кунду я ожидала появления Бумера, надеялась, что он хотя бы попрощаться прибежит, но его нигде не было видно.

Максу, впрочем как и Кареллу, и Дайку, не терпелось узреть скрытые в скалах богатства, поэтому мы быстро разбили лагерь, прихватили инструменты и двинулись вглубь скального прохода. Ангалин включил свою подсветку, и мы медленно шли, осматривая стены.

– Вон! Вон! С-с-смотрите! – завопил чешуйчатый. – С-с-сверкнуло что-то!

Жила была на месте. А, собственно, куда она могла деться?!

– Макс, Макс... успокойся, – я дёргала друга, пытаюсь унять бурный поток эмоций. – Нам только обвала не хватает, не вопи так.

Сложив в кучу кирки и молотки, мы уселись на камни, рассматривая богатейшие залежи драгоценного металла. Макс встал на задние лапы и вытянулся во всю длину вдоль стены:

– Она прекрас-с-сна! Прос-с-сто великолепна! С-с-столько 3-3-золота! С-с-столько 3-3-золота...

Подперев голову ладонями, Дайк заворожённо рассматривал чёрно-жёлтую стену, а вот Карелл сидел с довольно хмурым видом, наблюдая за ангалином.

– Макс... – он позвал очень тихо, но чешуйчатый резко обернулся и в изумрудных глазах начали проступать красные прожилки. Подскочив к Кареллу, он замер, а потом проши-

пел:

– Ты обеща-ща-л! Я. Тебе. Поверил. Не с-с-смей менять реш-ш-шение, иначе кому-то из нас-с-с придётся ос-с-с-стать-ся з-з-здесь навс-с-с-егда!

Мы с Дайком замерли, но Карелл примирительно поднял руки:

– Просто послушай, что я скажу, и если тебе не понравится, то к этой теме мы больше не вернёмся. Ты стал мне другом, Макс... Во всяком случае, очень бы хотелось на это надеяться...

Макс плюхнулся на хвост, а мы с Дайком выдохнули. После предложения Карелла я окончательно поняла, что он не только прирождённый лидер и воин, но и прекрасный дипломат, потому что умудрился раскрутить Макса на часть золотишка.

В общем, после вполне спокойных обсуждений мы решили так: берём столько, сколько сможем увезти, и делим добытое на три части. Одна нам с Дайком, хоть Нянь и твердил, что лично ему ничего не надо, а вот мне всё-таки нужно было думать о нуждах Латраса; другая – Кареллу на содержание своих отрядов и треть Максу, а вот то, что остаётся, – золото ангалинов в том случае, если Кареллу всё же удастся получить трон. Также нужно будет попробовать завалить входы в ущелье камнями, после того как закончим основную работу, чтобы даже у случайно оказавшихся здесь людей не возникло подозрение, будто этот проход существует. И вот имен-

но это оказалось самой тяжёлой и длительной частью нашего плана, потому что подъёмное количество золотого груза для трёх лошадей мы вырубили за двое суток.

Уже пятый день моя троица таскала камни и перекатывала валуны, а я занималась хозяйством: смотрела за лошадьми, готовила еду, ну и немножко помогала. Потому как использовать свои способности было всё же очень рискованно. Я могла, конечно, вызвать горный обвал, используя голос, да только результат был непредсказуем: ведь ущелье могло засыпаться так, что добраться до золота никак не получится.

Корову волки приняли и уже несколько дней как мы не слышали в округе ни их воя, ни других подозрительных звуков. Кто знает, возможно, они и продолжали за нами следить, да только опасных хищников поблизости не наблюдалось. Бумер так и не объявился, и каждый вечер, сидя у костра, мы успокаивали себя разговорами о том, что мать признала его, а в стае ему будет лучше, да вот только легче от этого не становилось.

Когда оба выхода из ущелья были более-менее завалены, мы решили с рассветом отправиться в обратном направлении, ведь до Латраса путь неблизкий, а с таким грузом без кибитки не обойтись, да и Максусу нужен транспорт. Дайк с Максом натаскали воды из родника, наполнив самый большой котелок, а я забросила камушек в объёмную посудину. Прделанная работа была пыльной и грязной, а перед дорогой всем очень хотелось помыться.

Пока я грела воду, Карелл раздевался, наблюдая за процессом, а потом опустил палец в котелок и сразу же отдернул:

– Ого! Как быстро!

Я отмахнулась:

– Долго ли, умеючи...

Он широко улыбнулся:

– С тобой, дорогая, в любой поход можно идти, хоть за золотом, хоть на самый край света!

– Это верно... И с волками я общий язык нахожу, и драться умею, и убивать... – я вздохнула, продолжая смотреть на поднимающиеся со дна котелка пузырьки.

Карелл отбросил грязную рубаху и обнял:

– Не думай об этом... Путь великого воина всегда устлан мёртвыми. А Бумер вернётся, вот увидишь! Хотя не знаю, почему я так в этом уверен...

Я подняла на него глаза:

– Вернётся? Но ведь стая – его семья!

Атаман слегка отстранился, крепко держа меня за плечи:

– Его семья – это ты, Кари... – он замолчал, а потом добавил: – И он тебя очень любит, хотя если бы мне некоторое время назад сказали, что горные волки способны на такие чувства и я воочию увижу их проявления, то... ну ты понимаешь...

Рядом раздалось покашливание:

– Мыться сегодня будем? Вода готова?! – Дайк ухмылялся, сидя на камне и стягивая сапоги. – От грязи на мне скоро

всякие травки прорастать начнут!

Я хихикнула:

– А ходячий огород не такая уж и плохая идея!

До пещеры с кибиткой мы добрались без всяких приключений, хотя из-за груза двигались медленнее. И какова же была моя радость, да нет, не радость, а счастье, когда из-за камня выскочил Бумер с диким визгом и свалил меня с ног. Карелл как в воду глядел и мой волк вернулся! Совсем вернулся! Он вылизывал нас, скулил, прыгал, носился кругами, всем видом показывая, как же он рад нас видеть, но и мы тоже не скрывали своих эмоций: тискали его, чмокали в любимый холодный нос, на радостях чуть не придушили.

А на закате, когда мы уже почти объехали озеро, с противоположного берега донёсся волчий вой. В наступающих сумерках этот звук пронзил тысячами стрел, заставляя сердца болезненно сжаться.

– Она прощается... Прощается со своим сыном... – заворожённо прошептал Дайк, сжимая мои плечи.

Бумер напряжённо уставился в сторону дальних скал, озарённых оранжевыми закатными лучами, где на самой вершине виднелся еле-еле заметный тёмный силуэт, и завыл так громко, но так жалобно и протяжно, как не выл никогда. Мы застыли, слушая звуки, разрывающие душу на части. Я спрятала лицо в ладонях, дабы сдержать слёзы, готовые хлынуть мощным потоком, и мысленно повторяла: «Спасибо... Спасибо... Спасибо...»

Часть 2. Книга

Глава 1

Затаив дыхание, я заглянула в деревянную люльку-качалку. Малышка крепко спала, ещё походя шупленьким личиком на умильную старушку – нет и недели от роду. От мирно сопящего младенца пахнет молоком и чем-то сладко-приятным, будто ванильным. Тёмные, длинные волосики обрамляют головку, словно пушистый нимб – маленький смешной ангел... Так хочется дотронуться до неё, взять на руки, поцеловать в тёплый лобик, словно это мой собственный ребёнок.

Я всё смотрела и смотрела, никак не могла налюбоваться, пока Хейя не тронула за плечо:

– Сколько мы тебя ждать будем?! – она говорила шёпотом, но нетерпение и настойчивость сквозили в каждом слове.

Уже за дверью я в десятый раз, наверно, обняла её:

– Как же я рада, что роды прошли благополучно! Она такая красавица!

Глаза Хейи мгновенно наполнились слезами, и женщина так крепко стиснула меня, что я ощутила быстрый стук сердца в её груди.

– А как же мы рады, Кари! Как счастливы, что вы верну-

лись!

Обнимая, она гладила меня по голове, неустанно причитая:

– Мы то что?! Живём себе спокойно под защитой ангалинов, а ты столько перенесла, с вами столько всего случилось! Как ты смогла всё это выдержать?! И этот шрам на твоём прекрасном лице! Да как северяне посмели стрелять в тебя?!

Моя любимая рубашка без одного рукава местами уже намокла. Шутка ли, такие слёзные потоки, и я слегка отстрашилась:

– Всё хорошо, Хейа, всё хорошо... А к шрамам я уже привыкла, не плачь! Это так здорово, что ваша дочь родилась именно здесь, в Латрасе!

– Пойдём! Гай так хочет тебя порадовать, так готовился, что всех замучил! Теперь мы тебя никуда не отпустим!

Благодарно сжав её тёплые ладони, я отвела глаза: «Нет, не сейчас... Позже скажу... Не следует портить такой момент сообщением, что совсем скоро мне опять предстоит дальняя дорога».

Я переживала, что Хейа оставляет новорожденную одну, но она только отмахнулась:

– Она такая спокойная, спит крепко и долго, у меня есть возможность порадоваться вместе с вами.

У таверны Эльма собрался весь город. Я обалдела от такого количества народа, а ведь ещё Грас и Берк с отрядом из Улма не приехали. У ступеней соорудили длинную полу-

круглую сцену, на которой расположилась восьмёрка ангалинов, Скай с гитарой, Айра и Гай. Когда мы подошли ближе, народ начал расступаться, кланяясь и произнося приветствия, некоторые даже пытались дотронуться до меня.

О наших приключениях на Севере все уже знали давно, ещё с тех пор как Ают, выгрузив нас на мысе Веры, возвратился в Латрас с письмами. О событиях в Кифе тоже было многое известно, так как караванщики, в большинстве своём, специально держали путь в Латрас, чтобы побывать в вольном городе, владениях Великой богини и наследницы древнего дома, и собственными глазами увидеть наёмников-ангалинов, несущих свою вахту.

Перемены, произошедшие за время нашего отсутствия, поразили до глубины души, и первый день по приезде я только и делала, что ходила и осматривала всё то, что появилось или изменилось. Балмаар не замолкал ни на секунду, рассказывая, показывая, объясняя и даже отчитываясь о проделанной работе, пока я жестом не остановила речевой поток. А потом просто обняла своего любимого управляющего, шепча на ухо слова благодарности. Он так растрогался, что даже несколько раз хлопнул носом.

Стоит сказать, что мы не ходили с Балмааром в гордом одиночестве. Нас постоянно сопровождали люди, большинство из которых я не знала в лицо. Помимо возросшего населения, в Латрас заехало около десятка караванов, а у причалов стояло пять больших торговых шхун. Рыночную пло-

щадь значительно расширили, вдвое увеличили пристань, и полным ходом шла постройка ремонтной верфи за северной окраиной; закончена вторая большая кузница и крепостная стена, которая была ещё не слишком высокой, но уже защищала город с западной и северной сторон. А про новые дома, сараи, амбары и другие хозяйственные постройки, а также недавно освоенные пахотные земли вообще молчу. Фаэдр Балмаар, можно сказать, превзошёл сам себя, чему я была безмерно рада, конечно.

И вот теперь, пробираясь сквозь плотную толпу, я никак не могла унять учащённое сердцебиение от осознания, что ранее небольшой посёлок (даже не город!) такими темпами скоро превратится в самый важный порт на восточном побережье. Вспомнился девиз дома Матвэй, который всегда находился при мне, выделенный жёлтыми буквами на браслете:

«И силой духа воспарив,
В величии и мощи встанет.
И светом жизни озарив,
Надежды мира не обманет».

И что удивительно, этот древний лозунг, словно пророчество, начинает сбываться.

Гай спустился со сцены, протягивая руку и широко улыбаясь. Я обернулась к стоящим позади, но не потому, что боялась что-то сказать взволнованно-ждущей толпе, а подумала, что, вероятно, Карелл захочет присоединиться, но он

покачал головой:

– Я здесь не хозяин...

Я поднялась на высокую, грубо сколоченную сцену и остановилась рядом с Айрой, обняв девочку за плечи. Народ притих. Осматривая людей, я вглядывалась в лица, совершенно не собираясь произносить никаких пламенных речей:

– Как я поняла, для нас приготовили нечто невероятное?! – спросила я задорно. Люди заулыбались, а Айра бодро закивала. – Кто-нибудь мог представить, что ангалины будут петь для вас?!

Толпа зашумела:

– До сих пор не верим!

– Да никогда!

– Даже не знали, что они разговаривать умеют, а тут петь!

Крики продолжали доноситься со всех сторон, и я подняла ладонь, призывая к тишине:

– Однако похоже, что сейчас мы их услышим!

Глянув на Дайка, Карелла, Балмаара, Хилла, который уже несколько месяцев как вернулся, Майлана, Хейю, крепко держащую за руку Натри, моего любимого Мышонка, сжимающего в ручонке новую игрушку (по дороге в Латрас я купила у попутных караванщиков целый мешок потрясающих тряпичных кукол, тележек на верёвочках, мячиков, дуделок, свистелок, кожаных единорогов и других детских радостей), я усилила голос так, чтобы все-все могли услышать:

– Спасибо вам! Я так счастлива, что вернулась и увидела

столь удивительные перемены! Как же это прекрасно – быть дома! И очень надеюсь, что здесь, в Латрасе, обретут родной дом все, кто хочет жить и работать на этой земле!

Только-только народ заволновался, чтобы выплеснуть очередную порцию эмоций, но я опять подняла руку:

– Давайте всё-таки послушаем, а то наши певцы уж очень волнуются!

Стоя между Кареллом и Дайком, я закрыла глаза. Сложно описать словами ту невероятную музыку, которая, будто дыхание планеты или душа всего этого удивительного мира, вливалась в уши слушателей. Гай не просто создал потрясающий хор, он сочинил нечто вроде симфонии или кантаты, где из обычных музыкальных инструментов имелась только гитара, а вот все остальные возможные принадлежности звукового творчества заменяли голоса ангалинов.

Айра, как солистка, была просто выше всяких похвал! Сложилось впечатление, что её чистейший, потрясающей высоты, силы и глубины голос льётся с небес. Наверно, так пели бы звёзды, если бы могли их слышать...

Удивительные голоса ангалинов, песня Айры и гитарные переборы Ская создали вокруг такую обволакивающую атмосферу, что колени начали подгибаться и дрожать мелкой дрожью, а тело стало настолько невесомым, что показалось, будто я парю где-то, окружённая теплом, радостью и бесконечной благодарностью кому-то неведомому за то, что живу...

Впервые на моей памяти после выступления Гая, хотя в этот раз он был только дирижёром, так долго не было никакой реакции от слушателей. Вернее, она была, да вот выразить её немедля ни у кого не хватило сил. Я очнулась, только когда Макс, полдня где-то шнырявший, дёрнул меня за руку.

– Я ж-ж-же говорил, что ангалины умеют петь! – шипящий голос в тишине сработал словно спусковой механизм.

Кто-то зарыдал, кто-то всхлипнул, кто-то рухнул в обморок и Хилл в том числе (Дайк, как ни странно, остался на ногах). А потом в уши ударили восторженные крики и слова благодарности. Наши певцы раскланивались направо и налево, принимая овации, свистом и шипением показывая, насколько им приятна подобная похвала. Ну а я не могла отделаться от ощущения, будто что-то поняла, почувствовала, уловила нечто важное и значительное, да вот только никак не могла понять что именно: мысль, словно шустрая мышь, бегаёт в сознании, я хочу схватить её за хвост, да никак не выходит...

Отбросив бесполезные пока попытки поймать идею, я обняла Гая, который уже успел пообниматься и с Кареллом, и с Дайком, и с Балмааром. Мужчина сгрёб меня в охапку, а потом резко отстранился и выдал:

– Мы хотим назвать нашу дочь твоим именем, чтобы оно как можно чаще звучало в нашей семье! Как ты смотришь на это?!

Сначала я растерялась, а потом громко рассмеялась:

– Так вот почему вы все так загадочно пожимали плечами, говорили, что ещё думаете! Ты выжидал нужный момент, Гай! Довёл до полуобморока новой музыкой, чтобы я даже не вздумала сказать что-либо против! Ну хитрюги!

Хейя схватила меня за руки:

– Ты согласна?!

Я сделала очень серьёзное лицо и затянула паузу, вглядываясь в дорогих, любимых и уже таких родных людей, а после ответила:

– Это будет огромной честью для меня!

Глава 2

«Чёрная медуза» вернулась через несколько дней после появления в городе Граса, Берка и остальной части людей Карелла, и в Латрасе стало буквально не протолкнуться. Однако содержание такого количества воинов не вылилось в большие расходы для городской казны. Они пригнали с собой и коз, и коров, привезли много клеток с домашней птицей, зерна несколько телег, потому и задержались в пути.

При встрече Берк повёл себя в своём репертуаре: полез обниматься-целоваться и на несколько часов полностью завладел моим вниманием. Я видела, как Карелл хмурится, а Макс злится, слыша, как я хохочу над его шутками и рассказами о приключениях в Раске и по дороге, да только я действительно была очень рада его видеть, несмотря на всю наг-

лость и непредсказуемость каола.

Когда же прибыл Ают с важными новостями из Банкора, то окружающие меня мужчины всю ночь предавались обсуждению фактов и слухов, меняющейся обстановке и грядущей войны с Западом. Племена пустынников постепенно стягивались к южным границам и, скорее всего, Банкор будет первым городом, который попытаются захватить.

Ввиду этого Карелл дал добро на мой отъезд к Рексу. И хотя я не нуждалась в его разрешении, однако почему-то облегчённо выдохнула, когда он передал мне письмо для Великого Ангалина, где официально приглашал наёмников в свою армию.

Макс уже битый час убеждал Дайка, что всё будет в порядке, ничего плохого не случится, что, прежде чем что-либо делать со «слезами», нужно всё обдумать. А главное, мне, как богине и пришельце из другого мира, надо обязательно взглянуть на Священную Книгу ангов, прочитать которую за тысячелетия ни у кого из Рексов не получилось – и это было открытием. Я вытаращилась на друга:

– Что за Книга?! Почему раньше ничего не говорил?!

– А что бы это дало? – парировал он. – Вот доберёмс-с-ся до Больш-ш-ших Дрейфующ-щ-щих островов, отец покажет её тебе, вдруг с-с-сможешь хоть что-то подкаж-з-зять.

Я не нашла, что возразить в ответ, ведь в принципе Макс был прав, поэтому отмахнулась:

– Ладно, там посмотрим... Странно только, почему вы са-

ми не смогли разобраться за такое длительное время...

О том, что я снова покидаю город, знали считанные люди. Я не хотела никаких проводов, как в прошлый раз, рыданий Хейи, переживаний Гая, Балмаара и так далее и тому подобное, да и Дайк с Кареллом пока оставались, поэтому уезжать было значительно легче. Во-первых, за свои земли и население я уже так не переживала, город прекрасно себя обеспечивал, а такой сильной охраны, как у нас, не было ни в одном вольном городе. Во-вторых, я почему-то была уверена, что уезжаю ненадолго, тем более что беру с собой летуна Ромео, чтобы иметь возможность послать короткое письмо в Латрас. Атаман с Берком хотели взять с собой Тристана и его Изольду, так как не собирались надолго задерживаться в Латрасе.

Бумер тоже отправлялся со мной и Максом в очередной морской вояж, хотя поначалу я хотела оставить его с Дайком. Да только когда взглянула в преданные жёлтые глазюки, тревожно и умоляюще смотрящие, спросила Макса:

– А если всё же взять Бу с собой? Это возможно?

– А почему нет?! Чувс-с-ствую, наведёт наш волчок ш-ш-шороху на ос-с-стровах!

Мой дорогой Нянь пребывал в очень расстроенных чувствах, когда помогал таскать припасы на «Медузу». Берк подшучивал над всеми, попутно выдавая всяческие наставления, а вот Карелл в основном молчал, потому что важные моменты мы обсудили накануне. Перед самым отплытием, а

шхуна отчаливала поздним вечером, пока дул попутный ветер, мы с Дайком заперлись в моей персональной маленькой каюте.

– Карелл обиделся, по-моему... – прошептала я в перерыве между долгими нежными поцелуями.

– Обойдётся... – ответил Дайк, сверкнув глазами в полумраке. – Он уже понял, что ты всё и всегда решаешь сама.

Обняв парня крепко-крепко, я вдохнула запах его кожи, чувствуя ритмичный стук сердца под тонкой рубашкой. Он запустил пальцы в мои волосы, прижимаясь всем телом:

– Думаешь, у вас получится?

– Ты о чём?

– Превращение...

– Понятия не имею... Я прекрасно осознаю опасность, да вот только ты же сам видишь, в каком Макс состоянии. Он последнее время ни о чём другом и думать не может...

Расслабив объятия, Дайк отступил. Я понимала, как тяжело ему сейчас, ведь мы очень долго практически не расставались и настолько сжились и слились воедино, что даже сложно было представлять и вспоминать, что когда-то я жила без него и, вообще, не знала о существовании Окатана и такого дорогого и любимого ныне жителя этого мира.

– Всё будет хорошо, слышишь, – прижавшись к его спине, я пыталась успокоить и себя тоже. – Я не позволю нашему чешуйчатому надеть глупостей и надеюсь, что Рекс действительно настолько мудр, как Макс и рассказывал, да и о

наёмниках нужно договориться, ведь война может начаться в любой момент...

Дайк резко обернулся. Он уже взял себя в руки и нежно улыбался, вглядываясь в моё лицо:

– Как только будет что-то важное, сразу отправляй летуна. И хорошо, что Бумера берёшь, так мне будет спокойней.

Я бодро закивала:

– Обязательно! И много ваго Моцарту не давай, знаешь, как на него это влияет, – а после повисла на шее парня, шепча в ухо: – Я очень люблю тебя, мой дорогой Нянь...

Он порывисто обнял меня:

– Как же приятно это слышать!

Глава 3

На палубе звякнул гонг, и я проснулась, а нос учуял потрясающий аромат запечённых на углях мясистых турманов. Тиль научился так вкусно готовить разнообразные блюда, что не только я, но и вся команда на него нарадоваться не могла. Ают шепнул по секрету, что кок был настолько впечатлён нашим предыдущим пребыванием на «Медузе» и тем, что все они сейчас практически личная команда самой Великой богини, что задался целью стать лучшим корабельным коком. Мало того что он замучил мужиков распросами о том, что кому больше нравится, но и завёл книгу рецептов, куда записывал всё самое интересное, необычное

и вкусное.

Тиль прекрасно помнил, как в прошлое плавание Макс снабжал нас с Дайком любимыми водорослями, и на первой же стоянке упросил ангалина насобирать большущий мешок, потом вымыл добычу и замариновал в терпко-сладком сидре, утрамбовав в деревянный бочонок. В результате через сутки получилась такая вкуснятина, от которой меня было за уши не оттащить, а с мясом турманов – так нечто совсем невообразимое!

Поэтому, уминая за завтраком столь потрясающее блюдо, которое по достоинству оценили все члены команды во главе с капитаном, я выдала очередную идею:

– Тиль! Это великолепие достойно самого красивого названия, а рецептуру через некоторое время ты сможешь продать за хорошие деньги. Ведь люди эти водоросли никогда не ели, только ангалины знали, что они съедобны, а ты придумал так вкусно их готовить, что у меня просто слов нет!

Кок плюхнулся на табурет в капитанской каюте, а Данко с Аютом расхохотались, не забывая подкладывать в тарелки добавку.

– Название?! – Тиль явно не думал в таком ракурсе.

– В моём мире блюдам иногда дают весьма оригинальные названия, – я продолжала развивать тему. – Ты подумай над этим. И кто знает, быть может, станешь самым знаменитым коком на всех Восточных территориях! – Ают и Данко улыбались и одобрительно поддакивали.

Уже вечером после ужина Тиль присел рядом со мной и Бу. Макс уплыл охотиться, команда убирала паруса, а я кормила летуна и любовалась красно-оранжевым закатом. Заходы светил всегда были настолько неповторимы, что каждый вечер превращался в уникальную, бесподобную по красоте картину.

– Я тут подумал... – после некоторого молчания Тиль, наконец, разродился словом. – А можно я назову блюдо из запечённых турманов с этими... как их... Макс же говорил...

– Ссвуги... Ангалины их называют синие ссвуги или зелёные ссвуги, – улыбаясь, я рассматривала кока, ловя себя на мысли, что он ещё совсем не стар, моложе деда Дайка будет.

– Да, верно, ссвуги... – он кивнул, теребя завязки на рубашке, а потом быстро и громко выдал: – «Вкус богини Кари»! Подойдёт такое название?!

Я чуть не рассмеялась прямо ему в лицо, но вовремя успела отвернуться, приобняв кока за плечи, хотя то, что я судорожно хихикаю, трудно было не заметить.

– Немного пафосно, по-моему, но ведь это ты придумал, поэтому называй так, как тебе больше нравится, я не возражаю, – я ещё прятала улыбку, совсем не хотелось чем-то обидеть или расстроить Тиля, ведь он так старался мне угодить.

Кок широко улыбнулся и вскочил:

– Тогда пойду и всё подробно запишу, пока не слишком темно!

Вечер был в самом разгаре, когда команда расположилась

на палубе, слушая рассказ о наших приключениях после расставания на мысе Веры. Макса где-то носило, а мне хотелось подольше насладиться обществом друзей, ведь до Небесных островов оставалось не более трёх суток пути.

Вдруг низкий, но очень громкий звук, словно голос моря, доносящийся из глубин, ударил в уши мощным вибрирующим гонгом. Я вздрогнула, а мужики остались спокойны. Данко улыбнулся и успокаивающе похлопал меня по коленке:

– Не бойся. Это гигантские килли поднимаются, они частенько сюда заплывают.

– Килли?! Это такие, что как огромные шары раздуваются?! – удивлённо спросила я.

Ают кивнул:

– Верно, ты же видела их изображение в одной из моих книг...

– А они не опасны? – я беспокоилась о Максе, ведь он пока не вернулся.

– Нет, они слишком неповоротливы у поверхности.

– А зачем тогда они всплывают?

Капитан, сидя прямо на палубе, облокотился о низкий бочонок и вытянул ноги:

– Толком никто не знает, но говорят, что так они подымают пару.

Я уставилась в море. Солнышки уже почти полностью погрузились в тёмно-красные воды, а на высоких скалах двух

ближайших островков пролегли длинные тени. После ярких красок раннего вечера это бордово-чёрное безмолвие (ветер совсем стих), нарушенное жутким звуком, стало казаться зловещим.

Лишь только я собралась продолжить повествование, как зов килли повторился ещё громче и протяжнее, а мои мысли резко сменили направление: «Будто «трубы Иерихонские» из библейской легенды... И почему-то становится так страшно... – я напряжённо вглядывалась в воду за бортом. – Вероятно, килли, как и земные китообразные, могут выходить за границы слышимых диапазонов, вот потому такой эффект и получается...»

Несколько минут, наверно, я сидела с абсолютно ошарашенным видом, понимая, какая же я всё-таки непроходимая тупица! Я ведь знала! Понимала уже давно! Да вот только теперь почему-то дошло, что же такого «не такого» в голосах Гая, Айры, песнях ангалинов, а теперь и килли! Прав был Тан! Ох, как прав! Туплю просто невероятно!

Бросив удивлённым мужикам «потом дорасскажу», я метнулась в каюту, а в библиотеке прямиком рванула в сторону стеллажа «Физика». Книгу по акустике и гармоническим колебаниям я нашла очень быстро, уселась за стол и провалилась в слышимые и неслышимые диапазоны. И только когда от букв, формул, графиков и диаграмм начало рябить в глазах, откинулась в мягком кресле. Всё это время ответ был рядом, да только я не замечала его.

«Ультразвук и инфразвук! Голос Гая выходит за слышимые ухом частоты! Ангалины также обладают такими способностями и килли, да вероятно, и многие другие морские животные на Окатане. Ведь на Земле ультразвук очень широко применяется в промышленности и медицине. А УЗИ – это, вообще, уже норма в диагностике. Вот почему после выступлений знаменитого певца некоторые исцеляются, хотя иногда и теряют сознание. Гай целенаправленно не контролирует частотность своего голоса, а превышение безопасного диапазона всё-таки чревато. Да и Макс рассказывал, что у тех ангалинов, кто очень хорошо поёт, иногда получается глушить рыбу мощным рычанием, а инфразвук сам по себе довольно опасен, вызывает чувство паники и страха, как и случилось тогда со мной перед землетрясением, да и сейчас, когда я услышала голос килли. Ну и дела! Столько времени уже торчу здесь, а только сейчас докумекала! – перелистнув ещё несколько страниц, я обвела взглядом библиотеку и снова уставилась в пустоту. – Странно... Очень странно... И ангалины и люди, несмотря на внешние различия, имеют много общего. Столько точек пересечения у двух разумных рас этого мира! Но ведь все они обитатели одной планеты, жили и развивались рядом на протяжении сотен тысяч лет. Однако теперь «превращение» почему-то уже не кажется чем-то невозможным и невероятным. Выходит, что, приняв «слёзы богов», ангалин действительно переродится, примет облик, обернётся, трансформируется... ну не знаю, какие ещё по-

добрать эпитеты, но всё-таки может стать человеком. Но тогда возникает следующий вопрос... А человек может стать ангалином?!»

Глава 4

Неким «краем мозга» я ощутила движение в каюте, вышла из библиотеки и открыла глаза. Будучи во внутреннем пространстве, я уже научилась чувствовать, что происходит в реальном мире, не отключаясь на все сто процентов.

Макс сидел у койки и тарасился, слегка улыбаясь. Я покрутила головой:

– А где Бумер?

– На палубе. Я для него двух крупных майнов поймал, – друг сидел с очень довольным видом, только вот чем меньший путь оставался до Небесных островов, тем более усиливалась моя тревога.

– Помнишь, ты как-то сказал, что от голосов ангалинов рыбыдохнут...

Он хмыкнул:

– Но я говорил это к тому, что многие из нас-с-с поют не хуж-ж-же чем Гай...

– Я не про это... Просто я наконец-то поняла, почему такое воздействие на слушателей оказывает его голос, да и ваши песни тоже...

Макс удивлённо приподнял чешуйчатые выпуклости над

глазами:

– И почему ж-ж-же?

– Неслышимые частоты могут и исцелить, и до обморока довести. Ведь вы прекрасно общаетесь не только на воздухе, но и под водой...

Макс опять улыбнулся, а сиреневое свечение начало заливать тёмную каюту:

– Нес-с-слышимые частоты? Что это? – ехидно скалясь, он залез на койку и обвился вокруг, заглядывая в глаза. – Когда ты начинаеш-ш-шь что-то такое рассказ-з-зывать, то почему-то напоминаеш-ш-шь мне отца, он тоже любит з-з-заумные и непонятные рассуж-ж-ждения...

Почти до самого утра я объясняла Максу, что такое акустика, звуковые колебания, явление резонанса, и так увлеклась, что и не заметила, как он заснул, вытянувшись рядом на койке.

До Небесных островов мы добрались быстрее, чем рассчитывали. Как только эти красивейшие синие-синие скалы показались на горизонте, Макс прыгнул за борт, чтобы предупредить о нашем прибытии, а «Чёрная медуза» последовала прежним курсом. Каким именно образом мы продолжим путешествие к Рексу, я не знала, Макс ничего не хотел говорить, сказал только, чтобы я не переживала, на его спине плыть не придётся.

Выгрузились мы быстро, да и выгружать-то особо было нечего: два мешка с золотом, один со сменой одежды и вся-

кой мелочёвкой типа зеркала, гребней и тому подобного, пара мешков с овощами, сырыми и сушёными (питаться одной рыбой совсем не хотелось), запасы пресной воды в бурдюках, небольшой мешок со сладостями, клетка с Ромео, ну и, конечно, мой трофейный меч и дальнобойный лук со стрелами. По поводу оружия это, кстати, Макс настоял. Он сказал, что на Рекса и Совет старейших произведёт впечатление моё умение со всем этим обращаться.

Аютан же хотел вернуться в Латрас, чтобы на новой верфи очистить днище корабля, обросшее различной морской живностью. Капитан собирался сделать это давно, однако плыть в Гейзу сейчас было опасно, а в Латрасе верфь уже была почти готова. А вот потом вернуться к Небесным островам и ожидать нас. Макс даже показал капитану, на каком клочке суши они могут пожить в ожидании, что для всей команды оказалось большим сюрпризом, ведь ранее ангалины никому не разрешали высаживаться без разрешения и сопровождения.

Проводив шхуну и получив напоследок от Тиля непромокаемый мешок с маринованными ссугами, мы: я, Макс, Бумер и трое ангалинов, встречавших нас, – потопали вглубь острова. Чешуйчатые спутники распределили груз и тащили его за собой на неких волокушах, а я шла налегке.

По пути на противоположный конец острова я то и дело застревала, подбирая самые красивые камни. У меня уже была неплохая коллекция местных минералов, так как инте-

ресные и необычные камушки я подбирала постоянно. Это был не тот остров, на который год назад я высаживалась с Аютом и Кулом, тот находился гораздо дальше. А этот кусок небесно-синей суши отличался такими причудливыми скалами, что несколько раз я даже споткнулась, рассматривая потрясающие нерукотворные природные композиции в синих, голубых, бирюзовых и красно-фиолетовых цветах. Пейзаж выглядел фантастично или сказочно.

Очередной раз удержав меня от падения, Макс хмыкнул:
– То ли ещ-щ-щё будет! Ес-с-сли тебе з-з-здесь уже всё так нравитс-с-ся, то от вида обиталищ-щ-ща Рексов ты, дорогая, как Дайк, грохнеш-ш-шься в обморок!

Я хихикнула, но не стала развивать тему и пытаться раскрутить друга на подробное описание жилища его отца, скоро сама туда попаду. Ведь он и раньше говорил, что это надо видеть, а рассказывать бесполезно.

На другой стороне острова меня ожидал новый и весьма интересный транспорт: нечто среднее между обычной лодкой, длинной пирогой и огромной торпедой. В длину не меньше пяти метров, крытое примерно на две трети туго натянутым непромокаемым полотном, что давало защиту от ветра, воды и солнечного света – подобие лодки-палатки. Встать во весь рост под покрытием было, конечно, нельзя, а вот сидеть – спокойно.

Рассмотрев конструкцию и форму, я пришла к выводу, что эта штуковина, которую будут тащить ангалины, облада-

ет отличной устойчивостью, лёгкостью и надёжностью. Бумер воспринял новый транспорт нормально. Мой любимец, по сути, был уже даже не горным волком, а морским, так как единственный в своём роде не раз бороздил водные просторы, хотя ограниченность в передвижениях ему не нравилась.

Макс с другими ангалинами быстро разместили поклажу, а всё подверженное влаге уложили в закрытой части лодки-сигары.

– Мы в таких раненых с-с-спасаем, беременных и малыш-ш-шню, когда в море слишком опас-с-сно... – прокомментировал один из ангалинов очень похожий на Макса, также зеленоглазый, только с более светлым окрасом чешуи.

– Вы тоже сын Рекса?! – удивлённо спросила я.

– Мы вс-с-се его сыновья... – ангалин снисходительно оскалился и кивнул. – А с Макссашараем мы родные, отец и мать у нас общ-щ-щие, прос-с-сто я старш-ш-ше на четыре года...

– Вот как?! – я уселась на свёрнутые одеяла и уставилась на серого ангалина. Ни Макса, ни остальных рядом в тот момент не было. Они что-то забыли и скрылись за скалами, оставив нас в маленькой бухте.

– Меня зовут Кари, – я протянула ладонь для хвостопожатия.

Ангалин широко улыбнулся:

– Я з-з-знаю... Вс-с-се знают, как з-з-зовут шаари наш-ш-шего брата. Также я з-з-знаю, что богине слож-ж-жно произ-

нос-с-силь наши имена, поэтому можеш-ш-шь 3-3-звать меня Шуан.

Я стиснула протянутую трёхпалую хвостовую ладонь и слегка поклонилась:

– Очень приятно, Шуан. А с вашей мамой я тоже смогу познакомиться?

Серый нахмурился и опустил глаза, а после паузы ответил:

– Нет. Она погибла уж-ж-же давно...

– Очень сожалею... Теперь понятно, почему Макс никогда не касался этой темы. Моя мама тоже умерла, а потом и отец через несколько лет...

Старший брат Макса провёл пальцем по шраму на моей щеке:

– Главное, что мы их помним и продолж-ж-жаем любить...

Я кивнула и улыбнулась. Шуан мне очень понравился, хотя все ангалины до сих пор вызывали чувство искреннего восхищения.

Время в пути летело незаметно, как это ни странно. Мы останавливались на короткие стоянки всего лишь по два раза в сутки. Есть и пить я старалась по минимуму, да и Бумера тоже посадила на урезанный паёк. Легче всего было летуну, он не чувствовал никаких неудобств, то висая в клетке вниз головой, то ползая по закрытой части лодки, выход из которой я завешивала одеялом, чтобы не улетел, потому что никаких бечёвок или тоненьких верёвочек я не догадалась

с собой взять, чтобы привязать его за маленькие когтистые лапки.

Словно тройка лошадей ангалины тащили «торпеду», а кто-либо четвёртый отдыхал внутри вместе со мной и Бу. На стоянках волк носился по скалам с огромным удовольствием, я тоже разминалась, а потом мы грузились обратно и продолжали путь. Погода стояла жаркая, ведь мы плыли всё дальше и дальше на юг, и так как ангалинов я особо не стеснялась, то умудрилась отлично загореть, а местами и покрыться небольшими волдырями.

Прошло девять дней и вдали, на границе неба и воды, показалась большая земля. Но это я так подумала, что большая. На самом деле это всё-таки были острова – Большие Дрейфующие острова, и что удивительно, эти огромные участки суши действительно не стояли на месте. Медленно, но верно они двигались, дрейфуя по плавному и стабильному течению в этой части океана.

Никто из ангалинов не смог объяснить мне, почему острова не стоят на месте, потому как никогда не задавались таким вопросом. Тогда, порывшись в библиотеке, я заключила, что нижние слои пород под поверхностью очень пористые, возможно, застывшая вулканическая пена, пемза по-простому, и эти воздушные слои достаточно большие и прочные, раз позволяют островам всё время находиться в движении.

Мы с Бу сидели на носу, вглядываясь в горизонт. Тройка ангалинов, Шуан, Слай и Асс, тащила лодку, а Макс плыл

впереди. Вскоре я заметила вспышки света, а до уха донеслись звонкие, пронзительные свисты. Мои чешуйчатые ответили, а я поползла под крышу приводить себя в порядок – с самим Рексом вот-вот встречу, негоже выглядеть расстрёпанным чучелом.

Глава 5

Макс оказался тысячу раз прав, когда не хотел рассказывать, как выглядит город ангалинов на самом большом острове. Я словно попала в мир сюрреализма, кубизма и абстракционизма одновременно. То, что скалы этих островов легко поддаются обработке, только подтвердило предположение о пористости пород, слагающих главное пристанище ангалинов.

Морские обитатели не строили домов по принципу человеческих, однако таким удивительным образом обтачивали, а потом раскрашивали скалы, что весь остров представлял собой гигантский лабиринт из бесконечных колонн, совершенно разной высоты и формы, сводчатых потолков, вогнутых и выпуклых стен, круглых, овальных и волнообразных отверстий вместо окон... И всё это красочное, пёстрое, узорчатое, со вставками из причудливых раковин, подобий кораллов, разноцветных камней и каких-то прозрачных осколков!

Сначала я была настолько ошарашена увиденным, что ни-

чего не соображала. Но когда первый шок схлынул, я поняла, что же всё это мне напоминает – постройки великого испанского архитектора. Я попала в сны Гауди! Только невероятные и огромные настолько, что земному гению понадобилось бы с десятков жизней, чтобы возвести нечто подобное.

Открыв рот и вытаращив глаза, я ходила за Максом, восхищаясь и заваливая вопросами. Ангалинов кругом было столько, что несколько раз и я, и Бу наступали кому-то на лапы и хвосты, ну а молодые ангалинчики – дети, шныряли под ногами стаями пищущих, шустрых и очень любопытных ящериц.

Но имелся нюанс, который объединял удивительный город ангалинов с ранее виденным на Окатане – спиральная структура, почти такая же, как и в Тагри. По извивающимся то узким, то широким проходам мы поднимались всё выше и выше к настолько яркому и сияющему в лучах солнца пирамидальному сооружению, что у меня начала кружиться голова. Сбылась мечта! Когда-то ещё в школе я очень хотела поехать в Барселону, чтобы своими глазами увидеть странные, но гениальные, на мой взгляд, архитектурные шедевры Гауди, и даже начала учить испанский. Однако теперь, идя по извилистым, причудливым улицам, рассматривая округлые, конусовидные, трапециевидные, без единого острого угла и без дверей жилища ангалинов, предположила, что связь между Землёй и Окатаном, вероятно, существует не только на уровне пространственного перехода, но и мен-

тально или психофизически. Ведь так много общего было с тем, что строил испанский архитектор! Хотя увидеть своими глазами его творения у меня так и не получилось.

Макс был очень доволен произведённым эффектом. Обычно это я всех удивляла или ставила в тупик, а тут случилось наоборот. Рекс ожидал нас во дворце и, как объяснил друг, хотел, чтобы поначалу я немного освоилась. Шли мы очень долго, я даже несколько раз садилась отдыхать, но не потому что слишком устала, а от впечатлений и нарастающего волнения, но потом всё-таки не выдержала:

– А может, отложим встречу с твоим отцом? Ну хотя бы до завтра... Такой сумбур в голове... Что я ему скажу?

Мы находились уже довольно высоко над уровнем моря и волшебный пейзаж из трёх больших и десятка мелких островов с удивительными конструкциями, непонятно как удерживающих причудливые формы, гипнотизировал настолько, что я никак не могла оторвать от них взгляда.

– Отец умрёт от любопытс-с-ства до з-з-завтра, пожалей его, да и вс-с-сех нас! А то останемс-с-ся, как на Востоке, без наз-з-значенного нас-с-следника!

Я заулыбалась и потрепала Бу за лохматую гриву. В такой шубе, конечно, ему было жарко, нужно прятаться в тень:

– Ладно, уговорил... Это веская причина!

Когда через огромный арочный вход мы вошли в обиталище Рекса, я снова поразилась: как же здесь комфортно! Стены нагревались только снаружи, а внутри не были даже

тёплыми. А дышать-то как легко! Сквозь многочисленные отверстия проникало достаточно света, а благодаря их расположению на разной высоте создавался эффект кондиционирования воздуха.

Прежде чем предстать перед наиглавнейшим ангалином, Макс привёл нас с Бу в некое подобие комнаты, которую уже подготовили к моему приезду. Это было большое и почти круглое пространство с четырьмя дырками-окнами овальной формы и пятью витыми колоннами, скрученными словно гигантские верёвки: самая толстая – в центре, а четыре других – на равном расстоянии по периметру. Стены расписаны причудливыми узорами с вмурованными перламутровыми раковинами, поблёскивающими под падающими лучами, а пол устлан мягкими коврами и раскиданными подушками различных форм, от круглых и квадратных до вытянутых валиков; низкий столик, несколько сундуков и огромное отполированное металлическое зеркало на причудливой треноге.

В полном обалдении я развела руками:

– Макс, нет слов... Это даже лучше, чем дворец султана из восточных сказок!

Сверкнув изумрудными глазами, любимый друг ухмыльнулся:

– Ты ещ-щ-щё наружу выгляни...

Переступив через несколько подушек, я высунулась в ближайшее отверстие. Чистое синее небо, сверкающее море и сказочный город из детского сна... Потрясающе!

Все мои пожитки уже лежали у одной из витых колонн, кроме золота конечно. Я порылась в мешке и достала узелок со «слезами богов»:

– Сам Рексу вручишь?

Макс покачал головой:

– Лучш-ш-ше ты...

– А про Храм будем говорить, ну что «сломался»?

Друг нахмурился, ковыряя когтем бороздку на колонне:

– Не з-з-знаю... Но с-с-сказать надо...

– Ладно, будет спрашивать, скажу, что это я тебя попросила, а ты пока помалкивай.

Великий Ангалин Рекс ожидал меня в огромной, светлой зале с причудливой колоннадой в два ряда. Отец Макса возлежал на некоем возвышении, устланном цветастыми коврами, похожими на те, что я уже видела в своём временном пристанище, а вокруг этого лежачего трона на подушках расположилось не меньше двух десятков других ангалинов – Совет старейших.

Прошагав почти половину футбольного поля, я остановилась у начала пушистого ковра – на него нельзя было заступать, Макс успел вовремя предупредить. Мой друг склонил голову, изогнув шею немного в сторону и прикрыв глаза. Я тоже кивнула, но взгляда не отвела, слишком уж интересной картина оказалась.

Великий Ангалин был крупнее Макса раза в полтора: большие лимонно-жёлтые глаза, тёмно-серая чешуя с тон-

кими, белёсыми полосками по контурам и странные золотые узоры, словно татуировки, на самых крупных пластинах гибкого тела. А на спине и груди накинута нечто вроде сетки с какими-то блестящими висюльками – с первого взгляда сложно было понять, из чего они сделаны. На некоторых старейших и мудрейших представителях рептилоидной расы Окатана я тоже заметила похожие золотые узоры, только на каждом ангалине их было меньше, чем у самого Рекса.

Всё это время, пока я рассматривала окружающих, они также пристально разглядывали меня, да и Бумера, который спокойно стоял рядом, высунув красный язык. Максик же словно окаменел в уважительной позе. Наконец Рекс моргнул и проговорил очень чётко, почти без шипения:

– Так вот ты какая... вечная любовь моего сына...

Потом он легко прыгнул со своего ложа, и огромная голова с подвижными шевелящимися ноздрями оказалась почти у самого моего лица. Бумер дёрнулся и злобно зарычал. Великий Ангалин Рекс глянул на волка и грозно рыкнул в ответ, да только впустую. Длинная щетинистая шерсть на спине волка моментально встала забором, а глаза начали краснеть – Бу уже давно ничего и никого не боялся.

Рычание с обеих сторон неуклонно нарастало. Я нащупала ошейник среди пушистой гривы и глянула на Рекса:

– Не стоит дразнить горного волка, ваше великорексие...

Правитель ангалинов замолк и его сильно выдающиеся надбровные дуги с торчащими маленькими и твёрдыми че-

шуйками поползли вверх:

– Как ты с-с-сказала?! Ваше великорексие?!

Громкий хохот сначала Рекса, а потом и остальных ангалинов носился по гулкому залу долго. Сперва я глупо улыбалась, понимая, что снова «отморозила», но потом, видя, как искренне и вполне по-доброму все дружно хохочут, выдохнула.

Рекс произвёл приятное впечатление. Оказалось, что Макс во многом похож на него не столько внешне, сколько повадками и чертами характера. Я вручила правителю ангалинов официальное письмо от Карелла с просьбой о помощи, а также передала мешочек со «слезами». Рекс быстро пробежал глазами послание и поднял ясные очи на меня и Макса:

– Золота в том месте ещё много осталос-с-сь?

Мы кивнули, а Макс ответил:

– Очень. Я с-с-сам видел жилу...

Рекс помолчал немного и спросил:

– Почему Великая богиня решила так пос-с-ступить, отдать золото нам?

Я задумалась. А ведь, действительно, почему?!

– Не знаю... Наверно, потому что ваша жизнь очень сильно зависит от него, а для людей это всего лишь деньги, богатство.

– А город, которым ты владеешь? Разве золото там не нужно?

– Нужно, конечно... Латрас развивается, растёт. Последнее время пошла хорошая прибыль и от караванов, и от торговых шхун, но золота что я привезла, хватит, чтобы сделать его самым важным портом на пути между Банкором и Гейзой.

– Здоровое рассуждение... – кивнул Великий Ангалин. – Третий претендент на трон может рассчитывать на помощь, тем более что, по последним сведениям из Банкора, без неё он никак не обойдётся-с-ся... А золотая жила и свободный доступ в Храмы достойная плата, большего нам никто не сможет предложить.

Сойдя с помоста, Рекс принялся шушукаться со старейшими и кое-что мне удалось расслышать, ведь ангалинский я тоже понимала, благодаря «траве разума», которая на самом деле была не каким-то растением, а сушёными и истёртыми в порошок животными типа земных актиний. Подмогу Кареллу из трети окмиля боевых рептилоидов Рекс намеревался отправить в Латрас уже в ближайшие дни, а чуть позже ещё столько же.

Я глянула на Макса, также напряжённо вслушивающегося в шипение старцев, и подумала: «Ничего себе! Два раза по две с половиной сотни! Отбить Банкор у Инзара с таким количеством будет плёвое дело, не говоря уже про Перрикол!» На этом знакомство закончилось, и я была рада, что всё прошло вполне благополучно и даже весело.

Глава 6. Латрас

Широкая и немного неуклюжая шхуна отчаливала долго. И это несмотря на сильное течение от берега. Дайк стоял на причале, провожая взглядом исчезающее в рассветных лучах двухмачтовое судно. Как он ни уговаривал деда повременить с отъездом, но Хилл всё-таки уехал. Путешествие на Запад не прошло бесследно, и дед сильно сдал после возвращения. И хоть Дайк отпаивал Хилла разными укрепляющими настоями да отварами и это пошло на пользу, против очередного вояжа всё-таки возражал, особенно сейчас, когда мир на Востоке висит на волоске, а северяне и Запад только и мечтают разорвать Восточные территории на части. Но деда было не переубедить.

Уже давно в глубине души Дайк не обижался на своего любимого родственника. С тех самых пор как познакомился с Кари, наверно. Он долго не мог понять, почему дед так любит его мать, свою единственную дочь, ведь у него был он, Дайк, который старался быть хорошим внуком. Только теперь многое изменилось. Дайк понял, вернее прочувствовал, что значит любить до дрожи, до какого-то панического ужаса потерять объект своей любви навсегда, и не важно, кто это: ненаглядная женщина, кто-либо из родных или друзей. Потому все последние дни перед отплытием в Гейзу просто собирал Хилла в дорогу, пакуя по мешкам травяные сборы и

напоминая, как и что принимать в случае плохого самочувствия.

От себя лично он написал письмо матери, а также короткое послание Арвиду эн Фрейру, ведь всё-таки благодаря ему тарфарак выпустил из Тагри «Чёрную медузу». И хоть «викинг» пытался оставить Кари на Севере в качестве своей супруги, его любимая никогда плохо не отзывалась о нём. Наоборот, сожалела, что чувства к ней причинили северянину боль. Дайк сам толком не понимал, зачем написал Арвиду. Проснулся как-то среди ночи, достал бумагу и, почти не думая, сообщил старшему гимастриану, что с Кари всё в порядке, однако путешествие на спине ангалина через холодные воды не прошло без последствий и она какое-то время не могла нормально разговаривать и долго хрипела, но теперь всё хорошо. А также написал, что зла на него Великая богиня не держит, просто при первой возможности неплохо бы вернуть любимые сапоги из крокодила, которые пришлось оставить при побеге с галеры. И всё.

До самого утра Дайк перечитывал это послание, составленное не совсем в подобающем тоне для столь высокопоставленного лица, думая, порвать или всё же передать с дедом. Но потом свернул в рулончик и залил воском. Ещё до самого отплытия торговой шхуны из Перрикола он думал, правильно ли поступил и как посмотрит на это Кари, когда вернётся, но теперь было уже поздно.

Идя вдоль пристани, а потом поднимаясь по улице, он ни-

как не мог успокоиться и размышлял, почему это сделал, ведь Кари не просила, да и необходимости поддерживать с Арвидом какой-либо контакт не было. Уже ближе к вечеру, когда Дайк объехал всех своих пациентов (работы для лекаря теперь в Латрасе хватало), принял роды в семье одного из караванщиков да ещё успел разобрать кучу свежесобранных корешков и травок, в его городской дом заявились Карелл с Берком. С момента отъезда Кари и трёх недель не прошло и разлука ощущалась настолько сильно, что он даже не вздумал отказаться, когда Берк поставил на стол бочонок с кшасой.

Если целый день было очень тепло и ясно, то к вечеру погода испортилась. Подул прохладный ветер с моря, небо заволокли тучи и стал накрапывать дождь. Каол разлил кшасу по кружкам, а Дайк быстро собрал на стол. Поначалу они пили и закусывали молча, но после второй кружки Берк хлопнул парня по плечу:

– Да не переживай ты так! Вернётся наша золотая девочка!

Дайк ничего не ответил, лишь хмуро кивнул, а Карелл буркнул:

– Наша... Но не твоя... Ни в каких чувствах Кари тебе не признавалась...

– Но ведь и тебе тоже! – Берк за словом в карман не лез никогда.

– Вы опять начинаете! – Дайк стукнул кулаком по сто-

лу. – Ведь договорились, никаких споров о Кари! У вас двоих только одна тема для обсуждений!

– Ну почему же одна?! – каол хохотнул и принялся наполнять кружки, но выпить никто не успел. За окном мелькнули тени, послышались шаги и Грас пробасил:

– Так и знал, что вы здесь! Карелл, ангалины тебя ищут!

А в Тухлый дом прибыл гонец от Рекса с сообщением, что наёмники в пути и через несколько дней появятся в городской бухте, а также при них имеется официальный ответ Великого Ангалина на письмо третьего претендента.

Два дня для Карелла пролетели незаметно, а дел было ещё много. Нужно и ангалинов встретить, и подготовить новые телеги для их перемещения, ведь посадить рептилоидов в сёдла не представлялось никакой возможности. Они с Грасом возвращались с дальнего кордона, когда здоровяк вдруг сказал:

– Я сегодня ночью Олли застал на конюшне...

Карелл дёрнул поводья, и Дикарь замедлил шаг:

– И что?

– Станный он последнее время... Не помнил, зачем туда пришёл и глаза такие...

– Какие? – Карелл хмыкнул. – Небось перебрали вчера с Лакром...

Грас пожал плечами:

– Как пустые, что ли... Да и Берк, похоже, подозревает в чём-то нашего Оллиана, но, хоть я и спрашивал, он толком

ничего не сказал...

– Берк себе на уме. Но его помощь весьма существенна, даже неоценима. Я уверен, что он с нами только из-за Кари. Он ей служит в первую очередь и, скорее всего, у него какие-то свои, далеко идущие планы, о которых он никогда не проговорится, даже будучи пьяным.

– Согласен, – Грас кивнул, задумчиво рассматривая камни вдоль обочины. – Так я пригляжу за ним?

– За кем?

– За Олли...

– Только незаметно. Он не должен почувствовать наше недоверие.

Глава 7

День до вечера пролетел так быстро, что я даже опомниться не успела, столько было всяких впечатлений. На территории дворца имелось большое пресноводное озеро, которое пополнялось очень интересным способом. В этих широтах ливни были частым явлением, и когда шли большие дожди, вода проникала сквозь породу как через фильтр, по каким-то каналам стекая в этот бассейн. Купаться в нём было нельзя, так как вода использовалась для питья, а вот черпать мне разрешили в любых количествах.

Как всё-таки правильно я сделала, что взяла Бумера с собой! Ведь обиталище Рекса – это сплошной лабиринт хотя

и очень красивый, а с волком я и без Макса могла бродить где угодно, мой лохматик всегда был в состоянии вывести к исходной точке. Я так устала за первый день, что провалилась в сон сразу после плотного ужина, который быстро приготовила, забросив в походный котелок завитую раковину. Да вот только, засыпая, совсем не предполагала, какие невероятные, удивительные, но и очень страшные открытия ожидают всех нас в последующие дни.

Потянувшись после сладкого сна, я первым делом увидела Бу, с наслаждением грызущего какую-то кость, а вот Макс появился, когда работа по сооружению за зеркалом некоего подобия умывальника была почти закончена. Мой ангалин принёс кусок турмана, уже готового к употреблению:

– Вс-с-се ждут только тебя! Ешь и пош-ш-шли быс-с-стрее!

Я не стала возмущаться, ведь продрыхла гораздо дольше обычного, а на новом месте спалось ничуть не хуже, чем в Тухлом доме. В приёмной зале меня усадили на круглый низкий стул странного вида. Макс шепнул: «Это вс-с-сё, что осталос-с-сь от панцирного осьминога, который поломал мою мать... Отец с-с-сам убил его...» Рекс улыбнулся мне и кивнул, а после сделал знак и несколько ангалинов удалились в боковой проход.

– Ну, как почивалось? – вопрос ангалинского правителя был адресован лично мне.

– Прекрасно! Я хорошо отдохнула, спасибо.

Рекс одобрительно кивнул и принялся перебирать хвостовыми пальцами тонкие золотистые подвески на сеткообразной мантии.

– Наши предки, Великие анги были настолько умны и мудры, что тайны их жизни раскрываются нам с большим трудом... – заговорил Рекс задумчиво. – Да и война с богами очень мало оставила свидетельств их существования... Реликвии ангов мы собираем и храним уже бесчисленное количество поколений и всё равно очень мало знаем о них... Внесите Книгу ангов! Вдруг наша божественная гостья поможет понять, как прочесть её! – последнюю фразу Рекс выкрикнул громко, я даже вздрогнула.

Сначала ангалины поставили небольшой кованый столик на низких ножках, а потом я увидела, как двое старейших вносят некий предмет, держа его над собой в хвостовых пальцах, и при этом двигаются с таким важно-торжественным видом, что захотелось вскочить и запеть гимн. Я встала и поклонилась Рексу:

– Это большая честь, Великий Ангалин, да только я не уверена, что смогу чем-либо помочь, хотя и очень хочу...

Рекс ничего не ответил. Он только пристально следил за каждым движением несущих священный груз. Когда на столик аккуратно положили древнюю ценность, а один из старейших развернул толстую ткань, я несколько минут ничего не соображала, а просто тупо пялилась на сей предмет. Рекс опять кивнул и один из старейших, с красивым дугообраз-

ным золотым узором на лбу, подцепил хвостовым пальцем угол и раскрыл книгу на две половинки, оставив одну часть стоять почти вертикально. Передо мной лежал ноутбук!

Конечно, он не был идентичен земным аналогам, однако то, что это именно подобное устройство, не вызывало никаких сомнений. Дурацкий смешок вырвался неожиданно и сам собой, но я быстро зажала рот ладонями. Хлопая глазами, я пялилась на чёрную пустую откидную панель, на символы языка древнейших на другой половине, обалдело понимая, что смотрю на самый обычный переносной компьютер! Кнопочной клавиатуры не было, символы размещались прямо на панели и как я поняла, до них нужно просто дотрагиваться, чтобы ввести данные. По краям этой «клавы» ангов располагалось много других символов в виде треугольников, кружочков, ромбов, иногда перечёркнутых, возможно, знаков регистров, пробелов и так далее... Вот вам и Книга ангов! Теперь понятно, почему ангалины не могли её прочитать, ведь они даже не представляли, что именно берегли и хранили долгие века!

Тот самый старейший дотронулся до моего локтя и я дёрнулась, а потом, глядя в его оранжевые глаза, снова глупо хихикнула. Рекс соскочил со своего ложа и плюхнулся рядом со мной и Максом, а старейший сказал:

– Мы не мож-ж-жем понять, что здес-с-сь напис-с-сано, ведь меж-ж-жду буквами языка наш-ш-ших предков, соверш-ш-шенно, нет с-с-связи...

И вот тут меня прорвало:

– А между ними и нет никакой связи! Символы расположены таким образом не для того, чтобы читать их, а писать с их помощью! И готовый текст должен появляться вот на этой, пустой половине! Это не совсем книга – это компьютер! Это лучше, чем просто книга! Тут может содержаться гигантская база данных! Столько книг, что и в этой огромной зале не поместятся!

Сначала ангалины замерли, словно их всех разом стукнули чем-то тяжёлым, хотя, по сути, так оно и было, а потом Макс завопил:

– Я ж-ж-же говорил!!! Я же говорил, отец, что Кари разберётся-с-ся! Кари з-з-знает, что это такое!

Рекс поднял переднюю лапу, и Макс моментально замолк:

– Я, конечно, почти ничего не понял из твоих с-с-слов, Великая богиня... Но можно как-то попонятней объяснить?

Недолго думая, я уселась прямо на пол и, упрощая до возможных пределов, начала рассказывать всё, что знала о компьютерах. Когда я схватила ноут ангов, никто и слова против не сказал, настолько заворожённо ангалины слушали. Я перевернула его, осмотрела со всех сторон, показала несколько отверстий в корпусе, вероятно, для подключения дополнительных устройств, а потом нажала на еле заметную, плоскую боковую кнопку. Внутри тихонько щёлкнуло, и выскочила квадратная панелька, возможно, для дисков, как в самом обычном ноутбуке. Все шарахнулись в стороны, даже Рекс,

а вот Макс сидел рядом с таким гордым видом, что на него без смеха я и глянуть не могла.

– Это слот для внешних носителей информации. Чтобы не таскать «книгу» с собой, нужные данные можно просто перенести на маленький носитель, а потом вставить в другую подобную «книгу», допустим далеко от дома, и прочитать всё что нужно. Это очень удобно, просто «книга» у вас одна, поэтому в подобном случае это бессмысленно...

Рекс икнул, а потом почесал когтем между глаз:

– Маленький носитель, говориш-ш-шь... А ну-ка, тащите сюда ящик!

Четверо старейших опрометью бросились в боковой проход. Когда я увидела содержимое длинного, герметически закрывающегося ящика, то разразилась хохотом. Там лежали дискеты или некое их подобие. А точнее, нечто среднее между дискетой и перфокартой, потому как на угольно-чёрных, гибких пластинах, помимо концентрических кругов, как на старых грампластинках, имелись малюсенькие дырочки – я разглядела их, подставив эти штучки солнечному свету.

Наугад выбрав одну пластинку, помеченную в углу красной точкой, я положила её в подобие дисковода и нежно задвинула на место. Ангалины ловили каждое движение, приоткрыв клыкастые пасти.

– И что теперь?! – воскликнул Рекс, когда слот щёлкнул внутри корпуса.

– А теперь надо включить, если «книга» работает, конечно...

Макс пихнул меня в бок:

– Как включить?! Как Храм, что ли?!

– Вероятно... Как мы уже знаем, анги использовали энергию света напрямую. Только непонятно пока, как это сделать...

Глава 8

Битый час я ходила вокруг прибора, соображая, каким же образом проверить, работает он или нет: «Нужен свет... Сверкание, как тогда в Храме... Но там имелось нечто вроде розетки, куда Макс всунул хвостовые пальцы и сверкнул. Храм получил фотонный импульс и вся система заработала... А в «книге» отверстия маленькие, словно для обычного штекера типа вход-выход...»

Макс, Рекс и старейшие бродили за мной по залу как дрессированные собачки, возможно, думали, что так я смогу лучше соображать, но ничего путного в голову не приходило. Наворачивая очередной круг, я резко развернулась и столкнулась с Рексом. Подвески на его сетке тихонько звякнули и одна зацепилась за край моей рубахи. Освободив блестящую штучку, я поднесла её к глазам и спросила:

– Это тоже наследие ангов?

Рекс кивнул.

– Это не украшение... – прошептала я. – Это именно то, что нам нужно! Снимайте!

Кто-то из старейших прошипел, что, мол, символ власти Рексов с незапамятных времён никому трогать нельзя, но Великий Ангалин так глянул, что все недовольные быстро прикусили языки. Разложив на полу это подобие сетки, которое состояло из переплетения тонких, но крепких проводов, на концах которых с одной стороны имелся штекер, а с другой – зажим в виде плоского «крокодильчика», я принялась за распутывание. Когда всё получилось, я распрямила толстую позолоченную нить, вставила в отверстие на нижней панели, помеченное кружочком с расходящимися лучиками, а вот глядя на «крокодильчика», немного затупила: «А его куда?!» Макс рядом глубоко вздохнул и крупные пластины на его спине слегка приподнялись. Рука сама потянулась к другу, и зажим плотно сомкнулся на крупной чешуйке. Ангалины замерли, похоже, даже дышать перестали.

– А теперь сверкай, но только медленно и плавно, а не так, как тогда... Слишком много света нам не нужно.

Макс выпучил глазюки и тихо прошипел:

– Я боюс-с-сь...

– Спокойно. Ты прекрасно умеешь это делать, очень медленно включать свечение... Давай, не трусь!

– Не-е-ет... А вдруг как в Храме получитс-с-ся?

– Делай что тебе говорят! – рявкнул Рекс. Макс зажмурился, и слабое свечение начало проступать из тела друга.

Сияние плавно усиливалось, но ничего не происходило. Когда минут через пять-десять экран моргнул голубоватым цветом, ангалины ахнули и бросились врассыпную, вопя, что Священная Книга ангов всё-таки откроет свои тайны! От их свистов и других пронзительных звуков заложило уши, но я продолжала следить за экраном, по которому уже побежали стройные ряды древних символов.

– Загружается... – прошептала я, глядя на бесконечное движение, а потом завопила вместе с ангалинами: – Работает!!! Рабо-о-отает!!! Он работает!!!

Шипяще-свистящей и толкающейся кучей старейшие сгрудились вокруг и заголосили ещё громче:

– Убегают!!! А куда они убегают?! Держ-ж-жите их!!! Знаки древнейш-ш-ших убегают!!!

– Спокойно!!! Ничего! Никуда! Не убегает! – я подняла руки и усилила голос, чтобы их перекрычать. А когда все заткнулись, уже тише добавила: – Всё в порядке, просто «книгу» очень долго не включали и теперь она сама себя проверяет или тестирует, как говорят у меня на родине. Экран маленький и не может сразу показать всё, что содержится в ней, не волнуйтесь.

Проверка системы заняла около часа, но когда экран снова моргнул и очистился от бегущих строк, появилась картинка, вернее фотография. На нас смотрел юноша. Обворожительная улыбка, ямочки на щеках, смуглая кожа, коротко постриженные волосы, тонкий нос, чёткий подбородок, сме-

ющиеся карие глаза – потрясающей красоты парень!

– Кто это?! – прокричал Рекс прямо мне в ухо.

– Не знаю... Последний хозяин «книги», наверно... У нас тоже так делают, на заставку ставят какую-нибудь картинку или свою фотку, как кому больше нравится. А может быть и так, что «книга» принадлежала девушке, а на экран она поставила фото любимого или мужа, а может, это сын той женщины, что владела «книгой»... Вариантов бесчисленное количество...

– Фотка?! Что это?! – Великий Ангалин разговаривал со мной настолько искренне и просто, словно мы на равных, давно и хорошо знакомы. Хотя... я – богиня, он – верховный правитель, мы и есть равные.

– Это очень быстрое изображение любого объекта, полученное специальным аппаратом. На Земле таких много, разных размеров, принципов устройства, есть почти у каждого...

– А у тебя был?

– И не один... У меня и «книга» подобная вашей была, правда, работала от электричества, а не напрямую от света.

Глаза Рекса сошлись ближе к центру, словно окосели, и он медленно проговорил:

– Всё, больше не могу... Хватит на сегодня.

Я поддакнула:

– Правильно. А то уж очень есть хочется!

А между тем день склонился к вечеру...

Глава 9

Я лежала на песчаном золотистом пляже, прикрыв глаза. Вечер был великолепен. Бу носился по берегу живописной бухты, полностью защищённой от моря. Дрейфа островов никак не ощущалось, цветастые скалы скрывали океанские просторы – кругом тихо и очень спокойно. После ужина Макс привёл в это удивительное место, предупредив, что только Рекс здесь купается. Я хохотнула:

– Мне оказана такая честь?!

Друг нежно улыбнулся:

– Наоборот. Это ты окажешь-ш-шь честь отцу, ес-с-сли будешь-ш-шь отдыхать тут...

– И купаться можно?!

– После того что ты с-с-сделала, тебе всё мож-ж-жно... Они там вс-с-се до сих пор в с-с-себя прийти не могут, даже отец! Кто ж знал, что это не книга вовс-с-се, а нечто соверш-ш-шенно невероятное!

Я перевернулась на бок и увидела, как сам Великий Ангалин направляется в нашу сторону, и совершенно один к тому же. Купался он долго: ныряя, высоко выпрыгивая и носясь кругами. Потом Рекс вылез и улёгся рядом с нами. Меня мучил один вопрос, но не хотелось опять грузить их, да только наш гостеприимный хозяин сам прервал молчание:

– Что ты натворил в Храме?

Макс вздрогнул, а я только собралась вставить свои «пять копеек», но не вышло.

– Не надо, Кари, – голос Рекса был спокоен. – Я слиш-ш-шжом хорошо знаю своего сына...

Макс понуро опустил голову и рассказал всё как было.

– Значит, «слёзы» вылились куда-то?

Я поддакнула другу:

– Да. Я стучала по бочке, звук был очень гулкий.

– Это не страш-ш-шно... Главная ценность Храма – «слёзы богов», а раз их там уже нет, то и переживать нечего.

Макс блаженно закатил глаза и выдохнул, а я всё-таки спросила:

– Выходит, что древнейшие анги выглядели как люди?

Рекс обернулся:

– Дело в том, что мы не з-з-знаем, как именно выглядели наши предки, и всегда думали, что они были такие же, как и мы, ведь не сохранилось никаких изображений... А вот этот человеческий юноша в Свящ-щ-щенной Книге ангов – новая загадка... Ты, Кари, открыла самую древнюю и важную тайну, объяснила нам её с-с-суть, но теперь я понимаю, что загадок от этого может только прибавиться...

– Но ведь это ваше право – продолжать разбираться или нет, – я в упор посмотрела на Великого Ангалина.

Его крупная голова приблизилась и, глядя прямо в глаза, он ответил:

– Право-то моё... но разбираться будешь ты, нас-с-след-

ница ангов, у тебя это отлично получается. Ну а я, после сегодняшнего, даже дотрагиваться до неё боюсь...

Макс прыснул в сторону, Рекс открыто и широко улыбнулся, а я развела руками:

– Чего и следовало ожидать...

Больше двух недель я практически не поднимала от ноута головы. Самой сложной задачей оказалось понять общий принцип работы системы. Что крайне порадовало, так это то, что до экрана можно и нужно было дотрагиваться, прикасаясь к «иконкам» на дисплее. А вот буквы на панели необходимы были только для ввода символов, в отличие от боковых знаков, которые имели очень широкий спектр действия.

Используя вечный, самый надёжный и проверенный «метод тыка», я всё-таки добилась некоторого прогресса и сильно тупила только первую неделю, дальше дело пошло быстрее. Макс, Шуан, Слай и Асс стали моими личными слугами и... батарейками. Они готовили для меня, кормили Бу и летуна, подносили, уносили, подавали, попеременно высиживая вахту с подключённым к чешуе проводом.

Рекс заглядывал по несколько раз на дню и почти каждый раз находилось чем его удивить. На мои исследования был наложен гриф «совершенно секретно» и других ангалинов ко мне не подпускали, даже старейших. Когда я всё-таки выходила из своих покоев, все встречные рептилоиды кланялись, словно перед ними сам Рекс, и называли не только богиней, но и наследницей ангов, так как только я могла пони-

мать Священную Книгу.

Язык древнейших, который и был языком ангов, я знала вполне неплохо, уроки и настойчивость даром не прошли, что весьма мне льстило: «Какая же я всё-таки умница-разумница, что не теряла в походах времени даром, а учила, доставая то Дайка, то Карелла. Как же теперь всё это пригодилось!» Усиленная работа над «книгой» ангов приводила только к подтверждению прошлых догадок и размышлений. Суть этой древней и удивительной расы просто поражала своей уникальностью. Свет и золото... Драгоценный металл, который давал им возможность получать, минуя всяческие сложные приспособления, энергию фотонов напрямую.

На ящик с дискетами (буду так называть эти штуки) я сначала смотрела с ужасом, ведь пластин было более сотни разной степени сохранности, но стоило только сесть и пересмотреть одну за другой, как мы с Максом очень быстро разобрали их на отдельные кучи. Каждая дискета была помечена цветной точкой: семь цветов радуги и белый. Всего восемь групп. Потом из каждой мы выбрали самые целые: без царапин, заломов и других явных повреждений, и я решила просматривать их в первую очередь. И вот именно с этого и началась самая страшная часть моих исследований.

Глава 10. Дирма. Южный дворец Западного терра

Громкий, чёткий и даже вибрирующий звук разнёсся по затемнённому коридору. Шагающий мужчина в летах был невысок, коренаст, с прекрасной осанкой. Одет довольно просто, но боевой топор за широким поясом и короткий меч у бедра выдавал воина, хотя доспехов на нём не было. Личные покои Великого террхана открылись перед входящим так стремительно, словно его давно и крайне нетерпеливо ждали.

Как только массивные двустворчатые двери закрылись, из самого тёмного угла раздался хриплый и немного скрипучий голос:

– Есть новости?

Мужчина низко поклонился:

– Видение, мой повелитель...

– Рассказывай, – Террхан Запада откинул полог, прикрывающий его от и так еле-еле проникающего в эту мрачную комнату дневного света.

– Он видел множество ангалинов в бухте небольшого города. По описанию похоже на Латрас, что на восточном побережье. И третьего претендента, принимающего от одного из этих морских чудовищ некое послание, вероятно, от самого Рекса.

– Та-а-ак... – протянул правитель. – А сколько ангалинов было?

– Он сказал, что вся пристань будто усыпана их чешуёй.

Терр нахмурился и резко вскочил с мягкого кресла, устланного пушистыми шкурами:

– Выходит, Карелл умудрился получить поддержку Рекса...

Собеседник кивнул и снова уставился в пол.

– А богиня?

– Её не было там. Но похоже, что именно она и посодействовала заключению договора о наёмниках. Сны очень сбивчивы... Орайну сложно уразуметь, что делается вокруг брата. Много противоречивых мыслей и видений... Непонятно, что происходило по-настоящему, а что нет...

– Ты должен запоминать каждое слово и докладывать мне всё! – выкрикнул Великий террхан, брызнув слюной. – Орайн может подчинить его?! Его брат как-то реагирует на мысленные приказы?!

Невысокий пожал плечами:

– Вероятно, пока он не понимает, что кто-то пытается влиять на него и только один раз сделал то, что Орайн приказал.

– И что же? – терр звякнул толстой золотой цепью на груди.

– Сходить ночью на конюшню...

– И он выполнил?

– Да. Но потом забыл, зачем туда пришёл, и вскоре все

видения исчезли. Лишь через несколько дней Орайну снова удалось почувствовать его.

– Ладно... – правитель отмахнулся и сжал виски. Сегодня у него очень сильно болела голова, а дневной свет раздражал настолько, что он никак не мог спокойно воспринимать окружающих.

Во время этих приступов властитель Запада становился очень агрессивным и предпочитал переживать их в уединении, прячась от семьи, слуг и яркого света. Никто не должен знать, что он так мучается, тем более сейчас, когда Восток сам идёт в руки, а пустынниками управлять очень легко, как оказалось. Они словно рой диких красных пчёл, подчиняющихся матке. Достаточно было убрать лидеров семейных кланов, как братья-близнецы, даже находясь среди своих, теряли ориентацию и не понимали, что им нужно делать, чтобы продолжать вести прежний образ жизни.

Великий террхан раз измерил шагами комнату, а потом обернулся к гостю:

– У нас нет времени ждать, пока внушение подействует. Как, ты говорил, его зовут?

– Оллиан, но все кличут Олли...

– Если бы тогда их взяли на Кифовом носу, то третьего претендента сейчас бы не существовало! – терр ощутил, как очередной приступ сжимает затылок.

– Вы знаете, правитель, почему так получилось, – глянув прямо в грозные очи терра, ответил мужчина. – Как только я

понял из сна Орайна, где они находятся, то сразу же известил вас. А в том, что первый летун не попал к Инзару, нет ничьей вины.

Высокий, седовласый терр скрипнул зубами и ткнул пальцем в грудь личного слуги:

– Делай что хочешь, Думран, но этот Олли должен убрать и Карелла, и девчонку с дороги. Бери Орайна и отправляйтесь на Восток. Они должны обязательно встретиться. Кто знает, вдруг личная встреча позволит полностью завладеть его сознанием... Если не получится, сделай всё сам или найми кого-нибудь из тех, кто не жаждет видеть грабителя караванов новым террором, хотя с этим будет сложнее. Карелл слишком хорошо платит за верность. Ну а я займусь Банкором... Хватит уже Инзару в роскоши купаться, подошло к концу его время. Пора присоединить Банкор к Большим Южным прериям, а там и до столицы доберёмся. Пустынников слишком много даже для ангалинов...

Отвесив низкий поклон, Думран удалился, а правитель западных земель обессиленно рухнул в кресло. Голова раскалывалась уже нестерпимо, наполняясь не столько болью, сколько всё более нарастающим звоном. Терр потянулся к полу, нащупывая кувшин с кшасой, настоящей на синих ягодах. Только постоянные вливания этого крепчайшего и горьковатого напитка не давали боли полностью захватить разум. Сделав несколько глотков, пожилой, но отлично выглядящий в свои семьдесят мужчина, со вздохом откинулся

на высокую спинку и закрыл глаза.

Через несколько минут, когда кшаса разлилась приятным теплом по всему телу, боль начала понемногу отступать хотя бы пронзительный звон исчез, и терр смог снова предаваться размышлениям: «Ещё несколько дней... Всего лишь несколько дней и боль уйдёт... Мучительна плата за господство над пустынниками, но оно того стоит... Надо перетерпеть... перетерпеть... – терр поднял кувшин и снова прихлебнул. – Этот болван Думран думает, что благодаря своему племянничку-полуидиоту проложит себе дорогу к креслу пархонта, только он глубоко заблуждается и верит всему безоговорочно. Да... Прадед был прав... Как же он был прав! Вот только слушать его тогда никто не захотел. Как вовремя попала в руки его летопись, да и этот странный свисток лежал именно в том месте, где и было указано. Великое знание, способное положить к моим ногам весь мир, валялось в пыли и паутине у самого старого архивариуса, что уже лет двадцать как выжил из ума! Но ничего, ничего... скоро всё изменится... Начнём с Востока, а там северяне сами на коленях приползут, держа в зубах мешки с золотом, а после и до Рекса дойдёт очередь. Пусть проваливает со своими ящерицами в океан! Островной пояс слишком богат, чтобы позволять им столько веков там хозяйничать!»

Великий террхан влез за пазуху и достал некий предмет, очень похожий на губную гармошку. Покрутил в пальцах и всмотрелся в желтоватую надпись на тёмной, матовой по-

верхности. «Твоя боль»... В сотый или уже в тысячный раз прочитал он знаки языка древнейших. «Ни мой дед, ни отец не рискнули в своё время попробовать померяться силами с Востоком, слишком боялись перемен... Но ведь я долго готовился: отправлял шпионов, посадил в восточной столице своих людей, обработал Элгана с Инзаром, и два жадных высокомерных дурака медленно, но верно травили собственного отца. Отлично получилось сыграть на желании обоих занять трон, когда выяснилось, что папаша не желает видеть на своём месте никого из старших сыновей... Кареллан получил по зубам ещё тогда, в битве за прерии, но не успокоился, а теперь и на престол замахнулся, но, надеюсь, что близнец его дружка Олли решит проблему и друг превратится в злейшего врага. Кто ж знал, почему именно древнейшие повелели убивать одного из близнецов?! Такие братья зависят друг от друга, а про то, что их может родиться трое, четверо и даже пятеро, вообще никто не помышлял, а чем их больше, тем легче они поддаются влиянию, особенно с этим странным свистком. Эта штука превращает обычных на первый взгляд людей в послушных и, главное, бесстрашных рабов, которые выполняют любой приказ и идут на смерть совершенно спокойно, как тупое стадо. Только вот новоявленная богиня может подпортить планы. И откуда она взялась?! Словно с неба свалилась... Кари... И почему она появилась на Востоке, а не у нас или на Севере? Хотя даже в Тагри уже умудрилась побывать... Понятно, почему северяне стру-

силы и отказались помочь с галерами, как раньше, а ведь я им весь северо-восток пообещал! Испугались! Всё про сияние дома Хранителя, что в горах Акрим, талдычили... Жаль, что управлять пустынниками могу только я и плачу за это страшной головной болью, но ничего... Настоянная кшаса пока помогает, главное – пользоваться этой свистулькой как можно реже, ведь именно от неё так плохо... В летописи прадеда была непонятная фраза «акустический код»... Что же она означает?..»

Ход мыслей Великого terra прервал осторожный стук в узкую боковую дверь. Головная боль почти утихла и правитель даже довольно радостно произнёс:

– Входи, Угран...

Длинный, тощий советник плавно приблизился и замер в поклоне:

– На днях спускают на воду ещё два десятка галер...

Терр кивнул:

– Отлично. Подгоняй и контролируй работу. Как только всё будет готово – выступаем. И смотри... – правитель строго глянул на подчинённого, – чтобы никто не пронюхал! Понял?! Если в Банкоре узнают о скорой атаке, я сам тебе голову снесу! Инзар убеждён, что мы друзья и договор в силе. Вот пусть и продолжает так думать.

Угран ещё раз поклонился и тихо вышел.

Глава 11

Конечно, многое из того, что я видела на экране, я не понимала, ведь ноут ангов содержал очень большой объём информации. Там были какие-то программы, некие подобиия игр, строительные схемы, загадочные рисунки, странные чертежи, а главное – фотографии огромного количества людей и ангалинов. И только когда я уже в сотый раз, наверно, рассматривала находящиеся рядом два изображения: первое – того самого юноши с экранной заставки, лежащего на плоском валуне в одних коротких шортах, а потом второе – тёмно-серого ангалина на этом же самом камне... до меня начало доходить.

«Это он... Это один и тот же парень... Только здесь он человек, а на другой фотке ангалин... – сначала бросило в жар, а потом от выступившей испарины на всём теле в холод. – Не может быть! Так не бывает! Бред!» Быстро нажимая стрелку на панели, я пролистала ещё кучу парных фото. Мужчины и женщины, юноши и девушки, группы, одиночные и рядом, почти копии тех же самых древних фото, но вместо людей – рептилоиды в похожих позах и среди таких же пейзажей, только в разное время года и суток.

Аккумулятором сегодня был Асс, который научился спать, не теряя нужной яркости свечения. Глянув в его сторону, я убедилась, что он дремлет и не видит моего вол-

нения. Наугад я достала дискету, помеченную красной точкой, и переключилась с режима просмотра на режим чтения с внешнего носителя, а после беглой проверки всех целых красных дискет выдернула провод и помчалась к выходу. Асс только и успел завопить в спину:

– Кари, ты куда?!

– Бумер! Ищи Рекса! – крикнула я волку, который облюбовал себе прохладную нишу рядом с выходом из моих причудливых покоев.

Рекс и старейшие охотились в дальней бухте. Но это только так говорилось, что они охотятся. Добычу для них загоняли другие ангалины, так как Великому Ангалину по статусу рисковать собой было нельзя. А старейшие были уже слишком неповоротливы для нормальной охоты в море. Макс догнал у берега:

– Что случилось-с-сь?!

Я протестующе подняла руки:

– Сначала нужно сказать твоему отцу, а он пусть думает, говорить кому или нет!

– Да ты что-о-о?! – возмущение любимого друга я ощутила буквально физически. – Я должен з-з-знать!

– Нет, Макс, прости. Решать будет Рекс!

Он резко развернулся и, подняв тучи брызг, что окатили меня с головы до ног, прыгнул в воду. Рекс появился быстро, рывкнул на всех «пошли вон!», уселся на хвост и уставился в ожидании:

– Ну что?!

– Не поверите... – прошептала я, понимая, какую наиважнейшую информацию скрывала «книга» века и тысячелетия.

– Говори. Никто, кроме нас-с-с, не будет знать.

Я набрала в грудь побольше воздуха:

– Вы все анги! Люди на суше такие же анги, как и вы! На Окатане на самом деле нет и не было никогда отдельно людей и отдельно ангалинов. Были и есть только анги! У вас всех два тела, а превращение – это переход от одного внешнего вида к другому и, по сути, обычный, естественный для вашей расы процесс. Вот... это если коротко...

Отец Макса похлопал глазами, правда недолго, а после спросил:

– А если длинно?

Я уселась на песок и начала рассказывать, и за всё время, пока говорила, он ни разу не перебил меня, не уточнил, не задал ни единого вопроса – просто слушал. Потом мы пошли в моё жилище, и по пути через остров я даже не смотрела по сторонам, настолько погрузилась в размышления. Рекс тоже молчал, ангалинскому правителю было над чем подумать. Я хотела показать, что обнаружила на дискетах, чтобы Рекс сам убедился, однако когда мы вошли, то застали за ноутбуком Макса. Он тыкал пальцем по боковой панели, перелистывая инструкции по превращению, которые как раз и находились на помеченных красными точками пластинах. Работая батареей, мой друг уже неплохо знал, как обращаться со Свя-

щенной Книгой.

– Ну что, – спросил Рекс резко, – ты доволен?!

– Да! – Макс даже не повернул головы, продолжая бегать по экрану глазами. – Теперь понятно, почему преж-ж-жние попытки с трес-с-ском провалилис-с-сь! Кормить было нельз-з-зя! Как же всё прос-с-сто оказалос-с-сь! Это тут даже крас-с-сными буквами напис-с-сано! Превращ-щ-щаемо-му мож-ж-жно пить только воду, а любая пищ-щ-ща в первые четыре дня приводит к перерождению в это страш-ш-шное чудовищ-щ-ще!

– Молодец... – Рекс вроде похвалил сына, но сказал это так, словно проклял. – Ты хорошо освоил язык ангов за последнее время...

Макс хмыкнул, продолжая тарашиться в экран:

– Кари учила, а я слуш-ш-шал.

И вот тут я заметила, как глаза Рекса начинают стремительно краснеть, и он так заорал на Макса, что я молниеносно шарахнулась за ближайшую витую колонну:

– Во-о-он!!! Я запретил!!! Я запретил читать!!! – точный и хлёткий удар хвоста чуть не выбросил моего Максика в ближайшее отверстие в стене. – Убирайся!!! И чтобы до утра на глаза не показывалс-с-ся!!!

Макс пулей рванул к выходу, а я дёрнулась за ним (уж больно Рекс был грозен), да только вот тот же самый хвост, что секунду назад ударил друга, вцепился в меня мёртвой хваткой.

– А куда собралась моя богиня? – голос был совершенно спокоен. Как только Макс скрылся из виду, Рекс вздохнул и отпустил меня: – До сих пор с ним нет никакого с-с-сладу, а ведь Максашарай давно взрослый...

Я уже немного отошла от семейной сцены разборок и сказала:

– Макс никогда не говорил, сколько ему лет, хоть я не раз спрашивала...

Великий Ангалин растянулся на подушках у ящика с дискетами:

– Во-первых, у нас не принято говорить о возрасте. До глубокой старости доживают лишь Рексы да члены Совета, остальным редко так везёт. А во-вторых, моя любимая подруга, мать Максашарая, моего восьмого сына, погибла в день его совершеннолетия, а сейчас ему почти тридцать...

– Восьмой? Макс восьмой?!

– Да. И с момента его рождения я знал, что он будет другим, не таким, как остальные мои дети... Думаешь-ш-шь, я излишне строг с ним?

Я кивнула.

– Ошибаешься-с-ся... Он знает, что нарушил мой приказ, да только крики и оплеухи всё равно на него не действуют.

– Макс вас очень любит и уважает...

– Знаю... И я его очень люблю... – Великий Ангалин поднял конец провода с «крокодильчиком» и прицепил к себе: – Показывай, Кари. А я буду этой... как ты говорила?

– Батарейкой, – я усмехнулась и пристроилась рядом.

Глава 12

Заснуть я так и не смогла, но и сидеть за ноутбуком тоже не было сил. От переизбытка информации гудела голова, а мысли носились туго закрученным вихрем, снова и снова возвращая к сделанным открытиям: «Анги! Всё население Окатана – анги! Один разум – два тела. Можно жить и на суше, и в море. Они как два солнца этого удивительного мира, две разные звезды, но сияющие днём единым диском!»

Бу лежал у входа, а Макс сопел рядом. Взбучка только поначалу зацепила моего чешуйчатого, потом он сказал, что отец, конечно, прав. Он – Рекс и все должны его слушаться, ну кроме меня, возможно. Так что инцидент был исчерпан и Макс успокоился, ведь он всё равно узнал что хотел. Ну а я, чем дольше размышляла, тем в больший ужас приходила.

«Всё, лежать больше не могу!» – я аккуратно выпуталась из хвоста, подсунула к спящему Максусу несколько валиков и вышла в тёмный проход, ведущий в лабиринты дворца. С южной стороны обиталища Рекса располагалась некая скальная конструкция в виде высокого трамплина в небо, и было непонятно, природное это образование или искусственное, но взобраться туда хотелось ещё с первого дня пребывания на Больших Дрейфующих островах. И я пошла.

Бумер следовал позади, нарушая тишину ночи мерным

царапаньем когтей о камни. Это только во дворце было относительно тихо – внизу жизнь не замирала ни днём, ни ночью. Сверкающие обитатели светлячками носились по проходам, в оконных проёмах мелькало свечение, слышалось протяжное то пение, то гудение, прикашливающий смех, писк малышей и другие различные звуки. Ночь была яркая и очень-очень тёплая, даже жаркая. Довольно долго я взбиралась к вершине этой причудливой архитектурной формы, однако не пожалела о затраченных усилиях. Сверху прекрасное небо, а внизу море – тоже сверкающее фантастическим отражением. Мы с Бу будто бы сидели не на твёрдой опоре, а парили в открытом космическом пространстве, наблюдая, как Октаэн – руины Дома восьми богов – методично двигается к горизонту. Скоро рассвет...

Если бы не Бумер, то появление Рекса я бы не заметила. Он молча улёгся рядом и уставился в сияющее небо. Вот так мы и просидели, пока два светила не показали на востоке. Рекс первым нарушил молчание:

– Ты несколько раз повторила непонятную фразу «ящик Пандоры»...

Я заглянула в большие лимонные глаза:

– Я говорила вслух?

– Очень тихо... Что это значит?

Обхватив колени, я задумчиво всмотрелась в ярко-розовый горизонт:

– Это очень древняя земная легенда... Так звали женщи-

ну, созданную одним из богов... Она открыла ящик, или ларец, или сундук, по сути неважно что, и оттуда вылетели все беды и несчастья, а на самом дне осталась лишь надежда... Для вашего мира я стала такой Пандорой, вот только теперь это понимаю... Ведь меня тоже, похоже, создал в каком-то смысле один из богов, ваш Хранитель, а Книга ангов и есть этот ящик. Знания, что она содержит, способны полностью перевернуть ваш мир, а перемены такого масштаба чреваты самыми страшными и кровавыми последствиями...

Рекс подвинулся ближе. Длиннющий хвост обвился во круг, а Бумер угрожающе зарычал, но я погладила любимца по лохматой голове:

– Спокойно, Бу, спокойно...

– Макс рассказывал о твоих странностях. Это имеет отношение к Хранителю?

– Вам первому говорю... Ни Макс, ни Дайк, никто не знает, что тот внутренний друг, что обитал в моей голове, учил, объяснял, подсказывал, помогая выживать в вашем мире, и есть Восьмой бог Окатана. Это он привёл меня сюда через проход на Кифовом носу. Сначала я называла его Мозговой, – в этом месте Рекс улыбнулся, – потом Тан... Он сам выбрал такое имя, и только позже, когда он покинул меня и не появился больше, я поняла, что Тан – это окончание от Окатан, что в переводе с языка древнейших или ангов дословно значит «восьмой высший»... Всё-таки иногда я очень туго соображаю... – Рекс положил тяжёлую голову на мои

колени и закрыл глаза. А я водила пальцем по его чешуе, прощупывая странные и немного выпуклые золотые узоры.

Всё окружение Великого Ангалина видело нас, сидящих на этом длинном трамплинообразном выступе, и разговоры пошли такие, что «мама не горюй»! То, что Великий Ангалин отнёсся ко мне словно к равной, понравилось далеко не всем старейшим, но после того как Книга ангов начала открывать свои тайны, они немного успокоились. А вот когда на рассвете нас заметили на Скале свиданий (мне никто не удосужился сообщить, что именно туда Рекс приглашает близких друзей, с которыми намеревается пополнить количество своих детей), обитатели дворца словно с ума посходили. Рекс положил глаз на богиню в человеческом обличье! Да как такое можно понимать?!

А ближе к вечеру Макс закатил мне первую, но очень бурную сцену ревности. Поначалу я совершенно не въехала в ситуацию, да и голова была иным забита. Но когда друг уже, наверно, в десятый раз за полдня спросил, люблю ли я его, начала что-то подозревать. Сидя у Книги и жуя кусок вяленого мяса из старых запасов (от рыбы уже тошнило), я достала из ящика новую партию дискет, помеченных оранжевым цветом, надо было хоть мельком, но продолжать их просматривать. Макс сидел рядом и неотрывно и очень напряжённо пялился на меня.

– Что случилось?

– Это я у тебя хотел спрос-с-силь...

– ?

– И как ты себе это представляеш-ш-шь?!

– Что именно? – я отложила еду, с тревогой глядя на друга.

– Отнош-ш-шения с моим отцом!

Я чуть не подавилась и несколько секунд непонимающе смотрела на него.

– Какие отношения?!

– Такие!!! – завопил Макс и сдёрнул с себя золотистый проводок. – Я видел! Я вс-с-сё видел! Как ты гладила его! А он леж-ж-жал на твоих коленях!

– Ты совсем того, да?! Что ты напридумал?!

– Я напридумал?! Вс-с-се видели! Все! Он со вс-с-семи подруж-ж-жками там лёживал! Это его любимое месс-сто!

Видя бешенство друга, я поначалу растерялась, а потом тоже начала закипать:

– Во-первых, никто, и ты в том числе, не предупредил о назначении этого места! Во-вторых, я пришла туда сама вместе с Бумером, потому что от ваших ангалинских тайн у меня мозги скоро взорвутся; а в-третьих, мне что, нужно было сказать твоему отцу «ах, извините, я хочу побыть одна», когда он там появился?! Мы просто разговаривали! Как тебе такое, вообще, в голову взбрело?!

Моя тирада не подействовала. Макс вращал глазищами, а с чешуи в буквальном смысле начали сыпаться искры.

– Я видел, как он с-с-смотрел на тебя, а ты на него! Ко-

нечно! Он ж-ж-же Рекс-с-с! А кто я?! Просто один из кучи его с-с-сыновей!

– Ты чокнутый!!! – заорала я. Терпение лопнуло окончательно.

– С-с-сама такая!!!

– Всё! Хватит! Книгу я открыла, а дальше сами как-нибудь разберётесь! – и принялась носиться по комнате, отшвыривая ногами подушки и лихорадочно пакуя по мешкам нехитрый скарб, а потом высунулась в овальное окошко, под которым имелось нечто вроде балкончика. Там сидел Асс с обалдело-ошарашенным видом – он очень любил там греться. Конечно, он всё слышал!

– Асс! Передай Рексу, пожалуйста, что богиня намерена отправиться восвояси и крайне признательна за гостеприимство!

– Ты не пос-с-смееш-ш-шь! – прошипел Макс.

– Я?! Не посмею?! Да только попробуйте не доставить меня на «Медузу»! Я тут такое устрою! От Дрейфующих островов камня на камне не останется!

Макс резко развернулся и рванул прочь, а я продолжила лихорадочные сборы, причитая прямо вслух, потому как эмоции просто захлёстывали:

– Всё! Достал! Псих ненормальный! Да они тут все такие! Я – подружка Рекса! Это ж надо придумать такое!

Когда я уже почти всё собрала, из прохода донеслись звуки, будто от падения, возбуждённое шипение и свист, а по-

том, толкая друг друга, ввалились Асс и Слай. Они ничего не могли сказать, только возбуждённо шипели-свистели-крякали, и лишь когда появился Шуан, обстановка прояснилась, а я чуть не упала в обморок.

– Максашарай выпил «слёзы богов»... – медленно и чётко проговорил брат моего друга.

Мешок выпал из рук, а в глазах потемнело. В долю секунды в мозгу всплыли схемы превращения, вся последовательность биотрансформации ангов шаг за шагом, на которую, при правильном соблюдении инструкций, отводилось восемь суток. Первые двое – начальная стадия, когда изменения происходят внутри организма. Вторая пара – самая болезненная, когда отторгается прежнее тело, а новое формируется. Третья – продолжение и завершение внешних и внутренних процессов, и последние двое суток – заключительная фаза, типа отрастания волос, ногтей и привыкания к новому телу. Но если что-то пойдёт не так, то чудовищный монстр вместо Макса нам гарантирован!

– Где он? – прошептала я еле-еле.

– Уже в колодце... – ответил Шуан.

– Рекс знает?

Шуан кивнул:

– Ты не думай, он сам всё сделал, отец не давал разрешения...

– Даже не сомневаюсь, что сам...

Глава 13

Когда мы примчались в пещеру на нижнем уровне дворца, глубокий колодец был уже плотно закрыт огромной и очень толстой решёткой с мощными запорами по углам. Рекс и почти весь Совет были там. Благодаря подсветке ангалинов, удалось разглядеть на дне любимого друга, бродящего кругами. Сначала от слёз и злости, смешанной с панической истерикой, я не могла вымолвить и слова, а потом распласталась на холодном железе и завопила вниз:

– Макс!!! М-а-а-акс!!! Я с тобой! Я никуда не уеду! Я люблю тебя!!! Макс!!!

Он поднял голову и очень долго смотрел вверх, а зелёные глаза светились в глубине двумя громадными изумрудами. Эхо моих криков стихло ещё нескоро, отдаваясь в ушах протяжными стонами. Вцепившись в решётку, я смотрела вниз, а слёзы капали в тёмную глубину этого странного сооружения: «Дурак! Идиот! Ревнивец! Что ты натворил?! Как я ни старалась, но убереечь тебя не вышло, ведь мы едва-едва начали во всём разбираться! Ещё столько непонятного! Только бы получилось! Только бы получилось... Только бы получилось...»

Почти сутки я не покидала это мрачное подземелье, так контрастирующее с поверхностью. Когда никого из ангалинов не наблюдалось поблизости, я клялась, что люблю его,

что буду рядом до конца, чем бы превращение ни закончилось. Чтобы отвлечь друга и хоть немного успокоить, я просила рассказывать всё, что он чувствует, и это помогало, но только поначалу, а потом начался сплошной кошмар, и я уже подумала, что от его диких воплей, мучительных стонов и вспышек ярости сойду с ума.

Первые сутки Макс ощущал чесотку внутри, которая с каждым часом усиливалась, растекаясь по всему телу, а вскоре этот зуд начал доводить его до исступления. Он бросался на стены, кричал, что внутри бегают жуткие многоножки, которые своими мохнатыми лапками чешут абсолютно всё. А когда я заметила, как он что-то сдирает с себя, размахивая хвостом и всеми когтистыми конечностями, то снова разревелась.

После очередного душераздирающего вопля, когда я сидела на холодных камнях, зажав ладонями уши, и тупо билась головой о стену, в пещеру влетел Рекс. Он скрутил меня и просто выволок наружу, а Бумер даже не рыкнул. Понял мой волчик, что вреда мне не причинят.

– Всё уже случилось, Кари! Ничего не изменишь! – Рекс, понятное дело, пытался меня успокоить. – Мой сын сделал выбор! Вс-с-сё! Нам остаётся только ждать...

Я подняла мокрые глаза и крепко зажала рот и нос ладонями в попытке остановить бесконечную истерику. Мы сидели на песчаном пляже у купальни. Солнца почти в зените, кругом очень тихо и только ветер гудит в бесчисленных про-

ходах, арках и отверстиях сказочного города ангалинов.

– А где все? – наконец-то получилось собраться с мыслями и задать внятный вопрос.

– Уплыли... Я приказал покинуть Дрейфующие острова. Здесь только ты, я, твой волк, Слай, Асс да трое старейших.

– Но ведь вы тоже должны покинуть остров... Рексу нельзя рисковать собой...

– Не в этот раз... Я хочу быть со своим сыном, а наследника я назначил. Если превращение снова обернётся неудачей, у народа будет правитель.

Я утёрла глаза и слегка улыбнулась:

– Шуан, да?

Рекс вытаращился и быстро приложил хвостовой палец к передней части клыкастой пасти:

– Тс-с-с! Как ты догадалась?!

Я пожала плечами:

– Не знаю... Просто угадала, наверно... Но из всех ваших сыновей, из тех, с кем удалось познакомиться, он понравился мне больше других, ну, кроме Макса, конечно.

– Ты и правда богиня, Кари... И ты любишь моего сына таким, какой он есть. Хотя представить, что такая женщина, да и вообще, любая человеческая женщина может влюбиться в кого-либо из нас, мне до сих пор очень сложно, однако это так...

Поглаживая Бу, который сначала бродил по берегу, а потом улёгся у ног, я сказала:

– Макс закатил сцену ревности, ну перед тем как выпить «слёзы»... Решил, что раз я встречала рассвет с вами, значит...

Рекс нахмурился:

– Знаю... И очень сожалею. Это моя ошибка. За всеми событиями я как-то упустил из виду такую реакцию. Зато представляешь, как запомнится твой визит?!

Я улыбнулась, глядя на огромного, сильного, но очень искреннего рептилоида, хотя нет... анга.

Через шесть суток, всё согласно инструкциям на дискетах, разрывающие душу звуки перестали доноситься из колодца. Заглядывать туда было очень страшно, да меня и не пускали. Единственное, чего удалось добиться, так это сидения у нескольких отверстий снаружи у дальней стороны дворца, который не имел правильной геометрической формы. Эти дырки служили для вентиляции и обладали высокой звукопроводимостью, так что стоны, проклятья и ругань мы вполне могли разобрать. Когда же целый день почти ничего не было слышно, мы с Ассом сбегали в мои покои, где я ещё раз покопалась в дискетах с красными точками.

– Процесс должен уже миновать опасную стадию... Нужно посмотреть на него... – говорить было тяжело, а от страха подкашивались ноги. Асс же в ответ только нервно сглотнул.

Мы все стояли у пещеры, боясь приблизиться к колодцу. Ангалины вооружились до зубов, а я так и не смогла взять меч в руки. Мысль, что придётся убить любимого, если пре-

вращение не получилось, не укладывалась в голове. Мы медленно приблизились к решётке. Запоры на месте, всё закрыто. Ангалины засияли, добавляя света, а я заглянула вниз. Сначала сложно было что-то разглядеть, однако вскоре я заметила нечто светлое, лежащее на какой-то куче, да и запах разлагающейся плоти очень хорошо чувствовался.

Никакого монстра внизу не наблюдалось. На дне, в скрюченной позе зародыша, лежало голое человеческое тело.

– Открывайте!!! Открывайте!!! – я заорала так, что на секунду показалось, будто сейчас потолок рухнет нам на головы.

Старейшие принялись лихорадочно открывать запоры, а Слай и Ассом выкатили из дальнего угла некое подобие то ли подъёмника, то ли лебёдки. Всматриваясь в колодец, Рекс шептал:

– Получилос-с-сь... получилось... Это невероятно... невообраз-з-з-зимо... – а потом глянул на меня. Глаза Великого Ангалина были влажные.

Отпихнув взволнованных рептилоидов, я схватилась за верёвку и опустилась на дно. Тут запах был очень сильный, и я старалась глубоко не дышать, хотя от волнения не получалось. Дотронувшись до тела, я сначала отшатнулась – оно было холодным и покрыто толстым слоем какой-то слизи. Но когда перевернула друга на спину и прощупала пульс на шее, то завопила наверх:

– Он живой!!! Живой! Нужны одеяла! Замёрз совсем!

Пока трясущимися руками я закутывала Макса и затаскивала в наспех сооружённую люльку, то поняла, что это за воюющая куча. Он лежал на разлагающихся останках собственного прежнего тела: твёрдая чешуя, клочья шерсти, отломанные когти и клыки и самое противное – хвост, сморщенный, скукоженный, как дохлый гигантский червь из фильма ужасов, и всё это в той же слизи и кровавых сгустках.

Так вот как происходит превращение, словно рождение! Через боль, душераздирающие крики и кучи биоотходов! Сразу же вспомнился стих из Вечного свитка, который ещё в юности читал Карелл. На одной из стоянок, когда мы уже почти достигли территории горных волков, он рассказал нам, как много лет назад гостил на Севере, в семье второго пархонта, который в то время неплохо ладил с правящим домом Востока. Этот свиток не одно поколение хранился в их семье, и когда сын пархонта похвастался тогда ещё юному Атаману подобной редкостью, Карелл очень хорошо запомнил его содержание, а оно было таким:

Через муки, стоны, вой
Тело борется с собой...
Будет звать тебя, тянуть
Уничтожить жизни суть.
Ты захочешь убивать,
Мясо в клочья разрывать,
Но пройдя сквозь эту боль,
Станешь вновь самим собой.

И выходит, что это не волшебство какое-то или чудо, а сложный и очень быстрый биологический процесс со всеми вытекающими опасными последствиями.

Когда тело подняли, ангалины поначалу пребывали в полном шоке, кому-то из старейших даже поплохело. Открыв рты, они таращились на голого, без единого волоска нового человека. К этому моменту я уже немного успокоилась, а чёткие указания вывели моих чешуйчатых из состояния протрации:

– Слай! Асс! – братья Макса дёрнулись. – Нужно спуститься и всё, что осталось на дне, собрать и положить в самое холодное место, я хочу позже осмотреть. Колодец тщательно вымыть, чтобы ни крови, ни слизи там не осталось. – Все, включая Рекса, дружно закивали.

Макс спал. Первые несколько часов я совершенно не могла от него оторваться. После того как тело начало согреваться, его дыхание выровнялось и стало более мерным и глубоким. Слизь впиталась в нежную кожу очень быстро. Всё-таки мы правильно сделали, что не стали вытирать его, хотя в инструкциях я не нашла объяснений, что собой представляет эта субстанция, но решила, что раз это что-то вроде рождения, то она нужна как защита новой и ещё тонкой кожи.

Изменения происходили буквально на глазах. Вскоре после того как тело просохло, начали пробиваться тёмные волоски на голове и бровях, ресницы выскочили коротеньки-

ми щёточками, показались ногти. Скорость заключительной стадии, да и всего процесса просто поражала. Такими темпами всё действительно закончится через сутки! Теперь мне стало понятно всё. Вся суть этого удивительного, потрясающего, невероятного мира, так похожего на Землю, но всё-таки совершенно иного, стала ясна как белый день.

Анги... Повелители света... Уникальные существа, соединяющие в себе настолько разные тела и переходящие из одного состояния в другое всего за восемь дней! Вот зачем были нужны Храмы и эти клетки, из которых нельзя выбраться, – анги проходили в них превращение, а «слёзы богов» необходимы для запуска процесса, так как он не происходит сам собой. Это нечто вроде аминокислоты или витамина, который в их организме не вырабатывается, но его можно получить извне. И наверно, это очень хорошо, ведь тогда предполагается выбор: как ты хочешь проживать некоторые отрезки своей жизни – ангалином или человеком, ведь и в том образе, и в другом есть свои плюсы.

Люди – обитатели суши: гор, равнин, лесов; а ангалины способны покорять океан без кораблей и других приспособлений, глубоко нырять, добывая морские богатства, светиться, в полном смысле быть хозяевами водной стихии. До сих пор в голове не укладывается!

Приподняв одеяло, я ещё раз осмотрела «новорождённого». Широкая грудь, руки и ноги начали покрываться тёмной растительностью, как у взрослого мужчины, да и ниже

пояса всё было в полном порядке. Я провела пальцем по его лбу, уже хорошо заметным широким бровям и коротенькому «ёжику» на голове. «Какой же красавец-мачо у нас получается... Дайк с Кареллом умрут от зависти! – вспомнив близких друзей, я вздрогнула, как током ударило. – Превращение – это полное перерождение и регенерация всех органов и тканей, они практически формируются заново на основе генетической памяти клеток! Значит, если в теле имеются какие-либо приобретённые повреждения, от них можно избавиться, пройдя полный курс, так сказать! Вот зачем бочка выдавала сразу две ампулы! – я чуть не завопила от сделанного открытия и, чтобы не потревожить спящего друга, выскочила в лабиринт проходов. – Одна ампула на первое превращение, другая на второе! Пройдя цикл человек-ангалин-человек, Дайк сможет избавиться от тяжких увечий, а Карелл от этого жуткого шрама на лице. Ведь они получают своё, но уже полностью обновлённое тело! Вот это да! Вот это да! Чем дальше, тем круче!»

Как только ангалины разобрались с колодцем, вычистили и вымыли его, Рекс отправил Слая на дальние острова с радостной вестью о состоявшемся превращении, ну а я до вечера успела переделать кучу дел. Написала короткое письмо в Латрас и выпустила летуна. Ромео покружил какое-то время над островом, потом стремительно набрал высоту и исчез в облаках. После мы с Ассом разобрали гниющую кучу, оставшуюся от Макса. Я выбрала несколько самых круп-

ных чешуек, парочку клыков и когтей на память, вымыла их и завернула в чистую тряпку, остальное выбросили в море. Потом накипятила воды и сварила свежий рыбный бульон – друг проснётся жутко голодным.

И вот когда я сидела и рассматривала одну из сохранённых роговых пластин, что изнутри, как венами, была пронизана неким биологическим «оптоволоком», Макс застонал и повернул голову. Его глаза остались зелёными, почти такими же, как и были – два изумруда на потрясающе красивом мужском лице с уже прораставшей тёмной щетиной на щеках. Слёзы брызнули сами собой. Я подползла к его лежанке, шумно хлюпая носом. Он очень внимательно смотрел на меня, лёжа без всякого движения, а потом сглотнул и, запинаясь, спросил:

– Н-н-у как? У нас-с-с... пол-л-училось?

От слёз и смеха говорить я не могла, только кивать. Но когда удалось взять себя в руки, наклонилась к самому его лицу и, глядя в малахит любимых глаз, прошептала:

– Так вот вы какие, Великие анги... Удивительные... Мой лягушонок сбросил кожу и стал прекрасным принцем... И это не сказка – это ваша жизнь!

Глава 14. Латрас

Слегка пошатываясь, Дайк топал на конюшню. Так хотелось ещё поспать, но Берк совершенно замучил пьяным хра-

пом. Нянь остановился у наполненной до краёв бочки и застыл на несколько минут: «И с чего они с Кареллом так набрались? Наверно, снова Кари делили...» Он хмыкнул, стянул рубаху и сунул голову в прохладную воду.

После освежающих утренних процедур Дайк оделся, зачерпнул ведром из бочки и откинул засов. Когда он сделал всё необходимое по уходу за Рыжим и Моцартом, настала очередь серой кобылки. Погладив Тучку по шее и бокам, Дайк напрягся, а проведя ладонью по светлому брюху, замер.

– Та-а-ак... – протянул он, поглаживая упругое, тёплое, пахнущее луговыми травами тело. Потом приложил ухо к крутому боку и закрыл глаза: – Похоже, у нас ожидается прибавление...

Дайк перегнулся через невысокий барьерчик и потрепал статного «мышастого» жеребца по роскошной гриве:

– А ты молодец, Моцарт! Не оставил Тучкины заигрывания без внимания! Вот Кари обрадуется!

Он ещё не закончил разговоры со своими подопечными, как снаружи послышались чьи-то быстрые шаги и стук в дверь городского дома. Прибежал один из внуков кузнеца Малахана, восьмилетний Латиан, которому Дайк когда-то помог появиться на свет.

– Лати?! Что случилось?! – выкрикнул Дайк, махнув мальчику, и тот стремглав бросился через двор к конюшне.

– Фаэдр Дайкаран! Скорей! Скорей! Фаэдр Балмаар меня послал! Там письмо! Летун появился! – мальчишка ещё за-

дыхался от быстрого бега.

– Ромео?! – Дайк схватил Лати поперёк, прижав к бедру будто куклу, и побежал к центральной улице.

Фаэдр Балмаар сидел на чердаке и таращился на вновь воссоединившееся и счастливое семейство. Задняя лапка самца была обмотана плотным клочком сероватой бумаги и перевязана кожаной бечёвкой. Гремя сапогами по крутой лестнице, в жилище летунов взобрался Дайк. Он пытался унять волнение и дрожь, да только не выходило. Дайк упал на колени рядом с городским главой.

– Вот я как чувствовал... – натужно прохрипел фаэдр Балмаар. – Проснулся ещё до рассвета. Думал всё... встать, не встать... А потом будто кольнуло что-то... Решил, поднимусь на чердак, повожусь с ними, а то за делами всё некогда посидеть послушать, как странно они верещат, будто разговаривают... А тут он!

Пока Дайк осторожно снимал с Ромео послание, летуны дико возмущались, даже несколько раз укусили, наверно, решили, что их снова собираются разлучить, но когда влюблённых оставили в покое, успокоились. Самец накрыл самку крыльями и всунул голову внутрь, продолжая что-то взволнованно попискивать.

Несколько минут Дайк сжимал послание, боясь узнать, что же там написано, но потом всё-таки развернул. Чёткие и немного квадратные буквы слегка расплывались в глазах: «Макс больше не ангалин. Он анг! Как и вы все! То, что мы

узнали из Священной Книги, нельзя описать в нескольких словах – это невероятно! А ужас превращения сложно даже представить. Но всё получилось! Рекс меня покори́л, впрочем, как и я его, а Дрейфующие острова – одно из самых прекрасных мест на Окатане! Я очень люблю тебя, мой дорогой Нянь, и теперь знаю, как анги исцелялись от самых серьёзных травм и увечий. Вернусь как можно скорее. Несмотря на все события и впечатления, нам тебя очень не хватает. Не скучай! Не перекармливай Моцарта! Передавай всем, что мы в порядке и будем ждать шхуну на Небесных островах. Или пусть они нас там ждут... Скорее всего, Рекс отправит с нами очередное пополнение для армии Карелла. А также Великому Ангалину стало известно, что Западный терр собирается вскорости захватить Банкор.

Люблю! Целую! Кари».

Лист выскользнул. Сжав пальцами глаза, Дайк отвернулся и несколько раз глубоко, порывисто вздохнул.

– Можно? – спросил городской глава, поднимая письмо с засыпанного соломой пола.

– Читайте... Только ничего, кроме того что с Кари всё в порядке, никому говорить нельзя.

Балмаар быстро пробежал листок глазами. Потом пригладил усы, попыхтел и принялся обмахиваться посланием словно веером:

– Не соскучишься с нашей эрданой... Никак не соскучишься... Что значит «анг, как и вы все»?! Анги – далёкие

предки ангалинов, во всяком случае они, да и мы всегда так считали... Разве анги могут быть нашими общими предками?!

Дайк обернулся. Он уже совладал с эмоциями:

– Не знаю, но Кари просто так подобные выводы не делает. Она смогла открыть Книгу ангов... Выходит, Рекс и Макс не зря на неё надеялись и превращение удалось. Даже не представляю, как наш чешуйчатый зеленоглазик теперь может выглядеть...

– Ну дела! Ну дела! И война с Западом вот-вот начнётся, и превращение – старая забытая сказка, оказывается правдой! Ну дела-а-а-а... – Балмаар продолжал обмахиваться, закатывая глаза к потолку.

– Пойду Карелла будить, – Дайк выдернул письмо из узловатых пальцев зачарованного невероятными открытиями фаэдра. – И держите язык за зубами, очень прошу...

– Как рыба! – закивал городской глава.

Глава 15

За несколько последующих дней с Макса сошли все признаки превращения. Поначалу он часами рассматривал себя в зеркале, привыкая к новой внешности, потому как поверить, что видит собственное, но уже человеческое отражение, было очень сложно. Но так как он долгое время жил среди людей и прекрасно знал все человеческие привычки,

правила гигиены и так далее, осваивание нового образа и тела происходило быстро. Хотя в принципе так и должно было быть, ведь двойственность – сущность ангов.

Координация движений, когда вместо хвоста и когтистых лап – руки, тоже не вызвала больших затруднений. Его мозг перенастроился настолько быстро на новые движения и прямохождение, что я просто поражаюсь. Уже через неделю никто бы и не догадался, что это бывший ангалин, а не обычный мужчина, хотя и потрясающе красивый. У Макса даже родовая метка проявилась на левом плече, чуть выше локтя. Рост волос резко замедлился, когда кожа головы покрылась тёмной густой растительностью сантиметра на три, полностью отросли ногти, брови, ресницы и волоски на теле. Мне даже пришлось побрить его пару раз, благо в сокровищнице Рекса нашлось несколько вполне пригодных инструментов. Вот так и сбылась мечта моего друга – Макс стал человеком!

Я смотрела на него и всё ещё не верила, что такое! возможно. Он превратился в невероятного красавца – глаз не оторвать! А ведь когда был ангалином, я также восхищалась его красотой, только теперь, в человеческом обличье, Макс стал подобен древнегреческим богам (хоть я их никогда и не видела), а может и лучше. Высокий, под метр девяносто, плечи как у профессионального пловца, узкие бёдра, длинные ноги, развитая мускулатура не только рук, но и всего тела – ангалинская сила, грация и стремительность никуда не исчезли.

Первые дни он ел чуть ли не за троих и очень много двигался, но всё-таки имелись отдельные нюансы, которые расстраивали моего друга. Плавать как раньше он, конечно же, не мог, да и не дышать под водой около получаса, а ещё сверкать – подобные свойства были доступны только ангалинам. Но в целом Макс был счастлив, ведь он первый из ангов за долгие тысячелетия прошёл мучительное превращение. Он стал избранным...

Мы сидели на Скале свиданий, смотрели на море и город ангалинов внизу. Население вернулось в свои жилища, когда Макс только-только начинал приходить в себя. Бумера с нами не было. Волк носился внизу по песчаному пляжу за малышнёй, с которой как-то очень быстро нашёл общий язык, а мы наблюдали за их бешеными гонками. Прижимаясь спиной к широкой груди друга, который крепко обнимал, сидя позади и положив голову на моё плечо, я наслаждалась красотой островного пейзажа и ощущением бесконечного спокойствия. Макс нежно укусил за ухо, и я обернулась.

– Завтра церемония и отказаться нельз-з-зя... – лёгкое шипение в его речи нет-нет да иногда проскакивало.

– Ты сам говорил, что мне всё можно, а я не хочу никаких помпезных речей, наград, восхвалений и тому подобного. Думаю, что твой отец не обидится...

Макс стиснул ещё крепче и его хрипловатый, потрясающе сексуальный голос прозвучал в ушах низкими нотами каких-то вибрирующих струн:

– Кар-р-ри... Любимая... Приплыли вожди кланов с самых дальних островов, мы их называем «дикие». Они понимают только ангалинский, а людей вообще плохо воспринимают. Ни Храмы, ни наша история их давно не интересуют. Они живут только охотой, медленно, но верно превращаясь в умных, но обычных морских хищников. Их культура примитивна: они не поют, не украшают свои жилища, не стремятся разгадывать морские тайны, однако они ещё не потеряны как племена и наши собратья. Теперь и Рекс, и Совет уверены, что именно превращение способно восстановить былое единство. Помнишь пророчество о пути ангалина?

Я кивнула, сжимая его пальцы:

– Всю разорванную суть
Та дорога сможет склеить...

– Два тела – один разум! Только в таком виде, как оказалось, мы полноценны! И если бы не ты...

Я отстранилась, а Макс совсем неохотно выпустил из объятий:

– На самом деле я тут особо ни при чём... И это пророчество, хотя и стало более понятно, содержит в себе ещё один вопрос. Дальше ведь говорится так: «Он не может обмануть, нужно просто в это верить...» Ты, да и Рекс – вы думали о том, кто такой этот «он»?

Друг хмыкнул и провёл ладонями по волосам. И этот

жест, абсолютно естественный и такой простой, по сути, окончательно убедил, что передо мной уникальная личность: уже не ангалин, но и не человек, а первый и пока единственный анг, настоящий житель этого мира.

– Отец поначалу думал, что в пророчестве под избранным имеется в виду тот ангалин, который пройдёт путь превращения первым, но теперь он в этом не уверен...

Я вздохнула и взяла друга за руки:

– Это Хранитель привёл меня сюда. Это он всё затеял. Это он жил в моей голове. Я была нужна ему точно так же, как необходимо свечение для запуска Храма или Книги. Батарейка... Возможно, для того чтобы самому выжить или по другим каким причинам, не знаю наверняка... А потом, когда он получил что хотел, он ушёл, правда, библиотеку оставил, а вместе с ней и кучу новых, необычных и невероятных знаний, которые и помогали мне всё это время, да и до сих пор помогают. Он использовал меня, Макс. Как обычный источник энергии, хотя не могу сказать, что слишком жалею об этом. Неприятно просто... Когда тебя используют, как говорят у нас на Земле, «в тёмную»... Но если бы не он, то у меня была бы совсем другая жизнь, а может, и никакой жизни уже не было бы. Ведь переход притянул меня в момент аварии. Машина с людьми летела вниз с моста и смогла бы я выжить или нет, не знаю... Но я сижу сейчас здесь, на этой удивительной планете, в неизвестно какой галактике и разговариваю самым прекрасным мужчиной в моей жизни. Может, я

всё-таки в коме или умерла и всё это просто иллюзия или сон такой реальный...

Он стиснул мои ладони, а потом прижал к губам, пристально глядя в глаза. Обнажённый до пояса, грудь покрыта тёмной растительностью, загорелый торс, на бёдрах мои запасные штаны из тонкой ткани, закатанные до колен, босые ноги (одеть Макса пока было сложно, он упорно сопротивлялся, да особо-то и нечего), не мужчина – мечта-а-а...

– Мы с Дайком подозревали нечто подобное... Значит, твой профессор – наш Хранитель... – сказал друг, продолжая держать меня за руки. – Почему раньше не говорила?

Я пожала плечами:

– Не было полной уверенности...

– А теперь есть?

– Теперь есть, но вопросов без ответов ещё более чем достаточно...

Мы немного помолчали, рассматривая друг друга.

– Не волнуйся, я всё поняла. Появлюсь перед «дикими» во всей красе: с оружием, покричу, если понадобится, так чтобы скалы задрожали, водичку погрею... Потребуется ураганчик – органирую. Пусть видят, как Великая богиня благоволит Рексу!

Один из островов дрейфующей в океане группы был приспособлен для массовых сборищ: голый, без растительности и каких-либо жилых построек. Этот кусок суши сразу напомнил мне римский Колизей или другой подобный амфи-

театр. Здоровенная котловина, ступенчатые стены и почти круглое дно. На таких аренах сражались гладиаторы во времена далёкого и легендарного прошлого моей родины. И на Окатане у этих сооружений была схожая роль.

Внешне «дикие» ничем не отличались от своих цивилизованных собратьев. Но вот их мимика была какой-то жёсткой, что ли, не выражающей такого количества эмоций, как у моих рептилоидных знакомых: застывшие маски с обнажёнными клыками и пустые змеиные глаза. Так мне показалось, в общем...

Никаких особых «чудес» показывать не пришлось. Новый вид Макса, а также Священная Книга с фотографиями Великих ангов – весьма почитаемых предков – произвели на «диких» впечатление, хотя очень сложно было понять какое. Они в основном молчали и просто переглядывались. Немного позднее я узнала, что они всё-таки решили оставить на островах, при дворе Рекса так сказать, несколько своих представителей. Короче говоря, предьявление Макса народу прошло благополучно, при всеобщем ликовании, песнях и потоках света, излучаемого восторженными обитателями Островного пояса.

Но как я и предполагала, без выражений благодарности и попытки наградить «наследницу ангов», которая открыла самые древние тайны, не обошлось. И вот тут случился конфуз, поскольку такого «подарка» я никак не ожидала. Позорить Рекса, а ведь он стал мне практически другом, я не хо-

тела ни в коем случае. Но только когда на эту арену, посреди которой мы стояли на всеобщем обозрении, один из старейших вкатил на низенькой тачке некий тазик с густоватой ярко-жёлтой и по виду золотой жидкостью, я протестующе подняла руки и лихорадочно зашептала Максу:

– Вы все тут совсем на радостях с ума спрыгнули?! Облить меня расплавленным золотом?!

– Не облить, Кари! Отец хочет оказать тебе великую честь! Такого удостоиваются только сами Рексы при вступлении на престол и члены Совета по достижении определённого возраста.

– Ни в коем случае! Вы не посмеете! Хотите меня в золотого идола превратить?! Так вот! Я против! Категорически!

Ангалины на стенах амфитеатра свистели, шипели, вопили и на ангалинском, и по-окатански, что это самая достойная награда, что Рекс – великий и мудрый правитель, а наследница послана богами и всё в таком духе. Ну а я стояла полной дурой, слушая потоки восхвалений и испуганно таррацась на золотой тазик. А потом взяла Бумера за ошейник, развернулась и твёрдой походкой потопала прочь.

Глава 16

К острову, на котором располагался дворец Рекса, вела длинная отмель, плыть было не нужно. Просто где-то вода доходила до щиколоток, где-то до колен или бёдер, но пока

не стемнело, эту подводную дорожку из бело-розового песка было хорошо видно. Мы с Бумером довольно быстро добрались до берега, прошли через причудливый и почти пустой город, достигнув дворца уже на закате.

«Почему не предупредили хотя бы?! Не объяснили?! – возмущалась я мысленно, одновременно мучаясь чувством вины. – Ведь я никого не хотела обидеть отказом, тем более Рекса! Ну не надо мне ничего! Превращение получилось. Макс жив, здоров и в новом теле. Что ещё желать?! Вот главная награда! Тоже мне придумали! Чтобы я сверкала под солнцами, как ёлка новогодняя, что ли?! Вот чудачки... Эх, только бы Рекс не обиделся...»

Макс появился, когда совсем стемнело, а я при свете заполненных жиром ламп варила ужин. Бумер уже наелся костей и внутренностей, которые братья Макса ему регулярно поставляли, и лежал в углу. Друг поставил на низкий столик две серебристые чашки из хранилища Рекса, где подобных человеческих штук имелось в избытке, и пузатенький кувшинчик. Я подняла глаза от котелка с булькающим бульоном:

– Что это?

– Так, к ужину... Такого напитка ты точно не пробовала...

Деревянной ложкой я достала из котелка куски рыбы и выложила в две глубокие миски:

– Чем закончилась церемония? Рекс не слишком расстроился? Завтра извинюсь и всё объясню. Надеюсь, он понима-

ет, что я не хотела поставить его в неловкое положение...

Макс отмахнулся и разлёгся на подушках:

– Не думай об этом. Мы сами виноваты. Надо было как-то подготовить тебя...

«С чего он весь такой «белый и пушистый»? – подумалось. – И довольный, словно кот, что сметаны втихаря нализался... Я тут отказалась от награды, можно сказать публичное оскорбление нанесла, а Максик излучает вселенское благодушие... А ведь его характер от превращения ничуть не изменился!»

Мой жгучий красавец-брюнет с обалденными зелёными глазами слегка приподнялся и разлил в чашки тягучую прозрачную жидкость с лёгким фиолетовым оттенком:

– Попробуй... Очень вкусно...

То ли его бесконечное обаяние так на меня подействовало, то ли полуобнажённое тело, сильное и гибкое, то ли взгляд, пронизывающий насквозь и заставляющий лицо краснеть, а сердце колотиться, то ли лёгкая обворожительная полуулыбка... Я взяла чашку и выпила.

– Похоже на какой-то крепкий сироп... – смакуя, я пыталась подобрать сравнения. – Из каких-нибудь сладких медуз гоните, водорослей или моллюсков? Чувствуется что-то алкогольное...

– Тут нет ничего подобного, – голос друга стал более жёстким, а глаза потемнели.

И только я хотела спросить, почему он сам не выпил, как в

голове ударил огромный колокол! Всё поплыло перед глазами, а внутри возникла такая слабость, будто невесомость. Я попыталась вскочить, в ужасе понимая, что Макс, мой Макс! напоил меня какой-то гадостью, но ничего не вышло – чувство равновесия пропало напрочь. А последнее, что я запомнила, как падала прямо на руки этого подлого предателя, этого змея подколодного! и злобно шипела, стремясь всеми убегающими силами удержать его лицо в фокусе:

– За что?! Макс, за что?! Ненавижу тебя! Ненавижу!!! Если очнусь – раздавлю как мерзкого моллюска!!!

Давненько я не была на райском поле. Этот образ уже редко возникал в сознании. После памятной битвы близ Кифа я уже не нуждалась в созерцании перекатывающихся на ветру сине-зелёных волн ядовитой травы, вызывая тем самым прилив внутренней энергии. Однако теперь я лежала, раскинув руки, среди смертоносного болота, ощущая, как почва дрожит под весом тела. Кругом тихо и, кроме шелеста тонких кончиков высоких травинок, до слуха не доносится никаких звуков, даже ветра.

Я смотрю в синее небо, вижу бегущие облака, но движения воздуха совершенно не ощущаю. А вот земля подо мной дрожит, словно желе, и я знаю, что в любой момент могу провалиться в вонючую, топкую бездну и уже не выберусь. Она проглотит меня, всосёт, пережует и всё закончится... Почему жду и даже хочу этого? Наверно, я устала... Устала жить, постоянно ощущая себя подопытным кроликом или пешкой

в загадочной игре не только каких-то космических сил, но и местных обитателей. Пожалеть себя, что ли? А разве не это я сейчас делаю?!

Долгое время иногда казалось, что этот мир всё-таки ненастоящий и всё, что произошло со мной, – это какое-то психическое заболевание типа шизофрении, которое мысленно унесло в другой мир, убедив в полной реальности происходящего. Только теперь я завидую Кифу, своему древнему земляку, который тоже жил здесь, потом лишился разума, да так и умер, не найдя дорогу домой, ведь для него всё давным-давно закончилось. Я уже забываю прошлую жизнь, а Земля становится совершенно нереальной, превращаясь в далёкое воспоминание, размытое и какое-то бесцветное, как старое, потёртое чёрно-белое фото... Смогу ли я выдержать, смогу ли преодолеть всю эту боль?! Ведь я не выбирала свой путь, просто плыла по течению, принимая хорошее и плохое, прекрасное и омерзительное, понятное и загадочное, приспособиваясь к новым людям и иным обстоятельствам... Как же это трудно, принять действительность и себя в ней без прикрас, так, как есть!

Я сжала в ладонях жёсткие стебли, продолжая отрешённо наблюдать за несущимися облаками: «Так странно... Хочется остаться здесь, в своём воображаемом мире навсегда... Похоже, что, как и Киф, я слишком долго не выдержу и постепенно сойду с ума...»

По щеке что-то ползало. Я попыталась смахнуть это

нечто, находясь в состоянии полусна, но ощущение нежной щекотки не исчезло. словно маленькие пушистенькие лапки побежали вниз по шее, потом по правому плечу, перемещаясь всё ниже и ниже. Я приоткрыла один глаз. Бумер, лежащий рядом, заметил моё пробуждение и радостно принялся вылизывать лицо. Утерев глаза и нос от обильной слюны, я обратила внимание, что язык моего волка, обычно ярко-красный, покрыт золотой пылью, а ведь он только что меня вылизывал.

Я откинула тонкое одеяло. То, что я лежала голая, даже не удивило. Поразило другое. Быстро вскочив, я подбежала к металлическому зеркалу и... застыла. Нет, ангалины не облили меня золотом. Они поступили иначе. Вместо уродливых шрамов моё тело покрывали золотые татуировки, почти такие же, как и у Рекса, только вот художественное решение разительно отличалось.

Это было нечто сказочное, фантастическое и какое-то невозможное... Рубцов на теле видно не было, даже при близком рассмотрении. Левую ногу оплетало золотое тело ангалина с такой прорисовкой мелких деталей, что поначалу я даже не могла поверить, что ангалины способны на такое творчество, из открытой пасти которого, возле пупка, вытягивались морские растения или причудливые кораллы. Одна из золотых веток тянулась вдоль бока, оплетая обе груди и скрывая по шраму над каждой, потом шла к ключице, густо покрывая правую руку от локтя до плечевого сустава замыс-

ловатыми узорами, а ещё одно ответвление, скрывая шрам на ключице, по задней части шеи достигало повреждённой щеки, украшая половину лица извивающимися тончайшими золотыми нитями. Единая, гармоничная и потрясающе красивая композиция!

Я долго крутилась перед зеркалом, пытаюсь тщательно рассмотреть себя, и раздираемая весьма противоречивыми чувствами. С одной стороны, очень хотелось не только убить Макса и Рекса, но и разорвать их на части, а вот с другой – не восхититься столь удивительным шедевром было невозможно. И как теперь жить с такой-то красотой, которая отныне всегда будет со мной, вернее на мне?! Эти золотые рисунки, сверкающие под солнечными лучами, будут настолько выделять меня, что уже нигде я не останусь незамеченной. Да-а-а... таких чудес Окатан ещё не видел! Но ведь красиво... Удивительно красиво!

Я похлопала Бу по голове. Волк сидел рядом и тоже таращился в зеркало.

– Золотая... Теперь и в буквальном смысле... – я выдохнула и начала одеваться.

Когда я шла по лабиринту переходов в главный зал, все встречные рептилоиды при виде нас с Бу низко склонялись, будто перед самим Рексом. Я топала с высоко поднятой головой, держа руки на ремне, потому как остатки злости ещё не до конца растворились в вареве впечатлений. Звук шагов отдавался громким эхом, а цокот когтей волка придавал дви-

жению четкий ритм.

Пока мы приближались к ложу Великого Ангалина, я несколько раз уловила шёпот за спиной: «Она приняла награду... Нас-с-следница ангов благос-с-склонна к нам... Нет выше почес-с-сти... Сияет, с-с-словно звёз-з-зды...» Остановившись у ковра, я слегка кивнула, а Рекс уставился в упор. Я только открыла рот, как из прохода вышел Макс и протянул мой собственный трофейный меч, одновременно опускаясь на одно колено:

– Если богиня желает, она может публично казнить меня...

Я скрипнула зубами и сжала кулаки: «Вот что ты будешь с ними делать?! Чокнутые! Все чокнутые!»

– Великий Ангалин!!! – голос прогремел на всю залу. – Можно поговорить с вами наедине?! – а потом Максу тихим шёпотом: – А с тобой я после разберусь...

Пока я пристёгивала оружие к поясу, все нас покинули. Рекс призывно махнул, и я уселась рядом, прямо на его лежачем троне:

– Я хочу покинуть Дрейфующие острова... Думаю, что помогла вам уже достаточно...

Ангалин повернулся и положил голову на моё колено:

– Злишься, да?

– Есть немного... Кто сотворил из меня сие чудо?

– Старый Сайраус... Он с-с-старался...

– Скажите ему, что мне очень понравилось... Правда, по-

правилось. Шрамов совершенно не видно...

Рекс вздохнул всем телом и уставился так пристально, что все слова вылетели из головы.

– Прости нас, Кари... – голос Великого Ангалина был тих и нежен. – Это я приказал Максу усыпить тебя, ведь иначе ты бы не согласилас-с-сь принять наш дар...

Я кивнула:

– Нет, не согласилась. Носить на себе подобное украшение это даже для меня слишком...

– Зато теперь каждый ангалин будет знать, что говорит со мной в твоём лице. И твои приказы для моего народа – это приказы самого Рекса. Нас-с-следницу ангов должно быть видно издалека...

– Но ведь я никакая не наследница, Великий Ангалин! Я просто из другого мира! – я всплеснула руками.

– Это не имеет значения, Кари... – ответил он. – Отныне для всех нас начинается другая жизнь. Мой сын – лишь начало, вс-с-скоре появятся и другие превращённые, вот увидишь... Нет обратного пути. Великие анги снова обретут бы-лое единство и величие!

Глава 17

Я нашла Макса на скале свиданий. Он сидел на самом краю, свесив босые ноги. Бу помчался вниз погонять с малышнёй, а я присела рядом с другом:

– На днях отплываем...

Он быстро глянул и отвёл глаза.

– Но если ты хочешь остаться...

– Остаться?! – Макс резко повернулся, хватая меня за руку. – Кари, прости! Я знаю, что поступил подло! Но ведь иначе...

Я приложила палец к его губам:

– Молчи. Всё правильно. Вы не смогли бы меня на такое уговорить...

Он усмехнулся. И эта улыбка, столь искренняя и добрая, смела все остатки сомнений и страхов.

– Я только теперь начинаю по-настоящему понимать тебя... Я стал словно чужим среди своих, не таким, как остальные... Глазеют, щупают, шушукаются за спиной... Кто-то восхищается, а кто-то жутко боится...

Смотреть на него спокойно я больше не могла и крепко обняла своего полуголого принца. Первый поцелуй Макса был робким и неумелым, но настолько чувственным, что кровь тут же ударила в голову. Тёплые и солоноватые от влажного морского воздуха губы нежно прикасались к лицу и шее, запах его кожи пьянил, а сильные руки тугими верёвками оплели тело и вырваться из этих пут совершенно не хотелось. Мне было абсолютно наплевать, что нас видно чуть ли не всему ангалинскому поселению, потому что с каждой секундой я всё больше и больше хотела его.

Остановив поток ласк, я взяла в ладони его лицо и страст-

но прошептала:

– Ты такой красивый, Макс... Ты всегда был красивый, но теперь...

Он порывисто впился в губы, а потом вскочил и легко подхватил меня на руки:

– Я хочу только одного, любимая... Чтобы ты была счастлива. И даже не вздумаю обидеться, если скажешь «нет»...

Прижавшись всем телом, я прошептала ему на ухо:

– Мы через слишком многое прошли вместе... Я люблю тебя и хочу всего...

Сказать, что эта ночь с Максом была чем-то фантастическим или нереальным, значит немного слукавить. Только в дамских романах пишут о всепоглощающей страсти, жаре внутри или абсолютном погружении в любимого. Поначалу нам обоим было страшно и даже неловко, но в последнее время я стала забывать, что в первую очередь всё-таки женщина, а Макс напомнил об этом и притом так, что забывать уже не хотелось. Он был нежен и страстен одновременно, немного неуклюж, но так искренен в проявлении чувств ко мне, что я даже плакала, ведь полноценный секс с местным мужчиной случился в первый раз. Однако самое интересное и невероятное произошло позднее, уже после того, как в полном изнеможении мы уснули.

Я открыла глаза и уставилась в светлый высокий потолок. На стенах оружие, а в дальнем углу мишень для стрельбы. Я лежу на полу в спортивном зале, а рядом – Макс, обни-

мая обеими руками. Ум потихоньку начал заходить за разум. Сперва я просто щипала себя, понимая, что таких чудес ещё не было. Ладно, я здесь – это ведь мой собственный внутренний мир, ладно Мозговой тут обитал – его как-никак творенье. Но Макс?! Или это просто сон такой?!

Толкнув любимого, я приподнялась на локте:

– Макс! Макс, проснись!

Он что-то пробурчал, пытаясь спросонок поцеловать меня, потом перевернулся на бок и опять засопел.

– Макс!!!

Поверить, что мы находимся вместе в моей личной виртуальной реальности, было сложно, почти невозможно, но, к слову сказать, мой любимый совершенно не испугался. Сначала он долго лежал, рассматривая окружающее пространство и меня, нагишом стоящую рядом, а после спросил:

– И как это понимать?

Я пожалала плечами.

– Где мы?

– Это зал, где я всю зиму тренировалась с профессором, – я протянула Максу руку. – Пошли, библиотеку покажу, раз уж мы тут каким-то образом оказались.

В библиотеке я достала из шкафа одежду Тана, ту, в которой он занимался со мной:

– Вот, оденься...

– Но ведь здесь, кроме нас, никого нет!

– Очень интересно, в каком виде ты окажешься, когда мы

выйдем отсюда...

– А мы выйдем?! – друг натянул тренировочную форму, и она пришлась почти впору, так как крой был довольно свободный.

– Ну как-то мы сюда попали, значит, так же и выберемся...

Пока Макс зачарованно рассматривал стеллажи с книгами, глобус, карту на стене, ошарашенно бродил по лаборатории, разводя руками и хватаясь за голову, я завернулась в бархатный халат и уселась за стол, размышляя над происходящим: «Как же это возможно? Получается, что в своё личное пространство я могу впустить кого-то, но ведь специально для этого я ничего не делала. Правда, какой-то сон мне снился, и в нём очень хотелось быть с Максом всегда и везде... Возможно, это и послужило толчком для того, чтобы захватить его с собой...»

Макс бухнулся на кушетку и задорно улыбнулся:

– Так вот, значит, где ты пропадаешь, когда мы не можем тебя добудиться!

– И как впечатления?! – я подпёрла подбородок ладонями и уставилась на друга. Тренировочная форма профессора ему очень шла.

– Здорово! Дайк не поверит!

– Но ведь ты веришь?

– А что мне остаётся?! – Макс вплеснул руками. – Я ведь тоже здесь! Вместе с тобой!

Вернулись в реальность мы легко. Стоило лишь взяться

за руки и мысленно решить, что выходим, как я и делала раньше. Максимум хотелось подольше задержаться и побродить по коридорам моего разума, но мне не терпелось проверить свои предположения и они подтвердились. Мы остались в одежде: я в бордовом бархатном халате Мозгового, а Макс в его тренировочной форме. И вот это поразило больше всего.

– Получается, – Макс потрепал Бумера по гриве, – что эта твоя библиотека не такая уж и ненастоящая?! Ведь, что мы там надели, в том и пришли!

– Выходит, так... И это главная загадка, ведь раньше такого никогда не случалось. В чём я появлялась там, в том и уходила, а теперь смогла и тебя привести, и что-то вынести оттуда... – я ещё раз ощупала мягкий халат и тонкую, немного тянущуюся ткань на Максе. – Материализация мыслей какая-то...

Макс подошёл к зеркалу:

– А мне нравится! Очень удобно! Можно я в этом останусь?

Я довольно хмыкнула:

– Носи на здоровье! С одеждой-то у нас напряжёнка...

Часть 3. Битва

Глава 1

Собирались мы в спешке. Вести, которые принёс Флак из Банкора, были безрадостные. Западный терр захватил город, а Инзар убит, как и многие горожане, оказавшие сопротивление. Второй сын покойного терра оказался не в состоянии защитить свои владения, даже при помощи местного населения, которое в минуту опасности сражалось наравне с его воинами.

Рассказ Флакса поначалу поверг меня в ужас, но потом я вспомнила, что на одной из повреждённых дискет с красными точками смогла разобрать малопонятную на тот момент фразу. Вся дискета не читалась, зависая на одном и том же месте, но вот график гармонического колебания, а также схематичное изображение какого-то прибора с подписью ниже «звуковой код для размноженного сознания» я запомнила. Пока ангалины собирали нас в дорогу, а также формировали отряды из желающих поучаствовать в легендарной войне под предводительством Великой богини и первого превращённого мы засели в моих покоях.

При виде брата в ином теле, а также золотой меня высокомерная спесь с Флаксика быстро слетела. Он недоумённо

тарасился то на меня, то на Макса, то на ноут ангов с бегущими по экрану символами и никак не мог прийти в себя. Даже захват Банкора отступил на второй план, настолько он впечатлился. Видя, что шок ангалина пока не проходит, я пристегнула провод с «крокодилчиком» к своему браслету, уже давно сообразила, как именно анги его использовали. В человеческом виде излучать свет анги не могли, однако он в них всё-таки был. И такие браслеты действительно служили в качестве аккумуляторов, накапливая их энергию, которую они потом использовали для запуска и работы своих приборов. Уникальная технология, когда ты сам являешься источником питания!

Я искала эту дискету, чтобы показать схему Флаксу. Дело в том, что, ещё будучи в Банкоре, он видел всё с самого начала. А главное, как правитель Запада, стоя на палубе огромной галеры, поднёс что-то к губам и издал очень громкий и странный звук. Ничего подобного Флакс никогда не слышал, но сразу же обратил внимание, как многие смуглые воины на других галерах повернули головы и словно напряглись. То, что в ангах намешана куча всяческих странных способностей и возможностей, было уже совершенно ясно, одно превращение чего стоило! А после рассказа Флакса, как эти очень похожие друг на друга люди шли в бой с какими-то отрешёнными лицами и умирали, словно им было совершенно всё равно, выживут они или погибнут, мы с Максом поняли, в чём опасность близнецов. Ими можно управлять!

Пока я перебирала дискеты, разыскивая нужную, то успела попутно расспросить Флакса о Крианне и Гуне. Когда он видел хозяина «Тихого островка» в последний раз, тот вместе с Гарри помогал защищать город. А вот о Гуне Флакс ничего не знал, хотя за время, что выполнял обязанности связного, не раз видел его рядом с Крианном.

Флакс долго всматривался в схему на экране, пока не произнёс:

– Похож-ж-же, но я не уверен... Ш-ш-штука маленькая и вот так с-с-сказать, что это то с-с-самое, не могу.

– Дело даже не в этом чертеже, – я вздохнула. – Тут написано «размноженное сознание», говоря по-простому – одно, но повторенное много раз... Вот ответ на вопрос, почему пустыnnики так спокойно идут на смерть. Одно сознание на всех и к тому же управляемое извне. Звук этого прибора будто выключает их разум, и они подчиняются беспрекословно, словно роботы или заводные куклы.

– Кто?! Какие куклы?! – Флакс вытаращился, а Макс снисходительно похлопал его по шее:

– Пообщался бы ты с Кари подольше, знал бы и не про такие чудеса её мира. Да и Священная Книга раскрыла такие тайны, что мы тут до сих пор поверить не можем!

Глава 2. Латрас

Айре не спалось. И это несмотря на день, насыщенный

разнообразной работой, и полный потрясающих эмоций вечер. Она долго крутилась с боку на бок, слушая, как за стеной тихонько переговариваются родители. Потом захныкала малышка Кари и Хейа начала напевать знакомую с раннего детства колыбельную. Натри несколько раз говорил во сне что-то невнятное, и Айра поправила на братишке лоскутное одеяло. Уже давно всё стихло в доме, но сон не шёл, упорно не хотел приходиться.

«Наверно, всё-таки я влюбилась... – подумала она, чувствуя, как начинают полыхать щёки. – Лукас удивительный... У него такой голос и взгляд, что пытаться не замечать его чувства даже как-то неприлично... И он так не хотел меня отпускать сегодня, так заглядывал в глаза...» Айра зажмурилась, вспоминая, как горячий язык ангалина коснулся её щеки и шеи, а нежно-сиреневые искорки в ярко-жёлтых глазах лишили дара речи. А она всё смотрела и смотрела в них не в силах оторваться. Так хотелось поцеловать его на прощанье, просто нестерпимо, но как можно это сделать, пока не укладывалось в голове, ведь он ангалин, а не человек.

Айра видела, как смотрят на неё местные парни. За последний год она очень вытянулась, а с каждым месяцем тело обретало всё более и более женственные формы. Хейа не успевала перешивать для дочери одежду. Возле дома постоянно крутились ухажёры, под разными предлогами пытались выманить Айру на свидания. Но она лишь улыбалась в ответ, ссылаясь на занятость, да изредка пела по вечерам в таверне

Эльма.

Всё свободное время Айра проводила с Лукасом, который стал уже не просто необычным другом. Она столько узнала об ангалинах, их жизни в море и на Островном поясе, что даже начала завидовать Кари, которая отправилась с визитом к самому Великому Ангалину. А ещё ей безумно нравилось трогать бархатистую чешую, поглаживая упругие пластины, когда они сидели где-нибудь у моря вдаль от всех, а голова Лукаса покоилась на её коленях. Почему он родился ангалином, а не человеком?! Этот вопрос не раз возникал в голове, заставляя сердце сжиматься. Почему?!

Если бы она спала, то не услышала бы странного шороха у двери. Сначала промелькнуло, что это мама пришла посмотреть на их сладкий сон, но осторожные шаги не подтвердили догадку. Это был Скай. Айра закрыла глаза и замерла, размышляя, что могло ему тут понадобиться, ведь он всегда спал в большой комнате на толстом матрасе в дальнем углу, чтобы не беспокоить семью поздними возвращениями с ночных гулянок.

Угадывая движения старшего брата, Айра забеспокоилась. Он постоял у кровати Натри, вроде осторожно гладил его, что-то шепча, потом приблизился к ней и присел на корточки, поправляя одеяло.

– Я люблю тебя, сестрёнка... – расслышала Айра. Потом вздох, движение, шаги...

Прошло какое-то время, прежде чем она опомнилась и

поняла смысл ночного визита брата. Скай приходил попроситься! Ведь отец не отпустил его ни с отрядами третьего претендента, ни на «Чёрную медузу» встречать Кари на Небесных островах, упирая на то, что Скай ещё несовершеннолетний и нужен семье.

Одеваться было некогда. Айра натянула на длинную рубашку вязаный свитер, всунула ноги в короткие сапожки и вылезла в окно, прикрыв ставни. Как она и думала, Свиста на конюшне не оказалось. Выскочив со двора, она прислушалась, в надежде угадать направление, но стук копыт не тревожил тишину глубокой ночи. «И вот где его теперь искать?! – Айра утёрла слёзы. – Дурак! Какой же дурак! Только бы с ним ничего не случилось! Как родителям сказать?!»

Лишь когда тусклый свет начал проникать в комнату, Айра уснула. Она не стала никого будить, утром само всё выяснится. Скай сделал выбор и, возможно, ей тоже когда-то предстоит принять судьбоносное решение... Сначала она плакала в подушку, а потом подумала, что Карелл, вероятнее всего, отправит его назад, а если и нет, то за братом будет кому присмотреть, ведь отец и третий претендент на трон давние друзья.

Глава 3

Возвращение на материк заняло меньше времени. Двигались мы очень быстро, несмотря на груз оружия в несколь-

ких лодках-сигарах, ведь «извозчиков» имелось гораздо больше. Я сидела на носу, наблюдая за несущимися по волнам ангалинами, и не совсем верила в происходящее, хотя уже давно стоило привыкнуть ко всем невероятностям жизни на Окатане, а также к своей роли в судьбоносных событиях для всей планеты. Ведь мы с Максом ведём за собой отряды ангалинов. Разве полтора года назад, когда путь по Окатану только начинался, я могла представить, что займу здесь такое высокое положение, сравнимое разве что со статусом верховного властителя?!

Несколько «диких» также отправились с нами. Как я поняла, они хотели просто наблюдать за происходящим, а не участвовать. Решение об их присутствии Рекс оставил за мной, но возражать я не стала. Отец Макса да и Совет старейших считали, что это поспособствует восстановлению с ними более тесных связей.

Волнение было слабым и тройка ангалинов стремительно рассекала водные просторы, а позади и по сторонам плыли остальные – более двух с половиной сотен вооружённых разумных рептилоидов. «Как нас воспримут в таком изменённом виде? – думала я, вдыхая влажный тёплый воздух открытого моря. – Узнать Макса в теле человека всё-таки можно, несмотря на гигантскую разницу тел ангов. Его выдают глаза, ехидная улыбка, манера разговаривать, хоть от своего шипения он почти полностью избавился, да вспыльчивый характер. Ну а на меня в ясную погоду даже смотреть будет

сложно. Золотые узоры, особенно на щеке, так сверкают при прямом попадании света, что у меня самой иногда в глазах рябит от отблесков. Теперь я тоже сияю, как и мои чешуйчатые любимцы... Вот только как посмотрит на это Дайк, да и все остальные дорогие мне люди?»

Макс вылез из-под туго натянутого полотнища и уселся рядом, держа кусок отварного турмана, что остался от завтрака. Я покрутила носом:

- От рыбы тошнит уже... Сам съешь или Бумеру отдай...
- Он строго глянул, продолжая держать еду перед носом:
- Ты почти ничего не ешь, Кари...
- Не хочется, – я отпихнула его руку и отвернулась.

До самой вечерней стоянки Макс ластился ко мне словно кот. Но чем ближе были Небесные острова, тем сильнее нарастало беспокойство. Дайк сразу поймёт: перед Максом я не устояла, тем более что отношения между нами настолько близкие, что я смогла его даже в библиотеку провести, хотя до сих не понимаю, как это возможно. И это впечатлило больше, чем обоюдные ласки. Дайк слишком хорошо меня чувствовал, да и Макса, кстати, тоже. Ведь наша троица уже давно единое целое и вынужденная разлука это только подтвердила. Я очень скучала по своему дорогому Няню, невзирая на присутствие Макса. Немного успокаивало одно: отношения женщины с двумя и более мужчинами одновременно не являлись чем-то необычным, неприличным или недопустимым среди местного населения. Это просто старались не

афишировать, и дело было исключительно во взаимном согласии. Если все участники таких отношений соглашались, то проблем не возникало ни внутри такой семейной группы, ни со стороны общественности. И совсем другое, если мужчины не хотели делить между собой любимую женщину. Тогда и до драк, и до убийств доходило, но последнее слово всё-таки оставалось за женщиной. Вот потому кровати в гостиницах, на постоянных дворах да и в домах чаще всего были широкими, рассчитанными как минимум на троих. В Кифе мы даже впятером умудрились поместиться, когда Макс впервые узнал, что такое «нализаться до поросячьего визга».

После полного слияния с Максом, отталкивать не менее любимого превращённого красавца-анга было как-то глупо – язык не поворачивался говорить «нет». А строить из себя недотрогу после, когда всё уже было, ну совсем по-дурацки, да и не хотелось вообще-то. Но я начала жалеть, что позволила нам обоим зайти так далеко. И совсем не потому, что мне что-либо не нравилось, а из-за ощущения предательства по отношению к Дайку. Он там ждёт меня, с ума сходит, а мы с Максом всю наслаждаемся плотскими утехами. Всё-таки привитые с детства нормы морали, поведения, а также понятие моногамности основательно сидели в голове, раздирая на части. Мораль твердила, что так нельзя: нужно решить, с кем я хочу быть и, соответственно, спать. А разум говорил, что здесь, на Окатане, это не имеет значения, и если я хочу обоих, то так тому и быть, мои парни возражать не станут,

наоборот, будут только рады, ведь они очень близкие друзья. Никому и в голову не придёт мысль осудить и выразить непонимание или недовольство, тем более что я не обычная женщина, а вообще – богиня, которой даже Совет Восточных территорий не решился указывать! Вот только что же со всем этим раздраем в душе делать-то?! Ну не получается пока вот так спокойно взять и переступить через то, что прививалось с детства родителями и обществом, в котором я росла.

Макс всё-таки добился вечером своего, несмотря на то, что я попросила не трогать меня. Просто лежать с ним оказалось невозможно. Как уснуть, когда рядом идеал мужской красоты?! Желание обладать мной исходило от него уже на каком-то биохимическом уровне. Я раньше думала, что феромоны имеют больше отношение к миру животных, чем к людям-человекам, существам, наделённым разумом. Но теперь прочувствовала их воздействие на себе в полной мере. Сильнейшая сексуальная энергия исходила от любимого анга, будто горячие волны мощного прибоя, и вся моя мораль, все переживания полетели в тартарары и к чертям собачьим. Я впилась в его губы, прижалась так, словно хотела полностью раствориться в жарких объятьях, и просто улетела куда-то под страстный шёпот и возбуждённые стоны.

Наверно именно поэтому мы толком и не заметили обратной дороги, так как большую часть времени проводили наедине, в крытой зоне ангалинского транспортного средства. Все прекрасно знали, чем мы там занимаемся, но ни братья

Макса, ни другие ангалины ничего не комментировали и не шутили по такому пикантному поводу. Они просто многозначительно переглядывались да загадочно улыбались.

«Чёрная медуза» ждала нас уже около недели. Заметив длинные мачты стоящего на якоре корабля, я заволновалась. Как объяснить всем ситуацию?! То, что я теперь золотая буквально – это ладно, проникнутся ещё большим благоговением, а вот как быть с Максом?! Ни Аютана, ни команду я не посвящала в подробности визита к Рексу, да и скорого превращения в наших планах также не было. Все знали, что мы едем на переговоры о наёмниках и по личному приглашению Великого Ангалина.

Придумывать какую-либо «легенду» было бесполезно. Макс сразу отмёл подобный вариант. Ведь команда его хорошо знала, а по изумрудным глазам, живой мимике и речи понять, что перед ними Макс, только в образе человека, будет не так уж и сложно. Весь вид бывшего ангалина говорил, нет, не говорил – вопил: тот, кто знал его в прошлом теле, узнает и теперь.

Поэтому когда мы поднимались на борт под всеобщие радостные вопли, я только напряжённо улыбалась. А вот когда на шхуне повисла гробовая тишина, потому как мужики рассмотрели нас вблизи, просто стояла столбом и молча разглядывала команду. Аютан придерживал падающую челюсть, Данко то зажмурился, то широко открывал глаза, словно ему туда что-то попало, Тиль тарашился, и казалось,

что глаза у кока вот-вот вылезут на лоб. Кул, Найр, Тоший Сол и остальные словно языки проглотили, напоминая статуи. Макс не выдержал первым. Он подошёл к Тилю и хлопнул его по плечу, широко улыбаясь:

– Придётся тебе, дружище, просить кого-нибудь из моих братьев за ссвугами сплавать! Как видишь, я уже к этому не приспособлен!

Кок побледнел и начал оседать.

– Мак-к-кс... – голос капитана подрагивал.

– Кари считает, что узнать меня довольно легко.

– Ма-а-а-а-кс!!! – завопил Данко и бросился к нему, раскинув руки. – Макс! Макс! Не может быть! Так не может быть!!! Превращение! Это же превращение!!!

Команда «Медузы» Макса любила, однако только Данко и Ают осмелились обнять его, а вот ко мне никто так и не подошёл. Вдруг Бумер с радостным визгом бросился вниз по лестнице, ведущей к моей каюте. Я дёрнулась. По ступенькам медленно поднимался Дайк.

– Решил сделать вам сюрприз... – выдохнул он, стремительно бледнея. – Но, похоже, вышло наоборот... – я пропустила мимо ушей тон его высказывания и повисла на шее друга.

Ночевали мы на острове. Ангалинам нужно было отдохнуть, а мне хотелось побыть на суше перед дальнейшим плаваньем. Мои золотые татуировки произвели на всех неизгладимое впечатление, без предварительных низких поклонов

теперь со мной никто не заговаривал, даже капитан. Как я и предполагала, мой любимый лекарь всё понял. И очень явно показалось, что я могу потерять близкого друга, настолько сильные эмоции отразились на его лице.

– Ты счастлива? – тихо спросил он, когда мы вечером сидели у костра на берегу. Ком подступил к горлу. Макс порывисто обнял Дайка и потащил куда-то вглубь острова.

Подслушать, о чём ушли поговорить мои парни, хотелось страшно, но я не пошла за ними. Понятно, что обо мне. Вот только сказать, что люблю кого-то больше, я не могла. Несмотря на то что Макс стал полноценным мужчиной и притом таким, что лишь от одного его внешнего вида «сносило крышу», Дайк был дорог не меньше. Ещё в пути мы часто говорили о нём. Макс не раз и не два повторял, что знает, насколько сильно Дайк любит меня и как я люблю его. А также просил не мучиться дурацкими сомнениями и необходимостью делать выбор, ведь Дайк для него больше чем друг. А теперь мы знаем, что надо сделать для того, чтобы вернуть ему полноценное здоровье. Если выдержать столь серьёзное испытание получилось у Макса, то получится и у него. Главное – попасть в Храм, и не важно, «работающий» или нет. Рекс на прощанье вложил в мою ладонь пару ампул со «слезами», как сказал, на всякий случай, да одна из вскрытой пары осталась у Макса.

Бумер носился где-то в ночи. Ангалины расположились на берегу, отдыхая и доедая добытых на закате турманов. Ну а

я ходила вокруг костра, ожидая, пока мои мальчики выяснят отношения. Отплывать мы собирались на рассвете и уже не в Латрас, а в Перрикол. Буквально день назад к «Медузе» приплыли ангалины от Карелла с новостью, что город рудокопов сдался почти без боя, так как наместники Инзара уже знали о гибели своего покровителя. Также Ают сообщил, вернее доложил, что охрана Латраса значительно усилена и с моря, и со стороны суши, так что за безопасность можно пока не беспокоиться. Поэтому я и приняла решение держать курс к нашему Атаману, ведь ему ой как много нужно было рассказать.

Дайк вернулся один, сел у костра и после долгой паузы сказал:

– Отблески пламени так играют на твоём лице... словно звёзды в небе сверкают. С момента как я увидел тебя, песня Гая не выходит из головы. Ведь ты теперь ещё более явное воплощение... «звезда, упавшая с небес». Вот никогда бы не подумал, что ангалины способны создавать такую красоту...

Я усмехнулась:

– Главное, что шрамов совсем невидно, а это сверкание мы переживём как-нибудь... Награду Великого Ангалина я буду носить до конца дней своих, – присев на толстую корягу, я взяла его за руки: – Ты можешь быть здоров. Макс рассказал?

Дайк кивнул и улыбнулся. Моя любимая ямочка на щеке появилась и тут же пропала, а я так по ней соскучилась!

– Выходит, я такой же англ, как и Макс, да и, вообще... все...

– Ну-у-у... – протянула я, – не совсем такой, конечно...

Дайк напрягся, а я прижалась к его боку:

– Ты мой англ... Мой личный... И я никому тебя не отдам.

Сначала он пялился в костёр, а потом хитро улыбнулся:

– Богиня заявляет на меня свои права?!

– Богиня хочет, чтобы ты был рядом и позволял любить себя столь долго, сколь это возможно...

– Я хочу этого больше всего, просто подумал, что стану лишним теперь... когда Макс такой...

– Красавец, да? – я хихикнула.

Нянь кивнул и принялся водить пальцем по золотым рисункам на щеке и шее:

– Не знаю, кто может быть достоин такой невероятной девушки, как ты, Кари... Только бог, наверно...

– Думаю, лишь тот, кто может любить меня как ты...

Глава 4

Вскоре примчался Бумер и принялся вылизывать Дайка. Наш волк, как оказалось, очень скучал. Потом притопал Макс. Он общался с братьями на берегу, ведь Флакс и Слай с Ассом также присоединились к числу наёмников. И до самого утра мы рассказывали Дайку обо всём, что происходило на Больших Дрейфующих островах.

На совете нашей тройки мы решили держать столь важную и опасную информацию при себе до поры до времени. Ангалины и так никому ничего не расскажут, команда «Медузы», по моей просьбе, тоже будет стараться держать языки за зубами, а вот Кареллу и Берку знать нужно всё. Правда, по поводу каола мы заспорили. Почему-то только я ему более-менее доверяла, возможно, дружеское отношение к нему Бумера послужило тому причиной. А вот мои парни имели несколько иное мнение на этот счёт. Я решила про себя, что причина недоверия банальная ревность, а также наглость Берка в отношении меня. Мои мальчики прекрасно помнили заявление «штирлица» о женитьбе. Сначала я попыталась доказать им обратное, а потом махнула рукой – там видно будет.

Встречать Великую богиню высыпал весь город. За прошедший год Перрикол особо не изменился, если только в худшую сторону. Поселение кузнецов и рудокопов и раньше было довольно невзрачным, а теперь лишь присутствие отрядов Карелла да ангалинов разбавляло некую унылость окружающего пейзажа. Если Латрас за это время вырос, пополнился новыми строениями и жителями, то Перрикол наоборот. Некоторые местные покинули свои дома ещё перед установлением власти Инзара, обосновавшись в Латрасе, а вот новых переселенцев не наблюдалось.

Наследник дома Драмар покинул свои владения, как только сдал город и окрестности второму сыну покойного тер-

ра, и о бывшем хозяине ничего не было известно. Жена наследника умерла ещё лет пять назад, а среди троих его уже взрослых детей имя рода и, соответственно, метку никто не унаследовал. Но эти местные подробности я узнала позже.

Само наше прибытие в город оказалось весьма впечатляющим не только для тех, кто с нетерпением ожидал «Чёрную медузу», но и для меня. Прошлогодную историю со штормом и спасением шхуны в Перриколе помнили очень хорошо, да и меня прекрасно. А большие заказы руды для нужд Латраса также добавили мне авторитета среди местного населения, несмотря на то что львиная доля моих денег осела в карманах тех, кого Инзар оставил контролировать город и рудники. К тому же люди очень боялись, что галеры Запада вот-вот появятся на горизонте, а тут и Карелл нагрязнул, о котором уже было известно, что Великая богиня именно ему отдала предпочтение. Поэтому в Перриколе меня ждали, ой как ждали!

Дневные светила заливали ярким светом прибрежную бухту. Я стояла на носу шхуны, как говорится, во всей божественной красе. Блондинистая шевелюра отросла уже настолько, что получилось заплести очень короткую, но всё-таки косу, открыв лицо. Любимая рубашка без рукава – подарок Карелла, широкий ремень, с одной стороны меч, с другой боевой топорик; тонкие кожаные штаны, сапоги из речных змей, а рядом Бумер в шипастом ошейнике на толстой цепи. Чуть позади Дайк и Макс, оба высокие, сильные, во-

оружённые и потрясающе красивые. А за входящей в бухту шхунной сверкающее море, озарённое вспышками плывущих следом ангалинов...

Для всех местных зрелище было ещё то, да и неместных тоже. Стуча сапогами по сходням, я спустилась на знакомую пристань. Очень хотелось прищуриться, так как солнечные лучи снова заиграли на лице. Единственное, что помогало, так это чуть склонить голову к плечу и вниз, чтобы отблески не попадали в глаз. Ещё в пути Дайк шепнул, что такой поворот головы придаёт мне какое-то неповторимое величие, но в то же время некую уязвимость или чувственную женственность. И это ему нравится просто до безумия. Я довольно похихикала, конечно, но значения его словам не придавала, потому как мне самой ничего подобного в голову не приходило. К тому же я не могу посмотреть на себя со стороны, да и мужскими глазами.

Зато теперь, видя, как стремительно меняются в лице Карелл, Грас, Лакр, Олли и как открываются рты у других, знакомых ещё по Кифу, воинов, стало не по себе. Ведь платиновые волосы, большие ярко-синие глаза, загорелая кожа и сверкающие золотые узоры на половине лица в виде причудливой ветви действительно поражали. Начиная с Карелла, все мужчины на пристани начали опускаться на одно колено в абсолютной тишине. Дайк рядом, похоже, наслаждался ситуацией, а Макс пихнул в бок:

– Скажи что-нибудь, а то до утра тут стоять будем, пока

все не выкажут тебе своё почтение... уж очень есть хочется...

Чтобы не рассмеяться, я прикрыла лицо ладонью: «Кто о чём, а Макс о еде!»

– Попрошу всех встать... – проговорила я, слегка запинаясь. А когда начали подниматься, широко улыбнулась: – Как же я рада вас видеть, мои дорогие!

«Мои дорогие»... Эту фразу раз сто я слышала за последние дни. Принадлежать к числу «моих дорогих» хотелось очень многим. И поэтому отказать горожанам в отдыхе не смогла, даже несмотря на то, что время было не совсем подходящим. Люди устали. Я видела это по изнурённым лицам, грязной одежде, оборванной ребятне, носившейся по заваленным мусором улицам, да огромным грудам шлаковой породы за городскими окраинами. Чтобы выжать из рудников как можно больше бывшее начальство не жалело усилий. Под страхом жестоких наказаний на работу отправляли даже стариков. Чтобы поберечь пожилых родственников, многим мужчинам приходилось вкалывать, как говорится, в две-три смены.

Поэтому, когда после основных приветствий ко мне пробилось несколько городских представителей с просьбой хотя бы временно уменьшить объём работы, я недоумённо уставилась на Карелла. Мы сидели в самой большой таверне на центральной площади рядом с городской управой, где Атаман недавно обосновался. Карелл отвёл глаза:

– Металла нужно много и быстро. Я поэтому и не давал указаний сократить работу.

Мои брови поползли вверх:

– Ты людей видел?! В каком они состоянии?! Дети без присмотра носятся по улицам, потому что жёны мужьям помогают!

– Военное положение, богиня, – его голос был твёрд, хотя на меня он так и не взглянул. – Оружия много надо, а также специальные телеги для ангалинов.

– Рекс передал немало мечей, топоров и дальнобойных луков, что им без надобности, – это первое. А второе, – я задумчиво постучала по столу: – данная ситуация всё равно не даёт никому права использовать людей в качестве рабов или тягловых лошадей.

В таверне повисла тишина. Мужчины из городской делегации были уже и сами не рады, что обратились ко мне за помощью. Хмурые и немного испуганные дядьки в фартуках и в неких подобиях рабочих комбинезонов стояли у стола, опустив головы и теребя в широких мозолистых ладонях плотные, кожаные шапки-ушанки, похожие на танковые шлемы. Я встала из-за стола. Дайк и Макс, которые до этого просто молча наворачивали нехитрое угощение, встали следом.

– Я могу тебя попросить?

– Но ведь богиня может и приказать... – Атаман поднял голову и так пристально глянул, что стало не по себе. Было

совершенно непонятно, что выражает его взгляд: то ли согласие, то ли угрозу.

– Нет, именно попросить. Два дня отдыха для всех, а также изменение режима работы, и я сама займусь этим, пока мы здесь.

Карелл встал и поклонился:

– Как будет угодно, Великая...

Глава 5

Дорогу к рудникам я помнила хорошо. Моцарт, которого Дайк предусмотрительно погрузил на «Медузу», слушался и вёл себя идеально, не внося в свежий воздух специфических ароматов. Новость о беременности Тучки порадовала ещё в море, а теперь лёгкая рысь прекрасного жеребца, будущего папаша (как я надеялась) «яблочных» или «мышастых» жеребят, даже немного отвлекла от мыслей о Берке. Каол отправился в Банкор на разведку и уже давно от него не было вестей.

В распоряжение Макса и Дайка Атаман отдал двух отличных жеребцов: вороного Мумма, что на языке древнейших значило «мрак», и шоколадного Заката с рыжеватой гривой. Макс пока управляться с высоким, сильным Муммом было сложно, ведь верховая езда непривычна для недавнего ангалина, а вот Дайк быстро нашёл общий язык с новым рогатым другом, несмотря на его довольно упрямый характер.

Пока Макс ехал позади, пытаюсь приноровиться к стременам и поводьям, мы с Дайком ускакали вперёд. Нянь сегодня пребывал в некой прострации: то блаженно чему-то улыбаясь, то усиленно размышляя. Я не успела спросить, что происходит, он заговорил первым:

– Кари... Я Арвиду письмо написал и отправил с дедом.

Придержав поводья, я оторопело уставилась:

– Арвиду эн Фрейру?! Когда?!

– Давно уже... Сообщи, что с тобой всё хорошо, и попросил вернуть твои любимые сапоги.

Глупый смешок вырвался сам собой:

– Но зачем?! Да и хорошие сапоги у меня есть...

– Не знаю... – Дайк пожал плечами. – Всё думал, говорить тебе или нет...

Я не знала, что ответить, просто продолжала удивлённо смотреть на него.

– Было очень одиноко без тебя, без Макса, без Бу... Я всё думал и думал о вас, вспоминал наши приключения, время, проведённое вместе... А потом почему-то взял и написал, ты же сама не раз говорила, что не злишься на него.

– Но ведь вы даже толком незнакомы! С чего ты вдруг проникся к нему такой заботой?! – я никак не могла унять удивления, совершенно не понимая поступка друга.

Дайк загадочно улыбнулся:

– Он ответил, Кари... И не только сапоги прислал, но и кучу всяких подарков. Гонец из Латраса прискакал на рас-

свете, правда, привёз только письмо, остальное у Балмаара. Я так понял, что Арвид сейчас в Гейзе.

Моё удивление уже перешло в крайнюю степень недоумения. Подобных фортелей от Няня я никак не ожидала. Положение спас Макс. Он догнал-таки нас, наконец, и пристроился с другой стороны от меня. До рудников было рукой подать, и я решила отложить разговор на потом, так как у Макса к северянину было несколько иное отношение.

До самого вечера я лазила по шахтам и осматривала лагуги рудокопов, которые ранее не были их постоянным жильём. До пришествия Инзара люди жили в городе и нескольких окрестных посёлках, а на рудниках работали вахтовым методом. Но вследствие порядков, установленных ставленниками второго претендента, очень многим пришлось буквально не вылезать из шахт и штолен и переселиться в непригодные для постоянного проживания временки.

Мои познания в геологии поставили в тупик даже самых старых и опытных рудодобытчиков. То, что богиня разбирается в камнях, слоистых залеганиях породы, понимает суть их работы, а также знает об опасностях, связанных с видом их деятельности, вселило в людей даже не восхищение, а некий священный трепет. Ну а когда я спросила, почему нет железнодорожной ветки до Перрикола, ведь в шахтах проложены примитивные рельсы для вагонеток, меня готовы были носить на руках.

Оказалось, что идея проложить такую дорогу до города вдоль основной витала среди рудокопов уже не один десяток лет. Но наследники и управляющие не хотели почему-то внимать просьбам и объяснениям мастеров. То ссылались на отсутствие денег, то на необычность подобной затеи, ведь нигде такого нет, да и не было, то на необходимость одобрения Великого террхана, то ещё на что-нибудь. И это несмотря на то, что такой способ доставки руды к морю сэкономил бы кучу времени, да и освободил множество лошадей. Ведь рудники находились выше уровня города, и гружёные вагончики спускались бы сами, нужно было только придумать, как притормаживать их на уклоне.

В результате на рудниках мы застряли. Представилась возможность привнести реальные, осязаемые изменения в этот мир – помочь построить пусть и небольшую, но настоящую железную дорогу. Гравия в округе завались, поэтому с насыпью проблем не будет, ну а остальное, как говорится, дело техники.

Забежав несколько раз в библиотеку, я набросала чертежи рельсов, колёс для вагонеток и механизма торможения. Потом несколько дней с местным старостой, фаэдром Бруаном, и другими мастерами объезжала окрестности, прикидывая наилучшие варианты расположения столь долгожданного новшества. Правда, напоследок мастер Нугар выразил сомнение:

– Вот придут пустынные и будет уже всё равно... Ника-

кая дорога никому не понадобится...

– Это мы ещё посмотрим, – отозвался Макс, на которого все местные, а особенно женщины, смотрели так, словно он тоже принадлежал к сонму богов, что ему очень нравилось, конечно. – Часть ангалинов останется в городе в качестве охраны.

Мужчины одобрительно закивали, а фаэдр Бруан спросил:

– А если наш беглый наследник объявится?

Я была уже неплохо подкована в местных юридических вопросах, поэтому поспешила их успокоить:

– Ваш наследник отдал предпочтение Инзару и это его право. Но если Инзар действительно мёртв, потомку рода Драмар придётся выбирать между оставшимися двумя или занять нейтральную позицию, но тогда он может рассчитывать только на себя. А если у наследника нет верных людей и нет воинов, то навязать вам свои условия он вряд ли сможет. Бывший управляющий, что в подвале управы сейчас сидит, поведал Кареллу, что форма для чеканки рандов была передана второму сыну покойного терра как знак признания и, где она сейчас, никому не известно. В данной ситуации вы сами должны решить, как существовать дальше, но только Кареллан способен обеспечить защиту и оказать посильную помощь и, насколько я знаю, против этого никто не возражает.

Фаэдр Бруан, высокий, худой, но очень улыбчивый, несмотря на зачуханный вид простого работяги, низко по-

клонился:

– Думаю, что выражу мнение многих, даже всех, наверно... Мы уже не один месяц живём в зависти к Латрасу. А теперь, когда удалось так близко познакомиться с Великой богиней и наследницей древнего дома Матвэй, завидовать станем ещё больше. Была бы у нас форма для чеканки, то мы вручили бы её вам, эрдана.

Дайк за спиной хихикнул, а Макс, держа под уздцы Мумма, отвернулся, скрывая лицо в роскошной иссиня-чёрной гриве.

– Спасибо, фаэдр Бруан. Вам всем спасибо! – я кивнула рудокопам, которые стояли напротив плотной волнующейся кучкой. – Это честь для меня. Только фаэдр Нугар прав. В первую очередь надо сохранить Восточные территории в целости, а там посмотрим. Я не хочу нарушать законы древнейших и наследник у города должен быть. Просто пока его нет, вы можете на меня рассчитывать. Время всё покажет...

Воспоминания нахлынули с невероятной доселе силой. Ведь в прошлой, земной жизни я работала на крупном металлургическом предприятии, хоть и с бумажками. И пусть разница между заводом на Земле и рудниками на Окатане была гигантской, но почему-то именно здесь, среди этих людей, я ощутила дух технологий и прогресса.

Я бы и ещё осталась в рабочем посёлке, но Карелл не выдержал моего отсутствия и явился на рудники самолично. Он прислушался к моим просьбам и спорить не стал. Назна-

чил фээдра Бруана управляющим городом и окрестностями, чего тот совершенно не ожидал, но не растерялся и заверил, что справится, чай не первый год живёт. Мастер Нугар стал новым старостой, и им обоим было поручено подобрать для себя помощников и организовать некое подобие нового городского комитета. Вопросы охраны и доставки грузов в Латрас Атаман решил ещё раньше и, пока мы спускались к побережью, даже попробовал отчитаться. Только говорил таким тоном, будто делает это лишь в угоду мне, словно одолжение, хотя никакого отчёта я не требовала.

И вот тут я взъелась конкретно, благо ни лишних ушей, ни глаз рядом не наблюдалось. После очередного вопроса, одобряю ли я его действия, я не выдержала:

– Что происходит, Карелл?! То ты сверлишь меня глазами, то готов благоговейно внимать каждому слову?! – и картинно сложила ладони в молитвенном жесте. – Я не претендую на власть в Перриколе, мне и Латраса достаточно. Но ты иногда ведёшь себя так, словно уже видишь, как я карабкаюсь на твой трон!

Дайк с Максом взорвались смехом и чуть с лошадёй не попадали, а вот мне было не до веселья.

– А разве ты не этого хочешь?

Слова хлестнули плетью. Оплеуха наотмашь чуть не выбила Атамана из седла. Звучно хрустнула шея и внутри всё похолодело. Ведь в момент удара я ощутила, как вверху живота лопнул маленький пузырёк. Будучи на эмоциях, я вло-

жила в пощёчину свою силу, совершенно забыв о последствиях. Вот так, одним необдуманном движением, я чуть не лишила Восточные территории ещё одного претендента на престол.

Глава 6. Перрикол. Здание городской управы

– И долго ходить в этом ошейнике? – Карелл ощупал некое подобие хомута, жёстко фиксирующего шею.

– С неделю, не меньше, – Дайк убирал со стола обрезки толстой кожи и лишние упругие пластины из внутренней части старых доспехов.

– Но ведь шею совсем не повернуть... – Атаман жалостливо глянул на друга.

– Хочешь, чтобы скривило или голова всё время на сторону заваливалась? Тогда могу снять...

Подойдя к старому замутневшему зеркалу, Карелл ещё раз глянул на себя:

– Нет, не хочу. Только вид стал какой-то дурацкий...

– Сам виноват, – Дайк подошёл сзади, всматриваясь в отражение. – И я с Кари согласен.

Карелл развернулся всем корпусом, прошагал через комнату и остановился у окна.

– Теперь я вряд ли могу рассчитывать на благосклонность нашей девочки... Заметил, что все женщины сразу на Мак-

са внимание обратили, глаз не сводят, а некоторые даже по пятам ходят? Кто бы мог подумать... Был ангалин, а теперь такой красавец...

– Знаешь... – Дайк усмехнулся, положив руку Кареллу на плечо, – на родине Кари есть поговорка «бьёт – значит, любит», а ведь она тебя уже два раза крепко приложила...

Атаман хотел обернуться, но зафиксированная шея не позволила. Пришлось развернуть торс, что действительно выглядело смешно и нелепо. Дайк хихикнул:

– Но вы уже так хорошо ладили! Как ты мог брякнуть такое?!

– Я не хотел... Случайно вырвалось... Но ведь я так не думаю, Дайк! Скажешь ей?!

– А у самого язык отвалится?!

Карелл снова хотел покачать головой, да куда уж:

– Нет. Даже смотреть на неё больно, не то что разговаривать... Золотая... Во всех смыслах золотая... Разве год назад мы с тобой могли такое представить?!

– Нет, не могли...

Дайк уже собирался уйти, но задумался на несколько мгновений. Потом выглянул в окно, подёргал входную дверь, после боковую, ведущую в другую часть здания, и, сделав приглашающий жест, уселся за стол.

Они проговорили до позднего вечера. Всё, что поведали Кари с Максом, Дайк рассказал Атаману, постоянно делая упор на превращении, на правдивости древних легенд, дав-

но считавшихся небылицами, предопределённости событий, а также на той личности, в которую уже почти не верили, вспоминая просто как дань обычаям и традициям.

– Хранитель связан с Кари, а через неё и мы! Он выбрал нас, Карелл! Но не даёт покоя мысль, что не просто так наши давние предки воевали с богами. Была какая-то очень веская причина для войны, которая, в итоге, разделила наши тела, а вот теперь происходит воссоединение, ведь Книга ангов открыта и превращение получилось! Хранитель где-то рядом, я уверен, пусть и не живёт сейчас у Кари в голове. Мы все часть его загадочного замысла, но даже Кари толком не знает, куда это нас приведёт. Он не просто так выбрал её. Она нужна ему зачем-то, а вот на чувства, её и наши, думаю, что плевать он хотел с радужного моста!

– Но разве мы можем повлиять на Хранителя?! На Восьмого бога?!

– На него нет... – Дайк откинулся к спинке высокого стула. – А вот на Кари можем. И поэтому нам с Максом нужен третий.

Карелл поначалу замер, а потом хотел что-то сказать, но закашлялся, болезненно морщась и придерживая шейный корсет. Дайк поднялся и зачерпнул глиняной кружкой воды из стоящего в углу ведра. Атаман отклонился далеко назад, заливая жидкость в горло, а когда выдохнул, натужно произнёс:

– Я знаю... как сильно ты её любишь... Но тебе не кажет-

ся, что это полная ерунда?!

Дайк возбуждённо забегал по комнате:

– Не знаю, как объяснить... Я просто чувствую! Хотя и сам не рад подобным мыслям... Это как прощупывать сло-манные кости, понимая, как именно нужно сложить их! Или ощутить, что внутри женщины уже бьётся новая жизнь, ко-гда она сама ещё не знает об этом! Помнишь, я давно рас-сказывал, что согласился помочь с твоим побегом не пото-му, что так уж сильно хотел. Ведь я был ребёнком и жутко боялся! И тебя, и Граса, и Алцелана, и того, что произойдёт, когда всё вскроется! Но я чувствовал! Я чувствовал, Карелл, что так надо! Так правильно! И теперь ощущаю то же самое! Только сейчас, после возвращения Кари, я понял, зачем на-писал Арвиду! Чтобы у неё был выбор! Место третьего пока свободно! Кари очень обижена на Хранителя! Он использо-вал её и бросил! Но если он вернётся...

Атаман взялся за голову, продолжая ошарашенно смот-реть на друга:

– Дайк, что с тобой? Что ты говоришь?! Какой третий?! Какой выбор?! Зачем?! Зачем Кари кто-то ещё?! У неё есть Макс, есть ты, и она вас любит! А мои чувства – это мои трудности!

– Ты не понимаешь!!! – заорал Дайк. – Ты не хочешь по-нимать!!!

Карелл вздрогнул. Такой спокойный, покладистый, рассу-дительный, пусть и иногда падающий в обморок от избытка

эмоций, Дайк уже не был похож на самого себя. Атаман давно заметил, что в дорогом друге появилась какая-то упорная настойчивость или даже жёсткость. Дайк стал мужчиной. Мужчиной, который точно знает, чего хочет. Да вот только эти бредовые идеи поколебали уверенность Атамана в душевном здоровье любимого лекаря.

– Послушай! Послушай меня... – Дайк плюхнулся на стул. Глаза блестят, на щеках румянец, пальцы подрагивают. – Пока Хранитель общался с Кари, он в какой-то степени влюбил её в себя. Он сдерживал её изнутри, ну а мы с Максом, вроде как, снаружи, помогая сохранять душевное равновесие. Поставь себя на её место! Оказаться в другом, совершенно чужом для неё мире! Потерять опору в жизни! Всё, что она знала и к чему привыкла! Я до сих пор не представляю, как она смогла это выдержать... Кари так переживала, когда профессор неожиданно исчез. Ты этого не видел... И вот тогда я начал замечать, что мы с Максом не справляемся. Нас не хватает! В её сердце и разуме есть место ещё для кого-то, и когда оно будет занято, Хранитель не сможет забрать её у нас... Макс был в её внутренней библиотеке, хотя до сих пор в такое не верится, слишком уж невероятно. Там три комнаты – не одна, не две, а три: библиотека, зал для тренировок и лаборатория. Заметил странную одежду нашего красавчика?

Карелл выдохнул:

– Ещё бы...

– Оттуда. Хранителя наряд, тренировочный... Как они

смогли его вынести, Кари не знает. Просто Макс надел, да так и проснулся. Нашу любимую постоянно раздражают какие-то противоречия. Это снаружи она Великая богиня, сильная, прекрасная и всезнающая, а на самом деле она живёт в страхе неизвестности и непонимании того, что с ней происходит. Она женщина в первую очередь! А женщине нужна любовь и семья... Ведь её родные остались где-то далеко-далеко... Я очень боюсь, что Кари не выдержит и, как Киф когда-то, просто сойдёт с ума. Внутри неё будто спрятан ураган, которым не всегда получается управлять. Вода ограничена берегами, огонь потухает, как только пища его иссякает, земля тверда, надёжна и дрожит крайне редко... Так мой учитель говорил... Лишь ветер по-настоящему свободен: неудержим, неукротим и безграничен! И это Кари... Это она!

Настойчивый стук в боковую дверь заставил Дайка замолчать. Бас Граса вывел Атамана из возбуждённо-потрясённого состояния, в которое другу удалось его погрузить:

– Карелл! Дайк! Что вы там делаете так долго?! Всё так плохо?!

Прежде чем отпереть, Дайк обернулся:

– Только Кари ничего не говори. Будет лучше, если этот разговор останется пока между нами, а Макса я беру на себя.

Карелл искоса глянул:

– Не скажу...

Грас сначала громко рассмеялся, увидев Карелла в

немного скованном виде, а после спросил:

– И как ты умудрился?!

– С Дикаря упал...

– Упал?! – скепсис прекрасно читался на широком лице здоровяка. – Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы поверить в подобную чушь!

– Давай-ка посты пообедем... – Карелл попытался перевести разговор на другую тему.

– Я только всё проверил...

– Отдыхай тогда. Кари вернулась?

– Нет ещё, Макс за ней поехал.

– Ладно... – Атаман хлопнул друга по плечу и вышел.

Глава 7

Мы с Бу сидели у горячего озера далеко за городской окраиной. В прошлом году Аютан не пустил меня сюда, якобы беспокоясь за моё целомудрие, хотя после сам предлагал провести тут время не только за купанием. Теперь я была одна, но не совсем без охраны, конечно. Грас быстро организовал сопровождение, пока Дайк вправлял Кареллу шею, а Макс решал с братьями свои, чисто ангалинские вопросы.

Искупаться очень хотелось. Выставленного оцепления видно не было, но я знала, что глаз с меня не сводят и ничего с этим не поделаешь. Прятаться бессмысленно, ведь я теперь всегда буду в центре внимания. «Перрикол готов стать

моим... Это же надо!» – я хмыкнула и начала расстёгивать ремень. Потом надела тонкую рубашу Дайка и уже под ней сняла свою, стянула сапоги и штаны. Мои трусы-шортики уже порядком поистрепались, но носить пока можно. Было ещё несколько похожих, но эти, купленные в Маргосе, оказались самыми удачными. Если буду в тех краях, обязательно закажу такие же, знакомая портниха Хейи шить их умеет отлично.

Зайдя в тёплую воду до пояса, я нырнула. Насколько хватило дыхания проплыла в глубине и оказалась ближе к противоположному берегу. Стопы попали в горячий поток, и я поспешила отплыть в сторону. Неподалёку виднелись маленькие бухточки. Именно в этих природных ваннах местные принимали очистительные процедуры, мылись короче. Бумеру купание при такой температуре не понравилось. Он быстро выбрался на берег и разлёгся у круглых валунов, подставив спину закатным лучам.

Плескалась я до темноты, а моя охрана наблюдала: кто из кустов, кто из-за громадных камней или деревьев. И только когда ночь совсем накрыла окрестности, я выбралась совершенно разомлевшая и упала прямо на Макса, который появился неизвестно когда.

– А почему не составил компанию? – я повисла на шее любимого анга.

– Свидетелей слишком много... – Макс нежно улыбнулся и чмокнул в золотые узоры на щеке. – Или ты думаешь, что

я смогу вот так, спокойно, плавать рядом с тобой?

– А разве нет?!

– С огнём играешь, Кари... Я ведь о тебе больше беспокоюсь, что нас смотрят, меня не очень-то волнует...

– Ладно, поехали в город, огненный мой...

Когда я проснулась, рядом никого не было, даже Бумера. Из приоткрытого окна доносились голоса, топот копыт и звонкий лязг молотков в дальних кузницах. Комната находилась на втором этаже здания городской управы. Серое помещение, аскетично обставленное выдавшей виды мебелью, но в утренних лучах всё выглядело не так уж и мрачно. Карелл хотел разместить меня в бывших комнатах прежнего управляющего, но я отказалась – ходить далекоовато, да и вид из окон уж больно непригляден. Да и какая разница, где ночевать: кровать есть, стол есть, умывальник в углу, удобства за узкой дверью – больше ничего и не надо.

«Странно-о-о... – я потянулась до напряжения в мышцах. – И куда все подевались?» Повернувшись на бок, я увидела лежащий на цветастой подушке цилиндрик. Письмо. Только упакованное в маленький непромокаемый мешочек, а завязки залиты воском. Я покрутила его перед носом: «Похоже, не вскрывали...» Письма упаковывали таким способом, когда боялись за сохранность и конфиденциальность. На шнурке висела круглая штучка с вдавленным рисунком головы ледяного змея. «От Арвида! Я и забыла совсем!» – сев на кровати, я дёрнула завязки.

«Кари, любимая... Надеюсь, Великая богиня не прогневется, что обращаюсь так запросто. Но если ты простила меня за всё, что случилось в Тагри, думаю, простишь и за это, тем более что приказа стрелять в тебя я не отдавал. Я до сих пор помню твой вкус и поэтому не смог написать иначе, хотя и пытался, честно пытался. Передай Дайку мою искреннюю благодарность за весточку о тебе. Совершенно не ожидал подобного! С его мамой всё хорошо. Она родила Райтену дочь и их счастье безмерно. Хилл добрался благополучно, но чувствует себя не очень хорошо. Алцелан сейчас в Тагри и взялся присматривать за ним. Пусть твой друг не волнуется, за его любимым дедом присмотр не хуже, чем за самим Великим террханом. Я передал все вещи, что тебе пришлось бросить, убегая от меня, хотя очень тяжело было с ними расставаться. Они пахнут тобой...»

В этом месте навернулись слёзы, и я хлюпнула носом: «Он любит меня... До сих пор любит... Ох, Арвид...» Утерев глаза, я принялась читать дальше. «Также хочу сообщить очень неплохие новости. Наш терр выбрал политику выжидания, и я с этим согласен. О тебе у нас ходит столько невероятных слухов, что Совет и пархонты решили не связываться с Элганом. Ведь нам известно, что именно Кареллан эн Растан заручился твоей поддержкой. Твоё пребывание в Тагри под видом легендарного Альда расценили как некий знак благоволения, у нас же к богам относятся несколько иначе, чем на Западе и Востоке. Я всегда буду помнить ревущего ангалина

в облаке сияющих брызг и прекрасную девушку на его спине. Эта удивительная и невероятная картина навсегда останется в моей памяти. Будь счастлива, моя дорогая богиня!

Навеки твой, Арвид эн Фрейр».

«И ты будь счастлив, мой «викинг»... – прошептала я. – Я бы очень этого хотела...»

В дверь постучали, когда я уже почти закончила приводить себя в порядок и безуспешно пыталась заплести косичку. Придерживая одной рукой волосы, я откинула щеколду. На пороге стоял Карелл. Понадобилось огромное усилие, чтобы сдержать накативший смех. Дайк постарался на славу. Ошейник третьего претендента получился даже лучше, чем у Бумера. Подбородок высоко задран, голова не двигается, а в глазах Атамана прекрасное понимание того, как же нелепо он сейчас выглядит.

– Карелл, прости... Я не хотела...

– Это ты меня прости, сам виноват...

– Ладно, проехали! – я примирительно улыбнулась. – А где все?

– Макс с Бу где-то во дворе, а Дайк на рудники поехал, там что-то случилось, вроде привалило кого-то... – видя мой порыв рвануть на конюшню, он добавил: – Никто не погиб, не волнуйся.

Пока я завершала утренний туалет, Карелл вышагивал по комнате.

– Завтра выступаем. Я бы очень хотел, чтобы ты вернулась

в Латрас, но это невозможно. Все убеждены, что ты прине-
сёшь нам победу.

Оправив любимую рубашку без рукава, я глянула на со-
беседника спокойно, уверенно, без тени смеха:

– Нет обратного пути. Только вперёд, до самого конца. Пришествие богов становится для многих реальным, и я жи-
вое тому подтверждение, хочу этого или нет. Хранитель ме-
ня не спрашивал. Ты уже знаешь подробности с Дрейфую-
щих островов? Слишком уж долго Дайк с тобой возился...

Атаман опустил глаза:

– Знаю, но многое просто не понимаю... Очень трудно по-
верить, даже несмотря на то что превращение получилось.

Глава 8

Наша армия двигалась и морем, и по суше. Часть отря-
дов Карелл посадил на длинные галеры, а примерно полови-
на ангалинов сопровождала их в воде. Остальные двигались
«сухим» путём.

Для наших чешуйчатых воинов соорудили короткие,
крепкие тележки, запряжённые парой единорогов, и анга-
лины очень быстро научились ими править. Эти колесницы
оказались удачным решением и для обычного движения, и
для боевых условий, давая рептилоидам возможность пере-
мещаться почти как всадники в сёдлах. Ещё в юности Карелл
видел схематичное изображение таких колесниц в одной из

древних книг. Там рассказывалось о походах легендарного Дикого терра и наёмники-ангалины в его армии использовали именно такие транспортные средства.

Первая встреча с отрядами Запада случилась далеко от Банкора, дней через десять после того, как мы покинули Перрикол. Когда разведчики донесли, что навстречу движется не менее трёх окмилей вооружённых всадников, Атаман отдал команду готовиться к бою.

Дайк стянул доспехи на моей спине:

– Прошу только об одном, Кари... Не лезь в драку без необходимости!

Я закинула полный колчан за спину:

– Сама не хочу! Но ведь ты прекрасно знаешь, что мои стрелы всегда цель находят. Буду выполнять работу снайпера вон с того холмика, – махнув в сторону пригорка с тонкими деревцами и кустарниками, я улыбнулась.

– Опять новое слово, – друг крепко обнял. – Запасы твоих знаний неистощимы!

Всё началось быстро, без каких-либо предупреждений или попыток вступить в переговоры. Как только противники заметили друг друга, с обеих сторон полетели огненные стрелы и загудели горны низкого тона – сигнал к атаке. Можно сказать, что я вступила в бой первой, хотя и находилась немного в стороне от места будущей сечи. На пригорке росло моё любимое дерево ди с широкими вогнутыми ветвями. Когда-то я не раз ночевала в этих природных люльках. Бли-

же к вершине ветки были тонкими и очень гибкими, они никак не смогли бы выдержать вес тела, а вот в средней части ствола можно было не только сидеть, но и стоять.

Бумер взволнованно крутился внизу, грозно порывивая в предчувствии большой кровавой драки, а около трети наших оставались в засаде за редколесьем, чтобы при необходимости ударить с фланга. Я вложила стрелу в дальнобойный лук и всмотрелась в скачущих всадников противника. Смуглые лица служили отличным ориентиром. Первая стрела вышибла высокого воина из седла, а вторая, тут же посланная в его единорога, сломала строй атакующих, внося хаос.

Мне даже не пришлось менять место дислокации, как планировала изначально. Чтобы не зацепить своих, я стреляла в дальние ряды, рождая панику, не все нападающие были пустынниками. Благодаря внутренней энергии стрелы летели гораздо дальше, пронзая тела с невероятной силой. Спуская тетиву, я придавала им такой мощный энергетический импульс, что никто не мог устоять на ногах.

Саму битву я почти не видела, полностью сосредоточившись на выбираемых целях. Когда на землю рухнуло несколько высоких мужчин в приметных доспехах военачальников, я поняла, что моё дело сделано, накал схватки стихает, а в личной копилке покойников такое огромное прибавление, что лучше не считать. Сеча стремительно началась и так же закончилась.

Апогеем нашего победоносного шествия по югу Восточ-

ных территорий стало взятие Банкора. Ангалины топили западные галеры на раз, прошибая днища некими подобиями таранов, и противостоять нам не могли. А на суше, вид несущихся на боевых колесницах ревущих рептилоидов, повергал в ужас тех, кто мог соображать самостоятельно, в отличие от близнецов, которые умирали с совершенно отсутствующим выражением на лицах. И вот именно это было самое страшное. Создалось впечатление, что мы просто давим клопов или тараканов, а ведь это были люди.

Я никогда не верила в зомби, но Окатан научил принимать любую реальность. В стремлении улучшить генофонд или в целях дополнительных возможностей развития, восемь богов напихали в ангов столько всего, что появились непредсказуемые побочные эффекты – такой я сделала вывод. Похоже, именно поэтому и случилась та древняя и разрушительная война, которая практически уничтожила их прежнюю цивилизацию. А по прошествии времени оставшееся население, разделённое на два вида, начало медленный путь к полному вырождению.

Мы с Кареллом стояли на крепостной стене, наблюдая, как горят и разваливаются вражеские галеры. Как по мостам, соединяющим острова, бегут наши воины, а ангалины топят и добивают захватчиков. Мы смотрели, как из окон вываливаются трупы, а местные вывешивают на балкончиках тёмно-голубые полотнища или машут ярко-синими тряпками в знак того, что дом или остров свободен от захватчиков.

Пронзительный рёв ангалинов, воинственные крики людей, звон клинков и свист стрел, треск горящего и ломающегося дерева, стоны раненых и умирающих, запах гари, вонь гниющих водорослей и всплывающих развороченных тел... Столько крови, ужаса, смерти...

Благодаря Максу, который знал в Банкоре все ходы и выходы, а также помощи городского подполья под руководством, как оказалось, Крианна и Гуна, Банкор был освобождён менее чем за сутки. План был прост и великолепен. По тайным каналам одна группа ангалинов проникла в город, захватила бывший Храм, в котором находилась большая часть пустынников, а вот другая – сняла охрану со стен и открыла Восточные ворота.

Карелл поступил совершенно правильно, сделав ставку на ангалинов, ну а я, вглядываясь сквозь дым в бурлящий городской пейзаж, вспоминала слова Великого Ангалина Рекса о том, что слияние людей и ангалинов в единое целое уже неизбежно и неотвратимо, правда, пока лишь единицы понимают это. И не важно, сколько пройдёт времени: поколение, два или три. Цепная реакция запущена и с каждым годом процесс будет только ускоряться. Возможно, именно в этом и состоял изначальный план моего профессора – Восьмого бога по имени Окатан – Хранителя этого мира, вернуть всё на круги своя, возродить величие ангов, вытолкнуть их цивилизацию на новую ступень развития. И если посмотреть на все события с высоты божественного замысла, то выходит,

что лично мне обижаться на него как-то даже неприлично. Что такое один индивид или небольшая группа в сравнении с целостностью народа, нацией, расой?!

Так называемая «зачистка» окрестностей заняла гораздо больше времени. От пронырливых ангалинов не укрылся никто из захватчиков, но ни Великого Западного терра, ни его ближайших военачальников в городе не обнаружилось. И это поставило всех нас в тупик. Даже те западники, что руководили обороной города, вернее пытались руководить, были убеждены, что терр или на одной из галер, или в подвалах дворца бывшего наместника.

– А может, они и правда находились на одной из затопленных галер? – высказался Крианн.

Я ходила по залу, меряя шагами большое прямоугольное пространство, богато украшенное настенной росписью в виде красочных морских пейзажей, золочёными светильниками и резными колоннами вдоль двух параллельных стен. Дворец наместника не разграбили. Вероятно, не успели или просто не собирались покидать его, поэтому ничего ценного и не вывозили.

Продолжая размышлять, я обернулась к длинному столу, за которым собрались непосредственные участники событий последних дней, включая чешуйчатых. Братья Макса: Флакс, Асс и Слай – расположились на широких, обитых тёмно-коричневой кожей диванах. Карелл, Грас, Дайк, Макс, Аютан, Данко, Крианн, Гун, фаэдр Узбан – староста кузнецов, фаэдр

Луриан – из бывшего при старом наместнике городского совета, и ещё человек двадцать моряков и мастеровых, членов организованного Крианном подполья.

Даже мои старые банкорские друзья ещё не привыкли к моей сияющей золотом внешности, а вот остальные, кто так близко видел меня впервые, вообще не сводили восхищённых взглядов.

– Что-то тут не так... – я глянула на Карелла.

– Но у них было время сбежать, – Атаман сложил на груди мускулистые руки.

– Я не верю, что терр Запада так просто откажется от своих планов. Тел мы не обнаружили, свидетелей их гибели тоже, значит, нужно исходить из того, что он и его командующие живы.

– Вот мы и двинемся к прериям! – Карелл порывисто поднялся, осматривая присутствующих. – И вернём потерянные когда-то земли! Теперь у нас достаточно сил, армия пустынных уже понесла ощутимые потери! И галер у Запада почти не осталось!

Многие одобрительно закивали, поддерживая план дальнейшего освобождения юга. Мне не хотелось вступать в спор прилюдно. Ведь Карелла уже почти признали террханом, практически всё население было на его стороне, а ронять авторитет будущего правителя совсем не в моих интересах. Мне что-то не нравилось в сложившейся обстановке, но осознать что именно пока не получалось.

Я уже очень хорошо понимала стратегию военных действий, принципы руководства многочисленной армией и почему Карелл принимает именно такие решения, но что-то настораживало. Ощущение ловушки или фокуса, проделанного со всеми нами, позванивало в мозгу тихим колокольчиком. Наверно, беспокоило исчезновение Берка, ведь до сих пор о нём не было ни слуху ни духу, а также недавняя пропажа Олли.

То, что с Оллианом, или Мелким, не всё в порядке, я узнала совсем недавно, когда мы только планировали взятие Банкора. Подозрения о его вменяемости возникли у Карелла ещё в Латрасе, кстати, не без помощи Берка. Но Олли был слишком дорог как давний друг и соратник, поэтому Атаман предпочёл просто пристально наблюдать за ним, держа поблизости. Когда же Грас рассказал о его странном поведении: периодической потери памяти и отсутствующем выражении лица, словно у пустынников, то первой промелькнувшей мыслью было, что у Мелкого есть брат-близнец, о котором мы ничего не знаем. Но что-либо выяснять у самого Мелкого было уже поздно. Олли исчез. Кто-то заметил его у лошадей, кто-то слышал его голос у палаток и кибиток, а несколько воинов рассказали, что видели, как он навьючивал на своего жеребца тяжёлую поклажу.

Допрос Лакра также почти ничего не дал. Плешивый был удивлён пропаже друга не меньше нас, однако поведал, что Олли не родной сын в семье. Я уже слышала, насколько стро-

го охранялась на Востоке тайна разделённых близнецов. Такие дети сами не ведали, что где-то у них может быть столь близкий родственник. Грас узнал свою тайну только после гибели брата-близнеца и выходило, что он, как единственный из пары, давно в безопасности, никто не сможет повлиять на его разум, а вот с Олли ситуация получилась иная. Каким-то загадочным, телепатическим образом брат вступил с ним в контакт и его сознание начало меняться.

Теперь мне было ясно, почему в древности одного из близнецов убивали, а позднее, из милосердия, начали разделять. Чтобы они не могли влиять друг на друга и не стали послушным орудием в чужих руках! В близнецах имелось нечто общее с летунами. Ведь эти зверюшки соединялись в пару каким-то телепатическим образом и разлучить их было уже невозможно. Связь становилась постоянной и неразрывной. Если погибал один – умирал и другой. Было ещё слишком много непонятностей со всеми этими генетическими особенностями ангов. Но если восемь богов действительно создавали эту расу, то получалось, что они замутили такой «ДНК-компот», что и сами не обрадовались.

В итоге пропажа Мелкого была оттеснена другими, более важными событиями, однако Карелл приставил ко мне дополнительную охрану, хотя, на мой взгляд, необходимости в этом не было. Дайк и Макс почти всегда находились рядом, а Бумер так вообще не отходил. Я попыталась объяснить Атаману, что опасность может угрожать не только мне, но и ему,

на что он лишь отмахнулся. Пришлось просить Граса и Лакра держать ухо востро.

Глава 9

Под конец собрания, когда я уже намеревалась отправиться в «Тихий островок», чтобы провести несколько спокойных часов со старыми друзьями, на высоких кованых воротах дворца повис оборванный мальчишка лет десяти, оглушая всех звонкими воплями:

– Фаэдр Крианн!!! Скорей!!! Фаэдр Крианн!!! Там вашего сына завалило!!! Гарри завалило!!!

Когда мы примчались в западную часть города, Гарри уже достали из-под длинных деревянных свай и больших каменных блоков. Их везли для укрепления повреждённых мостов, тех, что могли рухнуть в любой момент. То ли из-за перегруза, то ли поломка какая случилась, но гружёная телега съехала с крутого мостика, протаранив остальные. Образовалась гигантская куча из камней, брёвен, переломанных телег и покалеченных лошадей. Двое возниц погибли, их просто раздавило, а Гарри, который чем-то там помогал, тоже оказался завален, но жив.

Дайк сделал всё возможное, но левую ногу пришлось отнять. Кости ниже колена оказались настолько раздроблены, что сделать уже ничего было нельзя. Единственный сын Крианна потерял очень много крови, но Няню каким-то чудом

удалось остановить кровотечение. Всю ночь вместе с рыдающей Марэной они готовили на кухне специальный отвар для быстрого кроветворения, а потом вливали в бедного, покалеченного Гарри, находящегося в полубессознательном состоянии. Ещё в Кифе Берк поделился с Дайком древним и очень эффективным рецептом.

Если честно, но я думала, что Гарри умрёт. Однако утром Дайк пришёл в нашу комнату на первом этаже, ту самую, в которой год назад мы жили с Максом, и устало упал на кровать.

– Ну что?! – мы спросили одновременно.

– Выживет. Он сильный.

Этот день ознаменовался ещё одним событием. Прилетел Тристан. Он появился ближе к вечеру на крыше походной кибитки, в которой Карелл держал клетку с его возлюбленной Изольдой. К лапке был привязан плотный рулончик – весточка от Берка, и содержание этого послания разрешило все мои сомнения по поводу слишком быстрого взятия Банкора. Западный терр сработал словно фокусник. Он отвлёк нас от главной своей цели, заставив думать, что вторжение произошло только с юга.

Берк писал, что другая, большая часть армии Запада переваливает сейчас через Закатные горы по старым пастушьим тропам и двинется напрямиком на столицу. Как мы все уже прекрасно понимали, без ангалинов такой орде не сможет противостоять никакая городская охрана. Каким обра-

зом каол всё это пронюхал, он не поведал, да это было и неважно, главное, что теперь мы знали истинные планы Западного терра.

Наш «генштаб» собрался уже не во дворце бывшего наместника и не в городской управе, а в столовой «Тихого острова». Все поочерёдно перечитывали письмо Берка, хмуро и задумчиво почёсывая то лбы, то затылки.

– Никак не успеем... – Карелл упёрся взглядом в стол. – Если столица будет взята, то мы окажемся в сложном положении.

– Но ведь город закрыт, – высказался Грас. – Он неприступен!

– Великий Терр Западных территорий пустынных не жалеет. Это просто мясо. Ему хватит трупов, чтобы взобраться по ним на стены.

– Но Банкор мы отбили! Отобьём и столицу! – вскакивая с места, Макс с силой хлопнул ладонями по столу.

Карелл покачал головой (его шея была уже в полном порядке) и криво усмехнулся:

– Макс... Разве кто-нибудь из ангалинов видел город Великих терров?

Макс насупился:

– Нет.

– Столицу легко оборонять, она почти неприступна. Но с пустынниками взять город возможно, учитывая их численность, а количество личной охраны Совета невелико. Веро-

ятно, какое-то время они и продержатся, но не думаю, что долго. А мы слишком далеко и не сможем препятствовать вторжению.

– А если вверх по реке? – спросил Грас.

– Против течения?! – Карелл достал из-за пазухи карту, нарисованную на сшитых листах толстой бумаги, которая последнее время очень помогала координировать наши действия.

Пока мужчины, склонясь над столом, обсуждали, что можно придумать в такой ситуации, я тихонько сидела в уголке, почёсывая Бу. Идея о водном перемещении понравилась. Такой способ сэконобил бы кучу времени, как минимум три-четыре недели. В прошлом году путь от Маргоса до Банкора занял дней девять или десять, но лодку тащил Макс да к тому же плыл по течению, а дорога по суше у моих караванщиков – почти в три раза больше времени. Только теперь двигаться нужно было в обратном направлении, вверх по течению, а это значительно сложнее, тем более для гружённых людьми, единорогами, оружием и провиантом галер, тут даже ангалины ничем не помогут.

«Вот если бы река повернула вспять! – мелькнула мысль. – Так бы выручило!»

Рука замерла на голове лохматого любимца, а сердце радостно заколотилось, вызывая внутри знакомое дрожание неких силовых струн. Я вскочила и, под изумлённые взгляды, понеслась к себе в комнату, а оттуда в библиотеку.

Рассвет только-только занимался. Я неспешно прогуливалась по стене над Западными воротами. Наши галеры уже несколько дней как покинули Банкорскую бухту и постепенно выстраивались в длинную цепь в устье реки за восточной окраиной. Я ещё не видела город таким. Сейчас он больше напоминал остров погибших кораблей, чем тот, прежний, прекрасный и удивительный город, что так сильно поразил меня когда-то. Повсюду из воды торчали перевёрнутые галеры, мачты затопленных шхун, плавали кверху днищем большие и маленькие лодки, то носом, то кормой выдавались обгорелые грузовые баржи.

Работа по расчистке каналов ещё только начиналась, но нам заниматься восстановлением города было некогда. Армия Запада двигалась к столице, и необходимо преодолеть огромное расстояние, чтобы остановить вероломное вторжение. Мой план скоростного движения все приняли, конечно, так как это был единственный возможный выход, но без сомнений, а также страхов за меня не обошлось, особенно со стороны Макса и Дайка. Они прекрасно помнили в каком я оказалась состоянии, когда «Медуза» выскочила из плена блуждающего течения.

Повернуть реку вспять только поначалу показалось сложным делом. После «мозгового штурма» в библиотеке, выяснилось, что это не такое уж невыполнимое задание, особенно для меня. Ведь даже в природе обратное течение рек встречается не так уж и редко, длится, правда, недолго и

такой кратковременный характер этого явления обусловлен несколькими факторами. Но в нашем положении роль главного фактора буду играть я, вернее, моя способность управлять водно-воздушными массами. В том, что это потребует огромных энергетических затрат, я не сомневалась, ведь «держат» ветер и воду, контролировать разницу температур и силу потоков придётся долго, и чем дальше мы будем от моря, тем сложнее.

Бродя по крепостной стене, я сжимала в ладони листок с примерным планом действий, хотя и помнила всё прекрасно. Успокаивало как-то или настраивало на нужный лад. Мои способности развились ещё больше за последнее время, уже не надо было полностью отключаться от реальности, чтобы почувствовать воздушные потоки, а воду я, вообще, грела совершенно не напрягаясь. Смущал лишь масштаб затеи, впрочем, как и всех. Одно дело шхуна и совсем другое – армада галер с воинами, единорогами и остальным грузом, связанная между собой длинными, толстыми канатами. Соединить большие речные корабли в некую плавучую гусеницу было необходимо, чтобы ощутить их как нечто одно, цельное. Во всяком случае, я надеялась, что так будет легче.

«Вот и проверим насколько возросли «божественные» силы...» – я глубоко вздохнула, ощущая, как морской воздух наполняет не только лёгкие, но и все внутренности, проникая в тело миллиардами мельчайших пузырьков.

Пока я занималась научными изысканиями, никто из мо-

их друзей и любимых тоже времени даром не терял. Дайк был занят по горло. Личного лекаря будущего Великого терра, как Карелла иногда называли, буквально рвали на части – тяжёлых ранений, травм и других напастей было очень много и местные лекари не справлялись. А у Няня уже был такой авторитет, что коллеги по местной медицине даже не пытались с ним спорить. Ангалины под руководством Макса помогали разгребать завалы, особенно под водой. Карелл, Крианн, Гун, Ают, фаэдр Узбан и фаэдр Луриан занимались восстановлением городского управления, вопросами охраны и подготовкой к нашему отплытию. Поэтому я покидала Банкор с лёгким сердцем. Город вскорости вернётся к бурлящей суете крупного морского порта.

Прошагав к лестнице, я кивнула знакомым охранникам, а заметив усталость на лицах, приостановилась. Мужчины поклонились.

– Когда вас сменят?

– Скоро, Великая, – ответил невысокий юноша в слишком объёмных для его комплекции доспехах.

«Великая... – придерживая Бу за ошейник, я спустилась по крутым ступеням. – Эх, парни! Знали бы вы, как иногда напрягает такое обращение! Великий террхан, Великий Ангалин, Великие анги... Я понимаю, здесь так принято, и вроде привыкла уже, но, тем не менее, странно бывает слышать это в свой адрес. Человеческий мозг всё-таки инертен, а сила воспитания и привычки труднопреодолимы».

В гостиницу я вернулась быстро. Утро было ещё слишком ранним, мосты-улицы почти пусты, а город только просыпался, чтобы провести день в интенсивных трудах и заботах. В хозяйской половине дома, за кухней, слышались голоса. Оставив Бумера в коридорчике у своей комнаты, я протопала в сторону столовой. Возле двери, за которой лежал покалеченный Гарри, стоял Дайк, а также Марэна, Крианн и Гун. Нянь выдавал последние указания по уходу, Марэна утирала опухшие глаза, Крианн, держа дощечку с листом бумаги, методично записывал, а Гун, сгорбившись, просто слушал.

Приобняв названного дедушку, я чмокнула в морщинистую щёку:

– Доброе утро. Как Гарри?

– Уже хорошо, – Дайк слегка улыбнулся и подмигнул.

Марэна громко всхлипнула и спрятала лицо в цветастый фартук.

– Ну что ты?! Что ты, дорогая... – обнимая маленькую, стойкую женщину, которая всеми силами помогала своим любимым мужчинам, отказавшись покинуть захваченный город, я подумала, что надежда на исцеление в данной, казалось бы безысходной, ситуации вольёт в это героическое семейство новые силы.

– Всё будет хорошо, Марэна! Слышишь меня?! – встряхнув её, я заглянула в залитые слезами глаза. – С Гарри всё будет в порядке!

– Но, Кари?! Как же он без ноги?! Как же?! Кто ж за калеку

замуж-то пойдёт?! Ох, сынок мой дорогой...

Она продолжала рыдать, заливая мою рубаху горячими слезами, а я гладила хрупкие плечи, повторяя:

– Он жив... Главное, что он жив... А нога дело поправимое, нам просто нужно время, всё наладится, наладится...

Перед отъездом, когда все стояли в дверях, я заглянула в дальнюю комнату. Гарри не спал. Я присела на край узкой койки. Бледное лицо, запавшие глаза, припухшие, обкусанные губы. Только колючий ежик тёмной щетины на щеках говорил о том, что передо мной лежит уже не мальчик, а молодой мужчина.

– Больно? – поправив тонкое лоскутное одеяло, я сжала его ладони.

Гарри облизнул губы:

– А ноги, и правда нет? Пальцы сильно тянут и пятку дергает, а посмотреть боюсь...

Я вздохнула, поглаживая парня по впалой щеке:

– Это ощущение называется фантомные боли. Твой мозг пока не принимает действительность и кажется, что всё на месте, хотя это и не так...

Гарри сглотнул и крепко-крепко стиснул мои пальцы:

– Я выдержу. Я всё выдержу, только маму очень жалко. Но ведь мы победили. Банкор теперь свободен. Великая богиня не бросила нас в беде.

Глаза наполнились слезами. Подхватив под плечи, я прижала его к себе, всхлипывая и шепча на ухо:

– Я знаю способ вернуть твою ногу, а Макс уже прошёл через это. Неужели вы до сих пор не признали своего зеленоглазого связного?!

Гарри вцепился в мою кожаную рубашу:

– Связного?! Того самого?! Что ночевал с тобой в прошлом году?!

Я радостно кивнула:

– Это он, Гарри! Макс – тот самый ангалин, только теперь человек! Вы не просто люди, вы – анги! Великие анги! И успешное превращение прямое тому доказательство! Ангалин может стать человеком, а человек ангалином! Проходя превращение, анги избавлялись от любых увечий и тяжёлых травм. Процесс болезненный, жуткий и очень рискованный, но результат настолько удивителен, что у меня самой это не совсем в голове укладывается. Нужно лишь строго придерживаться древних инструкций, соблюдая все меры предосторожности, и тогда всё будет в порядке.

Гарри утёр влажные глаза и, как когда-то, упёрся лбом в моё плечо:

– И вы поможете?!

– Конечно! Только сделаем это, когда на Востоке всё успокоится. Надо закончить войну, ты же понимаешь... – придав лицу серьёзное выражение, я добавила: – Но о превращении помалкивай. Пока совсем немногие знают, что оно получилось. Придёт время, и я всё подробно тебе расскажу.

– Я понял, Великая... Кари... – и прижался горячими, су-

хими губами к золотым узорам на моей щеке. – Обещаю!

Глава 10

Всё наше войско уже погрузилось на галеры, которые соединили толстыми канатами в одну цепочку. Более чем три десятка парусно-вёсельных кораблей вытянулись в устье реки длинной пунктирной линией. На галерах ставили всего одну мачту с большим парусом, так как скорость и маневренность достигалась больше физическими усилиями. Для речных судов сложная парусная оснастка была не нужна по нескольким причинам. Во-первых, морские ветра и течения совсем не те, что на реке. Во-вторых, галеры очень часто причаливают, а на вёслах это делать и быстрее, и проще.

Команда «Чёрной медузы» во главе с капитаном остаться в Банкоре не пожелала, и Аютан принял командование над замыкающей галерой, с которой я и собиралась осуществить план по развороту течения вспять. Любимую шхуну мой капитан заякорил в Банкорской бухте, поручив присмотр новому городскому руководству.

Уклон Прилоксы, что переводится как «большая южная», был минимальным в устье, да и дальше к северу повышался незначительно. И это являлось одним из важнейших факторов для невероятной, на первый взгляд, затеи. Я собиралась запустить обратное течение за счёт ветра и мощной волны, чтобы вызвать сейши – стоячие волны или затухающие инер-

ционные колебания. Только вот затухать этим колебаниям было нельзя. Их нужно было удерживать, так как возникающий резонанс при наложении волн друг на друга и должен был нести нашу флотилию вверх по реке. Именно это и представлялось самым сложным, ведь так долго пропускать через себя бушующие стихии ещё не приходилось.

В целях пущей безопасности некоторое время мы шли на вёслах, чтобы подальше отойти от города. Карелл, Грас, Лакр находились на первых галерах, а мы: Дайк, Макс и я – на последней. Когда со всех кораблей передали, что в воде не осталось ни одного ангалина, я устроилась на корме, чтобы периодически самолично наблюдать за процессом в режиме реального времени.

Райское поле встретило тишиной и спокойствием. Я стояла у гигантского ствола дерева жизни, вода ладонями по шершавой коре. Плотная, ярко-зелёная крона скрывала небо, а лёгкий ветерок путался в крупных, округлых листьях.

Дерево и болото действительно существовали в симбиозе. Огромная крона притеняла топь, препятствуя испарению, благодаря чему ядовитая трясина никогда не пересыхала, а огромные залежи торфоподобной массы в самом болоте давали пищу корням. Ведь понятно, что для такого растительного гиганта питательных веществ нужно много.

Дерево жизни и болото смерти... Рядом... Неотделимы друг от друга. Есть нечто очень символическое в этой парной замкнутой биосистеме. Хотя чему собственно удивляться?

Двойные системы – суть Окатана, и теперь я точно это знаю.

Чтобы настроиться, я начала обходить райское поле по окружности, постепенно ускоряя шаг. Очень быстро ветерок сменился более мощным потоком, и когда я снова приблизилась к дереву, в спину уже дул почти штормовой ветер. Высокая трава практически легла, и по сине-зелёному ковру пробегали частые, вибрирующие колебания. Держа в голове график сейш, я продолжала приближаться к центру по спирали, ожидая толчка. Ноги почти не касались земли, когда болото вздрогнуло, а меня подхватило и потянуло в самый центр бушующей окружности. Циклон сформировался.

Что-то тёплое коснулось руки, и сквозь пелену влажного тумана я разглядела лицо Дайка. А когда зрение сфокусировалось, взору открылась чёткая, но жуткая картина: огромная, чёрная приливная волна несёт галеры с бешеной скоростью, в небе над головой гигантский, закрученный против часовой стрелки вихрь, бледные лица и выпученные глаза людей и ангалинов. Макс сидит на палубе и держит на коленях Бумера с помутневшими глазами и вываленным языком, а голос Дайка срывается на заикающийся шёпот:

– Кари... П-почему так п-плохо?! Я сейчас в обморок упаду...

– Давление резко упало... – пролепетала я в ответ. Только в этот момент до меня дошёл весь масштаб возможных последствий. А ведь у кого-нибудь и сердечный приступ может случиться – мы же в самом центре зоны низкого давления!

Нужно срочно сбавлять обороты!

Торможение потребовало не столько усилий, сколько терпения. Скорость циклона никак не хотела подчиняться. Наоборот, вихрь рвался закрутиться ещё быстрее. Я отступала от центра притяжения, но меня тащило обратно, часто даже быстрее и с большей силой. Мысль, что кто-то может чисто физически не выдержать буйства стихий, заставляла снова и снова повторять попытки. Был только один плюс во всём этом – скорость нашего движения по руслу реки.

В конце концов, когда терпение, да и силы были уже на исходе, я просто легла на вибрирующую, словно от оборотов мощного двигателя, траву и раскинула руки, глядя прямо в «око» воздушного вихря. И это элементарное действие, как в день, когда я «познакомилась» со смертоносным болотом, привело к нужному результату. Ветер ревел над головой, но притянуть ближе к центру не смог. Улыбаясь, я погрозила пальцем в чёрный «глаз» циклона:

– Вот и нашлась на тебя управа, нашлась... Как же всё просто оказалось!

И действительно, скорость уменьшилась, а когда я выглянула наружу в реальный, так сказать, мир, лица моих спутников уже не были такими бледно-зелёными, да и Бумер очухался. «Всё. Вот так и держать!» – я успокоилась, надеясь, что никто сильно не пострадал.

Вот так, всего за трое суток при помощи несложных расчётов, сил природы, да и моих конечно, наша армия была

переброшена далеко за Маргос по притоку Прилоксы к одному из ответвлений северо-западной дороги. Дальше предстояло двигаться по суше и своим ходом. И если не считать затопленные деревни, поля и огороды за серьёзный ущерб, то операция «Мы пришли, а вы не ждали, или Сюрприз для Западного терра» завершилась успешно.

Глава 11

Первым, кого я увидела после продолжительного сна, был Карелл. Он сидел на сундуке возле раскладушки в нашей походной кибитке. Увидев его напряжённое лицо, я приподнялась:

– Что-то случилось?

– Нет, если не считать того, что не только наши воины, но и огромное число народа по пути воочию узрели безграничную силу и могущество богов, – поцеловав мою ладонь, он прижал её к своей изуродованной щеке. – Ты плохо выглядишь, даже узоры потускнели... И бледная, как выгоревшее полотно...

– Но ведь мы успели?

– Я послал вперёд разведчиков, но уверен, что пустыnnики до столицы ещё не добрались. Впереди решающая битва.

Карелл придвинулся ближе, пристально вглядываясь в моё лицо:

– Я люблю тебя, Кари. Вот сидел и ждал, чтобы сказать.

Наверно, с первого момента, как ощутил тебя... Хочу, чтобы ты знала, не могу больше держать это в себе. Дайк и Макс занимают твоё сердце и по праву, только... – он замолк на секунду, а потом тихо произнёс: – Поцелуй меня... Один раз...

Первой мыслью было, что он снова пользуется моей беззащитностью, и я хотела, действительно хотела, сказать «нет». Только к горлу подкатил ком, а руки сами потянулись и обняли. Атаман легко подхватил меня, ну прямо как когда-то, и прижал к груди, шепча на ухо:

– Моя золотая девочка... Любимая, прекрасная богиня... Отари... Чтобы я делал без тебя...

Я прикоснулась губами к шраму на его щеке, потом чуть ниже и ещё, пока не прервала хриплый шёпот глубоким поцелуем. А ведь мы впервые целовались за всё время, что знакомы! Раньше он нюхал меня, ласкал, засыпал рядом, я даже несколько раз ударила его, но вот целовались мы первый раз, а точнее, это я его целовала. Длинный уродливый шрам Карелла был слишком глубоким, в отличие от моего, спрятанного под золотой татуировкой, лишая его лицо подвижности, а вот мне почему-то это доставило странное удовольствие. Было приятно прикусывать его губы, не получая слишком явного ответа, но чувствуя, как стучит его сердце, а руки сжимают и гладят тело.

Наконец, я оторвалась, томно улыбаясь:

– Ты доволен?

– Издеваешься, да? – он хмыкнул, убирая с моего лба

светлые пряди. – Впрочем, богиня вольна говорить и делать что хочет. А я готов всё терпеть...

– Даже так?!

Полотнище откинулось и в кибитку запрыгнул Бумер, а за ним улыбающийся Макс, но заметив, что я буквально сижу у Карелла на коленях, красавец-анг мгновенно помрачнел:

– Та-а-ак! А я-то думаю, что ж Дайк всё меня не пускает, мол, не надо, пусть поспит, отдохнёт. Сговорились!

Очень бережно уложив меня на место, Карелл встал и кивнул к выходу:

– Пойдём выйдем, поговорить надо.

Я слышала, как он позвал Дайка и возница сменился, как лязгнула сбруя, потом удаляющийся топот копыт, но не выглянула наружу. Потискав любимого волка, я погрузилась в не очень приятные размышления о собственной нравственности. «Снова что-то происходит... Опять что-то меняется... Макса я не просто люблю, я его обожаю. Дайк вызывает не менее сильные чувства, только несколько иные. Он успокаивает меня, умиротворяет. Видя его улыбку, я словно погружаюсь в прохладную воду, которая снимает усталость и расслабляет. Без них обоих я себя уже не представляю и то, что мои мальчики прекрасно ладят между собой, без явных проявлений ревности, только радует. Но вот Карелл-то мне зачем?! Однако пора признать, что он мне всегда нравился, можно сказать с самого начала, и ведь до сих пор в глубине души я даже побаиваюсь его, правда, совсем чуть-чуть, но

всё-таки. Вероятно, дело в возрасте, ведь Атаману уже за сорок, а если пересчитать его годы на земное летоисчисление, то он старше меня лет на двадцать, а это уже существенная разница. Лишь совсем недавно я смирилась с мыслью, что любимых мужчин может быть двое, хоть здесь, на Окатане, подобное никого не удивляет, но трое?! Это явный перебор! А почему, собственно, Карелл?! Даже если просто допустить такую возможность?!»

Откинув тонкое одеялко, я попыталась вскочить с раскладушки. Всё было вроде хорошо, только ноги ещё совсем ватные, и я плюхнулась обратно. Дотянувшись до бурдюка с водой, я вволю напилась и вернулась к недодуманной проблеме: «Почему Карелл? А Арвид?! Северянин написал такое трогательное письмо, что оно слово в слово отпечталось в памяти. А Берк?! Каол всех поставил в известность о намерениях в отношении меня. А капитан? Что я не вижу, какие взгляды Ают бросает украдкой?! Чем они хуже?! Нет, так дело не пойдёт!»

Глава 12. Столица

Стук копыт, грохот телег и повозок по мощёным улицам, бой барабанов на сторожевых башнях, кругом паника, суета, крики – давно город Великих терров не слышал такой какофонии. Женщин и детей грузят в кибитки, чтобы доставить в подземные укрытия. Жёны прощаются с мужьями, матери

с сыновьями – слёзы, причитания, признания в любви.

– Совет объявил полную мобилизацию! – прокричал высокий мужчина в длинном плаще. – Вам велено явиться в Зал заседаний и быстро!

– А как же моя семья?!

– Можно! Собирайтесь все!!! – слуга старейших гаркнул так, что наследник дома Атрай даже отшатнулся, но быстро повернулся и, прихрамывая, помчался к воротам.

После того как вместе с родными других «важных» приглашённых фаэдр Хлоан устроил семейство в пещере под нижним уровнем Дома Совета, откуда был прямой подземный ход далеко за территорию города, за ним опять пришли, только не слуги, а сам пятый пархонт Вальдеган.

– Надо идти. Они хотят тебя видеть, старина.

– Но зачем?! – Хлоан держал на руках испуганного вихрастого малыша – младшего внука.

– Ты же наследник и должен присутствовать.

Они долго поднимались по крутым лестницам, шли по извилистым переходам, потом по длинному коридору с множеством дверей. Фаэдр Хлоан уже не раз бывал в Доме Совета, однако до сих пор удивлялся его странной, запутанной планировке и огромному количеству запертых дверей. Вальдеган обронил как-то, что слышал, будто за большинством из них совершенно ничего нет. Если открыть такую дверь, то можно увидеть только каменную кладку, и всё. А на вопрос, зачем они тогда, пожал плечами, мол, никто не знает. Зна-

начально город строился вокруг Дома Совета, который являлся наследием древнейших, правда, со временем основные поселения сместились северо-восточнее, оставив эту территорию несколько на отшибе.

В Зале заседаний было тихо. Гигантская колоннада из белого полупрозрачного камня подпирала очень высокий сводчатый потолок, создавая иллюзию бесконечного пространства. Витражные окна со вставками из синих, голубых и жёлтых кусков горного стекла наполняли это длинное помещение светом и воздухом. Прищурившись, зрение уже начало подводить, Хлоан разглядел в противоположном конце человек пятнадцать-двадцать, похоже, ждали только их. В полном молчании престарелые фээдры сидели в высоких креслах, а те, что помоложе – помощники и слуги, расположились на низких скамеечках.

Долгий переход утомил, нога снова разболелась, и Вальдеган усадил наследника в кресло у ближайшей колонны.

– Простите, мы немного задержались, – Вальдеган пригнулся в поклоне.

Один из старейших вяло отмахнулся и сделал знак личному помощнику:

– Пригласите...

Крепкий юноша в светлой накидке кивнул и вышел. Через несколько минут перед всеми предстал тот, кто и принёс весть о приближающейся армии Запада. Высокий, красивый мужчина в добротной и дорогой одежде уверенно прошагал

вдоль кресел и остановился в самом центре. Хлоан сразу обратил внимание на строгий взгляд, которым пришелец обвёл присутствующих, на доли секунды задержавшись на каждом. Наследника даже немного передёрнуло. Сложилось впечатление, что это не Совет его пригласил для какой-то частной беседы, а он сам снизошёл до разговора с людьми, которые не слишком его интересуют.

– А ведь мы решили, что больше тебя не увидим, каол, – проскрипел самый старый член Совета. – Но мы признательны за предупреждение. Выходит, что не могут каолы без службы, такова ваша суть...

– Я вернулся не поэтому, – спокойно ответил мужчина. – Слишком много крови льётся на Востоке... Великой богине это не нравится... Ей приходится самой убивать, а боги должны дарить жизнь – вот главное предназначение.

И в эту же секунду контуры его тела дрогнули, и яркое сиреневое свечение залило Зал заседаний, наполняя пространство не только светом, но и неким лёгким, обволакивающим ароматом. Все замерли, открыв рты.

– Пришло иное время, – продолжила светящаяся личность. – Грядёт новая эра – величия и свободы ангов, коими вы все являетесь по рождению, только познать радости истинной сущности многим уже не суждено в силу возраста.

Старейшие переглянулись. У некоторых на морщинистых лбах проступил пот.

– Превращение?! – подавшись вперёд, прохрипел самый

древний старец.

– Случилось, – тон бывшего каола был таким, что ни у кого не возникло ни тени сомнения. – Один из Сосудов уже пуст. Наши «слёзы» излились в подземные воды, и вскоре свет снова наполнит тела ангов. Необходимые изменения внесены и ничего нельзя повернуть вспять.

В зале повисло такое напряжение, что у Хлоана болезненно сжалось сердце и в горле пересохло.

– А как же пустынные?! Что с ними делать?! – вдруг протараторил один из помощников, вскакивая с места.

Сияющий силуэт пожал плечами, разворачиваясь, чтобы уйти:

– Этот вопрос уже не существует. Я сказал всё, что вам нужно знать.

– Но Хранитель?! – Вальдеган тоже не смог сдержать эмоций. – Ты покидаешь нас?!

– Так хотели ваши предки.

– А богиня?! Кари уйдёт с тобой?!

Окатан ухмыльнулся и направился к выходу, медленно растворяясь в сиреневых лучах.

Глава 13. Столица. Крепостные стены

– Колчаны давай! И копья! Бочонки со смолой ближе переставьте! Дроган, не хлопай ушами! – невысокий, плотный мужчина носился по стене, ежесекундно выдавая указания.

Несмотря на пухлость фигуры, он шустро вертелся между солдатами охраны, мастеровыми и горожанами, что стали на защиту города.

Внизу, под высоченной стеной из белого известняка, гигантским муравейником копошилось вражеское войско. Ультиматум сдать столицу без боя, Совет отклонил, даже не вникая в подробности столь «великодушного» предложения Западного терра. Визит Хранителя, который лично предупредил о грядущей осаде, сделал своё дело. Все ждали чуда, несмотря на то, что легендарный Восьмой бог ничего определённого и не сказал по этому поводу. Но сам факт того, что он, вообще, существует! что он настоящий! и предстал перед людьми, наверняка впервые со времён древнейших, повергло столичное руководство в шоковое состояние, в котором оно до сих пор и пребывало.

– Руклан! Руклан! – пятый пархонт Вальдеган поднялся по крутой лестнице. Худой, высокий чиновник нёс в обеих руках туго набитые стрелами колчаны, за спиной дальнобойный лук, а грудь затянута в кожаные доспехи поверх самой обычной одежды.

– Но пархонт! – Руклан быстро подскочил, принимая груз. – Зачем?! Вам надо в укрытие!

Вальдеган усмехнулся:

– Если бы ты знал, чему я недавно был свидетелем, тоже не усидел бы в подземелье. Я должен видеть Великую битву собственными глазами!

– А что?! Что случилось?!

– Ну... Это всё равно скоро станет известно... – Вальдеган выдержал паузу. – Сам Хранитель явился перед Советом!

– Кто?! Кто явился?! – Руклан вытаращился, хватая пархонта за рукав, а все, кто находился поблизости, обернулись.

– Сам видел! Вот как тебя сейчас! Он...

Вальдеган не успел договорить. Крик с ближайшей башни и суматошные взмахи смотрящего заставили городских защитников глянуть вдаль. Далеко-далеко на горизонте, между покрытых густой зеленью пологих сопок появилась новая тёмная движущаяся масса. Многие высунулись из выемок в каменной кладке.

– Пустынники?! Ещё?! Да сколько ж их?! – воскликнул мастеровой в коротких стареньких доспехах, надетых прямо поверх кожаного фартука.

– Смотрите! Смотрите! Свет!!! – выкрикнул кто-то. И точно. Среди приближающейся тёмной волны стали заметны вспыхивающие то тут, то там яркие золотые искры.

– Ангалины!!! Это ангалины, что на службе у Кареллана и богини! Наши! Это наши!!!

Громкие, радостные вопли прорвали плотину страха и напряжения. Все прыгали, махали руками, обнимались, кто-то украдкой вытирал мокрые глаза, а кто-то облегчённо приговаривал «спасены... теперь спасены...».

– А-а-а-а!!! – Руклан хлопал пархонта по бокам и груди, потому как в силу роста выше не доставал. – Армия третьего

претендента! Это они, пархонт! Они!!! Но как?! Как они тут оказались?! Так далеко от Банкора?!

Вальдеган вглядывался в даль, вдыхая ртом свежий и даже солоноватый ветер – вестник приближающейся помощи, и озвучивал собственные мысли:

– Он знал. Хранитель знал, что они идут... что Кари спешит к нам на помощь. Вот поэтому и ушёл... просто ушёл...

Обронив последнюю фразу, пархонт резко обернулся к продолжающему вопить помощнику:

– Срочно! Надо известить Совет! Отправь кого-нибудь!

Пухлый Руклан всплеснул руками и стремглав понёсся к ближайшей башне.

Глава 14

В своей прошлой, земной жизни я видела много исторических фильмов, где режиссёры ярко и красочно представляли батальные сцены. Но что сама буду принимать непосредственное участие в подобных сечах, предположить, конечно, не могла.

Естественно, разница технологий Земли и Окатана на данный момент радовала. Оружия массового поражения здесь не знали, хотя давным-давно оно имелось у древних ангов. Да вот только отрубленные головы и конечности, развороченные тела в «ёжиках» стрел, залитые кровью поля ничуть не уступали сброшенным на города бомбам, танкам и

пулемётам.

Вспоминая историю своего родного мира, я не могла не согласиться с тем, что война постоянно сопровождала земное человечество. Конфликты, крупные и мелкие, никогда не покидали родную планету. Просто мне повезло родиться в таком месте и в такое время, что я этого не знала, не почувствовала на себе в отличие от моих бабушек и дедушек. Но здесь, в новой и невероятной жизни, за спиной образовалось целое кладбище из тех, кто погиб от моей руки. И я приняла эту жизнь, впустила в себя и смирилась с тем, что жизнь и смерть ходят рука об руку, их симбиоз неразрывен и одно не может существовать без другого, совсем как дерево-гигант и райское поле.

Мы подоспели вовремя. Армия пустынников только начала осаду белокаменного города, когда наши отряды выстроились в цепь для атаки. И такого сюрприза не ожидал никто: ни Западный терр, ни осаждённые. Моцарт фыркал и хрипел, гарцуя в некоем лошадином танце. Я натягивала поводья, сдерживая сильное и великолепное животное. Волновался мой «яблочный» жеребчик, впрочем, как и все боевые единороги. Предстоящую битву они чувствовали прекрасно, а длинные черепные выросты местных непарнокопытных придавали им необходимое бесстрашие и даже дополнительную силу, как мне казалось. Но такое поведение, скорее, было вызвано выбросом в кровь определённых гормонов, чем прямой зависимостью от длины рога, хотя доподлинно это

не известно.

Ожидали главной команды. Далеко впереди в живописной долине под высокими стенами города Великих терров копошилось полчище тёмных силуэтов. По привычке я объезжала отряды. Моей обязанностью было поддерживать боевой дух, но вступать в бой я не собиралась, во всяком случае пока. Ангалины уже погрузились в свои колесницы, время от времени выдавая световые вспышки, а лучники заняли позиции на двух холмах.

Столица раскинулась в широкой долине на берегу вытянутого голубого озера, что огибало город с северо-восточной стороны. Если всё пойдёт по плану, то вскоре западные отряды окажутся зажаты между городскими стенами и нашей армией. Прозвучали низкие горны и свист хлыстов резанул слух. Я отвлеклась на секунду от созерцания начинающей движение боевой первобытной мощи, заметив по левую руку очень знакомый круп единорога:

– Свист?!

Всадник зыркнул из-за плеча, а я замерла в седле. Колесницы рванули, тучи стрел взмыли в небо, а воинственные крики перекрыли мой взволнованный вопль:

– Ска-а-а-ай!!! Сто-о-ой!!! Скай!!! – но было поздно кого-либо останавливать. Битва началась.

Все намерения наблюдать со стороны остались позади. Ударив Моцарта в бока, я рванула за сыном Гая, непонятно каким образом оказавшимся в составе наших отрядов. «Вот

же дурак малолетний! – я мчалась в самую гущу будущей схватки. – Вот уверена, что Гай его не отпускал! Сбежал! Догоню – придушу собственными руками!» И только когда первые колесницы ангалинов с рычанием и свистами врубались в противника, я выхватила меч с осознанием, что обратного хода нет, только вперёд!

Первый раз я испытала «радость боя». Раньше я очень скептически воспринимала рассказы моих мужчин («моих» в широком смысле, то есть всех знакомых опытных воинов) об ощущении некой эйфории в пылу жестокой сечи. О какой радости от убийства и смерти может идти речь?! Но то, что накрыло после первых же взмахов мечом, не оставило до самого конца. Мой меч разил пустынников направо и налево, а разрубленные тела в кровавых брызгах отлетали словно сломанные куклы. Я уже не видела за пустынниками людей. Я видела зомби, хотя и понимала, что они, по сути, не виноваты. Их привели сюда умирать, и они умрут, видно, так и было задумано.

А вот с теми, кто не принадлежал к многочисленному «близнецовому мясу», ситуация была иная. Нормальные воины Запада очень быстро поняли, что всё, битва будет проиграна однозначно, так как, несмотря на их численное превосходство, мы обладали гораздо большей боевой скоростью и мощностью. И главное, деваться им было некуда – позади каменные стены города Великих Восточных терров, иначе говоря – ловушка! И они начали сдаваться, и правителю Запа-

да в этот раз исчезнуть не удалось.

Пока я, Дайк и Макс вовсю рубились, Карелл сосредоточился на самом главном сопернике. С небольшим отрядом и пятёркой ангалинов он бросился в погоню за высокопоставленными противниками, ну когда они сообразили, что пора «делать ноги», и, бросив всё, рванули в сторону гор. Ну а я, в пылу схватки, никак не могла найти Ская. Свист затерялся где-то под городскими стенами, и как я ни оглядывала хрипящих, взмыленных единорогов, не могла его отыскать. И вот именно это меня и отвлекло. Слишком уж далеко я оказалась от своих парней, что всегда меня прикрывали.

Всё произошло даже не за секунды – нет! Сотые или тысячные доли мгновения растянулись пространственно-временной резинкой. Дикий крик Дайка. Летящее копьё. Удар, выбивающий из седла. Лицо Берка. Красная дорожка в уголке его губ.

Я смотрю на него и не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть. В груди каола торчит короткое древко, а рубаха стремительно краснеет. Я оборачиваюсь и вижу того, кто только что пытался убить меня. Невысокий человек бежит, перепрыгивая через трупы, спотыкается, вскакивает, машет руками, словно в испуге от содеянного. Я вытаскиваю из-за пояса топор и посылаю вслед. И только когда оружие врежется в позвоночник, взламывая тело и толкая далеко вперёд, понимаю, кого я убила. Олли...

Когда я упала рядом с Берком, он ещё дышал. Каол лежал,

глядя в небо, и улыбался, легко и отрешённо...

– Нет, Берк! Нет!!! Не умирай!!! Нет!

Он провёл измазанной в земле ладонью по моей золотой щеке, но даже не попытался что-то сказать. Он просто смотрел и улыбался.

– Не-е-ет! Берк!!!

Его глаза начали стекленеть, но в самую последнюю секунду, когда я видела, что он ещё здесь, они резко потемнели, превращаясь в сиреневые туманности, сияющие в космических глубинах. На меня будто упало небо. Я словно оказалась в центре недавнего циклона, только когда сама управляла им, не ощущала давления, в отличие от всех остальных. Теперь же внутренности сдавило гигантскими тискарами, а уши заложило как от погружения на огромную глубину. Злость, ненависть, осознание потери, ощущение обиды, от которой болит каждая клеточка внутри, понимание собственной беспомощности и глупости захлестнули разум.

Стало совершенно ясно, почему Бумер так вёл себя по отношению к Берку. Волк узнал его! Узнал сразу, как только каол бросился к нам под ноги тогда в Тагри! Конечно! Как же он мог не узнать его?! Ведь Мозговой присутствовал через меня в жизни волчонка практически с первых дней! Но Тан провёл меня... И снова бросил! А ведь в образе Берка он столько времени был рядом! И действовал прежними методами: влюблял в себя, помогал, советовал, а я дура! снова не раскусила его, хотя ведь чувствовала, что-то с ним не

так. Восьмой бог придумал великолепную маскировку – образ всезнающего и загадочного каола. И это сработало! Всех обманул! Всех провёл! Но на то он и бог, наверное, чтобы быть умнее нас...

– Не-е-е-ет!!! Гад! Скотина! Сволочь! – в неистовой ярости руки сами начали лупить по голове, щекам и груди уже бездыханное тело. – Мразь! Ты бросил меня! Снова! Без объяснений! Без слов! Будь ты проклят, Окатан! Будь ты проклят! – сидя на коленях, я продолжала посылать проклятья, и было всё равно, что обо мне подумают, а свидетелей кругом было много, очень много. Кто-то пытался оттащить меня в сторону, вроде Макс, но я снова принималась бить пустую окровавленную оболочку. – За что?! Что я тебе сделала?! Зачем так?! Ты ел меня, питался мной, ты получил что хотел! Зачем?! Ты не бог – нет! Ты паразит! Липкий червь, вот кто ты такой! Ненавижу тебя! Ненавижу!!!

Эта истерика под стенами столицы могла продолжаться ещё долго. Слишком давно я копила боль и обиду на внутреннего друга, который несмотря ни на что остался настолько близким, что это причиняло просто невыносимые страдания. Но рано или поздно всё заканчивается. Несколько звонких пощёчин заставили очнуться и вспомнить, что я тут не одна. Макс крепко сжимал, обнимая со спины, а Дайк тряс за плечи:

– Кари! Кари! Очнись! Он мёртв! Но он спас тебя! Закрыл собой, когда мы были слишком далеко, чтобы помочь!

– Нет! – я попыталась вырваться. – Он жив! Бог не может умереть! И он здесь! И он слышит меня! Пусть знает! Пусть все знают, что я о нём думаю!

От новой оплеухи любимого Няня шея чуть не свернулась набок:

– Опомнись, Кари! Опомнись! Он умер вместо тебя! Ну не хочет он разговаривать и что-то объяснять, да и пропади он пропадом! Там Карелл! Карелл тяжело ранен! Слышишь?!

Я размазала слёзы по щекам:

– Что?!

Макс стиснул так, что затрещали кости. Боялся, наверно, что меня опять понесёт. Я закрыла глаза, досчитала до десяти и медленно выдохнула:

– Где он?

– В шатре Западного терра. Стрелы насквозь пробили... Не знаю, сколько он протянет...

Глава 15

Когда я вышла из высокой конической палатки, ум был уже ясен и холоден, как сверкающий айсберг. Атаман умер. Стрелы Олли пронзили его грудь и только то, что не попали прямо в сердце, замедлило быструю потерю нашего друга и предводителя. Но это ненадолго. Дайк не умел сшивать порванные железными наконечниками сосуды и пробитые лёгкие, да и никто не умел.

Городские ворота уже открыли. Члены Совета почти в полном составе с помощниками, а также всё городское начальство, включая нескольких пархонтов, столпились неподалёку от палаток уже даже не врагов, а так, жалких пришельцев из Западных территорий. Воины городской охраны помогали рассортировывать пленных, ангалины прочёсывали окрестности, а местные жители собирали оружие и складывали в кучи мёртвых для последующего сжигания. Бумер же выполнял свою привычную работу – собирал в табун разбежавшихся единорогов.

Я остановилась перед десятком связанных мужчин в дорогах доспехах. Великий террхан Западных территорий (хотя какой он уже «великий»), самообладания не потерял, в отличие от некоторых. Высокий, седовласый мужчина смотрел исподлобья, взгляд жёсткий, на заросших щеках перекачиваются желваки. Ещё раз осмотрев их, я кивнула Грасу:

– Повесить всех на главных воротах. Они хотели войти в город, так предоставим им такую возможность.

– Богиня! Великая! Пощади! – несколько человек рухнуло на колени. Седовласый же лишь презрительно хмыкнул и отвернулся.

– Кто ещё осмелится просить пощады у богини?! – я усилила голос, и слова громыхнули эхом. Лакр, стоя чуть позади, низко поклонился, а потом прошептал на ухо:

– Те двое, что с краю, младший сын и вроде как внук терра. Вон тот, что на коленях стоит, рассказал, он брат его... –

и кивнул на коренастого темноволосого мужика с позолоченными пластинами на доспехах. В этот момент ещё двое, склонив головы, опустили на землю.

– Да воздастся просящим... – как-то очень вовремя вспомнились древние строки, и я снисходительно кивнула: – Двоих слева тоже под охрану, вместе с теми, кто принял унижение побеждённых, остальных на ворота.

– Но ведь это терр... – прошептал кто-то рядом, но я услышала и рывкнула в ответ: – Выполнять!

Не раз потом вспоминался этот момент. Я отдала приказ казнить людей. Сама. Прекрасно сознавая, что делаю. И это оказалось даже страшнее, чем принимать участие в сражении вместе со всеми. Я взяла на себя ответственность вершить судьбы, хотя ведь и раньше это делала, просто до сего момента не понимала так явно всю тяжесть подобных решений. Но в ушах звучали слова Карелла, который ещё несколько минут назад сжимал мои ладони, хрипло повторяя:

– Ты справишься, Кари... Моя золотая девочка... Только ты достойна трона Великих терров Востока... Их нужно казнить, ты же понимаешь... Ты добра и великодушна, но ты Богиня! А боги могут решать, кого казнить, кого миловать... Этот жестокий урок будут помнить веками! Смерть – ради жизни других... Ты должна это сделать... – И я сделала.

О столице я слышала многое. Но сейчас было совершенно не до местных красот с почти готической архитектурой, зданий с высокими арками и причудливой лепниной, широ-

ких, вымощенных улиц и прекрасных видов на озеро Края. Оно так называлось потому, что в ясные ночи небо так чётко отражалось в спокойной воде, что казалось, будто город раскинулся на некоем космическом берегу, где-то у границ Вселенной.

Я вошла в Зал Дома Совета и остановилась у одной из колонн. Старцы хотели вручить некий символ власти, но общий вид этого зала, а также длинный коридор с массивными дверьми, по которому Вальдеган провёл меня, заставили забыть о цели визита. Один из старцев что-то говорил, но я не слушала, а осматривала полупрозрачные колонны, понимая, что такие же видела в Храме у Закатного пика. Заметив, что я не реагирую на происходящее, старец замолк, а я обернулась к пятому пархонту, давнему своему знакомцу, другу можно сказать:

– Это Храм ангов, Вальдеган. Вы знаете об этом?

Пархонт отступил, оглядывая Зал:

– Храм?!

– Конструкция немного иная, но колонны из того же материала и они будут светиться изнутри, если Храм «включить».

– Это Дом Совета, Великая... Он был им всегда.

– А что за дверями в коридоре? – этот вопрос я уже обратила к престарелым мужчинам и их помощникам, что столпились вокруг.

– Там просто стена, – высказался один из старцев. – Ка-

менная кладка за каждой...

Ещё что-либо объяснять было не нужно. Нужно действовать и притом немедленно!

Бумер нёсся впереди, указывая дорогу, а в голове держалась только одна мысль: «Это шанс! Последний, маловероятный, но шанс!» Умиравшего Карелла разместили в большой светлой комнате на первом этаже Дома Совета. Дайк сидел у изголовья широкой кушетки, продолжая утирать время от времени проступающую кровь на его груди, так как наколочки стрел до сих пор не вынимал. Они хоть и порвали грудь нашего дорогого друга, но частично блокировали кровотечение и вынуть их – значит, позволить ему мгновенно умереть. А терять Атамана я не хотела. Категорически! Поэтому и тянула до последнего.

Макс, Грас, Лакр, Аютан и многие другие тоже были здесь – ждали, а вдруг наш предводитель хоть на миг ещё придёт в себя. Быстро стянув доспехи, я достала из-под плотной подкладки две ампулки со «слезами», те, что на прощанье подарил Рекс. Вскрыла обе и вылила содержимое прямо в рот умирающему.

– Воды! Дайк, воды!

Нянь вскочил и протянул кружку, а Макс схватил за руку:

– Но, Кари?! Он умирает!

– А какая теперь разница?! – я резко обернулась. – У нас всего три варианта развития событий. Первый: он просто умрёт с минуты на минуту, что вероятнее всего и случится.

Второй – монстр. Тогда я сама убью его! Третий – удачное превращение. И если оно получится, Карелл станет ангалином через восемь дней, а потом обратный переход – и у нас будет уже два настоящих анга!

– Но где?! Где здесь проводить превращение?! – Дайк и Макс заорали в один голос в отличие от всех остальных, что, затаив дыхание, наблюдали за всем происходящим.

– А вот это вы сейчас узнаете!

Глава 16

Такого погрома Дом Совета не видел никогда. Помощники отворили загадочные двери – и действительно, гладкие обтёсанные камни скрывались за каждой в этом длинном, извилистом коридоре. Я вытащила из-за пояса Граса тяжёлый боевой топор и с размаха ударила. Стена дрогнула. Потом ударила ещё раз и ещё, до тех пор, пока широкая трещина не сломала кладку. Когда большая часть стены рухнула, за ней обнаружилась камера превращений, такая же, как в Банкорской тюрьме, да и в остальных Храмах тоже. Осталось поднять решётку. А сделать это можно было только из одного изолированного помещения и где-то оно должно было находиться.

– Думай, Макс! Вспоминай! Я не вдавалась в подробности устройства Храмов!

– Но здесь всё не так! – Макс чесал густую тёмную шеве-

люру, пока остальные оттаскивали обломки.

– Принцип тот же, только расположение другое. Рычаги где-то есть. Они должны быть!

– Я понимаю, что должны... А если они за самыми крайними дверями в концах коридора и тоже замурованы?!

Недолго думая, я схватила топор и помчалась ко входу в Зал Совета. Крайняя дверь также скрывала камеру, а вот другая, первая с противоположного конца, – маленькую комнату. Терпение было уже на пределе и мои мужчины попеременно пытались меня успокоить, что, мол, не надо так неистово стены долбить, ведь рухнуть всё здание может, а как-никак веками стояло, но пришла богиня – и глядишь, руины только и останутся. Что всё будет работать, я не сомневалась. Анги создавали надёжные и долговечные механизмы. Их технологии оставались во многом загадочными и непонятными, но общая суть была уже известна.

В «пусковой», как я обозначила это помещение, на вмурованных в стены панелях располагались рычаги поднятия решёток. Время не повлияло на их работу и вскоре «методом тыка» решётки в двух камерах со скрипом, но поднялись. Карелл был ещё жив. Пока я ставила на уши дворец, никаких изменений с ним не произошло: ни плохих, ни хороших. Как мы оставили его, в смертельной бледности с торчащими обломками стрел в груди, так он и лежал. Дайк щупал его пульс, вытирал кровавые пузыри, промакивал пересохшие губы влажной тряпкой – наш Атаман в сознание не при-

ходил, но его сердце, хоть и медленно, всё-таки до сих пор билось. И мы решили подождать немного, понаблюдать. Какой смысл переносить его в камеру в таком состоянии? Хотя это был риск и риск серьёзный, ведь как сработают «слёзы» в данном случае, мы совершенно не представляли, да и влила-то я двойную дозу. А в Книге ангов ничего подобного ни я, ни Макс не читали. Оставалось ждать.

Меж тем город захлестнула эйфория победы, а вот нам совсем не хотелось веселиться. Так как я теперь замещала Карелла, всё бремя руководства легло на плечи тяжким грузом. Столицу я решила не эвакуировать. Территорию Совета от города отделяла стена, почти такая же, как и внешняя. Дабы не допустить распространения преждевременных слухов и во избежание паники, по моему приказу закрыли все ворота и выпроводили за них молодёжь, женщин и детей. Охранники Совета патрулировали стену, а из городского руководства с нами остались только пархонт Вальдеган, Хлоан эн Атрай – мой друг и коллега, наследник древнего дома, часть obsługi дворца, ну и Совет в полном составе. Всем горожанам было объявлено, что третий претендент на трон, а по факту будущий терр, признанный народом и Советом, тяжело ранен в битве и мы боремся за его жизнь.

Стоя на широкой открытой террасе, я вдыхала ароматы ночи: сладость фруктовых садов и прелую свежесть скошенных трав, смешанную с терпкостью смол, а лёгкий ветерок с озера разбавлял эту тёплую пряность прохладными нотка-

ми далёких гроз. В городе не смолкали песни, а ритмичные звуки бубнов и барабанов далеко разносились над озером.

Покашливание позади – я обернулась. Грас крепко держал Скаю за плечо:

– Вот он, красавчик наш! Думал, что мы про него забыли!

– Под конвой и в Латрас к отцу. Пусть Гай сам с ним разбирается.

– Но, Кари! – Скай дёрнулся, да не вышло. Не так-то просто вырваться из лапищ верного Гоблина. – Какая теперь разница?! Я хочу остаться!

Я не слишком злилась на парня. Ну сбежал он из семьи, хотел поучаствовать в Великих освободительных битвах. Его желания вполне понятны, и таких юнцов хватало среди наших. Но много и погибло. Мы тоже понесли немалые потери. Да вот слишком уж я любила не только Скаю как родного брата, но и всё музыкальное семейство: Гая, Хейю, Натри, Айру, да и малышку Кари тоже. Поэтому, на правах близкого человека, да и богини в конце концов, решила не давать поблажки:

– Ты вернёшься в Латрас, Скайолан. Это приказ. Ты подумал о матери, отце, брате и сёстрах, когда убегал?! А если бы ты погиб?!

– Но ведь не погиб... – буркнул он в ответ.

– Сделаем так. Поедешь, когда станет ясно, выживет Карелл или нет. По пути надо сообщать людям достоверные новости. А сейчас в город его, Грас. И глаз не спускать, здесь

нельзя оставаться.

Пока Макс, Грас и Лакр занимались другими делами, мы с Дайком дежурили возле Атамана. Прошло уже почти двое суток, однако он до сих пор не умер, что очень обнадеживало, ведь по прогнозам Дайка с такими ранениями так долго протянуть невозможно. Только вот никаких изменений пока не наблюдалось.

На рассвете, когда мой дорогой Нянь давно сопел, уронив голову на грудь, а я сидела рядом и тупо пялилась на светлеющее небо, потому как спать совершенно не хотелось, Карелл вдруг громко вздохнул. Я пихнула Дайка в бок, и мы уставились в покрасневшие глаза (тонкая сосудистая сетка полностью покрывала белки) с узкими вертикальными зрачками, вместо обычных круглых.

– Началось... – выдохнула я. – В камеру его! Быстро!

Превращение произошло не за восемь дней, а за десять. Хотя если не считать время, когда он просто лежал без всяких внешних изменений, то как раз уложился в обозначенные сроки. Дабы не шокировать окружающих, я запретила всем, кроме нас троих да Лакра с Грасом, подходить к камере, и толстая тяжёлая дверь с замком весьма этому поспособствовала. Как и в камерах Храмов, вода текла по узкому каналу у дальней стены и от обезвоживания наш превращаемый не страдал, в отличие от боли.

Если Макса в своё время доводила до бешенства жуткая чесотка изнутри и снаружи, то Атаман кричал, что у него не

только всё чешется, но и болит невыносимо, будто разрывается тело. Мы тоже к клетке близко не подходили, так как действо за решёткой было не для слабонервных. Наблюдать, как тело Атамана отторгает обломки стрел, как он катается по полу, раздирая кожу, как глаза сначала чуть ли не выскакивают из орбит, а потом быстро увеличиваются, будто надуваются, меняя лицо до неузнаваемости; как со звонным хрустом ломаются суставы, отрастает рукастый хвост, а из ярко-красной кожи с треском прорываются чешуйки, удлиняется шея, растут когти и клыки – картина пострашнее любого фильма ужасов.

Дайк несколько раз падал в обморок, когда жуткая смесь человека и рептилии с диким рёвом бросалась на решётку. Меня тошнило от запаха: зловонной смеси всех выделений тела, и только Макс, приоткрыв массивную дверь, весело кричал в камеру:

– Я научу тебя охотиться, Карелл! И золотишко правильно глотать! Подавишься ещё, не умеючи! А сырые турманы, знаешь, какие вкусные?!

– Пш-ш-ш-шёл во-о-о-он!!! – раздавался из клетки шипяще-рычащий крик. И Макс, хохоча, захлопывал дверь.

Пока шёл процесс, члены Совета ходили за мной по пятам, вернее ковыляли. Ни хромота, ни одышка не стали препятствием на пути их любопытства и желания пообщаться с дочерью Хранителя. В нашем родстве с Восьмым богом они были уверены и я не стала никого разубеждать. Дочь так

дочь, что уж тут поделаешь. Тем более что о визите Берка, то бишь моего «божественного» папаши, мне было доложено во всех подробностях.

Престарелым фаэдрам поначалу очень хотелось посмотреть на превращение, и я разрешила, правда, сразу же пожалела. Ведь двух почти девяностолетних смельчаков пришлось выносить на носилках. А вопли из коридора, когда дверь была открыта, а также сильный запах в сочетании с периодическим сотрясением решётки отбили охоту к подобному зрелищу у остальных. Чтобы хоть как-то сопровождать меня в беготне по дворцу, помощники быстренько соорудили вполне приличные кресла-коляски, поставив мягкие стулья на колёса, что было воспринято старцами с большим энтузиазмом.

В день, когда первая часть цикла должна была завершиться, все собрались в извилистом коридоре. Открыв дверь, мы заглянули сквозь толстые прутья в глубину камеры. На каменном полу лежал крупный иссиня-чёрный ангалин, а когда он распахнул глаза, я ахнула. Они были оранжевыми, как два ярких закатных солнца!

– Лучш-ш-ше бы я умер... – это первое, что он сказал, и все разразились дружным, счастливым хохотом.

На следующий день Карелл уже был в состоянии нормально передвигаться, по-ангалински, конечно, и владеть новым телом практически в полном объёме. Так как сразу пойти на обратную трансформацию мы не рискнули, мало ли что, то

уговорили новорождённого ангалина погулять по городу в компании братьев Макса и поплавать в озере. В общем, передохнуть и попробовать насладиться новым обликом. Ведь никто из жителей не заподозрил бы в одном из ангалинов, оккупировавших озеро и его окрестности, своего будущего терра. И вот именно это понравилось Кареллу больше всего. Он ухмыльнулся, показав белоснежные клыки, и подмигнул мне оранжевым глазом:

– А ты права, дорогая! Впрочем, как вс-с-егда, – и бодро пошёл след за Флаксом.

В этот день случилось ещё одно крайне важное событие. Ранее старейшие показали мне хранилище Великих терров, которое представляло собой некий музей на нижнем уровне дворца. Здесь были древние книги, свитки, в том числе и Вечные, всякие артефакты, назначение которых никто не знал, оружие, драгоценности, странная посуда из неизвестного материала, напоминающего земные виды пластика, несколько браслетов из мягкого металла, только без каких-либо надписей, в отличие от моего, а также небольшой ящик с дискетами, точно такой же, как и у Рекса.

Загадочно улыбаясь, я перебирала гибкие пластины (многие были сильно повреждены, но имелись и совершенно целые) и раскладывала их в разные кучки, в соответствии с цветными метками. Сидя на своих колёсных стульях, двое старейших внимательно следили за моими движениями, пока фаэдр Гахлан, маленький, щуплый дедулька с лысиной

почти во всю голову, не сказал:

– Похоже, Великая богиня понимает, что это...

Я хмыкнула:

– Ангалин Рекс весьма удивится, когда узнает, что он не единственный обладатель ящика с информационными дискетами.

Дедушки переглянулись.

– У Рекса имеется устройство... Ангалины называют его Священная Книга ангов. Так вот... Эти штуки можно вставить в эту Книгу и прочитать. Каждая такая пластина содержит в себе не один десяток свитков или толстых фолиантов.

Я только набрала в грудь воздуха, дабы продолжить лекцию, как в Хранилище влетел Бумер, звонко цокая когтями и скользя по мраморному полу всеми лапами. Волк сразу же ломанулся в мою сторону и схватил зубами за рукав.

– Что случилось, Бу?! Куда идти?! – я отложила дискеты, а волк сильно потянул к выходу, явно чем-то обеспокоенный. Кивнув старейшим, я побежала за ним.

Мы промчались через Зал заседаний и остановились у крайней камеры, стену которой я тоже сломала больше недели назад. Решётка была опущена, а внутри, спиной к нам, стоял Дайк. Я вцепилась в толстые прутья, уже догадываясь, что произошло. Нянь обернулся и, не отводя взгляда от моего лица, начал раздеваться. Я молча приняла у него одежду, соображая, что две ампулы я влила в Карелла, а одна – та, что осталась у Макса, предназначена для его обратного

перехода. Откуда «слёзы» у Дайка?!

Любимый уловил направление моих мыслей. Уже совершенно голый, он просунул руку сквозь решётку и вложил в мою ладонь целую ампулку со «слезами» и пустую оболочку. И тут до меня дошло!

– Так это ты... Ты украл их тогда в Храме! А я, балда такая, ещё на Макса грешила! Я ведь знала, что из бочки выпало двадцать пар, а не восемнадцать!

Дайк кивнул и улыбнулся:

– Я решил не откладывать до посещения Храма, когда мы туда ещё попадём... Я очень люблю тебя, Кари. И не могу больше смотреть, как Макс утаскивает тебя по ночам. Слышать ваши стоны... Я хочу тебя всю. Полностью. Прости, что так получилось...

– И я тебя хочу... – сквозь холодные прутья я обняла его, крепко поцеловала и со словами «До встречи, любимый!» захлопнула дверь.

Часть 4. Дар

Глава 1

Первый этап превращения Дайка закончился несколько неожиданно. Он получился крапчатым с яркими лимонными глазами, как у Великого Ангалина. Макс весьма удивился такому повороту, ведь никто из детей Рекса не унаследовал цвета глаз отца.

– А может, ты тоже его сын?! – изумлённо вглядываясь в друга, Макс водил ладонями по пятнистой чешуе.

– Только этого не хватало! – Дайк махнул головой, а так как координация ещё не пришла в норму, запутался в хвосте и завалился на бок. Но смех ангалинов заставил его быстро вскочить и рыкнуть в сторону хихикающих.

Мы валялись на берегу озера Края, отдыхая после напряжённого дня. Карелл лежал рядом на спине, подставив закатным лучам широкие плечи нового и уже человеческого тела. Он прекрасно себя чувствовал и говорил, что буквально родился заново, хотя, по сути, так оно и было. Кроме родовой метки на его теле не осталось ни одного шрама. Он снова был молод, силён и потрясающе обаятелен! И это несмотря на то что волосы на голове были ещё совсем короткие и только вчера полностью отросли ногти. Я поглядывала на него и на-

слаждалась результатом. Карелл и со шрамом мне нравился, но теперь... зрелый, brutальный... мужчина-воин... мужчина-самец... великий анг... будущий терр... Обалдеть! Рядом со мной было уже два настоящих анга, а вскоре планируется и третий. И все они такие разные в каждом из своих тел!

От обучения Дайка поведению в воде Макс был освобождён. Нашлись другие наставники, более симпатичные. Несколько ангалинских девушек моментально обратили внимание на новоявленного ангалина, стоило нам только появиться на пляже. Покружив неподалёку, они нагло принялись строить ему глазки, изгибаясь изящно и очень сексуально.

– Дайк, не тупи, – я подмигнула другу, слегка подталкивая в сторону чешуйчатых красоток. – Такая возможность неизвестно когда представится!

– С-с-с ума с-с-сошла! – прошипел он в ответ. – Я даж-ж-же плавать толком ещ-щ-щё не умею!

Не открывая глаз, Карелл поддакнул:

– Ох, Дайкаран! Твоё мужское достоинство уже в полном порядке и девушки не против. Мне вот никто так призывно не подмигивал!

– Да ну вас-с-с! – Дайк отмахнулся передней лапой, а Макс задорно рассмеялся и, стянув рубаху, схватил его за хвост и потащил в воду.

Я с наслаждением наблюдала за их весёлой вознёй. Красотки, кстати, присоединились, нарежая круги и выдавая ко-

роткие световые вспышки. Карелл приподнялся на локте и придвинулся ближе:

– Что мне сделать, Кари... Какие подобрать слова, чтобы выразить бесконечную благодарность за всё? Не только за мою новую жизнь, но и за то будущее, что ты открыла для нас...

Я пожала плечами:

– Ничего... Достаточно того, что я вижу, чувствую, помню... Только, к сожалению, каковы последствия, что дальше и как всё будет развиваться, мне неизвестно. Я хочу счастья для всех на Окатане... мира, радости, улыбок детей, работы, наполняющей жизнь смыслом, новых чудесных открытий... Только обычно благие намерения приводят совсем в другую сторону.

– Ты не права сейчас. Я не согласен.

– И я не согласна сама с собой... – проведя пальцем по его совершенно целой щеке, я улыбнулась, вспоминая, каким он был ещё несколько недель назад. Всё-таки анги удивительная, невероятная раса!

Если сравнивать все три превращения, свидетелем коих я оказалась, то Дайку повезло больше, чем Максу и Кареллу. Дело было в возрасте, ведь Нянь самый молодой, а чем раньше осуществляется первый переход от одного тела к другому, тем терпимее и легче. Слишком острой боли он не ощущал. Были, конечно, неприятные моменты, когда изменялся скелет, но в целом сильно он не страдал. Чесотка тоже имела

место, но не настолько, чтобы нельзя было терпеть.

Сидя в камере, Дайк говорил, что, возможно, ему легче потому, что он давно знает, что такое боль, и умеет терпеть, но мы с Максом с такими доводами не согласились. В инструкциях, тех, что удалось прочитать, имелась пометка о наилучшем возрасте для первого перехода. Анги могли менять тела вскоре после полового созревания, просто конкретные сроки у каждого были индивидуальны.

Три недели пролетели незаметно. За это время окрестности столицы очистили от следов недавнего побоища, для многочисленных пленных был разбит лагерь за городскими стенами и разосланы гонцы во все концы с вестью о полном разгроме армии Запада. Тела казнённых около недели висели на центральных воротах, пока я не приказала снять и предать огню разлагающиеся трупы.

Великий террхан Западных территорий избежал участи болтаться в петле. Перед самой казнью с ним случился приступ, и он умер в течение нескольких минут, правда, успел кое-что произнести. Мне передали его слова. Он сказал, что проиграть богам не позор. Он попробовал изменить мир, но не смог, и смерть наименьшая расплата.

Допрос пленных родственников и ближайших военачальников покойного террхана практически не пролил света на тайну нашего Олли, кроме того, что брат-близнец у него всё-таки был. Я так поняла, что наш друг сопротивлялся до последнего и не его вина, что мысленные приказы брата всё

же возымели действие. Но откуда терр Запада узнал, что у одного из его приближённых есть брат, у которого имеется второй сын на Востоке, осталось загадкой, ведь мы их так и не нашли ни среди пленных, ни среди погибших.

А вот по поводу управления пустынноиками мы узнали, что терр использовал артефакт древнейших, который хранился у одного из самых старых архивариусов Запада. Звук из него как бы переключает мозг близнецов в режим полного восприятия приказов того, кто вводит акустический код в их сознание. Поэтому правитель Запада и не разрешал никому пользоваться этой штуковиной, держа единоличную власть над многочисленными послушными рабами. После недолгих раздумий я раздробила древний свисток мощным ударом топора. Тело Олли предали огню со всеми почестями, ведь его предательство не зависело от его воли, и он держался столько, сколько мог.

По земному обычаю я приказала пересыпать прах всех повешенных в отдельные глиняные сосуды, закупорить, сделать гравировку с именем и отправить на родину с теми из пленных, что попросили пощады. Правда, внука и младшего сына Великого терра пока решила не отпускать. Хотелось пообщаться с ними, узнать особенности жизни на Западе и при дворе, а также подробности того, как их дед и отец готовил благоприятную почву для вторжения. И, к слову сказать, эти юноши особо не противились. К ним относились нормально, ни в чём не ущемляли, просто конвой следовал

за ними неотступно. Мне даже показалось, что внук terra Эдриан, вообще, не жаждет возвращаться на родину. Юноша много времени проводил на озере, среди ангалинов. Наблюдал, пытался общаться, пока я не попросила Асса взять над ним некое шефство.

Как только к Кареллу вернулся человеческий облик, он, естественно, освободил меня от решения многих вопросов, чему я была несказанно рада. Эти недели дались нелегко, и я в полной мере ощутила бремя верховного руководства. Третью армии Карелл незамедлительно отправил на Большие Южные прерии, поручив Грасу и Лакру провести переговоры, если будет с кем, и сопроводить часть пленных с прахом казнённых. А также решить на месте, какую цену готов заплатить Запад за то, чтобы наши войска не пересекли Закатные горы.

А вот что делать с другими пленными, а особенно с пустынниками, мы пока не знали. Я настаивала на том, чтобы погрузить всех на галеры и через Банкор препроводить обратно. Карелл же, да и Совет доказывали, что нужно восполнить численность погибших, необходима рабочая сила, и никого хотя бы несколько лет отпускать нельзя. Пусть работают на благо Востока. Я подумала-подумала и решила с ними не спорить. Хоть я и богиня, но в государственных делах всё же не сильна и нечего совать нос куда не надо.

Дайк спал. Последние сутки, после того как мокрого, голого и покрытого слизью Няня перенесли в обычные по-

кой, он полностью находился на моём попечении. Доставляло огромное удовольствие сидеть рядом, наблюдать, как грубеет кожа, растут волосы на новом человеческом теле. Он был ещё розово-бледен. Покрыться загаром только предстояло, но в целом Дайк выглядел потрясающе: ни одного шрама, ни царапинки.

Бумер поднялся с места и уселся у изголовья, обнюхивая его лицо. «Значит, сейчас проснётся...» – подумала я, нежно дотрагиваясь до чистого лба без намёка на прежние отметины. И действительно, через секунду он открыл глаза.

– Я так рада тебя видеть... – прошептала я, прижимаясь губами к бледной щеке, а Бумер принялся неистово вылизывать его, обильно орошая слюной.

– Хватит, Бу! Хватит! – Дайк поначалу отворачивался, а потом обхватил лохматую голову, чмокая в холодный нос. – И я тебя люблю, волчик! Очень люблю!

Многозначительно глянув, Нянь перевёл взгляд ниже пояса:

– Ты проверяла? Там всё в порядке?

– Ещё бы! Впрочем, сам посмотри... А я пока бульон принесу, – видя его замешательство, я придвинула к кровати высокое зеркало на треноге.

Глава 2

Уже час я смотрела на лежащее на кровати великолепное

платье. Длинное, в пол. Лёгкая, струящаяся ткань, шлейф с золотистой вышивкой, декольте, прозрачные рукава, а главное – цвет. Голубой и оторочка из белого пуха – небо и облака, именно такая возникла ассоциация. Столичные портные так стремились мне угодить, что работали ночи напролёт. И это у них получилось. Вот только было очень страшно его надевать, ведь подобных нарядов я никогда не носила.

Стоя в белье, я любовалась обновкой и всё никак не могла решиться, но на церемонии нужно выглядеть подобающим богине образом.

– Кари! Помочь?! – подгоняли меня уже не раз.

– Нет, Дайк! Я сама!

Расправив складки и всунув ноги в мягкие туфельки-балетки из выбеленной кожи, я напоследок оглядела себя в зеркале. Ожерелье из синего жемчуга было бы очень кстати, но оно осталось в Латрасе, а каких-то других украшений надевать не хотелось, хватит и золотых татуировок.

Вступление Карелла на престол Совет и пархонты решили не откладывать. Как только стало известно, что Элган сбежал на Север, они быстро всё организовали. Так как сразу после победы отправили гонцов в вольные города, наследники прибыли быстро. Лудар эн Кифан из Кифа, Диган эн Лагран из Гейзы, я и Хлоан эн Атрай были на месте, а из Перрикола приехал фаэдр Бруан, новый управляющий. Кстати, печать и форма для чеканки наследника Перрикола обнаружили в Банкоре. Коробку нашли ангалины в одном из каналов и

незамедлительно доставили Совету, а все остальные имелись в наличии и никаких препятствий для проведения церемонии не возникло.

Новый внешний вид Карелла только поначалу вызвал недоумение у тех, кто знал его в лицо, но о превращении не имел представления. Старейшие объяснили его чудесное исцеление от смертельных ран и перемену внешности влиянием Хранителя и моим, хотя любое упоминание о Восьмом боге вызывало зубной скрежет. Да, он спас меня, закрыл собой, только ничем важным он не пожертвовал, а использовал тело каола в качестве живой, осязаемой оболочки, которое, кстати, исчезло с поля боя.

Конечно, слухи о превращениях в Доме Совета уже начали просачиваться в город, но тема была столь невероятна для большинства населения, что в это не очень-то и верили. Людям было легче принять явление Хранителя, которое имело место при свидетелях, чем в то, что человек может стать ангалином и наоборот. Дайк тоже выглядел по-новому, правда, его личность не вызывала столько вопросов, хотя он был уже весьма известен.

Столь важное и грандиозное событие должно было состояться на центральной площади и, проезжая через город, я поразила огромному скоплению народа на улицах. Столица гудела. По размерам она не превышала Банкор, однако по архитектурной красоте значительно превосходила. Дома были совершенно разными. Большие и маленькие, высокие и

приземистые, широкие и узкие, но в каждом здании наблюдалась своя индивидуальность. Где-то арочные окна и двери, где-то странные пирамидальные крыши с коваными флюгерами, на многих стенах изящная лепнина, просторные террасы, яркие палисадники с фруктовыми деревьями и роскошными клумбами и над всем этим великолепный Дворец Великих ерров, возносящий ввысь сверкающие под солнцами остроконечные золочёные крыши и башни со стрельчатými окнами. Город, достойный великих королей!

Радостные крики, восхваления и песни сопровождали на всём пути до площади. Я ехала по правую руку от будущего правителя, слегка улыбаясь и короткими кивками отвечая на приветствия. Мой наряд произвёл впечатление, особенно в сочетании с золотыми рисунками на теле. С меня не сводили восхищённых глаз, громко обсуждая и крой платья, и его полупрозрачность, и светлые волосы в весёлых кудряшках, которые я с вечера накрутила на ленточки, чтобы создать хоть какую-то видимость причёски, длины-то ещё не хватало, чтобы соорудить нечто более сложное. Но как сказали мои мальчики, увидев меня в столь непривычном для всех нас наряде, что бы я с собой ни делала, с божественным блеском звезды никто и никогда не сможет сравниться.

Парадная сбруя единорогов, яркие наряды, развевающиеся по улицам красочные полотнища, море цветов, гудение горнов и бой барабанов, сверкание ангалинов под синим небом с белоснежными перистыми облаками – сказочная

картина грандиозного праздника!

Центральная площадь примыкала к Дворцу, занять который на правах верховного властителя, Карелл мог сразу после окончания торжественной части. Но как оказалось, у нашего друга были несколько иные планы, о которых ни я, ни Дайк, ни Макс ничего не знали. После того как все наследники и я в том числе вручили ему коробочки с принадлежностями для чеканки рандов, а самый пожилой член Совета возложил на его плечи широкую золотую цепь – символ власти, Великий террхан Восточных территорий взял слово.

Мы трое, ну и Бумер конечно, а также наследники вольных городов стояли за его спиной. Совет восседал на некоем подиуме, а столичное руководство, включая пархонтов и самых близких друзей Карелла, чуть поодаль. Народ же занимал всю площадь, в том числе крыши, балконы, каменные ограды и даже деревья. Карелл поднял руку. Гомон утих. Горны и барабаны смолкли. Макс наклонился к моему уху и прошептал:

– Жаль, что отца здесь нет...

Я кивнула:

– Но ведь он уже знает, что всё хорошо. Думаю, что радуется сейчас за нас.

Макс хотел ещё что-то сказать, но Карелл начал речь:

– Народ Востока! Боги благословили нас на новую жизнь! Они вернулись, как и говорилось в древних легендах! Боги принесли нам победу и мир на нашу землю! Я от всего серд-

ца благодарю не только Хранителя и прекрасную богиню Кари, но и Великого Ангалина Рекса за неоценимую помощь и поддержку. Прежде всего хочу объявить, что отныне дороги к Храмам открыты для ангалинов и никто не должен чинить препятствия на их пути. Все заградительные решётки поднимаются!

Люди одобрительно загудели, а ангалины завопили, оглашая площадь звонкими свистами.

– Но это не всё, что я хотел сказать... – продолжил наш новый правитель. Я смотрела на Карелла, восхищаясь его силой, благородством и мужественностью. Он заслужил престол отвагой, умом и смелостью. Теперь на Востоке будет мудрый и справедливый терр. Время безвластия кончилось. Однако его последующие слова, а главное действия, касались уже не народа, а лично меня.

Он поклонился толпе, потом Совету и пархонтам, что-то достал из-за пазухи и, развернувшись, встал передо мной на одно колено. Я медленно перевела взгляд. Карелл протягивал кольцо. Яркое, золотое, с сияющим радугой крупным камнем – кольцо терраны. Все замерли. Даже ветер стих, а ведь всё это время ласковые потоки трепали мои волосы. Глядя прямо в глаза, он сказал:

– Я люблю тебя, Карина Мрэя Алексана эн Матвэй, и предлагаю разделить со мной жизнь и трон!

Никогда! Никогда я не смогла бы и представить, что мне сделают такое! предложение. Верховный правитель, с пом-

пой, на глазах у огромного количества народа! Да и, вообще, немного найдётся, наверно, женщин во Вселенной, кому бы так посчастливилось. Но только вместе с радостью нахлынула такая обида, что я зажмурилась, лишь бы публично не сделать глупостей. Он всё отлично рассчитал. Всё продумал. Решил, что я просто не смогу сказать «нет» в таких условиях. Ощущение крайнего напряжения за спиной, исходящее от Макса и Дайка, придало решимости. Я открыла глаза, сжала ошейник Бумера, оглянулась на парней – очи обоих метали молнии, обогнула Карелла и спустилась со ступенек.

В гробовой тишине я прошла сквозь расступающуюся толпу, вскочила в седло и ударила в крутые бока Моцарта. И только когда, пронесясь стрелой через город, вернулась в Дом Совета, где мы и жили всё это время, и заперлась в своей комнате, в голос разревелась. Но рыдала я не потому, что отвергла самое прекрасное предложение руки и сердца в своей жизни, а от непонятно откуда накотившего ощущения, что всё... Моя миссия на Окатане окончена. «Мавр сделал своё дело, мавр может уходить...»

Глава 3

Немного терпкое, кисловато-сладкое вино из спелых аттарий мне очень нравилось. Сидя на уютном балкончике с видом на озеро, я потягивала лёгкий слабоалкогольный напиток, вслушиваясь в дикий ор внизу. Удобное кресло. Бо-

сые ноги на мягком пуфике. Короткая юбка. Тонкая, свободная туника... Шикарный наряд я сбросила сразу, как только вернулась с церемонии. В руке изящный бокальчик. Бумер лежит у ног. Я никого не хотела видеть.

Внизу, на террасе, Дайк с Максом ругались очень громко, ну а я мысленно их подначивала: «Вот бы они ему ещё морду набили, подправили личико! Плевать, что красивое и чистое! Пара «фонарей» новоявленному терру точно не помешает наслаждаться властью!» Парни устроили Кареллу такой грандиозный разнос, что я диву давалась. А их вопли поведали много интересного. Как выяснилось из криков, они договорились решить наши личные проблемы после государственных, а Карелл, вопреки прежнему договору, поступил по-своему, на правах терра, наверное. А также я узнала, что Дайк уломал Макса принять Карелла в нашу, уже практически семейную, группу, если он сумеет добиться моей благосклонности, конечно. Потому как Нянь был убеждён почему-то, что мне просто необходим третий возлюбленный. Это стало открытием, и не могу сказать, что приятным.

Если с Максом, да и с Атаманом (хотя какой он теперь Атаман), было всё ясно, то Дайк не переставал удивлять. Нянь изменился даже ещё до превращения, ну а после так совсем заметно. Он уже не раз принимал некоторые решения без обсуждения со мной, как то письмо Арвиду например. Подбил Макса на этот договор, хотя сын Великого Ангалина Карелла не очень-то и жаловал. А теперь Нянь ругался как

последний грузчик в Банкорском порту, не считаясь с тем, что поносит Великого Террхана Восточных территорий.

– Мы решили сделать это вместе!!! – кричал он. – Ты согласился!!! Да как ты мог подумать, что Кари вот так, с ходу, примет твоё предложение?! – и Дайк так злорадно расхохотался, что я тут же простила ему эту бредовую идею превратить наш любовный треугольник в квадрат.

Я не видела, что именно происходит этажом ниже, но слышала всё прекрасно. За это время Карелл не сказал и двух слов, по обыкновению не пытаюсь оправдываться или что-то объяснять. Макс носился из угла в угол, его быстрые шаги я узнавала на раз, вставляя гневные реплики-попрёки, а Дайк, похоже, стоял у распахнутых настежь дверей на террасу, что покоилась на изящных колоннах. Никого из постоянных обитателей дворца поблизости не наблюдалось, все были в городе на грандиозном праздновании. И как я поняла, новую свиту Карелл сюда не впустил, понимая, что ничего хорошего в свой адрес ни от кого не услышит. В общем, оно-то и правильно. Не успел террором стать, а уже вся столица, завтра – окрестности, три-четыре дня – Маргос и Банкор, неделя – и в самых глухих углах будут обсуждать, как богиня публично отказала Великому терру, хоть и помогла ему взойти на престол. Сплетня высочайшего уровня!

Я глотнула из бокала и обернулась к маленькому столику, на котором стоял кувшин с вином, чтобы налить снова и продолжить возлияния в гордом одиночестве, но рука оста-

новилась. На подносе, где ещё несколько минут назад, кроме глиняного кувшина и блюда с сочными вааксами, ничего не было, лежал листок желтоватой бумаги. Я глянула на Бу. Он дремал в тени перил балкона, возле кадки с пышным вьющимся кустом.

– Разве кто-то приходил, Бу?

Волк поднял голову, зевнул во всю клыкастую пасть и снова улёгся. Я поставила бокальчик и взяла листок. Крупным, чётким, прекрасно знакомым почерком было написано: «Приду на закате. Настало время встретиться и всё обсудить. Мозговой». Сердце дрогнуло, а пальцы сжались, сминая послание в плотный шарик. «Как же он вовремя... Хотя чему я удивляюсь?.. Всё правильно. Пора расставить точки над і... – Я подняла глаза к небу. Светила уже давно перевалили за пределы зенита. Какой-то час и вечерние сумерки покроют розовым цветом белые камни городских строений. – А маловато времени осталось... И попрощаться толком ни с кем не успею...» Я налила полный бокал и выпила залпом: «А может, это и к лучшему... Что я им скажу? Что всех очень люблю, но спать с тремя мужиками – это выше моих сил?! А как же Бумер?!»

Опустившись на колени, я крепко обняла лохматого любимца, который вместе со мной прошёл огни, и воды, и медные трубы:

– Ну, вот и всё, Бумер... Он скоро придёт... – слёзы капнули на любимую чёрную морду. Волк слизал солёную влагу,

преданно заглядывая в глаза и нежно поскуливая. – Ты уже большой и сильный... Ты справишься...

Я не заметила, когда смолкли голоса под балконом. Я просто стояла и осматривала большую комнату, что уже почти два месяца служила временным пристанищем. Огромная кровать с балдахинном. Дайк сутки не давал подняться с неё, когда наконец-то стал обладателем полноценного тела. Я потом ещё несколько дней не очень хорошо ходила. За длинным столом мы обсуждали насущные вопросы и ужинали вместе. На этом балконе я часто встречала рассвет, а у зеркала примеряла наряды, которыми меня завалили местные дамы и портные. Накинув на тунику любимый жилет, что мы носили с Дайком по очереди, я натянула сапоги и вышла навстречу судьбе.

Глава 4

Мои красавцы-анги сидели за круглым столиком и пили. Одеты ещё по парадному... Дайк в белоснежной рубашке, расшитой серебряными нитями – образ некого романтичного, благородного герцога из дамских романов очень подходил ему. Макс затянутый в тёмную кожу... В подобном виде он напоминал супергероя, а по сути, и был таковым. Ведь потрясающая внешность ничуть не уступала его боевым качествам. Женская половина столицы просто поедала его глазами, начиная от девочек-подростков и заканчивая совсем

пожилыми дамами. И все постоянно пытались привлечь его внимание различными уловками. Карелл в чёрном укороченном камзоле с массивной террханской цепью на шее... Властный, строгий, внушающий желание поклониться облик...

Они дружно повернули головы, когда я подошла к столику, всматриваясь в дорогие сердцу лица.

– Всё слышала? – Дайк спросил и не отвёл взгляда.

– Это уже не имеет значения... Хотя неприятно узнать, что вы сговорились за моей спиной.

– А я предупреждал! Надо было рассказать! – Макс хлопнул ладонью по столу и посуда задрожала.

Я усмехнулась:

– Дайк, я не понимаю, как такое взбрело тебе в голову...

Почему ты хочешь делить меня ещё и на троих?!

– Кари, я...

– А ты?! – я глянула на новоиспечённого терра, не испытывая никакого пиетета пред столь важной персоной. – Решил всех переплюнуть?! Сделать предложение первым, вопреки вашему дурацкому договору?!

В ответ новый правитель Востока выдал только некое «пы-ы-ых...» и фразу «я идиот».

– Почему ты сказала, что это уже не имеет значения?! – вдруг спросил Нянь, стремительно бледнея.

– Потому что вот... – бумажный шарик покатился по столу, но Дайк не успел его даже развернуть.

Небо прорезал слепящий сиреневый луч и фантастическая, просто гигантская радуга, через весь небосклон, раскинулась над городом! Она была настолько контрастной, насыщенной цветами, какой-то плотной, что ли... Я открыла рот. Мои парни вскочили, только их удивление радостным совершенно не показалось.

Несколько минут было очень тихо: не слышалось ни музыки, ни песен, но вскоре ветер донёс вопли и крики со всех сторон:

– Радужный мост! Радужный мост!!! Смотрите, это радужный мо-о-ост!!!

И снова вспышка. И вторая радуга пересекает первую под прямым углом. Потом третья! Да-а-а-а... Хранитель умеет произвести впечатление! Когда четвёртая цветная дорога упёрлась прямо в перила террасы, я глупо хихикала: «Он что?! По радуге и придёт?! Детский сад какой-то...» Подвинув плетённое из толстой лозы кресло, я плюхнулась в него, закинув ноги на деревянную скамеечку. Приготовилась к встрече, так сказать.

Терраса была широкой, с низкими мраморными перилами. А волшебный, невероятный вид кругом создал впечатление, будто мы накрыты огромным цветастым зонтиком. Светящийся силуэт мы заметили сразу, как только он появился. Он шёл медленно, постепенно увеличиваясь и приобретая чёткие контуры. И на светлые перила ступила уже не размытая фигура, а человек, ну или образ человека. Берк соб-

ственной персоной! А вот одет он был... Впрочем, богам так и следует выглядеть: обычная рубаша с болтающимися завязками и закатанные до колен штаны. И всё. Ни обуви, ни ремня там или ещё чего-нибудь. А ведь Берк, тот, кого мы знали, любил хорошо одеваться, или это тоже была игра, вхождение в образ?!

Спрыгнув с перил, он прошлёпал босыми ногами прямо к столику с кувшином и кружками:

– Ну, я угощусь, да? Выпьем за встречу...

Ответом было напряжённое молчание и сопение троих ангелов, а также моё издевательское: «Алкоголик!» Не смогла я сдержаться, ну никак!

– А... Ну как хотите, – он налил себе полную кружку и залпом выпил. Потом утёр рот, прошагал мимо застывших парней, погладил Бумера, волк с готовностью подставил голову, и протянул мне руку:

– Пошли.

Я замерла в кресле. Хотелось убить его, растерзать в клочки, но, глядя на протянутую ладонь, в голове вспыхнули слова из Вечного свитка: «...Если хочешь ты уйти, бога за руку схвати», а потом эхом повторились. Эту же фразу шептал Дайк, стоя в какой-то прострации.

– Идём, Кари.

Окатан (его личное имя и было названием этого мира) уже не улыбался. Он смотрел строго и даже жёстко.

– Куда? – я вглядывалась в знакомое лицо, пытаюсь по-

нять, о чём он думает. Но тайна мыслей, тем более божественных, была мне недоступна.

– Ты знаешь.

Я глянула на своих ангов. Дайк в предобморочном состоянии. Макс, сжимающий кулаки и готовый взорваться в любую секунду. Карелл, сверлящий взглядом самого Хранителя – настоящую власть и силу этого мира. И они дороги мне. Как ни страшно это сказать, но дороги все трое. С каждым связано столько чувств, эмоций и воспоминаний... Но их трое, а я одна. Выделить кого-то – то же самое, что убить двоих других... или себя. Я пыталась... Честно пыталась. И даже думала, что получилось, что смогу... Смахнув солёные капли, я выдохнула и сжала протянутую ладонь.

Глава 5

Здесь не было времени. Здесь не было ничего, кроме туманной сиреневой дымки и упругой радужной дороги под ногами. И сколько мы так идём, я не могла понять. Казалось, что прошла секунда с момента, как я ступила на перила, а оттуда на семицветную дорогу в небеса. Но в то же время мы всё шли и шли в полном молчании и полной тишине. И длилось это бесконечно...

Окатын шёл рядом, задумчиво глядя перед собой, а у меня от шока, от стыда, от осознания того, как я вот так, просто взяла и ушла с ним, бросив всё и всех, в душе царил полный

кавардак. Но перемолчать его вряд ли получится, нужно что-то сказать или спросить, ведь я так долго этого ждала, вернее жаждала. Вот он, вышагивает рядом, а я совершенно ничего не понимаю и не знаю, как себя вести.

Радужный мост приятно пружинил. Спектральные полосы в середине яркие и насыщенные, к краям немного размывались, переходя в другой цвет: красный в оранжевый, оранжевый в жёлтый, жёлтый в зелёный и так далее до фиолетового. «Радуга – это всего лишь видимый белый свет... – мысли начали приобретать стройность, утихомиривая хаос. – Семь цветов радуги образуют один... восьмой... или первый?... за границами которого, недоступный обычному человеческому глазу, существует и инфракрасный диапазон, и ультрафиолет... Фиолетовый – это уже смешение красного и синего... сиреневый и есть фиолетовый, только более светлый... Закольцованная цветная бесконечность...» Разум молнией пронзила догадка. Удивительная и простая, как всё гениальное! Поражённая выводом, я остановилась. Окатан обернулся.

– Не было никаких восьми богов... Ты был один. Ты всегда был один!

Он криво усмехнулся:

– Вот если бы ты сейчас хоть что-то не сказала... Не знаю, что бы я с тобой сделал...

– Я права, да?! Права?!

– Давно могла бы догадаться...

– Ну ты!.. – я продолжала тарашиться, понимая, что ведь до сих пор не знаю с кем или с чем говорю на самом деле, да и где нахожусь.

– Присядем... – мой спутник опустился на цветное полотно, свесив босые ноги, и радуга позади его приподнялась, образуя удобную спинку. Прямо диван... где-то в небесах. Я постояла немного, как полная дура наверно, и опустилась рядом.

Сидеть было удобно, как в мягком уютном кресле, и я понимала, на каком-то подсознательном уровне, что эта опора никуда не денется, не провалится и не исчезнет. Вяло взмахнув ладонью туда-сюда, Окатан разогнал пелену тумана, и оказалось, что мы сидим где-то на безумной высоте, а внизу медленно вращается огромная голубая планета. Я задохнулась от восторга. Так вот он какой – мир Восьмого бога! Так похож на Землю... и также прекрасен!

– У меня столько вопросов... – я оторвалась от созерцания и придвинулась ближе.

– Задавай, – он дунул на кучевое облако, что вот-вот загородило бы обзор. Белоснежная гора унеслась в сторону, а внизу показался большой пятнистый материк.

– Для начала, где мы находимся и кто ты такой... Ну, на самом деле...

Он закинул руки за голову, вытянул ноги, радуга моментально подстроилась, создавая опору, и заговорил:

– Атмосфера любой планеты состоит из множества слоёв,

как луковица, ну ты знаешь... И эти слои не только химические, в смысле газового состава: водород, кислород, азот, углекислый газ и так далее, но и энергетические, и электромагнитные. Мы сейчас сидим где-то на высоте сотни километров от поверхности. Из твоей памяти я узнал, что учёные твоего мира называют это расстояние линией Кармана – некая условная граница между атмосферой и космосом.

Я нервно сглотнула:

– Но ведь здесь нет воздуха и невесомость... А я дышу...

– Ты думаешь, что дышишь. Мы как бы в двух мирах одновременно: обычном, физическом, и моём... в доме Восьмого бога, а здесь твоя биология не имеет никакого значения, потому что я защищаю тебя и поддерживаю все функции жизнеобеспечения...

Оставалось только ошарашенно кивнуть и продолжить слушать.

– Что касается моей сущности, то сначала я хочу рассказать одну историю. Настолько древнюю, что даже подобрать числовые сравнения не смогу, тем более что для меня время идёт по-другому... Давным-давно, когда Вселенная была гораздо моложе, жила-была звезда. Вполне обычная, может, немного меньше массы Солнца твоего мира да светимостью пониже. Шло время, звезда постепенно старела, но чем больше водорода сгорало в её недрах, тем меньше ей хотелось умирать...

– Эта космическая сказка занимательна, конечно... – под-

тянув ногу под себя, я хмыкнула.

– Ты слушай, слушай дальше... Так вот... Звезда умирать не хотела, упорно не хотела, но законы космической жизни неумолимы, и неважно, кто ты: муха, человек, анг или светило небесное. Всё умирает рано или поздно. Но у этой звезды имелась одна особенность, что отличала её от множества других. Она хранила в себе маленький зародыш первозданного света, того, что вырвался в момент рождения Вселенной. И этот свет, вернее квант, был разумен, ну в том смысле, как ты, Кари, это понимаешь. Он осознавал сам себя. Пусть ещё смутно и обрывочно, но понимал, что он не просто некая квазичастица, а нечто гораздо большее. К слову сказать, так везёт редким звёздам, носить и сберегать в себе частичку Вселенской энергии или Великого импульса, того толчка, что послужил началом всего сущего. Но как звезда ни старалась избежать участи вспыхнуть сверхновой, ей это не удалось. Когда она сбросила свои оболочки, я и родился, вылетев в пространство, вынужденный отныне существовать сам по себе... – Окатан сменил позу, усевшись напротив, и взял меня за руки. Его ладони были тёплыми, а глаза улыбались. – Я люксар, Кари... Разумный свет, иначе говоря. Моя сущность – это энергия фотонов, и я, конечно же, не бог в твоём понимании. Я не создавал небо и землю, как говорится в известной тебе книге, но я могу с этим работать, могу влиять на процессы, не подвластные никому другому. Я просто иная форма жизни, не биологическая, и не скажу, что

идеальная. Я – проявление других, непостижимых пока для меня самого, законов мироздания...

– Люксар... – прошептала я, сжимая его пальцы. – Но ведь сейчас ты выглядишь как Берк, а когда жил в библиотеке – как профессор... И руки у тебя тёплые, и кшасу ты выпил с большим удовольствием...

– Это всего лишь иллюзия, но не без доли материальности. Профессор был нужен, чтобы завоевать твоё доверие, добиться разрешения соединиться с тобой... Это некий собирательный образ, который удалось выстроить из элементов твоего сознания. А на каола я наткнулся случайно, после того как покинул наш общий дом, то бишь библиотеку. Несчастный провалился в глубокую трещину во льдах и не смог выбраться. А так как умер он совсем недавно, удалось восстановить тело. А дальше, как говорится, дело техники. До знакомства с тобой мне никогда не хотелось целиком и полностью вжиться в биологическую оболочку, я считал это ненужным, да и ниже своего достоинства... Но я всё же хотел понять, каково это – быть заключённым в хрупкий каркас тела, который легко потерять. Ведь я и раньше говорил, что не всемогущ и ограничен в некоторых параметрах.

– А какой ты... ну внешне... Или это недоступно увидеть? – прошептала я заворожённо.

– Ну почему недоступно...

Я даже не успела моргнуть. Берка рядом уже не было. Яркий, нежно-сиреневый шар, не больше баскетбольного мяча,

завис на расстоянии вытянутой руки, искрясь и переливаясь внутри всеми цветами радуги. Голос в голове тихо проговорил:

– Только не трогай... Знаю, что хочется, но концентрация энергии слишком высока...

Потом тонкий, как ниточка, лучик вытянулся из этой сверкающей сферы и погладил по щеке:

– Прости, Кари... За всё... Я оказался в ловушке на этой планете. Я был слишком юн и неопытен, когда, пронзив атмосферу, погрузился в этот мир. Мне хотелось спрятаться, чтобы осознать момент своего рождения. Я боялся космоса... Страшился его силы и безграничности тогда и не понял, куда попал. Этот мир уникален тем, что обладает огромной силой притяжения для энергетических тел, таких как я. Планету окружает слой особых частиц, название которых я не могу сказать, так как в твоём разуме нет подходящих ассоциаций. Меня втянуло точно так же, как и тебя. Войти можно, выйти нельзя... А чтобы вырваться за пределы этого поля, нужно обладать огромной силой, силой, способной ломать и создавать миры. В то время я не обладал подобной мощью. Если бы я был не один, а с таким же люксаром, то, подпитывая друг друга, мы могли бы вырваться. Когда я понял, что застрял здесь и все попытки не приносят результата, то начал вникать в местные формы жизни, на тот момент ещё очень примитивные, в надежде, что рано или поздно появится существо с подходящими для меня энергетическими частота-

ми и параметрами, подпитаясь от которого, я смогу покинуть эту планету. И это была очень интересная работа. Она заняла огромный промежуток времени и в конечном итоге привела к появлению ангов. Генетические пазлы крайне сложная штука, и как я ни пытался объединить всё желаемое в одном теле, не получилось. Какие-то гены работали у гуманоидных существ – это форма очень распространена во Вселенной, а какие-то только у морских и пресноводных рептилий, пока я не додумался объединить их.

Он замолчал ненадолго и снова заговорил:

– Не было гарантии, что среди ангов всё же появится нужный мне индивид, поэтому я и создал этот переход. Сил хватило лишь на то, чтобы пробить некую брешь в поле планеты, в виде узкого канала на дальние расстояния. Ты спасла меня от гибели, ведь я не бессмертен, а энергии израсходовал очень много. Ты не представляешь, Кари, какую радость я испытал, когда понял, какое чудо удалось притащить сюда через сотни тысяч световых лет!

– Ещё бы... – буркнула я.

Но мой собеседник не среагировал на сарказм и продолжил:

– Тот самый Вселенский импульс, что объединяет нас, был замечен в тебе подобно неограниченному алмазу. И он оказался достаточно мощным, чтобы помочь мне набраться сил. А для этого нужно было развить его, укрепить, превратить в прекрасный бриллиант. Контакт между нами должен был

формироваться не просто на уровне мыслей, но и глубоких чувств, и сильных эмоций...

– И тогда ты вселился в меня... – я немного отодвинулась и уставилась на дугу горизонта.

– Я не вселился... Я соединил нас путём создания маленького общего пространства, представив его в виде библиотеки, что оказалось идеальным вариантом.

– И образ мудрого профессора весьма кстати пришёлся, – сложив руки на груди, я откинулась к радуге, пытаюсь унять нарастающее раздражение.

– Да. Я и сам не ожидал, что он настолько заякорит тебя. Мне нужен был помощник, а никто из мне подобных не откликнулся на призыв о помощи, ведь я знаю, что не один такой. Дети звёзд рассеяны по Вселенной, да вот только не удалось ни с кем пообщаться. Возможно, люксары считают себя настолько уникальными и цельными, что не видят необходимости в каких-либо контактах, но я не знаю этого наверняка. Долгие тысячелетия я тоже был слишком самонадеян, думал, что такие как вы, те, кто проживает короткую и трудную жизнь на поверхности твёрдых небесных тел, слишком низменны для меня, ведь я – свет, а вы – плоть. Скажу откровенно, Кари... Я не создавал ангов как-то целенаправленно. Желая вырваться отсюда, я начал эксперименты с местными зародышами жизни, а генетические ребусы оказались не так просты, как думалось поначалу. На проявление всех последствий сочетаний генов нужны даже не тысячи, а десятки и

сотни тысяч планетарных лет. Ты правильно когда-то подумала, что боги заварили такую кашу, что и сами не знали, как расхлебать. Я был слишком неопытен, когда, встраиваясь в простейшие организмы, переставлял цепочки аминокислот и смешивал ранее несовместимые белковые молекулы. Я не видел за теми, кто развивается благодаря моему вмешательству, личностей равных себе. Ведь мы, действительно, совершенно разные. Но анги почти идеальны. Раса, которая может жить как на суше, так и в воде, обладает огромными перспективами развития, согласишься?

– Значит, близнецы – это плохая мутация, ведущая к перерождению нации в некий рой, как у пчёл, или муравейник, подчиняющийся матке? И Натри с его способностью «прыгать», подобно летунам, на большие расстояния – серьёзное отклонение от нормы? – спросила я, глядя на сияющий и виляющий в пространстве «мячик».

Шар вспыхнул и на радуге снова оказался Берк в прежней позе.

– Уже не могу разговаривать с тобой с позиции учителя и высшего существа, – он усмехнулся, погладив тёмную шевелюру. – Две генетические цепочки ангов порождают огромное количество комбинаций, и просчитать, какое сочетание приведет к каким-либо последствиям через время, невероятно сложно. Да, Кари... Общую суть ты поняла правильно. Побочные эффекты оказались весьма серьёзными. Начали появляться мутанты в моменты превращения, и чем даль-

ше, тем больше. А уровень развития ангов был уже довольно высок: у них имелись и компьютерные системы, и гигантские производства, и большие города... Но мутация развилась непредсказуемо и очень быстро и захватила практически всё население. Представь себе того монстра, жаждущего крови и прибавь к нему способность перемещаться как самец летуна. Мои ошибки чуть не уничтожили жизнь на этой планете, пока не получилось разделить их, сделать превращение невозможным на длительное время. Но частичная блокировка ДНК тоже не сказалась на них благоприятно. А вот оставшихся мутантов необходимо было уничтожить и...

– Началась война. Но не против богов, а против жутких чудовищ... И Натри, получается, тоже мутант в какой-то степени?

– Ген активный у летунов, что позволяет им почти мгновенно перемещаться, изначально помог наделить ангов способностью излучать свет, но это аукнулось через время тем самым генетическим сбоем, что превращает их тело в неконтролируемое, хищное чудовище. Мне казалось, что чем более они будут походить на меня, тем больше шансов, что родится такой когда-нибудь, что станет необходимым помощником...

– Правильнее донором...

Это замечание Окатан, похоже, пропустил мимо ушей, продолжив разглагольствовать:

– Не надо думать, Кари, что я постоянно контролировал

всё и вся. В жизнь ангов я не вмешивался. Я как бы засыпал на долгие годы в целях экономии сил и пробуждался только лишь для того, чтобы увидеть изменения и, при необходимости, внести нужные корректировки. Но было очень интересно наблюдать за их ростом и развитием, ощущать бушующие эмоции, а собирать генетические головоломки вообще оказалось захватывающим занятием!

– Значит, ты просто играл... Пазлы складывал... – я сжала кулаки. – И тогда, и теперь... И я такая же пешка в твоей игре, как все остальные...

– Не каждая пешка может стать королевой, – ответил мой энергетический собеседник, заглядывая в глаза. – Ты потеряла одну жизнь, но ведь взамен получила другую... И кое в чём тебе удалось переиграть меня... Неужели ты этого до сих пор не поняла?!

– Так вот оно что! – я вскочила и, глядя на него сверху вниз, взмахнула руками. – Ты меня хотел посадить на престол! Вот почему ты ничего не сделал, когда Олли стрелял в Карелла! Вот почему не подсказал, что он управляемый близнец и представляет опасность! Но когда он покусился на меня, ты вмешался! И я должна быть тебе за это ещё и благодарна?! Космический монстр! Вот кто ты такой! Но теперь Карелл террхан на Востоке! Накосья выкуси! – скрученная фигура не успела ткнуться ему в нос. Сиреневый шар отлетел на некоторое расстояние, а в ушах раздался гомерический хохот:

– Только с тобой так весело, дорогая! Только с тобой!

– Выпусти меня отсюда! Я тебе не кукла! И не клоун, чтобы ты развлекался!

Волна чужеродной, совершенно не моей злости захлестнула разум, накрывая с головы до ног и перемешивая его и мои мысли, чувства и эмоции в единое клокочущее варево.

– Ну и проваливай!!! – в голове грохнуло взрывом. – Переход перенастроен! Уходи, если тебе плевать на всё и всех!

Глава 6. Столица. Дворец Великого террхана

Карелл отбросил стилос и канцелярская принадлежность в золочёной оболочке покатила по столу из тёмного реликтового гуранга, а потом упала. Скомкав очередной лист толстой, выбеленной бумаги, предназначенной только для личных записей высочайшего правителя, Карелл запустил его в плетёную урну в углу кабинета. Не попал. У края стола стоял полупрозрачный кувшин из горного стекла очень редкого розового оттенка. Великий террхан Восточных территорий сначала смотрел на неподвижную жидкость, потом снял крышку и надолго приложился к изогнутому горлышку. Прошлогодня кшаса была очень крепкой.

Уже больше недели Карелл носил на плечах символ наивысшей власти, но с каждым днём всё больше и больше ощущал тяжесть золотой цепи, на которую сам себя посадил. Хо-

тя нет... Нужно быть честным с самим собой... Всё-таки не сам. Кари не захотела стать владычицей Востока и сделала всё, чтобы спасти его, вопреки Хранителю, который закрыл собой её, а не его.

Теперь, по прошествии времени, когда удалось всё обдумать, Карелл чётко понимал, кого именно Восьмой бог хотел видеть на престоле. Но Кари ушла... Ушла с ним и даже ни разу не оглянулась, когда их сияющие силуэты медленно растворялись в цветных небесах. А без неё эта золотая цепь оказалась слишком тяжела и даже ненавистна. Столько времени он лелеял мечту, что она воссядет рядом с ним на троне – Великая богиня, его золотая девочка, его отари... А случилось так, что он занял её место и даже заставил уйти. Ведь если бы не публичное предложение, то, возможно, всё сложилось бы иначе.

Он только собрался снова значительно понизить уровень жидкости в розовом сосуде, как высокая дверь отворилась и вошёл Дайкаран эн Тайар – личный лекарь Великого терра. Друг быстро оценил обстановку и содержимое кувшина вылилось под яркий пышноцвет в круглой кадке.

– Принесут ещё... – сквозь зубы процедил Карелл, поглядывая исподлобья.

– Не принесут, – Дайк подвинул мягкое кресло и уселся с весьма строгим видом. – Приказ главного лекаря, беспокоящегося о здоровье правителя, почти равносителен твоему. Я Макса еле-еле утихомирил... Ещё и с тобой возиться?! На-

доело!

– Где он? – Карелл достал новый стилос из коробки и при-
нялся вертеть между пальцами.

– В камере, в Доме Совета. Пытается вынести решётку,
хотя и знает, что это бесполезно. Бумер его там развлекает...

– И каким же образом удалось засадить туда нашего буй-
ного красавчика?

– В кшасу кой-какие травки подмешал, иначе сам пони-
маешь... Он бы или нас порешил, или себя...

– А что в городе говорят?

Дайк помолчал немного, опустив глаза:

– Ждут...

– В смысле?

– Не верят, что Кари ушла навсегда. Сам слышал. Празд-
нуют, обсуждают, как она тебя «сделала»... Кстати, многим
понравилось, что Кари тебе отказала, но все верят, что она
вернётся.

– А мы? Мы верим?!

Губы Дайка тронула лёгкая улыбка:

– Ты понял, что сейчас сказал, Великий терр?

Карелл нахмурился.

– Ты сказал «мы»... Не «я», не «ты», а «мы»...

– Ну да... А как иначе?!

Дайк глубоко вздохнул и откинулся к спинке:

– В таком случае у нас ещё есть шансы. Только бы не было
слишком поздно...

Глава 7

Сколько кругов я намотала по орбите в этой космовиртуальности, я не считала. Несколько раз я видела одну из радуг, спускающуюся прямо к обрыву на Кифовом носу, но сошла туда, только когда начала немного успокаиваться. Окатан исчез куда-то, предоставив возможность носиться по радужным мостам и психовать в гордом одиночестве. Но подобное занятие быстро надоело. Оно было бессмысленно.

Да-а-а... Преодолевать такие расстояния за какие-то минуты – это нечто непостижимое! Да вот только особой радости подобное чудо не доставило. Я уселась на край обрыва и свесила ноги. Здесь гудел ветер, охлаждая лицо, тело и мысли. Позади слышались обычные звуки леса, а внизу, насколько хватало глаз, колыхалось зелёное древесное море.

Когда я повернула голову, Окатан сидел рядом и тоже вглядывался в даль.

– Можешь ещё как-нибудь обозвать меня... Или даже ударить, если от этого тебе станет легче... – наконец проговорил он.

– Драться с люксаром?! Только этого не хватало!

– Не важно, кто я, а кто ты... Нас объединяет одна природа, хоть и проявляется по-разному. В нас гораздо больше общего, чем ты можешь себе представить. Самый первый пришелец с Земли был настолько примитивен, что даже несмот-

ря на наличие в нём нужного импульса, наладить контакт не получилось...

– Ты его убил? – прошептала я.

– Не надо делать из меня чудовище, Кари... Импульс смерти, конечно, очень силён, но кратковременен, а мне был необходим партнёр на более длительный срок.

– Донор. Называй вещи настоящими именами, – кулаки опять сжались. Спокойный тон Окатана снова начал меня злить.

– Ну хорошо, пусть донор... Он сбросился с этого обрыва, когда услышал мой голос в голове.

– А Киф?

– О, Киф... Я возлагал на него большие надежды, – люксар слегка поёжился, будто ему стало холодно, хотя было очень тепло. – Он жил где-то близ Сиракуз за несколько тысячелетий до твоего рождения и, как я понял со временем, был весьма образованным человеком для своей эпохи. Это удивительно, Кари, что на твоей планете нашлось целых три хоть как-то подходящих мне личности! Однако он тоже был слишком закрыт и установить хороший, плотный контакт, чтобы привязать к его сознанию маленький общий мир для энергообмена, не получилось, хотя я до последнего не оставлял попытки. И это противостояние для него даром не прошло...

– Но почему ты не оставил его в покое, коли понимал, что ничего не выходит?!

– От Кифа я мог получать хоть какую-то подпитку, а найдётся ли ещё кто-то и когда, я ведь не знал...

– Конечно! Что для люксара какие-то плотские букашки?! Мы же свет всея Вселенной! Нам можно всё!

– Снова меня дразнишь, да?! – он быстро глянул и накупился.

– Но ведь тебе нужна энергия! Притом разнообразная! А моя оказалась весьма вкусна и полезна, коли ты так наполнился силами! В библиотеке молодец прямо на глазах! А я, дура, всё никак не могла связать концы с концами! Как ты говорил тогда?! Кванты чувств и фотоны эмоций?! – сидеть было уже невозможно, и я вскочила. Хотелось дать ему такого пенделя, чтобы космический энерговампира по красивой дуге далеко полетел с обрыва. – Как ты мог такое навывтвораить с ангами?! Тяжелейшие побочные эффекты! Теперь понятно, зачем понадобилась и эта война! Нужно было избавиться от пустынных! Нашими руками! Конечно! Они же генетический мусор! Отходы биопроизводства! Но они ни в чём не виноваты! Ты их создал! А подобное истребление называется геноцид! И вообще, я тебе не верю! Ни одному слову! И плевать, кто ты такой! Понял?! Я не просила вытаскивать меня сюда! И от копья Олли спастись тоже не просила! Мне не за что тебя благодарить!!!

После последней, выкрикнутой на пределе злости фразы я поняла, что люксар в бешенстве. Его эмоции ощущались как свои собственные, и чем больше злилась я, тем сильнее

заводился он, а я это чувствовала и уже не могла сдерживаться. Такого мощного злорадного удовольствия я раньше никогда не испытывала. Тонкие и странно колючие, как ёршики, нити его отрицательной энергии пронизывали разум и тело, словно какой-то оргазм наоборот – острый, направленный внутрь, не расслабляющий тело, а сворачивающий в тугую узел.

Он вскочил, схватил меня за руку и потащил к расщелине.

– Не смей меня трогать, гад! Не прикасайся! – но как я не пыталась освободиться, ничего не вышло. Он тащил меня через лес к хижине, потом дальше, до тех пор, пока я не ощутила притяжение гигантского магнита. И чем ближе мы были к переходу, тем сильнее меня притягивало. И я испугалась. Испугалась так, как никогда, наверно. Ужас и паника – вот что я ощутила, когда он грубо волок меня за собой, не оглядываясь на крики и вопли, не видя, как колючие ветви бьют по лицу, а ноги заплетаются.

– Нет!!! Нет, Окатан! Я не хочу! Я не хочу уходить!!! Пожалуйста! Прошу! Нет! Я не хочу обратно! Я там никому не нужна! Мой дом здесь!!!

Он разжал ладонь, но я не отлетела в сторону, нет. Меня потащило вперёд и вверх, туда, где меж деревьев висела точка перехода. Я вцепилась в ствол обеими руками:

– Окатан, пожалуйста... – голос уже срывался, а слёзы начали душить. – Я не хочу! Кто я такая, чтобы судить тебя! Прости, меня, прости...

Притяжение исчезло, и я рухнула на кучу колючего лапника с высоты более двух метров. Пока в соплях и слезах, я пыталась встать на ноги, он не проронил ни слова. Потом сел рядом и прислонился спиной к стволу.

– Ты испугалась. Это хорошо... – его голос был тих и спокоен, а от былой злости не осталось и следа.

– Что ж хорошего-то... – я еще шумно хлюпала носом.

– Ты не хочешь потерять этот мир. И не сможешь забыть его. Он стал твоим... – мой божественный спутник улыбнулся и взял меня за руку. Когда он разжал кулак, на ладони лежал маленький шарик-горошина, сиреневый и сверкающий: – Съешь его... Надоело читать лекции...

Я не стала задавать вопросов. Просто взяла и закинула в рот. Потрясающий кислотовато-сладкий вкус и тот самый аромат, волнующий и бесконечно приятный, подарил невероятное наслаждение.

– Решил поделиться частью себя?!

– Ну и как ощущения?!

– Словами не описать!

– Ты выразилась точно. Ты очень вкусная, сложно оторваться... В этом шарике информация – пополнение для библиотеки. Теперь ты будешь знать об этом мире столько же, сколько и я. Правда, и тысячной доли, скорее всего, не понадобится. Зато, при необходимости, ты найдёшь ответ на любой вопрос или почти любой. Кто знает, что стукнет в твою светлую голову...

Я ткнулась лбом в его плечо, как часто делала в библиотеке, вдыхая такой родной и потрясающий аромат. Его слова стали ответом на давний вопрос:

– Запах Вселенной... Такой притягательный и неповторимый...

– И как мне теперь жить?

– Счастливо, – он засмеялся, обнял одной рукой и поцеловал в макушку, совсем как когда-то... – Выходи замуж, рожай детей, люби и наслаждайся жизнью!

– Но за кого?!

– Ты знаешь...

– Я не могу сделать выбор...

– Не нужно выбирать... – рука спустилась с плеча, и лёгкая тень промелькнула по его лицу. – Ты сможешь забеременеть только от трёх мужчин. Не забывай, что ты уже не обычная женщина с Земли, ты – богиня, внутри которой вспыхнул свет мироздания. Как я ни пытался совместить тебя с ангами, иначе не вышло. По-другому пазлы ваших генов не складываются. Поэтому до сих пор зачатие и не произошло, хотя и Макс, и Дайк совершенно здоровы и очень активны. Но стоит добавить третьего, и потомство получится сильным и весьма жизнеспособным.

– Будто о разведении племенного скота сказал...

– Не придирайся к словам. Ты хочешь детей?!

– Хочу!

– Тогда не вижу препятствий.

Я прижалась к нему ещё сильнее, бурча в плечо и пряча глаза:

– И как это сделать? Как ты это себе представляешь?! Одновременно или один за другим?!

– Ну-у-у... одновременно вряд ли получится... – Я ощутила, что он вот-вот расхохочется, а мне было совсем несмешно. – Думаю, твои парни сами разберутся. Твоя задача просто сказать им «да», когда придёт время. Своди Дайка в библиотеку, делать это уже умеешь, и он выяснит все подробности процесса.

– А ведь он знал откуда-то, что нужен третий! – завопила я, хлопая Окатана по плечу. А он вскочил, поднимая руки:

– Клянусь! Он сам догадался! Я тут ни при чём! Дайк слишком хорошо тебя чувствует. Он гениальный парень, вообще-то... Его чутьё выше всяких похвал и он идеально подходит тебе, впрочем, как и Макс, и Карелл, ведь я общался с каждым.

– Ты знал, что я останусь? Вот только честно... Знал?!

– Нет. Но очень надеялся. И всё для этого сделал. Я поднял тебя на вершину власти, изменил изнутри, чтобы ты могла жить здесь полноценной жизнью. Помог развить способности, чтобы сила и могущество богини ни у кого не вызывали сомнений. Этому миру нужен новый бог, Кари! Бог живой, осязаемый, практически равный ангам, а не тот загадочный Хранитель, что прятался от своих творений. Ведь именно эти радуги породили легенду, что богов больше, чем один.

И я не стал её опровергать. Так было удобней. «Пусть они верят, что меня больше...» – такой мыслью я себя успокаивал. Теперь ты знаешь правду обо мне. Я не идеален и не всемогущ. Я тоже совершаю ошибки, учусь и исправляю их. Теперь всё будет иначе. Конечно, побочные эффекты изредка будут давать о себе знать, но ты сможешь это контролировать. Нужно только слить «слёзы» из всех оставшихся Сосудов, потому что состав я уже подкорректировал. А технологию заполнения и новую формулу «катализатора перехода» найдёшь в лаборатории. Через несколько десятилетий, когда «слёзы богов» проникнут в реки и океаны, напитают почву, а оттуда попадут в растения, животных и самих ангов, побочные эффекты начнут сходиться на нет в каждом последующем поколении. Уравновесится рождаемость, особенно на Севере, в племенах Западных пустынь исчезнут многоплодные беременности, мозг ангалинов престанет уменьшаться, из-за чего они постепенно дичают... В общем...

– А как же пустынные близнецы? Те, у которых сознание уже изменилось?

Окатын вздохнул, криво улыбаясь:

– С ними ничего поделать нельзя. Их мозг претерпел необратимые изменения. Но их и так уже много погибло, а остальным... я бы просто приказал утопиться. Но ведь ты так не поступишь?

– Нет. Они не виноваты, что такими родились.

– Тогда теперь это твоя проблема. Сама решай, что с ними

делать. Сил и знаний у тебя достаточно.

Мы ещё немного посидели под шумящими соснами, пока он не предложил:

– Пойдём погуляем... Сходим в Тагри. Посмотришь сверху на Альдаск, ведь в «золотом» городе тебе так и не удалось побывать. Потом покажу «дом Хранителя» в горах Акрим и загадочный материк на юге – скопище совершенно дикой жизни...

Я утёрла слёзы и улыбнулась невероятному существу, так круто изменившему мою судьбу:

– Пошли!

Глава 8

Север встретил нас восторженными воплями и гудящими толпами. Радужная дорога упёрлась в небесную лестницу на той самой башне, с которой когда-то я провожала «Чёрную медузу». Я стояла и смотрела на геометрический город, только компания в этот раз была другая. Окатан перевесился через ржавые перила и закричал вниз. Ну прямо как я, когда усиливала голос. «Божественный глас» разнёсся далеко-далеко, на десятки, а может и сотни, километров:

– Моя дочь решила остаться на Востоке навсегда! Отныне она и ваша богиня! Любите её! Как она любит вас!

Я дёрнула его за рукав свободной рубахи:

– Хватит уже про дочь! Какая я тебе дочь?!

– Единственная! – и он громогласно расхохотался.

Альдаск, действительно, сиял как небесные светила. Огромный город с потрясающей архитектурой, прямыми улицами и широкими площадями. Величия и золота в нём было много, но кой-чего всё-таки не хватало и вскоре я поняла чего – зелени. Я не захотела спускаться слишком низко, достаточно было побродить на высоте птичьего полёта, чтобы насладиться зрелищем возбуждённых северян.

Я даже видела Великого терра, который, задрав голову, стоял на балконе самой высокой башни с золочёной крышей. Представляю, как он нёсся туда, когда радуги появились над городом! Возможно, северный правитель надеялся, что мы спустимся и почтим его визитом, но я слишком хорошо помнила северный закон касательно женщин, хотя и прекрасно понимала, что в данный момент мне ничего не угрожает. Поэтому, по примеру своего спутника, просто крикнула вниз:

– Жду с визитом в столице, Великий террхан! И прихватите четвёртого пархонта с семьёй и Арвида эн Фрейра! Я хочу их видеть! И Элгана доставьте, он должен предстать перед судом Совета!

Сначала маленький силуэт стоял неподвижно, но потом суматошно запрыгал, возбуждённо махая руками.

– Приедет! – и смех люксара зазвенел над городом.

– А ты молодец, – хмыкнул он, когда мы уже сидели под неким сияющим куполом на самом высоком пике горного хребта, типа в его сверкающем доме, ну так говорилось в ле-

гендах. – Не теряешь времени даром! Северного терра пригласила, а ведь здесь это не принято. Верховные правители в гости друг к другу не ездят!

– Ну... – я развела руками. – Теперь будут.

– А давай выпьем! Ну как раньше! Шампанского!

– А где взять?! – я хихикнула и тут же поняла, что снова туплю невероятно.

Я видела его радость оттого, что всё получилось и грандиозные планы реализовались почти так, как он и хотел. Не думаю, что его искренность была поддельной или наигранной. Теперь он не притворялся, да и раньше не так уж и сильно «пудрил» мне мозги. Возможно, он всё равно многое скрыл, но свой выбор я сделала. Поэтому закрыла глаза, вошла в библиотеку, прихватила бокалы и бутылку из шкафчика, к которому так ни разу и не притронулась, а от двери вернулась. Одной точно будет мало!

Этот «дом» на пике гор Акрим, домом как таковым не являлся. Это была одна из точек в энергетическом поле планеты, на которой держался межпространственный мост. Окатан пытался объяснить мне принципы его построения и работы, но, кроме того, что этот магнит реагирует на нужную частоту и включается при нахождении оной, я почти ничего не поняла. Это было уже какое-то запредельное, недоступное знание, хотя и очень порадовало, что образ «райского поля», который я периодически использовала, тоже относился к подобным структурам. А ведь я создала его сама, ну, во вся-

ком случае, Окатан так сказал, хотя и не очень осознанно. И это было важнейшим показателем, что я тоже принадлежу к тем редким существам, которые при определённых условиях и должном развитии могут управлять стихиями и пространством, пусть и в небольших масштабах.

– Значит, богиня всё-таки... – я сделала глоток, а люксар в образе Берка поднял стоящую у ног вторую бутылку и подлил ещё.

– До сих пор сомневалась?!

– Так необычно всё, невероятно и непостижимо... Вот сидим сейчас чёрт знает где среди ветра и холода, а я не чувствую ничего, кроме тепла внутри от выпитого. Да и вино это сделано не обычным способом, а создано в каком-то маленьком параллельном мире между нашими разумами...

– Всё так. Мы можем управлять этими микромирами и строить новые, если захотим...

– А как я Макса смогла в него провести?! И твой халат вынести?! И форму?! А теперь и шампанское?! Ну, чисто технически?!

– Во-первых, между вами образовался устойчивый канал, на основе очень сильных обоюдных чувств, а полноценная физическая связь укрепила его настолько, что теперь это ваше общее пространство. Со временем твои парни смогут ходить в библиотеку даже без тебя. А во-вторых, то, что там кажется физическим, становится таким же и здесь. Мысли, чувства, эмоции – это энергия, энергия порождает материю,

материя – вещество, а ты, твоё сознание, словно аппарат, в который на входе загружаешь образ чего-либо, а на выходе получаешь готовый продукт.

– Это невероятно... – выдавила я, всё равно не совсем улавливая нить его рассуждений.

Люксар хмыкнул и приложился к бокалу, глядя на плотную пелену облаков внизу, сквозь которую то тут, то там прорывались горные вершины.

– Кари, я не могу объяснить тебе всего... Это невозможно, во всяком случае, пока... Это как пытаться донести до муравья таблицу умножения...

– Понимаю... – кивнув, я допила до дна и поставила бокальчик на скамейку из радуги. – Давай ещё походим. Ты обещал южный материк...

Он с готовностью поднялся и учтиво протянул руку.

Континент на юге был больше и притом намного. Жаркие джунгли на севере, огромная пустыня в центре и более умеренный климат ближе к южному полюсу. Это сейчас он был заселён только животными, а раньше, много тысячелетий назад цивилизация ангов развивалась именно здесь. Тут почти не осталось следов былого прогресса: огромных городов, дорог, заводов... Война с применением ядерно-лучевого оружия уничтожила всё. Остатки ангов бежали на север через океан, спасаясь от смертоносного излучения, уничтожившего мутантов. Потому всё это время континент с прилегающими морями был предоставлен сам себе. Периоды полурас-

пада многих элементов закончились, и природа расцвела новыми красками и формами.

Я увидела, как растёт и охотится каморта, которая вынесла все катаклизмы благодаря своей живучести. Наблюдала миграцию огромных стад разнообразных копытных с невероятными рогами и причудливыми окрасами шкур, смотрела, как многочисленные яркие стаи пернатых закрывают небо. Легендарные Южные земли кишели жизнью!

Радуги... Опять радуги... Мы брели по цветам спектра, словно вращая под ногами этот потрясающий, удивительный, безумно красивый мир – Окатан... Дом Восьмого бога...

Люксар остановился:

– Тебе пора. Теперь ты знаешь всё, что необходимо для того, чтобы анги снова стали самой высокоразвитой цивилизацией в этой части Вселенной.

– А ты? – я хлюпнула носом, хотя всеми силами старалась не заплакать.

– Я наконец-то смогу уйти и обрести ту жизнь, которую хочу. Ведь всё это... – и он похлопал себя по груди, – не моё. Я буду свободен на бескрайних космических просторах. Буду впитывать свет звёзд, а вместе с ним всё новые и новые знания. Теперь это твой мир, Кари. Прими его в подарок... от меня... на свадьбу...

– Но... Как я буду без тебя?! Как справлюсь со всем?!

Он нежно улыбнулся:

– У тебя много толковых помощников, дорогая... Главное – быть вместе. Нет ничего сильнее любви. Я не могу сказать, что тебя ждёт безоблачное будущее – это было бы ложью. Жизнь – это невероятная смесь из радости и боли, надежд и разочарований, счастья и горечи. Её вкус настолько разнообразен, что, наверно, нельзя постигнуть его до конца... Но в этом и есть её суть. Чем больше испытываешь, чем больше прочувствуешь, чем больше узнаешь и поймёшь, тем лучше сможешь оценить её невероятность и безграничность...

Я несколько раз глубоко вздохнула, сдерживая рыдания:

– Мы ещё увидимся... когда-нибудь?

Люксар покачал головой:

– Отпусти меня... пожалуйста...

Я попыталась дотронуться до него, но тело Берка вспыхнуло, и сиреневый шар отлетел в сторону:

– Иди. Тебя ждут. Все ждут.

Не в силах больше это выдерживать, я развернулась и побежала.

Глава 9

Столица показалась внизу как светлое, в шашечках, пятно у изогнутой ленты голубого озера. Чем ниже я спускалась и быстрее бежала, тем сильнее колотилось сердце в предвкушении встречи. «Как они там?! Чем занимались?! А Бумер?!» – куча вопросов роилась в голове, радуга пружинила

под ногами, подталкивая и ускоряя бег.

Спрыгнув на террасу, я огляделась. Никого. Пока я осматривалась, радуга исчезла, будто растворилась, и над головой осталось только чистое небо да светила, уже сверкающие единым диском. Утро. Но не раннее. «Сколько же меня не было?! – этот вопрос впервые посетил мою светлую голову. – Ну что ж... Ковровой дорожки нет, оркестра тоже...»

Прошагав через комнаты, я вышла в длинный коридор с имитацией колонн вдоль стен и высоким арочным потолком. Если пройти его до конца, то попадёшь в другое крыло, где располагается кухня. А ведь есть захотелось только сейчас. За время, что я провела в общении с Окатаном, я не испытывала ни жажды, ни голода, совсем никаких физиологических потребностей. Но в животе громко заурчало, и я потопала на ароматы жареной рыбы и тушёных овощей. Только не дошла.

Одна из боковых дверей открылась, и навстречу двинулся мужчина. Я сразу его узнала. Это был Руклан. Один из помощников пархонта Вальдегана. Он сделал несколько шагов и остановился как вкопанный. Я приблизилась. Невысокий крепыш сначала весьма удивлённо меня разглядывал, совершая руками некие конвульсивные, дёргающиеся жесты, а потом завопил так, что заложило уши, и громкое эхо разнеслось по всем коридорам дворца:

– Вернулась!!! Богиня вернулась! Вернула-а-а-ась!!!

Взмахнув руками и подпрыгивая, как мячик, он помчал-

ся в противоположную сторону, продолжая вопить во весь голос. А я усмехнулась и подумала, что поесть в ближайшее время точно не получится.

Конечно, я предполагала, что мои парни будут тяжело переживать моё отсутствие, но чтобы так! Как вскоре выяснилось, Карелл запил и первые недели его террханства (меня не было девятнадцать дней, как оказалось) Дайк вместе с пархонтами и Советом занимались самыми важными делами. Макс впал в буйную истерику, рвался за мной, поносил Хранителя, а заодно всех и вся, устроил драку с охранниками Совета, и чтобы хоть как-то его утихомирить, Дайку пришлось напоить друга сильным усыпляющим отваром и закрыть в камере превращений.

А вот мой дорогой Нянь держался, как он сам признался, только благодаря Бумеру. Волк не проявлял сильных признаков беспокойства, не убежал на поиски, не потерял аппетит и Дайк уверился, что я вернусь. Вернусь обязательно! И чем бы ни соблазнял меня Хранитель, я не променяю их на него. Дайк был убеждён, что Восьмой бог в отношении меня испытывает не менее сильные чувства, чем он сам, хотя за всё время пребывания на радугах, мне так не показалось.

Окатын вёл себя как очень близкий друг или родственник, можно даже сказать любящий отец, но не как влюблённая личность. Да и, вообще, он люксар, а я, пусть и не совсем обычное, но всё же существо биологическое, и представить, что между нами могут быть ещё более близкие отношения,

как-то не получилось. И где?! В космосе, что ли?! Ведь он всё равно не смог убедить меня целиком и полностью. Во многом пришлось поверить ему на слово, потому как большая часть того, что он пытался объяснить, не была ясна до конца. Да и как муравей может понять человека?! Уровни развития совершенно разные. Но одно я уяснила точно. Этот мир – мой дом, а анги – семья. Моя родная планета вращается где-то за сотни тысяч или миллионы световых лет вокруг своего солнца и пусть благополучно вращается... но без меня!

Свадьба получилась грандиозной. Приехали все! Только не в столицу, а в Банкор. Пришлось поторопиться, чтобы успеть до зимних ветров и холодов отметить столь важное событие и вовремя отправить гостей по домам. Но мы справились и отдали предпочтение Банкору неслучайно. Добраться морем до островного города было быстрее всего и для северной делегации во главе с Великим терром, и для Ангалина Рекса, видеть которого на нашем празднике мы очень хотели. И он приплыл с огромной свитой (многие ангалины решили воспользоваться ситуацией и побывать на землях людей), преподнеся мне в качестве главного подарка Священную Книгу ангов. Как поведал Великий Ангалин, лучше всех обращаться с древним ноутом умела только я, а теперь, когда они поняли суть сия предмета, то посоветовались и решили, что только Великая богиня сможет извлечь из него максимум пользы. И подобное заявление мне весьма

польстило, конечно.

Северяне завалили такими дарами, что никакие ветра и холода были не страшны в роскошных шубах, накидках и великолепно выделанной коже. И, что важно, Элгана они тоже привезли, правда, в уже забальзамированном состоянии. Первый претендент на трон возвращаться не хотел, и оно понятно почему. Радуги над Тагри и Альдаском он видел и «глас божественный» слышал, поэтому попытался удрать подалее в Ледяные пустоши, но не успел. Северный терр уж слишком сильно хотел угодить богам и организовал погоню. Что произошло там на самом деле, мы с Кареллом решили не допытываться и тело не осматривать. Погиб ли Элган сам, или северяне пристрелили его во время погони, дабы на суде не вскрылись некие общие «тёмные» делишки, или ещё что случилось, нам было уже не важно. Тело доставлено, опознано Кареллом и членами Совета, что ещё надо? Древнейшие оказались правы. Должен был остаться кто-то один, так оно и вышло.

С Запада прибыло несколько пархонтов с надеждой на личные переговоры и просьбой вернуть на родину младшего сына покойного террхана, ведь теперь там воцарилось безвластие. Их законы почти не отличались от наших и точно так же, как и на Востоке, наследники должны были сами решить между собой, кто займёт трон. Но Карелл сказал, что, похоже, никаких кровавых разборок между братьями не будет. Там все очень впечатлились, что я передала на роди-

ну прах казнённых и отпустила часть высокопоставленных пленных, и новый терр необходим как можно быстрее, чтобы начинать налаживать добрососедские отношения.

Внук же Западного терра, Эдриан, отказался возвращаться. Он попросил у Карелла разрешения остаться, и только некоторое время спустя я узнала, что его поступок был продиктован не столько желанием помочь нам разобраться с пустынноиками, сколь возможностью общаться с ангалинами. Асс шепнул мне как-то, что у парня появилась зеленоглазая девушка в чешуе, и он совершенно не хочет с ней расставаться. Ну а я тогда подумала, что на подходе ещё несколько кандидатов на превращение, правда с женским вариантом перемены тела было очень много вопросов. Потому как в древности самые сильные и страшные чудовища получались именно из женских особей. Это и было неким объяснением поверья, что женщину к оружию подпускать нельзя, но с подобными нюансами только предстояло разобраться.

Я очень долго думала, как же сделать так, чтобы моё решение выйти замуж за троих мужчин не аукнулось какими-либо непредсказуемыми последствиями, ведь, кроме моих мальчиков, никто не знал, за кого же собралась замуж Великая богиня, пока как-то вечером вдруг не поделилась с Гунном:

– Вот что ты думаешь? Как это преподнести?

Гун уже официально считался моим названным дедом, ведь, подарив браслет ангов, он, фактически, спас мне

жизнь. И я хотела, чтобы именно он провёл меня по «дороге невесты». Длинный красно-белый ковёр стелился под ноги, и женщина или девушка, выходящая замуж, должна была пройти по нему. Это являлось символом начала нового жизненного пути.

Гунар эн Васаб накрыл мои ладони своими и задумался. Мы сидели на пристани. Той самой, где прощались когда-то. И также «Чёрная медуза» покачивалась у причала, вдали играла музыка, только прийти сюда пришлось по-тихому, закутавшись в плащ с капюшоном. Макс с Дайком общались с командой и заодно наблюдали за мной, стоя у борта. Мой статус, да и популярность среди населения уже никак не позволяли ходить по улицам как раньше: бродить, где хочется, наслаждаться видами города, суетой рынков и торговых рядов.

Думал мой дед долго. Но когда в добрых глазах сверкнули хитрые искорки, он выдал:

– Я бы спросил разрешения...

– У кого?! Я же бо...

Он улыбнулся, стиснув мои ладони, а я расхохоталась:

– Правильно! Правильно, Гун! Я спрошу!

Глава 10

Как когда-то на концерте Гая, на площади у дворца наместника вааксу негде было упасть. Хотя нет, неправда. На-

роду собралось в несколько раз больше. Окна, балконы, крыши, заборы, деревья, приставные лестницы, столбы, мосты – всё занимали зрители. Длинный и широкий балкон дворца был виден практически всем, а прекрасная акустика даже позволила не слишком усиливать голос.

Интрига вокруг того, кто же станет мне мужем, создалась такая, что подпольный тотализатор Крианна не справлялся с количеством ставок. Мы знали о страсти нашего нового наместника, но решили закрыть глаза. Пусть потешится последний раз, тем более что Крианн клятвенно пообещал, что новая высокая должность слишком важна для него, крайне ответственна, и в первую очередь он должен заботиться о благе всего города, а большая часть того, что получится заработать, пойдёт в общий бюджет. В тавернах и на рынках споры иногда шли такие, что и до рукоприкладства доходило, но всё время до назначенной даты мы держались стойко.

Платье я выбрала довольно простое, без рукавов, но ослепительно белое с длинным прозрачным шлейфом. А ожерелье из синего жемчуга, которое мои друзья привезли из Латраса, украсило и дополнило лёгкий, изящный образ. На балконе собрались самые близкие и дорогие люди, хотя нет, почему люди?! Анги! Именно анги! Гай, Хейа с малышкой Кари на руках, Скай, Айра, Натри, фаэдр Балмаар с женой и дочерью, Майлан, Грас, Лакран, Крианн, Марэна и Гарри, ещё бледно-розовый, с коротким «ёжиком» волос, но счастливый до бесконечности, потому как стоял уже на двух ногах. Ведь

самым первым делом по приезде в Банкор было выполнение данного ему обещания. Большой запас «слёз» мы взяли по пути в Храме за Маргосом, а остальное слили в подземные воды, как Тан и просил. А Банкорская тюрьма, то бишь полуразрушенный Храм, позволила провести удачное превращение, правда, с подачей воды мы намучились, но это уже не существенно.

Чуть поодаль от первой группы расположилась команда «Медузы» во главе с капитаном, пархонт Вальдеган, наследники древних родов и несколько членов Совета, что рискнули здоровьем и приехали. Позади и в центре разместились высокопоставленные гости: Великий террхан Северных территорий со свитой, любимый учитель Дайка Алцелан, с которым наконец-то удалось познакомиться, Арвид эн Фрейр, не сводящий с меня глаз, четвёртый пархонт Райтен с матерью Дайка и всеми детьми, Хилл, а также представители Запада. А вот у другого края балкона собрались ангалины под предводительством самого Рекса.

Первый раз за многие годы, даже не десятилетия – века, представители разных территорий собрались все вместе. И это событие было важнее свадьбы. Ведь чтобы жить дальше и строить новый мир, анги должны объединить усилия и вместе решать насущные проблемы, которые, я в этом совершенно уверена, не заставят себя долго ждать.

Когда всё было готово, я вышла на балкон, посадила Бумера на специально подготовленное место и приблизилась

к перилам. Возбуждённые голоса смолкли, и народ замер в ожидании.

– Прежде всего, – начала я, – хочу спросить вас, мои дорогие... Спросить разрешения... – недоумённое напряжение толпы и всех важных гостей я ощутила буквально физически, кожей. – Я люблю троих мужчин и не могу, да и не хочу делать выбор. Как мне поступить?!

Пауза длилась так долго, что я начала волноваться, но вдруг какой-то смельчак выкрикнул:

– Кого?! Кого любит Великая богиня?!

Камень свалился с души, и я весело ответила:

– Вы хотите их увидеть?!

– Ещё бы! Конечно! А мы догадываемся! – понеслись крики со всех сторон.

Я кивнула, и на всеобщее обозрение вышел Дайк в нежно-голубом камзоле поверх белоснежной рубашки, за ним Макс, только в тёмно-зелёном, и... все затаили дыхание. Вопрос «Кто третий?!» читался в глазах каждого, ведь все знали, что на церемонии вступления на престол богиня отказала Великому террхану. Когда же медленно и важно к перилам приблизился Карелл с золотой цепью на широких плечах поверх бордового камзола, площадь взорвалась радостными воплями. От криков и оваций можно было оглохнуть, но я подняла ладонь и всё стихло.

– И как мне быть?! – спросила я.

– А что тут думать! – голос был женский звонкий, и я гля-

нула в сторону. Нарядная дама не была знакома, но я широко ей улыбнулась.

– Выходи! Выходи за всех! – завопил народ, но это была только первая часть моего свадебного плана. Послав воздушный поцелуй, я обернулась к гостям, наделённым властью.

– Ну, у народа я спросила... Теперь хочу знать мнение Совета, – старички быстро переглянулись, но дружно закивали. – А Великий террхан Севера и Великий Ангалин Рекс что думают по такому поводу?

– Я?! – терр даже подпрыгнул в кресле. Северный гость был невысок, строен, а седина в светлых волосах почти не бросалась в глаза, хотя ему было уже за шестьдесят. Но старость как таковая начиналась у ангов лишь после восьмого десятка, а продолжительность жизни нередко переваливала столетилетний рубеж.

Рекс ехидно оскалился:

– Мне нравится твой выбор, Кари!

– Мне тоже! – выдал северянин. – Одобряю!

Пока раскатывали свадебный ковёр, краем уха я услышала, как северный правитель принялся надиктовывать личному секретарю какой-то указ. А фразу «...разрешить официальные отношения одной женщины и нескольких мужчин...» расслышала точно.

Когда Гун подвёл меня к любимым, на глаза навернулись слёзы. «Как жаль, что мои родители ушли так рано и даже при жизни не могли вообразить, в какой невероятной, ска-

зочной обстановке будет выходить замуж их дочь!» – от этой мысли я чуть не всхлипнула, но сдержалась. А нежные руки Дайка накрыли мои, и на пальце оказалось тонкое золотое колечко.

Несколько непонимающе я глянула на Няня, и чуть не вырвался вопрос: «И это всё?! Такое тонкое?!» Конечно, мне представлялось нечто более изысканное. Но улыбающиеся глаза и любимая ямочка на щеке, которая последние дни почти никогда не исчезала с его лица, успокоили, и я подумала, что это не всё. Ведь Макс и Карелл тоже должны осчастливить меня украшением.

Макс был серьёзен. Зелёные глаза смотрели пристально и как-то испытующе, что ли. Сразу вспомнилось, как он рыдал, пытаясь прижать меня к себе через толстые прутья камеры превращений, потому что у Дайка что-то заклинило и решётка не хотела подниматься. Макс прижался губами к моей ладони, а после надел поверх кольца Дайка такое же, только белое. Как и на Земле, сплав золота и серебра местные ювелиры широко использовали в украшениях. Карелл же дополнил этот комплект таким же колечком, как и первое. И я, наконец, поняла, что они тоже решили сделать сюрприз, ведь свой свадебный наряд я им заранее не показала. Мои парни упорно держали в тайне, какое именно кольцо я буду носить как супруга трёх мужей.

Когда тройной комплект был собран на среднем пальце левой руки (кольцо мамы Дайка, подаренное Максом, я пе-

ренесла на правую), Карелл взял с серебристого подноса какую-то штуковину, продолжая держать меня за руку. Быстрое движение. Звонкий щелчок. И золотая троица оказалась скреплена прекрасным сверкающим бриллиантом с лёгким сиреневым отливом. Я чуть не подпрыгнула: «Как здорово они всё придумали! И где такой камень откопали?!»

Видя мой восторг, Карелл склонился к уху и прошептал:

– Два дня тренировался, чтобы быстро всё сделать... – я хихикнула и зарделась, аки роза пунцовая. А он кивнул на поднос и добавил: – Теперь наша очередь, дорогая, и про поцелуй не забудь, очень тебя прошу...

Каждому я надела совершенно одинаковые, широкие мужские кольца с гравировкой изнутри «Любимому» и каждого поцеловала. А когда оторвалась от губ Великого террана Восточных территорий, грянула музыка, и город всколыхнулся от радостных криков и грома аплодисментов. Не прошло и минуты и я ещё не успела опомниться, как небо вспыхнуло и гигантские радуги накрыли Банкорскую бухту волшебным куполом!

– Ты не ушёл... Ты дождался... – шептала я, глядя в небо и утирая мокрые глаза. – Спасибо тебе, Окатан... За всё спасибо!

Заключение

Глава 1

Мне очень хотелось закончить на столь прекрасной ноте. Ведь волшебные сказки всегда заканчиваются пышной свадьбой. Но по прошествии времени я всё же решила добавить в историю своей невероятной жизни ещё несколько глав, хотя отлично понимаю, что всё описать невозможно, да я и не ставила такой цели. Вполне вероятно, кто-то захочет упрекнуть: «Зачем добавлять ложку дёгтя в бочку мёда?!» Но жизнь есть жизнь, а сладость радости и счастья в любой момент может смениться горечью и остротой невыносимой боли.

Гуляли почти две недели. Но это народу я устроила такой грандиозный праздник. Мы же окунулись в дела практически сразу. Ведь пока гости не разъехались, нужно было решить огромное количество вопросов. Теперь я с улыбкой вспоминаю, как, пользуясь случаем, ссылаясь на занятость и усталость, около недели бегала от своих мужей, грубо говоря, просто «динамила». Мне было страшно. Трое сильных, здоровых и выносливых, как боевые единороги, мужчин и я такая... Как я их выдержу?! Как всё будет происходить?! Умом я понимала, что поступаю просто глупо и бояться нечего, но

некрасивое слово «групповуха» сидело в голове острой занозой.

Но как только мы проводили в дорогу и северян, и западных пархонтов, и Великого Ангалина, мои парни сделали ход конём. Они просто заперли меня в спальне, а сами после спустились с верхнего этажа и залезли в окно, которое закрыть изнутри не получилось – они предусмотрительно сломали запоры. Ладно Дайк и Макс, но Великий террхан, пробирающийся в опочивальню к собственной супруге столь необычным путём, вызвал у меня приступ истерического хохота. В результате из спальни я вышла только через двое суток. И скажу откровенно, выходить не хотелось. Хотелось остаться там навсегда. Мои любимые в корне изменили отношение к данному вопросу. Их бесконечная нежность, чувственность, искренность и вселенская любовь смели все преграды, что ещё оставались внутри меня. И теперь с уверенностью могу сказать, что самые счастливые ночи – это те, что мы проводим все вместе.

Когда свадебные празднования завершились грандиозным концертом, что устроило моё музыкальное семейство, произведя фурор новыми, невероятно красивыми композициями, я пригласила их на личную встречу. Необходимо было решить очень важный вопрос до отъезда, так как Гай и Хейа жаждали вернуться в Латрас, где, по их словам, обрели любимый дом.

В ожидании, пока все рассядутся, я собиралась с духом,

ведь, как они отреагируют, не представляла. Гай положил ладони на стол и откинулся к спинке высокого стула:

– Не томи, Кари! Что за таинственное собрание?!

Я перевела взгляд на Натри. Мышонок очень подрос, отлично разговаривал, а сейчас сидел у Айры на коленях, увлечённо разбирая игрушечную повозку, но с его ножки всё так же свисала каморта.

– Дело вот в чём... – я выдохнула, представляя, как разрыдается Хейа. – Если вы хотите, чтобы Натри избавился от каморты, научился обходиться без привязи, вы должны оставить его со мной или ехать с нами в столицу.

– То есть Великая богиня... – Гай немного запнулся, – знает, что происходит с нашим сыном, почему он так внезапно пропадает?!

Я кивнула:

– Натри телепорт. Это слово, чужое и непонятное для вас, в ходу на моей родине. Только там, таких как он, в реальности не существует. Люди, обладающие способностью мгновенно перемещаться на огромные расстояния, являются персонажами сказочных историй, это воплощение некой тяги к безграничной силе и обладанию необычными способностями. Но здесь, на Окатане такие существа есть, вот только названия для них нет, вернее не было... до этого момента...

Видя кучу вопросов в их глазах, я продолжила:

– Ваш сын уникален. Как и самец летуна, он может лишь при помощи мысли оказаться где угодно за мгновения. Но

у летуна есть цель – его самочка, а Натри цели не имеет, потому что он ребёнок и не понимает, что с ним происходит. Вот поэтому он может очутиться где угодно, хоть на вершине горного пика, хоть глубоко под землёй. И то, что он выжил до сих пор, результат невероятного везения. Каморта обладает способностью ловить таких существ, потому как в глубокой древности, когда ангов ещё и в помине не было, являлась самым опасным хищником на Южных землях. Я знаю, как научить Натри управлять этой способностью, как контролировать, но это потребует времени и неотлучного его пребывания возле меня. К сожалению, я уже не могу жить с вами в Латрасе или кочевать...

– Конечно, Кари, мы это понимаем, но... – Гай обернулся к Хейе, что уже сидела с мокрыми глазами, прижимая к груди спящую малышку. Потом глянул на Айру с Натри на руках, на весьма серьёзного Ская и спросил: – И что делать будем, родные?!

Натри, который, казалось бы, и не слушал весь этот разговор, вдруг выдал:

– Вам дома лучше будет. В Латрасе хорошо. А когда я выучусь, буду прискакивать к вам часто-часто!

Я уставилась на ребёнка. Мышонку ещё не было и четырёх лет, но он сам принял взрослое решение. Верно говорят: «Устами младенца глаголет истина!» Скай посмотрел на хлопающих глазами отца с матерью и добавил:

– Я тоже хочу остаться при дворе Великого терра. И Натри

со мной будет веселее... Не волнуйтесь, я буду о нём хорошо заботиться.

Я хитро подмигнула парню. Эта идея мне понравилась. Мои дорогие друзья думали недолго. Хейа очень плакала, конечно, всё тискала и целовала любимое чадо, но, в общем, расставание было спокойным. Ведь летуны обеспечат хоть редкую, но связь, а под присмотром старшего брата Натри не будет чувствовать себя в отрыве от семьи. Меня удивило, почему Айра не выразила желания поехать с нами в столицу хотя бы на зиму, но оказалось, что Лукас, один из ангалинов, проживающих в Латрасе, стал для неё не просто другом, и юной девушке очень не терпелось вернуться домой. Пришлось внести и их имена в мысленный список возможных превращений.

Поначалу я подумала, что Натри будет расти и воспитываться в нашей семье, но жизнь быстро внесла свои коррективы. Дочь моего любимого управляющего, Альба, устроила Скайолану грандиозный скандал, когда узнала, что он едет с братом в столицу. Я была уже в курсе, что между ними в Латрасе имели место близкие отношения, но Скай был ещё несовершеннолетний, чтобы жениться, да не очень-то и хотел. Но Альба проявила характер и настояла, чтобы он взял с собой и её, заверив всех нас, что станет для Натри любящей старшей сестрой. И после недолгих размышлений и родители с обеих сторон, да и сам Скайолан не стали возражать. И я была рада такому повороту, потому как убедилась, что

чувства Ская ко мне под влиянием Альбы уже значительно ослабели, и со временем у них может получиться очень крепкая семья.

Глава 2

Через два месяца после возвращения в столицу, когда осенние ветра уже вовсю гудели на просторах Востока, а холодные туманы регулярно сползали с Закатных гор, я узнала, что беременна. Вернее, перед столь знаменательным фактом нас поставил Дайк.

Как-то утром, когда я ещё нежилась в объятиях Макса, а почти голый Карелл, только в полотенце на бёдрах, сидел за столом и просматривал свежие донесения, Дайк принёс на большом подносе лёгкий завтрак на четверых. Мы никого не допускали в спальню. Сразу повелось, что эта уютная комната в дальнем крыле Дворца с двумя каминами принадлежала только нам. Карелл, с его чувствительным носом, хотел обонять здесь лишь наши ароматы. Это его очень успокаивало и расслабляло, потому в личных покоях мы даже убирались сами. И такой уклад мне крайне нравился, ведь всю работу по поддержанию в порядке Дворца Великого терра выполняла куча народа, а хотя бы в этой комнате я могла быть уверена, что ни за каким поводом меня здесь не побеспокоят.

Поставив поднос на небольшой столик, Дайк бухнулся на огромную кровать, весьма загадочно улыбаясь. Карелл ото-

рвался от чтения и отложил бумаги:

– Вы опять? Меня в Совете ждут, обещал быть ещё вчера...

– А Великого террхана никто не задерживает! – бросил Макс, впиваясь в мою шею. Карелл картинно нахмурился и, подойдя к нашему ложу, резко дёрнул Макса за ногу, стаскивая на пол. Они устроили возню, а Дайк притянул меня к себе и, заглядывая в глаза, очень проникновенно спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

– Отлично! А что?! – я была занята отпихиванием Макса, который, хохоча и отбиваясь от Карелла, пытался пощекотать меня за пятки.

Дайк так многозначительно хмыкнул, что не только я, но и Карелл с Максом обратили на это внимание.

– В чём дело, Дайк?! – мой высокопоставленный супруг уселся у наших ног.

– А ты ещё не унюхал?! – Нянь сказал это с таким видом, что я пихнула его в бок с воплем: – Хватит говорить загадками!

– Ты беременна... – ответил он, проводя ладонью по моему животу. Рука опустилась ниже и замерла ниже пупка у раскрытой пасти золотого ангалина.

– Уверен?! – подскочил Макс.

– Ещё бы! Скоро сами почувствуете!

У меня замерло всё внутри: «Беременна... У меня будет ребёнок... Неужели у меня будет малыш?! Наш малыш?!»

Глянув на любимых, я заплакала, ткнувшись в грудь Дайка. Карелл целовал мои ладони, а Макс гладил по спине приговаривая:

– Первым родится мальчик, потом девочка, потом снова мальчик и опять девочка, а дальше не знаю... Дальше как ты сама захочешь...

И как это ни удивительно, но Макс оказался прав во всём, кроме... Третья беременность закончилась рождением не одного, а двух мальчиков.

Все десять месяцев, а носила я своих детей такой же срок, что и местные женщины, превратились в кошмар ожидания для всех нас. Ведь одного ребёнка нужно было кому-то отдать, притом сразу и настолько далеко, насколько это возможно. Окатан предупреждал, что жизнь в качестве богини и терраны не будет устлана розами, но такого «сюрприза», страшного и невыносимо болезненного, как ядовитые шипы мирга, я не ожидала.

Чуть ли не половину срока беременности мы с Дайком провели в библиотеке и лаборатории, повесив двоих старших детей, да и другие дела и заботы на Макса и Карелла. В архивах люксара мы искали ответ на вопрос, что можно сделать с нами или нашими ещё не рождёнными сыновьями, чтобы не расставаться с одним из них. Но к сожалению, иного ответа не существовало. Такова особенность человеческого тела ангов и ничего с этим поделать нельзя. Уже в утробе матери близнецы начинают влиять друг на друга. Их мозг

сливается в один, но не физически, конечно. И вот эта усиленная двойственность даёт обратный эффект, этакий откат назад. Если оставить их расти рядом, вместе питаться материнским молоком, то развитие мозга останавливается где-то на уровне пятилетнего ребёнка. Они не вырастут личностями, а станут тихими послушными дебилами, неспособными ни к нормальному обучению, ни к самостоятельной жизни. И до самой смерти их придётся водить за руку. И даже если разлучить их, но потом, через какое-то время, разрешить встретится, допустим, уже во взрослом возрасте, слияние сознаний всё равно произойдёт, как в случае с Олли и его братом. И тогда один сможет влиять на другого и наоборот.

А в нашем случае дело обстояло ещё хуже. Ведь сразу трое ангов являлись отцами моих детей. Не один, не двое – трое! И по всем изысканиям выходило, что опасность слияния будущих личностей наших малышей в единое целое, притом максимально управляемое и тупое, была запредельно высока. Когда мы окончательно убедились, что сия участь нас не минует, то задумались о том, кто же станет растить одного из наших сыновей. И ответ нашёлся быстро. Кандидат был идеален во всех отношениях, только вот согласится ли?! Но время ещё позволяло это выяснить.

Арвид эн Фрейр приехал за несколько недель до родов. К этому времени он уже стал пархонтом, но супругу себе так и не нашёл, вернее даже не искал. Он любил меня. Любил до сих пор. И ни одна женщина не могла вытеснить мой образ

из его сердца. Пока он находился в столице, я не хотела его видеть и всячески избегала. А вот мои парни очень плотно с ним общались и даже один раз напились вместе, а потом устроили какой-то бешеный заплыв на озере.

Когда пронзительно закричал наш третий ребёнок, а минут через пять и четвёртый, со мной случилась истерика. Дайк сам принимал наших детей и никого, даже близких мне женщин, живущих при дворе, не пускал на роды. Любимый Нянь пытался успокоить, говорил, что всё в порядке: родила я легко, малыши хорошие, а если буду так нервничать, пропадёт молоко, но я ничего не могла с собой поделаться. Душа рвалась в кровавые клочья, я выла так, что тряслись стены, и требовала отдать мне обоих сыновей. Но делать этого было нельзя, и Дайк прекрасно всё понимал. Я знаю, насколько ему тяжело было тогда, наверно, даже больше, чем мне. Ведь Макс с Кареллом заперлись в другом крыле Дворца, чтобы ничего не видеть и не слышать. Правда, им тоже пришлось несладко и переживали они не меньше, ведь на их плечи легла вся важная подготовительная работа по соблюдению строжайшей секретности.

Только после третьей, а может, и четвёртой, звучной оплеухи любимого мужа, от которой голова наполнилась звоном, я смогла взглянуть на него более-менее осмысленным взглядом. Он тряс меня за плечи, ещё всю в поту и крови, и кричал:

– Смотри на меня, Кари!!! Смотри! Кого?! Ты должна ска-

зять, кого мы оставляем! Слышишь?! Которого?!!

Снова всё поплыло перед глазами, и я завопила во весь голос:

– Не-е-е-ет!!! Нет!!! Я не хочу! Не могу! Я не могу сказа-а-а-ать!!!

– Сможешь! Ты должна! Ты их мать! Это ты дала им жизнь!!! Ты сможешь, Кари! Пожалуйста! Пожалей меня!!!

Видя полные слёз любимые глаза, я схватила его за руки, лихорадочно повторяя:

– Второго... Мы оставляем второго... Старший сильнее... Он опередил брата, значит, он лучше справится без нас... Второго... – но на этом самая ужасная ночь в моей жизни ещё не закончилась.

Быстро проделав всё необходимое по приведению меня и детей в порядок, Дайк всучил мне закутанный пищащий свёрток и открыл боковую дверь. Арвид всё слышал. Он ждал в соседней комнате и его вид был ничуть не лучше нашего. Северянин упал на колени возле кровати и дрожащими руками принял кулёк. Когда он откинул расшитую пелёнку, заглядывая в личико новорождённого, я отвернулась, комкая простыни и в кровь кусая губы. Когда же снова глянула, «викинг» нежно целовал в лобик моего сына.

– Вот видишь, любимая... – хрипло прошептал он, прикрывая малыша и прижимая к груди. – Моя любовь сильнее богов... Ты отказала мне, а сына всё-таки родила.

Я смахнула слезу с его щеки:

– Ты всё правильно сказал. Любовь сильнее всего. И теперь это твой сын, Арвид. Только твой. Люби его... Больше, чем меня...

А утром в городе было объявлено, что террана и Великая богиня благополучно родила третьего ребёнка, а северянина к этому времени уже и след простыл. Карелл с Максом так организовали его приезд в столицу, а потом и возвращение на Север, что уже прошли годы, а никто, кроме нас пятерых, не знает, что на самом деле творилось во Дворце Великого терра в ночь накануне празднования годовщины нашей свадьбы.

Отходила я долго, впрочем, как и Дайк. Но только то, что мы старались переживать всё вместе, успокаивать и поддерживать друг друга, помогло справиться с мучительной ситуацией. Конечно, потеря ребёнка не была настоящей, физической. Наш сын был жив, здоров, хоть и рос вдали от нас, своих настоящих родителей. Я постоянно успокаивала себя мыслью, что родители – это не те, кто зачал и выпустил на свет, а кто вырастил, воспитал, научил всему и подготовил к жизни. А у нашего сына есть любящий отец, и он вырастет настоящим северянином.

С огромным облегчением через год мы узнали, что Арвид по пути в Альдаск нашёл кормилицу. Несчастливая женщина потеряла всю семью, в том числе и новорождённого ребёнка, во время пожара в селении за Раской. Пока Арвид добирался туда, то кормил малыша козьим молоком, а это трагическое

происшествие, как ни прискорбно, но сыграло ему на руку. В Раске об этом случае только и говорили, потому Арвиду не стоило труда разыскать её. И Тойна, в надежде излечить своё горе, согласилась отправиться на Север и выкормить сына важного фаэдра, которого якобы отдал строгий муж столичной подруги. Она не была ни умницей, ни красавицей, каких когда-то, в пору службы гимастрианом, Арвид разыскивал на Востоке. Она была самой обычной женой сельского кузнеца. Но ещё через несколько лет Арвид эн Фрейр представил Великому Северному терру и Совету свою супругу, эрдану Тойну.

Глава 3

Тот год оказался годом сплошных трагических происшествий. И не скрою, тогда я нечасто вспоминала Восьмого бога добрым словом, совсем нечасто. Каждое появление летуна или гонца мы ожидали с предчувствием беды. Через несколько месяцев после моих двойных родов погиб Гун. Мой названный дедушка жил в Банкоре, занимаясь любимым делом, экскурсиями для приезжих, и прекрасно себя чувствовал. Но при строительстве нового моста одна из опор рухнула, и тяжёлые каменные плиты накрыли лодки и гондолы. В одной из них и находился мой дорогой дедушка. Мне передали его последние слова, ведь он умер почти сразу, как только ангалины, что поселились в Банкоре, вытащили всех

пострадавших. Он лишь успел сказать, чтобы я не плакала о нём, просто помнила.

Когда же нам стало известно, что Айра сбежала с Лукасом на Дрейфующие острова, дабы её возлюбленный смог пройти превращение, я поначалу обрадовалась и подумала ещё: ну и хорошо, пусть так, коли уж так не терпится, Рекс всё проконтролирует, ведь удачный опыт имеется. Я-то планировала провести превращение Лукаса здесь, в столице, под моим личным наблюдением, но до этого влюблённым нужно было подождать ещё около года, потому как я пообещала Айре, что если до её совершеннолетия их чувства друг к другу не изменятся, то они могут смело отправляться к нам. Но они не захотели ждать.

Была ли в этом главная ошибка, а может, в том, что камень в колодце, где проходил превращение Макс, как-то сдвинулся или вода размыла породу, или в том, что я была настолько поглощена своей болью, что просила их подождать, ведь дочери Гая лишь недавно исполнилось семнадцать, кто знает... Да и всё равно теперь... Случилось страшное. В колодец попала рыба или другая какая живность, а любая пища в самые тяжёлые дни трансформации перенаправляет процесс в совершенно другую сторону. В ту, из которой нет возврата.

Когда ужасное, неистовое чудовище, точь-в-точь как на картинке из старой книги Аютана, попыталось вырваться из колодца, оглашая диким рёвом пещеру, Рекс приказал уничтожить его. Лукаса убивали долго. Какого-то мощного,

быстрого оружия против мутантов у ангалинов, конечно же, не было. Да и я издалека ничем не могла им помочь. Создать радугу, чтобы за считанные минуты пробежать тысячи километров, было мне не подвластно, ведь я не люксар, чтобы управлять светом. В итоге, на израненного, но ещё очень агрессивного монстра сбросили огромный камень, обмазанный горючей смесью, и подожгли, и Лукас навсегда остался погребённым под каменной толщей.

Для всех нас это оказалось страшной трагедией. Рекс так переживал, что надолго отстранился от дел, и Шуан принял на себя временное руководство островными поселениями. Для Айры же случившееся стало даже не шоком или ударом, ведь она была там от начала и до конца. Нет такого слова в тех языках, что я знаю. Когда её привезли ко мне иссиня-бледную, худую, с пустыми глазами, то первое время мы очень боялись за её рассудок. Но Дайк нашёл средство – трава разума. Когда-то эти истёртые в порошок коралловые полипы помогли мне начать на слух понимать любую речь, а теперь они вернули Айре память и контроль над эмоциями, ну и понимание любого языка в нагрузку. Дайк несколько недель поил её отваром, ведь никаких запретов на секреты ангалинов для нас уже не существовало, и Айру прорвало. Истерика продолжалась несколько дней, но, в конце концов, мне удалось уговорить её поесть и с этого момента дело медленно, но пошло на поправку. И присутствие любимых братьев, и нашего большого семейства, и спешный приезд роди-

телей с младшей сестрёнкой помогли ей прийти в себя, только вот жизненные цели совершенно переменялись.

Айра категорически отказалась возвращаться в Латрас, ведь всё там напоминало о любимом, но и в столице не осталась. Айра приняла эстафету своего отца. Она решила кочевать, давая концерты и торгуя по пути. Девушка очень быстро организовала группу из отличных музыкантов, даже несколько чешуйчатых певунов решили к ней присоединиться, собрала караван и отправилась в путь. Ну а я, стоя на городской стене и провожая взглядом цепочку из десятка кибиток, подумала тогда, что на Окатане родилась новая легенда: о трагической любви прекрасной девушки с удивительным голосом и серого ангалина.

Немного забегаая вперёд и, чтобы закрыть эту тему, хочу сказать, что Айра превзошла своего знаменитого отца. Её голос и прорвавшийся сквозь горнило эмоций композиторский талант покорили не только Восток, но и Запад, и Север. Она стала самой настоящей музыкальной звездой планетарного масштаба. Сочинённые Айрой пронзительные баллады западали в души всем. Они всегда были на слуху, их постоянно напевали и учили наизусть. Западный Терр падал ей в ноги, лишь бы она хоть ненадолго изменила свои планы, дала ещё несколько концертов и почтила его своим вниманием. Северный осыпал золотом в буквальном смысле и, конечно же, никто и не вздумал задержать её в Альдаске. Ведь прежний закон об удержании женщин был отменён с того момен-

та, как введён новый: о разрешении групповых браков. Правитель Севера сделал это не только под влиянием нашей свадьбы, но и из желания забыть историю в Тагри, когда тарфарак Грилл попытался не выпустить меня из своих владений. Я очень надеюсь, что со временем боль Айры всё-таки утихнет и найдётся смельчак, у которого получится взять её за руку и привести в общий дом.

Последним же тяжёлым известием того года стало сообщение о кончине Хилла. После нашей свадьбы он не остался на Востоке и вместе с семьёй мамы Дайка вернулся на Север. Перед отъездом он сказал Дайку, что почему-то только среди холодных вод, снегов гор Акрим и серых скал душой ощутил, что он дома. И дело было не только в том, что его дочь так много для него значила, но и в том, наверно, что прадед Хилла был северянином, как и другие, более далёкие предки. И голубые глаза моего мужа являлись, в общем-то, явным тому доказательством. И было во всём этом нечто символическое. Ведь Хилл упокоился на земле своих пращуров, где чуть раньше мама Дайка обрела новую счастливую семью, а наш сын подрастал на золотых песках озера Богов, что близ Альдаска.

Глава 4

Но жизнь, как ни крути, и где её ни проживай, на Земле, на Окатане иль ещё в каких космических далях, имеет свой-

ство менять цвета и оттенки: с чёрного на серый, с серого на белый или стать вдруг цветной и яркой, как радужная дорога. Но только каждый год, в один и тот же день, глядя в счастливые глазёнки своего маленького анга, я думаю о том, что далеко-далеко на Севере точно такой же мальчик сейчас задорно хохочет, или бегает по просторным коридорам, или сидит на коленях у отца, или играет, не ведая, как больно сейчас Великой богине, живой легенде Окатана.

Я долго не могла решиться на новую беременность, хотя троих детей и мне, и моим дорогим мужьям было мало, впрочем, как и на новые превращения. Боль была ещё слишком сильной. После трагедии с Лукасом я установила табу на несколько лет. Ангалины, вообще, отказались их проводить, да им уже и негде было, а формулу «слёз» знали только мы. Содержимое бочек, по указанию Окатана, было слито. С нашими двумя Храмами проблем не возникло. Одну мы слили случайно, когда Макс отличился, вторую – перед свадьбой, а с северянами и Западом пришлось договариваться, но и это было улажено. В западном Храме это сделал Флакс, а в северном – Асс со Слаем. И вот теперь, через пятнадцать лет, то действие принесло плоды. Пленные близнецы-пустынники стали быстро умирать.

Люксар опять использовал меня втёмную. Но как это ни жестоко звучит, в глубине души я ему благодарна, потому как сама подобного решения принять никогда бы не смогла. Со времён Великой битвы я старалась вблизи пленных не по-

являться. Не могла смотреть на людей, с виду вполне обычных, хоть и гораздо более смуглых, чем основное население Востока, которые вели себя как послушные куклы-марионетки. По команде они ели, пили, их даже в туалет приходилось строем водить. И хотя они работали наравне со всеми и получали нормальное питание и содержание – жили отдельно. Не хочу употреблять страшное слово «гетто», но придётся.

Загадочная эпидемия коснулась только пустынников и за какие-то четыре месяца лагеря обезлюдели. На Западе, вообще, начался страшный мор и новый правитель, кстати тот самый сын прежнего терра, что был у нас в плену, самолично примчался ко мне за помощью. Понятно, что там все были в панике. Но к этому моменту я уже знала ответы на любые возможные вопросы. Да, Окатан исправил формулу, но так, чтобы обычная вода через некоторое время стала для пустынников-близнецов ядом. Это был страшный выход. Люксар всё равно поступил по-своему, но только так можно было избавиться от мутировавших ангов. По сути, он освободил нас от их содержания до естественной смерти от старости. И если честно, я до сих пор не знаю, как к этому относиться...

Конечно, молодому правителю Запада я не сказала всей правды. Но поспешила успокоить, что мор среди пустынных племён не коснётся основной части населения. Что, мол, это такой естественный процесс, когда вымирают те, кто слабее и неприспособленнее. Короче, «наплела про лес». Ведь не читать же ему лекцию о генетике ангов, было ещё слишком

рано вдаваться в такие научные подробности, а главное, не стоит никому знать о тех «косяках», что всплыли в результате бурной деятельности люксара на этой планете. Я посоветовала терру как можно быстрее наладить с остатками пустынных племён контакт и ассимилировать их в общество, но не в качестве рабов, что на Западе было распространено, а на основании общих законов. Возможно, поначалу придётся делать это жёсткими методами, путём насильственного переселения, может как-то иначе, но только так получится проследить рождаемость. Короче говоря, поставила грандиозную задачу, и терр прислушался, так как помощь, поддержку, да и всяческие бонусы я посулила хорошие.

Многое изменилось за эти годы и продолжает меняться. Мои мужья прекрасно освоились в библиотеке. Было уже не нужно приводить их туда за руку. Они могли входить сами, без моего участия, правда, я всегда знала, кто и где находится. Особенно хорошо это начало получаться после рождения нашего первенца, Алексана. Наша связь стала неразрывной, и моё маленькое параллельное пространство стало общим буквально. Дайк оккупировал лабораторию. Пронзительная белизна, полупрозрачные столы, приборы и другая химическая утварь – всё это первое время приводило его в состояние священного трепета. Но вскоре он научился пользоваться оборудованием и частенько зависал там, самозабвенно копаясь в трудах Окатана. Максиму больше по душе пришёлся спортзал, и он попеременно таскал туда кого-либо из

нас для всяких спаррингов. А вот Карелл любил развалиться на кушетке возле письменного стола с каким-либо справочником или учебником. Шампанское из запасов люксара мы постепенно выпили, но Дайк откопал инструкцию, как гнать его из меня, и этот, можно даже сказать сюрреалистический, процесс вызывал у моих мужей детский восторг.

Окатан оставил столько знаний, что, когда я смотрела на высоченные стеллажи, плотно заставленные книгами, мысленно соглашалась с ним, что на освоение такого объёма никакой жизни не хватит. Складывалось впечатление, что библиотека просто бездонна.

Как-то вечером, когда я рассказывала старшим детям Алексану и Мрэе (в быту Санька и Машуня), уже в тысячный раз наверно, как мы с их папой Максом переплывали Северное море, а трёхлетний малыш Артиан (просто Тёмка) давно сопел, ткнувшись носиком в мою грудь, дверь тихонько приоткрылась и заглянул Натри. Я поманила его, и он пристроился рядом с Санькой, дослушивая историю, которую давно знал наизусть.

Натри вырос. Он уже не был тем испуганным Мышонком, которого я много лет назад тащила на себе через райское поле. Через несколько лет он станет сильным, красивым юношей, впрочем, все дети Гая и Хейи отличались очень привлекательной внешностью, но дело ведь не только в этом. Натриан единственный в своём роде. Он уникален. Ему подвластно на генетическом уровне то, что даже для меня невозмож-

но – покорять пространство!

Видя его некую взволнованность, я по-быстрому свернула историю. Дети немного поканючили: «ну мамочка! ещё что-нибудь расскажи! ну, пожалуйста!», но мне слишком не терпелось узнать, почему мой воспитанник так восторженно загадочен. Я уложила детей, и мы вышли в коридор:

– Вижу, что-то случилось...

Он закивал и, подняв глаза, прошептал:

– Я только что из Латраса. У них всё хорошо, – потом полез за пазуху и достал несколько писем. – Вот папа просил передать и фаэдр Майлан, новый управляющий...

Схватив парня, я потащила его в рабочий кабинет в другом конце коридора, подальше от детской.

– Наконец-то! У нас получилось! Ты молодец, Натри! Ты понимаешь, что теперь весь мир у твоих ног?! Ты свободен, как никто на всём Окатане!

Он прижался ко мне, крепко обнимая, а потом вдруг очень серьёзно так сказал:

– Мой дар – это твой дар, Великая богиня. Ты спасла мне жизнь когда-то, всему научила, значит, он принадлежит тебе.

Вот так Натриан, сын Гая Голоса, стал моим личным вестником. И как потом его везде боялись, даже прозвали «Все-видящий глаз богини»! Если раньше поговорка «до столицы далеко, а до террхана высоко» имела смысл, то вскоре потеряла актуальность. Натри заменил летунов и гонцов вместе

взятых. Теперь мы узнавали всё, что случалось на Восточных территориях, даже раньше тех, кто находился поблизости от какого-либо происшествия.

Он появлялся и исчезал в разных точках планеты, передавая устные и письменные сообщения, указы, поручения и даже подарки. Однако возможно это было при одном условии. Натри мог появиться в том месте, где уже был когда-то и держал в памяти некоторые приметные точки этого места, «крючки», как мы их называли. Потому пока он рос и проходил обучение, ему было необходимо побывать в как можно большем количестве деревень, посёлков, городов и запомнить рельефы, особенности ландшафта и строений и так далее, но желательно такие, что со временем не претерпевают сильных изменений. Подобные нюансы нужно было отлично помнить и уметь быстро вызывать необходимый образ – образ цели, и он моментально оказывался там, куда хотел попасть.

Пока Натри был мал, я учила его контролировать мысленные картинки в голове. Потому что любая могла вызвать спонтанный перенос чёрт знает куда. И только когда ему начали удаваться короткие, но уже целенаправленные «прыжки», из комнаты в комнату например, сняла с мальчика каморту. И вот именно этот процесс и растянулся на годы, ведь необходимо было научить его не только «прыгать», но и выживать в экстремальных условиях, и постоять за себя. А в этом хватало помощников. Макс и Карелл обучали приёмам

ведения любого боя, Дайк методам оказания срочной помощи себе и другим, Скай с Альбой занимались музыкальным образованием и общим развитием, а члены Совета преподавали историю, языки и так далее. Ну а дальше, дождавшись каравана Айры, Скай и Натри отправились в длинное путешествие по Окатану.

Мне бы о многом хотелось ещё рассказать. О том, как пропал Бумер, но через полгода вернулся, а вскорости в окрестностях столицы появилась горная волчица с двумя щенками. И нам пришлось наложить строжайший запрет на убийство волков в Закатных горах, а пострадавшим от нападений на домашнюю скотину селянам регулярно компенсировать убытки. Как Аютан спустил на воду новую шхуну с алыми парусами, а потом, собрав смельчаков из людей и ангалинов, отправился покорять океан, дабы достигнуть легендарных Южных земель. Как Тиль открыл в Банкоре таверну, которая вскоре стала самым популярным местом, ведь готовил он потрясающие блюда, давая им весьма оригинальные названия. Как вскоре после завершения строительства железнодорожной ветки в Перриколе объявился прежний наследник. Он явился в столицу вместе с Чёрным Ли, который заделался неким странствующим проповедником и, можно сказать, почти за руку, привёл его в столицу. Но наследник всё-таки сам пришёл во Дворец и попросил личной аудиенции Великого террхана или терраны.

Нескладный мужичонка средних лет, весьма обтрёпанно-

го вида стоял тогда в Зале приёмов пред нами, могущественными правителями Востока, и пытался объяснить, почему он так поступил, потом испугался, что сделал неверный выбор, и как всё это время жил на Западе. Нам с Кареллом сложно было понять, что на самом деле скрывается за его визитом и довольно трогательным рассказом: желание вернуть былую возможность управлять городом или искреннее сожаление. Ведь его вина была не в том, что он выбрал не того претендента, подобное решение было его правом, а в том, что просто сбежал, бросив всех на произвол судьбы.

Когда он закончил, я спросила:

– А что вы от нас хотите, фаэдр? Ответьте коротко, в нескольких словах...

Не поднимая глаз, он вздохнул и тихо произнёс:

– Прощения, больше ничего...

И мы отправили его в родные пенаты. И горожане приняли своего наследника. Не сразу, конечно, но сменили гнев на милость.

Если как-то обобщить все перемены в целом, то можно упомянуть ещё кое о чём. Мода на короткие волосы и мою любимую одежду распространилась по Востоку, Северу и Западу буквально за несколько лет. Молодёжь просто с ума сходила от рваных, коротких стрижек, мини-юбок, поверх туго обтягивающих бёдра кожаных штанов, и стиля «уни-секс». Мне подражали во всём, начиная с нижнего белья, которое стало хитом среди женского населения, и заканчивая

умением обращаться с оружием. Любое моё действие: слово, движение, платок, повязанный вокруг шеи (чтобы скрыть следы страстных поцелуев любимых мужей), – превращались в модное направление. Но копировали не только внешность, а что меня весьма радовало, желание учиться и познавать мир.

Всеобщее обучение постепенно стало важной и неотъемлемой частью жизни. В академию музыки в Латрасе, основанную Гаем, каждый год на прослушивания приезжало немало талантливой молодёжи, а столичная школа лекарей, восстановленная и управляемая Дайком, стала самым престижным заведением. Ну а боевые состязания, командные игры, скачки на единорогах и колесницах, соревнования лучников и тому подобное собирали в городах тысячи восторженных зрителей. Ведь Макс с его бешеной энергией и неутомимым характером не мог долго сидеть на месте, но мне достаточно было просто подсказать ему нужное направление деятельности.

И всё это лишь часть моей жизни. Многое ещё впереди, так как будущее закрыто для меня, так же, как и для всех. Скоро проснётся моя маленькая Вики, наша Виктория, и сегодня я уже точно не вернусь к своим записям, как и позднее наверно. Всё, что я хотела сказать сама, я сказала, а остальное... Думаю, много найдётся летописцев. Напишут и то, что было, и то, чего не было... Но чем больше мне исполняется лет, тем чаще я вспоминаю слова своего внутреннего дру-

га о квантах чувств и фотонах эмоций. Пытливость нашего разума и порывы нашей души, их энергия и есть безграничная сила Вселенной. И выходит, что главный смысл – просто жить, вдыхая все ароматы, ощущая все вкусы, наслаждаясь всеми цветами... Вот предназначение тех, кто дышит, чувствует, думает, любит...

Да будет так! Я хочу, чтобы так было...

Ваша Кари.

Эпилог

Сверкающая сиреневая сфера сделала несколько витков вокруг бело-голубой планеты и устремилась к поверхности сквозь всё более и более уплотняющиеся газовые слои. Планета притягивала, всасывала, как мощный пылесос мусор, а сфера словно сопротивлялась, притормаживая, но потом снова падала. Приближаясь к земле, шар уплотнялся и уменьшался, пока его прежние размеры, сравнимые с крупным астероидом, не изменились до диаметра баскетбольного мяча.

Если бы кто-нибудь и смотрел на небо в этот момент, то не заметил бы никакого объекта. Сфера стала почти прозрачной, отражая все элементы внешнего мира, как то: облака, отблески солнц, тени. И только внутри неё нет-нет да проскакивали маленькие кружащиеся искорки. Но разве можно было понять, что видишь нечто странное в обычном небе? Эти блики любой наблюдатель принял бы за рябь в глазах от яркого света.

Невидимая и неслышимая она прорвалась сквозь ватные облака и зависла над белокаменным городом на высоте птичьего полёта. Длинное, вытянутое голубой лентой озеро с точками и чёрточками лодок и галер выглядело с высоты как удивлённо приподнятая бровь над причудливым глазом. Сфера немножко покачалась из стороны в сторону, внутрен-

няя искристость чуть усилилась, и медленно спланировала к поверхности.

Какое-то время практически прозрачный объект летал среди домов, проникая в комнаты сквозь открытые окна, зависал над их обитателями, словно подслушивая разговоры – наблюдал... Невидимый шпион почтил своим вниманием не только улицы, рынки, торговые лавки и таверны, но и сараи, мастерские, кузницы. Ещё он недолго повисел над озером, где небольшая группа чешуйчатых, рептилоидных существ гоняла косяк крупных рыб, а после направился в сторону красивейшего дворца с золочёными остроконечными крышами.

Невидимый гость завис у распахнутых ворот длинной конюшни. Ряды широких стоек не были пусты. Упитанные животные что-то мерно пережёвывали, а некоторые, перевесив головы с пушистыми чёлками вокруг конических рогов, нежно покусывали за бока и шеи занятых едой собратьев. Среди чёрных, рыжих и коричневых окрасов было много статных серых красавцев с заметными пятнами на крупе. Чуть сверкнув, шар подался в сторону хозяйственного крыла.

В огромной кухне всюду кипела работа. Мужчины и женщины носились между столами: резали, мыли, варили, жарили, и вся эта бурная деятельность сопровождалась непринадлежащими разговорами, хохотом и лёгкими шлепками по мягким местам кучке детворы, шныряющей у всех под но-

гами.

Покинув это кипящее энергией помещение, шар двинулся дальше, в глубину здания. Какое-то время он летал по извилистым коридорам, вместе с входящими и выходящими попадая в комнаты, кабинеты и залы. На закате, когда красно-оранжевые лучи превратили белый дворец в ярко-розовый, а коридоры с колоннами и арочными проходами приобрели пурпурный оттенок, он выскочил наружу и, промчавшись над широкой террасой, через распахнутые створчатые двери влетел в большую уютную комнату.

Сидящая за столом очень красивая белокурая женщина с причудливыми золотыми узорами на щеке и шее что-то писала. Шар завис под потолком прямо над её головой, а искры внутри него коротко вспыхнули мягким сиреневым светом. Но женщина не смотрела вверх, сосредоточенная на своей работе. Покусывая кончик тонкой палочки, она вздохнула и задумчиво уставилась на заходящие светила, что собирались вскорости утонуть в озере. Лёгкая улыбка играла на её губах, а в сапфировых глазах отражались блики заката.

Из-за полупрозрачной занавеси от пола до потолка в дальнем углу раздалось какое-то похныкивание и женщина порывисто вскочила. До самой темноты шар так и не двинулся с места. Он словно наблюдал, как она возится с ребёнком: переодевает, разговаривает, смеётся, целуя в розовые пяточки. Зеленоглазая малышка радостно улыбалась матери, хватая пухлыми ручонками статную красавицу то за роскошные

волосы, то вцепляясь в яркую вышивку длинного, свободно-го платья.

Когда темнота накрыла город, а женщина уже полулежала на широкой кушетке среди кустистых растений, расставленных в кадках на террасе, и кормила дочь грудью, дверь в покои плавно отворилась и тёмный, гибкий силуэт крупного зверя показался в проёме, а за ним шагнул высокий мужчина. Пока вошедший стягивал сапоги и снимал рубашку, зверь, крадучись, приблизился к женщине и очень аккуратно, плавно положил лохматую голову с большими круглыми ушами на её бедро. Она улыбнулась и ласково потрепала пышную гриву:

– Нагулялся, мой хороший? Нагулялся, вижу... Ну, отдохай теперь, отдохай...

Пока она гладила любимца, мужчина зажёл в комнате несколько настенных светильников и прошлёпал босиком по мраморному полу, нагретому за жаркий день до приятной теплоты. Он наклонился, нежно целуя женщину в основание шеи, светлые волосы, золотую щёку:

– Спит уже... Давай сюда нашу сопящую красотку...

Малышка оторвалась от груди, громко причмокнув, но не проснулась. Мужчина унёс ребёнка за занавеску, несколько раз прикоснулся губами к чистому лобу и уложил в красивую кроватку-качалку. Прицокивая когтями, зверь проследовал за ним и улёгся у изогнутых дугами ножек детского ложа. Мужчина погладил зверя по голове, тихо сказал: «Охра-

няй, Бу», и вернулся на террасу.

И как только он прилёг рядом с женщиной, шар отделился от потолка и прошмыгнул туда, где сладким сном спала малышка. Зверь поднял голову и напряжённо уставился в пустоту.

– Здравствуй, дружок, – сказал внутри волка тихий голос. – Давно не виделись...

Тот принюхался и еле слышно рыкнул.

– Я тоже рад встрече, – ответил прозрачный шар и завис над ребёнком. Тонкий, как паутинка, сиреневый лучик вытянулся из сферы и коснулся лба девочки, задержался на несколько секунд, втянулся обратно, а волк снова услышал знакомый голос: – Идеальна, впрочем, как и старшие... Жаль, что с близнецами так вышло, но вероятность была слишком высока...

Шар подлетел к голове зверя, и лучик коснулся мокрого, холодного носа:

– Я знаю, Бумер, ты не понимаешь смысла нашего разговора, но ведь ты всё чувствуешь...

Зверь попытался коснуться сферы, но красный язык лизнул пустоту. Шар вылетел на террасу и завис над обнимающейся парой. Ночь уже вовсю разожгла в небе сверкающие лампочки звёзд и разбросала близкие и далёкие туманности тончайшими цветными платками.

– Устал? – женщина прильнула к обнажённому торсу мужчины, поглаживая по мускулистой груди и ниже по животу.

– Хорошо, что сам поехал. Помнишь, весной замор скота был? А в той деревне несколько колодцев, давно пересохших. Так местные додумались часть павших коз и коров там схоронить да и забыли потом, а вода вернулась. Почти все источники в округе потравили, столько народу полегло. Благо, набрались смелости сообщить, иначе жертв было бы гораздо больше. Я как понял, в чём причина...

– Надеюсь, ты не очень лютовал?!

Мужчина усмехнулся, целуя её в висок:

– Думал, старосту и местных лекарей придушу собственными руками! Вот на днях вернётся Карелл из Гейзы, пусть сам с виноватыми разбирается, он любит во всё вникать, а дополнительные проверки по сёлам и хуторам я уже отправил.

Женщина вздохнула:

– Скорей бы все приехали, так пусто...

– Э, нет! Не надейся! Рекс любимых внуков быстро не отпустит, он же так долго этого ждал!

– Как они там? – она даже всхлипнула.

– Любимая... Ты же знаешь, что с детьми Макс, а он для них всё, как и они для него.

– Скучаю... – и она спрятала лицо на его груди.

А шар висел над террасой невидимый и неосязаемый. Он ещё долго наблюдал и слушал, будто не мог никак оторваться, пока их обсуждения обычных дел и семейных забот плавно не перешли в действия, подсматривать за которыми со

стороны не очень-то прилично. Повисев ещё немного под сладостные стоны и страстный шёпот, он чуть надулся, будто вздохнул, и покинул территорию Дворца, зависнув над серединой озера:

«Ты всё делаешь правильно. И ты счастлива. По-настоящему счастлива. Я знаю это, вижу, чувствую... И от этого так странно хорошо... Но ты должна пройти свой путь. Пройти до самого конца. В полной мере познав и жизнь... и смерть... Ощутить их неповторимый вкус... Что для люксара планетарные годы? Так... секунды... Врата Вселенной уже распахнуты... Она ждёт тебя...»

Шар ещё немного покругил над озером и ярким сиреневым лучом взметнулся в небо.